Журнал русской словесности и мысли

«НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ»

Санкт-Петербург

N12

Март 2024

Толстый литературно-философский журнал «Невский проспект»
Учредитель и главный редактор Николаев А.В.
Адрес редакции: Санкт-Петербург, ул. Киевская, д. 3, корп. А, оф. 138
Электронный адрес: vl_classik@mail.ru
Сайт: https://nevsky-prospekt-journal.ru/
Формат 175х265. Тираж 200 экз. Подписано в печать 11.02.2024. Заказ 1023383
Отпечатано в типографии «www.dariknigi.ru», Санкт-Петербург, пр. Стачек, 47/710

N12:

Большая проза

Николай Полотнянко

СИМБИРИАДА. Трилогия
Книга II. АТАМАН ВСЕЯ ГУЛЕВОЙ РУСИ
Исторический эпос 3 стр.

Сергей Кириллов

УЙДОМА
Летопись одной деревни / семейная сага
Книга III. ГРОЗА
Части 1-2 168 стр.

Самид Агаев

ИЗ БАКУ, С ЛЮБОВЬЮ
Приключенский роман
с перемещениями
во времени 213 стр.

Документалистика

Владимир Василиненко
НЕ ВЫЗЫВАЯ ПОДОЗРЕНИЙ
Документальная повесть 279 стр.

Малая проза

Борис Миловзоров
Я – ГЕРОЙ
История подвига 301 стр.

Евгений Мирмович
Триптих рассказов из цикла
«Маленький человек»
СЛОЖНЫЙ ДИАГНОЗ + МЕЧТА +
КРАСНАЯ СКРИПКА 326 стр.

Дмитрий Воронин
ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК ОДИН
Апология непреходящей
дружбы народов 343 стр.

Любовь Лихоманова
ИДЕНТИФИКАЦИЯ БАБКИ ГРУНИ
Былинка 349 стр.

Детская взрослая литература

Александр Балтин
ВАСИЛЁК И ВОДЯНОЙ
Путешествия в стране чудес
Сказка для детей и взрослых 352 стр.

Эссеистика

Иван Образцов
СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
О связи творчества Вячеслава
Шишкова с направлениями
современной прозы 389 стр.

Философия

Алексей Николаев
ДУХ
Философия духа
Фактологическое предуведомление №4
СПИРИТИЧЕСКИЙ ЧЁРТ
Логический анализ
классического полтергейста
на хуторе Щапова 394 стр.

Откуда авторы:

Николай Полотнянко — Ульяновск (Симбирск), Сергей Кириллов — Советск (Калининградская обл.), Самид Агаев — Москва, Владимир Василиненко — Хабаровск, Борис Миловзоров — Москва, Евгений Мирмович — Санкт-Петербург, Дмитрий Воронин — Тишино (Калининградская обл.), Любовь Лихоманова — Грязовец (Вологодская обл.), Александр Балтин — Москва, Иван Образцов — Барнаул, Алексей Николаев — Санкт-Петербург

Николай ПОЛОТНЯНКО

СИМБИРИАДА

Трилогия[1]

Книга вторая

АТАМАН ВСЕЯ ГУЛЕВОЙ РУСИ

Исторический роман

Глава первая

– 1 –

Соловый конь, оставленный Максиму верным человеком, оказался крепким и привычным к лесу: шёл, сноровисто обходя поваленные старостью деревья, не лез в чащобу, а выбирал путь попросторней среди мелколесья и остерегался болотин, откуда несло гнилью и сыростью. В первые дни пути беглый холоп не стремился попасть на проезжую дорогу, останавливался часто и подолгу. Думы о потерянной Любаше разрывали его сердце отчаяньем. Во всем, что с ней случилось, Максим винил только себя, и от этого ему становилось ещё горше. Несколько раз он порывался вернуться в Воздвиженское и сжечь усадьбу Шлыкова, но бессильный гнев понемногу отгорал в нём, хотя, и это ему было ведомо, память о Любаше всегда будет тлеть в его сердце незатухающей болью, как угли под пеплом.

Назад пути не было, и, проснувшись от шума вековых сосен, он умылся в роднике, разгрыз сухарь, запил водой и, свистнув бегавшего в кустах пса, пошел к высокому холму, чтобы оглядеться. Скользя по лиственной опади, Максим взобрался на вершину и увидел, что вокруг него, куда ни кинь взгляд, простирается дремучий лес, без малейшего намека на присутствие человека. На вершине ярко сияло солнце, а внизу лес был затенён и сумрачен, из него ещё не ушла ночь, но мало-помалу верхи деревьев уже начинали светлеть и отсвечивать молодой листвой.

Внезапно отчаянно забрехал Пятнаш, и чёрная тень скользнула по земле. Пёс выскочил из-за дерева и прижался к ногам хозяина. Рядом снова промелькнула тень, и Максим понял, что своим появлением он обеспокоил орла, свившего громадное гнездо в ветвях могучего дуба. Орел сел на толстую ветку и, втягивая голову в плечи, неотрывно смотрел, готовый броситься на пришельцев в любое мгновенье. Максим сбежал вниз, схватил лошадь за повод и поспешил укрыться в частых зарослях молодых дубков. Вдогон раздавался шип и клёкот разъярённого хищника.

[1] Под общим названием «Симбириада» «Невский проспект» публикует историческо-эпическую трилогию Николая Полотнянко из трех книг: «Государев наместник» (№11 НП) + «Атаман всея гулевой Руси» (№12 НП) + «Клад Емельяна Пугачева» (№13 НП).

«Царь-птица! — восхитился Максим, чувствуя, как в ногах и руках утишается дрожь ознобного испуга. — На такой чудо-птице в один день домчался бы до Волги-реки! Вольно ему летать, где хочет. А тут ползи, как червяк, не зная, куда выползешь».

Этот случай убедил его, что в лесу смертельного подвоха можно ждать отовсюду. Максим отошел от холма, привязал Солового к дереву и рассупонил вьюк. Достал из кожаных ножен выкованный им самим клинок, полюбовался матовым блеском металла, коротко размахнулся и срубил, как былинку, березку в руку толщиной. Приладил оружие к поясу, сел на коня и направился в сторону восходящего солнца.

К полудню Максим выбрался на поросшую сосновым редколесьем гриву, остановился и посмотрел назад. На самом краю неба он едва отыскал холм с орлиным гнездом на дубе, а впереди перед ним простирался все тот же бескрайний лес.

Спустившись с гривы, Максим обрадовался ключевому ручейку, быстро текущему в меловом ложе, напился воды и напоил коня, который измаялся отбиваться от комаров. Было жарко, и они качающимися столбами висели в воздухе, лезли в рот, уши, глаза, забивали ноздри. Максим с надеждой посмотрел на небо, но на нём не было ни облачка. Перейдя ручей вброд, он вошёл в ельник, сырой и тенистый. Земля под ногами мягко пружинила, колючие ветки хватали его за одежду, было душно, но Максим упрямо шёл вперед, пока ельник не кончился и не начался светлый березово-осиновый лес. Солнце уже клонилось к земле, и он, выбрав небольшую сухую поляну, остановился. Сняв с коня вьюк, удлинил повод и пустил Солового пастись. Пятнаш упал на траву и тяжело дышал, высунув язык.

К вечеру Максим одолел еще верст с десять пути, и когда начало смеркаться, отыскал родничок, напоил коня, набрал котелок воды и ударами ноги разломал гнилую березу на кострище. Развел огонь, вскипятил воду, насыпал в неё три горсти толокна, перемешал, остудил варево и поел.

Костер догорал, и Максим решил, что огонь нужно поддерживать всю ночь, и поджёг толстый березовый обломок, положив рядом ещё несколько, чтобы пламя переходило с одного на другой. Он плохо знал лес, но осторожность подсказывала ему, что вокруг бродит немало зверей, которых следует опасаться. Пёс тоже чего-то боялся, жался к хозяину и сторожко прислушивался к лесным шорохам, скрипам и вздохам.

В чащобе ухнул филин. Пятнаш приподнял голову и насторожился. Максим отвернулся от света костра и огляделся. Вокруг никого не было, лишь тревожно пошумливали верхушки деревьев. Он сгреб в кучу сухие листья, сделав из них мягкую и пахучую лежанку, и лёг, положив под голову шапку. Крупно вызвездило, небесные огни, казалось, висели совсем близко над землей, почти касаясь верхушек деревьев.

Утром Максим вошёл в зрелый вековой бор, где сосны были столь высоки, что, казалось, подпирали небо. Громадные деревья не теснились, а стояли на почтительном отдалении друг от друга, прогонистые стволы увенчивали редкие ветки крон, кора понизу, у комлей, была тверда, как камень, темна, и только где-то с середины ствола начинала светлеть и золотиться, отцеживая пахучие капли янтарной смолы.

Но величавые сосны не были одиноки в этом лесу. Чуть ниже полога хохластых сосновых вершин на фоне синего утреннего неба выделялись острые верхушки елей. Тёмная, почти чёрная их хвоя стремительно скатывалась во все стороны вниз, в полусажени от земли резко обрывалась, открывая чёрно-лиловый ствол и космы лишайников, свисающих с ветвей.

В прогалинах стояли кущи менее теневыносливых деревьев — рябины, клёна, липы, кустарники крушины и жимолости. Где-то неподалеку стучал дятел, падали сверху пересохшие сосновые шишки, сыпалась хвоя. Пахло грибницей и особым крепким настоем сосны, от которого у Максима закружилась голова. Он сел на поваленное дерево, и его охватила дремота и слабость.

Из этого полусумеречного состояния Максима вывел лай собаки. Пятнаш лаял часто, с повизгиванием, которое выдавало страх. Соловый тоже забеспокоился и захрапел, вырывая из рук Максима повод. Он вскочил и с ужасом увидел, что перед ним — медведь. Ноги подкосились, и Максим опустился на бревно. Медведь покачался из стороны в сторону и тоже присел на задние лапы, а передние раскинул, будто хотел кого-то обнять. Максим выпустил повод, конь убежал в кусты, следом за ним кинулся и Пятнаш.

«Как же мне с ним совладать?» — вспотев от страха, подумал он и хотел взяться за рукоять сабли, но решил оставить эту затею. Два десятка шагов медведь преодолеет в один миг и замнёт его, как муху. В горле запершило, и Максим осторожно кашлянул.

— Что тебе надобно, дедушка? Иди своей дорогой, а я своей. Ты не голоден, не шатун, зачем пугаешь прохожего человека? Я тебе зла не сделал. Отпусти меня...

Максим встал и осторожно шагнул вперед. Медведь тоже встал и шагнул ему навстречу. Максим отступил и сел на бревно. И медведь вернулся на старое место.

Максим долго разговаривал с медведем, рассказал, кто он, откуда и куда идет. Мед-

ведь слушал его и кивал, будто что-то понимал. Максим вконец измотался и уже решил было пойти на хозяина леса приступом, будь что будет. Но его выручила сорока-стрекотуха, она так раскричалась над елью, под которой сидел медведь, что тот не вытерпел, рявкнул, махнул передней лапой и побрёл, не оглядываясь, в заросли рябины. А сорока, прыгая с дерева на дерево и стрекоча, последовала за ним.

— Слава тебе, Господи, ушёл! — Максим перекрестился и побежал искать коня. Тот спокойно пасся неподалеку, а Пятнаш дремал на сухой, разогретой солнцем кочке. — Хорош сторож! — Максим легонько пнул пса. А тот виновато юлил вокруг ног хозяина и радостно лаял. Немедля Максим вскочил на коня и рысью направился от опасного места. — Может, это и не медведь был, а оборотень, — думал Максим. — И место это заклятое.

За купой высоких осокорей Максим увидел ручей, напоил коня, осмотрелся и, увидев слабо заметную тропу, пошёл по ней, держа коня в поводу. Вскоре пахнуло дымком, затем показались колья ограды, в которой были узкие ворота.

— Есть кто живой? — крикнул Максим.

Вскоре послышались неторопливые шаги, ворота растворились, и Максим увидел старого монаха. Подслеповато щуря глаза, старик разглядывал гостя. Одежда на нём была ветхая, заплата на заплате, на плечах — зипун, на ногах поскрипывали лапти.

— Доброго здоровья, батька, — сказал Максим. — Прости, коли тебя потревожил.

— Заходи, — молвил монах. — Коня за изгородь привяжи. Здесь лихих людей нет. Да и что тут им делать? Лихие люди там шныряют, где выгода есть.

Он закрыл ворота, подпёр их крепкой палкой.

— А забор тебе для чего? — спросил Максим.

— Звери балуют. Любопытства в них много. Лисица тут забралась в келью, я захожу, так она, бедная, чуть со страха не померла. Пришлось уйти, чтобы она выбралась.

Войдя в келью, Максим увидел складень, прикрепленный в углу, и перекрестился. Сруб кельи был на полсажени заглублен в землю. Низкий закопченный потолок лоснился от сажи. Волоковое оконце, видно, никогда не затыкалось и обросло паутиной. Вдоль стены была приделана лавка, на которой лежала рогожная подстилка и полено вместо подушки. Воздух в келье был сырой и зольный.

Снаружи раздался заливистый пёсий брех. Максим с отшельником вышли во двор и увидели, как Пятнаш, упершись лапами в ствол ели, кого-то облаивает наверху.

— Белка, видать, — промолвил монах. — Звери здесь непуганые.

Максим, смущаясь, рассказал ему о встрече с медведем.

— Эка невидаль, что испужался. Никогда не поймёшь, что у него на уме. Вроде улыбается, а на деле скалится. В старые времена медведи отшельников чтили, о том в житии преподобного Сергия Радонежского сказано. Этот медведь ко мне захаживает, потрясет колья, а я молюсь, чтобы живу остаться. Но во всю свою силу никогда городьбу не ломал, побалует и уйдет.

За кельей была видна обработанная земля.

— Сажу каждый год капусту, репу, морковь. Этот год тыквы посадил. Хлебца и соли мне привозят из Ардатова мои дети духовные, Кирилл и Фёдор.

— Давно здесь бытуешь?

— Годов десять. Поначалу страшно было, особенно в непогоду: ветер воет, деревья стонут. Кажется, что бесовское войско обступило келью и ломится на приступ. Аз, грешный, возглашаю имя Божие... А ты куда бежишь от отца с матерью? На лихоимца вроде не похож, от тех чад, как от головни, исходит. А ты чист душою, только чую, не все у тебя ладно, парень.

— На вольные земли иду, а найду ли их, не ведаю. На прежнем месте мне было держаться не за что: ни земли, ни избы. Была Любаша, да и та на себя руки наложила по злой воле сластника барина.

Отшельник молча выслушал Максима и потянул его за рукав в келью. Там взял с полки сухарь, вяленого леща и положил на стол.

— Не надо мне угощенья, батька, у меня все есть, — сказал Максим. — Ты мне лучше скажи, как такому, как я, жить дальше на белом свете?

— Это должно быть тебе известно сызмала, — сказал отшельник. — А если ты того не ведаешь, то знай: не переступай заповеди Господа нашего, утишай свою гордыню и беги от уныния.

— Куда бежать? — в отчаяньи вымолвил Максим. — От себя не убежишь, а в монастырь или в такую келью, как твоя, я негоден: хочу жить с людьми.

— А что тебе мешает, живя среди людей, сохранить душу? — ласково произнес монах. — Я по твоим рукам вижу, что ты с огнем и железом привык работать, вот и трудись с зари до зари людям в радость и себе в утешенье, в этом твое счастье.

— Может, я на Волге его найду, — сказал Максим. — К тебе путники забредают, знать, ты ведаешь, что меня ждет на сибирской украине?

— Не вовремя ты побежал, парень, — вздохнул отшельник. — Ведомо мне, что скоро на Руси начнется смута, какой не бывало. А ты не прилепляйся к бунту. Кто ты? Мужик, кузнец. Вот и держись за свою работу, детей плоди... А теперь ступай, мне время становиться на молитву.

Монах повернулся к образам, перекрестился и опустился на колени. Первые же слова молитвы унесли его душу к горним пределам далеко от земного и суетного мира.

Максим вышел из кельи, осторожно притворил за собою дверь, и ведя за собой в поводу коня, пошел вдоль ручья, который тёк, понемногу раздвигая берега, проталкиваясь через лес, и становился ещё малой, слабосильной, но настоящей речкой. Внезапно она раздалась вширь, и Максим вышел к небольшой запруде, устроенной бобрами. В этом месте речушка была перегорожена плотиной из деревьев и сучьев, и вода, тихо плескаясь, перетекала через ее верх.

Максим поднялся повыше и остановился, оглядывая бобровые владения. Хозяева плотины особо не таились — в кустах ивняка послышался тяжёлый плеск, из камышей выплыл бобр, сплавляя за собой только что срезанную его зубами осинку. Не доплыв до плотины, он выпустил деревце, и оно по течению прибилось к перемычке, видимо, там, где это было нужно. Вынырнули ещё несколько бобров из своих подземных нор и поплыли к берегу. Вскоре там послышался размеренный хруст: бобры делали извечную, определенную им природой работу...

– 2 –

За несколько дней до масляной недели приказчик привёл в кузницу монаха.

— Максимка! — велел Емельяныч. — Господин посылает тебя в монастырь, у тамошнего игумена случилась великая нужда в кузнечном умельце. Гаси огонь и скоро одевайся!

— Снасти с собой брать? — спросил Максим.

— У нас добрая кузня, только вот кузнеца нет, — сказал монах, опасливо взирая на пса, который неотрывно на него глядел.

— Возьми меня с собой! — пискнул сирота Егорка, что помогал Максиму по мелочам и жил в кузне.

— А ну, кыш! — прикрикнул на мальца Емельяныч. — Поторапливайся, Максимка, и смотри мне там — не балуй!

Утром на дворе завывала метелица, а к обеду распогодилось: небо прояснилось, воссияло солнышко, снега вокруг лежали чистые, белые, немятые, белизны добавляли атласно-корые берёзы, которые тесно стояли вдоль узкой, в одни розвальни, дороги. Вокруг было празднично тихо, только изредка раздавался сорочий стрекот, да позванивала обмерзшей сбруей старая монастырская кобыла.

Максиму была ведома эта дорога: поздней осенью он шёл по ней в монастырь по вызову, гадая, какую работу припас для него игумен. Путь был непростым, через глубокие овраги и крутые взгорки, а вокруг — глухоманное чернолесье.

Минул Покров, и к вечеру крепко подморозило. Максим был в домотканом армяке и озяб так сильно, что когда его привели к игумену, губы у него дрожали мелкой дрожью. Настоятель это заметил и велел налить ему липового взвару с медом. Испив сбитню, Максим заметил, что на стольце, рядом с лавкой, стоят чудные часы немецкой работы.

— Слышно, ты не здешних мест человек, — сказал старец. — Откуда явился? Где кузнечному умению научился?

— По весне умер брат моего барина и по духовной меня отписал ему, — сказал, низко поклонившись, Максим. — А кузнечному ремеслу научился в Туле, куда меня покойный господин определил десяти лет отроду.

— Туляки — добрые умельцы по железу, — сказал игумен. — Тогда не дивно, что ты князю Муромскому шведский мушкет исправил. Вот теперь погляди часы. Сможешь ли починить?

— Не ведаю, батюшка. Поглядеть на часовые хитрости надо.

Часы были сделаны из бронзы и покоились на мраморной подставке. Максим повернул их к свету, снял заднюю крышку и подивился, какого мусора там только не было: всякие букашки-таракашки и махонький паук, которого умелец застал врасплох за плетением паутины. Он сильно дунул и напылил вокруг. Игумен расчихался до слез, Максим тоже.

— Осилишь работу? — спросил старец.

— Попробую. У моего покойного барина, который был приставом Посольского приказа, были часы вроде этих. Прикажи, благодетель, дать мне чистую тряпицу, чарку двойного вина и плошку деревянного масла.

— Выдай умельцу просимое, — велел игумен келарю. — И приглядывай за ним,

чтобы не утёк. По делам и расчёт ему будет — батоги или шуба с моего плеча!

Скоро всё нужное для работы было доставлено, Максим тщательно промыл по три раза шестерёнки, запустил часы. Старенький игумен обрадовался, как малое дитя, даже в ладоши захлопал. С сияющей улыбкой слушал часовое тиканье, смотрел на подвигающийся незаметно для глаз цифровой круг и восхитился:

— Чудо великое! Я едва до ветра сходить успел, а четверти часа как не бывало!

Утром игумен пожаловал умельца ношеной овчинной шубой и отправил восвояси.

— Слушай, батька, и давно стоит твой монастырь? — спросил Максим, заскучав от долгого молчания.

— А тебе что за дело? Но коли спросил, так внемли. Вскоре по нашествии поганого Батыги был Муромским епископом благочестивый пастырь Василий. Вёл он жизнь праведную, но ослеплены были миряне бесом и стали его чернить. Тщетно праведник доказывал невиновность свою, эти безрассудные хотели убить его. Тогда Василий и возгласил: «Отцы и братья! Дайте мне малое время до утрия, до третьего часа дня!» Кротость епископа и произнесенные им слова поразили народ, и он мирно разошёлся по домам. Благочестивый архипастырь молился всю ночь в храме, затем, возложив надежду спасения своего на заступницу Богородицу, Василий приял чудотворную икону и подошёл к Оке. Провожавшие его чада хотели дать ему судно для плавания. Святый же, стоя с образом Богородицы на берегу, снял с себя мантию, простер её на воду, ступил на неё и был унесен против течения до того места, что ныне зовётся Старая Рязань. Место, где архипастырь ступил на воду, с того часа почитается святым. Со временем там возникли первые ветхие келейки монахов, затем монастырь. А вот он сам!

Монах снял шапку и три раза перекрестился. Максим последовал его примеру.

Над белизной заснеженных полей ярко вспыхнули золотыми брызгами купола собора.

Возле стен богатой обители шумело торжище. Через множество спешащих людей, пеших и конных, они протолкнулись к отверстым воротам монастыря, въехали через них на площадь, там оставили лошадь у коновязи и вошли в покои. Розовощекий келарь поморщился от угольного запаха кузнеца и повёл Максима в сарай, где находились телеги, выездные сани и розвальни. Обочь от них, на помосте из бревён, стояла коляска, чёрная, с вычурными изгибами, на ажурных колесах, с окошками и приступками для ног. Для кучера имелось кресло, над ним — козырёк от дождя и также приступка для ног.

— От самого князя Черкасского дар обители. Везли из Польши — цела осталась до Москвы. А у нас на переправе вздумали тащить через яму на руках. Уронили, ироды, и ось сломали.

Утром, съев на скорую руку кусок хлеба с квашеной капустой, Максим поспешил к иноземной коляске. Долго ходил вокруг неё, присматривался к узорной работе и прикидывал, с чего начать. Надо было идти за снастями в кузницу, и первый же монах, не удивившись просьбе мирского человека, провёл его к чёрной избе, отпер засов и ушёл. Максим зажёг лучину, закрепил её в поставце и стал осматриваться. Снасти в кузне нашлись: молотки, щипцы всяких размеров, выколотки, в углу Максим разобрал кучу железа и обнаружил четырехгранный брусок подходящей длины, из которого можно было выковать ось. Раскрутил точило, попробовал находку на искру, оказалось подходящее железо, прокалённое, без раковин. Пошёл в другой угол и поразился: там были свалены кольчатые оковы, многие с длинными зазубренными стержнями, которые забивались в огромные неподъёмные столбы или колоды, чтобы удержать узников. Посмотрел, потрогал, послушал кандальный звон.

Хотя заготовка и выглядела прочной, Максим решил её ещё проковать в несколько заходов. А для этого требовался подсобник. Максим вышел из кузни и, увидев келаря, поспешил к нему.

— Спирька! — окликнул тот рослого парня. — С сего часа будешь у кузнеца в подсобниках.

Максим хотел разглядеть Спирьку получше, но увидел Любашу. Она вышла из терема и направлялась к воротам.

— Иди в кузню и разведи огонь на горне. Я сейчас приду, — сказал Максим и бросился за Любашей. Догнал её уже в торговых рядах, тронул за плечо. Она живо обернулась и заулыбалась.

— Максим! Мне в последние дни всё казалось, что я тебя встречу.

— Я и не ведал, что тебя здесь найду.

— Барыне сильно неможется. Кашель её забивает, исхудала. Боярин на неё злобится. Знахарка сказала, порчу на неё навели. Вот и пришли на богомолье. Барыня с постели не встаёт. Попросила купить сладенького.

К ним подкатился разбитной мужичонка с коробом, полным бус, лент и других де-

вичьих радостей.

— Заплети, соколик, красной девице ленту в косу — век твоя будет!

— Врёшь, поди?

— А ты оглянись, милый! Все, кто у меня ленты брали, счастье обретали!

— Ну, ладно! Давай пару.

Мужик выдернул две красные ленты, ловко подхватил брошенную Максимом денежку и убежал.

Он протянул ленты Любаше.

— Не умею я вплетать ленты в девичьи косы. Но считай, что вплёл.

Любаша засмущалась, но ленты приняла.

— Ой, тороплюсь я! Боярыня ждёт.

— Приходи меня навестить, Любаша. Я целый день в кузне монастырской буду. Мне тебя видеть — радость!

Спирька разжёг на горне огонь и веником подметал пол. Максим показал ему, как работать мехами, сделал первую засыпку угля, взял снасти и пошёл разбирать заморскую коляску. Спирька скоро усвоил, как держать молот и наловчился ударять по тому месту заготовки, на которое кузнец укажет своим молотком. Под ударами самородное железо усаживалось, выплескивая окалиной вредные для его крепости примеси.

— Когда постриг примешь? — спросил Максим.

Спирька метнул на него испытывающий взгляд и нехотя ответил:

— Какой мне постриг. Я тут в работниках зимую.

— Что, разве и так жить можно?

— Ещё как! Зимой здесь тепло, еда есть, работа легкая. Вот зашумит дубрава зелёными листьями, и уйду на волю.

— Так поймают! — Максим пнул оковы. — Забьют в железо.

— Пока не поймали. Сызмала по монастырям шатаюсь, кое-где уже по два раза побывал. Я человек смирный, людей живота не лишаю. Вот взломает Оку и Волгу, уйду с купцами на Низ, до моря.

— И не страшно? Уйдешь, и родные не узнают, где запропал.

— Это на Москве страшно, а на Волге вольготно! Соберутся в кучу две сотни дощаников, насад, стругов: государевых, патриарших, боярских, иноземных, наших купеческих, и айда! Распустят паруса по ветру, кормщик на кормиле только успевает ворочать веслом из стороны в сторону, чтобы на мель не напороться, и несёт всех высокая вешняя вода на полуденное солнце. По берегам странники бредут, а куда? Всё туда же — волю ищут!

— Разве есть место, где можно жить вольно? — спросил Максим, крепко заинтересовавшись словами подсобника.

— Как не бывать! Только снег сойдёт, и побежит народишка от тягла да долгов на юг. Кто к донским казакам норовит пристать, но те не всех берут, молодых только. А с Дона выдачи нет. Сейчас больше бегут на засечную черту, на волжскую украину. Кто ты, откель, больно не спрашивают, лишь бы человек был. Землю занимай, какую хошь, паши, и никого над тобой. Одна опаска — ногайцы налететь могут, и избу спалят, и самого уволокут. Сейчас больше по Волге селятся. Новую крепость поставили — Синбирск. На высокой горе стоит. К ней новожители и жмутся. Чуть что, ударят в сполох, и все за ограду прячутся. Рыбы там много, дичи лесной, земля добрая. Своим умением работать по железу тебе цены там не будет. Бегут кто? Нищета, голи кабацкие, они и топора в руках не держали.

Рассказы бывалого монастырского жителя разбередили душу Максима.

Ночью его поднял ото сна крепкий тычок в спину:

— Ты кузнец? — спросил стрелец и череном бердыша опять ткнул в бок.

— Я, а что? — спросонья Максим не понимал, что происходит. Ему только что снилась Любаша, а наяву обнаружилось мурло, заросшее волосяной ржавью.

Стрелец поволок Максима за собой, ступая сапогами прямо на спящих богомольцев. На монастырской площади возле невысокой каменной палатки стояли розвальни, и в них, гремя цепями, бился в корчах человек.

— Никониане! Бесово племя! Мните, взяла ваша диавольская сила! Аз не един страдалец за веру Христову! Кажете Богу трехперстный кукиш и на спасение надеетесь? А ты кто есть, никонианский козел толстобрюхий, каким саном нарек тебя диавол в этом вертепе?

Келарь, к которому обращался скованный человек, закричал:

— Закройте ему пасть! Волоките в подклеть! Где кузнец? — Максима вытолкнули вперед. Раскольника потащили вниз по ступеням, в каменный мешок без окон, с крепкой входной дверью. — Кузнец! Закуй его так, чтобы сидеть не мог! Распни его по стене! — стрельцы обвязали раскольника вокруг подмышек цепями, и Максим тяжелыми ударами вбил аршинный железный клин в каменную кладку. Келарь попробовал на

прочность крепления. — До утра пусть повисит, а завтра мы его на Москву направим. Там его не по-нашему расспросят, а с пристрастием.

Остаток ночи Максим провёл без сна. Сидел, нахохлившись, в углу трапезной, думал. Отчаянный раскольник не выходил у него из головы. Тщедушный мужичонка, щелчком перешибить можно, а духа великого!

Утром за Максимом припёрся тот же стрелец: узника надо было освобождать из оков. Конвойные стрельцы, видимо испробовав монастырских медов, были веселы и благодушны.

— Иди один, чай, не забоишься дохляка. Это они на глотку сильны, а на другое негодны.

Максим поджёг смольё от костра и спустился в подвал. Колодник встретил его разъярённым взглядом, но, увидев, что перед ним всего лишь мужик, а не монастырский никониан, успокоился. Максим взял в руки кольцо цепи и, крякнув, разорвал его.

— Силен ты, парень! — удивился раскольник. — Чей будешь?

— Боярского сына Шлыкова холоп. Сюда послали кузнечить. Коляску игумену делаю.

— Вижу, верный ты человек! Не сробеешь передать грамотку?

— Не сробею!

— Если что, кричи — бес попутал! — раскольник сунул ему в руку бумагу. — На торге найди купца Автонома Евсеева, он в мясном ряду стоит. Ему и отдашь. Скажешь, что от верных людей.

— Сделаю.

Вдвоем они вышли на свет. Стрельцы повалили узника в розвальни, залезли, отягчённые трапезой, на коней, и поезд двинулся из стен обители. Они поехали через торг. Узник вскочил на розвальнях, что-то закричал, народ внимал ему, а стрельцы начали стегать коней и толпу, чтобы скорее выбраться на безлюдье.

Переждав, пока народ успокоится, а стрельцы со своим узником скроются из виду, Максим неспешно пошёл в торговые ряды. Торг кипел, волновался. Приближалась масляная неделя, и все, кто имел хоть какой-нибудь достаток, пусть даже гривенник, спешили его истратить, чтобы встретить праздник с полным брюхом.

Автоном Евсеев владел большей половиной мясного ряда. Он торговал без весов целыми тушами, частями туш, связками рябчиков, гусями, курами. Для бедноты имелся рубщик мяса, рыжий детина, который стоял возле колоды с воткнутым в нее широкощеким топором. Подходили нищие, пожелавшие отведать мясца, выплевывали из-за щеки сбереженную деньгу. Молодец, не поморщившись, бросал денежку в кошель и одним ударом отваливал от ноги быка щепку мерзлого мяса. Ловко работал парень, весело, с прибаутками. Максим загляделся на него и обратил на себя внимание кряжистого мужика в овчинном полушубке.

— Много берёшь, купец? Убоинка свежая.

— Не купец я, а кузнец. Мне Автонома Евсеева надобно видеть.

— Я он и есть. А ты кто, добрый молодец?

— Максим... Я от верных людей, ваша милость.

Купец незаметно, но зорко огляделся по сторонам. Успокоился.

— От верных людей, говоришь? Где они сейчас, верные люди? Иной обниматься лезет, а норовит ухо откусить.

— Увезли сейчас одного слуги царские. От него грамотка, — Максим полез рукой за пазуху.

— Погодь! Не сейчас, на торге ярыжки промышляют. После обедни подойдёшь к рубщику мяса, он отведёт тебя куда надо, — Спирька протянул Максиму кусок мяса и хлеба. — Это, — сказал он с улыбкой, — красна девица озаботилась.

— Любаша! — обрадовался Максим.

— Чего не ведаю, того не ведаю! Баяла, что ещё забежит.

День прошёл за работой, и когда монахи и мирские стали выходить из храма после обедни, Максим отпустил своего Спирьку, притворил двери кузницы и пошёл на торг. Детинушка мясоруб уже ждал его, перетаптывался на хрустком снегу и поглядывал по сторонам.

— Иди за мной, — шепнул он Максиму, — да поотстань чуток.

За углом монастырской стены, через овраг, начинался посад, выстроенный по-московски, улицей. Жили здесь люди достаточные: избы на подклетях, большие дворы, за которыми была видна заснеженная Ока, а на другом берегу стоял непроходимой чашей черный лес.

Во двор зашли не с красного входа, а через маленькие воротца в бревенчатой ограде, а затем тропкой подошли к избе, где их ждал Автоном Евсеев.

— Заходи, верный человек, — сказал Автоном. — А ты, Игнатий, походи по двору, погляди, чтобы чужих глаз да чужих ушей не было, — он пододвинул Максиму чашку

с калёными орехами. — Давай грамотку! Сам-то грамотный?

— Учился одно время. Буквы все знаю, а в слова складываю плохо.

— В любом деле навычка нужна.

Автоном развернул свернутую в трубочку грамотку, склонился поближе к свече и, шевеля потрескавшимися от постоянного пребывания на морозе губами, начал читать послание. Он, видимо, грамотей был тоже неважнецкий, и чтение потребовало от него таких усилий, что прошиб пот.

— Цены нет грамотке, — вздохнул Автоном и перекрестился. — Се вопль наших верных братьев из никонианских узилищ, страждущих за истинную веру, — пристально и строго посмотрел Максиму в глаза. — Тебя выбрал и послал с грамоткой святой человек. Он никогда не ошибается в людях. И я о тебе своих верных людей порасспрошал. Чую, что манит тебя уйти от своего барина, да и Любаша хороша, но пока ты холоп, ей не ровня.

— Откуда ты всё ведаешь? — изумился Максим.

— Невелика тайна сия. К Николину дню придёт к тебе от меня верный человек. Ему и поведаешь, надумал ли ты уходить на Волгу. От этого человека возьмёшь то, что я тебе пошлю.

В тот вечер Максим не виделся с Любашей, а на другой день узнал, что она с хозяйкой уехала домой. Теперь и ему нужно было спешить в Воздвиженское, и, за два дня справившись с работой, он, получив от отца эконома гуся на масленицу, с тем же монахом, что доставил его сюда, уехал домой.

Дверь кузницы была завалена снегом, на котором виднелись собачьи следы, видно, Пятнаш не забывал навестить дом хозяина. И точно: едва Максим убрал снег от двери и растворил кузницу, прибежал Пятнаш и начал радостно лаять и подпрыгивать. Вскоре появился и Егорка.

— Как жили-поживали? — весело спросил Максим. — Не оголодали? Вот отец эконом мясцом нас пожаловал. Разводи, Егорка, огонь, неси воду. Я тебе, малец, баранок купил, а Пятнашу кость припас, — кузня осветилась огнём, и в котле скоро закипела вода. Максим отрубил половину гуся и бросил её в воду. Остальное мясо завернул в рогожку и подвесил к потолку. — Ну, что на деревне? — спросил он.

— Масленица началась. Боярин разрешил пива сварить. Мужики с утра сидят весёлые. Задирают соседей с той стороны Теши. Завтра, должно быть, на кулачки выйдут, стенка на стенку.

— Да ну! Вот это новость. Откуда и прыть взялась. Всю зиму, как медведи в берлоге, лежали, а тут на такое дело решились!

— А ты, Максим, пойдёшь?

— Куда мир, туда и я! Али я не воздвиженский? Пойду! Пора поразмять косточки.

— Зареченские — здоровые дяди. Прошлый раз нашим намяли бока.

— Раз на раз не приходится. Ещё поглядим, чья возьмет.

Гуся ели большими кусками, бросая Пятнышу кости. Отвар, чуть остудив, выпили из деревянных кружек, пред тем накрошив туда лука. Егорка довольно похлопывал себя по пузу: «Потрескивает! Теперь можно с голодным наравне!»

От домов, что были близ кузни, послышался шум, треск, грохот, визг.

— Масленица гулять вышла! — восторженно закричал Егорка. — Я побегу! А ты не пойдёшь?

— Нет, отдохну. Что-то с дороги притомился. Да и гусь ко сну клонит. Ты вот что, Егорка, завтра сбегай во двор к боярину, может, Любашу увидишь, так шепни ей, что я приехал и жду её.

— Я, может, и сегодня шепну. Деревня на барский двор идёт разгуляться.

Масленица разбудила от зимней спячки деревню. Все, кто хоть чуть умел на чем-нибудь играть, достали ещё дедовские гусли, гудки, сопели, домры, волынки, медные рога и барабаны. Сначала дудели, бренчали, гудели всяк сам по себе, а потом вывалили на улицу и заиграли разом. К игрецам присоединились ряженые, и пошли скоки-подскоки, послышались скабрезные песни. Ряженый козлом затейник не давал проходу девкам, валил их в снег. Девки визжали, потом сами завалили ряженого в сугроб, заголили ему гузно и облепили снегом причиндалы. Все были в подпитии: мужики куражились, схватывались друг с другом в споре, матерный лай клубился над толпой, но всё это непотребство накрывалось грохотом барабанов и воем волынок и медных рогов.

На подходе ко двору боярского сына толпа присмирела, и раздался стройный хор мужских и женских голосов:

А мы масленицу дожидаем,
Дожидаем, душе, дожидаем.
Сыр и масло в глаза увидаем,
Увидаем, душе, увидаем.

Как на горке дубок зеленёнек,
Зеленёнек, душе, зеленёнек.
А Воздвиженский попок молодёнек,
Молодёнек, душе, молодёнек.
Попадьихи пили да попов пропили во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи.
А дьячихи пили да дьяков пропили во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи.
Пономарихи пили да пономарей пропили во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи.

Во дворе Романа Шлыкова были выставлены столы, на которых горами высились блины, а в больших чашках стояли масло, сметана. Господский виночерпий каждому наливал крепкого ставленного меда. Мужики и бабы, испив хмельного, закусывали блинами и благодарили господина. И опять раздались разгульные масленичные песни. Хозяин благодушно смотрел на своих веселящихся крестьян. Порой его и самого подмывало пуститься в пляс, но сан боярского сына нужно было блюсти беспорушно. Время было непокойное, вокруг рыскали шиши-соглядатаи. Донесут властям, что такой-то дворянин занимался козлоплясием, презрел все указы на этот счёт великого государя, быть тому дворянину в ответе перед властью мирской и духовной.

Масленица покатилась от господских глаз к деревне. Была уже глубокая ночь, и тонкий месяц, выглянув из-за тучи, смотрел на разгульное русское озорство. А где месяц, там, известно, и черт. «Бесовская седьмица», — огорчались монахи, укрепляя свой дух стоянием на молитве.

Утром незлобно забрехал подле кузни Пятнаш, и послышался ласковый девичий голос, уговаривающий пса пропустить её к хозяину. Максим обрадовался, откинул овчину, соскочил с лавки и открыл дверь. Запыхавшаяся Любаша погрозила пальчиком мохнатому сторожу.

— Лаялся на меня? Я хотела тебя блином угостить, а теперь не стану, — пес виновато завилял хвостом и принялся облаивать сороку, которая раскачивалась на березовой ветке и стрекотала взахлёб. — Я тебя пришла с масленицей поздравить, — и чмокнула парня в щеку. — А это гостинцы — блины, масло, вареное мясо.

— Спасибо, Любаша! Я, признаться, не ожидал тебя в такую рань.

— Вчера боярин с гостями нахлебались пива да мёда, что долго спать будут. Дай Бог, к обеду бы поднялись. Моя боярыня всю ночь с гостями маялась. Пригубит с одним гостем чарку, идёт переодеваться в новое платье, потом опять новое, и так шесть раз. А я вокруг кручусь, одеваю, раздеваю.

Максим взял нежные руки девушки в свои опалённые раскалённым железом ладони и, вздохнув, тихо промолвил:

— Люба ты по моему сердцу! С первого раза, как тебя увидел, вот здесь. Снишься мне — мы живем с тобой в далёкой вольной стороне, у большой реки...

Девушка вздохнула и грустно посмотрела на Максима.

— И ты мне снишься, но себя я рядом с тобой не вижу...

— Быть того не может! Я знаю, мы рабичи, но у нас есть молодость, есть сила, уйдём отсюда на Волгу, в вольный край! Я в монастыре разговаривал с бывалым человеком. Он мне все обсказал, как пройти туда. Это дорога на полдень. Сначала дремучие леса, где живёт мордва, а за Сурой уже наша русская украина, где все земли вольные, где хочешь, там и селись. И град есть сторожевой — Синбирск на Волге. Там и заживём. Запишусь в кузнецы, построим кузню, свой двор. Я буду работать, а ты по хозяйству хлопотать. Не гнить же здесь под пятой барина!

— Страшно мне, Максимушка! Далеко зовёшь ты меня. Там же басурмане окаянные живут. Как бы не попасть из огня да в полымя.

— О чём печалиться! Неровен час, завтра прикажет господин выдать тебя за лядащего смерда замуж, или подарит любимому псарю, или соседу продаст. Утечь надо, Любаша! Нет на нас никаких пут. Надо! Иначе сгинем мы здесь!

— Знал бы ты, Максимушка, как тяжко мне в господском терему. Страшно мне, но я согласна, уйдём искать свою волю, — и девушка крепко прижалась к Максиму.

— Утечём весной, как только залиственют деревья. Я схоронку надежную в лесу припасу. Там сложим то, что нам надобно в дороге. И смотри, не говори никому, а то обдерут батогами, как липку, и в подклеть на цепь посадят. Никому, даже во сне бойся проговориться!

— Тяжело мне, Максимушка! Хозяин-то наш сластник, у него временницы-полюбовницы не переводятся. Те, что в мыльню его водят. Меня моя боярыня, голубушка, стережёт, а он нехорошо смотрит. Боюсь я!

— Держись своей боярыни, ни на шаг от неё не отходи. Если что, падай к ней в

ноги, а не поможет — беги сюда. Уйдём махом, хоть босые по снегу.

— Я уже решила, если содеет надо мной боярин плохое, руки на себя наложу! Вот те крест святой, наложу!

— Бог с тобой, Любонька! Не делай это ни в коем разе. Это же грех! Потерпи ещё до Пасхи. И утечём...

— А ты не обманешь меня? Про тебя тут всякое говорят, ты человек пришлый.

— Ни за что в жизни! Хочешь, крест поцелую! Мы будем с тобой вместе до последнего часа! — горячий разговор влюбленных прервал лай собаки, и они отпрянули друг от друга. — Это Егорка бежит.

— Вот напужал, пострелёнок! — сказала Любаша. — Ажно сердце застучало, — она взяла руку Максима и прижала к своей груди.

— Дядька Максим! Тебя воздвиженские мужики кличут. Вся деревня на Теше собралась, и зареченские с другой стороны.

— Сейчас! — ответил Максим. — На кулачках будем биться. Ты не ходи смотреть, а то ненароком выдашь себя.

— Береги себя, милый Максимушка!

— Я пойду с Егоркой, а ты потом выйдешь.

В один из погожих майских дней к кузне верхом на коне подъехал нездешний мужик. Максим вышел ему навстречу. Мужик строго посмотрел на него и пробасил:

— Челом, верный человек! Я от Автонома Евсеева. Как, надумал идти на Волгу?

— Ушёл бы уже, да тебя поджидал.

Мужик слез с коня, привязал поводья к колу и махнул рукой:

— Давай отойдем отсель, чтобы лишних ушей не было, — они скрылись за кузню, сели на поваленную ветром сосну. Мужик достал из-за пазухи туго скрученные грамотки. — Это передашь в Синбирске мельнику Андрееву. Вот тебе ещё три рубля на хозяйство. Попусту не трать. Грамотки пуще глаза своего храни. Передашь их кому велено. В остальном полагайся на свою сметку. Коня я тебе оставлю. Он хоть и мал, да удал: ногайских кровей.

Верный человек скрылся среди деревьев, а Максим вынес из кузни кусок хлеба, протянул коню. Тот мягкими губами коснулся ладони, принял хлеб и заржал.

— Как же тебя звать? Ладно, по масти — Соловый. Будешь пастись здесь. Если кто и спросит, чей, скажу, что приезжие люди на время оставили.

Максим почувствовал, что уже ступил на дорогу, с которой нет обратного пути, и решил быть осторожным. Егорку он отправил с мужиками в поле, там требовались огольцы, чтобы ходить в ночное, пасти и стеречь рабочих лошадей. Пятнаш был возле кузни, без собаки пускаться в путь нельзя, она и об опасности предупредит, и ночью разбудит.

Идти придётся долго, не меньше месяца, обходя стороной любое жильё. На себя он надеялся, что выдержит долгий путь, а вот Любаше придётся тяжело, хотя конь должен был выручить, но на нём, чтобы ездить, привычку надо иметь.

Рыбы купил у приезжих мужиков, что по Теше сплавлялись до Нижнего. Купил и соли, и сухарей, а ещё небольшой туес меда. Слышал от стариков, что если его понемногу есть утром и вечером, то крепче себя чувствуешь, да и от простуды помогает.

Ночью Максим погрузил припасы на Солового и стороной, опасаясь деревенских собак, отвёз всё в найденную заранее потаёнку — огромное дупло старой ветлы, что стояла саженей в сорока от дороги на Ардатов. Потом долго, до первых проблесков зари, сидел неподалеку, вслушивался в живую тишину леса, но никого не заметил и, сев на Солового, поехал домой.

Любаша, сердечко видно чувствовало, прибежала на следующий день. И когда Максим сказал ей, что завтра вечером срок уходить отсель навсегда, загорюнилась, закручинилась. Максим утешал её, говоря, что здесь им всё равно вместе не жить, а ждёт их воля, своя, только им принадлежащая, судьба. Высохли девичьи слезы, а когда Максим, осмелев, первый раз поцеловал свою ненаглядную, то о горе-злосчастии не было и помину.

Максим объяснил ей, где будет её ждать, наказал, чтобы не брала с собой лишнего, а только самое необходимое. Расставались долго, Любаша никак не хотела уходить, будто чувствовала, что завтрашний день будет для неё самым тяжким в её жизни.

На другой день вечером Максим запер дверь кузни, закинул за плечо суму и, свистнув Пятнаша, пошёл к месту встречи с Любашей. Село и барский двор он обошёл стороной, чтобы ни с кем не встретиться. Идти было легко, мох пружинил под ногами, сквозь ветви деревьев нежарко светило вечернее солнце, где-то неподалеку закуковала кукушка, и Максим посчитал это доброй приметой перед долгой и опасной дорогой. Схоронка была на месте. Осталось только ждать Любашу, которая должна была вскоре подойти, если только чего-нибудь не случилось. Об этом Максим не хотел и думать,

но не мог остановить себя. Слишком всё удачно складывалось у них в последние дни, чтобы бес не позавидовал их удаче и не устроил какую-нибудь каверзу.

Он лежал под ветлой, жевал травинку и чутко прислушивался к звукам леса. Чу! Мимо проскакали двое верховых. Он поднялся на ноги и увидел, что это были воздвиженские мужики с топорами за опоясками. Что-то случилось, раз начались розыски. Где Любаша? Этот главный вопрос обжигал его огнём. Скорее всего, схватили, решил он, а теперь ищут меня.

Назад мужики возвращались неспешно, лошади шли шагом. Неподалеку от места, где схоронился Максим, мужики спешились и сели на землю. Один из них, постарше летами, злобно сказал:

— Маем коней, а завтра им в работу!

— Нет, молодец Максим, — сказал другой. — Сбег и Любашу увёл. Уйдут они в вольные края. Хошь, на Дон, хошь, на Волгу. Я слышал от бывалых людей, житьё там вольное, казацкое.

— Чего долдонишь, дурак! — огрызнулся первый. — Снимут голову на той Волге с тебя полоротого, не татарин, так свой же брат! Воля, она в сказке хороша!

— И где же они сейчас? — не унимался молодой.

— Дурень ты, Митрий, да и к тому же глухой. Говорили же, что с берега в Тешу бросилась Любаша! Поехали, что ли, завтра ни свет, ни заря опять в поле.

Известие о смерти Любаши омертвило Максима. Он сидел, прислоняясь спиной к дереву, ничего не видя и не слыша. В верхах деревьев подул сильный ветер, лес зашумел, застонал, заскрипел. Напуганные непогодой собака и лошадь жались к хозяину, но он не обращал на них внимания. Так он провел всю ночь. И когда стало светать, поднялся с земли, забросил на Солового вьюк и, держа его в поводу, пошел по лесу, не выбирая пути.

– 3 –

Теперь Максим шёл по меловому подножию гривы, отыскивая выход родника, чтобы отдохнуть. Солнце клонилось к вершинам черного леса, но ещё было беспощадно жарко. А на противной от него стороне неба поднималась огромная, как гора, сине-белая туча.

Вдруг Пятнаш остановился и тихо заворчал. Соловый тоже насторожил уши. Максим, положив руку на рукоять сабли, осторожно двинулся кустами и нечаянно заметил вьющуюся, тонкую, как нитка, струйку дыма. Возле костра на коленях стоял человек и старательно раздувал огонь.

— Бог в помощь! — поприветствовал Максим незнакомца. Тот резко повернулся, но, увидев, что гость один, успокоился и сказал:

— Полбы Бог послал, хотел кащицу сварить.

— Так не медли. Огонь-то у тебя полымем пошел, — костерок действительно разгорелся. Максим огляделся: вот и родник, который он искал. Подошёл к нему, напился. — Прими к огоньку, добрый человек.

— Садись, казак!

— Почему казак? По чему видно?

— Видно. Вон и сабелька у тебя, и конь добрый, и от людей хоронишься. Разве не угадал? Тогда прости, мил человек.

— Не угадал. А ты сам-то из каких будешь, не монастырский?

— Монах я только с виду. А так, переписчик книг, зовут Саввой, — вода в котелке стала закипать. Максим вынул из сумы кус вяленого мяса, сухари и отдал Савве. — Не знаю, идучи, какой сегодня день — постный или скоромный. Но всё равно, грех невелик, если и ошибёмся. А тебя как люди зовут?

— Максим. Кузнец я. Не пожилось мне за барином, вот и тащусь на Синбирск. Верные люди посоветовали.

— Такому молодцу везде дорога есть, — сказал Савва, помешивая варево в котелке. — Я, признаться, в те же края путь держу. Все ноги избил, от Москвы иду. Всё один. Вот Бог попутчика послал.

— Знать ты, батька, и дорогу на Синбирск ведаешь?

— А что её ведать? Вон она, рядом! Старая царская дорога с Мурома на Казань. Ещё царь Иван Грозный проложил, когда воевал с Казанью. Эта дорога идёт до Суры-реки, а за ней начинается Синбирская земля.

— И близко Сура?

— Две стороки осталось, сейчас их ямами зовут. Была бы у нас государева подорожная, покатили бы. А у тебя, мил человек, верно, грамотка на сабельке чеканена? — Максим недовольно посмотрел на Савву и взялся рукой за саблю. — Что ты, окстись! Мне вольные да веселые люди всегда по сердцу. Пусть казакуют, но Бога не

забывают. А то водятся промеж них такие каины. Кровь одному пустит и пойдёт всех резать подряд, ни старых, ни малых не щадит. Правда то, что свои их сразу кончают, как окаянство почуют.

— Не казаковать я собираюсь, батька, — сказал Максим. — Хочу дойти до Синбирска, осмотреться, потом построить кузню и работать.

— Эх ты, простота святая! — засмеялся Савва. — Построить кузню, жить спокойно. Да кто тебе это позволит сделать? Это на Дону, на Яике тебя определили бы в кузнецы. А в Синбирске воевода Дашков сидит, как ворон, на Синбирской горе, выглядывает, кого сцапать да послать на государевы работы. Кого засеку валить, кого ров рыть. А тебе он работу точно найдёт — посадит на цепь в воеводской кузнице, и будешь ты ковать кандалы, — Максим помрачнел и задумался. Первая встреча за долгие дни с живым человеком — и такое огорчение. Он вздохнул, прилег на землю и уставился в небо. — Ну, вот ты и закручинился, Максимушка, — ласково промолвил Савва. — А о чём кручиниться? Обойдёшь ты воеводу и слуг его, как вон ту лесину. Разве твои несчастья — это несчастья? Знал бы ты, что за беды кружат надо мной, ты бы усмехнулся своей кручине. Поэтому выслушай мою судьбу, может, чем-то она и подскажет тебе, как дальше жить-поживать. Родом я из Ростовской земли, где благостный свет просиял над нашим святителем Сергием Радонежским. Родитель мой был купцом, торговал рогожными кулями, берестяными коробами, всяким щепным товаром. Богатства у него не было, но кое-какие зажитки имелись. Отец трясся над своей казной, над торговой лавкой, жили мы мелочно, крохоборно. И родитель попрекал нас, матерь свою, мою матерь, брата моего старшего Степана и меня, обжорством, расточительством и леностью. Меня, может, и за дело бранил, а Степан был послушен, перед старшими учтив, все работы в лавке справлял, пока батя без дела толкался между людей на торжище. И вот однажды он решил отдать меня в обучение грамоте, чтобы вывести меня в писцы или дьячки, а нажитое оставить Степану. Родительской воле не прекословь!

— Батька Савва! — сказал Максим. — Полба, поди, сопрела?

— Ах ты, Господи! Заболтался, ажно про хлебово забыл.

После еды, попив водички, Савва вернулся к своему повествованию.

— Училище в нашем городе было разрешено иметь протопопу Проклу. К нему батя и повёл меня, пред этим надавав как следует под ребра, поелику не хотел я учиться. Учение мне тогда казалось страшным наказанием Господним! Тем более, что пришлось бы оставить голубей. У меня к тому часу десятка три турманов было. Так мой батя всех их продал, а деньги отдал протопопу за год учения. Отец Прокл был благочестивый иерей, это сейчас он в никонианство сверзился. Училище держал на своем подворье в отдельной избе. Набирал он не больше десяти неуков, ибо не за прибылью гнался, а хотел обучать людей добрых и прилежных. Ну, а для ленивых имел: «Благослови, Боже, оные леса, иже розги родят на долгие времена». И ещё памятую: «Если кто ученьем обленится, таковый ран терпеть не постыдится». В училище мы пребывали с рассвета до вечернего благовеста. Занятий не было только в праздники. Первый год учили грамоту и основы самого простого письма. Книги, чернильницы, перья — всё было от отца протопопа. К семнадцати годам я не только освоил не шибко разумное чтение священных текстов и творений отцов церкви, но и стал овладевать секретом уставного письма. Протопоп Прокл донес о моих успехах игумену Святой Троицы, и меня определили туда на послушание переписчиком книг. Я двадцать лет скрёб пером бумагу. Мои книги у самого великого государя есть, у патриарха. Вот кто был я! А сейчас скитаюсь, сир и наг, и где буду завтра, не ведаю.

Максима рассказ Саввы тронул. Он, видимо, попал в такую беду, что всю оставшуюся жизнь будет трястись, как осиновый лист.

— В конце концов, слепнуть я начал. Издаля буквицы хорошо вижу, а сблизи всё, точно молоко. А тут ещё мой благодетель окольничий Ртищев почил в бозе. Любил он мое письмо. Ты, говорит, Савка, самый лучший! Другие писцы рыла кукожат, начинают ковы под меня строить. Одно наладились листы подкладывать для переписки из других книг. Аз учил их не бестолочью писаху, а со вниманием. И всегда памятовал написанное. Как-то духовник государев Стефан Вонифатьев в Троицу припожаловал. Он мою работу чтил, я и низвергся к нему в ноги. Поднял он меня, расспросил и замолвил словечко перед Никоном. А тому потребны дельные писцы стали. Начали старые книги исправлять на новый лад. Чего ты на меня уставился?

— Да вот смекаю, — промолвил Максим, — правду я слушаю или околесицу мелет прохожий человек.

Савва от удивления и неожиданности выпучил глаза, потом хлопнул себя по бокам и залился мелким дребезжащим смехом. Отдышавшись, он достал свою суму, развязал и достал из нее книгу в кожаном переплете с блестящими серебряными застежками.

— Дубина же ты, Максим! Во зри! Это мое рукотворство. Читать умеешь?

— Буквы знаю, но давно их в слова не складывал.

— Вот и попробуй! — Максим бережно взял книгу, открыл застежки, развернул первый лист и, медленно выговаривая каждый слог, прочитал: «Казанская история...»

— Люблю я, брат, читать о делах минувших и славных. Эта книга о казанской победе Грозного Иоанна над басурманами. Мой дед побывал в этом походе и рассказывал мне, да аз, молоденький дурачок, слушал в полуха. Попалась мне эта книга на глаза в монастырском хранилище, вспомнил своего славного предка и сделал список. Изуграфия не моя... Так, чти, что в конце написано.

— Это я не осилю, — сказал Максим. — Но и без того тебе верю.

— Книги мои, Максим, многих рублей стоят.

— Что же приключилось с тобой, батька?

— Душно мне стало на Москве. Повидать восхотел иные края, среди людей пожить. Однова вышел за ворота и до сих пор иду.

— Стало быть, и ты, Савва, волю ищешь?

— Не знаю, может, и её.

Утром они встали с восходом солнца и, помолясь, вышли на царскую дорогу, широкую просеку, которая была истоптана пешими и конными. Виднелись и глубокие колеи от телег, кострища на оставленных ночевках.

— Пойдём краем леса, — сказал Максим. — Можно будет в случае чего и за куст сигануть.

— Добро, пойдём по обочине.

— Знать бы, где оне, сторожа, — бормотал Савва. — Может, рядом. Слушай, Максим, давай свернем в сторонку. Надо тебе грамотку выправить, а то стрельцы на стороже схватят тебя.

— Ну и что?

— Назад, может, не отправят, а в кабалу точно продадут за водку.

— Это как? — возмутился Максим. — Я — человек, а не коза. Как же меня продавать?

— Эх, темнота! По велению последнего Земского собора, все беглые людишки подлежат возврату туда, откуда бежали. Страже будет недосуг волочь тебя к твоему боярскому сыну. А сейчас в Синбирской окраине лютый спрос на крестьянишек. Землю царь-батюшка дворянам жалует, а людей крепостных они сами ищут-свищут. Понял, дитятко? — найдя поваленное ветром дерево, Савва прочно уселся на него, развязал свой мешок, вынул оттуда чернильницу, перо, свиток бумаги и дощечку для писания. — Вот-ка, сочиним мы тебе, добрый молодец, охранную бумагу от всякого шиша и лиходея. Видишь, Максим, бумагу? Это аглицкой работы бумага, только на ней государевы дела пишутся. Золото, а не бумага! Она и есть порука, что грамотка настоящая, приказная.

— Экий ты, батька, говорун!

Савва развернул лист бумаги, поскреб сухим пером в скомканных волосах на голове, макнул его в чернильницу и, заперев дыхание, начал строчить, писать. Закончив работу вынул тугой кожаный мешочек, посыпал буквы мелко толченным песком, подержал на ветру, сдул и протянул грамотку Максиму.

— Храни пуще глаза! И меня, старого, не забывай.

— Не забуду, батька. Вот заведу кузню и сделаю тебе добрую чернильницу из железа.

Они долго шли по пустынной дороге, пока не проголодались. Савва насобирал сухих листьев, веточек и достал круглое и толстое стекло.

— Гляди, Максим! Сейчас этим волшебным стеклом мы костер запалим.

— Да ну!

— Я его солнцеглазом зову. Мне его один ученый немец отдал за книгу. Оно буквы увеличивает. А если поймать солнечный луч, то оно любое дерево зажжет, а листья — плевое дело.

Максим пригляделся и увидел, что на растопке приплясывает крохотный солнечный зайчик. Через мгновение листья задымились, Савва дунул, и сучья охватило пламя.

— Вот это кресало! — восхитился Максим. — И железо может прожечь?

— Железа не прожжёт, нагреет, но несильно. Для твоей кузни оно не надобно.

— А кому же оно потребно?

— Звездочётам, тем, кто звезды смотрит. Они от нас далеко, дальше солнца. Но это не для твоего ума.

Максим обиделся.

— Что, я не уразумею?

— Видишь ли, Максим, то, что я могу тебе открыть, дело, запрещённое святым православным собором. Но один польский монах спознал, что солнце стоит на месте, а земля вокруг него ходит, и от этого бывает день и бывает ночь.

— Как же земля ходит? Это солнце поднимается и опускается, а земля от века на одном месте.

— Забудь мои слова. Живи со своим понятием, нечего голову мутить.

Максим бросил в кипящую воду толокно, посолил варево, кинул сухарь Пятнашу. Пес съел его, обнюхал траву и опять уставился на хозяина. Потом насторожился, выбежал на дорогу и гавкнул. В ответ раздался недальний собачий брех.

— Ах ты, Господи! — забеспокоился Савва. — Уйти не успеем. Что за люди? Если стража или стрельцы, то не лезь наперёд, пока не спросят. Да саблю отцепи, сунь в куст, а то за вора примут!

По дороге, вихляя высокими колесами, ехали две запряжённые двуконь телеги. На них сидели две жёнки и ребятишки. Четыре мужика за ними следом. За последней телегой на привязи волоклись корова, две козы и теленок.

— Переселенцы! — сказал Савва. — Барин переводит мужиков на новые земли. Наши попутчики.

Не дойдя до костра несколько шагов, мужики сняли шапки и поклонились.

— Можно мы рядом пристанем, крещёные? — спросил степенный мужик, видимо, отец семейства.

— Располагайтесь, мужики! — ответствовал Савва, зорко оглядывая каждого из новоприбывших.

— Мы из Патрикеевой вотчины, что близ Коломны, — снимая с коней латаную веревочную упряжь, объяснил старший. — Царь-батюшка пожаловал нашему боярину сто пятьдесят четвертей земли в Синбирском уезде. Летось две семьи уже уехали, теперь и мы волокёмся. Тут всё, что нажито. Кони слабы, а вот корова — чудо, ведёрница, что ни вечер, то полную лохань молока даёт. Возле неё и кормимся.

— Поздно идёте, — заметил Савва. — Крестьяне отстрадовались.

— Не по своей воле идем, а по барской прихоти. А на здешней земле на наш прокорм полоску засеяли. Так что с хлебцем будем. Боярин спешит взять землю, да мало кто хочет идти в незнаемые края, под бок к нехристям.

— А ты, стало быть, не боишься? — спросил Максим.

— Не было бы обузы, жёнок да сыновей да внуков, давно бы вольнул на Волгу, а может, дальше. А вы кто, добрые люди?

— Аз есмь инок смиренный, — ответил Савва. — А это Максим, кузнечный умелец. Тоже на Синбирск волокёмся.

Жёнки тем временем собрали на траве стол: сухари, лук, вяленая рыба.

— Присаживайтесь с нами, — предложил хозяин.

— Отказываться — грех, но мы отснедели, — сказал Савва. — Ты лучше скажи, кого как кличут?

— Меня — Власом. Это мои сыновья — Клим и Андрей, это — Климова жёнка Дуняша, это пострелята внуки, это моя жёнка Агафья. На новое место нас и захребетником пожаловал барин — Прошкой, что добре работает ложкой.

Здоровый парень Прошка широко осклабился, показывая кривые зубы.

Крестьяне, не торопясь, поснедали. Савва поглядывал на них, потом тихо промолвил:

— Вот и попутчики. Как мыслишь?

— А что, добрые люди, — согласился Максим.

Мальцы подружились с Пятнашом, бегали с ним взапуски. Пёс был тоже доволен весельем. Максим предложил Савве сесть на Солового, но тот отказался, сказав, что его седалище привычно к мягким подушкам, а на жёстком хребте мерина ему долго не усидеть.

Стали попадаться и встречные. Мимо них проскакали трое верховых казаков. Затем вскоре показался небольшой обоз в пять телег, груженных бочками. Вокруг обоза трусили трое ратников на мосластых конях.

— С Суры везут живую рыбу, стерлядь, к царскому столу, — промолвил всеведущий Савва.

— Пути-то! — поразился Максим. — Не затухнет?

— Уже целый век возят, научились. Надсмотрщики есть над каждой бочкой, воду меняют, траву кладут обережную.

Шли они нешумно и разом все услышали какую-то возню в лесу, треск сучьев, сопение и ворчание.

— Стой, ребята! — велел Влас. — У тебя, Максим, как, оружие есть? — в ответ тот выдернул из-под вьюка саблю. — Все остаются на месте и ждут нас. Мы скоро вернемся, — Влас взял из телеги рогатину. — Поспешай! — они углубились в лес, двигаясь на звуки. — Ветер на нас, не учуют, — шепнул Влас. — Там свиньи желуди роют. Посмотрим, где вожак.

На большой поляне между дубов усердно рыли землю кабаниха с полосатыми юр-

кими поросятами и несколько довольно крупных подсвинков. Секача не было видно, но из зарослей осинника доносились звуки схватки. Скорее всего, в эту дружную семейку пожаловал непрошеный гость, и сейчас хозяин прогонял его прочь.

Влас показал пальцем на подсвинка, который отошёл от стада и ожесточённо рыл землю, добывая вкусные корешки. Он был так увлечён своим делом, что не заметил приблизившихся охотников. Влас резко взмахнул рукой и бросил рогатину в зверя, угодив ему под лопатку. Подсвинок пронзительно завизжал, подпрыгнул и рухнул на траву.

— Добей! — Влас толкнул Максима вперед.

Тот в несколько прыжков достиг подранка, который уже поднялся на колени, и размашистым ударом вогнал клинок под лопатку рядом с торчащей рогатиной. Зверь рухнул замертво. Максим достал клинок из туши, а Влас умело накидывал верёвочные петли на ноги подсвинка.

— Где секач? — хрипло произнес он.

— Никого нет. Все разбежались.

Влас просунул рогатину под веревки, и они поволокли добычу к дороге. Их встретили радостными криками, Пятнаш лаял и прыгал, стараясь укусить зверя, которого охотники положили на землю.

— Дойдём до первого же родника и остановимся на ночь, — решил Влас. — Нужно тушу разделать, да и отдохнуть следует: три седьмицы прём, как угорелые, — удачная охота его возбудила, он сделался разговорчив. — Хорошо, что секач увяз в драке, а то мог бы на нас броситься. Я ведь охотник. Но сейчас в наших местах мало зверя стало. Наш боярин никому проходу не дает, ему лишь бы бить, стрелять. Медведей собаками травит, в усадьбе у него целый загон для того сделан. Соберутся гости, напьются мёда, и пошла потеха. А мне медведей жалко, безобидные они и на людей похожи. Хотя и среди них душегубы встречаются. А разве среди людей их нет? А кабанчик хорош, даже не растерял за зиму сальцо.

К вечеру они набрели на родник, уже обжитый людьми. Вода из него лилась по деревянному желобу и была сладка на вкус.

Влас в душе был рад, что прилепившиеся к нему путники не суются со своими советами и стал распоряжаться:

— Телеги ставь вплотную вдоль опушки. Прошка, за скотиной приглядывай!

Максим лег на сухую траву, закрыл глаза, и сразу в память вошла Любаша, весёлая, простодушная. Не уберёг он её и сейчас горько корил себя за это. Надо было не бежать, сломя голову, из деревни, а толком всё разузнать. Мужики могли и сбрехать, и теперь, если она жива, Любаша проклинает его как обманщика. Но что теперь поделаешь, слишком далеко ушёл он от Теши, говорят, Сура не сегодня-завтра покажется.

— Ишь ты! — воскликнул Савва, поднимаясь во весь рост с земли. — Кажись, к нам ещё гости пожаловали.

С дороги к их стану подворачивали телеги с поклажей, за которыми шли с десяток мужиков и жёнок.

— Что за людишки? — обеспокоился Влас. — Как бы пря с ними какая не случилась.

Первым к стану подъехал страховитый на вид мужик в красной рубахе и сапогах — знать, не холоп. За спиной у него болталась пищаль.

— Кто такие? Откель? Куда бежите? — строго начал допрашивать он мужиков. Влас посмотрел на верхового, почесал пятерней голову, отвернулся и сплюнул. — Ты чего косоротишься? Отвечай, коли спрашивают!

Влас повернулся к сыновьям.

— Глядите, чтоб всё цело было. А ты кто такой будешь, чтобы сыск учинять? Я крестьянин с сыновьями и жёнками. Эти — по государевой надобности путь держат. А ты, может, лесной помещик? И крепостные твои дубинами пашут, а шестоперами боронят?

— Я приказчик князя Шелонского! А ты, зрю, Рязань косопузая?

— Коломенские мы, боярина Патрикеева.

— Тоды ничо... Мне велено крестьян доставить в новое поместье князя. А места здесь воровские, язычники христиан забижают.

— Это брехня, — вмешался Савва. — Здесь мордва да чуваши, смирнее народа нет. Многие крещены.

— Мы чуток в сторонке от вас заночуем.

— Земля здесь вольная. Только, чур, коней не мешать и коров не пугать.

— На чужое мои не позарятся.

— Бережёного Бог бережет.

Люди князя с неохотой покидали стан Власа: вода в казане бурлила, и воздух вокруг был пропитан запахом кабанятины.

Скоро на синем небе выпрыснули звезды, запели комары, которых нисколько не отгонял дым от костра. В стороне приезжие тоже развели костры, распрягли лошадей.

— У приказчика и рожа воровская, и навычки, — сказал Савва. — Ты, Максим, за своим Соловым приглядывай, ладный конёк, незаезженный. А с приказчика спрос невелик — угонят конька, пиши пропало.

— Присаживайтесь к огню, мясо упрело! — крикнул Влас. — А то от одного толокна животы свело.

Кабанятину брали руками с листьев лопухов. Кто подсаливал, а кто на чеснок налегал, после него ощущение сытости держалось дольше. Утром попьешь водички и опять вроде сыт. Поели, отвалились от котла, накидали псу гору костей.

— Повезло нам с тобой сегодня, Максимка, — рыгнув, сказал Влас. — Завтра такого случая не будет, это точно.

— Будем сурскую стерлядь исть, — ответил Максим. — Скоро Промзино Городище. А что, действительно Грозный царь здесь бывал? А, Савва?

— Иван Грозный на Казань несколько раз ходил, и причина тому была: казанцы таскали русских людей к себе, торговали ими по всей Туретчине. Приступал царь и к самой Казани, да одолеть не смог. Вот тогда и повелел он поставить крепость насупротив её, и построили Свияжск на сорок тысяч воев в один день, потому что по готовым срубам делали. Построили, и через какое-то время русское войско взяло Казань. И Астрахань. И теперь Волга — русская река. Только земли здесь безлюдные, от Казани до Астрахани почти сплошное нежилое место, с пяток крепостей всего и стоят.

— Ну, вот мы едем, да не пустые — у Власа соха да сыновья и жёнки, у меня снасти кузнечные, у тебя, Савва, книги. Так-то и заживём.

— Легко сказать — заживём, — Влас отмахнулся от комаров. — Как жить без воли? Вот ты учёный человек, Савва, столько книг прочёл. Скажи, есть ли на земле место, где человеку живётся вольно, как птице?

— Нашли, о чем думать — о воле! — первый раз за день подал голос Прошка. Он лежал на охапке свежей травы, растопырив в разные стороны рваные лапти. От сыти захребетник захмелел, глаза подернулись сальной поволокой, грязные щеки жирно блестели.

— Во! Подал голос, тетеря, — пренебрежительно промолвил Влас. — Тебе-то везде неволя. Ты холопом родился, холопом и сдохнешь. Мой тятя свободно крестьянствовал, а бояре приговорили, вот и попали мы в крепь. Мы-то волю не забывали!

— Кто это, на ночь глядя, воли возжелал? — внезапно раздался весёлый голос. Рядом с костром стоял невысокий человек среднего роста, в сапогах и рваном кафтане. — Я тут случайно проходил, думал, где на ночь устроиться, и вдруг слышу: «Воля! Воля!» Ну, думаю, значит, добрые люди ночовничать собрались. Может, и меня примите? Правда, сума у меня прохудилась: последний алтын вечор в дыру закатился, да Бог с ним!

— А ты что за человек будешь, с каких краев?

Тут и Пятнаш опомнился, что подпустил к очагу незнакомого человека, загавкал и начал наседать на пришельца.

— Уймись, раззява! — крикнул на пса Максим. — За мосол службу забросил, сторож!

Пришелец уже подсел ближе к костру, потянул воздух носом и весело сказал:

— Накормите, и всё расскажу. И кто я таков, и про Остров Счастья, про который вы слыхом не слыхивали. Вот там, на острове, и есть ваша мужицкая воля!

— Жёнка! — приказал Влас. — Налей хлёбова страннику, да со дна зачерпни. В наше время редко бойкого человека встретишь. Все больше горемыки разнесчастные, жалобщики да слёзники.

Гость не заставил себя упрашивать, ухватил одной рукой чашку, другой достал из-за пояса ложку и принялся хлебать, с треском разгрызая сухари и кабанячьи ребра. Поел, облизал ложку и сунул её за пояс.

— Самая нужная вещь! — сказал он. — Без неё человек, как хромой без костыля, — подгреб травы, сел, по-татарски поджав ноги под себя. — Зовут меня Федот, сын Федотов. Купецкий сын, следую по надобности в Царицын. А жительство имею в Архангельске. Вот подрядил меня немец сходить на Низ по его делам.

— Из Архангельска, значит, — протянул Савва и повернулся на бок, поближе к пришлому человеку. — Хорош город. Сам не был, но кое-кого знавал из поморов. Скажи-ка, мил человек, а кто у вас в Троицком соборе протопоп?

— Сейчас какой-то никонианин, а до него, года два назад, был протопоп отец Иоаким. А ты что, божий странник, знавал его?

— Како не знавал, — оживился Савва. — Отец Иоаким в моей келейке живал, когда в лавре бывал.

— Вот оно что, — задумчиво промолвил Федот. — Нет протопопа. Как никоновская

замятня началась, так отец Иоаким проклял новое лжеучение и ушёл на острова к соловецким старцам. И многие с ним ушли.

— И что, стоит монастырь, держится? — спросил, волнуясь, Савва. — Он же в осаде. Там войско царское, пушки...

— Не тужи, батька, стоит! — сказал Федот. — Бояре, известное дело, предали святую церковь, но наш народ не весь, слава Богу, стадо! Этим летом запылает волжский Низ. На Москве слух идет, что царевич Алексей жив, не удалось его извести супостатам.

— Как жив? В церквах объявили, что почил в бозе. И брат его Симеон, и сестра.

— Про этих ничего не ведаю. А про царевича Алексея точно говорят, что чудесным образом был спасен и теперь скрывается у заволжских старцев.

Влас сидел, молча глядя на красные угли костра. В разговор он не вступал, его больше тревожил день завтрашний. А ну, как шиш какой-нибудь послушает всё, о чем здесь брешут. Так завернется дело, что и хвоста родной кобылы не увидишь: вздёрнут на дыбу да язык урежут.

— Слушай, Федот! — сказал он. — Ты человек, видно, не раз пытанный, а я простой мужик, и мне не след в мои года ложиться под кнут. Лучше перед сном расскажи нам про Остров Счастья. Хотелось бы на сон грядущий услышать что-нибудь душепокойное.

– 4 –

— Изволь, хозяин! А что допрежде было, так я ничего не говорил. Ну, так слушайте, только это не придумка, а сущая правда. А началось дело так: заспорили лет этак двадцать назад два наших высоких иерарха о том, какой он — рай. Один уверяет, что рай — это понятие мысленное, откроется человеку только в другой жизни. Другой твердит, что правда твоя, но есть и на земле рай, только даётся он не каждому. Спорили, спорили и порешили найти сметливого человека, снабдить его на дорогу одёжей, припасами, дать ему денег полтину, а потом тычок в спину и отправить его искать заповедную страну, где нет зла, а правит добро, где все сыты, довольны, у каждого христианина земли вволю, и урожай сам-сто, и бояр с приставами нет, да и царя тоже, потому что в раю правят не государевы, а Божеские законы. Звали удалого молодца, как водится, Иваном. Очень не хотел Иван шастать по чужим краям, у него свадьба ладилась с одной раскрасавицей, что телят монастырских отпаивала парным молоком для архимандритова стола, но прознали про эту телятницу шпыни, доложили монастырскому эконому, и запечатал он Матрёну в самую потайную келью до Иванова возвращения. И пошёл Иван первой попавшейся под ноги дорогой через леса дремучие Муромские, как раз те, что мы одолели седьмицу назад. Только с нами ничего не случилось, а к Ивану явился старец и объявил ему, что не дойдёт он до Пещаного моря, где Остров Счастья, коли не будет он знать странноприимцев, которые указывают путь-дорогу и сберегают от опасностей.

— Так укажи, куда обратиться? — сказал Иван.

— Укажу, а ты пообещай мне за это принести ягоду-финик, — потребовал старец.

— Изволь, принесу! Только зачем тебе эта ягода?

— Это не ягода, Иван, а яйцо, которое растет на деревьях. Я подложу его под курицу-наседку, и выклюнется птица Феникс, которая живёт вечно, и если даже сгорит, то из пепла восстанет живой и невредимой.

— Добро, принесу тебе это яйцо-ягоду.

— Ну, ступай тады до Змиевой горы, что под городом Саратовом, там дед-молчун в дупле живет. Дашь ему три сухаря, он тебе тридцать золотых корабельников отсыпет и дорогу укажет.

И побежал Иван. Бежит день, бежит два, бежит десять ден. Уже леса и дебри кончились, степь пошла ковыльная, полынная, репейная. Погнались за ним было калмыки, заарканить хотели и кобыльим молоком опоить, да не догнали: скор наш Иван на ходьбу. Дошел-таки до Змиевой горы, нашёл дуб, в нём дупло, а в дупле старец, который, увидев Ивана, заплакал, как малое дитя.

— О чём горюнишься, отче? — спросил Иван.

— Мочи моей нет, Иван, от таких мук. Кормят меня здесь винными ягодами, арбузами, дынями круглый год, чтобы я поливал этот дуб, а то высохнет он, а под ним пещера с золотыми бочонками, полными лалов, рубинов и яхонтов. Нет ли у тебя сухариков, Ванюша?

— Как не быть, есть. На Руси жить да без сухаря есть-пить? Бери, дедушка! — подал ему три сухаря, а старец отсыпал посыльщику в полу армяка тридцать золотых корабельников.

— Беги теперь, Иван, на Терек-реку. Там казаки живут, с бессерменами сабелька-

ми помахивают. Дашь ихнему ватаману два корабельника. За один корабельник даст тебе ватаман доброго коня, за другой всю казацкую справу.

И опять побежал Иван. Бежит день, бежит два... Степь кончилась, пошли пески зыбучие, жара окаянная, безводье. Но одолел все-таки, вышел к реке, вода в ней чисто лёд, холодная. Достал из-за пазухи сухарь, размочил в воде, съел, стал оглядываться-осматриваться. Видит — едет берегом реки казак, папаха на нём белая, чекмень малиновый, сапожки козловые, сабля серебряная, копьё ясеневое.

— Будь здоров, казак! Мне бы ватамана увидеть надобно.

— Может, мне своё дело обскажешь?

Уперся Иван, ни в какую не хочет говорить ни с кем, окромя ватамана. Засмеялся казак и говорит:

— Я и есть ватаман. Поедем ко мне в приёмный дворец, — и как свистнет. Сразу из камышей конь выбежал и к Ивану ластится. — Хватит играться. Поехали!

И помчались они вдоль берега бурливой реки, где вода с камня на камень прыгает, ревёт и рвёт берега. Скоро примчались на место. Видит Иван между двух дубов жерди березовые привязаны, а на жердях камыш наложен в несколько рядов. И на земле тоже камыш, а поверх него настелены ковры драгоценные персиинские, и стоит посредине огромная бочка с чихирём-вином, и казаки черпают вино кто ковшом, кто ведром и пьют так, что усы и бороды у всех взмокли.

Ватаман отправил казаков, кого границу стеречь, кого отсыпаться на печи, сел в камышовое кресло и говорит:

— Коня ты получил, а где плата? — Иван достал золотой корабельник и подает ему. Затем второй отдает. Ватаман открыл камышовый сундук и выдал Ивану и кафтан, и острую сабельку, и папаху белую. Потом спрашивает: — Не раздумал, Иван, ехать к Пещаному морю?

— Нет, не раздумал. Чую, верное дело. Ноги так самого и несут.

— Тут тебе ноги не подмога. Страшенные горы впереди. Народы живут дикие, обычаев человеческих и Божьих не чтут. Как раз тебя у первой скалы сцапают и уволокут в горы. Но ничего, я помогу, надо тебе до Кахетии пробиться, там грузины живут, православный народ. Главное, сквозь горцев проникнуть. Они вроде молятся Аллаху, а верят в волка, хотя сами по всем повадкам шакалы.

— Как же мне быть? — загоревал Иван.

— Не кручинься! — хлопнул его по плечу ватаман. — Казачки наши засиделись возле баб. Винище хлыщут да порох зазря на кабанов да фазанов жгут. Завтра возьмём сотню бывалых казаков да сопроводим тебя через перевал до Кахетии. Там сам думай, голова должна быть своя на плечах, раз за такое дело взялся.

Наутро, ещё туман стоял густой, как сметана, выехали. Казаки копыта коней обмотали войлоком, чтоб не греметь подковами по каменьям. Вскорости и дымком пахнуло, аул, значит, близко. С десяток казаков исчезли в тумане, вскоре послышался шум, раздался пищальный выстрел. Казаки вернулись не одни: приволокли на арканах двух парней и девку. Девка плачет, а парни злые, зубами верёвки грызут. Ватаман подъехал к ним, вытянул одного-другого плетью поперек спины. Умолкли, соколики, они силу дюже уважают. А тут со стороны аула три старика прискакали на конях.

— Вот и договорились, — довольно сказал ватаман, подъехав к Ивану, — до самого перевала путь свободен. Они будут нас сторожить, чтобы никто случайно из кустов не стрельнул. А эти будут в аманатах.

И пустились в путь. А дорога, братцы, скальная, то осыпь, то тропа, где двоим не разойтись. Долго ехали. К утру выехали на перевал, откуда открылся благодатный вид на долину. Сёла, города — все как на ладони. Тут и сторожа грузинская приспела. Ватаман им все обсказал про Ивана, попрощался с ним и пустился в обратный путь. А грузины не дают Ивану выспаться, везут в стольный город к своему царю, потому что тот был рад всякому православному. Иван заснул в седле, но его бережно сняли с седла, умыли ключевой водой, дали выпить рог белого вина, и усталость как рукой сняло.

Царь грузинский спрашивает Ивана:

— Как изволит царствовать и здравствовать мой дорогой старший брат, его православное и царское величество великий государь Алексей Михайлович? Скоро ли прибудет его посольство с крепким войском, чтобы защитить веру православную от перса и турка, которые мордуют народ грузинский? Куда путь держишь, добрый молодец?

Без утайки всё рассказал Иван грузинскому царю, только про корабельники умолчал, ибо видел в царском дворце бедность страшенную: все потаскали турки да персы да их помощнички с волчьим знаменем.

— Эх, Иван! — вздохнул царь. — Слыхал я про тот чудо-остров за Пещаным морем. Уехал бы с тобой, остался бы в раю. Но кто будет сохранять мой народ?

Повелел он кормить, поить Ивана безденежно и отправить с купеческим караваном в Багдад.

Дорогу до Багдада Иван не запомнил: засунули его в корзину, повесили её сбоку верблюда, и он все двадцать дней проспал, чем удивил караванщиков крепостью русской породы. Правда, левую щеку отлежал да ногу, но ничего — растёрся, расходился, распрыгался. Вспомнил он про своего казацкого коня, да не нашёл. Продали его караванщики, азиаты коварные, а деньги продуванили. Пощупал одежду — целы корабельники. Порадовался Иван этой удаче и пошёл туда, куда пёр весь народ с узлами, коромыслами, бурдюками — к реке великой, известной ещё со времени потопа, Ефрат. Идёт, а сам думает, как он с корабельщиком договариваться будет. Так расстроился, что ругнулся по-русски, что есть силы. Народ от него шарахнулся, а один человек от радости Ивану на шею бросился, обнимает и говорит:

— Давно я русской мовы не чув! Ай! Ай! Какой пан и так далеко от Москвы! Может, помощи треба?

— А ты что за человек?

— Я? Да меня в Кравове знают, в Астрахани знают, в Москве самому великому государю часы с боем преподнес. Я честный человек и зовут меня Марк. Говори, что у тебя за беда?

— Мне к Пещаному морю, там, сказывают, недалече от берега есть Остров Счастья.

— Был я там, — сказал Марк, — да не пожилось: на острове нет денег, ни золотых, ни серебряных, ни железных. А теперь скажи, Иван, что мне делать там, где нет денег?

— У меня другая печаль: не знаю, как добраться до Пещаного моря.

— Денег, стало быть, у тебя нет, — оживился Марк. — А вот кун добрый, дам я тебе за него пять динаров.

Устроил Марк нашего Ивана на корабль честь честью. Дали ему место на палубе под тростниковым навесом, кормили сарацинским пшеном, поили крепким пахучим напитком, кофе называется, он у арабов потребляется навроде нашего сбитня. Ехал Иван до Пещаного моря долго: пять раз на день корабельщики бросали паруса и вёсла, расстилали молитвенные коврики и совершали намаз своему Аллаху.

Иван, глядя на них, благочестивым стал, молился Пресвятой Троице и с умилением трепетным взирал вокруг. Ведь в этих местах некогда Господь устроил для Адама и Евы райский сад, и жили они там, пока не прогневали творца, и изверг он их оттуда. Но всё равно многое осталось от райского сада на берегах Ефрата. Вдоль реки стояли чудные деревья, усыпанные плодами, воды были покрыты цветами, от коих, особенно по вечерам, разливался благовонный аромат, в волнах то и дело плескались рыбы с радужным оперением, из тростниковых зарослей тучами подымались оранжевые длинноклювые птицы.

Добрался Иван до Пещаного моря и пошёл берегом, высматривая в просторе морском Остров Счастья, но солнце так слепило ему глаза, что ничего не было видно. Сел он под раскидистое дерево и скоро задремал. И вдруг будто кто-то его толкнул, открыл глаза и видит: стоит перед ним, покачиваясь с пяток на носки и ухватившись большими пальцами рук за отвороты своего короткого кафтана, невысокий лобастый человек с большой лысиной, рыжеватыми усами и бородкой и смотрит на него с таким добрым прищуром, что Иван сразу почувствовал к нему неодолимую сердечную тягу.

— Пришлось разбудить тебя, Иван, — сказал незнакомец. — Ещё час назад на Остров Счастья идти было рано, через час будет поздно, а сейчас в самый раз.

— Как же я до него доберусь? — усомнился Иван. — Я по воде не ходок.

— Разве ты дороги на Остров Счастья не видишь? — незнакомец повернулся лицом к бескрайнему морю и, оставив левую руку на отвороте кафтана, правую вскинул в указующем жесте. — Иди по лунному следу и не страшись, что утонешь! Главное для тебя, Иван, не отклоняться от правильной линии ни влево, ни вправо, иначе своей цели ты не достигнешь.

— Авось, и останусь жив! — решился Иван и ступил на воду, где неведомая сила его подхватила и повлекла прочь от берега.

Не успел Иван моргнуть три раза, как оказался на острове перед воротами города. И ночи как не бывало. Удивился Иван — солнце из моря встает, птицы с длинными хвостами поют, стража на пряслах бьёт в тулумбасы и громко дует в трубы. «Не меня ли так пышно встречают?» — подумал Иван. Только он успел едва оглядеться по сторонам, как подбежал к нему местный житель.

— Челом, Иван! С успешным прибытием на Остров Счастья!

— Почем ты ведаешь, что меня кличут Иваном?

— Невелика загадка! — улыбнулся встречальщик. — По твоему обличию сразу видно, что ты русак, стало быть, Иван. А теперь говори, зачем к нам припожаловал: насовсем или в гости? Мы в любом разе тебе рады, давно из русской земли к нам никто не являлся, хотя нам доподлинно ведомо, что всякий мужик там мечтает о счастье и воле.

— Послали меня православные архимандриты проверить, есть ли на вашем дивном острове такое, что можно почесть за рай на земле, — сказал Иван. — Посему остаться здесь я не могу, мне надо вернуться и вызволить свою любушку Матрёну, которую монахи запечатали до моего возвращения в тайную келью.

— Раз так, гостюй сколько похочешь, ступай за мной, я определю тебе избу, где ты сможешь отдохнуть, пока я доложу старцам твоё дело.

Провёл встречальщик Ивана через ворота, и ступили они на улицу, вымощенную изразцовыми плитками, а вокруг стояли рубленые избы с широкими стеклянными окнами, в каждом дворе бил упругой струей из земли водомёт и наполнял воздух приятной свежестью.

— А что, — сказал Иван, — у вас мылен нет и вы на дворе моетесь?

— Как нет, — улыбнулся Ивановой простоте встречальщик. — Вот тебе и мыленка, мы её завсегда держим горячей, на случай приезда гостей. Ступай в неё, а я пока отойду по твоему делу.

Зашёл Иван в мыленку, разделся, прыг на полок и начал обихаживать себя веником, сначала березовым, потом дубовым, а напоследок пальмовым, с того самого дерева, на коем ягода-финик родится. Так проняло жаром-пылом, что он выбежал из мыленки и бросился под водомёт охладиться. От холодной воды Иван скоро пришёл в память, устыдился своей наготы и скрылся в предбаннике. Только успел одеться, как услышал, что его поторапливает встречальщик:

— Поспеши, Иван, старцы сошлись и готовы тебя выслушать!

На площади подле собора стояли вкруговую скамьи, и на них восседали одетые в белые одежды старцы. Поведал им Иван про спор архимандритов и о своём пути на Пещаное море, и один старец за всех ему отвечает:

— Скажи, добрый молодец, высокочтимым отцам русской православной церкви, что не о мысленном, ни земном рае мы не ведаем. Мы живём по Божеским законам, как их нам Бог на душу положил. И у нас здесь решено, что все люди равны от своего рождения, и поэтому ни царя, ни патриарха, ни бояр ихних, ни другого дьяческого и подьяческого семени не держим. На нашем острове один господин — равенство во всём. Вот гляди: все жители у нас одинакового роста, примерно равной силы, стати, красоты и приятности, только одни чернявые, другие белявые. Грамоты мы не знаем, книг не читаем, потому что это зловредное занятие, ведущее к гордыне и умопотрясению. Вместо книг у нас предания об отцах, дедах, прадедах, их славе и разуме. Чудный остров, дарованный нам промыслом Божьим, природу имеет, тоже склонную к равенству. У каждого хозяина всего рождается вровень: пшеницы, огородных плодов. Овцы приносят по два ягненка, кобылы — по одному жеребенку, коровы — по одному теленку. От такого Божьего расположения нет у нас бедных и богатых. Потому нет зависти, корысти, гордыни, преступлений, свар, нехороших слов в обращении. Для житья и работы у каждого есть своего в достатке, поэтому мы не одалживаемся друг у друга, не ходим друг к другу в гости. А все праздники встречаем вместе на этой площади за общими столами, после того как помолимся в храме. На праздниках и дома хмельного не употребляем, но все веселы и довольны. Хотя и не болеем, но приходит срок, и все умираем. А рая у нас, как видишь, нет.

— Ваш остров невелик, и Рязань не поместится, — сказал Иван. — Но как на великой Руси порядки завести вроде ваших?

— На этот вопрос ответа дать сразу не можем, — сказали старцы. — Ходи по городу, смотри, разглядывай, а мы держать совет будем.

Поклонился Иван старцам и пошёл по городу. В первом же доме его накормили щами с мясом, только вместо капусты в хлёбове плавали маслины. Полюбовался он работой мастериц, что вышивали золотом по шёлку. Девушки узнали про зазнобу Матрёну-телятницу, что томится в монастырской келье, и подарили ей дивный шёлковый плат с золотыми павлинами. Вышел из крепости — мужики огромный корабль сталкивают в море по бревнам. Помог им, поднапёрся плечом. Долго смотрел на дельфинов, что высоко выпрыгивали из волн, а мальчишки на них верхом катались. Однако темнеть начало, и возвратился Иван в город.

Старцы, видно, весь день с мест не вставали, потные сидят, а для прохлады молоко пьют кокосовое.

— Слушай, Иван, наш приговор! — промолвил маститый старец, видимо, главный между прочими. — Передай своим архимандритам, что ответа от нас им не будет. Они свой спор почерпнули из книг, а мы люди неграмотные, поэтому спросу с нас нет. Скажи ещё, что равенство на Руси быть не может, ибо русские люди изначала не сумели жить мирным общежитием, а поставили над собой царя, бояр, дворян, воевод, дьяков, приставов, старост, которые ими управляют или по праву рождения, или по силе наглости. И Русь с самого начала не освобождается от грехов и неправд, а копит их всё больше и больше. Всё на Руси повязано насилием и неправдами, и порвать эти

цепи сможет только народный бунт. Когда-нибудь явится на свет атаман всея гулёвой Руси, вздыбит мужиков на бояр, и начнётся резня и великое пролитие крови. А теперь, Иван, ступай на корабль, он идёт в Царьград, затем крымскую в Кафу, а там и до Руси рукой подать.

— Премного вам кланяюсь за гостеприимство, дорогие хозяева! — Иван низко поклонился. — Не обессудьте за просьбишку: муромский старец, что помог мне добраться до вас, просил принести ему финик-ягоду.

— Этого добра у нас премного, — сказал старец. — Возьми и себе, хоть мешок, хоть два.

Сел утром Иван на корабль и через два месяца был у архимандритов, завезя по пути муромскому старцу мешок фиников-ягод. Выслушали архимандриты Ивана, затопали ногами, забрызгали слюной и приказали отцу-эконому бить батогами Ивана на конюшне. Выдали Ивану сто батогов и бросили в горячий коровий навоз, чтобы отлежался. Там нашла его телятница Матрёна и уволокла к себе в избёнку. Омыла его настоем чистотела и спрашивает:

— Где же ты, Ванюша, пил-гулял? Меня, болезную, забыл, а я глазоньки выплакала, тебя поджидаючи.

— Не плачь, Матрёна. Разверни-ка мой кушак и достань подарок с Пещаного моря.

Развернула Матрена кушак, достала плат, накинула на плечи, и в избенке стало светлым-светло.

Через несколько дён ушли они убёгом на Терек, к вольным казакам. На оставшиеся корабельники купил Иван коня и всю казацкую справу, построил камышовую хатку и стал казаковать. А Матрёна, что ни год, то казаков да казачек ему рожала. Так и живет он на Тереке до сих пор, пьёт чихирь, казакам об острове в Пещаном море рассказывает.

Федот потянулся, зевнул, затем опрокинулся на спину, подсунул под голову шапку и захрапел во всю мочь.

— Добрая сказка, — промолвил Максим.

— Почему сказка? — возразил Савва. — Я знавал человека, который мне уже поведал об Острове Счастья. Федот про архимандритов не сказал, а с ними беда вышла: они так расшумелись о мыслимом и земном мире, что патриарх сослал их в дальний монастырь, дабы они народ не смущали.

Захребетнику Прошке рассказ Федота разбередил душу.

— Вот попасть туда! — сверкая глазами, сказал он. — Знал бы дорогу, побежал сейчас же, на ночь глядя!

— Тебе ничего другого не надо, как целыми днями на печи качаться, — проворчал Влас. — На блинах спать, а на калаче держать голову. Вот и поживи с таким, хоть и в раю. И на Острове Счастья пашенку нужно холить, и лодырям, как ты, Прошка, там места нет.

— Скорее всего, нет никакого Острова Счастья, — сказал Максим, мостя себе для спанья подстилку из еловых веток. После разразившейся над ним беды — потери Любаши — он стал ко всему недоверчив.

— Слушал бы ты эту бывальщину на голодное брюхо, не усомнился, — шутливо промолвил Савва. — А то натрескался кабанятины и от сытости осовел.

На другой день по дороге к Промзину Городищу к их ватаге стали прибиваться богомольцы, что из разных мест шли к святой Николиной горе пожалиться святому угоднику о своих бедах и испить водицы из чудодейственного родника, помогавшей излечиться от всяких болячек и хворей. Погода благоволила путникам: было тепло и сухо, дул упругий ветерок, сметавший комаров с открытых мест, ельники отступили, и появились, веселя взгляд, дубовые и берёзовые рощи, и между ними луга с высокими цветущими травами.

Перед Николиной горой люди остановились, поснимали шапки и пали на колени. Она была чудна не только своей святостью, но и местоположением: кругом простиралась равнина, и гора восходила над ней, как огромный опущенный с небес на землю колокол, видный на многие вёрсты вокруг. На её вершине стояла часовня, к которой по наторенным тропам шли, ползли, карабкались богомольцы. Рядом с Максимом взбирался по тропе слепой малец, он через каждые три шага кланялся и крестился, а мать его легонько поддерживала за руку, молясь о чуде прозрения своего сына.

На вершине горы стояла невеликая часовня во имя Святого Николая Чудотворца, люди заходили в неё, молились и, поцеловав образ святого, покидали, просветлев душой и в полной уверенности, что чаемое ими неприменно свершится. Вошёл в неё и Максим, упал на колени и жарко вымолвил: «Святой Никола! Помоги мне вернуть мою Любашу!» Коснувшись губами зацелованного оклада иконы, он вышел из часовни и стал ожидать, когда отмолятся его попутчики. Дольше всех в ней задержался Влас,

у него было много прошений к святому угоднику, и он донёс их ему одно за другим, сопровождая каждое истовым и жарким молением.

Богомольцы не спешили покидать святую гору, на днях здесь свершилось чудо оздоровления сухорукого человека, и люди только об этом и говорили, непременно вспоминая все знаки внимания Николая Угодника, которые он оказывал этому месту. Несколько веков назад на сурскую землю напала орда кочевников, а рать защитников была мала и не могла долго сопротивляться. И тогда на вершине горы в столпе огня появился Божественный всадник — Николай Чудотворец, и, узрев его, поганая орда взвыла от ужаса и обратилась в бегство, и никто из врагов православия не подступал с той поры к заповедному месту.

Сойдя с Николиной горы, они повернулись к ней, перекрестились и пошли к Суре, за которой начиналась синбирская земля. Когда путники по наплавному мосту достигли правого берега, их встретила таможенная стража. Одышливый и рыхлый приказчик окинул людей испытанным взором мздоимца и вопросил:

— Кто такие? По какой надобности сюда явились?

— Переведенец из Патрикеевой волости, — сняв шапку, сказал Влас. — Со мной мои домочадцы, а на телеге пожитки.

— Тебя-то я вижу, что ты мужик, — приказчик грозно нахмурил брови. — А это что за люди?

Максим и Савва достали свои грамотки, но отдавать не поспешили.

— Идём в Синбирск, — сказал Савва. — Воевода князь Дашков затребовал нас из Москвы как письменных и кузнечных дел умельцев. У меня в суме чернильница да бумага, а у Максима кузнечные снасти.

— Явите грамотки в воеводской избе, — важно молвил приказчик и ухватил Федота за воротник кафтана. — А у тебя какая грамотка?

Федот весело на него глянул и полез рукой себе за пазуху.

— Погоди чуток, сейчас явлю свою грамотку, только нашарю.

Приказчик принял поданную ему мзду и кисло поморщился.

— Рожа, гляжу, у тебя воровская, а ты её вздумал двумя алтынами прикрыть. А ну, ребята, порастрясите его!

Двое стражников накинулись на Федота, сорвали с него кафтан, сняли сапоги, опростали суму, но ничего не нашли, что можно было присвоить.

— На сей раз я тебя отпускаю без битья, — сказал приказчик. — Ступай, но в другой раз пустым на мой перевоз не являйся, изведаешь палок досыта.

Обуваясь, Федот зло пришёптывал:

— Годи, трухлявый пень, будет случай, явлюсь сюда и вздёрну тебя на веску!

Подхватив суму, он пустился догонять попутчиков, которые скоро уходили от Суры в сторону карсунской дороги. Максима случай на сурском мосту смутил, до него стало доходить, что в пустом пограничном краю каждый человек известен, а на беглых людей здесь много ловцов, и не все они полоротые, как таможенный приказчик. А Савва не унывал:

— Узнал, Максим, какая сила в приказной грамотке? — похвалился от своей находчивостью. — Не изготовь я её, худо пришлось бы тебе.

— Один раз она меня выручила, а на другой раз? Найдётся грамотей и отыщет какую-нибудь в ней зацепку. Добро бы до Синбирска дойти и грамотку никому не являть.

Они прошли по карсунской дороге верст десять, когда Влас остановился и, забравшись на телегу, осмотрелся вокруг.

— Сдается мне, что мы лишку прошли, — сказал он. — Починок где-то на берегу Барыша, а мы от него всё отходим и отходим. Сейчас до реки версты две-три будет, надо найти берег и идти по нему до жилья. Выпрягай, Андрейка, кобылу и пробеги до Барыша, сыщи починок.

— Я с ним пойду, — Максим стал снимать с Солового вьюк.

— Тебе же в Синбирск, — удивился Влас. — Савве тоже, а Федотке неведомо куда. Ступайте, мужики, своей дорогой и не тяготитесь моей заботой.

— Поезжай, Максим, — сказал Савва. — Синбирск от нас не убежит, мы можем и подзадержаться. Вот глянем, как живут переселенцы, и пойдём своей дорогой.

— Вместе прогуливаться в незнакомом месте веселей, — поддержал Федот Савву. — Я тоже не спешу, меня, кроме матери-Волги, никто не ждет.

Парни сели на коней и поехали по луговине к невысокой гриве, взобрались на неё, помахали оставшимся их поджидать людям и пропали из вида.

— Вставай, Влас, на днёвку, — сказал Савва. — Они вернутся нескоро. Раньше вечера мы на месте не будем. А утром оглядимся, если надо, поможем тебе землянку слепить и пойдем на Синбирск.

Глава вторая

– 1 –

Через три дня путники достигли неширокой и тихой речки Свияги, за которой на горе россыпью изб и главами церквей виднелся град Синбирск. У въезда на мост на них хмуро глянул караульщик, но не остановил, поскольку сразу смекнул, что поживиться с этих прохожих ему будет нечем — один монах, а двое других явно люди бывалые и привычные за себя постоять.

За мостом Федот остановился и огляделся.

— Давайте, дружьё, прощаться, — сказал он. — Мне в город идти не с руки, я лучше обойду его стороной.

— Куда же ты направишься? — спросил Максим.

— На Волгу, — ответил Федот. — За волей и счастьем нечего на Пещаное море идти, его и недалече, за Синбирской горой, сыскать можно. Айда со мной, а то как раз тебя в Синбирске ярыжки опознают как беглого.

— Я пока воли не ищу, — отказался Максим. — А в граде обязательно побывать должен, людям обещал.

— Что ж, вольному воля, — сказал Федот и, не оглядываясь, пошёл по берегу Свияги.

— Гулёвой человек, — сказал Савва. — Сразу видно, что ему матушка — сабля вострая, а батюшка — воровской атаман.

По разбитой тележными колесами дороге они поднялись в гору к посаду и пошли по улице мимо заборов, за которыми стояли избы, частью свежерубленные, частью обгорелые.

— Видно, пожар недавно был, — сказал Савва. — Дело обычное. Но крепость цела. Что, Максимушка, пойдём к воеводскому крыльцу, явим грамотки, ты свою не потерял?

Максим поскучнел, идти к воеводе ему не хотелось. Хотя Савва и горазд писать, но местные дьяки тоже не слепы, а ну, как узрят, что грамота писана не в Москве, а на осиновом пне близ большой дороги? Страх подумать, что будет и с ним, и с писарем.

— Погодим идти, батька, — сказал Максим. — Мне здесь на посаде одного человека проведать надо.

— Это кого ж?

— Сам не знаю, — уклончиво промолвил Максим. — И тебе его знать незачем. Ты лучше ступай на зады, вон к тому амбару и будь близ него, я тебя отыщу после.

— Ладно, — сказал Савва. — Но ты не пропадай до ночи.

— Иди, иди! — поторопил спутника Максим, увидев, что от Свияги к ним подымается воз и рядом с ним, держа в руках вожжи, идёт мужик.

— Как не знать Андреева Ивана Ермолаевича, — сказал возчик. — А на что он тебе?

— Я тебе не про дело говорю, — обозлился Максим и грозно воззрился на него. — Я тебя спрашиваю, где его изба?

— Да я так, слова ради, спросил, — испугался мужик. — Экий ты бедовый! А Иван Ермолаевич недалече живёт. Вон его изба под новой крышей!

Держа в поводу коня, Максим пошёл по улице. Было жарко, обыватели посада, свято блюдя обычай послеобеденного отдыха, попрятались по избам, сеновалам, другим прохладным местам и предавались сну. Фыркнув, Соловый потревожил дремавших под ивовым кустом кур, они прыснули в разные стороны, а петух отважно зыркнул на Максима огнистым оком и, захлопав крыльями, хрипло заголосил.

Домовладение мельника Андреева отличалось от прочих высокой, из крепких сосновых кольев городьбой, за которой изб не было видно. Земля возле ворот была присыпана речным песком, рядом с ними находилась коновязь. Максим привязал коня и несколько раз брякнул воротной колотушкой. Послышались быстрые и легкие шаги, оконце в воротах распахнулось, и раздался молодой голос:

— Кого ищешь?

— Мне бы хозяина, — сказал Максим. — Я к нему от Автонома Евсеева, с Теши.

Загремели запоры, ворота распахнулись, и появился молодой широкоплечий парень.

— Конь твой? — спросил он и, не дожидаясь ответа, отвязал Солового от коновязи. — Заходи, что стоишь? Здесь все свои. А меня Ермолаем кличут.

Двор был застроен многими избами и амбарами. Максим вслед за сыном хозяина прошёл до крыльца. Ермолай взбежал по ступенькам, стукнул кулаком в дверь, открыл её, вошёл и через мгновенье высунулся.

— Заходи!

Мельник Андреев сидел спиной к стене на скамье, положив руки на стол. Максим перекрестился на образа и почтительно поздоровался с хозяином, назвав своё имя.

— Как дорога? — спросил Иван Ермолаевич. — Поди, всё лесом?

— И так было.

— Ты один шёл или с людьми? Может, кого сюда привёл?

— Есть попутчик, переписчик книг Савва, — сказал Максим. — Я его на задах подле амбара оставил дожидаться.

Хозяин стал явно недоволен.

— Давай посылку.

— Прикажи парню принести поклажу с коня.

— Неси, Ермолай. А потом сбегай за этим Саввой и приведи сюда, да так, чтобы никто не видел.

Ермолай принёс вьюк, Максим рассупонил завязи, развернул поклажу, взял свой рабочий ножик и стал распарывать мешковину по шву. Грамотки были завернуты в бычьем пузыре, чтобы не промокли. Достал их, отдал хозяину. Тот увидел кузнечные орудия и улыбнулся.

— Ты и взаправду кузнец?

— Кое-что умею, — сказал Максим. — Но до конца не выучился. Хозяин помер, и я достался его брату.

— Так ты холоп?

— Отец себя запродал и нас с матерью.

В избу вошёл Ермолай и вопросительно посмотрел на отца.

— Привел попутчика?

— У крыльца оставил.

— Добро. Запри его в амбар. А ты, Максим, побудь здесь. Принеси ему, Ермолайка, из поварни что-нибудь поесть. Я скоро вернусь.

Ермолай принес чашку рыбы, кувшин квасу, ломоть хлеба и удалился. Максим услышал, как он громыхнул засовом двери и усмехнулся. Заточение его не огорчило, рыба оказалась вкусной, хлеб мягким и теплым, квас шипучим и острым. Он поел и, положив шапку под голову, лёг на лавку. Только закрыл глаза, и привиделась Любаша, какой он её запомнил во время последней встречи. Не хотела она уходить от него, словно чувствовала разлуку. Где она сейчас, да и жива ли?

В сенях послышались тяжелые шаги, дверь в горницу распахнулась. Максим закрыл глаза и прикинулся спящим.

— Вставай, странничек! — сказал Иван Ермолаевич. — Огляди, Степан Ерофеич, гостя.

Максим опустил ноги на пол, поправил рукой волосы на голове. Поднял глаза и натолкнулся на цепкий взгляд незнакомца. Тот смотрел на него так остро, будто крючок ему в самую душу забросил и всё оттуда тянул да вытягивал. Максим смутился и потупился.

— Не бойся, парень, — сказал Андреев. — Этот человек может стать твоим счастьем, если приглянешься ему. Это сам Твёрдышев. Слыхал про него?

— Пока нет.

Степану Ерофеевичу, купцу гостиной сотни, чье имя было на всей Волге знаменито, такой ответ был в диковинку и посему понравился. Он сел на скамью напротив Максима и спросил:

— Ты как Автонома Евсеева знаешь? Говори всё, как есть.

Услышав в конце исповеди, что Максим пришёл не один, а привёл с собой учёного монаха, Степан Ерофеевич заинтересовался, коротко бросил Андрееву:

— Показывай этого Савву, переписчика!

Монах даром времени не терял и явился заспанный, ряса в клочьях соломы, в бороде паутина. Испуганно глянул на Максима: мол, за что беду ты, парень, накликал на мою седую голову — сначала в амбар кинули, а теперь розыск хотят учинить.

— Ты что, и в самом деле переписчик? — спросил Твёрдышев.

Эти слова враз успокоили Савву, о своем рукомесле ему отвечать было привычно. Он развязал суму, достал из неё «Казанскую историю» и положил на стол. Твёрдышев взял книгу, перелистал её, прочитал последнюю страницу и сказал:

— Вижу, что ты и впрямь переписчик, таким цены нет. Но что тебя согнало с Москвы?

— Тягостно мне стало, господине, от новых церковных порядков, вот и ушёл, куда глаза глядят.

Твёрдышев ненадолго задумался, затем промолвил:

— Мне такой человек, как ты, нужен. Согласен на меня работать переписчиком? Вестимо, за деньги.

— Куда ж мне, сироте, деваться? Доброму человеку не грех послужить, — сказал

Савва. — Возьми тогда, господине, и парня. Он честен и дело знает.

— Что умеешь? — спросил Твердышев.

— Кузнечное дело знаю, — тихо промолвил Максим и толкнул ногой суму с железными инструментами.

— С ним непросто, он ведь беглый, — задумчиво произнёс Твёрдышев. — А государевы сыщики и в Синбирске шарят.

— Я ему грамоту сделал, — сказал Саваа. — На аглицкой бумаге.

Максим достал бумагу и подал Твёрдышеву. Тот её развернул, прочитал и усмехнулся.

— Наш подьячий Никита Есипов грамотей не слабее тебя, Савва. Он сразу узрит, что сия грамотка писалась не в московском приказе, а в подворотне на коленке. Где у тебя огонь, Иван Ермолаич? Возьми и сожги эту писульку немедля, она парню ничего, кроме батогов, не сулит.

— Зачем жечь аглицкую бумагу, она денег стоит? Отдай её мне, я повыскоблю написанное и по-другому разу, будет нужна, напишу, — сказал Савва.

Но Твёрдышев ему грамоту не отдал, порвал на несколько кусков и бросил на стол.

— Для тебя, Савва, у меня непочатая стопа аглицкой бумаги имеется. Сейчас мы пойдём являться к князю Дашкову, а затем я тебе укажу твоё место в своей избе. Там у тебя будут и стол, и бумага, и перья, и чернила, и лавка для спанья.

— Степан Ерофеич, — сказал Андреев. — Куда решишь парня пристроить? Может, ко мне на мельницу?

— Добро. Пусть у тебя побудет, в стороне от чужих глаз. А там я подумаю, как ему помочь.

Максим с жадностью внимал словам сильного человека, а Иван Андреев толкнул его в спину.

— Кланяйся, дурень! Благодари Степана Ерофеича за милостивое слово.

Максим прямо с лавки упал на колени и стукнулся лбом о пол.

– 2 –

Когда Твердышев и Савва подходили к Синбирскому кремлю, колокол на надвратной башне Крымских проездных ворот звучно, на всю округу, отмерил девятый час дня. Воротник Федька Трофимов подобострастно поклонился Твёрдышеву и хмуро посмотрел на семенившего рядом с шибко шагавшим купцом Савву, которого весьма удивило множество ратных людей вокруг.

— На Низу Стенька Разин большую силу взял, — сказал Степан Ерофеевич. — Грозит своей вольницей самой Москве. Вот мы силы копим, на днях подошли приказы московских стрельцов.

Савва поежился, ему были ведомы повадки воинских людей, которые страшились только палок своих начальников и были непрочь пограбить обывателей, если те плохо запирали ворота своих домов.

Воевода князь Дашков по случаю жары прохлаждался под шатровым крыльцом съезжей избы, где его обдувало свежим ветерком с Волги. Князь был седоголов, но ещё весьма проворен в движениях, особенно когда его что-нибудь досадило. Час назад он получил думскую грамоту, что воеводой в Синбирск назначен князь Милославский. Дашков расценил это решение государя Алексея Михайловича как явную каверзу, устроенную супротив него московскими недоброжелателями, и долго вычитывал грамоту. Затем начал метаться по крыльцу и размахивать руками, чем немало удивил московского стряпчего, который доставил грамоту в Синбирск. Утомившись бегать, он остановился и спросил вестовщика:

— Что знаешь о Милославском?

— Князь отправился следом за мной, — ответил стряпчий. — Ему велено для скорости идти не водой, а посуху, и обоза с собой не брать.

— К чему такая спешка? — задумчиво произнёс Дашков. — Ты ведь трёшься подле царского крыльца, многое ведаешь. Слышал, почему мне такая немилость?

— Не волен я входить в рассуждения сильных людей, — сказал стряпчий. — Правда, краем уха слышал, что в Синбирске будут ждать мятежников с волжского Низа, посему решено на град поставить Милославского, а также дать ему в подмогу князя Барятинского с двумя полками рейтар.

— Что ж они, вора до Синбирска думают допустить? — удивился Дашков. — А что астраханские воеводы? Разве у них нет мочи уничтожить воровских казаков?

— Того я не ведаю, князь, — сказал стряпчий и потупился. Он был разбит до последней жилки своего тела гоньбой по лесным дорогам, смертельно устал и ждал только одного — упасть на лавку и провалиться в беспамятный и мутный сон. Это увидел и воевода.

— Есипов! — крикнул он. — Проводи вестовщика в осадную избу, пусть отоспится.

Подьячий повёл москвича на отдых, и Твёрдышев с Саввой столкнулись с ним на полпути.

— Как воевода? — спросил купец.

— По крыльцу мечется, — усмехнулся Есипов.

— Что так? Чем князь огорчён?

— Сей стряпчий привёз воеводе в перемётной суме полный воз новостей. На Синбирск воеводой поставлен князь Иван Богданович Милославский.

Известие было для Твёрдышева огорчительным: Дашков давно сидел на воеводстве, и купец научился с ним обходиться. Почти все кабаки в Синбирском уезде и в самом граде были у Твёрдышева в откупе, ему же принадлежали крупные участки рыбных ловлей на Волге, со всего этого хозяйства он получал большие доходы, не забывая при этом полновластного владыку здешних мест воеводу Дашкова. Брал князь деньги у купца, порой до тысячи рублей, на оплату жалованья служилым людям, потому что Москва часто задерживала выдачу денежного содержания стрельцам и казакам. И сейчас за воеводой имелось шестьсот рублей долгу, поэтому Степан Ерофеевич поспешил к воеводской избе.

Князь Дашков уже успел укротить всколыхнувшееся в нём чувство обиды и начинал подумывать, что утрата воеводства ему может выйти как раз на руку. Скоро на Волге начнется такая кровавая смута, что лучше от этих мест быть подале, к примеру, в родовой вотчине, куда Дашков не заглядывал уже пять лет, отданных синбирской службе. Пусть Милославский воюет с воровскими казаками и всякой другой сволочью, а я, размышлял князь, хоть и саблю не вынимал из ножен, но достойно служил великому государю на Синбирске: добрый городок Сенгилей поставил, до двухсот дворян наделил поместьями по обе стороны Волги и за Синбирской крепостью догляд держал, ни пожара, ни мора при мне здесь не было, прясла подправил новыми сосновыми и дубовыми срубами, в пороховом погребе под крышку припасено зелья и свинца в чушках, в амбарах запасены солёная рыба, мука на случай приступа, казакам и стрельцам полностью отдано денежное довольствие.

Эти размышления утешили Ивана Ивановича, и он крикнул, чтобы ему принесли квасу, настоянного на винных ягодах, сладкого и слегка веселящего разум заморским хмелем. Окончательно смыв квасом горечь от худой московской вести, Дашков весёлым взглядом оглядел всё вокруг и увидел, что к нему идёт Твёрдышев с каким-то монахом. «Рублей двести я с него на прощальный поминок возьму, — мелькнуло в голове князя. — У Твёрдышева мошна тугая, на десятки тысяч».

— Будь здрав, милостивый князь! — промолвил, степенно поклонившись, купец. — Вот являю тебе сего смиренного инока Савву, которого я беру себе переписчиком.

Дашков окинул Савву скорым взглядом и погрозил купцу пальцем.

— Знаю я твои переписи, Степан Ерофеич, — молвил, улыбаясь, он. — Ведь не твои приходы-расходы будет переписывать, это ты в голове держишь. А станет сей мних строчить списки с раскольничьих грамот, коими наводнена уже Русь, из Пустозёрска.

Твёрдышев с улыбкой встретил притворно суровый взгляд воеводы, а Савва похолодел от страха: он бежал из Москвы от огня никониан, а в Синбирске, кажется, попал в полымя.

— Давно я хотел, князь, иметь список «Казанской истории», — сказал Степан Ерофеевич. — Теперь Савва мне его исполнит.

— Против этого у меня нет запрета, — сказал Дашков. — Ты ведь знаешь, Степан, я к старой вере терпим. Протопопа Никифора терпел и укрывал, пока вселенские патриархи на Синбирск не наехали и его не расстригли. Хороший был поп, но погиб, как дурак, царствие ему небесное, — воевода истово перекрестился, отпил квасу и улыбнулся. — Волей великого государя я освобождён от розыска над тобой, Степан Ерофеевич. На Синбирск поставлен князь Милославский. Пусть у него теперь голова болит о раскольниках и воровских казаках, которые, кажись, надумали устроить между собой стачку против великого государя. Говорю тебе, как некогда попу Никифору: уймись, Степан, со своим расколом и крепче держись за свою мошну. Охота тебе этих трутней, что себя жгут, рублями осыпать! Не купецкое это дело...

— Я дело своё завсегда в уме держу, — спокойно сказал Твёрдышев. — За тобой, князь, долг есть в шестьсот рублей. Что будет стоить твоя поручная запись, когда явится Милославский?

— Долг не на мне, а на казне, — возразил Дашков, пытливо вглядываясь в глаза Твёрдышева. — Может, ты по-другому мыслишь?

Степан Ерофеевич подошёл к крыльцу, поднялся по ступенькам и тихо произнёс:

— Сам знаешь, Иван Иванович, что Милославский от долга не откажется, но отдавать не поспешит. Посему есть у меня для тебя слово.

— Говори, — сказал воевода и замахнулся на некстати выскочившего из избы слу-

гу. — Умное слово никогда не повредит.

— Давай, Иван Иванович, перепишем поручную запись. Скажем, что ты взял шестьсот рублей не в казённый долг, а за рыбные ловли близ Ундоров.

Воевода часто задышал и начал мерить крыльцо шагами от одного конца к другому.

— Эти ловли сейчас даны Ушакову, — внезапно остановившись, промолвил он. — Как с ним?

— Через месяц у него его срок заканчивается, — сказал Твёрдышев. — Дай поручную запись, что взял деньги за ловли, начиная со следующего месяца, те же шестьсот рублей. Вот и не станет у казны долга. А тебе, Иван Иванович, от меня будет двести рублей поминка на счастливую дорогу.

— Ушаков буянить начнёт, — задумчиво сказал Дашков, затем резко махнул рукой. — Добро, уговорил! Значит, двести рублей?

— Как одна копейка! — клятвенно произнес Твёрдышев. — Чтобы не тянуть, сейчас и сделаем поручную запись.

— Кто сделает? — спросил воевода. — Никитку Есипова не надо, он болтун и дурак. Может, твой монах грамотку спроворит? Но не тут. Ступай в свою избу, а я после к тебе загляну.

Твёрдышев спустился с крыльца и, поманив за собой Савву, пошёл мимо соборной церкви, возле которой, дожидаясь начала службы, сидели на земле с десяток нищих. Невдалеке от них на скамеечке расположился площадной подьячий, поджидая челобитчика, крестьянина или посадского человека. Красноносый от непомерного пития хмельного грамотей, завидев Твёрдышева, встал и приветствовал купца низким поклоном.

— Бог в помощь, Герасим! — произнес Степан Ерофеевич. — Много ль полушек за сёдни сшиб?

— На квас не добыл, — скривился подьячий. — Со вчерашнего дня во рту маковой росинки не побывало. А про остальное уж молчу. Пожалуй, милостивец, пишущего раба твоего алтыном, я отслужу.

— Худая от тебя служба, Герасим, — сказал Твёрдышев. — Намедни писал мне грамотку и всю жиром заляпал. У меня теперь свой переписчик появился, московской выучки. И хмельное не лопает, как ты.

— Этот, что ли? — пренебрежительно вопросил подьячий, указывая грязным перстом на Савву. — Да он ни бельмеса не кумекает в приказных заковырках. А я тебе пригожусь. Выщелкни алтын, Степан Ерофеевич, за мной не пропадёт.

Не хотелось Твёрдышеву развязывать кошель, но пришлось, нужным человеком был подьячий, выручал не раз купца от подвохов соперников, ибо многое ему было ведомо по его службе. Получив алтын, Герасим опрометью бросился к крепостным воротам, за которыми на посаде стоял кабак.

— Беда с русским человеком, — вздохнул Твёрдышев. — Всем хорош, да пьёт до полусмерти.

— Всё правда, — согласился с ним Савва. — Он и до смерти работает.

Крепость была плотно застроена. Впритык к заволжской и свияжской пряслам стояли, почти вплотную друг к другу, большие избы для ратных людей. Стрельцов подле них не было видно, они работали вокруг внешней стороны крепостной городьбы: углубляли ров, крепили в нем дубовые колоды с вбитыми в них заостренными железными прутьями. Эти ужасные для осаждающих воинские хитрости назывались чесноком.

В крепости было тринадцать кормовых изб и столько же поварен для кормления служилых людей. Вокруг них была суета, готовили еду, было шумно и дымно, из огромных бочек с помоями смрадно воняло протухшей рыбой и прокисшим тестом. Твёрдышев и Савва испуганно отстранились: из-за угла избы на них нежданно вывернули, позванивая оковами, два тюремных сидельца под доглядом дюжего стрельца, вооружённого ржавой алебардой. Узники на толстой палке несли котёл с горячим хлёбовом для всей тюремной братии, которую кормили один раз в день, чаще на казенную полушку никак не выходило. Этих, что прошли мимо него, Савва сразу определил: беглые крестьянишки и пойманы недавно, поскольку не успели ещё от подземного житья и худой пищи озеленеть лицами и зарасти шелудьями.

Через трехсаженную пыльную улицу от кормовых и поваренных изб стояли амбары, где поварня брала для приготовления пищи овсяную муку, из которой делалось толокно, солёную рыбу, говяжью и свиную солонину, горох, репу, капусту, лук и чеснок. Амбарные приказчики знали Твёрдышева и низко кланялись именитому купцу, когда он проходил мимо.

— Вот и моя изба, Савва, — сказал Степан Ерофеевич. — Сейчас ключница Потаповна ворчать начнёт на меня, что не пришёл обедать. Но ты не смущайся, она женка добрая.

Савва огляделся. Вдоль казанского прясла стояли осадные избы. Одна была гро-

мадной, в два этажа, и предназначалась для тех людей, которые придут в крепость от набега степняков или воровских казаков. Обочь от неё стояли с десяток изб людей знатных и достаточных, которые в мирное время в них не жили, но содержали на всякий крайний случай. Поволжский край не был до конца замирен, и беда могла явиться в любой час. Знатные люди обычно обитали на посаде или в своих поместьях. Твёрдышев ещё полностью не перебрался в Синбирск, зиму проводил в Нижнем Новгороде, где имел свой двор, а лето — в Синбирске близ подвластных ему кабаков и рыбных ловлей в своей осадной избе, которую построил его отец, первым из купцов гостиной сотни обосновавшийся в этих привольных и прибыльных для тароватых людей местах.

Горница твёрдышевской избы стояла на каменной, углубленной в землю подклети, где помещалось премного всякого товару и съестных припасов. Наверх, в горницу, вела широкая просторная лестница из дубовых ступеней, крыльцо было таким же просторным, как и в приказной избе, под шатровым навесом, изукрашенным затейливой деревянной резьбой, точеными перилами и столбами.

— Заходи, Савва, не чинись, — шутливо молвил Степан Ерофеевич, заметив, что тот робеет испачкать грязным сапогом выскобленную добела ступеньку крыльца.

— И правильно делает, что не прётся с грязными сапожищами в дом, — раздался сверху сварливый голос. — Очисти о скребок большую грязь, а малую обстучи о решётку!

— Неласково ты встречаешь моего московского гостя, Потаповна, — сказал Степан Ерофеевич. — Он на Москве не в такие палаты, как моя худая избенка, хаживал. Что расходилась? Или сама кругом виновата, не поспела с обедом?

— Как же не поспела! — чуть не вскричала Потаповна. — И за поломойками догляд держала, и обед готов давно, а тебя, батюшка Степан Ерофеевич, всё нет.

Савва ожидал увидеть согбенную, чуть ли не с клюкой старуху, а перед ним предстала дородная белолицая женщина в летнике из тонкой крашенины светло-синего цвета и в чёрном, повязанном под подбородком платке, с пытливым и недоверчивым взглядом, которым она окинула с головы до ног нежданного гостя.

— Потаповна — моя вторая мамка, — сказал Степан Ерофеевич. — В детстве меня, озорника, прутом потчевала, а теперь допекает своими заботами. Весь мой синбирский дом на ней держится.

— Как же за тобой, батюшка, не доглядывать, — строго молвила ключница. — Ты порой к себе незнамо кого ведёшь. Иной вроде купец, а ухватки у него воровские. Вот недавно серебряная чарка пропала, не я же её унесла, а кто-то из тех низовых торговых людей, что ты привечал хлебом-солью.

— Савва не купец, — рассмеялся Твёрдышев. — И будь с ним поласковей. Он теперь у нас жить будет.

— Я не кошка, чтоб к нему ласткться, — нахмурилась Потаповна. — Не погляжу, что монах, если зачнёт бедокурить.

Ключница повернулась и ушла вглубь дома, и только Твёрдышев и Савва успели расположиться за столом на скамьях, как Потаповна внесла судок, достала из хлебницы хлеб, поставила на стол миски. Вскоре, подав и другие блюда, она ушла на свою половину. Савва в многодневных странствиях исстрадался по горячей пище и себя не сдерживал за столом. Выхлебал две миски стерляжьей ухи, но не насытился и жадно приник к пирогам с визигой, которых умял несколько штук, запивая терпким хлебным с изюмом квасом.

За столом разговора не было, монах был занят едой, а Твёрдышев думал о чём-то своём, ведомом только ему. Когда Савва, сытно рыгнув, отвалился от стола, Степан Ерофеевич сказал:

— Меня дела ждут на пристани. Пойдём, покажу твою комнату для занятий и отдыха.

Помещение, где Твёрдышев хранил книги, было небольшим, но в нём имелось всё потребное для неприхотливого труженика-грамотея. Вплотную к стене стоял стол, рядом с ним — короткая скамья, вдоль другой стены находилась лавка, покрытая овечьей шкурой. На стене висели две полки с книгами, на железном сундуке, закрытом на круглый замок, была большая стопа писчей бумаги. В первую очередь Савва отправился к ней. Взял лист, ощупал и остался доволен.

— Настоящая аглицкая бумага, и по виду, и по хрусту, — затем обратился к книгам, просмотрел кое-какие и вздохнул. — Прежние переписчики, пожалуй, лучше работали.

— Это ж почему? — спросил Степан Ерофеевич.

— Раньше каждую буквицу выписывали, не торопились, а сейчас скорописью всё делают. Про печатные книги доброго и сказать нечего. А тебе, Степан Ерофеевич, что нужно переписать?

Твёрдышев думал недолго.

— Сделай для меня «Казанскую историю». Государь Иван Васильевич для Руси Волгу открыл до Каспия. Долго Казань поперёк стояла, да рухнула с Божьей помощью. Она ведь, татары бают, древней Москвы?

— Враки, что древней, — Савва достал из своей сумы книгу. — Вот здесь написано, что Казань основал булгарский царь Саин в 6680 году от сотворения мира или в 1172 году от Рождества Христова. А что до татар, то они горазды на выдумки, как малые дети. И среди них есть такие, что врут вполне по-русски.

— Занятно, — задумчиво промолвил Твёрдышев. — В таком разе делай эту книгу непременно, а то в Нижнем на ярмарке казанские торговые люди нет-нет да и спор затеют, что-де Казань выше Москвы.

Степан Ерофеевич ушёл, а Савва сел на скамейку, снял сапоги, отодрал прикипевшие к ступням портянки и почуял, как вокруг него резко завоняло псиной. Зазудилась спина. Он, привалившись к краю стола, почесал её и услышал за дверью шаги. Савва схватил сапог и стал толкать в него босую ногу.

В комнату вошла Потаповна, нюхнув потного духа, поморщилась и положила на лавку исподнее бельё.

— Ступай в мыльню, ты ведь, поди, завшивел, как бродяга, — строго сказала она. — Нынче очередь казаков мыться, смотри, чтоб они тебя там не замяли.

Савва покраснел от смущения, пролепетал слова благодарности и уставился взглядом в пол.

– 3 –

Свияга — река тихая, покорная. Однажды пошумит в половодье, унося на себе грязно-серые льдины, разольётся по низким травяным берегам, но скоро утишится, войдёт в коренное русло и задремлет, всем своим видом навевая на человека тихую, посасывающую душу печаль и неясные, словно отражения облаков на воде, раздумья.

— Дядька Севастьян, — сказал Ермолай старому мукосею, — вот тебе парень, определи его на место.

— Ты на мельнице бывал? — спросил Севастьян, нисколько не удивившись появлению незнакомца.

— Не приходилось. А вот кузнечное дело понимаю.

— Тогда тебе, парень, есть дело по твоему умению. Ступай за мной, — Максим оглянулся, молодого Андреева уже рядом не было, и он пошёл за Севастьяном, который подвёл его к амбару и указал на каменный круг. — Видишь, как насечка сделана на жернове.

Максим присмотрелся. Дело вроде нехитрое, ближе к осевому отверстию насечка была грубее, по краю — мельче.

— Надо зубило и молоток, — сказал Максим. — Сделаю.

Севастьян потрепал его по плечу:

— Не горячись, парень! Насекать жернова тоже уметь надо. Вот возьми половинку от лопнувшего жернова и поработай. Поглядим, что получится.

Почти до темноты Максим возился с камнем, пока его не позвали к столу. Кроме Севастьяна, к ужину пришёл ещё один парень, подручный мукосея. Они торопились на рыбалку, скоро поели жидкой толоконницы и ушли. Максим остался один. Мельница не работала, внизу под настилом чмокала о своем вода, из открытой двери был хорошо виден мельничный плёс, окрашенный в розовое и золотое лучами заходящего солнца. Над ним, визгливо вскрикивая, небольшими стаями чертили воздух стрижи, а на краю неба, соседствуя с закатным заревом, быстро росло в размерах серо-синее облако.

Максим вышел из амбарушки и приблизился к плотине. Она была уже достаточно стара: выступавшие из воды дубовые сваи, вбитые другими концами в дно Свияги, от сырости зазеленели и осклизли, мшисто зелена была и деревянная труба, по которой шёл поток воды, вращавший мельничное колесо, сейчас отведённый затворами в другое место и шумно изливавшийся по деревянному жёлобу за плотиной.

Максим был молод, и вид текучей воды затронул его ещё не очерствевшую душу напоминанием о скоротечности человеческой жизни, что всё проходит и вряд ли возвратится. От этих смутных догадок ему стало одиноко и зябко. Будто сквознячком, ознобила душу мысль об утрате самого дорогого и близкого, что он недавно имел — Любаши. В его сиротской доле она появилась радостным лучиком надежды, что счастье станет доступным и ему, но, просияв, он погас по прихоти дикого барина Шлыкова, которого Максим яростно жаждал встретить на каком-нибудь глухоманном перепутье и скрутить ему дряблую, петушиную шею.

«Надо идти на Тешу, — думал Максим. — Рассчитаться с барином. Затем мне останется один путь — на Дон или на Волгу. Живут ведь гулящие люди и страха не ведают.

И я так буду жить. Завтра прощусь с Саввой и уйду».

Послышался скрип уключин. Максим присмотрелся: с рыбалки возвращались Севастьян и его подручный, их лодка привидением скользила по поверхности воды. Парень сидел за вёслами, старик был на корме, луна, выглянув из-за тучи, осветила его седую и насквозь пробелённую мучной пылью голову, и от этого Севастьян казался призраком, но лодка уткнулась в берег, и старик громко крикнул:

— Максимка! Ты где подевался? Встречай работничков!

— Здесь я, — нехотя отозвался Максим и пошёл к лодке.

— Мы тебе, парень, докуку привезли, потрошить рыбу. Неси из амбарушки долблёное корыто.

Когда Максим вернулся на берег, рыбаки уже ушли почивать. Рыба небольшой горкой лежала на берегу, самая разная — несколько крупных окуней, щучки, серебристые лини и всякая сорожка. Крупную рыбу Максим отложил в сторону, а мелочь покидал в воду. Достал нож и принялся за работу.

Ночь вступила в свои права, небо очистилось от туч, светила луна, было безветрено и тихо, даже трепетанья камышей не слышалось вокруг. Очистив несколько рыбин, Максим вдруг почувствовал, что рядом кто-то есть. Он огляделся, ничего не усмотрел, но неприятное ощущение не проходило. Максим чуть привстал с земли, огляделся и вздрогнул: из травы на него взирали два горящих ока. «Что за чудо-юдо!» — пронеслось в голове. Он крепче сжал в руке нож и встал в полный рост. Видение исчезло, но в траве что-то зашуршало. Максим замер в тревожном ожидании и, охнув, присел на корточки, не в силах сдержать нервный смешок. Из травы к ногам парня вышел, держа трубой хвост, чёрный кот, единственный мельничный обитатель, к которому никогда не приставала мучная пыль, он, даже упав в ларь, выбирался оттуда в своём первозданном угольном цвете.

Кот, выйдя из травы, не торопясь, подошёл к рыбе, схватил зубами крупного линя и поволок в сторону. Скоро оттуда раздалось хриплое урчание, затем послышался треск рыбьих костей.

Вычищенную рыбу Максим переложил крапивой и сверху накрыл лопухами. В амбарушке раздавались храп подручного и посапывание старого Севастьяна. Максим взял рогожный куль, бросил его на пол и разлёгся на нём, подложив под голову шапку. Комары накинулись на новосела, но он был к ним привычен и скоро уснул здоровым молодым сном.

Севастьян встал вместе с солнышком, сварил уху и растолкал парней.

— Вставайте, ребята, на молитву!

Максим разом поднялся, свершил несколько крестных поклонов в сторону засиженного мухами образа и побежал на берег. Холодная вода остудила опухшее от комариных укусов лицо. Он расчесал мокрыми пальцами всклоченные волосы, стряхнул с одежды соломенный сор и невольно засмотрелся на плёс. Над водой, подгоняемые ветерком, плыли клочья белого тумана, возле берега, куда он кинул вчера рыбную мелочь, опустилась чайка и стала жадно хватать рыбу широко раскрытым клювом. За первой чайкой невесть откуда появились другие, и начались визгливый ор и махание крыльями прямо перед лицом у Максима. Максим кинул в них палкой, но они не испугались, а раскричались ещё громче и визгливей.

После еды Севастьян посмотрел каменотёсную работу Максима и указал на целый каменный круг.

— Трудись, парень! А я скажу Ивану Ермолаичу, что на мельничную работу ты гож. Хозяин наш не скуп и добрых трудников не обносит своей милостью.

— Спасибо на добром слове, дядька Севастьян, — поблагодарил Максим старика. — Однако долго близ тебя я не задержусь.

— Что так? — удивился Севастьян. — Мельница тебя всю жизнь кормить будет, и жену, и детей. Нашей работой не бросаются, её у Бога просят.

— Я жду слова от Твёрдышева, — объяснил Максим.

— Вот как! — удивился Севастьян. — Да ты не так прост, раз с Твёрдышевым знаешься.

До обеда Максим трудился над жерновом, затем лёг под деревом и задремал. Разбудил его громкий крик.

— Максим! Где ты спрятался? — шумел Ермолай.

— Тут я. Что надо?

— Поспешай! Тебя Степан Ерофеич кличет!

Твёрдышев с Андреевым стояли возле двора мельника. Рядом с ними переминались с ноги на ногу двое парней, а к коновязи было привязаны несколько коней, среди них и Соловой.

— Беда, Степан Ерофеич, что у меня все люди в разгоне! — сказал Андреев. — Вот только этих двое да мой Ермолайка и пришлый Максим.

— Управлюсь и этими, — промолвил Твёрдышев. — На струге есть люди. Им только лодка нужна.

Степан Ерофеевич был встревожен. Только что прибежал его человек, отправленный им ранней весной в Астрахань, и поведал, что струг с рыбой и другими товарами в десяти верстах от Синбирска посажен на мель, и бурлацкая ватага не в силах его стронуть с места.

Завидев Ермолая, за которым, уцепившись рукой за седло, бежал Максим, мельник крикнул своим парням, чтоб те садились на коней, и отвязал от коновязи Солового.

— Поспешай за Степаном Ерофеичем, — сказал он Максиму. — Делай всё, что он велит.

Твёрдышев с парнями скоро домчались до пристани, где их поджидал Савва возле большой, на четыре весла, лодки.

— Ты, Савва, зачем здесь? — недовольно спросил Степан Ерофеевич. — Я тебя не гребцом взял, а переписчиком.

— Потаповна сюда прогнала. Говорит, у хозяина беда, а ты в стороне.

— Покоя мне с ней нет, — вздохнул Твёрдышев. — Так и норовит всем распоряжаться. Ты, Савва, возьми коней и отведи их на гору.

Монах с опаской посмотрел на лошадей, управляться с ними он не умел.

— Как же я их поведу? Их вон сколько!

— Тогда жди нас на пристани, — решил Степан Ерофеевич. — И гляди, чтобы у тебя их не увели.

Его люди были уже в лодке. Твёрдышев сел на корму, Ермолай веслом оттолкнулся от пристани, и весла в руках дюжих парней запенили воду. Люди, бывшие на пристани, глядели вслед лодке и гадали, куда это именитый купец Степан Ерофеевич отправился по Волге в большой спешке и сильной тревоге.

– 4 –

Поначалу Максим никак не мог совладать с веслом, грёб не в лад, захватывал воду то глубоко, то мелко, и получил от парней, что сидели за ним, несколько крепких тумаков по спине. Это помогло, и скоро он стал наравне с другими махать-помахивать весельцем и поглядывать по сторонам. А смотреть было на что, когда лодка вышла в коренное русло, а над ней захлопал дерюжный парус, и можно было бросить весло, вокруг распростёрлась такая ширь, что от этого затрепетала душа, будто почувствовала, что именно здесь, между волжских берегов, на островах, заводях, плёсах, и находится её прародина, которую она наконец-то узрела и ощутила.

Но, кажется, попутчики Максима не испытывали подобного ликования. Андреевские работники о чём-то перешептывались и похохатывали, Ермолай смотрел за парусом, а Степан Ерофеевич был мрачен, ведь могла сорваться его торговая затея — опередить соперников и первым явить на нижегородском торге низовые товары — рыбу свежего посола и икру, камку, бархат, сафьян и другие персианские редкости. Именно на то он и рассчитывал, посылая струг на Низ прошлой осенью перед ледоставом. По всему выходило, что эта торговая путина будет неудачной, как началась, так и кончится. Сегодня струг зарылся днищем в песок, а впереди целое лето, и что оно принесёт, никто не ведает.

«Посмотреть — широка Волга, но воды в ней нет, — размышлял Степан Ерофеевич. — Снегу зимой почти не видели, мужики без саней обошлись. Весной солнышко враз выпило всю воду, какая была. Вот и осела Волга...»

Усугубил беду ещё и струговой приказчик, который, посадив струг на мель, решил не извещать хозяина, хотя до Синбирска рукой подать, но понадеялся сдвинуть судно своими силами, чего сделать было невозможно без разгрузки части товаров. А струг мог привлечь к себе взоры лихих людей, которых в здешних краях великое множество. Степан Ерофеевич вдруг вспомнил об этом и понял, что в спешке допустил оплошность — не взял оружие сам и не вооружил парней, второпях как-то из памяти вышибло, что в последний год, с появлением Стеньки Разина, все воры на Волге стали невиданно дерзки и не боялись заниматься разбоями почти на виду у воевод, не ставя ни в грош их воинскую силу. Пока близ Синбирска воры были тихи и предпочитали уходить к Жигулям, и Твёрдышев надеялся, что беды не будет, но тревожился, вглядываясь в даль волжского простора.

Волга была пуста, в начале мая все струги ушли на Низ, и лишь твёрдышевский возвращался одним из первых. Позднее Степан Ерофеевич понял, как ему повезло: его струг прошёл мимо Царицына до появления на Волге казаков Разина, прибывших в большом числе с Дона и перекрывших путь на Астрахань государевым и торговым людям.

— Как же вас угораздило застрять посреди Волги? — спрашивал Степан Ерофее-

вич мужика, который известил его о беде. Тот поднял голову и повторил скороговоркой то, что Твёрдышев уже слышал. Приказчик, чтобы не обходить громадный плёс, приказал поставить парус и пересечь его напрямик и тем выгадать время. Но получилось другое, на пути оказался донный нанос песка, и струг в нём безнадёжно увяз.

— Скоро прибежим, — сказал мужик и полез к носу лодки. — Будь в надёже, Степан Ерофеевич, твой струг цел, и бурлаки на месте, за путину им ещё не плачено. Вот за тем поворотом и будет то место...

И действительно, река сделала изгиб, и лодка вышла на обширный плёс, где в саженях двухстах от берега стоял струг. Людей на нём не было видно, но вскоре появился человек с пищалью в руке, в котором Степан Ерофеевич сразу признал приказчика Гонохова. Бурлаки сидели на берегу возле затухающего кострища, дымок от которого был явственно виден.

— С прибытием, приказчик, — сдерживая злость, произнёс Степан Ерофеевич, ступив на палубу струга и хозяйским взором окидывая всё вокруг. Сняв шапку, Гонохов застыл в земном поклоне, показывая, что он готов безропотно принять от хозяина любую кару. — Подымись, Фома, — произнес Твёрдышев. — Дай глянуть на твою рожу, — приказчик встал и опасливо посмотрел на хозяина. Твёрдышев поднес кулак к его облупленному багровому носу. — Винище лопал?

— Ни в жизнь, господине! — затряс кудлатой головой Гонохов. — Ты ведаешь, что я на воде хмельного не пью. Промашка вышла, хотел скорее дойти, не угадал.

— Сколько на струге людей?

— Я да мой парень, Сергунька.

— Облегчить надо струг, — сказал, успокаиваясь, Твёрдышев. — Грузи на лодку всё, что в надежных укладках, бочках, кулях, и вези на берег.

Гонохов немедля стал распоряжаться. Прибывшие с Твёрдышевым люди прочно привязали лодку к стругу и стали грузить в неё товары, наложили так, что лодка низко осела, и в неё едва смогли поместиться приказчик и гребцы, которые осторожно повели её к берегу, стараясь не зачерпнуть воду бортами. На струге остались Твёрдышев, Максим и приказчиков сын, молодой парень Сергунька.

— Скинь с себя порты и рубаху да полезай в воду, — велел ему Степан Ерофеевич. — Глянь, как сидит струг, — Сергунька скоро разделся и нагишом прыгнул за борт. — Где дно? — спросил Степан Ерофеевич.

— Ногами хватаю, а встать не могу, — ответил парень.

— Нырни и погляди, как сидит струг, — сказал Твёрдышев. Сергунька бултыхнулся и, мелькнув белыми ягодицами, ушёл под воду. Через некоторое время он вынырнул с другой стороны струга. — Помоги ему подняться, — велел Степан Ерофеевич Максиму. Тот схватил Сергуньку за руку и одним рывком вознёс парня в струг. — Ну что? — спросил Твёрдышев.

— Нос увяз, — ответил Сергунька. — А корма свободная, я под ней пролез.

— Давайте, ребята, таскать кули с носа на корму, — сказал Степан Ерофеевич. — Лодка уже на берегу, скоро вернётся.

Но работать им не пришлось, на берегу люди враз загалдели и стали размахивать руками. Некоторые из них забегали в воду, что-то кричали, но слова до струга доходили плохо, и понять, почему все забеспокоились, было невозможно.

— Что они там заволновались? — спросил Степан Ерофеевич, и тут Сергунька схватил его за рукав.

— Гляди, хозяин! — вскричал он и указал на плёс. — Чья-то лодка к нам идёт и шибко!

Твёрдышев обернулся и мигом понял, что попал в большую беду. К стругу стремительно приближалась большая лодка, полная воровских людей. Некоторые из них, что были впереди, держали пищали и явно готовились стрелять, другие гребли из всех сил. Вёсла, как крылья, мелькали в их могучих руках, и со струга воровская лодка казалась хищной птицей, падавшей на застигнутую врасплох добычу. Кормщик покачивался соразмерно с движениями вёсел и каждый раз вскрикивал:

— Навались, ребята! Навались!

Появление воров поначалу показалось Максиму какой-то забавой, но Твёрдышев вдруг страшно закричал на Сергуньку:

— Неси оружие и припасы!

Сергунька метнулся под дощатый навес на корме и принёс отцовскую пищаль, суму с пулями и пороховницу. Твёрдышев схватил пищаль, подержал и бросил на палубу.

— Где гранаты?

— Там же, — ответил Сергунька, но не двинулся с места.

Твёрдышев оттолкнул его в сторону, в несколько прыжков достиг кормы, расшвырял кули, достал деревянный ящик, но тот был закрыт на замок.

— Дай топор! — крикнул Твёрдышев, пытаясь руками открыть замок.

Максим подхватил валявшийся на палубе топор, подбежал к ящику и взломал запор. Твёрдышев в это время уже раздувал подожжённую искрами из пищального кресала обсыпанную порохом паклю. Гранаты на струге были трехфунтовые, чугунные шары, начинённые порохом, с запальными трубками.

Воровская лодка была уже в пятнадцати саженях от струга. Из неё раздался недружный залп. Сергунька вскрикнул и упал на палубу.

— Поджигай! — велел Твёрдышев и подставил под огонь запальную трубку, которая тотчас зашипела и забрызгала искрами. — Мечи, Максим! — сказал он, протянул парню гранату, взял другую и начал её поджигать.

Максим с гранатой, пригибаясь, побежал к другому борту струга. В это время из лодки опять грянул пищальный залп. Воры стали готовиться к приступу, часть из них гребли что было сил, остальные вынимали сабли и кистени и яростно ими размахивали с самыми ужасными воплями. Максим понял, что больше из пищалей стрелять не станут, поэтому встал во весь рост, понянчил на ладони гранату, примерился и метнул её в лодку, сопровождая полёт взглядом. Увидев, что в них летит какой-то чёрный шар, воры поняли, что им грозит, и заорали ещё пуще. Граната взорвалась, размётывая чугунные осколки прямо над головами воров. Взметнулся чёрный клуб дыма, часть нападавших была сразу убита, другие остались живы, но ненадолго: граната, брошенная рукой Твёрдышева, разорвалась прямо в лодке, её осколки убили остальных воров и сделали в бортах и днище большие пробоины, в которые тотчас кинулась вода.

— Глянь, как Сергунька! — крикнул Степан Ерофеевич, затоптывая сапогами огонь на палубе.

Этот возглас вывел Максима из оцепенения, в которое тот впал после того, как увидел, что сталось с людьми в лодке. Он поспешил к парню, перевернул его на спину и оледенел от ужаса: пуля попала Сергуньке в переносицу, оба глаза были выплеснуты из глазниц и висели на окровавленных нитях. Подошёл Степан Ерофеевич, скривился, посмотрев на убитого, и накрыл его пустым рогожным кулём.

Лодка злодеев почти целиком погрузилась в воду, вокруг неё покачивались трупы, несколько уцелевших воров плыли, взмахивая руками, к дальнему берегу, а Твёрдышев стал громкими криками призывать своих людей на струг. Пустой берег ожил, попрятавшиеся бурлаки и работники стали вылезать из кустов. Приказчик Гонохов сталкивал лодку в воду, чтобы скорее плыть к хозяину, он ещё не ведал, что ждёт его на струге.

— Я тобой премного доволен, — сказал Степан Ерофеевич. — Будь сегодня подле меня. Думаю поручить тебе важное дело, Максимка.

Лодка уже подошла к стругу. Приказчик Гонохов первым взошёл на его борт и сразу понял, что случилась беда. Побледнев, он опустился на колени, снял с убитого рогожный куль и забился в беззвучных рыданиях. Степан Ерофеевич подошёл к нему, обнял за плечи и поднял.

— Крепись, Фома!

— Ему же всего пятнадцать лет минуло на Благовещенье! — обливаясь слезами, всхлипнул Гонохов. — Первый раз взял с собой в Астрахань.

— Ермолайка! Максим! Унесите тело на корму! — велел Твёрдышев. — И ты с ними, Фома, ступай! Дотемна струг надо вызволить.

Лодку нагрузили товарами, и едва она отчалила от струга, как тот заколебался и снялся с песчаной мели. Люди заметно повеселели и стали работать слаженнее и скорее. Твёрдышев и Максим взялись за большие вёсла и отвели струг на глубину. Затем разгрузили лодку и привезли с берега отправленные туда ранее товары. Бурлаки были на месте и, пройдя на вёслах плёс, струг взяли на бечеву и потащили к Синбирску.

В протоку, отделявшую остров Чувич от синбирского берега, струг вошёл уже в сумерках. Твёрдышев смотрел на пристань и дивился: она была плотно заставлена стругами, а на берегу пылали костры, вокруг которых находилось множество ратных людей. «Видно, что-то случилось, — подумал Степан Ерофеевич. — Стрельцы пришли в Синбирск недаром, они пойдут далее, на Стеньку».

Твёрдышев разглядывал берег, примериваясь, где бы ему ловчее пристать, когда услышал, что его кличут. Кричал приказчик кабака, который был у Степана Ерофеевича в откупе. Приказчику вторил заливистый тенорок Саввы.

— Ступай сюда, Степан Ерофеевич! — кричал приказчик. — Тут глубоко и помост для схода есть!

— Со счастливым прибытием! — поклонился своему хозяину Савва.

— Кони целы? — спросил Твёрдышев.

— Слава богу, целы. А то как явились стрельцы, я страху за них натерпелся, всё, думаю, уведут, а мне за них ответ держать.

— Что за стрельцы? — спросил Степан Ерофеевич.

— Из Москвы, — ответил кабацкий приказчик. — Слышно, на Низ идут, на Стеньку Разина.

Разгружать струг было уже поздно, и Твёрдышев позаботился о его охране, оставил сторожами Максима, Ермолайку и двух Андреевских парней.

— Зрите в оба, ребята! Стрельцы, хоть и государевы люди, но лиха от них можно в любой час ждать. Если полезут, стреляйте поверх голов и шумите шибче, чтобы их начальникам невмоготу было молчать и прятаться от баловства своих подначальных людей.

Взяв своего коня, Степан Ерофеевич пошёл на свет большого костра. За ним следом поплелся и Савва. Твёрдышев не ошибся. Возле костра он нашёл начальных людей прибывших и местных стрельцов, князя Дашкова и стрелецкого полковника Лопатина.

— Где ты запропал, Степан Ерофеевич? — спросил воевода. — Вот, полковник, это и есть гость Твёрдышев.

Лопатин сдержанно поклонился. Это был статный светлобородый красавец богатырского сложения. Твёрдышеву всегда были по нраву люди породистого склада, и этим полковник пришёлся сразу ему по душе.

— А я, Иван Иванович, чуть не сгинул!

— Что так? — поднял брови князь.

— Пошёл струг с мели снимать, а тут воры и набежали. Если б не гранаты, то не стоял бы сейчас перед тобой.

Степан Ерофеевич благоразумно умолчал, откуда у него оказались гранаты. Воинские припасы было запрещено иметь неслужилым людям. Гранатный приказ отпускал их только в солдатские полки и пограничные крепости. Твёрдышев выпросил у Дашкова несколько гранат для обороны своего струга от воров и сейчас чуть не проговорился. Дашков остался этим недоволен.

— Присмотри, Степан Ерофеевич, чтобы вино из кабака стрельцам не давали. Им завтра дале идти!

— Полковнику сподручней это сделать, — сказал Твёрдышев. — Пусть поставит вокруг кабака караул.

— Тогда прошу отведать хлеба-соли, — любезно произнес князь Дашков и махнул рукой денщику, чтобы тот подвёл ему коня. — Правда, Синбирская горка крута, но осилим.

В воеводской избе к пированию всё было готово. На столе стояло и рыбное, и мясное, и сладкое, и кислое. Начали, по обычаю, с хмельного. Князь поднял чару с вином и стоя возгласил тост за здравие великого государя Алексея Михайловича, с полным царским титулом. Лопатин и Твёрдышев тоже стоя с благоговением выслушали его, и все приветственно сдвинули чары. Полковник явил себя завидным едоком, не отставал от него и проголодавшийся Твёрдышев. Дашков мигнул ключнику, и перед гостями после ухи тут же появилась стерлядь, пироги всяких видов. Не пустовали и чары.

Хозяин ждал, что гость, захмелев, поведает о московских делах, но Лопатин оказался на редкость молчалив и, опустошая чару за чарой, только покрякивал, краснел и наконец вымолвил:

— Добрый у тебя повар, воевода, давно я так вкусно и сытно не едал. Благодарствую за угощение, однако мне пора к своим людям.

— А поговорить? — удивился воевода. — Мы здесь, в Синбирске сидючи, дел московских не ведаем. Ты уж просвети нас, батюшка, как дела на Москве, что о воре Стеньке Разине слышно, не его ли ты направился воевать?

— Не мне, сироте, ведать о больших московских делах, — взвешивая каждое слово, осторожно сказал Лопатин. — Но все лучшие люди в большом смущении: на Дону великая замятня началась. Великий государь послал туда своего жильца Герасима Евдокимова с милостивым словом, так его Стенька кинул в Дон и со своими голутвенными казаками идёт к Царицыну.

— Вот и добаловались с этим Стенькой! — ударив ладонью по столу, воскликнул князь Дашков. — Вор уже второй год терзает волжский Низ, перекрыл дорогу персианским купцам и нашим торговым людям, а на Москве будто о сём не ведают. Посылают душегубу милостивые грамоты, зовут к покаянию...

— Великий государь боголюбив и великодушен, — сказал Лопатин. — Его смущает пролитие христианской крови.

— А сам Стенька сколько православных зарезал и утопил? — вопросил воевода. — Недавно был у меня гость Гурьев. Ему Стенькины кровавые потехи известны не понаслышке. В его Яицком городке воры устроили резню, зимовали там, всё лето и осень занимались грабежами и убийством на Каспии, а воевода Прозоровский, имея шесть тысяч стрельцов, пропустил его на Дон без единого выстрела, хотя войска у Стеньки едва ли с две тысячи было. Тут бы его и схватить, так нет, князь Львов с ним в дого-

нялки вздумал играть. А нынче возьми-ка Стеньку, когда он зализал раны, оголодал и олютел и теперь с казачьей голытьбой обрушится на Волгу. Совладать ли тебе с твоей тысячью стрельцов, полковник, с этой силой?

Слова Дашкова заметно смутили Лопатина. Ему навязали вести стрельцов против бунтовщиков недоброжелатели и завистники, не простившие полковнику его быстрого возвышения из сотников в стрелецкие головы. Умный командир и отчаянный рубака, получивший за польскую войну из рук великого государя трехрублевый золотой для ношения на шапке, Лопатин с трудом представлял себе, как он будет воевать против православных людей. Его весьма тяготило и тревожило то, что московские стрельцы шли в Астрахань с большой неохотой, а как они поведут себя при стычке с воровскими казаками, угадать было нельзя, хотя прямой измены быть не должно: донские издавна враждовали с московскими.

— Под моим началом два приказа, — осторожно произнес Лопатин. — Велено их отвести в Астрахань, о другом мне неведомо.

— Нелегкую на тебя взвалили ношу, — сказал Дашков. — Гляжу я на наше безурядье и вижу, что долго конца ему не будет. Я так мыслю, что Разин в скором времени опрокинется на верховые города — Саратов, Самару, Синбирск, Нижний, а от них и до самой Москвы недалеко.

Твёрдышев не вмешивался в разговор начальных людей, но мимо ушей не пропустил ни слова. У него был особый интерес знать всё о смуте, которую заварил Стенька Разин. И когда Лопатин начал прощаться с хозяином, он тоже встал из-за стола, вышел вслед за стрелецким полковником и проводил его до крепостных ворот.

— У меня к тебе просьбишка, Иван Васильевич, — сказал Твёрдышев. — Воевода прав, Разин вот-вот запрёт Волгу, а у меня безотлагательное дело в Астрахани. Возьми моего человека с собой. Расходы я готов оплатить хоть сейчас.

— Что за человек, ты за него ручаешься?

— Смирный парень, дурных мыслей у него нет.

— На рассвете приведи его на мой струг, — решил Лопатин. — Гляну на него сам.

– 5 –

Едва только заголосили первые петухи, которые обретались возле поварен, дожидаясь своего часа попасть в воеводские щи, как Степан Ерофеевич встал с лавки, совершил утреннюю молитву и спустился в подвал, где у него хранилась казна и самые важные бумаги. Нащупав ногами каменный пол, Твёрдышев высек огонь, зажёг свечку и достал из прочного дубового сундука кожаный чехольчик, откуда вынул грамоту. Стряхнув с неё упавшего с потолка долгоногого паука, Твёрдышев развернул грамотку и поднёс к свету. Прочитал, затем вздохнул и покачал головой, засунул её обратно в чехольчик и поднялся в горницу.

— Экий ты непоседа, Степан Ерофеевич! — встретила его ворчанием Потаповна. — Сумерки на дворе, а ты уже на ногах. И гостенёк твой ночь просидел со светом, жёг свечи, почём зря, это ж какой разор от такого постояльца!

— Не жужжи, старая, — улыбнулся Твёрдышев. — Савва делом занят.

— У всех дела, только я без дела маюсь, — продолжала ворчать ключница. — А ты куда, ни свет, ни заря, наладился?

— Коли кто искать будет, скажи, что я в подгорье, на пристани, — ответил Степан Ерофеевич и вышел на крыльцо.

Вокруг было сумеречно и туманно, с шатрового навеса на лицо Твёрдышева упали несколько холодных капель росы. От поварен тянуло горьким смрадом, повара затопили печи, и дым от них, перемешиваясь с сырым от росы воздухом, заволок всю крепость. Мимо крыльца, покашливая, прошёл соборный протопоп, за ним семенил звонарь, ему нужно было звонить к утрене, с которой по всей православной Руси начинался всякий день.

Степан Ерофеевич миновал крепостные ворота и почувствовал, как с Волги потянуло ветерком. За рекой зардела полоса восхода, на посаде было заметно шевеление, обыватели выгоняли со своих подворий скотину для пастьбы, были слышны мычание коров, блеянье овец и пощелкивание пастушьего бича.

Оставив в стороне острог, Твёрдышев, быстро перебирая ногами по крутой тропе, которую протоптали в стороне от дороги, сбежал до половины горы и здесь остановился, глядя на пристань. Рядом с ней пылали не менее двух десятков костров, на которых артельные кашевары готовили для стрельцов пищу, а сами ратные люди с обнаженными головами стояли на утренней молитве, оборотясь лицами к Заволжью, навстречу встающему из земли золотисто-рдяному солнцу.

Степан Ерофеевич сбежал к подножию горы и, обойдя войско, подошёл к кабаку. Около него стояло несколько стрельцов, со струга увидели хозяина, и Максим поспе-

шил ему навстречу.

— Хочешь мне услужить? — спросил Степан Ерофеевич, уведя парня подалее от чужих ушей.

— Всегда рад, господине, — прямо глядя в глаза хозяина, ответил Максим. — Мне, сироте хилому, окромя тебя, и податься некуда.

— Добро, — сказал Твёрдышев. — Раз так, есть для тебя у меня одно дело. Не утаю, опасное, но ты вечор показал, что духом твёрд.

— Что за дело?

— Нужно отвезти на Низ и передать одному сильному человеку грамоту, но так, чтобы об этом никто не ведал.

— Что за человек?

— Степан Тимофеевич Разин, — наклоняясь к уху парня, тихо произнес Твёрдышев.

Услышав имя грозного атамана, Максим нахмурился. Идти в гости к вору, о котором разносились такие страшные известия, было так же опасно, как с голыми руками на медведя.

— Дойду ли я до него? Дело тайное, первому встречному о нём не скажешь, а к Разину меня не допустят его есаулы.

Степан Ерофеевич полез за пазуху и достал две пуговицы, синюю и красную, связанные зелёной ниткой.

— Это Стенькин знак. Покажешь его первому встречному есаулу, и он доставит тебя к атаману. Смотри, не потеряй его, а то головы лишиться можешь. Три года назад я помог Разину добраться на своем струге от Рыбной Слободы до Царицына, вот он и отдарил меня этим знаком. Ты грамоту знаешь?

— Нет, — ответил Максим.

— Тогда слушай и запоминай. Грамотку не тревожь, может, на ней тайный знак имеется. Если Разин поймёт, что её читали, то тебе смерть. Буде опасность, что её у тебя отберут, изловчись и брось в воду, она с грузилом и сразу пойдёт на дно.

— Ладно, отдам грамоту Разину, а что дальше?

— Иди обратно в Синбирск. Сделаешь дело, получишь награду. Что хмуришься, или что не так?

— Не один я с Теши убегал, а с невестой, — тихо молвил Максим. — Не знаю, что с ней, мужики, что за мной гнались, промеж собой говорили, что она в воду кинулась. Но сердцем чую, что жива.

— Вон что, — покачал головой Твёрдышев. — Добро, помогу твоему горю. Пока ты будешь в отлучке, постараюсь всё о ней проведать. Автоном Евсеев про твою невесту знает? — Максим кивнул, он уже жалел, что согласился идти к Разину, собирался на Тешу, а придется уходить совсем в другую сторону. — Не тужи, — сказал Степан Ерофеевич, доставая из кармана небольшой кошель. — Вот тебе два рубля полушками. Сейчас лучше о себе думай, чтобы целым вернуться. А про твою невесту я проведаю. Даст Бог, и на твоей свадьбе спляшу! — Твёрдышев осмотрел парня и остался доволен. — Одежонка на тебе ещё крепкая, как раз по тебе. Перед воровскими людьми выделяться негоже, сразу обдерут, как липку, им это просто. Вот, держи грамотку, — Максим взял её и, не разглядывая, сунул за голенище сапога. — Ступай за мной, — сказал Степан Ерофеевич. — Я тебя стрелецкому полковнику покажу.

Ратные люди начали заходить на струги. Чуть в стороне от них стоял Лопатин в окружении стрелецких полуголов и сотников. Он отдавал последние распоряжения людям, начальствующим над стругами, в каком порядке двигаться, указывал строго смотреть за стрельцами и пресекать всякое баловство. Полковник, увидев Твёрдышева, движением руки разрешил ему приблизиться.

— Ступайте по своим местам, — сказал он своим людям. — И, не торопясь, выходите на коренную Волгу.

— Это и есть твой гонец, Степан Ерофеевич? — Лопатин пристально оглядел Максима. — На купеческого приказчика не похож. Так кто он?

— Твоя правда, Иван Васильевич, — улыбнулся Твёрдышев. — Он не приказчик, но им будет. Парень духом тверд, вчера себя показал против воровского набега. А кто он, так про то в сей грамотке прописано, — Степан Ерофеевич протянул полковнику кошелёк, в котором что-то побрякивало и позвенькивало.

— Слышу доброе мнение о твоем парне, — произнес Лопатин, забирая купеческий посул. — Пусть заходит на крайний струг, со мной пойдёт, под моим доглядом.

— Челом тебе, Иван Васильевич, уважил! — с чувством произнёс Твёрдышев. — Поспешай, Максим, хватай свою суму и беги на струг. Помни, что я тебе наказывал!

Провожать стрелецкое войско прибыл и воевода Дашков. Он был в некоторой обиде на Лопатина за его сдержанность на вчерашнем пированье, потому с коня не сошёл и придирчиво оглядывал всё вокруг.

— Ничем не обидели тебя стрельцы? — обратился он к Твёрдышеву. — Всё ли цело, не растащено, не поломано?

— Всё в сохранности, — ответил Твёрдышев. — Кабак стрельцы сами сторожили, товары на струге целы.

— И то добро, что целы, — язвительно произнёс Дашков. — Иной раз свои ратные люди погостят, а урону от них больше, чем от ногайского набега.

— Мои люди выучены блюсти порядок, — сказал Лопатин. — Вот погоди, придёт в Синбирск солдатский полк, тогда и помянешь мои слова.

— Мне о сем неведомо, — произнес, удивленно воззрившись на полковника, воевода. — А что, он далее на Стеньку не пойдёт? Ужели здесь вора ждать будет? А как же Самара, Саратов? Их что, Стеньке пожалуют на питье да кормление? Мало ему того, что под ним весь волжский Низ?

— Ближайшие государю люди на сей счет розмыслы учиняют, мне ли о том ведать? — ответил Лопатин. — Что до солдатского полка, так он скоро будет здесь. Я обошёл его в Казани.

— Может, ты и князя Ивана Милославского на пути встречал? — спросил Дашков. — Я, признаться, его жду на своё место. Пусть бы приезжал, пока солдаты во хмелю не раскатали Синбирск по бревнышкам. Пусть уж новый воевода с ними справляется.

— Князя Милославского не видел, — ответил полковник. — Прощай, воевода! Меня на струге ждут. Благодарствую за хлеб-соль. До встречи, Степан Ерофеевич! Даст Бог, свидимся.

Полковник, приложив ладонь к груди, поклонился и поспешил к своим людям. Едва он ступил на струг, как тот отошёл от пристани. Стрельцы сильными гребками вёсел вывели струг на середину протоки, и он неспешно пошёл за другими судами в коренную Волгу.

Степан Ерофеевич имел счастливую способность скоро переходить от одного дела к другому, и, махнув рукой выглядывавшему его Максиму, он поспешил к своему стругу. Кабацкий приказчик ждал его с людьми, которых подрядил на работу, найдя их тут же у кабака среди гуляк, которые ждали открытия кружала после ухода стрельцов и были готовы за чарку вина исполнить всякое дело. Твёрдышев пригляделся к гуляющим людишкам, взял из них дюжину потрезвее и направил на струг, где они под присмотром нового приказчика, поскольку Фома Гонохов был занят похоронами убитого ворами сына, стали перекладывать бочки и кули с товарами, сваленные после снятия струга с мели кое-как, в должном порядке. Дело было важным, и Степан Ерофеевич не уходил с пристани до тех пор, пока его струг не ушёл в Нижний Новгород.

Провожая своих людей, он с тревогой отметил, что Волга день ото дня становилась все пустее. С Верха в Синбирск не явилось ни одного судна, а с Низа пришла большая лодка с солью из Надеиного Усолья. И причина этому была только одна: Стенька Разин перенял Волгу у Царицына, и слух об этом уже разлетелся по всему Поволжью.

– 6 –

Сиротская жизнь приучила Максима к самым неожиданным поворотам судьбы, и он легко к этому относился, надеясь, что когда-нибудь и ему улыбнётся удача. Потому в своей посылке на Низ увидел случай, который поможет ему надёжно устроить жизнь подле такого сильного гостя, как Твёрдышев. Степан Ерофеевич мог сделать его вольным человеком, а это было самой сокровенной и жгучей мечтой беглого холопа.

По былой жизни в Туле он знал стрельцов, их повадки по отношению к людям низкого звания. Там стрельцы чувствовали себя вольно до такой степени, что находили в себе силы иногда перечить воеводе, а среди простых людей чванились и встречали в тычки всякого простолюдина, кто посмел ненароком задеть их в уличной толчее или просто не пришёлся по нраву словом или обличием. Памятуя об этом, Максим приблизился к стругу с осторожностью и спросил сотника. Тот сам услышал, что его кличут, и нехотя подошёл к борту.

— Что ищешь, парень?

— Полковник Лопатин велел дать мне место на струге, — сказал Максим, с опаской поглядывая на начальника.

— Заходи, коли так, — сказал сотник. — Корней! — крикнул он. — Возьми парня к своему котлу и место дай!

— Вели кашевару и на его долю толокно сыпать, — откликнулся десятник. — Пускай приходит, найдём, где спать.

— Ты табаком балуешь? — спросил сотник. — Гляди, если что, спиной ответишь.

— Не научен.

— Добро, — похвалил сотник. — Ступай к десятнику. Ступай! Освободи путь полковнику!

Подхватив свою суму, Максим поспешил к указанному ему месту. Тем временем полковник Лопатин прибыл на струг, стрельцы взялись за вёсла, а те, кто был свободен, стали устраиваться на своих местах: одни в приземистом дощатом строении, занимавшем почти весь струг, другие на его плоской крыше, огороженной со всех сторон невысоким забором. Всего на струге было до полутора сотен стрельцов с оружием и с десяток начальных людей во главе с Лопатиным.

Корней принял Максима равнодушно, указал ему место, где положить суму, и вернулся к прерванному его появлением делу — починке сапога, у которого от ветхости ниток развалилось голенище. Стрельцы поглядывали на парня с любопытством, дорога им наскучила, и они искали развлечения. Максим сразу понял их намерения и решил не давать им потачки, отвечать тем же, с чем к нему будут приставать. Поначалу они переглядывались, перемигивались, затем самый бойкий из стрельцов стал расспрашивать Максима, кто он, куда идёт и что ищет. Стрелец вопрошал довольно настырно и в ответ получал порой такие острые ответы, что стрельцы веселились и похохатывали, но от Максима не отставали. Вперед выступил мордатый стрелец весьма наглого вида.

— Я вижу, ты парень бойкий, — сказал он, ощупывая новичка мутным взглядом. — Давай махнемся шапками.

— Это с чего бы? — удивился Максим.

— А так, ради дружбы. У нас такой обычай, — шапка на стрельце была рваной.

— Тебе не со мной надо меняться, а с кашеваром.

— Почему так? — недоуменно вопросил стрелец.

Вокруг все притихли, ожидая, что скажет Максим. Десятник Корней отложил сапог и тоже прислушался.

— Так на твою башку только котел и налезет!

Эти слова вызвали взрыв хохота. Стрелец начал багроветь и приближаться к обидчику. Максим насторожился и приготовился вскочить на ноги.

— Фролка! — крикнул десятник. — А ну отступись от парня! А ты, острослов, прикуси язык, пока стрельцы тебе дурна не сделали!

Стрельцы от Максима отстали, только Фролка продолжал бросать на него свирепые взгляды, но и то недолго. Всем надоело стоять на ногах, и каждый начал устраивать себе лежбище. Когда нет службы, всякий ратный человек норовит поспать подольше и послаще. Максим тоже устроился, подложив под голову суму, на теплых досках. Стрельцы в нижнем помещении тоже спали, оттуда через щели перекрытия сочился терпкий стрелецкий дух и слышались вздохи и храпы уснувших людей.

Скрип вёсел прекратился. Кормчий велел поставить парус, и струг, увлекаемый ветром и течением, заметно быстрее заскользил по реке. Вокруг воцарились тишина и покой, которые нарушали лишь слабое плескание воды и отдалённые крики чаек.

Корней дошил сапог, натянул его на ногу и лег недалеко от Максима.

— Эхма! — вздохнул десятник. — Думал, дослужу царю-батюшке последний год без войны. Да не пришлось, окаянный Стенька поднялся на дыбы, вот и кинули нас супротив вора, а что будет, не ведаю. А ты зачем в разбойное полымя идёшь, что там ищешь?

— Хозяин послал, — ответил Максим.

— Хозяин, — задумчиво произнёс Корней. — Жизни нет без хозяинов. Надо мной — сотник хозяин, над своими стрельцами — я хозяин. Так всё и устроено. Или не так?

— Над Разиным нет хозяина, — сказал Максим.

— Тихо, парень! — встрепенулся Корней. — За такие слова как раз на рели вздёрнут. У нас тут на струге их знаешь сколько, веревок, запасено? А я сам, когда на Яузе струг снаряжали, их заносил, на самое днище складывал.

Разина ещё и близко не было, но его мятежное имя уже витало над Волгой, настраивая думы всех людей, и начальных, и подневольных, на тревожный лад. Все ждали, что вот-вот на волжской окраине случится доселе небывалое и ужасное, что бывало во время Смуты, ведь оставались ещё живы люди, помнившие времена лихолетия, и память о нём жила в преданиях. Но были ещё более близкие примеры — Соляной и Медный бунты, когда народное возмущение обнажилось в кровавом неистовстве почуявшего своё право на насилие простого люда. От Стеньки Разина ждали гораздо большего, гулящие люди и инородцы Поволжья с нетерпением выглядывали, когда явится атаман, чтобы пополнить в несметном числе ряды его бунташного войска.

Знали о Стеньке Разине и стрельцы Лопатина. За одну зиму до них докатились известия о казачьем атамане, который занял Яицкий городок, затем счастливо пограбил персидское побережье Каспия, явился в Астрахань с несметной добычей, получил от царя милостивую грамоту и до весны удалился в Паншин городок на Дону. Подвиги Разина простонародьем воспринимались как деяния сказочного богатыря, превращались в былины, которыми заслушивался народ, всегда мечтавший о появлении мстителя за свои унижения и муки от сильных и богатых людей.

Над Волгой уже сияла звездами летняя ночь, но не все на струге спали. И Максим сквозь щели в досках, на которых он лежал, слышал разговоры стрельцов, что находились внизу.

— Знать, правду говорят, что атамана ни пули, ни стрелы не берут? — спросил молодой голос.

— А как они его возьмут, если у него заговор от них, самим Горинычем на него наложенный, — послышалось в ответ. — Немецкий капитан в него с трех шагов из своего мушкета стрелил, пуля на Стенькиной груди только царапину оставила, как на камне, а сама — всмятку.

— Слушай, Нефёд, а кто такой Гориныч?

— Это, брат, царь водяной. У него со Стенькой договор: атамана ни пуля, ни сабля не берет, а тот ему за это подарки посылает, золото в воду сыплет, шелка да бархаты, но больше всего по нраву Горинычу, когда Стенька его человечьей кровью потчует. Часто слышно про него, что он то и дело своих супротивников в воду сажает. А Гориныч-то тем доволен и своим благоволением атамана жалует.

— Слышно, он жёнку в воду бросил, так ли это? — спросил ещё чей-то голос.

— Не жёнку, а персианскую княжну. А до того он Горинычу свою жену невенчанную подарил близ Яицкого городка. Одел её в лучшие одежды и бросил в Яик со словами: «Прими, благодетель мой Горинович, самое лучшее и дорогое, что я имею!» От этой жёнки у него сын имеется, Стенька отослал его к астраханскому митрополиту с тысячью рублей в придачу, чтобы тот его воспитал в православной вере. А персианку он уже опосля в Волгу кинул, когда из набега на Каспий возвернулся... — рядом с Максимом смачно, с присвистом, захрапел стрелец. Максим толкнул его и снова приник к доске ухом. — На подходе к Астрахани встретил Разина товарищ воеводы князь Львов с милостивой царской грамотой. В крепости пальба учинилась, когда казацкие струги встали у берега, сам воевода князь Прозоровский, митрополит и лучшие люди вышли встречать Стеньку, как же, сам великий государь его милостью пожаловал. Однако воевода своровал от атамана милостивое царское слово, стал ему казацкие вины выговаривать, что-де в Яицком городке двести стрельцов жизни лишил, государевы струги топил, торговлю с персианами порушил, много чего воевода выговаривал. Поначалу Разин слушал его терпеливо, только ножкой в сафьяновом сапоге притопывал, а потом возговорил громким голосом: «Ты, князь, на воеводстве сидючи, совсем обомшел, как пенёк гнилой. Вот велю я своим побратимам сбросить тебя с раската крепостной башни, не возрадуешься!» Задрожал Прозоровский от страха, за митрополита прячется. А Разин усмехнулся и говорит: «Хоть ты, князь, государево милостивое мне слово своровал, я тебя сам пожалую частью казацкого дувана как своего есаула». И положили казаки к ногам воеводы золото, жемчуга и лалы и платья парчёвые, бархатные и камчатые. От жадности возжглись глаза у князя, он Стеньку видеть перестал и молвил: «Гуляйте, ребята, только Астрахань не сожгите...»

Последние слова привели слушавших Нефёда стрельцов в восторг, и число слушателей увеличилось, поскольку до Максима явственно донесся строгий голос: «Не сбивайтесь в кучу, а лежите по своим местам. Говори, Нефёд!»

— А как раздуванили казаки персианский дуван, то гулять начали, любо-дорого посмотреть! Расхаживают по граду Астрахани в шелковых да бархатных кафтанах, на шапках нити жемчуга, дорогие каменья. Торг открыли невиданный, отдавали шёлк нипочём, фунт за десять копеек. А уж сколько дорогих заморских вин было повыпито, сколько пролито! Воевода глядит на казацкий разгул, злобится, да поделать ничего не может. Посадские люди и астраханские стрельцы за Стеньку горой. А Разин что ещё удумал: как-то вынесли ему кресло из дома, где он гулял, да поставили посреди улицы, а казаки на весь город загорланили: «Подходите, сироты астраханские, Степан Тимофеевич всех жаловать будет!» Сел Разин в кресло, а у его ног большой кожаный куль с золотом положили, тяжёлый, четверо дюжих казаков еле донесли. Поначалу астраханские люди побаивались подступиться к грозному атаману, однако нашёлся один смельчак, подбежал и бухнулся перед Разиным на колени. «Говори твои нужды», — сказал Стенька. «Выпить хочу за твое здоровье, Степан Тимофеевич, да карманы дырявые, были две полушки, и тех нет!» Улыбнулся Разин, сунул руку в куль и достал горсть золотых: «Гуляй, детинушка, без просыху!» Тут весь народ к нему и прислонился... — стрелец, спавший рядом с Максимом, опять захрапел с затейливым присвистом. Парень ткнул его кулаком в бок. Тот сел, повращал полоумными очами и опять упал навзничь. Максим прислушался: — Про соловецкие дела Разина я не ведаю, — сказал Нефёд. — Кондрат там бывал, может, что и слышал.

Послышались уговоры какого-то Кондрата поведать о знаменитом атамане.

— Я могу сказать, — послышался голос. — Только вы, ребята, обещайте, что не будете меня тузить, коли слова мои вам не придутся по нраву. Ведомо вам, что соловецкие старцы не приняли никонианства и объявили великому государю войну. Царь

посовестился наслать на знаменитый монастырь большую воинскую силу и поначалу отправил туда стряпчего Игнатия Волохова с сотней стрельцов, с тем чтобы привести обитель к покорности. Я шёл в той сотне десятником, что случилось, видел наяву. Старцы ворота нам не открыли, а самим не зайти: в монастыре по громадным стенам сотня пушек, монахи камни и огонь мечут. Игнатий Волохов покричал, погрозил старцам и велел нашему сотнику готовиться к уходу. Мы, знамо, возрадовались, а стряпчий в ярости готов камни грызть. И тут, ему на радость, в последнюю ночь поймали сторожевые стрельцы монаха у самых монастырских стен. Кликнул сотник меня и ещё одного десятника и велел идти к стряпчему. Пришли, а Волохов над монахом лютует, всего искровянил. Увидел нас и кричит: «Ставьте его на огонь!..»

— А дальше что? — спросил кто-то замолчавшего Кондрата.

— Долго терпел монах муку, а потом проклинать начал, страшно вспомнить, самого великого государя, патриарха Никона, ближних бояр блядиными детьми называл и вопил, что скоро явится на всех них кара, могутной вор, что спалит Москву и всех вероотступников и лучших людей будет казнить лютой смертью. Тут Волохов оттолкнул нас и сам взялся за раскаленные щипцы и начал терзать монаха, выведывая имя вора и откуда он явится. И монах всё поведал, перед тем как испустить дух.

— Стало быть, о Разине государевым людям загодя стало известно? — сказал Нефёд. — Как и то, что его направили на воровской путь соловецкие старцы?

— Вестимо, известно. Стенька явился в Соловки богомольцем и открыл на исповеди такую адскую бездну своей души, что исповедник был в ужасе. Проведав о том, начальные старцы заинтересовались Разиным, приблизили к себе, распознали в нём мстителя за поруганную никонианами христианскую веру и благословили его учинить великое возмущение простого люда против бояр, которые замыслили извести государя и насадить на русской земле окаянное латинство. Через соловецких старцев Разин получил силу отводить от себя пули и стрелы и отпущение от всех будущих грехов...

— Вон как! Значит, он не сам по себе замыслил поднять Русь против бояр, а по наущению соловецких старцев! — воскликнул шёпотом кто-то из стрельцов.

— А ну уймись! — раздался начальственный голос. — Не то те веревки, что для воров припасены, как раз вам достанутся!

Угроза оказалась нешуточной, и внизу все замолчали. Максим поднял голову и осмотрелся. Вокруг было темно, стрельцы спали, упругий ветерок и течение несли струг бесшумно и плавно. И видя вокруг покой и безмятежность, Максиму трудно было представить, что где-то внизу на Волге, возможно, уже начал полыхать мятеж, уничтожая вокруг всё живое и человеческое.

Согласившись выполнить поручение Твёрдышева, Максим и представить себе не мог, что послан в самую пучину бунта, а теперь он понял, что весть, которую он доставит Разину, может быть настолько важной и своевременной, что мятеж разгорится ещё пуще, как головня, на которую вдруг внезапно подул ветер. Подумав об этом, Максим спохватился и сунул руку за голенище сапога. Грамотка была цела, он достал её, оглядел и сунул обратно за голенище. «Как бы голову не потерять, — подумал Максим. — Если кто про неё прознает, то висеть мне на рели».

Всему, что он услышал про Разина, Максим поверил безоговорочно. Ясно, что атаман — не простой человек и ему помогают колдовские силы, в них Максим верил не менее, чем в существование Святой Троицы. К такому человеку трудно подойти, а ещё труднее остаться живу, не опалиться до смерти чарами, которые, подобно невидимому огню, отделяют его от всех смертных.

— 7 —

Лопатинские стрельцы шли в Астрахань с неохотой, там их ждали невыносимая северным жителям жара летом и пронизывающие леденящие ветры зимой, а также возможность погибнуть от моровой хвори, ведь всегда чума и холера наваливались на Русь с поволжского Низа. Позади уже остался Саратов, крохотная крепостница среди голых, обдутых степными ветрами холмов, впереди был Царицын, а вокруг простиралось только одно устрашающее взгляд безлюдье. Были пусты и безлесны берега реки, была пуста и сама Волга, после Саратова стрельцы не встретили ни одного струга, но полковник Лопатин чувствовал, что так продлится недолго, и за любым изгибом реки могла таиться смертельная опасность, имя которой всем известна — Стенька Разин со своими воровскими людьми.

Уходя из Москвы, Лопатин и думать не мог, что попадёт в самое пекло разинского бунта. Поначалу он смотрел на порученное ему дело как на докучную, но неизбежную для всякого служивого человека работу. Ему даже нравилось идти на струге по Волге, озирать окрестности и предаваться отдыху, которого он не знал долгие годы войны с поляками. Так было до Синбирска, где Лопатин встретил прибывшего туда со своим

приказом из Москвы стрелецкого голову Бухвостова, с которым недавно вместе бился против ляхов, и теперь их пути пересеклись на степной границе.

Была уже ночь, когда Бухвостов явился к Лопатину на его струг. Они обнялись и расцеловались. Затем полковник велел накрыть стол и соратники сначала предались воспоминаниям, а затем Бухвостов открыл товарищу совершенно для того неожиданное.

— Знаешь ли ты, Иван Васильевич, что на Москве против Стеньки Разина замыслили? — спросил стрелецкий начальник, опорожнив чару с вином. — Не отвечай, я сам до вчерашнего вечера и подумать о таком не мог. А вчера думский посыльщик стряпчий Ильин, что привез Дашкову весть о его замене, во хмелю поведал, что великий государь приговорил отдать Астрахань и другие города Низа Стеньке Разину.

— Не может того быть! — поразился Лопатин. — Зачем же я веду тысячу стрельцов? Этого посыльщика за облыжные на великого государя слова нужно взять на дыбу. А ты, выходит, смолчал?

— Не горячись, Иван, — невозмутимо ответил Бухвостов. — Если всех, кто сейчас о воре Стеньке говорит, брать на дыбу, то без людей останемся. А что тебя и стрельцов послали, так экая невидаль! На Москве всегда правая рука не ведает, что делает левая. Тысяча стрельцов для Москвы — пустяк, под Гродно сколько стрельцов задаром положили? А в других местах? Москва людей не считает.

— Какая же прибыль государю от утраты Астрахани и других городов? — спросил Лопатин, вспомнив, что на Москве, и правда, жизнь любого человека, от смерда до высокородного князя, мало чего стоит.

— Города никуда не денутся, как стояли, так и будут стоять, — сказал Бухвостов и, понизив голос, подвинулся ближе к полковнику. — Розмыслы государя и ближних бояр в том, чтобы дать Стеньке возможность собрать под своим началом всю людскую гиль — голутвенных казаков, воров и гулящих людишек — и уничтожить всех разом, дабы очистить Поволжье от всякого человеческого хлама для заселения пустых земель служилыми людьми и крестьянишками. Сам посуди, Иван, стоит ли жалеть для такого дела Астрахань, где стрельцы ненадежны, разинским горлопанам в рты заглядывают?

— Они могут пристать к Стеньке, — согласился Лопатин. — А ведь их шесть тысяч, тут все города на Волге не устоят, не только низовые, против такой силы.

— Стенькино войско встретят здесь, — многозначительно произнёс Бухвостов.

— В Синбирске?

— В Синбирск лучшие стрелецкие приказы пришли, — сказал Бухвостов. — Скоро окольничий князь Барятинский сюда явится с двумя полками рейтар. Супротив их лучшие Стенькины казаки не устоят. Ты ведь знаешь рейтар в бою. Когда почти три тысячи рейтар пойдут в атаку и с нескольких саженей каждый стрелит по два раза из пистолетов, то казаки и сабель не успеют поднять, как будут сметены свинцовым дробом.

— Но под Синбирск явятся ещё русские крестьянишки, чуваши и мордва. Здесь столпится столько людей, что всех не перестреляешь и не перерубишь.

— Ты что, в расчёт берешь мужиков? — усмехнулся Бухвостов. — Смерды — не ратные люди, они побегут сломя голову, только лишь завидят рейтар. А что до здешних русских крестьянишек, а также чувашей и мордвы, то всем им пора кровь дурную спустить. То в одной волости забунтуют, то в другой. Надо под Синбирском людишек так устрашить, чтобы они сто лет не помышляли о бунте.

— Вроде всё складно замыслено, — помолчав, произнёс Лопатин. — Но кому мне верить, тебе или князю Троекурову, который велел мне вести стрельцов, выходит, на смерть?

— Князь сказал одно, а, к примеру, боярин Хитрово — другое. Сам смотри, как поступить.

— А я вот что мыслю, — сказал Лопатин. — Наврал этот стряпчий. Захмелел и вообразил, что он в государевой думе.

— Мне так не кажется, — возразил Бухвостов. — Может, стряпчий и лгун, но чтобы придумать такое, надо добрую голову на плечах иметь.

Наутро Лопатин и думать забыл об этом разговоре, но прошло несколько дней, и саратовский воевода, провожая стрельцов, вдруг сказал:

— Я бы на твоём месте не торопился, полковник. Неведомо, как встретит тебя Царицын.

— Есть дурные известия? — вопрошающе глянул на него Лопатин.

— В том-то и дело, что нет никаких вестей, — ответил воевода. — Уже неделю, как с Низу не прошло ни одного струга.

— Ты мыслишь, что Стенька перенял Волгу у Царицына?

— Скорее всего, так. Оставайся пока в Саратове, полковник, а буде Стенька явится, то сядем в осаду.

Не послушал Лопатин доброго совета хорошо знавшего здешние места человека, и сейчас, стоя на носу своего струга, который шёл впереди остальных, вдруг остро ощутил опасность верным чутьем бывалого воина. Явных примет присутствия воров не было видно, но враждебность, казалось полковнику, сочилась отовсюду: от голых пустынных берегов, от островов, покрытых непроходимыми зарослями камышей, высокой травы и ивняка, от самой реки, которая то растекалась на множество протоков, то сливалась в широкое русло.

После Саратова Лопатин вызвал к себе всех сотников и велел во время пути зрить в оба. Начальные люди были невесёлы, они наслышались о Стенькиных кровавых проделках, но с надеждой взирали на своего полковника, зная по польской войне о его здравой осторожности, которая сберегла жизни многим ратникам.

— Как люди? — спросил Лопатин. — Нет ли среди них опасных шатаний?

— Стрельцы, конечно, шепчутся о воре, — отвечали сотники. — Но прямых изменников на стругах нет. В случае Стенькиного приступа все готовы, не щадя своего живота, биться и стоять насмерть.

— Авось пронесёт, пройдём мимо Царицына тихо. А теперь ступайте на струги и не спите, шарьте окрест глазами и хватайте каждого, кто попадется на пути.

Прошло ещё несколько дней, пока опытный кормщик не объявил Лопатину, что завтра будет Царицын.

— Надо бы подойти к граду с утра, чтобы хорошо осмотреться, — сказал Лопатин.

— Так и будет, — уверил кормщик. — К вечеру будем на Денежном острове, а там и до Царицына рукой подать.

— Далеко ли до него? — спросил полковник.

— Вёрст с пять будет, — ответил кормщик. — Место мне ведомое.

Лопатин поразмыслил и кликнул к себе сотника.

— Скинь на воду малую лодку, — велел он. — Посади на вёсла добрых стрельцов и отправь их к Денежному острову, чтоб они там всё проведали, пока мы на стругах будем до него тащиться.

— Как узнать, что это тот остров? — спросил сотник. Лопатин обратился к кормщику.

— Он приметный, — объяснил бывалый человек. — На нём стоят громадные вётлы, на других островах таких нет.

Сотник кликнул десятника Корнея, и тот, получив указание, начал поднимать своих людей. Стрельцы взяли оружие и пошли на корму струга, позади которой была привязана лодка.

— Зачем всех людей привёл? — сказал кормщик. — Тут пятерых достанет, четверо на вёслах, один на кормиле.

Корней посмотрел на своих людей, решая, кого взять. Стрельцы отворачивали взгляды, и только трое глядели прямо. Неволить людей десятнику не хотелось.

— Кто сам хочет идти? — спросил он. Откликнулись трое, нужен был ещё один человек. — Кто ещё пойдёт? — уже заметно осерчав, повысил голос Корней.

Стрельцы начали переглядываться между собой, и тут выступил вперед Максим:

— Возьми, дядя Корней, меня!

— Добро! — решил десятник. — Ты, парень, могутной, как раз в гребцы сгодишься.

С высокого борта струга стрельцы и Максим, держась за веревку, спустились в лодку. Кормщик освободил её от привязи, гребцы взялись за вёсла, и лодка пошла на обгон струга.

— Корней! — громко сказал Лопатин. — Смотри, чтобы ребята рты не разевали, и сам гляди в оба!

В ответ десятник только взмахнул рулевым веслом и погрузил его полностью в воду, направляя лодку, чтобы сократить путь на ближний береговой изгиб реки. Долго, не давая себе отдыха, размеренно работали вёслами стрельцы и Максим, и всё это время они были молчаливы, поглядывали на пустынные берега реки. Каждый ощущал растущую в душе обеспокоенность и тревогу. Солнце уже повернуло на правую сторону Волги, лодка миновала немало поворотов, когда Корней вдруг привстал на корме и промолвил:

— Глядите, ребята, кажись, дым, — Максим обернулся. Действительно, над островным лесом вставал прямо вверх белёсый столб дыма. — А ведь это и есть Денежный остров, — сказал Корней. — А ну, давай ближе к берегу.

Всем в лодке, кроме десятника, вдруг стало весело от внезапно обнаруженного дыма. Так бывает, когда одно чувство в человеке сменяется другим, поэтому люди плачут от счастья и беспричинно веселятся вблизи опасности.

— Греби в лад! — приказал Корней стрельцу, который, хохотнув, сразу закашлялся.

— Там, наверно, рыбаки, дядька Корней, — ответил парень, утирая рукавом мо-

крый рот.

— Как раз тебя ждут, — строго молвил десятник. — Рыбу в котёл засыпают.

Мрачный вид бывалого воина подействовал на всех отрезвляюще. Максим не поддался общему настроению, но чувствовал себя неуютно, сожалел, что напросился в лодку, ведь Твёрдышев говорил, чтобы он вёл себя смирно и без надобности никуда не совался.

Лодка, зашуршав днищем о песок, уткнулась в берег. Стрельцы, взяв пищали, вылезли из неё. Максим двинулся за ними следом, но десятник его остановил.

— Стереги лодку, — сказал он. — Оружие есть?

— Только нож, — ответил Максим.

— Сгодится и это. Сиди здесь тихо. Увидишь чужих людей, сразу выгребай на глубину. И жди там нас или прихода стругов.

Стрельцы вслед за Корнеем быстро скрылись в ивняковых зарослях. Проводив их взглядом, Максим столкнул лодку в воду и отплыл саженей на десять от берега. Здесь, рассудил он, его не могли застать врасплох чужие люди. Сидя на корме, Максим удерживал рулевым веслом лодку на одном месте и прислушивался к звукам, которые доносились с острова. Вскоре он услышал резкий вопль, затем раздались несколько пищальных выстрелов. В ивняковых зарослях началось шевеление, на берег выбежал человек, метнулся в одну сторону, в другую, а увидев спешащих к нему с криками стрельцов, обречённо махнул рукой и опустился на песок. Максим всмотрелся в него и от неожиданности даже охнул. Это был Федот, его попутчик до Синбирска, а того уже схватили стрельцы и начали вязать ему руки и ноги.

— Греби сюда! — крикнул Корней. — Что стоишь столбом?

Максим схватил весло и начал поспешно подгребать к берегу, а в голове у него свербило: как бы Федот не наговорил чего-нибудь про него, что могло бы ему навредить.

— Гляди, Максимка, какого скользкого налима занесло в наши сети, — весело сказал стрелец, переворачивая ногой Федота, лежащего ничком, на спину, — Максим приблизился к пленнику. Тот равнодушно взглянул на него и, отвернувшись, сплюнул на песок кровавую слюну. — Вот, погоди, явится полковник, — злобно сказал стрелец. — Всё нутро выхаркаешь.

Корней смотрел озабоченно: трое воров, которых они застали врасплох, вздумали махать саблями, и одного стрельца сильно поранили, пока их смогли застрелить. Раненый потерял много крови, впал в беспамятство, бредил, и по всему было видно, что скоро он отойдёт.

— А ведь уха-то, поди, у воров выкипела! — спохватился кто-то из стрельцов и кинулся в ивняковую чащу. Следом за ним побежал другой стрелец. Вскоре они принесли на толстом пруте немалый котел с дымящимся варевом. Ложки у стрельцов всегда были с собой, и они, нарвав свежей травы, начали выкладывать на неё разваренную рыбу. Максим от них не отставал, выловил из котла большого окуня и положил остужаться.

— Эй, стрельцы! — подал голос Федот. — Меня не обносите, это я рыбу наловил.

— Тебе нельзя, — рассудительно сказал Корней. — Пытку лучше терпеть на голодное брюхо.

— Много ты знаешь, — заговорил Федот после некоторого молчания. — За что ж меня пыткой казнить, я не вор, а гулящий человечишка. Я всё сам расскажу, что знаю, да если и не знаю, то всё равно расскажу. Спрашивайте! Только не мучайте голодухой!

— Да ты, парень, и впрямь затейник, — не сдержал улыбку десятник. — Максимка, сунь ему в рот рыбину. Или, ладно, развяжи руки, но гляди за ним.

Федот с жадностью начал есть поданного ему окуня. Затем потребовал другого, третьего...

— Хватит! — запротестовали стрельцы. — Завяжи ему руки, Максимка!

— Молодец, парень, что смолчал про меня, — жарко зашептал Федот на ухо Максиму, когда тот склонился над ним. — Сделай так, чтобы я дожил до утра. Эхма! Степан Тимофеевич уже близко, а я на верви, как телок!

— Откуда знаешь, что Разин близко?

— Сам видишь, не дошёл до атамана, но он рядом, я это чувствую. Ты побереги меня, чтоб стрельцы не зашибли. Помоги, брат...

В этот миг громко застонал, а затем захрипел раненый. Все бросились к нему. Корней наклонился к стрельцу, поднял веко, снял шапку и перекрестился. Стрельцы и Максим тоже сняли шапки и перекрестились. Сотник сломил несколько ивовых веток и закрыл ими лицо покойного.

— Надо рыть могилу, — сказал Корней и выжидающе поглядел на стрельцов, но те не откликнулись, от ухи всех потянуло в сон.

— Я сделаю, — вызвался Максим и краем глаза успел заметить, что Федот, услы-

шав его слова, широко улыбнулся.

Сотник снял с мертвого стрельца саблю и протянул Максиму.

— Копай этим до пояса себе, а сверху мы завалим могилу камнями.

Стрельцы были привычны к чужой смерти, полегли, как снопы, на траву и вскоре стали похрапывать. Максим, держа саблю в руке, тупо смотрел на убитого. Он не мог решить, что ему делать: то ли копать могилу, то ли бежать отсель без оглядки.

— Максимка, Максимка, поди сюда...

Этот шёпот вывел парня из оцепенения, он подошёл к Федоту и разрезал на нём верёвочные путы.

— Беги, Федот, беги...

— А ты?

Максим молчал. Федот встал на ноги, схватил его за рукав и потянул за собой в кусты.

– 8 –

С весны 1670 года градом Царицыным правила казачья вольница. Ворота крепости днем и ночью были всегда распахнуты настежь, в самом граде и окрест него шаталось без дела множество вооружённых людей. Более семи тысяч вольного народа привел Разин за собой из Риги, казачьей крепости, сплошь окружённой водой, где его войско в землянках, крытых камышом, пробедовало всю зиму. Атаман, как мог, поддерживал своих сподвижников: давал им деньги, кормил и, в расчете на летнюю добычу, сам взаймы брал порох и свинец у воронежских посадских людей, рассылал прелестные грамотки донским станицам и в Запорожскую Сечь, подбивая охочих людей на вольное казакование.

Поначалу Разин был щедр, но за зиму порастряс воровскую казну и к началу весны запустил руку в свою последнюю захоронку с остатками персианской добычи. Выручить его мог только новый набег, поэтому когда он проведал, что домовитые казаки низовых станиц на Дону приняли государева посыльщика жильца Герасима Евдокимова с милостивой царской грамотой, то кинулся в Черкасск, застращал мирных казаков, а посыльщика до полусмерти избил и велел его кинуть в Дон. Совершив прилюдное убийство и распалившись им, Разин вернулся в Ригу, поднял своих людей и всей громадой двинулся к Царицыну.

Он уже побывал там, возвращаясь на Дон из Астрахани прошлой осенью, разбил кабак и оттаскал за бороду воеводу Унковского. Весной же граду была уготована кровавая потеха. Новый воевода Царицына стольник Тургенев не открыл ворота и засел в осаду. Стенька велел Ваське Усу осаждать крепость, а сам с тысячью самых отпетых казаков набросился на кочевья едисанских татар, разорил их дочиста и пригнал к Царицыну пленных людей, громадные табуны лошадей, гурты скота и отары овец.

Голодное войско при виде добычи возликовало и в семь тысяч глоток восславило своего атамана, но тот велел ничего из взятого не трогать, а немедля идти на приступ града, из которого уже переметнулось к казакам много стрельцов и посадских людей. Видя измену, воевода Тургенев с кучкой московских стрельцов заперся в башне, но был взят и в тот же день приведён на веревке к Волге, проколот копьём и утоплен.

Несколько дней вольница гуляла, но вино скоро было выпито, пошла череда трезвых дней и раздумий воровской головки бунта, куда же идти дальше. Об этом Разин часто совещался со своими старшинами и есаулами.

— Идти надо на Москву! — убеждал атамана его ближний подручный Васька Ус. — Я ходил, четыре года тому назад за Тулу ушёл, но тогда я не имел и четверти той силы, которая есть у нас сейчас.

— Без Волги нам нельзя, — возражал Усу разинский брат Фрол. — Летом к ней гулящие люди теснятся, на них мы обопремся, а на мужиков надёжи нет. Они привычны ковырять пашню, а нож в руки берут, когда хлеб режут.

— Брось, Фрол, — гнул своё Ус. — Мужику только дай почуять волю и правду, и он кому хошь шеи свернёт. Надо идти на Москву, а вперед выслать посыльщиков с прелестными грамотками. Тогда вся коренная Русь на дыбы встанет и опрокинется на бояр.

— Спеши да не торопись, — говорил бывалый есаул Корень. — На Москву мы всегда поспеем, не худо бы на Астрахань оборотиться. Пока не отомщены обиды воеводе Прозоровскому. Помнишь, Степан Тимофеевич, как этот старый мозгляк на тебя ножонками топал, стрельцов на казаков насылал, моего побратима старого казака Ванюшку Носатого на рели вздернул?

Разин не отвечал, но его глаза возжигались пламенным блеском, и на скулах начинали ходуном ходить желваки.

— Дело молвит Корень! — вскакивал с места черкас из Запороги Остап Очерет. —

Были мы в Астрахани, да не растрясли её как следует. Пока до Москвы дойдём, половина казаков разбежится, без дувана казак не воин. Надо, Степан Тимофеевич, поначалу Астрахань раздуванить, а там можно и на Москву идти, но не посуху, а Волгой.

Разин слушал своих соратников, но последнего слова не говорил, его одолевали раздумья, в какую сторону ему повернуться: на Астрахань или на Москву. Атаман в опасности, которая угрожала его жизни, всегда был находчив, но когда требовалось принять какое-нибудь решение в мирной обстановке, то его начинали одолевать сомнения и неуверенность, он тогда ждал, как он иногда говорил, знака оттуда, что выше всякого человеческого разумения. В ожидании этого знака Стенька со временем начинал чувствовать, как над ним и в нём самом сгущается невидимая мгла, которая с каждым часом начинает теснить душу всё сильнее и сильнее, пока из неё не полыхнет молнией внезапное озарение, и ему станет дышать так вольно, будто у него вдруг появились крылья.

От своих соратников, споривших, куда двинуть казацкую громаду, Разин уходил за город на волжский откос и подолгу стоял там, подставив разгорячённую томлениями грудь вольному ветру, вглядываясь в бескрайнюю степную даль, над которой белокипенные кучевые облака казались ему кремлями и соборами неведомых градов. Бывало, по какому-то порыву, он падал на землю, и его чуткий, как у зверя, нюх, начинал щекотать, дурманя голову, сладковатый запах богородицкой травы — чабреца, и, надышавшись ею, он забывался в недолгом беспамятном сне. Однако настал миг, когда чаемое Стенькой много дней свершилось: ему во сне явился Гориныч и молвил вещие слова: «Жалую я тебя, казак, своей силой, гуляй — веселись по всей Волге, от Низа до Верха, да не забывай и меня, старого, своими дарами...» Проснулся Стенька и почувствовал себя таким могучим, будто в живой воде искупался. Вскочил на ноги, распростер руки и так вскрикнул, что все люди в граде Царицыне это услышали, а те, кто знал своего атамана, возрадовались: пришла пора веселиться всем гулящим людям, началась воровская путина, и у каждого на всякий день будет сытная пища, а порой и море разливанное зелена-вина.

Пыля красными сапогами по сухой глине, Стенька сбежал с бугра и уже из ворот увидел, что возле крыльца атаманской избы столпились лучшие казаки. Его ждали.

— Чую вести недобрые дошли до Царицына? — спросил Разин, оглядывая своих ближних острым взглядом.

— Только что явился казак из дозорного разъезда, — ответил Фрол. — А какие вести, добрые или злые, ты сам рассуди.

— Где дозорщик?

— Да вот он, — Ус указал на молодого казака, который тотчас выступил вперед.

— Говори! — велел Разин.

— Идут, атаман, по ближней к нагорной стороне протоке шесть стругов с воинскими людьми, — сказал казак.

— И где они?

— К вечеру будут у Денежного острова.

— Добро, — сказал Разин. — А что за ратные люди, стрельцы или солдаты?

— Стрельцы московские, в красных кафтанах.

Стенька вздрогнул, ему послышалось, как чей-то голос явственно произнёс: «Как раз тебе, атаман, будет, чем отдарить Гориныча...» Он зажмурился и, как конь, потряс головой, прогоняя наваждение. Муть в очах исчезла, и сразу пришло решение, как поступить.

— Бейте сполох! — велел Разин и обратился к ближним людям: — Давайте, казаки, думу думать, как стрельцов повоевать.

— Годи, Степан Тимофеевич, — сказал черкас Очерет и указал рукой на крепостные ворота, через которые на взмыленном от долгой скачки коне промчался всадник и резко остановился перед крыльцом атаманской избы.

— Скликай громаду, атаман! — прохрипел запыленный с ног до головы казак. — Товарищ астраханского воеводы князь Львов с двумя с половиной тысяч стрельцов подошёл к Чёрному Яру и стоит там уже два дня.

— Не беда, что пришёл, — усмехнувшись, сказал Разин. — Князь — мой друзяк, прошлой осенью пировали с ним оба два, он нам лиха не сотворит.

— С верху идёт тысяча ратников, с низу — две с половиной, — осторожно заметил есаул Корень. — Как бы они нам не повредили. Особенно московские стрельцы.

— С этими крепко воевать надо, — согласился атаман. — Что до астраханских стрельцов, то князь Львов привёл прибавление к нашему войску. Астраханцы переметнутся к нам и своих начальных людей приведут на веревках.

Колокол на башне ударил тревожно и часто. Услышав набат, казаки и прибывшие к ним со всех сторон бунташные люди, расположившиеся станами подле Царицына, всполошились, похватали в руки оружие и устремились к крепости. Ещё не ведая, за-

чем их кличет атаман, они все были радостно возбуждены, догадываясь, что началась, наконец, гулевая путина.

Вскоре всё пространство против атаманской избы и вокруг неё было заполнено вооруженными людьми. В крепости все не поместились, многие стояли за воротами и ждали, когда до них донесётся повторяемые многими людьми слова атамана. И Разин знал, что жаждут услышать от него люди.

— ...Бояре изводят семью царя, царевича Алексея Алексеевича они пытались извести ядом, но тот спасся и скрылся под нашу защиту! Как, казаки, не выдадим боярам царевича?

— Не выдадим! Не выдадим!

Ближние Стенькины люди были поражены, до сей поры они не слышали от атамана таких слов. Ус глянул на Корня и встретил недоумевающий взгляд есаула, для которого весть о царевиче, скрывающемся у казаков, была тоже новостью. Смешливый Васька Ус потупился, чтобы не хохотнуть. Черкаса Очерета интересовали не московские дела, а добыча, Фрол Разин внимал с обычной для него пустотой во взгляде, он верил брату всегда и во всём.

— ...Наши люди опростали из монастырского заточения, куда его бросили бояре, патриарха Никона! — продолжал витийствовать Разин. — И скоро святейший патриарх явится в наше войско, — на этот раз люди восприняли неслыханное известие с меньшим шумом, многие из них уже давно жили вне церкви и вспоминали о Боге, когда их ужалит какая-нибудь беда. — Бояре своими неправдами затуманили очи царю и наслали на нас стрельцов. Они сейчас вблизи Царицына! — повысил голос Стенька. — Потому разбирайтесь каждый по своим есаулам и сотникам, седлайте коней и готовьтесь попотчевать незваных гостей саблями и пулями. Я буду с вами!

Толпа возвопила так оглушающе сильно, что своим криком погасила лампаду перед надвратной иконой Святителя Николая. Люди, толкая друг друга, кинулись по своим станам готовиться к боевому выходу. Площадь перед атаманской избой стремительно пустела.

— Как же так, Степан Тимофеевич, — сказал Корень, — мы, твои ближние люди, про царевича Алексея и патриарха Никона до сего часа не ведали?

— Много чего вам неведомо, — снисходительно молвил Разин. — Царевич уже здесь.

— Как уже здесь! — поразился Ус. — Меж нами, атаман, не было уговору что-нибудь друг от друга утаивать!

— Я и не таю, — улыбнулся Разин. — А ну, други, садись на коней!

Есаулы, молча, ехали по берегу Волги следом за атаманом, гадая, чем надумал удивить их предводитель. Версты через две атаман повернул к берегу, и все встали у обрыва. Перед ними в саженях пятидесяти на воде стояли два небольших струга. Один был покрыт по верху синим бархатом, другой — красным. Людей на стругах не было, а по берегу в разных местах прохаживалось несколько сторожей с пищалями на плечах. Их есаулы узнали сразу: одностаничники Разина, которых он держал близ себя.

— Фролка! — велел Разин брату. — Сбегай на струг и ударь челом царевичу Алексею, чтобы он нам явился.

Фрол сошёл с коня, сбежал с берега и скрылся под красным бархатом на струге. Потом выпятился оттуда задом на карачках, а за ним появился невысокий рыжеволосый юноша в лазоревой чуге и повернулся к берегу. Завидев это, Разин одним махом спрыгнул с коня и упал на колени, преклонив голову к земле. Вслед за ним попадали с коней и его есаулы, даже Васька Ус не замешкался и преклонился ниц. Когда они подняли головы, царевича на струге уже не было видно.

— Царевича Алексея являть всему народу рано, — сказал Разин. — Людям достаточно знать, что он есть.

— Но ведь когда-то он должен выйти из своей захоронки, — задумчиво молвил Корень.

— Царевич явится на Москве, — важно сказал атаман. — Явится всему народу царем Алексеем Вторым...

— А где патриарх Никон? — спросил Васька Ус.

— Будет тебе и Никон! — вскричал Разин и ударил каблуками сапогов под ребра своего коня. — Гойда! Пора идти на московских стрельцов!

– 9 –

Федот с силой, невесть откуда взявшейся в столь тщедушном мужике, увлекал за собой Максима всё дальше в кусты, так что тот едва успевал переставлять ноги. Ветки хлестали его по лицу, сучки цеплялись и рвали одежду. Наконец они выбежали на ту самую поляну, где стрельцы поймали гулящих людей. Федот остановился, и, отпустив

рукав Максима, забежал за куст и вышел оттуда с небольшим кошелём.

— Учись, парень, пока меня ноги носят! — сказал он и потряс находкой, в которой забрякали деньги. — Едва стрельцы приладились в нас стрелять, как я успел выкинуть кошель и упасть на землю.

— Я сразу понял, как впервые тебя увидел, что ты борзой, — пробормотал Максим, утирая ладонью пот. — Попутал ты меня, Федот, по рукам и ногам. Что теперь будет?

— Жить будешь, разве мало? — весело ответил бродяга. — Сейчас схоронимся до сумерек, а потом пойдём по холодку, чтобы не упреть.

— Куда пойдём? — возмутился Максим. — Тебе добро, ты вечно в бегах, а меня Твёрдышев ждёт, люди государевы с первым же встречным стругом донесут в Синбирск, что я упустил вора. Как раз меня и возьмут на пытку.

— А что ты в Синбирск пойдёшь? — удивился Федот. — Твёрдышев таких, как ты, за рубль сотню найдёт.

— Много ты знаешь, — Максим резко обернулся. — Чуешь шум? Это за нами!

Беглецы бросились бежать в самую чащу тальниковых кустов и высокой, до пояса, травы, там упали на землю и затаились. Вокруг было тихо, лишь только легонько пошумливала листва да перекликались между собой щебетом птички. Максим смахнул со щеки муравья, приподнял голову и увидел, что недалеко от него над кустом мелькнула красная шапка стрельца. Он напрягся, изготовившись бежать прочь, но стрелец не пошёл в их сторону, постоял, зевнул и повернул обратно. Максим перевёл дух и посмотрел в сторону Федота. Того не было видно.

— Федот, — шепотом позвал Максим.

— Чего тебе? — отозвался попутчик сдавленно тихим, точно из-под земли, голосом.

— Ничего. Говорю, кажись, пронесло.

— Вроде так, — уже ясно произнес Федот. — Повезло нам, брат, что стрелец этот городской дурак, мы ведь за собой в траве торную дорогу оставили, а он её не заметил.

Час шёл за часом, Максим за это время все бока отлежал, много успел чего передумать, всё больше о казачьем атамане Стеньке Разине, о котором он наслушался всякого в первую ночь на струге. «Что это за человек? — спрашивал себя Максим. — Да и человек ли он, если про него такое сказывают? Он ведь всё насквозь видит, сам царь водяной Гориныч ему ведом, соловецкие старцы ему грамоту шлют». Он шевельнул ногой, цела ли грамота, сразу её почувствовал за голенищем. «А ведь в Стеньке нет ничего христианского, людей православных в воду сажает, а сколько крови на нём?» — подумал он, ощутив близкую опасность: а не велит ли Стенька посадить твёрдышевского посыльщика в воду на поживу Горинычу? От этой мысли Максиму стало зябко и одиноко.

— Федот, скажи, а ты правду баял про Остров Счастья?

— Эвон чего вспомнил, — со смешком отозвался попутчик. — Есть такой остров, это правда. Только нам сегодня идти туда не по пути. Остров Счастья ближе, верстах в пяти отсель.

— Будет врать, — недовольно сказал Максим.

— Вот те крест, не вру! — Федот сел на траву. — Есть верные известия, что Разин стоит со своим войском в Царицыне. Так что вставай и поспешай за мной.

— Ну, стоит он там, — сказал Максим. — При чём же тут Остров Счастья?

— При том, — Федот встал на ноги, — что под рукой Разина, таким, как ты и я, — воля. А без неё счастья не бывает.

Максим поспешал за Федотом в сильном смущении: ему казацкая воля была неведома, и пугала неизвестность того, чем она окажется на самом деле. «Знать, Стенька всем сулит волю, — подумал он. — А посулённому только дурак рад».

На берег протоки-воложки они вышли, когда уже начали сгущаться сумерки. Она была неширока. Федот скинул с себя одежду и забрёл в воду, нащупывая, сколь здесь глубоко. Дойдя до середины протоки, он чуть проплыл и встал на ноги.

— Тебе, Максим, здесь будет по росту. Захвати со своей и мою одежонку.

Вечерняя вода была тёплой. Ступая по песчаному дну, Максим пересек протоку. Беглецы оделись и, скользя ногами по глинистой осыпи, поднялись на высокий коренной берег, где их сразу окатило порывом ветра. Максим посмотрел на Волгу и увидел на острове, который они только что покинули, много огней. Это прибыли струги Лопатина, стрельцы сошли с них на берег и разожгли костры.

— Не повезло стрельцам, что нас упустили, — сказал Федот. — Их сейчас уже точно бьют.

Максим вспомнил, как он переметнулся от стрельцов на сторону беглого, чтобы его спасти, а подставил под палки Корнея и, отвернувшись, пошёл прочь от берега. Чувство стыда омрачило его, но ненадолго. Ему тоже приходилось терпеть палки, сдюжат и стрельцы.

Они шли вдоль берегового обрыва, настала ночь, звездная и безлунная. Вокруг было тихо, нагретая за день солнцем земля источала тепло, насыщенное запахом молодой полыни.

Они прошли уже версты три, когда Федот вдруг остановился.

— Может, зря мы посреди ночи бежим, как очумелые? Пора бы и поспать, Стенька от нас никуда не денется.

Максим не возражал, бросил на землю свою суму, положил на нее голову и уставился немигающим взглядом в небо. На ум неожиданно пришло детское воспоминание, как однажды мать показала ему небольшую, но очень яркую звездочку и сказала, что это и есть его судьба-рожаница, которая всю его жизнь за ним будет приглядывать и оберегать от любых несчастий. Максим попытался найти свою звезду, но небо было так часто завешено светилами, что он скоро устал смотреть и, надвинув на глаза шапку, погрузился в сонное забытьё.

Проснулся он от визгливого вопля своего попутчика, открыл глаза, поднял голову и увидел вокруг четверых всадников весьма свирепого вида. Один из них шевелил, скаля зубы, копьём Федота, другой намеревался совершить такое же с Максимом.

— Ишь, разлеглись посреди поля, — сказал кто-то, наезжая на них конём.

— Мы вам свои! — визгливо закричал Федот. — Идём к Степану Тимофеевичу!

— Вон как! — сказал, появляясь из темноты человек на белом коне, сопровождаемый большим числом вооруженных людей. Это был есаул Корень, который вёл часть войска на московских стрельцов по нагорной стороне Волги. С ним было до трех тысяч казаков и примкнувших к ним гулящих людей. — Стало быть, тебе непременно Разин надобен. По чину ли запрос? А ну-ка возьмите его, ребята! — казаки бросились на Федота, а есаул обратился на Максима. — Тебе тоже атаман надобен? Или я сгожусь?

— Я послан к Разину, — волнуясь, сказал Максим. — А ты, казак, глянь на это, — и он протянул есаулу полученный им от Твёрдышева разинский знак — нитку с двумя пуговицами. Корень взял, глянул и осерчал:

— Откуда у тебя знак? Говори!

— Мне велено говорить только с Разиным.

— Гляди, какой умник, — удивился Корень. — Хватайте и этого, ребята! Вот развиднеется, и я возьмусь за тебя по-другому. Где Третьяк?

— Здесь я!

— Возьми их и веди за мной! Да гляди за ними, чтоб не потерялись!

Федоту и Максиму крепко связали руки, посадили обоих на одну веревку и повлекли к тому месту, где они недавно перешли воложку. Третьяк был опытным вором и не спешил, зная, что сеча со стрельцами не сулит большой добычи, а вот голову вполне можно потерять, потому и не торопился. Пленников и их сторожей обогнали конные казаки, за ними шли пешие люди, вооруженные кто саблей, кто копьём, кто кистенем или дубиной. Все шли молча с угрюмыми лицами, на которых читались отчаянная решимость ринуться в сечу.

Воложку переходили уже в зыбких утренних сумерках, до стрелецкого стана на другом краю Денежного острова оставалось идти с версту. Федот в протоке, потеряв ногами дно, начал бултыхаться и глотать воду, но привязанный к нему Максим вытащил его за собой из глубины к берегу. Третьяк дал ему отдышаться, затем повёл пленников дальше, но далеко идти им не пришлось: впереди послышались громкие и частые пищальные выстрелы, затем со стороны стрелецкого стана донёсся громкий и леденящий душу рёв людей, схлестнувшихся между собой в смертельной схватке.

— 10 —

Задумав напасть на московских стрельцов, Разин разделил войско на три части. Есаул Корень со своими людьми должен был навалиться на них с нагорного берега, Васька Ус оставлен в царицынской крепости с наказом преградить путь стрельцам в Астрахань, если они побегут в эту сторону, сам атаман решил подойти к Денежному острову с воды на стругах и лодках с самыми отчаянными своими людьми, получившими закалку в персианском походе на Каспии.

Приняв такое решение, атаман не сомневался в успехе: московских стрельцов была всего тысяча, а против них пошли до пяти тысяч лучших казаков и самых отчаянных гулящих людей, к тому же, по догадкам Разина, стрельцы не знали, что Царицын захвачен его людьми, иначе зачем столь малым числом они шли на его войско. Было ясно, что стрельцам и их начальнику, полковнику Лопатину, что-то затмило очи, и атаман знал, кто это совершил, и помнил о своём перед ним долге.

Отправив есаула Корнея с войсками по нагорному берегу, Разин с Васькой Усом пошли к Волге.

— Гляди, Ус, в оба, — сказал Степан Тимофеевич. — Стрельцы — бывалые воины

и могут пробиться сюда. Встречай их из всех пушек да гляди, чтобы не вышло, как у воеводы Унковского, когда он вздумал палить по мне, а порох весь дымом выметнулся.

— Не будет этого, — уверенно произнёс Ус. — Я бывалый пушкарь и порох уже проверил, весь свежий. Воевода Тургенев не зря заменил Унковского, он за порохом приглядывал.

В темноте войско грузилось на струги и лодки.

— Мимо стрельцов не пропусти, — сказал Разин. — Всех до единого топи в Волге!

— Нам гребцы нужны, — возразил Ус. — Сами казаки за вёсла с неохотой садятся.

— Добро, коли так, — сказал атаман. — Но пока у нас стругов мало, оставь сотню-другую стрельцов в живых.

Стругов было всего три, на них поместилось с полтысячи казаков, остальные полторы тысячи шли в лодках, которые насобирали со всей царицынской округи. Огней не возжигали, двигались в ночных потемках, озаряемые блеском бесчисленных звезд. Люди поначалу шумели, но скоро умолкли, грести приходилось против течения реки, и все притомились. К Денежному острову подошли в первых всплесках утреннего света. Разин, стоя на палубе струга, одним из первых увидел очертания берега, проступающие в молозивной пелене тумана, и взмахом руки велел казакам снаряжать пищали, чтобы дружной пальбой подавить сопротивление стрельцов.

Атаман был прав. Полковник Лопатин не ожидал встретить воровское войско близ Царицына и повёл себя весьма беспечно. Его даже не насторожило, что стрельцы, посланные им на Денежный остров, захватили там явно гулящих людишек. Это показалось ему столь малозначительным, что он не стал наказывать десятника Корнея за то, что тот упустил Федота, а сделал ему лишь строгое внушение. Затем Лопатин не озаботился о надлежащей охране своего стана, не выслал дозорных людей вперед по берегу и острову. Стрельцы вечером набили брюхо толокном, попили волжской водицы и завалились спать. Стойкие к комарам спали на берегу, но многие бежали на струги, где ветер относил комариные тучи от спящих людей.

И всё-таки, несмотря на беспечность, стрельцы успели заметить казаков, на их стругах началась суматоха, бывалые ратники схватились за пищали, раздался громкий голос полковника Лопатина, призывающий всех явиться на суда и помнить, что они государевы люди.

Пищальная пальба началась разом с обеих сторон, и много людей были убиты и ранены. Беда для Лопатина была в том, что он, прижатый к берегу, стоял на месте, а воровские струги и лодки шли на него со столь многими вооруженными людьми, что устоять против них было невозможно.

— Берите вёсла! — вскричал полковник. — Выгребайте на Волгу!

Стрелецкие струги начали уходить от берега, оставив много людей на берегу и в воде, не успевших прибиться к своему начальнику. А Лопатин уже пришёл в себя, ему, бывалому воину, доводилось попадать во всякие переделки и выходить из них целым. Он велел сотникам как можно ближе сойтись своими стругами к его стругу и, ожесточенно и прицельно отстреливаясь, стал уходить к Царицыну.

А на берегу началась кровавая потеха. Подошёл есаул Корень с казаками и гулящими людьми и навалился на стрельцов своим многолюдством. Государевы люди стали бросать пищали и падали ничком на землю. Со стругов и лодок на землю сошли казаки и довершили полный разгром бывших на острове стрельцов.

Увидев атамана, есаул Корень поспешил к нему.

— Топи всех в Волге без разбору! — велел Разин. — Я пойду за полковником! — и на трех стругах Разин устремился за Лопатиным.

Есаул Корень проводил его взглядом и оглянулся окрест. Стрельцы, ободранные догола казаками и гулящими людьми, стояли, сбившись в кучу. Над островом, чуя скорую поживу, с визгом кружились чайки.

— Сотники! — важно провозгласил Корень. — Ступайте ко мне! — начальные люди не спешили выходить, жались в толпе, зная, что их ждет. — Не будьте, стрельцы, дурнями! — начал сердиться есаул. — Выдайте сотников! — толпа начала шевелиться, послышалась ругань, и перед Корнем оказалось семеро сотников. — Чикмаз! — сказал есаул. — Возьми их!

Вперед вышел сутулый верзила, бывший стрелец Чикмаз, зарезавший по приказу Разина полторы сотни своих товарищей в Гуревском городке два года назад. В руке у палача был кистень, металлический шар на короткой цепи. Схватив ближнего к себе сотника за руку, он разбил ему голову, затем то же сделал и с другими. Помощники Чикмаза брали сотников за руки и за ноги и с островного обрыва бросали в воду. Начало убийствам было положено.

Стрельцы с ужасом смотрели на гибель своих начальников, многие плакали и, упав на колени, молились. Чикмаз вопросительно посмотрел на есаула.

— Кончайте всех! — велел Корень.

Казаки и гулящие люди с дикими воплями кинулись избивать безоружных стрельцов. Их рубили саблями, кололи копьями, крушили черепа и кости кистенями и дубинами. В полчаса со стрельцами было покончено, весь берег покрылся трупами, которые тотчас же начали сваливать с берега в реку.

Корень глянул на свои зеленые юфтевые сапоги: они были измочены в крови. Есаул забрёл в воду и начал их полоскать, равнодушно глядя, как чайка села на голову мертвого стрельца и нацелилась выклевать ему открытый глаз.

Лопатин шёл на переднем струге и часто оглядывался. На беду, не было ветра, и полковник покрикивал на стрельцов, чтобы они гребли сильнее, но те и сами понимали, что нужно спешить и так рвали вёслами воду, что они трещали от их напора. Стенька замешкался на Денежном острове, но недолго, вскоре его струги и лодки вышли на коренную Волгу и устремились в погоню, не настигая, но и не отставая от стрельцов. Началась гонка, которую государевы ратные люди должны были неизбежно проиграть, поскольку казаки на конях могли перенять их в любом месте до Астрахани, но впереди был Царицын. Там в крепости Лопатин думал укрыться от погони и засесть в осаду вместе с находившимися в ней государевыми людьми.

Вокруг Царицына было безлюдно, Васька Ус укрыл своих казаков в крепости, приказал снарядить все пушки свинцовым и каменным дробом, сам одел шубу утопленного воеводы Тургенева, обрядил с десяток человек в стрелецкие кафтаны и вышел с ними на самый верх крепостной стены, откуда их хорошо было видно с Волги. Полковник Лопатин, узрев ряженых воров, возрадовался и велел поворачивать струги к крепости. Васька Ус простёр свои хитрости дальше: только струги пристали к берегу, как он тотчас велел открыть крепостные ворота и вышел из них со своей ряженой толпой. Лопатину и стрельцам некогда было разглядывать, кто их встречает, они, толкая друг друга, поспешили на берег и побежали к крепости, ища в ней укрытия, и тут ударили все царицынские пушки, а из ворот на стрельцов накинулись казаки и гулящие люди. Нападение оказалось таким неожиданным, что стрельцы не оказали сопротивления, схватили и Лопатина с его ближними людьми.

Разин всё это видел воочию и был премного доволен удачей. Он сошёл на берег, где его встретил Васька Ус, и стал медленно приближаться к пленным.

— Где Лопатин? — спросил атаман. Связанного веревками полковника подтащили к Разину. — А ведь ты изменник, Лопатин, — сказал Степан Тимофеевич. — Держишь руку бояр, а те самого великого государя Алексея Михайловича извести надумали! — полковник отвернулся и молчал. — Посадить его в воду! — велел Разин.

Несколько казаков схватили Лопатина и, покалывая копьем, повлекли к Волге.

— Стрельцов надо бы оставить для гребли, — напомнил Ус атаману.

— А что, стрельцы добро гребли! — повысив голос, сказал Разин. — Я едва за ними угнался. Жалую всех животом и сухарями!

Ошарашенные счастливым для них известием, стрельцы молчали. Они ещё не знали, что за служба в воровском войске им предстоит, но поняли главное — им оставлена жизнь.

— А это что за люди? — спросил Стенька, указывая на тех, что стояли поодаль от стрельцов.

— Саратовские кормщики, — ответил Ус. — И приказной человек, бывший с Лопатиным.

— А ну, ступай сюда! — велел Разин. — Для чего шёл со стрельцами? — приказной, трепеща, предстал перед атаманом. — Что вёз в Астрахань? — грозно вопросил Степан Тимофеевич.

— Жалованье стрельцам, — пролепетал приказной.

— И сколько? — Разин был обрадован известием, после зимнего сидения в Риге денег у него не осталось.

— Десять тысяч рублей.

— А ну, веди на струг!

Деньги оказались целы, пять кожаных мешков: по две тысячи рублей в каждом. Атаман развязал один мешок и запустил в него руки.

— Что с приказным? — спросил Ус. — Кинуть в воду?

— Он нам нужен, — сказал Разин. — Посади его, Вася, писать прелестные грамотки. Пора поджигать Русь с волжского Низа до самой Москвы. Как тебя зовут? — спросил от приказного.

— Евсей Жилкин, — ответил тот, обрадованный, что его оставили в живых.

— Ступай за мной, Евсей, — сказал Разин. — А ты, Вася, бери деньги и неси в мою избу.

Пока Разин занимался деньгами, казаки обшарили другие струги и нашли несколько бочек зелена-вина, которое теперь по бревнам бережно скатывали на берег. Удо-

вольствие от находки было столь велико, что на Уса и его ближних людей, несших мешки с деньгами, никто внимания не обратил. Всех занимало только вино и ничто другое.

— Что будем делать с этим, атаман? — спросил казак, пнув грязным сапогом бочку.

— Это как решит казацкий круг, — сказал Разин. — Решит в воду кинуть бочки, так и будет, — ответом атаману стал разноголосый и протестующий шум толпы. — Тогда не торопитесь, — сказал Разин. — Дождитесь людей Корня и пируйте!

— Да вот они! — закричали казаки. — Идут берегом!

Казаки Корня шли весело, опьянённые пролитой кровью стрельцов. Есаул восседал на своем коне в распахнутом кафтане и сдвинутой набекрень шапке, за ним на веревке, спотыкаясь, шли Максим и Федот.

— Эге! — воскликнул Разин. — Кого ты, Корень, заарканил?

— Ночью, когда шли к острову, поймали на берегу. У них есть твой знак, атаман.

— Давно мне мои люди не встречались, — сказал Разин. — Но этих я не знаю. А ну, явите мой знак! — Корень нагнулся с седла и снял с шеи Максима нитку с двумя пуговицами. — Знак мой, — сказал Степан Тимофеевич, внимательно рассматривая и нитку, и пуговицы. — Отвечайте, что вы за люди?

— Я — Федотка, гулящий человек, а это Максимка, мой знакомец по дороге в Синбирск. Откуда у него, Степан Тимофеевич, знак, я не ведаю...

— Помолчи, ботало! — Разин начал хмуриться. — Говори, как попал к тебе мой знак?

— Меня послал к тебе купец Твёрдышев, — сказал Максим. — Он и дал мне твою метку.

— Твёрдышев... — Разин задумался, но вскоре его лицо просияло. — Как же! Помню купчину, однова выручил меня. Развяжи их, Корень! — пленников освободили от пут, и Разин поманил Максима за собой, в сторону от чужих ушей. — Что купцу надо?

— У меня для тебя от него грамотка, — Максим вынул из-за голенища кожаный чехольчик и подал Разину.

— Добро, — сказал атаман, беря грамотку. — Иди в крепость и будь подле моей избы. Я тебя кликну.

Разин, окружённый толпой приближённых, пошёл в крепость, а Максим стал оглядываться, отыскивая своего попутчика, и обнаружил его среди уже захмелевших казаков возле бочки с вином, где Федот потешал всех какой-то весёлой небывальщиной. «Федот не пропадет, — решил Максим и пошёл в крепость, осторожно обходя пировавших казаков. — Уходить надо отсель, пока голова цела...»

Разин с ближними людьми пировал на просторном крыльце атаманской избы. На столе в огромном блюде были навалены куски только что вынутого из котла мяса, стояли кувшины с вином, и кубки не пустовали. Стенька мог выпить хмельного бесконечно много, но никогда памяти не терял, смотрел и примечал всё сказанное своими соратниками. А те за столом с атаманом особо не чинились, говорили ему всё, что думают, справедливо считая, что в этом и заключается казацкое равенство.

— А что, Степан Тимофеевич, на сей раз дувана не будет? — спросил, опорожнив очередной кубок, черкас Очерет. — Мои запорожцы поговаривают, что у стрельцов взяты несколько мешков с деньгами.

Разину вопрос Очерета пришёлся не по нраву, но он вида, что недоволен, не подал, лишь остро глянул на Уса, и тот понял, что от него хочет атаман.

— Да там и делить нечего, — небрежно произнес Васька. — Всего-то с десять тысяч рублей, как раз на то, чтобы вернуть долг воронежским посадским людям за свинец и порох.

— Мы, запорожцы, явились к тебе, Степан Тимофеевич, по твоему зову, — сказал Очерет, оставив без внимания слова Уса. — Казаки живут с войны, за свинец и порох мои люди не должны ни воронежским, ни другим. Стрелецкую казну надо раздуванить.

— Степан слово дал за всех казаков, что долг вернет, — вступился за брата Флор. — Дуванить ещё будет что, гулевая путина только началась.

— Мои казаки слова воронежцам не давали, — гнул своё Очерет. — Их надо удовольствовать.

Упрямство черкаса вывело Разина из себя. Он крепко, так что подпрыгнула посуда, ударил кулаком по столу и вскочил на ноги.

— Ну раз так, — вскричал Степан Тимофеевич. — Не буду я вашим атаманом, ищите себе другого! Берите хотя бы Очерета!

Черкас побледнел и потянулся рукой к ножу на поясе, но Разин и не думал с ним биться. Опрокинув стол и скамью, он сбежал с крыльца и устремился к крепостным воротам. За ними на пологом берегу пировали казаки и гулящие люди. Своего атамана они встретили оглушёнными криками радости и налитой всклень чарой зелена-вина.

Стоящий неподалёку от воеводской избы Максим услышал, как старый казак Однозуб молвил сам себе:

— Загулял Степан Тимофеевич не на один день. Знать, разобидели атамана соратники...

Максима сильно мучил голод, уже день у него во рту не бывало даже сухарной крошки, а вокруг так зовуще пахло варёным и жареным. Непроизвольно ноги понесли его к поварне, перед которой он и встал, глядя в её приоткрытую дверь, за которой шипело и шкварчило.

— Что стоишь, как сирота? — сказал мужик, появляясь на пороге поварни. — Жрать хочешь? — Максим сглотнул слюну и кивнул. — Держи! — мужик вынес ему в глиняной чашке большой кус дымящегося мяса и ломоть хлеба. — Вина налить?

— Я хмельного не пью, — ответил Максим и вгрызся зубами в говядину.

— Ну, тогда жри! — обиделся мужик и ушёл в поварню.

Максим утолил голод, подошёл к бочке с водой, отодвинул ладонью в сторону мусор и напился. Мимо него прошли ближние люди атамана, которых вёл Васька Ус. Они решили извлечь Разина из загула, в который он мог впасть, вместо того чтобы идти к Чёрному Яру на астраханских стрельцов. Рядом с другими есаулами шёл черкас Очерет, соратники понудили его повиниться перед Стенькой. Максим вспомнил, что Разин наказывал ему быть близ него, и пошёл за ними следом.

Появление Разина на казацком пиру добавило гульбе пыла и жара. Каждый казак норовил протиснуться к атаману и выпить с ним оба два заздравную чару. Стенька не отказывался, пил, не закусывая, наконец, по общему требованию всех казаков и гулящих людей, его усадили на днище большой бочки, чтобы он был виден каждому. Там его и нашли явившиеся к нему с повинной есаулы и старшины. Казаки дали им дорогу и, погалдев, затихли.

— Что надо? — сказал, встав на днище бочки, Разин. — Живите сами по себе, а я стану простым казаком. Не мешайте мне жить, как я хочу!

Ус и Фрол шпыняли Очерета, чтоб тот молвил покаянное слово, но упрямый хохол отмалчивался. Тогда вперед выступил Корень.

— Не держи обиды на сердце, Степан Тимофеевич, — с чувством произнес есаул. — Пожалуй казацкое войско и нас, твоих побратимов, своей атаманской властью. А мы тебе дозволяем владеть нашими головами и казной так, как ты пожелаешь. Веди нас хоть на Астрахань, хоть на саму Москву!

Разин протянул руку, и тотчас же в неё вложили чару.

— За вас, казаки! — произнёс атаман и выпил единым духом зелено-вино. — На что вы мне нужны? — сказал он, отирая усы ладонью. — Утомили вы меня, друзяки, ковы на меня строите, нет у меня на вас надёжи! Уйду я от вас! Меня сегодня к себе грамоткой святые соловецкие старцы позвали, просят, чтобы я опростал их монастырь от боярской осады. Мыслю, я им нужней, чем вам. Ну, какой с вас прок? Святые старцы мне за мои великие грехи прощенье у Господа вымолят, а какого добра ждать от вас? Ступайте от меня подале и решайте, кому быть атаманом!

Казаки жадно прислушивались к каждому слову своего предводителя и начинали всё более и более волноваться.

— Не время, Степан Тимофеевич, считать обиды, — сказал Васька Ус. — Не держи на нас зла. И помни, что обещал всему казацкому войску. Ты за него в ответе!

И тут внезапно на то место, где стояли есаулы, упал откуда-то сверху вихревой столб и ослепил всех на миг, взбаламутив песчаную пыль. Люди перестали видеть друг друга, ослеп и Стенька, и знакомый голос явственно раздался в его ушах: «А что ты обещал мне, атаман? Не вздумай отрекаться! Вона что удумал, какие-такие соловецкие старцы тебя поманили! Ты мой, Стенька, на всю твою жизнь...» Разин почувствовал, что его покидают силы, и опустился на днище бочки. А вокруг него бушевали над казацким станом уже десятка два вихревых столбов, поднявшихся от земли до внезапно появившихся туч, которые начали стрелять молниевыми высверками, громыхнул гром, пошёл холодный дождь с градом, и люди начали разбегаться в разные стороны. Фрол и Ус бережно сняли Разина с бочки и, взяв под руки, повели в крепость.

Максим от непогоды убежал на берег под густые ветки больших вётел, прижался к стволу дерева и стал смотреть на взбаламученную, расходившуюся белопенными волнами Волгу, на которых то исчезала из виду, то поднималась на гребне волны утлая лодка с двумя людьми. «Не выгребут, — сожалея о несчастных, подумал Максим. — Какое здесь, однако, проклятущее место, всего день минул, а сколько смертей успел повидать». Он отвернулся от реки и, привалившись спиной к дереву, сел на корточки.

Буря ушла так же внезапно, как и набежала. Засияло солнце, и мириады дождевых брызг на траве и листьях деревьев отразили его свет так ослепительно ярко, что, глянув вокруг, Максим невольно зажмурился. Он посмотрел на Волгу, она ещё вскипала волнами, и увидел, что в нескольких саженях от берега качается лодка, а в ней лежат

два человека. Максим быстро снял сапоги и штаны и кинулся в воду. Люди были живы, но совсем обессилили, он начал их тормошить. Это помогло, первым опомнился молодой парень.

— Не приведи Господь, такое видеть, — стуча зубами, сказал он. — Поехали с батей поснимать снасти и такое узнали!

— Что, чудо-юдо в сетях запуталось?

— Какое там чудо-юдо! Тянем сеть, а там человек с проломанной головой. Оглянулись, а по Волге косяком мертвяки плывут и прямо на нас. А как волны расходились, то и они, показалось, ожили: один рукой машет, другой на волне стояком встает. Откуда они взялись?

Максим понял, что это были стрельцы, казнённые на Денежном острове, но парню ничего не сказал. Он встал и посмотрел на Волгу. Она была пуста.

– 11 –

Максим устроился на ночёвку под навесом за атаманской избой. Надёргал себе охапку сена с воза, лёг на неё и тотчас уснул, будто в полынью провалился. Едва начало светать, как его нашёл и растормошил Федот. Максим с неохотой раскрыл глаза и заулыбался: нос и губы попутчика были расквашены чьим-то крепким кулаком.

— Видать, ты весело погулял?

— Не помню, что и было, — сказал Федот. — Проснулся верхом на заборе, как на коне. А ты как?

— Жду, когда Разин к себе позовёт.

— Беда у меня, Максимушка, — искательно произнес Федот.

— Что стряслось?

— Голова потрескивает, как переспелый арбуз. У тебя нет в долг с пяток полушек? Я тебе с первого же дувана верну, вот те крест!

— Чудно, — сказал Максим. — Был ты для меня попутчиком, а теперь захотел стать дорогим другом.

— Как так? — удивился Федот.

— А так. Раз деньги у меня просишь, я мыслю, что без отдачи, значит, ты и есть дорогой для меня друг.

— Тебе смешки, — обиделся Федот. — У меня же с головой беда, спасу нет! Дай, брат, денег, я тебе ещё сгожусь.

Максим ослабил завязку своего кошелька и вытряс оттуда пять полушек.

— Бери. Что окрест слышно?

— Атаман велел забрать всё вино у гуляк и запереть в амбар, — ответил Федот, засовывая полушки за щеку.

— Тогда на что тебе деньги? — удивился Максим. — Вина же нет.

— Молод ты ещё, парень, и не знаешь, что амбар с вином не псы стерегут, а люди, с ними всегда можно договориться!

Повеселевший от полученных денег Федот вприпрыжку побежал похмеляться, а Максим повытряс из головы сено и выглянул из-за угла избы. На крыльце голый до пояса стоял Разин и пил из большого кубка огуречный рассол. Он ещё не успел крепко загулять и смог остановить себя, памятуя, что его ждут у Чёрного Яра астраханские стрельцы.

— Это ты, синбирянин? А ну, поди сюда!

Максим приблизился к крыльцу, поднял глаза на атамана и поразился могучей стати его тела. Разин был не очень высок ростом, обычно одежда скрадывала необычно широкий размах его плеч, но голяком атаман ошарашивал всякого своей видимой мощью, и равных ему по силе казаков не было.

— Ты старой веры держишься? — спросил Разин.

— Чту веру отцов, — ответил Максим и перекрестился двуперстно.

— Как Твёрдышев? Не натёр купеческий хомут тебе холку? — вопрос смутил Максима, и он промолчал. — Парень ты хоть куда, — сказал Разин. — Иди ко мне в денщики, мне нужны для посылок сметливые люди.

— Мне надо в Синбирск, — ответил Максим, догадываясь, что быть близ атамана смертельно опасно.

— Ты что, по Твёрдышеву заскучал? — усмехнулся Разин. — Так мы скоро будем там, вот от князя Львова примем стрельцов, которых он привёл из Астрахани, и пойдём на верховые города.

— Мне невесту надо вызволить от помещика, — торопливо пояснил Максим. — Он её в неволе держит.

— Вон, оказывается, какие у тебя дела, — задумчиво произнёс Разин. — А может, ты всё врешь? Я решу, как с тобой быть. А пока не пропадай и будь подле меня.

Чуть позже, когда Разин оделся по-походному, к нему начали подходить есаулы и старшины. Они приглядывались к своему атаману, в каком он нраве с утра и что от него можно ждать — ругани или ласкового слова.

— Подняли войско к выходу?

— Казаки коней седлают, — сказал Ус. — А пеших посадили на струги и лодки.

— Корень! Веди казаков! — велел Разин. — А я пойду Волгой. Любим! — на зов атамана явился молодой с улыбчивыми глазами казак. — Атаманствуй, Любим, на Царицыне. Всех посадских людей поверстай в казаки, пусть живут по вольному казацкому обычаю.

— Добро, Степан Тимофеевич, так и сделаю, — весело сказал казак. — Все будут казаками, до последнего пономаря!

— Оставляю тебе полсотни казаков, — решил Разин. — Если будут худые вести, гони ко мне на Чёрный Яр посыльщика.

К нему подвели его любимого боевого коня в дорогой, украшенной золотыми бляхами сбруе. Атаман вставил носок красного сафьянного сапога в стремя и легко сел в седло. За ним воссели на своих коней его ближние люди, и все направились на выход из крепости, за которой собралось готовое к походу казацкое войско. Появление Разина было встречено громким шумом, толпа раздалась на две стороны, и люди с восторгом и беспредельным обожанием смотрели на ехавшего мимо них атамана. Разин и впрямь был великолепен и затмевал своим богатырским видом всех, кто был с ним рядом, поэтому его появление всегда колдовски действовало на людей. Каждый видел в нём свою мечту о сказочном богатыре, который появится на русской земле, чтобы установить равную для всех правду и волю.

К тем стругам, что были у Разина, добавились захваченные у стрельцов, в них и в лодках разместилась пешая часть войска. Конные казаки во главе с Фролом, Корнем и Очеретом пошли берегом. Васька Ус находился с атаманом, ему поход на Чёрный Яр был не по сердцу, потому что отдалял войско от Москвы, куда, не теряя времени, следовало устремиться, пока люди не устали и среди них не начался разброд и шатание.

— Что не весел, Василий? — спросил Разин, подходя к стоявшему на корме Усу. — Глянь вокруг: струги и лодки всю Волгу заполонили. Растет наша сила...

— С чего веселиться, Степан? — тихо молвил Ус. — Прибежала к тебе тыща людишек, завтра ещё три тыщи прибегут, но туда ли мы идём?

— Опять ты за своё взялся, — улыбнулся Разин. — Нельзя стрельцов оставлять позади себя, могут в спину ударить. Сегодня они ждут меня, а завтра задарят их бояре, и они пойдут против нас.

— Зря на них время тратим, — сказал Ус. — Нам бы сейчас не сюда идти, а на Пензу, Тамбов, оттуда боярские гнёзда поджигать надо, мужики поднимутся, против них ни одна сила не устоит.

— Опять про Пензу, Тамбов, — поморщился Разин. — От Волги я не отойду, вот растрясём купчиху Астрахань, раздуваним и двинемся на верхние города. Однако ты прав, известить православный и другой люд о своем приходе надо, — и Разин велел разыскать и привести к нему приказного человека Евсея Жилкина. — Вот тебе, Вася, писарь, — сказал он. — Пусть строчит прелестные грамотки в верховые уезды, а ты ему скажи, как писать, чтобы каждого мужика проняло насквозь. Объявляй всем, что Степан Тимофеевич идёт на Русь дать людям правду и волю!

Максим не отстал от Разина и зашёл на струг следом за ним. Поместился он неподалёку от кормы. Там стояла дощатая палатка, где атаман по большей части и пребывал, прохлаждаясь в тенёчке и на сквознячке, потому что было нестерпимо жарко, и острее всех чувствовали этот зной московские стрельцы, ворочавшие тяжёлыми вёслами под бичом свирепого казака-кормщика.

— Я из вас повытоплю московский жир! — время от времени говорил он и хлестал бичом кого-нибудь из гребцов. — Вы уж, сволочи, расстарайтесь на службе Степану Тимофеевичу!

К полудню зной стал невыносимым, из калмыцких степей и пустынь тянуло, как из печи, сухим жаром. Все люди на струге искали укрытия, но, казалось, сама Волга до того нагрелась, что в ней вот-вот закипит вода. Кто-то придумал от борта к борту протянуть веревки, и на них развесили, поснимав с себя, одежду, под этим хилым укрытием и попрятались от солнца, а гребцам и того не было, они жарились на солнцепёке, как и кормщик, которого, казалось, жара не угнетала. Он продолжал прохаживаться по стругу и пощелкивать своим плетёным бичом.

У Максима пересохло во рту, он подошёл к ведру, попробовал воду и поморщился: вода была почти горячей. Он выплеснул её и, держа веревку, бросил ведро за борт, зачерпнул в него воды и поднял наверх. Приладился напиться и вдруг услышал стон. Максим оглянулся. Один стрелец, сомлев от жары, упал ничком на доски. Кормщик подбежал к нему, занёс бич для удара, но, повинуясь какому-то внезапному порыву,

Максим перехватил его руку и крепко сжал. Почувствовав силу парня, кормщик рванулся и напрасно: Максим его уже отпустил, и казак, споткнувшись, упал на спину. Затем быстро вскочил и потянулся рукой к ножу на поясе.

— Оставь его, Лучка! — раздался голос Разина. — А ты, синбирянин, иди сюда. Ты что у меня на струге смуту устраиваешь?

Голос атаман был так грозен, что душа у парня дрогнула: он бухнулся перед Разиным на колени.

— Я нечаянно уронил кормщика.

— Ба! Ты меня удивил, синбирянин, — чуть помедлив, сказал Разин. — Я тебя хотел поверстать в казаки, а душа-то у тебя холопья. Передо мной только баре на коленях елозят, а простой люд стоит со мной вровень. Скажи, разве я барин?

— Нет, атаман, — пролепетал Максим.

— Что ж мне с тобой делать? — задумчиво и отрешённо произнес Разин. — Может, ты знаешь? — Максим понял, что сейчас решается для него главное: жить ему или умереть. Несмотря на жару, ему вдруг стало зябко, сквозь тьму в очах привиделись стрельцы, падающие под кистенем Чекмеза. — Ладно, — наконец решил Разин. — Будь пока подле меня, а я промыслю, как возвратить тебя в Синбирск.

На негнущихся ногах Максим дошёл до своего места и, упав на доски, закрыл глаза. Такого леденящего душу страха он ещё никогда не изведывал. Стенька мог не только кулаком, но и словом изуродовать человека до полусмерти.

– 12 –

Товарищ астраханского воеводы князь Семён Львов уже несколько дней стоял в Чёрном Яру, небольшой крепости на берегу Волги, на полпути между Астраханью и Царицыным. С ним были четыре приказа стрельцов и полтысячи вольных людей, посланных воеводой князем Прозоровским против Разина, когда стало известно, что он опять явился на Волгу и занялся воровским промыслом. Астраханское войско было ненадёжным, и стрельцы, и вольные охочие люди, завистливо помня прошлогоднюю гульбу Стеньки в Астрахани, где он сам и его люди раскидывали золото и жемчуг горстями, только и чаяли переметнуться на сторону удалого атамана. С этим настроем они и пришли в Чёрный Яр, где князь Львов велел своему войску окопаться, сделать валы и рвы, чтобы не дать Разину пройти на Низ, к устью Волги.

Уже несколько дней стрельцы и вольные люди изнывали от жары, работали с неохотой и так огрызались на своих полусотников, сотников и стрелецких голов, что те от них отступились. Князю Львову настроение стрельцов было безразлично, он с нетерпением ждал появления Разина и надеялся с ним поладить, и эта уверенность имела весомые причины. Прошлой осенью князь на тридцати шести стругах с четырьмя тысячами стрельцов гонялся за Стенькой, когда тот явился со своим бунташным воинством из Персии. Кончилась погоня тем, что Львов послал Разину милостивую государеву грамоту, встретился с ним и стал явным обожателем знаменитого вора, вместе с ним пировал, подарил ему икону Георгия Победоносца, даже обменялся со Стенькой нательными крестами и таким образом стал ему названным братом. Разину крестное родство с высокородным князем весьма польстило, а Семёну Львову оно вскружило голову до такой степени, что он не мог ни о чём другом думать и говорить, как об атамане, которого ждал в Чёрном Яру.

Поверенным своих чувств к Стеньке Львов избрал немца Людвига Фабрициуса, который в качестве поручика находился на царской службе в Московии, человека весьма проницательного и хитрого. Он был готов без всяких признаков усталости выслушивать часами излияния князя, удивляясь лишь тому, как это может русский вельможа подружиться с разбойником. У них, на Неметчине, такое было невозможно, там дворяне с разбойниками не водились, а вот разбойниками становились и довольно часто.

— Ты представить себе не можешь, Людвиг, какой это самородок! — восторженно говорил Львов. — Могучий, как Самсон, при мне громадного быка как хватил кулачищем по лбу, что тот даже не поспел взмыкнуть, грохнулся наземь и тут же испустил дух! А ты бы слышал, как он поёт, диакон Илларион из Троицкого монастыря по сравнению со Стёпой комар писклявый! О щедрости его ты, конечно, наслышан. Не моргнув, поставил передо мной корзину алмазов, выбрал самый крупный и подарил. Я затем дал посмотреть камень знающим людям, так те его оценили в три тысячи рублей! Стёпа тебя полюбит, Людвиг, немцы ему нравятся своей честностью.

— О, я, я, то есть да, — отвечал Фабрициус, вовсе не мечтающий попасть в руки самому знаменитому в Московии вору, о кровавых проделках которого он был наслышан. — Я буду ему нравиться. Только где я его увижу?

— Скоро он будет здесь, — говорил князь Львов. — То, что ты увидишь, выше вся-

кой моей хвалы. Давай поднимем чары за скорый приход моего крестного брата!

Князь отправился в поход не пустой, а взял с собой несколько бочонков заморского вина, он знал, что Стенька падок на сладкое. Были для него припасены и подарки: чуга из лазоревого атласа, штаны из китайского тяжелого шёлка и сапоги с голенищами из куланьей шкуры на высоких золотых каблуках.

Но вот и пришла первая весть о Разине. В шатёр к князю просунул голову его доносчик Филька.

— Казаки подошли к валу, смущают стрельцов на измену!

Львов толкнул в плечо изрядно захмелевшего Фабрициуса.

— Вот и дождались Степана Тимофеевича! — радостно вскричал он. — А где атаман?

— Казаки кричат, что он Волгой идёт, на стругах, — доложил Филька. — Завтра будет.

— Пошли, Людвиг, глянем на казаков, — сказал князь и потянулся за сапогами.

Три тысячи стрельцов и охочих вольных людей стояли и сидели на валу вокруг Чёрного Яра, а перед ними, поднимая сухую глинистую пыль, скакали и рысили на своих конях казаки, задирая государевых людей насмешливыми выкриками.

— Ступайте к нам, астраханцы! Хватит воеводам сапоги вылизывать! Эй, хилоногие и кислопузые, кто на коня влезет, того атаман пожалует казачеством!

Появление Львова вызвало у казаков злобное ликование, они начали князя лаять и поносить, суля ему скорую погибель.

— Не бывать тому! — затопал ногами Семён Иванович. — Всем ведомо, что атаман мой названный брат, и с вас взыщется атаманом, ужо попробуете от него палок!

Для многих казаков это известие было в новинку, они прикусили языки, а тут к валу выехал есаул Корень, и чудо: приветствуя князя, приподнял свою шапку.

— Будь здрав князюшка, Семён Иванович! — сказал есаул. — Велишь сейчас ворота открыть или будешь поджидать Степана Тимофеевича?

Услышав такое, князь Львов поперхнулся и упрекнул себя в несдержанности: за то, что он крестный брат вору, государь может и помиловать, а за прямую измену пощады не будет. И он, цепляясь за Фабрициуса, скатился на крепостную сторону вала.

Стрельцы шумели всю ночь, вопрос о переходе на Стенькину сторону был решён сразу и бесповоротно, спорили об одном — хватать своих начальных людей сейчас или ждать прихода Разина. Так и проспорили всю ночь, а все стрелецкие головы, сотники и полусотники, не имея возможности бежать, молились, а некоторые при этом и плакали, вспоминая своих любимых и близких.

В воеводском шатре тосковал Фабрициус, вино его уже не веселило, близость грозного вора опаляла его молодую душу ознобом страха.

— Дозволь мне уйти, князь, в Астрахань, — сказал он, искательно взирая на воеводу.

— Степан немцам дурна не сделает, — отмахнулся от поручика Львов. — Ты мне лучше поведай, как на Неметчине один воевода сдается другому? У нас ведь порядки дикие, мигом забьют в колодки, будь ты и рюриковых кровей.

— Доннер ветер! — изумился Фабрициус. — Ты надумал сдаваться названному брату?

— Сила силу ломит, — усмехнулся Львов. — Не кидаться же мне ему на шею при всех людях. Москва далеко, но всё ведает.

— У нас воевода подает другому воеводе свою шпагу в знак того, что согласен на сдачу в плен.

— А ну, покажи! — оживился князь. — Бери мою саблю и показывай! — Фабрициус взял в руки княжескую саблю, вынул клинок из золочёных ножен, повернул его рукояткой к Львову и, церемонно поклонившись, подал. — Ловко! — восхитился Семён Иванович. — Мастаки вы, немцы, приплясывать. А ну, я! — взяв саблю, он сделал несколько неловких движений и, остановившись, почесал затылок. — Нет, не годится. А вот ты, Людвиг, спляши по-немецки перед Степаном Тимофеевичем, он тебя пожалует.

С первыми лучами солнца перед Чёрным Яром появились разинские струги, и стрельцы, не сговариваясь, накинулись на своих начальных людей. Стрелецкие головы, сотники и полусотники были схвачены, связаны и свалены кучей посреди крепости. Их участь должен был решить Разин.

Доносчик Филька тотчас доложил о стрелецком бунте Львову, тот побледнел и затаился с Фабрициусом в шатре, который стрельцы обходили стороной, но бросали на него алчные взгляды. Князь был богат, и у него было чем поживиться. От грабежа и убийства воеводы стрельцов удерживал слух о дружбе между Львовым и атаманом.

Разинские струги и лодки подошли к берегу, где их встречали стрельцы и казаки Корня. Образовалась огромная толпа в десять тысяч вооружённых людей, которые ра-

достно кричали и размахивали оружием, всё смешалось, но появление Разина утишило всех. Атаман стоял на борту струга в своей лучшей одежде: на плечах — расстёгнутая ярко-зелёная чуга с золотыми по рукавам и подолу вошвами; на нём были камчатые цвета засохшей крови широкие штаны на наборном с золотыми бляхами поясе, который Стенька сорвал с нахичеванского хана; сапоги украшали вделанные в носок и в пятку крупные алмазы самой чистой воды; за пояс была заткнута тяжёлая от золота и драгоценных камней сабля.

— Со встречей, дружьё! — возгласил Разин так мощно, что паривший в небе коршун от испуга свалился с высоты и захлопал крыльями. — Низкий поклон астраханцам от вольного Дона! Пришёл час, други, всей нашей силой опрокинуться на верховые города, поднять коренную Русь против бояр, дать людям казачью волю и справедливость!

Слова Разина были встречены людьми одобрительными криками. Атаман сошёл со струга, толпа покачнулась и освободила ему проход к крепостице. За ним шли его ближние люди и старые заслуженные казаки, соратники Стеньки по персианскому походу. Их одежда была богатой, но видно, что они её не берегли, изорвав и замарав, меняли на новую, которую находили на купцах и других богатых людях.

— Эге, я вижу, вы тут до меня славно потрудились! — сказал Разин, увидев связанных стрелецких начальников.

— Суди их, атаман, казацким судом! — закричали из толпы. — Это супостаты рода человеческого!

— Так ли велики их вины? — спросил Разин, всходя на крыльцо воеводской избы. — Может, отпустить? Пусть бегут себе в Астрахань? — ответом атаману и смертным приговором начальникам был оглушительный рев толпы. Разин поднял руку, и шум начал стихать. — Будь по-вашему! — сказал Стенька и поманил к себе Очерета. — Казни их, Остап, чтобы московским боярам страшно стало.

— Добро! — хищно осклабился Очерет. — Всё сделаю.

— Что это я не зрю князя Семёна Ивановича? — спросил Разин своё окружение. — Часом не затаил ли он на меня недовольство? Или его стрельцы вышибли из воеводской избы?

— Нет, атаман, — ответили из толпы. — Князь цел, но вышибли его из избы не стрельцы, а клопы, и он живёт в шатре за прялами.

— Ведите меня к нему, — сказал Разин. — Давно мы с ним не виделись.

Князь Львов, узнав о приходе Разина, велел своим слугам готовить праздничный стол из всего лучшего, что у него есть, а сам начал переодеваться в самые дорогие одежды. Фабрициус уныло смотрел на хлопоты князя и думал о том, как остаться живым, но ничего дельного ему на ум не приходило.

— Чего же мне ждать, князь? — спросил немец.

— Ты поначалу бы рожу сполоснул, — буркнул Львов. — А Степану Тимофеевичу поклонись, ты ведь это умеешь. Позабавишь атамана и жив останешься.

— Идёт! — в шатёр просунулся доносчик Филька.

— Поторапливайся, Людвиг! — сказал Львов и, приосанившись, поспешил навстречу атаману. Тот шёл в гости к своему названному брату с Фролом и несколькими казаками личной охраны. Сойдясь с князем, Разин облапил его и так стиснул в своих медвежьих объятиях, что у Семёна Ивановича затрещали кости.

— Будь здоров, брательник! — весело молвил Разин. — Дал Бог снова свидеться. Как жив?

— Помалу жив, Степан, а правду один Господь ведает.

— А это кто? — спросил Разин, указывая на Фабрициуса.

— Немец на царской службе, — ответил Львов. — Пушками ведает.

Фабрициус, поняв, что речь пошла о нём, встрепенулся, выхватил из ножен шпагу, перехватил её за остриё, поднес ко лбу, затем с ужимистым поклоном протянул атаману.

— Что это с ним? — удивился атаман. — Он часом не убогий?

— Возьми шпагу, — сказал Львов. — Это он на твою милость сдаётся и просит пощады.

— Я немцам не враг, — важно сказал Разин, беря шпагу. — Они сметливые люди, я видел построенный ими большой струг «Орел». А ты, немец, в пушечном деле горазд?

— До сей поры ставил пушки в астраханском кремле, — уже освоившись, ответил Фабрициус.

— Ты-то нам и нужен, — сказал Разин. — Я иду на Астрахань. Фрол, пригляди за немцем, чтобы его наши казаки не зашибли ненароком. Он нам пригодится.

— Изволь, брат, откушать хлеба-соли, — сказал Львов. — И тебе, Фрол, кланяюсь тем же.

Стол был устроен рядом с шатром на сосновых досках, покрытых куском алого

бархата. На серебряных блюдах лежала рыба всякого приготовления, холодная варёная говядина, копчёный лебедь, сушёный виноград, яблоки, груши и арбузы на меду, отдельно стояли большие кувшины сладкого вина, русское зелено-вино и серебряные чарки.

— Вижу, не оскудела твоя кладовая, Семён, — сказал Стенька. — А я часто вспоминал твои обеды, когда бедовал с казаками на Риге. Потчуй, брат! — изрядно отведав вина и съев половину копчёного лебедя, Разин отвалился от кушаний и довольно сказал: — Богатый у тебя стол, князь! Учись, Фролка, как нужно встречать брата.

— Годи до Астрахани, Степан. Там я тебя угощу по-царски!

— Будет врать, — лениво махнул рукой Разин.

— А вот и не вру и Семёна Ивановича отгощу.

Львову замыслы Разина явиться в Астрахань были не по душе, там его близость к атаману могла быть опасной.

— А мне тут нашёптывали, — сказал он, — что ты на верховые города пойдёшь.

— Чем же плоха Астрахань? — хохотнул Стенька. — Чем она не невеста для казаков? Накопила приданого, пора замуж. Вот сыграем свадьбу и пойдём вверх.

До ушей пирующих донёсся дикий нечеловеческой силы вопль.

— Что это? — всполошился Львов и попытался встать со скамьи.

— Сиди! — придавил его тяжёлой, как бревно, рукой Разин. — То Очерет казнит стрелецких начальников. Наливай Фролка нашего зелена-вина!

Получив повеление Разина казнить начальных людей, Очерет рьяно принялся за дело. В Чёрном Яру были собраны и свезены на берег Волги все подходящие бревна, которые добровольные помощники руководителя казни вкопали в землю, устроили на них перекладины, понавесили цепи и крючья. Скоро нашлись и добровольцы на исполнение казней не из казаков, а из сволочи, которая сбилась вокруг них в изрядном множестве. Они-то и кинулись подсоблять Чикмазу и его помощникам, волокли стрелецких начальников к столбам, вешали людей вниз головой, цепляли их за ребра на крючья, а стрелецких голов отличили особо: четвертовали и кинули в Волгу.

Войско, встретив начало казней гулом одобрения, увидело потоки крови, льющейся со всех сторон, и оторопело. Люди замолчали, уставились в землю очами, избегая смотреть друг на друга. Они ждали веселья, а получили стыд и горе, ведь они были христианами, и Божий страх ещё не выветрился из них до конца. Васька Ус это понял и крикнул, чтобы выкатывали бочки с вином, которые казаки нашли на одном из захваченных вчера торговых стругов. Народ оживился, повеселел, все начали пить безмерными ковшами, чтобы впасть в пьяную темноту и не видеть ничего вокруг. Началось великое гульбище и попоище, которые продолжались всю ночь, и когда настало утро, разинский стан напоминал поле сражения, в котором погибли все: люди лежали вповалку вокруг столбов с казнёнными, и над ними летали кругами чёрные птицы.

Князь Львов уступил своё ложе атаману, а сам лёг на войлочную кошму, постеленную на землю. На новом месте ему плохо спалось, он то и дело просыпался, и когда на рассвете в шатёр просунулся Филька, он сразу открыл глаза.

— Что там стряслось?

— Господине, казаки переняли караван стругов и среди них твой.

— Что с ним? — подскочил, как ужаленный, князь. Товары на струге были богатые, из Персии. Львов надумал их провезти до Москвы, надеясь на Разина, и получить от их продажи большую выгоду.

— Пока целы, — прошептал Филька. — Приказчик объявил, что они принадлежат Степану Тимофеевичу.

— Ступай! — отослал князь доносчика и задумался. Струг надо было срочно выручать, а то товары мигом раздуванят по пьяному делу, а потом какой с питухов спрос, сам Стенька не сможет их возвернуть, мигом промотают и распродадут, за войском шли воровские торговцы, в их бездонных кулях и ларях может сгинуть не один струг.

— Степан, проснись, — нежным голосом князь позвал Разина. — Беда у меня Стёпа, такая беда!

— Что стряслось? — спросил Разин, не открывая глаз.

— Беда у меня, Степанушка, твои ребята перехватили мой струг с красным товаром, как бы не раздуванили.

— Без атамана дувана не бывает, — сказал атаман и, опершись на руки, сел на ковре. — Кто нарушит уряд, тому смерть. Впрочем... Бумба! Зайди! — в шатер вошёл приземистый крещёный калмык и вопрошающе уставился на Разина. — Сбегай, Бумба, на Волгу и скажи, чтобы струги не трогали. Особенно его.

Калмык, приложив руку к сердцу, поклонился, вышел из шатра, и вскоре раздался конский топот.

Разин встал, потянулся к своей чуге, взял её и выругался: рукав платья был измазан блевотной нечистотой.

— Фролкина работа! — он отшвырнул чугу. — Слаб на винопитие, а лопать горазд!

Князь встрепенулся, он вспомнил о припасённом для Разина подарке.

— Годи, брат! — воскликнул он. — Я для тебя подарок припас, — и развернул перед ним свёрток с одеждой. Разин даже зажмурился от радости и сразу схватил сапоги с золотыми каблуками, таких он ещё не нашивал.

— Угодил, брат! Дай я тебя обниму.

Князь с опаской приник к атамановой груди, но тот на этот раз обнял его бережно и легонечко. Разин переоделся, переобулся и вышел из шатра. Стол уже был накрыт не менее богато, чем вчера. На нём были свежая стерлядь, на Волге начинался ход рыбы, икра и всякие другие вкусности. Названные братья выпили по большой чарке вина и приступили к трапезе. Скоро к ним подскакал посланный атаманом калмык.

— Что, Бумба, всё цело? — не поворачивая головы, спросил Разин.

— Всё, — ответил калмык. — Есаул Корень возле стругов поставил сторожей.

— Сгоняй ещё раз туда же, — сказал Разин. — Возьми с моего струга парня синбирянина и доставь сюда.

Максим ночь провёл на струге, на берегу творилось такое, что у него волосы на голове вставали дыбом. Полторы сотни людей, как он ни отворачивался, казнили у него на глазах. Вода у берегов от крови окрасилась в розовый цвет, подвешенные за ноги и на крюки люди мучились долго, всю ночь вопили и стонали и только к утру затихли. Наконец и ему удалось впасть в сонное забытьё, из которого его извлек на свет посланный атаманом калмык.

— Встряхнись, парень! Тебя атаман кличет.

Разин уже успел опорожнить три чарки вина и пребывал в благодушном настроении. Он ласково смотрел на угодившего ему подарками князя и, нет-нет, да поглядывал на золотые каблуки сапогов, которые жарко вспыхивали от солнечных лучей.

— Ты что такой бледный? — улыбаясь, спросил Максима атаман. — Гулял всю ночь с моими ребятами?

— Не спал. На берегу было шумно.

— Разве это шум, — сказал Разин. — Вот годи, придем в Синбирск, уж там пошумим так пошумим! Дело для тебя есть — проводить княжий струг до Синбирска. Буде воровские ребята до тебя пристанут, покажешь им мой знак. Он у тебя цел?

— Цел, — ответил Максим. — Купцу Твёрдышеву что передать?

— А ничего, скажи только, что скоро буду в Синбирске. Может, как раз к твоей свадьбе успею. Или ты меня ждать не будешь? — Максим смутился и потупился, гадая, о чем спросил его атаман. Вроде бы про свадьбу, но парню показалось, что не только об этом. — Ладно, ступай, — усмехнулся Стенька. — Мы ещё встретимся. Но ты зря думаешь, парень, что можно сквозь огонь пройти и волос не опалить. Такого не бывает.

Глава третья

– 1 –

Великий государь Алексей Михайлович находился в благоприятном расположении духа: с утра его порадовал редким подарком его ближний боярин Богдан Хитрово. Преподнёс царю его парсуну, написанную изуграфом Оружейной палаты. Собственное изображение взволновало государя, он взял парсуну в руки, подошёл к окну и долго её рассматривал.

— Я, Богдан, хотя это патриарх и не одобряет, иногда гляжу на себя в зеркало, — сказал великий государь, ставя подарок на столец. — Я в зеркале вижу себя живым. А это то же зеркало, но оно неживое, тем я на себя и не похож. Да и приукрасил меня парсунщик изрядно, я морщат, а тут будто молодильных яблок наелся.

— Это я ему велел, великий государь, так сделать, — осторожно произнёс Хитрово.

— Угодить мне надумал? — усмехнулся Алексей Михайлович. — Что с тобой, Богдан, ты ведь таким не был?

— Парсуна великого государя написана не для взглядов людей сего дня, а для потомков, — сказал Хитрово. — Для них будет важна державность облика великого государя, и это в парсуне есть.

— Говоришь, державность, — улыбнулся Алексей Михайлович. — Государь Иван Васильевич, не к ночи будет помянут, смотрится на своих парсунах куда как державно, а что после себя оставил? Сына Федю-дурачка да Бориску Годунова, разве не они подвели царство к Смуте?

— Такое больше не повторится, — твёрдо ответил Хитрово. — Род Романовых промыслен самим Господом на благо православной Руси.

В дверь царской комнаты кто-то легонько стукнул. Стольник на крюке, молодой парень, встрепенулся и вопросительно глянул на царя.

— Спроведай, кто там, — сказал Алексей Михайлович и, подойдя к стольцу, повернул парсуну лицом к стене.

— Князь Иван Богданович Милославский, — негромко произнёс стольник.

— Зови! — сказал великий государь и, скинув с кресла своего любимого кота, сел и построжел лицом. Тяжело ступая, в комнату вошёл князь Милославский и земно поклонился царю. — Ты скор на сборы, хвалю, — сказал Алексей Михайлович. — Не как другие. Есть у нас воеводы, что легко находят причины подольше задержаться в Москве. Начнут то зубами маяться, то животом, ведь так и от притворства можно помереть, как стольник Дурасов. Или врут про него, Богдан?

— Почти правда. Он велел вырвать себе здоровый зуб, от воспаления нарыв ударил ему в голову.

— Мой князь Иван не таков, — сказал Алексей Михайлович. — Когда думаешь ехать на Синбирск?

— Завтра поутру, великий государь.

— Знай, что вор Стенька Разин пошёл на Москву войной. Убил посланного мной жильца Евдокима, собрал вокруг себя голутвенных казаков, набежал на Царицын, взял его и утопил в Волге воеводу Тургенева. Из Астрахани мне отписали, что против вора выступил второй воевода князь Львов с шестью приказами стрельцов, но на них у меня надежды нет, астраханцы известные перемётчики к ворам. Мыслю так, что волжский Низ будет Стенькой захвачен, и он опрокинется на верховые города. В Самаре и Саратове крепостишки худые, их не удержать, посему жди вора в Синбирске. Вот Богдан Матвеевич строил сей град, те края знает.

— Не чаял, что моему Синбирску случится воевать, — сказал Хитрово. — Крепость там добрая, частью из дуба, частью сосновая. С Волги град не взять, там обрыв, остальные три прясла защищены надолбами, рвом и валом. Чтобы войти в Синбирск, нужно иметь ломовые пушки или положить столько людей, чтобы гора трупов сравнялась со стенами.

— Людишки к Стеньке набегут, только он появится, — сказал Алексей Михайлович. — Всякая безначальная мордва и чуваши и наши русские крестьянишки забунтуют. Слышно, вор мечет в рязанских, нижегородских уездах прелестные грамотки, а мужикам того и надо, чтобы кто-нибудь им посулил волю, возьмутся за дубье и начнут гвоздить служилых людей и их семьи. И откуда такая злость в народе, ума не приложу!

— Я так мыслю, — наконец решился произнести свое слово князь Милославский, — бунт что моровое поветрие, вылечить от него народ нельзя, эту язву нужно прижигать раскалённым железом.

— Князь Иван говорит дело, — поддержал Милославского Хитрово. — Вестимо, бунт — это беда, но он может послужить на пользу государству.

— Как это так? — Алексей Михайлович почесывал между ушей лежавшего у него на коленях кота. — Из-за вора большие убытки казне и торговым людям, от персов из-за Стенькиных проделок идут укоризны и челобитные, торговые немцы надоели с упрёками. Зря послушал я советчиков и не послал рейтар и драгун на вора прошлым летом. Как раз бы они голутвенных казаков и приструнили.

— Я великому государю такого не советовал, — сказал Хитрово. — Но советчики были правы. Голутвенных казаков и гулящих людишек и десяти полкам рейтар не поймать. Они мигом разбегутся по степи, попрячутся в камышах, зароются в земляные норы. По одному их всех не вычесать, а Стенька соберёт их в кучу, вот тут-то всех разом, как завшивленную овчину, и бросит в огонь.

— А что, — молвил великий государь, — ведь ты, Богдан, говоришь дело. Слышал, Милославский?

— Я завсегда почитаю Богдана Матвеевича за мужа честнейшего и умнейшего, — поклонился новый синбирский воевода.

— Ты, Богдан, сам того не ведая, подслушал мои думы, — — сказал Алексей Михайлович. — Мужицкая Русь после Смуты притихла, но прочно не утишилась. Что было после налога на соль? А замятня с медными деньгами? И вот явился вор Разин как главная беда. Это точно: к нему сбежится вся гиль, скорее всего под Синбирск. Даю тебе, князь Иван, волю казнить всех немилосердно, чтобы Русь больше не помышляла о бунте.

— Как бы мужичья не набежало так много, что моих сил не достанет их изловить, — осторожно произнес Милославский. — А что если и рейтар затопчут толпой, и Синбирск опрокинут?

— Сколько ратных готовы сесть в осаду в Синбирске?

— Три приказа московских стрельцов, — ответил Милославский. — Есть там и свои стрельцы, и казаки, но на них надежда мала. Я их сразу выведу из крепости в острог.

— Тебе дан солдатский полк Зотова, — сказал Хитрово. — Это наши лучшие выборные ратные люди. Их полторы тысячи с лишком человек, все знают войну далеко

не понаслышке.

— В осаде я, может, и отсижусь, но чтобы разбить Стеньку в поле, этих сил мало.

— Это не твоя, князь Иван, забота, в поле выйдет окольничий Барятинский с двумя полками рейтар. Он сейчас идёт в Синбирск и по пути скликает рать, многие служилые люди из его полков отпущены в свои поместья, — Алексей Михайлович пристально посмотрел на Милославского. — Ужели этих сил мало?

— Я слышал, великий государь, что у окольничего рейтар недостаёт, а враз он их не соберёт. И это меня печалит.

— Только бы в этом была беда! — с горечью произнёс Алексей Михайлович. — Боюсь я, пролезет вор через Синбирск в коренные русские уезды, тогда бунт так полыхнёт, что и в Кремле не усидеть. Знай, Милославский, что в прелестных грамотках есть великий соблазн для простонародья, в них писано, дескать, благоверная царица Мария Ильинична и царевич Алексей умерли не своей смертью, а их извели бояре.

— Свят! Свят! — перекрестился Милославский. — Вон что вор Стенька удумал, науськать мужиков на лучших людей!

— Вряд ли такое Разин придумал, — сказал Хитрово. — Топить, терзать людей он мастак, а в этой грамотке виден раскольничий умысел. Есть слух, что вор жил у соловецких монахов, от них и набрался бунтарского духа.

Алексею Михайловичу упоминание о Соловецком монастыре было неприятно: уже который год его осаждала московская рать, но без особого рвения, великому государю было ведомо, что монахи предсказали его смерть в год падения соловецкой обители, и он поторопился увести разговор в сторону.

— Что просишь, князь Иван?

— Вели, великий государь, поторопиться Пушечному и Разрядному приказам. Добавочные пушки, порох и свинец в Синбирск ещё не отправлены, — сказал Милославский.

— Возьми на себя это дело, Богдан, — велел Алексей Михайлович. — А для себя что просишь? — Милославский удивился, такого ещё не бывало, что жаловали не после войны, а до неё, он покраснел и замялся. — У тебя недоимки перед казной накопились, — сказал Алексей Михайлович. — Они тебе прощены. Иди, князь Иван, на вора Стеньку без оглядки, и моя награда тебя не минует. Подай, Богдан, наказную грамоту Синбирскому воеводе, — Хитрово взял со стола бумажный свиток и с поклоном преподнёс его великому государю. — Здесь, князь, для тебя промыслены все дела, которыми ты должен заняться на пограничном воеводстве. Главные мы сейчас обговорили, но ты держи мой наказ на глазах, читай его каждый день, как только сотворишь утреннюю молитву. Сейчас для меня ты, князь Иван, самый важный в государстве воевода. Пиши мне часто и ничего не скрывая, в Приказ тайных дел. Можешь подойти.

Князь Милославский приблизился к великому государю, принял царский наказ, приник устами к его теплой руке, земно поклонился и вышел из царской комнаты.

– 2 –

Прибывшего в Синбирск князя Милославского встречали громкими ударами набатного колокола. Это праздничное действо устроил князь Дашков, знавший, что нового воеводу следует, не чинясь, задобрить в свою пользу, дабы он не слишком придирался, принимая город. Для этого Дашков загодя послал в Промзино Городище на Суре пятерых казаков, и они, завидев поезд Милославского, сломя голову на сменных конях поскакали в Синбирск, а там стали сразу же готовиться к встрече, начали топить мыльни, чтобы Милославскому и его людям было где попариться и помыться с дороги. Старшего приказчика послали к рыбакам за свежей стерлядью и другой волжской рыбой, из посадского стада, что паслось за Казанскими воротами, пригнали молодую яловицу и несколько баранов, чтобы всем было мяса вдоволь, и гостям, и своим людям.

Ключнику воевода дал свой ключик, который хранил сам, от особой каморы, где стояла початая двухведёрная бочка романеи и вина, настоянного на калган-траве, полыни и рябине. Дал ключик, да скоро опамятовался, поспешил за холопом в подклеть, ступая на цыпочках, подошёл к винной каморке и через щёлку высмотрел, как старый наливает в кувшины хмельное, не норовит ли обмануть хозяина. Не заметив злого умысла на свое добро, Дашков поднялся в избу и вышел на крыльцо, где его ждали воинские начальники: полковник Зотов, стрелецкие головы московских приказов, атаман синбирских казаков, губной и земский старосты. Лучшие синбирские люди были облачены соответственно событию в дорогие одежды, оружие мерцало серебром, а на шапке полковника Зотова посверкивал наградной золотой рубль.

— Всё ли готово? — спросил Дашков.

— Солдаты и стрельцы построены на Соборной площади, — ответил Зотов. — Казаков я отправил прогуляться в поле, больно неказиста у них сбруя на конях, да и сами

они наполовину одеты в рваньё.

— Куда же они жалованье подевали? — изумился Дашков. — Им месяц назад дадены годовые деньги. Отвечай, Сафроныч!

— Беда мне с ними, — ответил атаман. — Гуляки, не приведи Господь, в зернь режутся. А начнешь спрос учинять, как псы зубы скалят.

— Про то ты новому воеводе доведёшь, а сейчас убирайся вслед за своим войском, Сафроныч! Чтобы и духу твоего здесь не было!

Атаман опрометью сбежал с воеводского крыльца, прыгнул на коня и поскакал из города к своим людям, которые ждали его с вином в овраге за Крымскими воротами.

— А у тебя всё готово? — спросил Дашков земского старосту, отвечающего за все мирские дела в городе и уезде.

— Росписи по налогам и окладным сборам сделаны, могу явить хоть сейчас.

— А ты, Пантелеев, тоже готов ответить? — спросил князь ведающего уголовными делами губного старосту.

— Тати, где им положено, в тюрьме. Из думы отписали двух воров повесить, так не успели, но за этим дело не станет.

Князь Дашков несколько раз прошёлся по крыльцу и остановился возле полковника. Зотов поднял на него тяжёлые, набрякшие кровью глаза.

— Прошу, Глеб Иванович, пригляди за своими желдаками. На приезд Милославского весь город сбежится. Как бы твои солдаты не вздумали замять какую-нибудь бабёнку, мне сраму в последний день воеводства не надо. Они за те дни, как в Синбирск явились, вот уже где у меня! — И князь постучал ладонью по своему загривку.

— Маются ребята от безделья, — равнодушно произнёс Зотов. — Но погоди, явится вор Стенька, они себя покажут.

— Меня, слава Богу, в те дни и близко не будет, — сказал Дашков. — Я готов хоть сейчас отсель съехать. Чаю, слёзы по мне никто лить не станет...

В хлопотах прошло полдня, уже соборный протопоп обедню отслужил, и пора было Милославскому показаться, но он не ехал. Привыкший к послеобеденному сну Дашков крепился, крепился, да так и заснул у себя в приказной избе, сидючи в кресле. Подьячий Никита Есипов стал тише шебаршить бумагами, он искал среди них список с грамотки, посланной недавно в боярскую думу о всех воеводских делах на Синбирской окраине. Наконец, грамотка отыскалась, и тут раздался топот на крыльце, и в комнату ввалился стрелец.

— Велено донести: едет по мосту через Свиягу!

— Вот и слава Богу, явился! — сквозь зевоту произнёс Дашков. — Что столбом стоишь? Беги на своё место! — стрелец убежал, а князь отёр лицо ладонью и поднялся: — Пойдём, Никита, встречать Милославского. Жаль, что он со своим дьяком, а то бы оставил ему тебя в поминок, узнал бы тогда службу!

— Чем же я твою немилость, Иван Иванович, заимел? — воскликнул подьячий. — Я бы ещё не прочь с тобою послужить в каком-нибудь торговом городе, ведь в Синбирске для нас прибытков не было, да и с чего? Торговлишки никакой, один кабак, да и тот государев.

— Поторапливайся, Никита, — проворчал Дашков, выходя на крыльцо. — Рано о новом кормлении думать, за это бы рассчитаться.

Возле крыльца стояли несколько человек и с восхищением разглядывали доброго коня в богатой сбруе, на этом коне новый воевода должен въехать в Синбирск. Дашков оказывал своему сменщику невиданный почёт.

— Бери, Пантелеев, коня и вместе с земскими идите к воротам, — сказал Дашков. — А мы будем возле собора.

К нему подвели коня, князь с крыльца сел в седло и поехал к месту построения войск. На паперти соборной церкви стояли протопоп со священниками, площадь была выметена, смочена водой, войска находились в строю: лицом к храму стоял в десять рядов солдатский полк, по обе стороны площади — стрелецкие приказы, все ратники были с оружием, стрелецкие полуголовы, головы, солдатские полуполковники и полковник сидели в сёдлах. Дашков въехал на площадь и встал на её середине лицом к соборной церкви.

Над Крымскими воротами ударил государев набатный колокол, князь Милославский въехал в Синбирскую крепость и скоро показался на чалом коне, которого под узцы вели Пантелеев и Фирсов. Дашков послал своего коня вперед, воеводы встретились и поприветствовали друг друга.

— Добро ли ехалось, князь Иван Богданович? — мягко произнёс Дашков. — Как великий государь, здрав ли?

— Великий государь Алексей Михайлович пребывает в добром здравии, — важно сказал Милославский. — Но его печалит смута на волжской окраине, и мне дан царский наказ не пропустить воровских казаков и гулящих людишек через Синбирск.

— Изволь, князь, взглянуть на синбирское войско, — с прежней мягкостью в голосе произнес Дашков, хотя и был душевно задет спесивостью Милославского, не оценившего устроенный ему встречи.

Воеводы подъехали к солдатскому полку. Полковник Зотов послал своего жеребца им навстречу, начальники злым шёпотом велели солдатам не шевелиться, и полк замер.

— Сколько людей у тебя, полковник? — спросил князь Милославский.

— Тысяча триста пищальников и триста копейщиков! — громко объявил Зотов.

Милославский требовательным и властным взором оглядывал ряды солдат. Все они были молоды, рослы и здоровы, на красных обветренных лицах читалась отрешенность от всякой другой жизни, кроме солдатской. Железные шапки на головах, железные нагрудники, железные пищали и железные копья придавали полку вид ощетинившегося и готового к нанесению разящего удара почти двухтысячежалого существа. Князь Милославский довольно хмыкнул и повернулся к стрельцам. Они, по сравнению с солдатами, выглядели менее воинственно, у них не было палочной дисциплины, и строй стрельцы держали неровно даже под воеводским взглядом, да и своим видом напоминали о том, что они не только служилые люди, но и торговцы, ремесленники и живут в основном не с войны и государевым жалованием, а своим трудом, и для многих отправка из Москвы на степную границу была неизбежной обузой. Милославский это понимал и ждал от стрельцов одного: крепко сидеть в осаде, а Стенькины толпы разгонят рейтары окольничего Барятинского, если только он не замешкается со сбором своего дворянского войска.

Воеводы подъехали поближе к соборной церкви, сошли с коней и подошли к благословению отца протопопа. Невдалеке ждали их слова солдатские и стрелецкие начальники.

— Разводите людей по избам! — велел князь Дашков. — Сегодня работ не будет. И приглядывайте за своими, чтобы не было баловства!

На свободную от ратных людей площадь вышли синбирские торговые люди, гости Твёрдышев и Ушаков, мельник Андреев, старосты ремесленников, простые посадские обыватели, среди которых было много жёнок и малых ребят.

— А что, князь Иван Иванович, — спросил Милославский, — Синбирск не малолюден?

— Поглядеть, так народу тьма, а нести тягло некому, один — бобыль, другой — захребетник, третий — жилец кабацкий...

Все поклонились воеводам, и вперед выступил гость Твёрдышев.

— Именитые синбирские и посадские люди рады приветствовать пожалованного граду Синбирска великим государем нового воеводу князя Милославского, мужа славного и многомудрого: будь нам во всех делах попечителем и заступником... А к тебе, князь Иван Иванович, мы ещё явимся прощаться.

— Я князя долго не задержу, — важно произнёс Милославский. — Копаться в бумагах не буду, потому что и после меня другому воеводе некогда будет этим заниматься. Война спишет все грехи, коли они у кого есть, кроме одного — отступничества от государевой воли. Посему объявляю град Синбирск на военном положении. Где земский староста?

— Фирсов! — крикнул Дашков. — Что за людьми хоронишься? Поди сюда!

Староста неловко протиснулся между Твёрдышевым и Андреевым, снял с головы шапку и поклонился.

— Завтра же яви списки всех людей в граде и уезде, — сказал Милославский. — Возьмёшь казаков... А где казаки? — спохватился князь.

— Поле проведывают...

— Возверни казаков, пройдись по деревенькам близ града частым бреднем и всех бесхозных людишек гони в Синбирск для работ в крепости и вокруг неё. А пока все ступайте, до завтрашнего дня. Что, князь, веди, показывай свои хоромы, — произнес Милославский. — Благодарствую за добрую встречу. Судя по ней, ты, наверное, озаботился распорядиться и мыльню истопить?

— Это первое дело с дороги, — ответил польщённый похвалой Дашков. — И мыльня готова, и есть кому спинку потереть, — возле съезжей избы стояла телега с вещами нового воеводы. — Я велел освободить для тебя, Иван Богданович, лучшую комнату, — сказал Дашков. — А как отпустишь меня, так владей здесь всем и живи, где похочешь.

— Не задержу тебя, Иван Иванович, не задержу. Мне и самому ты здесь не надобен. Вот дьяки меж собой столкуются, и езжай подобру-поздорову.

Милославский остался мыльней премного доволен: и крепким пахнущим ягодным квасом, и свежим дубовым веником, которым князя потчевала от всей души озорная смешливая девка.

— Ты чья? — спросил её князь.

— Прибираюсь в воеводской избе.

Подустав от девкинового усердия и чувствуя приятную истому во всех членах своего тела, Милославский осушил две чары ядрёного кваса и стал весьма рад, Синбирск ему нравился всё больше и больше, и он игриво стукнул вытиравшую с пола мокроту девку ладонью по упругой ягодице. Та ойкнула и обернулась.

— А ты пугливая, — сказал князь. — Как кличут?

— Настя.

— Чья будешь?

— Воротника Трофимова дочка.

— Добро, — сказал Милославский, вставая со скамьи. — Будешь у меня в избе поломойничать.

Князь Дашков с угощением расстарался на славу, на столе были самые разные рыбьи и мясные кушанья, обильно наперчённые и посолённые, и уха, и пироги с тремя начинками: рыбной, грибной и капустной, кувшины с романеей, вином, пивом и квасом. Два поварёнка, открыв настежь двери и окна, усердно махали большими тряпками, выгоняя из комнаты мух. Ключник принёс из кладовой короб с серебряной посудой и протирал пыль с тиснённых лиственными узорами тарелок, чаш, чарок и ложек. Дашков нетерпеливо прикрикнул на них, чтобы они потарапливались, поварята мигом исчезли, а ключник, поставив на стол царицу пированья — кованную из серебра и самородной меди объёмистую братину, поспешил на поварню, чтобы заняться рассылкой оттуда к столу готовых кушаний.

В комнату стали заходить гости, появились стрелецкие головы, первым — Бухвостов, а за ним — Жидовинов и Марышкин. Перекрестившись на образ Святой Троицы, они троекратно обнимались с хозяином и садились за стол. Вскоре пришел полковник Зотов и сел чуть в стороне от стрелецких начальников, поближе к хозяйскому месту. Сел он неловко, и на столе покачнулась посуда, двухзубая вилка упала, зазвенев, на пол.

— Глеб Иванович кого-то ещё в гости наворожил, — сказал Марышкин. — Кажись, жёнка явится, или не так?

— Ложка и вилка — это к жёнкам, — ухмыльнулся Жидовинов, довольный, что можно задеть нелюдимого полковника.

Дашков нетерпеливо поглядывал в окно. Милославский задерживался, но тут дверь распахнулась и, сопровождаемый дьяком Ермолаевым, в комнату вошёл новый синбирский воевода. Воинские начальники приподнялись со скамеек, но князь прошёл мимо них и, перекрестившись, бережно поддержанный под локоток хозяином, сел на одну из двух стоявших во главе стола коротких скамеек. Дашков мигнул слуге, и тот быстро наполнил чарки хмельным. Иван Иванович встал с чаркой в руках, за ним встали гости, и хозяин торжества иным голосом произнёс полный титул великого государя Алексея Михайловича, с здравицы которому всегда открывалось пированье лучших людей. Затем провозгласили здравицы с подъёмом чарок в честь князя Ивана Богдановича Милославского. Первым начал полковник Зотов, напомнивший князю, что он с ним встречался во время польской войны под Уманью, далее нового воеводу величали стрелецкие головы Бухвостов, Жидовинов и Марышкин. Головы за долгую службу выучились хвалить своих начальников, слова звучали пышные и приятно щекотали самолюбие Милославского, который всё более благосклонно взирал на подначальных ему людей. Завершил величание гостя князь Дашков такими проникновенными словами, что оба воеводы, старый и новый, почувствовали увлажнение своих очей, обнялись и троекратно расцеловались.

После шестой чарки все ослабили пояса, а слуги сменили стол: постелили свежую скатерть, поставили на неё щи, говядину, баранину, первую огородную зелень, вино, пиво и квасы.

Пришло время сказать слово и князю Милославскому. Он, с чаркой в руке, встал со скамьи и вполне трезвым голосом произнес:

— Благодарствую, князь Иван Иванович, за добрую встречу и почёт. Вижу, что ты рачительный хозяин. Умеешь гостя встретить, почествовать и ублажить. Всем вам, полковнику и головам, велю запомнить это пированье. Оно для вас последнее до того дня, пока вор Стенька не будет схвачен и забит в оковы. С завтрашнего утра начнём готовить крепость к осаде...

После таких строгих слов начальные люди, выпив чарку за нового воеводу, не сговариваясь, стали отпрашиваться отпустить их по своим делам. Их не держали, и скоро воеводы остались одни.

— Ты сколько, Иван Иванович, на Синбирске просидел? — спросил Милославский.

— Скоро пять лет будет, — ответил Дашков, гадая, что за умысел таится в вопросе князя.

— Пять лет! — удивился Милославский. — Обычно больше года-двух воевод на одном месте не держат. Как же тебе удалось столь высидеть?

— Хитрости в этом, Иван Богданович, большой нет. На Синбирске воеводе жирно кормиться нечем, посему сюда охотников не сыщешь. Если б это были Вологда, Рыбинск или какой другой торговый город, я бы и года здесь не просидел, нашлись бы охочие люди на моё место.

— И действительно воеводе прибытков нет? — спросил Милославский. — Здесь же Волга?

— Волга есть, да товары по ней мимо Синбирска идут, — ответил Дашков. — Выйду я иной раз на Венец, вижу, струги косяком идут, да не про мою честь. Так что ухожу я отсель с превеликой охотой. Ударю челом великому государю, чтобы пожаловал мне на кормление торговый городок.

— Я войсковой воевода, — сказал Милославский. — Хитрости городовых правителей мне ведомы понаслышке, да и вряд ли я их постигну на синбирском воеводстве. Вот дьяки сочтут по росписи денежную, пушечную и прочую государеву казну, и можешь отправляться восвояси. Тут скоро такое начнется, что пощады никому не будет. Скажи, Иван Иванович, казаки надежны?

— У всех казаков одно на уме — жить безначально, — осторожно ответил Дашков. — Вор Стенька ждёт от них подмоги, среди синбирских казаков есть немало и таких, что переметнутся к вору. Пока они помалкивают, а что на сердце держат, то по прежним их делам известно.

— А про князя Барятинского что слышно?

— Пока ничего. А что, он с ратью сюда явится? — спросил Дашков.

— Так ему великим государем велено. Как мыслишь, много ли людей в Синбирск набежат хорониться от вора? Город не так уж и велик, поместятся ли все?

— Помещиков здесь негусто, — ответил Дашков. — С домочадцами сотни полторы прибегут. Торговые люди сядут в осаду, ремесленники, это ещё сотни две народу. И шляхтичи обязательно уйдут в город.

— Что, здесь пленные поляки живут? — заинтересовался Милославский.

— Какие они поляки! Православные шляхтичи, ушли из Полоцка от униатских попов. По воле великого государя им в уезде земля нарезана для поместий и деньги берут из казны на прожитие. Эти будут крепко стоять в осаде.

— Распорядись, князь Иван, чтобы они завтра ко мне явились.

Дашков вздохнул, взял кувшин с вином и наполнил две чарки, себе и Милославскому.

— Про завтрашний день давай, Иван Богданович, так решим, — поднимая чарку, сказал Дашков. — Бери город под свою руку и распоряжайся всем. А я начну своё добро перетрясывать и укладывать. А как дьяки все сочтут, отправлюсь, благословясь, на Москву.

— Я тебя не тороплю, Иван Иванович, но коли ты так порешил, то пусть так и будет, — поднимая чарку сказал Милославский. — Будь здрав, князь!

— Будь здрав, князь!

Воеводы выпили, крякнули, закусили грибками острого посола и переглянулись.

— А девка, что меня парила, чисто огонь! — сказал Милославский, со вкусом облизывая губы. — Может, Иван Иванович, пожалуешь мне её, чтобы нескучно было в мыльню хаживать?

— Это можно, — улыбнулся Дашков. — Владей ею, князь, бессрочно и беспошлинно! Но она вольная, с ней рядиться надо.

— Срядимся, за этим дело не станет.

— 3 —

Князь Милославский на новом месте ночевал беспокойно, часто просыпался, и едва только забрезжило утро, как уже был на ногах. Он оделся и, пройдя через комнату, где посапывал и похрапывал на лавке дьяк Ермолаев, вышел на крыльцо. Выпала обильная роса, и все строения от влаги были темны, чёрные очертания соборной церкви проступали сквозь пелену белёсого тумана, и тишину попытался прервать своим криком петух, но и тот, как видно, подавился мокрым воздухом, и опять вокруг воцарилась тишина, изредка прерываемая шлепками капель, падающих с шатровой кровли на крылечную ступеньку.

Глухой удар государева набатного колокола застал Милославского на Крымской стороне крепости за осмотром укреплений. Срубы прясла из толстых, в полтора обхвата, сосновых бревен были крепки и не тронуты гнилью, ни один из них не покосился, не ушёл в землю. Значит, тарасы, на которых они стояли, сделаны надёжно. «Не соврал Хитрово, что крепость прочна!» — подумал князь и обратился взглядом к пред-

стенным укреплениям. Работы на них шли, но сделано было совсем немного. Началась расчистка и углубление рва и насыпка вала, часть которого смыло снеговой и дождевой водой. В нём появились провалы, а в них были видны основания стен — дубовые тарасы, набитые мелкими камнями. Ров требовалось углублять, а по его дну устанавливать чеснок, тяжёлые колоды с остро заточенными железными прутьями, которые немедленно убивали всякого, кто на них падал.

Милославский встал возле наугольной башни и глянул на Свияжскую сторону крепости: там были заметны те же недостатки, что на Крымской стороне. Дальше он не пошёл и вернулся к крепостным воротам. Они оказались растворены. Воротник Федька Трофимов, в драной шапке и шубе на голое тело, встретил князя низким, до земли, поклоном.

— Ты давно сидишь в своей будке? — спросил Милославский.

— Как построили крепость, так и я с того часа на сем месте живу, — сказал, дыхнув на князя чесночным перегаром, Федька.

— Поведай мне, воротный сторожил, — отстранясь от вони в сторону, спросил Милославский. — Здесь от крепости к острогу надолбы стояли? — Федька князя не понял и развёл руками. — Городьба здесь была в два ряда?

— Была городьба, добрая, из дуба, — помыслив, ответил Федька. — Лет десять тому её посадские люди на избы разобрали.

Ветер с Волги очистил от тумана Синбирскую гору, и острог стал хорошо виден. До него было саженей двести. Милославский по некрутому скату спустился к нему и оглядел его прясла. Их сделали из дубового частокола, поставленного в тарасы, но вокруг острога ни рва, ни вала не было. Воевода толкнул отворенную калитку в воротах и заглянул вовнутрь. Рядом с воротами на рваной овчине спал мужик, в котором казак опознавался лишь потому, что рядом с ним валялась сабля. Милославский крепко пнул сторожа в бок. Тот спешно вскочил на ноги.

— Где остальные люди? — грозно вопросил Милославский.

— В разгоне, — ответил казак, недобро поглядывая на князя красноватыми от пересыпу калмыцкими глазками. — Сафроныч повёл казаков поле проведывать.

— Что ещё за Сафроныч? Атаман?

— Наш станичный атаман, — ответил казак, подбирая с земли саблю.

— Гони за ним и скажи, что новый воевода князь Милославский велит ему явиться в Синбирск.

Князь быстро обошёл острог, оглядывая строения. Избы и прясла были целы и крепки. Здесь можно посадить в осаду надёжных ратников, чтобы они держали под прицелом всех, кто пойдет на приступ города. Казак тем временем оседлал коня и, нахлёстывая его плетью, выметнулся из острога и поскакал в поле.

К приходу Милославского с утреннего похода вокруг Синбирска возле крыльца съезжей избы собрались начальные люди города. Они ждали обычных распоряжений от князя Дашкова, но тот объявил, что он уже не воевода, и интерес к нему начальников сразу угас. Князь Иван Иванович это приметил и кисло усмехнулся: человеческая натура ему была ведома — пока ты начальник, все перед тобой стелятся, ушёл с места, так перешагнут через тебя и не заметят. Стоящий с ним рядом полковник Зотов тишком сошёл с крыльца к стрелецким головам, что стояли внизу, а ведь раньше почитал за честь находиться с воеводой рядом. С Дашковым остался лишь подьячий Никита Есипов, тому угождать новому воеводе не было смысла, Милославский явился со своим дьяком.

— Торопись, Никита, сдать дела, — сказал Дашков. — Если дьяк Ермолаев начнет чинить каверзы, так отдай ему всё, что у нас есть лишнее сверх росписи. Не повезём же мы за собой муку, соль и рыбу.

— Торопиться отдавать, Иван Иванович, не будем, — улыбнулся Есипов. — Вот даст князь поручную запись, что взял на себя город, тогда и отдадим ему всё. А до того времени я буду помалкивать.

— Делай, что хочешь, Никита, лишь бы уйти отсель в целости и без наветов великому государю. Иначе нам нового кормления не будет.

Подходя к съезжей избе, Милославский уже имел в голове план действий, который у него сложился после обхода крепости.

Полковник, стрелецкие головы и старосты встретили нового воеводу в тревожном ожидании. Каким он себя выкажет в первый день своего воеводства? Милославский, будто не заметив поклонов, скоро вбежал на крыльцо, сухо приветствовал Дашкова и окинул взыскующим взглядом своих подчиненных.

— Зарубите себе на носу, — жёстко сказал воевода, — с сего дня медвежья спячка закончилась! Всех солдат и стрельцов поставить на рытье рва и вала вокруг крепости. Ответ за это держать тебе, Зотов!

— На всех лопат недостанет, — ответил полковник, перевидавший за свою службу

немало начальников, и ретивых, и ленивых.

— Как недостанет! — вспыхнул Милославский. — Где земский староста? — Фирсов степенно выступил вперед и поклонился. — Возьми с каждого двора по десять лопат, а не дадут, бей батогами! Враз сыщут.

Начальные люди переглянулись: круто начинает князь своё воеводство, как бы самим под батоги не попасть.

— И этих лопат будет мало, — равнодушно сказал солдатский полковник. В этих словах Милославский усмотрел нерадение к службе.

— Возьми, полковник, сотню солдат, — жёстко процедил он сквозь зубы, — и делай деревянные. На переброску земли они сгодятся.

Позади всех стоял начальник синбирской таможни, который доглядывал за всем, что везут по Волге. Он, слыша разговор, стал проявлять нетерпение и зашевелился, чем привлёк к себе внимание Милославского.

— А ты что топчешься? — спросил он. — Говори, если есть что сказать!

— На пристани струг стоит, полный железа для црен, в которых соль вываривают. Железо листовое, как раз для лопат.

— Чьё железо? — заинтересовался Милославский.

— Везут в Надеино Усолье на государевы соляные варницы.

— Бухвостов! — позвал к себе стрелецкого голову воевода. — Возьми стрельцов, забери со струга всё железо и доставь сюда. И не хлопай глазами, дуй под гору, а если приказчик заартачится, тащи ко мне, я ему собственноручно оплеуху преподнесу, — Бухвостов принял повеление воеводы к немедленному исполнению и побежал к своему приказу. — Как думаешь, Иван Иванович, — обратился Милославский к Дашкову, — великий государь не будет на меня в обиде за взятое у него железо?

— Война с вором Стенькой и не такое спишет, — ответил Дашков. — Но при случае доведи об этом в Москву.

— Ларион, — позвал Милославский своего дьяка, — не забудь отписать. А теперь иди с прежним дьяком считать казну и не мелочись! Есть у кого-нибудь до меня дело?

— В тюрьме сидят два вора, на коих есть приговор думы, — сказал губной староста Пантелеев. — Где, князь, велишь их повесить на веску? Обычно, от людских глаз, мы увозили их за Волгу.

— Воры, говоришь? — князь на мгновенье задумался. — Повесь их, чтоб другим неповадно было воровать, за крепостью, на валу. А теперь все ступайте к своим людям и ведите их на работы. А ты, полковник, задержись.

Начальные люди уходили в смятенном состоянии духа, они чувствовали, что спокойной жизни им больше не видать и Милославский не будет давать им спуску даже за малую провинность.

— Вижу, ты силен, Иван Богданович, и правильно, — покачал головой Дашков. — Умеешь зажать всех в кулак.

— По-другому с нашими людьми нельзя, и с начальными, и с простонародьем. Они, кто их сильнее топчет, того и любят. Разве не так, Глеб Иванович?

— Истинная правда, — сказал Зотов. — Нас нежить нельзя, а то сразу на голову сядем.

— Я знаю, полковник, что ты с собой нескольких знатных пушкарей привёл, — продолжил Милославский. — Вели им осмотреть пороховую казну, разобрать заряды, проверить их пушечной стрельбой. Заодно и пушки пристреляют.

— Исполню, — поклонился полковник. — Как стрелять начнём, тебя звать?

— Я грома не боюсь, зови.

Все разошлись по работам, на крыльце остались лишь воеводы. Мимо них голова Бухвостов провёл своих стрельцов в подгорье, к Волге.

— Я гляжу, Иван Богданович, ты успел с ранья всю крепость обойти, — сказал Дашков. — И как, поглянулась?

— Что хвалить? Но я видел и похуже. Против вора годится. Я не думаю, что сумеет её взять.

— Крепости иногда берут не силой, а хитростью или изменой, — усмехнулся Дашков.

— Я этого не страшусь, у меня перемётчиков не будет, — жестко сказал Милославский. — В осаде будут сидеть только те, кого Стенька не жалует: солдаты и московские стрельцы. Я боюсь одного, огня. И мне чудно, что крепость от основания ни разу не горела.

— Это действительно чудо, — согласился Дашков. — Случись пожар, Синбирск сгорит дотла. В городе нет воды.

— Как нет? — изумился Милославский.

— В крепости всего один колодец, в нём вода пребывает всего на четверть аршина в сутки. Воду возят из Симбирки и Свияги. А теперь сам рассуди, Иван Богданович,

что делать будешь.

— Веди, показывай колодец!

— Пусть люди пройдут, — сказал Дашков. — Ишь, как ноги волочат, не проснулись, что ли. Вот пыль осядет, и пойдём.

Московские стрельцы и солдаты шли на работы. У некоторых в руках были лопаты, у других ломы, но у большинства руки были пусты, но ненадолго: позади всех двигалось двести стрельцов и солдат с топорами тесать лопаты. Милославский не удивился их появлению, он ещё по прежнему времени знал полковника Зотова как исполнительного служаку, который сделает всё, что ему повелят.

Пыль, поднятая служивыми, осела, и воеводы пошли мимо соборной церкви, поварен и кормовых изб к колодцу. Повара и подсобники, завидев их, хоронились в закопчённых избах, всё вокруг замирало, и лишь лежавшая в пыли собака при приближении начальства подняла голову, тусклыми глазами посмотрела на прохожих и, клацнув зубами, широко зевнула.

Из-за угла мыльни выскочила жёнка с двумя корзинами мокрого белья на коромысле и пребольно толкнула в бок Милославского. Князь крепко осерчал, схватил жёнку за руки, притянул к себе и сразу же отпустил.

— Ойюшки! — пискнула жёнка. — В мыльне темно, вот и ослепла на свету. Я тебя, князюшка, не зашибла?

— Гляди, Настя, куда бежишь, — сказал Дашков. — Князь Иван Богданович на сей раз тебя помилует, но не вздумай встречаться с пустыми корзинами и тем насулить ему несчастье.

— Ступай, Настя, ступай! — сконфуженно пробормотал Милославский.

— Бойкая девка, — сказал, глядя ей вслед Дашков. — Взял бы с собой, да ближние скажут, что она тот же назём, хоть издалека привезён... — Милославский недовольно на него зыркнул и, не слушая, пошёл дальше. — Годи, князь, мимо проходишь, — раздался голос Дашкова.

Сруб колодца был закрыт крышкой, ведра на вороте не было, и судя по всему, им давно уже не пользовались. Милославский откинул крышку, и на него повеяло затхлостью. Колодец был глубок, Милославский бросил в него камешек и едва расслышал, как тот упал в воду.

— Плохо дело, — сказал он, захлопывая крышку. — Надо воду запасать, только вот куда?

— Ещё до меня первыми воеводами в крепости поставлен водоёмный сруб.

— Как он велик и где поставлен? — заинтересовался Милославский.

— Да вот он, — Дашков указал на большую избу без крыши. С другой стороны к срубу был приделан помост, возле которого стояла водовозка. Милославский влез наверх, воды в срубе было наполовину, брёвна зелёные и осклизные, на дне колыхались какие-то водоросли.

— Тут, видно, и жабы водятся, — сказал Милославский.

— Есть тут и жабы, — подтвердил Дашков. — От них вода становится холоднее и чище.

— Этой воды мало, — задумчиво промолвил Милославский. — Вдруг мы засидимся в осаде, у вора силы немеряно. Надо ещё два таких же сруба ставить и делать для дождевой воды копанки вдоль прясел, чтобы было чем пожары тушить...

У крыльца съезжей избы прохаживался Твёрдышев. Последние дни его вдруг стали тяготить мысли о посланном к Разину парне. Полбеды, если его Стенькины ребята бросили в воду, беда, если он попался государевым людям. Те мигом вырвут из парня всё, что ему известно, и донесут в Синбирск. И учинят над Твёрдышевым такой розыск, что мало не покажется. Новый воевода, по повадкам, знает пыточное ремесло не хуже палача. Только что, проходя крепостные ворота, Твёрдышев увидел, что на валу стрельцы ставят глаголь для воров, а возле вески хлопочет губной староста Пантелеев.

— Ты, сказывают, главный винный целовальник? — спросил Милославский, снисходительно кивнув в ответ на поклон Твёрдышева. — У меня есть государев наказ брать у тебя деньги. Они у тебя есть?

— В торговом деле без денег нельзя, но деньги счёт любят, — спокойно ответил Твёрдышев.

— Не просчитаемся. Воеводская казна, вестимо, пуста, а ратных людей нужно довольствовать. Я решу, сколько у тебя взять.

— Много дать не могу. Стенька перекрыл Волгу, подгорное кружало пустует. А для него питухи выгоду делают.

— А ты, я вижу, строптивый, — вскинул голову князь.

— Я молвил правду, — ответил Твёрдышев. — Кому, как не воеводе, её знать всю, без утайки.

Милославский не нашёлся, что ответить, и, махнув рукой, ушёл в избу.

— Напрасно, Степан Ерофеевич, ты озлил князя, — сказал Дашков. — Он прост, но горяч и может сотворить тебе худо.

— Забудем про это, Иван Иванович, — одной рукой Твёрдышев полез за полу кафтана и вытащил кошелёк. — Прими, князь, как и обещал, поминок на твой отъезд. Прожили мы с тобой безбранно на Синбирской горе полных пять лет. Я за это тебе от души благодарен.

— Верный ты человек, Степан, другого такого у меня не будет, — расчувствовался Дашков. — Береги себя, не удумай оставаться в Синбирске, беги из города, пока воры досюда не дошли.

— Я же целовальник, государю крест целовал и весь в воле воеводы. Без его слова мне уходить нельзя.

— Придумай что-нибудь, — воевода стал запихивать подаренный кошелёк за пазуху. — В любом разе свой раскол перед Милославским не являй, беда будет. Ближние к государю люди винят соловецких монахов в наущении вора Стеньки на бояр. Под это дело и твоя голова слетит. Милославский не станет тебя покрывать, как я. Он скор на безумства.

Слушая Дашкова, Твёрдышев глянул через плечо князя и похолодел: двое стрельцов вели Максима, а позади них шёл голова Бухвостов. Дашков заметил, что купец его не слушает и обернулся.

— Бухвостов, — спросил он, — кого это споймал?

— Теперь узнаем, — ответил стрелецкий начальник. — Малый говорит, что он твёрдышевский приказчик. Так ли это, Степан Ерофеевич?

Твёрдышев перевёл дух. Максим его не выдал и своим заявлением указал путь к спасению как самого себя, так и хозяина.

— Верно сказал, — как можно спокойнее произнёс он. — Мой приказчик, Максим Звонарёв, ходил на Низ по торговым надобностям.

— Я что-то его не видел близ тебя, — заметил Дашков. — Он что, новик?

— Да нет, уже два года у меня служит, — небрежно сказал Степан Ерофеевич. — Что за ним, какая вина?

— Велено останавливать всех, кто идёт в город, — объяснил Бухвостов. — Вот и его взяли, он с Нижней Часовни на лодке явился.

— Как ты туда попал? — спросил Твёрдышев, строго взирая на своего приказчика.

— Сошёл со струга князя Львова, астраханского воеводы.

— Как же вас воры пропустили? — удивился Дашков.

— Того я не ведаю, — спокойно ответил Максим. — Может, приказчик Львова слово против них знает. Бывало, подбегут на лодках ватагой, приказчик с ними пошушукается и идёт себе дальше. Так и дошли целы.

— Чудеса, да и только! — развел руками Дашков. — На Низу чего только не случается. Ладно, пусть будет так. Оставь, Бухвостов, парня нам и ступай по своим делам, — стрельцы ушли, а воевода в глубокой задумчивости теребил свою бороду. — Вот что, Степан, — наконец произнёс он. — У меня до твоих дел интереса нет, а у Милославского он будет. Посему бери своего приказчика-рассказчика и где-нибудь его спрячь, чтобы о том никто не проведал. Иначе будет беда. А теперь поскорее исчезните оба.

– 4 –

Савва жил в осадной избе Твёрдышева добровольным затворником, лишь по утрам и вечерам позволял себе прогуливаться по крыльцу, после чего удалялся в свою комнату, где, перекрестившись на образ святого Луки, одного из евангелистов, брал в руки свежеочинённое перо, окунал его в чернильницу и приступал к работе по переписке очередной страницы «Казанской истории». Хозяин его не торопил, но иногда заходил в комнату и давал Савве переписать какую-нибудь срочную деловую бумагу, и, пока грамотей трудился, Степан Ерофеевич проглядывал готовые страницы книги и, по его виду, был доволен.

Таким умиротворённым и довольным своим бытиём Савва давно себя не ощущал. У него была крыша над головой, хорошая еда, и, самое главное, он занимался любимым делом не из-под палки, а по своему хотению. Работал он не спеша, сначала по несколько раз перечитывал отрывок из книги, размышлял над содержанием, и когда проникался духом и буквой славных казанских дел царя Иоанна Васильевича, то приступал к бережному и тщательному письму. За работой он не замечал ничего вокруг себя, поскольку мыслью был далеко от твёрдышевской избы, над стенами Казани, и внимал звукам кровавой сечи, плачу татарских жёнок и маститых старцев о погибели Казанского царства. Видя пред собой столь великое и ужасное, Савва сострадал душой несчастным, и его очи застилали слёзы. Ключница Потаповна однажды застала его таким и спросила, над чем он плачет. Савва прочитал ей отрывок из книги, и она

пригорюнилась, ей стало тоже жаль людского горя, а сам переписчик ей показался человеком не от мира сего.

— Ах ты, блаженненький! — молвила старуха. — Пойдем, я тебя ушицей попотчую.

С той поры она стала относиться к Савве по-родственному, справила ему две новые рубахи из тонкой крашенины, привела посадского сапожника, и тот снял с него мерку, чтобы стачать новые сапоги, старые пугали Потаповну своим видом, когда она натыкалась на них в сенях. Словом, зажил Савва у Твёрдышева так хорошо, как раньше никогда не живал, ни о чём, кроме своей работы, не думая. Лишь иногда ему на ум приходил Максим, и он жалел парня, который отправился прямо в логово страшного вора Стеньки Разина и легко мог навсегда там сгинуть.

О синбирских делах он узнавал от Потаповны. Та, прослышав о приезде нового воеводы, не поленилась одеться по-праздничному и сходить на Соборную площадь, где своим острым взглядом высмотрела, кто таков князь Милославский. И он ей не приглянулся: мелковат для воеводы, но на диво спесив. Это не редкость, заключила много чего повидавшая на своём веку Потаповна, спесь росту да ума не прибавит, а в яму подтолкнёт, хотя нет мне до этого дела, я не воеводская, а твёрдышевская. Степан Ерофеевич на слова своей кормилицы промолчал, но подивился её нескудеющему уму, а Савва выслушал и забыл, воеводы его не занимали.

— Я в тебе не ошибся, Максим, — похвалил Твёрдышев, когда они зашли в сени его избы. — Слово ты держишь, перед Бухвостовым не открылся.

— Что тут мудрёного, сразу объявил, что я твой человек, стрельцы и поутихли.

— При Савве помалкивай, — сказал Твёрдышев. — А сейчас ступай за мной, ты же голоден.

— Сутки не ел, — признался Максим. — Львовский приказчик на дорогу даже сухаря не дал.

Они прошли в комнату. Степан Ерофеевич кликнул Потаповну и велел ей принести еды. Старуха остро глянула на незнакомого парня, ушла на кухню и вскоре принесла большую миску рыбы, хлеб и квас в кувшине. Пока Максим ел, Степан Ерофеевич рассматривал его и размышлял, как дальше с ним поступить. Парень на поверку оказался смелым и смышленым, в таком человеке он нуждался.

— Как там Разин? — спросил Твёрдышев, когда Максим после еды напился кваса. — Отдал ему грамотку?

— Вестимо, отдал, хозяин, из рук в руки. А сам Разин страшный человек, в другой раз я к нему не пойду.

— Что так? — Твёрдышев подвинулся к парню ближе.

— Московских стрельцов поубивал, начальных людей астраханских на крючьях и кольях развесил. Грозит на верховые города после Астрахани идти.

— Значит, он сейчас на Низу? — уточнил Твёрдышев.

— Пока там лютует, — сказал Максим. — Но скоро будет здесь.

— Ответной грамотки от него не было?

— Сказал, что скоро сам будет в Синбирске, тогда и переговорит с тобой. Но ты, Степан Ерофеевич, ему не верь. Я видел его вблизи, он такой... — парень умолк и закрыл глаза.

— Ну и какой он, Разин? — спросил Твёрдышев.

— Он поглядит, как будто пригвоздит. От него веет могильной сыростью...

Твёрдышев встал, прошёлся по комнате, поправил пламя лампадки на божнице и повернулся к Максиму.

— О том, что был у Разина, молчи до самой своей кончины. Может, так до неё и доживёшь. Знак у тебя? — Максим снял с шеи разинский знак и протянул хозяину. — Значит, таки помог он тебе добраться до Разина?

— Этого знака все боятся. Когда сюда шли, налетали на нас воры, а увидят знак, так сразу прочь ноги уносят.

— Я своё слово держу, — сказал Твёрдышев. — С сего дня ты мой приказчик. Жалованье тебе отмериваю двадцать четыре рубля в год. Доволен? — Максим вскочил с лавки и, упав на колени, ткнулся лбом в пол. — Из дома не выходи. Савве о Разине ни слова.

Твёрдышев ушёл, а после в комнату заглянула Потаповна.

— Что сидишь, как сноп на меже? Ступай к Савве, он тебя поджидает.

Увидев Максима, переписчик отложил перо в сторону и вскочил со скамейки. На его лице отразилось всё, что он испытывал к парню, с которым его свела судьба на пути в Синбирск.

— Эх, Максимушка! Куда же ты запропал? Я пытал Твёрдышева, где ты, а он говорит, что услал тебя по торговым делам.

— А ты как, Савва? — Максим не смог сдержать улыбку, глядя на хлопотавшего вокруг него дорожного приятеля. — Вижу, обжился, чисто одет, да никак и раздобрел.

— Это всё Потаповна, балует меня пирогами со всячинкой. Как тут не раздобреть, от таких милостей! Да ты садись, вот хоть на лавку.

Максим сел возле стола, на котором лежали бумаги. Взял в руку грамотку, посмотрел и положил.

— От Автонома, с Теши, грамотки не было? — спросил он дрогнувшим голосом.

— На днях был у Степана Ерофеевича гость, а откуда он, не ведаю, — сказал Савва. — Ты, видно, про Любашу весточку ждёшь? — Максим не ответил и пригорюнился, ему вдруг показалось, что вести с Теши худые и от него что-то утаивают. На душе у него стало хмарно и холодно, он посмотрел на Савву, и тот забеспокоился. — Не горюй, вот хозяин придет, и спроси его всю правду. А ну-ка, подвинь ноги, — Савва наклонился, начал шарить под лавкой и вынул оттуда небольшой кувшин. — Потаповна мне примочки на спину сделала и забыла. А я грешным делом смолчал. Давай по малой чарочку за твой приезд. У меня и сухари есть.

Вино ещё больше отяжелило душу Максима ощущением пустоты и одиночества, от которого ему не суждено будет избавиться до конца дней своей жизни.

— Скажи, Савва, почему в людях нет друг к другу братолюбия?

От таких слов переписчик чуть не подавился сухарём, который мусолил в беззубом рту, наслаждаясь его сладостью.

— Ну, ты и спросил! Откуда же мне знать сие? Зрю, парень, что ты крепко изменился за нашу разлуку. Где же ты был, коли так заговорил?

— Я был там, где нет Бога, — тихо произнёс Максим.

— Кого нет? — поперхнулся сухарём монах. — Бога?.. Как же так... Бог, он везде...

— Если бы он был везде, то и неправды на земле не было бы.

Возразить на эти слова Савве не пришлось: скрипнула дверь, и на пороге встала Потаповна.

— Иди, парень, тебя Степан Ерофеевич кличет, — сказала старуха, пристально глядя на кувшин и признавая в нём своё утраченное добро.

Максим вошёл в горницу, там за столом сидел Твёрдышев, который указал ему на место возле себя.

— Одно своё обещание я выполнил, — сказал он. — Ты — приказчик. Теперь про другое. Автономова на Теше больше нет. Прибегал с тех краёв верный человек и донёс, что моего названного брата взяли и увезли в оковах в Москву. Посему и о Любаше твоей я не ведаю, — Максим ожидал услышать худшее, но это известие не лишило его надежды, поэтому слова Твёрдышева он воспринял сдержанно и продолжал выжидающе глядеть на хозяина. — Из Синбирска тебе нужно на время удалиться, — сказал Степан Ерофеевич. — Бухвостов о тебе может вспомнить, да и князь Дашков не сдержан на язык. Мне нужно знать, что на Теше. Как поступить?

— Я готов туда идти хоть сейчас.

Степан Ерофеевич цепким взглядом окинул парня и усмехнулся.

— В такой одежке ты далеко не уйдёшь. По ней сразу видно, что ты не приказчик, а беглый. Человек Твёрдышева должен смотреться по-другому, соответствовать моему званию купца гостиной сотни. Возьми на лавке то, что тебе Потаповна припасла — однорядку, шапку, штаны да рубаху. И кошелёк не вырони, там хоть и небольшие деньги, но тебе без них нельзя, — Максим встал и взял одежду в охапку. — Пойдёшь не сейчас, а сегодня, когда стемнеет, — сказал Твёрдышев. — Ложись спать, я тебя подниму.

В комнате, которую показал Максиму хозяин, было прохладно и тихо, и сон сморил парня сразу, как только он коснулся головой подушки. Снилось ему, что он в струге, стоит перед Разиным, а тот укоризненно и грозно вопрошает: «Между двух огней хочешь выжить?..» Атаман мановением руки подзывает к себе Чикмаза и указывает на Максима. Палач намеревается схватить его, но появляется Любаша и заслоняет от Стеньки широким рукавом своего летника, и вот они уже на берегу Теши, близ кузни, сидят на траве, а из монастыря по воде доносится звон колоколов.

— Я вижу, ты не будился, — сказал Твёрдышев. — Нам пора, — в комнате было темно, Максим ощупью нашёл новую одежду, оделся, обулся и пошёл следом за хозяином. На крыльце Степан Ерофеевич протянул ему небольшую суму. — Потаповна собрала тебе в дорогу. Ступай за мной и, если с кем столкнёмся, молчи.

Калитка в Казанских воротах была открыта. Они вышли из неё, повернули к Волге и скоро достигли края обрыва, где, держась руками за ветки кустов, начали спускаться вниз. Вокруг было темно, под ногами, шурша, осыпалась глина, но Степан Ерофеевич знал дорогу и саженей через двадцать остановился и стал оглядываться вокруг.

— Вот приметь этот кол в земле и рядом с ним камень, — сказал хозяин. Сделав два шага вниз, к Волге, он склонился, пошарил, разгребая траву, и поднял тяжёлую крышку.

— Что здесь? — спросил Максим.

— Это лаз в крепость. Его сделали ещё первые строители Синбирска, но потом, за

ненадобностью, забыли. О нём ведают лишь воротник Федька, я, а теперь и ты.

— А где он выходит?

— В сторожке воротника, — Степан Ерофеевич положил крышку на место. — Запомни это место. Может случиться так, что он тебе пригодится. Но о потайном ходе никому не говори. Отсель дорогу на андреевскую мельницу отыщешь?

— Мимо не пройду.

— Тогда в путь, — сказал Твёрдышев. — Меня Милославский от себя не отпустит, и я в любом разе буду здесь.

Они влезли на гору и добрались до Крымских ворот, где и расстались. Максим закинул на плечо суму и, чутко прислушиваясь, чтобы обойти встречных, пошёл к Свияге. На посаде было темно, синбиряне жили по солнцу: в вечерних сумерках укладывались спать и просыпались, едва только забрезжит утро. Половинка луны осветила Максиму путь, он набрёл на натоптанную тропу и пошёл по ней среди кустов по крутому склону к реке.

Мельница встретила его ровным шумом воды, изливающейся из верхнего пруда по отведённому от мельничного колеса жёлобу вниз. Она не работала, на плотине было ветрено, время от времени слышался раздражающий скрип ржавых петель незапертой двери.

— Я уже наскучил тебя поджидать, Максим, — раздался молодой голос.

— Это ты, Ермолай?

— Кому же ещё быть? — из-за колеса вышел мельников сын. — Отец велел проводить тебя, и вот я здесь.

— Где мой конь?

— Пойдём, поглядишь.

Они прошли по плотине на другой берег реки. Ступая по чавкающей болотине, достигли сухого и твёрдого места, на котором росло два больших осокоря, к одному из них был привязан конь.

— Это не мой Соловый, — удивился Максим.

— Степану Ерофеевичу твой конь не показался, — сказал Ермолай. — Он дал тебе своего со всей справой. Видно, полюбился ты ему. Я слышал, ты уже приказчик?

Последние слова мельникова сына Максим оставил без внимания. Он отвязал от дерева коня и вывел на светлое место. Это был низкорослый жеребец ногайских кровей рыжей масти.

— Как его кличут?

— Уголёк. Покойный жеребчик, я на нём проехался, не тряско, — сказал Ермолай. — Я пойду, скулы от зевоты выворачивает, так спать хочу.

Уголёк был оседлан, Максим сел на него и поехал искать Московскую дорогу, которая начиналась недалеко от мельницы. На Синбирск он даже не обернулся.

– 5 –

Через несколько дней Максим добрался до Теши. В сельцо он не поехал, обошёл стороной и, выждав в лесу до наступления вечерних сумерек, осторожно приблизился к своей брошенной кузнице. Некоторое время Максим приглядывался к ней, не занял ли кто его место, но сруб был пуст, об этом говорило и то, что возле дверей разросся молодой бурьян, трава вокруг была немятой, и большая жердь, которую он оставил прислоненной к стене, так и стояла до сих пор.

Максим привязал коня к дереву и, осторожно прислушиваясь, подошёл к кузне. Дверь в неё была чуть приоткрыта, он принюхался: пахло давно сгоревшими углями и сыростью. Он распахнул дверь и присел в испуге. Что-то прошуршало мимо него над головой, едва не задев шапку. «Непотырь», — понял Максим и перевёл дух.

Он подошёл к горну, наложил на него растопку и запалил небольшой костерок. Пламя осветило закопчённое нутро сруба и широкую лавку, на которой лежали старые овчины. Максим осмотрелся и решил пойти к коню, подвести его к избе и вдруг услышал, как кто-то негромко произнёс его имя.

— Кто здесь? — спросил Максим и взялся рукой за нож, что был у него под однорядкой на поясе.

— Это я, Егорка, — куча рваных овчин зашевелилась, из неё высунулось улыбающееся мальчишечье лицо.

— Ты что, пострелёнок, здесь делаешь? — Максим подхватил парнишку и прижал его к себе. — Почему не у людей, в Воздвиженском?

— Худо мне там, — пробормотал, всхлипнув, Егорка. — Хозяин бьёт, кормит помоями...

— Погоди, — сказал Максим, опуская сироту на лавку. — Я сейчас вернусь, — он привёл коня, привязал его около двери, взял суму и вошёл в кузню. — Не забывай,

Егорка, свою работу, — сказал он, протягивая парнишке сухарь. — Бери ведёрко и дуй на речку за водой.

Тем временем Максим достал из сумы сухари, толокно, вяленого леща. Егорка накинулся на толокно и трескал его за обе щёки. Максим поглядывал на него с участием, сиротство ему было ведомо не понаслышке, и его по-малолетству унижали и били чужие люди, пока он не повзрослел. «Надо помочь мальцу, — подумал он. — Здесь ему житья не будет». Егорка наелся и повеселел.

— Хорошо с тобой, — сказал он. — Ты больше никуда не уходи.

— Завтра мы вместе уйдем отсель. Мне здесь оставаться нельзя.

— Куда мы пойдём?

— Вот я и хочу от тебя узнать, куда нам идти, — сказал Максим. — Говори, что знаешь про Любашу? Где она на себя руки наложила?

— Окстись, дядька Максим! — вскричал Егорка. — Жива Любаша! Вместе с барыней живёт в монастыре.

— Повтори, что ты сказал! — потребовал взволнованный до глубины души Максим, ещё не веря счастливому известию о своей суженой.

— Она в монастыре с барыней с тех пор, как ты ушёл.

— А где барин? — просил Максим.

— Сидит в усадьбе. Мужики говорят, что вино лопает.

— Ты меня, Егорка, оживил. Ведь я своими ушами слышал, что Любаша кинулась в Тешу. А теперь ложись спать, завтра мы пойдём в монастырь.

— Значит, и я с тобой пойду? — переспросил парнишка. — Не забудешь меня взять?

— Не забуду. Ступай под овчину на лавку.

Егорка быстро угомонился, а Максим заснул нескоро. Пылкое воображение рисовало ему встречу с Любашей самыми радужными красками. «Возьму её, уйдём в Синбирск к Твёрдышеву и заживём вольными людьми, — думал он, перелистывая мысленно ещё не написанную книгу своего будущего. — Будет у нас всё как у людей — свой дом и сытая жизнь...»

Максим проснулся в утренних сумерках, вокруг было влажно от тумана и мелкого моросящего дождя. Егорка спал рядом, прижавшись к нему худеньким тельцем. Максим поднялся с лавки и вышел в дверь. Уголёк встретил хозяина тихим ржанием.

— Что, измок насквозь? — Максим отирал соломой мокрую спину коня. — Вот придём в монастырь, куплю тебе на торге овса. Молодец, заслужил...

Егорка сидел на лавке и вопрошающе смотрел на Максима.

— Что раскачиваешься? Собирайся! Или не пойдёшь со мной?

— Как не пойду! — обрадовался малец. — А собирать мне нечего, я весь тут.

— Будет срок, разживёшься. Захвати мою суму!

Оседлав коня, Максим повёл его к реке. Через Тешу они переплавились где вброд, где вплавь, придерживаясь руками за Уголька. На берегу сняли с коня свою одежду, оболоклись, Максим сел в седло, а Егорку посадил впереди себя. И они тронулись в путь, сторонясь проезжей дороги, напрямик через лес, по тропке, наторённой к монастырю богомольцами. По пути им никто не встретился, и Максим счёл это за удачу. Он не хотел, чтобы в Воздвиженском стало известно о его появлении, барин Шлыков вполне мог устроить на беглого холопа облаву, как на дикого зверя, для этого у него были дворня и собаки.

Выйдя из леса, они сразу увидели монастырь и рядом с ним немноголюдный торг, к которому и направил Максим своего коня. Чтобы не привлекать к себе взглядов, остановились, не доехав до торга. С конём остался Егорка, а Максим, надвинув на брови шапку, пошёл к людям. Летом большой торговли не было, предлагали лишь то, что пользовалось спросом круглый год: соль, мыло, ткани, ленты всяких цветов, скобяные товары.

Проходя мимо рядов, Максим оглядывал торговцев, но человека Евсеева не встретил, а наткнулся взглядом на монастырского работника Спирьку. Тот тоже его узнал и поспешил навстречу, опираясь рукой на палку.

— Ты, Спирька, всё здесь обретаешься? А я думал ты на Волге.

— Рад бы бежать, да нога подломилась, — сказал Спирька. — Неделю как лубки с голени сбросил. А ты как? Всё в своей кузне?

Максим взял Спирьку за рукав и потянул в сторону от людей.

— Я наши разговоры помню, — сказал Максим. — Ушёл я по весне от своего барина.

— Вон как! — воскликнул Спирька. — Не похоже, что живёшь в лесу, справа на тебе богатая, видно, не голодаешь.

— Повезло мне. Я сейчас в приказчиках у гостя Твёрдышева. Слышал про такого?

— Откуда мне слышать? — ухмыльнулся Спирька. — Я с гостями не возжаюсь. У

меня дружбаны — Филька Косой, Аниска Мёртвый да Петька Гусак. Надо их про твоего хозяина спросить, они близ большой дороги живут да промышляют, может, они ведают. А ты зачем сюда явился?

— Торгового человека проведать, Автонома Евсеева. Знаешь такого?

— Как не знать, да только живёт он сейчас в московских каменных палатах, а прислуживают ему дьяки да палачи.

— Близкие Евсеева целы? — спросил Максим.

— Сына Ефимку с отцом на одних дровнях в железах увезли. Жена с дочерью не ведаю где, но пропали. Видать, к своим раскольникам подались. Да что их жалеть? Сами свою долю искали и нашли. Вот ты что ищешь?

— Барыню Шлыкову найти надо, у ней в сенных девушка Любаша.

— Вон как! — рассмеялся Спирька. — Знаю её. Хороша девка, да не для Спирьки-обсевка, а приказчику в самый раз!

— Как она там?

— Не ведаю. Может, и горюет, но спит на мягком, ест с барыней. Я её только в храме на службе зрю.

— Ты и в храм ходишь? Такому балагуру там вряд ли место.

— Может, и не ходил бы, да нельзя не ходить, — посерьёзнев, сказал Спирька. — Того, кто от службы отлынивает, монахи держать и кормить не будут. Вот встану на обе ноги и уйду отсель на Волгу.

— Где в монастыре покои Любаши? — спросил Максим.

— Ты что, уводом её хочешь взять? — сказал Спирька. — Что ж, дело молодецкое, только сам ты её не отыщешь.

— Проведи меня к ней.

Спирька задумался, затем улыбнулся и отшвырнул подпорку, что держал в руке.

— Сманил ты меня, парень, на лихое дело, — он притопнул внезапно вылеченной ногой. — Сегодня не получится, провожают рязанского архиерея, вся монастырская дворня на ногах, смотрят, как цепные псы, и нам проходу не дадут. Пойдём завтра на утренней зорьке. Я своих дружбанов прихвачу. У тебя есть где заночевать?

— Я не один, — сказал Максим. — Со мной сирота, мой подручный на кузне.

— У моих ребят места хватит. Забирай мальца и пойдём.

Изба Спирькиных дружбанов была на дальнем краю слободы за высоким забором из сосновых кольев, чем напоминала укреплённый острожек.

— Глянь с коня, видишь ли кого? — спросил Спирька.

— Пусто, — ответил Максим. — Рядом со срубом избушка, из неё дымок вьётся.

— Он всегда вьётся, — усмехнулся Спирька и начал стучать ногами в крепкую калитку. Через минуту к ней подбежал пёс, начал лаять, затем послышался голос:

— Кого черти средь бела дня принесли?

— Открывай, Манька, свои! Да пса уйми, со мной чужие люди, — сказал Спирька и подмигнул Максиму. — Жёнка — огонь, сам увидишь.

Калитка открылась и перед незваными гостями предстала Манька, молодая жёнка в просторном летнике, который не скрывал её могучей стати. В ней всё было крупно: и голова, и руки, и ноги, и туловище.

— Челом, красавица! — произнес Спирька. — Мои дружбаны живы?

— Живы. А это кто?

— Люди свои. Такие же сироты, как и я, — сказал Спирька. — Заночуют, а завтра уйдут.

— Я с постояльцев живу. Кто платить будет?

— Жадная ты. Возьми за их постой меня на всю ночь и делай со мной, что похочешь.

— Баловник ты, Спирька, — Манька шагнула вперед, подхватила его и взметнула вверх. — Я тебя, сластника, сейчас в лыву закину!

— Спасите, люди добрые! — дурашливо завопил Спирька. — Максимка, пощекочи жёнку за бока, она от щекотки разом силы лишается!

На шум из избы вышел тощий мужичонка и злобно проверещал:

— А ну, угомонитесь! А тебя, Марья, я что, давно не учил? По битью соскучилась?

Жёнка враз присмирела, поправила сбившийся повойник и пошла прочь от калитки.

— Кто это? — спросил Максим.

— Филька Косой, — шепнул Спирька. — Манькин супруг, страсть лютый махор. У тебя деньги есть?

— Есть немного, — ответил Максим. — А зачем?

— Попотчуй винцом братанов, станешь им другом. Они тебе пригодятся. Может, твою суженую придётся силой из монастыря брать. Деньги давай здесь, чтобы никто твоей казны не видел, — Максим отступил за забор, вынул двугривенный и протянул

Спирьке. Тот его живо схватил, сунул за щёку и взял коня за повод. — Пошли! И ты, малец, не отставай.

Кроме Фильки Косого, в избе были Петька Гусак и Аниска Мёртвый. Появлению новых людей, предчувствуя гулеваньеце, они обрадовались.

— А где, Спирька, твоя клюка? — спросил Гусак. — Утром ускакал к монахам на одной ноге, а к обеду вернулся на двух да с гостями. Кто тебя на обе ноги поставил?

— Да вот он, — сказал Спирька, указывая на Максима. — Знакомьтесь, а я пока с Марьей пошепчусь.

— Нечего с ней шептаться, — проворчал Косой. — Давай деньги, я сам вина принесу.

— Ну, уж нет, — возразил Спирька. — Я давече тебе деньги отдал, так она меня так по спине треснула, что до сих пор болит.

Жёнку искать не пришлось, она явилась сама с лукошком огурцов, поверх которых лежало несколько ломтей хлеба.

— Возьми у Спирьки деньги и принеси вина, — распорядился Филька Косой. — И не вздумай отхлебнуть из кувшина!

— Счас исполню, Филимон Иванович, — сладенько вымолвила богатырша и, взяв двугривенный, вышла из избы.

— Бери, Егорка, огурец, — сказал Спирька. — Похрумкай с хлебцем, а то расхватают, и не достанется.

Егорка взял огурец, горбушку ржанины и сел на лавку. Мужики выжидающе смотрели на Максима.

— У этого парня к нам дело? — сказал Аниска Мёртвый. — Или он к тебе, Спирька, приблудился?

— Мы с ним зимой тележку игумену делали, с тех пор его и знаю. А теперь он пришёл вызволить свою суженую, девку боярыни Шлыковой. Как, пособим?

— Девка — пустяк! — заявил Петька Гусак. — Из-под боярыни мы её быстро опростаем, вот до самого Шлыкова добраться надо да вздёрнуть его на осине.

— У боярского сына, слух есть, денег немеряно, серебра да золота, — мечтательно произнёс Аниска Мёртвый. — Вот бы мы, дружьё, разгулялись! Властям сейчас не до нас, давече на торге взяли одного с прелестной грамоткой Степана Разина.

— Когда это Разин сюда явится! — возразил Косой. — Может, он так и будет на Низу гулять.

— Степан Тимофеевич непременно явится, — сказал Максим, и в избе стало так тихо, что все услышали, как с потолка на стол шлёпнулся таракан и зашуршал, убегая, ножками по скоблёной доске.

— А тебе, парень, откель ещё ведомо? — грозно спросил Гусак. — Коли соврал, то повинись, а то у нас каждое слово к ответу.

— Мне сам Степан Тимофеевич про это сказал, — спокойно ответил Максим. — Я в мае был у него под Царицыным и на Чёрном Яру.

— Врёшь! — одновременно выдохнули Гусак и Мёртвый и стали приближаться, сжав кулаки, к Максиму. Так же одновременно они кинулись на него, но сильный парень оттолкнул их от себя с такой мощью, что они спинами впечатались в стену избы и затихли.

— Вот дураки! — сказала всё это видевшая Манька. — Что, как псы, на гостя кинулись? Вы расспросите его и по словам поймёте, врёт или говорит правду. А теперь садитесь за стол.

Мужики стали слушать Максима, позабыв про пированье. Весть о Стеньке Разине хмелила их головы покрепче самого крепкого зелена-вина. Каждое слово, сказанное Максимом, капало на души этих людей раскалённым оловом. Максим закончил своё повествование, и в избе воцарилось молчание. Первым очнулся от очаровывающей разум были Аниска Мёртвый.

— Верю каждому твоему слову, братан, — вымолвил он дрожащим от волнения голосом. — Такого выдумать нельзя.

— Я и не выдумываю, — сказал Максим. — Всё это правда, а что делать с ней, решайте сами.

— Так говоришь, что Разин пойдёт на верховые города? — спросил Гусак.

— Не раз слышал об этом от него самого.

— Тогда нам надо идти на Волгу встречать атамана. Ближе всех отсюда нам Синбирск, туда и направимся. И тебя, парень, с собой повезём. Не придёт Стенька, головой ответишь.

— Что моя голова? Мне Любашу вызволить надо.

— Это для нас не работа! — зашумели гулёвые люди все разом. — Завтра и опростаем твою девку из монастыря.

– 6 –

Максим проснулся рано, поднял голову и огляделся вокруг. Ватажники вповалку спали на полу, дверь была открыта, в избу тянуло сырым воздухом, и было слышно, как хозяйка доит корову: молочные струи швыркали о дно и бока липового подойника. Егорка будто поджидал, когда проснётся Максим, открыл глаза и сел на лавке.

— Дядька Максим, — жарко зашептал он. — Ты уходишь с этими, а как я? Возьми и меня с собой.

— Забудь и мыслить об этом, — буркнул Максим, но задумался. Мальца надо было куда-то определять на жительство. Он встал, погрозил собравшемуся следовать за ним Егорке пальцем, вышел во двор и огляделся.

День обещал быть светлым и жарким, солнце показало из-за ограды золотисто-рыжую верхушку, легкий ветерок едва шевелил листья на деревьях. Максим заприметил в огороде бочку, прошёл к ней и окунул в воду голову, отряс её, отжал бороду и почувствовал рядом чьё-то горячее дыхание.

— Испей парного молочка, — сказала Манька, протягивая подойник.

— Всю душу промыл от сухоты, благодарствую.

— Да ты вина и не пил, — усмехнулась хозяйка. — Сразу видно, не из нашенских питухов, те, пока не упадут, всё лопают. Ты ведь не женат?

— Пока нет. А что?

— Гляжу, мальца за собой водишь чужого, — сказала Манька. — Тебе он всегда обуза, отдай его мне. Для сына он велик, а в племянники моему Фильке как раз годится. Ну как?

— Я бы его здесь оставил, — подумав, ответил Максим. — Но где мне взять веру, что здесь мальцу будет несолоно?

— Был у меня сынок Архипушка, — печально вымолвила хозяйка. — Сгорел от простуды, а я с тех пор впусте хожу. Мальца не обижу, хочешь, перед Николаем Угодником дам зарок?

— Вижу, что ты добрая жёнка, — сказал Максим. — Приведи мальца.

Манька, забыв подойник, над которым уже начала виться мошкара, убежала в избу и скоро вынесла оттуда на руках испуганного Егорку.

— Хозяйка просит тебя остаться у неё, — сказал Максим. — Она обещает быть тебе матерью, доглядывать за тобой, беречь... Идти тебе за мной, Егорка, нельзя. Я не ведаю сам, где завтра голову преклоню.

Малец заморгал, затем из глаз по щекам потекли крупные слезы.

— Вот беда! — жалобно воскликнула Манька. — Долгие проводы, долгие слёзы. Ступай отсель поскорее, куда наладился! — и, укачивая на руках, как малое дитя, она понесла Егорку в свою избу.

Уголёк заждался хозяина и приветствовал его весёлым ржанием. Максим похлопал коня ладонью по холке, снял с жерди седло, закинул ему на спину, подтянул подпруги и повёл к калитке, возле которой собралась Спирькина ватажка.

— Ты, Спирька, иди с Максимом передом, — сказал Гусак. — А мы двинем вдогон. Сойдёмся возле трапезной.

В монастыре утреню уже отслужили, монахи и послушники разбрелись по работам, и в обители было безлюдно. Игумен и другие надзирающие за порядком чины, проводив рязанского архиерея, позволили себе расслабиться и пребывали в своих кельях.

— Как пойдём за девкой? — спросил Аниска. — Скопом или по одному?

— Не надо шума, — сказал Максим. — Сначала нужно сведать, как она. Ты, Спирька, веди меня в палаты, а остальные пусть ждут здесь.

Приезжие богомольцы, стекавшиеся в монастырь, те, кто был побогаче и познатнее, помещались в левой стороне большой избы на каменной подклети, и вход туда был с отдельного крыльца. Максим и Спирька поднялись по нему к двери и, осторожно ступая по ступеням лестницы, поднялись наверх. Кельи располагались по обеим сторонам просторного прохода. Максим вопрошающе глянул на спутника, и тот поманил его за собой. Спирька останавливался, прислушивался, наконец, указал на нужную дверь.

— Она тут.

— Жди меня здесь, — прошептал Максим и чуть приоткрыл дверь, из которой на него сразу дохнуло запахом лекарственных трав и сгоревшего лампадного масла.

Просторная келья была разгорожена тканевой занавесью, близ окна стоял стол, за которым спиной к двери сидела девица в чёрном одеянии и чёрном платке.

— Любаша, — тихо позвал Максим.

Девица вздрогнула, резко обернулась, попыталась приподняться, но не смогла, бедняжка сомлела от неожиданности и поникла. Максим успел поддержать её, при-

жал к себе и заглянул в бледное запрокинутое лицо. Его до рези в сердце поразило, как изменилась Любаша. Она похудела, прежняя розовость щёк и губ сменилась нездоровой синевой, нос заострился, глазницы впали, и от них разбежались морщинки.

— Любашенька, — прошептал Максим. — Я пришёл за тобой, — она распахнула задрожавшие ресницы, охнула и прослезилась. — Не горюй, — ласково сказал Максим. — Бежим отсюда, пока никого нет.

— Тише, барыня почивает за занавесью. Сон у неё чуткий.

— Так поторапливайся. Нужно уходить без шума, чтобы не было скорой погони.

Любаша сняла с головы платок и стала укладывать умилившие Максима девичьи мелочи: ленты, пуговицы, гребни для расчёсывания волос, цветные нитки, иголки, маленькие ножницы и короткую нитку жемчуга, хозяйкин подарок. Неожиданно из-за занавеси раздался хриплый, прерывающийся кашлем голос:

— Любка, подай питьё, — Любаша ушла к барыне, послышались тихий звон чарки о поднос, журчание влаги и кашель. — Кто у тебя там? — спросила барыня Шлыкова. — Ну-ка, отведи занавес.

— Я одна.

— Не лги! Придержи меня, крепче придержи...

— Беги, Максимушка! — вскликнула Любаша, но парень остался стоять, будто прирос к полу.

Сорванный занавес упал, и на него встала разбитая водяной болезнью старуха. Одной рукой она опиралась на палку, другой повисла на девице.

— Так это ты, беглый холоп! — прохрипела барыня. — Люди, ко мне! Взять его! Взять!

— Беги, Максим! — взмолилась Любаша.

Этот возглас подтолкнул парня к действию, он отстранил Шлыкову, подхватил Любашу на руки и быстро выбежал из кельи.

— Взял-таки девку! — восхитился Спирька. — Ну, теперь, брат, бежим! — они торопливо спустились по лестнице и выбежали на крыльцо. — Скорее на коня! — крикнул Спирька. — Жди нас на тропе, что ведёт на Тешу.

Максим вскочил в седло и посадил обеспамятевшую Любашу впереди себя. Резвый Уголёк скоро вынес их из монастырских ворот, они промчались мимо торга, оставив позади себя изумлённые вопли людей, и устремились к близкому лесу.

Проехав по тропе с версту, Максим свернул в сторону и остановил коня на солнечной полянке возле широко разросшегося дуба. Придерживая Любашу, он сошёл на землю, затем снял девицу и положил на траву. Она была бледна, и только редкое дыхание подсказывало, что в ней ещё теплится жизнь. «Опоздал я к ней, — с горечью подумал Максим. — Она почти уморила себя своим горем. Может, и опоздал к ней на те дни, когда ходил к проклятому вору Стеньке Разину». Он с жалостливым любованием смотрел на свою суженую, поглаживая её руки. Любаша открыла глаза и улыбнулась.

— Как здесь вольно дышится, — тихо промолвила она. — Я давно не бывала в лесу, а так любила ходить по ягоды. Здесь, наверное, есть земляника, если только не отошла. Сорви мне ягодку.

Максим прошёлся по полянке, затем опустился на колени и стал шарить в траве руками. Земляника была, он попробовал на вкус: высохла, как сено. С полночной стороны дуба трава была гуще и выше, Максим пополз туда, раздвинул влажные стебли и увидел россыпь крупных и спелых ягод. Он снял шапку и стал собирать в неё землянику, набрал и поспешил к Любаше.

— Как вкусно, — сказала она, попробовав несколько ягод. — Я всегда её любила, особенно с молоком. А ты что не ешь? — и она протянула ему самую спелую и сочную ягоду. Он взял её ртом и поцеловал девичью руку. — Какой мне день сегодня выпал, — сказала Любаша. — Наверное, самый солнечный и счастливый... Что это, дятел?

Максим нахмурился.

— Это наши попутчики идут. Пора собираться.

Ватажники остановились на тропе и переговаривались.

— Вызволили девку, теперь она нам обуза, — проворчал Гусак.

— Они на коне, — сказал Спирька. — От нас не отстанут.

Когда перешли Тешу, Максим догнал ватажников.

— Вон видите кузню? Мы будем в ней. А вы куда сейчас?

Ватажники заухмылялись, парень будто не знал, зачем они сюда явились.

— Заляжем в лесу до сумерек, — хохотнул Косой. — А дальше сделаем так, что вокруг светло, как днём, станет.

Максим зашёл в кузницу, вынес овчину, выхлопал её от пыли об угол сруба, постелил на траву под липой.

— Посиди здесь, — сказал он Любаше. — Я сейчас костерок исхлопочу. Вскипятим водички, у меня толокно есть, рыба.

Любаша с улыбкой наблюдала, как он разжёг бересту и наломанные сучья, сбегал на речку за водой, поставил на огонь. Она была готова от охватившего её счастья заулыбаться, но внезапная боль стиснула нутро, и она закусила губу, чтобы сдержать крик. Во рту стало солоно, Любаша отвернулась и сплюнула кровью.

— Не можется мне, Максимушка, — жалобно сказала она. — Я полежу, а ты ешь, не жди меня.

Он бережно опустил её на овчину и положил под голову свою шапку.

— Спи, — сказал Максим. — Я позже тоже прилягу.

Ватажники шли по лесу, подыскивая себе удобное место для становища. Косой уже бывал здесь и знал, где находится усадьба боярского сына Романа Шлыкова.

— Годите, — время от времени повторял он. — Вот взойдём на увалы, всё будет видно, как на ладони.

Гусак шёл за Спирькой и был недоволен, что тот привёл к ним в ватагу неизвестного человека, который вполне мог принести беду для всех.

— Ты, Спирька, хоть и навроде нашего атамана, но догадка в твоей башке и не почевала, — ворчал Гусак. — Опростали мы для него из монастыря девку, а где для нас выгода? Вечор сунул на всех один двугривенный и расчёлся. У нас раззудилось ретивое, и ещё по алтыну пропили. Выходит, этот Максим всем нам сделал убыток, к тому же с похмелья у меня в голове такое, что будто собаки в ней лают. А теперь с нами не только он, но и свою девку навязал, а с неё проку вовсе нет, дохлая она, сразу видать, не жилица вовсе... А на нём однорядка новая, рубаха, штаны, да в кошельке, вестимо, побрякивает.

— Не зуди, Гусак, — отбрехивался Спирька. — Не во всём надо жить для своей выгоды. Доброе дело, оно и такому, как ты, плуту зачтётся.

— Где зачтётся? Там, что ли? — Гусак топнул ногой о землю. — Что-то я не слышал, чтобы оттуда кто-нибудь являлся в мир с вестями. Ты таких знаешь?.. Так и помалкивай, доброхот!

Вскоре ватажники вышли на увал, поросший высокими прогонистыми соснами, между которыми стояли небольшие осины и рябины. В распадке сыскался родничок, ватажники расположились вкруг него, вынули каждый свой сухарь, обмакнули в воду и стали полдничать. После разлеглись на хвойном насте и стали подрёмывать, и только Фильке Косому не лежалось, он поднялся повыше и принялся выглядывать, что делается в шлыковской усадьбе.

Долгое время она была пуста, но затем к воротам подъехал человек в господской одежде, к нему выбежал мальчонка, отодвинул одну створку ворот. «Барин приехал!» — понял Косой. Шлыков тяжело слез с коня и сел возле крыльца на лавку. От амбара к нему поспешил старик, сняв шапку, стал слушать, что ему выговаривает барин. «Добро, — подумал Филька. — Все на месте, тут-то мы хозяина и приказчика накроем разом, чтобы все захоронки выведать». Он сошёл вниз к товарищам, лёг, подложив под голову шапку на захвоенную землю.

— Что там? — тихо спросил Спирька.

— Оружных людей не видно. Барин на месте.

— Дождёмся потёмок и пойдём, — зевнув, сказал Спирька. — Дремли, брат, пока время есть.

На закате ватажники собрались на верхушке увала и стали жадно, как псы, глядеть на шлыковскую усадьбу, которую медленно окутывал вечерний сумрак. Там стало люднее, с Туга пригнали коров, и две жёнки начали их доить, задымилась поварня, и вокруг неё засуетились люди. Девка снимала с жердей высохшую одежду, конюх подвёл коня к пруду и начал его скрести и поливать водой.

— Пора! — объявил Спирька, и ватажка стала спускаться с увала к усадьбе. Каждый из ватажников был вооружен большим ножом, который ему уже приходилось пускать в дело. Кровь была им привычна, а свои жизни они не ставили и в полушку.

Ограда для них не стала препятствием, кряжистый Аниска Мёртвый выворотил кол, и они побежали к самой большой господской избе. Навстречу выскочил громадный, задыхающийся лаем пёс, но Косой огрел его по спине березовым дрыном, и он, скуля, пополз на брюхе в сторону. Ватажникам помог открыть дверь караульщик: он выскочил на крыльцо проверить, что за шум во дворе, и его тут же ударом ножа поддых уложил насмерть Гусак. В потёмках, натыкаясь друг на друга, ватажники полезли по лестнице в горницу, на пороге которой встал боярский сын Шлыков с обнажённой саблей в руке. Спирька заметил его первым и швырнул в барина кругляш железа на короткой цепи. Раздался сдавленный хриплый вой, и вся ватажка оказалась в хозяйской комнате.

— Зажги смольё! — велел Спирька. Гусак взял лампаду с божницы, береста вспыхнула и осветила просторную хозяйскую горницу. Мёртвый подошёл к барину и приподнял его за волосы. — Жив? — спросил Спирька.

— Оклемается, — ответил Аниска Мёртвый. — Воды бы ему в харю плеснуть.

Косой взял со стола кувшин, заглянул в него, понюхал.

— Квас годится?

— Плескай! — велел Спирька.

Квасное омовение помогло, Шлыков захлопал глазами, заозирался. Гусак сгрёб его за рубаху и поставил на ноги.

— Где казна? — рыкнул Мёртвый и ткнул горящим смольцем в бороду боярского сына, но Шлыков был не робкого десятка, раззявил сожженный рот и начал лаяться:

— Не видать вам, холопы, моей казны! Не для того её собирали мои деды-прадеды, чтобы воры растрясли зажитки по шинкам да кружалам!

— Стой, дружьё! — остановил кинувшихся на Шлыкова соратников Спирька. — Ведите сюда приказчика, старый хрыч лучше барина его казну ведает, — Косой и Гусак убежали за приказчиком, а Спирька подошёл к барину. — Придётся тебя, боярский сын, на огонь ставить. Отдай казну по-доброму! — Шлыков отвернулся и засопел. Спирька задумался, с какого края начать поджаривать барина, и вдруг ему почудилось, что в горнице ещё кто-то есть. Он выхватил из руки Аниски смольё и осветил тёмный угол. — Ба! — вскликнул Спирька. — А вы, лебёдушки, как сюда попали? — на широкой лавке сидели две голые девки, от страха они одеревенели и лишь время от времени взмыкивали, пытаясь что-то сказать. — Да ты затейник, Шлыков! — усмехнулся Спирька. — Посвети, Аниска, я им одежонки сыщу.

Девичьи летники были разбросаны по полу, он нагнулся, чтобы их поднять, и в этот миг Шлыков вскочил на ноги и кинулся в дверь, а за ним помчался Аниска Мёртвый. Послышались ругань, возня, а затем глухой удар откуда-то снизу. Спирька подхватил смольё с пола и выбежал к лестнице.

— Аниска! — позвал он. — Где ты?

— Беда! — раздался из подклети голос. — Барин скатился с лестницы и шею свернул.

— Что за беда, шею свернул, — растерялся Спирька. — Неживой, что ли?

— Дух из него вышел напрочь! Что братанам скажем?

— То и скажем! — осерчал Спирька. — Отвечать будешь ты, — он вернулся в горницу, девки уже прикрыли наготу и боязливо жались к стене. — Брысь отсель!

Девки сделали один шажок, другой к двери, а потом будто их ветром вынесло.

— Раздора меж нас не должно быть, — сказал Мёртвый, входя в горницу. — Давай, Спирька, отвечать оба два.

— Добро, — согласился Спирька. — Утраченного не вернуть.

Приказчик Емельяныч от страха обезножил, Косой и Гусак привели его под руки.

— Где господская казна, старый? — спросил Спирька. — Хочешь жить — отвечай!

Емельянычу уже доводилось переживать нашествия воров на усадьбу, и он ведал, что отвечать.

— Кто же укажет захоронку, кроме самого барина? Рассудите здраво, соколики: тайное лишь тогда тайное, когда оно ведомо лишь одному. Роман Иванович не дурак, всё держал в себе.

— А где же барин? — спохватился Гусак.

— Забудь про него, — сказал Аниска. — Думай о казне.

— Ты что, старый, шутить вздумал? — Спирька поднёс огонь к лицу Емельяныча. — Говори, где захоронка!

— Беда мне, — всхлипнул приказчик. — Разоряйте, берите всё, что имею!

— И много ли у тебя?

— Двадцать рублей без малого...

Никто из ватажников и близко возле таких денег не бывал, и они тотчас соблазнились уловкой хитрого приказчика, уведшего их от хозяйской казны, повели Емельяныча в его избу, где он указал, какую половицу надо ломать. Свои зажитки старик хранил в глиняном горшке, завёрнутом в рогожку. Казна ощутимо весила, Спирька взял её в руку и счастливо осклабился.

— Не пуста!

— Эх, соколики! — загундел Емельяныч. — Как же не пуста, в ней шестьсот шестьдесят шесть алтын и две копейки.

Ватажники были довольны, увидев казну, они никуда больше не глядели, только на неё, но Спирька искал на усадьбе и другое.

— Аниска! — велел он. — Держи казну, а ты, старый, укажи нам оружейный амбар и конюшню.

Емельяныч подвёл ватажников к амбару, отпер его, и все стали выбирать оружие. Пищали, с ними мороки много, не взяли, вооружались саблями, кистенями, Гусак взял себе большую секиру, и Спирька прихватил для Максима саблю. Не забыли про шеломы и панцири. Филька Косой зачем-то прихватил шпагу из польской добычи.

— На что тебе это шило? — съехидничал Гусак.

— Узнаешь, когда жрать захочешь, — ответил бывалый ватажник.

Разобрали коней всяк по своему усмотрению, взяли сёдла, зануздали коней и сгрудились вокруг шлыковской избы.

— Подпаливай! — весело крикнул Спирька.

Ватажники зажгли несколько сухих берёзовых палок и стали бросать их в окна и продухи избы. Зажгли крыльцо, сухое дерево мигом занялось пламенем, которое поползло по стенам наверх, охватило крышу, и скоро помещичья изба превратилась в громадный костёр, свет от которого стал виден на много вёрст вокруг.

Крестьянам издавна было велено спешить на пожар, спасать помещичьё добро, но воздвиженцы, завидев полымя, отворачивались и крестились, они знали, кто поджёг усадьбу, и были согласны с теми, кто это сделал.

Увидев зарево, Максим сразу понял, что ватажники зажгли усадьбу Шлыкова, но нисколько этому не порадовался, он был целиком занят Любашей. Ей с каждым часом становилось всё хуже, слышнее стали хрипы в груди, её всю охватило жаром, она уже не видела Максима, а слабым голосом иногда звала его к себе. Максим тряпицей утирал пот с лица девушки, и его сердце разрывалось от сочувствия к несчастной.

— Максимушка, — прошептала Любаша. — Мне зябко, укрой чем-нибудь...

Он снял с себя однорядку, простер над ней, чтобы укрыть, и выронил из рук, поражённый видом искаженного смертной мукой лица девушки. Максим подхватил её на руки, прижал к себе, но душа уже выскользнула из Любашиного тела и устремилась ввысь.

Ватажники с большим шумом подъехали к кузнице, но увидев, что здесь случилось, примолкли, сняли шапки и перекрестились. Спирька спрыгнул с коня, подошёл к Максиму и тронул его за плечо, но парень не обернулся.

— Что ж, — сказал он. — Девицу не оживить, но похоронить по-христиански надо. Ищите заступы, будем копать могилу.

– 7 –

Рассвет ватажники встретили далеко от Воздвиженского. Пользуясь полнолунием, они ушли подальше от Теши в сторону Волги и остановились на отдых возле небольшой речки на краю чёрного леса. Разожгли костёр, Косой снял с коня захваченного из усадьбы барана и, отойдя в сторону, стал его свежевать. Максим не участвовал во всём этом, он ночь проехал, не видя ничего перед собой, кроме темноты, и его коня вёл за своим Спирька.

— Негодные мы ватажники, — вздыхал, вороша угли в костре, Аниска Мёртвый. — Про вино запамятовали, а всё ты, Гусак. Искал казну, вот она, да что в ней проку? Среди леса вина не сыщешь.

Косой поднёс к костру мясо, нарезанное большими кусками, на рогожке, положил его на землю и хитро посмотрел на Гусака.

— Бери, Петька, свою долю и жарь по-своему, а я буду по-своему, — сказал он и, достав шпагу, нанизал на неё несколько сочных бараньих кусков и простёр над угольным жаром. — Понял, зачем я прихватил это шило?

Гусак скривился и стал нанизывать кусок мяса на палку.

— А ты не прост, Филька, — засмеялся Спирька. — То-то Манька в тебе души не чает. Всё у тебя в дело идёт.

— Вот и ты не сиди без дела, бери горшок и раскладывай алтыны на кучки. Да гляди, чтобы поровну было.

Спирька снял с себя рваный кафтанишку, высыпал на него казну и зазвенел алтынами, раскидывая их по кучкам. Ватажники жадно следили за ним, потом переглянулись.

— Погоди, Спирька, — сказал, с трудом прожёвывая полусырой кусок мяса, Косой. — То ли ты делаешь?

— Делю на всех. Разве не так?

— Парень в нашем дуване не участник. Он не ватажник, а прохожий человек, даже не новик в нашей ватаге.

Слова Фильки Косого поддержали, кто ворчанием, кто голосом, другие ватажники.

— Дели, Спирька, по совести, — сказал Аниска Мёртвый и толкнул Максима, который сидел неподалёку от него, устремлённый в свои мрачные думы. — Очнись, парень! Тебя люди вопрошают: идёшь ли ты к нам или будешь сам по себе?

Взгляд Максима приобрёл осмысленность, он поглядел на деньги, затем на каждого из спутников и нахмурился:

— Мне вашей доли не надо. Я — кузнец, ватажного промысла не знаю и знать не хочу.

— Что ж, вольному — воля, ходячему — путь, а лежачему — кнут, — весело сказал Мёртвый. — Дели, Спирька, на четверых, а мы за тобой приглядывать станем.

После дележа каждый взял свои деньги и, отвернувшись от других, стал укрывать их в своих одеждах, а Филька Косой и тут оказался хитрее всех, спрятал деньги в поясе, так вернее, из-за пазухи могли и высыпаться.

Ватажники затоптали кострище и пошли в сторону проезжей Московской дороги, откуда было проще попасть прямо на Синбирск. Максим больше не нуждался в вожатом, сам, без понукания, сел на коня, взял у Спирьки саблю, засунул её за пояс и двинулся вслед за всеми.

К полудню ватажники вышли к Московской дороге, но поопасались идти по ней. Времена наступали шальные, и попади они в руки государевым людям, их без розыска и суда могли вздёрнуть на веску. Поэтому ватажка стала пробираться обочь дороги, иногда выходя на высокие места, откуда было видно проезжающих людей, а их оказалось много. Эхо разинских дел докатилось и до засурских мест. Здешние обыватели зашевелились, всяк имея на это свою причину. Помещики со своими домочадцами поспешали к ближним укреплённым городкам и острогам, чтобы отсидеться там от полымя бунта. Крестьяне же стали сбиваться в воровские ватажки, а многие с дубиной или с ножом брели поодиночке. И все они имели одну цель — Волгу, которая призывала их к себе обещанной каждому разинской волей.

Ватажники Спирьки во время пути порой сталкивались с такими же, как они, гулёвыми людьми, но были осторожны. Среди этого племени всегда встречались страшные супостаты, готовые убивать первого встречного. Таков был воровской обычай, воспетый в песнях, которые они знали с детства. Обычно ватажники останавливались друг против друга, держа наготове оружие. Спирька шёл навстречу атаману другой ватажки, говорил с ним и возвращался к своим. Иногда и разговора не получалось, к Стеньке Разину из Засурья устремлялись не только русские, но и дремучие мордва и чуваши, языка которых Спирька не знал и кое-как объяснялся с ними тремя словами, понятными каждому: Волга, Стенька, Синбирск.

Близ Суры, не дойдя до Промзина Городища, ватажники вдруг услышали шум и лязг, доносившийся от проезжей дороги. Спирька побежал разведать, что это такое, и увидел, как мимо него проходит множество воинских людей на конях. Это были рейтары окольничего князя Барятинского, два полка, Чубарова и Зыкова, пока ещё далеко неполного состава, но уже сотрясающие своей могутной поступью всю округу. Барятинский шёл в Синбирск, где рассчитывал встретить воровское войско Стеньки Разина и покончить с бунтом в одно сражение. Князь, небольшой человек с язвительным выражением лица, ехал впереди всех на крупном вороном жеребце, за ним двигались два знаменосца с полковыми знамёнами, затем шёл полк Чубарова, далее полк Зыкова, позади всех следовал обоз, на передних телегах лежало несколько громадных барабанов — тулумбасов, которые своим грохотом воодушевляли рейтар во время битвы.

Спирька, подавленный увиденным, отпрянул от дороги и побежал к своим. Ватажники о рейтарах никогда не слыхивали, но словам Спирьки поверили без сомнения и решили ждать ухода воинской силы в лесу и в Промзино Городище не соваться. Три дня они отсиживались под ёлками, доели все запасы, что захватили в шлыковской усадьбе, и голод погнал их к Суре. Подойдя к мостовой переправе, ватажники увидели на другой стороне реки толпу таких же, как они, гулёвых людей, которые готовились вздёрнуть на веску раздетого толстобрюхого человека.

Гулёвые люди были так возбуждены, что не обратили внимания на приставшую к ним ватажку. Гусак и Косой сразу полезли вперед, чтобы быть поближе к месту казни. Спирька и Аниска затерялись в людской толпе, а Максим остался в стороне, рядом со стариками, которые неодобрительно поглядывали на разъярённую толпу.

— Скажите, старинушки, кого это на веску волокут? — спросил Максим. — В чём его вина?

— Его не за вину взяли, а за то, что он таможенный приказчик, стало быть, государев человек, — ответил ветхий старик, остро глянув на приезжего человека. — Худое время для них приспело. Кабацкого приказчика ещё вчера в Суре утопили, над кабаком жердь с тремя конскими хвостами поставили, а в самом кабаке знаешь что?

— Нет, не ведаю, — сказал Максим и взглядом нашёл большую избу, высоко поставленную жердь, на которой мотались на ветру три конских хвоста.

— А в кабаке сейчас атаманская изба, — продолжил старик. — И сидит в ней посланный Разиным человек. Да вот и он сам.

На крыльцо бывшего кабака вышел атаман в красном кафтане и чёрной шапке, к нему тотчас подвели коня, он сел на него и поехал к столбу с перекладиной, хотя до него было не больше тридцати шагов. Толпа перед ним расступалась, как вода перед стругом. Атаман привстал на стременах, сорвал с головы шапку, взмахнул ей, давая знак начать казнь, и Максим опешил от неожиданности: властным человеком на

Промзином Городище был Федот, которого он последний раз видел под Чёрным Яром.

Молодой парень схватил таможеного приказчика, и толпа взревела при виде дёргающегося в предсмертных муках человека, перед которым многие ещё день назад при встрече ломали шапки. Федот развернул коня и поехал к своей избе, за ним бежало несколько человек, просители атамановой милости.

К Максиму подошёл Спирька.

— Видал, как разинские атаманы врагов народа жалуют? — он был возбуждён убийством, его глаза лихорадочно посверкивали. — Ты как, с нами? Или пойдёшь своим путём?

— А ты куда?

— Мы всей ватажкой в казаки верстаться будем.

— Что ж, — сказал Максим, — каждому свой путь.

Он тронул коня и подъехал к атаманской избе. На крыльце в креслице восседал Федот, к нему тянулась очередь гулящих людей, возжелавших поверстаться в казаки. Делалось это просто: писарь заносил имя желающего стать вольным казаком на бумагу, атаманский подручный нахлобучивал ему на голову горшок и ножницами отрезал оставшиеся снаружи волосы. Затем Федот протягивал для целованья крест, троекратно обнимал нового казака, и тот, зардевшийся от радости, сходил с крыльца.

Максим тоже встал в очередь. Скоро он взошёл на крыльцо. Федот увидел его, вскочил с креслица и сгрёб в объятия.

— Максимка! Ты здесь откель?

— Долго рассказывать. А ты, я гляжу, атаманом стал, под конскими хвостами воссел, людишек благословляешь казачеством.

— Эх, брат! — Федот приосанился. — Зря ты от Степана Тимофеевича ушёл, мог бы стать куда выше меня. Но я тебя помню. Пожалуй за мной в избу.

— А как же верстание? Тебя народ ждёт.

— Не беда, с этим всякий совладает. Сысой! Верстай всех, кто похочет, — в избе было пасмурно, пахло сырым угаром от печи, на столе стояли кувшины, посуда, пол был усыпан рыбьими костями. — Садись сюда, — сказал Федот, сметая со стола рукавом гору объедков. — Говори, как ты?

— Сказать, где был? — Максим помрачнел. — Был на Теше, Любаши больше нет.

— Я тебя понимаю, но моё участие твоё горе не облегчит, оно со временем само отболит и развеется. Хочешь, зелена-вина налью атаманскую чару?

— А ты сам?

— Разин со всего войска клятву взял не пить хмельного, пока не будем в Синбирске. А ты вроде в стороне, тебе можно. Я с Ильина дня тверёзым хожу.

Максим смотрел на Федота с удивлением. Может, он пошутить над ним удумал? Но тот смотрел строго.

— Что о Разине слышно? — спросил Максим. — Он в Астрахани был?

— Зря, брат, ты с ним не пошёл, — сказал Федот. — Город и дня супротив нас не устоял, стрельцы к нам поначалу через прясла начали перемётываться, а вскоре и вовсе ворота распахнули. Одни персы сели было в осаду в своих дворах, стреляли сначала пулями, а потом золотыми... Что кривишься, думаешь, вру?

— Я ж тебя знаю, Федот, — улыбнулся Максим.

Промзинской атаман достал из-за пазухи кошелёк и вынул из него золотой.

— Вот гляди! Этим золотым я получил прямо в лоб, — он откинул волосы, рана зажила, но была хорошо заметна. Федот взял золотой и приложил его к ней, вышло точно по месту. — Упал я без памяти, очнулся от того, что кто-то на меня воду льёт. Гляжу — сам Степан Тимофеевич стоит надо мной и смеётся. Добро, говорит, что тебе золотой плашмя в лоб угодил, а то не быть бы тебе живу. Бери его на счастье и храни до конца дней своих, он тебя ещё выручит.

— Вот ты и нашёл своё счастье, Федот.

— Стало быть, нашёл. Прав Степан Тимофеевич, казачье счастье — конь да воля и когда за пазухой золотые побрякивают. Что, не так?

— Не мало ли будет? — спросил Максим.

— Это кому как. А ты куда идёшь, что ищешь?

— Сам того не ведаю.

— Тогда иди со мной, — сказал Федот. — Мне отсель в Карсун надо, заодно и к Власу заглянем по пути, поглядим, как он там крестьянствует, цела ли землянка.

— Кого же здесь оставишь?

— Это я сейчас решу, — усмехнулся Федот. — Сысой! Поди в избу! — дверь распахнулась, и на пороге встал детинушка. — Скольких мы с тобой поверстали?

— Полтора десятка. Остальные мужики ещё в затылках чешутся.

— Этих людей тебе хватит. Оставляю тебя, Сысой, на Промзином Городище атаманом в полной силе и власти. Грамотка Разина у тебя есть, ей и следуй в своих де-

лах: казни помещиков, раздувanивай их пожитки. Посчитай, сколько у тебя дворов и с каждого возьми по человеку и коню. Отправляй их в Синбирск к Степану Тимофеевичу. Тех, кто вздумает упираться, казни и милуй по своей воле. Всё понял?

— Как не понять? Власть моя, кого хочу, того казню и милую, — сказал Сысой, уставившись мимо Федота пустыми зенками.

— Не твоя власть, а казацкая, — наставительно произнёс Федот. — Кликни Кондратку и скажи, чтоб люди не расходились.

— Ты что, Федот, Промзино Городище один взял? — удивился Максим.

— Зачем один? С Кондраткой. Как дошли мы из Астрахани до Царицына, Васька Ус, по слову Степана Тимофеевича, кликнул из войска тех, кто не побоится с прелестными грамотками пойти в верховые уезды. Я первым прибежал, за мной и другие охотники. Кондратка со мной пошёл. Мы оба два уже во многих местах побывали. Крестьянишки, как услышат разинское слово про волю, так им всё нипочём, хватают помещиков, приказчиков и до вески не доводят, рвут на части. Олютел народ от боярской неправды, — в избу вошёл молодой казак, вопрошающе глянул на Максима. — Это свой человек, — сказал Федот. — Его Разин знает. Увязал вьюки?

— Всё готово.

— Тогда пора в путь.

Они вышли из избы. Перед крыльцом толпились мужики, многие из них были с вилами и дубинами. Федот приосанился и, положив руку на рукоять сабли, выступил вперёд.

— Вот вам, братцы, атаман, все его знают, Сысой Матвеевич! — сказал он. — Живите по казацким законам, решайте всем миром о своих крестьянских трудах. По слову Разина, вам дозволяется, если Сысой начнёт дурно творить, лишить его атаманства и взять всем миром к ответу. Помни про это, Сысой, и не заносись! Кланяюсь всем за хлеб-соль. А мне надо ещё по Карсунской черте пройти, разбудить деревеньки, что дремлют, вольным словом Разина.

– 8 –

Переведенец Влас заворочался на лавке в своём земляном жилище с первыми коровьими взмыкиваниями. Протянул руку и сожалеющее вздохнул: жёнка опять встала до света и ушла к корове, та повредила ногу, потерять кормилицу для семьи стало бы большим горем. Влас опустил ноги на глиняный пол, с легким покрякиванием встал и трижды перекрестился на правый угол, где, невидимая в темноте жилища, находилась икона Божьей Матери. У двери нагнулся и вышел из землянки. Ночи стали росными, и горячие со сна ноги ожгло зябкой влагой. По привычке Влас посмотрел на солнце, чтобы угадать, какая будет погода, сегодня ему нужно было вёдро. Светило только-только взрезало дальний край земли, небо было чистым, листья на нескольких березках, росших близ двора, не колебались, всё это обещало пригожий для крестьянских трудов день.

Влас подошёл к телеге, где на соломе под овчинами спали его сыновья Клим и Андрюшка, чуть потолкал их, парни зашевелились, стали нехотя продирать зенки.

— Сёдни поедете одной телегой, — сказал Влас. — Прошка со мной будет.

Главной заботой хозяина было построить до холодов избу. Влас помыслил и решил ставить её впритык к землянке, в ней можно держать зимой приплод от коровы и ярок, да и в самой избе от такого соседства жильцам теплее. Пока сруб вывели на дюжину венцов, березовые брёвна были тонковаты, доброго леса близко не имелось, парням приходилось искать прогонистые деревья, чтобы из них сделать сруб.

— Прошка! — сказал Влас, ткнув ногой в бок захребетника, который спал на соломе рядом с землянкой. — Сёдни пойдёшь со мной на пашню. Вставай, умой рыло!

Подошла жена с подойником в руке. Влас заглянул в него и нахмурился, корова и впрямь занедужила, молока совсем на донце.

— Как Зорька?

— Боюсь, совсем расхворалась, — сказала жена. — Смотрит на меня по-человечьи и плачет. Что делать, Влас, если падёт Зорька? Пропадём совсем.

Влас не ответил и пошёл на край двора, где у него находились заступы, ломы, бороны, косы и самое главное пахотное орудие — сработанная ещё его отцом соха, которую он первой положил на телегу, когда отъезжал из отчей деревни. «Как-то возьмёт она вековой дёрн? — подумал Влас. — Здесь ещё никто не пахивал».

Подошёл Прошка и встал рядом с хозяином.

— Запрягай Воронка, — велел Влас. — На телегу возьми соху, мотыгу и топор.

— Зачем топор, мы не в лес идём.

— Дурень! — рассердился Влас. — В лес ли, в поле идём, а мужику без топора нельзя.

— Я не про это говорю, — равнодушно сказал Прошка. — В брюхе пусто, вот беда.

— У тебя, парень, не брюхо, а яма, что в неё ни брось, всё проваливается, — усмехнулся Влас. Сыновья были у своей телеги. Клим запрягал лошадь, Андрюшка бруском камня вострил затупившийся топор. — Много на телегу не наваливайте, — сказал Влас. — Из леса пеши идите, на взгорок воз подталкивайте плечом, надсадите кобылу, как жить будем? — сыновья промолчали, отец учил их, и возражать не полагалось, он был в доме всему голова. — Марья! — крикнул Влас, выезжая со двора. — Как сваришь щи, пусть Васька принесёт на пашню.

Поле для пашни Влас присмотрел, как только приехал на новое место, невдалеке от своей избы. Какое-то время к нему приглядывался: после обильного дождя ходил смотреть, нет ли на нём где-нибудь болотины, взяв острый кол, пробовал, не слишком ли тверда земля, нет ли сразу под дёрном глины. Всем приглянулось ему поле, особенно тем, что на нём не было когтистого бурьяна, его покрывала мягкая трава и полевые цветы, которые, несмотря на близкую осень, продолжали радовать взгляд. И вид открывался просторный на Барыш, чернолесье в заречье.

Телега мягко катилась по чуть влажной траве, конь пофыркивал и помахивал хвостом, сбоку бежал Пятнаш, ко всему вокруг прислушиваясь и принюхиваясь. Внезапно он кинулся в сторону, и прямо из-под его носа — фр-р! — взлетела перепёлка, а пёс встал, как вкопанный, и залился визгливым лаем, досадуя, что у него ушла добыча.

— Будет, Прошка, — сказал Влас. — Здесь и встанем, — захребетник потянул на себя верёвочные вожжи, и Воронок послушно остановился. — Распрягай!

Сам Влас снял с телеги соху, поставил на землю, проверил крепления. Близость земли и того, что он сейчас примется за привычную сызмальства работу, привели его в некоторое волнение. Влас, отстранив Прошку, запряг коня в соху, перекрестился и взялся за поручи.

— С Богом! — выдохнул пахарь и сделал вперёд первый шаг. Соха зацепилась железным сошником за травяной дёрн и стала его вспарывать на два-три вершка. Позади Власа потянулась, как пряжа, чёрной ниткой бороздка вспаханной земли. Переплетённые корни трав, разрываясь, потрескивали, земля поблескивала влажной чернотой, и у Власа промеж лопаток прокатилась первая капля пота. «Добрая пашня будет, — подумал он. — Это не суглинок, что в старой деревне. Здесь чернозём, лучший корм для хлеба».

Совсем недавно Влас с женой и сыновьями сжали небольшое поле ржи, которое на их приход посеяли первосёлы. Во время жатвы все не уставали удивляться: посеяно всего лишь по одной пахоте, а целину нужно перепахивать раз пять, однако среди травы из бороздок встали крепкие стебли ржи с ядрёным и крупным колосом. Земля в здешнем краю щедро одаривала земледельца хлебом, но и труда требовала каждодневного и усердного, а Влас в последние дни чувствовал в себе нездоровье, порой темнело в глазах, и душа начинала то трепыхаться, то обмирать, будто чувствовала перед собой бездну. Он скрывал свой недуг от родных, потому и взял с собой в поле Прошку, и, пропахав несколько борозд и почувствовав, что руки немеют, Влас кликнул к себе захребетника, а сам пошёл к телеге, навалился на неё грудью и закашлялся. К нему подбежал Пятнаш и, повизгивая, стал теребить за штаны. Навязчивость пса не рассердила Власа, но даже помогла ему успокоить дыхание, ком в груди растаял и дышать стало легче. Он сел на траву и взял Пятнаша за загривок.

— Что, брат, как поохотился? Добыл перепёлку или опять промазал? — Влас пса не кормил, а тот и не требовал этого, будто знал, что у хозяев каждый сухарь на счету, каждая овсяная крупинка. Бегал, куда ноги понесут, хватал всё, что попадётся на пути, тем и сыт бывал иногда. Пятнаш смотрел на Власа чёрными влажными глазами, и человеку почудилось, что пёс его жалеет. Он протянул руку и погладил его по жёсткой от травяных колючек шерсти. Но Пятнаш не ответил вилянием хвоста на ласку хозяина, забежал за телегу и стал лаять. Влас поднял голову и увидел, что по полю едут двое всадников со стороны солнца, и тень скрывала их лица. «Кто такие?» — обеспокоился Влас, на всякий случай нащупал топор и подтянул его поближе к себе.

— Вот ты где, Влас? — услышал он голос, в котором ему послышалось что-то знакомое. — Гляди, как размахнулся, хочешь всю землю под себя взять?

— Мне много земли не надо, — сказал Влас, узнав в приехавших людях Федота и Максима. — Всего-то и надо менее сажени в длину да аршин в ширину. А тебе больше хочется?

— Мне совсем земли не надо, — хохотнул Федот. — Я человек вольный.

— Вольный или холоп, не всё ль едино? Каждому человеку земля нужна, чтобы упокоиться.

— А я, может, прямиком на небеса вознесусь, аки дух святый. Ты разве против?

— По мне пропади ты пропадом, перекати-поле, — проворчал Влас. — Сказывайте, где вас ветры носили, каким сквозняком сюда задуло?

— Разве так встречают гостей? — усмехнулся Федот. — Пойдём к твоему дому, устроим пированьеце, там будет место и беседе.

— Нечем мне вас потчевать. Даже квасу нет, а сухари для своих посчитаны.

— У Федота всё есть, — сказал Максим. — Ты перед ним не заносись. Он теперь казачий атаман, самим Разиным сюда послан с милостливой грамоткой.

Влас недоумённо посмотрел на незваных гостей, почесал голову, удивлённый неожиданной вестью.

— Это что ещё за царь такой, Разин?

— Э ты, темь земная! — усмехнулся Федот. — Пошли к дому, там и узнаешь.

Влас крикнул Прошке, чтобы тот продолжал работать, но берёг коня, и все двинулись под гору к Барышу, двое на конях, один промеж них пеший, как под охраной. Подходя к своему двору, Влас увидел, как его невестки переговариваются с приезжим человеком, а вокруг толкутся ребятишки.

— Это кто такой? — спросил Влас.

— Наш человек, тоже казак, — ответил Федот. — Весёлый парень.

— Скажи ему, чтобы утих, — пробурчал Влас. — А то мои ребята вернутся из лесу, как раз ему намнут бока, что не до смеху будет.

Жердь, перекрывавшая вход во двор, была откинута, земля подметена, на тонком войлоке расставлены кушанья: половина большого сома, вяленое мясо, ломти хлеба, головки чеснока и лука.

— Я мальчонку послал к роднику, — сказал Кондратка. — Скоро и питьё будет.

— Пока рассядемся, и вода поспеет, — Федот оборотился к хозяину. — Зови гостей к столу.

Сели вокруг войлока, как смогли: Максим бочком, Влас тоже, Федот с Кондраткой, скрестив ноги под себя, по-татарски. Федот взял нож и нарезал сомятину и мясо. Влас смотрел на вкусности, и внутри у него ничего не отозвалось. Копчёного сома отродясь не видел, и он напоминал ему залежалое старое сало, вяленое мясо он едал, но так редко, что даже забыл, когда это было. Его утроба была привычна к толчёному овсу, приправленному по большим праздникам молоком, сухарями, капустой и репой.

— Ешь, Влас, — добродушно произнёс Федот. — О своих не беспокойся, и малым, и большим Кондратка дал всего, что на столе.

Влас взял кусок сома, понюхал и отправил в рот, сразу ощутив, что там обильно прибыло слюны, а в голове начало хмельно пошумливать. Затем он взял кусок мяса и, не торопясь, съел вместе с ноздреватым нечёрствым хлебом. В брюхе сразу стало теплее, мягкий комок покатился оттуда к горлу, и Влас сытно рыгнул.

— Диво какое, — сказал он, беря кусок сома. — Съел рыбу, мясо, а отрыгнулось редькой.

— Кусай дальше, — хохотнул Кондратка. — Эта еда редьку придавит, как гнёт солому.

Пришёл мальчонка с ведёрком ключевой воды, её разлили по кружкам и смочили рты.

— Я смотрю, Влас, ты время зря не тратил, — сказал Федот. — И огород вокруг сделал, и наполовину избу вывел, и поле под пашню начал ломать...

— Рад бы на печи покачаться, — сказал Влас, вытирая о штаны осаленные пальцы. — Да ртов-то вон сколь вокруг меня, и каждому, хоть раз в день, кусок хлеба положить надо. У меня ещё и свои малые дети есть, на старом месте, вот осенью явятся. И каждый посытиться захочет.

— Вот я и хвалю тебя, скоро твой дом станет полной чашей, — Федот хитро усмехнулся. — Надолго ли? Год ты проживёшь без барского приказчика, на другой год он явится и скажет: где господская запашка, давай ярку, неси яйца... Он с тебя скоро соскоблит жирок, буде он у тебя завяжется.

— Такова моя доля, — хмуро промолвил Влас. — Разве кто живет лучше!

— Вот Максим видел, что люди могут жить по-другому, рядом с тобой, в Промзине Городище. Скажи брат, не так ли?

— Видел, как же, — сказал Максим. — Приказчика на веску вздели, в казаки поверстали мужиков, волю объявили.

— Вот видишь, Влас, — торжествующе заявил Федот. — Степан Тимофеевич Разин пришёл дать людям волю, везде будет казацкая власть.

— Какой мне в этом прок? — перебил разинского посыльщика Влас. — Мне семью кормить надо. Что, раз воля, так и землю пахать незачем?

Федот укоризненно посмотрел на хозяина и сожалеющее покачал головой.

— Воля, Влас, это то же счастье. И не надо за ним идти на Пещаное море, когда оно будет у каждого.

Хозяин задумался надолго, видно, слова Федота царапнули его за душу. Все вокруг молчали.

— Стало быть, ты нашёл своё счастье? — тихо промолвил он. — И больше ты ничего не ищешь?

— От счастья счастья не ищут, — сказал Федот, радуясь тому, что склонил на свою сторону недоверчивого, как волк, ко всему хозяина.

— А я тебе скажу, Федот, что ты не счастье нашёл, а вот этого копчёного сома, и теперь так в него вцепился зубами, что не отпустишь, пока тебе не отсекут голову. Так со своим счастьем и сгинешь.

— Ах, ты пень чумазый! — вскричал Федот, вскочив на ноги. — Я к тебе в гости по-доброму явился, а ты меня лаешь! — гость взялся за саблю.

Максим резво поднялся с земли, схватил Федота за шиворот и оттолкнул в сторону.

— Уймись, казак! Ты сюда пришёл не с мужиками воевать, а рассыпать атамановы грамотки. И ты, Влас, охолонь, а ты, Кондратка, увязывай укладки и посмотри коней. У тебя соль есть?

— Есть, а что?

— Отсыпь Власу половину, он ведь без соли живёт.

На шум во двор вышли все домочадцы, и тут же подъехал воз с брёвнами, с ним пришли Андрюшка и Клим. Их появление убедило Федота не ерепениться.

— Прощай, Влас, — сказал он. — Живи, сколько сможешь.

Хозяин буркнул в ответ и оборотился к Максиму:

— А ты как? Тоже счастье ищешь?

Максим не ответил и пошёл к своему коню. Гости, не оглядываясь, отправились своим путём, Влас проводил их взглядом и подозвал сыновей:

— С сегодняшнего дня сведём коней, корову и ярок в лес. И сами там будем жить, а то, чую, скоро в наших краях объявится столько охотников за волей и счастьем, что в дым разорят и по миру пустят. А сейчас разгружайте воз, напоите коня и отправляйтесь в лес по другому разу.

Глава четвёртая

– 1 –

Синбирский воевода в последние дни августа 1670 года пребывал в сильном беспокойстве: окольничий Барятинский с двумя полками рейтар заплутал где-то в засурских дебрях и не шёл на выручку города, хотя князь Милославский нюхом опытного военачальника ощутимо чуял, что Стенька Разин со своим воровским войском уже совсем близко. Только вот где? Вести о нём приходили самые разные: гулящие людишки, взятые казацкими разъездами в Диком поле, в один голос показывали, что атаман гуляет в Астрахани и о походе на верховые города и думать забыл, казна его полна, казаки сыты и довольны; приказчик гостя Гурьева, вырвавшийся с Низа, донёс, что воры забрали под себя все струги и лодки, грузят на них пушки и пороховую казну, а сам Разин во всеуслышанье грозит московским боярам кровавым отмщением за их неправды и спешно готовится покинуть Астрахань.

Чтобы как-то выйти из неведенья, Милославский неделю назад послал Марка-иноземца, польского шляхтича, с товарищами на самое громкое место на Волге, на Переволоку, где воры имели обычай гнездиться, а также переволакивать свои лодки из речки Усы в Волгу, сильно сокращая этим путь по реке. Ушёл Марк, и нет от него вестей, и каждый день Иван Богданович вставал ото сна сильно не в духе, сегодня повысил голос на свою поломойную девку Настю, чтобы она не разлёживалась на лавке, а вставала и собирала постель. Вольной девке Насте, привычной повелевать прежним воеводой князем Дашковым, такое обращение пришлось не по сердцу, она фыркнула рассерженной кошкой, откинула заячье одеяло и встала перед Милославским, сияя нежно-розовой наготой.

— По нашему уряду, князюшка, — сказал она, — ты не должен меня обижать, я не холопка, а вольная девка, похочу и к голове Бухвостову уйду, он меня давно к себе кличет, или к солдатскому полковнику Глебу Ивановичу.

Выплеснула, язва, ядовитые слова, и обожгла Милославского таким жарким взглядом, что он о воровских казаках и думать забыл, кинулся к своему окованному железными полосами походному сундуку, щёлкнул замком, залез с головой под крышку и на цыпочках возвратился к своей девке-душегрейке. Настя глянула в раскрытую ладонь князя и разулыбалась, да и было от чего — на ладони лежал рублёвый золотой.

— А что Бухвостов, — сказал дрогнувшим голосом Милославский, — что, этот кобель и впрямь на тебя зенки пялит?

— Мне он пустое место, князюшка, — проворковала Настя. — Пусть себе пялит, за погляд деньги не берут, — и так зовуще улыбнулась, бесовка, что Милославский шагнул к ней в беспамятстве, но в дверь забрякали и начали его звать.

— Иван Богданович! Человек прибежал с вестями про Стеньку Разина!

— Стойте на крыльце, выйду, — сказал воевода и, крепко обняв свою душегрейку, поцеловал её в сочные губы.

Затем одел на себя зелёный, подбитый атласом кафтан, причесал растрёпанную бороду гребешком и степенно вышел на крыльцо, где, стоя на коленях, его ждал синбирский посадский человек Ульянка Антипов. Воевода сел в услужливо подвинутое ему дьяком Ермолаевым кресло и сурово глянул на вестовщика.

— Что тебе ведомо о воре Стеньке?

— Ехал я, воевода, с Низу на малом струге, да воровские казаки переняли нас на Переволоке, многих синбирян поубивали и в Волгу кинули, а меня взяли с собой, и был я с ними два дня, пока не утёк.

— Что про вора слышал? — нетерпеливо перебил Ульянку воевода.

— Слышал от воровских казаков, что стоит он под Самарой, а самаряне своровали, Самару ему по своей охоте сдали, а лучших людей Стенька посадил в воду.

Весть была важной, бунташное войско отделяло от Синбирска несколько дней пути.

— Ещё что забыл сказать?

— Говорили промеж собой воровские казаки, что Стенька Разин хочет быть в Синбирске на Семён день.

— Велико ли воровское войско? — спросил князь.

— Про то, воевода, не ведаю, а слышал, что весь Низ поднялся.

— Ларион, возьми посадского человека и запиши всё, что он знает, — сказал Милославский. — Великий государь должен о сём ведать. После сделаем отписку в приказ Казанского дворца.

«Вора нужно ждать со дня на день, — забеспокоился князь. — А что если Барятинский так и не явится, и мне придётся стоять супротив Разина одному? Самаряне, выходит, своровали. Известно кто — свои же стрельцы и казаки. Государь их землёй пожаловал, деньгами, а они променяли достаток на воровское счастье. Не то ли и здесь случится?»

— Петька! — подозвал Милославский своего денщика. — Кликни ко мне полковника Зотова, — солдатский начальник явился явно не в духе, к тому же перепачканный мукой. — Что с тобой стряслось, Глеб Иванович? — усмехнулся Милославский. — Уж не решил ли ты в хлебопёки податься?

— С мельником Андреевым куль друг у дружки тянули, — хмуро сказал полковник. — Я ему велел складывать муку возле Казанских и Крымских ворот, а он в амбар хотел увезти.

— Кому же она там будет помехой? — удивился Милославский. — Тебе мука зачем?

— А чем прикажешь, князь, ворота заваливать, когда вор к городу приступит? Укрепим ворота кулями муки, да кули с солью из амбара надо вынести и туда же сложить. Там они будут в целости и нас защитят.

— Этот мельник своё добро вздумал сберечь, а про Синбирск у него и думы нет! — вспыхнул Милославский. — Вели ему моим словом таскать на своем горбу кули к воротам. Будет упираться, отмеряй батогов, сколь похочешь!

— Добро, воевода, так и сделаю. Меня-то зачем звал?

— Есть важные вести, — сказал Милославский, вставая с кресла. — Вор в Самаре. Но это ещё не всё. Как и в других городах, казаки и стрельцы переметнулись к Стеньке, только лишь он подошёл к пряслам. Такое будет и здесь, если мы, полковник, не избавимся от ненадёжных людишек. Но куда их девать? В тюрьму их сажать пока не за что, явной вины на них нет. Выгнать, отобрав оружие, в поле тоже нельзя — скорее подадутся к ворам, да и великий государь сего дела не одобрит, он у нас человеколюб и жалостлив. Разве что посадить всех синбирских стрельцов и казаков в острог, пусть там воюют, а сворują, переметнутся, то невелика потеря. Так ли нам важен острог?

— Надолбы порушены, без них острог долго не удержать, — сказал полковник.

— С сего вечера чтобы ни одного синбирского казака или стрельца в городе не было. Прикажи своим людям смотреть за этим со всей строгостью. Самое многое, через неделю вор будет стоять под нашими пряслами.

— Добро, — кивнул полковник. — Так и сделаю, давно здешних стрельцов хочу прищучить, балованные людишки.

— Я велел тебе проверить пороховую казну, — сказал воевода. — Спесь с воров надо сбивать свинцовым дробом. Всё ли готово?

— Пройдём, князь, в любую башню. Пушки заряжены, пушкари на месте.

— Добро, веди.

Сойдя с крыльца, Милославский поёжился, стояло бабье лето, на солнечной стороне ощутимо припекало, но с Волги уже тянуло сквозняковым холодком, которому

на Синбирской горе было всегда просторно. Московские стрельцы и солдаты, завидев воеводу, начинали усерднее трудиться, они знали тяжёлую руку князя, который с первого дня никому не давал потачки: ни начальным людям, ни рядовым. А тем, кто задумывал совершить худое, ужасным напоминанием о неизбежной каре были трупы воров, уже много дней болтавшихся на релях за Крымскими воротами. Это остужало многие горячие головы, к тому же люди сами начинали понимать, что осады им не избежать, и остаться живыми они смогут, лишь отстояв крепость от воровских казаков.

Крымские ворота были изрядно подновлены. В створах заменены худые брёвна, а рядом с ними солдаты сделали надолбы, уходящий к венцу двухрядный коридор из дубовых кольев, который не давал осаждавшим подойти к воротам вплотную. Пока они были открыты, и через них въехала в крепость водовозка, за ней несколько телег с пожитками, на которых сидели малые дети и жёнки, сопровождаемые всадниками. Вёл этих людей земский староста Фирсов. Увидев воеводу, он поспешил к нему.

— Беженцы из Карсуна, едва ушли от воровских казаков, — сказал Фирсов. — Встретил их близ Лебяжьей слободы.

— А что сам городок? — встревожился Милославский. — Есть ли вести?

— Карсун ворами взят, — сказал Фирсов. — Воевода с женою и детьми, подьячие, пушкари и затинщики, всего человек тридцать, убиты. Карсунские всех чинов люди вору Разину крест целовали, многие поверстались в казаки. В окрестных близ Карсуна деревеньках то же самое: воры режут помещиков и приказчиков, крестьянишки их встречают хлебом-солью...

— Веди беженцев в осадную избу, — перебил старосту Милославский. — Скажи Ермолаеву, чтобы поставил их на хлебное довольствие. И вели им молчать о карсунской беде, — Фирсов взмахнул рукой, и обоз двинулся за ним следом. — В какую башню пойдём? — спросил воевода.

— Хоть в любую, — ответил полковник. — Они все готовы.

— Тогда в наугольную к Свияге.

Они подошли к башне, где их встретил солдатский капитан, отвечающий за оборону этого угла крепости.

— Как, Мигунов, — сказал полковник, — готов ли показать воеводе пушечный бой?

— Ступайте за мной, только глядите под ноги, — Мигунов распахнул вход в башню. — Я здесь живу, и у меня всё готово.

На лестнице было сумрачно, свет скупо освещал её сквозь щели перекрытия второго яруса, где что-то тяжко упало, и сверху посыпалась пыль. Милославский чихнул и ткнул капитана в ногу. Тот резво перепрыгнул через несколько ступенек и взбежал наверх. Затем послышался хриплый рык и звук удара по чему-то мягкому. Воевода ещё несколько раз чихнул и вылез на второй ярус башни. За ним выбрался полковник Зотов.

Возле пушки стояли навытяжку трое солдат, у одного из них светлая борода была замочена кровью. Милославский прошёл мимо них и выглянул в бойницу. Оттуда хорошо был виден ров, за ним — разбитая телегами дорога, далее начинался посад, кое-где расчерченный улицами. Избы стояли друг от друга далеко, и между ними было много хозяйственных построек: амбаров, мылен, конюшен, скотных дворов, птичников, и всё это обнесено заборами из прочного леса. «А ведь ворам, — подумал Милославский, — посад может подсобить взять крепость».

Вдруг внимание воеводы привлекло шевеление возле недалёкой от крепостной стены избы. К ней, выбравшись из рва, поспешал, оглядываясь, московский стрелец. В руке у него была пустая сумка, в которой обычно хранятся пищальные заряды. Подбежав к избе, он скрылся в ней и через малое время вышел на крыльцо, огляделся и побежал к крепости. Сумка, которую он держал в обеих руках, была явно не пуста.

— Там же шинок! — вскричал Милославский. — И ты, Мигунов, об этом не ведал? Врешь, по твоему морковному носу вижу, что ведал! Пушка заряжена?

— К бою готова, — сказал испуганный капитан.

— Цель на эту избу и снеси её начисто!

Капитан вопрошающе глянул на своего начальника, но полковник Зотов смотрел в другую сторону

— К бою! — приказал капитан, и солдаты метнулись к пушке.

— Цельтесь вернее, — навис над ними воевода. — Развалите избу, получите по алтыну!

Мигунов оттолкнул солдат от пушки, проверил прицел и поджёг пороховую затравку. Пушка дёрнулась на дубовых колодах, из жерла выплеснулись грохот и дым, и, когда он стал рассеиваться, стало видно, что каменное ядро свалило с избы крышу, разбило птичник, и по двору мечутся пёстрые куры. Дверь избы приоткрылась, из неё на крыльцо на карачках выползла простоволосая жёнка.

— Жива, Пахомовна! — обрадовался кто-то из солдат, и полковник тут же погрозил ему кулаком.

— И ты туда тропку ведаешь?

— Оставь его, Глеб Иванович, — сказал весьма довольный удачным выстрелом Милославский. — Сойдём вниз, мне надо с тобой пошептаться, — капитан проводил начальных людей вниз, до земли. — Вот что, — велел ему воевода. — Здесь недалеко, у осадных изб, староста Фирсов. Кликни его ко мне! — Мигунов резво кинулся исполнять приказание. Милославский повернулся к полковнику и строго на него глянул. — Дела наши, Глеб Иванович, нехороши. Князь Барятинский неведомо где, воровские казаки окружат Синбирск и попрут на нас со всех сторон. Сейчас я приметил недогляд с нашей стороны, и знаешь какой?

— Свежим глазом всегда виднее, — сказал полковник. — А ты, князь, бывалый воин.

— Чуть не забыли мы про посад. Как мы делали на польской стороне, когда садились в осаду?

— Первым делом жгли посад! — воскликнул Зотов. — А здесь недоглядели.

— И немудрено, что недоглядели, — задумчиво произнёс Милославский. — На чужой стороне мы огня не жалели, а это война со своими, хоть и воровскими, людьми. Но посад надо сжечь, а то воры раскатают избы на брёвна и замостят ими путь к крепости.

— Когда пускать поджигальщиков? — спросил полковник.

— Не сегодня. Сожги посад, когда воры выйдут на стругах к Синбирску. Пока изготовь к этому смольё и людей. Посадскими обывателями займётся Фирсов, — к начальным людям спешил земский староста. — Услышь новость, — сказал воевода. — По совету с полковником посад будет сожжён. Возьми своих ярыжек и обойди все дворы, чтобы обыватели собирались к уходу в крепость. Они знают, где прятать свои зажитки, пусть хоронят.

— Синбирян словом не прошибёшь, — засомневался Фирсов. — Будут сидеть в избах.

— Пусть сидят! — рассердился Милославский. — Как вор Стенька явится, полковник запалит все избы разом. Я знаю, что им жить будет негде, но в любом разе, если мы не спалим избы, то воры раскатают их на брёвна и начнут мостить путь через ров. Синбирск всё равно надо будет строить заново, и великий государь даст погорельщикам деньги на домовое строение. Бери своих ярыжек и ступай на посад!

Воевода, отпустив от себя Зотова и Фирсова, стал обходить работы, как это делал каждый день, только сегодня его указания начальным людям зазвучали жестче, и на батоги Милославский был неслыханно щедр. Когда к нему привели пойманного московского стрельца, что ходил за вином к шинкарке, то он велел нещадно бить его батогами, а затем бросить в тюремную яму. За исполнением наказания воевода проследил сам и только после этого пошёл к обеду. Насытившись, он задремал на лавке в своей комнате. После того как государев набатный колокол пробил восемь часов дня, Милославский поднялся с лавки и велел кликнуть дьяка. Ермолаев скоро явился, в руках у него были бумага, чернильница и писчее перо.

— Ларион, — сказал воевода. — Пора нам великому государю отписку слать. Ты посыльщиков выбрал?

— Взял из приказа Бухвостова добрых стрельцов Сергуньку и Варфоломейку, братьев Васильевых. Они уже коней оседлали и близ твоего крыльца ждут.

— Зачти, что тобой написано.

Ермолаев звучным голосом прочёл начатое им письмо: полный титул великого государя и розыск над прибежавшим с Переволоки посадским человеком Ульянкой Антиповым.

— Добро, — сказал Милославский. — Строчи далее... Я, государь, чаю не сдать Синбирск вору до прихода кравчего и воеводы Петра Семёновича Урусова из Казани и окольничего князя Юрия Никитича Барятинского из Саранска, но они со своими ратными людьми до августа по 28 число не бывали; а от синбирян, государь, в воровской приход чаю большого опасения, ибо низовые города вору сдались сами, а Синбирск их не лучше. А мы, холопы твои, за милостью великого Бога и заступлением крепкой христианской помощницы пресвятой Богородицы и за молитвы великих чудотворцев и за твоим, великий государь, счастьем станем сидеть в Синбирске до самой смерти ратных людей и с добрыми синбирянами, которые обещаются тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея великая и малая и белая России самодержцу, служить верно... Остальное сам, Ларион, допиши, — Милославский подошёл к столу, взял кувшин и налил в чарку квасу. Испил чуток и скривился. — Петька! — в двери показался денщик. — Что с питьем? Отдаёт кислым, будто в нём овчину мочили. Неси свежего, да не вздумай присосаться к кувшину! — Милославский приблизился к дьяку, заглянул через его плечо. — Дописал?

— Готово. Только песочком присыплю.

Воевода подошёл к лавке, взял кафтан, надел на себя.

— Пойдём к посыльщикам.

Сергунька и Варфоламейка Васильевы стояли, держа своих коней в поводу, возле крыльца. Они были рослыми светлобородыми близнецами, и от одного вида их молодости и здоровья воевода повеселел.

— Бегите, ребята, на Москву что есть сил, но с великим бережением. Вор Разин близко от Синбирска, и великий государь о том должен ведать. С Богом!

Братья птицами взлетели на коней, гикнули и, распугав толпу посадских людей, которые шли к воеводе, помчались к Крымским воротам. Милославский глядел на подходивших людей с большим неудовольствием. Он знал, зачем они явились, что будут просить, а плач и слезы он не выносил даже на дух.

Не дойдя до крыльца пяти шагов, люди повалились на колени и начали всхлипывать. Милославский взмахом руки подозвал к себе денщика и что-то прошептал ему на ухо. Петька опрометью сбежал с крыльца и скрылся за углом воеводской избы.

— Милостивец! — раздалось несколько голосов из толпы. — Почто ты наши дворишки велишь пожечь? Помилуй нас, сирот! Голы останемся, босы, не будем знать, где голову приклонить!

— Молчать! — воевода крикнул так громко, что старая ворона чуть было не свалилась со столба от испуга. — Всем объявлено, чтобы брали свои пожитки и шли жить в осадные избы. Хлеба здесь хватит на всех. Посад не станет постоялым двором для воровских казаков, пусть спят на земле, даст Бог, скоро и мороз ударит.

Слова воеводы не утишили посадских людей. На коленях, с плачем и криком они стали подступать к крыльцу. Ермолаев попятился, но Милославский, не один раз видевший бунт на Москве, не дрогнул.

— Ступайте все по своим дворам и прячьте пожитки!

Люди уже доползли до крыльца, когда из-за воеводской избы друг за другом выбежали два десятка солдат с берёзовыми палками в руках. За ними, задыхаясь, поспешал полковник Зотов. Появление воинских людей испугало посадских до немоты, они сбились в кучу и встали на ноги.

— Проводи их, Глеб Иванович, — негромко сказал Милославский. — Палки в ход не пускай, они сами уйдут, — солдаты стали медленно наступать на толпу, люди попятились, затем бросились бежать. — Что ж, Ларион, — сказал воевода. — Один бунтишка мы утишили. Не худо и со Стенькой так же, а?

— Эх, Иван Богданович, — вздохнул дьяк. — Чую, с ним долго придётся барахтаться. Это были посадские дураки, а Стенька для воров — живая икона, они за него не глядя отдадут свои головы.

К крыльцу возвратился полковник.

— Хвалю, Глеб Иванович, — ласково промолвил Милославский. — Страшно сказать, меня в моей избе чуть в осаду не взяли. Ступай за мной в горницу, — в своей комнате Милославский пошарил за лавкой и достал большой с узким горлом кувшин. Поднёс его к столу, выбрал из всех чарок самую большую и наполнил её до краёв зеленым-вином. — Испей, Глеб Иванович, за моё здоровье! — полковник одним махом опрокинул чарку в рот и, крякнув, утёр бороду рукавом кафтана. — Заешь чесночинкой, — сказал Милославский. — Я винопитие воспретил. Не стоит смущать людей винным духом. Ещё налить?

— Довольно, — ответил полковник, бросив на воеводу понятливый взгляд. — Мне ещё нужно развести ночных караульщиков, а твоё зелено-вино крепко бьёт в голову.

Милославский закрыл крышкой кувшин, прошёлся, занятый какой-то думой, по комнате, затем приблизился к Зотову.

— Я окольничего князя Барятинского знаю по далёкой наслышке, — задумчиво произнёс он. — Ты же с ним служил. Как он? Справится ли с вором Разиным в поле? Скажи, Глеб Иванович, правду.

— Я князя почти двадцать лет знаю, — сказал полковник. — Когда его совсем юнцом великий государь, чтя его древний род, поставил на один из первых рейтарских полков полковником, он в ратном деле был совсем неуч. А я в его полку был рядовым рейтаром. Ходил с окольничим под Киев. Но уже тогда князь Юрий был строптив и своенравен. Каков он сейчас, я не ведаю.

— Строптив, говоришь? — оживился Милославский. — У нас строптивцам живо головы снимают. Как же он до сих пор начальствует?

— Его государь близ себя держит, — ответил полковник. — В том же Киеве он получил от боярина Шереметьева приказ оставить город, потому что сын Богдана, Юшка Хмельницкий, перекинулся к полякам. Но порвал грамоту и объявил, что он повинуется указам великого государя, а не Шереметьева, много на Москве Шереметьевых, всем не перекланяешься...

— Крутенек окольничий, — покачал головой Милославский. — Но, слава Богу, он мне не соперник: надо мной князь Урусов, над ним князь Долгорукий начальствует. А что в поле, устоят ли рейтары?

— Крепче их, Иван Богданович, ратной силы нет. От Стеньки и воровского войска после набега на них рейтар живого места не останется.

Дверь воеводской комнаты медленно отворилась, и в неё просунулась старая морщатая жёнка. В одной руке она держала ведро с водой, в другой — тряпку.

— Ты кто такая? — опешил Милославский. — Где Настя?

— Настя, князюшка, сегодня занята, недосуг ей поломойничать...

— Помолчи! — перебил жёнку воевода. — Ступай, Глеб Иванович, ступай! — полковник, едва сдерживая готовый сорваться с губ смешок, с окаменевшим лицом вышел из комнаты. — Говори, баба, что стряслось с Настей? — приступил Милославский к поломойке.

— Жива, батюшка, твоя Настя, — вымолвила жёнка с таким простодушием, что Милославский скрипнул зубами. — Заперлась в мыленке, веснушки с лица сводит.

— Что сводит?

— Веснушки, батюшка. Наляпала себе на лицо перетёртых яблок с хреном и лежит на лавке. А меня к тебе послала, полы мыть.

От такой новости Милославский только пожал плечами и, хлопнув дверью, вышел на крыльцо. Вечерний сквознячок с Волги прохладил возбуждённую голову, и мысли нашли разумное направление. «Всё ясно, — подумал он. — Восхотела смотреться барыней, гулёна».

От кормовых изб и поварен до него доносился людской шум. Солдаты и стрельцы вернулись с работ и вечеряли. Слыша разноголосье молодых и здоровых людей, воевода вдруг почувствовал, что к сердцу начала подступать жалость к самому себе, пожилому, пожалуй, даже старому человеку, чья жизнь пролетела, как один день, и ничего он в ней не знал, кроме всегдашней спешки и страха подскользнуться на служебной лестнице и рухнуть вниз. «Была бы у меня родовая вотчина», — подумал Милославский, но его грёзы перебил тяжёлый топот нескольких коней, на всём скаку влетевших в отверстые Крымские ворота.

Передний всадник, красуясь перед воеводой, поднял вороного жеребца на дыбы, победно поглядывая на сбегавшихся поглазеть на рейтар синбирских обывателей, среди которых заметно прибавилось посадских жёнок и ребятни.

— Кто таков? — вопросил, недовольно взирая на рейтара, воевода Милославский.

— Рейтарского полку Чубарова капитан Зверев!

— Стало быть, и окольничий Барятинский близко?

— Князь с рейтарами двух полков на подходе к Синбирску! Он просит тебя, воевода, определить ему места полковых станов.

— Глеб Иванович, — сказал Милославский подбежавшему к нему на зов полковнику. — Поставь рейтар за Крымскими воротами, между посадом и городом.

«Ужо будет тебе, вор Степан Тимофеевич, горячая встреча! — мысленно молвил воевода, глядя вслед Звереву. — Государевы рейтары — не астраханские стрельцы-перемётчики, они мигом посрывают башки с тебя и твоих казаков!»

В надвратной башне на Крымской стороне пробил последний час дня государев набатный колокол. Быстро темнело, от Свияги стал доноситься шум, и Милославский довольно улыбался: явился Барятинский со своими рейтарами. Первым порывом воеводы было сесть на коня и ехать к окольничему, но, поразмыслив, он себя осадил: негоже идти первым, он сегодня по месту воеводы пограничного града главнее полкового воеводы, а по роду Милославские выше Барятинских.

— Освети крыльцо! — велел воевода Петьке.

Денщик зажёг смольё и вставил палку в расщеп вкопанного возле избы двухаршинного столба. Высветилась часть крыльца, пыльная земля возле него, тьма вокруг огня стала гуще и непрогляднее. Вскоре из неё вынырнул полковник Зотов.

— Как, Глеб Иванович, встретил князя? — сказал, шагнув ему навстречу, воевода.

— Встают станом, где указано, только мало рейтар, и те невеселы.

— А что Барятинский?

— Я звал его к тебе, Иван Богданович, — сказал полковник и умолк.

— Правильно, что звал, и где он?

— Лучше бы я смолчал, — сдержанно молвил полковник. — Он такое сказал...

— Что сказал? — стал возбуждаться воевода.

— Я, говорит, на войне живу с войском и по гостям не хаживаю.

— Так и сказал? — вспыхнул Милославский.

— Зря я его позвал, тебя не спросясь. Прости, Иван Богданович, мою дурью голову.

Вне себя от обиды, Милославский, громко хлопнув дверью, вбежал в горницу и наткнулся на поломойку, которая с мокрой тряпкой в руках пятилась задом к порогу.

Жёнка испуганно вскрикнула и, опрокинув ведро, пролила грязную воду.

— Ты ещё здесь, чёртова баба! — зло вскричал воевода. — Петька! Выкини её вон и подотри пол!

Обошёл лужу на полу, сел в кресло и закрыл глаза. Денщик плюхал мокрой тряпкой по полу, сцеживал воду в ведро, в оконце заглядывал острый, как воровской нож, край ущербной луны.

— Петрушка, — тихо молвил Милославский. — Сбегай к Насте и скажи, что я её жду.

– 2 –

Захватив Астрахань, Разин впал в многодневный хмельной загул, на атамана в безмерном винопитии равнялись есаулы и казаки, среди которых было много повёрстанных из местных стрельцов. Новым казакам, предавшим крестное целование царю, крепко пришлось по их окаянным душам пьяное народоправство казачьего круга. «Любо!» — много громче старых казаков вопили они, когда вольное товарищество решало, кому жить, а кому вниз головой плыть в Каспий.

Возразить бесчинствам было некому. Воеводу сбросили с раската, голов стрелецких, сотников, дворян и подьячих посекли саблями и побросали в воду, кровь текла ручьём от соборной церкви до приказной палаты, за первый день было убито около полутысячи лучших астраханских людей. Город онемел от ужаса, и только немощный митрополит Иосиф приступил к Разину с укоризнами, но атаман их не слушал даже в полуха, архиерея новый разинский любимец Шелудяк вытолкал со двора, а вдогон выпнул упавшую с головы маститого старца митрополичью митру. Они обменялись красноречивыми взглядами: священнослужитель мысленно погрузил вора в геену огненную, а Шелудяк в своей окаянной душе поклялся сбросить настырного попа с раската крепостной башни, что и произошло весной следующего года.

Из прежних лучших людей остался благоденствовать князь Семён Львов, его наперсником в разудалых попоищах был сам атаман, редко сходивший с княжеского подворья, стоявшего близ митрополичьего двора, перед которым, напившись допьяна, Разин, скрестив ноги, часто сиживал и вершил правосудие: одного казнил, другого миловал и подносил счастливцу чарку зелена-вина.

За гулеванием незаметно летели дни за днями, и после Петрова дня вспомнил о своём обещании князю Львову угостить его пиром Фрол Разин. Приказав своим одностаничникам готовиться к гулеванию, он приехал к князю во двор, поднялся в горницу и объявил о приглашении.

— Добро, буду, — сказал князь. — А пока присядь на скамью, Фрол Тимофеевич!

Ключник в подвале не замешкался, принёс кувшин охлажденного сладкого вина. Фрол осушил чару, поблагодарил хозяина и отбыл к себе. Весь день и добрую половину ночи он занимался праздничными хлопотами, рано утром был уже на ногах, пошёл осматривать, что сделано, и остался очень доволен увиденным. В добром настроении Фрол вышел из дома и увидел, как к нему во двор на чалой кобыле заезжает старый казак Тимофей Однозуб, которого из-за его прямого и язвительного языка остерегались не только есаулы, но и сам атаман.

— Что, Фролка? — не ответив на приветствие, прохрипел Однозуб. — Не только твой брат, но и ты сам решил почествовать князька Львова?

— Я был у него гостем на Чёрном Яру, — заметно смутившись, ответил Фрол.

— Смеху подобно, как казаки стали падки на ласку, — язвительно сказал Однозуб. — Ранее такого среди нас не водилось, хотя я и хаживал к барам в гости, но не с посулом, а с острой саблей и горящим смольём! — старый казак стал разворачивать свою кобылу к воротам.

— Погоди, Тимофей Макарыч! — Фрол сбежал с крыльца и остановил Однозуба. — Может, я и не так сделал, но Львов зван, и поворачивать поздно.

— Дался тебе этот князёк, — недовольно проворчал Однозуб. — В первую голову зови есаулов и старых казаков, меж них и твоему Львову местечко сыщется, где-нибудь близ запечья.

«Прав, старый, — подумал Фрол, провожая взглядом раннего гостя. — Надо срочно скликать есаулов и старшин, за ними и Львов подъедет».

Скоро двор был полон гостей, приехали Корень, Очерет, Ус, Шелудяк и другие есаулы и старшины, а также старые казаки и одностаничники. Ждали Степана Тимофеевича. Наконец, прибыл и он, вместе с князем Львовым. Встретив гостей, Фрол поспешил к воротам и приказал сторожу запереть их крепко-накрепко, он опасался, что вдруг заявится Однозуб и учинит среди гостей смуту.

Не обращая внимания на косые взгляды есаулов, Разин усадил князя рядом с собой во главе стола, который стоял на берегу узкой протоки под ветвями высокой туи.

Справа от него сел брат. Казаки за столом не чинились, выпив первую чарку за славное войско и его атамана, далее они угощались и пили без приглашения, кто чего похочет. Многие явились в гости навеселе, и скоро голоса оживились. Все понимали, что войско в Астрахани засиделось, и разговоры были только об этом.

— Пора, Степан Тимофеевич, скликать войсковой круг, — говорил есаул Корень. — Пусть товарищество решит, что делать дальше: идти на верховые уезды или оставаться здесь. Город богат, и зимование в нём будет сытым и нескучным.

— Как можно! — возражало несколько голосов, среди которых самым непримиримым и громким был голос Васьки Уса. — С нами в Астрахани тысячи людей, которых мы обнадёжили, что пойдём на Москву против бояр. Перед ними чем оправдаемся, скажи, коли знаешь, Корень?

— Казаки не имеют навычки оправдываться, у них есть воля всегда поступать по-своему, — отвечал есаул. — Наша сила не в гулящем сброде, а в казаках, и нам прежде всего надо думать об этом. Опрокинуться на Москву мы можем, а что дальше? Москва сильна терпением, сколь её ни бьют, она от битья только крепче. Мыслю, надо зиму жить в Астрахани, а с весны идти на Каспий, где мы уже бывали. За новый персидский поход Москва нас простит, за Чёрный Яр и Царицын простит, такое уже бывало, но за верховые уезды ответит всё казачество, как бы его за это не извели под корень.

После этих неожиданных для многих слов воцарилось молчание, и это не понравилось Фролу, который не хотел видеть за своим столом несогласие гостей.

— Поднимай утопленника! — крикнул он ключнику. Слуга вбежал на мостик, схватил обмотанную вокруг столба верёвку и под одобрительные выкрики гостей с трудом поднял из протоки трёхведёрный бочонок вина. Фрол ощупал его руками и объявил: — В самый раз остыло!

Бочонок скоро раскупорили, наполнили чарки сладким шемаханским вином и подняли их за нерушимость войскового товарищества. Гости пили, вроде развеселились, но настоящей радости в застолье не было, потому что вспоминать и похваляться было нечем, память о Царицыне и Чёрном Яре заслонило более чем месячное сидение в Астрахани, где были только гульба и убийства безоружных людей. Но не похваляться же казаку этим?

Васька Ус выждал время, пока соратники не притомились разговорами, затем поднялся над столом.

— Благодарствую, Фрол Тимофеевич, что собрал нас, — сказал он. — А то разбрелись мы по Астрахани, днями друг друга не видим. У каждого свой двор, свои слуги на посылках, свои девки-забавницы. Так казаки ещё не живали, но не много ли счастья на нас упало? Через месяц явятся на нас государевы люди, мы сбежать из Астрахани не поспеем. Возьмут нас с мягких перин и вздёрнут на релях, а кое-кого уведут на Москву и топором пожалуют.

— Что ты нас стращаешь, как малых детей, — возразил Усу черкас Очерет. — Такая уж казаку петля или топор невидаль? Говори дело — где нам искать своё счастье?

— Много раз я перечил атаману: не ходи на Астрахань, а веди войско на Москву. А теперь не ведаю, что сказать. Здесь оставаться нельзя, а идти поздно, до белых мух будем тащиться к Синбирску, а там крепкое государево войско засело в рубленом городе. Совладаем ли с ним? Главное, крестьянишки притомились нас ждать, а зимой их от печей не отнимешь.

Крепко задумались есаулы над словами Васьки Уса, а Разина это позабавило, и он подтолкнул легонечко князя Львова.

— А ты что скажешь, Семён Иванович, идти на верховые уезды или засесть в Астрахани?

Крепко захмелевший князь не понял, о чём его атаман спросил и ляпнул наобум:

— Сиди, брат, в Астрахани, скоро виноград поспеет...

— Не слушай князька, атаман! — вскинулся Очерет. — Он твоей славы не хочет, ему любо близ тебя греться, а цена ему — тьфу!

Очерет смачно плюнул и, наступив на плевок, растёр его сапогом. Львов сразу поник и стал тесниться к Разину. Тот его полуобнял за плечи и усмехнулся.

— Семён — мой крестовый брат, и тот, кто против него, тот против меня.

— Братайся, Степан, с кем похочешь, но среди казаков слова князьку нет!

Разин вытаращил на черкаса глаза и начал закипать, казалось, вот-вот должна была разразиться смута, но за Очерета вступился Фрол.

— Не гневись понапрасну, Степан, — твёрдым голосом произнёс молодший Разин. — Очерет прав, да и другие старые казаки, тот же Однозуб, косятся на твоё братание с барином. Нет ему веры от казаков, поскольку он переметчик, изменил своим, а таких близ себя держать опасно, раз он сума перемётная.

Никогда Фрол ничего не говорил супротив брата, а тут взял и выговорил при еса-

улах, видно, допекли его шашни Степана с увёртливым князем Львовым. И диво! Атаман смолчал, встал из-за стола и пошёл к воротам, а за ним хвостом поволокся его названный брательник. Вышел Разин с братова двора, смотрит, куда бы пойти, и ничего не видит, на душе дума хмарная, ни проблеска единого. А тут ещё князь Львов за спиной стоит, посапывает.

— Шёл бы ты, Семён, до своего двора, — сказал Разин. — У черкаса Очерета рука тяжёлая, как бы он тебе дурна не сотворил.

— Что мне теперь ждать, Степан Тимофеевич? — дрожливым голосом вопросил князь.

— А ты что, до сей поры ничего не ждал? — повернулся к нему Разин. — Каждый человек тем и жив, что надеется. Вот и ты надейся, что меня переживешь. До моей смерти ты жив будешь, а потом прости, брат, я тебе не спаситель.

— Не зови смерть, Степан, — сказал Львов. — Худая примета.

— Ты-то что знаешь о ней? — усмехнулся атаман. — Воззрись на земную жизнь Господа нашего и увидишь, что главное в ней не Рождество, не Крещение, а смертные муки на кресте. Так и у людей: смерть — главный поступок, который должен совершить всякий человек. Добрая смерть, добрые поминки.

Разин оставил князя и пошел куда глаза глядят, не обращая на приветствующих его людей ни малейшего внимания, пока не набрёл на возбуждённую толпу казаков и городских обывателей. Завидев атамана, люди перед ним расступились. На земле лежала и ойкала, держась руками за живот, беременная жёнка, а рядом с ней немец Фабрициус и казак Однозуб держали за руки парня с окровавленным лицом.

— Что случилось? — тряхнув головой, спросил Разин. Вокруг все разом загалдели. Атаман поднял руку, и люди помалу утишились. — Говори ты, Однозуб!

— Я ехал мимо, когда немец меня позвал на помощь. Этот парень толкнул жёнку кулаком в брюхо, немец за неё встрял.

Жёнка начала корчиться и выть.

— Уходите все от неё! — закричала, встав возле неё, старая баба. — Нечего пялиться, она рожает!

Разин отошёл в сторону. К нему подвели парня.

— Ты кто? — спросил атаман.

— Твой казак, Степан Тимофеевич.

— Стало быть, ты ведаешь, что твоя жизнь и смерть в моей воле? — парень молчал и кусал губы. Разин вдруг вспомнил имя немца. — Фабриций, — сказал он. — Как в твоей Неметчине поступают с такими уродами?

— У нас, атаман, их судят двенадцать присяжных, есть обвинители, есть защитники.

— Не много ли возни? — сказал Разин. — Ведите его к воде. А ты, немец, отдай парня кому-нибудь и уходи. Негоже тебе тут быть. И ты, Однозуб, отдай парня тому, кто поздоровше, — возле реки казака уронили перед атаманом на колени. — Подвяжите ему штаны покрепче, чтоб не свалились, — решил Разин. — И сыпьте ему за рубаху песку, сколько влезет.

— Не губи меня, Степан Тимофеевич! — взмолился парень.

Не слыша его, Разин молча смотрел на воду. Было тихо, но река понемногу стала взмарщиваться, саженях в пятидесяти от берега всплыл и с шумом лопнул воздушный пузырь.

— Готово, атаман!

— Бросайте его в лодку.

Сам Разин сел за вёсла и мощными рывками погнал её от берега. Парень кулем лежал на корме и молчал, ему набили песком не только пазуху, но и рот. Достигнув середины реки, Разин бросил вёсла.

— Лезь в воду, — тихо произнёс он. Казак уцепился руками за борт, поднялся, и в этот миг Разин резко покачнул лодку. Парень рухнул в воду и ушёл камнем на дно. — Прими от меня, старый Гориныч, посул на моё казацкое счастье, — беззвучно прошептал атаман и, опрокинувшись спиной на днище лодки, уставился взглядом в белёсое от зноя небо.

Над лодкой, визгливо всплакнув, пролетела чайка, затем её заволокла пелена сумрака, она закачалась, затряслась на месте, какая-то сила подняла лодку вверх, и над ухом затрепетавшего от ощущения высоты Разина послышался знакомый голос: «Что, Стенька, сладка Астрахань? Ты ведь здесь чуть не прогулял своё счастье». — «Я не ведаю, в чём моё счастье, Гориныч?» — «Счастье твоё, казак, в славе. Во мнении народном ты наравне с Ильей Муромцем, разве это не счастье?» — «А людям это зачем? Потешатся сказкой и забудут. Они ждут от меня воли». — «У них никогда не было воли и никогда не будет». — «Как же не будет?» — «Потому что у них в душах всегда неволя, с ней они рождаются, с ней живут, с ней и умирают. И царь живёт в неволе, и

холоп, только у каждого из них неволя своя. И ты, Стенька, раб своей неволи: и жизнь, и слава твоя в моей горсти»...

На берегу своего атамана высматривали есаулы. Они знали, что он в лодке, но на какой-то миг её закрыло поднявшимся из воды зыбким мраком. Когда он рассеялся, все увидели, что Разин из всех сил гребёт к берегу. Лодка с разгона влетела в песок почти до кормы, атаман выпрыгнул из неё и подошёл к есаулам.

— Скликайте, побратимы, казачий круг! — объявил Разин. — Пора идти на верховые уезды!

– 3 –

Воевода Милославский был вспыльчив, но дальновиден. Поэтому он, поразмыслив, решил не показывать вида, что обижен на Барятинского, но и не делать пока первого шага для встречи с окольничим. Утром он залез на крепостную ограду и оглядел стан прибывшего на помощь Синбирску государева войска, сразу поразившись тому, что рейтар было явно меньше, чем должно было быть в двух полках. За кольцом из телег обоза Милославский на вскидку счёл чуть больше тысячи человек и не ошибся: то же самое в этот же самый час доносил и князь Барятинский, строчивший отписку царю на крышке походного сундука: «Со мною, холопом твоим, пришло в Синбирск твоих, великого государя, ратных людей немного, а начальные, государь, люди полков Чубарова и Зыкова, взяв твоё, великий государь, жалованье, поразбежались по своим деревням и в свои полки не явились. Сейчас у меня, великий государь, считано полковниковым счётом тысяча триста человек в обоих полках, в том числе треть пеших. Но будет приход Стеньки Разина под Синбирск или присылка воровских людей от него будет, стану ратными людьми Синбирск оборонять и всякий промысел над ними чинить буду...»

Милославский видел, как Барятинский вышел из своей палатки, что-то передал рейтару, и тот, сопровождаемый товарищем, помчался в сторону Свияги. «Не взгромоздил ли на меня какой-нибудь поклеп Барятинский? — подумал Милославский, глядя вслед всадникам. — Надо было мне так промахнуться, следовало самому ещё вчера обойти его перед великим государем».

Противостояние между начальными людьми продолжалось четыре дня, а на пятый синбирскому воеводе пришли от разных вестников сведения, что вор Стенька взял Белый Яр, пожёг острог и с большим войском навис над Синбирском.

— Когда вор явится к нам под прясла? — спросил воевода своих начальных людей.

— Не позже, как завтра утром, — высунулся поперёд всех стрелецкий голова Бухвостов и наткнулся на тяжёлый взгляд князя. Голова не мог никак догадаться, отчего в последние дни Милославский воспылал к нему холодностью.

— А ты как мыслишь, Глеб Иванович? — воевода перевёл взгляд на полковника.

— За день до Синбирска вор не дотащится, стало быть, его надо ждать утром.

— Под твой ответ, полковник, — сказал, поднимаясь с кресла воевода, — чтобы в крепости ни одного стрельца из местных не было.

— Они все в остроге, и казаки с ними.

— Запри ворота и без моего ведома никому не открывай, — сказал воевода. — Поджигальщики готовы?

— Смольё всем роздано, — доложил полковник. — Надо бы известить князя Барятинского о приходе воровского войска.

— Так я и хочу. Скажи, Глеб Иванович, своему знакомцу, что я через час буду у крепостного рва.

— Таких знакомцев, как я, у него не одна тысяча перебывала, — сказал полковник и перекрестился, подняв очи в гору. — Где они, на небеси или чертям угли подгребают? А Барятинский сам себя не всякий день признаёт. Я волен идти, воевода?

— Не спеши, Глеб Иванович, — Милославский внимательно оглядел начальных людей. — Надо определить, кто где встанет на прясла. Чтобы не было недовольных, я решу это сам: солдатский полк в ответе за Казанскую и Крымскую стороны, приказы Бухвостова и Жидовинова — за Свияжскую сторону, приказ Марышкина с двумя сотнями дворян, севших в осаду, — за Волжскую сторону. Все поняли? А теперь ступайте!

Начальные люди поклонились и вышли вон. К воеводе приблизился, до сих пор молчавший в стороне, дьяк Ермолаев.

— Все люди, Иван Богданович, сочтены, — сказал он и подал князю бумажный листок. Милославский пробежал роспись глазами и вернул дьяку.

— Пять тысяч пятнадцать ртов, — задумчиво молвил он. — Как мыслишь, Ларион, за сколько дён в наших амбарах станет пусто?

— Если не объедаться, то месяца на три достанет.

— Воры беспременно начнут метать в город огонь, — сказал воевода. — Ты испол-

нил, что я велел?

— Все крыши амбаров укрыты сырым травяным дёрном, — доложил дьяк.

— Все ли? — пытливо глянул на него воевода. — Вчера ещё несколько амбаров стояли с голыми крышами.

— К утру только успели завершить, — объявил Ермолаев. — Надо определить, где будем раненых содержать. Гость Твёрдышев отдаёт свою большую избу, однако туда поместится не больше полусотни человек. Где жить остальным?

— Пусть гость с лекарем это решат, — чуть помедлив, сказал воевода. — На какие избы они укажут, те и опростаем от жильцов. Сколько у нас вина?

— Близко к полтысячи вёдер, — ответил дьяк.

— Определи к винному амбару сторожей из дворян, — сказал Милославский. — Вино на войне — большая подмога раненым и поддержка тем, кто ослаб здоровьем и духом. Мне это ведомо на польской осаде Вязьмы. Хлебнёт ратник чарку вина, и его не только хвори, но и пули стороной обегают. Береги винный амбар пуще своей чернильницы, Ларион! И пойди переоденься в чистый кафтан, пойдёшь со мной к окольничему, будешь очевидцем всего, что там будет сказано. Окольничий остёр в повадках, да и я не туп, как бы между нами не случилась свара. Я-то знаю, что ему от меня нужно, но тому не бывать!

Проводив дьяка, Милославский прошёл в свою горницу и принялся за переодевание, на встречу с окольничим нужно идти в лучшей одежде, рассудил воевода, чтобы тот знал, кто перед ним стоит.

Кликнув Петьку, он разделся до исподнего, ополоснул в принесённой денщиком лохани с водой всегда изрядно потевшие ноги, вытер их досуха и, ступая по прохладному полу, подошёл к одёжному сундуку. Одевался он, не торопясь, иногда подходил к небольшому зеркалу, которое появилось здесь одновременно с поломойной девкой Настей, оглядывал себя и оценивал, как смотрится на нём рубаха, штаны, кафтан. Надев шапку, Милославский спохватился, что забыл про государевы награды. Вынул из замшевого мешочка самое большое своё отличие, врученное ему Алексеем Михаловичем за боевое усердие под Уманью, золотой пятирублёвик, и прицепил его за пуговицу на левой стороне кафтана. Награда была редкой, такой золотой имело всего несколько человек, и Барятинского среди них не было, это Иван Богданович знал точно. Пусть окольничий увидит отличие и утишит свою безмерную спесь.

Крепость ополчалась перед неизбежным к ней приступом воровских казаков и бунташных людей: в бойницах башен тускло светились стволы бронзовых пушек, на мостах вдоль стен стало больше вооружённых ратников, тесно было в обеих воротах, через них на телегах в бочках везли воду, она в Синбирской осаде требовалась не менее, чем порох.

Завидев воеводу и дьяка, воротник Федька Трофимов перекрыл путь водовозкам и, сняв шапку, склонился в низком поклоне. На порог воротниковской сторожки вышла Настя и кинула на Ивана Богдановича такой пылкий взгляд, что пятирублёвик на груди у князя задрожал то ли от конского скоку, то ли от учащённого сердцебиения.

Барятинский уже ждал Милославского за крепостным рвом. Они съехались, поприветствовались и замолчали, разглядывая друг друга. Взгляд окольничего был оловянным. В нём не прочитывалось ничего другого, кроме неуёмного упрямства и спеси. Князь облачился как рядовой рейтар, в железный доспех, железную шапку, на которой отсвечивал солнечный блик, из-под кожаного наподбородника несколькими клоками торчала рыжая борода.

«Великий государь, — подумал Милославский, — натравил на Разина самого лобного своего пса. Такой как вцепится вору в глотку, так и не отпустит, пока не загрызёт до смерти».

— Ты, воевода, видел моё войско с прясел, — прервал затянувшееся молчание Барятинский. — У меня великий недочёт рейтар, но беда в другом — нет пехоты, те триста татар, что имею, бою почти не обучены, а половина — недоросли, против бывалых воров им не устоять, — окольничий Милославского ни о чём не просил, и воевода замедлился с ответом. Он понял, к чему клонит Барятинский, и ему это было не по нраву. Всё своё Милославский всегда держал при себе и делиться с другими не спешил. — У тебя, воевода, в крепости солдатский полк, — не выдержал Барятинский. — Отдай его мне. Завтра мы встретим воров у воды и всех утопим, как котят.

— Добро бы так, — сказал Милославский. — Но воровское войско как пчелиный рой, кто его пересчитал? Навалятся многолюдством и сомнут рейтар, тут им и солдатский полк не поможет, а сам сгинет. С кем мне тогда в осаде сидеть?

Барятинский скрипнул зубами, дёрнул головой, и солнечный блик с его железной шапки резанул Милославского по глазам.

— Нужно мыслить не о себе, а о государевом деле, — скрипуче и сухо произнёс окольничий, наступая помалу на воеводу своим боевым конём, который, хищно оска-

лившись, потянулся к жеребцу Милославского, и тот стал пятиться. — Ты мыслишь зрить с прясел, когда воры навалятся на рейтар, и не окажешь подмоги?

— Перед великим государем я отвечаю за Синбирск, — заявил Милославский. — Солдаты будут держать крепость. А ты, окольничий, возьми себе острог, там стрельцы и казаки. Но оглядывайся, служилые синбиряне могут переметнуться к вору.

— Благодарствую за подарок! — зло процедил Барятинский и, подняв жеребца на дыбы, развернулся и, сотрясая землю, ускакал к рейтарскому стану.

Милославский смотрел ему вслед, затем повернулся к Ермолаеву.

— Запомни, Ларион, каждое сказанное здесь слово и сегодня же запиши.

Возле крепости солдатский поручик разглядывал мост, перекинутый через ров. Милославский остановил коня и подозвал его к себе.

— Что смотришь?

— Полковник Зотов велел мне узнать, как скорее разбить мост, чтобы он не достался ворам.

— Где сам полковник?

— В воротах, смотрит, как способнее завалить их кулями с мукой и солью.

Настя всё ещё мела пыль подолом возле сторожки отца, воротника Федьки Трофимова. Воевода остановил коня и погрозил ей пальцем.

— Негоже тебе, Настя, толочься в воротах, как побирушке на паперти. Ступай в мою избу и приберись там.

— Я же всё ещё с вечера обиходила, — сказала, облизнув языком сочные губы, девка-душегрейка. — Или что тебе, князюшка, не по нраву пришлось? Вот завечереет, и опять к тебе приду поломойничать.

Милославский хотел было приструнить языкастую Настю, да сдержался: к нему подошёл солдатский полковник.

— Ты был прав, Глеб Иванович, — произнес воевода. — Окольничий не только строптив, но и руки у него загребущие: восхотел взять у меня твой полк под своё начало.

— Волей великого государя мой полк подчинён тебе, воевода. Без твоего слова я никуда не двинусь.

— У него совсем мало пехоты, — сказал Милославский. — Я ему отдал стрельцов и казаков, что в остроге. И чтобы они не переметнулись к вору, возьми с Волжской стороны прясел сотню дворян и посади их в острог. И скажи тем дворянам, чтобы они всякого переметчика резали сразу, как почуют измену.

В остроге посланные его защищать синбирские стрельцы и казаки пребывали в смятении ума и брожении духа, до них тоже донеслась весть, что Степан Разин находится на расстоянии одного дня пути до Синбирска, и они жадно поглядывали на Волгу, не забелели ли там паруса стругов, не пора ли кидаться на тех, кто мог воспрепятствовать их измене. Таких в остроге было немного: с десяток пушкарей и рядовых солдатского полка, присланных из крепости для обслуживания пушечного наряда. С ними намеревались расправиться, как только Стенькины люди будут под пряслами, а пока стрельцы и казаки обходили их стороной и шушукались подалее от чужих ушей. Никто не хотел явить своё предательство раньше нужного часа.

Пока острожные люди висели на прясле и ждали прихода вора, за их спинами из Крымских ворот вышел строй дворянских ратных людей во главе с солдатским полковником и направился к острогу. Когда казаки и стрельцы их увидели, то впали в смятение. Они решили, что воевода Милославский послал ратников по их жизни. Они обступили своих начальников казачьего атамана Сафроныча и стрелецкого сотника Брюзгу и стали понуждать их ударить сполох, поубивать пушкарей и солдат и сидеть в осаде до прихода разинских людей. Видя это, солдаты попрятались в башне и закрыли за собой двери. Кое-кто было кинулся их выламывать, но Сафроныч и Брюзга отговорили самых горячих от приступа, чтобы вызнать, зачем к ним идёт солдатский полковник.

И тут подоспела ещё одна весть. С прясел закричали, что к острогу идут рейтары со всей своей воинской силой. Услышав это, Сафроныч, прихватив с собой Брюзгу, поспешил к воротам и распахнул их на обе створы, другие начали кричать солдатам в башне, чтобы они выходили и были вместе со всеми. Пушкари и солдаты повысовывались из бойниц, но вниз не спешили. Их, как стрельцов и казаков, весьма занимало, зачем и куда идут люди Барятинского.

Окольничий даром времени не терял. Прибыв к Синбирску, он объехал по нескольку раз вокруг него, спустился в подгорье к Волге и понял, что вернее всего будет встретить воровское войско не внизу, где просторно и его рейтар воры легко могут обойти во всех сторон, а на волжском взвозе, там дорога узка и с одной стороны ограничена обрывом, а с другой — крутым подъемом горы. Приглядел Барятинский и острог, на

него он мог опереться своим обозом и пушками.

Предложение Милославского взять на себя острог окольничего устроило, и он, вернувшись на свой стан, приказал немедленно выступать на новое место. Рейтары знали своего начальника. Уже через полчаса все были на конях, и войско двинулось к острогу.

Завидев рейтар, полковник Зотов остановил ратников и стал ждать окольничего.

— Куда спешишь, полковник? — спросил Барятинский, снисходительно взирая на толпу вооружённых дворян. — Если в острог, то теперь он мой, или ты сего не ведаешь?

— Воевода велел мне отвести туда сотню дворян. Они надёжны и не дадут стрельцам и казакам сотворить тебе, князь, худа, если те замыслят переметнуться к вору.

— Что ж, и на том спасибо, — усмехнулся Барятинский. — Милославский, вижу, дал мне самых лучших ратников: на те, убоже, что нам негоже. Или это испытанные рубаки, полковник?

— Других у нас нет, все разобраны по пряслам.

— На войне все сгодятся, — сказал Барятинский. — Чубаров! Возьми этих людей под себя.

В острог окольничий заходить не стал, рейтары устроили стан рядом с ним, а вокруг огородились телегами обоза. Синбирские дворяне не находили себе места и путались под ногами у рейтар, чем осердили Чубарова, и он пошёл к Барятинскому.

— Реши, князь, где приспособить этих людишек. Мне они не нужны.

— Добро, — согласился Барятинский. — Пусть будут там, куда посланы, в остроге.

И, сев на своего боевого коня, он подъехал к воротам крепостицы, где его земными поклонами встретили Брюзга и Сафроныч. Барятинский долго на них взирал, затем велел собрать всех ратных людей в кучу. Из острога стрельцы и казаки выходить поопасались, поэтому стояли между амбарами и избами, солдаты и пушкари тоже вышли из башни и встали вместе со всеми. Они были в большом затруднении и колебались: являть ли подозрения на синбирян или нет. На свою беду, пушкари и солдаты смолчали.

— Мне доносят, что острожные ратники ненадёжны, — сказал, поигрывая плетью, окольничий. — Скорее всего, так оно и есть. Надо бы из вас каждого десятого вздёрнуть на веску, чтобы остальным было неповадно заглядываться на воров. Так, что ли, поступить?

Барятинский, облачённый в боевую сбрую доспехов, на вороном боевом коне, то и дело привстающим на дыбы, и впрямь был страховат на вид, поэтому стрельцы и казаки изрядно оробели и потупились.

— Напраслину на стрельцов клепают, — сказал сотник Брюзга, не дрогнув под оловянным взором князя. — Среди стрельцов нет переметчиков.

— А среди казаков? — Барятинский повернул коня на Сафроныча.

— У меня все казаки добрые, — поклонившись, объявил атаман.

— Смотрите же у меня! — Барятинский погрозил начальным людям плетью. — Только чуть дрогнете, и всех порассажаю на колья. Чубаров! Расставь дворян по пряслу так, чтобы они присматривали за стрельцами и казаками!

Расталкивая конём людей, окольничий объехал острог и остановился возле пушки, которая, как была вытащена когда-то из башни по какой-то надобности, так и лежала на колоде посреди двора. Орудие пробудило в Барятинском догадку, как его можно приспособить к бою, и он поманил Чубарова.

— Вели, полковник, вынуть из острога пушки и установить их на колеса. Жаль, что не сразу Милославский отдал мне острог, сейчас вряд ли поспеем все пушки переделать, но сделай хотя бы две-три до завтрашнего утра. Ими мы и встретим вора, когда он полезет на гору.

Чубаров скоро согнал к пушке людей, ствол подняли вместе с колодой, и шестеро стрельцов понесли его за ворота, к обозу, где бывалый полковник решил установить орудие на телеге, а в неё запрячь пеших рейтар.

Загадав сражение с разинцами на утро, окольничий велел кормить рейтар много раньше обычного, и уже в вечерних сумерках все ратные люди спали, кроме сторожей и начальников. Барятинский, Чубаров и Зыков находились в палатке посреди стана и думали думу, как успешно промыслить воровское войско.

— Пушки для поля к утру не поспеют, — сказал Чубаров. — Запальные дырки так заржавели, что в них нет продыху. Нужно сверлить, а такой снасти в Синбирске нет.

— Что, чем другим нельзя расковырять?

— Пушкарям велено над этим всю ночь чинить розмысел. Может, к утру что и сделают.

— Так! — окольничий ударил ладонью по столу. — Зыков, у тебя сколько гранат?

— Три десятка. В Саранске гранатная казна оказалась пуста. Может, взять у вое-

воды?

— Нет, Милославский нам не помощник, — отмахнулся от предложения Барятинский. — Я его видел, он гребёт всё под себя. Воевать будем так, как мы умеем. На горе посадим метальщиков гранат. Когда воры пойдут в гору, они закидают их гранатами, а твоим, Зыков, полком ударим их в лоб. Только ты, Фёдор, гляди за своими, чтобы вмёртвую не сцепились с казаками. Пусть ударят из пистолетов, порубят тех, кто оплошал, и отходят. После такого удара воры часа два будут чесать головы, пока придут в себя.

— А где моё место? — ревниво поглядывая на Зыкова, спросил Чубаров.

— Встанешь за Фёдором, если он попятится, ты его подопрёшь, а затем так ударишь всей мочью, чтобы воры посыпались с горы вниз.

Полковники на эти слова окольничего переглянулись, задача была перед ними поставлена явно не по их силам.

— Мало нас, — смущённо кашлянув, сказал Чубаров. — У Стеньки многие тысячи ратных людей, а у нас чуть поболее тысячи. Увязнем мы в ворах, и они нас числом задавят.

— И думать об этом не моги, полковник! — жёстко произнёс Барятинский. — В первый ряд поставь самых лучших рейтар и так плотно, чтобы конь к коню были всего на стремя. Передние два ряда должны быть не с двумя, а с четырьмя заряженными пистолетами. Гранатная и пищальная пальба должны поразить воров ужасом скорой и неминуемой смерти! А теперь ступайте к полкам и ждите сполоха.

Чубаров и Зыков ушли к своим людям, а Барятинский поднял глаза на луну, которая круглым серебряным слитком выкатилась над Заволжьем и облила берега холодным и призрачным светом. На землю пала роса, окольничий зябко поморщился и, велев себе проснуться через три часа, лег на куль с соломой и с головой накрылся овчинной шубой.

— 4 —

Разинское войско шло от Астрахани до Синбирска больше месяца. Это была адова работа — тащить против течения больше двухсот стругов, нагружённых воинскими припасами, и в лямки впрягались все: и старые, и молодые казаки, и гулящие люди, но особо тяжко пришлось пленным стрельцам, те не вставали из-за вёсел и не снимали с плеч бурлацких лямок, и погибло их несчётно, никак не меньше тысячи человек. Их не хоронили, а просто сталкивали в реку, за весло сажали другого пленного, и всё скопище стругов и людей безостановочно шло на верховые уезды.

С продвижением Степана Разина вверх по Волге сказочные слухи об атамане, вознамерившимся погубить всех бояр и дать людям волю, стали близки к действительности, чему способствовали многочисленные посылки ватажек в верховые уезды с прелестными письмами и призывами убивать начальных людей и устраивать жизнь по своей воле. Вся юго-восточная окраина русского государства была охвачена бунтом, и множество народа бежало к берегам Волги, чтобы пополнить ряды разинского войска. Оно на подходе к Синбирску достигло уже двадцати тысяч, которые шли на стругах и по обеим берегам реки, но вряд ли и сам Разин знал, сколько у него под началом людей с оружием.

В Белом Яру стрельцы открыли Разину ворота с большим воодушевлением. Степан Тимофеевич велел всем стругам идти дальше, а сам, в окружении своих ближних людей, сошёл на берег. К нему подошли белоярские стрельцы и низко поклонились. Не склонил головы лишь воевода Ярцев, преклонных лет старик, но ещё бодрый видом.

— Не утеснял ли православных сей ставленник бояр? — спросил Разин. — Что ему пожаловать, батогов или рели?

Стрельцы единодушно объявили, что за воеводой Ярцевым никаких вин перед ними нет и они просят для него атаманской милости.

— Вот мы сейчас узнаем, — сказал Разин, — нужна ли воеводе моя милость. Целуйте крест на вечную верность казацким обычаям! — все стали целовать крест, но когда дошла очередь до воеводы Ярцева, он отвернулся от распятия. — Стало быть, тебе, старик, не по нраву казацкое крестное целование? — спросил атаман с такой холодностью в голосе, что все вокруг затихли, даже самые буйные разинские есаулы. — Ты почто рожу от святого креста воротишь?

— Я не от креста отвернулся, воровской дядя, — сказал белоярский воевода. — А от тебя, душегуба и кромешника.

Разин от такого невиданного им давно отпора слегка опешил, но волю гневу пока не дал.

— Стало быть, я душегуб, — произнёс он в притворной задумчивости. — Не спорю, великие грехи я на себя взял, но и великую радость дать людям волю и казацкое

счастье. И не помню я ни одного из тех, кого сгубил, чтобы у него душа была. Может, она есть у тебя, старый?

— Чтобы узреть чужую душу, надо свою иметь! — громко сказал воевода и так рванул на груди свой кафтан, что с него посыпались пуговицы. — А кровь мою ты хоть сейчас увидишь.

Разин, свирепея, воззрился на Ярцева, но сдержал гнев, отвернулся и поманил к себе своего денщика Бумбу.

— Засунь его в куль и привяжи к бревну на носу струга!

Затем атаман обошёл острог и велел забрать на струг затинные пищали, малые пушки, порох и свинец. Желающим воевать Синбирск он велел идти туда берегом. За то время, пока Разин был в Белом Яру, мимо него не прошло ещё и половины стругов, что были вместе с ним. Он поднялся на свой струг и велел кормщику нагнать передовые суда. Лучка принялся нахлёстывать бичом гребцов, бывших московских стрельцов, а Разин подошёл к носу струга. Куль на бревне трепыхался, сидевший в нём воевода лаялся и грозил атаману самыми страшными муками ада.

«Надо помянуть Гориныча добрым посулом, — подумал Разин. — Вот выйду к Синбирску и воздам ему почесть. Уже более месяца иду от Астрахани, а он себя не кажет».

Начало осени дало о себе знать быстрыми сумерками, на воде от острого сквознякового ветерка было зябко. Степан Тимофеевич ушёл под навес на корме и сел рядом с братом, который лежал, закрывшись овчиной, на персианском ковре.

— Как можется, Фролка? — спросил Разин.

— Познабливает.

— Годи! — сказал Степан Тимофеевич. Из небольшого короба он достал кувшин, налил из него в чарку, сыпанул туда же горсть порошка. Поболтал чарку в руке и протянул брату. — Испей зелена-вина с турецким перцем. Первое средство от простудной хвори, — Фрол выпил снадобье и закашлялся. — Терпи, брат, сейчас полегчает!

Под навес сунулся кормщик Лучка:

— Огни на стругах возжигать будем?

— А как же! — оживился Разин — Вели моим именем на каждом струге возжечь пламя, чтобы синбирским воинским людям и воеводам стало досадно от множества моей силы. Когда Синбирск явится?

— Рано утром будем против горы.

Лучка ушёл к борту струга, крикнул соседнему кормщику, чтобы тот зажёг огонь и передал волю атамана дальше. И вскоре Волга на всю свою ширину и на две версты в длину была освещена множеством огней. Они веселили души людей, утомлённых долгим путём, и напоминали о том, что уже завтра им всем предстоит участвовать в деле, где никому скучно не будет.

— Усни, Фролка, — Степан укрыл брата, лёг с ним рядом, велев себе проснуться за полчаса до рассвета. Засыпая, он подумал, что зря он выбрал для посула Горинычу костлявого и злобного старика. Надо было припасти ему раскрасавицу-жёнку, разодетую в золото и алмазы, тогда бы Гориныч оберёг его от пули и бесславия.

Когда атаман открыл глаза, утренние сумерки уже начинали рассеиваться. Он вышел из-под навеса и довольно улыбнулся: множество огней говорило о том, что сила его не покинула, побратимы и всякий другой безымянный для Разина люд были рядом и готовы по его знаку идти туда, куда он их пошлёт. Куль с воеводой всё так же висел на носовом бревне. Разин подобрался к нему и, достав нож, прошептал имя Гориныча, затем перерезал верёвку. Послышался тяжёлый шлепок о воду. Разин, повиснув вниз головой над бортом, вглядывался в плещущиеся волны, но не уловил ни одного знака, которого с душевным трепетом ожидал от своего покровителя.

— Гляди, атаман, что на берегу деется! — вскричал Лучка.

Разин поднял голову, оборотился к правому берегу Волги и увидел, что вокруг Синбирска полыхает огромное зарево пожара. Разин прислушался: колокола в рубленом граде молчали, сам он был ярко освещён, но не горел.

— Что это такое? — спросил Фрол.

— Синбиряне жгут посад. Стало быть, нас ждёт осада. Да, брат, Синбирск — это не радушная Астрахань! Здесь в полную силу воевать надо.

Разин встал на помост и жадно взирал на пожар, ему в нём чудился некий признак, предсказывающий ему будущее. «Если это от Гориныча знак, — думал атаман, — то как его понять, добрый он или нет?»

От смутных гаданий Разина отвлёк шелест, который стал исходить от всех стругов. Шелест понемногу перешёл в громкое шарканье. Поняв, что это такое, Степан Тимофеевич возрадовался: казаки и другие ратные люди готовились к битве и точили своё оружие: сабли, секиры, ножи, топоры и копья. А тут ещё с синбирского подгорья донёсся голос есаула Корня. Две тысячи казаков, которых он вёл посуху, подошли к берегу и встречали своего атамана весёлыми криками.

Струги стали причаливаться к берегу, множество людей собралось в огромную толпу, и Степан Тимофеевич поспешил призвать к себе всех начальных людей. Им было велено разместиться станами и строго смотреть, чтобы их люди не мешались с чужими. Бывшим приказам астраханских стрельцов приказали встать в стороне от дороги в гору, пять тысяч казаков поместились на пойменной луговине, приказ оказаченных стрельцов из поволжских городов занял место под дорогой. Оставалась самая шалая часть войска — воровские шайки и гулящие люди, их Разин послал вперед по дороге в гору, зная, что они будут воевать только тогда, когда их сзади подпирают копьями и саблями строевые ратные люди.

— Зря ты, Степан Тимофеевич, доверил этой гили взять гору, — посетовал Корень. — Там же рейтары, они их одним махом сметут.

— Хочешь сам идти? — удивился Разин. — А кто будет рубленый город брать? Не всё же им за нашими спинами жить, пусть воюют.

Ратные люди разбрелись по станам и сидели там на земле, ждали своего часа. Атаман был со своими донскими казаками, он знал, что они — его единственная верная опора, в любой беде не оставят, многие проверены ещё по походу на Каспий. Донцы были беспредельно верны своему атаману, и он отвечал им такими же пылкими чувствами.

Вернувшись к своему стругу, Разин взглянул на гору и обеспокоился: что-то подозрительно тихо на ней было.

— Бумба! — велел он своему денщику. — Сбегай наверх по дороге и посмотри, что там.

Калмык прыгнул на коня и помчался исполнять приказание. Скоро он вернулся.

— Поперёк дороги завал из брёвен. Мужики его растаскивают в стороны.

— Рейтар видел?

— Нет, атаман. Они за поворотом, и пока там тихо.

— Кликни ко мне стрелецкого атамана Лунина, — калмык круто развернул коня и поскакал к астраханским стрельцам. — Сейчас услышим, отдадут ли нам дорогу рейтары, — сказал Разин, и сразу же раздался оглушительный рёв множества людей, которые пошли на приступ. Вслед за этим послышались частые взрывы, Фрол начал их считать, дошёл до десяти и сбился.

— Рейтары кидают гранаты! — сказал он. — По звуку четырёхфунтовые.

— Слышу! — отозвался Разин. — Гранаты — это верная смерть, добро бы их было мало.

— Бегут! — крикнул Фрол и указал на дорогу. По ней, не оглядываясь, спешило вниз гилевое войско, непривычное к стойкому сопротивлению противника. Дорога была битком забита бегущими людьми, многие сходили с неё и катились по склону вниз, другие, цепляясь за траву и кусты, лезли по склону наверх.

— Слушаю, атаман! — к Разину подошёл Лунин.

— Возьми своих астраханцев и задержи, кого сможешь, на дороге! — велел Степан Тимофеевич. — Всех руби, никого не жалея!

Астраханцы перекрыли дорогу в несколько рядов, но обезумевшая толпа на них напирала, и Лунин приказал стрелять поверх голов. Однако его люди были обозлены и выстрелили прямо в толпу.

— Что они делают, Степан! — ужаснулся Фрол.

— Дело делают, — спокойно ответил Разин. — Пора всё войско отучить от баловства.

Астраханцы продолжали, действуя бердышами и саблями, оттеснять беглецов от дороги на край берега.

— Корень! — сказал Разин. — Возьми с десяток казаков и Чикмаза. Пойдём учить людей войне.

Толпа в несколько тысяч человек теснилась на небольшом клочке земли, который языком уходил от берега. Корень выехал за оцепление, велел всем начальным людям идти к атаману. Некоторые вышли сами, других толпа вытолкала с криками и битьём.

— Вы целовали святой крест на казачество! — громовым голосом обратился Степан Тимофеевич ко всем людям. — Теперь вы казаки, а казаки своим врагам спин не кажут! По казацкому закону бегство с поля боя равно измене! За это я волен казнить из вас каждого десятого!

Толпа от ужаса вздрогнула. Многие упали на колени и стали слёзно молить атамана о прощении. Плач и вой были не по нутру Разину, и он велел Лунину выстрелить мимо людей. Пальба утишила толпу.

— Чикмаз! — сказал атаман. — Приступай к делу.

Палач схватил за волосы воровского атамана, уронил на колени и отрубил ему саблей голову. Следом покатились по пологому скату к воде головы ещё четырнадцати начальных людей.

— Возьми, Фрол, этот сброд под своё начало, — сказал Разин. — Разбей их на сотни, для присмотра за ними разрешаю взять тебе казаков по твоему выбору.

— Что ты делать замыслил? — спросил Фрол.

— На рейтар нужно самым крепким казакам идти. Но поперёд пустим сотни три гилевых людишек, вдруг Барятинский не все гранаты перекидал. Вот и проверим.

Второй приступ дороги к Синбирску начался близко к обеду. Разин долго добивался своего начальства над ударным отрядом, но есаулы встали поперёк.

— Ты, Степан Тимофеевич, наш атаман, — говорили они. — Не дай Бог, попадёшь под дурацкую пулю, и мы останемся без твоего атаманства безголовыми и разбредёмся сиротами. Твоё время ещё придёт, а нам воевать веселее, когда ты сзади нас подпираешь.

— Способнее мне против рейтар идти, — сказал Очерет. — Я с рейтарами уже бился под Конотопом. Правда, то были ляхи с железными крыльями, а здесь русские и без жестяных гремушек.

— Пусть будем так, — сказал Разин. — Иди, Очерет, дорогу нужно до вечера взять в свои руки. Даю тебе полную свою волю над людьми.

Очерет взял полтысячи своих запорожских черкас, вооружённых длинными пищалями и острыми саблями, и пошёл вверх по дороге, подталкивая впереди себя три сотни сбродных ратных людей. К высокому склону над дорогой он загодя направил полсотню самых лихих казаков, чтобы они вырезали метальщиков гранат. Пластуны незаметно подкрались к рейтарам, затаившимся в кустах над дорогой, и взяли их в ножи. Очерет возрадовался удачно начатому делу и велел идти дальше.

Они прошли по дороге две трети пути, когда послышались тяжёлые ухающие удары тулумбасов.

— Готовьте пищали к бою! — вскричал Очерет. — Стрелять за тридцать саженей! — за поворотом дороги послышался тяжёлый скок рейтарских коней. Пешие ратники отступили под морды казацких коней. — Сразу, как стрелят казаки, бегом идите на рейтар и режьте всех подряд! — велел им Очерет.

Завидев казаков, рейтары захлестнули поводья за высокие луки своих седёл и взяли в каждую руку по пистолету. Прицельно стрелять они могли с десяти-пятнадцати саженей, но казаки ударили из пищалей раньше, однако это рейтар не остановило. Они не дрогнули, выстрелили из запасных пистолетов, подавили конями пехоту и сошлись с черкасами в отчаянной сабельной рубке. Рейтары давили сверху, и казаки держались из последних сил. Уже до двух десятков казаков было убито, Очерет махал саблей, отбиваясь от рейтара, который теснил его к обрыву, и тут вовремя поспела помощь.

Прислушиваясь к шуму сражения, Разин догадался, что у Барятинского нет пехоты, иначе он пустил бы её по верхней стороне дороге, непроходимой для конницы.

— Фрол, твоё войско к бою готово? — спросил он своего брата.

— Пойдёт и в огонь, и в воду!

— Как ты того добился?

— Чикмаз ещё тридцати гильщикам башки снёс, и теперь их хоть в оглобли ставь.

— Добро, Фрол, — сказал Разин. — Пошли тысячу своих людей вверх по нагорной обочине дороги, и пусть они бьют рейтар сверху из пищалей и копьями.

Почуяв, что на них напали с двух сторон, рейтары отступили. Очерет отправил своих раненых людей в подгорье, с дороги убрали в сторону убитых, и казаки пошли на новый приступ. Рейтары сражались упорно, особенно губителен был их плотный огонь из пистолетов. Опростав от пуль оружие, они вступали в рукопашную схватку, но опять отступали под натиском черкас Очерета, пуль, копий, а то и камней, которыми пехота осыпала их сверху.

Когда в очередной раз рейтары отошли, Барятинский не выдержал и послал против разинской пехоты свою, триста молодых татар. Те ушли, но живыми не вернулись. Из рейтар Зыкова многие погибли, целыми оставались люди Чубарова. И Барятинскому пришлось, пользуясь наступившими вечерними сумерками, отступить к острогу, огородиться телегами и стоять всю ночь там, надеясь, что подойдёт подмога от князя Урусова. На помощь Милославского окольничий не рассчитывал.

– 5 –

Проведав, что дорога на Синбирскую гору стала свободной от рейтар, Разин велел всем казакам, астраханским и сбродным со всех низовых городов ратникам идти к острогу, возле которого, ополчась, стоял Барятинский со своими воинскими людьми. Окольничий был зол и мрачен: во всякие переделки ему доводилось попадать за свою некороткую боевую жизнь, но такой ещё не бывало. И всему виной арзамский разборщик служилых людей Алексей Еропкин, который, имея от этого корысть, понаписал в

полковые списки негодных к службе по здоровью дворян, а то и просто мёртвых душ, от чьей памяти остались лишь покосившиеся кресты на погостах. В полках объявилось много неявщиков-нетчиков, богатые дворяне попрятались по укромным местам и не спешили на войну с мужиками, от которой им не было корысти, и выжидали, что бунт усмирит кто-нибудь другой, кроме них.

Мрачно глядели вокруг себя и рейтары Барятинского, их обижало и злило, что им, дворянской бедноте, жившей только на рейтарское жалование и не имевшей своей земли и крестьянишек, приходилось рисковать за богатых дворян, часто за деньги уходивших от полковой службы в свои поместья. Только за один день на Синбирской горе было убито до ста рейтар, а вдвое больше поранены, и что может случиться с каждым из них, они чувствовали своей барабанной рейтарской шкурой. В любой схватке можно было потерять жизнь или получить жестокое увечье.

Барятинский уступил воровскому войску достаточно земли от острога до берегового обрыва, чтобы оно на ней поместилось. Старые казаки встали к рейтарам ближе остальных и зорко на них поглядывали, чтобы они не учинили против них какой-нибудь каверзы. Остальные разинцы расположились на отдых, разожгли костры, кипятили воду для вечерней трапезы. Ставка Разина находилась на краю волжского обрыва, где ему Бумба устроил палатку, а неподалёку возжёг костёр.

У атамана собрались есаулы и старшины, чтобы выслушать его повеления на ближайшее время.

— Главное сейчас — опростаться от Барятинского, — говорил Степан Тимофеевич. — Ждать, пока он сам побежит, мы не станем. Я сейчас жду важные вести, и если они нам будут на руку, то ударим по рейтарам в утренних сумерках.

— Нужно поглядывать на рубленый город, — высказал опасение Корень. — Мы сцепимся с рейтарами, а Милославский может ударить нам в спину.

— Розмысел дельный, — похвалил есаула Степан Тимофеевич. — Только сдаётся мне, что воевода с окольничим живут, как кошка с собакой. Они могли сложиться ратными людьми ещё сегодня, и тогда мы вряд ли бы одолели Синбирскую гору. «Может, это Гориныч затмил им разум», — мысленно произнёс атаман и зябко поёжился.

— Сегодня они не сложились, а завтра сложатся, — сказал старик Однозуб. — Потому надо отгородиться от рубленого города крепкими ратными людьми. Бережёного и Бог бережёт, и чёрт балует.

В палатку заглянул Бумба.

— Что, явились? — спросил Разин. Калмык кивнул и продолжал глядеть на атамана. — Веди.

— Это прибыли ратные люди из острога, — сказал Разин. — Послушаем, что они скажут.

В палатку вошли сотник Брюзга и казачий полусотник Шутов, его вместо себя прислал осторожный Сафроныч. Гости потоптались, поискали глазами образа, чтобы перекреститься, не нашли их и нестройно промолвили:

— Челом великому атаману Степану Тимофеевичу!

Разин разглядывал гостей, пряча насмешливую улыбку в усах. Честный казак, он перемётчиков не любил и глядел с опаской: изменивший один раз не поленится изменить и в другой.

— С чем явились, синбиряне? — спросил Разин. — Здесь все люди свои, говорите.

— Мы, Степан Тимофеевич, держим твою сторону, — заметно волнуясь, произнёс Брюзга. — Острожные стрельцы и казаки решили сложиться и уйти под твою руку.

— Добро, раз так, — важно сказал Разин. — А как вы уйдёте ко мне? Барятинский окружил острог, там его люди, обоз, пушки. Как же он вас от себя отпустит. Или вы там у себя что-то удумали?

— Навались на рейтар всей своей мочью, Степан Тимофеевич! — горячо заговорил полусотник Шутов. — Пока они с казаками будут схватываться, мы перережем тех дворянишек, что за нами приглядывают, и сразу ударим по рейтарам из пищалей.

— Розмыслы у вас великие, но у меня нет надежы, что вы в последний час не передумаете, и подведёте казаков под пистолеты рейтар.

Брюзга и Шутов принялись в один голос клясться, что они слово сдержат. Стенька смотрел на них и удивлялся потемкам человеческого сердца: эти люди клялись убить тех, с кем ещё сегодня бок о бок стояли на молитве.

— Сделаем так! — решил атаман. — Заполночь к пряслу подойдут полсотни моих казаков. Постреляйте в них пыжами и пустите в острог. Я в это время нападу на рейтар. А теперь ступайте. Бумба, проводи, чтобы их никто не тронул, — после ухода перемётчиков Разин спросил Очерета: — Сколько твоих казаков погибло, Тарас?

— Двадцать два, — перекрестился черкас. — Добрые казаки были. Со мной с Запороги пришли. Здесь на обрыве положили в братскую могилу.

— Надо не забыть их родичей, Очерет, жен, детей, родителей, если они живы.

— Всё их добро будет сохранено у казначея и отдано родным.

— Они не торговыми людьми были, а казаками, — вздохнул Степан Тимофеевич и пододвинул к себе кожаный мешок. — Подставляй суму, Очерет! Жалую родным по двадцать пять рублей золотом. Храни эту казну, Тарас, как свою голову! — о затоптанных конями рейтар на Синбирском взвозде воровских и гулящих людишках Разин не вспомнил. — Что, побратимы! — сказал атаман, выходя из палатки. — Не время ли взять Барятинского на кукан, а его рейтар посадить в цепях за вёсла наших стругов? — ответом Степану Тимофеевичу были грозные крики всех казаков, что были вокруг него. — По рейтарам ударим одними казаками, — решил Разин. Бумба подвёл ему боевого коня. — Очерет, Фрол, Однозуб, Корень! Поднимайте своих людей, начнем через полчаса!

Есаулы разбежались исполнять его волю, а Разин поехал мимо костров. При их свете была видна суматоха, казаки ополчались пищалями и саблями, седлали боевых коней и разбирались по своим сотням. С рейтарской стороны было тихо, но атаман знал, что хитрый полевой лис Барятинский не дремлет и всегда готов к бою.

Чуткий Бумба тронул Разина за плечо.

— Стреляют, атаман, с Крымской стороны острога.

Теперь и Разин услышал пальбу, и она его порадовала, перемётчики пустили за прясло казаков, и сейчас там началась резня и охота на дворянских ратников. Барятинский сразу понял, что в остроге случилась измена, и с десятком рейтар кинулся к воротам. Но они уже были заперты изнутри, и на окольничего посыпались пули и камни.

От острога Барятинский прибежал к своим рейтарам и перевёл дух. Чубаровский полк и остатки полка Зыкова стояли в строю. Окольничий подъехал к полковникам и встал впереди их. Разинский стан был в ста саженях, на нём горели, уже затухая, костры, край неба над волжским обрывом засветлел предвестием рассвета, и на нём громоздилась чёрная туча. Затем она с тяжёлым топотом двинулась на рейтар, это были казаки.

Барятинский привстал на стременах и махнул рукой. Тотчас на обеих сторонах многорядного рейтарского строя стали гулко и часто бить тулумбасы, а рейтары, набирая скорость, пошли навстречу разинскому войску, готовясь выстрелить из сотен пистолетов все разом, а потом взяться за сабли.

Однако казакам были ведомы рейтарские хитрости, центр их войска замедлил движение, правая и левая сторона строя стали от него отдаляться, охватывая рейтар с двух сторон в клещи. Казаки в центре прицелились из своих длинноствольных пищалей и, не сходя с сёдел, осыпали людей Барятинского пулями ещё до того, как те приблизились к ним на пистолетный выстрел. Рейтары смешались, многим удалось все же разрядить пистолеты в мчавшихся на них галопом казаков, но стрельба была явно не прицельной, на повторный выстрел времени у казаков и рейтар уже не оставалось, и они сшиблись в отчаянной и беспощадной рубке.

Разин нацелил своего коня на Барятинского, но окольничего сшибло пулей, и его рейтары уволокли вглубь строя. Атамана это разозлило, и он налетел на ротмистра Саймонова и крепким ударом сабли разрубил на его плече серебряный панцирь, после чего рейтар кулем упал с коня на землю. Строи сломались, битва раскололась на множество единоборств, где удача сопутствовала сильным телом и духом. И неизвестно, сколько бы продолжалась эта почти равная борьба, но из острога начали прицельно стрелять из пищалей в спины рейтарам. На этом геройская часть сражения завершилась, рейтары ударились в бегство, и многие из них были порубаны и постреляны казаками, которые гнались за ними до Свияги.

Через реку перешло около семисот рейтар, Барятинского среди них не оказалось. Окольничий нашёл своих рейтар через сутки, когда они уже шли по засечной черте в сторону Тетюшей. Где он обретался всё это время, неизвестно. Сохранилась молва, что Барятинский связанным лежал на телеге, и от пут его освободил какой-то казак, дал коня и указал, куда идти. В этой молве нет ни красоты, ни смысла, поэтому, возможно, так оно и было на самом деле.

Победителям достался рейтарский обоз, немало оружия и с полтысячи добрых рейтарских коней, которых тотчас порасхватывали безлошадные казаки. Достался трофей и Степану Тимофеевичу, Бумба принёс ему зрительную трубку. Атаман был уже знаком с этой иноземной хитростью, приставил к глазу и навёл на рубленый город. На надвратной башне стоял воевода Милославский и, выпучив глаза, грозил кулаком в сторону казаков. Разин отдал зрительную трубку Корню.

— Погляди, как воевода размахался крыльями, того и гляди, что полетит, — усмехнулся атаман.

Корень долго разглядывал рубленый город и сказал, возвращая Разину зрительную трубку:

— А городок, Степан, непрост. Чую, намаемся мы с ним до кровяных соплей!

— Что тебя смутило, есаул? — недовольно произнёс Разин. — Дерево всегда дерево, я сожгу Синбирск в три дня.

— Я этих слов, Степан Тимофеевич, не слышал, — сказал Корень. — Конечно, три дня — срок невеликий, но за это время многое может случиться.

Разин отвернулся к своему верному денщику.

— Прогони, Бумба, из острога всех перемётчиков-синбирян, — повелел он. — В башне на первом ярусе будет съезжая казацкая изба, на втором ярусе устрой для меня покои. Избы вокруг башни отдай есаулам и лучшим казакам.

Бумба поспешил к острогу, а Степан Тимофеевич отправился к лечебной палатке, возле которой находились подобранные на поле боя тяжелораненые ратники. Легкораненых здесь не было, те лечили себя сами старыми проверенными средствами. Раненые лежали на земле возле острожной стены, где не было солнца. Костоправ Нефёд, старый казак, потерявший ногу от удара каменным ядром, выпущенным из пушки, покрикивал на молодого подручного:

— Привязывай ему руку к бревну что есть силы!

В одной руке Нефёд держал тонкий плотницкий топор, в другой — большую чарку с вином.

— Не могу пить, уже в горле то вино плещется! — мотал головой казак. — Руби так, стерплю.

Рука казака в запястье была разбита пулей и уже чуть зачернела. Нефёд медленно вылил на рану вино, раненый заскрипел зубами.

— Закуси шапку, легче терпеть будет, — посоветовал подручный лекаря.

— Что пялишься на топор, зажмурь глаза! — рассердился Нефёд. — Вот так! — он ударил топором выше раны, обхватил кожу руки и стал натягивать вниз. — Давай железо!

Подручный выхватил из кострища раскалённую железную пластину, и Нефёд тут же прижал к ней культю. Завоняло горелым мясом, раненый широко раскрытыми глазами смотрел на свою руку, и по его щекам катились слёзы. Нефёд вырвал у него из зубов шапку и подал чарку вина.

— Пей, если хочешь жить! — подручный отвязал руку раненого, помог ему привстать, на бревне осталась лежать обрубленная кисть. — Иди и не оборачивайся! — торопил его Нефёд. — Поболит рука, поболит и перестанет. И не тоскуй, ведь не голову на бревне оставил, а руку, у тебя ещё одна есть.

Атамана Нефёд встретил как ровню, вместе в Персии были, не раз он пули из Разина выковыривал, раны ушивал.

— Я ведь сколько за тобой не зрю, Нефёд, а в голове у меня одна думка, — сказал Степан Тимофеевич, покачивая на ладони лекарский топор. — Недобрым делом ты занят, калек плодишь и нищих. У всякой церкви можно найти твоих крестников, кто на чурбачке подпрыгивает, кто на костыле ковыляет.

— Эх, Степан! — скорбно вымолвил Нефёд. — Я помогаю людям чем умею. Нет у меня такой силы, как у тебя, делать людей вольными посмертно.

— Это как? — встрепенулся атаман.

— В твоём праве отрубить любому голову, после этого и тело у человека не болит, и господина над ним нет, и душа, если попадёт в рай, бессрочно счастлива.

Разин тяжело глянул на Нефёда и, повернувшись, пошёл прочь.

«Чёртов костоправ, — подумал он. — Уязвил меня в самую душу. А может, он и прав, что люди могут быть вольны и счастливы только посмертно?»

Бумба уже обозначил новую атаманскую ставку тремя чёрными конскими хвостами, которые колебались на перекладине высокого шеста. Крыльцо башни и нижний ярус были застланы верблюжьим войлоком, возле стены на возвышении стояло резное кресло, покрытое красным бархатом. Других мест, где можно сесть, в помещении не было, как и икон. Сойдясь с Горинычем, Степан Тимофеевич избегал на них смотреть. Возведённый в чин войскового писаря Евсей Жилкин встретил атамана поясным поклоном. В руке у него находился бумажный свиток.

— Что там у тебя? — спросил Разин, опускаясь в кресло.

— Крестьянишки, то бишь казаки Промзина Городища бьют тебе, великий атаман, челом, чтобы ты им дал ставленую грамоту на пахотную землю, чёрный лес и рыбные ловли по обеим берегам Суры до Барышской Слободы, — Жилкин робко глянул на атамана. — Грамоту я изготовил.

— Тогда ставь на неё мою печать! — важно провозгласил Разин. — И буде другие просить земли, давай им всё, что похотят, невозбранно, — после ухода писаря Разин ещё раз осмотрел помещение, где находился, и понял, на что оно похоже. — Бумба! — позвал он своего денщика. Калмык вошёл и встал перед креслом атамана. — Ты добрый и верный казак, Бумба, — сказал Разин. — Скажи, зачем ты скамьи отсель

повыкидывал?

Денщик огляделся по сторонам и развёл руками.

— Здесь же войлок постелен, зачем скамьи?

— Беда с тобой, Бумба, — улыбнулся Разин. — Давно живёшь с русскими, а думаешь по-калмыцки. Здесь же съезжая изба, а не кибитка. Верни назад скамейки.

Вслед за денщиком он вышел на крыльцо. Там его уже ждали атаманы многочисленных ватажек, которые хоронились близ Синбирска по лесам и оврагам, а теперь, прослышав о разгроме Барятинского, вылезли из своих укромных мест и явились бить челом победителю рейтар Степану Тимофеевичу, чтобы он взял их в своё войско. Это были мордовские и чувашские люди, плохо знающие русский язык, ещё едва прикоснувшиеся к христианству, но уже люто ненавидящие боярскую неправду и свято верившие в справедливость московского царя.

Разин подивился числу пришедших к нему атаманов и спросил Фрола:

— Сколько народа притекло к нам за сегодняшний день?

— Боюсь соврать, брат, но больше пяти тысяч. Разъезды доносят, что со всех сторон идут к Синбирску несметные толпы.

— Как же ими управлять? — засомневался Разин.

— Очень даже легко, — пискнул из-за атаманской спины писарь Евсей Жилкин. — Народу не надо мешать делать то, что хочет. Сейчас он хочет разломать Синбирск и поубивать всех лучших людей.

Во двор вошли свирепого вида ярыжные люди. Они гнали перед собой дюжину полураздетых молодых парней.

— Дворяне из своих деревень спешили к Барятинскому да угодили к нам! — донёс атаман.

— Зачем вы их ко мне приволокли? — осерчал Разин. — Что, осин не нашли их развесить? Ведите их прочь!

Двор острога не пустовал, приходили всё новые ватажники, вооружённые дубьём и вилами, Разин говорил им несколько ласковых слов, и люди уходили, воодушевлённые атаманом до высот почти религиозного ликованья. После общения с Разиным для людей переставали существовать их дети, семья, лучшие люди, бояре и князья, великий государь и даже сам Господь Бог, всё затмевал своим образом народного заступника простой донской казак, осмелившийся угадать и объявить народу, что он имеет право жить по воле и правде. Людей опьяняла и кажущаяся близость исполнения их надежд, они верили, что Разину ведом волшебный ключик, которым он вот-вот отворит всем дверь в райское благоденствие, и за эту сказку они, не раздумывая, отдавали свои головы.

Мирное течение людей перед Разиным вдруг нарушила замятня в воротах острога. Несколько казаков во главе с атамановым кормщиком тычками гнали перед собой троих людей. Те упирались и отбрехивались. Увидев атамана, один из пришельцев, это был Федот, бросился к крыльцу.

— Совсем особачились твои ближние казаки, Степан Тимофеевич! — воскликнул он, притворно всхлипывая. — С коней свалили, суму с пожитками раздуванили, а ведь я твою атаманскую волю исполнял. С твоими прелестными грамотками всю Суру обошёл, двадцать деревень под твою руку в казаки поверстал.

— Что стряслось, Лучка? — перебив Федота, спросил Разин. — Сей казак, верно, был послан возмущать верховые уезды.

— Не слушай пустобрёха, атаман, — сказал Лучка. — Дело не в нём, а он шёл с тем синбирянином, что прибегал к тебе под Царицыным и всё крутился меж казаков, что-то вынюхивал, выспрашивал, — Лучка схватил пленника за шиворот и поставил на ноги.

— Вот так раз! — удивленно произнёс Разин. — Ведь ты человек Твёрдышева. Обзовись, что-то запамятовал твоё имя.

— Максим.

— Ну, Максим, поведай, с каким умыслом ты промеж моих казаков промышляешь сейчас?

— Он с Теши шёл, там невесту схоронил, — встрял Федот.

— Уймись, стрекотун! — Разин потеплел взглядом. — Вспоминаю, что ты к невесте спешил. А как Твёрдышев?

— Наверно, в рубленом городе сидит.

— А ты, значит, к казакам решил податься?

— Я сам по себе, — тихо промолвил Максим.

— Вот и дурак! — усмехнулся Разин. — Так ты точно цел не будешь.

— Он боярский шиш, атаман! — крикнул Лучка. — Вели его вздёрнуть на веску!

— На веску, говоришь, — задумчиво произнёс атаман. — Можно и так. А вдруг промашка выйдет? Вдруг он никакой не шиш, а добрый человек. Вот сейчас мы это и

узнаем, — Разин повёл глазами вокруг и упёрся взглядом в пленного рейтара, который был привязан к столбу и, опустив голову, ждал своей участи. — Лучка, дай парню свою саблю! — велел атаман. — Сможешь зарубить рейтара, будет тебе моя вера, а не сможешь, не обессудь.

Максим неживой рукой взял саблю, сделал несколько шагов и бросил её на землю.

— Не дури, Максимка! — крикнул Федот. — Заруби барчука, ему и так не жить!

— Не могу, — глухо произнёс Максим. — Никогда не смогу.

— У казацкого бога всего много, — хмыкнул Разин. — И такие дурни бывают, но лихо не в том. Ты почто саблю на землю бросил?.. Вот за это и ответишь! Заприте его, казаки, в амбар, а я промыслю, каким путём его на тот свет отправить, — Лучка потянулся к Максиму, чтобы его схватить, но Разин воспретил ему это делать. — Оставь парня, а то опять раздерётесь. Или ты забыл, как он тебя, Лучка, на струге кувыркнул?

В амбаре было сухо и душно, сюда слабо доносился шум снаружи. Максим снял однорядку, расстелил её на полу и лег, подсунув под голову шапку. О том, что с ним случилось, он думал отрешённо, как о чужом человеке, и вскоре его окутала дрема. Очнулся он от лёгкого скрипа двери и поднял голову.

— Торопись, Максимка, — услышал он сдавленный шёпот Федота. — Добро, что дверь была не на замке, а на щеколде.

На дворе было темно. Федот схватил Максима за руку и повёл за собой между изб и амбаров.

— Куда ты меня тащишь?

— Долг платежом красен, помнишь, как ты мне денег на похмелье дал. А я, брат, не люблю, когда добрых людей взаперти держат. Прыгай за прясло, Бог даст, свидимся.

Тихо упасть на землю не удалось. Беглеца окликнул строгий голос, но он уже был далеко и бежал что есть сил, не ведая куда. Под ноги Максиму попалась жёсткая кочка, он запнулся и свалился в поросшую травой яму, где и затаился, прислушиваясь, нет ли за ним погони. Отдышавшись, Максим высунул из ямы голову и огляделся. Прямо перед ним невдалеке над землёй горели три огня. Поморгав, он понял, что это пылает смольё на башнях рубленого города. Теперь Максим знал, где ему можно спастись, и он, пригнувшись, перебежал через дорогу к волжской стороне крепости.

Максим медленно шёл по крутому косогору, то и дело хватаясь руками за невысокие кусты, чтобы не соскользнуть вниз. Место, где начинался подземный лаз в рубленый город, он видел в потёмках. Сейчас была тёмная ночь, и все кусты и камни смотрелись близнецами. «Где же этот кол? — думал Максим, понимая, что начинает отчаиваться. — Ведь он где-то рядом, стоит и дразнит меня». Он шагнул, подскользнулся и, падая, ударился рукой о дерево. Посмотрел на него. Это был тот самый кол, который ему показал Твёрдышев.

В лаз вела деревянная, из жердей, лестница, Максим спустился на несколько ступенек и поставил на вход затворную крышку. От дна колодца был всего один путь, парень нащупал его руками и пополз на коленях по липкой глинистой грязи, отчаянно надеясь, что впереди нет завала. От страха и затраченных усилий его дыхание стало прерываться, он сел отдохнуть. На него временами капала вода, Максим ощупал стороны лаза руками и понял, что обрушение ему не грозит, везде стояли подпорки и перекладины, а вода шла не сверху, а из земли, гора сочилась влагой спрятанных в её глуби водяных жил.

Дальше он полз без опаски и скоро увидел полоску зыбкого света. Максим стал двигаться осторожнее, чтобы не выдать своего присутствия, и скоро оказался в подвале, где стены были из деревянного бруса, а верх покрыт толстыми досками. Это была сторожка воротника Федьки Трофимова. Он был в ней не один.

— Ты, Настя, не разбрасывайся рублями, что тебе воевода жалует, — наставлял отец свою дочь. — На кой тебе браслет за два рубля, ему красная цена полтина, а ты попадье ни за что переплатила. Отдала бы деньги мне, у меня бы они в дело угодили.

— Ты мне все уши высушил, тятя, своими мечтами. Давала я тебе деньги, где они? Купил на посаде двор, так его сожгли, а ведь он в десять рублей встал!

— Кабы не вор Стенька Разин, имела бы ты, где голову притулить. Что ж, сожгли избу, но не последний день живём. Есть у меня одна задумка...

— Что такое ты надумал?

— Вот прогонят вора, и я уйду из воротников, стар стал ворота ворочать. Поставлю избу, и заживём мы, дочка, в своё удовольствие.

— Это ж как заживём? — заинтересовалась Настя.

— Слыхала, небось, что Пахомовну, после того как в неё воевода из пушки стрелил, кондрашка расшибла. Теперь вино на посаде курить некому будет. А я ведаю, как это делается.

— Вестимо, ведаешь, — рассмеялась Настя. — Не одну бочку вина выжрал.

— Когда это было, — вздохнул Федька. — Давно быльём поросло. Ты это, рубли

воеводы неси мне, целее будут.

У Максима от пыли, сыпавшейся сверху, першило в горле, он не стерпел и раскашлялся.

— Кто это там! — взвизгнула Настя.

— Молчи, девка! — строго произнёс Федька. — Ступай за дверь и погляди, нет ли кого, — Настя хлопнула дверью сторожки, а воротник на палец приоткрыл творило и вопросил: — Обзовись, кто ты есть?

— Приказчик гостя Твёрдышева, Максим.

— Знаю такого, — сказал Федька. — Выходи. Хотя погодь, я рогожу тебе под ноги кину. Грязи на тебе, приказчик, как на чушке. Таким тебя людям показывать нельзя, сразу учуют неладное и поволокут к воеводе, — воротник приоткрыл дверь и поманил Настю. — Сбегай к Твёрдышеву и скажи, что явился его приказчик. Да гляди, чтобы никто тебя не встретил по дороге! Пусть гость принесёт ему чистую одежду, а то он вывалялся в грязи с головы до ног.

Поручение отца пришлось Насте по нраву. Она страсть как любила прикоснуться к чему-нибудь тайному и запретному, к тому же гость Твёрдышев всегда её привлекал статью сильного мужа и, конечно, богатством, о котором много и часто судачили синбирские кумушки, после того как стало известно, что Степан Ерофеевич овдовел два года назад. С той поры он стал подолгу жить в Синбирске, и Настя не упускала случая пройтись лебёдушкой мимо завидного жениха, но он смотрел мимо, не замечая её томления и зазывных взглядов.

В городе поговаривали, что кормилица Потаповна не даёт своему молочному сыну воли. Она и встретила Настю, когда та начала постукивать в дверь твёрдышевской избы.

— Ты чего это на полночь глядя припёрлась? — строго вопросила старуха в дверное оконце.

— Приказчик Степана Ерофеевича к нам явился. Пусть хозяин возьмёт чистую одежду и заберёт его к себе.

— Жди на крыльце, — сказала Потаповна и захлопнула оконце.

Настя присела на лавку рядом с дверью в тень, где её со стороны улицы не было видно. Через некоторое время послышались осторожные шаги, и на землю легла тень крадущегося человека, который остановился возле твёрдышевского крыльца, потоптался и пошёл прочь. Настя облегчённо вздохнула: стрелецкий голова Бухвостов постоянно её донимал своими приставаниями, хотя воевода Милославский поглядывал на него всё тяжелее и пронзительней.

— Ты кого здесь поджидаешь? — недовольно спросил Твёрдышев, показываясь из двери. — А ну, дуй девка впереди, а я пойду после.

Настя обиженно цыкнула и, не таясь, застучала каблуками сапог по доскам крыльца. Степан Ерофеевич вернулся в избу, посидел в сенях на лавке и осторожно вышел на крыльцо.

Настя в сторожку к отцу не вернулась, она подошла к небольшой двери с задней стороны воеводской избы, достала из волос шпильку, отодвинула ею щеколду и через подклеть поднялась в покои воеводы. Милославский её ждал.

— Где шлялась, гулёна? — ласково сказал князь, подвигаясь к стене.

Настя сняла летник и, задув свечу, нырнула под заячье одеяло.

— Отца обихаживала, — сладко потянувшись всем телом, промолвила девка-душегрейка. — Шубёнку ему зашивала. А потом пока сюда шла, всё казалось, что кто-то за мной идёт.

— Кто это мог быть? — встревожился Милославский. — Опять Бухвостов?

— Может, и он, откуда мне знать, я не оглядывалась. Может, и он, а может, и Твёрдышев.

«Ужели и гость такой же сметанник?» — стукнуло в голове князя и отложилось занозой.

– 6 –

— Будешь жить с Саввой, — отпирая дверь своей избы, сказал Твёрдышев. — Верхние комнаты я освободил под раненых. Пока сиди тихо и никуда не высовывайся. У воеводы много наушников, мигом донесут, что ты неведомо откуда свалился в Синбирск. О лазе забудь до конца своих дней.

В коридоре их встретила Потаповна, взяла узел с грязной одеждой и неодобрительно глянула на измазанные глиной сапоги парня. Он разулся и спустился в подклеть. Потаповна шла за ним следом, в руке у неё было плетёное блюдо, накрытое полотенцем.

Савва встретил Максима с распростёртыми объятиями, обнял, мазнул сырым но-

сом по щеке, усадил на лавку, покрытую войлоком. Потаповна поставила блюдо на сундук и вышла. Монах снял с него полотенце.

— Балует меня ключница, — весело сказал он. — Каждый вечер потчует стряпней со сметаной или маслицем.

— То-то я гляжу, что ты округлел, как соборный протопоп, — не сдержал улыбку Максим. — А ты всё грамотки переписываешь?

— Какое там! — воскликнул Савва, подхватив оладьем сметану. — Как сели в осаду, так к нам только вороны вести приносят. Да и Степан Ерофеевич сейчас лишь мирскими делами занят, каждый день у воеводы сидит, с лучшими людьми думает, как не сдать Синбирск вору. А ты как? — Максим скоро поведал о том, что случилось на Теше. — Жаль отроковицу, — вздохнул Савва. — А я вот уже полвека живу, а зачем? Правда, зла я никому не сделал, но и добра тоже.

— Не скажи, — возразил Максим. — Через твоё умение многие разумом обогатились.

— Может, и так, — вздохнул Савва и неожиданно весело глянул на Максима. — Я вот горевал, зачем прибежал в Синбирск, а три дня назад, когда воевода затворил рубленый город, вдруг понял.

— И что же ты уразумел?

— Великие дела вокруг Синбирска начались, и я тому свидетель. Стенька Разин вздыбил всё Поволжье за волю и правду. Такого на Руси ещё не бывало.

— Тебе, Савва, в тёплой подклети, рядом с оладьями и сметаной какое до всего этого дела? — сказал Максим. — Явится в Синбирск государево войско, разгонит толпы, и Разину отрубят голову, а через год о нём все забудут.

— Не скажи, парень! — голос Саввы наполнился молодой силой. — Память о Стеньке не уйдёт вместе с ним. Я этому не дам совершиться.

— Не ждал я от тебя такой прыти, — удивился Максим. — Ты что, эту память о воре, чтобы она не сгинула, за подол собрался удерживать?

— У меня покрепче задумка, — сказал Савва и, сунув руку за лавку, вынул оттуда им самим переплетённую книгу. — Знай, парень, что я по примеру «Казанской истории» начал писать «Хронограф Синбирской осады воровским войском Стеньки Разина».

Максим заметил, что в книге было уже исписано десятка два страниц, и это его удивило.

— Стенька только приступил к Синбирску, а у тебя уже вон сколько понаписано?

— Я пишу, подобно другим историям, об основании града окольничим Богданом Хитрово и других замечательных случаях, бывших в Синбирске до тех пор, когда Стенька подошёл к городу и сначала бился с князем Барятинским, а потом обложил его со всех концов своим войском.

— Где же ты, Савва, о прежних днях узнаешь? — спросил Максим. — Или выдумываешь?

— Как можно! — обиделся Савва. — Здесь всё истинная правда. Если похочешь, я кое-что зачту.

В острожном амбаре Максим выспался, и на сон его не манило.

— Читай, батька. Только не спеши, каждое слово ясно выговаривай.

— Годи, давай по оладью макнём в сметану для смягчения во рту сухости.

Проглотив с причмоком оладышек, Савва открыл свой хронограф.

— Тут поначалу у меня кое-какие любопытные баснословия выписаны. Так... «В давние времена обитал на Синбирской горе лютый Змей-аспид, и досаждал он мордве и чувашам воровством самых пригожих девок, и продолжалось это до той поры, пока киевский князь Святослав Игоревич не пришёл на Волгу походом против Булгара Великого. Победив булгарского хана и взяв знатную добычу, князь Святослав обратил свой меч на хазар и пошёл их воевать, но по пути останавливался у подножья Синбирской горы в граде Синбир-кабак»...

— И что, действительно такой город-кабак был? — перебил Савву Максим.

— Что ж тут дивного? Ведь есть же река Пьяна, так почему бы не быть Синбир-кабаку?

— И что же случилось со Змеем-аспидом?

— А то, — Савва перевернул книжную страницу. — «Уверовали мордва и чуваши в великую силу русского князя и подступили к нему с мольбой избавить их от ужаса здешних мест. И поднялся Святослав на Синбирскую гору, и начал своим богатырским мечём рубить дуб-великан, на котором из золотых цепей было свито гнездо Змея-аспида. Не успел тот и крылья распростать, как дуб рухнул и покатился под гору, идолищу все косточки передробило, он и издох».

— Занятно, — сказал Максим. — Ты это сам выдумал или с Потаповной совет держал?

— Экий ты, Максим, Фома неверующий, — скривился Савва. — Запомни, что когда не станет чудес, то и жить человеку будет незачем. Станешь дальше слушать?

— Прости, Савва, но не о том у меня сейчас думы.

— Как знаешь! — монах обиженно поджал губу и, закрыв книгу, сунул её за лавку. — Конечно, я не учён, простой переписчик, но ведь и я душой не обижен, и я хочу своё слово молвить.

— Прости, Савва, я не в себе. Стенька уже другой раз мне мою смерть показал, до сих пор не могу отойти от страха.

— Что он хотел с тобой сотворить? — всплеснул руками Савва.

— Наверно, в куль зашить да в Волгу кинуть. Его повадки давно ведомы всем.

— Ай, кромешник! И как его мать сыра земля носит!

— Народ ему в рот смотрит. Или народ неправ?

Савва задумался.

— У нашего народа бараньи мозги и медвежьи ухватки, — печально произнес он.

— Как же Стенька с ним совладал? Или у него есть тайная сила?

— Не ведаю я о том, — сказал Савва. — Нескоро всё станет ясно. Так споткнётся вор о Синбирск, что головы на плечах не удержит! — Максим непонимающе воззрился на монаха. Савва поманил его пальцем и, оглянувшись, прошептал на ухо: — Святые соловецкие старцы передали Степану Ерофеевичу для Стеньки грамотку. Аз, грешный, снял печать и прочёл, что они лишили вора своего благоволения. И чтобы он в этом не сомневался, это покажет ему при всём народе святой крест.

— Какой святой крест? Всякий крест свят, — сказал Максим.

— Про то, какой, и я не ведаю. Ждать надо, сказано же — при всём народе. Значит, мимо наших глаз не пройдёт.

Савва с доброй завистью посмотрел, как Максим только коснулся головой лавки, так и уснул. «И я молодым бессонницы не ведал, — подумал он. — А сейчас, пока все бока не пролежишь, не уснёшь». Заметил сиротливо оставшийся на блюде оладышек, собрал на него остатки сметаны и, благословясь, отправил в рот. Долго лежал с открытыми глазами, считая, чтобы скорее уснуть, мерцания лампады, но сон всё не шёл. Савва подхватился с лавки, встал на колени перед иконой Святой Живоначальный Троицы и с чувством искреннего благоговения тридцать три раза прочёл Господнюю молитву: «Отче наш, Иже еси на небесех...» Затем поправил фитилёк лампады и возлёг на своё сиротское ложе.

Неподалёку от Саввиной каморки в своих покоях бодрствовал Степан Твёрдышев. Он держал полученную от соловецких монахов грамотку и решал, вскрыть ли её и прочесть или, не читая, перебросить через прясло вору, от греха подальше. После кровавых проделок Разина на волжском Низе Твёрдышев стал подумывать, не слишком ли заигрались монахи со Стенькой. Поднявшись на лучших людей, он стал выказывать такую лютость, что на поучения соловецких старцев, а они были ведомы Твёрдышеву, перестал обращать внимания. «Зачем он людей десятками зараз, в кули зашив, садит в воду? — недоумевал Степан Ерофеевич. — Как-то не по-русски всё это. Русский вор горазд кистенем человеку голову проломить, чем кидать его в воду».

Старцы торопили Разина скорее идти на Москву и освободить великого государя от злокозненной опеки набольших бояр, а Стенька пол-лета гулял в Астрахани и только к осени приволокся в Синбирск. В последней грамоте должны быть, по разумению гостя, важные вести, и он, как это уже делал, с помощью ножа отлепил печать и вынул из чехольчика бумажный свиток.

По коридору, пошаркивая кожаными ичигами, прошла Потаповна. Твёрдышев кинул взгляд на дверь, та оказалась незапертой. Шлёпая босыми ногами по холодному полу, он добежал до неё, накинул на пробой крюк. Подошёл к столу, выпил из кувшина медового квасу и вернулся на лавку. Словеса соловецкого плетения, в которых мысль была всегда схоронена в нарочито путанном краснословии, разгадать нелегко даже имевшему навык в чтении раскольничьих грамоток Степану Ерофеевичу. На сей раз он прочёл грамотку не два раза, как это делал обычно, а пятижды, но всё равно мало что понял. Было ясно, что старцы отступились от Стеньки, но чем это вору грозит? Также не разгадал Твёрдышев слова о святом кресте, лишь засомневался, а знают ли соловецкие старцы настоящего Стеньку? У цыгана на гайтане тоже крест, но кто решится считать его христианином?

Обременённый нелегкой думой, как ему поступить с раскольничей грамоткой, Степан Ерофеевич ворочался на лавке до первого часа дня, когда государев колокол на Крымских воротах ударил на всю округу и возвестил, что пора вставать ото сна и синбирянам, запертым в деревянном городе, и воровским людям, обложившим Синбирск плотным кольцом осады. Степан Ерофеевич подошёл к небольшому слюдяному оконцу. Пальцами стёр с него испарину, глянул наружу, где всё было мглисто и сумрачно. По утрам Синбирскую гору уже стало накрывать осенними туманами, крыши изб на-

мокали от росы и сочились влагой.

Твёрдышев, не зажигая свечи, в потёмках оделся, сунул соловецкую грамотку в рукав кафтана и, стараясь не скрипнуть дверью, вышел на крыльцо, там огляделся по сторонам, прислушался и пошёл к пряслу на Крымской стороне. Дверь в наугольную башню была открыта, синбирские ратники, имея от себя в полутораста саженях Стеньку Разина, служили беспечно, осада уже стала явью, но не все это понимали. Потому и сторожей на прясле не было видно, они спали внутри башни по ярусам на соломе, укрывшись овчинами, и будить их требовалось не государевым колоколом, а пинками начальных людей, которые пока ещё сами не продрали глаза.

На втором ярусе Твёрдышев возле пушки поднял увесистый камень и стал подниматься на третий ярус башни, который был уже выше крепостной стены. Сторожил верхний ярус всего один ратник. Увидев Твёрдышева, он крепко ухватил пищаль рукой и сделал боевой вид.

— Где другие стрельцы? — строго спросил Твёрдышев.

— Ребята озябли и ушли вниз погреться, — ответил стрелец, с опаской поглядывая на близкого к воеводе человека.

— Я бы тебе и курятника не доверил сторожить! — строго объявил Твёрдышев. — А ну, бегом вниз и всех поставь на ноги!

Стрелец прислонил к срубу бердыш и поспешил к лестнице. Степан Ерофеевич проводил его взглядом, затем вытряс из рукава кафтана грамотку, привязал к ней камень и через бойницу по пояс высунулся наружу. Из наугольной башни хорошо были видны Волга и острог, над которым утренний ветерок шевелил тремя конскими хвостами казачьего знамени. Дорога с подгорья к городу почти рядом. По ней шёл человек явно воровского вида, с копьём, на боку — сабля без ножен. Надо было спешить, и Твёрдышев ртом издал глухой, похожий на коровье мычание звук. Человек заозирался, потом увидел, что кто-то помахивает ему рукой. Он остановился и стал ждать, что будет дальше. Твёрдышев из всех сил размахнулся и бросил камень с грамоткой прохожему под ноги. Тот подхватил гостинец и сразу юркнул в кусты, чтобы не нашлись ещё охотники на его находку. Твёрдышев проводил его взглядом и подошёл к лестнице.

Посланный Степаном Ерофеевичем сторож привёл заспанного десятника.

— Так-то ты службу несёшь! — строго сказал Твёрдышев. — Полову из волосьев повытряси! Ряшку наспал, что в огород пугалом нужно ставить. Ты чьего приказа?

— Бухвостова.

— Вот ему-то воевода и выговорит за твою службу. А ты сам готовься штаны распоясывать и под батоги ложиться купно со своим десятком!

— Помилуй, Степан Ерофеевич! — десятник был готов упасть на колени. — Больше такого не будет.

Настращав стрелецкого десятника, Твёрдышев пошёл из башни к воеводской избе. Там подле крыльца стояли начальные люди: Зотов, Бухвостов, Марышкин и Жидовинов. Ждали Милославского, который пошёл с проверкой к Казанским воротам и там застрял.

— Худо нам будет, если Стенька сразу не полезет на прясло, — сказал солдатский полковник.

— Это почему так? — удивился Твёрдышев. — Пусть не лезет, коли охоты нет.

— Не скажи, Степан Ерофеевич, — многозначительно произнёс Зотов. — Наши ратные люди ещё не поняли, что их смерть рядом. Смотрят сквозь щели на воров, перекликаются и не ведают, что те не пощадят ни одного из них.

— Среди стрельцов, может, такие и есть, Глеб Иванович, — сказал Твёрдышев. — Я сейчас, заметь себе, Бухвостов, растолкал твоих. Но солдаты войну знают.

— Нет разницы — солдат или стрелец, все они горазды рты раззявить, — ответил полковник. — Ратный человек воюет только тогда, когда видит впереди смерть, а сзади чувствует своей битой шкурой палку десятника или сержанта. Скажите, головы, разве не так? — стрелецкие начальники были единодушны с полковником. — Вот и надо, чтобы воры полезли на прясла, глядишь кто-нибудь из наших погибнет, зато другие сразу поймут, что смерть с людьми не играет, — сказал полковник, и все повернулись в сторону приближающегося к ним быстрым шагом Милославского. Князь от ходьбы раскраснелся и сразу накинулся на Жидовинова:

— Твои стрельцы, голова, службы не знают! Два часа дня, а сторожа ещё не просыпались! Всех под батоги! — взвизгнул воевода. — Начнёшь с полусотника Сергеева. Ему пятьдесят батогов, остальным по тридцать.

Дальнейшей раздаче батогов ратным людям помешал соборный протопоп Анисим. Его появление Милославского удивило: священнослужитель не докучал воеводе просьбами, но раз явился, значит, на то была весомая причина.

— Великая беда явилась в наш город Синбирск, — промолвил, осеняя начальных

людей крестным знамением, соборный протопоп. — Воровское войско грозит граду погибелью, число воров множится час от часу. Мыслю я, воевода, провести крестный ход, дабы устрашить нечестивцев и поколебать души тех, кто встал на их сторону по неразумению, а таких много.

— Когда же ты решил совершить сие действо? — спросил Милославский. — И где? За ворота я тебя не пущу. Не доставало мне за тебя перед патриархом ответ держать.

— Мы пройдём вокруг крепости по верхним мостам прясел. И за ворота не выйдем, и разинскому войску будем видны.

— Что ж, пожалуй, так годится, — задумчиво произнёс воевода. — А ты, полковник, как мыслишь?

— По верхним мостам идти будет в самый раз, — сказал Зотов. — Если воры замыслят что-нибудь недоброе, то за прясло можно схорониться.

— Добро, так и решим. Что ещё?

— Тебе, воевода, надо бы пройти вместе с нами, — сказал протопоп.

— Некогда! — отрезал Милославский. — Ты, отец Анисим, увещай воров словом Божьим, а я начну их увещать свинцовым дробом из пушек и гранатами. Для каждого дела должна быть своя молитва.

Протопоп обратил свой взгляд на Твёрдышева:

— Ты пойдёшь с нами, Степан Ерофеевич?

— Почту за великую честь, святой отец.

— За сим и подходи тотчас к храму.

– 7 –

Разбив в открытом сражении рейтар Барятинского, Разин не торжествовал. Оставался цел набитый государевыми ратными людьми рубленый город, и, глядя на его дубовые башни и сосновые прясла, атаман понимал, что взять его будет далеко непросто, к тому же не было никаких намёков на то, что синбиряне переметнуться на его сторону. Город следовало брать с бою немедля, долгая осада могла разложить войско, ведь многие воровские люди привыкли воевать только летом, а зимой они пропивали добытые дуваны или уходили в города, где занимались привычным воровским промыслом.

— Надо идти на город приступом, пока там не опомнились, — сказал черкас Очерет. — Бросим людские толпы на прясла, за ними пойдут казаки и довершат дело.

— Стоит поначалу изготовить мосты и лестницы, — возразил Степан Тимофеевич. — Во рву железный чеснок, стены высоки и с разбегу на них не взлетишь.

— У меня с тобой уряд, атаман, — напомнил Очерет. — Черкасы воюют до Покрова, после, не обессудь, мы уходим на Запороги.

— Велю мужикам за ночь сделать мосты и лестницы, — решил Разин. — А казаки пусть отдыхают, они уже вдоволь намахались саблями.

Воевода Милославский выжег посад, но не весь, осталось несколько изб, мельница Андреева и много всяких заборов и подсобных построек, на которые, как мураши на сладкое, накинулись мужики с топорами и ломами. Назначенный старшим над плотниками Брюзга показал, как делаются мосты и какой длины должны быть лестницы. Мужики поглядели и сказали: «Невелика хитрость! К утру столько наделаем, что из-за лестниц и мостов города станет не видно».

Разин помыслил и велел призвать к нему кормщика Лучку. Его он послал к стругам, чтобы снять с них все веревки и крючья, ими он решил снабдить ловких казаков, чтобы те бросали зацепы на прясла и лезли по ним наверх. Лучка ушёл в подгорье, и вечером привёз на десяти навьюченных конях столько верёвок с крючьями, что ими можно было много раз опоясать вокруг весь рубленый город.

Пушек у Разина имелось всего восемь штук, но они стреляли дробом или небольшими, с детскую голову, каменными ядрами и не смогли бы даже разбить крепостных ворот. На них атаман и не уповал. Смертным врагом деревянной крепости был огонь, пожар мог за час уничтожить Синбирск вместе со всеми находящимися в нём ратными людьми. Нужно было только его поджечь, лучше сразу в нескольких местах, и ветер, который дул на Синбирской горе всегда, разнесёт пламя по всем крепостным строениям, и от города останутся одни головёшки.

«Жаль, что ты, Гориныч, повелеваешь водами, а то бы упросил тебя метнуть в Синбирск пламенную молнию», — возносился мечтами Разин к своему кровавому покровителю, но тщетно: отклика он не дождался и увидел в этом дурной для себя знак.

По слову атамана множество людей взялось за изготовление огненного смолья на палках, которые можно было сильному человеку метнуть через прясла даже из-за рва. За ночь наделали целую гору метательных снарядов и раздали их молодым и сильным людям. Вокруг крепости через каждые двадцать саженей заготовили кучи сухого хвороста для костров, чтобы от них можно было поджигать смольё.

Было ещё у Разина одно тайное оружие — его верный Бумба, который со ста шагов мог попасть стрелой из лука в рубль. Калмык долго бродил между чувашами и мордвой, высматривая тех, кто был вооружён луком. Встретив лучника, Бумба испытывал его на меткость и скорострельность и, если он годился, брал с собой. Всего ему удалось отыскать дюжину умелых лучников, и теперь он не спускал с них глаз, всех разместил в острожной башне, где они готовили для меткого боя оперённые пером дрофы крепкие стрелы.

Разин понимал, что завтрашний день для него очень важен: удастся захватить Синбирск с первого приступа, тогда ему будет открыта прямая дорога на Нижний Новгород, где он хотел встать на зиму, а за это непогожее и непроезжее время взбаламутить все окружающие Москву уезды, благо, что для бунта горючего материала было в переизбытке, крестьяне хлебнули крепостной неволи до кровавых слёз и готовы теперь грызть своих помещиков зубами.

С этими мыслями атаман далеко за полночь лёг на лавку и заснул беспамятным сном. Однако долго покоиться ему не пришлось. Вскоре после первого удара государева колокола на Крымской башне к нему подошёл Бумба и тронул за плечо.

— Будись, атаман, — тихо сказал калмык. — Прибежал казак с грамоткой.

— Что за грамотка? — проворчал Степан Тимофеевич, разлепляя опухшие глаза. Бумба подтолкнул к нему казака.

— Шёл я, атаман, с пристани, и возле наугольной башни услышал коровий взмык. Поднял голову, а из бойницы мне человек рукой машет. Я встал, а он мне вот это бросил. Камень ещё был, но я его отвязал и выбросил.

Разин взял грамотку и сразу понял, что она от соловецких старцев. Те делали чехлы из кожи нерпы, и они узнавались сразу.

— Отпусти казака, Бумба, и приведи ко мне грамотея Евсейку Жилкина, — Степан Тимофеевич вышел на крыльцо, вокруг было хмарно. Он подошёл к бочке с водой и сказал казаку своей охраны: — Артёмка! Плесни мне на руки, — казак набрал большой ковш воды. Разин, пофыркивая, умылся и расчесал волосы на голове и бороду пальцами. — Что, Артёмка, скучаешь по станичным девкам?

— С тобой, Степан Тимофеевич, и без них жить нескучно, — улыбнулся парень.

— Это точно, — кивнул атаман и вернулся в свои покои. Скоро перед ним предстал Евсейка Жилкин. Разин подал ему опростанную из чехла грамотку. — Вычти, но не спеша, чтоб каждое слово было ясно, — писарь взял грамотку, поднёс к глазам и посмотрел на Разина. — Что не так?

— Темно мне тут, я ведь плохо вижу от многия письмописания, — пожаловался Жилкин.

— Тогда запали свечу.

Стоя возле горящей свечи, писарь старательно вычитывал соловецкую грамотку, изредка бросая на Разина опасливые взгляды, ибо слова приходилось ему выговаривать такие, каких Евсейке до этого не доводилось слышать. С каждым новым обидным словом Степан Тимофеевич всё больше окаменевал лицом и вдруг с ужасным воплем вскочил на ноги и стал рвать письмо на мелкие клочки и топтать ногами. В таком гневе Евсейка атамана ещё не видел, он упал на колени, закрыл голову ладонями и уткнулся лбом в пол.

— Ах, так! — кричал Разин. — Плевать я хотел на благоволение замшелых монастырских сидней. Они мне не указ! Я жил и буду жить по своей воле. Мой царь не они, а моя воля! Вот ужо я доберусь до их святых камней, за которыми они от великого государя попрятались. Раскатаю монастырь по камешку, а монахов зашью в кули и посажаю всех в воду!

В дверь, привлечённый шумом, заглянул Бумба и отпрянул назад. Даже калмык побаивался Разина, когда тот бывал во гневе. Атаманово беснование закончилось так же внезапно, как и началось.

— Евсейка! — позвал он писаря. — Ты часом не подох там?

Жилкин с трудом отлепил своё лицо от пола и, стуча зубами, с мольбой посмотрел на Разина.

— Я ничего не читал, ничего не видел и не слышал, — дрожащим голосом произнёс он.

— Добро, что так, — мрачно сказал Разин. — Ступай и помни, что ты сказал.

«Благоволение... — понемногу остывая, думал Степан Тимофеевич. — Единственное, чему соловецкие старцы меня научили, так то, что мирская власть — не от Бога, а от человека, и она доступна всякому, у кого есть сила, бессердечный ум и удача. А этого они меня не смогут лишить, руки коротки!»

Вроде убедил себя в своей правоте Разин, а горечь на душе не проходила, так и тянуло обернуться и посмотреть, не стоит ли кто там с ножом в руке. Потому так неожиданно и вздрогнул атаман, когда раздался резкий голос есаула Корня:

— Не пора ли, Степан, наряжать людей на приступ? Кто на какую сторону пойдёт, каких людей поведёт.

Вслед за Корнем вошли Очерет, Фрол, Однозуб и ещё с десяток заслуженных казаков. Атаман встретил их взглядом, в котором близко знавшие его люди уловили отсвет недавно потрясшего их предводителя безумного гнева.

— Ты здоров, брат? — спросил Фрол. — Всё ли с тобой ладно?

Разин провёл рукой по своему лицу и усмехнулся.

— Соловецкие сидни вздумали наслать на меня порчу. Вот что я сотворил с их порченой грамоткой, — все посмотрели на разбросанные по полу клочки бумаги, и каждый подумал своё, лишь ему одному ведомое. — Всё ли готово к приступу? — спросил Разин. — Надо назначить старших на каждую сторону крепости. Или кто-то уже нашёл своё место?

— Я пойду на Крымскую сторону, — сказал Корень. — Со мной будет тысяча казаков, и сначала я напущу на прясло мордву, народ здоровый и злой на драку.

— Я возьму на себя Казанскую сторону, — решил Очерет. — Со мной будет пять сотен черкас и ватаги чуваш из Засурья.

— Добро, — согласился Разин. — Свияжская сторона будет за тобой, Фрол. Однозуб и другие есаулы пусть идут по своему выбору. Что будем делать с Волжской стороной?

— Там круто и скользко, — донёс Корень. — Пока не стоит туда лезть.

— Теперь скажу о своём месте, — помолчав, промолвил Степан Тимофеевич. — С пятью сотнями казаков я буду в запасе. И где только наметится успех, всей своей мочью ударю туда. Начнём так. Сначала выбегут мужики и перекроют во многих местах ров мостами. За ними нужно пускать по каждому мосту людей с лестницами и смольём. Пищальники в это время должны палить по пряслам, чтобы там нельзя было головы поднять. Давайте начинать приступ, побратимы!

Есаулы и заслуженные казаки приблизились к атаману, и каждого он обнимал и говорил на ухо что-то такое, отчего все отходили от Разина со счастливой улыбкой. Атаман знал, как развеселить сердца своих побратимов перед боем.

Все вместе они вышли из ворот острога, и люди приветствовали их громкими криками. Бумба подвёл Разину боевого коня, и он ловко запрыгнул в седло, откуда стал виден многим. Прибывшие к Синбирску мужики узрели баснословного атамана впервые, и он обаял их своим одновременно грозным и свойским видом. Разин восседал на могучем краковом жеребце, который то приплясывал, то оседал на круп, то пытался встать на дыбы, но богатырский наездник, незаметно для зрителей, ловко осаживал его лёгким движением поводьев. На Стеньке была лазоревая чуга с закатанными рукавами, золотистого цвета рубаха, зелёные штаны и красные сапоги с золотыми каблуками. Из-под собольей шапки выбивался чуб, глаза пылали ожиданием близкого боя.

— Ступайте, есаулы, по своим людям! — сказал Разин. — Началом приступа будет выстрел из пушки, — Корень вопрошающе глянул на атамана. — Крымская сторона твоя, и ты здесь над всеми начальник!

Пушкари забивали заряды в самую большую острожную пушку. Перед крепостным рвом изготовились с мостами в руках человек двести мордвы. За ними стояли отрядами ещё тысячи две мордвы с лестницами и смольём в руках. Из оружия у них были копья, сабли и вилы. Тысяча пеших казаков стояла позади всех с пищалями, готовые прикрывать остальных прицельной и частой пальбой.

Разин приподнялся на стременах и был уже готов подать знак пушкарям, как вдруг зазвонил большой колокол соборной церкви Святой Живоначальной Троицы, к нему присоединились колокола всех звонниц синбирских церквей, и, вместо того чтобы броситься на прясла, люди стали креститься, и даже Разин потянул руку ко лбу, но резко отбросил её, пораженный невиданным зрелищем.

От надвратной башни на верхний мост прясла ступил крестный ход. Священнослужители, гость Твёрдышев, земский староста Фирсов, губной староста Пантелеев несли икону Святой Живоначальной Троицы, икону Дмитрия Солунского, хоругви, но взгляд Разина был прикован к серебряному позлащённому кресту, убранному жемчугом и драгоценными каменьями, который с великим бережением держал в обеих руках гость Твёрдышев. Этот крест был послан великим государем Алексеем Михайловичем в соборную церковь в год её освящения. «Вот о каком кресте говорили соловецкие старцы! — догадался Разин. — Но где же тут знак?»

И вдруг совершенно неожиданно для всех прогремел пищальный выстрел, и тяжёлая пуля так сильно ударила в крест, что Твёрдышев едва удержал его в руках. Крестный ход смешался, протопоп присел за прясло, Фирсов и Пантелеев попятились за выступ надвратной башни. И только колокола церковных звонниц продолжали звонить не переставая.

Наконец атаман понял, что случилось. Соловецкие монахи писали правду: именно

крест показал ему, что нет у него былой силы и удачи.

— Вот я и остался один, — отрешенно вымолвил он.

В этот миг земля под ним дрогнула, и в ушах послышался знакомый шёпот Гориныча: «Врёшь, Стенька! Человек никогда не остаётся один: с ним всегда его смерть! Смерть! Смерть! Смерть...» — затихая, отдалось в голове атамана. Он резко натянул поводья и ударом каблуков в подвздошину поднял жеребца на дыбы.

— Бумба! Найди мне того, кто стрелил! — калмык уже знал, кого искать, и скоро перед атаманом предстал молодой казак. — Зачем ты это сотворил? — грозно вопросил Разин.

— Поспорил с Федькой на алтын. Он говорит, промахнёшся, я говорю, что попаду. Вот я и попал.

— Значит цена твоей жизни всего алтын, — задумчиво сказал Разин. — Убери его, Бумба, чтоб никто не видел.

Калмык вырвал из рук казака пищаль и отбросил в сторону, затем схватил парня поперёк туловища и понёс наверх башни. Скоро оттуда между двух амбаров упало человеческое тело. Но на это никто не оглянулся. Корень, устав ждать атамана, махнул пушкарям рукой, пушка выстрелила, и около двадцати тысяч человек разом вскричали изо всей мочи и пошли на приступ рубленого города. Им в ответ опять тревожно зазвонили все колокола синбирских церквей, оба больших государевых колокола на проездных воротах, колокола поменьше во всех башнях кремля. Воевода Милославский, хрипло дыша от тяжести ратной сбруи, взбежал на верхний ярус Крымской башни и обозрел прясла крепости. Все они были заполнены ратными людьми. Солдаты, стрельцы, боярские ратные люди держали наизготовку пищали. Все башни слегка подымливали, там на углях лежали раскалённые прутки, чтобы без промедления выстрелить из пушек.

И вот на рубленый город с трёх сторон, держа перед собой для защиты от пуль мосты, побежали передние ряды разинского войска. Прясла враз окутались дымом, раздался оглушающий грохот, начали стрелять из пищалей солдаты и стрельцы и вразнобой ударили пушки. Мосты, сделанные из тонких брёвен, защищали наступавших от пуль, но там, где в них попадали ядра, все гибли разом. Через малое время мосты были переброшены через рвы, и на них набежали люди с лестницами и горящим смольём. Многие преодолевали препятствие, но солдаты и стрельцы уже успели зарядить пищали и в четыре тысячи стволов ударили по наступающим. Немало людей из мордвы и чувашей погибло, но подоспели казаки и стали палить по верхушкам прясел. Теперь уже солдатам и стрельцам пришлось прятать головы, а некоторые были убиты насмерть.

— Бей, Бумба, по пушкам! — крикнул Разин. — Они вот-вот снова заговорят!

Лучники начали бить по бойницам стрелами в пушкарей, и на Крымской стороне выстрелила всего одна пушка.

Казаки сделали ещё один залп по верхушкам прясел и бросились вслед за мордвой на лестницы. Передние уже оседлали прясла, но солдаты взялись за гранаты и свои короткие сабли. Гранаты, взрываясь на земле, обрушивали лестницы, люди стали сыпаться с прясел, а тех разинцев, что удержались наверху, солдаты вырезали всех до одного и побросали вниз.

Неудача приступа на Крымской стороне стало явью, и Разин поспешил на Свияжскую сторону. Там он застал полный разгром. Сотни людей были убиты, а бежавшие стояли далеко за рвом, куда не долетали ядра и пули.

К атаману начали съезжаться есаулы. Все они были уязвлены поражением и не смотрели друг другу в глаза.

— Укорять мне вас не в чем, — сказал Разин. — Но все побежали к пряслам, а многие про смольё забыли. Город будем брать ночью одними казаками!

С наугольной башни на атамана и его есаулов поглядывал Милославский, он прямо-таки топорщился от распиравшей его гордости, что дал укорот знаменитому вору. Не в пример Барятинскому, который бежал! Рядом с воеводой стоял солдатский полковник Зотов и беспокойно глядел в поле.

— Похоже, воевода, на Синбирск надвигается новая туча, — сказал он, указывая на огромную толпу мужиков, которые приближались к крепости со стороны Засвияжья.

— Не бери это в разум, Глеб Иванович, — снисходительно молвил Милославский. — Главное, мы удивили воровскую головку бунтовщиков. Готов с тобой биться об заклад, что не позднее завтрашнего утра вор с дружками пометается в струги и побежит на Низ.

— Вряд ли, — недоверчиво хмыкнул полковник. — Разин будет стоять вокруг Синбирска, пока его не сожжёт. Он ведает, что ему отсюда одна дорога, на плаху. Надо ждать нового приступа.

Дьяк Ермолаев стоял на крыльце съезжей избы с бумажным листом.

— Что там у тебя? — спросил воевода, расстегивая пряжку панцирного доспеха. — Помоги, Ларион!

Дьяк зажал бумажный лист в зубах и двумя руками снял броню с Милославского.

— Уф! — выдохнул воевода. — Петька, принеси кваску!

Денщик побежал в подклеть, держа в руке ковш.

— Сколько всего насчитал? — спросил воевода.

— Тридцать девять убито и двести семь ранено, — доложил Ермолаев.

— Худо, что много раненых, — вздохнул воевода. — С убитыми проще, зарыл и всё, а с этими надо нянчиться. Где их разместили?

— Солдат и стрельцов в их же избах, двадцать шесть начальных людей отдали Твёрдышеву.

— Обойди, Ларион, увеченных, — сказал Милославский, принимая от денщика ковш с квасом. — А я вечером по ним пройдусь.

Воевода прошёл в свою комнату, где на столе уже стоял обед. У Милославского с утра во рту не было даже маковой росинки, и он принялся хлебать уху, затем взялся за пироги с капустой, запивая сухомятку квасом.

Дверь в спальню приотворилась, и оттуда вышла Настя. Воевода глянул на неё и чуть не подавился пирогом: воеводская забава была одета в платье из чёрной крашенины, на голове повязан чёрный платок.

— Куда это ты наладилась? — спросил Милославский.

— Ухожу обхаживать раненых, — сказала Настя. — Надо же их поить, кормить, убирать из-под них, а Потаповна уже немощна, и одной ей не справиться.

— Что ещё за Потаповна? — подозрительно глянул на девку воевода.

— Степана Ерофеевича ключница.

— Твёрдышева? — с грозной хрипотцой в голосе выдохнул воевода.

— Его молочная мамка. А что? — вызывающе сказала Настя.

— А то! — взревел Милославский и крикнул денщика. — Петька! Запри эту дуру в чулан! Я с ней позже потолкую.

Глава пятая

– 1 –

Степана Разина неудача первого приступа ничуть не смутила, а пробудила в нём жажду к мщению непокорным синбирянам и великую гордыню. «Добро же вам ставить мне препоны, — говорил он сам себе, меряя шагами нижний ярус острожной башни, одновременно обращаясь к соловецким старцам, Горинычу и воеводе Милославскому. — Вам ещё неведома моя сила, ни тебе, дряхлый водяной обманщик, ни тебе, вислопузый князёк, ни вам, соловецкие затворники! Похочу и вздыблю на вас всю Русскую землю, и мужики затопчут вас так, что и мокрого места не останется! Теперь я знаю, что, кроме смерти, и у меня ничего нет, так-то вольнее доживать суженный мне срок и не ждать попусту чужих милостей!»

Разгорячив свою душу ярыми словами, Разин кликнул к себе есаула Корня, и они поехали вокруг крепости выглядывать, где способнее этой ночью ударить по Синбирску. Остановились возле Свияжской стороны.

— Хотя Синбирск не оказал нам гостеприимства, но в передней у него мы наследить успели, — сказал Разин. — Рвы мостами накрыли, лестницы к стенам натаскали. Теперь всё это надо сберечь до темноты. Вели поставить здесь добрых пищальников, чтобы они не дали синбирянам разметать наше добро. На приступ пойдём здесь.

— Кого на город напустить хочешь? — спросил Корень.

— Надо выкликать охотников, — сказал атаман. — Как мыслишь, найдутся такие?

— Мои казаки все пойдут.

— Пяти сотен будет довольно. Я не стану брать город с боя. Я его спалю. А для такого дела и этих людей достанет.

— Мёртвых бы надо прибрать, — сказал Корень. — Живые на них смотрят и начинают тосковать о своей судьбе.

— Так тебя Милославский и пустит за ров! Тотчас начнёт палить из всех пищалей и пушек. Ему, ворону, вид мертвечины люб! Но ты ночью за своими казаками пусти мужиков, пусть приберутся.

Разина и Корня заметили с прясла синбиряне. Стрелецкий голова Бухвостов схватился за пищаль стоявшего с ним рядом десятника.

— Она у тебя заряжена? Давай! И вы, стрельцы, не мешкайте, бейте по тем всадникам, один из них точно вор Стенька Разин!

Атаман и есаул поворачивали коней, чтобы ехать к острогу, когда с прясла грянул недружный залп десятка пищалей. Тупые кусаные пули, как шмели, прожужжали

мимо всадников, Стенька оглянулся и погрозил кулаком стрельцам, которые высунулись из-за прясла, ожидая, что кто-нибудь рухнет на землю.

— Что, промахнулись! — громовым голосом вскричал Разин. — Придёт час, и я повырываю всем головы!

Мужики, стоявшие толпами вблизи этого места, всё видели своими глазами и враз уверовали, что Степана Тимофеевича ни одна пуля не берёт и заговорён он бессрочно и накрепко от всякой смерти. Слух об этом достиг острога раньше, чем туда прибыл атаман. Люди встречали Разина с шумным ликованием, а казаки устроили такую пальбу, что солдаты на Крымском прясле всполошились, им показалось, что начался новый, ещё более опасный, чем утром, приступ крепости.

Ликование казаков и мужиков, их вера в его чародейную силу пролили на озябшую от сомнений и тайных страхов душу атамана оживляющее тепло. В этот миг он безгранично любил всех, кто его окружал, потому что знал: каждый из них был готов умереть по первому его слову.

Насытившись обожанием людей, Разин приподнялся на стременах и, требуя тишины, простёр вверх руку.

— Разрешаю есаулам раздать каждому по одной чарке зелена-вина!

Радости войска не было пределов, все стали с оглушительными криками бросать шапки вверх, и в крепости этим обеспокоился сам воевода Милославский. Он забежал на Крымскую надвратную башню и спросил находившегося там солдатского полковника, что стряслось.

— Не ведаю, князь, — пожал плечами Зотов. — Радуются так, будто сама Москва подчистую сгорела.

— Держи солдат и пушки готовыми к бою! — велел воевода. — Как бы воры не побежали на приступ.

— Они уже учены утром, — сказал полковник. — Но Стенька горазд на придумки, и от него надо ждать какой-нибудь каверзы.

— Не прогляди мимо. Сам знаешь, что за твою промашку и я головой заплачу.

— Не горюй, Иван Богданович, — утешил воеводу Зотов. — За моей спиной ты долго проживёшь.

— Ага! — вдруг вскричал Милославский, указывая на острог. — Вор решил для своего войска винопитие устроить. К чему бы это?

— Стенька — бывалый атаман, — сказал полковник. — Сейчас многие его люди тоскуют, что мы их побили. Вот Разин и решил их развеселить. Правильный начальник!

— На меня киваешь, полковник? — недовольно проворчал воевода. — Вина не дам, а то твои солдаты и без вора Синбирск сожгут.

Меж тем возле бочек с зеленым-вином началась веселая толчея. Казакам всем досталось по чарке, а мужики, дремучая лесная мордва и чуваши, те к вину и не лезли, они крепче пива ничего в жизни не пивали, а русским крестьянишкам достались одонья, они было зашумели, прибежали к атаманскому крыльцу, Степан Тимофеевич вышел к ним и указал на рубленый город:

— В Синбирске зелена-вина хоть залейся! Возьмите город и пейте без просыху!

Федот ухватил чарку одним из первых, полез за второй и получил по шапке от Корня, который своих казаков знал всех в лицо.

— Кондратка! — взмолился Федот. — Ты хоть пожалей друга, а то я с одной чарки весь день хромать буду.

— Что так?

— Ударило с первой в одну ногу, теперь надо, чтобы во вторую ударило.

Кондратка рассмеялся и пожаловал друга своей чаркой вина.

Это углядел Корень и поманил к себе Федота:

— Хватит тебе возле пустой бочки толочься. Ступай за острог, там старый Однозуб найдёт тебе дело. И молодого с собой забери.

Однозуб встретил их строго:

— Почему без топоров явились?

— На что нам топоры? — удивился Федот. — Мы не мужики, а казаки. Нас Корень к тебе послал.

— Что-то я не знаю таких казаков, — презрительно процедил Однозуб. — Вместо топоров сабли за опояски засунули и враз казаками стали? Смотрите на других и делайте, что они делают.

За острогом шла подготовка огненных снарядов для ночного приступа. Десятка два мужиков щепали сухие бревна на лучины, другие увязывали их лыками в полусаженные охапки, третьи укладывали снаряды на телеги. Федот сразу смекнул, для чего это делается.

— Надо лучины порохом засыпать, — сказал он.

— Вот ты этим и займешься у прясла, — усмехнулся Однозуб. — Порох когда-ни-

будь видел?

— Я его столько пережег, на войну с турками хватило бы!

— А ты, я погляжу, зубоскал, — сказал старый казак. — Это по мне, не люблю унылых да ленивых. Вот и ступай с другом за порохом.

В пороховом амбаре пахло сырой плесенью. Федот взял один куль, развязал, сжал в горсти порох и скривился.

— Мягкий, не годится, — заявил он ключнику. — Показывай, где чёрный комковатый.

Вынесли из амбара пять кулей, погрузили на телегу, привезли и показали Однозубу. Старый казак вынул из куля полотняный мешочек, развязал его, взял щепотью зелье, потер его между пальцами, нюхнул и крякнул.

— Добрый порох! Вижу, Федот, ты и впрямь казак!

К сумеркам Корень отобрал из своей тысячи казаков пятьсот охотников. Велел им оставить пищали и выдал каждому по рейтарскому пистолету, добытых в бою с Барятинским. Казаки их засунули за пояса и ушли за есаулом. Однозуб посмотрел им вслед и стал проверять каждый воз, нагруженный связками лучин. Когда закончил, стало уже совсем темно, на небе не проблескивала ни одна звездочка, со стороны Свияги порывами налетал сильный ветер, сторожевые огни на Крымской башне то вспыхивали, то гасли.

— Наша ночь, воровская! — с чувством удовлетворения промолвил Однозуб. — Сулит удачу!

Из темноты на коне, сопровождаемый многими казаками, вынырнул Разин.

— Как, старый, всё готово?

— Сейчас последний воз поправлю, и можно трогаться в путь.

Двигались осторожно, опасаясь привлечь к себе внимание дозорных на городских пряслах.

Федот шёл, держась рукой за воз, рядом посапывал Кондратка. Казалось, что прошли много, но когда завиднелся поднятый над землей огонь, Федот понял, что они вблизи наугольной башни. Чуть пройдя её, все остановились. Кондратка и Федот не отходили от своего воза, а вокруг двигались молчаливые тени. Казаки знали, что нужно делать: выстроились в три цепочки от возов к прослу и стали передавать друг другу охапки с растопкой. Особые люди строили вплотную к прослу огромную поленницу, которую часто посыпали порохом.

Из темноты рядом с Федотом появился казак.

— У тебя порох есть? — тихо спросил он.

— Есть, полный куль. Мы с Кондраткой его куда надо унёсем.

— Держитесь за меня, — сказал казак. — Здесь рядом.

Они подошли ко рву, казак каким-то нюхом отыскал мост, а за мостом, почти на вершине вала они приникли к земле. Ждали недолго, с прясла послышался тихий шелестящий свист, и темнота вокруг ожила: казаки Корня бесшумно с лестницами в руках полезли на прясло. Сверху на землю падали концы веревок, которые сбрасывали те, кто уже добрались до верхнего облома. Казаки привязывали к веревкам большие пуки смолья. Один конец веревки упал подле Федота. Сопровождавший его казак быстро привязал им куль пороха и легонько свистнул.

В этот миг ночь осветилась ярким пламенем, вспыхнула, как свеча, нижняя часть наугольной башни, огромные бело-красные языки огня, подхваченные резкими порывами ветра, взметнулись, рассыпая огненные искры, вверх, и тишину разорвала частая пальба. Половина казаков Корня напала на солдат, которые сторожили наугольную и срединную башни. На помощь солдатам спешили их товарищи, по лестницам на прясло лезли казаки, среди которых были подхваченные общим порывом схватки и суматохой Федот и Кондратка.

Часть казаков пыталась завладеть башнями, где затворились за бревновыми дверями солдаты, другие казаки зажигали смолье и что есть силы швыряли его на крыши городских крыш и амбаров. Скоро ближняя к прослу часть города загорелась, и тогда Федот и Кондратка стали кидать на огненные места мешочки с порохом, которые взрывались и расплёскивали пламя по всей округе.

Наконец ударили набатные колокола на проездных башнях, оповещая синбирян о новом приступе воровских казаков. Воевода в полотняном спальнике выбежал на крыльцо и с ужасом увидел, что горит наугольная башня и часть изб и амбаров, а промеж них мечутся растерянные обыватели и ратники. Зачембарив кое-как долгий подол спальника в штаны, обув на босую ногу сапоги, Милославский влез в кафтан и, забыв шапку, вновь выбежал на крыльцо, где лоб в лоб столкнулся с Ермолаевым.

— Уходить надо, Иван Богданович! — упав на колени, взмолился дьяк. — Заживо сгорим!

Воевода со всего размаху отвесил Ермолаеву оплеуху и, переступив через него, по-

бежал к наугольной башне, которая больше чем наполовину была охвачена пламенем. В ней, запершись со всех сторон на втором, что вровень с пряслом, ярусе находилось восемь солдат во главе с капитаном Мигуновым. Башня уже была сильно задымлена, огонь захлестывал в бойницы.

— Уходим наверх! — велел капитан, и все кинулись вслед за ним. На верхнем ярусе дышалось легче. Мигунов выглянул в бойницу, поленница полыхала снизу доверху, горела часть прясла, освещая предполье крепости, с которого мужики выносили убитых людей. Капитан оглядел ярус, здесь стояла пушка, очаг с потухшими углями и куль пороха. Он подскочил к нему, схватил и выбросил через бойницу вниз.

— Берегите глаза! — крикнул капитан.

Внизу оглушающее сильно громыхнуло, в башню плеснуло дымом и огненными искрами. Мигунов выглянул в бойницу, пороховой взрыв разметал поленницу по всей округе, дыма стало явно меньше, но большие языки пламени охватили сруб прясла. В пол яруса кто-то начал стучать, затем непотребно лаяться. Все узнали голос воеводы. Двое солдат подняли тяжелое творило и открыли Милославскому доступ наверх.

— Проспали воровской приступ! — кричал он, тяжко вылезая на ярус. — Где Зотов? Завтра всех возьму в розыск! Почему воры еще на прясле?

Капитан под этим напором попятился к срубу, воевода продолжал наступать, Мигунов уже притиснулся к бойнице и вдруг разулыбался во всю свою вычерненную сажей рожу. От такой наглоты Милославский опешил и только смог затопать ногами.

— Бог дал нам дождя, князь! — воскликнул Мигунов. — Мы спасены!

Милославский оттолкнул капитана от бойницы и высунулся наружу. На его непокрытую голову обрушился ливень, срубы прясла шипели, извергая пар. Казаки по веревкам и лестницам бежали вниз.

— Немедля поставлю рублёвую свечу Николе-угоднику! — побожился воевода. — А тебе, капитан, дам выжрать столько вина, сколь в тебя влезет!

По выгоревшим наполовину верхним мостам от срединной башни к наугольной осторожно пробирался полковник Зотов.

— Глеб Иванович! — крикнул воевода. — Не расшибись!

Полковник успешно преодолел последний пролом и влез в башню.

— Каков вор Разин! — сказал он. — Так-таки устроил нам каверзу. Ведь на волосок были от того, что вспыхнет целиком весь город.

— Отвёл, Господь, от Синбирска беду! Я сейчас иду в соборную церковь, дал обет на рублевую свечу. А ты, Глеб Иванович, со мной или как?

Полковник в Бога верил по-солдатски: звал его перед боем и забывал после схватки, как бы она ни завершилась.

— У меня всего денег алтын, Иван Богданович, — сказал он.

— Что же, алтын так алтын. Господь не отвергнет и столь хилого дара.

Дождь лил ливмя, время от времени в небе что-то с оглушающим треском ломалось так, что вздрагивала земля и всё, что на ней было. Разин на своём боевом коне ехал к острогу с поднятым кверху взором, словно искал в бесновании туч, молний и громов того, кто опять сотворил дурно ему и его войску. Рядом с ним месили ногами грязь казаки Корня. Их погибло немного, но они были недовольны, что пришлось уйти с прясла, когда, казалось, готов был возгореться весь город.

Перед въездом в острог гроза достигла своей окончательной мощи, почти над самой головой Разина со скрежетанием и треском сломалась громадная молния, атаман и его боевой конь покрылись мелкими пляшущими огоньками, которые, подпрыгивая, стали стекать с них вниз и уходить в землю. Казаки и мужики восприняли это свечение атамана и его коня с безмерным страхом, и вскоре по всей Руси пошел слух, что Степану Тимофеевичу было Божье благословение на его дела летучим небесным пламенем.

– 2 –

В день первого приступа воровских казаков на город Синбирск его самозванный летописец Савва покинул дом Твёрдышева, едва только зазвонили к крестному ходу колокола соборной церкви.

— Куда это ты бежишь? — попыталась остановить его старая ключница. — Ратных людей вокруг — не пройти, замнут тебя, и пропадёшь без времени.

— Пойду на прясло, Потаповна, — сказал Савва. — Хочу зреть всё своими глазами.

— На что тебе видеть, как люди будут друг друга убивать?

— Для дела, — коротко ответил синбирский Нестор и выбежал из избы на крыльцо.

Там он огляделся по сторонам и понял, что ключница была права. По узким проходам крепости бегали толпами вооружённые для боя солдаты и стрельцы, вид у них

был решительный и воинственный. Выждав, когда возле крыльца станет пусто, Савва спрыгнул с него и побежал за десятком тяжело топающих в беге стрельцов. На соборной площади он от них отстал и прилепился спиной к амбару. Из храма под звуки колоколов вышел крестный ход, Савва поспешил за ним, но наткнулся на строгий взгляд полковника Зотова и от него юркнул за избу, где дал себе перевести дух и одуматься. «Глупо мне в моих летах метаться по городу, как зайцу, — подумал Савва. — Пойду степенно и чинно, как и подобает достойному человеку».

Он еще заранее выбрал, с какого места будет смотреть — с наугольной башни. Оттуда можно было видеть и Крымскую, и Свияжскую сторону. По счастью, вход в нее никто не сторожил, и Савва вошел на нижний ярус, где несколько пушкарей были заняты пушкой, поднялся на второй ярус, там солдаты и капитан Мигунов высунулись в бойницы и что-то там выглядывали снаружи. Бочком Савва вышел на прясло и встал возле солдата, который на него равнодушно глянул и отвернулся.

Всё пространство от острога и до дороги в подгорье было заполнено людьми, среди которых выделялось десятка полтора всадников, окружавших богатырского вида человека на боевом коне. Несомненно, это был Разин, и Савва, напрягая зрение, вглядывался в атамана, ища ответа, почему люди так его славословят и бегут за ним, потеряв голову, в пропасть бунта. И сейчас они теснились к нему, готовые качать его вместе с конём на руках, захлебываясь в приветственных криках.

И вдруг все люди отвернулись от Разина и стали глядеть на крепость: из надвратной башни на бревенчатые мосты ступил крестный ход. Савва спрятался за бревновым выступом прясла и, затаив дыхание, видел и слышал всё, что произошло в дальнейшем. Пуля ударилась в крест, народ затаил дыхание, а потом начались шум, толчея. Передние ряды воровского войска побежали ко рву, накрыли его мостами, загремели пищали, ударили пушки, и сотня людей была сметена, как сор, с большей части предполья, но Савва этому не поразился, ему почему-то показалось, что все, увиденное им, это просто игра, что смолкнет пальба, развеется дым, и те, кто упал, поднимутся и пойдут по своим житейским делам.

И тут одна из пуль, выпущенных из длинноствольных пищалей, ударила рядом с Саввой в бревно, вырвала из него щепку, которая больно ударила ему в лицо. Солдат рядом с ним, выронив пищаль, с ужасным воплем обрушился вниз, матерый верзила поручик, наскочив на Савву, отбросил его в угол между прясломи башней.

— Сиди там, батька, и не высовывайся! — крикнул он и швырнул через прясло подожжённую гранату.

От ужаса близкой смерти Савва обезножил и кое-как заполз в башню, где все гремело и дрожало от пушечной пальбы. Капитан Мигунов схватил его за рукав, дотащил до лестницы и с бранью подтолкнул вниз. Савва докатился до первого яруса и, отлежавшись, вывалился из башни наружу под ноги Твёрдышеву.

— Ты как здесь оказался? — изумился Степан Ерофеевич. — Что у тебя с головой?

Савва провел ладонью по лицу, поглядел на ладонь, она была в крови.

— Меня на прясле ранило, — сказал он. — Я там такое увидел, Степан Ерофеевич!

— Полно об этом вспоминать, — Твёрдышев помог ему встать на ноги. — Идём домой, я тебя поддержу.

Савва оказался первым из раненых, которых подготовились встречать в твёрдышевской избе. Увидев его, Потаповна всплеснула руками:

— Как тебя угораздило, батька, под пули лезть! Сидел бы в своей каморке, марал бумагу чернилами, — она промыла рану кипяченой водой, вытащила из нее занозу, обмотала голову полотняной тряпицей. — Отведи, Максим, нашего Анику-воина вниз и уложи на лавку. И приглядывай за ним, чтобы не вставал.

На лавку Савва укладываться не захотел, посидел чуток на ней с закрытыми глазами, затем решительно встал и подошёл к столу.

— Ты что это, Савва, надумал? — сказал Максим. — В любой миг может Потаповна нагрянуть и устроит мне из-за тебя выволочку.

Савва предостережение парня оставил без внимания, он открыл свой «Хронограф», перечитал начальные листы и раздражённо стукнул кулаком по столу.

— Я, Максим, за твои насмешки над Змеем-аспидом крепко разобиделся, а сейчас понимаю, что ты оказался прав. Начинать книгу надо не с баснословия, а с того, что я видел своими очами. Так-то оно будет и по правде, и по совести, — он взял нож и вырезал несколько листов из книги. — Бумага не пропадет, я её выскоблю и в дело пущу, а начать нужно так... — Савва обмакнул перо в чернильницу и задумался: — «Лета 7179 4 сентября приступил Степан Разин со своим воровским войском к граду Синбирску»...

Наверху избы становилось шумно, стали доставлять раненых, но Савва, не обращая на это внимания, продолжал усердно скрипеть пером, а Максим пошёл в горницу помогать Потаповне. Принесли уже с десяток раненых, солдатских прапорщиков и поручиков, стрелецких десятников и полусотских. Некоторые уже побывали под но-

жом лекаря и были без сознания от испытанной ими боли, некоторые переломали себе кости, упав с мостов, им наложили лубки, и они выглядели здоровей тех, кто был ранен стрелой. Эти, пораженные по большей частью в грудь, хрипло дышали, выпуская изо рта кровавые пузыри.

Максим взялся за кухонную работу: заливал воду в печной котёл, растапливал печь и подкидывал в неё дрова. Готовый кипяток сливал в бочки, где она остужалась, вода нужна была и холодная, и тёплая, и горячая. Когда понадобился лед, парень спустился в погреб и наколол большую лохань ледяного крошева для остужающих повязок. На помощь Потаповне явились две жёнки твёрдышевских приказчиков, и ключница сразу нашла им работу — одной кипятить тряпьё для чистых повязок, другая начала помогать раненым облегчаться, ведь пока жив человек, тело требует своё.

Степан Ерофеевич во всей этой толчее не мог найти себе места. Кинулся было помочь занести раненного подпоручика в горницу, солдаты на него сразу посмотрели с укором, мол, что мешаешься, барин, не в своё дело. Зашёл Твёрдышев на поварню, и там дела ему нет, у Максима дрова наколоты, бочки расставлены, кругом пар, дым. Тогда вспомнил хозяин о раненом переписчике и пошёл к нему проведать здоровье. К тому же Твёрдышева мучили стыд и сомнения в том, что он совершил утром, ему хотелось найти утешенье.

Когда Степан Ерофеевич вошёл в комнату, Савва даже не встрепенулся, он так углубился в только что пережитое им потрясение во время приступа, что не видел ничего вокруг себя. Твёрдышев сел на лавку. Савва его не заметил, продолжал скрипеть по бумаге в полном отрешении от всего. Тогда хозяин довольно громко кашлянул, перо в руке летописца споткнулось, он, смутившись, виновато глянул на Твёрдышева.

— Вижу, ты и впрямь затеял писать осаду Синбирска? — сказал Степан Ерофеевич.

— Совладаю ли с сим? Война мне неведома. Пишу, что вижу.

— Не страшись, буковка к буковке, слово к слову, и напишется! Одно мне, Савва, любопытно, кого ты в своих писаниях хвалить надумал?

— Как кого! — воскликнул Савва, но тотчас же смешался и задумался. — Я буду писать правду.

— Не высоко ли ты замахнулся? — удивился Твёрдышев. — Правду ведает только Бог, мы, человеки, можем лишь о ней догадываться, что она, может быть, и существует.

— Зря ты меня смущаешь, Степан Ерофеевич, — обиделся Савва. — Коли я буду каждое слово примеривать по такой мерке, то ничего не напишу.

— Да ты меня не слушай, Савва, — сказал Твёрдышев. — Мне ли судить о твоих делах, когда в своих запутался. Сегодня протопоп Анисим так ловко уловил меня в никонианство, что я даже не успел опомниться, как попал к нему на уду.

— Как же это случилось?

— Поманил крест нести в крестном ходе, а я шагнул, не подумав, куда теперь свержился.

— Ой, беда великая! — прошептал потрясённый Савва. — Так ты и в Соборной церкви был на литургии?

— Был, — сокрушённо вымолвил Твёрдышев.

— И тремя перстами крестился?

— Было такое. И что со мной станет?

— Ступай, Степан Ерофеевич, — помолчав, сказал Савва. — Приходи к вечеру, сейчас у меня от тебя душа в разброде.

Когда за Твёрдышевым закрылась дверь, Савва покачал головой и вздохнул. По его разумению, протопоп Анисим не уловил Твёрдышева, а вовремя протянул ему руку помощи. Савва всегда подозревал, что раскольничество гостя было неглубоким и давно начало его тяготить, потому что крепко мешало торговым делам, да и сами раскольники, ожесточаясь в своем неприятии никонианства, стали даже самосжигаться, затворяясь в избах и амбарах, все чаще их стали брать в розыск и подвергать свирепым казням. Твёрдышев был всегда на виду, на его богатство мог позариться всякий лихой властный человек, из корысти погубить гостя за приверженность к староверию.

Савва вернулся к писанию и так в него углубился, что не заметил, как наступили сумерки. В комнату зашёл Максим, собрал свои пожитки, заглянул через плечо монаха в книгу и собрался уходить.

— Переселяешься, что ли, куда? — спросил Савва.

— Буду жить в поварне, там и теплее, и сытнее, — сказал парень. — Тут тебя хозяин спрашивает. Готов ли ты его видеть?

— А что, уже вечер? — спохватился Савва.

— Какой вечер? Ночь на дворе.

Савва бросился к двери, смирение Твёрдышева его удивило и даже напугало, вдруг он казнит себя за отступничество.

— Что ж ты, благодетель мой, себя изводишь! — воскликнул Савва, приникая к плечу хозяина. Подождав, пока мимо них пройдёт Максим, он, горячо дыша, зашептал: — Скажу тебе то, что ты от себя скрываешь, и я не могу признаться: оба мы, Степан Ерофеевич, плохие христиане, потому что все люди — плохие христиане, а истинных всего-то на всю Русь с десяток наберётся. Может, один Аввакум и с ним пустозёрские сидельцы. А плохому христианину не все ли едино, кем быть — никонианином или старовером? Так что не казни себя попусту, ступай в соборный храм к вечере, а то тебя протопоп Анисим, поди, выглядывает на исповедь.

— Как же все плохие христиане? — сказал Твёрдышев. — А великий государь? Патриарх?

— И они плохие христиане, — ещё тише прошептал Савва. — Думаешь, почему все ждут второго пришествия, а оно не сбывается? И ещё долго его не будет, потому что со всей земли не каждый год является к Богу хоть один праведник. И я так мыслю, что их должно собраться близ трона царя небесного нужное число, а как велико оно, неведомо. Во всяком разе там нам места нет. Так что ступай, Степан Ерофеевич, к отцу Анисиму, он тебя утешит.

Твёрдышев колебался, и это было видно по тому, как он крепко закусил бороду. Тогда Савва тремя перстами трижды осенил его трехперстно и, поднявшись на цыпочки, поцеловал хозяина в лоб.

— И ты принимаешь новую веру? — промолвил потрясённый Твёрдышев.

— Куда иголка, туда и нитка, — сказал Савва. — Вот окрепну чуть и отправлюсь к протопопу Анисиму вослед за тобой.

Савва вышел провожать Твёрдышева на крыльцо, где Степан Ерофеевич его крепко обнял и скрылся во тьме, окутавшей осажденный город. Некоторое время Савва стоял, слушая тишину, но вот послышались торопливые шаги, на крыльцо кто-то взбежал и стал нашаривать рукой дверь.

— Тут есть и живой человек, — сказал Савва. — Кого ищешь?

— Оюшки! — воскликнул девичий голос. — Ты меня напугал, батька!

Савва хотя и был далёк от суетной жизни синбирян, но о воеводской девке-душегрейке был наслышан и тотчас её признал.

— Тебя воевода по какому-нибудь делу прислал?

— Князюшка велел присмотреть, как тут обхаживают раненых, — сказала Настя, и вдруг на крыльце стало светло. Савва обернулся и увидел, что часть прясла на Свияжской стороне вспыхнула и начала стрелять пылающими головнями, которые посыпались на крыши изб и амбаров. Послышалась пищальная пальба, гулко ударил тревогу государев колокол над Казанскими проездными воротами, забили другие синбирские колокола.

«Стенька Разин пошёл на новый приступ!» — понял Савва, со страхом взирая на огромное пламя пожара. Первым его желанием было бежать к прясту, но поразмыслив, он понял, что ничего там не увидит, а затоптать его могут, как это чуть не случилось этим утром.

Настя, зайдя в горницу, сразу поведала о пожаре, и на крыльцо выбежали жёнки приказчиков и Максим, за ними не поленилась выйти и Потаповна. Настя была рядом с ней, юлила вокруг, точно лисий хвост, но ключница глянула на неё строго.

— Вот явится Степан Ерофеевич и решит, допускать ли тебя в дом.

Жёнки долго бы толкались на крыльце, глядя на пожар и суматоху, но из горницы стали криками звать раненные люди, и они поспешили к ним, и поперёд их Настя, дабы выказать своё усердие перед Потаповной. Та посмотрела ей вслед и промолвила:

— Чую, Саввушка, недаром явилась к нам эта девка. Как бы беды от нее не случилось.

Савва промолчал, и когда ключница ушла в горницу, спустился с крыльца и побрёл в сторону пожара, который взорвался (капитан Мигунов бросил на горящую поленницу куль пороха) мириадами искр, кои подхватил ветер и засыпал весь город. Несколько искр долетели до Саввы, он попытался отмахнуться от них рукой, а поймал первую каплю ливня, который через малое время обрушился на Синбирск сплошной и зыблемой сильным ветром стеной холодной воды. В один миг Савва весь промок до нитки и захотел побежать домой, как почувствовал, что кто-то крепко держит его за полу одежды. Савва обернулся и увидел, что это какой-то человек, явно раненный и обессиленный. Он, не раздумывая, подхватил его обеими руками и потащил к дому Твёрдышева. На ступеньках крыльца их осветила молния, и Савва увидел, что спасал он не солдата, не стрельца, а воровского казака. Тот был в кафтане своего казацкого покроя, на поясе висела сабля.

— Ты кто? — спросил Савва. — Если от Разина, то у меня тебе спасения нет.

— Забыл ты меня, Савва, — слабым голосом вымолвил казак. — А мы с тобой вместе шли в Синбирск.

— Ужели Федот! — воскликнул Савва и, сняв с казака шапку, отёр ею его мокрое и грязное лицо. — Точно ты, Федот! Как тебя сюда занесло?

— Сверзился с прясла, чую, ногу сломал.

— Вот беда, — загоревал Савва. — Что же мне с тобой делать? В горнице полно раненых, жёнки чужие, воеводская девка шныряет и глазами стрижёт.

— Не оставляй меня, Савва! — взмолился Федот. — У меня в поясе золотые зашиты, я тебя не обижу.

— Разве дело только в деньгах? Тебе сейчас не деньги нужны, а удача, — он сорвал с пояса Федота саблю и швырнул за крыльцо. — Терпи и молчи. А лучше прикинься, что без памяти.

Савва сбегал за Максимом, и они отнесли Федота в подклеть, где положили на лавку в комнатке.

— Только что мы расстались с тобой, Максим, и опять довелось свидеться, — сказал Федот. — Видно, судьба не хочет нас отпускать друг от друга, — Савва вернулся с Потаповной. Ключница ощупала Федота со всех сторон, затем взяла в руку нож. — Не порть, старая, штаны! — испугался Федот. — Они у меня камчатые и ни разу не стиранные.

— Наживешь новые, если жив будешь, — сказала Потаповна и отхватила ножом одну штанину выше колена. Федот потел, скрипел зубами, но уже скоро его нога покоилась в лубках, а он сам жадно присосался к большой чаре зелена-вина, которого для него ключница не пожалела и налила всклень. — Вы тут тихо живите, — предупредила Потаповна. — Особенно остерегайтесь Насти, не с добром она к нам пожаловала, хотя я ещё не поняла, что здесь надо воеводской сахарнице, — ключница открыла дверь, от которой тотчас отпрянула Настя. — А ты что здесь шлендаешь? — вскинулась Потаповна. — Ухом двери мерила?

— Что это там за человек такой? — не смутилась Настя.

— Не твоего ума дела! — отрезала Потаповна и плотно закрыла за собой дверь.

Максим сидел в поварне возле печи и глядел на приплясывающее в топке пламя. Ему домашний огонь всегда был приятен, казалось, от его тепла и света вдруг начинала оживать и грезить о чем-то небывалом и давнем сама душа, загораясь своим, тешащим человека чистым пламенем. Но сегодня Максим не испытывал этого приятного чувства, внезапное появление Федота встревожило и даже напугало парня, который то и дело из одного несчастья попадал в другую беду и непременно с Федотом, поэтому он встретил его как знак близкой опасности.

В поварню пришла с ведром для воды Настя и сразу запустила в парня свои ядовитые коготки.

— Что ты дичишься меня? — защебетала она. — Я ведь тебя из лаза выпустила, а то бы сидел там, пока тебя мыши не съели. Ведь ты не синбирянин? Я и по говору чую, что ты пришлый. Где тебя Степан Ерофеевич нашёл?

— Откуда мне ведомо? — буркнул Максим. — Сирота я гонимая, и весь сказ.

— Ах, ты, моя сиротинушка, — Настя мягким бочком притиснулась к парню. — А как ты в лаз попал? Сам ты не мог его найти. Степан Ерофеич тебя куда посылал?

— Его и спроси, — Максим не имел сил отодвинуться от мягкой девки. — Что тебе дался хозяин? Он тебе не ровня.

— Ах, вот как! — вспыхнула Настя. — Это мы ещё поглядим! Передо мной воевода осиновым листом вздрагивает, а твой Твёрдышев вот у меня где будет!

Она стиснула пальцы в костистый кулачок и сунула его под нос парня. Затем подхватила ведро с горячей водой и пошла в жилую избу. Возле комнатки Потаповны Настя замерла, ей послышался голос Твёрдышева:

— Что из того, что Настя пришла сюда? Не думай, мамка, лиха она не сотворит. Она бедовая и простецкая девка, здоровья у нее много и дури.

— Вот-вот, как раз дурь из нее и прёт! — сказала Потаповна. — От неё и нам беда будет.

— Мужа ей надо доброго и крепкого, чтобы приструнил, — засмеялся Твёрдышев. — Будет срок, и такой сыщется.

Последние слова привели Настю в крайнее возбуждение, она услышала в них то, что хотела услышать, и, поставив ведро подле двери, где находились раненые, побежала в подклеть, где, осторожно ступая по проходу, дошла до заветной двери, открыла её, проскользнула внутрь комнаты и затаилась в темном углу за печкой. Сердце Насти стучало так сильно и громко, что она прижала к груди ладони, чтобы никому этого не было слышно. «Сейчас или никогда!» — шептала она себе.

Дверь отворилась, в комнату вошёл Твёрдышев, сел на лавку, снял сапоги, затем освободился от кафтана, штанов и, подойдя к иконе, сделал несколько поясных поклонов, неясно произнося слова молитвы.

— Охо-хо! — вздохнул Степан Ерофеевич, укладываясь на лавку. — Грехи мои

тяжкие! Облегчи, Господи, мой сон и даруй светлое пробуждение.

Выждав некоторое время, Настя, сняв головной платок, распустила завязки платья, и оно легко скользнуло на пол. Она сделала шаг вперёд и умоляюще глянула на образ Спасителя: «Помоги, Господи!» В два следующих шага она была уже возле лавки. Твёрдышев дышал легко и свободно. Настя вспорхнула на лавку, оболокла Степана Ерофеевича всем своим трепещущим телом и обожгла его губы медово-жгучим поцелуем.

— Ты что это, ополоумела, девка! — вскричал потрясенный девичьим приступом Твёрдышев. — Ах ты, срамота синбирская! Вот прикажу твоему отцу Федьке, чтобы отбил тебе палкой все твои мягкости!

Однако Настя была не из тех, кто бежит от первого же отпора, она оседлала Степана Ерофеевича всем телом и начала его мять, тискать, щипать, щекотать, одаривая жадными и сладкими поцелуями. Степан Ерофеевич наконец сумел схватить Настю за руки и унять их.

— Что тебе от меня надо? — сказал он задышливым шёпотом.

— Возьми меня, Степан Ерофеевич, всю до крошечки! — залепетала Настя, обливаясь самыми настоящими горючими слезами. — Ноги тебе мыть, воду пить буду!

— О, Господи! — жалобно вымолвил он. — За что мне такое наказанье? Недаром протопоп Анисим остерегал меня сегодня после исповеди, что явится бес искушать мою твердость в вере! — Твёрдышев столкнул Настю с лавки и встал. — Не торжествовать бесу надо мной! Изыди, блудница, от лица моего!

Он упал на колени перед иконой и стал, ударяясь лбом и осеняя себя крестным знаменем, жарко молиться о спасении своей уязвленной бесовским искушением души. Настя стояла позади него, затем скривилась и стала оболокаться в свое платье. Подойдя к порогу, она обернулась и злобно вымолвила:

— Пожалеешь, гость Твёрдышев, что отринул меня, как заразную! Испытаешь моё мщение, не возрадуешься!

– 3 –

Ночная ливневая буря, затушившая уже готовый было разразиться синбирский пожар, к утру сменилась мелким и частым дождём, который продолжался несколько суток. На утро четвертого дня выглянуло солнышко, и повсюду мириадами алмазных брызг засверкал первый иней, напоминая, что уже неподалёку притаилась зима.

Разин спозаранку вышел на крыльцо, прищурив глаза от блеска солнечных брызг, оглядел округу: Заволжье, над которым громоздились тяжёлые темно-синие облака; Волгу, покрытую во многих местах пеленой белесого тумана; рубленый город, молчаливый и чёрный от дождевой сырости; просторное и холодное небо, где, подрагивая и рыдая, спешила в сторону Каспия журавлиная станица.

Приветливое утро расшевелило казаков, которые все бока пролежали в амбарах и избах острога, пока дождило. Сейчас они вылезли во двор и понемногу промаргивались, привыкая к дневному свету и поглядывая в сторону атаманской избы, где собрались есаулы и лучшие казаки думать думу: как совладать с злокозненным градом Синбирском, вставшим поперек разлива казацкой и мужицкой вольницы. Начальные люди понимали, что взять Синбирск одной силой войска недостаточно, нужно было найти какую-нибудь хитрость, но знатоков осадного дела среди них не нашлось, кроме старого Однозуба, который юнцом был в знаменитом азовском сидении, когда пять тысяч донских казаков удерживали крепость почти три года и выстояли против двухсоттысячного войска турецкого султана.

— Что, казаки, показал нам Синбирск дулю? — спросил Однозуб, оглядывая притихших есаулов. — Два наших приступа поубавили у Милославского спеси. Теперь он будет сторожить прясла днём и ночью, как ревнивый муж гулящую жёнку. Но может быть, наш атаман решит плюнуть на Синбирск и повести войско на Нижний Новгород или куда в другое место?

Разину эти слова пришлись не по нраву, он дёрнул усом и нахмурил брови.

— Говори, Однозуб, дело и не морочь нам головы. Есть ли путь взять Синбирск?

— Как не быть! — ответил старый казак. — Надо насыпать вал вровень с прясло и войти по нему в город.

— Такой вал до весны нам не насыпать, — сказал Фрол. — Да и не казацкое это дело.

— А мужики на что? — усмехнулся Однозуб. — Эта земляная работа как раз по ним, за две недели, самое позднее до Покрова, они такой вал взгромоздят, что мы с него в город юзом покатимся.

— Придумка дельная, — одобрил затейку Однозуба атаман. — С какой стороны вал будем сыпать?

— Может, отсель, чтоб от острога далеко не отходить? — предложил Корень, но как-то нерешительно, поглядывая на других.

После общего совета было решено насыпать вал с Казанской стороны. Там ров был помельче и земля помягче. Разин призвал к себе мужичьих атаманов, взял всех есаулов и лучших казаков, и поехали они на Казанскую сторону крепости, где на месте решили, по сколько людей ставить на работы, по сколько времени работать каждой смене, чтобы насыпка рва шла круглосуточно, без всяких остановок и промедлений. Атаман дал срок до следующего утра, чтобы всё было готово, а кто не будет стараться, того обещал не миловать.

На следующий день, ещё в утренних сумерках, к Казанской стороне стали подъезжать телеги, с которых мужики снимали бревновые щиты и несли к краю рва, где их ставили, подпирая крепкими кольями, вплотную друг к другу. За несколько часов ров был огорожен с внешней стороны прочным укрытием от пуль и пушечного свинцового дроба, и за ним можно было работать без особой опаски. Однозуб осмотрел сделанное, похвалил плотников, и к работе приступили тысячи землекопов и носильщиков. Одни копали, другие скорым шагом доставляли землю куда надо, третьи укрепляли насыпь кольями, между которыми заплетали ивовые изгороди.

О новой хитрости Разина донесли воеводе Милославскому, и тот, взяв с собой полковника Зотова, залез на верхний ярус Казанской надвратной башни, всё осмотрел и задумался.

— Стенька уже дважды покушался на Синбирск, — сказал он, оглядывая стену бревновых щитов, под прикрытием которых шла насыпка вала. — Теперь он удумал задавить нас землёй. Как мыслишь, полковник, есть ли смысл в его затейке?

— Если к Покрову Пресвятой Богородицы к нам не явится на выручку князь Барятинский с полками рейтар, то воры ворвутся в город.

— А мы что, так и будем поглядывать на них со стороны? — взволновался Милославский. — Промысли, Глеб Иванович, какую-нибудь ратную хитрость, дабы смутить воров и выиграть время. Окольничий не оставит Синбирск, и нам надо продержаться до его прихода.

— Хитрость можно сделать только одну: ударить на воров тысячью солдат, посбивать щиты, переломать лопаты. Мужики отбегут от крепости, казаки кинутся на солдат, но как бы нам воров через полые ворота не утянуть в город...

— Нет, полковник! Такого не надо!

— Тогда я соберу лучших пищальников на эту сторону, пусть выцеливают и стреляют всех, кого смогут достать пулями.

На эту придумку солдатского полковника Степан Разин ответил по-своему: рассадил в укрытиях лучников своего верного калмыка Бумбы и ещё с десяток казаков с длинными пищалями, и начались между стрелками обеих сторон поединки: то стрелец получит в горло стрелу, то казак упадет, ушибленный насмерть стрелецкой пулей.

Уже почти две недели Синбирск был столицей невиданного доселе на Руси мужицкого бунта. Отсюда, что ни день, Степан Тимофеевич посылал казаков ватагами на Пензу, Тамбов, Саранск, Темников, Алатырь, Ардатов, Ядрин, Арзамас и другие города и местности верховых уездов. Появление казаков и оглашение ими разинских прелестных грамоток порохом воспламеняло крестьян, они громили и жгли помещичьи усадьбы, а самих бар подвергали жестокой и мучительной смерти. В Москве стало ощутимо попахивать гарью мужицкого бунта, а в стрельчатых окнах государева терема отсвечивали уже недалекие всполохи пламени крестьянской войны. Великому государю, что ни день, посыльщики доставляли тревожные вести:

«...город де Карсун взят, и воевода с женой и детьми, и подъячие, и затинщиков и пушкарей тридцать человек побиты, и атаманы де в Карсуне поставлены, и всяк чинов люди вору Разину крест целовали. Загонщики по всему Синбирскому уезду разосланы и поместных людей, дворян и детей боярских, и мурз и татар, за которыми крестьяне есть, рубят и лошадей берут».

«...на Алатыре воровские люди, взяв город, сожгли, а воевода Акинфей Бутурлин с женою и детьми и дворяне, запершись в Соборной церкви, все сгорели».

«...воровские казаки и изменники Саранск взяли сентября в 19 день и воеводу Матвея Вельминова убили и животы все в домах пограбили».

«...на Курмыше стрельцы и казаки учинили бунт, город воровским людям сдали, и курмышане встретили их с образами, и курмышанский воевода Иван Рожнов был вместе с ними, и его всем миром одобрили и оставили на воеводстве».

«...у казака Максимки Осипова в сборе всех людей воровских и мордвы, и черемисы, и русских людей крестьян тысяч с пятнадцать, да донских казаков, вора Стеньки Разина товарищей, сто человек, хотели идти на Нижний для того, чтоб нижегородцы присылали к ним людей дважды, что Нижний хотели сдать, а великого государя ратных людей побить».

Степан Разин лучше государевых людей и самого царя ведал, какая огненная пучина бунта разверзлась уже над пятой частью уездов коренной России. Каждый день к нему являлись посыльщики от мордвы, чувашей и русских крестьян и доносили, что их местности целовали крест на верность атаману всея Руси Степану Тимофеевичу. И сам он рассылал казачьи ватаги от Воронежа до Нижнего Новгорода, и все вокруг него были уверены, что сила на стороне бунта, но только не сам Разин. Он был главой и знаменем почти двухсот тысяч восставших крестьян, но бунт растекался по России своими путями, и Степан Тимофеевич не имел над ним никакой власти. Он дал народу правду и волю, и люди распоряжались ими по своему хотению, ведомые чувством отмщения всем помещикам за всё зло, которое те над ними творили с беспамятных времён. И порой Разин начинал задумываться, что теперь он в ответе за всё, что ни сделают эти вольные люди, и на каждом их деянии стоит его, атаманова, печать.

К концу третьей недели сентября 1670 года высота вала на Казанской стороне почти сравнялась с прясло. Разин с есаулами осмотрели его и решили, что, хотя насыпь ещё не подведена к городу вплотную, нужно совершить приступ, авось удача на этот раз будет на их стороне, да войско следовало встряхнуть боем, а то многие стали унывать за нудной земляной работой.

Ночью на валу были поставлены шесть пушек, и когда чуть рассвело, ещё до отдачи часов, пушкари открыли стрельбу по верхним ярусам прясел и Казанской башни, а не менее двух сотен поджигальщиков стали закидывать северный край города огненным смольём, укрываясь за бревновыми щитами. Несколько изб в городе вспыхнули, стрельцы Бухвостова их мигом раскатали на бревна и залили водой, а огненное смольё продолжало лететь и падать за прясло.

На Казанскую сторону прибежали воевода и полковник, который привёл роту солдат, и все они стали заливать крыши водой, чтобы не дать возгореться другим избам. В это время плотный заряд дроба, выпущенный из пушки, ударил в колокольню Казанской башни, и государев набатный колокол с тяжким гулом рухнул вниз, пробив в башне полы всех трёх ярусов, разбив находившиеся на них пушки, покалечив и убив многих пушкарей и солдат.

Это послужило для разинцев сигналом к приступу. Пользуясь замешательством осаждённых, они заняли прясло, а многие, самые отчаянные, поспрыгивали вниз и кинулись к воротам, чтобы их открыть и допустить в город всё войско. Но воротной проезд на много рядов был заставлен доверху кулями с мукой и солью, их за день оттуда все не вынести, и казаки подрастерялись. А тут ещё по ним начали стрелять солдаты и стрельцы из-за изб, и совсем плохо казакам стало. С прясла на выручку опустили несколько лестниц, но лезть по ним — верная смерть, пищальники с двадцати саженей мимо не стреляют.

Разин, как услышал, что с его донцами такая беда, так мигом оказался на прясле в полный свой рост. Солдаты и стрельцы вскинули на него пищали, выстрелили, а Степан Тимофеевич успел сигануть вниз.

— Бегите за мной, казаки, пока солдаты пищали заряжают, к наугольной башне! — крикнул атаман и кинулся на Свияжскую сторону. Ворвались казаки в башню, пушкарей и солдат постреляли и порубали саблями. — Рассыпайте порох и зажигайте всё кругом! — велел Разин. — Остальные прыгайте вниз. Бог всем в помощь!

Казаки посыпались из наугольной башни вниз и почти все остались живы. А Степан Тимофеевич покинул башню последним, когда в ней от дыма уже дышать нечем стало. Ров напротив башни был закрыт насыпью, и Разин побежал к нему, где его высматривал Бумба, и калмык, закрывая атамана собой, быстро вытолкал его за бревновые щиты. Войско увидело Степана Тимофеевича живым и невредимым и так бурно возрадовалось, что, вздрогнув от людских криков, Милославский схватил за рукав полковника Зотова:

— Веди, Глеб Иванович, сюда ещё две роты своих солдат, иначе не выстоим!

— Это они веселятся, что вор Стенька остался жив, — сказал полковник. — А к нам, князь, действительно явилась немалая беда. Теперь они каждый день и ночь будут нас жечь, забрасывая город смольём.

— Что же делать? — растерялся Милославский. — О князе Барятинском ещё и слуху нет.

— За эту ночь надо поправить прясло брёвнами из тех изб, что раскатали.

— Завтра они пушками опять их сшибут.

— А мы ночью эти пушки изломаем, — сказал полковник. — Пошлю свою лучшую роту капитана Мигунова. Они молча сойдут с прясла и забросают насыпь гранатами, а затем разобьют пушки. Мигунов знает, как это сделать.

И в этот день случилось невероятное: супротивные стороны, находясь друг от друга в двадцати-тридцати саженях, не сделали ни одного выстрела. В крепости рубили венцы срубов, поднимали их, укладывали на прясла, меняли сожженные венцы баш-

ни, на разинской стороне мужики без отдыха отсыпали вал, подвигая его вершок за вершком к крепости.

К Милославскому без вызова явился стрелецкий глава Бухвостов. Воевода только что отобедал и сидел на лавке.

— Какое лихо тебя принесло? — недобро спросил он, подозрительно оглядывая статного стрелецкого начальника и невольно завидуя его молодости.

— Мелькнула у меня, князь, думка, как загородить город от горящего смолья, что воры мечут к нам через прясла.

— Говори, — разрешил Милославский, но начал слушать голову вполуха: рядом с ним князю постоянно примерещивалась Настя. — А ну, скажи ещё раз, — воевода, отгоняя наваждение, потряс головой.

— На Москве, если тебе, князь, то неведомо, от близкого огня ставят защиту из мокрых парусов. Тогда искры и головёшки не попадают на ещё целую избу или другое строение.

— Вот как? — заинтересовался Милославский. — Из чего же те паруса делают.

— Между двух жердин натягивают мокрую ткань и ставят где надо.

Воевода кликнул дьяка Ермолаева, и Бухвостов довёл до того свою затейку.

— Есть в белом амбаре парусная, для стругов, тканина, аршин за триста будет.

— Вот и отдай её всю голове Бухвостову, пусть наделает мокрых парусов!

— Отдать можно, только, — дьяк закусил нижнюю губу, — только пусть голова даст мне поручную запись.

— Не дам! — решительно заявил Бухвостов. — Тогда её перемеривать нужно, не по мне глотать амбарную пыль, — ратные люди встали в затруднение, которое перед ними воздвиг приказной московской выучки. — Я волен идти, воевода? — осведомился Бухвостов.

— Постой, голова! — Милославский простер перст в дьяка. — Пиши, Ларион, что сегодня от воровского приступа сгорел белый амбар со всем добром, что там лежало!

— Как сгорел? — переспросил Ермолаев.

— Сгорел, и даже золы не осталось, всю ветром разметало! — подтвердил Милославский. — Иди, Бухвостов, и бери, что тебе для дела нужно. Как сделаешь, зови!

Отпустив служилых людей, Милославский опрокинулся на лавку и закрыл глаза, пытаясь хотя бы задремать, но в обоих глазах опять занозой встала Настя, сияющая зазывной улыбкой из-под прядей волос, распущенных по всему до сдобно-румяных ягодиц телу. Воевода сглотнул сладкую слюну и перевернулся на другой бок, и привиделось то же самое, только ещё более знобяще — медовое и такое явное, что он далее не улежал, встал с лавки и кликнул денщика. Петька с опаской приблизился к своему господину: в последние дни тот стал драчлив и щедр на затрещины.

— Что, раззява! — свирепо проворчал Милославский. — Упустил поломойную девку, как её теперь от родителя, воротника Федьки Трофимова, вынуть?

— Я на колени перед ней вставал, — забормотал Петька. — А она, воевода-милостивец, уперлась и говорит, что за просто так не вернётся. И отец её, Федька, тоже гундел о какой-то обиде.

— А нитка жемчуга, что я тебе давал?

— Кинула её в грязь, скажи, говорит, воеводе, что я теперь в золотой да алмазной цене.

Милославский от этих слов поморщился, как от зубной боли.

— Где жемчуг? — Петька вынул из-за пазухи украшение, воевода схватил его, поднес к свету и оглядел каждую жемчужину. — Отвернись к двери, — узорным ключиком Милославский открыл замок сундука, вынул кованную серебряную коробку, вздыхая, стал перебирать драгоценности. Из всех взял шейное золотое ожерелье с вкрапленными в него алмазами, оглядел его, завернул в бархатную тряпицу и отдал денщику. — Ступай, Петька, за Настей, и без девки не возвращайся!

– 4 –

Настя, вся пылая обидой, выбежала на крыльцо и так громко захлопнула за собой дверь, что проходившие мимо солдаты схватились за оружие. Затем увидели ту, кто их переполошил, и один из них восхитился:

— Вот девка! Она не только в воеводском доме хозяйка, но и над гостем Твёрдышевым начальник!

— Эй, Настя! — позвал её другой ратный. — Айда с нами на прясло, скучать не будешь!

Девку душили слезы обиды, и она смолчала. Затем повернулась, плюнула на твёрдышевский порог и медленно пошла к Крымским проездным воротам, не обращая внимания на проливной дождь. От свияжского прясла тянуло едким чадом, земля за-

лывела, вода заливалась в короткие сапоги, и Настю охватила ознобная дрожь. «Хоть бы печь вздумал затопить», — подумала она толкая дверь воротниковой сторожки.

Федька Трофимов ещё только намеревался разжечь растопку.

— Ты откуда явилась такой мокрой курицей? Быстрее разоболокайся и укройся шубой, только встряхни, в ней полно сора, — Федька высек кресалом огонь, поджёг лучинку и кинул её в печку. — Что, дошалобродничалась? — сказал он, гремя железным котелком. — Знать, выпер тебя воевода, допекла ты его. Да и кто сдюжит, если баба на нём начнет верхом ездить? Среди мужиков редко встречаются такие дурни, но бывают.

Настя, зарывшись в шубу, отвернулась лицом к стене и помалкивала. Не о воеводе она сейчас думала, а о спесивом госте Твёрдышеве. И как отомстить ему, чтобы её помнил и вздрагивал.

— Это хорошо, что ты явилась, — говорил Федька. — Отца надо помнить и чтить. Беда только, разносолов, как у воеводы, у меня нет. А ты, поди, отвыкла от толокна? Но я сегодня разбогател, из солдатской сумы лещ выпал, а я его успел подхватить. Хороший лещ, я тебе половину отрежу, — вода в котелке закипела, Федька засыпал в него несколько жменей растолчённого в ступе овса и стал помешивать. — Добро, что ты явилась, — продолжал бубнить отец. — Веришь, мне какой день блины снятся, пышные, мягкие, такие, какие твоя мать, покойница, царствие ей небесное, делать умела. У меня к блинам горшочек конопляного масла припасен, а муки — ешь, не хочу! Все проездные ворота заставлены кулями с мукой и солью, — Федька наложил в чашку каши, взял ложку, ломоть хлеба и подошёл к Насте. — Поешь, дочка! На пустой живот недобрые мысли приходят в голову. А ты поешь, лещика погрызи и развеселишься, — слова отца согрели Настю, она скинула овчину в сторону, взяла чашку с толокном и скоренько всё умяла и облизала ложку. — Ты это, того, — осторожно сказал Федька. — Воеводу не шибко разобидела? Парень от него прибегал, тебя спрашивал.

— Я — вольная девка, а не собака, чтобы меня на цепи держать!

— Что-то я тебя, сорока, не пойму, — Федька подвинулся к дочери ближе. — Он тебя на цепь сажал?

— Запер в чулане, — сказала Настя. — Велел своему денщику меня стеречь.

— А ты что?

— Сломала дверь и ушла. Я ему не мужняя жена, чтобы меня учить чуланом.

— Ой, беда! — забеспокоился Федька. — Что теперь будет!

Дверь сторожки затряслась под тяжёлыми ударами. Воротник прикрыл Настю шубой и отодвинул на смотровом оконце задвижку.

— Открывай! — раздался голос Петьки. — Я по слову воеводы!

— Говори оттуда, — сказал Федька. — Сторожка — не проходной двор, а воеводское слово ты можешь и через дыру донести.

— Настя у тебя?

— Вон на лавке без задних ног дрыхнет.

— Настенька! — голос денщика стал медовым. — Воевода кланяется тебе ниткой жемчуга и велит прийти поломойничать.

— Не нужен мне его жемчуг, — откинув шубу, сказала Настя. — В крепкой обиде я на Ивана Богдановича за его бессердечие. Не пойду, ни сейчас, ни через десять дней!

— Как же я вернусь с таким ответом? — испугался денщик. — Воевода меня со свету сживет.

— А ты вместо меня поломойничай, — усмехнулась продувная девка. — Может, воеводе и понравится.

— Скажешь тоже, — Петька просунул в оконце ладонь. — Возьми жемчуг, Настя, мне с ним возвращаться нельзя.

— Пожалей парня, дочка, — засуетился Федька. — А ты, Петька, повесь нитку на гвоздик, не пропадёт.

Утром он проснулся на полу, поднял голову, посмотрел на лавку. Насти не было, она чуть свет покинула сторожку, побежала на другой конец города к знаменитой на весь Синбирск чародейке Дуньке Козлихе, жившей в подклети осадной избы. Дверь отворила без стука, все знали, что Козлиха никогда не запирается, а на каждую ночь плетёт мысленную сеть на вход в свою каморку, настолько крепкую, что её не разрубить и саблей.

Чародейка сидела спиной к двери, но гостью угадала сразу:

— Входи, Настя. Ждала я тебя, знала, что не обойдешь меня стороной. На что заговор наносить стану?

Настя протянула ей пуговицу с твёрдышеского кафтана, которую вырвала из полы вместе с нитками, когда уходила из дома. Козлиха взяла пуговицу и протянула другую руку. Настя положила в неё пять алтын.

— Как звать любезного тебе боярина?

— Степан.

— А теперь закрой лицо платом, чтобы не видеть, как я по каморке летать стану. И не гляди — окривеешь.

Настя замотала всю голову платом, и ей почудилось, что она ослепла, затем в каморке что-то зашевелилось, стало прыгать, раздался удар железа о железо и послышалось скороговорное бормотание кудесницы, которое стало усыплять Настю повторами одинаковых и чередующихся звуков. Она даже задремала, когда Козлиха тронула её за плечо. Настя сбросила с головы плат.

— Возьми пуговицу и верни тому, у кого взяла. Через семь дён он будет твой.

Настя схватила пуговицу и ветром вынеслась из колдовской каморки. Отбежав за угол избы, она остановилась и разжала кулак. «Ну, Степан Ерофеевич, смотри, если не явишься через семь дён ко мне!»

Вернуть пуговицу хозяину оказалось нетрудно. Настя высмотрела, как Потаповна вышла на крыльцо, подошла к ней и обвела вокруг пальца подслеповатую старуху:

— У тебя кто-то пуговицами на крыльце сорит! — и указала на оброненную на доски пуговицу. Старуха обрадовалась находке, как раз она-то и была ей нужна. — Как Степан Ерофеевич? — спросила Настя.

— Не выходил ещё от себя, — ответила ключница и спохватилась. — Иди своей дорогой, девка!

Настя по пути в сторожку к отцу нет-нет да усмехалась: знать, неслабо она вчера намяла, нащипала, натормошила бока Твёрдышеву, что он до сих пор встать с лавки не хочет. Добежала, оплёскиваясь в лывах, до сторожки, а Федька её в дверях новостью встретил:

— Прибегал Петька-денщик, за синяками глаз не видно, схватил нитку с жемчугом и убег. Шла бы ты, Настя, к воеводе, он грозится за тобой стрельцов прислать.

— Как бы не так! Я от него так спрячусь, что будет с собаками искать, не сыщет.

Настя скоренько собрала в узел одежёнку и выбежала из сторожки. А навстречу ей солдат: шапка набекрень, усы подкручены, языкаст на диво:

— Куда, раскрасавица Настасья, спешишь? Не к самому ли Разину? То-то он глаз с града Синбирска не сводит, знать, тебя в невесты выглядывает да сватов с пищалями да саблями к нам засылает...

— Не нужон мне такой жених, что невест в воду бросает! — обиделась Настя. — Я сама кого хошь в воду столкну. А теперь прочь с моего пути, пока я тебя не боднула!

Настя знала, где спрятаться от воеводы на семь дней, когда чародейный заговор на Степана Ерофеевича подействует и он станет сходить по ней с ума. Пошла она тайно к знахарке Макриде и просидела у неё всю неделю в чулане. А Макрида за Настины золотые её холила всякими снадобьями, что лицо выбеливают до мучной белизны, и ни одной веснушки у девки не осталось. Отлежалась, отъелась Настя взаперти, а на стенке каждый день черту щепкой выскрёбывала, и когда насчитала семь отметин, вылежала для верности еще одну ночь, а наутро пошла к твёрдышевскому дому высматривать Степана Ерофеевича.

Подошла к крыльцу, подпёрла плечом столб, а скоро дверь скрипнула, и вышел из неё сам Твёрдышев. У Насти сердце забилось, как уловленный петлей рябчик, слова не смогла вымолвить, а Степан Ерофеевич, как увидел её, так всего его перекосило, он дрожащей рукой осенил себя крестным знаменем и кинулся бежать от бесовки прочь.

«Обманула Козлиха! — поняла Настя. — Что ж, и её до кучи свяжу с Твёрдышевым и выдам воеводе на расправу!»

Возле отцовской сторожки её выглядывал Петька. Увидел девку и упал на колени:

— Спаси меня, Настя! Возьми этот жемчуг и ступай к воеводе, мне ведь всю неделю житья человеческого нет!

— За что мне тебя жалеть? — вскинула подбородок девка. — Ты близ воеводы живешь, рожа-то гладкая! А за такое житьё пинки и стерпеть можно. А воеводе скажи, что приду, когда настоящую золотую цену за мою поломойную работу станет платить.

Федька Трофимов слышал, как возносилась в словах Настя, и решил проявить родительскую власть: высунулся из сторожки, схватил дочь за руку и утащил за дверь.

— Не зови лихо на наши головы! Уйми свой язык и не раздувайся спесью, воевода сегодня к тебе добр, а завтра шевельнёт бровью и потащат нас обоих в земляную тюрьму!

— Не трепещи, тятя, — отмахнулась от Федьки Настя. Вынула зеркало и начала перед ним прихорашиваться; то сердечком губки сделает, то бантиком, глаза то влево, то вправо заведёт, в косу то синюю, то алую ленту вплетёт, потом стала колечки на пальцы примеривать, много их у нее было всяких: простенькие железные от стрельцов да проезжих молодцов, медные от струговых приказчиков, серебряные и золотые от князей Дашкова и Милославского. Щедра была Настя на милости, многим их оказывала, и по доброте душевной, и за ленты, бусы, кольца да сережки.

Скоро Петька прибежал, золотое ожерелье принёс с аметистовыми брызгами, такими блескучими, что Настя довольно, как кошка, прижмурилась, накрыла им высокую белую шею, в зеркало глядит и не узнаёт себя, так сразу вздорожала в своём мнении о себе самой.

— Брысь, Петька, отсель, и ты, тятя, выйди! К такому ожерелью мне нужно облочься во всё лучшее и красное.

К воеводе Настя явилась разодетая в опашень из тонкого красного сукна, в козловых башмаках, голова у неё была полуприкрыта широкой, тканной серебряными нитями повязкой, связанной на затылке синей лентой. Милославский глянул не любезную его сердцу девку-душегрейку, и всю тоску с него разом смыло. Однако поначалу он напустил на себя строгость.

— По каким залавкам ты от меня хоронилась, по каким запечьям отиралась? А почто в чулане дверь выломала и куда сбежала? Правда ли, что вокруг избы Твёрдышева кружила?

— Всё неправда, — сделав смиренный вид, жалобно вымолвила Настя. — Я не в себе была все эти дни. Жила точно в бреду.

— Что так? — заинтересовался воевода. — Врешь, поди. Тебе, продувной девке, это не в новость.

— А вот и не вру, изурочила меня кудесница Дунька Козлиха, напустила на меня свои чары, вот я и обеспамятела и не ведала, что творила.

— На кой лад ты далась этой Козлихе? Ты что ей, соперница в чародействе? Отвечай без утайки!

И тут Настя удивила воеводу: пристально глядя на него, вопросила:

— Какая награда мне будет, если я объявлю государево «слово и дело»?

— «Слово и дело»! — опешил Милославский. — Да какое «слово и дело» может быть у тебя, поломойной девки?

— А вот есть! Говори, какая награда?

— Не гнои мне, Настя, душу! — в сердцах воскликнул Милославский. — Вот отыму у вора Стеньки казну и насыплю тебе полный подол серебра да золота. Ты хоть понимаешь, что наделала? Ты уже промолвила: «слово и дело государево»! Я теперь должен взять тебя в розыск, иначе сам в ответе буду. А тебе за утайку имени человека, на которого ты заявила «слово и дело», полагается пытка, а не награда! Говори, кто он есть!

— Пропади он пропадом! — махнула рукой Настя. — Гость Твёрдышев. Он хотел присушить меня чарами Дуньки Козлихи, я всю неделю в лихорадке была, спасибо, Макрида отвела от меня эту хворь.

— Только и всего? — скривился воевода. — С таким доносом не ко мне нужно идти, а к протопопу Анисиму, только он может различить, чем это дело пахнет — ладаном или серой. Я же для тебя велел сладкий стол накрыть.

Настя скушала ломтик сахарной дыни, облизала пальцы и вымолвила:

— Гость Твёрдышев в подклети своей избы прячет двух воровских людей, и оба они явились к нему от Стеньки Разина.

— Ты не выдумала это? — сразу оценив важность вести, переспросил Милославский. — Если соврала, то лучше откажись от брехни.

— Видела их своими глазами, — взяв другой ломтик дыни, небрежно вымолвила Настя. — Один приказчик Максимка, а другой появился со сломанной ногой, в прожженной одежде, как зовут, не слышала.

— А что, приказчик верно явился от вора? — обняв Настю за плечи, спросил Милославский. — Или тебе приблазнилось?

— Как же не так, когда он в тятиной сторожке при мне из погреба вылез, весь в паутине и грязи.

— Выходит, он там жил? Кто же его туда посадил?

— Скажешь тоже, жил, — удивилась непонятливости Милославского Настя. — Он вышел из лаза, что прокопан из крепости на береговую гору.

— Как прокопан! — вскричал, вскочив со скамейки, воевода. — Кем прокопан? Почему я о сём не ведаю? — он забегал по комнате, затем резко остановился. — Значит, и отец твой Федька Трофимов в стачке с ворами!

— Тятю не тронь! — озлилась девка. — Он даже мне про этот лаз не сказал.

— Ладно, оставим Федьку, — махнул рукой воевода. — Ясно, что лазом заведовал Твёрдышев. Добро, что воры про него не знают. А может, уже знают? Петька! — денщик просунулся в комнату и вытаращился на своего хозяина. — Срочно, но тихо доставь ко мне полковника Зотова, и пусть он прихватит с собой три десятка солдат.

Обнаружение пособников воровского атамана внутри крепости было делом великой важности, и Милославский с нежностью глядел на свою девку-душегрейку.

— Ты, Настя, из моей избы не уходи.

— Что, опять в чулан посадишь? — вспыхнула Настя.

— Дался тебе этот чулан, — мягонько сказал Милославский. — Живи у меня гостьей, что нужно, спрашивай с денщика и ключника.

— И поломойничать не надо? — Настя сама поглядела и дала увидеть Милославскому свои ухоженные белые руки.

— Есть кому этим заняться, — Милославский вплотную приблизился к Насте и жадно вдохнул дразнящий запах спелого женского тела. — Живи у меня барыней, но остерегись перемигиваться хоть с кем, не то узнаешь мою тяжёлую руку.

– 5 –

Полковник Зотов находился возле наугольной башни, которая сильно пострадала от пожара, учинённого в ней воровскими казаками. Первый и третий ярус были целы и лишь слегка закоптились от огня и дыма, но второй ярус выгорел, кроме боковых срубов, весь: сгорел бревенчатый пол, две лестницы, обгорели края бойниц, и всё это нужно было срочно восстанавливать и поправлять. Люди для работы у него были, ратники на Руси всегда умели не только воевать, но и строить, и, отложив оружие, они брали в руки топоры и споро справлялись со всяким плотницким делом.

И сейчас одни солдаты разрубали брёвна на две половинки для половых плах, другие вытёсывали доски потоньше для ступеней и боковин лестниц, третьи вкапывали на первом ярусе башни столбы, чтобы на них уложить пол для второго яруса. Гвоздей, скоб или другого железа рядом с солдатами и близко не было, всё строилось и держалось на пазах и выступах, вырубленных топором для соединения плах и брёвен в одно целое.

Со стороны могло показаться, что солдаты работают с ленцой, но полковник их не подгонял, он знал, что к вечеру всё будет сделано, и с интересом смотрел, как четыре стрельца несут две жердины, а за ними идёт голова Бухвостов. Дойдя до прясла, стрельцы положили ношу на землю и стали разворачивать жерди в разные стороны, освобождая закреплённое на их краях большое полотнище.

— Ты что, Бухвостов, надумал уплыть из Синбирска? — сказал Зотов. — На что такой парус сделал?

— Сейчас, Глеб Иванович, увидишь и удивишься, — ответил голова. — Поднимайте, стрельцы, жерди, да не спешите! — хоть и немалые были жерди, но полотнище едва высунулось выше прясла. — Поднимите повыше до нижнего края паруса! — велел Бухвостов и палкой замерил, насколько нужно прибавить жерди в длину. — Что скажешь, Глеб Иванович?

В этот миг с воровской стороны раздался пищальный выстрел, и пуля пробила полотнище.

— Скажу, Бухвостов, что ты этой тряпкой привёл воров в трепет, вон как переполошились!

— Разве это не защита от горящего смолья? — заметив прохладное отношение к своей выдумке, сиротливо произнёс Бухвостов.

— Не думай, что я против, — сказал Зотов. — Может, то смольё, которому было суждено сжечь город, как раз и ударится в твой парус. В нашей осадной нищете и это годится.

— Тогда надо воеводу звать, — обрадовался Бухвостов. — Пусть глянет и скажет слово.

— За этим дело не станет. Вон и его денщик крадётся, видно, перетрясся от пищального выстрела. Что скажешь, воеводский вестник? Какую докуку на наши головы принёс?

— Воевода тебя к себе кличет, господин. Велел тебе вести с собой три десятка солдат, и чтоб те шли оружно.

— Вот она и есть та самая докука, Бухвостов! — сказал Зотов. — Зачем воеводе три десятка солдат, его что там, в избе, недруги осадили?

— Один воевода, с Настей, — простодушно молвил Петька.

— Беда с этой Настей, — усмехнулся полковник. — Знать, она так сильна стала, и от неё освободить воеводу надо столько ратных людей. Может, и ты, Бухвостов, пойдёшь выручать князя из неволи?

— Нет! Нет! — замахал руками голова. — Я на такой подвиг даже ради воеводы не готов.

— Ступай, Петька! Скажи Ивану Богдановичу, что тотчас явлюсь, — сказал Зотов и, подозвав к себе капитана роты, велел ему немедленно взять нехилых солдат и бежать к воеводской избе. Сам он не стал ждать воинскую силу и отправился к воеводе один.

В воеводской избе было тихо, холодная осень прогнала из неё всех мух, по вечерам печи стали помалу протапливать, в горнице было тепло, солнечный луч из оконца

освещал на столе кувшин с вином и сладкие закуски. Князь Милославский изволил слегка попировать со своей девкой-душегрейкой и теперь возлежал с ней на лавке, занятый разрешением непростой задачи, которую перед ним поставила Настя своим разоблачением измены в доверенной князю великим государем крепости, осаждённой воровским войском Разина. Милославский верил, что девка не наклепала на гостя Твёрдышева попусту. Ясно, что у купца рыльце пушком присыпано, только какая от этого разоблачения выгода воеводе? Он знал, что на Москве всякий, раскрывший измену другого, сам в первую очередь оказывался под подозрением как потатчик совершённого преступления. «Где ты до этого был? Куда глядел? Что с этого поимел?» — такие вопросы нередко звучали в пыточных каморах Разбойного приказа, и отвечать на них Милославский не хотел. Воевода не отличался скородумием, но был способен к здравому розмыслу, и в этом случае он не спеша всё разложил по полочкам и в результате вывел, каким образом ему надлежит действовать, чтобы не оступиться самому. И к приходу Зотова, он уже знал, как надлежит поступить.

Полковник пришёл к воеводской избе, но Милославского, вопреки обычаю, на крыльце не было. Явился капитан с тремя десятками солдат, и тогда Зотов расшевелил денщика, чтобы тот донёс об исполнении приказания своему хозяину.

Петька осторожно приблизился к дверям горницы, где были Милославский и Настя, и осторожно поскрёбся.

— Господине, — выждав время, сказал денщик. — Полковник Зотов явился и привёл солдат.

Милославский собрался подняться с лавки, но его перехватила Настя.

— Погоди, князюшка, — пролепетала она и потянулась к нему всем жарким телом. — Скажи, чтобы обождали.

— Слышь, Петька! — крикнул Милославский. — Пусть ждут и никуда не деваются!

Полковник нетерпеливо прохаживался возле крыльца, затем сел на ступеньку и расстегнул верхнюю пуговицу кафтана. Было жарко, солнце в полдень ещё щедро пригревало Синбирскую гору, но с Волги уже ощутимо тянуло холодом. Служба приучила Зотова быть терпеливым, и сейчас, поджидая воеводу, он не скучал, а раздумывал, что вот кончится воровская замятня и ударит он великому государю челом, чтобы пожаловал он своего верного солдатского полковника бессрочным отпуском да приписал к его поместью ещё с десяток семей крестьянишек. Зотов догадывался, что и в Синбирском уезде будут большие поместные дачи, и, по его разумению, его не должны были в этом обнести, и дадут не менее ста пятидесяти четвертей земли в трёх полях и пожалуют деньгами на домовое строение.

— Что, готовы? — раздался весёлый и довольный голос воеводы, который с крыльца оглядывал солдат и капитана. — А где Зотов?

— Здесь я, — ответил полковник, выходя из-за избы и отряхивая штаны. — Какое дело ты там, князь, выдумал?

— Дело, Глеб Иванович, государево. Поди-ка поближе, я тебе кое-что в ухо нашепчу, — с каждым словом воеводы лицо полковника наливалось краснотой, а на скулах отчётливо проступали желваки. — С Богом, полковник! — громко сказал Милославский. — И берегись, чтоб промашки не вышло.

Зотов махнул солдатам и капитану, чтобы они следовали за ним, и трусцой побежал по проулку. Воевода, не торопясь, шёл следом. К его приходу дом Твёрдышева — несколько изб и амбаров — был окружён кольцом солдат. Полковник ждал Милославского на крыльце.

— Иди передом, Глеб Иванович, — велел воевода. — Ты человек бывалый, но гляди в оба.

Полковник открыл дверь, и в неё с ужасным топотом ворвался капитан, за ним туда же просунулся Зотов, и, недолго погодя, в твёрдышевские владения важно вступил воевода.

Буйный приступ капитана переполошил раненых, они начали кричать, а некоторые схватились за оружие. Появление начальных людей их усмирило, а те сразу накинулись на Потаповну, которая шла по проходу с пустым ведром.

— Где воров прячешь, старуха? — заорал Зотов.

— Отродясь в твёрдышевском доме воров не было, — спокойно сказала Потаповна. — Ты бы, боярин, поискал их за городским прялом. Я сама не видела, но говорят, что там их тьма-тьмущая.

— Где Твёрдышев? — спросил Милославский.

— Где же ему быть, — ответила Потаповна. — В храме, у литургии пребывает.

— А приказчик Максимка?

— В подклети. Да не трожь ты его, воевода, Максим смирный парень, — сказала ключница и строго поглядела на Милославского. — Не уродуй человека безвинного!

— Это мы поглядим, — проворчал воевода и поспешил за полковником. Капитан

был уже внизу и держал под прицелом огромного пистолета Савву, Максима и Федота. — Поспеши к храму, — велел ему Милославский. — И проследи, чтобы Твёрдышев явился сюда. Но руки ему не выкручивай.

— Сказывай, кто приказчик Максимка! — обратился воевода к Савве. Синбирский летописец затрепетал и не смог произнести даже полслова. В коридоре затопали сапогами солдаты.

— Это я, — произнес, вставая, Максим.

— Прими, Глеб Иванович, одного вора, — весело сказал Милославский и посмотрел не Федота. — А другой, стало быть, ты?

— У него нога сломана, — обрёл голос Савва.

— Для него у меня добрый лекарь, Борька Харин, припасён, — сказал воевода. — Особо горазд лечить глухих и немых. Сразу воры при виде его рыла начинают и слышать, и говорить. Чую, полковник, что не только вор он, а самый прожженный воровской ворон. Волоките его из избы!

Двое солдат схватили Федота под руки и выволокли на крыльцо, затем погнали вместе с Максимом к земляной тюрьме. А воевода подзадержался: к своему дому спешил Твёрдышев, а сбоку за ним следовал солдатский капитан.

— В чём моя вина, князь? — взволнованно заговорил Степан Ерофеевич. — Я слышу, что ты учинил над моими людьми суд и расправу. Ты, видно, подзабыл, что купец гостиной сотни тебе неподсуден. Изволь унять свой нрав, воевода!

— У меня до тебя пока дела нет, — спокойно сказал воевода. — А что касаемо двух воров, жительствующих в твоей избе, то они взяты мной в розыск. Что до твоих прав, то я воеводствую осажденной крепостью, и мне велено великим государем её отстоять. Ты в этом случае помеха государевой воле, посему, капитан, поставь возле Твёрдышева солдата-караульщика и сторожи его крепко, чтобы в какую дыру не ушёл из крепости, — последние слова воеводы смутили Твёрдышева, он сник и направился в свою избу. — Скоро я тебя позову, Степан Ерофеевич, — вслед ему сказал Милославский. — Готовься к душеспасению и раскаянью. И знай, я не протопоп Анисим, а исповедником для тебя может стать Борька Харин.

Было в Синбирске такое место, меж белым амбаром и избой пороховой казны, где постоянно слышался шум, исходивший из сруба с плоской крышей, углубленного на две с лишком сажени в землю. Это была тюрьма, и содержались в ней узники, большей частью ещё не осуждённые, а обвинённые в воровстве, татьбе, корчмарстве и в уходе от своих помещиков. В верхней части сруба помещалась большая печь, стол, несколько скамеек и лавка, покрытая рогожей, на которой после тюремных и палаческих трудов отдыхал Борька Харин, который имел в своём подчинении двух сторожей, постоянно живших в небольшой, похожей на собачью будку сторожке.

Все дни от начала осады Борька истомился без дела, обрюзг от пересыпа и, когда ему дали знать, что предстоит палаческая работа, сразу ощутил прилив жизненных сил. Он подмёл веником пол, сбрызнул его водой, разжёг на толстом железном листе березовые чурки для раскаливания пыточной снасти, проверил, подёргав веревки, крепость крючьев, укреплённых в потолочном брусе. Озаботился Борька и об удобстве для воеводы: вымыл с песком кувшин и чару, налил в них свежей колодезной воды и поставил на стол. Затем распахнул дверь и встал на пороге, высматривая дорогих гостей. Синбирские обыватели, проходя мимо палача, отплёвывались и осеняли себя крестным знамением.

Увидев солдат, которые волокли под руки Федота и Максима, Борька выбежал им навстречу и закричал:

— Сюда их, ребята, не протащите мимо!

Скоро явился воевода и, глянув на палача, которого ранее видел мельком, спросил:

— Ты самоукой стал палачом или где учился?

— Все хитрости от тятеньки перенял, — ответил Борька, согнувшись в поклоне. — Он в Синбирске первым палачом был, когда ещё крепость ставили.

— Подвесь сначала этого, — сказал Милославский и указал на Федота.

— Не надо меня бить! — крикнул Федот. — Я сам обо всём поведаю!

Палач вопрошающе глянул на воеводу.

— Без пытки веры вору нет, — решил Милославский. — Подвешивай! — Борька связал спереди руки, затем подвесил Федота на крюк. — Дай ему с десяток шелепов! — велел воевода.

Палач вынул из бочки с водой ивовый прут и с сильного замаха ударил Федота один раз, другой...

— Воевода! — заверещал Федот. — Ведь я так сдохну, и ты ничего не узнаешь!

Движением руки Милославский остановил палача.

— Говори, каким путём ты явился в Синбирск?

— С прясла свалился, когда казаки ночью на приступ шли.

— Откуда знаешь вот его? — воевода указал на Максима.

— Ещё по весне вместе шли в Синбирск одной дорогой.

— Твёрдышева как знаешь?

— Только в его избе и увидел гостя...

— Продолжай, палач, бить вора! — велел Милославский и вышел из пыточной прохладиться, очень уж муторно ему стало от самого вида застенка. «Не княжеская это забота воров распрашивать», — подумал воевода и с надеждой посмотрел на околачивающегося без дела губного старосту, который заведывал всеми уголовными делами в Синбирском уезде. — Пантелеев! — позвал его воевода. — Ты на меня не в обиде, что я твоим делом занялся?

— И мысли об этом нет, — подобострастно вымолвил Пантелеев. — У воеводы ко всему есть дело.

— Так вот, Пантелеев, распроси воров сам, а мне доставишь распросные листки. Только не увечь их до смерти.

— Я дело своё ведаю, — сказал губной староста и, войдя в пыточную избу, плотно затворил за собой дверь.

Милославский посмотрел Пантелееву вслед и похвалил себя за догадку заняться другим, наипервейшим сейчас делом и скорым шагом пошёл к Крымским воротам. Воротник Федька Трофимов его не ждал увидеть и прямо с лавки бухнулся на колени.

— Показывай, где лаз! — строго сказал Милославский. Федька молчал и лишь лупал зенками, до него никак не могло дойти, откуда воевода знает тайну. Тогда князь больно пнул его в бок. Федька охнул и ухватился рукой за кольцо в полу. — Ага, значит здесь, — довольно сказал Милославский. — Открывай! — воротник поднатужился и поднял тяжёлое, набухшее от сырости творило. Из ямы на воеводу пахнуло плесенью и сыростью. — Сделай, чем посветить! — смольё у Федьки было припасено, он скоро разжёг его и протянул князю. — Лезь поперед меня! — Милославский, вслед за Федькой сошёл на дно ямы, осветил рубленые стены, долго приглядывался к самому лазу, узкой дыре, обшитой досками. — Кто знает о лазе? — Милославский чуток подпалил Федьке бороду смольём.

— Я, стало быть...

— Ещё кто? — Милославский шевельнул огонь.

— Степан Ерофеевич Твёрдышев и его приказчик, больше никто.

— Врёшь! — сказал воевода. — Лезь наверх за мной. — Врёшь, Федька! — повторил воевода, бросив смольё в бочку с водой. — Но я тебя дальше не пытаю. Хочешь сказать, скажешь.

— А ведь точно! — воскликнул Федька. — Настя знает. Эх, девка! Лишила отца прибытка: Степан Ерофеевич мне за этот лаз давал полтора рубля в год, всего на полтину меньше, чем я за свою воротниковскую службу жалованья получаю.

— Не горюй, — сказал Милославский. — Меньше вина выжрешь.

— Я, милостивец, хмельного давным-давно не лопаю.

— Добро, я Насте дам полтора рубля.

— А ей за что? Я же лаз сторожу.

— Она мне его открыла, вот за что. А ты, Федька, затвори за мной дверь самым большим крюком и никому не открывай, кроме меня, даже Насте!

Милославский неторопливо шёл к своей избе и раздумывал, нет, не о пытаемых сейчас ворах и не о лазе. Одна, острая, как нож, дума терзала ревнивую душу князя — как извести со свету гостя Твёрдышева, но ничего путного ему на ум не приходило.

Губной староста явился к воеводе уже затемно. Воевода взял у него расспросные листы, прочитал их на два раза и отложил в сторону.

— Воры своими ногами от тебя ушли?

— Борька им помог, но они живы.

— Приказчик, выходит, на Твёрдышева ничего не показал? — Милославский строго глянул в глаза Пантелеева.

— Крепким парнем оказался этот Максимка. Борька и бил его кнутом, и жёг огнём, а он скрипел зубами и помалкивал. Может, воевода, по-настоящему его взять на дыбу, с раскалёнными щипцами, суставоверченьем?

— Не стоит, — задумчиво молвил Милославский. — Всё, что я хотел знать, я уже знаю. Держи их в тюрьме. После того как схватим вора Стеньку, они могут сгодиться для очной ставки.

— Палач Борька за работу деньги просит, — сказал Пантелеев.

— Сколько ему обычно дают?

— По гривеннику за каждого, всего двадцать копеек.

— Возьми у дьяка Ермалаева, скажи, что я велел выдать.

Губной староста низко поклонился и вышел из комнаты. Милославский снова взял в руки расспросные листы, прочёл их и задумался. Приказчик не сознался, что явился

от Стеньки в Синбирск через лаз, а кроме Твёрдышева, никто не мог указать ему этот путь. Посадить Твёрдышева в тюрьму? Но гость известен великому государю. И тот учинит с воеводы спрос, за что он воздвиг такое бесчестие на известного всей Волге купца и кабацкого целовальника. Милославский прямое гонение на Твёрдышева сразу отверг, нужно уготовить для него такую западню-ловушку, чтобы он сгинул, а подозрений на того, кто в этом виновен, никогда не возникало.

– 6 –

Во второй половине сентября 1670 года умелые осадные хитрости разинцев, главной из которых было возведение вала, сблизили противоборствующие стороны. На прясле и на валу стали по несколько раз в день вспыхивать рукопашные схватки, которые велись с обильным кровопролитием и великой жестокостью. Ночью ратным людям тоже было не до отдыха: солдаты и стрельцы восстанавливали разбитые и сгоревшие верхние венцы прясла и башен, мужики и казаки подсыпали обрушенный вал и поправляли разбитые бревновые заслоны.

Обе стороны до крайности озлобились друг на друга: разинцы, перебросив мосты с вала на прясло, с матерным лаям лезли на пули и копья, не считая своих убитых, солдаты и стрельцы, остервеняясь, пёрли им навстречу, и начиналась резня, из которой живым оставался, к восторгу одних и к удивлению других, лишь Степан Разин. Ратные люди, опалённые ужасом рукопашного боя, уже не имели сил и воли идти друг против друга, и только тогда атаман, устав призывать своих людей, уходил с моста последним, и ни одна пуля, пущенная ему вслед, его не задевала, как будто он навсегда был заговорён от смерти.

— Погибели своей ищешь, Степан Тимофеевич, — говорил атаману есаул Корень. — А как же мы, твои побратимы? На кого нас хочешь покинуть?

Разин, не отвечая на упрёки, уходил к своему шатру, который он велел поставить посреди войска. Калмык Бумба ополаскивал атамана от чужой крови несколькими вёдрами воды, подавал ему чистую одежду, а окровавленную тут же сжигал на костре, чтобы она не попала в недобрые руки и над ней не учинили вредоносный наговор.

День ото дня Степан Тимофеевич становился всё угрюмее и нелюдимее. Затворившись от всех в шатре, он возлежал на кошме и глядел широко раскрытыми глазами в неведомую другим людям пустоту. Порой атаман с содроганием ощущал, что вокруг него, наползая из-под краёв шатра, сгущается непроглядный мрак, и ему казалось, протяни он руку, и достанет до него, но не было мочи это сделать, начинало набухать льдом сердце, прерывался дух, и Разин беззвучно шептал: «Вот, значит, какая ты, смерть... Так что же ты медлишь?»

Как-то среди ночи верный одностаничник привёл к атаману человека с замотанной в тряпку головой. Разин велел открыть ему лицо. Это был тайный лжецаревич.

— О чём слёзы льёшь, Николка? — спросил атаман.

— Сил моих нет, Степан Тимофеевич, жить дальше под личиной почившего Алексея Алексеевича! Каждую ночь слышу его голос.

— Что же он тебе доносит?

— Тяжко ему от моего воровства. Пока буду волочить его личину, не найти царевичу успокоения, так и не перестанет его душа метаться между землёй и небесами. Избавь меня от непосильной ноши, атаман!

Разин поднял Николку с колен, усадил с собой рядом, погладил по голове.

— Беда, что идти тебе некуда, — задумчиво молвил Разин. — Страшную тайну ты носишь в себе.

— Что ж, мне теперь умереть? — всхлипнул Николка.

Обычно Разин, не раздумывая, перешагивал через людские жизни. Но парня выручил казак, который его привёл:

— Дозволь, атаман, я отведу Николку на Керженец, к раскольничьим старцам, те его схоронят от чужих глаз и ушей в своих молельных избах.

Чувство, похожее на жалость, шевельнулось в дремучей от пролитой крови душе Разина, и он легонько оттолкнул от себя парня.

— Будь по-твоему, односум, — молвил атаман. — Проводи Николку на Керженец, да сам там поживи, сколько похочешь.

Оставшись один, Разин задул свечу и растянулся на кошме. Но сон долго не шёл к атаману, Николка разбередил ему душу своей молодостью и напомнил, что когда-то и он жадно взирал на жизнь глазами счастливца и держался за неё обеими руками, а теперь бесконечно устал от всего, и стоит только взглянуть на прошлое, как видится лишь широкое поле, усеянное порубанными и пострелянными людьми, а посреди этого поля жив один всадник с подъятой к солнцу саблей — он сам, Степан Разин.

Недолгий и чуткий сон атамана прервал пушечный выстрел. Неподалеку от шатра

о землю шмякнулось что-то тяжёлое, загомонили люди, и всё случилось из-за того, что Милославский, обеспокоенный частыми приступами разинцев на казанское прясло, усилил оборону несколькими пушками, взятыми с Крымской стороны. Наряд перетащили ночью, а с рассветом пушкари начали вести пристрелку пушек, и воевода заставил их целиться в сторону разинского шатра. Ядра до него не долетали, Милославский топал на пушкарей ногами и весь исходил желчью. Тогда один пушкарь созоровал, набил в пушку в два раза больше пороха, чем обычно, и поджёг пороховую затравку. Пушка от непомерного заряда встала на дыбы и опрокинулась на бок, но ядро долетело почти до разинского шатра, всполошив спавших казаков.

Для Разина этот выстрел стал вроде луча света, который вспорол окружающую его тьму. Он оглушающе громко возвопил: «На приступ!» — схватил саблю и побежал на вал. За ним устремились лучшие казаки и мужики. Но и солдатский полковник знал свое дело. Из-за амбаров к прясту скорым шагом пошли, по тридцать человек в ряду, триста копейщиков в железных доспехах и железных шапках. По пути они отшвырнули в сторону воеводу и его денщика, и скоро всё прясло ощетинилось копьями и пищалями. Пальба началась почти одновременно с обеих сторон, и много было убито солдат и мужиков, но сила разинцев не убывала, на место убитых встали живые, и они пошли на приступ. Загремело и заскрежетало железо копий, сабель, топоров и ножей. Ругань, стоны и вопли слились в оглушающий рёв, здесь не было дрогнувших и отступивших, только раненые и сражённые насмерть.

Копейщик, которому воевода встал на пути, ударил его своим железным нагрудным доспехом, как пушечным ядром, и Милославский откатился под прясло. На малое время он обеспамятел, но кое-как проморгался, цепляясь за сруб, поднялся на ноги и огляделся.

— Как, Иван Богданович, цел? — спросил подбежавший к нему Зотов.

— Голова пошумливает, — пробормотал он. — Твои солдаты чуть меня не затоптали. Попёрли, как табун коней.

— Они так научены ходить, по-другому не умеют, — скрывая усмешку, сказал полковник. — Ступай в свою избу, Иван Богданович, у тебя борода в крови, да и штаны порваны.

Воевода этим известием не обеспокоился.

— Штанов у меня полный сундук, — он остро глянул на Зотова. — Мне нужен от тебя верный человек, которому можно доверить государево дело. Есть такой?

— Как такому не быть в моём полку, — сказал полковник. — Есть и не один.

— Приведёшь его ко мне, как только совладаешь с ворами.

Петька всё еще валялся на земле, но уже лупал глазами. Милославский легонько пнул его в бок и пошёл в свою избу. Настя как увидела своего князюшку в помятом виде, так и всплеснула руками:

— Оюшки, милостивец! Где же тебя так угораздило в грязи изваляться? Пойдём в мыленку, я как раз для своих постирушек воду нагрела.

Настя усадила Милославского в корыто, намылила ему голову, натерла мыльным мочалом всего до самых пят и несколько раз облила теплой водой. Мыло попало воеводе в глаза, он стал протирать их руками, но боль не проходила.

— Не брыкайся! — Настя успокоила руки князя и, наклонившись над ним, ловко вылизала мягким и тёплым языком глаза. В последний раз подобное ему делала в младенчестве кормилица, и Милославский с благодарностью глянул на Настю.

— Скажи Петьке, чтобы он привёл ко мне дьяка Ермолаева, — сказал воевода, застегивая на рубахе пуговицы. — И пусть тот возьмёт бумагу и письменные снасти.

После мытья воевода заметно взбодрился духом и, пройдя в свою комнату, сел в кресло и выжидающе уставился взглядом в дверь.

— Дело есть до тебя, Ларион, — заявил воевода, когда дьяк с чернилами, пером и бумагой вошёл в комнату и поклонился князю. — Надо нам измыслить грамотку Барятинскому, чтобы он поспешил на помощь Синбирску. Воры взяли такую силу, что, того и гляди, проломят прясла.

— Грамотку изготовить можно, но как, Иван Богданович, ее доставить окольничему?

— Боишься, что тебя пошлю? — усмехнулся воевода. — Не трусь, Ермолаев, в витязи ты не годишься, ты сотвори такую грамотку, чтобы она проняла окольничего и он устыдился своей медлительности. Сидит себе в Тетюшах, и дела ему нет, что Синбирск уже трещит по швам и обливается своей кровью.

— Сам изволишь начитывать грамотку, князь, или мне начерно составить и ты потом её выбелишь?

— Пиши, как сейчас скажу: «Государеву окольничему и полковому воеводе князь Юрию Никитичу Барятинскому от государева окольничего воеводы Синбирска князь Ивана Богдановича Милославского поклон и память, что вор Стенька держит Син-

бирск в круговой осаде уже двадцать два дни и чаемой от тебя, князь, выручки не явлено. Вор вывел земляной вал вровень с прялом, мечет огонь, град беспрестанно горит, многие наши людишки убиты, изувечены и ослаблены. Пора тебе, князь, оставить разыскивать и скликать трусливых дворянишек, что хоронятся от рейтарской службы по запечьям в своих усадьбишках, а идти со всей спешкой на вызволение града. Чаем узрить твое войско не позднее Покрова Пресвятой Богородицы...» Ну, как, Ларион, годится?

— Может, помягче, пожалобнее навить словеса, — осторожно молвил Ермолаев. — Все люди ласку любят, и окольничий такой же.

— Это ты своей жёнке будешь ночью навивать на уши ласковые словеса! — рассердился Милославский. — Князь — воин, его с места покачнёт лишь прямой укор.

— Надо обозначить имена тех, кто доставит грамотку, — подсказал дьяк.

— Эти люди пока и мне неизвестны.

Милославский слукавил, имя одного посыльщика он знал точно и, отпустив Ермолаева, велел через денщика солдатам привести к нему Твёрдышева. Затем позвал Настю и сказал ей, чтобы она накрыла на стол угощение для гостя. Милославский хотел своей неожиданной лаской сначала размягчить Степана Ерофеевича, а уже затем взять его мёртвой хваткой.

Настя, узнав, что близок миг отмщения, которое она насулила Твёрдышеву, заметалась из кладовой в поварню, из поварни в горницу. Ключник и Петька едва не сбились с ног, выполняя ее повеления, но угощение поспело к сроку. Едва солдаты загремели своим оружным железом на крыльце, как Милославский подхватился с кресла и сам открыл дверь горницы.

— Побудьте у крыльца! — велел он солдатам. — А тебя, Степан Ерофеевич, прошу как гостя наикраснейшего и желанного пожаловать ко мне, хилому и убогому, на угощеньеце и беседу!

Бессонная ночь истомила Твёрдышева, одежда на нём была измята, вокруг воспалённых глаз набрякли синеватые мешочки, губы были сухи и потресканы. «Блажит князь, — тревожно подумал он. — С чего это вздумалось ему меня потчевать?» А воевода взял уже его под локоток и проводил к столу.

— Располагайся, Степан Ерофеевич! Вот белорыбица, печеная курица, пироги с тремя начинками, но поначалу испробуй романеи...

И своей рукой князь наполнил две чары сладким венгерским вином. Твёрдышев от хмельного не отказался, перекрестился и одним духом опорожнил посудину. В голове у Милославского звякнуло: «Он же держится раскола, а вино пьёт, как воду». Гость съел печёную куриную грудку, кусок пирога, затем глянул на воеводу.

— Говори дело, князь. Зачем звал?

— Большую надежду питаю на тебя, Степан Ерофеевич, — вкрадчиво молвил Милославский. — Вор Стенька день ото дня всё крепче напирает на городские прясла. Того и гляди, спалит город, а подмоги нам нет, окольничий Барятинский всё ещё обретается в Тетюшах и не спешит на выручку града.

— Какое же во всём этом мое место? — спросил Твёрдышев. — Я окольничему не хозяин.

— Знамо не хозяин, — хохотнул воевода. — Но великий государь от Синбирска и Тетюшей за тысячью вёрст и здешних дел почти не ведает. Вот я и промыслил, Степан Ерофеевич, послать тебя к Барятинскому с грамоткой, чтобы он поспешил выручать Синбирск.

— Почему я? — удивился Твёрдышев. — Есть люди меня моложе и проворнее.

— Не ведаешь, почему я избрал в посыльщики тебя? — воевода хихикнул. — Ты же с вором Стенькой дружбу водишь. Пошли я другого, воры его непременно изловят и убьют, а тебе через воровское войско есть прямая дорога. Разве не так?

— Я с ворами дружбы не держу, — строго молвил Твёрдышев.

— Ай-ай-ай! — Милославский осклабился. — Так-таки дружбы с ворами не держишь? А откуда твой приказчик явился в сторожку Федьки Трофимова? От вора Стеньки! Посему не погнушайся, окажи мне милость, сходи в Тетюши с грамоткой.

— Не по мне это дело, — сказал Твёрдышев. — Меня первый встречный опознает, тогда и я пропаду, и грамотку окольничий не увидит.

Милославский поднялся из-за стола и, задумавшись, прошёлся по комнате, временами взглядывая на смотревшего на него с надеждой Степана Ерофеевича.

— Эх, люди, люди! — с тяжким вздохом вымолвил Милославский. — Норовишь сделать им доброе дело, а тебя хотят в дурнях за это держать. Я тебе, гость, даю возможность очиститься от обвинений в дружбе с вором. Пронесёшь грамотку Барятинскому, об этом станет известно государю, и ты станешь в великой милости. Решайся!

— Нет мне дороги через воровской стан, — ответил Степан Ерофеевич. — А ты решил погубить меня, князь?

— На войне без опасности не проживёшь, — сказал воевода, и в его голосе зазвучало железо. — За пряслом ты, может, и выживешь, а в городе тебе живу не быть!

— Это почему ж? — поразился Твёрдышев.

— На тебя явлено государево «слово и дело», что ты укрываешь в своём доме воровских людей, по тайному лазу общаешься с вором Стенькой и замыслил провести по нему воров, дабы они захватили Синбирск.

— Это кто ж на меня так наклепал! — возмутился Твёрдышев. — Я чист перед великим государем и лихих умыслов не таю!

— Возможно, ты и чист перед великим государем, — сурово промолвил Милославский. — Но я, как воевода, должен объявленное на тебя «слово и дело» разыскать! Палач Борька Харин истомился без кнутобойства, дыба для разговора с тобой готова, вечор твой приказчик и воровской казак много чего с неё поведали губному старосте Пантелееву. Теперь в твоём праве избрать себе дорогу: на дыбу или к Барятинскому, в Тетюши.

Крепко задумался Степан Ерофеевич над словами воеводы, которыми тот взял его за горло. Застенок его крепко страшил, но ещё позорнее было бесчестье, которое неминуемо обрушится на него самого и сына, ведь дыба и кнут на Руси никого не обеляли и справедливостью не жаловали.

— Иди, Степан Ерофеевич, посыльщиком, в последний раз тебе это молвлю, — сказал Милославский, будто послушал мысли Твёрдышева. — Если не будет тебе удача, то оставишь сыну своё честное купеческое имя.

Гость понял, что Милославский дожал его до самого края пропасти, но у него в запасе имелось ещё одно последнее слово, которое могло спасти ему жизнь и честь:

— Может, столкуемся, князь? Всё имеет свою цену, и государево «слово и дело» тоже.

— Извини, гость, рад бы столковаться, да сегодня день не торговый, — усмешливо, словно ждал этого предложения, ответил Милославский. — Ну, что, понесёшь грамотку Барятинскому? — Степан Ерофеевич положил руки на стол и уронил на них голову. — Так-то оно лучше, — удовлетворённо сказал Милославский. — Посидишь у меня дотемна в чулане, а потом, благославясь, отправишься в путь.

Он открыл дверь на крыльцо и кликнул солдат. Те подняли Твёрдышева с лавки и, держа под руки, повели в подклеть. Впереди, показывая дорогу, шла Настя.

Девка-душегрейка вернулась в горницу с весьма недовольным видом и приступила к Милославскому с упрёками:

— Зачем отпускаешь моего ненавистника, князюшка? Пробежится он к Барятинскому, вернётся с ним в город. Тебя царь пошлёт на другую службу, а меня Твёрдышев сживёт со свету!

— Не горюй, Настя, — Милославский привлёк к себе сладкую девку, пощекотал бородой белую шейку. — Забудь о Твёрдышеве, будто его и не было. Был гость, да весь вышел.

Настя руками и телом облепила Милославского и стала отступать из комнаты в дверь спаленки. Она привыкла считать, что долг платежом красен, а что это был за платёж, князю хорошо было ведомо.

— Отпусти, Настя, до вечера, — жарко выдохнул Милославский. — Слышно, на крыльце застучал сапогами полковник, он ко мне по делу явился.

Зотов вошёл в комнату не один, а с поручиком Надёжой Кезоминым. Было сразу видно, что явились они прямо из пекла сечи: лица чёрные от пороховой копоти, в глазах — вспыхи жаркого боя.

— Почти вровень с пряслом воров наложили, — сказал полковник. — Но они в числе не убывают. Страшусь того дня, когда они осилят нас многолюдством.

— Для этого я и позвал тебя, Глеб Иванович. Нужен человек, чтобы сходить к Барятинскому. Он в Тетюшах, а если вышел оттуда, то искать его надо на засечной черте. Другого пути ему нет.

— Для этого дела у меня самый лучший посыльщик Надёжа Кезомин: и разумом остер, и силой не обижен.

Милославский оценивающе посмотрел на поручика и понял, что он из тех ратных людей, которые живут только войной, другого у них в памяти нет, родина им — солдатский полк, а государь — полковник Зотов. Поручик воеводе приглянулся.

— Ступай, Надёжа, в свою воинскую избу и спи до темноты. Затем явишься в сторожку воротника Федьки Трофимова в Крымских воротах. Я там тебя найду.

– 7 –

Близко к вечеру погода стала портиться, над Волгой и вокруг Синбирска нависли тяжёлые сине-белые тучи, подул резкий холодный ветер, и вскоре пошёл крупяной снег. Федька Трофимов выглянул, открыв дверь, наружу, поймал ртом несколько снежных льдинок и скрылся в своей сторожке. «Где же Настя? — подумал он, кутаясь в овчинную шубёнку. — Совсем девка от рук отбилась, а ведь сейчас она нужна мне позарез!»

Всю жизнь прожив в крепостных воротах, Федька привык считать своим всё, что плохо лежит у других. Почти с каждого воза, что проезжал через ворота, он что-то да имел: то полено дров, то рыбину. Конские шавяки тоже были его, Федька собирал их ещё тёплыми и дымящимися в большой короб и, когда набирался полный куль, уносил на своём горбу для удобрения клочка земли, который имел на посаде.

Когда ворота плотно заставили кулями с мукой и солью, Федька сразу смекнул, что это для него такая пожива, какой ещё не бывало. Он тут же высмотрел, какие кули ему будет сподручнее взять, но в первые две недели осады на Крымской стороне и днём и ночью было людно, и только когда Стенька Разин пошёл на Синбирск с Казанской стороны, Федьке выпал случай содеять задуманное. Не далее как в прошлую ночь он, тужась из всех сил, уволок куль муки и скинул его в погреб. Куль с солью был гораздо тяжелее, но Федька и с ним совладал, хотя, когда заволок его в сторожку, ноги и руки стало бить частой дрожью. Передохнув, он скинул соляной куль в погреб, лёг на лавку, укрылся от сквозняков овчиной и скоро уснул, весьма довольный содеянным.

Пробудился он нехорошо, ему привиделось во сне, что в сторожку явились стрельцы с земским старостой Фирсовым, который велел связать воротника, а другие стрельцы полезли в погреб и вынули оттуда уворованные кули. Федька выпростался из овчины, отдышался и с ужасом узрел, что пол в сторожке забелён мукой и присыпан солью. Схватив веник, он стал сметать следы своей татьбы в открытое творило погреба. Соль смелась, а мука оставила большое белое пятно. Федька взял ковш с водой и смочил, а затем затоптал уличающие его следы.

Закрывая творило, он задержал руку и содрогнулся от осенившей его догадки: воевода мог ещё раз заглянуть в подземный лаз, и что он скажет, что велит сделать с тем, кто украл казённое добро?.. Федька опрометью слетел в погреб, обхватил куль с мукой и, напрягаясь из всех сил, попытался вытолкать его наружу. Смог поднять до бороды, остро ударило в поясницу, и куль выпал из рук, обдав Федьку мучной пылью. Поняв, что ему не удастся поднять кули, он стал ощупывать стены и пол погреба руками. На беду, они все были из дубового сруба, который от постоянной сырости затвердел, как железо. Вышло так, что и зарывать кули не было места. Федька от приступившего к сердцу отчаяния затосковал, выбрался из погреба и упал на лавку.

Возле сторожки, гремя оружием, протопали солдаты, один из них заглянул в дверь и спросил:

— Федька, у тебя часом вина нет?

— Какое вино, за водой нет сил сходить, — слабым голосом ответил воротник.

— А ты погрызи сухарь, и полегчает, — посоветовал солдат. — Да погреб закрой, не то сверзишься в дыру.

Федька подхватился с лавки, закрыл творило, и тут его осенило: надо бежать к Насте, она здоровая девка, и вдвоём они кули схоронят от чужого глаза. Он напялил на себя шубёнку и поспешил к воеводской избе.

Настя хлопотала в поварне, начальствовала над поваром, который готовил воеводе обед, указывала, ругалась и награждала тычками старого холопа, который перед ней трепетал. К отцу она показалась не сразу, но пришла с большим куском рыбного пирога, завёрнутым в капустные листы.

— Что явился? — строго сказала Настя. — Тебе ведь говорено, чтобы даже мимо воеводской избы не ходил!

— Беда, доченька! — стал жалобиться Федька. — Уволок я два куля из ворот, один с мукой, другой с солью, скинул их в погреб, а потом стукнуло в голову, что воевода сунется к подземному лазу и узрит казённое добро.

— Ты всего два куля уволок? — спросила Настя.

— Точно, два.

— Почто так мало? — озлилась Настя. — Уволоки ещё кулей пять. Но не сегодня, а завтра.

— Я и с этим не ведаю куда деваться, — растерялся Федька. — Пойдём в сторожку, помоги вынуть кули из погреба.

— А потом куда ты их денешь? Обратно поставишь в ворота? — Настя приблизилась к отцу. — Эти два куля, что в погребе, забросай ремками и рогожными лоскутьями.

— А воевода? — пискнул Федька.

— Что воевода? Ну, полезет он в погреб к лазу, не будет же он своими руками копаться в твоём рванье. Иди и делай, что я велю! И бороду оботри, а то срамота на тебя смотреть, будто в тесте её вывалял!

Пряча лицо от снежной крупы и острого ветра, Федька прибежал в сторожку, скинул с лавки рогожную подстилку, собрал из углов и запечья тряпки и старое мочало, спустился в погреб и укрыл уворованные кули. Со стороны они в потёмках смотрелись, как куча мусора. Федька поднялся в своё жилище, достал из капустных листьев кусок пирога и, не торопясь, его съел до последней крошки. Затем нащепал растопку, затопил печь и сел перед ней на брёвнышко. Пламя заплясало на поленьях, в лицо повеяло жаром, и Федька подумал, что день, который начался для него страхом, заканчивается теплом и сытостью.

Государев колокол пробил восемь часов, и вслед за этим дверь сторожки задрожала от чьих-то кулаков, и послышался голос:

— По слову воеводы, открой! — Федька откинул крюк и от удара дверью отлетел в сторону. — Ну и вонь! Хоть топор вешай! Ты что сегодня трескал? — незваный гость взял с печки котелок, заглянул в него и повернулся к свету. Он был одет по-мужицки, но Федька за свою воротниковскую жизнь многих людей перевидел и сразу понял, что перед ним человек ему не ровня. — Дверь пока не запирай, пусть вонь выдохнется! Из сторожки не выходи!

Он подошёл к лавке и лёг на неё, подложив под голову суму.

— Как быть, если до ветру потянет? — осмелился спросить Федька.

— У тебя на ногах сапоги?

— Сапоги.

— Если приспичит, в них и сцеживай лишнюю воду. Накинь на дверь крюк, откроешь одному воеводе!

Федька сел возле печки на брёвнышко и просидел на нем без движения, пока не раздался стук в дверь. Он глянул на пришельца. Тот разрешающе мотнул головой. Федька снял крюк с двери, и в сторожку вошёл воевода.

— Ты здесь, Надёжа? — спросил Милославский, вглядываясь в полутьму сторожки.

— Здесь! — ответил солдатский поручик, выходя на свет, падающий из зева печи.

— Вижу, ты собрался как надо, — воевода спохватился. — Федька, ступай вон! Я тебя кликну, — воротник сгрёб в охапку свою шубёнку, нахлобучил на голову шапку и исчез за входной дверью. Милославский достал из рукава кафтана грамотку, запрятанную в кожу, и протянул Кезомину. — Пойдёшь через подземный лаз, Федька тебя сопроводит. Ищи окольничего Барятинского, идя ему по черте навстречу. Чаю, что он уже выступил из Тетюшей. Особо спину перед ним не гни, если спросит, как Синбирск, отвечай своими словами правду, всё как есть. Присядем на дорожку.

— Не рано ли трогаться в путь? — спросил Надёжа. — Может, уйти заполночь?

— Сейчас вокруг крепости толкётся много воровских людей, в их многолюдстве легче сойти за своего. В предутрие дозоры сразу заметят одинокого человека и не пропустят мимо.

— Твоя правда, — помолчав, сказал Надёжа. — Идти надо сейчас.

— С Богом, поручик! — с чувством вымолвил воевода. — О сем деле я извещу великого государя, и он своей милостью тебя не обойдёт. Если случится худое, то он пожалует твоих сыновей.

— Я одинок, как перст, — ответил Надёжа. — Коли не вернусь, то скажи полковнику, чтобы добро из моего сундука продали, а меня помянули зеленым-вином.

— Не кличь нечистую силу! — замахал руками Милославский и громко позвал Федьку. Воротник открыл погреб и с опаской посмотрел на воеводу: полезет он или останется наверху? — Иди, Федька, по лазу первым, а ты, поручик, за ним.

Скоро в погребе стало пусто, и Милославский заспешил: из сторожки он трусцой добежал до срединной на Волжской стороне башни, взобрался на верхний ярус и стал смотреть с него на склон Синбирской горы. Выход из лаза должен был быть здесь, но, сколько воевода ни вглядывался в потёмки, сколько в них ни вслушивался, ничего не увидел и не услышал. Надёжа Кезомин без следа растворился в темноте, и Милославский решил, что это к добру.

Проводив поручика в опасный путь, воевода неспешно пошёл к своей избе, где его, как обычно в это время, ждали начальные люди.

— Какие нынче потери? — спросил Милославский.

— У меня в полку тридцать два копейщика убиты и больше полусотни ранены, — доложил солдатский полковник.

— Да, немало, — сказал Милославский. — Как у стрельцов?

— У нас убито трое на пряслах, шестеро ранены, — ответил за всех Бухвостов.

— Мои солдаты начинают роптать, — сказал Зотов. — Они день и ночь бьются на Казанской стороне, а стрельцы бездельничают.

Стрелецкие головы стали коситься на полковника и ворчать, но воевода не дал им сцепиться в сваре.

— Этой ночью замените солдат на стрельцов приказа Жидовинова. Но ты, Глеб Иванович, держи роту солдат позади стрельцов, чтобы она, в случае чего, успела им на выручку, на другую ночь на прясло встанешь ты, Марышкин, на третью — Бухвостов.

— По справедливости, воевода, пора солдатам и стрельцам выдавать каждый день по чарке вина, — сказал полковник. — Люди измотались, и вино пойдёт им на пользу.

Стрелецкие головы поспешили поддержать предложение Зотова.

— Ларион! — приказал воевода дьяку. — Каждое утро собирай списки ратных людей и по ним выдавай солдатам и стрельцам по чарке вина, а начальным людям по полторы. Или по полторы чарки мало? — начальные люди смущённо переглянулись. — Выдавай им, Ларион, по две чарки вина!

Настя услышала, что воевода прощается с головами и полковником, и велела денщику Петьке накрывать на стол. Малый уже во всём её слушался и безропотно кинулся исполнять повеление временщицы. Однако воевода задерживался, он спустился в подклеть, подошёл к чулану, где был закрыт гость Твёрдышев и велел солдату открыть дверь.

— Пожалуй, Степан Ерофеевич, на прощальный ужин!

— Разве это ужин, воевода? — сказал, выйдя из чулана, Твёрдышев. — Вернее будет сказать, что это мои поминки.

— Полно, Степан Ерофеевич, лепить из себя сироту! — возразил Милославский. — Ты сам во всём виноват, а я даю тебе случай обелиться перед великим государем и заслужить его милость.

Настя, увидев, что на приготовленный её стараниями ужин явился Твёрдышев, изрядно скуксилась и, фыркнув, ушла в спаленку. Воевода налил большую чару вина себе и гостю и приподнял её со словами:

— Желаю тебе, Степан Ерофеевич, счастливой дороги!

Но Твёрдышев вино даже не понюхал, а принялся за уху, опростал большое блюдо, потом взялся за рыбу и скоро воздвиг на столе гору костей. Затем досталось от гостя пирогам, он не пощадил их, ни капустный, ни рыбный. Милославский ел мало, а всё над чем-то задумывался, поглядывал на Твёрдышева, вроде намеревался о чём-то спросить, но так и не спросил, хотя вопросец вертелся у него на языке: «Что, гость многотысячный, узнал, каково перебегать дорогу перед окольничим и князем Милославским?»

Твёрдышев знал, что ему долго не придётся сидеть за таким богатым столом, насытился сполна и потянулся к квасу.

— Испей на покрышку вина, — сказал Милославский. — На дворе ветер со снегом, а вино тебя согреет.

— Благодарствую, Иван Богданович! — усмехнулся Твёрдышев. — Но вино не только греет, оно и глаза застит.

Снег перестал сыпаться, но ветер продувал Синбирскую гору ещё жёстче и студёней. Они молча дошли до Крымских ворот, и Милославский толкнул дверь сторожки. Федька отпрянул от печки и виновато глянул на Твёрдышева: не уберёг тайну лаза воротник и теперь трясся от стыда и страха. Милославский протянул Степану Ерофеевичу грамотку, точно такую, с какой ушёл Надёжа Кезомин.

— Спрячь подале, чтобы не пропала, — сказал воевода. — Отдашь её князю Барятинскому. Ищи его в Тетюшах или на засечной черте, — Твёрдышев взял грамотку, понянчил её в руке и сунул в сапог. — Федька! — сказал воевода. — А ну-ка встань рядом с гостем, — воротник осторожно приблизился к Твёрдышеву и встал рядом с ним. — Как бы беды не вышло, Степан Ерофеевич, — сказал Милославскикй. — Переоденься в Федькину одежонку, а то всякий встречный сразу поймёт, что ты за птица, от тебя за версту разит богатством.

— Не будет этого, воевода! — возвысив голос, отрезал Твёрдышев. — Холопья личина меня не спасёт, да и противна нраву!

Милославский с интересом посмотрел на него: нет, не сломался Степан Ерофеевич, вон как взбрыкивает, такой и лягнуть может.

— Что ж, пусть будет по-твоему, — равнодушно молвил воевода. — Лаз твой, дорогу по нему ты знаешь. Федька, открой погреб!

Твёрдышев шагнул к нему и свистящим шёпотом произнёс:

— Помни, Милославский, что моя смерть на твоей чёрной душе камнем повиснет!

Слова Степана Ерофеевича так уязвили Милославского, что он замер с раскрытым ртом и вытаращенными глазами, а Твёрдышев скоро сошёл по лесенке в погреб, перекрестился и исчез в потайном лазе.

Милославский нетвёрдыми шагами подошёл к иконе Спасителя в правом углу сторожки и, осеняя себя крестным знамением, зашептал:

— Господи! Помилуй меня за мои великие погрешения и не осуди, если гость сгинет от воровских рук. Я был вправе взять его в застенок, но дал ему случай выжить и обелиться от подозрений. Помоги, Господи, рабу твоему Степану Ерофеевичу дойти невредимым до окольничего, а я его подвиг доведу до ушей великого государя.

– 8 –

Спирькина ватажка пристала к разинскому войску, со всех сторон обложившему Синбирск, как раз в день первого приступа крепости. Не успели ватажники толком оглядеться, как вся громадная толпа мужиков, вооружённых косами, топорами и вилами, вдруг забурлила, как закипевшая в бочке брага, и с оглушительным рёвом устремилась на крымское прясло города. Спирьку унесла толпа мордвы, впереди всех ринувшаяся ко рву, но многие не попали на перекинутые через него бревновые мосты и сверзлись вниз, без промаха угодив на заострённые железные прутья, вбитые в лежавшие на дне рва деревянные колоды.

Спирьке повезло. Преодолев мост, он, размахивая саблей, побежал к пряслу, но оттуда загремели пушки и пищали, вокруг стали валиться на землю сражённые пулями и свинцовым дробом люди, и всё пространство перед крепостью заволокло непроглядным и вонючим дымом от сгоревшего чёрного пороха. Мужиков это не остановило, слепые от дыма и ярости, они добежали до лестниц и стали по ним лезть на прясла. Спирька не отставал от других, хотя в голове у него было мутно, и сабля мешала цепляться за перекладины, а какой-то мужик больно наступил ему жёстким лаптем на руку. Мимо лестницы сверху падали сражённые солдатами люди, раздавались оглушительные взрывы, на сей раз гранатные. Лестница подломилась, и едва не добравшийся до верхнего венца прясла Спирька вместе с двумя десятками мужиков рухнул вниз и так грохнулся о землю, что надолго обеспамятел.

Очнулся он близко к вечеру, пошевелился и громко вскрикнул от острой боли в левом плече. Через прясло высунулся солдат.

— Глянь, ещё один ожил! Что, брат, сухотка во рту одолела? Счас дам напиться! — и выплеснул из деревянной лохани вниз золотистого цвета жижу, которая обильно оросила Спирькино лицо. В глазах сразу стало едко, Спирька облизал губы и почувствовал на языке гадкую солёную влагу. К горлу подкатил колючий комок, и его стошнило. Спирька вертанулся на бок, чтобы опростать рот от блевотины и снова надолго обеспамятел.

Он пришёл в себя ночью, когда только ещё начал моросить дождь, скоро превратившийся в ливневую, с громами и молниями бурю. Вокруг него ходили, переговариваясь не по-русски, какие-то люди. Спирька прислушался и понял — свои, чуваши.

— Мужики! — хрипло выдохнул ватажник. — Не оставляйте меня, ведь подохну!

Его услышали, и над ним наклонился приземистый широкоплечий мужик.

— Совсем живой, Ванька? — спросил он и рывком забросил Спирьку на себя. Ватажник заскрипел зубами, но возрадовался: впереди у него забрезжила возможность выжить.

Чуваш донёс его до телеги и небрежно, как куль, бросил на других раненых.

— Хватит валить, уже воз полон! — сказал кто-то из темноты, и возчик, взяв лошадь под узцы, повёл её к острогу, сквозь набирающий силу холодный дождь.

Из раненых во время утреннего приступа крепости дождались спасения немногие, у которых не было кровопотери, в основном ушибленные и получившие переломы от падения с прясла. В остроге их встречал лекарь Нефёд, обосновавшийся на время непогоды в самом большом амбаре. Спирька лежал на возу верхним, и его первым подволокли к лекарю.

— Что у тебя? — спросил Нефёд, повернув ватажника лицом к полыхающему смолью.

— Упал с прясла и расшибся. Плечо, видимо, с места вылетело.

Нефёд поднёс к лицу Спирьки лист лопуха.

— Ну-ка сплюнь сюда! Счастлив твой Бог, мужик! Крови в плевке нету, значит, нутро цело. Держите его за плечи!

Нефёд схватил Спирьку за левую руку, помял её и резко дёрнул. Ватажник взвыл от невыносимой боли, но в этот раз не обеспамятел, ему сразу полегчало. Нефёд взял лыко, подвязал им согнутую в локте руку к шее и жёстким ногтём указательного пальца щёлкнул Спирьку по лбу.

— Проваливай отсель, мужик, а то мигом отрублю топором руку!

Спирька, опираясь здоровой рукой на пол, приподнялся, встал на ноги и, пошатываясь от головокружения, побрёл в угол амбара, где на соломе лежали раненые люди.

— Спирька! — услышал он из полутьмы знакомый голос.

— Ты, Гусак?

— Я рядом, перешагни через мужика, и я тебя ухвачу за одёжу, — Спирька перелез через неподвижного, как колода, мужика, и Гусак тут же потянул его за полу вниз. — Садись рядом, братан! Наших видел?

— Весь день один. А ты никого не встречал?

— При мне Аниска Мёртвый упал в ров на чеснок, — сказал Гусак. — Теперь он и взаправду мёртвый.

— А почему его так звали?

— Разве ты не знаешь? — удивился Гусак. — Родился мёртвым, но повитуха его отдышала, оттрясла, а прозвище прилепилось.

— Хотел бы я знать, где Филька Косой, — задумчиво сказал Спирька. — Споткнуться мне на ровном месте, но он из той толпы, что подхватила нас, ужом выскользнул.

Косой отыскал своих друзей на следующий день, живой и здоровый с двумя солёными лещами в холстинной суме и большим сухарём.

— Где ты потерялся? — воззрился на него Гусак.

— Всё-то тебе знать надо, Петруха! — усмехнулся Филька. — Чего валяешься самто, ведь ты здоров! Давай подхватим Спирьку и отойдём отсель подале, я вам кое-что поведаю.

Они ушли на берег Свияги и схоронились от чужих глаз под тальниковым кустом. Филька окунул в речку сухарь, чуть подержал там и разломил на три части. Достал из сумы и разрезал на куски рыбины.

— Говори, что замолк! — потребовал Гусак. — Что ты такое вызнал?

— Оглянитесь по сторонам, дружьё, — молвил Филька, теребя рыбу. — То ли мы нашли, что искали? Стенька хорош только издали, а вблизи вокруг него то же делается, что и всегда на Руси. Один объедается белорыбицой, а Спирьку, хотя он чуть не запёрся на прясло, кормлю я, потому что от атамана ему и ложки толокна не прибыло.

— Дождаться надо было, а не бежать сюда, — возразил Спирька, хотя почувствовал, что в словах Косого есть своя правда.

— Не ведаю, как тебе, — сказал Филька, — а мне от Разина ничего не надо, да и дать ему нам нечего. Волю?.. Так её у меня сколько надо, столько и есть. Разве не так?

Гусак с ним сразу согласился, а Спирька недолго раздумывал. И стали с той поры ватажники промышлять воровством, никого мимо себя не пропускали: грабили всех прохожих и проезжих, даже казака пьяного поймали, раздели догола и в Свиягу с камнем на шее бросили. Так и прошло у них время, пока деревья совсем не обезлиствели и невмоготу стало ночевать под открытым небом. Над Синбирском по ночам полыхали огненные отсветы, но город не поддавался Разину, и не было у Спирьки и его дружков даже и проблеска мысли, где они зазимуют.

Ночью в дубраве, где они ночевали, их до костей проморозило и продуло. Косой устал дрожать под овчиной на куче дубовых листьев, поднялся и, по привычке, пошёл к дороге глянуть, нет ли на ней кого живого, чтобы его растрясти. Привалился спиной к придорожному дубу и высмотрел человека, но поопасался взять его в одиночку, растолкал Спирьку и Гусака, и они втроем вышли поперёк пути прохожего и чуть рты не раззявили от изумления — такой богатой добычи у них ещё никогда не бывало. Первым пришёл в себя Косой.

— Диво-дивное! — воскликнул он, выйдя на дорогу с саблей в руке. — Убей Бог лаптем, думал, что мужики в синбирской округе всем барам головы поотрывали, так нет! Куда путь держишь, боярин?

— Раз вы мне встретились, значит, к вам, — спокойно ответил Твёрдышев. — Мне сейчас всё едино, от чьей руки смерть найти.

Ватажники переглянулись, таких слов они от своих жертв ещё не слыхивали.

— Почему ты взял, что мы тебя порешим? — спросил Спирька. — Вот опростаем тебя от богатой одёжки, золотые повытрясем, и гуляй дальше! А для сугрева овчинку пожалуем.

Гусак встал рядом с Твёрдышевым и примерил свой лапоть к его сапогу.

— Снимай, боярин, обувку, хочу понежить ноги в тепле!

Твёрдышев вспомнил про грамотку за голенищем и заартачился.

— Всё берите, а сапоги оставьте!

— Зря рядишься, здесь тебе не торг, — сказал Гусак и крепко ударил Твёрдышева кулаком под душу.

Степан Ерофеевич, хватая ртом воздух, скорчился, на него навалились Косой и Спирька и стали срывать одежду. Твёрдышев перевёл дух и озлился, отбросил от себя ватажников и побежал по дороге. За ним кинулся Гусак, догнал, и они сцепились бороться посреди дорожной грязи.

— Беда! — завопил Косой. — Они же дорогущую одежду в грязи вываляют!

Он и Спирька собирались броситься на подмогу Гусаку, но вдруг обезножили: на них из дубравы выехали полтора десятка казаков и копьями прижали ватажников и Твёрдышева к дубам.

— Что не поделили, ярыжные люди? — спросил казачий старшой. — Не знаете, как купца раздуванить, или он на вас насел и хотел отобрать воровскую казну?

— Сапоги не стал снимать, — проворчал Гусак. — Оттого и шум начался.

Старшой присмотрелся к сапогам Твёрдышева.

— Знатная обувка! — сказал он. — Ну-ка, ребята, разуйте его! — на этот раз Степан Ерофеевич не сопротивлялся. И сапоги, и грамотка оказались в казачьих руках. — Эге, — заявил старшой. — Да это вестовщик! Берите, ребята, всех и гоните к Степану Тимофеевичу! Атаман грамоткой будет доволен, — он хотел тронуть коня, но увидел на земле саблю. — А ну, подай! — велел Гусаку. Казак недолго разглядывал саблю, размахнулся и ударил изо всех сил ватажника по голове. Тот рухнул наземь. — А сабля, ребята, казацкая! — сказал он, наезжая конём на Спирьку. — Вестовщика не трогайте, а воров рубите! — Спирька вскинул руки, защищая голову, но через мгновенье она покатилась по замёрзшей земле. Тут же лишился жизни и Филька. — Посадите вестовщика на запасного коня, — вытерев сабельный кинок о шею своего жеребца, распорядился старшой.

На нём красовались дорогие, из красной юфти сапоги Твёрдышева, и он, нет-нет, да поглядывал на соболью шапку пленника. Наконец, не сдержал искушения, сорвал с него шапку и нахлобучил ему на голову свою баранью. Твёрдышев не сопротивлялся, им овладело и равнодушие ко всему, что происходит, и если он и желал чего, то лишь того, чтобы всё поскорее завершилось. Когда они приблизились к Казанской стороне Синбирска, он посмотрел на прясло, и если бы на нём появился Милославский, то тогда Степан Ерофеевич, может быть, и возжёгся и крикнул своему губителю: «Вот ты и достиг своего, воевода!» Но прясло было пустым, казаки и мужики сидели вокруг костров, и появление Твёрдышева их не взволновало. Для этих людей он был ещё один барин, которого вели на бессудную расправу к их атаману.

На прощанье сорвав с Твёрдышева дорогой пояс и кошель с деньгами, казаки передали его и грамотку калмыку Бумбе, и денщик, пригнув тяжёлой рукой шею пленника к земле, ввёл его в атаманский шатёр. Степан Тимофеевич уже отпустил своих есаулов после утреннего разбора и был один. Атаман сидел на стопе из нескольких ковров, на плечах была соболья шуба, его знобило, и он в руке держал чашу с горячим сбитнем и время от времени из неё отхлёбывал медовый настой с пряностями. Бумба протянул Разину грамотку, тот взял её и велел кликнуть писаря Евсея Жилкина. Денщик вышел из шатра, и Разин взглянул на пленника.

— Узнаю, ты мой давний знакомый, — молвил атаман, равнодушно озирая Твёрдышева, который явился к нему напоминанием о прежних днях, когда он, полный огненных мечтаний о поджоге всей боярской и никонианской Руси, шёл от соловецких старцев на вольный Дон. — Что, подрастрясли тебя мои ребята? — посмотрев на босые ноги Твёрдышева, спросил Разин. — Но ты не горюй, сапоги, может, тебе и не понадобятся, а если будут нужны, то я свои дам, у меня их много, — атаман усмехнулся. — Всех воевод от Астрахани до Синбирска раздел-разул, а наряжать некого, — в шатёр бесшумно проник грамотей Жилкин и низко поклонился. — А ну-ка, Евсейка, вычти грамотку, может, и про меня в ней писано, — выслушав её с вниманием, Разин усмехнулся. — Видно, крепко я припёк Милославского, раз он понуждает Юшку Барятинского поспешать к Синбирску на выручку. И посыльщика знатного нашёл. Ну, зачем тебе, купцу, надо было вязаться в столь опасное дело? Ведь тебя могли до меня не довести, свернули бы шею и бросили псам на прокорм!

— Милославский вынудил, — хмуро произнёс Твёрдышев. — Грозил пытать за измену великому государю.

— Смеху подобно, что ты изменник, — удивился Разин. — Но если это так, то в чём твоя измена? — Степан Ерофеевич нахмурился и уставился взглядом мимо Разина. Он не посмел выдать атаману тайну подземного лаза, а без этого убедить его в своей правоте не мог. — Знаешь, кого ты мне напомнил? — сказал Разин. — Парня, приказчика, которого присылал ко мне на Низ. Говорил я ему, что он меж двух огней норовит проскочить, а сгорит сразу в обоих. Вот и ты такой же: одну грамотку от соловецких старцев мне подбросил, а вот эту понёс Юшке Барятинскому. Теперь ты, наверно, от соловецких старцев и отрёкся?

Последними словами Разин угодил Твёрдышеву не в бровь, а в глаз. Он побледнел и тихо произнес:

— Я был на исповеди у синбирского протопопа Анисима.

— Да ну? — развеселился Разин. — Пальцы судорогой не свело, когда для крестного знамения ты их в щепоть складывал?

— Зря надсмехаешься надо мной, атаман! — горько вымолвил Твёрдышев. — Разве

ты свою судьбу знаешь?

Разин вплотную приблизился к Твёрдышеву и остро вгляделся в его глаза. Степан Ерофеевич едва устоял и не отшатнулся от этого взгляда, тёмного, как вода на дне глубокого колодца, и обмораживающе мёртвого.

— Мне ли над тобой смеяться? — прошептал Разин. — Мне ведомо, что над людьми ничего нет, кроме смерти. Хочешь узнать, что это истинно так?

«Он не в себе!» — мелькнуло в голове Твёрдышева.

— Твоя вера, атаман, не по моему убогому умишку.

Разин с видимым усилием оторвал от купца свой высасывающий душу взгляд. И в этот миг его молнией пронзила догадка: «Оттого смерть и близко не подходит ко мне, что я её не задобрил особо ценным даром!» Он вышел из шатра, но вскоре вернулся. На его лице блуждала счастливая улыбка, которая обострённо чувствовавшему опасность Твёрдышеву показалась зловещей.

— Скоро я сам передам грамотку Милославского Юшке Барятинскому, — сказал атаман. — Пришла весть, что он покинул Тетюши и теперь идёт по черте. Скоро я им займусь, а сейчас, купец, хочу отблагодарить тебя за твоё давешнее гостеприимство и ласку, — в шатёр вошли Бамба и с ним два казака. Они несли каждый по большому кулю, которые бросили с плеч на кошму. — Ступайте, — молвил Разин и, освободив кули от завязок, вывалил из них всё, что там было: исподнее бельё из тонкого полотна, носки, зипуны из легчайшей тафты и атласа, рубахи и воротники к ним, обшитые жемчугом и драгоценными камнями, вышитые золотом кафтаны с изумрудными пуговицами, штаны из тяжёлого шёлка, пояса с золотыми и серебряными пластинами, шубы собольи, крытые красным и синим английским сукном, шубы на куньем меху со стоячими бобровыми воротниками, сапоги из драгоценной бухарской юфти, расшитые золотыми и серебряными нитями, шапки собольи, бобровые и куньи, простого покроя и боярского, горлатые. — Ты, я вижу, удивлён, — сказал Разин. — Но не могу я отпустить тебя в негожем виде. Бери всё самое лучшее и дорогое. Не огорчай хозяина отказом.

Исподнее Твёрдышев брать не стал, взял штаны из тяжёлого шёлка, поднял ногу, чтобы всунуть её в штанину и увидел, что она черна от грязи. Разин понял его незадачу, взял соболью шапку и кинул её купцу.

— Это как раз годится на обтирку, — усмехнулся он. — На стольце в кувшине вино, сполосни им ноги и оботри соболем, — надев штаны и обувшись, Твёрдышев из дюжины поясов выбрал тот, что попроще, но Разин заставил его взять другой, с золотыми пластинами, в которые были вкраплены гранёные алмазы. — На купецком поясе должен висеть кошель, да не пустой, а с золотом, — сказал атаман. — Вот, бери, в нём триста ефимков, да алмаз нахичеванского хана в тысячу рублей.

— Не по заслугам мне такая честь, Степан Тимофеевич, — стал отказываться от сокровища Твёрдышев. — Рублей пять я возьму, а остальное пусть у тебя останется.

— Что, смущает тебя столь щедрый подарок? — спросил Разин.

— Боюсь, не отдарю тебя, Степан Тимофеевич, — смущённо произнёс Твёрдышев. — Когда мы ещё встретимся, чтобы я смог тебя отдарить...

— Там, где мы встретимся, золото для нас потеряет цену, — Разин окинул купца мутным взглядом. — Но за вход туда надо платить.

Хотя Твёрдышев не понял смысла сказанных атаманом слов, но они его испугали. «Атаман, точно, ополоумел, заговаривается, — решил купец. — Дай Бог, унести от него ноги живу!» Разин кажется понял его чувства и, распечатав залитый воском кувшин, наполнил чары.

— Пора тебе в путь, купец, — произнёс он, поднимая чару. Твёрдышев поднял свою, выпил, и у него перехватило дух. — Это двойное вино, — усмехнулся Разин. — Пожуй чеснока, — вино двойного перегона крепко шибануло в голову Твёрдышева, и она замутилась. Купец покачнулся, но атаман его бережно поддержал и провёл к выходу. — Иди! — он ожёг ухо гостя горячим шёпотом. — Иди, она тебя ждёт.

Твёрдышев, жмурясь от яркого света, сделал из шатра два шага, и Бумба накинул на него просторный кожаный куль, сшиб на землю и начал вязать верёвками. Через малое время он уже был на краю крутого волжского обрыва, где, заложив пальцы в рот, пронзительно засвистел. Казаки в подгорье его услышали и ответили троекратным свистом. Бумба махнул им рукой, и с плеча бросил куль с Твёрдышевым вниз. Когда он, подпрыгивая и кувыркаясь, докатился до ровного места, казаки его подхватили и, добежав до берега, с бревенчатого настила, где чалились струги, кинули в Волгу. Вода в том месте, где упал куль, всплеснула, разбежалась круговыми волнами и утишилась ровной гладью, на которой самоцветами заиграли солнечные блики.

– 9 –

После разгрома своего войска под Синбирском окольничий Барятинский с половиной оставшихся у него рейтар, отбиваясь во время пути от воровских ватаг, прибежал в Тетюши, небольшую, но прочную крепость на Волге, ниже Казани. Поручив полковникам Зыкову и Чубарову заняться обустройством стана, он удалился от всех в отведённую для него избу и потребовал, чтобы ему доставили бумагу и писчие снасти. И тут обнаружилось, что все они утеряны во время бегства, в том числе и царские грамоты. Это уязвило Барятинского больнее потери обоза с воинскими припасами, это было уже умалением чести великого государя, чьи собственноручные письма стали потехой для вора и его подручников. Станет об этом известно царю, и не миновать тогда окольничему опалы, а то и суровой кары, но винить в этом, кроме себя, было некого, и Барятинский послал самого расторопного из рейтарских начальников капитана Зверева в тетюшскую приказную избу за покупкой всего необходимого для письма.

Зверев возвратился не один, а с местным воеводой, который, не в пример Милославскому, оказался покладистым малым из недавних московских стольников, выстоявший свою должность близ царских сеней и тонко разбиравшийся в хитросплетениях придворной жизни. Он знал, что Барятинский близок к государю, посему согнул перед ним спину гораздо ниже, чем полагалось воеводе. Окольничий не пропустил этого мимо глаз и милостливо спросил:

— Ты из каких дворян будешь?

— Из Дмитриевых, по московскому списку, — ответил воевода и поставил на стол берестяной ящик. — Здесь всё, что понадобится твоей милости для письма.

— Сколько у тебя воинских людей в крепости?

— Приказ казанских стрельцов и три сотни дворян, сбежавшихся со всей округи от воровского разора, — сказал воевода. — Каждый день подходят ещё, не меньше десятка.

— Стало быть, есть люди и полков? — заинтересовался Барятинский.

— Почти все твои, окольничий. Проходу от воров в Синбирск нет, вот они и засели в Тетюшах.

— Зверев! — окольничий хищно оскалился. — Возьми свою роту и выгони в тычки из города всех дворян, не обращая внимания на возраст. Я после их сам разберу, с пристрастием. А ты, воевода, пригляди, чтобы эти нетчики не сбежали!

Рейтарский капитан и тетюшский воевода поспешили приступить к исполнению повеления окольничего, а он открыл берестяной ящик и вынул из него бумагу, чернильницы с красными и чёрными чернилами и очинённые гусиные перья для письма. Барятинский ещё в пути сочинил в уме отписку великому государю, и теперь ему оставалось запечатлеть её на бумаге. Князь снова мысленно повторил свою заготовку и решительно взялся за перо. Начал не с того, что вор его прогнал от Синбирска с великим позором и людскими потерями, а с простодушного уведомления: «...А я, холоп твой, с твоими, великого государя, ратными людьми отошёл в Тетюши и дожидаюсь кравчего и воеводы князя Петра Семёновича Урусова, чтобы нам, холопам твоим, пойтить опять в Синбирск и князя Ивана Милославского от осады освободить...» Далее Барятинский довольно ловко переложил вину за своё поражение от Разина на князя Урусова: «Если бы, государь, кравчий и воевода князь Пётр Семёнович Урусов к тому бою поспел, а у меня, холопа твоего, было бы две тысячи пехоты, вор бы не только не приступил к Синбирску, но и к берегу не приступил; а то рассмотрели, что у меня нет пехоты, так и охрабрели, и я, холоп твой, отошёл от Синбирска, и полки твои, великого государя, отвёл в целости, опричь того, которые побиты и поранены в боях. А надобно бы, государь, идти вскоре на Синбирск, чтобы черту удержать, и вели, государь, мне конных и пеших людей дать, чтобы мне было с кем в поле надёжно стоять и над вором промысел учинить... А московские, государь, люди и городовые, которые со мною, холопом твоим, душевно тебе, великому государю, рады служить; а нижегородцы, государь, многие богатые люди в полку не бывали, а кравчему и воеводе князю Петру Семёновичу писал сего ж числа, чтоб он шёл на Синбирск не мешкав, чтоб, государь, черту удержать, а как черту удержим, по-прежнему всё твоё, великого государя, будет, и Астрахань за тобою, великим государем, будет, а како с ним вором такой же бой будет, и его самого воры казаки, связав, отдадут или убьют...»

Барятинский два раза вычитал отписку и остался ею доволен: ему удалось ненавязчиво спихнуть часть своей вины на князя Урусова, а великому государю гневаться на двоих ближних людей за их общую промашку с вором под Синбирском будет не с руки, да и не ко времени, сейчас надо не виновных искать, а воевать, и другого воеводы, способного справиться с вором Стенькой Разиным, у царя Алексея Михайловича, кроме князя Барятинского, не было.

Окольничий отложил отписку в сторону и взял чистый лист бумаги. Нужно было

отправить грамотку в Казань воеводе Урусову. Хотя Барятинский в душе презирал кравчего, он не погнушался навить много лестных слов князю Петру Семёновичу, лишь бы получить столь необходимую для него пехоту и в придачу к ней десятка два полевых пушек, чтобы иметь в неизбежном сражении с Разиным, о котором он вспоминал с зубовным скрежетом, решающий перевес в силах.

Барятинский послал денщика за Чубаровым, и когда полковник явился, заметил, что тот явно чем-то расстроен.

— Что стряслось, Андрей? — спросил окольничий. — На тебе лица нет.

— Добаловались мы с мужичьем, Юрий Никитич! Только что прибежали к Тетюшам трое дворян из-под Курмыша и такое рассказали, что волосы дыбом.

— Вольно тебе было слушать нетчиков, — жёстко сказал Барятинский. — Они знают, что их за неявку в свои полки ждут батоги, вот и брешут что ни попадя.

— Эти не врут, окольничий! — горячо вымолвил Чубаров. — Хоронились эти дворяне от воров в лесу, да не схоронились, набежали на них крестьянишки, схватили четверых и предали лютой казни...

— Видать, на колья рассадили? — сухо поинтересовался Барятинский.

— Пригнули друг к другу молодые дубы, привязали дворян к ним за руки за ноги и порвали на части...

— Даже так! — воскликнул окольничий. — Гляди, какие затейники! Не мякни, полковник, это нам на руку: теперь дворянишки наконец поймут, что их место не запечья обнюхивать, а быть в полках, как им и предписано — конно и оружно! — Барятинский взял со стола отписки царю и казанскому воеводе. — Пойдешь, Чубаров, посыльщиком к Урусову. Отдашь ему мою отписку и на словах испросишь у него пехоту и полевые пушки. Перед князем не заносись, но будь твёрд. Возьми с собой полсотни рейтар на лучших боевых конях и в полной ратной сбруе. Проверь, чтобы у всех доспехи были начищены, и пусть лучшую одежду наденут, дабы у казанцев от вашего боевого вида дух захватывало. А другую отписку, великому государю, отправь из Казани с двумя рейтарами. А ну-ка, встань на свет, я тебя огляжу! — Чубаров смутился и ступил на половицу, на которую из небольшого оконца сочился солнечный свет. Барятинский приблизился и постучал пальцем по доспеху полковника. — Добрый у тебя нагрудник, а шапка помята. Негодно в таком виде являться к князю, — он подошёл к плетёному из ивовых прутьев походному сундуку, открыл крышку и достал блестящий золотом шлем с сутаной из белоснежных перьев. — А ну, прикинь на свою башку, Чубаров! — полковник положил железную шапку на стол и надел на голову иноземный шлем. — Чистый лях! — воскликнул окольничий. — Как раз такой, которого я сшиб с коня под Киевом. Вот теперь тебе впору будет говорить с кравчим Урусовым. Шлём береги, на ночь прячь от мышей, чтобы те перья не отгрызли.

— Когда велишь выезжать? — спросил полковник.

— Бери отписки и отправляйся. Без пехоты и пушек я тебя в Тетюшах не желаю видеть.

Барятинский вышел из избы за Чубаровым посмотреть, как устроились рейтары на новом для них стане. Ночи стали морозны, посему палатки и шалаши были поставлены лишь для сторожей. Свободные от службы ратные люди поместились в избах посада, утеснив обывателей, а также в амбарах и других постройках. Для коней соорудили жердевый загон, Барятинский подошёл к нему и увидел, что рейтары, прежде чем завалиться спать, крепко растрясли посадских людей: на земле было разметано несколько стогов сена, в четыре гряды насыпан овёс, а глубокие и длинные колоды наполнены свежей водой.

Окольничий порадовался тому, что от Синбирска ему удалось уйти, сохранив большую часть коней. Без них рейтар не воин, а крестьянские сивки да бурки слишком мелки и слабосильны, чтобы носить на себе облачённых в железо всадников. Дворянин являлся в полк на своём коне, но сейчас могли прийти и безлошадные, таких окольничий решил ставить в пехоту, что было для дворянина и наказанием, и давало ему возможность, добыв в бою доброго коня, вернуться в рейтары.

К конскому загону подъехало с десяток нагруженных рогожными кулями телег, и окольничий подошёл к ним ближе. Навстречу ему поспешил полковник Зыков.

— Воевода не поскупился! — доложил он. — И то скажу, что амбары в этом городке трескаются от съестных припасов: рыба всякая, гречка, говяжья и баранья свежанина, на моих глазах бычков и ярок резали, два воза хлебов, один с вчерашними, другой с сегодняшними. Для твоего стола, Юрий Никитич, воевода и лучшие тетюшские люди собрали отдельно, величают тебя спасителем и кланяются ниже земли.

— Они что, глаза мне белужьей икрой решили замазать? — скривился окольничий. — В сём городке нетчики, как клопы, в каждом пазу схоронились. Где Зверев? Почему его нет с теми сотнями дворян, что в Тетюшах попрятались?

— Зверев при мне начал перетрясать городок, начиная с казанского конца, — ска-

зал Зыков. — Рейтары злы на тех, кто не явился в полки, и никому не дают спуску. Гонят всех в тычки к соборной площади, там уже полгорода на коленях стоят. Скоро всех сюда пригонят, — полковник оглянулся на телеги, возле которых уже собрались сержанты, каждый за своей долей пропитания для подначальных людей. — Дозволь, Юрий Никитич, начать раздачу припасов?

— Пусть берут паи на этот день, — распорядился Барятинский. — И выстави вокруг телег надёжных сторожей. Ты, Зыков, остаёшься у меня полковником на оба полка, посему гляди в оба, чтобы рейтары не забаловали с вином. Питухов бей без моего спросу батогами до изнеможения.

— А что Чубаров? — спросил полковник.

— Он сегодня уходит в Казань к князю Урусову за пехотой и полевыми пушками.

— Прими, Юрий Никитич, дары от лучших тетюшских людей, — сказал Зыков, и глаза его алчно блеснули.

— Тебя, вижу, что-то заботит, — усмехнулся Барятинский.

— Там есть дубовый бочонок, — растёкшись ухмылкой, доверительно промолвил Зыков. — Я нюхнул пробку и чуть слюной не захлебнулся: романея венгерской выделки, с польской войны такого запаха не чуял.

— Ладно, уговорил. Вели приготовить малое пированье для поручиков и капитанов, они его заслужили. Я тоже буду, — Зыков повернулся, чтобы идти к своему обозу, но Барятинский его задержал. — Распорядись истопить мыльни, чтобы все в чистое переоделись, а то от людей псиной воняет. И мне баньку-мыленку спроворь, я и сам чешусь, как пёс шелудивый.

Скоро по всему посаду запылали костры, запахло дымом, затем мясным варевом. Закурились избы-мыльни вдоль берега неширокой речушки. Листва сохранилась и кое-где зеленела только на молодых дубках, и рейтары их ободрали дочиста на веники, ибо какое русскому человеку мытьё без того, чтобы не пропарить тело до радостного изнеможения, а после рухнуть с берега в ключевой омут.

Денщик под присмотром князя перебирал походный сундук в поисках чистого исподнего, когда в избу вломился капитан Зверев.

— Что, всех пригнал? — спросил Барятинский.

— Больше трёх сотен дворян, — ответил Зверев, подавая окольничему свёрнутый в трубку лист бумаги. — Здесь они все указаны поимённо.

Перед крыльцом, окружённые конными рейтарами, в несколько рядов нестройно стояли дворяне.

— Коня! — велел окольничий.

Денщик мигом подвёл к нему боевого коня, Барятинский вскочил на него, поднял на дыбы, жеребец всхрапнул и прыгнул в сторону толпы. Люди в страхе попятились, но князь понудил коня совершить ещё один прыжок и вселил в нетчиков такой страх, что они попадали на колени. Сзади на них напёрли конные рейтары Зверева, и уже не страх, а ужас обуял дворян, многие закрыли головы руками и стали слёзно молить о прощении.

— Молчать! — хрипло пролаял полковой воевода, возмущённый слезотечением и жалобным вопиянием служилых людишек. — Клятвопреступники! Вы все целовали крест великому государю на верную ему службу, получили за это поместье и жалованье, но разбежались и попрятались, едва эта служба от вас потребовалась великому государю! Нет на это у меня воли, а то бы я выгнал всех на Казанскую дорогу! И пусть вас там мужики перевешают на деревьях, порассажают на кольях или порвут на части молодыми дубами! — окольничий повернул коня и медленно проехал вдоль коленопреклонённых дворян. За ним следовал Зверев. — Я зрю, что есть среди вас такие, у кого и оружия нет! — окольничий остановился возле двух молодых дворян. — Кто такие? — у парней от страха закостенели языки, они лишь взмыкивали и бились головами в землю. — Зверев! — велел Барятинский. — Извлеки из толпы тех, кто безоружен!

Таких оказалось человек тридцать. Палки у капитана Зверева были припасены, и скоро рейтары обрушили их на дворянские спины. Отмалчивались под ударами немногие, большинство же вопили и визжали, извиваясь под суковатыми ивовыми прутьями, но каждому было отмерено, по приговору окольничего, по полсотни батогов.

— В другой раз вздёрну на рели! — объявил Барятинский. — В рейтары вы не годитесь, мои рейтары оружие не теряют. Служить вам в пехоте солдатами и без жалования. А пока определи их, Зверев, на чёрные работы, пусть начинают службу с самого низа!

— Куда девать остальных, окольничий? — спросил капитан.

— Пусть подходят ко мне по одному. А ты отмечай каждого по списку.

Зверев объявил о решении окольничего, но желающих первыми приблизиться к свирепому военачальнику не нашлось. Тогда Зверев выхватил из толпы попавшего ему под руку дворянина и приволок к Барятинскому.

— Объяви своё имя! — велел капитан.

— Петрушка Макеев, — сказал, подрагивая всем телом, молодой дворянин. — Приписан к полку Чубарова.

— Говори, почему не явился на службу! — рявкнул Барятинский.

— Как можно было явиться? — забормотал Петрушка. — Я с пятнадцатью дворянами, своими соседями, шёл к Синбирску вслед за тобой, окольничий, так близко, что шавяки от твоих коней были ещё тёплыми, а возле Промзина Городища переправу через Суру переняли воровские люди, и мы от них едва ушли к Барышской Слободе, там через реку переправились, и в лесу на нас напала воровская мордва числом до сотни, а может, и поболее. Мы прыснули в разные стороны, и с той поры я своих соседей так и не видел. Выбежал на Казанскую дорогу и пристал к дворянам, что бежали из алатырских мест. С ними и явился в Тетюши.

— Эти алатырцы здесь? — спросил Барятинский. — Выкликни их ко мне! — из толпы вышли с десяток дворян, все с саблями, а кое-кто и в железных доспехах. — Как вы попали сюда? — сурово уставился на них окольничий.

Алатырцы молчали. Наконец отыскался среди них смельчак, который подтвердил слова Петрушки Макеева. Барятинский слушал его вполуха, он заранее знал все жалобы: хлебный недород и невозможность купить добрую справу для службы, бегство крестьянишек и обнищание поместного хозяйства, недавний холерный мор и задержка за несколько лет выплаты служебного жалованья. Воевода мало чем мог им помочь, ему самому Разрядный приказ не выплатил пожалованные великим государем наградные деньги за два года пограничной службы в Рязанском разряде, но Барятинский служил не только за денежные и земельные дачи. К этому его призывал долг высокородного князя Рюриковой крови, поэтому плачи и стоны захудалых дворянишек вызывали в нём не сочувствие, а желание вбить их в землю по самые плечи.

Видя, что воевода ничего не говорит, алатырцы охрабрели, к одному жалобщику присоединился другой, третий, и вдруг все заговорили разом. Барятинский недоумённо потряс головой, ощерился, как волк, и замахнулся на них плетью, в конец которой был впечатан свинцовый шарик. Железная шапка на голове ближайшего к окольничему алатырца от удара смялась, а он сам, обеспамятев, рухнул на землю.

— Завтра явиться всем сюда до света конно и оружно! — Барятинский поднял жеребца на дыбы и стал наступать на толпу. — Тому, кто припозднится или сворует, смерть!

Рейтары Зверева стали теснить толпу к городской дороге, в их руках замелькали плети, и дворяне что было сил бросились бежать в крепость. Приговорённых к чёрным работам служилых людей погнали мыть котлы и таскать воду для мылен. Находившийся до этого в стороне полковник Зыков подъехал к окольничему, который взглянул на него пустым, затуманенным злобой взглядом.

— Мыленка, князь, истоплена, — осторожно, чтобы не распалить неосторожным словом воеводу, сказал Зыков. — Изволь испробовать первый пар, — заметив, что Барятинский начал отмякать, подъехал к нему ближе и ласково промолвил: — Вольно тебе было, князь, гневить своё сердце из-за негодных дворянишек. Их на Руси хоть пруд пруди, а ты один такой у великого государя, и замены тебе нет.

Слова полковника всколыхнули в окольничем уже начавшее остывать в нём чувство позора, которое он испытал после своего бегства от Синбирска. Вор Разин со своими казачишками и оравой мужичья совершил неслыханное: побил и рассеял непобедимые рейтарские полки, перед которыми не устояли в бою польские жолнёры и шведские драгуны, и притушил сияние славы над Барятинским, считавшимся одним из лучших воевод русского войска. Это была неслыханная поруха родовой чести всех князей Барятинских, и Юрий Никитич даже отсюда, из Тетюшей, явственно слышал, как шушукаются и злорадствуют в царском дворце его недруги и завистники. Уж они-то не упустят случая влить в уши великому государю самые изощрённые клеветы на споткнувшегося воеводу и навсегда очернят его в глазах простодушного и доверчивого Алексея Михайловича. Спасти пошатнувшееся положение Барятинского могла лишь решительная победа над вором, но пока воевать его было не с кем. Ополоумевшие от страха дворянишки были ещё далеко не воины, но других служилых людей у окольничего не было, и ему предстояло в несколько дней сделать из толпы готовое к бою войско.

— Так что там, мыленка готова? — спросил князь, с трудом оторвавшись от своих неотвязных дум.

— Я в неё заглядывал, — обрадовался своему подобревшему начальнику Зыков. — Полы выскоблены, твой денщик уже дубовый веничек запарил, и холодный квас припасён...

— Веди, показывай, Фёдор, — окольничий легонько тронул вперёд коня.

– 10 –

Барятинский, верный своей солдатской привычке, проснулся в утренних сумерках, откинул от себя баранью шубу, под которой лежал на голой лавке, и, шлёпая босыми ступнями по холодному брёвновому полу, подошёл к оконцу. Утро вставало сырым и мглистым, сквозь белёсую пелену тумана неясно проступали очертания соседних изб, амбаров и заборов посада, и доносились понятные окольничему звуки многолюдного воинского стана — ржание коней, говор людей, бряцанье железа, удары топора по дереву. Он высунулся в оконце и потянул ноздрями влажный воздух и сразу почуял горьковатый запах дыма от костров, на их огне уже в котлах начинала закипать вода, и повара, распоров рогожные кули, готовились засыпать в неё дроблёный овёс для приготовления толоконницы, привычной воинским людям утренней сыти, которой они так плотно набивали своё брюхо, что не чувствовали голода до вечера.

Скоро запах овсяного варева послышался и близ князя: денщик принёс ему котелок толоконницы и положил рядом большой ломоть хлеба и кусок варёного мяса, оставшийся от вчерашнего пированья. Барятинский привычно умял овсянку с ржаниной и запил еду квасом. К мясу он не прикоснулся и не потому, что была постная пятница, его не смущало скоромное и в Великий пост. К пище он был равнодушен и ел всегда ровно столько, чтобы сохранить силы и не утратить интерес к жизни. Всегда молчаливый денщик помог воеводе застегнуть нагрудник и подал шлем, на котором был вычеканен двуглавый орёл. Окольничий, бряцая шпорами, вышел на крыльцо и остановился, оглядывая всё вокруг.

К этому времени на стане стало многолюднее и шумнее, как раз нестройной толпой явились из Тетюшей дворяне, все в ратной сбруе, на конях и с оружием. Ими тотчас завладели полковник Зыков и капитан Зверев, сочли по списку и удостоверились, что пришли все, бывшие здесь вчера, а с ними и с десяток новиков, прибежавших ночью из ближайшего леса, когда прослышали о стоянии Барятинского в Тетюшах. Начальные люди разделили обретённых воинов на равные части, и вышло две роты пока ещё неполного состава. Много начальных людей было убито под Синбирском, и вместо капитанов на роты назначили подпоручиков, а на полуроты поставили четырёх сержантов. Начальники сразу с ором и битьём накинулись на новиков и построили их по полсотни человек в несколько рядов. Полковник Зыков объехал строй и направился к Барятинскому, который уже сидел на своём жеребце и хмуро взирал на тетюшское воинство.

— Даю тебе, полковник, две недели, чтобы ты из этого людского хлама сделал боевых рейтар, — заявил окольничий. — Больше времени у меня нет. Придёт Чубаров, и мы сразу двинемся на Синбирск.

— Нам не впервой, князь, из сброда сотворять витязей! — весело сказал Зыков. — Эти за неделю будут готовы идти в огонь и воду!

Он ведал, про что говорил. За столь малое время подготовить из трусоватых дворянишек безоглядно идущих на верную смерть отчаянных рубак стало бы непосильной задачей для любого иноземного маршала, но только не для русского полковника. И особой хитрости в этом не было. И Зыков, и ротные начальники намеревались учить новиков воинскому делу с такой беспощадностью, что те непременно после десятка дней непрерывного битья и недосыпа должны были взмолиться, чтобы их немедленно послали в бой. Ибо каждый тогда поймет, что в бою он ещё сможет выжить, а в учении его ждёт неминуемая смерть.

— Держи новиков в поле, — велел окольничий. — Разбей там стан и не уходи из него без моего слова. Через неделю я наеду и посмотрю, чему ты их научил.

Новые рейтары, спутав ряды, стали выходить из посада в чистое поле. Замыкал их движение воз с палками для битья, на которых сидел заросший до бровей чёрной бородой сержант, исполнявший в свободное от войны время обязанности полкового палача.

Через неделю, как он и обещал, окольничий приехал в сопровождении Зыкова к новобранцам. Было ветрено, и над полем, вытоптанным рейтарскими конями, белыми шмелями проносились хлопья снега. Барятинского ждали, едва он ступил на границу стана, как тревожно заухали тулумбасы, рейтары выбежали из шалашей, обгоняя друг друга, кинулись к своим коням и встретили окольничего в боевом строю.

Полковой воевода медленно ехал вдоль линии рейтар и вглядывался в их лица. Он видел перед собой совсем других людей, чем неделю назад, это было заметно по их отрешённо тупым взглядам, которыми они глядели на окольничего, и тот удовлетворённо отметил, что беспощадное учение пошло воинским людям впрок, и они стали готовы к выполнению любого его приказа.

Часть поля была изрыта рвами, за которыми поставили столбы с прибитыми к ним деревянными щитами. Зыков велел подпоручикам приготовиться повести свои роты

на препятствия в боевом строю и отъехал с Барятинским в сторону на небольшое возвышение, откуда всё хорошо было видно.

— Сколько сейчас в каждой роте людей? — спросил окольничий.

— Без малого по двести пятьдесят, — ответил полковник. — Я всех прибежавших к нам дворян немедленно отправляю сюда. Разреши, князь, начинать?

— Начинай!

Зыков вынул из седельной кобуры пистолет и выстрелил вверх. Тотчас первая рота пошла крупной рысью на препятствия, но вскоре понеслась галопом, с разгона преодолела первый ров, затем второй, рейтары выхватили из седельных кобур пистолеты и на скаку выстрелили по деревянным щитам, которые от ударов тяжёлых пуль начали покрываться дырами и рассыпаться на щепки.

Зыков вопрошающе глянул на окольничего и тот недовольно пробурчал:

— Строй сломали, некоторые олухи и пистолетов не успели вынуть, как промчались мимо столбов. Худо, полковник, худо! — вторая рота прошла через рвы и отстрелялась лучше первой, но Барятинский и тут остался недовольным. — Не умеют идти на приступ в плотном строю. Учи их, Зыков, времени у тебя на это меньше недели!

В этот же день пришло известие от Чубарова: к Тетюшам подошли три больших струга. На одном были воинские припасы, а на двух других прибыла пехота, стрелецкий приказ полного состава. Барятинский поспешил на пристань, где его встретил стрелецкий голова Юдин, который передал ему отписку Чубарова. Окольничий развернул её, углубился в чтение и скоро от досады стал краснее своей рыжей бороды. Полковник слабо знал грамоту, из его каракулей Барятинский понял только то, что его дорогой шлем с белыми перьями цел, а сам Чубаров обещает скоро быть в Тетюшах.

— Как там, на Казани, мой Чубаров? — спросил окольничий.

— Он у князя Урусова в большом уважении, — ответил стрелецкий голова. — Живёт в воеводской избе, ест и пьёт с кравчим за одним столом.

— Оставь, Юдин, сотню стрельцов на разгрузку струга, а остальных веди к полковнику Зыкову, он укажет тебе место, где ты разобьёшь свой стан.

Скоро пришёл капитан Зверев с полусотней телег, которые он насобирал у обывателей города. Стрельцы поснимали с себя оружие и стали выносить со струга воинские припасы: рогожные кули с порохом, небольшие, удобные для перевозки свинцовые чушки, лубяные короба с гранатами, железные ядра для полевых пушек россыпью, несколько сот копий для копейной пехоты и большой деревянный ящик, который полагалось открыть только полковому воеводе. Барятинский велел сорвать с него крышку, в ящике оказались три сотни седельных пистолетов шведской работы, смазанных рыбьим жиром и присыпанных мелкой стружкой.

После воинских припасов с грузового струга вынесли много рогожных кулей с толокном и сухарями, коробов с рыбой и выкатили пять восьмивёдерных бочек зелена-вина для укрепления здоровья и воинского духа рейтар и пехоты.

Полковник Чубаров явился в Тетюши 18 сентября 1670 года посуху и привёл с собой полносоставный стрелецкий приказ и полтысячи рейтар из ближних к Казани нижегородских волостей, которые попрятались от воровских людей близ князя Урусова. Окольничий, построив своих рейтар, встретил Чубарова на воинском стане. Полковник подъехал к князю на дорогом тонконогом жеребце, сияя золочёным с белыми перьями шлеме.

— Вижу, возлюбил тебя князь Пётр Семёнович, раз пожаловал туркменским конём, — усмехнулся Барятинский. — Тебя, Чубаров, нужно отдать в Посольский приказ и отправлять на посылки к иноземцам. Что за слова ты нашёл, чтобы улестить спесивого казанского воеводу?

— Не я, великий государь нашёл такие слова, — сказал полковник. — Он устроил Урусову за его сидение в Казани вдали от вора грозную выволочку и посулил отправить воеводой в Даурию. Но вслед за своей немилостью дал кравчему солдатский полк Трифонова, потому он так легко расстался с двумя стрелецкими приказами, у него их есть ещё два да ещё несколько тысяч конных татар, которые пребывают к вору Разину в великой ненависти за его бесчинства над Едисанской ордой и бусурманами на Каспии.

— Стало быть, Урусов теперь готов идти на Синбирск? — спросил Барятинский.

— Поспешного выхода чаять не стоит, — сказал Чубаров. — Князь мешкает до крайней возможности и будет в Синбирске через день после того, как ты сокрушишь вора. А посыльщиков к великому государю с известием о победе постарается отправить раньше тебя.

— Что ж, это в его повадках, загребать жар чужими руками, — согласился с полковником окольничий. — Объяви начальным людям, что всем полкам, приказам и прочей пехоте быть готовыми к строевому смотру. А сегодня разбери вместе с Зыковым всех прибылых рейтар по своим полкам.

Через день войско Барятинского вышло из Тетюшей и отправилось в сторону Синбирска. Окольничий имел в строю два полка рейтар и до двух тысяч пехоты. За войском охраняемый ротой рейтар двигался обоз и полевые пушки. Сам полковой воевода находился во главе передового полка рейтар Чубарова, из которого две сотни всадников были отправлены вперёд для проведывания местности. Им было велено хватать всех, кто им попадётся, и решать, как с ними поступать: явным ворам, после жёстких расспросов, рубить головы на месте, а более важных пленных и всех дворян посылать на суд окольничего.

Отойдя тридцать вёрст от Тетюшей, войско, после ночлега, вышло к Свияге, и близ села Куланги к Барятинскому прибежал рейтар из передового охранения и донёс, что на них насела бунтарская ватага крестьян, вооружённых косами, вилами и дубьём, числом тысячи в три душ, которые норовят прижать рейтар к глубокому и крутому оврагу.

Чубаров был рядом, и окольничий велел ему вести полк на воров и рубить и стрелять их без всякой жалости. Полковник привстал на стременах, вырвал саблю из ножен и, издав нечленораздельный пронзительный вопль, пустил коня крупной рысью. За ним, на ходу перестраиваясь в боевые ряды, растекаясь в ширину, пошёл рейтарский полк, более тысячи всадников, и подмёрзшая за ночь земля загудела под тысячами конских копыт, и вспугнутая этим гулом с голых вершин берёзового леса снялась громадная стая ворон и с оглушительным гомоном полетела, как чёрная туча, в сторону Свияги, заслоняя собой тусклое предзимнее солнце. Рейтары Чубарова, бежавшие от Синбирска, и новые, из нижегородцев, были дворянами и шли вперёд, пылая лютой ненавистью к рабам, которых они считали за говорящий скот, внезапно охваченный бешенством бунта и кинувшийся бодать и топтать своих владельцев.

Ослеплённые яростью крестьяне пёрли на прижатых уже к краю оврага рейтар передовой роты и проглядели смерть, которая накатила на них сзади. Рейтары Чубарова выстрелили из пистолетов, взялись за сабли, и началась резня. Мужиков охватил ужас, они кинулись бежать во все стороны, их гнали, рубили и топтали конями. Скоро всё поле возле Куланги было усеяно убитыми, а спасшихся от немедленной смерти ожидала мучительная казнь.

К ним подъехал Барятинский и велел всех казнить расчленением. Полковые палачи опростали из мешковины свои особые широкощёкие топоры и принялись на колодах лишать людей ног, рук и голов. Так казнили шестьдесят семь человек, остальных окольничий велел бить до полусмерти палками, чтобы им неповадно было бунтовать в другой раз.

Барятинский убедился, что скоро дойти до Синбирска ему не удастся: на речке Карле на него навалилась тысячная толпа мужиков, и на то, чтобы с ней расправиться, ушёл целый день. Из-за боя случилась большая задержка возле села Кырсадаки, затем рейтарам пришлось разгонять и казнить бунтовщиков у села Старые Маклауши.

Точных известий о судьбе Синбирска у Барятинского не было. Пойманные воры рассказывали небылицы и всякий раз другие, и окольничий не мог понять, что там происходит на самом деле, пока близ Тагая, уже на засечной черте, к нему не привели человека, объявившего себя поручиком Надёжой Кезоминым. Барятинский недоверчиво на него посмотрел, но пришелец выпростал из холопской одёжки свиток грамоты и подал её полковому воеводе.

— Ты когда ушёл из Синбирска? — спросил, прочитав письмо Милославского, окольничий.

— Позапрошлой ночью, — ответил Кезомин. — Воевода сам меня отправлял и велел передать тебе, князь, чтобы ты поспешал на выручку града.

— Стало быть, припёк вор князя Ивана! — сказал окольничий. — Говорил я ему, чтобы дал мне солдатский полк, и тогда бы не было осадного сидения, а вора давно бы схватили и отправили в Москву... Как Синбирск?

— Худо. Воры взгромоздили на Казанской стороне вровень с пряслом земляной вал, мечут с него беспрестанно огонь, по несколько раз в день идут на приступ. Синбиряне изнемогли от постоянных боёв, многие убиты, втрое больше пораненных, а Стенька своих людей не считает, мужики к нему валом валят и конца их приходу не видно.

— Сколько же сейчас у вора людей? — спросил окольничий.

— Как бы не обнести тебя, князь, неправдой, — подумав, сказал Кезомин. — Скажу, тысяч с двадцать, а сегодня вдруг к вору привалит толпа в пять тысяч мужиков, а может, и поболе.

— Добро, пусть будет так, — окольничий позвал своего денщика. — Дай поручику коня и оружие. Сегодня войско заночует в Тагае, а завтра я поведу его на Синбирск.

Острог Тагай на черте встретил государево войско молчанием. Рейтары обшарили избы и выгнали из них несколько жёнок и два десятка малых ребят.

— Где ваши мужья? — спросил Барятинский испуганных жёнок, но те лишь беспрестанно кланялись и закрывали собой ребятишек.

— Известно где, — сказал, наезжая на жёнок, капитан Зверев. — Все поголовно ушли к вору. Отвечайте или я вас попотчую плетью!

Жёнки, обливаясь слезами, завыли, окольничий развернул коня и поехал к избе, приготовленной ему для ночлега.

Ранним утром войско отправилось по засечной черте к Синбирску и близко к вечеру достигло берега Свияги, за которой круто поднималась Синбирская гора. Самой крепости от Свияги не было видно, но небо над вершиной горы было задымлено пожарищами. Неожиданное появление рейтар Барятинского смело воровских людей с левого берега реки, и Конная слобода была пуста.

Рейтарские полковники и стрелецкие головы собрались вокруг окольничего и ждали его распоряжений. Они знали, что не позднее, чем завтра, им предстоит сразиться со злодеем не на жизнь, а на смерть, и победа в этой схватке во многом зависела не только от храбрости и боевого опыта рейтар и стрельцов, но и от того, как будет ими распоряжаться полковой воевода. Начальные люди верили в своего окольничего, но не догадывались, что того томила неуверенность в исходе сражения, князь ещё не изжил в себе унижающее его чувство позора, которое он испытал, спасаясь бегством от вора. Но вместе с тем Стенька научил Барятинского осторожности, и она склонила его принять разумное решение.

— Будем ждать вора здесь. Ему уже ведомо, что мы пришли, это его распалит, и завтра с утра он кинется на нас всей своей мощью. Тебе, Чубаров, я поручаю сохранность обоза. Отведи его на полторы версты от берега и не спускай с него глаз. Голова Юдин, видишь те ракитовые кусты? Схоронишься в них с одним приказом и пушечным нарядом. Остальные стрельцы и другая пехота встанут в полуверсте от берега. Когда воры перелезут через Свиягу и кинутся на них, пехота, держа строй, наведёт их на пушки. Добивать воровских людишек будут рейтары.

С правого берега Свияги за Барятинским наблюдал черкас Очерет. Появление государева войска его огорчило: завтра, по уговору с Разиным, он намеревался отойти от Синбирска и следовать с оставшимися у него казаками в милые его сердцу Запороги. «Не отпустит меня Стенька, — сокрушался Очерет. — А уйти от него убёгом будет не по-товарищески».

К нему подошёл мужицкий атаман, чья ватага с дубьём и вилами в руках сторожила правый берег Сивяги.

— Велишь разломать мосты, есаул? По ним рейтары могут перелезть на нашу сторону, и мы их не удержим. Мои ребята вмиг порушат мостовые плети.

— Не дозволяю! — строго промолвил Очерет. — Мосты ни в коем разе не ломай и крепко их сторожи. Даст Бог, в башку Юшки Барятинского затмение найдет, и он кинется к пряслам. Там-то мы его и встретим. А бить его нам не впервой.

Черкас развернул коня и поехал в гору. Мимо шли казаки, которых Разин послал присматривать за Барятинским, и Очерет им тоже крепко наказал беречь мосты, которые мужики по дурости могли порушить. От крепости доносилась пушечная и пищальная пальба, Крымское прясло и вал были окутаны дымом, сквозь который прорывались всполохи огня. Приход Барятинского расшевелил Разина, и он повёл казаков и мужиков на очередной приступ, смутно надеясь, что в этот раз ему удастся сломать ослабевающее с каждым днём сопротивление синбирян. Мужики с топорами и копьями дуром пёрли на пищальные пули и пушечный дроб и десятками валились с мостов замертво. Их вела на верную гибель не осмысленная отвага бывалых воинов, а озлобленная обречённость людей, загнанных бунтом в тупик, из которого не было выхода, кроме смерти.

Когда Очерет подъехал к крепости, приступ уже был отбит, и Разин стоял возле своего шатра, отирая мокрой тряпкой лицо и руки от чужой крови.

— Что, видел Юшку? — спросил атаман, опалив черкаса ещё не остывшим от боя огненным взглядом. — Много ли он рейтар за собой привёл?

— Рейтар много больше, чем в прошлый раз, но у него теперь есть и стрелецкая пехота.

— Вот и добро, что все вместе явились, — усмехнулся Разин. — Не надо будет за ними гоняться. Поутру всех сразу и побьём. Или ты в смущении?

— Бой покажет, — сказал Очерет. — А ведь завтра день Покрова...

— Ну и что с того? Или Пресвятая Богородица теперь Юшкина заступница? Я, Остап, крепко помню, что в этот день ты обещал меня покинуть. Что ж, иди в свои Запороги хоть сейчас, я тебя не держу.

— За что ты, Степан, меня укорил? — сердито произнес Очерет. — Я товарищей не бросаю. Схожу завтра с тобой на рейтар и уйду своим путём.

— А я знал, что ты меня не покинешь, — заметно обрадовался Разин. — Могло бы

как раз твоих казаков и не хватить для завтрашнего боя. Сейчас сойдутся есаулы и старые казаки, надо размыслить, как взять Юшку за горло.

– 11 –

В утро Покрова Пресвятой Богородицы разинское войско зашевелилось и зашумело много раньше, чем в прежние дни. Сторожа на городских пряслах с тревогой смотрели, как вокруг крепости, разгоняя потёмки, запылало множество костров, заржали и зафыркали кони, задвигались толпы воровских людей, из острога, освещённого многими огнями, выехали полевые пушки, и большая часть казаков и мужиков стала по нескольким дорогам стекать в Свияжское подгорье.

Старший в эту ночь над сторожами капитан Мигунов, почесав в раздумье и смущеньи затылок, всё же решил разбудить своего полковника и донести ему об уходе воровских людей от стен града. Зотов, позёвывая, выслушал капитана, выругался и встряхнулся.

— Не умыслил ли вор какой каверзы? — сказал он. — Иди, Мигунов, на прясла и зри за всем, что делается вокруг. А я извещу воеводу.

Скоро облачившись в кафтан, полковник вышел из своей комнаты и крякнул: дух солдатской избы был так крепок и жгуч, что у него запершило в горле. В большой горнице спало больше сотни солдат, и в ней было не только душно, но и жарко. Зотов издалека трижды перекрестился на помаргивающий перед образом Спасителя свет лампады и, стараясь не потревожить спящих людей, вышел наружу. Было ещё темно, но дорогу до воеводской избы полковник нашёл бы и с закрытыми глазами. Проходя возле соборной церкви, он увидел, что возле неё уже стоят люди, скоро должна была начаться утреня.

Милославский уже опростался от жарких объятий своей девки-душегрейки и прохлаждался на крыльце в накинутой на плечи шубе.

— Что явился ни свет, ни заря? — спросил он. — Если с праздником поздравить, то рано. Приходи за полдень на уху и пироги с молитвой.

— Стенька задумал явно недоброе, — донёс Зотов. — С большой частью своих людей он ушёл к Свияге. Как думаешь, Иван Богданович, к чему бы это?

— Вот это вести! — встрепенулся князь и быстро засунул руки в рукава шубы. — Поспешим на свияжское прясло!

— А что мы с него увидим? — охладил воеводу полковник. — Ещё темно.

— Не скажи, — князь поднял голову. — Уже засветлело. А с прясла мы, может, и ничего не увидим, но услышим. По лёгкому морозцу далеко слыхать.

Небо за Волгой, и вправду, начало светлеть, звёзды притушились, но над Свиягой было ещё непроглядно темно. Зотов и Милославский стояли на верхнем мосту прясла и, обратившись в слух, ждали, что из Свияжского подгорья донесётся до них хоть какой-нибудь звук. И дождались. Издалека до них докатились глухие, едва слышные удары полковых тулумбасов: «Бум! Бум! Бум!»

— Это Барятинский! — воскликнул Милославский. — Пришёл-таки окольничий на выручку Синбирска! Молись, Глеб Иванович, чтобы Бог был на его стороне и вор нашёл свою погибель!

Полковник лучше Милославского понимал, какое тяжёлое испытание предстоит вынести войску окольничего.

— Князь строит полки, — промолвил он. — Но пока ни он, ни Стенька друг друга не видят.

Полковник угадал: разинское войско по трём наплавным мостам переходило через Свиягу, совсем не видя государевых воинских людей. Из туманных сумерек до них лишь доносились гулкие удары тулумбасов. Сберегая казаков, Разин пустил вперёд мужиков, и они, притопив мосты своей тяжестью, бесстрашно шли на левый берег, черпая лаптями студёную воду и крепко сжимая в руках оружие. Мосты устояли на плаву, и по ним пошли казаки, которые вели своих коней в поводу, а рейтарские тулумбасы продолжали сотрясать воздух, призывая к битве.

Одно войско стояло против другого, и все ждали, пока развиднеется. Но вот тьма начала понемногу рассеиваться, и Разин, сопровождаемый Бумбой, выехал вперёд мужицких толп, которые чёрными роями клубились вокруг своих атаманов. Почти ни у кого из этих людей Степан Тимофеевич не знал имени, за месяц осады перед ним прошли десятки крестьянских вожаков, и он не мог их всех упомнить, но все они боготворили Разина, и сейчас, медленно проезжая перед ними, он вызывал в людях такое неудержимое ликование, что никто не мог удержаться, чтобы не завопить во всё горло, приветствуя великого атаман всея гулевой Руси.

Объехав мужицкие ватаги и взбодрив их своим появлением, Разин вернулся к есаулам, которые стояли впереди казаков. Все притихли, и атаман понял, что от него ждут

слова.

— Сегодня наш день, побратимы! — вскричал, обращаясь ко всему казацкому войску, Степан Тимофеевич. — Побьём Юшку Барятинского, и Синбирск будет наш, и Нижний Новгород! На рейтар идите, когда они растратят пули на пехоту, а в сабельном сражении рейтар казаку не соперник. Встретим рейтар пищальным боем и сразу навалимся на них со всех сторон. Знайте, что я буду с вами с начала и до конца сечи!

Когда Разин закончил речь и вложил свою дамасскской выделки саблю в ножны, Фрол недовольно произнёс:

— Не атаманское это дело, Степан, рубиться наравне с простыми казаками. Не дай Бог, случится с тобой худо, и войско останется без головы.

— Не накаркивай беду, Фролка! — отмахнулся от предостережения брата Степан Тимофеевич. — Дай и мне повеселиться боем, всем нутром чую, что сегодня мой день.

Разин сказал правду, он и на самом деле предчувствовал, что сегодня с ним случится такое, что бесповоротно переломит его судьбу. Устав томиться неизвестностью своего будущего, бесповоротно покинутый своим покровителем Горинычем, атаман решил поставить на кон сражения собственную жизнь.

— Если со мной в бою случится лихо, то вашим атаманом пусть будет Корень.

И дивно, что есаулы не возразили своему предводителю, а лишь потупились и завздыхали. Им показалось, что он сказал это не зря. Многие из них уже замечали, что Разин стал чудить больше обычного и задумываться, а это по воровскому и казачьему поверью не сулило ему добра.

Внезапно удары боевых барабанов смолкли. Государево войско построилось в ряды, и князь Барятинский в мглистых утренних сумерках стал объезжать пехоту. Приказ стрельцов и с полтысячи безлошадных дворян стояли в пятнадцать рядов в версте от Свияги. Вооружённая бердышами и пищалями пехота выглядела грозной силой, но опытный воевода знал, что люди не выспались и замёрзли. Ещё он сомневался, что они выполнят задуманный им отход к пушечной засаде.

— Все ли стрельцы и дворяне знают, что им надлежит делать? — спросил Барятинский стрелецкого голову.

— Твоё повеление, князь, доведено до каждого полуголовы, сотника, полусотника и десятника, — ответил Юдин. — Но есть нужда в том, чтобы было кому их опамятовать, если у стрельцов и дворян от сраха помутится разум.

— Дельно мыслишь, — сказал Барятинский и оборотился к сопровождавшему его полковнику Зыкову. — Поставь роту рейтар, чтобы они охолодили пехоту, коли она побежит. Но не саблями, а плетями!

Когда окольничий подъехал к полку Чубарова, уже развиднелось. Рейтары сидели на боевых конях, все в ратной сбруе, железные нагрудники и шапки поблёскивали от осевшей на них туманной мороси. Рейтары выглядели свежее пехоты: они выспались рядом со своими конями, где им было тепло и покойно, и теперь, каждый со своей думой, ждали начала сечи.

— На мужиков, Андрей, не лезь, — сказал князь своему любимцу Чубарову, — зря растратишь на них пули, а вор только этого и поджидает. Враз навалится на тебя казачьим войском.

— Я уже учён Стенькой и его повадки ведаю.

— Зыков, ты пойдёшь вслед за Чубаровым, — распорядился Барятинский. — И глядите в оба за вором, у него навычка лезть в сечу. Будет такая удача, возьмите его живым, достанете только голову, бранить не стану.

От полка Чубарова окольничий отъехал на невысокий взгорок, где два знаменщика держали полковые знамёна, стояли тулумбасы и находились с десяток рейтар, которых князь мог использовать на посылки в полки и приказы. Солнце ещё не вылезло из-за Синбирской горы, но было уже светло, и Барятинскому стали хорошо видны великие мужицкие толпы, затопившие берег Свияги. Они его ничуть не устрашили, он высматривал казаков и, наконец, увидел их за большими осокорями у самого края воды, сбившихся в плотные ряды, на своих неказистых, но крепких конях.

Разин не спешил начинать битву, и князь решил его поторопить: велел недолго пробить в тулумбасы. Боевые барабаны пробудили Стеньку, он увидел своего кровного врага, сидящего на коне под сенью полковых знамён, и возжёгся яростью. По мановению атамана мужицкие ватаги ощетинились косами и копьями и медленно стали двигаться на государеву пехоту. Врагов отделяли друг от друга сначала с полверсты, потом счёт пошёл на сотни саженей. Стрельцы и дворяне спешно готовились к пищальному бою: первый ряд встал на одно колено, второй целился стоя, пехота из третьего ряда заполнила промежутки между строями и тоже была готова открыть прицельный огонь.

Мужики ещё не знали силы кучного пищального боя и пёрли на пехоту с удалью, как будто спешили сразиться с ней на кулачках. Загремели выстрелы, извергая из пи-

щалей клубы дыма, передние ряды мужицких ватаг были выбиты, но живые не дрогнули и, переступая через павших, вонзили свои косы и копья в передние ряды пехоты. Теперь солоно пришлось стрельцам и дворянам, мужики их резали и кололи, но больше сваливали на землю и затаптывали насмерть. Рёв обезумевших от ярости людей, вопли ужаса поверженных и стоны раненых от поля сражения докатились до прясел осаждённого града, и Милославский приказал бить во все колокола, чтобы дать знать Барятинскому, что синбиряне живы и ждут от него скорого к ним прихода.

Когда мужики истребили первые ряды пехоты, стрельцы и дворяне стали отходить, но их враги в них так крепко вцепились, что, отступая, они вынуждены были биться изо всех сил. Пушечная засада была уже близка. И капитану рейтар показалось, что пехота вот-вот побежит, он собрался напустить на нее рейтар, но стрельцы и дворяне устояли. Сражаясь, они продолжали медленно отступать, и бледный от волнения стрелецкий голова Юдин с трудом сдерживался, чтобы не начать до времени пушечную пальбу.

Кроме пушек, у Юдина была сотня стрельцов с мушкетами, и все они, установив своё оружие на сошки, ждали своего часа, как приказ стрельцов, нацеливших пищали на уже близкое мужицкое войско, за которым, привстав на стременах, наблюдал весьма довольный ходом сражения князь Барятинский.

Степану Тимофеевичу свалка пехоты с мужиками была нелюбопытна, и в сторону боя он не смотрел. Он знал, что исход сражения решится в сечи рейтар и казаков, и для того, чтобы он оказался в его пользу, из перешедших по мостам новых мужицких ватаг строил перед казацким войском заслон, который должен был ослабить первый, самый опасный натиск рейтар. Мужицкие атаманы, радостные, что над ними начальствует сам Степан Тимофеевич, ставили своих людей живым щитом перед казаками.

Неожиданно для разинцев раздались пушечные, мушкетные и пищальные залпы из засады, которые сразу выбили сотни мужиков, а на оставшихся в живых ударили стрельцы Юдина и воспрянувшая духом пехота. Но и после многих потерь ватаги были ещё многочисленными, они отходили к реке, но ожесточённо сопротивлялись и не утратили воли к победе.

Князь Барятинский, довольный удачным исполнением своей засадной хитрости, решил, что пришло время двинуть вперёд рейтар и, приблизившись к полкам, громко возвестил:

— Пожалую сто рублей тому, кто доставит мне вора живым или мёртвым!

Сто рублей были великим богатством, и рейтары встретили слова окольничего радостным и оглушительным воплем. Многие из них возмечтали встретиться и сойтись в рукопашной с самим Разиным. Часто и громко начали бить тулумбасы, и тысяча облачённых в железо рейтар чубаровского полка пошли на казацкое войско неторопливой и мерной рысью. За ними, чуть забирая вправо, двинулись рейтары полковника Зыкова. Половина его полка были новики из дворян, найденных в Тетюшах, которые особо горячо жаждали крови воровских казаков.

Разина грозный вид устремившегося на него государева войска не смутил, и он скорым шагом двинул им навстречу мужиков, а казаки пошли за ним следом, первыми своими двумя рядами растекаясь в ширину, чтобы все они разом смогли, не мешая друг другу, встретить рейтар выстрелами из длинноствольных пищалей. Мужицкий заслон на какое-то время сумел сберечь казаков от удара рейтар, которым пришлось пробиваться к ним через косы и копья ватажников, расчищая себе дорогу пулями и саблями, и лобового столкновения не случилось. Но скоро казаки и рейтары перемешались друг с другом, и бой стал множеством поединков без правил, в которых побеждал не сильнейший, а тот, кого берегли судьба и слезные молитвы родных и близких.

Отчаянный Очерет со своими черкасами врубился в полк Зыкова с такой силой, что сумел оторвать от него сотни четыре рейтар, которые смешали ряды, но устояли и, выхватив из седельных кабур пистолеты, смогли выстрелить в казаков и многих побить, но павшие будто оставили силу живым, и в сабельных схватках запорожцы чаще брали верх над рейтарами, и скоро Зыков стал оглядываться на окольничего, ожидая от него подмоги.

Под началом есаула Корня была тысяча казаков, они сшиблись с полком Чубарова, и оба войска увязли друг в друге. Люди не только рубились на саблях, но часто сходились так близко, что могли грызть друг друга зубами. Бой шёл по всему полю, всадники топтали пехоту, но пешие воины и мужики также наносили им немало вреда, и уже много коней, потеряв своих хозяев, метались по полю ещё невиданной на Руси битвы между голытьбой и дворянами.

Государево войско полным своим составом вступило в сражение, и князь Барятинский с невысокого взгорка взирал на кровавую сечу, тоскуя, что у него не осталось в запасе воинских людей, которыми он смог бы усилить свои полки. Исход сражения был далеко не ясен, сошлись сила на силу, и победить должен был тот, чей воинский

дух и воля к победе будут решительнее и твёрже.

Среди рейтар было немало бесшабашных удальцов, возжаждавших завладеть сторублёвой головой атамана, и Разину не приходилось искать себе поединщиков. Не успевал он снести саблей голову или разрубить на части одного рейтара, как тут же перед ним вздыбливал своего коня другой, но и этот, как следующий, не становился помехой на победном пути атамана. Рядом с ним рубились свирепый Бумба, брат Фрол и верные казаки-одностаничники.

Степан Тимофеевич уже побил многих рейтар, когда на него пошёл могучий алатырский дворянин Семён Степанов. Он сумел сохранить заряженным один пистолет и выстрелил в атамана, не дойдя до него несколько шагов. Тяжёлая пуля ударила Разина в грудь и сшибла его с коня. Степанов, спеша завладеть богатой добычей, упал на него сверху и стал вязать ему руки, но верный Бумба пронзил рейтара своей калмыцкой пикой и тут же пал с разрубленной головой на залитую кровью землю.

Над телом поверженного атамана закипела кровавая сеча. Рейтары рвались уволочь его к себе, но казаки рубились за Разина с такой неистовой мощью, что скоро в полку Чубарова не осталось ни одного храбреца, кто бы посмел к ним приблизиться. Фрол кинулся к брату и прижался ухом у его груди.

— Жив! — радостно вскрикнул он.

Казаки подхватили атамана и понесли его на руках. Никто не посмел встать у них на пути.

Степан Тимофеевич был крепко ранен, но над полем сражения разгулялась другая, чёрная весть, что атаман погиб, и это известие так поразило казаков и мужиков, что они сразу почувствовали, как у них стали убывать силы. Нашли свою смерть Очерет, Однозуб и многие старые казаки. Но был жив Корень.

— Надо держать рейтар, пока атамана не унесут за реку! — крикнул он своим казакам, и его люди встали на пути рвавшихся к Свияге дворян. Кровавая сеча закипела с новой силой. Барятинский, успевший возрадоваться вести о гибели вора Стеньки, решил, что войску пора его видеть и поспешил к пехоте, которая не преследовала отступавшие мужицкие ватаги, чтобы её подбодрить своим грозным словом.

Степан Тимофеевич лежал на траве, и над ним склонился лекарь Нефёд.

— Поспешай, старый! — торопил его Фрол.

Нефёд завязал узел повязки, отрезал ножом концы.

— Берите его на руки, — сказал он казакам. — И с великим бережением несите в острог.

Тяжёлая плеть окольничего прогулялась по спинам стрельцов и дворянской пехоты, они взбодрились и кинулись в бой. Почувствовав поддержку, усилили натиск рейтары, и бунташное войско обратилось в бегство. Казаки успели на своих быстрых конях занять мосты и без потерь перешли на другой берег. Следом за ними кинулись мужики, на мостах началась давка. Бревновые плети под тяжестью людей стали тонуть и разрываться между собой, люди оказались в студёной воде и многие утонули. На оставшихся на левом берегу мужиков накинулись рейтары и истребили всех, кто там был, кроме тех, кто бросился в реку. Но немногие мужики смогли преодолеть Свиягу вплавь и добраться до правого берега.

Барятинский был не в силах преследовать разбитое бунташное войско: рейтары и пехота понесли тяжёлые потери, выбились из сил, людей нужно было накормить и дать им время на отдых, чтобы они окрепли и воспряли духом. Окольничий велел начальным людям дать ему сведения о потерях, и вскоре ему доложили, что убито и ранено более тысячи рейтар и пехоты, и государево войско убавилось почти на четверть своего личного состава.

Это известие повергло Барятинского в глубокое раздумье. Бывалый воевода колебался, как ему поступить: спешить на выручку осаждённым синбирянам или, огородившись обозом, стоять на месте и ждать князя Урусова с его войском. Эти сомнения разрешил внезапно донёсшийся до окольничего звон колоколов: Милославский опять подавал ему знак, чтобы он шёл освобождать крепость от осады.

В обозе про голодное войско не забыли, уже с утра для людей было готово толокно, в коробах лежали нарезанные ломти хлеба и связки вяленой рыбы. Всё это на телегах доставили в полки и приказы. Рейтары и стрельцы ждали, что князь пожалует всех победной чарой зелена-вина, но бочек на телегах не было, и людям пришлось есть всухомятку, а жаждующие могли смочить глотки свияжской водой.

Окольничий велел рейтарам кормить и обихаживать коней, а две сотни стрельцов повёл к реке на восстановление разорванных наплавных мостов. На другом берегу было пусто, воры бежали так резво, что даже забыли поставить против государева войска боевой заслон. Окольничий поторапливал людей и через пять часов из пойманных в воде брёвновых плетей был переброшен через реку широкий и прочный мост, по которому воевода тотчас перевёл в СвИяжское подгорье пехоту и все пушки. Это дело

заняло много времени, и рейтары начали переходить Свиягу, когда дневной свет стал меркнуть, а на склоне горы за речкой Синбиркой появились воровские ватаги.

Есаул Корень не забывал о своём атаманстве, но ему пришлось потратить много времени и сил, чтобы привести казаков в боевое состояние духа. Этому помогло известие, что Разин жив, и донские люди воспылали жаждой отмщения. Корню некогда было их пересчитывать по головам, на взгляд он определил, что казаков у него осталось не более тысячи, а мужиков было убито несчётно, но всё равно их оставалось в достатке, чтобы держать крепость в крепкой осаде.

Есаулу донесли, что Барятинский перешёл Свиягу с рейтарами и пехотой и идёт на Синбирскую гору. Корню стало понятно, что окольничий решил разметать осаду вокруг крепости, и он с казаками и тысячной ватагой мужиков собрался встретить его на берегу Синбирки.

Барятинский думал, что воры, по своей навычке, кинутся на него первыми, и велел, зарядив пушки свинцовым дробом, ждать приступа. Однако бунташное воинство не спешило идти на пули и копья, а князя пугало близкое наступление темноты, и он пустил вперёд пехоту. Подтащив пушки впотьмах к реке, стрельцы окатили разинцев свинцовым дробом и пулями, а затем стали переходить Синбирку вброд. Мужики ждали их на своём берегу, казаки выстрелили из пищалей, и началась отчаянная сеча.

Пехота сцепилась с мужиками намертво, бой шёл в воде и на берегу, и конца ему не предвиделось. Тогда Барятинский сам повёл полк Зыкова стороной от места схватки через речку. Рейтары в три скока преодолели Синбирку и, разрядив в замешкавшихся казаков пистолеты, взялись за сабли. Звуки боя достигли крепости, и Милославский велел открыть уже освобождённые от рогожных кулей ворота. Полковник Зотов повёл за собой пятьсот солдат и двести копейщиков своего полка.

Первыми появление солдат заметили казаки и бросились от них в сторону. Пехота усилила натиск, прорвалась на берег Синбирки, и мужики побежали от неё врассыпную. Бывалый Зотов остановил солдат и велел разжечь смольё, чтобы обозначить себя в темноте и избежать стычек с людьми Барятинского. Это помогло рейтарам и пехоте выйти на синбирян. Вскоре следом за ними явился и окольничий. В схватке с казаками ему не повезло: его сшибли с лошади, и сейчас замаранный грязью князь зло топорщил рыжую бороду.

— Я, кажется, поспел вовремя? — спросил полковник Зотов.

— Хорош, выручальщик! — заскрипел зубами окольничий. — Засел с князем Иваном в рубленом городе и весь день поглядывал, как я с ворами барахтаюсь!

— Надо поспешать, князь, — хладнокровно сказал полковник. — Ночь ворам не помеха, как бы они не переняли нас у крепостных ворот.

— Так что ты медлишь? — продолжал горячиться окольничий. — Я же не повис на тебе и не держу!

Сотню солдат полковник пустил вперёд, а с остальными прикрывал рейтар и пехоту сзади. Их продвижению разинцы не чинили препятствий, и вскоре люди Барятинского и солдаты были в крепости, где их, не скрывая радости, встретили истомлённые осадой синбиряне.

Воротник Федька Трофимов закрыл последний дубовый засов на воротах, и солдаты начали заставлять их рогожными кулями с мукой и солью. С приходом Барятинского осада не закончилась, сила мужицкого войска не истощилась людскими потерями: сразу же, вслед за Барятинским, в Синбирск явился атаман Мурза Кайко с десятью тысячами злых в сече мордовцев и чувашей.

— Я получил от великого атамана Степана Тимофеевича весть, что мои люди ему нужны для битвы с князем Барятинским, — объявил Мурза Кайко.

— Ты опоздал, атаман, — сказал есаул Корень. — Степан Тимофеевич ранен и лежит без памяти в острожной башне.

— Я уже слышал об этом, но не верил, что случилось такое горе. Проведи меня к нему, есаул, я должен его видеть. Мое войско будет знать, что великий атаман жив, это взбодрит людей на битву.

Разин лежал на лавке, у его изголовья горели две восковые свечи. Спешно найденный среди гулящих людей убеглый поп клал перед иконой Святой Живоначальной Троицы поясные поклоны и молился за здравие атамана. Мурза Кайко был язычником, но склонил перед святым образом голову, что-то пробормотал на своём языке и подошёл к Разину.

— Я явился по твоему слову, великий атаман! — отчётливо проинёс Мурза Кайко.

Степан Тимофеевич открыл глаза, приподнял голову и схватил мужицкого атамана за руку. К раненому поспешил лекарь Нефёд.

— Ступайте отсель, — сказал он Корню. — Его нельзя тревожить.

Выйдя из башни, Мурза Кайко удивил и обрадовал есаула своим предсказанием:

— Великий атаман будет жить! Он так крепко сдавил мою руку, что я чуть не

вскрикнул.

— Дай-то бы Бог! — Корень впервые за долгое время осенил себя крестным знамением. — Ты, Мурза Кайко, явился как раз вовремя. Как вооружены твои люди?

— По мордовским и чувашским местам объявили указ о запрещении ковать железо, но мы его не слышали. И каждый мой воин имеет копьё с железным наконечником и топор. Завтра я обложу своими людьми крепость, а вечером пойду на приступ.

В тёмный предутренний час из ворот острога вышли два десятка казаков. Четверо вели за собой в поводу навьюченных коней, остальные, сменяя друг друга, несли носилки, на которых, погружённый в беспамятство, возлежал Разин. Обходя сторожевые костры, они спустились в подгорье, к пристани, возле которой стоял готовый к отплытию струг. Казаки внесли на него и поставили на корме носилки, втащили тяжёлые вьюки, и есаул Корень поторопил кормщика:

— Отчаливай, Лучка! — сказал он, сходя со струга. — Прощай, Фрол! Жди меня с казаками на Дону.

Казаки вёслами оттолкнулись от пристани и стали выгребать по протоке на коренную Волгу, где над стругом взметнулся парус, и он устремился к Царицыну.

Разин заметался на носилках и заскрипел зубами. Лекарь Нефёд кинулся к нему и, удерживая, стал отирать со лба пот сухой тряпицей.

— Что, тяжело тебе, Степанушка? — участливо промолвил он. — Потерпи... Не может быть того, чтобы такой могутной казачище не одолел смерть.

Лекарь невольно угадал: атамана терзала не пулевая рана, а душевная мука. Он видел себя возлежащим на ковровых подушках в просторном и светлом шатре, где перед ним из воздуха вдруг соткалась прекрасная златовласая дева в полупрозрачном шёлковом одеянии. «Ты кто?» — с трудом ворочая пересохшим языком, спросил Разин. «Разве ты меня не знаешь? — улыбнулась дева. — Я получила от тебя столь богатый подарок, что не могла не явиться». Степан Тимофеевич потянулся к красавице, схватил её за руку, и его насквозь ожгло ледяным ознобом. «Стало быть, ты и есть моя смерть, — промолвил, окаменев лицом, атаман. — Вот ты какая...» — «Беда с вами, людьми, — нахмурилась дева. — Придумали, что я костлявая старуха, да ещё и с косой. А я всего лишь открываю человеку дверь в его новую лучшую жизнь. Но для тебя ещё не настал час переступить через мой порог». — «Так что ж меня ещё ждёт?» — встрепенулся Степан Тимофеевич. Дева взмахнула рукавом шёлкового одеяния, и перед Разиным явился резной столец, на котором, дымясь, стояла золотая чаша. «Испей, атаман, и всё тебе станет ведомо». Степан Тимофеевич обеими руками взял чашу и жадно приник к ней пересохшими губами. Сначала питьё приятно охладило его нутро, затем стало сладковато-тёплым и приобрело вкус крови. Разин, с трудом сдержав тошноту, заглянул в чашу и зажмурился. «Ужели ты ослаб духом, атаман? — промолвила дева. — Ты хотел знать свой последний час, так узри его!» Степан Тимофеевич с трудом разлепил очи, и его взору открылась огромная площадь, заполненная московским простонародьем, устремившим свои взгляды к большому помосту, на который всходил он сам, Разин. Сутулый и длиннорукий палач разорвал на нём рубаху и опрокинул навзничь. Сверкнуло лезвие топора, и скоро атаман был расчетвертован, а затем обезглавлен. «Мне Гориныч такую страшную смерть не сулил!» — встрепетал, опрокидываясь на ковровые подушки, Разин. «А что же тебе насулил Гориныч?» — вопросила дева. «Великую славу», — прошептал атаман. «Эх, Степан Тимофеевич! — воскликнула дева-смерть. — Не обманул тебя Гориныч, а уважил. С лобного места тебя узрит вся Великая Русь, и в народном мнении ты обретёшь такую великую славу, какой ни у кого не было и не будет!»

— 12 —

Милославский и Барятинский встретились близ воеводской избы и обнять друг друга не поспешили.

— Что же ты, князь Иван, не пустил на воров солдатский полк в полдень? — не сдержался и уколол воеводу окольничий. — Тогда бы ни один вор не перелез через Свиягу, куда я их опрокинул.

— Добро тебе, князь Юрий, воевать в чистом поле! — не задержался Милославский уязвить Барятинского. — Там бежать есть куда, а в крепости я заперт, как в волчьей яме, и только могу ждать, когда меня вызволят. Но теперь, слава Богу, ты в Синбирске, завтра мы оба два промыслим вора.

— Дай мне от своей победы одуматься, — сказал окольничий. — Надо разместить рейтар и пехоту и дать людям отдых.

— А я поджидал тебя, Юрий Никитич, сегодня и весь день мыленку держал горячей, — Милославский посмотрел на грязную одежду князя. — Изволь хозяину не прекословить и прими моё приглашение. Устройством твоих людей я займусь сам с

полковниками.

Воевода нашёл Зыкова и Зотова, с их помощью утеснил своих солдат и стрельцов и опростал одну воинскую избу, куда поместил триста рейтар со всеми начальными людьми. Остальным рейтарам и пехотинцам нашлось место в шести крепостных башнях, где они разместились тесно, почти друг на друге, но всё же под крышей. Непросто было устроить рейтарских коней, их, по совету Зыкова, воевода до утра оставил там, где их привязали хозяева. Для помещения князя Барятинского была определена половина приказной избы, на другую половину ушли дьяк Ермолаев с подьячими и сундуками для бумаг.

— Окольничий, пожалуй, напарился и помылся, — сказал воевода. — Ступай и ты туда, Зыков, пока мыленка не выстыла.

Барятинского, которого он позвал угоститься, Милославский встретил на пороге своей избы. Окольничий переоделся во всё чистое и красное: верх собольей шапки, рубаха, штаны, сапоги и кафтан были красного цвета, различались лишь оттенки. Пар и горячая вода не усмирили ярко-рыжую бороду князя, и она задорно топорщилась. Наконец и глаза у него оказались красными, с рыжими бровями и ресницами.

— Явился ты, Юрий Никитич, и от тебя в горнице стало светлее.

Окольничий принял слова воеводы за лесть и важно прошёл на гостевое место. Настя поставила на стол блюдо с закусками и, прикусив губу, чтобы не прыснуть смехом, ушла в спаленку.

— Обеднел я, сидючи в осаде, — сказал Милославский. — Так что не прогневайся, князь, за хилый стол.

— Будет тебе, Иван Богданович, себя хаять, — окольничий глянул на стоявшие на столе кувшины. — Не худо бы после мыльни кваску испить.

— Не обижай меня, Юрий Никитич, — улыбнулся воевода. — Я обеднел, но не обнищал. Что тебе больше по нраву: зелено-вино или романея?

— Я не великий питух. Но после мыленки, если нет кваса, предпочту чару зелена-вина.

Закусывали солёными огурчиками и грибами. Милославский потянулся к пирогу, но его остановил явственно донёсшийся многотысячный вопль толпы.

— Петька! — крикнул воевода. — А ну, скоренько сведай, что там стряслось!

— Это мужики возвопили, — сказал Барятинский. — Знать, не к добру, — Милославский, чтобы не были чары пусты, взялся за кувшин, но окольничий решительно отказался. — Благодарствую, Иван Богданович, я больше не буду.

В дверь горницы просунулся денщик, глаза его возбуждённо посверкивали.

— Воры запрудили всё место перед острогом и вопят: «Атаман жив!»

— Ступай! — замахал на Петьку рукой воевода и повернулся к окольничему. — Не добил-таки ты, Юрий Никитич, вора, а жаль.

— Недолго ему осталось трепыхаться! — уверенно произнёс Барятинский. — Скоро явится с войском князь Урусов, и не быть вору живым!

Настя поджидала своего князюшку, разбирая и расчёсывая волосы костяным гребнем. Одно плечо у неё было оголено, и Милославский, войдя на цыпочках в спаленку, впился в него поцелуем.

— Ойюшки! — игриво воскликнула девка-душегрейка. — Ты, князюшка, меня напужал! А как твой гость, остался доволен? Я как увидела его, так чуть не рассмеялась.

— Стало быть, он тебе не показался? — самодовольно спросил Милославский.

— Перед тобой, князюшка, он просто рыжий ёжик, — пролепетала Настя, приникая к воеводе своими мягкостями. — У меня к тебе, милостивец, есть крохотная просьбишка.

— Ну, и чего же ты хочешь, забавница?

— Твёрдышевская мамка, Потаповна, просит за приказчика Максимку, которого ты в тюрьме запер.

— Годи! — воевода отстранился от Насти, задумался и вспомнил молодого парня, которого он вместе с пойманным вором отдавал на расспрос губному старосте Пантелееву и палачу Борьке Харину. Отпускать парня живым было воеводе опасно, тот мог, при случае, рассказать о делах, за которые Милославского на Москве могли взять к ответу. — Дался старой дуре Потаповне этот приказчик, — лениво промолвил он. — На Максимке висит государево дело, и я его не отдам.

Настя хотела захныкать и разжалобить князя, но, взглянув на его хмурое лицо, задула свечу и повернулась к нему спиной.

Осаждённый Синбирск отходил ко сну. В смрадной воинской избе и в продуваемых холодным ветром с Волги крепостных башнях рейтары и стрельцы, утомлённые многочасовым сражением, погрузились в тёмное беспамятство, которое иногда озарялось видениями минувшей битвы, и ратники, скрипя зубами и вскрикивая, продолжали воевать во сне. Вокруг града горели сотни костров, и между ними на сосновых

ветках, завернувшись в свои одежонки и тесно притиснувшись друг к другу, спали сорвавшиеся с крепостной помещичьей привязи мужики. Они не ведали, какую злую участь сулит им завтрашний день.

В подклети твёрдышевской избы бодрствовал Савва, он сидел за стольцом и вписывал в свою синбирскую летопись события минувшего дня. Нелёгкие думы и осадная жизнь добавили седины в его волосах, он исхудал, и его стали одолевать приступы кашля.

В каморку тихо вошла Потаповна и поставила перед ним на столец большую чару медового взвара.

— Козье молоко тебе надо пить, батька, и каждый день есть парное мясо с гречкой, тогда и оздоровеешь. Но где сейчас найти козу! На весь Синбирск один козёл, да и тот воевода.

— Нет ли доброй вести от его полюбовницы? — спросил Савва.

— За те золотые серёжки, что я ей отдала, можно добрую корову купить, а Настя — девка крученная и верченная и знает, что я ей не спущу обман, подстерегу и обварю кипятком до смерти.

— Без денег воевода не отдаст парня, — рассудительно промолвил Савва.

— А где их взять? Степан Ерофеевич сгинул безвестно, хозяина в доме нет, а у меня осталась щепотка полушек.

— Рубли найдутся, — сказал Савва. — Парня надо выручать, а то сгниёт заживо в тюремной яме.

— Ты сам тогда ступай, Саввушка, к Насте, и всё у неё вызнай. Но деньги вперёд не давай ни воеводе, ни его полюбовнице.

Ключница, тяжко вздыхая, удалилась, а Савва вышел из подклети внутрь двора и поднял голову. Заполночь небо над Синбирском очистилось, и крупно возвездило. Белая полоса Батыевой дороги, помаргивая мириадами мелких звёздочек, протянулась с востока на запад, а по сторонам от неё небо было выткано таинственными и бередящими разум звёздными узорами. Над градом, прочертив темноту, пролетала, затухая, белая искра. Савва проводил её взглядом и перекрестился: ещё одна христианская душа нашла успокоение в горних пределах.

В сыром и затхлом подвале тюрьмы Максим проснулся оттого, что лежавший с ним рядом Федот захрипел и, разметав руки, ударил его по плечу. Парень повернулся к товарищу и коснулся его лица. Оно было мокрым и горячим.

— Что, дурно тебе, Федот?

— Дай воды... — Максим ползком добрался до бочки, набрал в кружку воды и вернулся. — Отхожу я, брат — сказал, утолив жажду, Федот и скрипнул зубами. — Не к Стеньке мне надо было приставать, а уйти в немецкие края. Меня от московских порядков давно стошнило, так нет, ещё и уверовал, как дурак, что Разин даст людям волю. А её никогда на Руси не было и не будет.

— Стало быть, у немцев она есть?

— Ничего ты не понял, Максимка: для меня была воля — не жить на Москве. Была, да вся вышла, запнулся о Стеньку и пропал.

Федот обеспамятел и стал бредить. К рассвету он затих. Через недолгое время над головами узников послышались тяжёлые шаги. Это проснулся палач Борька Харин и заходил своими косолапыми ножищами по полу пыточной избы. Вскоре дверь в тюрьму приоткрылась, и в неё просунулась опухшая харя палача.

— Что, сволочи, все живы?

— Федот отошёл, — загомонили тюремные люди.

— Подволоките его сюда! — велел палач.

Максим взял истощавшее тело Федота и подал Борьке.

— Боренька! Милостивец! — заплакались тюремные люди. — Не закрывай совсем дверь! Оставь нам продух!

— Вонять надо поменьше! — рявкнул палач и захлопнул творило.

Тело Федота он сунул в рогожный куль, закинул его на плечо и скорым шагом поспешил к яме, в которой скопом хоронили всех убитых и умерших. Обыватели шарахались от палача с его страшной ношей, мимо воинских людей Борька прошмыгивал боком, солдаты и стрельцы частенько тузили палача ради общей забавы. Яма была заполнена покойниками почти наполовину. Борька швырнул с плеча куль вниз, плюнул на него вслед и вернулся к тюрьме.

Возле пыточной избы его поджидали Савва и Макрида, к которой Настя живо перепроводила монаха по его щекотливому делу. Знахарка недавно свела с рожи палача гнилые лишаи и была у него в большом уважении.

— Я к тебе, Бориска, пошептаться по важному делу.

— А это кто с тобой? — спросил палач, окидывая Савву тусклым оловянным взглядом.

— По его делу и разговор будет. Отпирай свою избу, а то люди оборачиваются, — знахарка первой ступила в пыточную, огляделась по сторонам и промолвила: — Худо ты бытуешь, Бориска. Пора тебе свою избу иметь на посаде.

— У меня даже малых зажитков нет, — недовольно пробурчал палач. — Жалование всего два рубля с полтиной на год. С воров тоже больших прибытков нет, все они пьянь да голь. Изба больших денег стоит, да и на что она мне?

— Как на что? — всплеснула руками знахарка. — Пора тебе жениться, Бориска. Не приведёшь же ты невесту в пыточную избу жить под дыбой на крыше тюремной ямы.

— Жениться мне было бы в самый раз, — вздохнул палач. — Да кто за меня пойдёт? Все люди меня чураются, как зачумлённого.

— А вот и неправда! — живо воскликнула Макрида. — Есть одна, кому ты по нраву. Сразу скажу, что она чуть-чуть была замужем, но всем хороша: телом в твой обхват, щёки как яблоки налитые, глазки маленькие, а щебечет — ну, чисто птаха залётная!

— Я бы не против, — сказал Борька. — Но ты же говоришь, изба нужна.

— А вот по сему делу послушай этого человека и всё сделай, как он велит, — сказала Макрида.

Савве было в новинку вести торг за человеческую жизнь, он всегда просил облегчить людскую участь у Бога, здесь нужно было её вымаливать у палача. Борька утомился ждать, пока он вымолвит слово и раздражённо крякнул. «Как мне величать этого выродка?» — спохватился Савва.

— Что за дело ко мне? — вопросил Борька.

— У тебя парень в узилище томится, Максим, твёрдышевский приказчик.

— За него просишь? — спросил Борька и глянул на знахарку. Макрида ободряюще закивала.

— Отдай мне парня, я тебе за него пожалую пять рублей.

Палач закусил нижнюю губу и задумался. Деньги большие, но и продавать узника ему было впервой, и он колебался.

— Как я тебе его отдам? За него с меня губной староста спросит. Что я скажу?

Савва устремил беспомощный взор на Макриду.

— Экий ты, Бориска, недотёпа! — желчно вымолвила знахарка. — У тебя в тюрьме люди мрут?

— Бывает.

— И куда ты их деваешь?

— Как куда? Заверну в рогожу да в яму кину.

— Вот и сотвори с Максимкой то же самое, — сказала Макрида. — Как завечереет, отволоки его к яме и там оставь. Забудь страх, сейчас начальным людям не до тюрьмы.

Борька покряхтел и решительно протянул ручищу к Савве:

— Давай деньги!

— Получишь у ямы, когда я увижу Максима живым.

— Ладно! — палач навис над Саввой. — Вздумаешь вилять, так я из тебя мигом душу выну!

Весь день Савва протомился ожиданием, а когда стало смеркаться, поспешил к яме. Скоро явился Борька с кулем на плече.

— Давай деньги! — потребовал он.

— Ты поначалу развяжи куль, а я гляну, жив ли парень.

— Ещё как жив! — Борька положил куль на землю и снял завязку. — Не хотел своего спасения, пришлось его усмирить. Давай деньги!

Савва помог Максиму выпростаться из куля, затем вынул завязанные в тряпицу деньги и отдал палачу.

— Пойдём поскорее от смрадного места, Максимушка. Потаповна пирогов напекла и, поди, нас с крыльца выглядывает.

Набатные и другие колокола на башнях крепости ударили сполох. Ратные люди с оружием в руках выбегали из воинских изб и спешили на прясла. На Борьку Харина, который, зажав в кулаке деньги, торопился к знахарке, никто не смотрел.

— Ты что заявился? — недовольно спросила, открыв дверь, Макрида. — Я тебя в гости не звала.

Борька разжал кулак и показал ей деньги.

— Пять рублей у меня есть, — ухмыльнулся палач. — Стало быть, время показать мне невесту.

В этот миг в башнях загрохотали пушки, и началась частая пищальная пальба.

— Какая тебе сейчас невеста! — разозлилась Макрида. — Не чуешь, дурень, что вокруг деется? Беги к себе в тюрьму и запрячь рубли до лучшего времени!

Борька постоял, полупал зенками на закрытую дверь и побрёл в тюрьму, где его ожидала пыточная работа.

– 13 –

Милославский и Барятинский по сполоху прибежали к Казанским воротам, к которым уже вплотную мужики насыпали вал. С этой стороны крепости угрожала наибольшая опасность.

— Воры лезут со всех сторон, и я пехоту послал на прясла, а Зыкову велел держать рейтар в засаде и, буде нужда, подпереть солдат и стрельцов, если они дрогнут. Что скажешь, Иван Богданович?

— Это ты здраво умыслил, князь, — Милославский успокоил сбившееся в беге дыхание. — Однако нам надо промыслить доброго языка, чтобы выведать у него всю правду о воре. Вчера близ острога вопили, что Стенька жив, а может, он к сему часу подох?

— Это было бы нам на руку, — согласился окольничий. — Если на нас свалится такая радость, то, отбив приступ, мы откроем ворота и ударим на них всем войском.

Воеводы поднялись на верхний ярус башни, и перед ними открылась крепость, со всеми окутанными пороховым дымом прясламі и часть предполья, на котором шевелились огромные толпы мужиков, издали похожие на муравьиные скопища. Они упрямо лезли на прясла, но больше всего их было на валу, вокруг Казанской башни. Бой шёл прямо под ногами Милославского и Барятинского, к которым, по их вызову, явился полковник Зотов.

— Глеб Иванович! — перекрывая немилосердный шум схватки, крикнул Милославский. — Добудь мне языка, но чтобы это был казак. Обещай людям, что добытчика я пожалую рублём!

Первый приступ бунташного войска был отбит с великим для него уроном. Но мужики и не подумали отступать. В нахлынувших на Синбирск потёмках они готовились к новому, ещё более отчаянному натиску. Мурза Кайко и Корень не зря помедлили до вечера и решились на ночной бой: сначала вспыхнуло несколько огней, потом они начали шириться в стороны, и вскоре Синбирск оказался в кольце быстро сжимающегося вокруг крепости зарева. Не менее десяти тысяч мужиков, издавая нечеловеческие вопли и держа в руках пылающее смольё, кинулись на прясла с небывалым доселе остервенением.

Загрохотали пушки во всех шести башнях крепости, ударили затинные, установленные наверху прясел пищали, солдаты и стрельцы открыли стрельбу из своего оружия, но это не остановило бунташных людей. Подбежав к крепости, они швыряли горящее смольё в город и по многочисленным лестницам упрямо карабкались на прясла. Солдаты рубили их саблями, кололи копьями, стрельцы, отпалив из пищалей, пустили в ход бердыши, но кое-где им пришлось отступить в башни. Барятинский срочно послал находившегося близ него полковника Зыкова к рейтарам, и те пистолетным боем и саблями посбрасывали мужиков вниз.

На Казанской стороне, где остался пребывать Милославский, бой был ещё более упорен и жесток: здесь на приступ пошли все казаки, что были у Корня, но на сей раз солдаты за пряслом отсиживаться не стали, встретили их на валу, и началась жёсткая сеча. Никто не хотел уступать ни пяди вала, долго было неясным, чья сила возьмёт верх, и полковник Зотов послал в пекло имевшиеся у него под рукой две сотни копейщиков. Их удар тесно сомкнутым строем был страшен и неотразим: половина казаков остались бездыханными на валу, живые бежали, а двоих донцов схватили и приволокли к Милославскому.

— Ты у них память не отшиб? — спросил воевода доставившего к нему языков верзилу сержанта.

— Должны быть в памяти: моргают и дышат.

— Я велел, Глеб Иванович, взять одного языка, а приволокли двух, — усмехнулся Милославский. — Что же мне теперь вместо обещанного рубля давать два?

— Это как твоей милости будет угодно, — сказал полковник. — Семи гривенников за каждого будет достаточно.

Милославский был в радости и не поскупился: дал сержанту полтора рубля, а языков велел доставить к Борьке Харину в тюрьму, где для беседы с ними имелись пыточные снасти.

Палач встретил воровских казаков с превеликим удовольствием. Их появление сулило ему верный прибыток, и он кинулся разжигать огонь в очаге, чтобы поскорее приступить к делу. Милославский подзадержался и всё выглядывал Барятинского, надеясь переложить розыск на него, но князь запропал надолго. На валу вновь закипела сеча, казаков сменили мужики, которые с оглушительным ором полезли на прясла, швыряя в город горящее смольё. Милославский огляделся по сторонам: в крепости заполыхали пожары, но на загоревшиеся избы тотчас набрасывались вооружённые

топорами и крючьями люди и скоро раскатывали их на брёвна, которые засыпали землёй и заливали водой.

В очаге уже скопились раскалённые угли, когда в пыточную избу вошёл Милославский. Он оглядел воровских казаков и в одного ткнул пальцем:

— Этого взять на пытку первым!

Борька вытряхнул казака из кафтана и штанов и, подвесив над жаром, взял короткий тяжёлый кнут и вопрошающе поглядел на воеводу. Милославский показал Борьке три пальца. Палач, отступив на шаг, трижды ударил казака по голой спине. Из рубленых ран обильно пролилась кровь и зашипела на углях.

— Говори, вор, жив ли Разин, а если не сдох, то как ранен? — спросил Милославский и указал Борьке на раскаленные угли. Тот опустил казака ступнями на огонь. Казак взвыл, а его товарищ крикнул:

— Не молчи, Гришка! Атаман прошлой ночью пометался со своими ближними в струг и убёг на Низ, а ты за что муку терпишь?

Милославский велел поднять казака из огня и сказал:

— Стало быть, Разин плюнул на воровское братство и убёг?

— Врёт Алексашка! — прохрипел казак. — Степан Тимофеевич от раны обеспамятел, а то бы он от Синбирска не ушёл.

— Вот оно что! — радостно произнёс Милославский. — Значит, многие казаки поглядывают вору вслед и, при случае, готовы бежать за ним вдогон?

— Так и есть, — подтвердил догадку воеводы Алексашка. — Не стало среди казаков согласия.

Милославский проведенным розыском был крепко доволен и поспешил отыскать окольничего, чтобы объявить о важной новости.

— Раскол среди воровских казаков нам на руку, — сказал Барятинский. — Надо освобождать проездные ворота и ударить по бунташному войску всеми нашими силами.

— Не промахнуться бы, князь, — колебался Милославский.

— Последний приступ воров был недружен, у них нет прежней охоты лезть на прясла. Вот увидишь, они побегут!

— Добро бы так, а вдруг воры охрабреют? Что тогда? — продолжал сомневаться Милославский, без возражений глядя на то, как окольничий подозвал Зыкова и велел ему опростать Крымские ворота от кулей с мукой и солью.

В этот час полковник Чубаров, стоящий за Свиягой со своим полком и обозом, приблизился к реке и велел бить в тулумбасы, а рейтарам проходить с большим шумом возле наплавного моста. В притихшем после очередного приступа Синбирске и вокруг него эти звуки были явственно слышны, но восприняты по-разному: государевыми людьми — с надеждой, а бунташными людьми — с трепетом и страхом. Они враз все уверовали, что к Синбирску явился на выручку казанский воевода князь Урусов, и этого было достаточно для начала великого смятения. Повод к нему подали казаки, они бросились бежать в подгорье к стругам. За ними побежали и мужики, но не все: Мурза Кайко удержал под своим началом большую часть верных ему мордовцев и чувашей и стал уходить от Синбирска по черте на Тагай.

В крепости Милославский и Барятинский спешно начали строить своих воинских людей для прорыва осады. Рейтары и две роты солдат под начальством полковника Зыкова и капитана Мигунова встали возле Крымских ворот, московские стрельцы, солдаты и пехота окольничего подступили к Казанским воротам, над ними начальствовал Зотов. Когда все были готовы, люди солдатского полковника по мостам перекинулись на земляной вал и обрушилась на бунташное войско, рейтары Зыкова устремились в открытые ворота, а Мигунов напал на острог, где его солдаты вырезали всех живых и раненых. Вскоре запылала острожная башня, загорелись избы, амбары и прясла.

Полковник Зотов разогнал всех бунташных людей на Казанской стороне, оставил пехоту Барятинского добивать раненых, а сам с тремя приказами московских стрельцов поспешил в подгорье вслед за рейтарами Зыкова. Трёхтысячная толпа людей, сбившаяся возле пристани, видела свою накатывающуюся на них с Синбирской горы смерть, и её обуял ужас. Стругов было немного, и за них началась смертельная схватка. Казаки убивали друг друга, чтобы захватить место, бросившихся вслед за стругом людей успевшие в них залезть счастливцы рубили саблями и топили. И лишь две сотни оставшихся верных Корню казаков вслед за есаулом бросились на конях в Волгу, чтобы испытать напоследок свою судьбу.

Рейтары Зыкова врубились в толпу, и началось беспощадное избиение обезумевших от страха людей. Сопротивляющихся не было, земля стала мокрой от крови, которая ручьями стекала в Волгу. Однако запертых возле пристани мужиков было так много, что немалая их часть смогла прорваться сквозь рейтар, где их встретили московские стрельцы и погнали обратно. Государевых воинских людей обуяло небывалое

ожесточение: рейтары-дворяне мстили бунтовщикам за разорение усадеб и убийства барских семейств, московские стрельцы — за ужасы испытанной ими синбирской осады и смерть товарищей.

Последними явились в подгорье Милославский и рота капитана Мигунова. Солдаты пришли не с пустыми руками, они принесли топоры и стали строить рели и заострять колья для казней. Оставшихся в живых бунтовщиков стрельцы сбили в кучу и подпёрли бердышами.

Казни начались с восходом солнца, которое, словно палач в кумачёвой рубахе, взошло над Заволжьем, с четвертования полутора сотен казаков. В жаждущих насытиться видом людских страданий и крови недостатка не было, рейтары становились друг за другом в очередь, чтобы получить возможность собственноручно исполнить злодейскую работу. Скоро на берегу выросла гора из человеческих голов, рук, ног и тел, а воложка стала красной от крови.

Многие синбирские обыватели, настрадавшись в осаде, жаждали увидеть казни вблизи, но поопасались идти в подгорье, чтобы не попасть под руку пьяных от крови рейтар и пехоты. Они забрались на волжское прясло и глядели с него на смерть своих ненавистников. Издали совершаемые государевыми людьми злодейства казались им нестрашными, обыватели были весело возбуждены, а иные похохатывали, когда вздёрнутые на вески люди стали дёргаться, как петрушки в руках скомороха.

Савва и Максим видели всё, что происходит в подгорье с земляного вала, который был весь от верха и до края волжского берега покрыт убитыми и растерзанными людьми, а смех обывателей на пряслах поверг их души в смятение.

— Пойдём отсюда! — Савва потянул парня за руку. — Кончилось наше синбирское время.

— Ты знаешь, куда идти?

— Куда, как не в монастырь? Меня братия примет, а ты будешь в кузнице о наковальню постукивать. Найдём невидную обитель и станем там свои и людские грехи замаливать, — пройдя несколько шагов, Савва остановился возле обращённого огнём в раскалённые угли брёвна. — Пока не ушёл, надо завершить своё дело.

Он достал из-за пазухи летопись синбирской осады и, горько вздохнув, бросил её на угли. Упав, книга раскрылась, ветер растормошил страницы, и пламя стало жадно пожирать сухую бумагу.

— Зачем ты так! — воскликнул Максим. — Твой «Хронограф» — великая память людям!

Сгорая, бумажные листы шевелились, как живые, ветер подхватывал пепел, рассеивал его вокруг, и человеческие слова становились прахом.

— Разве голая правда нужна людям? — горько вымолвил Савва. — Народ примет лишь такую правду и память, которые ему по сердцу, чтобы можно было над ними несбыточно помечтать и безутешно прослезиться. А моя книга неугодна ни барам, ни народу.

Сергей КИРИЛЛОВ

УЙДОМА

Повествование

(Журнальный вариант)

Книга третья[1]

ГРОЗА

Часть первая

Глава третья

– 1 –

Около полуночи резко зазвонил телефон, и схвативший трубку телефонист почти сразу же повернулся к своему командиру:

«Товарищ лейтенант, вас округ!»

Мишка Питухин подскочил к столу, взял трубку и чётко представился.

«Соедините меня с командующим армией!» — прозвучало в трубке.

Мишка быстро выполнил необходимые переключения и стал вызывать командарма. Тот, на удивление, отозвался очень быстро, и Питухин, завершив соединение, доложил в вышестоящий штаб:

«Командарм на проводе!»

«Доложите обстановку!» — прозвучал в трубке голос командующего округом.

«Обстановка спокойная, товарищ командующий. Никаких происшествий не случилось, войска отдыхают».

«Как на границе?»

«Никаких изменений нет».

Несколько мгновений в трубке стояла тишина. Слышалось лишь лёгкое потрескивание и столь же еле слышимый шорох.

«Твой сосед слева докладывает, — ожила трубка, — что к ним из-за Буга перебрался перебежчик и сообщил, что германские войска готовят нападение на нас. Что ты на это скажешь?»

«Ну, это-то мы и так знаем, — усмехнулся командарм. — Достаточно взглянуть на концентрацию немецких войск вдоль наших западных границ, о которых постоянно докладывает наша разведка, чтоб всё понять и без перебежчика».

«Я не об этом, — уточнил командующий. — Перебежчик утверждает, что нападение начнётся сегодня ночью. Он называет даже время — три часа. Что ты на это скажешь, Константин Дмитриевич?»

«А не провокация ли это, Дмитрий Григорьевич? — ответил командарм. — Не для того ли послан немцами этот перебежчик, чтобы переполошить нас, посеять панику, толкнуть на какие-то действия?»

«Вот и я этого опасаюсь, — отозвался командующий. — Поднимем тут шум из-за пустяка, а после крайними останемся».

---

[1] Книги первая и вторая «Уйдомы» опубликованы в №№9-11 «Невского проспекта».

«Я считаю, что нам ничего менять не надо, — продолжил свою мысль командарм. — Нам надо действовать по плану. Москва этот план утвердила, и мы должны его исполнять».

«Хорошо! — согласился командующий. — Так и будем действовать. О любом изменении обстановки докладывай немедленно!»

В трубке щёлкнуло, и голос командующего смолк. Разъединение со штабом округа произошло, но командарм был ещё на связи.

«Всё слышал?» — спросил он у Питухина.

«Так точно, товарищ генерал!»

«О малейших происшествиях докладывать мне немедленно! Даже о потере связи с каким-нибудь полком или батальоном, не говоря уж о большем. Действовать строго по инструкции: документы вышестоящих штабов передавать только в зашифрованном виде! Вам ясно, товарищ лейтенант?»

«Так точно!»

Всю ночь после этого Мишка прожил с думками о доме. Ближе к рассвету раздался сигнал аппарата спецсвязи. Мишка немедленно связался с командармом и доложил:

«Товарищ генерал, директива Генштаба!»

«Еду!»

Через несколько минут командующий армией был уже на месте. Он сразу шагнул к аппарату спецсвязи и стал считывать сообщение с ленты, быстро пропуская её между пальцев.

«Связь с командирами корпусов!»

«Слушаюсь!» — Мишка бросился выполнять приказание. В этот момент зазвонил телефон, и голос на другом конце провода потребовал:

«Срочно соедините меня с командующим армией!»

«Товарищ генерал! — вскочил с места боец с трубкой в протянутой руке. — Вас!»

«На связи!» — взял трубку командарм.

«Товарищ командующий! Докладывает командир 9-й смешанной авиадивизии генерал-майор Черных. Передовые посты наружного наблюдения сообщают, что линию государственной границы пересекла большая группа самолётов! Судя по звуку, приближается вторая...»

«Что за самолёты? — перебил доклад командарм. — Докладывайте яснее!»

«Принадлежность самолётов установить не удаётся — опознавательных знаков не видно. Но есть предположение, что это — германские самолёты».

«Поднять дежурные смены истребителей! Но огня не открывать! Самолёты не сбивать! Выяснить их принадлежность и принудить к посадке, — командарм передал трубку телефонисту: — Округ! Командующего Павлова лично! Срочно! — похоже было, что в эту тревожную ночь никто не ложился спать и все были на своих местах, потому что соединение с командующим округом произошло почти мгновенно. — Товарищ генерал армии! — вытянувшись, заговорил командарм. — Докладывает командующий 10-й армии генерал-майор Голубев. От командира 9-й смешанной авиадивизии получено сообщение о нарушении государственной границы на участке моей армии большой группой самолётов неустановленной пока принадлежности. Согласно доклада, на подходе ещё одна группа. Обе идут на большой высоте. Направление движения — на восток».

«Директиву Генштаба получил?» — сухо спросил командующий.

«Так точно, товарищ генерал армии! Только что ознакомился».

«Выполняй!»

Командарм оцепенел. Он, конечно, был до предела взволнован, он, конечно, знал, что приказы вышестоящих штабов и командиров необходимо исполнять точно и без разговоров, но даже будучи генералом, командующим целой армией, он оставался прежде всего человеком и ждал сейчас хоть каких-то пояснений от своего непосредственного начальника. Ведь это же ненормально, если большая группа чужих самолётов залетает на территорию государства. Ладно, если один или два самолёта, их считали заблудившимися, а тут группа. На большой высоте. И уже не одна группа. «Это же ненормально, товарищ командующий! — хотелось закричать в телефон командарму. — Надо же принимать какие-то меры! У тебя же гораздо больше власти! Ты же гораздо ближе к Москве. Больше знаешь! Что делать?!» И вместо ответа на все вопросы, бурлящие в голове, короткий отзыв: «Выполняйте приказ!»

Не знал генерал Голубев, что его прямой начальник генерал армии Павлов, командующий одним из самых мощных в военном отношении округов, был скован в принятии решений по рукам и ногам той же самой директивой наркома. Более того: он был скован личным приказом наркома, отданным ему по телефону при докладе о нарушении границы.

«Имейте в виду, товарищ Павлов, — подчёркивал нарком, — без прямых указаний

меня лично или начальника Генштаба генерала Жукова никаких мер не принимать! Самолёты не сбивать! Огня не открывать! Через два часа мы собираемся у товарища Сталина и будем обсуждать ваши сообщения. Ждите».

И всё! И разговор закончен! И что делать?

– 2 –

А в это самое время на другом конце провода, положив трубку на аппарат после одного тревожного доклада от границы, командующий округом генерал армии Павлов тут же был вынужден взять её снова, чтобы услышать такие же тревожные сообщения и с других участков границы. О пролёте большой группы самолётов докладывал и командующий третьей армией генерал-майор Кузнецов с северного фланга войск округа, и командарм четвёртой генерал-майор Коробов из района Брест-Литовска, и оба они, заканчивая доклад, ждали указаний от него — хозяина всех военных на огромной территории Белоруссии. И вместо них: «Огня не открывать! Самолёты не сбивать! На провокации не поддаваться — это приказ Москвы!»

Что за чёрт? Для чего ж тогда они все выдвинулись к самым границам острым углом Белостокского выступа? Не для того ли, чтобы эти границы оборонять? Ведь в директиве наркома, доводившей задачу округа до всех её исполнителей прямо говорилось: «Оборонять госграницу от внезапного вторжения вооружённых сил противника на территорию СССР. Прорвавшиеся через госграницу части противника окружить и уничтожить!»

И ведь силища какая в округе! В одном только 6-м мехкорпусе 10-й армии более 1100 танков. При этом Т-34 и «КВ» 400 с лишним. А у них же пушки такие, что любой немецкий танк прошибут, как картонную коробку, с дистанции в 1000 метров. Про «КВ-2» и вообще говорить нечего: шестидюймовое орудие, изрыгающее снаряды в 43 килограмма весом каждый, можно встретить только на кораблях, да и то не на всех. При этом сами они неуязвимы против огня любой противотанковой артиллерии противника и уж тем более огня их танков даже с дистанции в 500 метров. А ведь есть ещё и 13-й мехкорпус. И пусть в нём танков втрое меньше, чем в 6-м, но ведь всё равно же три дивизии. И всё это на самом острие Белостокского выступа. На расстоянии одного броска от границы. Это же сверхмощный бронированный кулак, перед которым ничего не устоит.

А самолёты? Одних только новейших МиГов в 41-м истребительном полку смешанной авиадивизии 100 штук. И они в 12 километрах от границы. А что это такое — 12 километров для истребителя? Да они же набор высоты завершат над сопредельной территорией, если будут взлетать направлением «на запад». А в трёх других полках МиГов ещё почти 200 штук. Да «ишачков» во всех полках за сотню перевалит. И всего более 400 штук. И всё это не далее 20 километров от границы. Да если всю такую силищу поднять одновременно в воздух, они ж и небо закроют. И это только одна 10-я армия. С ней только 9-я в Киевском особом может по мощности сравниться. И та тоже на острие выступа, только Львовского. У самых границ с Румынией. Но ведь и справа, и слева от 10-й ещё две, пусть и поменьше силой. И ведь ещё же и 13-я во втором эшелоне. И все на 80-90 процентов отмобилизованные. У всех срок готовности к выступлению в поход передовых частей не более 6 часов. А эти передовые части — 4/5 от наличного состава. Да кто ж это посмеет на такую силищу-то посягнуть? Даже сумасшедший поумнеет в одночасье, коль ему всё это показать. Поумнеет и не рыпнется. А ведь в германской армии командуют не сумасшедшие. Выходит, права Москва? Выходит, лезут немцы на рожон, чтоб только нас спровоцировать, а уж потом в ответ напасть. Как вроде для защиты. Вот, мол, смотрите, люди добрые, что-де Сталин вытворяет! Договор нарушил, нападение устроил! И уж во всех грехах смертных Советский Союз обвинить.

«Но, чёрт возьми, и чем им нападать-то? У них же танки против наших «тридцатьчетвёрок», а тем более «КВ», не более чем фанерные коробки. И числом они намного меньше. Ведь прозвучало в докладе Ворошилова, что «за 9 лет, прошедших перед подписанием пакта о ненападении с Германией, количество танков в Красной Армии увеличилось на 4200 процентов». Нелепая вроде бы цифра, но нарком её расшифровал, добавив к сказанному: «Это в 43 раза больше, чем было». И газета «Правда» эти слова наркома опубликовала на первой полосе в номере от 2 сентября 1939 года. Значит, это чистая правда. А самолёты? Ведь наши истребители самолётам ихним и пикнуть не дадут! Ведь такая масса в одной только 10-й армии! И вся рядышком с границами...»

Резко зазвонил телефон. Павлов схватил трубку и почти тотчас услышал в ней срывающийся голос командарма Голубева:

«Товарищ командующий! Немцы бомбят наши аэродромы!»

«Какие аэродромы?» — вырвалось у Павлова.

«Все! Все аэродромы базирования 9-й авиадивизии подверглись массированной бомбардировке. Самолёты горят. Командиры докладывают о потерях в лётном составе. Что делать?»

Господи! А и правда: что теперь делать? «Ввести в действие план прикрытия», — ключевая фраза, которая позволяла вскрыть «красный пакет» с перечнем детально разработанных мероприятий на этот случай, если она произнесена лично наркомом или начальником Генерального штаба Жуковым, — так и не прозвучала ни по одному каналу связи, а обстановка властно требовала принятия решений. Только что в своих размышлениях командующий пришёл к твёрдому выводу, что напасть на СССР, сверхмощно вооружённый, не посмеет даже сумасшедший, и вдруг бомбёжка. Неужели и это провокация? Но ведь горят же самолёты. Гибнут люди. Какая это, к чёрту, провокация! И в то же время личное напоминание наркома: «Огня до особых распоряжений не открывать! Самолёты не сбивать! За выполнение приказа отвечаете головой!»

«Директиву Генштаба о возможных провокациях читали, товарищ генерал?» — строгим официальным голосом спросил Павлов у подчинённого.

«Да, но...»

«Никаких «но»! Выполняйте! Это приказ Генштаба! — командующий бросил трубку и потребовал срочную связь с Москвой. — Товарищ нарком! — докладывал он через несколько секунд. — Немцы бомбят нашу территорию! Уже есть потери в личном составе. Это не похоже на провокацию».

«В семь часов мы собираемся у товарища Сталина, — прозвучал ответ в трубке. — Будем решать. Ждите указаний».

И всё! И никаких звуков более. И почудилось боевому генералу, что попал он между двух губок огромных тисков: с одной стороны жмут немцы своими бомбардировками, требуя незамедлительных ответных мер, а с другой жмёт Москва, выдвигая до предела необъяснимые требования — ждать.

– 3 –

Директива №1

1. В течение 22-23 июня 1941 года возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибВО, ЗапВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 года скрытно занять огневые точки укреплённых районов на западной государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 года рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно её замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъёма приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Нарком обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко
Начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков

И вот что это? Как всё написанное понимать? Ведь всего несколько часов назад — во второй половине минувшего дня 21 июня — по указанию того же Генштаба, Павлов отдал приказ войскам округа об отмене полной боевой готовности, введённой за два дня до этого. Согласно этого нового приказа, командному составу было разрешено отбыть к семьям, отозванным из отпусков по предыдущему приказу командирам разрешалось продолжить отпуск, а всему личному составу войск на следующий день объявлялся выходной день. В частях оставались лишь те немногие командиры, которые заступили в наряд. И почти во всех гарнизонах вечером 21-го июня организовывались массовые культурно-развлекательные мероприятия. Сам командующий округом вечером присутствовал на спектакле в минском Доме офицеров! И вдруг — на тебе... Что значит — «не поддаваться ни на какие провокации» и в то же время «быть в полной боевой готовности встретить возможный удар немцев»? Но встретить удар может означать только одно: открыть огонь. И как в таком случае «не поддаваться на прово-

кации?» Как встретить врага, не поддаваться на провокации и «никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить», если это «может вызвать крупные осложнения?» Что имеется в виду под другими мероприятиями? А как привести ПВО в полную боевую готовность, если большая часть зенитных дивизионов войск округа вместо боевого дежурства в своих частях, опять же по указанию Москвы, находятся не только не на близлежащих полигонах, а на окружном полигоне в 120 километрах восточнее Минска?

А как вообще понимать это слово — «провокация»? Ведь если, к примеру, немцы встанут шеренгой на другом берегу Буга, скинут штаны и повернутся в сторону границы голыми задами, выставив их при этом в наклоне вперёд, — это одно. На это можно и не поддаваться. А если через эту самую границу они поползут, как тараканы, и при этом откроют огонь? Ведь тогда остаётся одно из двух: либо добровольно подставлять свои головы под их пули, либо отступать. Ведь «задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокации, могущие вызвать крупные осложнения»! Значит, стрелять нельзя! А докуда отступать, ежели так? До какого рубежа это позволительно?

Как понять «рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию?» А сейчас-то она где? Ведь не в Минске же расселась. Почти все истребители на этих самых полевых аэродромах близ границ и уж не первый день. И все эти аэродромы давно известны германскому командованию и уж не раз сфотографированы его самолётами-разведчиками. Генштабу ли не знать о случае вынужденной посадки весной одного из таких самолётов на наш аэродром. Самолёт, напичканный специальной аппаратурой под завязку, залетел на нашу территорию, как говорили, по ошибке и был отпущен восвояси с миром. Да что самолёты-разведчики! Командир 122-го истребительного авиаполка, расположенного в 15 километрах от границы в районе Гродно, докладывает, что его лётчики при облёте границы с высоты 2000 метров видят аэродромы на сопредельной стороне и всё, что на них делается. Значит, и немецкие лётчики, даже не нарушая границу, имеют возможность видеть то же самое на наших аэродромах.

А какие аэродромы имеются в виду в директиве? Ведь аэродром же не полянка в роще с кустиками по краям, а самолёт не лошадь, которую можно за уздечку взять и в кустики эти самые для маскировки отвести. Для рассредоточения он должен с одного аэродрома взлететь и на какой-то другой сесть. На какой? Куда, если и так уже на всех приграничных аэродромах авиация округа давно сосредоточена и самолёты стоят крыло к крылу? И что это вообще такое «перед рассветом 22 июня?» Выходит, всю ночь напролёт вся авиация округа должна взлетать в одном месте, крутиться в потёмках неизвестно где — районы же рассредоточения не указаны — и потом в темноте же садиться на неизвестный аэродром? Да они что там, в Генштабе, с ума сошли все, что ли? Не понимают, что приказывают? Каким количеством лётных происшествий это грозит и какими потерями в матчасти и лётном составе даже без всякого нападения! Это же паранойя какая-то, а не документ высшей инстанции военного ведомства! Даже плохонький унтер, хоть бы год прослуживший в армии и понюхавший пороху, такой приказ не отдаст. И ведь есть же «красная папка», где всё расписано по часам и пунктам ещё в мае месяце. Чего проще — отдать приказ вскрыть её? Зачем нужно это многословное непонятное сочинение под названием директива №1?

Всю ночь командующий и весь штаб округа во главе с генералом Климовских ломали голову над тем, как им поступить, и не находили ответа.

Снова зазвонил телефон. Командующий машинально бросил взгляд на циферблат — 7 часов.

«Товарищ командующий! — зазвучал в аппарате голос командующего 4-й армией. — Немцы взяли Брест-Литовск!»

Павлову показалось, что у него из-под ног ушла земля. «Как взяли Брест-Литовск! — взорвалось в мозгу. — Там же целый мехкорпус у самой границы. И пусть в нём втрое меньше танков, чем у Хацкилевича в 6-м, но ведь одна из его танковых дивизий прямо в Брест-Литовске. Танковая дивизия. А перед немцами Буг. Как можно взять Брест-Литовск с его мощнейшей крепостью, форсируя при этом Буг против такой силы и за такое короткое время?!»

«Их танковые колонны стремительно движутся по шоссе на Кобрин!» — доносилось из трубки дальше.

«Какие колонны?! — хотелось закричать командующему. — Откуда здесь немецкие танки? Как они переправились через Буг? Почему колонны? Ведь это же не колхозные трактора с возами сена с близлежащих лугов. Это же танки! Они же должны атаковать развёрнутым фронтом. Их же должна подбивать наша артиллерия, в огромном количестве сконцентрированная у самых границ. Что, наконец, делает наша авиация?»

«Генерал Копец! — в сердцах крикнул он командующему ВВС округа. — Где наша авиация? Где самолёты?»

Молодой поджарый генерал со звездой Героя Советского Союза на груди, полученной, как и у командующего, за успешные бои в Испании, который никогда за всё время своей службы в должности командующего ВВС не ездил с инспекцией своего хозяйства по аэродромам его базирования на машине, а всегда летал только на персональном истребителе, вытянулся и глухо, но отчётливо доложил:

«Все приграничные аэродромы базирования атакованы авиацией противника. Некоторые обстреляны даже его артиллерией. В матчасти истребительных полков и дивизий большой урон. Уцелевшие самолёты не могут взлететь из-за разбитых взлётно-посадочных полос. В лётном составе значительные потери».

«Что значит — значительные потери?»

«Уточняем, товарищ командующий. Связь с частями неустойчивая».

Павлов вдруг вспомнил: ведь в Брест-Литовске главный военный госпиталь Белорусского военного округа. Прямо в крепости, на одном из её островов, который вслед за переводом туда лечебного учреждения ещё после завершения польского похода поэтому так и назвали — Госпитальный. Как он сопротивлялся в своё время такому переводу! Называл это решение чуть ли не вредительским. «Ведь это же главный госпиталь целого округа! — говорил. — Он же должен быть в глубоком тылу, в середине округа, а не на расстоянии броска ручной гранаты от государственной границы на самом краешке советской земли!» Но Москва настояла на своём, и вот результат.

«А как крепость?» — задал он вопрос в трубку.

«Крепость ведёт бой, — последовал ответ командарма. — Пограничным заставам помогает и гарнизон».

«Какова численность гарнизона крепости?» — обратился Павлов к начальнику штаба.

«Общее число бойцов и командиров до двух дивизий, — последовал ответ, — но они все из разных частей без единого руководства».

«Какая перед ними поставлена задача?»

«В случае объявления тревоги они должны выйти из крепости и занять заранее определённые позиции в полосе укреплений».

«Вышли?»

«Сведений не имеется, но теперь, после доклада Коробова, можно предположить, что нет. Если Брест-Литовск захвачен немцами, крепость блокирована, и у находящихся там войск нет выхода».

Командующий сделался мрачнее тучи. Брест-Литовск захвачен. Укрепления, которые строили много месяцев подряд, не заняты войсками, немецкие танки колонной идут на Кобрин. Почему колонной? Почему их никто не останавливает? И вообще откуда они здесь? Ведь Буг же не маленький ручеёк, это судоходная река вдобавок с топкими берегами. Не знал ещё командующий, что немцы захватили целёхонькими все мосты через Буг в районе Бреста и немедленно воспользовались представившейся возможностью переправить на другой берег тяжёлую технику. Он уже многое не знал из стремительно менявшейся обстановки. И в немалой степени из-за неустойчивой связи. Но он понял главное.

«Какие будут приказания?» — вопросом закончил доклад командарм. И командующий округом принял решение.

«Приказаний не будет! — громко ответил Павлов. — Отдавать приказания, не зная точной обстановки, не имею права. Могу сказать только одно: это война! Действуйте по обстановке самостоятельно», — и в бессилии от взявшей за горло беспомощности рухнул на стул.

Резко зазвучал сигнал аппарата спецсвязи.

«Ну, наконец-то! — мелькнуло в голове. — Наконец-то Москва».

Командующий схватил трубку и услышал голос наркома:

«Немедленно отдайте приказ войскам округа остановить немецкое вторжение! Поднимите всю авиацию и нанесите массированные удары по аэродромам базирования противника и по его прорвавшимся через границу войскам...»

«Поздно! — хотелось выкрикнуть Павлову. — Нечем наносить! Вся авиация округа попала под бомбёжку немцев и понесла большие потери. Уцелевшие самолёты не могут взлететь из-за разбитых взлётно-посадочных полос. Нужно время, чтобы их восстановить. Приказ невыполним из-за отсутствия средств для его выполнения. Брест-Литовск захвачен врагом. Танковые колонны противника, не встречая никакого сопротивления, движутся как к Кобрину на юге, так и к Гродно на севере. Мощнейшая 10-я армия, сконцентрированная на острие Белостокского выступа, осталась без дела. Её просто обходят с флангов».

«...Навалитесь на противника всей силой и вышвырните его обратно за границу! — продолжал звучать голос наркома. — Но линию границы пока не переходить! Ждите указаний Москвы».

И Павлов понял: он и нарком находятся на разных планетах. Там — у наркома — райские кущи, здесь — в Белоруссии — сущий ад. Да и говорят на разных языках. Один из них, наделённый высшей военной властью, так и остался в плену предвоенных планов, в которых даже не рассматривался вариант нападения извне кем бы то ни было, поскольку это было бы безумием, равным самоубийству для нападающего. Даже на стратегической игре в Генштабе, которая касалась Белорусского военного округа, проведённой минувшей зимой, на картах отрабатывались только варианты прорыва Красной Армией обороны противника на большую глубину. Для другого же из этих двоих, попавшего в жесточайшие тиски безысходности положения, все эти грозные окрики из Москвы походили больше на истеричные взвизгивания щенка, которому прищемили хвост, нежели на чёткие приказы, продиктованные реальной обстановкой. И командующий округом понял: произошло самое страшное из того, что только могло произойти — Красная Армия потеряла управление на самом верху.

Глава четвёртая

– 1 –

Стёпке Горшкову повезло. Как и Родьке Коняхину — младшему Отрохичеву сыну. Мало того, что они оба в одну часть попали, так ещё же и в одну роту. И даже в один взвод этой стрелковой роты. В общем-то, при нормальном течении жизни этого быть бы никак не могло, ибо Стёпке по старому закону призываться надо было бы ещё два года назад — оставили в покое парня потому, поди, что он уж был к той поре семейным — а вот Родька под призыв в 1939-м бы не попадал годами. Но после грянувших тогда — в сентябре — перемен и нового закона, устроившего настоящую мешанину в призывных возрастах, под одну гребёнку в злосчастном том 39-м попал и Стёпка, хоть и был он уж на двадцать четвёртом году, и Родька, хоть и исполнилось ему всего-то двадцать. После памятного всем уйдомцам массового «забора» всех молодых парней деревни в армию никто из них не мог похвастать в письмах, что оказался служить с кем-то из земляков. Всех раскидало кого куда поодиночке, а вот Степан с Родькой оказались в одном взводе. И хоть нешибко кто в деревне якшался с Отрохичами, но ведь недаром же говорится, что «на чужой сторонушке рад и своей воронушке». И Стёпка с Родькой сошлись близко. Родион оказался нормальным парнем.

13 июня 1941-го года получила их дивизия очень необычный приказ: покинуть место постоянной дислокации и в три перехода выдвинуться на запад в сторону границы. «Для проведения манёвров на новой линии обороны» — так этот приказ гласил. Причём переходы ночные. Конечным пунктом маршрута обозначен был лесной квадрат в полутора десятках километров от Брест-Литовска. Оборонительные позиции, о которых говорилось в приказе, предписывалось пока не занимать, а надлежало встать лагерем в этом лесу с соблюдением всех правил маскировки и ждать дальнейших указаний. Ещё в приказе говорилось о строжайших мерах секретности и запрещении любых разговоров о переходе даже с самыми близкими людьми. Идём, мол, на манёвры. Но с собой предписывалось взять всё носимое и возимое имущество. А вот жён и семьи комсостава предписывалось, наоборот, не брать. Обо всех этих тонкостях, понятное дело, бойцы не знали. Да и командиры знали не все и не всё, но вот как раз эта секретность всех и переполошила. Ну, ладно, жён и семьи комсостава не брать с собой — это понятно: нечего им делать в поле в палатках. Пусть дома посидят и подождут, чай, не впервой. Но имущество-то? Имущество зачем всё забирать с собой? Ведь если на манёвры, то и брать с собой надо лишь то, что на этих манёврах потребуется. А тут всё! Но жён и семьи комсостава оставить. Это как же понимать? Всё возимое и носимое имущество любая воинская часть может взять с собой только в одном единственном случае: она переезжает на другое постоянное место дислокации, где всё оборудовано для жизни и боевой учёбы личного состава. Или, в крайнем случае, где всё это ей самой надлежит оборудовать своими силами. Но этот крайний случай тоже может быть только один — война! Во всех других случаях в любой армии мира — а Красная Армия не исключение — есть тучи интендантов, которые по полям пузом не елозят, штыками чучела не колют, окопы полного профиля не роют, а вся их обязанность заключается в том, чтобы обеспечить всем необходимым любую воинскую часть. И первое из этих необходимых мероприятий в мирное время — создание условий для жизни всего личного состава дивизии, включая и командный.

Но войны нет. И если верить заявлению советского правительства от того же 13 июня, пропечатанному через день в газетах, войны не предвидится, ибо и СССР, и Германия неуклонно соблюдают условия мирных договоров, заключённых после подписания известного пакта. Значит, на новом месте дивизию должны ждать готовые казармы и домики для семей комсостава. Но тогда почему нельзя брать с собой семьи

командиров? Если на новом месте всё готово для жизни и деятельности дивизии... А если не готово, тогда зачем же её — дивизию — срывать с насиженного места? Надо же сначала всё подготовить. И тогда опять возникает одно из двух: либо заявление правительства — враньё, и дивизия выступила на самую настоящую войну, которая грядёт вот-вот, либо... либо тогда возникает неминуемый вопрос: зачем брать с собой всё носимое и возимое имущество? И жён при этом не брать. И жёны прощались со своими мужьями так, как прощаются женщины любой страны мира со своими суженными, когда провожают их на бой.

Перебрались. Остановились в лесу. Хорошее место. Лес хороший. Большой. Густой. Такой же, как вокруг Уйдомы. Палатки поставили. Лагерь разбили — всё под древесными кронами, как и предписано.

И, оказывается, не одна только Стёпкина с Родькой дивизия такой приказ о выдвижении к границам получила. Все близлежащие со своих мест сдвинулись. И все к границе.

– 2 –

Пробездельничали недолго. Новый приказ: от каждого из вставших лагерем полка по одному батальону выделять на строительство тех самых оборонительных сооружений, которые, поди, и надлежало занять. Стёпка с Родькой попали на эту стройку в первую же смену. Перевезли их батальон в Брест-Литовск, вывезли за город в сторону границы и чуть ли не по берегу Буга приказали встать лагерем. А там и так народу как селёдок в бочке. И сапёры со всего округа, и такие же красноармейцы, а днями так ещё и гражданских нагоняли откуда-то из города ли, из деревень ли близлежащих.

На сколько глаз хватает, чуть ли не от самой крепости и в обе стороны от неё по берегу Буга многие сотни людей землю одновременно роют. И доты сапёры строят. И не только малые пулемётные, но и с пушками. И все в сторону границы секторами для ведения огня. И все прямо на глазах у немецких наблюдателей. Что-то тут не то. Ждут, видать, в Москве нападения.

После трёх дней изнурительной работы уселись после ужина кружком подле палатки бойцы.

«А что же это делаем-то мы, робята?»

Оглянулись на говорящего — Данила Бородулин с Вятки.

«Спектакль ведь мы устроили тут перед немцами — вот чево!»

«Ты про што, Данила?»

«А рассудите сами. Вы собираетесь держать оборону. Долго держать. Надёжно. Наверняка. Станете ли напоказ перед противником весь день-деньской под носом у него землю рыть? Все эти окопы наши вместе с дотами немецкие артиллеристы уж, поди, на мушку взяли, ежели они и впрямь собрались нападать. И ежли поползут, то в первую же очередь окопы эти с дотами и разнесут в щепу».

«Так уж и разнесут, — хмыкнул маленький рыжеволосый Фимка Бляхин, которого за его маленький рост в роте прозвали Прыщиком. — Там же стена бетонная по метру, да и толще».

«Это для современной артиллерии не помеха, — махнул рукой Данила. — Про авиацию не забывай; там и вовсе по полтонны да и боле бомбы есть. Одну такую брось — и всё, капец доту».

Резонно сказано, не возразишь.

«А ты к чему вообще-то клонишь, Данила?» — спросил после паузы Прыщик.

«Ежли всерьёз обороняться вздумало наше командование, — пояснил Данила свою мысль, — то линию такую строить надо вот не тут, на самом берегу, а где-нибудь подале от границы. За городом хотя бы. Понял?»

«А ежели, к примеру, супостат границу перейдёт? Чево товды?»

«На это пограничники имеются, чтобы его тут задержать».

«Эка, пограничники! Да много ли у них силёнок-то?»

«А много им и не надо, — гнул своё Данила. — Навалятся, как ежели, любые нарушители с большой-то силой, отступил от границы да и включил армию в бой на этот случай. На подготовленных рубежах подале от границы».

«Ну-у-у, приехали — «отступил»! Да ты хоть знаешь, что Красная Армия — самая нападающая армия в мире? Это ведь в уставах наших всех записано. Про это нам на всех политчасах талдычат, а ты — «отступать»!

«Во-первых, не армии придётся отступить, а пограничникам. А это не одно и то же. А во-вторых, отступать — не значит бежать! — огрызнулся Данила. — Для пользы дела иногда полезно и отступить. Вон про Кутузова я чул, дак он в 1812-м году до самой до Мсквы аж отступил, французам её отдал, а всё для чево? Штоб армию свою спасти, понял ты али нет? А после прогонил тех же французов аж до самово Парижу. Навек, небось, запомнили, что лучше уж в Россию не соваться».

«Уж ни хошь ли ты сказать, друг ситный, што и нам тут надо эк жо сделать? До Москвы отступить, неприятеля подале заманить, а после с им расправиться?»

«Да ничево я не хочу! Я только шкурой чую, што зря всё это мы тут делаем. Никакого прикрытия почти што, никакой маскировки, на виду у всех — маскарад это всё и боле ничево».

«А может, специально мы тут этот, как ты говоришь, маскарад устроили. Чтоб немцев напугать. Во, дескать, смотрите, какая у нас тут оборона. Смотрите и не суйтесь, от греха подальше, к нам без спросу. А коли сунетесь, то мы вам так дадим, что помнить долго будете!»

– 3 –

Первый снаряд, попавший в расположение батальона, разорвался далеконько, и первое, что подумал Степан, услышав звук разрыва, это было: «Надо же, как близко грянуло! И вроде бы деревьев-то поблизости тут нет больших».

По своему опыту, многократно подтверждённому жизнью, он не раз видел, как молния била по высоким деревьям, разнося порой их в щепки, словно топором. Шума дождя слышно ещё не было, но по громовому раскату можно было предположить, что будет ливень. Больше подумать Степан ничего не успел, потому что следующий снаряд разорвался так близко, что осколками от него палатку мгновенно превратило в решето.

«Взвод! Тревога!» — раздалась громкая команда, и Степан вместе со всеми мгновенно вскочил на ноги. Хотел, как обычно, одеться и обуться, но не успел ни того, ни другого. Новый разрыв — и тоже очень близкий — вынудил инстинктивно пригнуть голову, а в мозгу заполошно заметалась мысль об укрытии. Из-за стен палатки донёсся чей-то раздирающий душу крик, переполненный болью, и Степан, даже ещё и не до конца осознавая, что делает, схватил в охапку своё обмундирование и выскочил из палатки.

Первое, что он увидел в рассветных сумерках, это были многочисленные фигуры беспорядочно мечущихся бойцов — его однополчан. Почти все они были в нижнем белье, очень многие босы, и было совершенно невозможно понять, кто тут командир, а кто простой боец. Снова близко разорвался снаряд, разметав в клочья одну из палаток, и Степан с ужасом подумал, увидев это: «Там же люди! Они же могли не выскочить!..»

«Взвод! В укрытие!»

Степан узнал голос своего взводного, но тут же растерялся: а где оно — укрытие-то? Укрытий-то нет. Есть только линия обороны, которую они строили, а она впереди, в стороне границы, и по ней особенно кучно лупасила артиллерия из-за Буга. То, что это артиллерия и что из-за Буга, Степан, да и, наверное, все его однополчане поняли сразу, как только выскочили из палаток. Но вот почему она лупит — этого не понял никто. Ни бойцы, ни командиры — все оказались одинаково ошеломлены.

«Взвод! Занять оборону!» — взводный был уже в гимнастёрке, хоть и без ремня и без штанов, но все имели возможность видеть, что это приказывает их командир.

Степан бросился к винтовочной пирамиде, которая превратилась уже просто в кучу оружия, схватил свою винтовку и хотел уж было натянуть гимнастёрку, но опять рванул неподалёку очередной снаряд, и вслед за его разрывом послышалась команда взводного:

«Ложись!» — а все уж и так лежали кто где, стараясь вжаться в землю поглубже.

Ещё разрыв — и опять в гуще людей! Снова пронизывающие болью пространство крики, стоны раненых.

«Примкнуть штыки! — во всю мощь лёгких заорал взводный. — Занять оборону! За мной! Бегом марш!» — и первым кинулся в сторону линии строящихся укреплений.

Все мгновенно поняли: лейтенант прав! По укреплениям хоть и ведётся огонь, но там траншеи, окопы, там можно укрыться. И вдруг — бах!.. Ещё и не успели бойцы броситься вслед за своим командиром, выполняя его приказ, как вдруг один из них — вечно угрюмый и всем недовольный Богдан Пидячий из «западников», как называли в полку всех вновь призванных в 1940-м году и позже бойцов из районов бывшей Польши, — быстро вскинул винтовку и выстрелил прямо в бегущего к линии обороны командира взвода. И ведь попал же, зараза! Лейтенант широко раскинул руки, словно хотел обнять напоследок всю землю-матушку, и рухнул ничком, не издав ни звука.

«Хлопци! — заорал Богдан. — Бросай винтари! Тикаемо до хаты! Нехай тут москали одни воюють!»

Всё происходило прямо на глазах у Степана, застывшего от неожиданности в нескольких шагах от разыгравшейся драмы. Он успел увидеть только, что многие из красноармейцев-«западников», тех, которых он за время совместной службы узнал и в лицо, и по именам, почти сразу вскочили и устремились в сторону города, бросая на ходу оружие.

«Ты што, сука, наделал-то!» — вдруг совершенно неожиданно донеслось до слуха Степана, и, посмотрев повнимательнее, он узнал в одном из немногих бойцов, успевших каким-то образом обуться и одеться, Родьку «Отрохича». Тот, видимо, лежал на земле в тот момент, когда Пидячий выстрелил во взводного, а теперь вскочил и встал прямо напротив него всего лишь в двух шагах.

«Заткни рот, москаль! — скривившись, зарычал иуда. — А то я тебя зараз тут же рядом уложу!»

Он схватился за рукоятку затвора, дёрнул её на себя и уже собирался двинуть обратно, досылая патрон в патронник, но не успел. Родька, как пушинку, подкинул свою винтовку с уже примкнутым штыком, подхватил её на лету, в мгновение ока широко размахнулся и, сделав глубокий выпад, всадил штык трехлинейки прямо в грудь Пидячего. Точь-в-точь как учили на многочисленных занятиях. Точь-в-точь как наставляли, что «пуля — дура, а штык — молодец!» Но как только изловчился-то? Ведь не готов же был. Да и с силой какой ниоколёсной! Ведь чуть не по самое дуло всадил, хотя и сам не шибко корпусный. Вот уж воистину удесятеряется сила человеческая, когда жизнь на волоске висит и её надобно защищать.

Пидячий ойкнул, выпустил из рук оружие и стал медленно оседать, пытаясь ещё руками схватиться за смертоносное жало, пронзившее его чуть ли не насквозь. Но уже в следующее мгновение он упал на землю, закатил глаза и захрипел.

Грохнуло опять неподалёку, и, посмотрев в сторону разрыва, Родион со Стёпой увидели, что почти все бойцы их роты, да похоже, что и всего батальона, ринулись назад, в сторону города. Никто их не останавливал, никто не подавал никаких команд, многие бежали, бросая на ходу оружие и закрывая голову руками. И многие в нижнем белье, как и Степан.

«Бежим! — рванул Родька своего земляка за рукав. — Тут нам погибель верная — они по укреплениям лупят и по палаткам. Бежим!» — и первым бросился вслед за убегающими однополчанами.

Рвануло так близко, что Родион полетел на землю оглушённый и сбитый взрывной волной. Несколько секунд лежал словно припечатанный, пока на спину не перестали падать комья земли пополам с камнями. «Хорошо, хоть не с большими! — имея в виду камни, пронеслось в мозгу. — А то бы застегнуло тутока и пуля не занадобилась!» Отряхнул голову от навалившейся земли, оглянулся — Степан лежал позади ничком, как и сам Родька только что, уткнувшись лицом в землю.

«Бежим, Стёпа! — закричал он изо всех сил. — Бежим скоряя! — и вскочил, готовый продолжить стремительный бег. Но Стёпа не пошевелился. Только рука его левая как-то странно дёргалась, будто он хотел оттащить её от огня, и это ему не удавалось. — Стёпа! Ты чево?» — выдавил растерявшийся Родион.

И в ту же секунду он увидел острый кусок железа, торчащий из земли, которой был засыпан его друг. Кусок с рваными краями, и уже в следующее мгновение догадался, что кусок этот сидит в Степановой спине. Как во сне, на негнущихся от страха ногах он подошёл к земляку и попытался взять этот кусок, чтобы отшвырнуть его, помочь другу — и не смог. Осколок вошёл в спину Степана между рёбрами и застрял там так глубоко и сильно, что только лишь пошевельнулся при первой попытке его извлечь. И в ту же секунду Родька увидел кровь. Она потекла столь обильно и смочила землю на Степановой спине так сильно, что можно было подумать: от этого движения-шевеления осколка внутри Степана открылся какой-то невидимый кран, и теперь бесценная эта жидкость — носитель жизни человеческой — хлещет из образовавшейся дыры, словно весенний ручей. Ещё не сознавая, что и для чего делает, Родька схватил голову своего земляка, повернул её лицом в сторону, чтоб, может, увидать во взгляде его ответ на свой вопрос, но вместо этого ему бросились в глаза только Степановы губы. Они вдруг прямо на его глазах выбелились, словно кто-то невидимый провёл по ним невидимой же кистью, и из красно-алых превратились в бесцветно-серые. Ещё не понимая, не осознавая, но где-то интуитивно чувствуя, что Степан умер, умер прямо на его глазах, Родька схватил смертоносный осколок и вырвал-таки его из спины друга. И в то же мгновение увидел: кровь больше не бьёт таким неудержимым фонтаном. Она просто вытекает из огромной дыры в Степановой спине и разливается по земле. «А ведь этот мог достаться и мне! — вдруг ошеломила сознание простая мысль. — Стёпка меня сзади просто прикрыл...» И простая эта до предельной ясности отчётливая мысль о близкой возможной смерти его самого, а не Степана, так потрясла Родиона, что он сел рядом с бездыханным телом своего земляка на землю, не обращая внимания на снарядные разрывы. «Эх, Стёпа, Стёпа! — подумал горестно. — Так ты и не дождался свидания со своим сыном! Так ты его и не подержал в руках, как хотел. Как же всё бестолково вышло...»

«Родька, бежим!» — окликнул его один из пробегающих мимо бойцов из его роты, и «Отрохич» очнулся.

«Прости, Стёпа! — положил он руку на безжизненное плечо своего земляка. — Даже угоить тебя не могу...» — и рванулся вслед за убегающим однополчанином.

– 4 –

Лишь когда снарядные разрывы остались позади, лишь когда уж совсем запыхались бегущие красноармейцы от сумасшедшего этого бега, попадали они на землю. Перевели дух, отдышались. Огляделись. Почти все без гимнастёрок. Немало босых. Многие без оружия. Командиров не видно. В оставленном лагере и по полосе недостроенных укреплений всё гремит и рвётся.

«Надо до своих добираться!» — послышался чей-то голос.

«До кого — до своих-то?» — огрызнулся в ответ кто-то.

После бегства «западников», которые сразу же, объединившись в одну группу, скрылись из глаз, слово это — «свои» — приобрело какой-то двоякий смысл.

«До своих — значит до своего полка».

Никто не возразил говорящему, все растерянно переглядывались друг с другом, соглашаясь в душе, что говоривший прав, и не забыв ещё о своём предназначении. О том, что они — бойцы Красной Армии. Пусть босые, пусть полуголые и многие без оружия, но они призваны защищать родную землю. И растерялись, сбившись в кучу. И не нашлось ни одного, кто бы подал решительную команду к действиям. Был один, подал — и где он? Своим же и убит на глазах у всех.

И где теперь эти «свои»? Не затаился ли ещё среди растерянных бойцов какой-нибудь такой «свой»? А может, уж и русских парней обуяла зараза страха и безумия после всего увиденного? Может, и они так же вот возьмут да в спину из винтовки любому, кто попытается командовать и помешает им спасаться? Как всё перевернулось-то! Как перемешалось! Один злосчастный выстрел новоявленного иуды, и зашатались человеческие души, аки перебравшие хмельного на лихой гулянке мужики. И уж, того и гляди, любая из них хряснется в грязь паскудства и позора, ничего не помня, как и те захмелевшие на всю голову, еле держащиеся на ногах гуляки.

«Товарищ боец! — вдруг донеслось до слуха Родиона «Отрохича», лежавшего немного наособицу от остальных. — Товарищ боец!.. — оглянулся, присмотрелся — в двух шагах такой же полуголый батальонный комиссар Фокин. — Идите сюда! Сюда... — и сам за бугорок отползает. Задком, крадучись, и слова полушёпотом, чтобы никто не услышал. Полез Родька — мало ли чего за бугорком этим, может, помощь кому нужна. — Снимите вашу гимнастёрку, — опять политрук полушёпотом. А глазки шмыгают, а руки суетятся, будто кур воровал. Подивился «Отрохич», глаза вытаращил, чуть ли не спросил, а ваша-то где, но не успел. — Снимите, снимите! — уж понастойчивее повторил Фокин. — Вам и без гимнастёрки можно — вон вас сколько в нижнем белье — а мне нельзя. Я — политрук», — и опять глазками вертучими зырк-зырк туда-сюда!

Стащил Родька с себя гимнастёрку — одинакового они с комиссаром роста были — да и протянул ему. Глядь — а позади политрука кустик ивовый растёт неподалёку. А из него — оп-па-на — рукав гимнастёрочный выглядывает. А на рукаве звезда комиссарская. Ясно же сразу, кто хозяин гимнастёрки. Оплошал, видать, товарищ батальонный комиссар, одёжину свою форменную в кустик закидывая, да она развернулась в полёте, самым предательским местом наружу высунувшись. Натянул на себя обнову Фокин, торопливо натянул, будто боялся, что её назад отнимут, взгляд нашкодивший на Родьку бросил — ну, и понял, что тот на гимнастёрку его бывшую поражённо уставился. Понял и признался:

«По комиссарам и командирам они стреляют».

«Кто — они?» — ошарашено выдавил Родька.

«Западники», мать их...»

И «Отрохич» понял: не одного только его взводного выстрелом в спину уложил «западник». Видать, уговор промежду них уж был на этот случай. Видать, таких несчастных было больше, чем один их только взводный. И как теперь было смотреть простому красноармейцу на батальонного политрука? С одной стороны ежели, понять его можно: человек жизнь свою спасает от подлой пули. А с другой? Гимнастёрку со звездой комиссарской добровольно скинул — значит, ты уж больше мне не политрук!

«Братцы! Немцы!» — вдруг донеслось из-за бугра, и Фокин с Коняхиным повернулись в сторону границы.

И действительно: в районе недостроенных укреплений и близ покинутых палаток показались люди в касках и с винтовками наперевес. Они растянулись в длинную цепь и довольно споро двигались вперёд. От границы! В сторону города! По советской земле! И словно на параде, с офицерами в цепи! Увиденная картина потрясла красноармейцев. Ведь это же идут враги! Идут в атакующем строю! С оружием наизготовку! И по нашей земле!..

Очередной снаряд разорвался так близко, что осколки его поранили нескольких несчастных. Кто-то упал, кто-то застонал. Через секунду ещё разрыв — уже справа. Потом ещё... ещё... Все поняли: это огневой вал впереди наступающей пехоты. Он предназначается им — растерявшимся и беззащитным. Сбившимся в беспомощную кучу и полубезоружным. А это может означать только одно — смерть. И уже не надо было подавать никакую команду — её подали снаряды противника. И уже не было даже мысли — попытаться залечь или укрыться. Мысль во все головы одновременно пришла только одна — бежать. Бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше от смертоносных разрывов. Бежать, спасая свою жизнь, ибо о её спасении, судя по всему, не заботился более никто. Бежать, уже не думая о розыске какого-то своего полка. И оставшиеся в живых реденькими неорганизованными кучками бросились наутёк.

– 5 –

После захвата немцами Брест-Литовска — захвата ошеломляюще быстрого, всего за несколько часов — дороги от города превратились в сплошное месиво. Бежавшие по ним с утра толпы мирных жителей густо перемешала немецкая пехота на машинах, мотоциклах и даже на велосипедах. Она безжалостно расшвыривала и людей, и повозки, которые встречались на её пути, и непрерывным потоком двигалась вперёд так, словно бы всё это происходило где-нибудь в Баварии или в Тюрингии, а не на сопредельной территории, принадлежавшей другой державе. Бои в районе города — непродолжительные и вялые — с появлением массы немецких танков генерала Гудериана, легко преодолевших Буг по целёхоньким мостам, вскоре утихли, и уже почти никто не препятствовал продвижению вперёд немецких колонн. Тем более что по дороге на Кобрин, в сторону штаба 4-й армии, а далее на Минск и Москву, вблизи от границы не было густых лесов, где можно было бы укрыться и занять оборону. Леса, куда выведены были за несколько дней до этого многочисленные полки и дивизии 4-й армии, начинались дальше, через несколько километров. Но и там после мгновенного разгрома целой танковой дивизии Красной Армии, дислоцированной в Брест-Литовске, немцы серьёзного сопротивления не встретили. Сбитые с толку организационной неразберихой и требованиями высших командных инстанций: «не поддаваться на провокации! Ждать указаний!» — командиры полков и дивизий, атакованных врагом, потеряли инициативу, а руководимые ими подразделения, не чувствуя твёрдой командной руки, повсюду встречающие то и дело обходящих и окружающих их немцев, превращались в лёгкую добычу врага. Уже к полудню многочисленные колонны пленных красноармейцев потянулись на запад в сторону границы, а навстречу им ужасающей, всё более увеличивающейся массой двигались полчища врагов.

Лишь некоторые, наиболее твёрдые и решительные командиры воинских частей достойно встречали врага, давали ему решительный отпор, но очень скоро, будучи окружённые со всех сторон из-за отхода — а уж если точнее, то беспорядочного бегства! — соседей, теряли волю к сопротивлению и они. И безволие это, словно тифозная зараза, всё более и более охватывало все стоящие на пути врага части. Разбившись на более мелкие подразделения, бросая тяжёлую технику, которая уже не могла быть полезной при начавшемся массовом отходе, они устремились на восток в надежде соединиться с основной массой войск армии.

Особняком от всех остался в немецком тылу гарнизон Брестской крепости. Обойдённый и окружённый со всех сторон врагами он продолжал сопротивляться. Несколько попыток прорваться к своим, которые предприняли блокированные в крепости красноармейцы, закончились неудачей из-за их стихийности, необеспеченности артиллерийской поддержкой, высокой организованности противника, и гарнизон крепости оказался запертым со всех сторон, не имея ясной цели. Объединённое командование его, стихийно организовавшееся из командиров среднего звена, предприняло несколько попыток связаться со своими частями, но и это не принесло им удачу. На все запросы по радио никто не отвечал. В эфире звучала только немецкая речь. И тогда окружённые решили: воевать до последнего. Либо до последнего мига ожидания быстрой помощи своих, либо до последнего бойца и патрона. Конечно, о втором варианте при принятии решения всерьёз никто не думал; все же знали, какая огромная масса войск Красной Армии стоит вокруг Брест-Литовска, и потому главным для себя окружённый гарнизон посчитал — продержаться. Стены крепости — надёжное укрытие, боеприпасы есть, провиант тоже — обороняться можно. И гарнизон принял бой.

Но всё это Коняхину и группе бойцов, в которой он оказался, было в момент атаки немецкой пехоты прямо от Буга неизвестно. Оказавшись в городе и увидев, что там стоит полный хаос и неразбериха, они уже больше не сомневались в том, что им делать. К своим. Только пробиваться к основным частям своих полков. И неважно уже, где они сейчас — на месте ли, подняты ли по тревоге и выдвинуты куда-то в другой

район. Всё равно где-то очень близко от города находится целая 4-я армия, и, попав в расположение любой из её частей, можно получить главное, чего не было в тот момент у группы брошенных на произвол судьбы бойцов — твёрдую командную руку.

Недолго раздумывали они и о маршруте следования. Дорога на Кобрин, к месту расположения армейского штаба, по которой они поначалу хотели уходить, привлекала к себе многочисленностью беженцев, с которыми можно было слиться, но и отталкивала тем, что над ней часто пролетали стреляющие немецкие самолёты. Путь же на Пружаны через лес, в котором должны были быть основные силы их полка, в смысле безопасности казался более предпочтительным, но сбившиеся в кучку бойцы были почти уверены в том, что их полка на месте нет. И никаких других воинских частей нет там тоже. А это значит, что выход к своим может затянуться на неопределённое время. Спорить, однако, о том, каким путём идти, было некогда — немцы в любой момент могли появиться, что называется, перед носом. И группа отступающих выбрала путь через лес. Решили: всё-таки это понадёжнее. В случае чего, можно и укрыться. А что не найдём свой полк — так мы и так его, скорее всего, не найдём. Главное — выйти к своим. Встать в строй. А уж потом можно и воевать. Главное сейчас — держаться всем вместе. Не рассыпаться. Не разбежаться. В единстве сила. И для сопротивления, если что, и — может, даже главное — для более убедительного воздействия на своё же командование: всё-таки группа. Всё-таки не одиночки, разбежавшиеся от одного вида врага. И беглецы двинулись на Пружаны.

Но всё вышло иначе. На одном из участков дороги колонна немецких мотоциклистов с крупнокалиберными пулемётами на колясках вылетела из-за крутого поворота столь неожиданно, что беглецы не успели даже сообразить, что это немцы. Мотоциклисты мгновенно окружили группу, и Родька с товарищами увидели дула автоматов, направленные на них почти в упор со всех сторон. Немецкому офицеру, командовавшему отрядом, не составляло труда определить, что это за группа почти одинаковых людей. Тем более что некоторые из них были с оружием.

«Хенде хох!» — послышалась команда на незнакомом языке.

Первая винтовка с глухим стуком упала на землю, а её обладатель медленно поднял вверх обе руки. Упала на землю вторая винтовка... третья... И лишь Родька ещё стоял и чего-то ждал, словно не веря, что всё происходящее — это не сон. Что винтовки под ноги врагу бросают его однополчане — бойцы Красной Армии. Бросают и поднимают вверх руки.

«Хенде хох!» — снова крикнул офицер, направляя свой пистолет на «Отрохича».

«Бросай! — шепнул рядом стоящий боец. — А то всех перестреляют».

Родька разжал пальцы.

Глава пятая

– 1 –

Долго пришлось проболтаться по госпиталям после памятного ранения в первом же бою с белофиннами Ивану Демидову. Сначала в одном, где его вернули к жизни, вытащив две пули из спины, потом в другом. Крепкий организм постепенно брал своё, возвращая Ивана к жизни. В итоге в родной дом он вернулся ненамного позже, чем и другие призванные на переподготовку в конце минувшего лета мужчины, которые уцелели в зимней войне. И вернулась прежняя жизнь, прежняя работа в МТС, прежние заботы. За весь остаток 1940 года военкомат больше не тревожил Ивана, но вот пришла зима, а с ней и 1941-й год. Сразу после Рождества жена родила мальчика. Рад ему был Иван несказанно. Алексанком назван был новорожденный и в честь деда Ольки, и в память о Ивановом двоюродном братане Алексанке, погибшем от бандитской пули.

Всё, казалось, складывается как нельзя лучше. Ан нет. Не забыло военное ведомство про красноармейца запаса Ивана Демидова. Уже в первых числах мая месяца вызван он был на военкоматовскую медкомиссию, а в самом уж конце мая — аккурат картошку бы садить — получил Иван повестку, которая гласила, что надлежит ему явиться пред светлы очи военного начальства для отправления на очередные военные сборы. И ничего тут не попишешь. Ничего не сделаешь.

Войной пахло уже отчётливо — не то что два года назад, в 1939-м, — разговоры только о ней, проклятой, и были, а потому отъезд Ивана на сей раз был более тревожен.

Демидов получил предписание — прибыть в город Ригу в распоряжение штаба Прибалтийского особого военного округа. Очень скоро по прибытии на место Иван узнал, что ему предстоит принять участие в формировании новой танковой дивизии, штаб которой и командование находились на тот момент в Риге, а вот боевые полки её только зародились и были не до конца укомплектованы. Ведь лишь в феврале дивизия

получила номер, а её командир — приказ на формирование. «Наверное, будут переучивать на новые танки, — подумал Демидов. — А иначе зачем бы в эку даль от дома ехать?»

Он слышал, что в Красной Армии появились какие-то совсем новые танки с какими-то сказочными пушками и непробиваемой бронёй, и теперь горел желанием посидеть за рычагами новой машины. Всё, однако, оказалось совсем не так, как думал Иван. Танки в дивизии, в которую он попал, оказались хоть и новые, но старого образца. Правда, не Т-26, которые вступили в войну с Финляндией, их почти не было, — а БТ-5 и даже БТ-7. «Семёрка» Ивану была незнакома, но всё равно это было не то, что бы он хотел увидеть и изучить. Новая «бэтушка» отличалась, в сущности, от хорошо ему знакомого БТ-5 лишь новым дизельным двигателем. А так — тот же «конь на гусеницах» или колёсах, если эти гусеницы сбросить.

Прошло дней десять напряжённых занятий, и вот в начале второй декады июня собрали всех «запасников» в одну группу и привели к ангару, в котором раньше никто из них не был. Как и в памятном 1939-м при знакомстве с техникой учебного центра, ворота ангара распахнулись, и перед глазами Ивана предстал... Он опять бы не смог сразу ответить на вопрос: а что же перед ним предстало? Ну, во-первых, это был танк. С пушкой, с гусеницами, с башней. Но какой танк! С какой пушкой! Даже с какими гусеницами! Он был так огромен, что, как показалось Ивану, даже Т-35 со всеми его пятью башнями рядом с ним выглядел бы малышом. Немного осмотревшись и опомнившись от первого потрясения, Иван понял, что, пожалуй, новая машина всё-таки не превзойдёт по габаритам «тридцатьпятку», которую он хорошо изучил ещё в 1939-м. Она, пожалуй, даже будет и поменьше. Пугающих размеров габариты придавала ей башня, которая действительно была огромна, как показалось Демидову, в рост человека, и, что ещё более важно, просто невероятных размеров пушка. Сначала Ивану показалось, что в башню просто вставили бревно, причём такой же толщины, как и брёвна в стенах его родового дома. Но, по мере более пристального осмотра, выяснилось, что это всё-таки не бревно, а пушка. Но каков калибр! Шесть дюймов! Демидов таких не видел даже у артиллеристов, а тут на танке!

С незакрывающимся от удивления ртом он и прибывшие с ним на учебные сборы «запасники» продолжили осмотр этой стальной громадины, зацепившись теперь взглядами за гусеницы. Они завораживали своим видом не меньше, чем башня и пушка. Мощнейшие широченные траки обвивали непривычно маленькие катки столь могучими лентами, что рядом с ними гусеницы «бэтушек» или «двадцатьшестёрок» выглядели цветными ленточками в праздничной косе деревенской модницы. «Вот это махина!» — пронеслось в голове Ивана. Он, будучи трактористом, сразу же подумал: да какой же тут должен быть мотор, чтобы всю эту громадину хотя бы сдвинуть с места! Но мысль эта не успела завладеть его сознанием сполна, ибо замполтех дивизии объявил в полной тишине:

«Перед вами, товарищи бойцы, новейший тяжёлый танк Красной Армии — КВ-2. Кто из вас знает эту машину? — в ответ ни звука. — На следующий месяц запланировано полное перевооружение одного из наших полков такими машинами. Пока их прибыло в дивизию всего только три. Наш командир решил создать из них взвод резерва при командире дивизии. Нам необходимо подобрать для этих машин самые опытные экипажи и прежде всего механиков-водителей. Кто из вас мог бы взяться за это дело?»

И опять тишина. Разве можно вот просто так добровольно подписаться на такое дело, не посидев даже в кресле механика, не потрогав даже рычагов...

«Техника новая, — продолжал замполтех, — сложная, и потому пока всё только добровольно. Потому что на сегодняшний день это — важнейший резерв командира».

Наверное, каждый из стоящих в этот момент подумал: я же не Бог, чтобы вот *этим* управлять. И тут вдруг Иван увидел, как из глубины ангара за спиной замполтеха появилась фигура в чёрном, показавшаяся ему знакомой. Пригляделся и чуть не вскрикнул от удивления и радости: Федот Суровегин! Тот самый, который осенью 1939-го обучал вождению всех боевых машин, стоящих на вооружении Ленинградского военного округа.

«Товарищ подполковник!» — громко воскликнул Иван. Он ещё хотел что-то сказать, но рот его расплылся в радостной улыбке. И Федот, конечно же, мгновенно узнал Ивана, точно так же разулыбался во весь рот и шагнул вперёд, встав рядом с замполтехом.

«Знакомого встретил, товарищ подполковник! Разрешите? — замполтех одобрительно кивнул, и Федот стремительно шагнул навстречу Ивану. — Здорово, чертяка! — сжал его в крепких объятиях. — Вот, товарищ подполковник, мой лучший ученик за все годы».

«А КВ этот лучший ученик освоить сможет?»

Иван поймал на себе взгляд Федота и сам громко ответил:
«Так точно, товарищ подполковник!»

– 3 –

18 июня получило командование дивизии неожиданный приказ: всему личному составу дивизии со всей техникой, имеющейся в распоряжении, место постоянной дислокации в Риге оставить и форсированным маршем двинуться в сторону границы с Германией в район Тильзита. «Ну, началось! — ёкнуло в душе у Ивана. — Что-то теперь будет?» Он и его сослуживцы-запасники всего лишь только несколько дней провели в знакомстве с новой техникой, и, конечно, ни один из них не знал устройства этих танков досконально. Почти никто ещё толком не научился даже управлять ею. Командир дивизии вызвал к себе Суровегина и задал ему один-единственный вопрос:
«Кто поведёт новые танки?»
«Есть только один человек, который может это сделать уже сейчас, товарищ полковник. Красноармеец Демидов», — ответил Федот.
«А остальные?»
«Есть ещё один, которому можно было бы доверить управление. Красноармеец Чистяков. Я сам поведу один из КВ. Второй — Демидов, третий — Чистяков».
«Готовьте КВ к маршу!»
Уже к исходу дня колонны двинулись к границе с Германией. К вечеру 21 июня передовые части дивизии достигли окрестностей литовского города Шяуляй. До конечной цели оставалось менее 100 километров, времени на выполнение задачи было ещё достаточно, и командование приняло решение — дать экипажам отдых. Танкисты повалились на землю и уснули крепким сном.
«Боевая тревога! — раздались громкие приказы командиров подразделений ранним утром следующего дня. — Занять места!»
Танковые экипажи бросились к боевым машинам.
«Вперёд! — это уже команда в наушниках танковых командиров. — Точную задачу получите на марше!»
А немцы уже перешли границу, и район, куда надлежало прибыть танковой дивизии Красной Армии, уже у них в тылу. Некуда прибывать — дорогу впереди загородил враг. И тогда поступил новый приказ: дивизии всеми силами и средствами атаковать врага и вышвырнуть его за линию границы! Не остановить, а вышвырнуть. Как котёнка. Но Вермахт — не котёнок. Два года войны в Европе многому научили немцев. И танкисты молодой дивизии, где оказался Демидов, потерпели поражение. «Бэтушки», даже «семёрки» не выдерживали огня противотанковой артиллерии врага и хоть наносили ему в бою немалый урон, но, не будучи поддержанные пехотой и артиллерией, не прикрытые с воздуха авиацией, во множестве гибли сами. А немецкие танки всё пёрли и пёрли вперёд.
И вот уже и Шауляй ими захвачен, и они на полпути к Риге. Вот уж и танков в дивизии, где оказался Демидов, осталось разве что на полк, а немцы продолжают наступать. Вот уж и к Двине, которую латыши зовут по-своему Даугавой, отошли, и танков вовсе лишь на батальон. Почти без снарядов. Без горючего. А приказ всё тот же: не пускать врага вглубь страны. Но чем не пускать? Если из 200 с лишним танков осталось штук 20. Если снарядов в этих танках по десятку на машину и при этом бронебойных почти нет.
Но приказ — обеспечить прикрытие переправы через реку — надо выполнять. И командир дивизии принял решение.
Только 18 человек стояли перед ним в тесном строю, когда комдив подошёл к ним лично. 18 человек и всего три танка за их спинами. Три новеньких КВ-2.
«Вы — мой последний резерв и надежда, — сказал комдив. — Я не посылал вас в бой, потому что для этих танков не было снарядов. Их нет и сейчас. Вернее есть, но очень мало. Бронебойных нет совсем — для этого типа танков они вообще не предусмотрены — есть только фугасные и бетонобойные. И тех от силы по десятку на машину. Но врага надо остановить! Обеспечить переправу остальных сил. Вы знаете, что немецкая артиллерия бессильна против брони КВ, но враг может повредить гусеницы — вы должны их беречь. Я знаю, что у вас очень мало снарядов — вы должны их экономить. Вы получите дополнительный запас патронов к пулемётам — всего примерно по 5 тысяч штук на каждую машину. Но силы неравны — вас всего трое... Но я надеюсь на вас».

– 4 –

Утро следующего дня, как и ожидалось, началось с артподготовки немцев. Была она короткой, малоинтенсивной — немцы прекрасно понимали, что какой-либо се-

рьёзной обороны перед ними нет. Три экипажа новеньких КВ-2 заняли места в танках в ожидании приказа. Через несколько минут после установившейся тишины в наушниках танковых командиров прозвучало: «Вперёд!» И три огромные стальные крепости двинулись на врага.

Они шли в первом эшелоне контратакующей дивизии, вернее того, что от неё осталось. Позади них двигались десятка два «бэтушек», которые имели категорический приказ: на противотанковую артиллерию врага не лезть! Ждать удара КВ. И если он будет успешным и в рядах немцев возникнет сумятица, вот тогда можно выходить вперёд и за счёт скорости прорываться в боевые порядки противника.

Местность впереди была ровная, почти без холмов, и Демидов очень скоро увидел через смотровую щель немецкие танки. Их было много; точнее сказать, их было неправдоподобно много — не меньше 30 только в первом эшелоне, — и они, появившись чуть ли не одновременно, двигались вперёд широким фронтом. Почти сразу же за ними показались густые цепи пехоты, которая не бежала, а шла во весь рост по чужой земле, как будто по долине Рейна, будучи в полной уверенности своей неуязвимости. «Ну, гады! — Иван крепко — до побеления костяшек — сжал рычаги. — Это вам не Финляндия, где в лесу было не развернуться. Тут чистое поле. И тут мы ещё посмотрим — кто кого!»

Немецкие танки открыли огонь. Иван понял это по вспышкам и облачкам дыма, которые вырывались из полуторадюймовых «окурков» «трёшек» — так прозвали в дивизии основной немецкий танк Т-3 — но никаких видимых результатов этого огня не было заметно. «КВ» по-прежнему шли вперёд, а навстречу им катили немецкие танки. С наступающей пехотой позади них.

«Огня не открывать! — послышалось в наушниках. — Механик — вперёд на пехоту!»

Иван наметил место в танковом строю немцев, через которое он должен прорваться до пехоты. До танков противника оставалось уже не более 200 метров. Уже можно было разглядеть отдельные детали на их броне, даже небольшие дверцы сбоку башни. «Вот ведь придумали! — хмыкнул про себя Иван. — Сбоку в танк залезать...» Подумать что-либо об этом дальше не успел: ближайший от него немецкий танк выстрелил почти в упор. И попал. В первый момент Ивану показалось, что по башне его танка кто-то изо всей силы грохнул кувалдой. Но не более того. «Ага! — злорадно подумал Демидов. — Слабо тебе!..»

Выстрел повторился из другого немецкого танка, и на этот раз попадание было более ощутимым, ибо снаряд попал в корпус. И опять словно удар кувалдой.

«Механик! — раздалась громкая команда в наушниках. — Змейкой!»

«Гусеницы! — метнулось в мозгу Ивана. — Командир бережёт гусеницы».

Они отрабатывали уже этот приём — движение «змейкой» — на танкодроме, когда боевая машина движется не строго по прямой, а немного меняя направление. Так труднее попасть в гусеницу, если с близкого расстояния противник вздумает её вдруг повредить. Для колёсных «бэтушек» это не имело никакого значения, а вот для новых Т-34 и «КВ» это уже было очень важно.

Иван поочерёдно начал дёргать рычаги, и боевая машина, каждый раз немного меняя направление, продолжала двигаться вперёд. Прямо на немецкие танки. Вот уж, кажется, до них рукой подать. Снова выстрел — почти в упор — снова попадание, и снова «КВ» не получил никакого вреда.

Как нож в масло, все три стальные крепости вошли в танковый строй врага и устремились прямо на пехоту. Немцы растерялись: что это за танки такие у русских?! Они стреляют по ним, их снаряды попадают в цель — это хорошо видно по искрам, высекаемым из брони стальных громадин при каждом попадании — а русские танки идут вперёд, как ни в чём не бывало. Они проходят через их строй, даже не замедляя хода. И прямо на беззащитную уже пехоту.

Остановились немцы. Развернулись их передовые танки — и вдогонку за русскими чудовищами. Какие уж тут «бэтушки», которые жиденькой цепочкой идут вслед за невиданной доселе техникой. Не до них. Своя пехота под угрозой.

Снова удар кувалдой по башне. Это уж сзади — и снова никакого результата. Три стальных колосса по-прежнему движутся вперёд. Новый удар — теперь сбоку — никакого толку. А пехота врага — вот она, руку протяни — достанешь.

«Огонь!» — рявкнуло в наушниках, и длинные очереди башенного пулемёта, как косой, начали косить захватчиков. «Ага, гады! — злорадно подумал Иван. — Получили! Не хрен было на чужую землю лезть!»

Новый удар по башне сбоку — как не попасть в трехметрового гиганта, у которого одна только башня чуть не во весь немецкий танк высотой, — и снова впустую. А пехота уже повернула вспять. Немцы драпают.

Сбоку на предельной скорости машину Демидова обогнал немецкий танк с ка-

ким-то замысловатым знаком на броне. Он мчался с повёрнутой назад пушкой, вырвался вперёд метров на сто и, остановившись, грохнул уж совсем в упор. Снаряд угодил рядом со смотровой щелью Ивана и опять не причинил никакого вреда.

«Как же ты мне надоел! — раздалось в наушниках яростное восклицание командира. — Ну, погоди же!..»

Прошло несколько мгновений, в течение которых наводчик, очевидно, наводил орудие на улепётывающий немецкий танк, и в шлемофоне Ивана прозвучало громкое:

«Механик! Короткая!»

Иван рванул рычаги на себя, даванул педали, и боевая машина, качнувшись вперёд, остановилась как вкопанная. И в следующее мгновение она изрыгнула из своего бревна-пушки целый сноп огня и дыма, дёрнувшись при этом сама так, будто наехала на мину. Из инструкций по эксплуатации Иван знал, что из танковой пушки КВ-2 можно стрелять только «с остановки». Стрельба «с ходу» инструкцией категорически запрещалась, так как это могло повредить трансмиссию танка из-за сильной отдачи.

Пятидесятикилограммовая чушка снаряда в мгновение ока настигла убегающий немецкий танк и рванула так, что на какое-то время Демидов перестал видеть поле боя. Только стена огня и чёрного дыма пополам с тоннами вздыбленной земли, заполонившими собой полнеба. Удар был такой силы, что немецкий танк перевернулся, задрав вверх гусеницы, а его башня отлетела в сторону, будто крышка от кастрюли. Такого, судя по всему, не ожидал никто. Ни русские, ни немцы. Сослуживцы Ивана не ожидали потому, что никогда не видали, как стреляет этот танк, — нечем было стрелять, снарядов не было, — а немцы не ожидали потому, что они считали: таких танков с такой пушкой в природе не бывает, тем более у русских. Потрясение парализовало одних и чудесно окрылило других.

«Вперёд! — срываясь на мальчишеский визг, крикнул командир танка. — Дави гадов!»

Немцы бежали, петляя, как зайцы. Они спотыкались и падали, их настигали пулемётные очереди и широченные гусеницы бронированных великанов. А сбоку и сзади суетились немецкие «трёшки». Они тявкали, словно дворняги, из своих полуторадюймовых «окурков», раз за разом попадая в стальных русских гигантов, но те всё шли и шли вперёд, пулемётным огнём уничтожая врага.

Вдруг грохот. Опять по башне. Опять без эффекта.

«Механик! Справа за кустами!» — прозвучало в наушниках.

Иван потянул рычаг, разворачивая танк вправо, и тут же увидел немецкую противотанковую пушку, которая ударила из-за кустов справа.

«Дави!» — во всю мочь крикнул командир, и Демидов до упора втопил педаль газа.

Танк взревел и на предельной скорости обрушился на орудийный расчёт врага всей своей 52-тонной массой. Маленькая противотанковая пушчонка оказалась вмятой в землю по самые уши. Иван даже не почувствовал, что под гусеницами что-то существенное. Танк просто тряхнуло, как его потряхивало на танкодроме, когда он наезжал на установленные для учебного преодоления препятствия.

Это был переломный момент всего боя. Три КВ разорвали боевые порядки врага в клочья. Как три былинных русских богатыря. Враг бежал. И тогда вперёд вырвались «бэтушки». В чистом поле, не встречая противодействия, они настигали врага и давили.

Командир взвода КВ обнаружил, что они углубились в боевые порядки противника значительно дальше, чем нужно.

«Взвод, слушай мою команду: выходим из боя! Возвращаемся на исходную!»

– 6 –

«Экипажам покинуть танки! — скомандовал замполтех. — Переправы не будет. Танки приказано взорвать».

«Как взорвать?» — опешил взводный.

«У них нет снарядов, нет горючего. Нет плавсредств, чтобы переправить такую тяжесть. Выполняйте приказ, лейтенант!..»

Глава шестая

– 2 –

Военная судьба красноармейца Геннадия Сухарева началась, как и судьбы очень многих его товарищей по оружию, с яростной бомбёжки расположения его части авиацией противника на рассвете 22 июня. Но не на месте постоянной дислокации в районе Львова, а у самой государственной границы. Дело всё в том, что ещё 20-го

числа 4-й механизированный корпус, в одной из дивизий которого служил Сухарев, был поднят по тревоге командующим 6-й армии Киевского военного округа генералом Музыченко, и, выполняя его приказ, командир корпуса генерал-майор Власов повёл подчинённые ему войска на запад. К линии государственной границы, в районы, предписанные ему планом прикрытия. В районах этих, однако, остановки не последовало. Корпус продолжил движение дальше на запад и потому роковую ночь встретил, что называется, в чистом поле. Немецкие бомбы посыпались на головы спящих бойцов...

Вместо того чтобы использовать мощнейший мехкорпус, где одних только танков насчитывалось больше, чем во всей немецкой группе армий «Юг» во всех трёх её танковых корпусах, при этом танков с абсолютным превосходством над немецкими по качеству и непробиваемости брони основными калибрами немецких пушек, как могучий бронированный кулак, для чего он, вообще-то, и задумывался и создавался всего год назад, вместо того чтобы ударить этим кулаком по прорвавшемуся через границу врагу, разбить его и вышвырнуть обратно — а это было бы по силам войскам корпуса на их участке, — откуда-то сверху, то ли от командующего фронтом, то ли от самого Жукова, ни с того, ни с сего вдруг объявившегося в Тернополе на командном пункте фронта в первый же день войны, поступила к вечеру команда: частью сил 32-й танковой и 81-й мотострелковой дивизии, входивших в состав 4-го мехкорпуса, организовать короткий удар на город Радехов по прорвавшемуся там противнику. Ну, понятно: в 32-й, несмотря на её младенческий возраст, дивизии одних только «тридцатьчетвёрок» и «КВ» больше 200 штук — ни в одной другой столько нет. Но ударить-то куда предназначалось? Комкор на карту как глянул, так и ахнул: Радехов-то на сотню километров восточнее стоит от расположения дивизии! Что это за «дранг нах остен»? Они там что наверху, не знают, что ли, ни хрена, что кусок от корпуса, стоящего на линии границы, отрывают да в глубокий тыл бросают на выручку там кого-то? На кой ляд тогда и было корпус к границе выводить, чтобы потом в этот самый «дранг нах остен» броситься? Да ещё и скрытно выводить! Там что, в Радехове этом, больше никаких частей нет, что ли, чтоб кому-то там прорвавшемуся — а интересно, как же это немцы в такую даль прорвались-то, ведь воевать только начали! — вломить со всей красноармейской силой? Это уж не «дранг нах остен» получается, а больше на «драп нах остен» похоже! Попробовал было комкор всё это начальству вышестоящему внушить, но в ответ услышал:

«Выполняйте приказ, генерал!» — и точка.

Делать нечего: сформировали скоренько боевую группу из двух танковых батальонов 32-й дивизии, отщипнули от 81-й кусок мотопехоты вместе с бойцом Генькой Сухаревым, там служившим и в отряд попавшим, да и бросили всё это войско в указанном направлении для выполнения странного приказа.

Не выполнили, естественно: как же можно выполнить дурацкий приказ — никакого противника в указанном месте просто не оказалось. А под сотню километров на танковые гусеницы намотать пришлось.

Дальше — больше. Уже в начале дня 23 июня новый дикий приказ: частью сил (опять частью!) 32-й танковой дивизии нанести удар в район местечка Мосты Вельке. Там тоже якобы прорвался кто-то. И опять, как на пожар, туда поехали и вновь там никого не обнаружили. А уж ближе к вечеру того же дня поступил приказ уничтожить пехоту противника, прорвавшуюся при поддержке 300 танков в районе посёлка Каменка Струмилова... Как все танки сосчитать в панических докладах — кругом одни танки получаются. А между тем, на всём Восточном фронте танков у Вермахта перед началом войны и четыре тысячи не набиралось. При этом основную массу составляли лёгкие Т-3 с 37-миллиметровым «окурком» вместо пушки, которые и средними-то можно было посчитать с большой натяжкой. Новеньким красноармейским «тридцатьчетвёркам» и КВ их снаряды — словно горсть гороху по фанере. А противотанковые красноармейские «сорокапятки» пробивают немецкую запросто.

В Красной же Армии если уж танк, то, значит, пушка на нём обязательно не меньше 45 мм калибра, броня, как положено подобной машине, и экипаж соответствующий. В одном только 4-м мехкорпусе таковых 979 штук. Да у генерала Хацкилевича — командира 6-го мехкорпуса Белорусского военного округа — 1131 танк. Да в 8-м — 899, да в 15-м — 749, в 22-м — 712. До последнего танка всё посчитано! И вот уж и побольше набирается, чем у Гитлера во всей его армии на Восточном фронте. И это только на Западном и Юго-Западном фронтах. И это только на двух выступах — Львовском и Белостокском, клиньями вбивающихся в сторону противника. Более того: на самых остриях этих выступов. У самой границы. А ведь есть ещё и мехкорпуса на флангах и во втором эшелоне. А ведь есть ещё и 12-й в Прибалтике, и 16-й, и 29-й, наконец... А всего их в Красной Армии задумано аж 30 штук! Не во всех, правда, на начало войны танков одинаковое количество, где-то и по 200, и по 400 всего лишь, но ведь и не все они в первом эшелоне. И во все полным ходом идёт поступление новых машин, доводя

их численность до штатной — 1031 танк — величины. И их же всё-таки аж 30 корпусов, как и было задумано по генеральному плану строительства и перевооружения Красной Армии. Не успели, правда, всё построить так, как хотели. Планировали, что Гитлер с нападением подождёт до 1942-го года...

Всё это командир 4-го механизированного корпуса генерал-майор Власов знал очень хорошо. Как знал и то, что неспроста его корпус — самый мощный во всём Киевском особом военном округе и по количеству машин, и по числу новых танков, особенно «тяжёлых танков прорыва», как официально именовались во всех документах танки типа КВ, — сконцентрирован на самом острие Львовского выступа, который, словно наконечник копья, вонзается в сопредельную территорию бывшей Польши, ставшую в 1939-м территорией немецкой. У самой границы. Как и 6-й корпус генерала Хацкилевича на самом острие Белостокского выступа. И занял он это местоположение только после 20-го июня в результате форсированного марша, выполненного со всеми возможными способами маскировки и тайны (хотя какая уж тут тайна, ежели почти тысяча танков, из которых чуть ли не половина новейших и тяжёлых, грохочут по дорогам день и ночь в сторону границы, любому ясно, что это — война). Что-то там, на самом верху, замыслили. Что-то они там собрались «прорывать» с такой-то концентрацией бронетехники у самых государственных рубежей?

И что в итоге вышло на деле? Прибыла помощь под Радехов — нету там никаких чужих танков! Прибыла к Великим Мостам — опять пусто. Под Каменкой 300 немецких танков — не шутка, и все оставшиеся наличные силы 32-й танковой форсированным маршем двинулись в указанный район. И опять впустую! Ни танков, ни прорвавшейся немецкой пехоты.

На другой день ещё смешнее: откуда-то сверху — опять неизвестно от кого — поступил приказ о выведении из состава корпуса 8-й танковой дивизии. Ей было приказано сосредоточиться в районе посёлка Жолква для передачи в состав 15-го мехкорпуса с целью разгрома противника всё под тем же Радеховым. А если учесть, что в тот же день настоящая катастрофа произошла с 81-й дивизией, которая потеряла вдруг без вести пропавшими чуть ли не весь командный и начальствующий состав своего штаба во главе с командиром полковником П.М. Вырыпаевым, начальником штаба полковником Д.Е. Спесивцевым и, оставшись мгновенно обезглавленной, понесла огромные потери, перестав фактически существовать как единая боевая единица, то станет понятно, почему уже к утру 25 июня от мощнейшего бронированного кулака под названием 4-й механизированный корпус Красной Армии осталась одна вывеска и штаб во главе с командиром. Командовать уже было нечем. Нет корпуса. А ведь какая махина! Одних только танков 900 с лишним в нём насчитывалось, из которых половина новейших КВ и Т-34. Орудий и миномётов почти три сотни. Броневиков без малого две. Тракторов 270. Даже мотоциклов больше тысячи штук. А автомобилей — 2854! Их ежели в цепочку все связать, на 20 с лишним вёрст такая цепочка растянется... И ни в каких боях, по сути дела, этот корпус так и не поучаствовал. Канул в Лету, в пучину вспыхнувшей, будто пожар в сухой степи, войны, рассыпался, разлетелся в мелкие клочки одним лишь росчерком властного пера, и все солдатики, в клочках этих оказавшиеся, тоже растворились в этой мешанине безвестности и неразберихи.

Глава восьмая

– 4 –

Армия, в расположение которой прибыть получил в штабе Западного фронта предписание подполковник Майков, сформировалась на Северном Кавказе как армия второго эшелона. Там она полностью развернулась, укомплектовалась, там же проводила и боевую учёбу, напряжение которой было поднято на очень большую высоту с первых же дней после её начала. Странно вообще-то; ведь вроде бы пакт о ненападении с Германией, вроде бы зачем она нужна — ещё одна армия второго эшелона — ведь войны-то нету и войной не пахнет, но в одночасье изменённый в сентябре 1939-го Закон о всеобщей воинской обязанности мощным потоком погнал в Красную Армию многие сотни тысяч новобранцев, которых надо было куда-то определить, как-то обустроить, военному делу обучить. Вот и вышло, что войны нет, а новая армия есть. И не только она одна такая. И уж дивизии с номерами за 200 в них.

С началом июня 1941 года командование армии получило приказ: с места расположения сняться и со всем наличным возимым и носимым имуществом передислоцироваться на Украину в распоряжение Киевского особого военного округа. И огромная масса войск и техники пришла в движение.

Пунктов назначения, оговоренных в приказе о передислокации, однако, никто не достиг. Уже на марше, уже в многочисленных армейских эшелонах, войска догнало

сообщение о начавшейся войне. И армия мгновенно перестала существовать! Нет, она, конечно, никуда не делась. Всё её многотысячное войско со всеми пушками и танками как было, так и осталось, но она перестала существовать как единая боевая единица. Одну из дивизий кинули затыкать дыру во фронте под Киевом, переподчинив впоследствии 37-й армии генерала Власова, остальные враздерёжку посажали в эшелоны (а некоторые части и не снимали с эшелонов вовсе, просто переадресовали их) и погнали в соседний бывший Белорусский военный округ — а с началом войны Западный фронт — дыру там затыкать в обороне вдоль линии фронта. Погнали без авиационного прикрытия. В обстановке паники и хаоса беспорядочного отступления на всех фронтах. То-то досталась пожива лётчикам «Люфтваффе»!

Штаб армии, попав под бомбёжку на подходе к району намеченной высадки и концентрации армии, высадку эту осуществить не смог, дабы не погибнуть зазря, а проскочил аж на Валдай, в зону действия Северо-Западного фронта. И от 100-тысячной армии, не сделавшей ещё и выстрела по врагу, остались одни осколки. В такую-то вот кашу предстояло нырнуть Палуше Майкову с первых же минут пребывания на фронте.

— 5 —

Командующий армией несколько ночей подряд почти не спал. Приказ о передислокации армии в район Витебска для обороны этого города он получил уже давно, но выполнить его не было никакой возможности. Нет, она, конечно, была — бросать немедленно в указанный район всё, что прибывает из состава армии по железной дороге — но как при этом выполнить главную задачу приказа? Как защитить Витебск, если немцы наступают и бьют бронированными танковыми кулаками? Мы же вместо такого же организованного кулака можем противопоставить лишь несколько пальцев врастопырку, состоящих из отдельных полков или даже батальонов из дивизий, прибывающих к месту назначения. Ни единого командования, ни схемы снабжения, ни, наконец, знания района боевых действий — ничего.

В дверь осторожно постучали, и на пороге появился адъютант.

«Товарищ командующий! К вам...»

«Пусть войдёт».

Адъютант исчез, а вместо него на пороге появился... генералу показалось, что на пороге помещения, занятого под кабинет, появился старик, настолько внешность и вид вошедшего не соответствовали военной форме, сидевшей на нём, и, главное, знакам различия на ней.

«Товарищ командующий! Подполковник Майков прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы».

«Командующий... — мысленно повторил генерал. — Видать, ещё из тех, дореформенных...» Всю свою жизнь отдав армии, командарм привык и к обращению «командующий» применительно к себе, и к новому «товарищ генерал», введённому в Красной Армии после появления в ней генеральских званий год назад, но это был особый случай.

«Вы с какого года, товарищ подполковник?»

«С тысяча восемьсот девяносто третьего, товарищ генерал-лейтенант».

«А почему подполковник?» — поинтересовался вслух.

«Долго рассказывать, товарищ генерал».

«А вы не спешите. Вы же прибыли для дальнейшего прохождения службы, и я хочу знать, почему в моё подчинение попадает подполковник на четыре года старше меня — генерал-лейтенанта. Вы чем командовали до этого?»

«Дивизией».

«Ваше звание в тот период?» — всё более начиная понимать что к чему, спросил генерал.

«Комдив».

«Где командовали?»

«На Карельском перешейке».

«Воевали?»

«Не дали...»

«Понятно. Присаживайтесь. Давно в армии?»

«С четырнадцатого года».

«Ого! Где воевали?»

«Почти не воевал. В плен попал. Бежал».

«В Красной Армии давно?»

«С марта восемнадцатого».

«Откуда родом?»

«С Двины... Считай што...»

«Хо! — вскрикнул, откидываясь на спинку стула, генерал. — А я с юга! Считай што... В одной воде, выходит, мылись, да и крестились! — Палуша непонимающе уставился на командующего. — Не понял? — весело продолжил тот. — Река такая есть; Юг называется. Она прям Устюга в Сухону впадает — или сливается с ней, как некоторые говорят, — а дальше уж Двина пошла название. Оттого и Устюг так зовётся. Усть-Юг, — раздельно произнёс генерал. — Устье Юга. Так что мы с тобой, выходит, почти што земляки, — командующий вскочил со своего места, жестом остановив попытку Майкова сделать то же самое, и несколько раз прошёлся по помещению из угла в угол. — А коли земляки, — остановился он прямо перед Палушей, — то как земляки давай и покумекаем, что нам тут делать. Хоть ты и подполковник всего-навсего, но чую я, что голова твоя за двух генералов варить может. По совести как ежели, тебя бы мне где-то возле себя держать бы надо. Начштаба, например. Опыт есть?»

«Год был начштадивом».

«А по положению, которое на данный момент создалось, мне тебя приходится в самое пекло совать. И не полком командовать или дивизией, а вообще чёрт-те знает чем! И ты понимаешь, какая ерунда получается! Он звонит мне и спрашивает: ты, говорит, прыгать можешь?»

«Кто звонит?»

«Генштаб!»

«Жуков?»

«Да не-е-е, — поморщился командарм. — Жуков с первого же дня войны в Тернополе, на Юго-Западном. Я в его распоряжение должен был прибыть, когда приказ на передислокацию получал, а тут звонит его зам и задаёт такой вопрос. В чём, спрашиваю, дело? А он мне: надо, мол, отпрыгнуть с юго-западного направления на западное. Под Минск, мол, и даже ещё севернее — под Витебск. Там, мол, войска нету никакого под рукой, а то, что впереди, у границы — окружено и разбито. У меня аж рот открылся сам собой: как это — окружено и разбито? Там же три армии только в первом эшелоне! И все полностью были отмобилизованы. Да во втором две армии — не меньше. Там же одних только танков больше, чем две тысячи в одном только первом эшелоне. Авиации сколько! Где это всё? А он мне в ответ: и сделать это перемещение надо очень быстро, пока немцы ещё дальше не прорвались. Отпрыгнуть, одним словом. Я ему хотел сказать, что так нельзя, что эта переброска в зоне действия немецкой авиации вдоль линии фронта не останется незамеченной, что нас разбомбят, что надо выдвигать резервы из глубины, но разве ты Генштабу что-то скажешь! Тебе вот я могу сказать — ты это понимаешь — а они? А они — «отпрыгнуть», мол, надо. Да что я, заяц, что ли, чтоб отпрыгивать? Вот и вышло, что у меня сейчас под рукой нет ни одной полной дивизии! Одни куски, да и те обгрызенные. Где-то полк, где-то другой, а где и вовсе только батальоны. И как тут задачу выполнять? Задницей своей, что ли, дыру во фронте затыкать? Но приказ выполнять надо... Есть у меня под рукой два полка из одной дивизии. Какое-никакое дивизионное обеспечение у них тоже есть — разведрота, например, а вот ни командира дивизии, ни штаба нет. Едут где-то. А может, уж и не едут... А ждать их — времени нет; немцы совсем близко от Витебска. А потому, товарищ подполковник, вам надлежит прибыть в расположение этих двух полков и организовать их общее командование! — Палуша вскочил, вытянулся, но генерал жестом усадил его на место и опять заговорил по-домашнему: — Ты извини, что я вдруг так с тобой. Замотался... Как звать-то?»

«Павел Федосович».

«Так вот, Павел Федосович, уж как земляку-северянину хочу сказать: идёшь на пустое место. Ни штаба нет, ни помощников — всё надо организовать. Советую: на базе штаба одного из полков сделать что-то вроде штаба бригады и уж дальше всё остальное».

«Я уже подумал об этом».

«Там одним из полков полковник Клыков заправляет. Меня на 14 лет моложе. Редкая, скажу я тебе, гнида. Его бы до армии и на пушечный выстрел не надо допускать, но у него блат на самом верху. Эта гнида ползёт по нашим головам всё выше и выше. И прищучить её никак нельзя: чуть что не по нём — он сразу «звонок наверх», и оттуда чуть ли не рык сразу же. Он батареи от батальона не отличит, но уж полковником ко мне весной назначен был. Ладно хоть на полк только, а не на дивизию. Каб не война, проболтался бы он на должности с полгодика — и на дивизию куда-нибудь во внутренний округ. А там, глядишь, и на армию. И что с того, что он и взводом-то командовать не научился; ему главное, чтоб в личном деле все отметки о прохождении службы были. Чтоб, как говорится, «прошёл все ступени»... — командующий выругался. — Так вот, — продолжил, — его бы гнать мене сейчас с полка в три шеи, коли война началась, но сделать этого я не могу. Думаю, правда, что его со дня на день куда-нибудь в тыл отзовут, но пока он при должности, напакостить может немало. Так что ты, Павел

Федосович, поимей это в виду и с ним не церемонься. Ты, согласно приказа, будешь временно исполнять обязанности комдива и ставь его сразу же на место. Понял?»

«Так точно, товарищ командующий!»

«Отделение автоматчиков из резерва я тебе дам в личное подчинение. Люди проверенные, можешь на них положиться. Задача твоя — объединить усилия этих двух полков и... — командующий помолчал мгновение, — и задержать немцев на подступах к Витебску. Задача перед армией — не дать захватить Витебск; но два полка — это не армия, и потому дай-то Бог хоть бы задержать врага до подхода основных сил, — он положил руку на плечо Майкова: — По совести говоря, Павел Федосович, не надо бы мне тебя сейчас под Витебск отправлять. Нет у нас сейчас там никаких возможностей этот приказ Ставки выполнить. Ни подготовленной эшелонированной обороны нет, ни войск, ни резервов, ни организованного снабжения, и самое главное — нет времени, чтобы всё это организовать. Немцы давят непрерывно, пользуясь тем, что кадровой армии на их пути нет, а те войска, что из второго эшелона выдвигаются, — нынешней весной формировались. Ни опыта в них нету никакого у бойцов — ведь новобранцы же все сплошь — ни командиров грамотных — ничего! Вот и бросаем войска, как дрова в печку, по мере прибытия, вместо того чтобы их сберечь да всё грамотно организовать. «Ни шагу назад!» — только и слышишь, а немцы уж почти всю Белоруссию прошли! По уму как ежели, то надо бы сейчас все прибывающие войска не в бой бросать прямо «с колёс», а в междуречье Двины и Днепра отправлять, оборону там строить, которой сейчас нет. А может, и на Днепр даже. И не на западный даже берег, а на восточный, чтоб ещё и рекой прикрыться. Надо-то ведь встать намертво, чтобы немцев остановить. А мы, сам знаешь, все предвоенные годы обороне почти что войска не учили. «Наша армия будет самой нападающей!..» — это даже в уставе записано. Вот теперь и платим за всё. Вот теперь и надо было бы такое решение принять. Горькое, да ничего не сделаешь. Гражданских хоть и гоняют толпами на оборонные, но много ли с того толку? Копают-то ведь старики да бабы. А что они накопают там, где мужицкая сила нужна? Дивизии сапёрные нужны, а не то чтобы батальоны или даже полки. А где они? Нету!.. Нам сейчас главное — время бы выиграть. Задержать продвижение немцев, насколько это возможно. Не дать им возможность наступать с таким же темпом. Главное — опомниться от разгрома!..»

– 7 –

Всю дорогу до места назначения Палушу одолевали горестные раздумья: «Немцы в Минске! Как такое могло произойти всего за одну неделю? Ведь даже до 39-го года Минск стоял не у границы. А в сентябре 39-го границы отодвинулись на запад до 200 километров. И наиболее далеко как раз в районе Бреста и Белостока, образовав там даже выступ в сторону Германии. До Минска же от Бреста 350 километров. Это же по 50 километров в сутки темп наступления! Средний темп. Значит, где-то и больше. О каком же тогда героическом сопротивлении Красной Армии пишут газеты, если немцы движутся по территории СССР с такой скоростью? Такой темп наступления возможен только лишь в условиях полного разгрома противника и отсутствия с его стороны хоть какого-то противодействия. Отдельные очаги не в счёт. Но у нас же 5 миллионов под ружьём было ещё до начала войны... И где всё это?»

Палуша вспомнил лекции преподавателей на курсах, где он учился в 1937-м. Вспомнил про понятие о материальных ресурсах, которых в СССР было несравнимо больше, чем у любой другой страны и Германии в частности. Даже несмотря на захват ею ряда европейских государств. Вспомнил о «мобилизационных возможностях» СССР, которые опять же были несоизмеримо выше, чем у Германии. Но, главное, он вспомнил, что Версальский договор запрещал Германии иметь танки и любое другое тяжёлое вооружение. Что она по этой причине — для того, чтобы скрыть от остального мира, — готовила лётчиков и танкистов для своей армии в наших Липецке и Казани. И теперь эти лётчики бомбят наши города. Эти танкисты наматывают на гусеницы своих танков километры советской земли...

«Но их же не может быть очень много, — продолжал размышлять Майков. — Их же старались готовить втайне, и эта подготовка не носила массового характера. Откуда ж тогда преимущество-то? Подавляющее преимущество немцев в танках и авиации, о котором твердят все газеты. Ведь у нас же в армии и танков, и самолётов многие тысячи. Никакого превосходства просто не может быть. Только если всё вооружение взять — и бросить. Вот тогда и Минск можно захватить на исходе первой недели войны».

В сообщения газет, объяснявшие всё происшедшее предательством генерала Павлова, командующего Белорусским военным округом, Майков не верил. Они писали, что будто бы именно командующий округом и его штаб приняли перед войной реше-

ние сосредоточить такое количество войск у самой границы для якобы более надёжной её защиты. Решение, которое с началом войны обернулось катастрофой, потому что войска сразу попали под внезапную губительную бомбёжку врага и оказались полностью разбиты или окружены, не оказав врагу ожидаемого сопротивления. Такая трактовка событий могла бы стать объяснением человеку, не знакомому со спецификой военного дела. Но Палуша-то прекрасно понимал, что решение подобного масштаба — дислокация огромного количества войск целого округа — это не прерогатива его командующего. Существуют — вернее существовали — планы прикрытия, согласно которых и определялось местоположение любой дивизии или даже полка. Такие планы разрабатывал Генштаб, а то и лично нарком обороны. А скорее всего, это вообще решалось на Политбюро ЦК. И при чём тут генерал Павлов вместе с его штабом? Его просто выбрали козлом отпущения. Как будто и в Прибалтике он отвечал за размещение войск. Как будто и на Украине выводил полки и дивизии прямо к линии границы на Львовский выступ, где они и попали под сокрушительную бомбёжку...

«А почему Жуков в Тернополе? — вспомнил Палуша разговор с командармом. — Что он там делает в такое время? Ведь он же начальник Генерального штаба! Его место в Генштабе. Его обязанность — собирать сведения, поступающие с фронтов, и принимать решения... — эта мысль настолько потрясла Палушу своей очевидностью, что он даже усомнился в том, что говорил ему командарм. — Не может такого быть! Не может начальник Генерального штаба в такой момент ехать куда-то к самой границе, нечего ему там делать...» Но, поразмыслив, понял, что причин не доверять командующему армией у него — Майкова — нет. Значит, действительно произошло невероятное, если самый главный начальник, от которого зависит принятие всех решений на оборону, отсутствует на своём посту.

И вдруг Палушу будто молнией прошибло: ошибка произошла наверху! Где-то там, на самой вершине власти, принято было огромной тяжести ошибочное решение. Решение, которое привело к катастрофе на фронтах. И выезд начальника Генштаба куда-то в округ сразу после начала войны — часть этого решения. Подготовка немецких лётчиков и танкистов перед войной на нашей территории и наших базах — часть этого решения. Дислокация огромного количества войск и техники у самой границы — часть этого решения. И газетная трескотня о героическом сопротивлении — часть этого решения, призванная скрыть масштабы его ошибочности.

«Но как же тогда остановить врага? — продолжал размышлять Майков. — В Красной Армии существуют внутренние военные округа и армии второго эшелона. Вот две из них уже выдвинулись вперёд и воюют под Витебском. Третья выдвигается. Значит, это совсем не обязательно, чтобы Гитлер дошёл до Москвы. Значит, его надо просто остановить вот где-нибудь тут, при входе на Смоленщину...»

– 8 –

Как в воду глядел командарм! Ещё будучи в штабе армии, где получал необходимые документы, Палуша узнал, что немцы подвергли мощной атаке по земле и с воздуха части Красной Армии, защищавшие Витебск. Спешно организованная оборона этих атак не выдержала, была опрокинута на широком фронте, и в результате всего противник древний белорусский город захватил. Понеся большие потери, части Красной Армии отступают, и теперь Майкову предстоит организовать оборону силами всё тех же двух полков, но уже на новом месте. Вернее, силами того, что от этих полков осталось. С учётом этого последнего обстоятельства — больших потерь — Палуше был передан ещё один прибывший к месту назначения батальон под командованием капитана Гуревича, в котором насчитывалось около 700 человек. И вот во главе этого войска, в сопровождении отделения автоматчиков, обещанных командармом, Майков и прибыл к месту назначения.

Один из полков, которым ему предстояло командовать, занимал оборону на берегу небольшой реки. Собственно, как вскоре убедился Палуша, никакой обороны не было. Лишь небольшие окопчики для бойцов да стрелковые ячейки для пулемётчиков. Никаких траншей и ходов сообщения не было и в помине.

В самый момент прибытия на командный пункт полка Майков увидел, как молодой совсем ещё полковник истошно кричит кому-то по телефону, пополам с матюгами, приказывая держать оборону. Палуша сразу понял, что это и есть тот самый «выдвиженец с верхов», который, по словам командарма, «батареи от батальона не отличит». К полковнику подскочил запыхавшийся от быстрого бега боец и сходу выкрикнул:

«Товарищ полковник! Немецкие танки прорвались! Обходят с фланга!»

«А где батарея Тюкалова?»

«Не знаю!»

«Отходим!» — приказал полковник.

«Отставить!» — властно выкрикнул Палуша. Все мгновенно обернулись в его сторону.

«Ты кто такой, чтобы тут командовать?»

«Я — подполковник Майков...»

«А я — полковник Клыков! И командую здесь я!»

«Я назначен исполняющим обязанности командира дивизии и приказываю вам, товарищ полковник, прекратить сеять панику! Иначе я прикажу вас арестовать!»

«Что-о-о?! — картинно нагнул голову полковник и приблизил её к лицу Палуши. — Это я счас прикажу тебя арестовать и расстрелять прямо тут на КП как немецкого шпиона!»

«Адъютант! — грозно рыкнул Палуша, обращаясь к командиру автоматчиков. — Взять его! — спесивый полковник и рта не успел раскрыть от удивления, как уже два крепких бойца, подскочив с обеих боков, завернули ему руки за спину. — Ввиду создавшейся ситуации, властью, данной мне, я отстраняю вас от командования полком! — объявил Майков. — Начальник штаба!»

К Палуше подскочил молодой энергичный майор:

«Начальник штаба майор Шевчук!»

Майков протянул ему свои документы.

«Доложите обстановку!»

Майор растерянно пожал плечами и невнятно промямлил:

«Вот... немецкие танки прорвались...»

«Откуда здесь танки? — Палушу с самого начала мучил этот вопрос. — Ведь впереди река».

«Не могу знать... Наверное, прорвались».

«А там что такое?» — Палуша мотнул головой в сторону, где неподалёку от КП полка виднелись силуэты нескольких легких танков.

«Это разведрота дивизии. Вернее, всё, что от нее осталось».

«Сколько там?»

«Четыре «плавуна». Полковник Клыков держал их в качестве последнего резерва».

«Командира разведроты ко мне! Бегом!»

Через несколько минут к Майкову подбежал командир:

«Старший лейтенант Мелешко».

«Слушайте приказ, старший лейтенант: все имеющиеся в наличии танки приготовить к отражению атаки противника! Начало и направление по моему указанию, вам ясно?»

«Но в роте только четыре плавающих танка...»

«Отставить разговоры! Вперёд!»

«Слушаюсь!» — комроты побежал к своим.

«Где полковая артиллерия?» — задал Майков новый вопрос начштабу полка.

«Там!» — майор махнул рукой за спину.

«Товарищ майор! Товарищ майор! — вдруг громко закричал тот же боец, известивший о прорыве танков. — Артиллеристы! Артиллеристы бегут!»

Все повернули головы в указанном направлении и увидели небольшую группу людей без оружия, бегущих в направлении командного пункта.

«Сто-о-ой! — заорал майор, завидя бегущих. — Почему бросили позиции? Где командир батареи?»

«Товарищ майор! — один из бегущих направился прямо к начальнику штаба. — Батарею разбомбили! Комбат погиб!.. Мы не могли. Мы ничего не могли...»

«Отставить! — вмешался Майков. — Гуревич!»

«Я!»

«Один взвод со мной, остальные на месте. Адъютант! Два человека на охрану вот его, — Палуша указал в сторону обезоруженного полковника. — Остальные за мной! — он выхватил пистолет из кобуры и, будто обыкновенный Ванька-взводный, бросился вперёд. — Артиллеристы! — крикнул, оглянувшись уже на бегу. — Показывайте дорогу!»

В этом был весь Палуша.

Его порыв подхватили бойцы отделения автоматчиков, часть батальона Гуревича, а после окрика и сбежавшие с позиции артиллеристы. Очень скоро они достигли позиций батареи, и перед Палушей предстала картина происшедшего. Батарею действительно атаковала немецкая авиация. Одно из орудий перевёрнуто вверх колёсами. Обнаружилось повреждённым ещё одно, но остальные-то стояли целёхонькие! Даже боекомплекты рядом с ними.

Батарея была установлена на небольшой высотке. Пространство до реки было в этом месте ровным, насколько хватало глаз, и лишь в одном месте природа образовала невысокий покатый холм. Один скат его, обращённый в сторону реки, был доволь-

но крут и представлял серьёзную преграду для любого рода войск. Все же остальные были пологи и удобны. Местность с высоты этого холма лежала как на ладони.

В низине Палуша увидел танки. Их было немного — десяток-полтора — все они были лёгкими по виду, но они стремительно катили вперёд, вклиниваясь в стык двух полков, над которыми Майкову предстояло принять командование. За танками густыми цепями быстро двигалась пехота. «Не меньше полка», — прикинул Палуша. Было ясно, что атака противника, не встречающего достойного сопротивления, грозит прорывом по смежным флангам двух полков. А дальше их возможным окружением. Ведь это была излюбленная тактика немцев: прорыв, окружение, а затем и полное уничтожение противника. Так они уничтожили весь первый эшелон Белорусского военного округа, совершив невиданное доселе в истории войн окружение многосоттысячного войска, так они действовали и тут. И главный их враг — артиллерийская батарея — молчал.

Возле одного орудия Палуша разглядел маленького худенького бойца с непомерно большими ушами, которые топорщились к тому же в стороны, как два лопуха, и подскочил к нему.

«Почему не стреляешь!»

Боец затравленно повернул голову и совершенно неожиданно ответил:

«Я не умею».

«А почему тогда не побежал?» — рявкнул Майков. Боец пожал плечами, ещё больше округлив глаза, и столь же обнажённо-искренне сказал:

«Я испугался».

Эта подкупающая своей естественностью откровенность совсем ещё мальчишки потрясла Палушу: не стреляет, потому что не умеет; не побежал, потому что испугался.

«Ты кто?» — смягчившись, выкрикнул Палуша.

«Заряжающий первого орудия красноармеец Будников!»

«Заряжай!» — принял решение Майков и припал к прицелу.

До немецких танков было недалеко. Они обходили позиции батареи справа, будучи совершенно уверенными в том, что батарея подавлена авиацией.

«Танки справа! — скомандовал Палуша. — Развернуть орудия!»

Первый снаряд вздыбил землю позади одного из немецких танков. Палуша довернул орудие вправо, покрутил прицел — второй снаряд разорвался перед самым носом танка, но по-прежнему не причинив ему вреда. А вот третий угодил прямо в борт, и танк почти сразу вспыхнул. Ещё два выстрела, и ещё один танк остановился.

«Батарея, слушай мою команду! — выпрямился возле орудия Палуша. — По танкам противника... бронебойным... упреждение одна фигура... беглым... огонь!»

Не был Павел Федосович артиллеристом. Не освоил всех тонкостей этого дела, где разные цифры в прицеливании командиры сыплют как горох, но его «упреждение одна фигура», годное больше для пехоты, понято было «пушкарями» мгновенно. И батарея открыла беглый огонь. Очень скоро по всей низине там и сям запылали немецкие танки, в нерешительности замедлила продвижение вперёд пехота.

«По пехоте... осколочным... огонь!»

В наступающих немецких цепях один за другим поднялись фонтаны огня и земли. Часть наступающих развернулась фронтом на холм и повела атаку на позиции батареи.

«Автоматчики! — вспомнив о резерве, скомандовал Палуша. — Занять оборону! Прикрыть батарею! — глянул на жиденькую горстку своих бойцов, изготовившихся к бою, и понял — мало. — Лейтенант! — крикнул командиру взвода из батальона Гуревича. — Посыльного на КП! Приказ командиру батальона — немедленно организовать контратаку с фланга. От батареи! Командиру разведроты поддержать атаку всеми наличными танками. Остальным занять оборону! Выполнять!»

«Слушаюсь!» — лейтенант сорвался с места и бросился к бойцам.

А в атакующих рядах противника уж всё переменилось. Уж никак не меньше половины его развернулось фронтом на холм. «Эх, сомнут! — подумал Палуша. — Что мы тут с одним взводом сделаем на голом месте?»

«Приготовить гранаты!» — закричал он залёгшим бойцам. А на солдатах вражеских уж и лица можно разглядеть.

Сзади и сбоку послышался нарастающий рокот моторов. Палуша, оглянувшись, увидел четыре лёгких танка разведроты и густые цепи красноармейцев с винтовками наперевес. Их было всего четыре лёгких «плавуна», но они появились столь неожиданно для противника, навели своим появлением смятение в его ряды, захватчики повернули вспять. И вот они уже бегут. Проходит несколько минут, и ни одного вражеского солдата не остаётся в низине. Полная победа небольшой, но хорошо организованной группы над значительно превосходящим противником.

В последующие четыре дня ничего не смогли сделать немцы с воинским формиро-

ванием, которое оказалось под началом Майкова. На пятый день тяжёлых боёв противник прекратил попытки прорвать фронт на участке группы Майкова, нащупал более слабое место в обороне, ударил туда.

И справа, и слева от группировки Красной Армии, сдерживающей врага на смоленском направлении, произошли прорывы фронта на большую глубину, и сразу три армии оказались в очередном котле, масштабы которого уступали разве что белорусскому котлу, устроенному в первую же неделю войны прямо на границе.

Глава десятая

– 1 –

«Здравствуй, дорогой братик Ерошка!

С красноармейским приветом к тебе родной твой брат Пантюха. Во первых строках своего письма сообщаю, что покуда жив и здоров, чего и желаю тебе жо. Нахожусь я теперь в действующей армии на Н-ском направлении. Ну, про это направление нам ишо татя наш говаривал, когда с Гражданской воротился. Помнишь — ево спас с Ивашком Стуковым мужик? Егором будто бы ево звали, а фамиль евонну я теперь уж и не помню. Дак у тово Егора будто бы как сыновья погинули на том же направлении в Гражданскую, где мы сичас. Но только немца мы не гоним. Пока што он нас гонит. Шибко уж как-то много у ево танков и всякой этой техники. У нас тут-инде танк ли, два ли, ковды нас в атаку-то подымут. Немцы тово часу их перестреляют — и чево? Куды мы по полю-то да безо всево? Минами завалят, как горохом, — вот тебе и вся атака! Взадь уж некому и отступать, считай што... А оне как ежли и поднимутся, у их танков этих сразу штук, можот, сто! Наши скоко-то пошшолкают жо, правда, ну, а где их всех-то перешшолкать, ковды их по полю ползёт, как у нас в деревне в теледнике овеч?! Скоко-то загорит жо, а уж остальные прямо по нашим головам! И как вот тут ты усидишь в окопе, ковды живая смерть на тебя по полю идёт? Но меня Бог покуда миловал. А из наших — уйдомских — убило четверых да троё раненых. Матюхи Паклина парню руку оторвало в локте, но загнило, и отрезали почти што по плечо. Горшкову младшему попал осколок в брюхо, и розворотило ево шибко. Аж кишки некоторы выползли! Не знаю, уж сботаитча ли, нет ли. Ну, да у Федула — тётушки Анисьи нашей сына, нашего-то братана — очередью пулемётной грудь пробило, и ево без памяти уж увезли. И вышло вот, што целый изо всех уйдомцев пока што я один.

Ладно. Ты, главно дело, про Никитку нашово хоть знаёшь ли чево? Я как ушёл на фронт, так ничево и не слыхал. И шибко за ево берёт забота. Живой ли, нет ли он топеря. Ведь у ево дитё жо малое осталось. И сам-то он ишо дитё, коль разобраться. Давно ли без штанов-то по деревне бегал? Из дому было писано, што нету от ево известий. Но письмо то было ишо до Ильина дня. Это я в ту пору ишо на оборонных был. И больше с той поры уж ничево. И как они нонь тоже там? Тоска такая за последнё время навалилася по им, хоть волком вой! Как будто сто годов уж не видал их всех. А ведь всево-то бы три мисича. Кабыть бы, розреши сичас — бегом бы день и ночь до их бежал, штоб только хоть одним глазком увидеть! Отпиши за-ради Христа всё, што тебе про их известно. Шибко што-то уж тоскливо. Девок я своих не шибко бардовал, покуда возле ног они вертелись. Порявкивал на их, бывало, даже иногда, как шибко допекали, а теперь бы доведись, кабыть — и с рук-то не спускал бы! Ну, разе только штоб Натальюшку мою обнять. Тоже мочи нет терпеть эту тоску, а што, парень, сделашь. Надо уж воевать. Много рассосуливать не стану — душу только бередить — но тебя ишо раз Христом Богом попрошу: не жалей бумаги, коли времё есть. Всё, што знаёшь, напиши. И про себя, и про всех наших. Шибко тут без писем нам тоскливо.

Пока на этом до свидания. К сему брат твой родной Пантелеймон Власов.

17 числа сентября месяца 41-го года».

Ерошка перечитал письмо два раза подряд. Посидел, подумал, походил из угла в угол — перечитал в третий раз. Не помогает. Вроде бы радоваться надо — письмо от родного брата, первое письмо с фронта — а тоска такая со строчек веет, будто и не письмо это вовсе, а могила братова отверстая. И не здравствовать он желает, а со всем миром прощается и прощения у всех просит.

Н-ское направление, о котором говорил в письме Пантюха, было с некоторых пор новым направлением Ставки. Хоть и называлось оно официально Калининским, но вообще-то Пантя имел в виду Ржев, в направлении которого отступала дивизия, где он служил и который напрямую называть в письмах с фронта категорически запрещалось. Ведь это же Ржев. Какой тут, к чёрту, Витебск, какой Смоленск... Это Ржев! Это выход на Волгу. Это прямая угроза флангового обхода Москвы с севера. Падёт Ржев, Калинин — и всё. Дальше поворот на юг, как под Киевом, встреча с Гудерианом, идущим в обход Москвы через Тулу, — и вообще всё! Конец войне и парад немецких

войск на Красной площади. Как в Бресте в 39-м.

И тогда пришёл из Ставки приказ: «Ни шагу назад! Стоять насмерть!» И, выполняя его, приняли части дивизии решительный бой на ближних подступах к Волге. И полегли там во множестве. Досталась немецкая пуля и Панте. Вернее, не пуля, а снаряд, который разорвался прямо в траншее, где Власов находился, укрываясь от обстрела. Разнесло в клочья всех, кто рядом был, издырявило осколками и Пантю. Вздохнул он ещё несколько раз, покуда билась мысль в голове и сердце в груди, успел ещё подумать: «Эх, не довелось...» А уж что именно «не довелось» — так никто и не узнал. Потому что потух после этого в глазах русского мужика жизненный огонь, и перестало биться его сердце. Это было 18-го сентября 1941 года. То-то брату его чуть ли не две недели спустя показалось, что Пантюха в письме с ним попрощался. Но только показалось: самого ждала уж нелёгкая фронтовая доля и полная неизвестность.

– 4 –

Мурманское стратегическое направление никогда не фигурировало в планах и документах Генштаба как главное. Да что Мурманское — Ленинградское-то, если посмотреть по количеству и составу войск округа, и то было второстепенным. Против кого там воевать? Ведь одни финны поблизости. А финнам дали «прикурить» ещё год назад. И договор с ними подписан, чтоб не рыпались.

Иное дело — западное направление. По-старому говоря — Белорусский военный округ. Там только в первом эшелоне три мощнейшие армии с полным набором вооружения да ещё две во втором. А на Юго-западном — то бишь в Киевском военном округе — так и вовсе пять армий только в первом эшелоне, вдоль самой границы. Да в глубине ещё три. Даже Одесский округ если взять: ну что, казалось бы, там делать? Впереди одни румыны, а какую силищу туда нагнали! Назвали её девятой армией, возродив год назад после финского конфуза и расформирования как не справившейся с поставленной задачей, и набили войсками так, что ахнешь. Одних только стрелковых корпусов четыре. Механизированных два, кавалерийский... Один стрелковый корпус, правда, переподчинили Киеву перед войной, но он-то всё равно ведь никуда не ушёл. А отдельных частей да дивизий если ещё посчитать, кроме того сколько... И это армия мирного времени? Да не во всяком целом округе такая сила. Кому глаза застить собрались? Кого за нос водить этим названием — армия? Под Ленинградом в целом округе столь войска не было, сколь напихали генералу Болдину под Одессой в его девятую армию. А с виду всё как вроде бы пристойно. Как вроде бы обычная общевойсковая армия.

На крайнем же севере после финской войны из всех пяти армий, в войне участвовавших, ничего и не осталось. И 9-ю, и 8-ю армии расформировали как не выполнившие поставленных задач. Даже 7-ю, вынесшую главную тяжесть боёв на Карельском перешейке, убрали под Ленинград. И осталась на севере лишь одна 14-я армия, которая во время финской войны орудовала на правом фланге фронта, на самом берегу Баренцева моря. Вот ей теперь и предстояло одной растянуться на многие сотни вёрст аж до самого Ленинграда, где установить локтевую связь с 7-й армией Ленинградского военного округа. И в одиночку закрыть ту границу, которую во время финской войны атаковали пять армий со стороны СССР. Но и войска в ней насчитывалось поменьше, чем в других армиях, и артиллерии пожиже было, и танков меньше — с кем воевать-то? Впереди ведь только одни финны. Но воевать пришлось и воевать не с финнами.

31 августа 1941 года в Архангельск прибыл первый союзный конвой с вооружением. И понял Гитлер: важнейшая цель — Мурманск. Захватить его, лишить Северный флот его баз, ликвидировать саму возможность Северного флота оказать поддержку союзникам в проводке их конвоев. И полетели бомбовозы на заполярную столицу. Реку Западную Лицу форсировали, плацдарм на её восточном берегу захватили.

Теперь уже Сталину стало ясно, что ещё миг — и Мурманск возьмут — конвои не пройдут. Архангельский порт зимой недоступен, железная дорога к центру будет перерезана. На дворе сентябрь, и кругом одни «котлы». Под Смоленском три армии в окружении, под Киевом — пять, Ленинград в блокаде, и к Москве вражьи пальцы-дивизии потянулись с обеих сторон. Где взять войска для обороны Мурманска, если они позарез под Москвой важны? И полетели руководству Мурманской области и командованию 14-й армии циркуляры: «Помощи войсками и вооружением не ждите. Изыщите собственные резервы. Город удержать любой ценой!»

А в городе из довоенных 100 с лишним тысяч населения осталась едва ли половина. А все и вроде как при деле. А все и «на брони». Откуда ж резервы-то? И полетели от руководства Мурманском циркуляры на предприятия и организации: «Пересмотреть!» «Изыскать!» Вот и изыскали Ерошку Власова. Пулемётчик ведь. Война идёт, а пулемётчик не у дел.

– 5 –

Полярная дивизия народного ополчения формировалась с миру по нитке. Оттуда — человек, отсюда — три... там с десяток... Но всё одно мало. На два полка только людей наскрёбывается. Но всё равно — вперёд: сбить немцев с плацдарма.

Полк, в который попал Ерошка, прибыл в указанный район в самые последние дни сентября. Уж было холодно, уж по ночам и примораживало, ветер с моря леденил. Подогнали туда ещё один полк из вновь набранных и перед новоявленной стрелковой бригадой поставили задачу: взять сопку, которая над местностью господствовала и плацдарм вражеский на берегу реки с востока прикрывала.

А воевать-то чем? Повыскребли где что могли, подвезли, открыли ящики оружейные — а винтовок на всех и не хватает. В двух ящиках так и вовсе шашки кавалерийские оказались. Ерошке винтовки не досталось. Нашёл какую-то бадожину — ею и приготовился врага крушить. Это кадровый пулемётчик. Пулемётчик-снайпер! Ну, не с голыми же руками в атаку бежать. «Ур-ра-а-а!» — и побежали оба полка на злосчастную сопку. Кто-то с винтовкой, кто-то с саблей, кто-то с бадожиной, как Ерошка, а были некоторые и ни с чем. Где колов в тундре на всех наберёшь?

Немцы ударили из миномётов. Будто картошка из рваного мешка, мины сверху посыпались по цепям бегущих... О, Господи! От пули за камень хоть бы можно спрятаться, а от мины куда же ты заляжешь? Она же, стерва, сверху падает. И началось... Кому-то ногу оторвало, кому-то руку, а кому-то и голову. С Ерошкой рядом грузчик из порта бежал. Винтовки не досталось тоже. Уразина в руках величиной с оглоблю. Ну, говорит, дай бы только Бог мне до их добежать, уж хоть одну башку проломил бы, ни жалесь, фашисту, штоб не лез на чужую землю! Рвануло в очередной раз сбоку. Ерошка глянул в ту сторону — мать честная: у грузчика рот оторван подчистую. Дырища в глотке, и язык из неё, как у собаки, вывалился весь и висит. Но ведь бежит же, бедолага. И орёт! И коляжину из рук не выпускает — уж шибко, видать, охота хоть бы одного вражину угробить. Немного, правда, подбежал — упал... Ерошка со страху от этой картины ещё пуще побежал. И все бежали. Остановиться-то как ежели — ведь смерть для всех. А как если бежать, то для некоторых только. И все это поняли и продолжали бежать в атаку безостановочно.

И ведь добежали! Добежали до верха сопки — и в штыки, у кого они были, а у кого не было — те чем попадя по чужеземным головам. И раскрошили всех, кто там был, в мелкую крошку.

Глава одиннадцатая

– 1 –

На «октябрьскую» пошёл долгожданный снег. Стоял один из редких для Уйдомы дней в целом году, когда все, даже маленькие и худосочные, ветерки словно бы позабыли про свою каждодневную заботу — шнырять по уйдомским угорам, заглядывая и беспокоя своим появлением каждый закоулок, — и снег как будто бы наслаждался этой столь необычной тишиной и спокойствием. Он неспешно падал пушистыми белыми хлопьями, будто нехотя, словно задумываясь по дороге — упасть или ещё повисеть хоть малость в сделавшемся каким-то мягким воздухе — и в то же время тщательно и бережно укрывая землю, как хозяйка постель на большой праздник.

«Слава тебе Господи! — крестились уйдомцы. — Дождались!»

А уж как ждали! Ведь ещё в сентябре, едва картошку только выкопали, инеи завалились. Ледок на лужах запоявлялся уж в октябре, а на Покров — это же надо — на Курженьге забереги показались. Когда такое было? Курженьга ведь не лужа застоялая, походя её не обуздаешь. Земля схватилась на добрую четверть до конца октября, и головочесальная свалилась на людей напасть: чего обуть? Валенки ежели, коль такой мороз — враз истаргаешь обутку по шелупе. Ведь как каменьем земля ощетинилась замёрзшей грязью. День-два в валенках шагни-ко только — все и в дырах будут. А кто ушивать? Мужиков-то нету. Лапти ежли натиперить на ноги с онучами — тоже долго не проносишь. Сапоги? Так их, во-первых, ещё надо где-то взять, чтобы на всех в дому хватило, а во-вторых, в них ноги стынут даже на ходьбе. Вот и чеши затылок в раздумьях.

А и почесать не дают бригадиры колхозные. И свет-то Божий ещё не ступил на грешную землю, а они уж под окошком с бадогом и по стенам бадогом этим: на работу, дескать, хозяева! А какие хозяева? Считай что, наголо одни хозяйки. Хозяева на фронте, а кто-то уж и во сырой земле. Не хуже снега завалило Уйдому «похоронками» за четыре месяца. За всю Германскую столько не было. Тот убит, другой без вести пропал...

Маню Антипову вся деревня, как огня, страшиться стала. Как только где она пока-

жется с сумкой на плече, все бабы так и обмирают, как будто в сумке Маниной одно только горе горькое. Уж не раз и не два подумывала Маня бросить это дело — почту разносить. Уж шибко невмоготу стало горе людское своими ногами разносить, а руками раздавать. Но где доход в дом взять, коль почту разносить отказаться? В колхозе? Не-е-е! От одного лишь воспоминания этого слова в душе Мани вскипала лютая ненависть ко всему, что было связано с колхозом и с властями, его установившими. Жизнь её всю переломало это слово. Уж лучше смерть, но только не в колхоз.

– 2 –

На Октябрьскую собрались уйдомцы к сельсовету.

«Дорогие товарищи! — начал приезжий секретарь. — От имени районного комитета партии большевиков и от себя лично поздравляю вас с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции! Наша революция, товарищи, открыла новую эру в истории человечества. Она дала возможность вам — простым крестьянам и вашим братьям по классу рабочим — стать хозяевами вашей жизни и навсегда сбросить с плеч ненавистное ярмо эксплуатации помещиков и капиталистов. Она открыла новые пути... — какие именно пути были открыты революцией, народ пропустил мимо ушей, все напряжённо ждали, «чево там ишо»: — В тяжёлую годину встречаем мы наш главный праздник — день рождения советского государства. Коварный враг напал на нашу страну. Напал вероломно, напал, нарушив мирный договор, и, не ожидавшая такого коварства, Красная Армия понесла тяжёлые потери. Она оказывает героическое сопротивление зарвавшимся гитлеровским захватчикам, но силы неравны, и враг всё дальше и дальше продвигается вглубь страны. Уже захвачена Белоруссия и почти вся Украина. Пал Смоленск и осаждён Ленинград. Жестокие бои идут на Мурманском направлении и на Калининском. Я прошу обратить ваше внимание, товарищи, что положение сделалось угрожающим. Враг не только захватил Ржев и Калинин, где воюют большинство наших земляков, он не только перерезал Октябрьскую железную дорогу, но он создал и прямую угрозу продвижения дальше. На Ярославль и Вологду! — тут народ, не сговариваясь, охнул: как на Ярославль? Как на Вологду? Ведь это же конец всему? — И каждый из вас понимает, товарищи, — будто откликаясь на вопросы, сказал секретарь, — что если это, не дай Бог, произойдёт, если Ярославль и Вологда будут захвачены врагом, то немцы перережут единственную оставшуюся магистраль, соединяющую Архангельск с центром. И тогда тот поток военной помощи от союзников, который пошёл к нам через Архангельск, будет ни к чему. Помощь не дойдёт до действующей армии, и это может обернуться очень тяжёлыми последствиями. В связи с угрожающей обстановкой на северном участке фронта Центральный комитет нашей партии принял решение о мобилизации населения на оборонные работы. Это очень трудное решение, товарищи, ибо оно отвлекает трудоспособную часть населения от важнейшего дела — снабжения нашей армии продовольствием и всем необходимым — но ЦК партии вынужден был пойти на эти крайние меры. Потому что если не остановить сейчас рвущегося вперёд врага, он обойдёт Москву с севера, перережет железную дорогу на Архангельск, и наша столица может быть взята им. Я думаю, что вы прекрасно понимаете, товарищи, что это может означать для нас и нашего государства. И потому Центральный комитет принял решение: мобилизовать всех девушек 17-ти и 18-ти лет на оборонные работы. Списки мобилизованных уже составлены. Они находятся в сельсовете, и все вы будете с ними ознакомлены. Мобилизация на оборонные работы приравнивается к мобилизации в действующую армию, а потому уклонение от неё или попытка саботажа будет караться государством по всей строгости военного времени».

Все собравшиеся ощутили, что война зашла прямо к ним в деревню. До этого она была где-то далеко, и в это «далеко» забирали мужиков, так же как и в Германскую в 1914-м году. Теперь же война пришла сюда и потребовала новую дань — молоденьких девушек, которым предстояло делать совсем не девичью работу. Но давно уже привыкшие к тому, что всякая власть — это насилие, люди понимали: сопротивление бесполезно. Как было оно бесполезно, когда их силой запихивали в колхозы, выкручивая руки непокорным непомерными налогами, ссылкой и даже полным уничтожением, как Стуковых. Когда гнали на лесозаготовки и опустошали хозяйства грабительскими госпоставками. А когда, уж перед самой войной, порушили власти основу основ деревенского уклада — белокаменную красавицу церковь, не обращая внимания ни на какие протесты и выкрики: «Антихристы проклятые!» — люди особенно наглядно усвоили, что «все эти сельсоветы и комитеты от диавола» и что они могут лишь издавать циркуляры для исполнения, ни в малейшей степени не интересуясь мнением и желанием народа, как это было при царе на деревенском сходе, где всё решалось сообща и право слова имел каждый. Люди крепко усвоили: теперь они ничего не решают.

Они должны лишь исполнять чьи-то решения, а вот какие они, эти решения — добрые или злые, разумные или бестолковые — в этом люди изменить что-либо не могли. Их удел — исполнять. Как удел скотины: разрешит хозяин — пожуёшь травку, не разрешит — пойдёшь под нож.

Но на страну напал враг. И ему всё равно, кто ты есть — простолюдин или партийный секретарь. Он — общий враг для всех. И его надо изгнать. А для этого нужно единство. Только тогда возможно победить жестокого врага. Так бывало всегда. Перед лицом большого горя все объединялись. И заезжему краснобаю никто не возражал. Все уйдомцы в душе были согласны: выхода действительно больше никакого нет. Копать мёрзлую землю стариков со старушками действительно не пошлёшь, и это решение правительства — здраво.

«А одёжу нам казённую дадут?» — раздался из толпы чей-то голос.

«Нет, товарищи! На месте производимых работ вы будете обеспечены только необходимым инструментом и пропитанием по нормам военного времени. Одежда должна быть у каждого своя».

Больше никаких вопросов секретарю никто не задавал.

– 3 –

Надька Демидова даже и не задумывалась, ехать или не ехать ей на оборонные. Конечно, ехать! Ибо больше некому: все мужики на фронте. На другой уже день после праздничного митинга Надька, как и многие её знакомые и подруги, шла по заснеженной дороге к райцентру, где намечен был общий сбор всей партии мобилизованных на эти работы.

Их собралось несколько сотен — таких же, как и Надька, 17-18-летних девчушек. Им дали в сопровождение 4 лошади, запряжённые в сани, на которые был загружен хлеб и кое-что ещё из самого необходимого. Партийный секретарь сказал в напутствие краткую речь, полную суровых предостережений, и поставил задачу: всем им предстоит пешком добраться до ближайшей железнодорожной станции, до которой 100 километров. Времени на это отведено 4 дня. Предстоит коротать ночи в сараях да сеновалах попутных колхозов, с которыми это уже договорено. И девчушки пошли. Пешком. А как ещё дойти до станции, коли река замёрзла, а другого способа попадать куда-нибудь из райцентра или в райцентр издалека в зимнее время просто не существовало. До войны были лошади, так ездили на них, но теперь лошадей нет. Но никто не роптал. Девчушки понимали, что предстоящую работу могут сделать только они — больше некому.

На поезде тащились чуть не двое суток. В товарных вагонах. Без печек, без кроватей — только нары в три яруса да немного сенца на них. Добрались до Вологды. Выгрузились — и опять грузиться. Дальше — в Грязовец. В Грязовце огромную толпу молоденьких девчушек погонили в чисто поле. Как стадо телят. Никто не роптал, каждый понимал всю важность и необходимость дела, ради которого согнали в одно место тысячи людей.

Выгнали всех в чистое поле, на пронизывающий до костей ветер и сказали: «Вот тут надо выкопать окопы, блиндажи, ячейки, капониры и прочие траншеи да ходы сообщения на много-много вёрст». И приободрили слегка: «Тут неподалёку есть деревня. Километра три до неё, и там вы будете ночевать. Прямо сейчас мы туда пойдём, и вас всех распределят по домам».

В каждую избу запускали ровно столько, сколько могло расположиться там на полу вповалку в один слой, и распределили всех. Сказано было хозяевам (вернее, хозяйкам) домов, что мобилизованные будут приходить только на ночлег, всё остальное время они будут копать, что трудности эти временные, что надо потерпеть, потому что война — она для всех и, стало быть, это надо понимать и принимать.

Набросали на пол сена да соломы и улеглись рядком в одежде во своей. Хоть в тепле, дак и то ладно. Уснули как убитые, едва лишь головы к сенным настилам приложили.

Задача на другой день: копать. Снег спорхали с земли, а дальше — камень. Земля — камень. Лопата звякает и не берёт. Глызку маленькую только отколупывает, как стукнешь, — и всё. Выдали ломы. А их девчушки отродясь в руках не держивали. Не бабий это инструмент — лом-то. Бабе бы скалку в руки деревянную, чтоб тесто раскатать, али сковороду, а тут — лом. Но делать нечего, копать надо. Взялись да и попеременку давай тюкать. Одна запыхается, ей на смену сразу же другая.

«Чтоб лом горячий был всё время!» — военные ещё и подзадоривали.

И так, считай что, на полметра всё по мёрзлому, покуда в мягкое не воткнулись. Тут-то и обрадели: теперь-то уж выкопаем! Вот ведь как оказывается: даже в такой работе праздник может быть. Покуда ломом мёрзлое пробивали — чистая каторга для

всех, а как до мягкого дело дошло да лопаты пустили в ход — тут уж и праздник. Хоть и руки выворачивает от усталости.

А присесть или постоять не дают. Чуть маленько кто-то остановился, сейчас и крик: «Чего встали?! Под трибунал захотели? А ну, копать!»

Слово это казённое — трибунал — страшило больше, чем наган на поясах у военных, и перепуганные этим словом девчушки старались не стоять. Только один раз за весь день им разрешили посидеть вокруг разожжённых по всему фронту работ костров. Отдохнуть и обогреться. А ещё в это время всем дали хлеб. По 300 граммов. Замёрзший, затвердевший — зубы сломишь — но хлеб. И его проголодавшиеся девчушки сгрызли чуть не за один укус, даже не заметив твёрдость, словно вконец отощавшие бездомные собаки голую кость.

«Вы чего делаете?! — воскликнули воинские начальники. — Вечером-то чего есть будете? 300 граммов — это ведь вам на весь день».

И вот тут как-то сразу в ответ поднялся недовольный тысячеустый вой:

«У-у-у-у-у!» — будто от стаи голодных волков, пронеслось по всему фронту траншей от костра к костру.

«Да как же мы с такой кормёжкой копать будем? — раздались возмущённые крики. — Лопату ведь не выздынуть, не то что лом!»

Но военные к такому повороту дел, по-видимому, были приготовлены.

«Тих-х-ха-а-а! — раздалось, заглушая, возмущённые голоса. — В Ленинграде и того меньше выдают, и то люди живут. И работают. А вам по 300 граммов дали. И вы ещё возмущаетесь. Радоваться надо, а не возмущаться. И работать. А кто ещё пикнет — под трибунал, как саботажников! Все слышали? И предупреждаю всех, — продолжил военный начальник, — территория производства работ охраняется. Охрана с собаками. Так что не вздумайте бежать. Каждое утро перед выходом на работу — перекличка. Если кого-то не окажется на месте — под трибунал вся группа».

И уж не своим русским мужиком показался девчушкам этот горластый военный чиновник, а злобным недругом, как и те, что идут на Россию в рогатых касках. И разница между ним и теми в касках лишь одна: этот говорит по-русски.

И девчушки поняли: или они выкопают линию обороны, либо их самих тут закопают. А в 17 лет так хочется жить! Хочется ласки и любви, хочется кому-то быть нужной, единственной.

Какая же беда великая пришла на Русь! Эту истину каждая из согнанных на окопные работы девчушек по-настоящему осознала здесь, у кромок то ли отрытых траншей, то ли открытых могил.

– 4 –

Когда ударили 40-градусные морозы, окопные работы остановились. Почти совсем не стало подачи вперёд у девчушек, долбавших ломом мёрзлую землю. График строительства линии обороны полетел ко всем чертям. Надо бы сапёров — рвать землю динамитом, а где они, сапёры? Все на передовой.

«Надо костры! — решило военное начальство. — Землю ими отогревать и талое потом откатывать».

Но надо и топливо, коль так. Лес, слава Богу, недалеко. Но разве можно натаскать из него хоть тех же сучьев? О брёвнах и говорить нечего. Нужно тягло. Пошли начальники военные в колхоз ближайший, а там от всего лошадиного поголовья одна-единственная коняга осталась, годов двадцати от роду, вся измученная, на переднюю ногу прихрамывающая. Животину такую рачительный хозяин в доброе время давно бы уж на мясо перевёл, дабы избавить от мучений, но только где же времена эти добрые? Забыли уж про них те, кто их глазом своим видал, а Надька да ровесницы её — так те и вовсе не знавали. Осталась еле живая коняга дорабатывать свой век в оглоблях только потому, что как тягло в Красной Армии была негодна. Конфисковали. И повезли на ней девчушки из лесу топливо для костров. И разожгли костры спасительные по линии стройки, очистив землю от снега, и дело-таки сдвинулось. Пошла копка.

Лошадёшку на ночь во хлев деревенский, специально для неё выбранный, отводили, а утром опять в оглобли. И ведь тягала же! Словно понимала животина, что без неё никак. Месяц почти что изнурительной работы перенесла, в самую стужу, до 50 градусов доходившую, топливо отвозила. И пала. Прямо в оглоблях. Отмучилась.

Окопные работы закончились только в марте. И погнали назад до Грязовца тех, кто выжил. Опять в товарные вагоны запихали, муки мешок заместо хлеба, да и тронулись работницы войны в обратный путь. А морозище-то, даром что весна по календарю! Дует через все щели на ходу немилосердно. Перемёрзли девчушки, уцелевшие в своими же руками вырытых окопах. Там, на поле, выжили, а тут перемёрзли. Как брёвна, тельца их окоченевшие повывалят на остановках те, кто эшелон сопровождал, дадут

в живых оставшимся опять муки или сухарь, чтобы погрызть, студёнки пополам со льдом ведро, чтобы попить, — да и дальше.

Пока до конечной станции добрались, выходить из вагона уж, считай что, некому. Надька Демидова с Галькой Ефимовой выбрались же кое-как, ещё сколько-то человек за ними вслед, а остальных — тела мёрзлые, как брёвна, к обочине стащили. За труд поблагодарили тех, кто в живых остался, мёртвых помянули — ничего, дескать, не сделаешь, война. Муки опять немного на дорогу дали, и подите, мол, вы, девушки, на все четыре стороны.

Надька с Галькой и пошли. Перебрались по льду через реку, да и пошли всё той же дорогой, по которой осенью были гонены. Но уж домой. А сто вёрст до дому-то. По дороге не всяк хозяин пускает в дом. У всех же дети малые по избам, а тут подходит к дому неизвестно что такое: оборванное, грязное, вшивое — как такое страховище в дом пустить? Перебивались Галька с Надькой где как, где-то сухариком, где-то картошиной, где-то в овине заночуют, где-то в баньке на отшибе, а где-то и в тепло старушка сердобольная ночевать пустить не побоится.

Сотни девчат ушли из Уйдомы по осени, а взадь пришли — Галька да Надька. Где остальные? А кто ж его знает, другим ли эшелоном были перевезены, замёрзли ли дорогой?..

Часть вторая

Глава тринадцатая

– 1 –

В самом начале января наступившего 1942 года подполковник Павел Майков прибыл в штаб Калининского фронта, вернувшись в строй после тяжёлого ранения, полученного при выходе из окружения под Смоленском. Как только Майков переступил порог помещения, где разместился командующий, навстречу ему поднялся высокий поджарый генерал с широкой улыбкой на лице. Палуша обмер: перед ним стоял его бывший командарм, встретившийся ему перед боевым крещением под Витебском.

«Ну, вот мы опять и встретились, дорогой мой земляк! Я вызвал тебя в штаб, — объявил командующий после первых вопросов и ответов, — чтобы лично сообщить тебе, что ты назначаешься на должность командира дивизии в 39-ю армию. Это совсем новая армия. Она сформирована всего лишь месяц назад в Архангельске и сейчас перебрасывается на наш фронт для его усиления. Так что будешь бить немцев вместе с земляками, Павел Федосович. Перед нашим фронтом поставлена задача — разбить ржевскую группировку немцев и освободить Ржев. Это на первом этапе. На втором этапе — продолжить наступление в направлении магистрали Москва — Смоленск; вот взгляни».

Командующий подвёл Майкова к карте и указал на жирные красные стрелы, идущие вниз западнее Ржева: командование задумало грандиозное окружение врага. От Москвы прямо на запад в сторону Вязьмы тянулись другие красные стрелы, исходившие от Западного фронта. Их соединение со стрелами от Калининского означало бы полное окружение всей подмосковной группировки врага.

«39-я армия должна вынести на своих плечах основную тяжесть боёв на окружение врага, — озвучил замысел Ставки командующий фронтом. — Но это новая армия, в ней не хватает командиров, имеющих боевой опыт. Особенно командиров высшего звена. И когда я узнал, что тебя держат где-то в тени, то настоял перед Ставкой о твоём назначении».

«Спасибо, товарищ командующий!»

«Как думаешь, четвёртую «шпалу» тебе на петлицы не пора ли пришпилить? — генерал протянул Майкову новенькие петлицы с четырьмя блестящими полковничьими «шпалами» на каждой. — Приказом наркома тебе присвоено воинское звание полковник».

– 2 –

Командир 206-й пехотной дивизии Вермахта генерал Хёфль размышлял. После успешных для Красной Армии боёв на Калининском направлении, закончившихся изгнанием немцев из Калинина, русские вплотную подошли к Ржеву, вынудив основную массу немецких войск поначалу покинуть и его. Гуго Хёфль понимал, что наступление противника на этом не прекратится. Что Ржев — это их следующая цель, но когда, где и какими силами нанесут они удар? Войска дивизии Хёфля, изрядно потрёпанные в предыдущих боях, отступили за Волгу и приготовились встретить новый удар

противника. Но что значит — приготовились? На главные вопросы командир 206-й дивизии ответов не имел. Тем более, что после отступления дивизия оказалась не в самом городе, а слева по фронту от Ржева, вроде бы как в стороне, вроде бы как не на направлении возможного главного удара противника. Кто их знает, этих русских, что они задумали.

«Чего вот, спрашивается, они лезут вперёд в такой мороз? — недоумевал генерал. — Зарылись бы в землю, как и мы, дождались бы тепла. Ведь они же мёрзнут не меньше нашего. Ведь они же тоже люди. Нет — лезут... — генерал не находил разумного объяснения своей мысли. — И вообще, чего они до сих пор ещё воюют? Они давно уже должны были сложить оружие. Ведь мы подошли к Москве на расстояние выстрела из дальнобойного орудия. Их столица была в осаде, она и сейчас в осаде, несмотря на то что мы вынужденно отступили. Франция поняла, что поражение неизбежно, и сложила оружие. Зато она цела. Не разрушены её прекрасные города, цел Париж. А русские что делают? Их столица наполовину разрушена нашей авиацией. Пленных за полгода мы взяли сотни тысяч. А сколько уничтожено? Целые армии попадали в котлы. Горы брошенного оружия и техники. Это настоящая военная катастрофа государства. А они воюют. Почему они не поступят, как французы? Ведь им же нечем воевать. Их пехота шла в атаку под Калинином почти без всякой поддержки. Но так же нельзя. Это противоречит всем правилам военной науки — бросать людей в атаку без поддержки танков. Создаётся впечатление, что для них не существует военных правил. Они то бегут толпами, бросая оружие, то бросаются такими же толпами в рукопашную схватку и вцепляются в каждый метр земли, как это было под Смоленском, то оставляют большие деревни, которые сами же и сжигают. Но ведь там же их дети, старики, женщины, которых они оставляют без крыши над головой ради того только, чтобы доблестный солдат фюрера не мог провести ночь в тепле. А подмосковные водохранилища? Они же взорвали плотины и затопили водой огромные территории вместе со всем, что на них было, лишь бы наши солдаты не могли идти вперёд. Это не поддаётся здравому смыслу. Ведь эти огромные жертвы напрасны, Москва всё равно падёт. Кончится когда-нибудь этот адский мороз, мы снова пойдём вперёд, и Москва падёт. А вслед за ней падёт и вся Россия. Нужно всего лишь подождать до весны. Как-нибудь пережить зиму. Доблестные немецкие солдаты смогут сделать это. Они покорили Европу. Они уже прошли половину России. Осталось одно усилие — и победа... Но что же всё-таки задумали эти непредсказуемые русские? А вдруг они ударят в обход Ржева? И получится, что ударят как раз по 206-й со всеми вытекающими последствиями».

А ведь дивизия-то к обороне не готова так, как бы того хотелось её командиру. Этот проклятый «генерал мороз» так сковал землю, что в неё стало невозможно зарыться. И войска могут не выдержать удара. Командир 206-й ясно отдавал себе отчёт в этом. Он на месте русских так бы и сделал — ударил бы в обход Ржева по слабо оборудованной обороне противника. Прямая атака на город может иметь массу осложнений, а вот удар в обход по пустому берегу с целью прорыва фронта — это почти полная гарантия успеха. Не могут же русские не понимать того, что в условиях мороза наступать проще, чем обороняться. Оборона — означает удержание рубежей, а как их удержать, если эти рубежи к обороне не приготовлены? Нет траншей, оборудованных огневых позиций, наконец, негде укрыться от мороза и обогреться. В докладах подчинённых всё больше стали мелькать цифры потерь от обморожения.

– 3 –

«Получен приказ Ставки, — объявил комфронта командующим армиями, собранными на военный совет, — освободить от немецких захватчиков город Ржев. Навалиться на Ржев всеми силами фронта мы не можем. Во-первых, город невелик — мы только помешаем друг другу. Во-вторых, фланги надо будет укреплять от контрударов. И вообще Ржев — это только первый этап нового наступления. Надо подумать и о втором. А потому атаковать город будет только одна армия. Ещё одна поддержит её и обеспечит наш левый фланг с Западным фронтом. Главный удар мы нанесём правее. В обход города. По нашим данным, оборона немцев там не ахти, и нам по силам прорвать фронт. В наступление пойдут все оставшиеся три армии, но основной прорыв будет осуществлять 39-я армия товарища Масленникова. Она наиболее свежая из всех и достаточно хорошо укомплектована. Ещё одна армия должна быть в полной готовности войти в прорыв и надёжно обеспечить фланги. Чтобы наверняка достигнуть быстрого успеха, прорывать фронт будем на очень узком участке с дальнейшим расширением прорыва в обе стороны, — комфронта обвёл взглядом собравшихся, словно спрашивая их о том, понятен ли им его замысел, и продолжил: — Штаб фронта считает, что в создавшейся ситуации нам по силам совершить прорыв фронта на двух участках: вот здесь и здесь, — он указал места на карте. — По данным разведки, оборону тут

занимает 23-й армейский корпус немцев, и нам совсем ни к чему лезть на его позиции в лоб. Прорыв 39-й в центре наших боевых порядков позволит нам обойти позиции 23-го корпуса с его правого фланга, а прорыв на правом фланге нашего фронта позволит сделать то же самое слева от этого корпуса противника и блокировать его с обеих сторон. А дальше, уже юго-западнее, обе группировки должны соединиться и завершить полное окружение этого корпуса. Какие будут вопросы?»

«А что будет с нашим флангом? — спросил командующий правофланговой армией, перед которой только что была поставлена цель — прорыв обороны немцев на самом фланге фронта. — Как себя поведёт наш сосед?»

«Вопрос с командованием Северо-Западного фронта — нашим правым соседом — согласован, — успокоил генерала комфронтом. — Две его ударные армии уже получили задачу на поддержку нашего наступления. Они ударят одновременно с нами и обеспечат наш правый фланг. Ещё вопросы».

«Разрешите! — подал голос моложавый полковник в «кубанке». — Товарищ командующий, я ничего не услышал о роли кавалерийского корпуса в предстоящей операции».

«Вы — наш подвижной резерв».

«Но кавалеристы рвутся в бой, товарищ командующий. Они на многое способны в предстоящем прорыве».

«Не беспокойтесь, полковник, драки хватит на всех, — улыбнулся комфронта. — Сказанным наша задача не ограничивается. Это лишь первый её этап. После успешного его завершения — а я очень надеюсь, что всё так и будет — наступает второй этап. Его конечная цель — Вязьма. Вот тут-то нам и пригодятся конники больше всего. Если к тому времени всё произойдёт так, как мы планируем, оборона немцев уже будет дезорганизована. Вот тут-то и пойдут в атаку кавалеристы. Чтоб ещё больше заставить немцев драпать. А бросать коней в первых рядах через Волгу на пулемёты врага — это полная глупость. После прорыва фронта и блокирования Ржева с запада все наличные войска трёх армий должны войти в прорыв, расширяя его в обе стороны, и, повернув на юг, выйти на оперативный простор. Это позволит в значительной мере облегчить задачу армии, которая будет штурмовать город в лоб, с северо-запада. Второй этап операции, как я уже сказал, предполагает глубокий охват всей подмосковной группировки врага и выход к магистрали Москва — Смоленск в районе Вязьмы».

«Окружение?» — возбуждённо уточнил кто-то.

«Да! — подтвердил командующий. — Перед войсками двух фронтов поставлена задача — окружить и ликвидировать всю немецкую группировку под Москвой. Пока мороз нам в помощь. Пока они не очухались, пока отступают, пока всё на нашей стороне: и силы, и погода. Приказываю: ударным группировкам действовать решительно и быстро. В мелкие стычки не ввязываться, всеми силами вперёд! Разрозненные и окружённые группы немцев сами лапки вверх задерут, как только связь и снабжение потеряют. А потому — вперёд! Только вперёд».

– 5 –

Дивизии Майкова выпала роль пробивного тарана. Ей поставлена задача: прорвать фронт обороны немцев на узком участке, а потом в прорыв ввести новые соединения, расширяя прорыв по фронту в обе стороны. И ещё в одном месте фронта, как Майков знал от командарма, намечен такой же прорыв. Дальше, в случае успеха, войскам, слившись воедино, предписывалось продолжить наступление широким потоком. Палуша сразу оценил задумку комфронта: не сплошной цепью полков и дивизий пойти вперёд на широком фронте, а словно тонким жалом проколоть оборону врага в двух местах, опрокинуть её там за счёт созданного превосходства в огневых средствах и людях, а уж потом, словно воду из запруды, пустить через образовавшиеся бреши в обороне противника основные силы фронта. Всё говорило о правильности замысла, всё обещало несомненный успех, ибо концентрация войск на участках прорыва была очень высокой. Неизвестна была только цена, которую за этот прорыв предстоит заплатить. Цена людских потерь. Это-то и не давало покоя комдиву, который все годы службы в армии мыслил только этой категорией — категорией людских потерь. Очень уж всё гладко выходило в планах: прорыв, соединение, наступление, окружение — и полная победа в конце всей операции. Майков знал, что когда всё очень гладко в задумках, обязательно жди какой-нибудь подвох. И потому Палуша с нетерпением ожидал результатов разведки.

«Товарищ полковник, — к утру доложил ординарец. — Разведчики вернулись».

Палуша быстро вскочил, накинул на плечи шинель.

«Товарищ полковник, задание выполнено. В поиске участвовало четыре группы, — начал капитан Трофимов. — Доставлено три языка».

«Пленных допросили?»

«Так точно».

«Докладывайте».

Они подошли к развёрнутой карте:

«В полосе предстоящего наступления нашей армии расположился 23-й армейский корпус. Его правофланговая 206-я пехотная дивизия занимает оборону как раз напротив нас. Но оборона недостаточно сильна. Передняя линия траншей ещё всё-таки существует, а вот в глубину... — Трофимов замялся. — В глубину мы далеко не лезли. Времени было в обрез, да и языков уже захватили во всех группах. И потому о состоянии передних траншей докладываю со слов командиров групп, которые там были и всё своими глазами видели, а вот о глубине обороны только по показаниям пленных».

«Система огня?»

«По показаниям пленных выходит, что и дивизионная, и корпусная артиллерия у них — сила внушительная. Но! Но опять же мороз. Их орудия плохо работают на морозе, не говоря уж об орудийных расчётах».

«Районы расположения выяснили?»

«В общем — да, товарищ полковник, но без разведки боем точную картину нарисовать не могу. Сами понимаете...»

Майков понимал. Артиллерийские позиции — это не передняя линия траншей, которую можно и потрогать, и облазить. Облазить же орудийные позиции за одну ночь — никакой поисковой группе не под силу. Тем более по морозу.

«Выводы?»

«206-я пехотная занимает оборону на правом фланге корпуса. Правее её — уже другой корпус. Если мы нанесём главный удар не в центре наших боевых порядков, а перенесём его левее, то мы попадём на стык двух корпусов. А это, как вы понимаете, самое слабое место в любой обороне».

«На сколько, по вашему мнению, надо перенести направление главного удара?»

«Хотя бы на километр».

Палуша не знал ещё обстановки перед соседней армией, которой предстояло атаковать Ржев в лоб, но ситуация перед фронтом его дивизии вырисовывалась вполне определённо. И замысел всей операции созрел тут же: днём — короткая разведка боем в центре боевых порядков дивизии для выявления системы артогня противника, а ночью — прорыв на узком участке левым флангом с последующим вводом в этот прорыв основных сил. Смущало только время начала операции.

«Как думаешь, Геннадий Алексеевич, можем мы прорвать фронт ночью?» — спросил он командира разведчиков. Трофимов озадаченно покачал головой и осторожно возразил:

«Я думаю, товарищ полковник, это вполне по силам нашей дивизии, но я бы всё же воздержался от ночной атаки. Кто его знает, как оно пойдёт, ведь ночь же... Я бы предложил всё же на рассвете. Всё-таки по светлому — оно надёжнее».

«Как лёд?»

«Хо — лёд! Камень, а не лёд. Любая техника пройдёт».

«Спасибо, капитан. Быть тебе начальником штаба. И быть очень скоро. А 206-я пехотная — не та ли это дивизия у немцев, которая первой на берег Волги вышла?»

«Именно та».

«Ну, что ж, пора и платить».

Глава пятнадцатая

– 1 –

8 января 1942 года вздрогнула земля в окрестностях Ржева. Войска Калининского фронта во взаимодействии с войсками Западного фронта начали грандиозную Ржевско-Вяземскую операцию. Ещё никто не знал в тот момент, что с перерывами продлится эта операция целых 14 месяцев. Что Ржев будет освобождён лишь в марте 1943-го года. Что за это будет заплачено многими сотнями тысяч жизней советских людей. Но в тот момент все точно знали одно: врага надо бить. И целых 14 армий двух фронтов получили приказ: «Вперёд!»

Почти треть всех дивизий врага, несмотря на чувствительное поражение в декабрьских боях, оставались в опасной близости от столицы. «Ржевский выступ» необходимо было срезать, окружив и уничтожив противника. Девять армий Западного фронта, наступая на запад, должны были фронтальными ударами отвлечь на себя основную силу врага, расчленить его ударные группировки на отдельные части. А войска пяти армий Калининского фронта должны были ударом от Ржева на юг во фланг вражеского выступа отсечь всю немецкую группировку армий «Центр» от основных

коммуникаций с запада. Отсечь, встретиться с левофланговыми армиями Западного фронта в районе Вязьмы и завершить полный разгром.

Полковник Майков перенёс главный удар своей дивизии на её левый фланг. Туда, где, по данным разведки, находился стык двух немецких пехотных корпусов. Ему хотелось ещё до конца артподготовки пустить передовые части на волжский лёд, чтобы они как можно дальше прошли по самому опасному для атаки месту — волжской шири, — так и вышло! Хорошо, видать, командиры полков и артиллеристы задачу свою поняли, и потому, как только в час урочный смолкла орудийная канонада, пехота была уже на пути к правому берегу реки. Немцы только головы подняли из укрытий, а цепи атакующих красноармейцев — уж вот они на том берегу. И ещё одну изюминку привнёс в атаку Майков. Один в его распоряжении был танк, всего один, но КВ. Недаром он Трофимова спрашивал про состояние волжского льда; КВ — это ж всё-таки не «двадцатьшестёрка», но прошёл танк по льду и даже пролетел на предельной скорости.

Оборона противника была взломана в первые же часы атаки. Как и планировал, Майков немедленно, дабы не дать противнику опомниться, бросил в прорыв все свои резервы. Всё, что могло атаковать и двигаться вперёд. Более того, командующий армией, получив от комдива Майкова донесение об успешном взломе немецкой обороны, тут же перенацелил на успешно атакованный участок все армейские резервы. Соседние с Палушиной дивизии сместились в полосу прорыва и тоже устремились в образовавшуюся дыру в обороне врага. Горловину прорыва было приказано расширить в обе стороны, дабы обезопасить фланги устремившихся вперёд дивизий, и дело пошло ещё быстрее. Уже и войска соседней армии, располагавшейся по фронту левее, перенацелились и вошли в прорыв, стремительно обходя Ржев с запада, отсекая его от всех коммуникаций врага.

Эх, если б ещё и на участках других армий, участвовавших в операции, прорыв обороны противника был столь же успешен... Но оборону противника столь же успешно и быстро прорвать больше не удалось нигде. И вроде бы сила внушительная пошла вперёд — целых пять армий атаковали — но... Но две из пяти армий пошли прямо на Ржев, одна прорвалась в центре боевых порядков, ещё одна устремилась в образовавшуюся дыру в обороне, а вот на правом фланге атакующего фронта загвоздка. Даже через реку войска правофланговой армии, перед которой стояла такая же задача на прорыв, как и перед 39-й, переправиться не смогли. Конечно, атаки и попытки переправы не прекращались и на правом фланге фронта, а это в немалой степени помогало прорвавшимся удерживать горловину прорыва, но задуманное осуществить в полном объёме сразу не удалось.

И командующий фронтом пошёл на риск: все резервы фронта — на прорыв! К Вязьме. Именно там, по замыслу Ставки, должны встретиться войска Западного и Калининского фронтов, завершая окружение всей подмосковной группировки врага. А потому: 39-я армия — только вперёд. Соседней с ней — обеспечить изоляцию с запада Ржева и Сычёвки, где размещался штаб 9-й полевой армии немцев, а также максимально расширить горловину прорыва. Но...

Уже на исходе третьего дня операции, когда всем стало ясно, что взять Ржев с ходу атакой с северо-востока не удаётся, командующий фронтом получил категорическую директиву Ставки:

Командующему Калининским фронтом
11 января 1942 года 1 час 50 минут, №170007

В течение 11-го и ни в коем случае не позднее 12-го января овладеть Ржевом. Ставка рекомендует для этой цели использовать имеющиеся в этом районе артиллерийские, миномётные, авиационные силы и громить вовсю город Ржев, не останавливаясь перед серьёзными разрушениями города.

Получение подтвердить, исполнение донести.

И.Сталин

Получив такой приказ, подписанный Сталиным, командующий фронтом сразу изменил свои планы. Ржев нужно брать, гласит приказ Ставки. А как это сделать? Прямая атака на город с северо-востока результата не дала: войска завязли в немецкой обороне. Оставалось одно: разворачивать войска, наступающие на Вязьму.

Но тогда под угрозой оказывается весь план операции на окружение противника. Ведь если развернуть 39-ю армию фронтом на восток и атаковать Ржев с запада, то кто же тогда продолжит наступление, начавшееся так успешно? Если остановить это продвижение, то не сработает задуманная Ставкой же ловушка: немцев некому будет окружать, с запада и северо-запада останется дыра во фронте.

Командующий задумался. «А что если развернуть не все прорвавшиеся войска, а лишь их часть?» — вдруг пришла в голову мысль.

«К исходу завтрашнего дня приказано взять Ржев! — сообщил он о директиве Ставки командующему 39-й армии, как только вышел с ним на связь. — Что ты на это

скажешь?»

Командарм: «Ничего».

Комфронта: «Так-таки и ничего? Это же приказ Сталина!»

Командарм: «Мне, товарищ командующий, надо думать, как до Вязьмы дойти, а не как Ржев брать. Приказ-то на окружение немцев ведь никто не отменял, как я понимаю?»

Комфронта: «Нет, не отменял».

Командарм: «Ну, так вот. А у меня пехота выше колена по снегу в атаку идёт. Какой уж тут Ржев, тем более что мы его уже прошли, и он теперь сзади нас. До Вязьмы бы добраться».

Комфронта: «И всё-таки приказ Ставки надо выполнять».

Командарм: «И дался им этот Ржев, чёрт его дери! Дойдём до Вязьмы, закупорим в колечко немчуру — Ржев сам к нашим ногам падёт, когда со всех сторон будет отрезан».

Комфронта: «Да понимаю, Иван Иванович, но, как видишь, Ставка требует иное: Ржев, и чтобы немедленно, к завтрему».

Командарм: «Так ведь и так две наши армии пошли на город. От Москвы у соседей ещё три на том же направлении. Куда ж он денется — Ржев этот? Неужто наступление на Вязьму прекращать?»

Комфронта: «Приказы, как известно, не обсуждаются. Тем более приказы Сталина. Ржев надо брать, и наступление на Вязьму прекращать нельзя — это тоже приказ Ставки».

Командарм: «Но это же невозможно! За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь».

Комфронта: «А придётся ловить! Сделаем так: твоего соседа слева я разворачиваю фронтом на восток и отдаю ему приказ атаковать Ржев с запада. Но на него одного надежды мало — силёнок может не хватить. Поэтому, Иван Иванович, придётся тебе пару дивизий с левого фланга соседу временно переподчинить».

Командарм: «Но я же завязну в снегу окончательно, если так!»

Комфронта: «А я тебе взамен кавалеристов подкину. В городе им всё равно делать нечего, а в поле — в самый раз».

Командарм: «Но там же снегу лошадям по брюхо. Ведь их же немцы перебьют из пулемётов. Без толку погибнут».

Комфронта: «Знаю, что без толку могут погибнуть, но выхода нет: и Ржев надо брать, и на Вязьму наступление продолжать. А в Ржеве кавалерии уж точно развернуться негде. Перебьют на городских улицах».

Командарм: «Но ведь и на вяземском направлении не слаще. Там же в дотах немцы оборону держат».

Комфронта: «В каких ещё дотах? Разведка про это не докладывала. Откуда они там взялись? Зима ведь на дворе... мороз. Когда ж их немцы там построить успели?»

Командарм: «А это наши доты. Их ещё осенью построили для обороны, а обороняться-то нам в них и не пришлось, вот они целёхонькими немцам и достались. А теперь они в них оборону против нас же держат — попробуй-ка их выкури оттуда».

Комфронта: «Кто у тебя в авангарде на вяземском направлении?»

Командарм: «Дивизия полковника Майкова».

Комфронта: «Ну, и как он?»

Командарм: «Ему армией бы в самый раз руководить, удивительного чутья и таланта человек! Оборону немецкую проткнул на берегу, как тряпку шилом».

Комфронта: «Соедини меня с ним».

В трубке раздались щелчки, голоса связистов и, наконец, знакомый голос:

«Полковник Майков слушает!»

Комфронта: «Здравствуй, Павел Федосович!»

Комдив: «Здравия желаю, товарищ командующий!»

Комфронта: «Как ты там? Какая обстановка?»

Комдив: «Туго, товарищ командующий. Очень туго продвигаемся».

Комфронта: «А в чём причина, как считаешь?»

Комдив: «Их несколько. Во-первых, снегу много напало — пехота выше колена проваливается местами. По такому снегу много не наатакуешь — пулемётчики немецкие положат всех до одного».

Комфронта: «Но ты же атакуешь».

Комдив: «Лыжники выручают, товарищ командующий. Без них бы встали мы тут намертво и замертво. А так они прорвутся, внимание на себя отвлекут, а уж тем временем пехота остальная подойдёт — вот и продвинулись».

Комфронта: «Что ещё?»

Комдив: «Оборона у немцев крепкая очень. Они её построили на отдельных опор-

ных пунктах в окрестных деревнях, и многие дома превратили в дзоты».

Комфронта: «Это как же?»

Комдив: «Они в подпольях дырки попрорезали для пулемётов, и получились у них самые настоящие дзоты вместо домов. Сидят в подпольях этих, и попробуй их оттуда выковыряй. Пулемётом не возьмёшь, а пушки — их ведь ещё подогнать надо, а по такому снегу не очень-то подгонишь. Издалека же по избе нескоро попадёшь. А им в подпольях и тепло, и сытно. Знай себе воюют».

Комфронта: «И как же с этим ты справляешься?»

Комдив: «А всё так же: лыжники прорвутся в обход деревни — там оборона послабее, а на скорости их пулемётчики немецкие всех сбить не успевают — с тыла или с фланга ударят, вот, глядишь, деревня и наша. И вперёд».

Комфронта: «А ещё что?»

Комдив: «Ну, и силёнок наших маловато, товарищ командующий. Потери большие в передовых частях, боеприпасов мало — экономить приходится, да и кормить ведь чем-то надо людей».

Комфронта: «А я вот собираюсь от тебя ещё людей забрать. Что скажешь, земляк?»

Комдив: «Если честно, товарищ командующий, — после нескольких мгновений молчания откровенно проговорил голос на другом конце провода, — то мы остановимся».

Комфронта: «Я не от твоей дивизии возьму людей, а из других».

Комдив: «Всё равно остановимся. Одна моя дивизия без поддержки соседей ничего не сделает в такой обстановке. Даже если мы пойдём вперёд, как и шли до этого, нам нечем обеспечить будет фланги. Сейчас у нас тут шесть дивизий нашей армии, да ещё и соседи рядом, вот мы вперёд и движемся. А без этого нас немцы окружат в два счёта, и тогда конец».

Комфронта: «Соседей забираем всех безоговорочно. Но и к ним ещё пару дивизий вашей армии. Заместо их — мы с командармом это обговорили — даём вам в помощь кавалерийский корпус».

Комдив: «Погубим лошадей, товарищ командующий! — охнул голос в трубке. — Ведь им же снег по брюхо; как они атаковать-то будут?»

«Сговорились они, что ли? — промелькнуло в голове у комфронта. — Один про снег по брюхо лошадям, другой...»

Комфронта: «Но у нас нет другого выхода, — сказал он в трубку. — Надо попробовать».

«Да что ж стряслось-то там такое?!» — в отчаянии спросил комдив Майков.

Комфронта: «Ржев нам приказано взять к завтрашнему дню — вот что стряслось».

В трубке замолчало, словно бы говоривший на другом конце провода окончательно и бесповоротно потерял дар речи. Несколько мгновений на линии стояла полная тишина, и вдруг:

«Да они там все с ума, что ли, сошли? Разве можно распылять силы при начавшемся наступлении! Разве допустимо начинать решение второй задачи, не завершив первую! Любой ведь взводный знает, что так поступать нельзя. А мы до Вязьмы ещё не дошли. Задачу на окружение противника не выполнили. Это же глупость — разворачиваться нам сейчас на Ржев!»

Это командир дивизии — командующему фронтом.

Комфронта: «Приказы не обсуждаются, а выполняются, тем более, это приказ Ставки! Вам понятно, товарищ полковник?»

Комдив: «Так точно».

Комфронта: «С завтрашнего дня в полосу вашей дивизии прибывают кавалеристы. Обеспечьте с ними полное взаимодействие. Наступление на Вязьму не прекращать ни на минуту. Задача ясна?»

Комдив: «Так точно».

Комфронта: «Выполнять».

Конечно, командующий фронтом всё понимал. Конечно, он, как и его подчинённые, был удивлён приказом Ставки, предписывающим немедленно взять Ржев. Ведь наступление на Вязьму шло так трудно. Ведь оборона немцев на участке Калининского фронта была прорвана лишь в одном месте, хотя предполагалась в двух. Ведь по этой причине продвижение на Вязьму осложнялось вдвойне. А это была главная задача фронта — прорваться к Вязьме и перерезать магистраль Москва — Смоленск, по которой велось снабжение всей центральной группировки врага. Невыполнение этой задачи грозило срывом всей грандиозной операции на уничтожение врага на московском направлении. И вдруг Ржев! Зачем? Зачем такая срочность? Ведь для выполнения такого приказа требовалось как минимум перенацелить часть сил, забрав их с главного направления. Перенацелить, а значит, ослабить ударную группировку, движущуюся на Вязьму. Неужели эта срочность нужна только для того, чтобы сгла-

дить неудавшуюся попытку овладения городом атакой с ходу? Не слишком ли дорогой ценой? Ведь под угрозой вся операция на окружение врага! Неужели в Ставке этого не понимают? Неужели наглядная тактика немцев за весь предыдущий период войны, когда они применяли как раз массированную концентрацию сил на узких участках прорыва с дальнейшим быстрым продвижением вперёд, ничему не научила высшее командование? Или там, на самом верху, считают, что Красная Армия уже так сильна, что способна наступать на всём фронте?

«А что делает Жуков? — осенило вдруг комфронта. — Где армии Западного фронта? Чем они занимаются? А ведь их же там чуть не вдвое больше, чем у нас. Ведь под командованием Жукова аж девять армий. Почему они не прорываются к Ржеву? — командующий мысленно прикинул расположение войск у соседей, расстояние от них до линии, по которой ведётся наступление Калининского фронта, и снова удивился: — Но ведь им же больше совсем нечего делать! Это нам можно развернуться и на юг для выполнения главной задачи, и на восток для удара по Ржеву, а им? Им же, если воевать, некуда деваться, кроме как идти вперёд — на Ржев и его окрестности. Почему им не отдают такой приказ? Почему нас разворачивают чуть ли не назад и влево, чтобы взять Ржев?..»

– 2 –

Наконец-то и войска правофланговой армии прорвали оборону врага на своём участке и устремились через Волгу, как и за неделю до этого дивизии 39-й армии. И сразу всё переменилось. Мгновенно 23-й пехотный корпус противника, столь много хлопот доставивший при прорыве обороны, оказался отрезан от основных сил и блокирован на небольшом плацдарме со всех сторон, так что ни у кого не оставалось сомнений в его дальнейшей судьбе. Осталось лишь дождаться дня, когда противник сложит оружие и прекратит сопротивление окончательно.

Авангардная 39-я армия для наступления на Вязьму получила могучую поддержку со стороны еще одной полнокровной армии, которая значительно расширила фронт общего наступления. Событие это — прорыв на правом фланге фронта — было важно ещё и потому, что одна из задач, поставленная перед Калининским фронтом — освобождение Ржева — так и осталась невыполненной. Уже три армии вели наступление на город, взяв его в полукольцо, но сломить оборону врага так и не удавалось.

Не менее важное и удивительное событие тех дней — кавалеристы, введённые в бой на другой день после получения грозной директивы Ставки взамен развёрнутых на Ржев дивизий, прорвали немецкую оборону. Прорвали, несмотря на сильнейший пулемётный огонь из дзотов, оборудованных в подвалах деревенских домов. Прорвали и стремительно пошли вперёд к конечной цели — Вязьме. Дерзко, решительно, безостановочно. И увлекли за собой пехоту. За четыре дня непрерывных боёв на момент прорыва обороны противника ещё одной армией на правом фланге фронта кавкорпус был уже далеко впереди: в тылу многочисленной армейской группировки врага, нацеленной на Москву. И все вдруг увидели, что до победы под Вязьмой — рукой подать! Надо только её протянуть — эту самую руку.

Именно эту цель — поскорее встретиться с успешно идущими с севера войсками Калининского фронта, дабы окончательно замкнуть кольцо гигантского окружения центральной группировки врага, — преследовал приказ командующего Западным фронтом Жукова, отданный командующему 33-й армии: ударной группе этой армии безостановочно двигаться на Вязьму. Двигаться так же, как и дивизиям 39-й у соседей. Обходя незначительные гарнизоны и не ввязываясь в стычки с мелкими группами захватчиков. Единственная цель — Вязьма! Главная задача — соединение с соседями и окружение противника.

– 3 –

Первое, о чём подумал генерал Гуго Хёфль, когда узнал о прорыве русских войск на левом фланге корпуса, в состав которого входила его дивизия, что его военной карьере наступил конец. Русские просочились через линию обороны целой армией: наступающий поток был столь широк и могуч, что ни о какой ликвидации этого прорыва своими силами не могло быть и речи. Плюс — такой же наступающий поток противника на правом фланге, где и находилась 206-я пехотная дивизия Хёфля. Становилось ясно: для 23-го армейского корпуса наступила настоящая катастрофа, и дни его сочтены, о чем Хёфль только и думал после того, как ему стало известно, что фюрер, узнав о случившемся, разрешил войскам отход.

Но о каком отходе речь? Отойти могли все другие войска 9-й армии, оказавшиеся под этим злосчастным Ржевом, ибо они не теряли связи с основными силами, хотя и

были выдвинуты вперёд на Ржевском выступе. А что делать ему — командиру 206-й пехотной? Куда отходить 23-му корпусу, в состав которого 206-я входила, если кругом только противник? Причём многократно превосходящий в силе противник, атакующий всеми 14-ю армиями, две из которых уже прорвались с северного фланга подмосковной группировки, а им навстречу двинулась ещё одна с фланга противоположного. Оставалось только отбиваться от непрерывных атак и ждать конца.

Катастрофа нависла не только над 23-м армейским корпусом и 9-й полевой армией, которой был разрешён отход, но и над всей центральной группировкой Вермахта на московском направлении, ибо ликвидация этой армии расстраивала все боевые порядки и связи, сформировавшиеся за время всех предыдущих боёв. На другой день после прорыва обороны на левом фланге 23-го корпуса командующий 9-й армией генерал-полковник Штраух был снят со своего поста. Новый командующий — танковый генерал Вальтер Модель — слыл в войсках главным «пожарным» фюрера и вновь отличился в этой роли. Очень скоро ситуация переменилась.

Командир окружённого 23-го корпуса получил категорический приказ Моделя держаться на занимаемых позициях. Модель пообещал скорую помощь и обещание своё исполнил, организовав воздушный мост, по которому транспортные самолёты стали доставлять окружённому корпусу всё необходимое для сопротивления, а обратными рейсами вывозить раненых и обмороженных. Воздушный мост вселил уверенность в обречённых. Генерал Хёфль воспрял духом. А дальше последовало чудесное спасение окруженной группировки. Модель принял эскстренные меры, позволившие заткнуть горловину прорыва на правом фланге 23-го корпуса. Ту самую, у которой стояла 206-я пехотная дивизия Хёфля. Дыра в обороне между двумя корпусами, проделанная русскими в первый же день наступления, была заделана, и 23-й армейский корпус деблокирован.

А перед войсками Красной Армии вновь выросла стена вражеской обороны, по другую сторону которой оказались в тяжелейшем положении дивизии, рвущиеся к Вязьме. Одна из армий, развёрнутая для удара на Ржев с запада, оказалась в окружении, и две другие армии, наступающие на Вязьму, а вместе с ними и кавалерийский корпус, попали в глубокий мешок.

Глава двадцать первая

– 2 –

Всё что угодно ожидал Палуша, когда шёл по вызову в штаб фронта. Вплоть до ареста и отправки под трибунал за то, что от 39-й армии, в которой он был командиром дивизии, ничего не осталось, и она была по этой причине расформирована. Кого угодно в штабе этом увидеть был готов, но только не того, кого увидел в действительности: в помещении, куда его проводили, за столом сидел... Ванька «Кот».

«Ты хочешь спросить, как я тут оказался? — словно бы читая мысли Майкова, проговорил вопросительно Кошелев. — Всё очень просто. Как ты, наверное, знаешь — бывший командующий Ленинградским военным округом стал начальником Генерального штаба. А он хорошо узнал меня за время нашей совместной службы, и ты тут сыграл не последнюю роль. Не забыл, как мы от трибунала избавляли тебя в 39-м?»

«Не забыл».

«Ну, дак вот: когда Мерецкова назначили на Генштаб, он самых верных забрал с собой в Москву, и я в число этих людей попал. А значит, попал и в Москву. Мерецкова уж сменили, и Жукова почти что сразу же сменили тоже, как война началась; сейчас, как ты, поди, знаешь, в Генштабе опять Шапошников, а я вот всё остался. И вот теперь дано мне поручение — проверить высший комсостав 39-й армии, которому удалось выйти из окружения».

«А чево его проверять? — хмыкнул Майков. — Анализы сдавать в санчасти, что ли? Не шибко ли мы обделались тамока в колечке узнать — так, что ли? Вышел, значит, вышел — вот и вся проверка!» — Палуша поглядел на друга с откровенной злобой.

«Не дерзи, Палуша. Я всё-таки полковник Генерального штаба. И не всё так просто, как ты можешь подумать. Ведь выходили-то вы не с деревенской пирушки, а из вражеского окружения. Приказ №227 читал?»

«Ни шагу назад который?»

«Хоть там и не говорится ничего о том, что нам надо утроить бдительность в таких вот ситуациях, как получилось с 39-й, но на словах сопровождается».

«Что, и со мной бдительность утраивать будешь?»

«Не дерзи, Палуша!» — повторил Кошелев.

«Да что же мне, елей вокруг себя теперь ты разливать прикажешь, что ли? — Палуша аж привстал со своего места. — Ты знаешь ли, через чего прошли мои бойцы, поку-

да прорывались? Знаешь ли ты, что я самолично вот этими вот руками лопатой головы крушил фашистам в рукопашной, когда у меня патроны кончились? А сколько полегло нас там, в лесах, при попытках прорваться? А сколько так и осталось не прорвавшихся, потому что сил у них уже не оставалося для драки — это ты знаешь?» — глаза Палуши пылали гневным огнём, весь он подался вперёд через стол навстречу собеседнику, словно собираясь и с ним схлестнуться в рукопашной, как бывало в родной деревне, но Кошелев остановил его коротким злым словом:

«Знаю!»

«Хреново знаешь! — всё ещё полыхал Палуша праведным гневом. — Вам тут, в штабах, в тылу, тепло и сытно — что вы можете про нас на передовой знать?»

«А вот я сейчас как встану и как дам тебе в ухо со всего плеча, — угрожающе медленно поднялся со своего места «Кот», — ты и поймёшь, чего мы можем знать, а чего нет. Ишь — разошёлся!»

Палуша утих.

«Прости, Ванька! — опустил он покаянно голову. — Горько шибко на душе ото всего...»

Помолчали оба, словно заново привыкая друг к другу.

«Ладно, проехали, — примирительно произнёс «Кот». — Но всё равно вопросы у меня к тебе остались».

«Какие ишо вопросы?»

«Ну, например, самый главный: в чём, по-твоему, причина нашего такого поражения?» — «Кот» наклонил голову к плечу и подался вперёд.

«А тебе зачем про это знать?» — сделал Палуша то же самое.

«Как это — зачем? — удивился Кошелев, откидываясь назад. — Я — представитель Генштаба, мне дано поручение — разобраться во всём на месте, выяснить причины нашего поражения, определить виновных...»

«Вино-о-овных? — удивлённой растяжкой проговорил Палуша. — Не в то место ты приехал разбираться, Ванька».

«Как это — не в то? — опять деланно удивился «Кот». — А где, по-твоему, всё это происходило?»

«В Ставке!» — уперевшись взглядом-бревном прямо в лицо земляку, как это всегда мог делать только он, выпалил Майков.

«Да ты... да ты чево... Палуша? Уж не рехнулся ль часом?» — совсем потрясённый услышанным, зазаикался Кошелев.

«Не рехнулся».

«И ты вот так вот прямо мне это говоришь? Я же представитель Генштаба».

«Потому-то я тебе вот так вот прямо и говорю. И ишо скажу, что только одному тебе вот так вот я сказать и могу. Потому что ты — не сука тыловая, и в глаза смерти мы с тобой и под Кемью глядели вдвоём да победили, и на Онеге, когда в белу армию внедрились. А ещё потому, что ты голову свою на кон в 37-м поставил, но на меня кляузу не настрочил. Понял?»

«Ну... понял», — тихо выговорил Кошелев.

«А коли понял да знать хочешь, дак послушай!»

Палуша набрал в грудь побольше воздуха, словно собираясь нырнуть в глубокий омут, и начал:

«Ведь как всё хорошо да правильно спланировано было поначалу. Ведь любо-дорого же было посмотреть на план и силы, которые должны были бы его выполнить и немчуру разбить. Всё предусмотрели и даже резервный удар 20-й — нашего, считай, соседа слева — и как складно всё пошло. Мы у себя фронт сразу же прорвали и пошли на Вязьму, через неделю 22-я на нашем фронте тоже прорвалась, и сразу же немецкий 23-й корпус окружённым оказался. Корпус, Ванька, понимаешь? Эт тебе не полк и даже не дивизия. Эт как минимум тыщ пятьдесят. А 20-я как пошла? Ведь любо-дорого взглянуть, как они дело своё сделали. Деревню за деревней, посёлок за посёлком освобождать начали. Как курьерский поезд, по расписанию пошли. Как было в директиве Ставки указано, так и шли. И всё у них получалось. День-два ещё — от силы если три — и вышли бы они на нас. Ведь мы же по сходящимся направлениям наступали: они с востока на запад, а мы с севера на юг. И соединились бы, ты понимаешь, Ванька, они с нами. И где тогда был бы Ржев? А в таком же колечке, как и 23-й корпус. И я гроша бы ломаного не дал за будущее немецкой группировки, которую мы бы тамока заперли. Ручки бы задрала немчура, как миленькая, когда бы мы отрезали их с помощью 20-й от своих. И как бы нам на Вязьму было легче продвигаться после этого. Наших две армии да плюс 29-я, которую на кой-то леший развернули не пошто назад на этот самый Ржев, и плюс ещё 20-я. Да мы бы эту Вязьму взяли бы в два счёта ещё в январе с такой-то силой. Ведь мы же вышли к ней даже теми силами, которые имели. Ты это понимаешь ли, Ванька? А дальше бы навстречу Западному фронту двигаться могли,

коли у них там ни хрена не получилось и фронт прорвать ни одна армия из девяти не смогла, окромя 20-й. И взяли бы немчуру в колечко всю, какая там имелась, и задумка Генштаба была бы выполнена. А ты понимаешь, Ванька, что бы это значило? — Палуша перегнулся через стол чуть ли не вплотную к лицу Кошелева и упёрся в него немигающим взглядом-бревном. — Это же разгром полнейший был бы немчуре! — чуть ли не выкрикнул он. — И, главно дело, к этому всё шло, хоть весь Западный фронт, считай, и с места не пошевелился, окромя 20-й».

«А что ж не вышло-то, коль так?» — вставился собеседник.

Палуша опять пристально поглядел в лицо друга, словно желая убедиться: уж не притворяется ли он, говоря так? Но встречный взгляд «Кота» был прям и искренен. Он действительно выражал желание полковника Кошелева знать, как было всё на самом деле.

«И вот ты скажи мне, друг мой лучший: кому это там, на самом верху, в голову пришло в самый разгар боёв 20-ю разуть?»

«Как это — разуть? — не понял Ванька.

«А так это: 1-ю ударную — её правого соседа — сняли и отправили на Северо-Западный. А это более 100 тысяч человек. Армия-то ударная. А 16-ю армию — левого соседа 20-й — в то же время обезглавили. Всё её полевое управление на левый фланг угнали. Другую армию чтоб там возглавить — чул я. Ну, скажи на милость мне: разве можно эдакие перестановки затевать, когда уж бой вовсю идёт? Ведь же, считай, без малого 100 тысяч человек без привычного командования осталось. Думашь, это не сказалось на их боеспособности? — Палуша упёрся колючим взглядом прямо в лицо собеседнику, ожидая от него ответа, но «Кот» молчал. — Ещё как сказалось, — ответил Палуша на свой же вопрос. — Да кабы хоть на этом и всё кончилось, дак ведь и это-то ишо не всё».

«А чего ещё?» — с неподдельным интересом произнёс Кошелев.

«Дак ведь армию-то Лелюшенко тоже сняли и на укрепление прорыва в центре нашего фронта переправили. И хоть абсолютно правильным было это решение — прорыв наш надо было удержать во что бы то ни стало — но выполнено оно было бестолково, да и с проволочками. В итоге 30-я армия прибыть на нужное место опоздала, а Власов с 20-й остался один на фронте, где до этого было три полные армии. Да ишо и ударная одна из них. И, конечно, он остановился. Это же ведь дураком быть надо полным, чтобы дальше наступать, когда у тебя один фланг голый на десятки километров, а другой безголовый. В два счёта в колечке окажешься. Вот Власову и пришлось растянуть свои войска по фронту, чтоб прикрыть ими оголённые участки и занять оборону. Какое уж тут, к лешему, наступление? Тут устоять бы хоть. А ведь как пошёл. Как пошёл! Эх-х... Мы бы уж с тобой сейчас тут водку пили за победу, каб не это вот головотяпство чьё-то там на самом верху».

«Ну, ты, Палуша, вообще-то поосторожней так-то вот... — понизив голос, попытался остановить земляка «Кот». — Я всё ж таки представитель Генштаба».

«Ты прежде всего представитель Уйдомы! — чуть ли не рявкнул в ответ разгорячённый Майков. — И не перед кем-то там наверху держать тебе главный ответ, а перед уйдомскими бабами, которые вдовами нынешним летом стали, да перед их детьми, которые отцов зазря лишились из-за этого головотяпства. Уж сколько немцы нас за прошлый год учили, сколь наглядно показывали, что коли начал бить в одном месте, то все силы туда надо направлять, пока дело до конца не довёл. Доделал одно дело — вот тогда уж берись за другое, а мы чево? Обрадовалися, поди-ко, где-то наверху, что шибко гладко всё пошло у нас, что на Калининском мы прорвали фронт, что отсекаем немцев с запада от их тылов, что 20-я на Западном пошла вперёд, как курьерский поезд, вот, видно, и решил там кто-то наверху, что уж дальше-то и шапками мы фрицев закидаем. Вот и взял одну армию да угнал её на северо-запад, а другую обезглавил. И получился шиш: не токо што не закидали никого шапками сами, но и нас-то растоптали, как червей. Мы, что ли, в этом виноваты были?»

«Остынь, Палуша», — попытался остановить друга Кошелев.

«Да как остыть-то, Ванька? Как остыть-то, ежели от нашей армии кому-то там наверху в голову пришло половину дивизий повернуть назад да влево, чтобы взять Ржев? И не просто взять, а взять срочно. А на кой бы он нам леший на ту пору Ржев-то этот был? И так бы мы его в колечко взяли, если бы 1-ю ударную с фронта не сняли да на северо-запад не перебросили. 20-ю ведь не удержать было ничем, до того она хорошо пошла. День-два ещё — и всё. Соединилась бы 20-я с нами, и был бы Ржев в колечке, из которого уж никогда бы не выполз. Как остыть-то, ежели мы чуть ли по брюхо в снегу до Вязьмы шли и всё равно дошли ведь, хоть и разорвали нашу армию надвое этим бестолковым приказом об освобождении Ржева. Дошли и сами вляпались в немецкий мешок по самые уши! — Палуша резко махнул рукой и тяжело молча задышал. Молчал и «Кот».

«Как остыть-то, Ванька, коли я собственными глазами видел, как губили мы своих бойцов в болотах, когда прорывались потом из окружения? — продолжил Майков через несколько мгновений молчания. — Сколько их погибло там за просто так? Сколько ранеными умирать осталось в этих самых болотах? Сколько к немцам в плен попало, потому что нечем воевать осталось, окромя кулаков? Многие тысячи. И это земляки всё наши, если говорить про 39-ю. Уйдомцы середь их гибли так-то вот, ты понимаешь, Ванька, за чево душа моя болит? И я — их командир — ничего сделать для них не мог. Только на смерть поднять. В последнюю атаку. На прорыв. На пулемёты немецкие...»

Палуша споткнулся на последнем слове, словно запнувшись за него, резко опустил голову и замолчал. Минуту-другую в помещении стояла тишина. Потом Кошелев встал со своего места, подошёл к Майкову и молча положил свою руку на его плечо. Ещё помолчали оба после этого, но это уже было врачующее души молчание.

«Я очень хорошо понимаю тебя, Палуша, — первым заговорил «Кот». — Мы слишком много раз вдвоём с тобой перехитрили смерть в Гражданскую, чтоб это не понять. И говоришь ты честно, как настоящий мужик, но только очень я тебя прошу: ради Христа, больше никому вот так ни слова, — и вторую руку на другое Палушино плечо положил. — Таких, как ты, у нас немного в армии, и все вы должны жить. Не гнить где-нибудь в лагере или, не дай Бог, «к стенке» быть приставлены. Ты меня понял? Нам ещё врага надо разбить, а делать это надо головой прежде всего. Хоть бойцу, хоть командиру. А командиру так ещё и в первую очередь», — опять замолчали.

«Да понял я тебя, Ванька, — тихо проговорил Палуша. — И знаю я всё хорошо, да только шибко душу жгёт: отэстолько народу положили, а за что? Ведь всё бы по-другому могло быть, кабы не распыляли силы. Когда как начали, так и продолжали бы операцию. Разорвали бы весь их фронт в клочья, отсекли бы всю их группировку от снабжения, а там уж по частям всех до весны бы и добили — вот тебе вся и причина из первых, так сказать, рук. И это уж я тебе как участник всего происшедшего говорю, потому что видел всё своими глазами и решимость бойцов видел тоже».

Кошелев согласно закивал головой, словно подтверждая этим, что он принял услышанное, знает всё, как было и как думают об этом люди. Снова помолчали.

«Не хотел тебе говорить, — неожиданно сказал Кошелев, — но ты сам про это начал, дак уж я тебе скажу: ты про генерала Власова впредь поосторожней так-то вот, как мне сейчас».

«Это ещё почему?» — насторожился Майков.

«Дак... предатель он».

«Кто?! — воскликнул Палуша. — Власов?!»

«Ну да».

«Да ты што, Ванька, совсем сдурел — такое говорить!»

«И ничего я не сдурел, — сердито отозвался «Кот». — Сказано: генерал Власов — предатель, значит, предатель. Он немцам добровольно в плен сдался».

«Ванька, японский городовой, ты чево говришь-то? — достиг Палуша верха удивления, возмущения и недоверия одновременно. — Ты хоть понимаешь, что предатель столицу государства не обороняет так примерно, как об этом «Правда» минувшей зимой писала. Два месяца Киев в одиночку одной своей армией, даже оставшись почти в полном окружении, не удерживает. Столь образцово наступление, как нынче на Западном фронте, не организовывает. А ведь это же всё один и тот же человек сделал. И имя этого человека — генерал Власов».

«За свои успехи он получил сполна, — сказал Кошелев. — И звание очередное — генерал-лейтенанта — ему дали, и с повышением на Волховский фронт направили. Ведь он же с весны этого года заместителем командующего Волховским фронтом был. А если этот же, как ты говоришь, человек теперь у немцев, то кто же он?»

«Не понимаю, — замотал головой Палуша. — Как он там оказался?»

«А его во 2-ю ударную направили положение выправлять».

«Что, с понижением?»

«Да не, — пояснил Кошелев. — Его отправили как вроде бы с инспекцией».

«А чего хоть вообще там было-то?»

«А ты разве не слышал?»

«Да откуда? У меня тут и своих делов по горло было».

«Ну, в общем, было принято решение на прорыв блокады Ленинграда. По этому плану предполагалось нанести два встречных удара: один со стороны Ленинградского фронта, а другой со стороны Волховского. Чтобы они соединились и блокаду бы прорвали. Со стороны Волховского фронта ещё зимой в наступление пошла 2-я ударная армия, но у неё ничего из намеченного не получилось, и Мерецков настоял сменить командующего. А то там Соколов был из НКВД. Его сменили, и дело пошло. Армия прорвала оборону немцев и очень глубоко продвинулась в сторону Ленинграда. Немного бы и оставалось-то до выполнения задуманного, но как-то очень уж плохо шла

на соединение 54-я армия со стороны Ленинградского фронта. Если точнее говорить, то она, в общем-то, почти и не передвигалась. Вот и вышло, что 2-я ударная прорвалась глубоко, как в мешок, выполняя задачу, а соседи с флангов ей не помогли. Ни свои, с Волховского фронта, чтобы расширить хоть бы горловину прорыва, ни со стороны Ленинградского. Вот сил и не хватило на окончательный прорыв. Немцы горловину перерезали, и армия попала в окружение».

«Как 33-я на Западном».

«Как 33-я на Западном», — эхом отозвался Кошелев.

«И что дальше?»

«А дальше туда и направили Власова».

«С инспекцией...»

«Да как тебе сказать, — замялся Кошелев, — оно-то вроде бы и так, но больше это всё на скорую помощь походило. Армия была уже в положении безнадёжном, вот и решили: если уж Власов Киев в одиночку с 37-й армией два месяца держал и фрицев в его не пускал в то время, когда весь фронт на 200 километров на восток откатился и справа и слева, если под Москвой отличился, немцев, в обход Москвы с севера идущих, под Солнечногорском остановил, то уж под Волховом-то разберётся запросто».

«Ну, и чево?»

«Да ничево, — отрезал Кошелев. — Он сразу же сообщил, что армия на выполнение задачи не имеет сил. Нет ни людей, ни вооружения, ни боеприпасов, ни еды, в конце концов. Пытаться наступать дальше — значит зря погубить армию. И после этого попросил разрешения на вывод армии из окружения».

«И что дальше?»

«А дальше начался выход из этого самого окружения. Армию даже разблокировали для этого дела, правда, ненадолго; немцы вскорости опять горловину мешка закупорили, и прорываться из окружения пришлось с боями; кто-то вышел, а кто-то и нет».

«А Власов?»

«А Власов перешёл к немцам — я уж те говорил».

«Как то ись перешёл? Что: вот просто так взял и перешёл?» — спросил потрясённый Палуша.

«Да, вот так вот просто взял и перешёл», — подтвердил «Кот».

«Что, один?» — совсем уж сбитый с толку уточнил Майков.

«С бабой!» — пояснил Кошелев.

Тихо сделалось. В голове Палушиной не укладывалось то, что он только что услышал. Не сходилось с его представлениями об этом человеке. С рассказами о нём, с газетными публикациями, с делами его фронтовыми.

«Не верю», — воскликнул он.

«Чему ты не веришь?»

«Переходу Власова к немцам не верю».

«Вот чудак человек, — теперь уж и Ванькин черёд наступил воскликнуть. — Ну, если он у немцев и уже воззвание написал к красноармейцам, чтобы те против Сталина объединялись ради спасения родины, то где же он? На чьей стороне?»

Опять тишина повисла в воздухе. Ни звука. Ни голоса. Ни шевеления.

«Всё равно не верится, — замотал головой Палуша. — Чтобы генерал да столько урона немцам нанёсший и вдруг на их сторону?.. Да ещё и добровольно, как ты говоришь».

«Ну, это ты можешь верить, можешь не верить, а язык попридержи насчёт Власова, — строго проговорил Кошелев. — А то, не ровен час, запишут и тебя в предатели, как всю 2-ю ударную. Оттого и меня-то послали проверить высший комсостав, вышедший из окружения. Надеюсь, теперь ты понял почему?»

«Да уж как не понять», — глухо отозвался потрясённый Майков.

«А кстати, кому это ты в Генштабе так крепко насолил?»

«Я-я-я?»

«Да, ты».

«С чево ты взял?»

«А с тово, что командующий фронтом за тебя лично поручился, представление «на генерала» тебе написал и рекомендацию «на штаб армии» как минимум, если уж не сразу командармом, хоть ты и всего-то ещё полковник».

«И што?» — у Палуши аж дыхание перехватило от удивления и слов более никаких не нашлось.

«А то, что «заиграли» где-то в Генштабе это представление, — ответил «Кот». — Под сукно, как говорится, положили, а то и того хуже — прямо в нужник. И сделать это, как мы с командующим во мнении сошлись, мог только тот, кто знает тебя лично и кому ты где-то как-то крепко насолил».

«А почему вы так подумали?» — ещё не улавливая логики, спросил Майков.

«А потому, дорогой ты мой земляк, что командующий наш в Генштабе на очень хорошем счету. Его сейчас на весь Западный фронт заместо Жукова хотят поставить и, конечно, с мнением его считаются. Так что, товарищ генерал Майков, вышел бы ты сейчас отсюда уж если бы и не командармом, то уж начштаба точно».

«А почему отсюда?»

«Да потому, что Шапошников меня сюда для того и направил, чтобы лично проверить пригодность для дальнейшего использования тех, кто вышел из окружения. А поскольку ты на меня чуть ли не с мордобоем через стол полез, то я точно теперь уверен, что ничего с тобой немчура не сделала и никакое окружение не заломало. Ибо заломанные на представителя Генштаба с кулаками не лезут, пусть даже они и земляки с одной деревни», — Кошелев широко разулыбался при этих словах и расслабленно откинулся на спинку стула.

«Спасибо, Ванька, — отозвался совсем ошарашенный Палуша. — А то уж я подумал, что ты крысой тыловой заделался совсем — прости за-ради Христа, облегчи душу».

«Ладно, Палуша, ладно, — примирительно протянул руку земляку «Кот». — Я уж те сказал — проехали, — они обменялись крепкими рукопожатиями прямо над столом и снова уселись на свои места. — Принято решение: 39-ю армию сформировать заново. Мне дали поручение разобраться с командным составом. Как ты сам понимаешь, тем, кто вышел и не сломался, навроде тебя, цены ведь нет в будущих боях. А командиры в резервной — сплошь и рядом бывшие директора разных предприятий. Что они смыслят в нашем деле? Это ж ведь не производство какое-нибудь, хоть и там командовать приходится. Вот ты и намечался комфронтом уж если не на командарма сразу, то на начштаба армии точно. И, как я теперь вижу, правильно намечался. Но ставить тебя опять придётся на дивизию. Так-то вот, Палуша, — Кошелев сделал выразительный кивок головой, который означал что-то вроде «плетью обуха не перешибёшь». — Так что подумай на досуге, кому это ты дорогу мог перебежать в Генштабе», — и уставился на Палушу немигающими глазами, словно бы уже ожидая ясного ответа. Но Майков вместо какого-либо пояснения спросил:

«А зачем мне это надо, Ванька?»

«Что — зачем?» — не понял «Кот».

«Зачем я буду думать, кому я там где-то дорогу перебежал? Я ведь на евонное место не полз и не поползу. А что до боя, то мне и дивизии хватит, чтобы её фрицев бить повести».

«Вот такой ты мне всегда нравился, Палуша! — радостно заключил Кошелев. — Вот на такого я всегда похожим быть хотел. На том и порешим, товарищ командир дивизии, — последние слова вроде бы свидетельствовали об окончании разговора, но Кошелев его почему-то не завершал. Сидел молча, опустив голову, словно разглядывая на столе что-то или читая, и вдруг, поставив её ровно, кинул прямой взгляд на земляка. — Ну, а меня, товарищ комдив, возьмёшь к себе в дивизию? Я бы и батальон в твоей дивизии в бой повёл, а не то что полк. Да что батальон — роту бы повёл в атаку, даром что полковник, лишь бы под твоим началом».

«Ты чево, Ванька?» — растерянно проговорил обомлевший Палуша.

«А то, что если в бой, то я б хотел с тобой идти — вот чего, — совсем посерьезнев, пояснил Кошелев. — У тебя же ведь дар божий, Палуша. Понимаешь ли ты это? И мне дозарезу обидно, что какая-то действительно тыловая крыса этот дар в тебе зарубить хочет. А я вот в бой хочу под твоим командованием. Чтобы даже по одним коридорам с такими крысами не хаживать, теперь ты понял?»

Майков обомлел окончательно.

«Ты чево, Ванька? — не находя других слов, повторил Палуша уже сказанное. — Ведь там же... — Палуша запнулся. — Ведь там же убивают».

Ванька тяжело вздохнул и заговорил горячо, быстро выталкивая слова изо рта, как если бы они жгли изнутри всё его существо:

«А как, ты думаешь, я ко своим родителям вернусь, коль жив останусь, в тылу отсидевшись, когда война закончится? Какими глазами на их и всех уйдомцев посмотрю, если точно знаю, что 39-я, где наших земляков не счесть было, разбита подо Ржевом в прах? Это уж я тебе как представитель Генштаба говорю, который эту всю цифирь как свои пальцы знает. И как я после этого бабонькам уйдомским, мужей своих лишившимся али сыновей, в глаза глядеть буду? Я, ни одного фрица не убивший! Кто же я, по-твоему, в глазах их буду? И как мне после этого всего на белом свете жить?»

Палуша поднялся со своего места, медленно обогнул стол, за которым сидел его земляк-односельчанин, подошёл к нему вплотную, дождался, когда он тоже поднимется со своего места, и крепко стиснул в своих объятиях.

Самид АГАЕВ

ИЗ БАКУ, С ЛЮБОВЬЮ

Роман

(Журнальный вариант)

Глава 1

— Посмотри, та девушка с тебя глаз не сводит, — сказал цветочник весело, видно, радуясь возможности хоть ненадолго сменить тему разговора.

Мурад повел головой, оглядывая широкий проход перед торговыми рядами. Был вечер пятницы, в преддверии базарных дней людей на рынке было много, но он сразу заметил темноволосую девушку лет двадцати — двадцати трех. Ее стройная фигура среди потока людей своей неподвижностью и без того привлекала внимание. В самом деле, она безотрывно смотрела если не на него, то в его сторону. На всякий случай оглянулся, но сзади была белая каменная стена. Мурад ткнул пальцем себе в грудь. Немой вопрос. Она не реагировала. Тогда он улыбнулся и помахал ей. После этого девушка исчезла, как будто ее и не было, словно она привиделась. То есть ее заслонил прохожий, а когда прошел, ее не стало.

— Красивая девчонка, — сказал торговец, — я ее здесь часто вижу, молоко покупает, сметану деревенскую, наверное, живет где-то рядом.

— Ты откуда знаешь? — спросил Мурад.

— Заур из молочного отдела сказал. Он давно к ней клеится, но бесполезно. Она, видно, из порядочных девиц. Почему она так на тебя смотрела, непонятно? Может, ты ей понравился?

— Ладно, — сказал Мурад, — вернемся к нашему разговору.

— Вернемся, — со вздохом сказал торговец, но тут же бросился к подошедшему покупателю. — Пожалуйста, уважаемый, свежий цветы, все что хочешь. Розы подмосковный, голландский, хризантемы, гвоздики, астромелии, пожалуйста, выбирай все, что душа угодно.

Мурад взглянул на часы, тридцать минут рабочего времени на ветер. Он дождался, когда торговец обслужит покупателя, и спросил:

— Тебя как зовут?

— Саадат, я же тебе говорил, — обиделся торговец.

— Извини. Но все-таки, когда вы вернете мне долг?

— Ай киши[1], я же сказал тебе, деньги у Садагата. Он куда-то ушел, когда придет, не знаю, может, в префектуру пошел, а это надолго, там, знаешь, какие бюрократы сидят.

— Из кассы дай.

— Из кассы не могу. Не имею права. Садагат ругаться будет.

— Послушай, я уже во второй раз приезжаю зазря. Не ближний свет мне сюда мотаться.

— Зачем неправду говоришь, первый раз ты нас привез сюда и сейчас за деньгами приехал, значит, первый раз получается.

— Ты мне демагогию не разводи.

— Обижаешь ты меня, брат. И почему напрасно? Второй раз земляков видишь. Плохо, что ли?

— Ладно, — в сердцах сказал Мурад, — мне надо план делать, поеду, в следующее воскресенье заеду за деньгами. В третий раз. Как раз восьмое марта пройдет, надеюсь, вы заработаете.

— Приезжай, брат, — заверил его торговец, — деньги будут тебя ждать.

---

[1] Мужчина (*азерб.*).

Мурад вздохнул и выбрался из-за вазонов с цветами.

— Как, ты сказал, цветок называется? — спросил он, указывая на бледно-фиолетовые цветы. — Астролябия?

— Астромелия, — снисходительно улыбаясь, ответил Саадат.

Мурад махнул рукой и направился к выходу. Таксомотор, новую черную «Волгу»-универсал — *сарай*, в просторечии, — он припарковал поодаль, чтобы никто не приставал. Тем не менее у машины стояла толпа цыган. С непроницаемым видом Мурад прошел сквозь них, отпер дверцу, но все же услышал:

— Дядя, отвези нас в хорошую столовку.

Мурад сосчитал цыган и сказал:

— Я могу взять только шесть человек, а вас восемь.

— Так нас взрослых шесть как раз, остальные дети. А мы еще рупь сверху дадим, — пообещал старший.

— Загружайтесь, — разрешил Мурад.

Поскольку смена подходила к концу, надо было двигаться в сторону таксопарка. Он довез цыган до ближайшей на пути его следования столовой. Там взял других пассажиров. Им было не совсем по пути, но вектор был правильный. В отличие от большинства таксистов, берущих в конце смены пассажиров строго в направлении парка и в итоге возвращавшихся порожняком, или, как говорили таксисты, *конем*, Мурад двигался, как средневековый арабский капитан парусного судна — галсами. Он недавно вычитал, что именно арабские мореплаватели изобрели способ плыть против ветра. С последним клиентом повезло, ему надо было на Мытную, то есть совсем рядом с таксопарком. Высадив его, он доехал до улицы Павлова, повернул направо, еще раз направо и по улице Люсиновской, названной так в честь армянской девушки большевички, погнал в сторону «Автозаводской». Налево с моста, еще раз налево, он проехал мимо гастронома, на террасе которого стояли таксисты и лимитчики с завода имени Лихачева, утоляя экзистенциальную жажду пивом и водкой. Пиво пили не таясь, а беленькую прятали, хотя ментов поблизости не наблюдалось. Мурад отметил среди них знакомые лица. В следующем здании, мимо которого он проехал, располагалась дирекция таксомоторного парка. Гараж находился рядом, под Автозаводским мостом. Между гаражом и дирекцией теснилась автозаправка, что было очень удобно, выехал из гаража, заправился и вперед, *бомбить* улицы Москвы. Значение этого слова нашему герою было не совсем ясно, то есть он его знал, но считал неудачным.

Мурад въехал в ворота и притормозил, протягивая в окошко путевку, прижимая к ней пальцем *двугривенный*. В таксопарке словечки из дореволюционной жизни были в ходу. Контролер, пробивающий время возвращения таксомотора, протягивал руку лодочкой, словно скрюченный параличом, и цепко подбирал деньги. Кто давал одной монетой, а кто-то россыпью. Неудобно, понимаешь, если рассыплется, зазвенит, хотя вряд ли это кого бы удивило, но ухмылки вызвало. Отбив время, Мурад проехал дальше, встал в хвост автомобильной очереди на мойку и, не тратя попусту время, стал заполнять путевку, подсчитывать выручку.

В начале месяца ему позвонил армейский товарищ, живущий в Ленкорани, и попросил встретить на Курском вокзале родственника, который вез в Москву партию цветов. Дело происходило в начале марта. Все это представлялось занятием довольно хлопотным и сомнительным в отношении выгоды, но отказаться Мурад не смог. Хотя и попытался объяснить товарищу, что Москва не провинция, где таксист — хозяин-барин своей машины. В Москве довольно жесткий график, почасовой план, что он потеряет время, которое ему придется потом наверстывать.

— О чем ты говоришь? — возразил товарищ. — Они все оплатят, каждый твой час. Они спекулянты, ты заработаешь, а им еще дешево выйдет. Я им про тебя ляпнул, они теперь насели на меня, неудобно отказывать, родня дальняя.

С первым Мурад согласился, *вокзальщики*, то есть таксисты, неформально причисленные к определенному вокзалу, драли с барыг три шкуры. Второй довод у него понимания не вызвал, тем не менее, в назначенный день он заезжал на привокзальную площадь. Включил счетчик и поставил автомашину на стоянку, чтобы обезопасить себя от контролеров. Затем пошел встречать бакинский поезд.

Их было трое, спекулянтов; багаж — десять коробок, набитых цветами. Вместительный автомобиль забили под завязку.

— Слушай, брат, а счетчик зачем работает? — удивился тот, кто сел рядом с водителем. Его звали Садагат, видимо, он был старшим. Замечание Мураду не понравилось.

— Как зачем? — холодно сказал он. — Я же ждал вас.

— Да, конечно, конечно. — согласился Садагат. — Я вижу, что ты прямой человек.

Только зачем государству лишнее отдавать, мы и так заплатим, сколько скажешь, мы цены знаем.

Одно с другим не вязалось, но Мурад не стал раньше времени говорить о деньгах. Выяснилось, что везти товар надо на Ленинградский рынок. Там простояли еще минут сорок, пока Садагат решал вопросы с администрацией рынка. Когда все было кончено, на счетчике пробило семь рублей.

— Сколько с меня? — спросил Садагат.

— Десять рублей.

Торговец бросил взгляд на счетчик и улыбнулся:

— Без проблем, брат, трешник сверху, это по-божески.

— Нет, не трешник сверху. Ты не смотри на счетчик. У меня план пять рублей в час. Я потратил на вас с подачей два часа. Мне лишнего не надо. Я на вас ничего не зарабатываю, эти деньги я внесу в кассу.

— Конечно, брат, зачем нервничаешь?! Только у меня просьба будет. Все деньги в товаре, мы в дороге поистратились. Базарный старшина тоже деньги взял, еще за гостиницу платить. Можно завтра заплачу? Один день хотя бы поторгуем. Завтра деньги будут.

— Но мне надо будет опять время терять, сюда ехать. К тому же завтра я не работаю.

— Не обижайся брат. Войди в положение, мы же земляки.

— Мы не земляки, — возразил Мурад.

— Нет? — удивился Садагат. — То-то я смотрю, ты по-русски совсем без акцента говоришь. А Исмаила откуда знаешь? Он сказал, что вы родственники почти что.

— Мой дед вроде бы оттуда, хотя я его в глаза никогда не видел, а теперь, вишь, расплачиваюсь, — неохотно обронил Мурад. Родней с отцовской стороны он никогда не интересовался, заняв сторону брошенной матери.

— Зачем так говоришь, брат? Родственников уважать надо, обычай такой. Тем более дедушку, аксакала.

— Ладно, — буркнул Мурад.

Он был раздражен. Два часа рабочего времени коту под хвост. А надо было еще делать план. Часы пик он угробил на спекулянтов.

— Послезавтра я приеду. В какое время, не знаю, в течение дня. Где вас искать?

— Увидишь, где цветами торгуют, там найдешь.

Сзади посигналили. Задумавшись, он отстал от очереди. Мурад запустил двигатель и поехал вперед на ленту транспортера. Выключил мотор, машина поехала вперед. Форсунки лили воду со всех сторон. Вертикальные и горизонтальные щетки облепили машину и елозили по кузову. В конце процедуры стояли две пожилые женщины в резиновых сапогах, в черных прорезиненных фартуках. Они домывали те места, которые были недоступны щеткам — зеркала, коврики, пороги. Женщинам также полагался двугривенный. Система работала, как часы. В этой финансовой цепочке нижним платежным звеном были таксисты. Они *отстегивали* всем службам. Существовала раздача ежедневная и периодическая, к которой относились ремонт и техническое обслуживание. Водители платили независимо от того, удачным ли был день, были ли вообще чаевые. Порой приходилось на раздачу отдавать деньги из собственного кармана. Каждая служба платила дань своему начальнику, а тот — своему. Неизвестно, как высоко поднималась эта финансовая пирамида. Нафанаил Ханаанович, директор таксопарка, тучный высокий еврей на собраниях, коря присутствующих за невыполнение плана, любил подчеркнуть, что свои двести рублей должностного оклада он получит в любом случае. А вот водители останутся без премии. Иначе говоря, намекал на то, что взятки до него не доходят. Тех правдолюбцев, которые считали, что платить ни за что не обязаны, ожидало так называемое *лечение.* Их переводили на каждодневный режим работы и сажали на старую машину, именуемую на сленге — *рыдван.* (Любознательный Мурад, размышляя над этимологией этого слова, решил, что это означает — рыдающий Ваня, сокращенно). В настоящее время один из таких принципиальных людей, некто Тарасов, вел многолетнюю неравную борьбу с таксопарком. Когда его выбрали партийным секретарем автоколонны, он решил, что новый статус позволяет ему не давать взяток, и перестал платить, но даже коммунистическая партия не смогла одолеть систему. Его быстро переизбрали, и с тех пор большую часть рабочего времени он проводил в ремзоне. Мужик оказался с характером, сдаваться не собирался. Однако рассказ, собственно, не об этом.

Выехав из мойки, Мурад поднялся по пандусу на второй этаж, где размещалась автоколонна №2. Сменщик работал по ночам, он как раз был *вокзальщиком*, поэтому машину надо было поставить поближе к выезду. И так, чтобы ее не заставили другие. Если этого не сделать, будет орать как резаный. Записавшись в журнал у механика,

Мурад дал ему полтинник и отправился в диспетчерскую, где сдал путевку и выручку. На этом раздача закончилась.

В такси Мурад оказался осознанно. До этого он работал на заводе им. Лихачева, через дорогу. На самом что ни на есть конвейере по сборке автомобилей ЗиЛ, как Чарли Чаплин в фильме «Новые Времена». Но пришел он в такси не за чаевыми, в отличие от алиментщиков, хапуг и прочих теневиков, желающих скрыть свою реальную зарплату. Он пошел туда, как бы это странно ни звучало, как бы ни пафосно — за свободой. Ибо при тоталитарном строе, каковым являлся общественный порядок СССР — только шофер имел относительную свободу, ибо имел роскошь не трудиться в коллективе, хотя был связан определенным маршрутом. Таксист обладал полной свободой. Он выезжал из ворот гаража и был абсолютно независим. От него требовалось только вернуть машину через двенадцать часов, ибо работал он через день, и сдать в кассу определенное количество выручки, то есть денег.

Закончив с формальностями, Мурад вышел из конторы и направился к универсаму. На прилегающей к нему открытой террасе было многолюдно. Примерно десятую часть составляли таксисты. Кивая знакомым, пожимая руки, уклоняясь от предложений быть третьим, Мурад добрался до стеклянных дверей абсолютно трезвым, хотя бывало всякое. Но не потому, что любил выпить, такого за ним не водилось, но случалось, проявлял слабость характера. В магазине купил на ужин хлеба, триста грамм колбасы, пару пива (выбрал в темных бутылках), десяток яиц, пачку сливочного масла и отправился домой. Он жил на Нагатинской улице рядом с музеем «Коломенское».

Вечер он провел у окна, глядя на гуляющих в парке людей. Хорошо было бы и самому пройтись, размять ноги, но было лень, поэтому он продолжал пить пиво и возвращаться в мыслях к загадочной красавице на рынке. В свои двадцать семь Мурад еще не был женат. Не то чтобы он жил затворником. Пару раз даже, было дело, доходил до загса, то есть до подачи заявления. Инициатива всякий раз исходила от девушки, а в его же голове перед самим торжественным мероприятием, возникал вопрос: «Зачем я это делаю»? Не находя ответа, он впадал в панику и ретировался. А девушка была хороша. Вряд ли они еще раз встретятся, а даже если встретятся, не станет она водиться с таксистом. Это было единственным недостатком его профессии — сомнительный имидж. Когда-то он, отработав два года в такси, уволился, чтобы пойти в дальнобойщики и ездить за границу, а его не взяли. Оказалось, что нужно для этого быть членом партии, а он тогда был еще беспартийным. Возвращаться в парк было неловко, и он стал искать себе работу водителя. Но во всех гаражах кадровики, узнав, что он таксист, тут же возвращали ему трудовую книжку. И Мурад вернулся в таксопарк. Самое смешное, что обратно его тоже взяли не сразу, долго кобенились.

Через несколько дней Мурад вновь заехал на Ленинградский рынок. С деньгами он мысленно уже расстался, семь рублей небольшая сумма, однако неприятно было осознавать, что провинциальные ребята, талышские спекулянты, оставили его, столичного таксиста, в дураках. Дело уже было не в деньгах, вопрос стоял принципиально.

Саадат встретил его радостной улыбкой.

— А, земляк, салам! Как дела? Какими судьбами?

— Разве ты не знаешь, какие дела меня привели сюда? — ответил Мурад холодно. — Где твой друг?

— А-а, так ты за деньгами! Ты знаешь, торговля очень плохо идет. Веришь, аренду еле отбиваем. После праздников денег ни у кого нет, ты же знаешь, как эти русские пьют. За праздники всё прогуляли.

— А как же восьмое марта, хочешь сказать, что вы ничего не заработали?

— Ну, немножко заработали, бир аз[1], отрицать не буду, только расходы тоже были. Тебе надо было сразу после праздника приехать. Мы тоже погуляли немножко, зачем буду скрывать, ресторан, девочки, туда-сюда, потанцевали, сам понимаешь! Садагат только что отошел в администрацию. Брат, не сердись за задержку с деньгами. Зато у меня есть для тебя приятная новость.

— Интересно, это какая же?

— Девушка помнишь? Красивая такая. Почти каждый день приходит, наверное, тебя ищет.

— Прямо-таки ищет, — скептически сказал Мурад, — спрашивала, наверно, обо мне?

— Нет, не спрашивала, зачем буду врать. Просто мимо идет и смотрит, и так каждый раз.

— Это ни о чем не говорит. Может, она цветами любуется? Иди лучше Садагата

[1] Немного (*азерб.*).

позови.

— Я в этом разбираюсь, — многозначительно произнес Саадат, — цветами любуется или человека ищет. Видать, ты ей понравился, по сердцу пришелся. Везунчик, клянусь, честное слово.

Мурад улыбнулся, злость его вдруг растаяла. Эти наивные попытки отвлечь его от неприятной темы возврата долга неожиданно развеселили.

— Ну что, ты идешь или нет? — тем не менее, поинтересовался он.

— Ала[1], иду, да, иду, — со вздохом ответил Саадат. — Посмотри здесь, если кто подойдет, продай. Ценники везде висят.

Он ушел. Мурад осмотрелся. Цветы стояли в одинаковых вазонах. Розы, хризантемы, тюльпаны и многие другие, названия которых он не знал. Оглядев все это флористическое хозяйство, Мурад взглянул на часы и отметил, что двадцать минут рабочего времени уже потеряно. Когда он поднял глаза, то увидел пресловутую девушку. Она стояла поодаль. На сгибе ее руки висела небольшая плетеная корзина, лукошко, так сказать, и, по всей видимости, оттягивала ей руку. Девушка внимательно смотрела на него. Мурад готов был в этом поклясться. Он кивнул ей приветственно, улыбнулся, но девушка никак не отреагировала. Тогда Мурад извлек цветок из подручного вазона и протянул ей. И тогда девушка приблизилась к нему.

— Здравствуйте, — сказал Мурад, — как поживаете?

— Спасибо, хорошо, — ответила девушка, — но я не принимаю цветы от незнакомцев.

— Как же. Ведь мы знакомы. Мы виделись недавно, буквально неделю назад. Правда, у вас не было этой корзины. Я вас все время вспоминал. Меня зовут Мурад. Возьмите, это астролябия, а как вас зовут?

— Красивый цветок, — словно не слыша вопроса, сказала девушка.

Мурад не стал настаивать на пустяках, решив сразу взять быка за рога. На него это было непохоже, но другого случая могло не представиться.

— А что вы делаете сегодня вечером?

Девушка задумалась, произнесла:

— Пожалуй, ничего. Буду читать.

— Я тоже люблю читать, — сообщил Мурад.

— Это хорошо, что у нас такие образованные продавцы, — заметила девушка.

Замечание Мураду почему-то не понравилось, но разубеждать незнакомку он не стал. Таксист в общественном сознании был ничем не лучше продавца цветов, а девица по виду, по манерам и по породе была из высшего общества. Наступив на горло собственному самолюбию, он сказал:

— Хороший фильм приносит не меньше удовольствия, чем книга, почему бы нам ни сходить в кино?

Девушка взглянула на него широко распахнутыми глазами.

— А вы полагаете, что, если я приняла цветок... как вы сказали его название?

— Астролябия.

— Астролябию. Так и в кино теперь пойду с вами? Вообще странное название, вы уверены, что он именно так называется? Если я не ошибаюсь, астролябией что-то меряют.

— Я не полагаю, — смиренно ответил Мурад, — я надеюсь. Насчет измерения спорить не буду, но разве это что-то меняет? Говорят же — хоть горшком назови, только в печку не ставь. С названием я немножко утрировал, цветок называется астромелия.

— Уже лучше, — сказала девушка, — и ваша трактовка пословицы тоже логична, поэтому я, пожалуй, соглашусь. В «Баку», в семь вечера.

Мурад взглянул на часы.

— Самолетом лететь туда два часа сорок минут, но еще надо билеты купить, доехать до Домодедово. А у нас осталось четыре часа. Вряд ли успеем, — девушка удивленно взглянула на него. — Я пошутил, — поспешил сообщить Мурад.

— Я поняла, — без улыбки ответила девушка. — Тем не менее, чтобы мы с вами не разминулись, вдруг вы в аэропорт отправитесь, кинотеатр «Баку» находится с другой стороны рынка. Я буду в семь, в семь вечера, в девятнадцать ноль-ноль. А правильное название этих цветов — альстромерии. Их любит моя бабушка. Какое совпадение. До свидания.

Мурад смотрел, как она уходит, держа в руке цветок.

— Ну ты орел, — одобрительно сказал подошедший торговец, — сколько ребят пытались к ней клеиться, бесполезно. Ну и о чем вы договорились?

— В семь часов у меня с ней свидание, — не без гордости заявил Мурад.

— Да ладно врать, — хмыкнул Саадат, — цветок, я видел, взяла, полтинник штука, а

[1] Ала – принятое в просторечии обращение у азербайджанцев.

свидание — это вряд ли. Видно, что она девушка из приличной семьи. Со спекулянтом на свидание не пойдет.

— Я не спекулянт, я таксист.

— Тем более.

Мурад неприязненно взглянул на торговца, хотел было его осадить, но промолчал. Какой-никакой резон в его словах был. У него вдруг испортилось настроение. Душевный подъем, в котором он пребывал, испарился.

— Где твой подельник? — хмуро спросил он. — Деньги принес?

— Ала, типун тебе на язык, как наши старшие братья, русские, говорят. Какой подельник, модельник, он мой компаньон. Он просит передать, чтобы ты зашел к вечеру, когда рынок закроется, деньги отдаст.

— Ладно, — буркнул Мурад, — связался я с вами на свою голову, — сделав несколько шагов, обернулся: — А цветок называется — альстромерия, знаток тоже мне.

Мурад торопясь пошел к машине. Времени было в обрез, надо было вернуться в парк, потом домой, чтобы переодеться.

Фильм был французский, назывался «Мужчина и женщина», режиссером значился Клод Лелуш.

— Удачное название, — заметил Мурад.

— Почему вы так думаете? — спросила девушка.

Мурад все еще не знал ее имени. Она пришла к третьему звонку. Мурад было решил, что его *продинамили*, он уже комкал голубоватые бумажки в руке, примериваясь к ближайшей урне, как вдруг она возникла у стеклянной двери кинотеатра. Мурад даже не заметил, с какой стороны она подошла.

— Ну, в смысле актуальное название, — уточнил Мурад; поскольку таинственная незнакомка продолжала смотреть на него без улыбки, он продолжил: — Мы с вами мужчина и женщина и идем фильм смотреть с таким названием.

— А вы хорошо знаете русский язык, — заметила девушка. — Даже шутить пытаетесь. Вы давно в Москве?

— Сколько себя помню.

— Видимо, у вас короткая память.

Мурад удивился, но сообразил, что она считает его продавцом цветов. Хотел было уже ее в этом разубедить, но погас свет, и он стал смотреть кино. Фильм был черно-белый. Трентиньян наворачивал круги на стадионе или, лучше сказать, автодроме. Анук Эме гуляла с дочкой...

Когда фильм закончился и публика потянулась к выходу, Мурад удержал девушку в фойе.

— Буфет еще открыт, — сказал он, — может, перекусим?

— Я не очень голодна.

— А я очень голоден. С утра ничего не ел. Работал без обеда. Триста верст отмахал, еще немного, и упаду в голодный обморок, как Цурюпа на заседании малого Совнаркома.

Она удивленно взглянула на него и не сдержала улыбки.

— Хорошо, пойдемте.

В буфете было шумно и довольно многолюдно перед последним девятичасовым сеансом. Мурад отыскал свободное место.

— Вам чего взять? Подумайте, как следует, — предупредил он.

Девушка вновь улыбнулась. «Дело на мази, — подумалось Мураду. — Она уже третий раз улыбается».

— Ладно, возьмите мне бутерброд с сыром.

— Там шампанское в розлив дают. Будете?

— Нет.

— Пиво?

— Нет.

— Коньяк?

— Нет.

— А мне можно?

— Только пиво.

Мурад кивнул и отправился к стойке. Вернулся он, держа в руках тарелку с бутербродами, бокал пузырящегося шампанского Очаковского завода и бутылку пива завода «Хамовники».

— Можете не пить, — предупреждая ее возмущение, сказал он, — пусть стоит, выдыхается, главное, чокнутся. Ну, за знакомство. Кстати, я до сих пор не знаю, как вас зовут.

— Меня зовут Анастасия.

— Очень красивое имя у вас. А меня зовут Мурад.

— Я помню.

— Это хорошо. А то все кивают на короткую память, девичью.

Девушка засмеялась и взяла в руки бокал.

— Рада знакомству, — и чокнулась с протянутой бутылкой пива.

После этого она поставила бокал на стол.

— Так нельзя, — сказал Мурад, — полагается хотя бы пригубить.

— Тостуемый пьет до дна?

— Вот именно. Я возьму себе тоже шампанского.

— Почему? Вы же хотели пива.

— Хотел, однако негоже соединять шампанское с пивом. Иначе так дальше и пойдет. «В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань». Можно я буду вас звать Настей?

— Можно. Но не всякий раз, — согласилась девушка. Внезапно ее глаза сузились от подозрения. — Послушайте, а вы тот, за кого себя выдаете?

— Странный вопрос. Я сейчас вернусь, и мы его обсудим, мне даже интересно, — он сходил за шампанским и вернулся к столику. — Кажется, наш разговор принял интересный оборот, можете повторить вопрос, — предложил Мурад. Но девушка не успела ответить. В это время прозвенел звонок, люди стали расходиться. В поредевшем буфете Мурад обратил внимание на компанию за крайним столиком и сказал девушке: — Простите, я сейчас оставлю вас ненадолго.

Продавец цветов Садагат подносил ко рту рюмку с коньяком. Рядом с ним пили и закусывали трое мужчин, двое азербайджанцев и один армянин. Когда перед ним появилось вопрошающее лицо Мурада, Садагат, ни слова не говоря, поставил рюмку на стол, полез в карман, достал сложенную вдвое пачку денег, отделил одну красную бумажку и протянул Мураду. Последний так же молча положил червонец в карман, пожал ему руку и вернулся к своему столику.

— И часто вы проделываете такие штуки? — спросила Анастасия, наблюдавшая эту сцену.

— Нечасто, — ответил Мурад, — а только когда деньги нужны. Но мы начали говорить о чем-то интересном. О чем вы хотели меня спросить?

— Вообще-то я хотела спросить, откуда вам, азербайджанцу, так хорошо известны тонкости русского языка. Но, видя, как вы управляетесь с людьми, я поняла, что мой вопрос не существенен. Мне надо домой.

— Еще не очень поздно, можем погулять? — предложил Мурад.

Анастасия покачала головой:

— Мне надо покормить бабушку.

— Бабушка — это святое, но я вас провожу.

Анастасия жила на Ленинградском проспекте в десяти минутах ходьбы от кинотеатра. Дом, к которому они подошли, выделялся своими архитектурными формами — это был так называемый ампир. Девушка стала прощаться.

— Может быть, постоим еще, поболтаем?

— Мне надо покормить бабушку.

— А я подожду.

— Не надо ждать, — неожиданно сказала Анастасия, — вы можете пойти со мной. Я вас тоже покормлю.

— Какая вы хорошая, участливая. О бабушке заботитесь. И обо мне вот, сироте, подумали.

— Это вы язвите?

— Ну что вы, как я смею. А чем вы будете бабушку кормить? — спросил Мурад, следуя за девушкой.

— Бабушку — кашей. А вас — бутербродом с колбасой, докторской. Могу яичницу приготовить.

Квартира находилась на последнем этаже. Оказавшись в прихожей, Мурад увидел прямо перед собой раскрытую дверь в кухню, а направо виднелись двери комнат. Одна, другая и далее в конце коридора виднелось еще что-то, комната или чулан. В этих сталинских домах встречались самые разные планировки.

— Проходите в комнату, туда, в следующую. Там гостиная. Я покормлю бабушку, а потом займусь вами.

Мурад прошел в указанном направлении, минуя комнату с приоткрытой дверью, краем глаза заметив фигуру старой, седовласой женщины, лежащей на кровати. Гостиная была уставлена массивной мебелью. Здесь был старинный буфет красного дерева, обеденный стол, витые венские стулья и огромный черный кожаный диван с высокой деревянной спинкой. Мурад подошел к окну. Вопреки ожиданию оно не выходило на проспект, внизу был большой зеленый двор, где стояли несколько авто-

мобилей. Он опустился на диван, щелкнул тумблером настольной лампы, стоявшей рядом на журнальном столике. Лампа была тоже старой, с большим зеленым плафоном. Верно, за ней когда-то работал революционер-ленинец. В этом районе в таких домах простым людям квартиры не давали.

Мурад заметил на стене репродукцию какой-то картины. Подошел поближе. Это был фотографический снимок, очень старый, возможно начала века, помещенный в рамку под стекло. И на нем были запечатлены нефтяные вышки. Мурад был готов поклясться в том, что это был Бакинский нефтепромысел. У него в квартире долгое время пылился журнал, где был подобный снимок с нефтяными качалками. На другой стене, когда он повернулся, ища другие снимки, он вдруг увидел портрет. Странно, что он его сразу не заметил. Это был портрет молодого офицера с залихватскими усами в форме царской армии. Определенно он был кавказец. Может быть, даже азербайджанец. И в его лице было что-то очень знакомое. «Где я мог его видеть? — попытался вспомнить Мурад. — Наверное, кто-то из героев гражданской войны. Может быть, Якир или Тухачевский? Хотя на еврея он не похож. Даром, что чернявый».

Вошла Анастасия, в руках у нее был поднос. Чайник, чашки, варенье, розетки. Все это она расставила на столе, налила чай в чашки.

— Прошу вас, угощайтесь.

— Спасибо. Как бабуля?

— Хорошо. Только прошу без фамильярности, ее зовут Елизавета Петровна. Поела, теперь спит. Хотела с вами пообщаться, но я не пустила. Она частично парализована, после инсульта.

— Может, уже перейдем на ты? Сколько тебе лет?

— Ну вот, сразу бестактные вопросы.

— Ты еще так молода, что можешь прибавлять себе возраст. Лично мне скоро 28 стукнет.

— Мне недавно исполнилось 23 года. Я закончила исторический факультет МГУ. Пока нигде не работаю, учусь в аспирантуре. Сижу с бабушкой. А вот что вы за птица? Откуда вы так хорошо знаете русский язык, что сыплете прибаутками? Это вызывает подозрение.

— А птица — это не обидно?

— Почему же это должно быть обидно?

— Это все равно что сказать «хорош гусь».

— Извините, я об этом не подумала. Беру свои слова обратно, но вот лишнее подтверждение моих слов. Птица, гусь... может, вы еще и кроссворды гадаете на досуге?

— Ничего, я не обижаюсь на птицу, хотя другой бы обиделся, — сказал Мурад. — Бывает, что и гадаю, но при чем здесь кроссворды? Это зазорно? Когда я работал на заводе, у нас вся бригада этим занималась?

— Вместо работы?

— Нет, во время перекуров. Это вы пошутили, да?

— Да, не все же вам шутить. Вы собирались говорить мне ты.

— Как-то не очень получается, робею. Я буду чередовать. Так о чем мы?

— Откуда вы так хорошо знаете русский язык? Вы учились в русской школе, наверное.

— Конечно, где же мне учиться, если я русский.

— Вы не похожи на русского. Я думаю, что вы азербайджанец.

— Ну, извините. По-моему, на русского в этой стране вообще мало кто похож. Русские — это такой фантомный архетип, как этруски, полумифический народ, кстати, и слова созвучны. Давайте выйдем на улицу и отсчитаем десяток человек и посмотрим, сколько из них будут соответствовать вашим представлениям о русском человеке. Померяем линейкой размеры черепа. Да и сами вы обладаете отнюдь не славянской внешностью.

— А я азербайджанка и не скрываю этого.

— Да ладно вам, вы шутите.

— Шучу, но в каждой шутке есть доля правды. Знаете, мою бабушку в молодости спас от насилия и позора, а возможно, и от смерти азербайджанец. Поэтому я в каком-то смысле могу считать себя азербайджанкой. Если бы не он, меня бы не было на свете. Но я не могу поверить, что разговариваю с торговцем, со спекулянтом с Ленинградского рынка. Вы откуда родом? Из какого города?

— Анастасия, — осторожно сказал Мурад, — не знаю, чем это мне грозит, но у нас, видимо, произошло некоторое недоразумение. Во-первых, я не торговец, а таксист.

— Это мало что меняет.

— Подождите, дайте договорить. Во-вторых, я родился и живу в Москве. Я коренной москвич, русский.

— А это многое меняет. Но вас зовут Мурад.

— Моя мама недолгое время была замужем за одним джигитом. Это он записал меня в загсе Мурадом. Мама у меня — русская.

— Он был азербайджанец?

— Вроде того, — нехотя признался Мурад.

— Почему вы так тяжело с этим соглашаетесь? Вам это не нравится? Почему?

— Потому что ничего хорошего я от азербайджанцев не видел. Кроме того, что один из них дал мне жизнь. Даже наше знакомство произошло из-за того, что они не отдавали мне долг. Хотя здесь я им благодарен. Но в армии я все время был обязан драться из-за них, на их стороне против русских. А я наполовину русский. Я никогда не был в Азербайджане, я не поэтому против русских, справедливость этого требовала. Один из них, не помню, как его звали, совершенно не знал русского языка, странно, что его в армию взяли. Так вот он все время путал команды, из-за него нас гоняли по плацу на строевой подготовке. Знаете, этот большевистский принцип коллективной ответственности. Короче, ребят наших русских так достало, что они взяли его в оборот, я заступился за него. Ситуация была, скажу я вам, глупей не бывает. Несколько русаков накинулись на одного тщедушного азербайджанца и давай его мутузить, я заступился, слово за слово, началась драка. Я один, их четверо, тут за меня вписались азербайджанцы, их во взводе было шесть человек, а за русских весь оставшийся взвод в количестве двадцати трех. И я оказался вроде как ренегат, против своих.

— Но наполовину вы азербайджанец. И то, что один из них дал вам жизнь — это немало. Это много. Эта драка — лишнее тому доказательство.

— Ничего подобного, здесь я буду спорить, я дрался не за них, за справедливость. В другой ситуации точно так же я бы заступился за русских. Послушайте, вам-то что до этого? Почему вы на этом настаиваете?

— Ну, как же, а голос крови? Мы с вами в каком-то смысле земляки.

— Нет, вы меня не проведете, у вас вон целый Ленинградский рынок земляков, стопроцентных азербайджанцев. Тут дело не в этом.

— А против армян вам не приходилось драться на стороне азербайджанцев?

— Нет, вы знаете, они в армии очень даже хорошо ладят друг с другом. Кучкуются, не без этого, но драк никогда не было, некоторые даже дружили.

— Интересно.

— Послушайте, давайте будем откровенны, — предложил Мурад.

— Это не всегда удобно, интеллигентным людям присуща недосказанность, порой она более уместна.

— Ну, это кому как, я человек прямой... Вы верите в любовь с первого взгляда?

— Верю, если первый взгляд падает на Омара Шарифа, а так — нет.

— Вы можете не верить, я даже спорить с вами не буду, но как это по-другому назвать? С тех пор, как я вас увидел, я только о вас и думаю. И, между прочим, мне не раз говорили, что я похож на Омара Шарифа. Кстати, кто это? — Анастасия засмеялась. — Но раз вы считаете, что недосказанность лучше, пусть так и будет. Однако уже половина одиннадцатого.

— А где находится ваша работа?

— На «Автозаводской». На метро минут двадцать. А от метро «Аэропорт» как раз прямая линия.

— Вообще-то, если вам это будет удобно, вы могли бы сегодня переночевать здесь, — разглядывая чашку, еле слышно произнесла девушка.

— А я вас не стесню?

— Нет, нисколько. У нас две комнаты. Вы будете спать здесь, а я в комнате с бабушкой.

Несмотря на слабое освещение, Мурад заметил, что щеки девушки стали розовыми, и от этого у него вдруг заколотилось сердце. Схватив свою чашку, он залпом выпил содержимое.

— А диван раскладывается?

— Выбросьте это из головы, — словно читая его мысли, сказала Анастасия. — Мы только сегодня познакомились. Мы еще даже не друзья. То, что я вас позвала в дом, еще ничего не значит. До революции это было в порядке вещей.

— Хорошо-хорошо, — согласился Мурад. — А ты, может быть, из дворян? — иронически спросил он.

— Да, — совершенно серьезно ответила она, — и вы тоже.

— Я? — удивился Мурад. — Вы в этом уверены, с чего вы взяли?

— Абсолютно. Породу не спрячешь. Как говорят арабы — *шараф ан насаб*. Благородство заложено в крови.

— Вообще-то я обыкновенный таксист. Но мне это приятно слышать.

— В двадцатые годы треть таксистов в Париже были сплошь русские дворяне.

— Как скажете.

— Мне надо сбегать в аптеку, капли успокоительные закончились. Вы посидите один, ладно? Пейте чай. Если бабушка вдруг проснется и позовет меня, вы просто загляните к ней и заговорите о чем-нибудь. Она все равно плохо слышит, решит, что это я, и успокоится. Ладно?

— А если не успокоится? Решит, что я Герман. Крик поднимет.

— Не бойтесь, — улыбнулась Анастасия, — она безобидная, она вас не укусит.

— Будем надеяться.

Вскоре щелкнул замок, и в квартире воцарилась тишина.

Мурад почувствовал, что ему как-то не по себе. Встал и вышел в прихожую. Дверь другой комнаты была приотворена достаточно, чтобы можно было туда заглянуть. В комнате горел торшер, и ему хорошо была видна кровать, на которой лежала старуха. Она была совершенно седа, но не безобразна. Правильные черты даже в глубокой старости подчеркивали породу ее бледного лица. Не двигаясь с места, он оглядел комнату. Кроме кровати, там еще стояла модная софа под названием «малютка». Мурад часто перевозил подобные диваны от мебельных магазинов. Его такси, если сложить сидения, вполне вмещало в себя отдельные предметы мебели. В комнате пахло лекарствами. На стенах висело много картин, фотографий. Рядом с одним портретом напротив кровати висела сабля. Мурад не удержался, осторожно вошел и дотронулся до оружия. Это была самая настоящая сабля или шашка. Он перевел взгляд на портрет и вновь испытал странное чувство знакомства с этим человеком. Мурад быстро сообразил, что это тот самый офицер, что изображен на портрете в гостиной. Здесь он был запечатлен в гражданской одежде. Черный костюм, манишка, галстук. Без военной формы он еще больше напоминал кого-то, но кого именно, Мурад вспомнить не мог. Сколько ни напрягал память. Закрученные кверху кончики усов. Мурад невольно стал подкручивать воображаемый ус. Поискал глазами зеркало, вспомнил, что оно есть в прихожей. Глянув напоследок на старушку, повернулся, чтобы выйти, и в этот момент она вдруг открыла глаза.

— Здрасте, — сказал Мурад. Торопливо стал объяснять, опасаясь, что она испугается и закричит: — Я Настин друг, она вышла в аптеку, а я зашел узнать, не надо ли вам чего. Вы спите, я буду в соседней комнате. Не беспокойтесь. Я пойду.

Старуха протянула к нему руки и сказала:

— Вы вернулись! Мое кольцо! Умоляю, верните мне обручальное кольцо.

У Мурада мурашки поползли по коже. «Только этого мне не хватало», — пробормотал он, пятясь к выходу. В дверях столкнулся с девушкой.

— Привет, — обрадовался он, — как хорошо, что ты пришла. Я заглянул узнать, не надо ли чего, а теперь она требует от меня обручальное кольцо. Но я ничего не брал, клянусь мамой.

— Не переживайте, — весело сказала Анастасия, — бабушка бредит, то есть она заговаривается. Это давняя история. Идите в гостиную. Я дам ей капли и приду.

— Можно я выйду покурю на лестничной клетке?

— Нет, не надо там. Дым все равно в квартиру тянет. Я с соседями все время ссорюсь из-за этого. Идите лучше на балкон. Вы бледный. Испугались? Извините, это я виновата. Не надо было вас одного с бабушкой оставлять.

— Да что вы. Чтобы я испугался? Ничуть.

Мурад кивнул, в некотором волнении пошел по коридору и увидел дверь балкона. Он повернул ручку и вышел на свежий воздух. Вскоре к нему вышла Анастасия.

— Ну, как вы тут?

— Спасибо.

Девушка стояла рядом, он залюбовался ее красивым нежным профилем. На мгновенье, потеряв самообладание, Мурад обнял ее за плечи.

— Нет, — тихо, но твердо сказала Анастасия, — пожалуйста, не надо, — Мурад убрал руку, полез за второй сигаретой. — Не надо больше курить.

— Я волнуюсь.

— Хотите я дам вам бабушкиных капель? И вы успокоитесь.

— Нет, спасибо. Мне надо капли покрепче градусом.

— У меня есть коньяк, правда, он грузинский. Я иногда его бабушке в чай капаю, чтобы она крепче спала, когда мне надолго уйти надо.

— Ничего, и грузинский сойдет. Только мне, пожалуйста, наоборот. Накапайте чай в рюмку коньяка.

— Будет вам коньяк, только уговор — всего одна рюмка.

— Как скажете. Могу вообще не пить, если вы опасаетесь.

— Мне нечего опасаться, — обронила Анастасия и вышла. Мурад смотрел ей вслед, девушка нравилась ему все больше и больше.

Он сидел на диване и смотрел на портрет царского офицера на стене. Этот человек не давал ему покоя. Анастасия принесла чайник, бутылку грузинского трехлетнего ко-

ньяка и блюдце, полное орехов.

— Пожалуйста, угощайтесь.

Анастасия открыла буфет и поставила перед ним старинную рюмку из граненого стекла.

— А вы не будете?

— Я не пью.

— Это правильно. Я тоже собираюсь бросить. Ну, ваше здоровье и здоровье вашей бабушки!

— Спасибо.

— Она меня здорово напугала, — признался Мурад. — Что это за история с кольцом? Почему она требовала его у меня? Я не обещал на ней жениться.

— Это не смешно. Но всему свое время. Вы пейте.

Анастасия стала разливать чай. Мурад выпил и спросил, указывая на портрет:

— Кто этот офицер?

— А вы не узнаете? — неожиданно спросила Анастасия.

— Хороший вопрос. Мне это лицо действительно кажется знакомым, весь вечер поглядываю. Но так и не вспомнил. В автошколе, в которой я учился, в аудитории, где стояли учебные моторы и шасси автомобилей, на стене висели портреты героев гражданской войны — Якир, Тухачевский, Блюхер и другие, человек десять-пятнадцать. Мне кажется, я видел его портрет там. У меня очень хорошая зрительная память. Так что я обязательно вспомню. Ясно, что это герой гражданской войны. Это ваш дедушка?

— Нет. Этот человек спас мою бабушку от рук мародеров и насильников в Баку во время мартовской резни 1918 года. Это я про него говорила.

— А кто кого резал?

— Армяне резали азербайджанцев. Человеку с именем Мурад надо знать такие вещи.

— Я исправлюсь, — пообещал Мурад. — А что делала ваша бабушка в Баку?

— Она поехала увидеться со своим женихом. Он служил в Кавказском корпусе в Персии во время Первой мировой войны в чине прапорщика. Был причислен к дивизии полковника Бичерахова.

— То есть это был ваш дедушка?

— Я этого не говорила.

— Но вы сказали, бабушкин жених.

— Не каждый жених доходит до венца, — голос ее дрогнул. — Бабушка приехала в Баку, сняла комнату и телеграфировала в Энзели, где квартировал корпус Бичерахова. Потому что у нее не было загранпаспорта, а то бы она и до Персии доехала. Короче говоря, они так и не встретились. К несчастью, бабушка сняла комнату в доме, где жила мусульманская семья, и потому попала в самое пекло. До этого она жила в гостинице, потом из-за дороговизны съехала на частную квартиру, поскольку жених опаздывал. Хозяина дома убили на ее глазах и двух его жен. Моя бабушка была в своей комнате, когда это происходило. На шум она вышла из своей комнаты, бросилась на помощь, пыталась защитить их, взывала к совести, к христианскому милосердию. Армяне, поначалу видя, что она русская, просто отталкивали ее. Предлагали уйти и не вмешиваться в их отношения с татарами. Но надо было знать мою бабушку. Она бросилась на них с кулаками. И они вконец рассвирепели. Тогда и ей досталось. У нее отобрали единственную драгоценность — обручальное кольцо. Двое армян собирались ее насиловать. В этот момент откуда-то возник этот офицер. Двоих он зарубил, третий убежал вместе с бабушкиным кольцом. Офицер погнался за ним. И больше бабушка офицера никогда не видела. Он не вернулся.

— Какая ужасная история. И как же вы теперь относитесь к армянам? — вдруг спросил Мурад.

— А вы?

— Я первый спросил.

— Не будем считаться.

— Я отношусь к ним нормально, у моего двоюродного брата жена армянка, я у них на свадьбе был. И кстати. Я когда-то встречался с одной девушкой армянкой, очень красивой.

— Неужели? — ревниво спросила Анастасия. — И чем же дело кончилось?

— А ничем, она предпочла мне армянина. Она сказала, что любит меня, но родители никогда не позволят ей быть с азербайджанцем. Хотя я не совсем азербайджанец. Видите, я тоже пострадал на национальной почве. Ваша очередь, как вы к ним относитесь?

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что я в армии ненавидел киргизов.

— А при чем здесь киргизы?

— Надо мной в армии издевался сержант Джумабаев, киргиз по национальности. Я встретил его после армии, хотел избить, но не смог, жалость одолела. Он стоял, трясся от страха, лепетал что-то про армейские законы. Я даже не ударил его, дал разок по шее для приличия, и все. Поэтому я и спрашиваю, как вы относитесь после того, что произошло с вашей бабушкой, к армянам.

— Я историк.

— Для меня это неполный ответ.

— Я нейтрально отношусь ко всем национальностям, никакого значения не имеет, кто передо мной, русский, африканец или армянин.

— Несмотря на эту историю?

— Конкретно этих армян, участвовавших в погроме, я ненавижу, но моя ненависть никуда больше не распространяется. Вообще я хочу сказать следующее. Я должна была начать свой рассказ с этого постулата: национальность — это географическое понятие, это ментальность, идентичность человека той местности, в которой он родился или живет много лет. В этом смысле то, что творили в Баку люди, называвшие себя армянами, были вовсе не армяне, это были приезжие люди непонятной национальной принадлежности, потому что истинные армяне-бакинцы пытались спасти своих соседей. Странно, что мы вообще об этом заговорили. И давайте договоримся на будущее, что бы я вам ни рассказывала, не ищите никаких ксенофобских подтекстов. Речь всегда будет идти о конкретном историческом периоде.

— Вот и ладно, — согласился Мурад, — можно мне еще одну рюмку выпить? Хотя вы не подумайте. Могу сбегать за бутылкой. Или просто уйти.

— Нет, вы сегодня останетесь здесь, — беспрекословно заявила Анастасия, — вы можете выпить, но только одну рюмку. Пожалуйста.

Мурад налил себе еще одну рюмку, заметив при этом:

— Анастасия, вы даже себе не представляете, как приятно одинокому холостяку подчиняться словам молодой красивой девушки.

Он выпил и взглянул на часы. Стрелка подбиралась к полуночи.

— Надо ложиться спать, — поймав его взгляд, заметила девушка. — А ваша память на этот раз вас подвела. Вы не вспомнили, кто этот герой. Я могу вам помочь, — Анастасия вышла из комнаты и вскоре вернулась, держа в руках большое зеркало. Она стала рядом с портретом и приказала: — Встаньте и подойдите ко мне, — Мурад повиновался. — Смотрите в зеркало и на портрет, — поскольку на лице мужчины появилось недоумение, Анастасия протянула ему тонкую черную расческу. — Приложите это к верхней губе, — Мурад исполнил требуемое и обомлел. Он видел два изображения одного и того же человека. И в зеркале, и на портрете. — Ну как? — спросила Анастасия.

— Я же говорю, кого-то он мне напоминает. Мы здорово похожи, просто одно лицо. Такого сходства не бывает. Это фотомонтаж. Где вы раздобыли мою фотографию? Это я опять шучу, — от растерянности Мурад стал многословен

— Я поняла. Вам рано вставать, я постелю.

— А почему погром? Я слышал про еврейский погром, но почему мусульманский? Баку — это же Азербайджан. Откуда там армяне взялись? Понаехали?

— Я расскажу, но не сейчас.

— Ну, хотя бы в двух словах, а то я не засну. А мне рано вставать.

— Странно, что вы ничего не знаете об этом. У вас в паспорте что написано?

— В каком смысле?

— В прямом.

— Я не женат.

— Это меня не интересует. В графе национальность.

— Странно, обычно всех девушек интересует семейное положение. В графе национальность написано — азербайджанец. Но это ничего не значит. У нас в союзе национальность по отцу определяется. Поэтому паспортистка так и записала. Я даже с ней поругался. Какой из меня азербайджанец. Я понимать язык стал только в армии, общаясь с азербайджанцами, служившими вместе со мной. Правда, освоил быстро, даже сам удивился. Так что ничего странного нет. Странно для меня то, что вы это знаете.

— Мой интерес понятен. Вам подробно или в двух словах?

— Давайте поступим, как в сказке «Тысяча и одна ночь», рассказывайте с мельчайшими подробностями.

— Тогда нам ночи не хватит.

— Я об этом и толкую. Кстати, вы знаете о том, что, когда Шехерезада закончила дозволенные речи, у нее уже было несколько детей.

— Даже не знаю, как быть. Указать вам на дверь или позволить объясниться.

— Ясный перец, объясниться. Не поймите неправильно. Я так шутливо выразился.

— Шутка вышла рискованная, но я вам ее зачту, так и быть. Итак, что касается

появления армян в Азербайджане. Они оказались там, спасаясь от войн, которые Россия вела с Персией и Турцией. Это были беженцы. Я лучше прочитаю вам несколько документов. Не возражаете?

Анастасия вышла из комнаты и вернулась, держа в руках пухлую картонную папку с надписью «Дело».

— Дело гражданина Корейко? — улыбаясь, спросил Мурад.

— Почти, — Настя развязала папку вынула листок бумаги. — Итак, первый документ — письмо Грибоедова, который активно помогал армянам в этом переселении тогдашнему министру иностранных дел Карлу Васильевичу Нессельроде:

«...Армянский архиепископ Нерсес, прибывший из Эчмиадзина, говорил мне много насчёт переселения 8000 семейств армян, которые пришли из-за р. Аракс, чтобы поселиться в наших провинциях; вследствие этого Марага, Салмас и Урмия почти обезлюдели, что для Аббас-Мирзы, согласно финансовому вычислению персов, составляет потерю в 100000 туманов ежегодного дохода, или 4 курура капитала; это его чрезвычайно огорчило. Вашему сиятельству угодно было узнать достовернее чрез меня о способах, которые были приняты к переселению армян из Адербейджана, и о нынешнем их водворении в наших областях. Армяне большею частью поселены на землях помещичьих мусульманских. Летом это еще можно было допустить. Хозяева, мусульмане, большею частью находились на кочевьях и мало имели случаев сообщаться с иноверными пришельцами. Не заготовлено ни леса и не отведено иных мест для прочного водворения переселенцев. Переселенцы находятся сами в тесноте и теснят мусульман, которые все ропщут и основательно».

Кстати говоря, — сказала девушка, отложив письмо, — именно Грибоедов, бывший редактором протоколов конференции, добился включения в Туркменчайский мирный договор 1828 года, заключенный между Россией и Персией, особой статьи, позволяющей армянам покинуть Персию. За три с половиной месяца за Аракс перешли более сорока тысяч семейств. Руководил этим переселением полковник Лазарев. А вот выписка из доклада историка того времени Ивана Шопена:

«Несколько времени после заключения Туркманчайского трактата, по которому Армянская область была присоединена к России, большая часть магалов Эриванской и Нахичеванской провинций оставалась более года без жителей, которые во время войны укрывались в соседних турецких пашалыках и в неприступных горах Армянской области. В 1828 году, когда армяне, обитавшие в Адербиджане, получили позволение переселиться в пределы наши, частые их партии начали переправляться через Аракс и заняли все пустопорожние деревни, которые встречались им на марше — таким образом разместились они и завладели домами, землями, садами, мельницами коренных жителей, которые начали постепенно возвращаться только с 1829 года. Но найдя жилища свои в руках других хозяев, они просьбами и разными убеждениями склонили армян дозволить им занять небольшие участки самых невыгодных земель их селений и строить себе дома. Другие удалились в горы и в верхней и средней полосах устроили вовсе новые селения».

Английский историк и географ Джон Баддели сообщал, что после заключения Адрианопольского мира в 1829 году между Россией и Османской империей армию Паскевича при возвращении из Турции в Закавказье сопровождало около 90 тысяч армянских мигрантов. Апогея переселение армян в Закавказье достигло во время Первой мировой войны. Только лишь в ходе одного отступления русских войск от Вана в 1915 году в Эриванскую губернию переселилось более 200 тысяч армян. Таким образом, еще в начале 19 века, спасаясь от русско-иранской и русско-турецкой войн из Персии и Турции на территории Азербайджана и Грузии переселились сотни тысяч армянских беженцев. К России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства. На их месте была образована Армянская область. Вот что писал русский поэт, публицист и общественный деятель Василий Величко:

«Армянское дело в русских пределах с той поры продолжало расти неуклонно, по временам двигаясь вперед крупными скачками. По Туркменчайскому трактату в состав России вошел Эчмиадзин и католикос оставлен на правах вселенского патриарха всех армян. Православную грузинскую автокефальную церковь мы своевременно упразднили и земли ее отобрали в казну, а наряду с этим в русских пределах оказалось теократическое государство в государстве, фактически недоступное контролю и обладающее огромным авторитетом в глазах своей «политической паствы». При Паскевиче был послан в Персию полковник Лазарев для приглашения армян, которые

перешли в Закавказье в числе примерно 40000 душ. Эчмиадзинский патриарх тоже участвовал в этой комбинации: велел переселиться из Персии армянским священникам, за которыми вслед пошла и паства. По Адрианопольскому миру мы получили более 10000 турецких армян; один эрзерумский архиепископ Карапет привел до 70000. С той поры постепенное переселение армян из мусульманских государств в Россию шло непрерывно, то еле заметной струйкой, то, как за последние несколько лет, широким, стремительным потоком. Теперь, когда более или менее ясно, к каким результатам привело стремление кавказских администраторов привлечь побольше армян, немудрено вспомнить малорусскую пословицу: «купив собі біду, тай за свои гроши».

Так армяне оказались на территориях Азербайджана и Грузии.

— Я вижу у вас обширные познания в этом вопросе, — заметил Мурад, — наверное, это тема вашей диссертации.

— Может быть, но вряд ли. У меня к этому личный интерес, можно сказать, хобби. Вам уже наскучило?

— Ну, что вы, наоборот. Так бы слушал и слушал.

Девушка подозрительно взглянула на Мурада.

— Это ирония?

— Боже упаси, как бы я посмел? Можно я скажу правду? Как сказал Михаил Афанасьевич, говорить правду — просто и приятно.

— Конечно, — настороженно сказала Анастасия, — я вас слушаю.

— По большому счету, мне было бы все равно, что вы рассказываете, мне приятно просто сидеть и слушать вас. Но в данном случае это еще и познавательно. Как говорится, совместить приятное с полезным. Пожалуйста, продолжайте. Что привело к конфликту армян с азербайджанцами?

— Дело в том, что армяне, веками находившиеся под гнетом персов и турок, мечтали о своей государственности, о «Великой Армении». И у них были для этого надежды в виде посулов сначала от царя, затем от Ленина. Но они и сами не сидели сложа руки. Были созданы националистические боевые организации «Гнчак» и «Дашнакцутюн». Царская власть поначалу одобрительно отнеслась к действиям этих организаций, даже к совершаемым ими террористическим актам, поощряла, до тех пор пока они происходили на территории Османской империи. Но в 1897 году наместник царя на Кавказе князь Голицын обратил внимание царя на опасную тенденцию. Речь шла о том, что в Тифлисе и Баку армяне захватили всю власть, «слишком о себе возомнили», и «армянская церковь способствует революционизированию местного населения». Действительно, при обысках во многих армянских церквях и приходах по всему Кавказу были обнаружены тайники оружия, боеприпасов, нелегальные типографии. Узнав об этом, царь наложил секвестр на имущество армянских церквей. Был издан так называемый *«Закон о конфискации имущества Армянской апостольской церкви и о закрытии армянских школ от 12 июня 1903 года».* Армяне Голицыну этого не простили. 14 октября 1903 г., среди бела дня, когда он вместе с женой возвращался с прогулки в Ботаническом саду, его экипаж был остановлен тремя просителями, Голицын взял прошение, тогда один из них встал перед лошадьми, а два других вскочили в экипаж и стали наносить князю удары кинжалами, пытаясь вытащить его из коляски. Князь и его жена, как могли, палкой и зонтом стали отбиваться. На помощь подоспели чины земской стражи, а затем казаки. Головорезы, отстреливаясь, стали убегать, один из них был убит наповал, а два других смертельно ранены и умерли в тот же день. От полученной раны в голову Голицын через три года скончался.

Что касается Баку, то в этом городе к началу 20 века армяне занимали третье место по численности после азербайджанцев и русских. Их интересы представлял Армянский национальный совет. Они были широко представлены в торговле, в финансах, ремеслах, были посредниками, поставщиками. Армяне сумели захватить лучшие нефтеносные районы Баку и возглавляли Союз нефтепромышленников. Почти все места в государственных учреждениях были заняты армянскими конторщиками, счетоводами и прочими служащими. Они занимали ведущие места во всех органах власти. Даже градоначальником Баку становился армянин. Революцию они приняли с большим воодушевлением. В ноябре 1917 года Бакинский совет народных депутатов во главе с Шаумяном объявил себя единственной властью в городе, подчиненной Совнаркому, а Бакинскую губернию — частью Советской России. Противопоставив себя Бакинской городской Думе, где главную роль играла партия азербайджанских националистов «Мусават», выступавшая за независимость Азербайджана от России. Большевистскую организацию в Баку на семьдесят процентов составляли армяне. Ленинский декрет о «Турецкой Армении» от 29 декабря 1917 года объявил армянскому народу о праве на создание своего государства на территории временно оккупированной турецкой территории. Однако ликование армян было недолгим, на Брест-Литовских переговорах

Россия признала за Турцией захваченные ранее районы Батум, Карс и Ардоган, где и предполагалось создание «Великой Армении». У самих армян сил для претворения в жизнь этой идеи не было. Россия же была охвачена гражданской войной, хаосом и анархией. Но в Баку цели армянских националистов и большевиков сошлись. Ленину нужна была нефть, а армянам государственность. Шаумян в газете «Бакинский рабочий» открыто заявил, что мусаватисты, желающие независимости Азербайджана, получат в итоге груду развалин... И на сегодня достаточно. А теперь я постелю вам. Утром будете уходить, просто прикройте дверь, там английский замок.

Оставшись один, Мурад разделся, костюм повесил на деревянную вешалку в виде фавна на углу диванной спинки, такая же была с другой стороны, а может, это были не вешалки, а украшения, еще раз посмотрел на портрет на стене. Вновь подивился сходству и выключил свет.

* * *

Когда он открыл глаза, в окно из-за штор пробивался солнечный свет. С мыслью о том, что он опоздал на работу, Мурад вскочил и торопливо стал одеваться. «Теперь, как дурак, попрусь в хорошем костюме в таксопарк», — подумал он. Коричневую чешскую тройку он брал из-под полы с переплатой. Единственный выходной костюм, можно сказать, пасхальный. Надо будет сразу заехать домой, переодеться, благо недалеко, от «Автозаводской» до «Нагатинской» рукой подать, один перегон. Галстук надевать не стал, ребята засмеют, сунул его в карман и, стараясь не шуметь, вышел из квартиры и в растерянности остановился. Он оказался в длинном коридоре гостиничного типа, по обе стороны лиловели двери комнат. Почему-то он напрочь забыл, как выглядела лестничная клетка. Мурад спустился на первый этаж. За стойкой стоял зевающий консьерж, набриолиненный смуглолицый малый с закругленными усиками. Такого красавца он бы точно отметил. Значит, вчера его не было на месте. В голове возникла запоздалая мысль вернуться в квартиру, но он вспомнил об английском замке. Обратно не войдешь, придется звонить, неудобно как-то. За спиной консьержа был шкафчик с ячейками для ключей. Увидев Мурада, консьерж поклонился и сказал с явным южным акцентом:

— Доброй утро, сударь. На прогулку? Отличная сегодня погода.

Мурад кивнул в ответ. На столике лежали газеты. Бесплатные газеты он брал везде. Очень удобно класть под ноги в машине, впитывают воду, и ботинки не промокают от талого снега.

— Можно взять? — спросил он.

— Конечно, дорогой, возьмите, пожалуйста.

Сунув газету в карман, Мурад вышел на улицу и зажмурился от яркого солнца. Весна в этот год была ранняя, снег в городе почти растаял. Но все равно слишком тепло для марта. Привыкнув к дневному свету, Мурад огляделся, пытаясь сообразить, в какой стороне находится метро. В этот ранний час на улице никого почти не было. Наконец, он остановил прохожего, дивясь его внешнему виду — черкеска с газырями, высокие сапоги и кинжал на поясе.

— Простите, в какой стороне метро?

— Ала, какой метро, — на ломанном русском ответил прохожий, — не знаю никакой метро.

«Ох уж эти гости столицы, — раздраженно подумал Мурад, — разгуливают, как у себя в ауле, еще бы саблю прицепил, идиот, и куда милиция смотрит?»

Он пошел наугад, ибо совершенно не мог сориентироваться, в какой стороне находится Ленинградский проспект. И домов вокруг он не узнавал. Анастасию он провожал вечером, шли уже в сумерках, он был больше занят девушкой и разговором. Но точно помнил, что ее дом находился между «Соколом» и «Аэропортом», ближе к «Соколу». Мурад посмотрел на часы, на работу он безнадежно опаздывал. Он пошел прямо, никуда не сворачивая, надеясь выйти к метро, но дорога почему-то раздваивалась. По правой стороне улицы шли трамвайные рельсы. «Все правильно, трамвай идет из Тушино», — заметил он. Пока размышлял над тем, в какую сторону пойти, сзади раздался звон, грохот. Он едва успел отскочить, чтобы не попасть под трамвай. «И вагон какой допотопный, — отметил Мурад, — и где только откопали?»

Пошел по левой стороне и вышел к морю. Прямо перед ним была набережная. Он стоял, подставив вспотевший лоб сильному морскому ветру, догадываясь, что стал жертвой розыгрыша, прямо Степа Лиходеев. Только вот кто выступил в роли Воланда? Ладно, дом, гостиница, этот нерусский приезжий, но море в Москве откуда? Может, он в Можайске? Улица за его спиной постепенно наполнялась народом, и люди были в большинстве своем нерусские. Мурад услышал азербайджанскую, армянскую и русскую речь, в воздухе сильно пахло мазутом. Но ближайший вокзал, откуда мог исходить подобный дух, был Белорусский, не так уж близко. Если только ветер с той

стороны, топить в вагонах еще не закончили. «А море? Может быть, это сон? — с надеждой подумал Мурад и облегченно вздохнул. — Ну конечно же сон».

В этот момент на набережной он увидел девушку. Это была Анастасия. Она была одета, как русская барышня с иллюстраций к романам Тургенева, длинная юбка в пол, накидка, шляпка. «Ну что же, — подумал Мурад, — не наяву, так во сне у нас что-то будет». Он подошел к ней и сказал:

— Привет, — видно, ветер унес его слова, потому что она посмотрела на него строго с холодным недоумением. — Здравствуйте, — громче произнес Мурад, — давно не виделись.

— Прошу прощения, — ответила удивленно девушка, — разве мы знакомы?

— Ну как же, — настало время удивляться Мураду, — вчера вечером я был у вас в гостях.

— Простите, не понимаю. Вы меня с кем-то путаете.

«Нет, так нечестно, — подумал Мурад, — чтобы во сне не узнавать, это слишком. Что же, мне заново перед ней бисер метать?» Однако он вдруг понял, что это не Анастасия. Очень похожая на нее девушка, но не Анастасия.

— Простите мне мою нескромность, — заговорил Мурад, — кажется, я действительно ошибся. Но вы так похожи на одну девушку. А как вас зовут?

— Это что, новый способ завязывать знакомства? — бросила девушка.

— Не такой уж и новый, — заметил Мурад, — но я говорю правду. Я спутал. Простите.

— Бог простит, — ответила незнакомка.

«Ну ладно, — вполголоса произнес Мурад, — знать, не судьба. Пойду себе, солнцем палимый или, лучше, ветром гонимый. Куда, интересно, меня занесло?» Он повернулся, чтобы уйти, и тут увидел вдали по левую руку средневековое сооружение, башню, чей силуэт был ему почему-то знаком.

— Простите, великодушно, — сказал он, — как называется этот город?

Девушка бросила на него недовольный взгляд.

— Я вижу, что вы никак не уймётесь, сударь.

«Сударь», — повторил про себя Мурад и вслух произнес:

— Скажите, как называется эта башня, и я уйду.

— Это «Девичья башня». Можете идти.

Мурад, вдруг сообразив, полез в карман за газетой. Она называлась «Бакинский рабочий». «Я в Баку, — осознал Мурад, — это потрясающе. Какая у меня чувствительная натура. Стоит на ночь послушать историю, как она мне сразу снится. *И в кого такой я уродился, прямо удивляю всю семью. Стоит только в девушку влюбиться*... Но куда же я пойду во сне, я и города-то не знаю. Надо все-таки с ней познакомиться».

— Послушайте, — сказал он, — надо нам познакомиться.

— С какой стати?

— Я вижу, что вы приезжая. Одна в чужом городе. Я тоже один в чужом городе. Надо держаться друг друга. Что такого предосудительного в нашем знакомстве?

— Потому что мне это не к лицу — заводить знакомства с мужчинами. Я обручена.

Девушка показала ладонь с золотым обручальным кольцом на безымянном пальце.

— Поздравляю. Но что случится, если вы поговорите с соотечественником? Мир рухнет?

— Я вижу, мне легче назвать свое имя, чем втолковать, почему я не хочу этого делать.

— Это логично, целиком и полностью согласен с вами. Итак!

— Елизавета Петровна меня зовут.

— Очень приятно. А я Мурад. Вы случайно не из Москвы?

— Да, — удивилась барышня, — как вы догадались?

— Просто так сказал, наугад. Вы похожи на одну мою знакомую в Москве. Вчера с ней познакомился.

— Так вы, значит, каждый день знакомитесь с девицами таким способом?

— Нет, честное слово, просто совпадение, да я сам из Москвы.

— Простите, как вы сказали, Мурад, а дальше, по батюшке?

— По батюшке не надо, да я его и не помню совсем.

— Странное имя для москвича, хотя вы, наверное, татарин?

— Ну почему сразу татарин, в столице всякого люда хватает.

— Москва не столица.

— Ну конечно, — с иронией произнес Мурад, — Баку — столица, Москва — нет.

— Баку точно не столица, южная окраина Российской империи. И Москва не столица, странно, что вы, живя в Москве, не знаете таких вещей. Столицей числится Петроград и давно уже.

— Ладно, здесь я спорить не буду, но я москвич, клянусь. Мы земляки.

— Возможно, местного говора у вас нет. Но вы узнали название башни и мое имя, а теперь должны сдержать свое слово.

— То есть уйти?

— Вы догадливы.

— Вы шутите, — заметил Мурад, видя, что девушка пытается сдержать улыбку. — Можно я еще немного постою здесь? Я так одинок в этом городе, а рядом с вами будто дома.

Она пожала плечами.

— Жалостью вы меня не проймете, а впрочем, стойте, если хотите. Набережная не моя, общественная.

После недолгого молчания Мурад спросил:

— Ваш жених моряк?

— Почему вы так решили?

— Вы ждете своего жениха, стоя на берегу, глядя в море.

— Мне сказали, в той стороне Персия. Он там служил, в корпусе генерала Бичерахова. Со дня на день должен прийти пароход, он приплывет на нем. Я приехала в Баку, чтобы встретиться с ним.

— Ну, что же, Елизавета Петровна, я рад за вас. И рад знакомству. Не буду вам мешать. Ухожу, как обещал.

Барышня взглянула на него и впервые за время разговора улыбнулась.

— Всего хорошего.

Мурад сделал несколько шагов и был остановлен вооруженными людьми. Их было трое, у двоих из-за плеч выглядывали штыки винтовок, а у третьего на поясе висела кобура. И это были армяне. В армии Мурад научился различать эти два народа безошибочно. Хотя внешне выглядели похоже, но что-то было в глазах, то, что отличало армян от азербайджанцев.

— Ха ес[1]? — спросил один из них.

— Че ахпер, — ответил Мурад, — папуасем[2].

С минуту царило настороженное молчание. Первым расхохотался старший патруля. Что-то пояснил по-армянски своим товарищам, и те тоже засмеялись.

— Шутник, — сказал он Мураду по-русски, — молодчик, гуляй пока. Сегодня еще можно.

Когда они ушли, Мурад пожалел, что он не заехал кому-нибудь по роже. Во сне ведь все можно. Армян он почему-то недолюбливал, без причины. Возможно, это было что-то генетическое, раз когда-то была резня, кто знает? Обернувшись, он увидел, что барышня с любопытством смотрит в его сторону.

— Что вы им сказали, почему они рассмеялись?

— Пустяки, это армейская шутка.

— Вы говорите по-армянски?

— Нет, знаю несколько слов. Служил с армянами.

— Мне они все не внушают доверия, и те, и другие, — вдруг произнесла девушка. — Вообще, вы знаете, у меня какое-то тяжелое предчувствие. Эту стихию уже не остановить. Уж скорее бы приехал Сережа. Боюсь здесь оставаться. Я сегодня уже была на пристани, парохода все нет.

— Я могу вам чем-то помочь?

— Нет, чем вы можете помочь? Просто вырвалось. Впрочем, если говорить о помощи, вы сейчас в какую сторону идете?

— Да мне все равно куда идти. Вас проводить? — с готовностью отозвался Мурад.

— Только если нам по дороге. Я не хотела бы вас утруждать. Вы в самом деле из Москвы? Где вы живете?

— В Коломенском.

— Вы живете в деревне?

— Почему же. Это находится в черте города.

— И вы так странно одеты.

Мурад оглядел свой чешский костюм.

— А что странного. По последней моде, брюки с манжетами, сейчас так носят, а галстук у меня в кармане.

— Возможно. Я не слежу за модой. Простите. Я не должна была вам этого говорить. Просто вы производите странное впечатление. Но у меня нет причин в вас сомневаться. Пойдемте. Я каждый раз боюсь заблудиться. Я живу в гостинице «Дагестан». Мне сказали на пристани, зайти еще после обеда. Возможно, пароход придет. Я думала подольше погулять по набережной. Но ветер усиливается, лучше я буду в гостинице. Ну,

[1] Армянин (*арм.*).

[2] Нет, брат, я папуас (*арм.*).

идемте. Что же вы стоите?

Мурад повиновался. Весь короткий путь они проделали молча. То есть поначалу Мурад пытался говорить, но барышня отвечала односложно, рассеянно, и Мурад оставил ее в покое, шел, читая названия улиц. Они пересекли набережную, пошли по Торговой улице и вышли на Великокняжеский проспект, который, в свою очередь, вывел их на небольшую площадь.

— Это Парапет, — сказала барышня. — В том переулке моя гостиница. Дальше меня провожать не надо. Я вам очень благодарна, мерси.

— Всего хорошего, — сказал Мурад, — желаю вам счастья и долгих лет жизни, — барышня улыбнулась и повернулась к нему спиной, стала уходить. Мурад сказал ей вслед: — Не желаете ли отобедать со мной?

Она, не оборачиваясь, покачала головой. «Ну и ладно, — подумал он, — была бы честь предложена. Пойду и я к себе в гостиницу. Лягу спать в этом сне. И тогда проснусь уже в Москве. Историческая родина — вещь, конечно, хорошая, но что-то все затянулось». Он стоял и смотрел на удаляющуюся фигуру, пока она не скрылась в переулке. Затем вернулся на Великокняжеский проспект, где путь ему преградил зазывала. Он стоял у дверей ресторана.

— Заходите покушать, уважаемый. Уже время обеда. Почему мимо идете?

— Нет, спасибо, — отказался Мурад.

— Какой спасибо, если вы еще ничего не попробовали. Заходите, разве вы еще не голодны?

После этих слов Мурад вдруг почувствовал, что он, в самом деле, зверски проголодался. Чувствовать голод во время сна — в этом было что-то противоестественное.

Мурад подчинился зазывале, тот провел его в зал. Усадил у стеклянной витрины, а сам исчез, даже не приняв заказ. Но вскоре появился официант с подносами, с которых на стол перекочевали груда маленьких тарелочек: зелень — кресс-салат, редиска, зеленый лук, острый и сладкий перец; закуски — сыр, соленья, черная икра и масло. На деревянной лопатке лежал пышущий жаром хлеб, только из тандыра.

— Разве я это все заказывал? — поинтересовался Мурад.

— Дорогой мой, сначала надо закусить, — пояснил официант, — нельзя сразу приступать к основному блюду, желудок надо подготовить.

«Интересно, за чей счет банкет? — сказал себе мрачно Мурад. — Хотя чего я беспокоюсь, если все это сон. Да и деньги у меня есть». В его бумажнике лежала десятирублевая царская ассигнация, он носил ее как талисман таксиста, чтобы чаевые не переводились, на счастье, предчувствовал, одним словом.

— Но мы можем все это убрать, — предложил официант.

— Не надо, оставь, — сказал Мурад, — а выпить у вас есть или у вас сухой закон?

— Нет, дорогой, наш закон — это желание клиента. Что вы будете пить? Есть домашнее вино грузинское, «Тестовский» коньяк и русская водка.

— А вы что посоветуете?

— А это на ваш вкус. Вино «Киндзмараули», полусладкое, коньяк «Тестовский» делают, на самом, деле армяне. А водка натуральная русская, казенная, как говорится.

— Давайте водку. Тем более, что я вижу на столе соленые огурцы.

— Да, уважаемый, это молоканский засол. А что кушать будете? На первое могу предложить пити, бозбаш, борщ, довга, дюшпара.

— А бозбаш — это что?

— Бозбаш — это все для азербайджанца. Это и первое, и второе. Но порция маленькая, поэтому советую второе тоже взять. На кебаб у нас есть телятина, баранина, осетрина, сердце, печень, легкое, джыз-быз, хаш.

— Нет-нет. Ни джыз-быз, ни хаш не надо — воспротивился Мурад.

Как ни странно, но эти два экзотических блюда он пробовал и запомнил на всю жизнь. Армейский товарищ, азербайджанец, тот самый, по чьей просьбе Мурад связался с продавцами цветов, приехав в Москву, разыскал кооперативное азербайджанское кафе и повел туда Мурада. Как выяснилось из небольшой гастрономической лекции — хаш едят поутру. Его подают с семи до девяти утра. Тот, кто его поел, весь день не чувствует голода. Вообще это еда бедняков — поденщиков. Хаш варят из телячьих ног и головы, а джыз-быз готовят из кишок. То есть из всего того, что богатые люди выбрасывают или отдают беднякам. Перед Мурадом стояла пиала с бульоном, в котором плавали зеленовато-желтые медали жира. Рецепт дошел из средневековья, а может, из глубин древности с небольшим, но существенным дополнением. Поэтому Мурад удивился, когда на столе оказалась бутылка водки. «Без этого хаш уже никто не ест, — пояснил приятель. — Ну, давай, за встречу». — «А потом говорят, мусульмане не пьют», — сказал Мурад, поднимая стопку. «А мы и не пили, — возразил Исмаил, — пока большой русский брат не научил нас этому, — и посоветовал: — Ты сыпь туда побольше соли, перца, сумах можно, а главное, чесночный соус не жалей». Они выпи-

ли, стали закусывать. Но здесь вышла накладка, несмотря на все ухищрения, обильно сдобренный специями хаш в горло не полез. Мурад с трудом заставил себя проглотить ложку густого жирного варева. Сильный нутряной вкус отбивал всякое желание есть знаменитое блюдо. Между тем тосты следовали один за другим, а закусывать, кроме хаша, было нечем. В 8 часов 30 минут Мурад был пьян и голоден до безобразия, то есть наоборот. С тех пор он зарекся есть хаш.

— А ведь время есть хаш уже вышло, — проявил осведомленность Мурад.

— Молодец, знаете, что к чему, — похвалил официант. — Так что принести?

— Бозбаш принеси. Раз он все для азербайджанца. А на второе можно люля-кебаб.

— Люля не советую, — несколько понизив голос, сказал подавальщик, — слишком много хлеба в фарш кладут. Возьмите лучше кебаб из осетрины. Ее ничем нельзя испортить.

— А осетрина первой свежести? — невпопад пошутил Мурад, но подавальщик шутки не принял, укоризненно цокнув языком, ушел.

Мурад взял с тарелки листик кресс-салата и стал жевать его. Его тут же проняло, аж в нос ударило. Этот сон беспокоил его все больше своей реалистичностью. Ресторан был почти пуст. Через витрину виднелась улица, по которой в разные стороны шли люди, большей частью вооруженные. «Что-то затевается», — подумал Мурад и совершенно не удивился этой мысли. Пришел подавальщик. На подносе стоял стеклянный графинчик, заледеневший от холода. Рядом с графинчиком появилась тарелочка со стопкой чебуреков.

— Это подарок от шефа, — сказал официант, — гутабы с зеленью, мясом и сыром на закуску. Пока бозбаш приготовится, чтобы было чем закусить.

«Рановато, конечно, для водочки, — сказал себе Мурад, его командирские часы показывали ровно одиннадцать, — но, как говорится, магазины в Москве уже открылись, а на работу я все равно уже не попаду. Черт, какая работа, я же сплю».

Он выпил наполненную официантом стопку, закусил кресс-салатом. Недолго думая, накатил еще одну. Водка пилась натурально, как наяву. Тут подоспел подавальщик с дымящимся бозбашем. В небольшой пиале Мурад увидел большую фрикадельку, наполовину залитую прозрачным янтарным бульоном, картофелину и горох на дне. Подавальщик наполнил рюмку из графинчика.

— Приятного аппетита, — сказал он, — только я советую сначала закусить гутабом, а потом перейти к бозбашу.

Подавальщик ушел. Мурад поднес рюмку ко рту и медленно выпил. Обычно он не жаловал водку, пил, только когда деваться было некуда. Например, на работе после смены на троих. Но эта водка сопротивления не вызывала. Была мягкая и пилась легко. Он выдохнул, подцепил огурчик молоканского засола, сжевал, думая, что подмосковный засол все же получше будет. Затем, послушавшись совета, взялся за гутабы. Налил себе еще одну рюмку, выпил, глядя в окно. В основном проходили военные — солдаты, матросы или просто вооруженные люди. «Может быть, кино снимают», — подумал Мурад. Он вытащил из кармана газету. На первой полосе по-прежнему стояло название «Бакинский рабочий» и дата — 18 марта 1918 года. Ниже в качестве передовицы было напечатано воззвание к трудящимся г. Баку от Бакинского совета большевиков. Пытаясь осмыслить эту информацию, Мурад выпил еще одну рюмку. Читать передовицу он не стал. Тем временем ресторан наполнялся людьми, слышалась русская и армянская речь, мусульман почти не было, не считая его самого, наполовину азербайджанца. У Мурада отчего-то стало портиться настроение. Он выпил еще одну рюмку, увидел подавальщика и поманил его.

— Тебя как зовут? — спросил он.

— Рустам.

— Послушай, Рустам, почему азербайджанцев нет? Только русаки и армяне.

Вопрос почему-то Рустама озадачил. Он оглянулся, наклонившись, понизив голос, сказал:

— Боятся. Говорят, армяне что-то готовят. Многие уезжают, если есть куда.

— А ты?

— А мне некуда. Осетрину нести?

— Я еще бозбаш не попробовал.

Трое армян за соседним столиком громко переговаривались, то и дело смеясь. Мурад взглянул в их сторону раз, другой, встретился взглядом с одним из них, и тот сказал:

— Ара, что смотришь, что надо? — Мурад отвернулся, сосредоточился на закусках, он призывал себя к спокойствию. — Ара, я с тобой разговариваю, глухой, что ли? — не унимался армянин.

— Вы ко мне обращаетесь? — поинтересовался Мурад, молчать далее означало проявлять малодушие.

— К тебе, — подтвердил армянин.

— Не надо мне тыкать, я с вами свиней не пас, — заметил Мурад.

Эта грубость цели не достигла, напротив, компанию почему-то развеселила. Они заулыбались.

— Ара, конечно, не пас — воскликнул задира. — Турки же свинину не едят. А что ты смотришь на нас, может, мы тебе мешаем? Так ты скажи, не бойся.

— Если можно, ведите себя потише, — сказал Мурад, — не шумите, не мешайте другим.

Просьба армян крайне удивила.

— Э-э, — сказал один из них, — а мы вам что, кушать помешали, ложку отобрали? Мы же не в театр пришли, чтобы тихо сидеть.

— Вы мне думать мешаете, — сказал Мурад.

— Ара, ты откуда такой наглый взялся? Турок недорезанный. Доедай свой обед и иди отсюда, пока цел.

— Турок недорезанный — твой отец, — возразил Мурад, — и твой дед. Заткни свою пасть, пока я ее не заткнул.

После этих слов двое встали и двинулись к нему. Третий остался сидеть, с улыбкой наблюдая происходящее. Мурад поднялся навстречу, уже не сознавая, что делает. От удара ближайшего армянина он уклонился и ударил сам, разбив ему нос. Удар второго пропустил, и тот заехал ему в скулу вскользь, посему особого вреда не причинил. Первый армянин стоял, закрыв лицо руками, из-под пальцев видна была кровь. Мурад увидел, что второй тащит из кармана револьвер, схватил стул и что было сил опустил ему на голову. Вырвал револьвер из-за пояса упавшего. В зале поднялся шум, послышались армянские ругательства. Надо было уходить, но дорогу к выходу преграждали несколько чернобородых мужчин. В этот момент Мурад увидел, как подавальщик делает ему знак, показывая на завешенную соломенной циновкой дверь. Видимо, там был служебный выход, и путь к нему был свободен. Мурад в несколько прыжков преодолел его и скрылся за циновкой. Проскочив коридор, заставленный продуктами, он оказался в переулке, где его встретил Рустам.

— Сколько я должен? — тяжело дыша, спросил Мурад.

— Беги, потом сочтемся, — сказал Рустам и добавил вслед: — Красавчик!

Мурад пробежал до конца переулка, повернул направо в сторону моря. Затем еще направо и оказался в начале Великокняжеского проспекта. Отсюда дорогу до гостиницы он помнил.

К счастью, портье еще не сменился, улыбнулся и приветствовал, как старого знакомого.

— Забыл, в какой стороне мой номер, — сказал Мурад.

— Я вас провожу, — вызвался портье. Он проводил его до комнаты, открыл дверь.

— Как называется ваша гостиница? — спросил Мурад.

— «Дагестан», — ответил портье и ушел.

«Значит, она где-то здесь, — подумал Мурад, — мы живем в одной гостинице». Он закрыл за собой дверь, подошел к черному кожаному дивану, сунул револьвер под подушку. Лег, закрыл глаза и сразу же открыл. У него кружилась голова. Он повернулся на бок и лежал так, пока сон не сморил его.

Глава 2

Когда Мурад проснулся, было еще темно. Минуту он лежал, осмысливая, где он находится. Свет уличных фонарей проникал в комнату. Увидев портрет на стене, Мурад сообразил, наконец, в чем дело, и облегченно вздохнул. В следующий момент он, вытянув руку, взглянул на светящийся циферблат наручных часов, чертыхнулся и стал торопливо одеваться. Уходя, не удержался, чтобы не заглянуть в соседнюю комнату. Анастасия спала на раскладном диване, разметав волосы по подушке.

На работу он опоздал минут на сорок. Диспетчер Марина укоризненно посмотрела на него, но, ничего не сказав, выдала путевку. Но в наказание оделила его копеечным заказом. Подача на Мытную, ехать на Павелецкий вокзал. В итоге он в графике опаздывал на два часа, минус десять рублей, ибо каждый час по плану должен был зарабатывать для государства пять рублей. Правда, на вокзале ему повезло больше. Взял клиента в аэропорт «Домодедово». Так что заехать домой и переодеться ему не удалось. В аэропорту стоянка была переполнена свободными таксомоторами. Мурад поставил машину в стороне, подошел к контролеру, пожал ему руку, вложив в нее три рубля. Процедура была отработана. Контролер подавал руку не иначе, как клешней, чтобы смять купюру. Иногда хотелось поздороваться просто, без задней мысли, а тот все равно делал ладонь лодочкой, выходил конфуз, поэтому, если просто поздороваться, руки

уже не подавали. Заплатив, таксист мог спокойно искать себе клиента у выхода, где толпились пугливые провинциалы, и их *пасли* так называемые *аэродромщики* — таксисты, которые работали только между аэропортами. Они платили контролерам 15 рублей за смену в каждом аэропорту, где собирались работать. Но и заработки их были несоизмеримые. Так, из Домодедово в Шереметьево счетчик пробивал 18-20 рублей в зависимости от того, в какую сторону по МКАД ехать. Если водитель брал четырех пассажиров, то с каждого причиталось по двадцатке. Итого восемьдесят рублей за час, за одну поездку. Не каждый министр зарабатывал такие деньги в советское время. Но чтобы работать *аэродромщиком,* надо было иметь наглость и не иметь совесть. У Мурада все было наоборот. Поэтому, схватив первого попавшегося пассажира, направлявшегося к стоянке такси, он посадил его в свою машину и был таков. В дальнейшем день сложился удачно. План сделал досрочно, чаевых набралось около червонца, что считалось нормой. Он вернулся в гараж раньше времени, прогнал машину через мойку и только после этого отбил время на путевке и сдал деньги. Выйдя из диспетчерской, постоял немного в раздумье. Двое таксистов из его колонны делали ему призывные знаки, показывая ему три пальца. Но Мурад отрицательно качнул головой и направился было к автобусной остановке. Но его окликнул один из водителей.

— Слышь, парень! Кажись, тебя контролер зовет?

Мурад посмотрел в сторону ворот. В самом деле, татарин Ринат махал ему рукой. «Может, время не то отбил», — забеспокоился Мурад. Часы, фиксирующие время въезда и выезда таксистов, а это было основой основ контроля за водителями, всецело находились в руках контролеров. Они скручивали механизм и пробивали любое время по просьбе водителя, за деньги, разумеется. Существовала такса, один час стоил 50 копеек. Иногда из-за этого бывали курьезы, забывали поправить колесико. Но на сей раз дело было не в этом. Рядом с контролером стояла девушка, и он указывал ей на Мурада.

Эта встреча была полной неожиданностью.

— Привет, — сказал Мурад, — как я рад вас видеть снова. Вам понадобилось такси или я?

— Я иногда езжу в бассейн на «Автозаводской», — ответила Анастасия, — хотя бассейн так себе. Наши ездят в «Чайку», но сюда мне удобно, прямая линия.

— Я знаю. Сам иногда туда хожу. Как вы узнали, где я работаю?

— На «Автозаводской» только один таксопарк. Решила зайти, уж коли я здесь, осведомиться, как вам спалось? Говорят, на новом месте приснится жених невесте или наоборот. Телефонами мы не обменялись.

— Отойдем, — предложил Мурад.

— Да, конечно, вы ведь куда-то шли.

— Вообще-то я шел домой. Может быть, теперь поедем ко мне?

— Это неудобно, я же девушка.

— Я дам вам слово, что с вами ничего не случится. Слово джентльмена. Правда, у ворот таксопарка это звучит неестественно, но тем не менее.

— Полагаюсь на ваше слово, — согласилась Анастасия. — Нам куда?

— На автобус. А кто сидит с бабушкой?

— К нам ходит патронажная сестра. Беспокоитесь за нее? Спасибо.

— Проявляю участие. Как, вы сказали, ее зовут?

— Елизавета Петровна. Кажется, вчера вы говорили мне ты.

— Много воды утекло с тех пор. Робею.

Анастасия засмеялась.

Они перешли дорогу, сели в автобус на конечной остановке, напротив проходной завода им. Лихачева. Свободных мест было вдоволь, сели над колесом, повыше. Молчали, пока ехали по «Автозаводской», разворачивались на площади, выезжали на Пролетарский проспект.

— Живописные здесь места, — заметила Анастасия, глядя по сторонам. Автобус поднимался на метромост, под которым текла река. — Я всегда считала, что жить можно либо в центре, либо на «Соколе». А теперь вижу, что ошибалась.

— Из моей квартиры открывается вид еще лучше.

В квартире Мурад подвел девушку к окну, выходящему на Коломенское.

— Потрясающе! — сказала она. — Ради такого пейзажа можно жить на окраине. И река тебе здесь, и церковь, и колокольни, и вообще красота. А что там дальше за рекой?

— А за рекой как раз и есть окраина. Это микрорайон Орехово-Борисово. А у нас здесь до центра всего пятнадцать минут... Сударыня, у меня есть курица, но с ней долго возиться. Я приготовлю яичницу с колбасой и луком.

— Яичницу вы сами себе готовить будете, а раз я здесь, то я вам приготовлю цыпленка табака.

Когда на тарелке лежал распластанный подрумяненный цыпленок, Мурад сказал:

— Грешно есть такую закуску помимо водки, — он полез в морозилку и вытащил заледеневшую бутылку. — Выпьете со мной?

— Боже упаси.

— А я слышал, что девицы в дворянских семьях охотно пили водку.

— Вот они и довели страну до ручки... Вы мне расскажете свой сон?

Мурад наполнил рюмку ледяной тягучей жидкостью, пожелал девушке здоровья, выпил.

— Знаете, — морщась от водки, сказал он, — мне снился очень странный сон. Будто бы я оказался в Баку того времени. Думаю, что не иначе, как под воздействием ваших рассказов.

— И что же там происходило в вашем сне? — живо спросила Анастасия.

— Можно я закушу сначала? А то на пустой желудок в голову ударит, приставать начну.

Анастасия терпеливо ждала, пока Мурад закусывал.

— Ну рассказывайте наконец, — взмолилась она, — это невыносимо, нельзя так медленно есть.

— Да, собственно, ничего особенного не было. Я гулял по набережной, разговаривал с одной девушкой, кстати, она была похожа на вас. Это тоже объяснимо. Ваш светлый образ. Я заснул, думая о вас.

— Что было потом? — нетерпеливо спросила Анастасия. — Вы с ней познакомились? Как ее звали?

— Ее звали Елизавета Петровна. Как вашу бабушку. Но это тоже объяснимо. Я вообще люблю объяснять сны. Мне надо было стать психоаналитиком. Потом я пошел в ресторан, выпил водки и подрался с армянами. Они сидели за соседним столиком.

— Вы уверены, что это были армяне?

— Ну, кто же еще. После тех страстей, что вы мне рассказали на ночь. Зло, естественно, должны олицетворять армяне.

— И что было дальше?

— Я им накостылял, отобрал револьвер и убежал.

— Так вы думаете, что это был сон?

— А вы думаете иначе, — с сарказмом произнес Мурад. Он ожидал улыбку на лице Насти, но она серьезно сказала:

— Вам, наверное, тоже досталось в той драке.

— Один из них задел меня по лицу.

— Эта ссадина у вас на лице после той драки осталась, — Анастасия извлекла из сумочки карманное зеркальце и поднесла к лицу Мурада. — Вчера вечером ее не было.

— Приложился где-то. Да ладно. Вы это бросьте. Я мебель часто вожу, недавно помогал грузить диван, клиента взял у мебельного. Я там *пасусь* частенько. Червонец сшибешь, а потом от тротуара работаешь. Просто на *чайниках* много не заработаешь.

— Вчера вечером у вас ее не было, — повторила Анастасия.

— Ну ладно. Не было, так не было. Значит, сегодня где-то приложился и не заметил. Или у меня провалы начались в памяти. Знаете анекдот? Больной приходит к доктору и говорит: «Доктор, у меня провалы в памяти». — «И давно это у вас?» — «Что?» — «Провалы». — «Какие провалы?» Смешно, правда?

— Очень, — сказала Анастасия. — Я поеду. Спасибо за гостеприимство.

— Как это поеду. А разве вы не останетесь ночевать?

— Это с какой стати?

— Ну, как же. Сначала мы у вас. Теперь вы у нас.

— Ну что вы. Я девушка незамужняя, это неприлично.

— Может быть, все же останетесь? Мы можем в парке погулять.

— Меня бабушка ждет.

— Ах да, я все время о ней забываю.

Мурад проводил девушку до метро, затем спустился с ней на станцию. Затем сел вместе с ней в поезд. Вышел у метро «Аэропорт». Возле ее подъезда стал прощаться.

— Даже не зайдете? — спросила Анастасия.

— А можно?

— Конечно, мне будет неловко, если вы сейчас, проделав такой путь, уйдете. Пойдемте, я угощу вас чаем.

Патронажная сестра встретила Настю упреками, смерила Мурада строгим взглядом и ушла.

— Идите в гостиную, — сказала Анастасия, — я с бабушкой управлюсь и приду.

Мурад прошел в комнату и сел на диван. Вскоре пришла Анастасия, принесла чай и варенье.

— Как бабуля?

— Хорошо. Только я просила не называть ее бабулей. Она не терпит фамильярности.

— Но она же не слышит.

— Все равно не надо. Без обид, ладно? Знаете, несмотря на то что я рафинированная интеллектуалка...

— Это болезнь? — сочувственно спросил Мурад. Анастасия засмеялась.

— Это не болезнь. Это состояние. Но 1:0 в вашу пользу. Я просто хочу сказать, что обычно меня коробят эти мужицкие прибаутки, но из ваших уст совсем другое дело. Даже интересно.

— Я польщен. А там, в бутылке, еще осталось что-нибудь? Я имею в виду коньяк.

— Я поняла. Вы хотите выпить?

— Ненавижу эту еврейскую манеру отвечать вопросом на вопрос. Если бы я был еврей, то сейчас сказал бы: а вы как думаете? А вы бы ответили: не знаю, что и думать.

— Вообще-то это не еврейская манера. А просто женская. Женщины так тянут время, чтобы понять, не кроется ли в вопросе подтекст. Нам, женщинам, вообще жить сложно. Как говорится, бытие определяет сознание. Однако должна заметить, что это было грубо, ваша тирада.

— Простите, я человек прямой. А мои прибаутки проистекают от среды. Как говорится — с кем поведешься, от того и наберешься. Бытие определяет сознание. Вот сейчас стал с вами водиться, буду мыслить высокими материями. Так как насчет коньяка? Хотя я могу сбегать и в магазин.

— Ни в коем случае. Я обязательно угощу вас коньяком. Немного позже. Он стоит в шкафу, в комнате бабушки. Она только заснула, а дверца скрипит. Потерпите. Хорошо? Спасибо. Ничего, что вы до этого пили водку?

— Это напитки одного порядка. Коньяк — благороднее, но в градусах разницы нет.

— Скажите, — неожиданно спросила Анастасия, — куда вы дели револьвер?

— Какой револьвер?

— Тот, что вы отобрали у армянина.

Мурад засмеялся было, но осекся под внимательным взглядом Насти.

— Послушайте, это же было во сне... ну хорошо, я сунул его под подушку. Кстати говоря, в моем сне в том гостиничном номере стоял точно такой же диванчик кожаный, с такими же кожаными подушками. Но это тоже легко объяснить, верно? — говоря это, Мурад все время поглядывал на подушку в углу дивана. — Вообще на ней не очень удобно спать, — заметил он, — высоковата, у меня шея затекла.

— А может быть такое, что пистолет до сих пор лежит под этой подушкой?

— Знаете, — сказал Мурад, которого весь этот странный разговор начинал раздражать, — я вообще не сторонник хиромантии, блюдечек со стрелками, вызываний духа и прочей чепухи... ну хорошо, я сейчас загляну под эту подушку, и мы закроем эту тему, ладно?

Поскольку Анастасия продолжала молчать, он покачал головой, протянув руку, приподнял подушку... Под ней лежал новенький вороненый «Смит-и-Вессон» с деревянной ручкой. Мурад взял осторожно револьвер в руки, покрутил, разломил, гильзы в барабане отсвечивали латунью. Револьвер был полностью заряжен. Мурад посмотрел на Анастасию.

— Если это розыгрыш, то он вам удался, — сказал он. — Откуда это у вас? Остался от этого гусара, который висит у вас на стене? Или вы играете в русскую рулетку?

— Ни то, ни другое. А для русской рулетки, как известно, нужен только один патрон. А этот пистолет полностью заряжен. И у нас дома никогда не было оружия.

— Это не пистолет, — нехотя поправил Мурад, — это револьвер. Вы вообще к чему клоните? Я, что ли, его принес?

— Да.

— Да?! Вы это серьезно?

— Абсолютно.

— Но как? Я пришел к вам без оружия. Спал здесь на этом диване. Утром ушел.

— После того, как вы заснули, я заглянула к вам в комнату.

— Зачем? — оживился Мурад. — И как вы поняли, что я уже сплю?

— Понять было несложно. Вы сразу захрапели.

— Так я храплю? — огорчился Мурад. — Не знал этого.

— Простите, что расстроила, но кто-нибудь должен был вам это сказать. Так вот, вы захрапели, а потом все затихло. Я забеспокоилась и заглянула к вам на всякий случай...

— Ну... не тяните резину... заглянули, и что?

— Вас не было в комнате, — медленно произнесла Анастасия.

— Что значит не было, может, вы меня не заметили? А я упал с дивана, сполз, он же

кожаный, скользкий, отсюда ссадина.

— Вас не было в комнате, — повторила девушка, — вас не было всю ночь. Я не спала, все время заглядывала и задремала только под утро. Проснулась от щелчка замка. А после того, как вы ушли, я обнаружила под подушкой этот револьвер.

— Вот новости, — расстроенно сказал Мурад. — Мало того, что я, оказывается, храплю, теперь выясняется, что я еще и лунатик.

— Я тоже так подумала сначала. Думаю, вот повезло, мало того, что бандита в дом привела, спит с пушкой под подушкой, он и еще и сомнамбула. Но я ночью обошла всю квартиру, вас нигде не было. Я даже на балконе смотрела, лестница на месте, а вас нет. Допустим, вы изнутри открыли дверь и ушли по своим ночным делам. Но как, в таком случае, вы обратно попали без ключа?

— Действительно, — сказал озадаченный Мурад. — Что-то не сходится. И что, по-вашему, все это значит?

— Даже не знаю, как вам сказать?

— Можете стихами. У вас это неплохо получается — пушка, подушка. Я тоже в юности баловался. Как это называется?

— Это называется — перемещение во времени. Вы попали в прошлое. В Баку 1918 года.

— Этого не может быть! — Мурад перевел взгляд на портрет, затем на револьвер, взял его и положил обратно под подушку. — Этот диван — точная копия того, что был в гостиничном номере в моем сне. Сон был очень странный, я отдавал себе отчет в том, что я сплю. А так не бывает, это происходит в тот момент, когда ты просыпаешься. Я все ясно ощущал и во сне удивлялся этому. На набережной дул холодный ветер, шашлык был вкусный, водка ледяная. Когда тот армянин зацепил меня, было больно. И утром у меня было сильное похмелье. Такого не бывает с трех маленьких рюмок коньяка.

— Я вам одну всего налила.

— Ну, вы же выходили. Я же говорю, что рюмки были маленькие. Но этого не может быть. Ладно, — Мурад встал, — спасибо за хлеб-соль, за приключение. Я в эти игры не играю, — он пошел к дверям

— В какие игры? Почему вы уходите?

— Я не люблю, когда меня используют.

— Почему вы думаете, что я вас использую? Я пригласила вас в гости. Угостила чаем. В чем же здесь использование?

— Знаете, Анастасия, я хоть и таксист, но не такой примитивный, как вы думаете. Вернее, я таксист, а не осел. Я же не случайно здесь оказался. Это странное сходство с портретом, этот допотопный диван. Какую игру вы со мной затеяли? Вам нечего ответить? Прощайте! Я ухожу! Было приятно познакомиться! Да, и цыпленок табака был великолепен.

— Я вас не использую, я не думала, что все так получится. Честное слово. Не уходите! — взмолилась Анастасия. — Прошу вас, давайте поговорим, — Мурад сокрушенно вздохнул и вернулся к столу. — Я сейчас, — Анастасия и вышла из комнаты.

Мурад поднял подушку. «Смит-и-Вессон» по-прежнему лежал там. На рукоятке был указан год выпуска — 1898. Вернулась Анастасия

— Итак?

— Я могу долго и подробно, а могу коротко. Вам какой вариант предпочтительней?

— Подробно.

— Ладно. Итак, моя бабушка родилась в Москве в 1898 году...

— Нет, не так подробно. Это вы совсем издалека заходите. Давайте короткий вариант.

— Хорошо, тогда короткий вариант. После того, как бабушка лишилась обручального кольца во время ограбления, ей фатально не везло в личной жизни. У нее было несколько женихов, но до свадьбы дело не доходило. Они все погибали. Один в Азербайджане, другой в сталинских лагерях, третий — на войне. С третьим даже дошла до дверей загса. Это было 22 июня 1941 года. Загс оказался закрыт по случаю войны. Такое же невезение преследовало мою маму, не буду описывать подробностей. Такая же судьба ждет меня.

— Это глупости, предрассудки, простое стечение обстоятельств.

— Нет, это не глупости. Мама тоже так считала и ни разу не вышла замуж. Мой папа долго обещал на маме жениться. Потом встретил другую. Маме сейчас 47 лет. Она живет в Америке, занимается научными исследованиями и по-прежнему одна. Бабушка во время войны побывала в оккупации, спасла цыганку от смерти, выдав ее за свою сестру. Та ей потом погадала в благодарность. По-настоящему, не как на вокзале. И сказала, что на нашей семье висит венец безбрачия. Это все из-за того украденного кольца. Его надо вернуть, чтобы снять этот венец. Мама моя никогда не верила этому,

всегда по этому поводу иронизировала. А я в это верю. Когда я увидела вас на рынке, меня поразило ваше сходство с портретом. У меня появилось совершенно естественное желание познакомиться с вами, узнать, кто вы. Откуда я могла знать, что все так выйдет.

— Этот диван откуда? — после долгого молчания спросил Мурад.

— Бабушка купила в комиссионном магазине. Он точная копия того дивана, что стоял в гостинице, где жила бабушка в Баку. А может быть, это он и есть. Раньше при переезде люди возили мебель с собой. Это была ценность.

— Подождите-ка, — Мурад с усилием отодвинул диван от стены.

— Что вы делаете? — спросила Анастасия.

— Обычно на ведомственном имуществе бывают инвентаризационные номера, бирочки всякие. Мама дорогая, так и есть, смотрите, — сзади на спинке дивана была неприметная надпись — «Дагестан». — С мебелью все ясно, это тот самый диван. Как Гамбсовские стулья, достался какому-нибудь начальствующему коммуняке, он и притырил с собой, когда менял место службы. А откуда взялась эта фотография, если тот офицер не вернулся?

— У него в руках был пакет. Он уронил его, когда дрался с мародерами. В пакете, вернее, это был конверт, там находились две фотографии. Наверное, он собрался послать их своей маме. Или невесте. Ну вот. Я вам все рассказала. Теперь вы все знаете. У меня нет от вас тайн. И на душе легче стало.

— Спасибо за откровенность! Даже не знаю, как к этому относиться, — озадаченно сказал Мурад. — В голове не укладывается у меня все это. Это, конечно, все интересно, но что дальше? Судя по тому, что вы приехали за мной в таксопарк, вновь пригласили меня домой, история не закончена.

— Это вопрос?

— Да, это вопрос.

— Это хороший вопрос, но я хотела бы адресовать его вам. Что мы будем дальше делать?

— Мы? — спросил Мурад.

— Конечно мы. Вы что, собираетесь бросить меня в этой ситуации? Ведь вы теперь причастны к этой истории.

Мурад смотрел на Анастасию и думал, что не видел лица прекраснее.

— Может быть, поцелуемся? — спросил Мурад.

— Кажется, вы собирались меня бросить. Уверяю вас, прощальный поцелуй будет для меня слабым утешением.

— Дело не в этом.

— А в чем же?

— Я думаю об этом с той минуты, как увидел вас. Вы мне нравитесь.

— Мне приятно это слышать. Только давайте не будем перескакивать с одной темы на другую. Вы можете мне помочь?

— Помочь в чем? Простите, я не понимаю?

— Дело в том, что я хочу прожить счастливую жизнь. Выйти замуж, и так далее.

— Это легко, — сказал Мурад, — где тут у вас ближайший загс?

— Не очень далеко, а что?

— Дождемся утра, и я на вас женюсь. Это будет решением проблемы. Я разрушу обет безбрачия. Одним словом — согласен!

— Я не могу подвергать вашу жизнь опасности. Вы не дойдете до загса. С вами что-то случится. К тому же вы меня совсем не знаете.

— Это не имеет значения.

— Но я хочу выйти замуж по любви. Простите.

— Да ладно, понял, не дурак. Насильно мил не будешь. Но это все, что могу сделать для вас.

— Нет, не все.

— То есть?

— Может быть, попробуем еще раз?

— Послушайте, не сходите с ума. Извините за грубость, но машины времени не существует. Я не знаю, что это было. Наваждение какое-то! Диван из комиссионки, пистолет этот, может, из этого, как он называется, театрального реквизита.

— Револьвер, — подсказала Анастасия.

— Револьвер. Но не будет больше этого. Может быть, это было перемещение моего метафизического тела, астрального.

— Вы хотите меня бросить?

— Как это бросить. У нас с вами ничего не было.

— Вы боитесь? Не стесняйтесь. Я пойму. Это нормальное человеческое чувство, имею в виду страх.

— А вот это вы зря сказали, — мрачно сказал Мурад. — Это запрещенный прием.

— Я без задней мысли, честно. Но я не понимаю вашего поведения. Если вы во все это не верите, почему вы отказываетесь? Где логика? Давайте попробуем еще раз.

— Что я должен делать? Залезть на этот диван, как на ковер самолет? Или, вернее, в сундук из сказки Андерсена «Калиф-аист».

— Вот видите, какая у вас эрудиция, — грустно сказала Анастасия, — а вы все таксист, таксист. Были бы вы обычным таксистом, разве бы я вас домой к себе привела? Только не Андерсен, Гауф. Пейте чай и идите по своим делам. Я и так уже злоупотребляю вашим временем. Простите меня.

Мурад вдруг почувствовал к ней невыносимую жалость, а люди, способные вызвать жалость, могли вить из него веревки.

— Ладно, — сказал он, — несите коньяк.

— Зачем? В чай хотите добавить?

— Коньяк в чай добавляют или больные, или извращенцы. Я начинаю трезветь. А это не в ваших интересах.

— Хотите сказать, что вы все это время были пьяны? Я даже этого не заметила.

— Не пьян, но подвыпивши, как говорится, подшофе. Но коньяк все равно несите, — Анастасия принесла коньяк и поставила на стол. Мурад наполнил граненую рюмку: — За вас! — пожелал он и выпил. Анастасия смотрела на него, закусив губу. — Важный вопрос, — сказал Мурад, — допустим, опять диван сработает. И я вновь перенесусь в прошлое. Что я должен сделать? Взять у нее обручальное кольцо и принести сюда? Это же глупо. Не отдаст она кольца.

— Ни в коем случае. Вы что, с ума сошли?

— Вчера бабушка, пока вы ходили в аптеку, спросила у меня, принес ли я ей кольцо. Значит, она ждет этого.

— Бабушка немного не в себе. Возможно, в своем сознании она тоже переносится в тот революционный Баку. Вы очень похожи на ее спасителя. Она открыла глаза, увидела вас и спросила, принесли вы ей кольцо или нет.

— Вы очень хорошо объясняете. Только я все-таки не понимаю, что я должен сделать?

— Я не знаю. Вы мужчина, вы и решайте, как ей помочь. Предостеречь ее.

— Проще всего взять у нее там кольцо и принести сюда.

— Нет, ни в коем случае. Кольцо ей надо вернуть там, а не здесь. Здесь жизнь уже прожита, как вы не поймете этого.

— Она сторонилась меня. Мне едва удалось разговорить ее. Помните, как у Булгакова. *«Никогда не разговаривайте с незнакомцами».* Она барышня *раньшего* времени.

— Вы должны вызвать у нее доверие.

— И что я должен сказать? Сударыня, вас завтра ограбят, отдайте мне обручальное кольцо, а послезавтра я вам его верну.

— Мурад, — жалобно сказала Анастасия, — пожалуйста, попробуйте. Моя бабушка умирает. У нее проблемы с головой. Это следствие того, что один из негодяев сильно ударил ее по голове. У нее из-за этого всю жизнь были головные боли.

— Между прочим, вы первый раз назвали меня по имени, — сказал Мурад. — Я попробую. Итак, что мы делали в тот вечер? Мы стояли на балконе и разговаривали. А потом вы мне рассказывали про события в Баку.

— Балкон вряд ли имеет значение.

— А потом я лег и долго ждал и надеялся, что вы ко мне придете, пока меня не сморил сон.

— Ждали меня? — воскликнула Анастасия. — Зачем?

— Как зачем? За этим, за самым. Но не дождался.

— И не дождетесь, пока не женитесь на мне.

— Слушайте, вас не поймешь. Я же предложил пойти в загс.

— Пожалуйста, давайте сменим тему. Я готова рассказать вам еще что-нибудь. Только гляну, как там бабушка.

Пока Анастасия ходила в комнату к бабушке, Мурад налил себе еще рюмку коньяка и выпил. Вернулась Анастасия. В руках у нее была уже знакомая папка.

— Итак, на чем я в прошлый раз остановилась?

— На большевиках. Можно я сяду на диван?

— Садитесь, можете даже лечь.

— Спасибо, прямо как на приеме у психотерапевта.

— Вы бываете у психотерапевта?

— Не бойтесь, я здоров, в кино видел американском.

— Я не боюсь, еще чего, просто спросила.

— Так-так, что там было дальше с большевиками? Между прочим, я тоже член партии.

— Я буду иметь в виду. Большевики Шаумян, Авакян, Кагранян и другие перебрались в Баку из Тбилиси сразу после революции. Они внедрились в общественные организации, заявили о себе пылкими речами. А затем свели их деятельность к нулю. Очень скоро они привлекли на свою сторону армянское население, некоторых русских и представителей других национальностей. И вдруг оказалось, что все армяне стали большевиками. Скоро выяснилось, что исполком совета рабочих, солдатских и матросских депутатов на девяносто девять процентов состоит из армян... Красная гвардия, созданная в Баку, в большинстве своем состояла из армян. Ее организацией занимались высшие армянские военачальники в Петрограде. Начальником штаба был царский полковник Аветисян. На вооружении у Красной армии было все оружие и снаряжение царской армии, поступавшее из Персии и Средней Азии. Единственным военным формированием мусульман был «Татарский конный полк», костяк которого составили часть «Дикой дивизии», переведенной из Петрограда, и «Мусульманский дивизион», организованный в Ленкорани из добровольцев. Положение русской армии на кавказском фронте после Октябрьского переворота оказалось двусмысленным. Продолжать войну с Турцией не было возможности, армия оказалась парализованной, войска стали покидать фронт. Закавказский комиссариат, созданный после революции представителями Грузии, Азербайджана и Армении, опасался дальнейшего пребывания русской армии на Кавказе. Деморализованная, разложившаяся армия, попавшая под влияние большевистской пропаганды, представляла угрозу для властей. Правительство указом от 19 декабря 1917 года распустило русскую армию. Но ее возвращение на родину превратилось в настоящую проблему для местных властей. Голодные и озлобленные солдаты на своем пути занимались грабежом и разбоем. Ими было разорено около двухсот азербайджанских деревень. В январе 1918 года на станции Шамхор при попытке разоружить солдат произошло кровопролитное столкновение между русской армией и национальными войсками Закавказья. С обеих сторон были убитые и раненые. Вокруг этого события Баксоветом была развернута агитация против правительства и мусульман, в частности. Большевики демонстрировали заботу о русских солдатах, чтобы привлечь их на свою сторону. Похороны солдат на Бакинском кладбище большевики превратили в политический демарш. Когда в Баку из Тифлиса прибыл штаб «Мусульманской дивизии» во главе с генералом Талышинским, он был арестован по приказу Шаумяна прямо на вокзале... — Анастасия рассказывала, время от времени зачитывая документы из папки, потом ей пришло в голову бросить взгляд на своего гостя. — Нет, вы только посмотрите на него, — тихо возмутилась девушка. — Я здесь соловьем разливаюсь, а он себе спит! Станешь тут Шехерезадой!..

* * *

Барышня стояла на том же месте. Приблизившись, Мурад сказал:

— Мое почтение, сударыня, — она оглянулась и едва заметно кивнула головой. — Прекрасная погода, не правда ли, — продолжал Мурад, — правда, ветер немного досаждает, холодный.

— Это норд дует, здесь его называют *хазри.*

— Полагаю, что вы кого-то ждете, того, кто должен приплыть на пароходе. Угадал? — девушка с удивлением посмотрела на него. — Простите мне мою назойливость. Просто мне одиноко в этом городе. А вы, я вижу, из Москвы. Приятно в чужом городе встретить соотечественника. Позвольте представиться, Мурад.

— Елизавета Петровна, — ответила девушка. — А вы действительно из Москвы? Вы на русского не очень-то похожи.

— Я дитя смешанного брака. Мой отец азербайджанец, а мать — русская. А разве мой говор не выдает во мне столичного жителя?

— Говорите вы, действительно, без татарского акцента, — заметила девушка, — но с чего вы взяли, что Москва — столица.

— Вы правы, оговорился. Но почему вы акцент именуете татарским, а не азербайджанским?

— Но здесь живут татары, — возразила Елизавета Петровна, — впрочем, я в этнологии не сильна, пусть будет — азербайджанский.

В этот момент Мурад заметил приближающийся революционный патруль и сказал:

— Простите, сударыня. Я схожу куплю сигару. Я видел недалеко табачную лавку, — и торопливо ушел. Ему не хотелось вновь отвечать на вопросы армян. Он отдалился от девушки, дошел до первой линии домов и оставался там, пока патруль не прошествовал мимо. Затем вернулся. — Наверное, жениха встречаете? — спросил Мурад.

— Откуда вы знаете? — насторожилась Елизавета Петровна.

— У вас обручальное кольцо на руке, и вы стоите одна в чужом городе на набережной и смотрите в море. Он, верно, моряк.

— Нет, не моряк. Офицер. Но точно должен приплыть на пароходе. А ваша фамилия, видимо, Пинкертон. Кто вы такой?

— Ясновидец и прорицатель. Предсказываю будущее.

— Вот как, — весело сказала девушка, — в таком случае, господин Калиостро, предскажите, в котором часу приедет мой жених, чтобы я не стояла тут на холодном ветру.

— Ваш жених не приедет, а вам следует немедленно уехать из этого города.

— Что за глупые шутки, — сердито сказала барышня, — я, кажется, не давала вам повода.

— Это не шутки. Сегодня или завтра в городе начнутся погромы и убийства.

— Откуда вы это знаете? А может быть, вы сами большевик?

— Ни в коем случае, просто у меня предчувствие. Да вы сами оглянитесь по сторонам. Разве вы не видите эту напряженность во всем. Армяне вооружаются, а мусульмане покидают город. Вам следует уехать, и чем быстрее, тем лучше.

— Пожалуйста, оставьте меня.

— Не обижайтесь, я вам добра желаю.

— А если добра желаете, то не говорите вздор. Впрочем, мне пора, прощайте.

Мурад смотрел, как она уходит. Выждав немного, он пошел следом, не теряя ее фигуру из виду. На этот раз он довел ее до дверей гостиницы. Затем вернулся на площадь Парапет и вошел в знакомый уже ресторан.

— Здравствуй, Рустам, — приветствовал он подошедшего официанта.

— Здравствуйте, — ответил официант.

— Ты меня не помнишь?

— Почему не помнишь, помню, конечно, — возразил официант, хотя было очевидно, что он не помнит. — Где хотите сесть? Вот хорошее место.

Рустам показал на стол, за которым Мурад сидел в прошлый раз. Но Мурад выбрал столик подальше от этого места, драка с армянами не входила в его планы. Он сел в другом углу, но так, чтобы видеть Парапет. Он помнил, что девушка собиралась после обеда пойти на пристань. И, вероятнее всего, она пройдет здесь, мимо ресторана, по Великокняжескому проспекту. Ресторан, поначалу практически пустой, начинал заполняться людьми. Вернулся официант, принес поднос с закусками. Соленья, сыр, масло, свежую зелень, редиску, кресс-салат и свежеиспеченную лепешку.

— Что будете кушать? — спросил он, достав книжечку и карандаш. — Может быть, бозбаш?

— Не надо бозбаш, — отказался Мурад, — больно он утяжеляет, спать после него хочется. Хаш тоже не предлагай. Я хочу заказать кебаб ассорти. Можно?

— Конечно, дорогой. Почему нельзя. А выпить желаете?

— Да, принеси мне бутылку водки, только откроешь ее при мне.

— Слушаюсь, — официант ушел и вскоре вернулся с бутылкой водки и со стопкой кутабов. — Подарок от шефа, — сказал он. Затем распечатал бутылку и наполнил рюмку. В следующий миг лицо его изменилось, и Мурад по губам его прочитал ругательство в чей-то адрес. Он посмотрел и увидел тех же самых армян, входящих в ресторан. — Опять эти проклятые большевики, — сквозь зубы процедил официант, — приходят, сидят здесь, как хозяева, деньги не платят, уже тридцать рублей у них на счету. Извините, подойду к ним.

Он отошел. Мурад выпил и закусил соленым огурцом. Съел один гутаб с зеленью. В сторону большевиков старался не смотреть. Он выпил еще, закусил маринованным помидором и съел второй гутаб. Тот оказался с картофельной начинкой. Его так и подмывало посмотреть в сторону армян, и он не выдержал, повернул голову и встретился взглядом с одним из них, с тем самым задиристым. Во встречном взгляде были подозрение и агрессия. Видимо, в отличие от подавальщика, этот тип каким-то образом помнил их прошлую встречу. Мурад чувствовал, как растет в нем бешенство, но, помня о своей миссии, заставил себя отвести взор. Сердце его колотилось от волнения. Он налил еще водки и выпил, осаживая в себе злость. На этот раз водка отличалась крепостью. Рустам принес заказ, на тарелке лежали три небольших шампура, на одном были нанизаны кусочки баранины, на другом субпродукты: печень, сердце, на третьем — курица. Здесь же лежала горка мелко нарезанного красного лука, перемешанного с барбарисом и зернами граната. Мурад выпил еще и стал есть, забыв об армянах. Но к нему подошел Рустам, поставил на стол бутылку с *наршарабом* и вполголоса шепнул:

— Эти большевики спрашивали про вас. Это не к добру. Лучше вам уйти. Они могут вас арестовать.

— Ладно, ты мне счет принеси, а я сам решу, когда мне уходить, — процедил Мурад.

Он вдруг осознал, что его положение дает ему массу преимуществ. Он наполнил рюмку и выпил. Закусил острым маринованным перцем, подумав, что после такой закуски даже меланхолик затеет драку. А он был вовсе не меланхолик. Вернулся Рустам

и положил перед ним счет, на котором Мурад разобрал сумму в 1 рубль 50 копеек. Мурад достал из портмоне царскую ассигнацию.

— Сдачи не будет, — с сожалением сказал официант, — касса еще пустая, я запишу на ваш счет. И на всякий случай имейте в виду, запасной выход там, где висит циновка. Лучше вам сейчас уйти, пока они кушают.

— Понял, спасибо. Но я еще не доел и не допил. Иди, не беспокойся за меня.

Рустам ушел. Когда Мурад доедал шашлык, он почувствовал, как кто-то пальчиком стучит по его плечу. Он повернул голову. Это был армянин. Мурад поднялся.

— Ты кто? — спросил армянин. — Откуда будешь?

— Я человек, — ответил Мурад, — из Москвы.

— Человек из Москвы, — ухмыльнулся армянин. — А может быть, ты Ленина видел?

— Конечно, видел. В мавзолее.

— В мавзолее? Что он там делает?

— В гробу лежит в белых тапочках.

Ухмылка сползла с лица большевика.

— Документы покажи, — потребовал он.

Мурад бросил взгляд на остальных. Те не спеша ели, поглядывая в их сторону с интересом.

— Документы показать? — переспросил Мурад. — Конечно.

Он левой рукой зацепил в кармане пропуск в таксопарк и, пока армянин недоуменно изучал его, правой рукой ухватил бутылку водки и опустил ее на голову большевика. Когда тот рухнул на пол, вытащил у него из-за пояса револьвер, навел на ошеломленных армян, держа их под прицелом, поднял свой пропуск, положил его в карман и быстро вышел через запасной вход. На этот раз он не пошел в гостиницу. Переулками вышел к набережной и остался там в ожидании Елизаветы Петровны. Ждал он долго, стоял в подворотне дома, выходящего своим фасадом на набережную. От холодного ветра продрог, но нет худа без добра. Хмель от выпитой водки начинал выходить из него. Мимо шлёндали вооруженные большевики, в основном армяне. Все они были на удивление жизнерадостны. Громко говорили, смеялись.

Стрелки показывали час дня. Мурад вышел из подворотни и лицом к лицу столкнулся с Елизаветой Петровной.

— Добрый день! — радостно воскликнул он. — Вот судьба. Второй раз встречаемся. Это знак свыше. Куда путь держите с божьей помощью?

— На пристань, — ответила Елизавета Петровна. — Здесь недалеко причал «Русско-Кавказского общества».

Видно было, что она тоже рада встрече. Наверное, не очень уютно чувствовала себя в этом революционном городе.

— А я вот гуляю туда-сюда в одиночестве, — сказал Мурад. — Вы позволите составить вам компанию? Я могу идти на расстоянии, чтобы не смущать вас.

— Извольте, — согласилась Елизавета Петровна. — А вы здесь по какому делу, если не секрет?

— Я здесь случайно оказался, дело у меня, тем не менее, есть, но я не знаю, как мне к нему подступиться.

— А что значит случайно оказался? Вы сели не на тот поезд?

— Я сел не на тот диван. Но зато я познакомился с такой очаровательной дамой, как вы.

— Не надо со мной флиртовать. Я обручена. У меня жених есть.

— Я не флиртую, честное слово. Я просто сказал правду. Кажется, мы пришли.

У причала стояло судно, на борту которого было написано название «Эвелина». С другой стороны причала пришвартовывалось еще одно судно под названием «Хазар». Матрос бросил канат с судна, на пристани его поймали и замотали за кнехт, перекинули сходни. И пассажиры стали сходить на берег. Их было немного, человек десять-пятнадцать. Мурад посмотрел на Елизавету Петровну. Девушка покачала головой.

— Не расстраивайтесь, — сказал он. — Может быть, следующим приедет. Можно узнать, когда следующий пароход. Стойте здесь.

Мурад оставил девушку и пошел в контору. Возле дверей стояла группа военных, азербайджанцев. Они о чем-то оживленно переговаривались, показывая в сторону прилегающей площади. Мурад посмотрел туда и увидел подъехавший грузовик, с которого выпрыгивали солдаты. В конторе азербайджанский офицер спорил со служащим.

— Я сотник Татарской конной дивизии, — говорил он, повышая голос. — Пароход должен был быть отправлен два часа назад. В чем дело? Потрудитесь объяснить.

— Товарищ, не надо на меня кричать. Я человек подневольный. Это не от меня зависит. Командир порта запретил выпускать ваш пароход. Прошу прощения, я погово-

рю с товарищем, — сказал служащий, указывая на Мурада. — Здравствуйте, какой у вас вопрос?

— Я хотел бы узнать, сегодня придет еще пароход из Ленкорани?

— Какой пароход конкретно вы ждете?

— Я не знаю. Это моя знакомая. Она встречает жениха, он военный, поручик.

— Нет, сегодня пароходов не будет.

— Какого-то русского поручика арестовали в Ленкорани в тот день, когда мы отплывали, — вдруг сказал сотник.

— Кто арестовал? — спросил Мурад.

— Как кто, большевики, естественно.

— А как его фамилия?

— Этого я не знаю. Он прибыл из Персии.

Мурад кивнул и повернулся. Уходя, он услышал, как конторский работник, понизив голос, сказал сотнику:

— Я слышал, что исполнительный комитет приказал ваш отряд разоружить.

Елизавета Петровна стояла на том же месте.

— Никаких пароходов сегодня не будет, — сказал Мурад.

— А вы все точно разузнали? Надо было мне самой пойти.

— Сходите и убедитесь.

— Пожалуй, — решительно сказала Елизавета и направилась к конторе.

— Я вас подожду.

Она шла, придерживая одной рукой шляпку на голове, чтобы ее не сорвало ветром. Из конторы вышел сотник, придержав дверь перед Елизаветой Петровной, о чем-то переговариваясь со своими людьми. И вся группа направилась в сторону площади. Они не прошли и десятка шагов, как вдруг началась беспорядочная стрельба. Всадники бросились на землю и открыли ответный огонь. Мурад побежал было к конторе, но, услышав, как вокруг свистят пули, упал на землю. «Интересно, — мелькнуло у него в голове, — если меня здесь убьют, там в Москве у Насти я тоже умру или нет?» Вспомнив армейские навыки, он стал по-пластунски передвигаться в сторону конторы. Всадники отстреливались, отступали назад и в какой-то момент сравнялись с ползущим Мурадом.

— А вы куда? — спросил у него сотник.

— Мне в контору, — ответил Мурад, — там моя знакомая.

— Не стоит. Она в лучшем укрытии, чем вы. Не доползете. Пристрелят. Давайте вместе с нами.

Мурад подчинился. Чтобы добраться до парохода, им потребовалось около получаса, при этом один из военных был ранен в ногу. Мурад помог нести раненого. Они взошли на пароход, где за железными бортами оказались в относительной безопасности. Красногвардейцы, увидев, что отряд укрылся на пароходе, прекратили стрельбу.

— Простите, — сказал Мурад сотнику, — я приезжий. Не совсем понимаю. Вы белогвардейцы?

— Мы всадники из «Мусульманского дивизиона». Скорее красные, мы на службе у большевиков.

— А кто стрелял в вас?

— Они тоже большевики. Но армяне... а мы мусульмане. Это провокация.

В этот момент со стороны площади появился человек. К штыку его винтовки было привязано белое полотенце или портянка. Он призывал на переговоры. Пока длились переговоры, Мурад глаз не сводил с конторы. Оттуда вышел служащий и стал кричать красногвардейцам:

— Не стреляйте, здесь русская женщина. А я на службе.

— Давай-давай, уходи, — махнули ему с той стороны. После этого конторщик вывел из помещения Елизавету Петровну, и они вместе быстро ушли.

Переговорщик вернулся и передал ультиматум, красногвардейцы требовали немедленно разоружиться и сдаться в плен. Тогда им будет гарантирована жизнь.

— Им нельзя верить, — от себя добавил переговорщик. — Они ухмылялись.

Когда истек срок, данный на размышление, вновь начались выстрелы. Всадники отвечали из-за укрытия. Затем опять все стихло. Видно, на той стороне решали, что делать. Позиция у мусульман, в самом деле, была хорошей. Вся площадь хорошо простреливалась. Когда красногвардейцы вздумали пойти в атаку, то она быстро захлебнулась, и те отступили, оставив лежать несколько убитых солдат. С наступлением темноты с парохода спустили шлюпку. Сотник и еще трое всадников переплыли на соседнюю пристань «Восточного общества». Мурада они взяли с собой. Оттуда Мурад добрался до своей гостиницы и рухнул на диван.

Глава 3

Когда он открыл глаза, было раннее утро. Напротив, на стуле, сидела Анастасия и смотрела на него во все глаза. Она радостно улыбалась.

— У меня такое чувство, будто вы рады меня видеть.

— Вы даже не представляете насколько. Вставайте и раздевайтесь.

— Как, неужели вы решились ответить на призывы моего сердца?

— Не знаю, что вы себе вообразили, снимайте костюм, мне надо его почистить. Он весь в пыли.

— То-то я и удивился такой непоследовательности. Мол, вставай и раздевайся. Обычно говорят, раздевайся и ложись.

— Очень смешно, — иронично заметила Анастасия.

Мурад поднялся, оглядел себя. Костюм был изгваздан капитально.

— Мой новый *прикид,* — со вздохом сказал Мурад, — а вы знаете, что это мой выходной наряд. Можно сказать, пасхальный костюмчик, как у зицпредседателя Фунта. Я как надел его на свидание с вами, так до сих пор снять не могу. Какое долгое свидание. Вы будете его сами чистить или в химчистку отдадите? Кстати, имейте в виду, что пыль на нем — революционная.

Из заднего кармана брюк с глухим стуком выпал «Смит-и-Вессон». Анастасия схватилась за сердце:

— Боже мой! Он же мог выстрелить.

— В нем нет патронов. Я разрядил всю обойму. От армян отстреливались. Вообще-то от большевиков, но они там все почему-то армяне. Как это так получилось? Это у нас второй уже револьвер.

— Второй, но единственный.

— У меня с математикой в школе было не очень, однако не настолько, чтобы я не мог складывать простые числа. Один и один равняется два. Интересно, за сколько их здесь продавать можно?

— Это в вас сейчас таксист заговорил?

— Зря вы так. Я ведь обидеться могу. Я в такси не по призванию работаю, а по нужде.

— Лучше сказать, по необходимости. Не обижайтесь. Но первого пистолета нет, он исчез.

— Материализация духов. То есть обратный процесс. Но это меньшее, чему мы можем удивляться.

Мурад рассказал все, что с ним произошло до того момента, когда он вернулся в гостиницу. После этого Анастасия отпустила его в душ. Когда он вышел из душа, вычищенный костюм уже висел на вешалке.

— Одевайтесь, а потом садитесь пить чай, — сказала Анастасия. — Про то, что основную массу большевиков в Баку составляли армяне, я вам рассказывала. Но вы меня, видимо, невнимательно слушали. Да еще вы спите на лекции.

— Расскажите, что было дальше.

— Прежде давайте обсудим обстоятельства вашей второй встречи с бабушкой. Значит, вы ничего не сказали ей, не предупредили об опасности, грозящей ей. Вы же могли бы хоть как-то намекнуть...

— Это вам здесь легко так рассуждать. А там она ко мне относится настороженно. Что я ей должен сказать? Сударыня-девушка, немедленно уезжайте, иначе вас могут изнасиловать? Если я заговорю с ней об этом, она тут же меня прогонит. Проблема в том, что я все время попадаю в один и тот же день — 18 марта.

— Точно! Чтобы помочь бабушке, вы должны быть с ней рядом в тот злосчастный день. Давайте попробуем еще раз. Может быть, вы попадете в другой день, в следующий? Вы не должны возвращаться в гостиницу и ложиться спать. Вам надо дождаться полуночи, и вы перейдете в следующий день.

— Нет, — сказал Мурад, — я не буду этого делать. Я не хочу играть шутки со временем. А если я не вернусь? — Анастасия молча смотрела на него. — И не надо на меня так смотреть. Ответьте мне на один вопрос. Ради чего я должен это делать? Вы мне не мать, не сестра и не любовница. Извините за прямоту.

— Вы правы, просто, кроме вас, этого никто сделать не в силах.

Наступило тягостное молчание, наконец, Мурад сказал:

— Мне нужно ехать на работу.

— Да, конечно. Я вам очень благодарна.

Мурад встал и пошел к дверям. Когда он оглянулся, Анастасия сидела за столом, опустив голову.

* * *

— Ты что, дома не ночуешь? — спросила диспетчер Валя, разбитная сорокалетняя женщина, сама в прошлом водитель такси. — Бабенку завел? Которую смену при параде. Небось, с замужней связался. Гляди, и фингал на лице имеется.

— Ты прямо Шерлок Холмс, — процедил Мурад.

— Да прямо уж, у нас, кроме тебя, только Сизов на работу наряжается, как на именины.

Сизов был мужем заведующей универмага, поэтому всегда был одет с иголочки и во все модное, заграничное. В вельветовые джинсы, замшевые пиджаки. Работа таксиста по графику через день. Кроме как на работу, носить эти вещи ему было некуда. А добра этого у него было много, и все по госцене. В СССР был товарный дефицит.

— Заказ возьмешь? — уже другим тоном, добавив металла в голос, спросила Валя. Мурад понял, что отказываться бесполезно. — Мотель «Советский».

— Пятнадцать минут осталось, туда ехать полчаса.

— А ты поторопись.

Мурад схватил путевку и побежал в гараж. От автозаводского моста до МКАД, за которой располагался мотель, езды было минут двадцать. Мурад домчался туда за десять. Но все равно опоздал. Чертыхаясь, он побежал в фойе гостиницы. На счетчике было около 3 рублей. Если клиент уехал, их придется платить из собственного кармана. Да еще писать объяснительную в отдел эксплуатации из-за срыва подачи такси. Но это если клиент подаст жалобу.

За стойкой на высоком табурете сидела девица и смотрела на приближающегося Мурада взглядом, не предвещающим ничего хорошего.

— Мест нет, — сказала она, едва Мурад открыл рот.

— А мне и не надо, — злорадно произнес Мурад.

— А чего вам надо?

— Такси заказывали?

— А-а, вон сидит, ждет. Опаздываете, товарищ.

Мурад подошел к грузному брюнету, сидевшему в кресле.

— Такси ждете?

— Ала, почему опаздываешь? — воскликнул, поднимаясь, человек. По акценту Мурад понял, что перед ним азербайджанец. «Засада какая-то», — подумал он. Вслух сказал:

— Заказ я получил 15 минут назад. Пока доехал с «Автозаводской».

— Хорошо-хорошо, поехали в гостиницу «Зарядье». Только побыстрее. Люди ждут. Где машина? — в автомобиле клиент сел на переднее сиденье. Оглядел салон, спросил: — Сколько человек сюда входит?

— Еще пять пассажиров можно посадить.

— Хорошо, давай-давай, брат, поехали.

Мурад запустил двигатель и выехал со стоянки. Проехав пост ГАИ, он притопил акселератор, и «Волга» помчалась по Варшавскому шоссе со скоростью 100 км в час. Клиент невольно схватился за поручень. Затем, взглянув на визитку, укрепленную на торпеде, прочитал:

— Шабанов Мурад? Ты что, не русский?

— Нет, — нехотя ответил Мурад. Он ненавидел эти расспросы. Каждый третий пассажир начинал расспрашивать его о родословной.

— Татарин, что ли?

— Азербайджанец, — неожиданно для себя самого ответил Мурад.

— *А, беля дэ да*[1], — переходя на азербайджанский, воскликнул клиент.

— Я почти все понимаю, но говорю с трудом, — предупредил Мурад.

— Это плохо. Родной язык надо знать, — назидательно сказал клиент. Мурад уже жалел о признании. — А меня Байрам зовут. Сейчас возьмем в гостинице моих знакомых и повозим по магазинам. Хорошо?

— Хорошо. Только максимум ожидания — тридцать минут. У меня план — пять рублей в час.

— Это я все знаю, друг. Десять рублей в час буду платить. Хорошо?

Мурад припарковал такси у подъезда гостиницы, и Байрам скрылся в вестибюле. Рядом с входом были установлены несколько телефонов-автоматов. Пока Байрам отсутствовал, Мурад вошел в один из них и снял трубку. Анастасия ответила тотчас, словно сидела у аппарата и ждала звонка.

— Это я, привет, — почему-то волнуясь, сказал Мурад.

— Здравствуйте.

---

[1] Так бы и сказал (*азерб.*).

— Хочу извиниться, это было грубо про жену и любовницу. Это просто цитата из «Золотого теленка».

— Хорошо. Вы не опоздали на работу?

— Опоздал, естественно. Но обошлось. Всучили заказ. И я сейчас езжу с ним.

— Желаю удачи.

— Спасибо, и вам того же.

Мурад повесил трубку, постоял в будке, борясь с желанием снять еще раз трубку и снова ей позвонить. Но не позвонил, пошел к машине. Из вестибюля Байрам уже вел пятерых своих упитанных знакомых. Трех женщин и двух мужчин. «Бедные рессоры», — подумал Мурад.

Байрам был родом из Кировабада. В Москву он приехал в качестве экскурсовода, сопровождающего туристическую группу из Азербайджана. Вообще в мотеле на Варшавке просто так нельзя было поселиться. Там жили либо иностранцы, либо дельцы разных мастей. И тот факт, что Байрам жил в этой гостинице, говорил о том, что он непростая птица. Весь день они ездили по небольшим магазинам «Одежда», расположенным за кольцевой дорогой. Реутово, Балашиха, Железнодорожный. *Концы* были не маленькие. Мурад, поглядывая на счетчик, видел, что, согласившись на фиксированную оплату, он мало что выгадал. Бизнес Байрама, как выяснил впоследствии Мурад, состоял в том, что он возил туристов по магазинам, в которых у него были свои связи, договоренности с заведующими. Он собирал с земляков по червонцу с носу, эти деньги уходили на оплату такси. За это измученные дефицитом туристы покупали вещи, которых никогда не бывало на прилавках. В марже завмага имелся и процент Байрама. Мурад возил их шесть часов. Багажник был полон заграничными шмотками. Туристов вернули обратно в «Зарядье», и Байрам велел ехать обратно в мотель, где он рассчитался, как и обещал.

— У тебя есть телефон? — спросил он. — Мне часто машина бывает нужна. Зачем мне русским платить, лучше земляку добро делать. Я неделю буду здесь. Хочешь, приезжай завтра. Отвезешь меня в гостиницу.

— Завтра не моя смена.

— Ничего, послезавтра приезжай. Тем более что у меня завтра большая группа. Я «Икарус» заказал. Мне только до гостиницы надо будет доехать.

Байрам ушел. Мурад постоял немного на стоянке, надеясь подцепить кого-нибудь в сторону парка. Затем поехал *конем*. У поста ГАИ его остановил инспектор. «Черт», — выругался Мурад. Вроде бы ничего не нарушил. Вылез из машины, пошел к инспектору, недоумевая. Но тот сам шел навстречу со словами: «Шеф, подкинь до Даниловского». Это было недалеко от таксопарка.

Дежурным механиком в этот день был Миша Погосов. Невысокий круглолицый брюнет, ровесник Мурада. Он что-то старательно записывал в журнал. Буркнул в ответ на приветствие, смахнул положенный перед ним полтинник в ящик стола не глядя. Дописывая строчку, поднял указательный палец.

— Что-нибудь еще? — спросил Мурад.

— У тебя завтра ТО-2, — сказал Миша.

— А заранее нельзя сообщать? У меня на завтра были планы.

— График висит на стенде. Водителей в колонне 200 человек. Я не обязан каждый день говорить, сколько у кого дней осталось до техобслуживания.

Механик был прав. Да и Мурад возмущался просто так, для острастки. На завтра у него никаких планов не было. А то, что ТО-2 не в его смену выпало, было удачей. Иначе пришлось бы отрабатывать смену ночью. Теперь это предстояло сменщику.

— Ну ладно, — Мурад повернулся, чтобы идти, но Миша остановил его словами:

— Да, вот еще что. Михал Михалыч просил тебя зайти.

— А всю информацию сразу нельзя было выложить?

— Нельзя, — совершенно серьезно ответил Миша, — у драматургии свои законы.

— Майкл, скажи, что ты меня не видел.

— Не могу. Я тебя видел.

— Что-нибудь еще? — с сарказмом произнес Мурад.

— Да, трешничек поменяй, — попросил Миша.

— Вот тебе трешничек, — Мурад сложил кукиш и показал его механику.

— Ладно, иди, не мешай работать, — незлобиво сказал Миша.

Поскольку водители давали механику по полтиннику, в конце дня у него собирался полный карман мелочи. И он менял ее у водителей на бумажные купюры.

— Слушай, Мишель, ты ведь армянин? — вдруг сообразил Мурад.

— Да, а ты азербайджанец, — невозмутимо ответил механик, — правда, как и я, московского разлива.

— Откуда ты, Мишель, знаешь, что я азербайджанец?

— Об этом все знают, кроме тебя. А что? Факт, что мы принадлежим к народам, недолюбливающим друг друга, мешает нашему общению?

— Недолюбливают — это слишком мягко сказано, — заметил Мурад.

— Но мы не отвечаем за своих предков, — сказал механик. — Это еще товарищ Сталин сформулировал. К тому же у меня мама русская. Как и у тебя. Или мешает?

— Нет, не мешает. Но если ты не скажешь начальнику, что меня видел, будет мешать еще меньше.

— Будь по-твоему. Скажу, что ты сам записался в журнал. Поменяй трешник. А лучше червонец, ради такого дела.

Мурад полез в карман, обменял три рубля на полную ладонь мелочи и пошел сдавать деньги. Навстречу по пандусу поднимался невысокий тщедушный мужчина средних лет с ярко выраженной восточной внешностью, носатый, с густыми бровями. Это был начальник Михал Михалыч.

— Куда это ты разогнался, мой юный друг? — спросил начальник.

— Деньги иду сдавать, — ответил Мурад.

— Миша разве не передал тебе мою просьбу?

— Передал, — не смог солгать Мурад, — но вас же не было, я пошел сдаваться, чтобы вернуться потом.

— Хорошо, заходи.

Мурад вслед за начальником зашел в кабинет. Внешняя стена в комнате была сложена из стеклянных мутно-зеленых блоков и имела одно окошко-амбразуру. Сел напротив. Наверху прогрохотал трамвай. Когда стихло, начальник спросил:

— Ты ведь член партии? — вопрос должен был предварять разнос. Последнее партсобрание Мурад пропустил. То есть в это время он работал на линии. Но руководство это мало интересовало. Оно считало, что коммунист должен сначала отсидеть три часа на собрании, а потом вздрюченный ехать и вырабатывать план. Сами они сидели на собрании в свое рабочее время, а таксисты были вынуждены затем перерабатывать лишних три часа. Но начальник задал еще один вопрос: — Ты, кажется, еще и техникум закончил?

— Автомеханический.

— Андропов проводит большую чистку в милиции. Им нужны новые кадры, молодые, грамотные, не коррумпированные. Пришла разнарядка. Хочешь быть инспектором ГАИ?

— Нет. Не хочу.

— Как это нет. Ты же хотел быть инспектором.

— Я хотел быть инспектором уголовного розыска.

— Какая разница. Все равно милиция.

Начальник знал об этом, поскольку Мурад брал с работы характеристику. Он, в самом деле, одно время хотел быть следователем. Но в тот раз не сложилось. Так как у него не приняли документы. Он пробовал в разных УВД и везде получил отказ под разными предлогами. В одном из них начальник кадров откровенно, но доброжелательно сказал ему, что есть негласная инструкция нерусских не брать. «А я разве нерусский?» — удивился тогда Мурад. «Ну, как же, папа у тебя кто?» — развел руками кадровик. Сам он, по его собственным словам, несколько лет прослужил в Азербайджане и был до известной степени лоялен к азербайджанцам.

— Все же лучше это, чем таксистом быть, — продолжал Михал Михалыч, — сколько ты собираешься крутить баранку? Вот есть возможность сделать карьеру. Все данные у тебя имеются. Молод, имеешь техническое образование, и главное, что член партии. Это шанс. Воспользуйся им, — поскольку Мурад не проявлял воодушевления, начальник добавил: — В нашей колонне только два человека имеют образование выше среднего, ты и Недогреев. Так что поедешь в УВД, приказ партии. Это у метро «Автозаводская». Зайдешь в кадры, скажешь, что ты из 9-го таксопарка. А потом как знаешь. Можешь разворачиваться и уходить. И наша с тобой совесть будет чиста. Моя, во всяком случае. Как говорится — наше дело прокукарекать, а там хоть не рассветай, — начальник нажал кнопочку на темно-синем циферблате часов, высветив циферки. — Сейчас шесть. Они до восьми работают. Прямо сейчас и поезжай.

— У меня сейчас дела свои.

— А потом делами займешься. Слушай, не зли меня. Мне до сих пор глаза колют тем, что я земляку новую машину дал раньше времени. Езжай.

Последний довод возымел действие. Когда Мурад пришел устраиваться в таксопарк, в отделе кадров стоял мужчина в пальто с каракулевым воротником и любезничал с инспектором. Взглянув на документы, женщина сказала: «Вот вам еще один земляк, Михал Михалыч». Начальник оказался стопроцентным азербайджанцем, и звали его Микаил Микаил оглы Махмудов. В русской транскрипции Михал Михалыч.

Мурад сдал деньги, путевку, сел на автобус и доехал до метро «Автозаводская».

Управление внутренних дел находилось в двух минутах от него. Он поднялся на третий этаж, нашел отдел кадров. За столом сидел молодой майор, но почему-то не в синем милицейском кителе, а в зеленом, военном. Выслушав Мурада, он протянул ему несколько листов бумаги со словами:

— Заполните анкету, там в коридоре есть стол и стул, — на заполнение анкеты ушло полчаса. Майор, потеряв терпение, выглянул в коридор и спросил: — Не готово еще? Я закрываюсь, — Мурад отдал ему заполненную анкету. — Зайдите через пару дней, получите направление на медкомиссию.

К началу работ по техобслуживанию он опоздал. Сменщик Женька Капустин, мужчина лет пятидесяти, встретил его волком. Он специально выезжал в ночь, чтобы спокойно заняться ремонтом машины. Машина уже висела на подъемнике, и слесарь, тихо матерясь, разглядывал рулевые тяги.

— Ты что, прохлаждаться решил? — рявкнул на него Капустин. — На вот накладную на тормозные колодки. Иди ищи начальника производства, без его подписи кладовщик не дает.

— Извини, проспал, отработаю, — сказал Мурад страдальчески.

— Отработает он, — кривляясь, сказал Капустин, — перебрал, что ли? — Мурад кивнул. — Ну ладно, — сказал уже другим тоном сменщик, в голосе появилось сочувствие. Похмелье — вот состояние, безусловно вызывающее сочувствие у членов профсоюза. — Получишь колодки, потом сбегаешь за водкой, закуску я взял. Скоро 11 часов.

— Нет, я не пойду и пить не буду, — возразил Мурад.

— Можешь не пить, но пойти пойдешь. Я что тебе, рыжий? Тоже мне пацана нашел, все самому делать.

— Хорошо, — согласился Мурад и отправился разыскивать начальника производства. Для этого ему пришлось оббегать весь таксопарк. Потом он сходил в универсам и, отстояв в очереди, купил бутылку «Пшеничной». Спрятал ее под курткой, вернулся в ремзону и отдал ее сменщику.

— Молодец, — похвалил Капустин.

В ремзоне было установлено шесть подъемников, по три в ряд с каждой стороны. Черная «Волга» висела на крайнем, в углу: машина была без колес, свисали тяги, шкворни, полуоси. Женька Капустин и слесарь Кузьмич стояли, обступив металлический полу-шкаф. Приблизившись, Мурад увидел своеобразный технологический натюрморт — в окружении промасленного тряпья и слесарного инструмента на плотной серой оберточной бумаге лежали толстонарезанные куски серого «Измайловского» хлеба и две пластмассовые тарелки. На одной — ломти отварной телятины, на другой — кавказские соленья: острый маринованный перец и черемша, зеленые помидоры, чеснок. Над закуской возвышалась принесенная Мурадом бутылка «Пшеничной», рядом замызганный граненый стакан, изобретенный скульптором Мухиной. Капустин наполнил стакан и тоном, не допускающим возражений, сказал:

— Давай. Не задерживай. Стакан один, между прочим.

— Надо хотя бы стакан помыть, — колеблясь, сказал Мурад.

— Здесь ничего заразного нет, водка, солидол да машинное масло, в них микробы не живут, пей давай, интеллигенция хренова.

Мурад взял стакан и, кляня себя за слабый характер, мучаясь, с трудом осушил его.

— Вот это другое дело, — одобрительно сказал Кузьмич. — В коллективе работаешь.

После этого Кузьмич, выпив свою дозу, взялся за работу. А Капустин ушел подписывать у начальника производства очередную накладную на дефицитную запчасть.

— А поговорить? — сказал Мурад. Но его уже никто не слышал.

В самом процессе выпивки у таксистов было что-то сакральное. Человек, отказывающийся выпить, нарушал какие-то тотемные законы. Его обязательно надо было принудить к этому делу. Но после этого к нему сразу теряли интерес. В таксопарке пили все и пили много. Обычно разложив закуску на капоте машины или даже прямо в столовой. Принять дозу, то есть выпить стакан водки после смены, было обычным делом. За рулем, конечно, никто не пил, а если водитель болтался в парке в свободное время, это было его личное дело. Это не было нарушением трудового распорядка. Демонстративно, конечно, никто этого не делал, но особо не скрывались. Если дежурный по парку заставал компанию таксистов, распивающих водку, он молча проходил мимо, делая вид, что не заметил. Но при этом водители быстро скидывались, кто-нибудь догонял дежурного на выходе и жал ему руку.

Мурад спустился на первый этаж по узкой темной лестнице, здесь на стене висел телефонный аппарат. Набрал номер на диске. Трубку долго не снимали, затем грубый мужской голос отрапортовал звание и фамилию, которые тут же вылетели у Мурада

из головы. Он стал объяснять цель своего звонка, но в трубку рявкнули — фамилия! Мурад назвал. После некоторой паузы, в течение которой Мурад слышал, как собеседник перелистывал некий журнал, телефонная мембрана обладала высокой чувствительностью, голос наконец произнес:

— Вы нам не подходите. До свидания.

— Подождите, — удивился Мурад, — что значит не подхожу? Я по направлению. У меня техническое образование. Я член партии. Почему не подхожу?

— По возрасту, — после короткого молчания ответил кадровик.

Мураду показалось, что он с кем-то советовался.

— Как вам это нравится? — повесив трубку, произнес Мурад. — Мне отказывают во взаимности во второй раз.

Он поднялся наверх, прошел в ремзону. Кузьмич уже прикручивал колеса, о чем-то балагуря с Капустиным.

— Гони монету, — сказал Капустин.

Мурад дал ему пять рублей. Женька присовокупил еще пятерку и протянул Кузьмичу. ТО-2 стоила десять рублей. Это был самый дорогой из профилактических ремонтов.

На следующий день перед выездом Мурад зашел к начальнику колонны и сообщил о том, что ему отказано в службе в ГАИ.

— То есть как это отказано? Почему отказано? — не поверил начальник. — Может, ты не ходил, а сейчас мне вкручиваешь? Я ведь могу позвонить, проверить.

— Разве я когда-нибудь обманывал вас? — обиделся Мурад.

— Ладно, не кипятись. А все-таки почему?

— Я думаю, из-за национальности. Я уже с этим сталкивался.

— Что за глупости? При чем здесь национальность, я тоже нацмен. У нас Шеварнадзе министр иностранных дел, а Гейдар Алиев — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Ты идешь, можно сказать, по партийной линии

— Да ладно, Михал Михалыч. Нехай они подавятся своими органами. Я, в общем-то, и не хотел.

— Нет уж. Теперь — это дело принципа. Нехай, говоришь? В правильном направлении мыслишь. Сейчас мы на них хохлов натравим. Иди к Нетребко.

— Начальник, мне на линию надо. Я уже время отбил.

— Полчаса погоды не сделают. Иди к секретарю парткома и доложи обстановку.

Мурад поплелся в здание администрации.

— Почему? — в свою очередь удивился Нетребко. — Что за ерунда, ты самый подходящий для них кадр.

— Я думаю, из-за национальности.

— Да быть этого не может. Подожди, сейчас я позвоню.

Секретарь парткома взял телефонный справочник, снял трубку и набрал номер. Разговор длился долго, невидимый собеседник, видимо, говорил обиняками. Поскольку секретарь парторганизации эзопов язык не понимал или не хотел понимать, он все время переспрашивал и просил пояснить. Наконец, он положил трубку, мрачно поглядел на Мурада, переминавшегося с ноги на ногу, и объявил:

— Похоже, что ты прав. Но это им так просто не сойдет с рук. Что с того, что не русский. Я вот тоже нерусский и шо? Короче, вот что сделаем. Завтра я дежурю в райкоме. Увижу второго секретаря и поговорю с ним. Зайдешь ко мне послезавтра.

— Может, не надо? Мне не по душе вся эта история. Насильно мил не будешь.

— Ну это когда как, — отрезал Нетребко, — иди пока, работай.

Мурад выехал из ворот парка, с досадой отметив, что целый час рабочего времени ушел на хождение по кабинетам. И погнал автомобиль на Варшавку, в мотель, где его ждал Байрам.

— Давай, ала, поехали, а то ты, как всегда, опаздываешь.

— Извини, начальник задержал. Между прочим, тоже азербайджанец. Хочет, чтобы я в ГАИ работал, направление дал.

— Молодец, хороший начальник, даже странно, что он тебе помогает. Наши друг другу не очень помогают, в отличие от армян. Сколько просят денег?

— Нисколько. По партийной линии.

— А-а, ну, если по партийной. Но у нас в Азербайджане, хоть по какой линии иди, все равно бабки придется дать. По партийной линии даже дороже будет. В Мардакянах в школу милиции поступить пять тысяч стоит. Сейчас в Кировабаде, чтобы в ГАИ устроиться, минимум десять штук дать надо. Считай, новую «Волгу». Так что иди, даже не думай. Всегда при деньгах будешь.

— Куда едем? — спросил Мурад.

— Как обычно. Сейчас в гостиницу «Зарядье», возьмем клиентов и по магазинам. Такса, как обычно, червонец в час.

Мурад согласно кивнул. Он вообще-то намеревался поднять цену, поскольку десятка в час при таких маршрутах едва покрывала показания счетчика. Но в последний момент передумал, надо было раньше поднимать этот вопрос. До того, как клиент сел в машину. Когда доехали до гостиницы, там уже их ожидали пятеро человек. Вскоре машина направилась в Мытищи. Из Мытищ поехали в Пушкино. Оттуда в Реутов. Затем в Железнодорожный. Из Железнодорожного в Люберцы. Когда с магазинами было покончено, Мурад вернул компанию в гостиницу. На счетчике было около сорока рублей. Клиенты, забрав свои покупки, вышли из машины.

— В мотель? — спросил Мурад.

— Нет, я останусь здесь. Они со мной еще не рассчитались. Ничего, если я завтра тебе заплачу? Уж извини, брат, я сегодня на мели. Сколько я должен?

— Мы ездили пять часов. Полтинник.

— За беспокойство еще червонец накину. Ладно?

Мураду был не по душе этот неожиданный поворот. Возить в долг — это было неправильно. Сорок рублей — приличная сумма, в кассу надо будет свои внести, но дружеские отношения. Как можно было обидеть человека недоверием. Да и как требовать деньги, если у него их нет. Не станешь же звать милицию.

— Завтра я не работаю.

— Ничего, послезавтра рассчитаемся. Утром к восьми подъезжай. Как раз в аэропорт меня отвезешь. Ты что, сомневаешься во мне? А это тебе от меня сувенир, — Байрам протянул Мураду золотистую металлическую ручку с вмонтированными в корпус электронными часами.

В следующую смену Мурад, едва отбившись от заказа, приехал в мотель в половине восьмого утра, для верности. Полчаса просидел в машине, а затем поднялся к стойке регистрации.

— Я жду клиента, заказ такси, — сказал он дежурному администратору, — можете позвонить ему?

— Какой номер? — спросила дежурная. Мурад назвал. — Байрам, что ли? Так он вчера уехал.

— Как уехал? Может быть, он деньги для меня оставил?

— Нет, парень, денег он не оставлял, — администратор смотрела на него с сочувствием. — Кинул, что ли?

— До свидания, — сказал Мурад и пошел к выходу.

Миша Погосов встретил Мурада ухмылкой.

— Что-то не нравится мне твоя улыбка, — сказал Мурад, — она напоминает мне слова средневекового поэта Мутаннаби, который сказал: «Если ты видишь клыки льва, не думай, что он тебе улыбается». Какую-то гадость собираешься мне сообщить?

— Ну почему ты так плохо обо мне думаешь? Огорчаешь ты меня, Мурадик. Но сравнение со львом для меня лестно. Звонили из милиции. Предлагали завтра зайти к ним. Что опять натворил?

— Мишико, у тебя ведь есть машина? Готовься к нелегкой жизни. Я в ГАИ иду работать. С тебя первого номера сниму.

Мурад дал механику путевку на подпись и пятьдесят копеек.

— Трешничек поменяешь? — спросил Миша. — Я же тебе хорошую новость сообщил, — но Мурад, не оборачиваясь, ушел, показывая из-за спины кукиш. — Как это грубо, — сказал ему вслед Миша, — и неинтеллигентно. Подобными жестами ты позоришь высокое звание московского таксиста.

По всему выходило, что Нетребко сдержал свое слово. Когда на следующий день Мурад вошел в отдел кадров управления внутренних дел, за столом сидел молодой лейтенант.

— Слушаю вас, товарищ, — сказал он, — вы по какому вопросу? Как ваша фамилия? — Мурад назвался. Лейтенант поискал в стопке бумаг, найдя нужную, протянул Мураду. — Вот вам направление на медкомиссию. С результатами вернетесь сюда, если пройдете, конечно. Комиссия очень серьезная. Это на весь день. Находится в Сокольниках. У метро. Ориентир — пожарная башня деревянная. Можете прямо сейчас ехать. Они в 11.00 начинают.

Остаток дня Мурад провел в очередях, переходя из одного кабинета врача в другой. Последним этапом были тесты. Всех завели в просторную аудиторию и раздали брошюры, состоявшие из четырехсот вопросов.

— Итак, товарищи, — обратился к аудитории врач, — вам нужно ответить письменно на все вопросы. Это своего рода экзамен. Предупреждаю, говорите только правду.

Кто соврет, тот сразу будет отчислен. А мы это поймем. У нас есть соответствующая методика. Приступайте. Кто закончит, сдает тетрадь и ждет в коридоре результатов.

Мурад ответил на все вопросы, среди которых попадались довольно странные. Сдав работу, вышел в коридор, а затем во внутренний дворик, чтобы выкурить сигарету. Спустя час врач вышел объявить результаты тестов. Методика опознавания вранья, видимо, существовала, так как он назвал несколько фамилий и сказал, что они отчислены за недобросовестные ответы. Потом он назвал еще три фамилии, среди которых оказался и Мурад.

— Вы на дополнительное собеседование.

Мурад дождался своей очереди и вошел в кабинет. За столом сидели двое врачей — мужчина и женщина. Последняя держала в руках заполненный им вопросник.

— Здравствуйте, — приветливо улыбнулась она. — Мы бы хотели услышать от вас уточнения по поводу некоторых ваших ответов. Да вы садитесь.

— Ответы не предполагали объяснений, — возразил Мурад, — только да или нет.

— Конечно-конечно. Просто нам нужны уточнения. Иногда вы отвечали не так, как обычно отвечают люди, — Мурад сел. Женщина стала зачитывать вопросы. На каждый Мурад давал подробный ответ, и женщина кивала головой. — И последний вопрос, — сказала врач. — «Хочется ли вам иногда сделать что-нибудь нехорошее?» На этот вопрос из всех соискателей только вы один ответили — да. Не могли бы вы пояснить, что вы имели в виду? — Мурад задумался. — Ну-ну, — подбодрила его женщина, — говорите как есть.

— Слово нехорошее я воспринял в буквальном смысле, типа хорошо — плохо, добро — зло. Но в жизни так не бывает. Мир не черно-белый. Если бы я ответил да, я бы покривил душой. Иногда человек поступает безобидно, но поступок все равно относится к слову «нехорошо».

— Не совсем понимаю вас. Не могли бы вы привести пример?

— Моя бывшая девушка говорила, что если видит в метро человека, несущего металлическую сетку с яйцами, ее так и подмывает пнуть по этой сетке. Но это не значит, что она изверг и садист. Хотя ей хочется совершить нехороший поступок, — врач укоризненно покачала головой, хотя в глазах ее сверкали веселые искорки. — Поэтому я с ней и расстался, — поспешил добавить Мурад. Женщина засмеялась.

— Это вы рассказали про свою бывшую девушку, а про себя что-нибудь?

— Хорошо, расскажу про себя. Иногда видишь на двери надпись: «Не входить». Но очень хочется войти. Значит, я мысленно нарушаю запрет, поступаю нехорошо. Или на столбе надпись: «Не влезай — убьет». Очень хочется влезть, но это не значит, что я это сделаю. Хотеть и делать — это не одно и тоже. Если я увижу в метро красивую девушку, мне захочется поцеловать ее, но я этого не сделаю. Видите, когда человек предельно честен, он сразу вызывает подозрение.

— Хорошо, достаточно. Ваш ответ меня удовлетворил. Но у вас есть проблема.

— Надеюсь, не из-за пятого пункта.

— Другая. Количество набранных вами баллов зашкаливает. У вас очень высокий коэффициент интеллекта. То есть, грубо говоря, вы слишком умны для работы инспектором ГАИ.

— Но у меня других вариантов нет. К тому же сейчас я вообще работаю простым таксистом — это ничуть не лучше гаишника.

— Тем не менее, мы не можем допустить вас к работе простым инспектором. В крайнем случае, можем согласиться на должность госинспектора. Это уровнем выше. Это административная работа. Но вам нужно взять в УВД новое направление на должность госинспектора. Там другие требования и другие тесты. Но вы их пройдете, я уверена.

В УВД Мурад больше не поехал. По дороге домой купил пива и весь вечер просидел на балконе, глядя на Коломенское.

* * *

— Здравствуйте, чудесный день, не правда ли?

— Мы знакомы? У меня плохая память на лица, но я вас где-то видела.

— Мы живем в одной гостинице. Пару раз раскланивались.

«И что же мне делать дальше? — подумал Мурад. — Начинать знакомство заново в третий раз? Бедные актеры. Каково им всю жизнь повторять одни и те же слова».

— Сударыня, простите меня, я назойлив. Но это от тоски по родине. Ностальгия, понимаешь, дым отечества. Поговорить буквально не с кем. Одни, извините за выражение, нерусские кругом.

— Но вы тоже, извините, не особенно похожи на русского.

— Во мне, видимо, сказываются последствия монголо-татарского ига. А вы пока-

жите мне русского, похожего на русского.

— Я стою перед вами, — возразила Елизавета Павловна.

— Вы исключение. В вас, видимо, еще сохранилась кровь Синеуса и Трувора.

Девушка засмеялась. В этот момент Мурад услышал шум за спиной и, обернувшись, увидел вооруженного винтовкой армянина, который мрачно смотрел на него. Из-за ветра он не услышал, как тот подошел так близко. Двое других из революционного патруля стояли поодаль и тоже смотрели на них. Взгляд патрульного неожиданно смягчился, и он спросил:

— Ха эс?

— Че ахпер, папуасем... — без запинки ответил Мурад.

С минуту до патрульного доходил смысл сказанного, потом он захохотал и, кивнув, вернулся к своим. «Неужели я похож на армянина?» — подумал Мурад.

— Что вы ему сказали? — не сдержалась от любопытства Елизавета Павловна.

— Пошутил. Старый армянский анекдот. В Москве над ним уже не смеются, а здесь — нетронутая целина, их разбирает.

— А вы знаете армянский язык?

— Несколько слов. В армии набрался. И еще этот анекдот. Но хватает. Всегда принимают за своего. Вот она, великая сила искусства.

— Что вы называете искусством — анекдот?

— Да, а разве нет?

— Нет. Искусство — это театр.

— Как скажете. Я не привык спорить с дамами. Меня зовут Мурад, а вас?

— Простите, но я не знакомлюсь на улице.

— Но мы уже говорим с вами битый час. Мы же не англичане, в конце концов.

— Не надо преувеличивать. Прошло всего несколько минут.

— Уложившиеся в вечность, — нашелся Мурад.

— О-о-о, я вижу, что вы не чужды изящной словесности.

— Я приглашаю вас отобедать со мной.

— Я не обедаю с незнакомцами.

— После столь содержательной беседы вы не можете считать меня незнакомцем. Тем более, что я знаю ваше имя — Елизавета Петровна.

— Меня настораживает ваше упорство и ваша осведомленность.

— Я хочу вам помочь. Уберечь от неприятностей.

— Что вам за печаль, грозит мне опасность, не грозит. Если бы я боялась, я бы сюда не приехала. Я не боюсь ничего.

— А действительно, зачем вы сюда приехали? Можно было и в Москве дождаться своего жениха.

— А это вас не касается. Но с чего вы взяли, что я жду жениха?

— Об этом вся гостиница судачит. Восхищаются силой вашей любви.

— Но я никому не говорила.

— Значит, догадались. Так как насчет обеда, принимаете мое приглашение?

— Благодарю вас, но вынуждена отклонить его. До свидания.

Мурад подождал, пока фигурка девушки не сравняется с первыми домами, и пошел следом. Сначала по Великокняжескому проспекту, потом обогнул вслед за ней Парапет. Не стал входить вслед за ней в вестибюль гостиницы. Остановился у соседнего дома, где на первом этаже располагалась овощная лавка, сделав вид, что рассматривает товары. К нему тут же выбежал приказчик азербайджанец.

— Что интересует, господин?

— Просто посмотреть хочу. Можно?

— Конечно, можно. Смотри, пожалуйста. Но купить тоже можно.

Мурад взглянул на продавца, он улыбался, малый был не без юмора.

— Как тебя зовут?

— Муса, господин хороший.

— Ладно, Муса. Почем вот это вот? — Мурад ткнул пальцем в первый попавшийся плод. Это оказалась небольшая симпатичная тыква.

— Пять копеек. Завернуть?

— Нет. Спасибо, я просто спросил. Я на обратном пути куплю.

— Лучше сейчас возьмите. Берите, не пожалеете. Бораны[1] сладкая, как мед, — в этот момент Мурад увидел, что Лиза, как он называл ее про себя, вышла из гостиницы. В руках у нее была дорожная сумка. Муса, проследив взгляд покупателя, сказал: — Очень красивая барышня. К жениху своему приехала. Так что не теряйте лучше времени напрасно.

— А ты откуда знаешь?

[1] Тыква (*азерб.*).

— Вся улица знает, — ответил Муса и, видя, что покупатель уходит, протянул ему в руки тыкву, — возьмите, деньги занесете на обратном пути. Так вернее будет, вдруг ее купят.

— Не надо, — сказал Мурад, отдавая обратно тыкву, но продавец спрятал руки за спиной.

— Нет-нет, пожалуйста, возьмите.

Мурад поискал глазами, куда бы положить тыкву, но в этот момент заметил, что Лиза скрылась в каком-то переулке. Тогда он, не желая терять драгоценных секунд на препирательство с навязчивым продавцом, быстрым шагом пошел за Лизой.

— Деньги в любое время можете занести, — крикнул ему вслед Муса.

— Черт бы тебя побрал, — пытаясь поудобнее ухватить тыкву, сказал Мурад.

К счастью, овощ был не очень большим и продолговатым. Приспособил тыкву подмышкой и побежал. Поравнявшись с переулком, успел заметить, как девушка поворачивает в соседний. Здесь он припустил со всех ног. Увидел ее стройную фигуру и уже пошел спокойно за девушкой, перекладывая тыкву из одной подмышки в другую, стараясь примечать ориентиры, чтобы не заблудиться. Подать нить Ариадны ему было некому. Наконец, Лиза остановилась у двухэтажного дома и вошла во двор. Выждав немного, Мурад подошел ближе, огляделся, стараясь запомнить все вокруг. Прочитал адрес на доме — Николаевская, 10. Повернул обратно. Следующая встреча состоится на бульваре после обеда. Отказываться от обеда он не собирался. Достал бумажник. Царская десятирублевая ассигнация была на месте. «Неубавляемый червонец, люди за такие фокусы душу дьяволу отдавали. Пустячок, а приятно».

Ресторан был полупустой. Мурад сел на лучшее место, откуда был виден Парапет и переулок, откуда должна была появиться Елизавета Петровна. Когда к нему приблизился официант, Мурад, не давая ему открыть рот, сказал:

— Салам, Рустам. Принеси мне бутылку водки, закуски, на твое усмотрение, и шашлык из осетрины, кстати, икры тоже дай.

— Здравствуйте, — удивленно ответил Рустам. — Сейчас все сделаю. Как вы поживаете? — задавая вопрос, парень, видимо, пытался вспомнить клиента.

— Не вспомнил? — улыбнулся Мурад. — А говорят, у официантов хорошая память на лица.

— Извините, — смутился Рустам, — такое чувство, что я вас знаю, но, хоть убейте, вспомнить не могу. А с этим что делать? Хотите, что-нибудь приготовим? — сказал Рустам, указывая на тыкву, которую Мурад продолжал держать подмышкой.

— А, это, нет, спасибо. Я тыкву не очень люблю. То есть вообще не ел никогда.

— Зачем купили?

— Да я не покупал. Это мне в долг дали. Надо будет деньги занести.

— Я могу положить ее в гардеробе пока.

— Да нет, не надо. Она мне не мешает, — Мурад водрузил тыкву стоймя напротив себя. — Как говорила моя покойная мама, имущество мужчины должно быть все время у него на виду. Не возражаешь?

Официант не возражал, хотя и особой радости от присутствия тыквы на столе не выразил. Он убрал со стола лишние приборы, в том числе и перед тыквой. Иначе это выглядело бы клоунадой. Принес ледяную бутылку казенной водки, горячий хлеб, закуски, икру черную в одной розетке, а в другой кругляш сливочного масла со слезой. Такие цилиндрики сливочного масла подавали на стол в армейской столовой в бытность Мурада солдатом. А также неизменные соленья. Глядя, как ловко парень расставляет тарелки, Мурад сказал:

— С меня долг причитается, в прошлый раз здесь конфликт произошел, я вынужден был уйти, не рассчитавшись. Надеюсь, это ты помнишь?

— Такого у меня не было, чтобы клиент ушел, не расплатившись, — возразил Рустам и отошел от странного клиента, но теперь старался не упускать его из виду.

«Ну что же, — сказал себе Мурад, — по крайней мере, я был честен». Он налил себе водки в рюмку. Почему подавальщик этого не сделал? Чокнулся с тыквой и выпил. Стал закусывать сначала молоканскими соленьями, вновь признав, что подмосковный засол все же гораздо лучше, потом сделал бутерброд с икрой и маслом. Все-таки профессор Преображенский был привередлив, подумал он, заедая вторую рюмку черной икрой. Холодные закуски тоже неплохо сочетаются с водкой.

Рустам принес шашлык из осетрины, источавшей божественный аромат.

— А вы откуда будете? Вы же не бакинец, кто по национальности?

— Я азербайджанец, — неожиданно для себя ответил Мурад, — но живу в Москве.

— Здесь по делу?

— Да, здесь по делу. Почему так мало людей в ресторане? Вроде время обеда. Где офисные клерки?

— Время тяжелое, неспокойное. Клиентов не осталось. Одни большевики таска-

ются, вместо денег маузеры показывают. А какие клерки? — переспросил официант.

— Никакие. Это я оговорился.

Рустам кивнул и отошел в сторону. В зале, кроме Мурада, было еще несколько человек. По виду приличные люди, не большевики. Однако ресторан понемногу наполнялся. Люди шли, словно услышав последнюю реплику Мурада. По проспекту проехал автомобиль, в кузове которого сидели солдаты с винтовками. Мурад взглянул на циферблат своих часов, затем сверил время с большими напольными часами, установленными у стены, напротив. Два огромных латунных диска медленно раскачивались в разные стороны. Как ни странно, но время совпадало минута в минуту. Он сидел в ресторане больше часа. Елизавете Петровне пора было уже появиться. Мурад наполнил рюмку, чокнулся с тыквой и выпил. Водка шла хорошо под молоканские соленья и черную икру с осетриной. Он налил себе еще и в этот момент услышал смех за спиной. Кто-то сказал:

— Ара, ты посмотри на него. Он с тыквой чокается. Клоун, *эли*, — Мурад, не оборачиваясь, повел головой и краем глаза увидел компанию, сидевшую за столиком поодаль. Из-за шума проезжавшего грузовика он не заметил, как они вошли. — Ара, зачем с тыквой пьешь? — веселился армянин. — Если не с кем выпить, иди к нам. Слышь, эй! С тобой говорю. Сюда смотри, — на плечо легла тяжелая волосатая длань. — Ара, глухой, что ли? С тобой говорю.

— В чем дело? — спросил Мурад, снимая с плеча ладонь.

— Жорик-джан... — обращаясь к кому-то из своих, сказал армянин, при этом пола его кожаного френча отошла в сторону, и перед лицом Мурада оказался револьвер, торчащий из кобуры. Недолго думая, Мурад вытянул револьвер и приставил дуло ему в пах. Армянин оборвал фразу, глянул вниз и обмер. — Ара, убери. А я пойду за свой стол.

— Бери рюмку, — приказал Мурад. — Чокайся и пей! Да не со мной. С тыквой, — большевик повиновался. — А теперь пошел вон. У себя за столом закусишь.

— Извините великодушно. А револьвер?

— У меня останется. Пошел.

Мурад накрыл револьвер салфеткой, направил дуло в сторону большевиков.

Армянин сел к своим товарищам за стол, и у них завязался оживленный разговор. Сидящий за соседним столиком мужчина обратился к Мураду:

— Сударь, не связывайтесь с ними. Власть в Баку принадлежит сейчас армянам.

— Да я бы и рад, но они сами меня задирают. Ищут ссоры.

— Постарайтесь отговориться, а если что, я вмешаюсь. Моя фамилия Смирнов. Я инженер. Работаю на нефтепромысле. Вы, я вижу, нездешний. Мой долг помочь соотечественнику.

— Благодарю вас. Давно вы здесь живете? Как вы распознали во мне соотечественника? Я не похож на русского.

— По московскому говору. Живу здесь я порядком, но собираюсь уезжать. Я сейчас без работы. Постоянные забастовки. А еще большевики собираются национализировать всю нефть. Надеюсь, что у них ничего не выйдет. Как думаете?

— Должен вас огорчить. Еще как выйдет.

— Вы что-то знаете?

— Можно и так сказать.

— Осторожно. Они идут к вам, — предупредил собеседник.

— Ара, вставай, — услышал Мурад, — именем революции, предъяви документы.

Мурад обернулся. У столика стояли двое. У одного из-за плеча выглядывала винтовка-трехлинейка, второй держал руку на кобуре маузера. Одного Мурад мысленно окрестил «человеком с ружьем», а другого — «ковбоем». Достал удостоверение и потянул тому, что держал руку на маузере. Большевик с минуту изучал документ.

— Ленин, *эли*, — сказал «ковбой», толкая товарища локтем. «Человек с ружьем» заглянул в книжицу.

— Это что, Ленин? — спросил тот.

— Ленин Владимир Ильич, — подтвердил Мурад.

— А что это за документ?

— Это партийный билет. Я коммунист. Это то же, что и большевик. Но на более высоком уровне. Так что вам есть к чему стремиться.

Большевики заговорили друг с другом на армянском языке. Потом «ковбой» спросил:

— Ленин сам выдал вам этот билет?

— Естественно, там внизу на обложке его подпись.

«Ковбой» вытащил из кармана газету, в которой был опубликован — Мурад смог прочитать название — «Декрет о Турецкой Армении». Они стали сличать подписи Ленина под декретом и в партбилете. Затем «человек с ружьем» вернул билет со словами:

— Извините, товарищ. А что, нам тоже такие билеты выдадут?

— Если заслужите, — строго сказал Мурад.

— Мы будет стараться, — пообещали армяне, — разрешите идти?

— Идите, — разрешил Мурад.

— Приятного аппетита. И ваш обед за наш счет.

— Не стоит. Я сам оплачу.

— Ни в коем случае. Обидите, будьте нашим гостем.

— Ладно, уговорили, — согласился Мурад.

— Это было красиво, — сказал инженер-нефтяник, — что это за волшебная книжица у вас?

— Как-нибудь расскажу, — пообещал Мурад, — а сейчас, простите, я должен идти, — он увидел в окне Елизавету Петровну.

Сунул револьвер в карман и вышел из ресторана. Увидел впереди шляпку Елизаветы Петровны и пошел следом. На этот раз у него был другой план.

Девушка дошла до набережной и повернула налево. Занятый собственными мыслями, Мурад упустил это из виду и, обнаружив, что шляпка исчезла из виду, забеспокоился, ускорил шаг. Дойдя до конца Великокняжеского проспекта, повернул за угол и... нос к носу столкнулся с Елизаветой Петровной.

— Это что же, милостивый государь, вы преследуете меня?

В ее словах не было гнева, одна лишь ирония и, возможно, любопытство.

— Боже упаси, сударыня, почему вы предполагаете во мне только дурные намеренья? Может быть, я ваш ангел-хранитель.

— Я хочу знать, почему вы идете за мной? — строго спросила Лиза. — И почему у вас тыква в руках?

— Подарок. То есть не то чтобы подарок. Я за нее должен заплатить. У здешних торговцев дурацкая манера все давать в долг. Теперь я должен разыскать ту лавочку и вернуть деньги.

— А вы еще и пьяный.

— Выпил малость, но я не пьяный. У них здесь водка не сорок градусов, меньше, с нее особо не опьянеешь.

— До свидания, — Елизавета Петровна повернулась и пошла вперед.

Выждав немного, Мурад пошел за ней. Пройдя сотню метров, девушка перешла на другую сторону и направилась к пристани. Мурад остался по эту сторону улицы. Подошел к навесу над торговой лавкой. И отсюда провожал ее взглядом. К нему немедленно вышел продавец армянин и спросил:

— Что желаете приобрести?

— Вообще-то я провожал девушку, просто остановился.

— Это хорошая девушка, — сказал торговец, — красивая. Но вы зря время теряете. Она сюда каждый день ходит, жениха встречает. Она из России.

— А вы чем торгуете?

— Сигары, сигареты, папиросы, табак, трубки, курительные смеси и даже, — армянин понизил голос, — я вижу, что вы не шпик, — есть хорошая анаша. Первый сорт. Да что я говорю, высший сорт. Заходите в лавку, прошу вас, — вслед за хозяином Мурад вошел в лавку. — Штучно тоже торгуем.

— Дайте мне одну сигару, самую лучшую.

— Прошу, — торговец открыл сигарную коробку, — это кубинские, берите, 10 копеек штука, — Мурад взял одну, понюхал. На коробке было написано: «Romeo and Julieta». — Ее надо обрезать, — сказал торговец, протягивая маленькую гильотину и специальные спички. Обрезав сигару, Мурад зажег ее, затянулся и почувствовал, что пьянеет от дыма больше, чем от выпитой водки. Он достал из бумажника десять рублей и протянул продавцу. Тот покачал головой. — С утра ни одного клиента, сдачи нет, я запишу за вами долг. Потом зайдете, заплатите. Я вижу, что вы человек порядочный. А про эту русскую забудьте, зачем вам чужая невеста. Хотите, я познакомлю вас с замечательной армянской девушкой?

— Нет, спасибо, — сказал Мурад, пуская клубы дыма и наблюдая за Лизой через стекло витрины. Она стояла у причала, разглядывая пароходы. Затем направилась к конторе, у которой толпились несколько военных. Мурад помнил, что это были всадники из «Мусульманского дивизиона».

— Почему отказываетесь? Вы же ее не видели. Она красивая.

— Не сомневаюсь, просто у меня уже есть зазноба.

— Ну, это другое дело. Как вам сигара?

— Отлично. «Ромео и Джульетта» — это те самые персонажи?

— Конечно, дорогой мой, это Шекспир.

— А у вас нет сигар — «Отелло и Дездемона»?

— Нет, — ненадолго задумавшись, ответил армянин, — даже не слышал о таких. А,

вы шутите? — сообразил он.

— Да, извините, — улыбнулся Мурад.

— Ничего, вы человек с юмором. Это хорошо. Я сам люблю пошутить.

— Кстати, а вы знаете, за что Отелло задушил Дездемону?

— Конечно знаю. Она же ему изменила. С этим, забыл, как его звали, Яго, по-моему?

— Я вижу, вы образованный человек, — похвалил Мурад.

— Да, есть немного, — зарделся торговец.

— Только это официальная версия, а есть неофициальная, подлинная, так сказать.

— Интересно, почему же? Клянусь, никому не скажу.

— Она ему не давала. Говорила, что он черный, старый и некрасивый, — совершенно серьезно сказал Мурад. — Только между нами.

С минуту торговец смотрел на покупателя, а потом захохотал, протянул ладонь для рукобития. Мурад хлопнул по ней. Отсмеявшись, армянин сказал:

— Можно я ребятам тоже расскажу? Они никому не скажут.

Мурад кивнул согласно. Он все время поглядывал в окно и увидел, как Лиза вошла в контору. К площади подъехал грузовик, в кузове которого сидели красногвардейцы. Они стали спрыгивать на землю и рассредоточиваться цепью по площади.

— Что там происходит? — спросил Мурад.

— Это аскеры[1], что стоят у конторы, они из татарского полка, который стоит в Ленкорани. Там служил сын миллионера Тагиева, нефтяника. Он вздумал сыграть в русскую рулетку и проиграл. Сослуживцы привезли его тело в Баку на похороны. А теперь большевики не пускают их обратно. Видите, пароход «Эвелина», они на нем приплыли. Ревком приказал им разоружиться, а они отказались. А эти на грузовике как раз солдаты по их душу. Сейчас что-то будет. Надо бы витрину закрыть. Не дай бог стрельба начнется. Сейчас такое стекло сумасшедшие деньги стоит. Вы не возражаете?

Торговец вышел на улицу, следом за ним Мурад. Тот стал крутить железную ручку с намотанной на нее веревкой, опуская жалюзи.

— Говорят, среди большевиков большинство армян? — зачем-то спросил Мурад.

— Я не большевик, — сказал армянин, — и мне до них нет никакого дела. Может быть, там и армян большинство. Но я их и знать не хочу, этот сброд, который понаехал сюда из Турции и Персии, все проблемы из-за них. Мне все равно, кто человек, армянин, татарин, русский или еврей. Мы, бакинцы, одна нация. Я занимаюсь торговлей. Все как с ума посходили с этой «Великой Арменией». Моя великая Армения в этом доме. Квартира на третьем этаже с окнами на море. И я прекрасно лажу с соседями, и с татарами, и монголами. Это я к слову.

— Как вас зовут?

— Гриша.

— Очень приятно, а меня Мурад.

— Мне тоже приятно. Извините, я должен закрыть лавку. Сейчас что-то будет.

И, словно в подтверждение его слов, началась стрельба. Всадники мусульманского дивизиона в этот момент пересекали площадь. Они залегли и открыли ответный огонь. Из дверей портовой конторы выскочила сначала Лиза, а за ней конторщик, который, схватив ее за руку, втащил обратно. Мурад переместился от витрины, где он был слишком на виду, в ближайшую сумрачную подворотню с низким нависающим сводом. Отсюда он держал в поле зрения площадь и контору. Через час от красногвардейцев отделился парламентер. Стрельба стихла. Мурад наблюдал эту сцену, зная содержание переговоров.

Мурад подумал об Анастасии, и воспоминание согрело его сердце. Вчера, когда она открыла дверь, на ее лице была радость. «Что вам угодно, сударь?» — спросила она, улыбаясь. «Мне угодно перенестись в прошлое». — «Почему вы изменили свое решение?» — «Потому, что вы мне нравитесь». — «А я думала, что вам нравится моя бабушка». — «Да, но не здесь, а там». — «А если я сейчас закачу вам сцену ревности? Ишь, геронтофил нашелся». — «Я бы попросил выбирать выражения». — «Ладно, входите. Хотите чаю?» — «Да. И если можно, с коньяком»...

Переговоры закончились безрезультатно, но за время перемирия Лиза и конторщик покинули зону боевых действий. Они прошли мимо подворотни взволнованные, испуганные, оживленно переговариваясь друг с другом. Выждав немного, Мурад пошел за ними, подняв плечо и воротник пиджака, закрываясь от сильного порывистого ветра с моря. Они дошли до пересечения набережной с Великокняжеским проспектом и здесь разделились. Конторщик пошел прямо, а Лиза повернула направо. Дошла до

[1] Армейцы (*азерб.*).

Парапета, стала пересекать площадь. Здесь было много народу. Проходя мимо храма, она перекрестилась. Это была армянская церковь. После этого она исчезла из виду. Со стороны Торговой улицы появилась толпа вооруженных людей, они шли, горланя революционную песню, в словах которой чувствовался армянский акцент. Многие были навеселе. Навстречу им со стороны Персидской улицы спускалась другая колонна, те пели какой-то речитатив или церковный гимн. Те уже не скрывались под личиной большевизма и пели на армянском языке. На Парапете было много праздного и другого народа. Мурад упустил тот момент, когда началась стрельба. Палить стали сразу со всех сторон. Люди, преимущественно мусульмане, но не только, бросились в разные стороны.

Мурад побежал к гостинице, решив переждать там ночь, а затем отправиться спасать Лизу. Когда он был уже возле здания, услышал характерный свист. В последний миг успел услышать грохот, какая-то сила подбросила его и швырнула в небытие. Он упал прямо на крыльцо гостиницы. Оттуда выглянул привратник, кликнул кого-то, и они вдвоем втащили бедолагу вовнутрь со словами: «Живой, бахтавар[1]!»

Глава 4

Когда Мурад открыл глаза, на него смотрело встревоженное лицо Насти.

— Вы знаете, эти гады, оказывается, обстреливали мирных граждан из артиллерийских орудий. Один снаряд разорвался рядом со мной, меня подбросило взрывной волной. После взрыва ничего не помню, был без сознания. Анализируя дальнейшие события, можно предположить, что служащие гостиницы внесли меня внутрь и, наверное, отнесли в мой номер. На этот прекрасный летающий диван. Вы мне его подарите, когда все закончится?

Анастасия вдруг обняла его и жарко зашептала:

— Простите меня ради бога, я эгоистка. И вообще это ужасная глупость, ничего нельзя изменить. Все. Давайте на этом закончим.

— Ничего подобного, я только во вкус вошел и доведу дело до конца, чего бы мне это ни стоило. Дайте только отдышаться.

— Я освобождаю вас от всех обещаний, — несколько торжественно произнесла Анастасия.

— Спасибо, конечно, но вы о бабушке подумали? — укоризненно сказал Мурад. — На вас-то я могу жениться. А ей кто кольцо вернет?

— Я тронута. А про пушки я вам разве не рассказывала?

— Нет, наверное, вы решили пощадить мои тонкие организмы. Не пугать раньше времени.

— Районы, населенные мусульманами, обстреливали с Патамдарта, это самая высокая точка в окрестностях Баку. Оттуда стреляли армяне. А с бухты стреляли военные, русские моряки, которым армяне сказали, что мусульмане христиан режут. Что мы будем делать дальше?

— Я приду в себя и поеду на работу. Сегодня моя смена. А завтра, как обычно, на вахту.

— Я не имею морального права заставлять вас рисковать жизнью.

— Я это делаю добровольно.

— Бабушка чувствует себя все хуже. Почти не приходит в себя.

— Я помогу вашей бабушке, — заявил Мурад. — Я бы и в этот раз все сделал, если бы не снаряд. Ладно армяне, но почему русские моряки стреляли по мусульманам? Мало ли, кто что сказал. Надо было проверить, кого на самом деле режут, христиан или мусульман.

— Это были не просто русские моряки, а революционные матросы. И стреляли они по «врагам революции». Потом, разобравшись, они прекратили стрельбу. И стали защищать мусульман от избиения. Но четыре дня мусульмане были беззащитны. Их убивали, грабили, насиловали, не щадя никого, ни женщин, ни детей, ни стариков. Это все есть в документах комиссии, созданной правительством Азербайджанской республики, — протоколы, документальные свидетельства. Я зачитаю вам один такой протокол:

Документ №8

Протокол допроса 1918 г., декабря 2-го дня, город Баку.

Чрезвычайная следственная комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Устава уголовного судопроизводства, который показал:

«Ага Гусейн Тагиев, 38 лет, живу в Баку, на Азиатской ул. (Красноводская, 25).

[1] Счастливчик (*азерб.*).

18 марта сего года, в воскресенье, я находился в здании мусульманского благотворительного общества «Исмаилие», где проходило заседание представителей мусульман. Туда явился бывший бакинский градоначальник Гайк Тер-Микаелянц и от имени Армянского национального совета и партии «Дашнакцутюн» заявил, что если мусульмане выступят против большевиков, то армянские войска присоединятся к ним и помогут выгнать большевиков из Баку. Между тем на другой день, в понедельник 19 марта, армянские солдаты начали врываться в мусульманские дома, убивать мусульман и грабить их. В 4 часа дня большевики заключили с мусульманами мир, но армянские солдаты продолжали, тем не менее, свое наступление на мусульманские части города и при этом грабили и убивали мусульман. В это время я находился в крепости, где нами были вырыты окопы, из которых мы и начали обороняться от наступавших на нас армян. В крепости к нам явился персидский консул вместе с моряком Натансоном, некоторые говорили, что носится слух о том, будто бы мы вырезали всех армян и христиан, находившихся в крепости в доме Мир Али Нагия Усейнова. Мы проводили обоих в дом Усейнова и показали им помещения, в которых находились 240 христианских мужчин, женщин и детей (в том числе было много армян). Затем мы им дали провожатых, которые водили обоих и в другие дома, в которых помещались христиане. Там женщины и мужчины со слезами на глазах выражали свою благодарность по поводу того, что мусульмане хорошо обращаются с ними и дают им хлеб, рис и воду. Когда же им предложили уйти из крепости, в случае если бы они побоялись остаться там, они заявили, что желают разделить участь мусульман и уйдут из крепости только вместе с последними. В это же время христиане послали матросам свою делегацию, состоявшую из мужчин и женщин, с просьбою прекратить бомбардировку крепости. Убедившись в том, что с христианами обращаются хорошо, персидский консул и Натансон удалились из крепости. Однако через три часа оба вновь возвратились в крепость и объявили, будто бы после их ухода из крепости мусульмане перерезали всех христиан; по их словам, об этом им сообщил по телефону Жорж Меликов и доктор Тер-Захарьянц. Мы снова показали им дом Усейнова, а также и другие дома, в которых помещались христиане, причем оба убедились в том, что все христиане невредимы. Уходя из крепости, Натансон распорядился поставить у крепостных ворот человек 20 моряков, которые помогали нам отражать нападение армянских солдат. Во главе наступавших армянских солдат я видел вооруженных ружьями и стрелявших в нас Степана Лалаева, Жоржа Меликова, Довлатова, Христофора Дильдарова и Амбарцума Меликова. 20 марта, когда я находился у крепостных ворот и лестницы возле здания мусульманского благотворительного общества «Исмаилие», я сам видел, как в это здание, со стороны переулка возле редакции газеты «Каспий», зашел Татевос Амиров с тремя вооруженными армянами; вскоре после этого в здании показалось пламя, и оно сгорело. Огонь перекинулся через Николаевскую улицу на расположенный напротив дом братьев Красильниковых; к этому дому вскоре подъехали пожарные, пытавшиеся потушить огонь. Когда студент Мамед Ирза Гаджинский, большевик, по телефону сообщил Шаумяну, что пожарные тушат дом Красильниковых, не принимая никаких мер к прекращению пожара в здании «Исмаилие», Шаумян обещал распорядиться, чтобы приняли меры к сохранению «Исмаилие»; на самом же деле такого распоряжения не последовало, и от всего грандиозного здания остались одни лишь стены.

...Армянам было хорошо известно, что во всех мечетях скрывались женщины и дети мусульман; по их указаниям военные суда, бомбардировавшие мусульманские кварталы города, обстреливали и мечети, в которые попало 19 снарядов. Во время мартовских событий было убито столько мусульман, что их трупы перевезли с Петровской и Железнодорожной пристаней на Биби-Эйбат на 6-ти баржах. Помимо этого, много трупов перевезли в мечети и на кладбища на арбах и на грузовых автомобилях. Мусульмане обратились в исполнительный комитет с ходатайством оказать им содействие в перевозке, а также и в розыске трупов убитых родственников, но в этом ходатайстве было отказано. В конце Станиславской улицы, в местности «Похлы Даре», случайно были найдены зарытые неглубоко в землю 57 мусульманских женщин. Врываясь в мусульманские дома, армяне убивали там всех, не щадя ни женщин, ни детей. Так на Церковной улице они вошли в квартиру Гаджи Амир Алиева, старика 80 лет, и убили самого Алиева, его жену 60 лет, другую жену 70 лет, сына, зарезали троих детей (малолетних) и пригвоздили к стене невестку Алиева, женщину лет 25. В Тазапирской мечети я видел трупов 50-60; многие из них были страшно изуродованы или обезглавлены. К мартовской резне армяне готовились заранее. Еще в первых числах марта управляющий моими нефтяными промыслами инженер Герасим Михайлович Тер-Акопов, предупредил меня, что в Баку предвидятся тревожные события, почему и советовал не остаться в городе, а переехать с семьей на дачу. После заключения между армянами и мусульманами мира армяне продолжали систематически истреблять мусульман при каждом удобном случае».

В конце концов резня была прекращена благодаря тем же русским матросам, разобравшимся в том, что происходит. Они пригрозили, что выйдут из подчинения Баксовету и откроют огонь из пушек по армянской части города. В подтверждение этих слов военные корабли «Ардаган» и «Красноводск» подошли к восточным пристаням. К ним присоединился 36-й Туркестанский полк. И этот демарш возымел действие. Сами большевики потом пытались представить погромы и избиения мирных граждан как революционную борьбу, как контрреволюционный мятеж. О том, что большевикам нужна была только причина для начала погромов, свидетельствует признание Шаумяна, цитирую:

«Мы воспользовались поводом, первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд, и открыли наступление по всему фронту... У нас были уже вооруженные силы около 6 тысяч человек. У «Дашнакцутюн» имелось также около 3-4 тысяч национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Если бы они («Мусават») взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана».

Это был именно погром и избиение мирного населения. В большевистских отрядах, наступавших на мусульманские кварталы, были солдаты, пришедшие с фронта, они вели наступление по всем правилам войны. От них неумело отстреливались азербайджанцы. Солдаты наступали, уверенные в том, что они сражаются за советскую власть. Но за спинами русских солдат шли маленькие отряды хорошо вооруженных армян. Они были одеты в солдатскую форму. У них были винтовки, револьверы, кинжалы. Вот они действовали, как каратели. По свидетельству очевидцев, после окончания погромов на улицах Баку лежали сотни трупов азербайджанцев, проколотых штыками и разрубленных шашками. Из-за этого в течение длительного времени после мартовской трагедии на улицах Баку ощущалось страшное зловоние. Даже меньшевистская газета «Наш голос», которая в начале событий поддерживала действия руководства Бакинского совета, назвала происходящее в городе «национальной резней». И тут же была закрыта постановлением «Комитета революционной обороны», «*ввиду появившихся в ней не отвечающих действительной оценке событий и явно тенденциозных статей*». Шаумян пытался свалить всю ответственность за массовые убийства азербайджанцев в Баку на армянскую сторону. Он признавал, что в результате мартовских событий «пострадала масса бедных и бездомных мусульман». И объяснял это тем, что большевикам «пришлось прибегнуть к помощи армянского полка, и они не могли допустить себе роскошь отказаться от их услуг». Хотя без малейших угрызений совести тут же подчеркивал, что *«победа настолько велика, что это мало омрачает действительность»*.

— Я не пойму, — угрюмо произнес Мурад, — зачем надо было разоружать экипаж «Эвелины»? Там военных было мало.

— Им был нужен повод для того, чтобы начать наступление на мусульман. На «Эвелине» из Ленкорани однополчане привезли тело сына известного миллионера и мецената Тагиева. Он погиб, играя в русскую рулетку, это недостоверно, но то, что он застрелился сам, это факт. Армяне распустили слух о том, что эти офицеры получили в Баку тайное задание по возвращении напасть на села русских молокан. Провокация сработала, все не азербайджанские политические силы выступили за разоружение «Эвелины». По инициативе вновь созданного ревкома обороны Баку была задержана отправка «Эвелины», а офицеры были разоружены. Мусульманское население возмутилось и потребовало возвратить офицерам их оружие. В защиту ревкома выступили дашнаки и Армянский национальный совет. Потом был обстрелян конный отряд красноармейцев; кто стрелял, неизвестно, но обвинили в этом мусульман. В тот же вечер раздались первые выстрелы.

— Сколько дней, вы говорите, это длилось? — спросил Мурад.

— Четыре дня — 18, 19, 20 и 21 марта.

— Я все время попадаю в 18 марта, значит, если получится остаться, то мне придется продержаться четыре дня. Как дальше развивались события во время погромов, мне нужно знать рекогносцировку, предупрежден — значит вооружен.

— Армяне обстреливали мусульман из пушек и пулеметов из Сальянских казарм. С крыши гостиницы «Метрополь» обстреливали здание Азебайджанского национального совета — «Исмаиллие». Начались пожары, город заволокло дымом. Даже начавшийся непрерывный дождь не мог его потушить. Затем центр и все мусульманские кварталы подверглись атаке красной гвардии и бомбардировке с аэропланов, а также с кораблей Каспийской флотилии, которые подошли к берегу. 31 марта мусульмане обратились в Баксовет, лично к Шаумяну, с просьбой прекратить военные действия и вывесили белые флаги в знак капитуляции. Баксовет созвал мирную конференцию

под председательством комиссара Джапаридзе. Однако на этой конференции мусульманам, просившим о помощи, был выдвинут ультиматум — безоговорочное признание власти Баксовета и выведение за пределы Баку «Дикой дивизии». Ради прекращения кровопролития партия «Мусават» приняла ультиматум. Но, несмотря на объявленное перемирие, погромы продолжались. Армяне в ответ на обвинения отвечали, что они защищают христиан, поскольку мусульмане режут христиан. Справедливости ради надо сказать, что бакинские армяне были гораздо человечнее пришлых. Многие пытались предупредить своих соседей о готовящихся погромах. Многие спасали их в своих домах. Богатые сразу же сели на пароход и отплыли в Энзели, это портовый город в Иране. Те, у кого не было денег на пароход, покидали город кто как мог — на подводах, лодках, пешком. Богатые мусульмане прятались у своих армянских друзей. Сын армянского миллионера Жорж Меликов спас полтора десятка мусульманских богатых семей. Даже азербайджанские большевики были вынуждены скрываться в эти дни. Самые известные их них Нариманов и Азизбеков прятались в доме Шаумяна. Большевики выпустили джина из бутылки и не могли загнать его обратно. За три дня армянами в Баку было убито двенадцать тысяч человек. Что с вами? Вы плачете?

— Нет, просто в глаз что-то попало.

* * *

Портье, молоденький азербайджанец с усиками, сидевший за стойкой, привстал, приветствуя постояльца.

— Вы легко одеты, сударь, — заметил он, — сегодня дует *хазри*, можете простудиться.

— Ничего, — ответил Мурад, — я закаленный, — портье дежурно улыбнулся и сел на место. — Какое сегодня число?

— 18 марта.

— 18 марта, — задумчиво повторил Мурад и вышел из гостиницы.

Встретив мужчину в черкеске с газырями и кинжалом на поясе, раскланялся с ним, как со старым знакомым. Великокняжеский проспект был еще малолюден, мимо проехал полупустой трамвай. Мурад вскочил на его подножку, чтобы миновать шедший навстречу революционный патруль. Проехав немного, соскочил с подножки, не заплатив за проезд. Елизавета Петровна стояла на прежнем месте. Ее шляпка была завязана лентами под подбородком, но она все равно придерживала ее рукой.

— Доброе утро, сударыня, — крикнул, остановившись поодаль, Мурад.

Девушка обернулась, настороженно разглядывая незнакомца. «Опять двадцать пять, — подумал Мурад, — как мне надоело завоевывать ее расположение. Эдак никакого терпения не хватит». Но Елизавета Петровна вдруг улыбнулась ему и помахала, как доброму знакомому.

— А, это вы? — сказала она. — Доброе утро!

— Какие новости? Пароход будет сегодня?

— Да, — удивленно сказала девушка, — после обеда должен прибыть. Простите меня. У вас такое знакомое лицо, но я никак не могу вспомнить, откуда я вас знаю. Мы, наверное, ехали вместе из Москвы в поезде?

— Нет, просто я живу в той же гостинице, что и вы.

— А-а, — неуверенно протянула Елизавета Павловна, — вот уж воистину говорят, девичья память. А откуда вы знаете про пароход?

— Я нечаянно услышал, как вы спрашивали дорогу на пристань. Поэтому решил, что вы ждете пароход. Вы не стойте здесь долго, сегодня дует этот, как его, *хазри*. Это северный ветер.

— Я поняла вашу мысль. Но мне здесь хорошо, свежий воздух и не слышно запаха мазута.

— Это запах нефти. В Баку от него никуда не деться. Но вы правы, сейчас здесь запах почти не чувствуется. Можно, я постою рядом с вами?

— Стойте пожалуйста. Бульвар общественный.

Мурад встал рядом и устремил взгляд в море на пенистые буруны волн. По правую руку на рейде стояли военные корабли. На одном было написано «Кисловодск», на другом — «Ардаган».

— Простите, — сказал Мурад, увидев приближающийся армянский патруль, — у меня кончились сигареты. Я скоро вернусь, — и, торопясь, ушел. Но разминуться с патрулем он не смог. Солдаты по какой-то причине ускорили шаг. Видя, что он не успевает проскочить, остановился и поднес ладонь к шляпе на манер отдания воинской чести. И, когда красноармейцы приблизились на полсотни метров, стал выкрикивать: — Да здравствует революция! Вся власть — советам, землю — крестьянам, заводы — рабочим! Слава великому Ленину, Сталину и товарищу Шаумяну Сурену Георгиеви-

чу! — патрульные в некотором недоумении выслушали все эти лозунги, замедляя шаг, затем и вовсе остановились, стали переглядываться. Один из них покрутил рукой у виска. И они пошли в другую сторону. — Мать вашу, — сказал им вслед Мурад и вернулся к Елизавете Петровне. Она с любопытством смотрела на него.

— Что это было? — спросила она. — Вы большевик, революционер?

— Ни боже мой. У меня документы не в порядке. Сыграл на опережение. Краткий курс психологии.

— Слава богу, а я было испугалась. Не люблю экзальтированных людей. Но как странно вы изъясняетесь, — Мурад вдруг осознал, что голос Насти и Елизаветы Петровны почти неотличимы друг от друга. И внешнее сходство тоже присутствовало. Если Настю нарядить в платье бабушки, была бы точная копия. — Чему вы улыбаетесь? — подозрительно спросила Елизавета Петровна.

— Простите, у меня есть одна знакомая, очень похожая на вас. Я вспомнил ее, у меня стало тепло на сердце. Поэтому я улыбнулся.

— Я рада за вас.

— А вы, надо полагать, ждете жениха?

— Я не говорила вам об этом. С чего вы взяли?

— Кого еще может ждать молодая красивая дама, не сводя глаз с моря? Это классический сюжет всей мировой литературы.

— Вы угадали, я хотела сердиться, но вы так красиво объяснили. Однако мне пора. Ветер, в самом деле, холодный. Я чувствую, что продрогла.

— Могу я пригласить вас пообедать со мной?

— Благодарю вас, но я вынуждена отклонить ваше предложение. Моему жениху это не понравилось бы. Господи, скорее бы он приехал. Мне так неуютно в этом городе. У меня, вы знаете, плохое предчувствие. Как будто что-то должно произойти. Эти толпы людей с оружием.

— Я как раз об этом хотел поговорить с вами за обедом. В городе грядут беспорядки, вам бы лучше уехать и немедленно.

— Вы что-то знаете? Откуда?

— Да, знаю. Армяне будут убивать азербайджанцев. Я осведомлен.

— А почему вы не предупредите об этом власти? Тех же большевиков.

— Власть об этом прекрасно осведомлена и попустительствует. Я могу спасти только вас.

— Спасибо за предупреждение. До свидания.

— Так вы последуете моему совету? — крикнул ей вслед Мурад.

— Не могу, я должна дождаться Сережу. Я вас познакомлю.

— Это вряд ли, — мрачно сказал Мурад и добавил: — Меня бы кто так любил.

Но тут же устыдился собственной зависти. Сереже не суждено было пожать плоды этой любви. Мурад неторопливо пошел за ней, дошел до дверей ресторана и остановился, провожая ее взглядом. Толкнул стеклянную дверь и направился к лучшему столику у большего окна, выходящего на Парапет. Рядом со столиком в небольшой арочной нише стояла маленькая пальма. Обезьяны не хватает на ней и бананов, злобно подумал Мурад. Он находился в мрачном расположении духа. Надо было скорее унять эту тоску-печаль. Подошедшему официанту он не дал рта раскрыть.

— Всё неси и графинчик ледяной водки. Только водку и графин по отдельности. Бутылку здесь откроешь. Не обижайся. И соленья молоканские.

— Ну что вы, — добродушно сказал официант, — мы на постоянных клиентов не обижаемся. Что-то вы давно к нам не заходили.

— А ты меня помнишь? — удивился Мурад.

— Конечно, у меня хорошая память на лица. Я принесу вам закуски, ассорти кебаб.

— Главное, икры не забудь. И вот еще что, возьми деньги, сразу меня рассчитай и проследи, чтобы черный вход не оказался закрытым.

— Зачем вам черный вход? Для вас парадный всегда открыт.

— На всякий случай. Вдруг заварушка какая. Армян полно вокруг.

— Я вас понял, — сказал Рустам и ушел.

Водку, хлеб и соленья молоканские принесли сразу. Рустам предъявил для осмотра облитое сургучом горлышко, собственноручно открыл бутылку и перелил в графин пузырящееся содержимое. Сам графин был обложен кубиками льда. Наполнил стопку водкой и ушел. Мурад медленно выпил и съел жгучий маринованный перец. Когда принесли икру и сливочное масло, он выпил вторую рюмку, съел бутерброд с икрой, чувствуя, как угасает невесть откуда взявшееся раздражение. Когда принесли гутабы с мясом, он налил себе третью рюмку, свернул гутаб, макнул в стопку красного сушеного барбариса, выпил, стал жевать, чувствуя, как хрустят на зубах кисло-сладкие гранатовые зернышки.

Он поймал на себе взгляд двух приличного вида мужчин, сидевших через два сто-

лика от него. Они пили чай, одобрительно улыбались, глядя, как он рюмку за рюмкой опустошает графин. Полупоклоны. Мурад ответил им тем же. Затем подозвал официанта и попросил отнести им бутылку водки. Рустам, выполнив поручение, вернулся:

— Они благодарят и приглашают вас за свой столик.

Мурад, недолго думая, пошел к ним. Встали при его появлении. Оба были хорошо одеты, в черных костюмах, белоснежных манишках, аккуратные бородки.

— Георгий Северский, — представился первый, — депутат Бакинской городской Думы. А это мой товарищ — Леван Потарая. Присяжный поверенный. Прошу вас, садитесь.

— Меня зовут Мурад Шабанов. Вот вы, между прочим, Северский, а живете на юге.

— Это вы правильно подметили. Чем вы занимаетесь? — спросил Северский.

— Я служу в одной транспортной компании.

— В какой, простите? Я все бакинские агентства знаю, — оживился Потарая.

— Я живу в Москве. Там же и работаю.

— Ах, вы из Москвы?

— Да, проездом.

— Но вы не армянин!

— Нет, я не армянин.

— Ты не угадал, Георгий, — засмеялся Леван Потарая, — мы с ним поспорили. Я выиграл. Вы татарин азербайджанский.

— Почти. Я наполовину азербайджанец. Дитя двух народов. Мама у меня русская.

— Национальность определяется по отцу, — категорически заявил Северский, — во всяком случае, в Российской империи. Это я вам как юрист заявляю. Так что я выиграл.

— Российской империи больше нет, — мрачно сказал Леван, — а как будет определять национальность новая власть, еще неизвестно. Евреи, во всяком случае, определяют национальность по матери. Так что сие, извини, недоказуемо.

— На что вы спорили? — спросил Мурад.

— На ужин в этом ресторане. Проигравший платит.

— А почему вдруг вы на меня спорили?

— Прошу вас, не обижайтесь, — сказал Леван, — вы так красиво выпивали и закусывали, что мы обратили внимание на вас. Не каждый день увидишь, как молодой человек заказывает графинчик водки и пьет его рюмку за рюмкой, словно это вода, а не спирт, разбавленный водой.

— Это что, вы бы видели, как у нас в таксопарке водители вьют. Одно загляденье. Наливает гранёный стакан до краев, руки трясутся, так он, чтобы не расплескать драгоценные капли, его зубами берет и пьет, — Мурад посмотрел на озадаченные лица своих знакомых и спросил: — А что, гранёный стакан еще не изобрели?

— Нет, — ответил Северский, — но у вас прекрасное чувство юмора. Верно, Леван?

— Конечно, — согласился Потарая, — а что это за таксопарк, где так пьют водители?

— Я имею в виду нашу транспортную компанию, мы услуги такси тоже оказываем населению. Недавно заказали десяток автомобилей «Рено». Но водители пьют после работы, конечно же. В пьяном виде за руль никто не садится. Доктор специальный дежурит.

— Тебе, Леван, тоже не помешал бы такой доктор, — заметил Северский, — ты ведь любишь после бутылки вина погонять вдоль бульвара.

Они стали шутливо препираться.

— Простите, — сказал Мурад, — вы спорили на ужин. А я, как та монетка, стал ребром. Ни вашим, ни нашим. Позвольте мне взять на себя это обязательство и угостить вас обедом. Засчитайте мне проигрыш.

— Ну что вы.

— Я настаиваю. Когда еще придется посидеть в такой приятной компании. Вдруг завтра война.

— Это вы хорошо сказали, — философски заметил Леван, — я принимаю ваше приглашение. Правда, у нас мало времени, через полчаса заседание Думы.

— За полчаса мы успеем выпить и добежать до канадской границы.

Северский посмотрел на Мурада и вдруг захохотал. Леван удивленно посмотрел на него, но затем тоже засмеялся.

— Не знаю почему, но ужасно смешно вы сказали. Канада далеко. Вот если бы до Персии. Но до нее тоже за полчаса не добежишь.

— Прошу ко мне за стол, — повторил Мурад.

Перебрались за его стол. Он сделал знак официанту, и тот принес рюмки и столо-

вые приборы.

— Мы есть не будем, — предупредил Северский. — Выпьем по рюмке за знакомство и откланяемся. Хорошо?

— Можете не есть, но водку надо закусывать. Хотя бы икрой хлеб намажьте.

— Это можно, — согласились новые знакомые. Официант наполнил рюмки.

— Ваше здоровье, — сказал Мурад.

— Чрезвычайно рады знакомству, — ответили ему.

— Скажите, господа, — спросил Мурад, — что вы делаете, чтобы предупредить завтрашний погром?

Депутаты посерьезнели, переглянулись. Северский сказал товарищу:

— Кажется, наш новый друг осведомлен больше нас. Вы что-то знаете, сударь?

— По-моему, в Баку об этом знают все, — заметил Мурад. Леван тяжело вздохнул.

— Поверьте, сударь. Мы делаем все, чтобы не допустить столкновений. Мы настояли на том, чтобы в Баку сформировали интернациональные патрули для поддержания порядка.

— Простите, — спросил Мурад, разливая водку по второму разу, — вы принадлежите к политическим партиям?

— Мы эсеры, — ответил Леван, — оба. К сожаленью, нас меньшинство. Но если вы что-то знаете, скажите. Мы примем меры.

Мурад, взглянув на часы, сказал:

— Через полтора часа на пристани начнется перестрелка. Красногвардейцы откроют огонь по всадникам Мусульманского дивизиона. Если предупредить эту стычку, возможно, погрома и не будет.

Депутаты переглянулись. Северский сказал неуверенно:

— Можно сообщить об этом Шаумяну.

— Только не Шаумяну. Он уже втайне благословил истребление азербайджанцев. Надо предупредить об этом русских моряков, — в это время в ресторан с шумом вошли армяне. Двое из них уселись за столик, а третий, завидя Мурада, сразу же направился к нему. — Сделайте так, как я прошу, и кровь не прольется, а сейчас простите меня, я с вами прощаюсь.

Он смотрел на напряженные лица новых знакомых, прислушиваясь к приближающимся шагам. Когда армянин остановился возле столика, Мурад встал и, не дав ему открыть рот, обрушил тяжелый деревянный стул на его голову. Большевик свалился без чувств с удивленным выражением лица. Мурад хладнокровно отстегнул ремешок на его кобуре, вытащил револьвер и, наставив его на ошарашенных армян, быстрым шагом прошел к черному ходу и выбежал из ресторана.

Конторщик читал газету «Бакинский рабочий». Увидев вошедшего, он воззрился на него поверх пенсне:

— Чем могу быть полезен, сударь?

— Что пишут?

— Вы за этим сюда пришли? — в голосе конторщика слышался сарказм.

— И за этим тоже. Так что пишут? — нависая над ним, повторил Мурад.

— Сударь, вы пьяны, — отстраняясь, сказал конторщик.

— Мне в третий раз задать этот вопрос?

Конторщик вдруг сообразил, что от этого человека исходит угроза.

— Пишут, что в городе возможны межнациональные столкновения.

— Это очевидно. А вы на чьей стороне?

— То есть? В каком смысле?

— Вы за мусульман или армян?

— Вы знаете, молодой человек, я еврей. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Интересно, какие последствия могут из этого вытекать?

— Строгий нейтралитет. Мой народ достаточно настрадался, чтоб поддерживать какую-либо сторону.

— Но вы же против погромов?

— Конечно. Но я не понимаю, какое отношение я могу к этому иметь? Что за странные вопросы вы задаете?

— Это обыкновенный социологический опрос.

— Какой, простите, опрос?

— Я шучу.

— Ну и шутки у вас. Погромы, это, знаете ли, не тема для шуток.

— Я пошутил про опрос, а про погромы я не шучу. Вы не слышали, что в Киеве творят черносотенцы? Там идут еврейские погромы.

— Значит, это правда? До меня доносились эти слухи, — помрачнел конторщик.

— В Баку армяне собираются резать мусульман. И не говорите, что вас это не касается. Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством.

— Это вы хорошо сказали.

— Это не я, это поэт сказал, как же его, Джон Донн. Так вы готовы помочь невинным людям?

— Конечно. Все, что от меня зависит.

— Снимите трубку этого телефона и отдайте распоряжение о выходе «Эвелины» из порта.

— А при чем здесь «Эвелина»? И откуда вы знаете про запрет?

— Это неважно. Это вы многого не знаете. Делайте, что вам говорят.

— Я на службе, молодой человек, и не могу самовольно отдавать такие приказы. Меня с работы снимут.

— А если так? — сказал Мурад и полез в карман. Конторщик настороженно следил за действиями странного субъекта. Когда на свет появился револьвер, он побледнел и сказал:

— Умоляю, у меня шестеро детей.

— Зачем же вы так жену истязаете? Надо пользоваться противозачаточными средствами.

— Рад бы, но Талмуд не дозволяет.

— Снимайте трубку, — приказал Мурад.

— Послушайте, сударь. Вы можете убить меня, но это ничего не изменит. Я всего лишь маленький винтик в службе порта. Видите тот военный корабль. Он знает о запрете на выход «Эвелины». Даже если я разрешу кораблю выйти в море, они ее потопят. Будет только хуже. Военный корабль мне не подчиняется. Он получил приказ из ревкома, — в этот момент в дверь постучали. — Войдите, — обрадованно крикнул конторщик. Мурад едва успел схватить газету и накрыть револьвер, как в комнату вошла Елизавета Петровна.

— Здравствуйте, сударь, — обратилась она к конторщику, — я заходила к вам утром. По поводу парохода из Ленкорани. Вы предложили мне прийти после полудни.

— К сожалению, сударыня ничем не могу вас обрадовать, — косясь на газету, сказал конторщик. — Сегодня парохода уже не будет.

— Очень и очень жаль, — вздохнув, произнесла девушка. Она взглянула на второго посетителя и удивленно воскликнула: — Вы? Что вы здесь делаете? Тоже ждете пароход?

— Напротив, я пароход пытаюсь отправить. А вот он его не выпускает.

Пока девушка силилась постичь смысл услышанного, открылась дверь, и в контору вошел военный.

— Поручик Асадуллаев, — отрекомендовался офицер. — На каком основании не выпускают «Эвелину»?

— Что вы все от меня хотите? — жалобно сказал конторщик. — Это приказ начальника порта, идите к нему. Вот товарищ тоже требует, чтобы я выпустил «Эвелину». Угрожал мне пистолетом.

Поручик обратился к Мураду.

— Вы пассажир с «Эвелины»? Вам не надо в это вмешиваться. Идите на корабль. Мы сами разберемся.

Он хотел еще что-то сказать, но в этот момент на площади раздались выстрелы. Поручик выбежал из конторы. Конторщик схватил телефонный аппарат, накрутил ручку и стал кричать:

— Барышня, это с Русско-Кавказской пристани говорят! Здесь стрельба. Сообщите, куда следует.

Мурад выглянул наружу и увидел всадников, лежащих на земле посреди площади. По ним палили со всех сторон из винтовок. Мурад схватил девушку за руку, несмотря на ее сопротивление, вывел из домика конторы. Пока они бежали, огибая площадь, пули свистели над их головами. Им удалось без потерь покинуть поле боя и спрятаться в подъезде дома. Двор оказался проходным. Пройдя его насквозь, они вышли на соседнюю улицу. Елизавета Петровна тяжело дышала.

— Спасибо, — сказала она, — кажется, вы спасли мне жизнь.

— Не стоит благодарности. Просто выслушайте меня. Вам нужно немедленно уехать. Сегодня в Баку начнутся погромы.

— Я должна дождаться своего жениха.

— Он не приедет.

— Откуда вы знаете?

— В Ленкорани арестован какой-то русский офицер. Вероятно, что это он.

— Идите к черту! — вдруг закричала девушка. — Что вы ходите за мной? Оставьте меня в покое. Это все вас не касается. Прощайте. Надеюсь, что я вас больше никогда

не увижу, — повернулась и пошла.

— Позвольте хоть проводить вас? — сказал ей вслед Мурад.

— Нет, не смейте ходить за мной.

Мурад смотрел, как она удаляется, затем крикнул:

— Вы не в ту сторону пошли! Гостиница в другой стороне.

Девушка отмахнулась, однако направление сменила. Подождав немного, Мурад, не скрываясь, двинулся за ней. Он шел, поглядывая на таблички на домах, отмечая названия улиц, сменяющих друг друга. Они находились на углу Биржевой и Красноводской улиц. А затем шли по Молоканской, пересекая улицы Гоголя и Мариинскую. Идти было трудно, поскольку дороги и тротуары были наводнены вооруженными людьми, их было так много, что движение трамваев остановилось. Елизавета Петровна плутала. Но в Баку трудно заблудиться, поскольку все меридиальные улицы ориентированы на море. В конечном итоге она вышла на Торговую и оттуда на Парапет. Здесь людей было еще больше. Стрельба началась, когда она поравнялась с армянской церковью. Мурад не успел догнать ее. Все вдруг пришло в хаотичное движение. Тут и там в толпе стали избивать мусульман, имевших несчастье оказаться на площади. Мурад ненадолго потерял из виду девушку, а когда увидел вновь ее фигуру, она показалась и сразу скрылась, повернув на соседнюю улицу. Мурад понял, что площадь ему так быстро не пересечь, к тому же он вдруг заметил, что окружающие бросают на него враждебные взгляды. Он вдруг осознал, что его самого могут линчевать сейчас на этой площади. Словно в подтверждение этой возможности, в нескольких шагах от него бородатый армянин, обвешанный пулеметными лентами, в упор застрелил пожилого азербайджанца.

— Что вылупились? — закричал Мурад. — Мать вашу за ногу! Русский я, не видно, что ли?

Как ни странно, но этого оказалось достаточно, чтобы к нему потеряли интерес, и Мурад поспешил в переулок, чтобы выйти на улицу, куда свернула девушка. Расчет оказался правильным. По переулку он выбежал на перпендикулярно идущую Базарную улицу и увидел Елизавету Петровну, бегущую по тротуару. Мурад бросился за ней и увидел, как Лиза вошла в ворота дома. Он вошел в подъезд на противоположной стороне улицы. Это был трехэтажный особняк с осыпавшейся от времени штукатуркой на фасаде. Поднялся по маршевой каменной лестнице на второй этаж, сочтя его более удобным. Здесь позвонил в дверь. Звонил долго, но никто не открыл ему. Открылась дверь напротив, выглянул мужчина средних лет:

— Если вы к доктору Алибекову, то их нет, они уехали. Если у вас есть что передать, можете отдать мне.

— Здравствуйте, уважаемый! Простите, могу я узнать ваше имя?

— Александр Наумович. К вашим услугам.

— Там начались беспорядки, и я забежал в ваш дом, ища укрытия. Вы могли бы пустить меня в квартиру на короткое время?

— Если вы не мусульманин, то вам нечего опасаться, — замялся сосед, — к тому же я вас не знаю.

— Разве я не похож на мусульманина?

— Похож.

— К тому же дело даже не во мне. Понимаете, я должен спасти одну девушку.

— В каком смысле спасти? От чего? Что-то я вас не понимаю?

— От неминуемого насилия, — несколько высокопарно произнес Мурад.

— Вы меня простите, но я все равно не понимаю. Если вы хотите спасти девушку, почему же вы не с ней, а сами хотите укрыться?

— Дело в том, что это произойдет не сейчас, а завтра.

— Если вы все верно знаете, предупредите ее, и дело с концом.

— Это не так просто. В общем, это долго объяснять. Она мне не поверит. Я кажусь ей подозрительным. Она опасается меня. Ну, это естественно. Понимаете?

— Понимаю. То есть ее, не вас. И абсолютно с ней согласен. Вы тоже мне, извините за откровенность, кажетесь человеком подозрительным. Так что простите, — человек скрылся в квартире.

— Дайте хотя бы кружку воды, — попросил Мурад через закрытую дверь.

— Это можно, — после недолгого молчания сказал Александр Наумович, — сейчас принесу, — через несколько минут дверь отворилась. Мурад взял протянутую кружку и жадно припал к ней.

— Я бежал, — сказал он, отпив половину. — Там на площади, как ее называют, Парапете, на моих глазах убили человека, ни за что. Армяне убили азербайджанца. Я в это поверить не мог. То есть знал, но когда это происходит у тебя на глазах — это совсем другое дело. Так что я бы сейчас лучше выпил чего-нибудь покрепче.

— Коньяк подойдет?

— Конечно.

— Заходите. Коньяк не вода, на пороге пить не принято. Только ненадолго. Дайте слово. Вы, видно, дворянин, я полагаю.

— Пожалуй, — согласился Мурад, — отца я не помню, он меня еще маленького бросил.

— Не надо меня жалобить. Я уже вас впустил.

— Это я к слову. Благодарю вас.

Оказавшись в квартире, Мурад сразу же подошел к окну и с удовлетворением заметил, что оно выходит на ворота, за которыми скрылась Елизавета Петровна. Хозяин принес квадратную бутылку с сургучной головкой и два хрустальных стакана армуды.

— Кто бы мог подумать, что все этим кончится? — горестно сказал он. — Хотя если в первом акте появляется ружье, то в последнем — оно должно выстрелить.

— Это вы сейчас о чем? — спросил Мурад.

— О драматургии. Чехов сказал. Это непреложный закон. А жизнь — это театр, как известно, и люди в нем — актеры.

— Это уже Шекспир.

— Приятно иметь дело с образованным человеком. Я вижу, что мои опасения были напрасны. Но я не о театре. Армяне вооружались всю зиму. Они скупали все оружие у русских солдат, возвращающихся с Кавказского фронта. Вы знаете, по каким баснословным ценам оно продавалось? За обыкновенное ружье платили две тысячи рублей. А за револьвер системы «Наган» или «Браунинг» — еще больше. И все это происходило на моих глазах. Когда я бывал в армянских домах и видел это бряцанье оружием, я только разводил руками. А они в ответ говорили: «Вот увидите, скоро придут татары и вас зарежут, и тогда вы поймете». — «Позвольте, — возражал я, — почему же они должны меня зарезать? Я живу среди них много лет. Они с евреями прекрасно уживаются». — «Увидите, — говорили они, — татары хотят установить здесь свое господство, поэтому хотят избавиться от остального населения». По ночам стали раздаваться выстрелы, хотя убитых не находилось. Бакинская пресса вдруг заговорила о грозящей населению опасности. Чтобы рассеять эти слухи, власти решили устраивать совместные моления. Первое было в Александро-Невском соборе. Мусульмане молились вместе с христианами. Молились о ниспослании мира и избежании кровопролития. Толпа народа не уместилась в стенах храма, молилась во дворе. Второе моление было в мечети «Тезепир», еще более торжественное и задушевное. Третье происходило в армянском соборе, что на Парапете.

— Я как раз только что оттуда, — прервал его Мурад.

— Да-да. Кстати, то моление мне показалось неискренним. Хотя за мусульманами ухаживали, усаживали на лучшие места близ алтаря. А почему ваша дама находит вас подозрительным? Почему вы не можете ей открыться?

— Она, возможно, думает, что я повеса и пытаюсь волочиться за ней, а у нее — жених.

— Она вам нравится? — не унимался Александр Наумович.

— Как вам сказать? Мне больше нравится ее внучка.

— Что, простите?

— Виноват, — спохватился Мурад, — стал заговариваться с похмелья. Это вы для меня принесли, можно выпить?

— Должен вам заявить, что вы мне кажетесь странным человеком, — сказал хозяин. Мурад не стал его разубеждать.

— Если бы вы знали, как я вас понимаю.

— И это желание выпить, — продолжал Александр Наумович.

— Я просто потрясен увиденным.

— Да-да. Я понимаю, и тем не менее.

— Но вы же сами предложили.

— И на все у вас ответ готов. За словом вы в карман не лезете, — Мурад выглянул на улицу, которая была сейчас пустынна. — Позвольте узнать, что вы намереваетесь делать? — спросил хозяин. — Что вы высматриваете на улице?

— Она поселилась в том доме напротив, сняла комнату. Если она вдруг выйдет на улицу, я пойду за ней. Но вообще-то мне надо дождаться полуночи, чтобы оказаться в завтрашнем дне.

— Вы намерены здесь дождаться полуночи?

— Нет, что вы. Просто мне нельзя сейчас возвращаться в гостиницу. Я побуду у вас, сколько вы позволите. А затем выйду на лестницу.

— В какой гостинице вы остановились?

— «Дагестан», но мне туда нельзя. Потому что все повторится сначала.

В этот миг на улице прозвучали выстрелы. Оба бросились к окну. Несколько человек отступали, отстреливаясь от отряда красногвардейцев. Это были русские солдаты,

и преследовали они азербайджанцев. Когда все стихло, на улице появился еще один отряд, состоявший из пяти человек. Это были армяне, одетые в полувоенную форму. Все они были вооружены винтовками, у некоторых на поясах болтались кобуры, они шли неторопливо, держа винтовки наперевес, иногда постреливая по сторонам в невидимого противника.

— С этой стрельбы все и началось, — сказал хозяин, — отойдите от окна. Неровен час, заметят. Так они стреляли по ночам, начиная с января месяца, нагнетали обстановку, а обвиняли в этом татар. Кстати, вы кто по национальности?

— Это имеет значение? — спросил Мурад.

— Для меня никакого, поскольку я сам еврей, то есть самый уязвимый в этом отношении человек. Но все же?

— Я наполовину азербайджанец.

— Этого достаточно, чтобы не попадаться им на глаза.

— Вы очень добрый и благородный человек. Пустить незнакомца в дом в этой заварухе. Не каждый на это способен.

— Я до последнего часа надеялся, что обойдется, — сказал хозяин. — Интересно, что послужило последней каплей?

— Они хотели арестовать всадников Мусульманского дивизиона на пристани. Их пароход не выпускали из порта. «Эвелину».

— Откуда вы знаете?

— Я там был.

— Вот как, — удивился Александр Наумович. — Значит, вы осведомлены больше моего.

В этот момент в дверь сильно постучали. Хозяин приложил палец к губам, призывая к молчанию.

— Открывай хозяин, — закричали за дверью и стали бить прикладами.

— Мне придется открыть, — побледнел хозяин, — а то они сломают дверь. В конце коридора кухня, идите туда. Все равно прятаться негде, — Мурад вытащил револьвер. У Александра Наумовича от испуга округлились глаза. — Ни в коем случае, — зашипел он, замахал руками, — уберите немедленно. Ступайте на кухню. Я знаю, как с ними надо разговаривать.

Мурад, неслышно ступая, пошел в указанном направлении. Нашел кухню и сел за стол, положив перед собой револьвер. Он слышал, как открылась дверь и квартира наполнилась голосами.

— В чем дело, товарищи? — узнал он голос Александра Наумовича. — Почему вы врываетесь ко мне в дом с оружием. Я член исполкома совета народных депутатов.

— Не горячитесь, товарищ, — ответил голос с сильным акцентом, — мы проверяем все дома. У вас дома есть татары?

— Я вам ответственно заявляю, что в моей квартире нет никаких татар.

— Дорогой, можно нам посмотреть, чтобы сердце успокоилось?

— Нет, я не разрешаю. И мне нет до вашего сердца никакого дела. Вы не имеете право обыскивать мою квартиру. Я пожалуюсь товарищу Шаумяну. У меня завтра с ним встреча. Я еврей, почти что армянин. Зачем мне скрывать татар?

— Хорошо, хорошо. Успокойся. Мы тебе верим. До свидания.

Мурад напряженно слушал, но слов больше не последовало. Вскоре дверь захлопнулась, и на кухне появился хозяин квартиры.

— Уф, — выдохнул он, — давненько я не испытывал подобных переживаний.

— Даже не знаю, как благодарить вас! — сказал Мурад.

— Револьвер уберите, — заметил Александр Наумович. — Неровен час, выстрелит, они ушли, я, кажется, спас вам жизнь.

— Даже не знаю, как вас благодарить, — повторил Мурад.

— Простите за прямоту, но лучше будет, если вы сейчас уйдете.

— Конечно, я понимаю. Спасибо, рад был познакомиться.

Мурад поднялся и пошел к дверям.

— Куда вы сейчас? — спросил Александр Наумович.

— Пока не знаю. Выйду, осмотрюсь.

— Ладно уж, оставайтесь. Дождитесь, пока наступит полночь.

— Нет, спасибо.

— Обиделись, что ли?

— Ни в коем случае, я и так уже злоупотребил вашим знакомством. До свидания. Еще раз спасибо.

Мурад пошел к дверям. На лестничной клетке было пусто. В стене пролета имелось окошко, сквозь которое лился сумеречный свет. Он стал спускаться по лестнице, погружаясь во тьму нижнего этажа.

На него набросились, лишь только он вышел из подъезда. Обыскали, вывернули

карманы, вытащив из них все. Поставили у стены, и один из бандитов прицелился в него из винтовки. Другой, которого называли Арташес, с удивлением разглядывал советскую трехрублевку.

— Ара, подожди, — сказал он. — Слышь, ты, татарская морда! Что это за деньги? Новые, что ли?

Его товарищи тоже подошли и стали разглядывать купюру.

— Обыкновенные советские деньги, — ответил Мурад, — новые, естественно. Ленин объявил денежную реформу.

— Да ты что? Деньги менять будут?

— Будут, но только в Москве. По курсу. Один к десяти. Я уже поменял.

— А у тебя есть еще новые деньги?

— Есть. Но не с собой.

— Где? Дай их нам, они тебе уже не пригодятся.

— Зачем же мне отдавать вам деньги, если вы все равно меня расстреляете?

— Дашь деньги, не расстреляем.

— Они у меня в гостинице.

Портье с испугом наблюдал за появлением Мурада и его вооруженного конвоя.

— Будьте добры ключ от номера, — попросил Мурад.

Арташес взял ключи и скомандовал:

— Вперед.

Поднялись на этаж. Оказавшись в номере, Мурад попросил конвоиров:

— Подождите, пожалуйста, в коридоре.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы вы видели мой тайник. Я достану деньги и вас позову.

Армяне захохотали.

— Нашел дураков, — сказал Арташес, — мы в коридоре, а ты убежишь.

— Куда? — резонно спросил Мурад. — Окно не открывается, а у меня связаны руки.

— Ладно, — нехотя согласился Арташес, — мы здесь подождем. Только быстро.

Мурад сразу же закрылся изнутри, забаррикадировал дверь, подвинув к ней кресло, а сам лег на черный кожаный диван и закрыл глаза. Земля тут же перевернулась, и он стал падать куда-то вверх.

Глава 5

Когда он открыл глаза, то увидел встревоженное лицо Насти.

— Не пойму, что означает выражение вашего лица. Аль не рады мне?

— Я очень рада.

— Глядя на вас, этого не скажешь.

— Я хочу сказать, что это был ваш последний полет.

— Лучше сказать — путешествие во времени, — поправил Мурад. — Можно узнать почему?

— Потому, что я не знаю, в каком виде вы появитесь в следующий раз.

Мурад с усилием приподнялся и сел. Посмотрел на свои связанные руки и протянул их Насте:

— Может быть, вы меня развяжете? Руки затекли.

— Что произошло на этот раз, почему у вас связаны руки?

— Меня собирались расстрелять. Но я перехитрил армян.

— Вас собирались расстрелять, и вы так легко об этом говорите?

— Это хороший вопрос. Он меня давно занимает. Если меня там убьют, здесь появится мое бренное тело? Или здесь я буду жив?

— Мы не будем больше экспериментировать. Кажется, вы еще пьяны. Во всяком случае, перегаром разит за версту. Может быть, вы не будете там больше пить?

— Я каждый раз рискую жизнью в Баку, как же мне не пить?

— Это было ваше последнее перемещение.

— Мне опять не удалось перейти в следующий день. Заколдованный круг какой-то. Мне надо кое-что спросить у вашей бабушки. Это возможно? Какую-нибудь деталь, знание которой вызовет у нее доверие ко мне. Она меня шарахается, избегает. Может, я прикинусь ее дальним родственником, допустим, у нас с ней могут быть общие знакомые?

— Я подумаю об этом.

— Можно, я приму душ?

Когда Мурад вышел из душа, на столе его ждал завтрак.

— В этот раз я как-то особенно переживала за вас. Я действительно больше не хочу,

чтобы вы возвращались туда, это не просто слова.

— Расскажите, что было после резни. Я застрял в 18-м марта. Может быть, эти знания помогут мне перейти в реальность другого дня. Где ваша папка?

— Зверствам в отношении азербайджанцев ужаснулись все политические силы. Газета меньшевиков «Наш голос» писала в те дни: *«Всюду трупы, изуродованные, обезображенные. Все это вызовет гнев и ненависть ответную, перерастающую в гнев яростного мщения»*. Ей вторила газета азербайджанских большевиков «Гуммет»: «*Мы, оставаясь большевиками, не позволим, чтобы напрасно пролитая кровь мусульманской бедноты осталась без последствий*». Из-за этих событий между большевиками и остальными политическими партиями наметился разлад. Большевики думали, что используют дашнаков, но, на самом деле, дашнаки использовали большевиков.

В мае 1918 года была образована Азербайджанская демократическая республика. Новое правительство с помощью турецкой армии стало готовиться к штурму Баку. Бакинский совнарком призвал на помощь против Исламской армии царского полковника Лазаря Бичерахова. Российская армия в Иране была распущена в 1918 году. И только полк Бичерахова сохранял боеготовность. Полковник ненавидел большевиков, но еще больше ненавидел турков. Поэтому принял предложение большевиков, поставив перед ними несколько условий, одним из которых была оплата долгов его корпуса в Иране. Отряд Бичерахова погрузился на пароход в Энзели и прибыл в Аляты, где принял командование правым флангом обороны Баку. Но когда он увидел, что положение тяжелое, то, не вступая в бой, увел свой полк на север. Баксовет утратил свой авторитет, дни его были сочтены. Было ясно, что красная гвардия не сможет противостоять объединенным силам Исламской армии. Вечером 29 июня в госпитале у постели больного армянского генерала Багратуни собрались большевики Шаумян, Джапаридзе, Шеболдаев, представители всех других партий, войсковых частей и Армянского национального совета. Вот копия протокола этой встречи:

Багратуни: — Что у нас имеется?

Джапаридзе: — Несколько сот человек

Багратуни: — На что рассчитывают большевики?

Шеболдаев: — Мы ожидаем полторы тысячи бойцов с Северного Кавказа, Астрахани и Мугани.

Багратуни: — Это очень мало, надо рассмотреть вопрос о помощи англичан.

Шаумян: — Англичан ни в коем случае.

Багратуни: — Отбить турок можно, только имея высокий моральный дух, которого у местных сил самообороны нет.

Большевики не нашлись с ответом, и тогда присутствующие потребовали их отставки, и Шаумян сказал, что уйдет. После падения Баксовета, Бичерахов послал в Баку телеграмму, текст которой был напечатан в виде плакатов на русском и армянском языках и развешан по всему городу. В телеграмме он заявлял, что большевики мешали ему бороться с турками, но теперь вместе с силами Центрокаспия и англичанами он готов бить врага. Третьего августа казаки Бичерахова атаковали станцию Баладжары, занятую Исламской армией, однако через пять дней он отвел свои войска и двинулся на Дербент. Новая власть — «Диктатура Центрокаспия» — просуществовала всего полтора месяца. За это время она обеспечила город продовольствием и пригласила для обороны Баку англичан во главе с генералом Денстервилем. В начале августа в Баку вошли английские войска и увидели там совершенно дезорганизованную армию, состоящую из армян. 14 сентября 1918 года английские войска погрузились на корабли и покинули Бакинскую бухту. С их уходом защитники города не продержались и 24-х часов. Что касается большевиков, то в то время, когда за город шли ожесточенные бои, комиссары Шаумян, Джапаридзе, Корганов и другие на пароходе пытались бежать из города, но их догнали и арестовали по приказу «Диктатуры Центрокаспия». Затем их увезли на корабле в Красноводск, где они были расстреляны местными властями. 15 сентября 1918 года в Баку вошла Исламская армия, возглавляемая турецкими военачальниками.

— Наверное, после этого армяне получили обратку? — спросил Мурад.

— Да, это можно назвать так, часть мусульманского населения напала на армянские кварталы, — подтвердила Анастасия. — Люди, пережившее мартовские трагедии, жаждали мести. Было убито, по разным оценкам, от пяти до девяти тысяч человек. Впоследствии премьер-министр Азербайджанского правительства Фатали Хойский в своем выступлении сказал, цитирую:

«При взятии города происходили некоторые события, вызывающие лишь огорчение и сожаление. Правительство не скрывает этого и считает недостойным сокры-

тие удручающих фактов... Однако возможно ли было, чтобы правительство полностью предотвратило эти события? Думается, взирающие на них оком справедливости признают, что ни одно правительство в мире не смогло бы их предотвратить. Ведь здесь были истреблены мусульмане, попраны их человеческие права. Город был взят после трехмесячных сражений, и гнев населения достиг апогея. Тут солдат, увы, ничего не смог поделать. К тому же правительство вступило в город только спустя три дня. Что было, то уже не происходило после. Правительство приняло решительные меры, как только вступило в город, и в результате были водворены спокойствие и безопасность».

Правительством было издано постановление, в котором говорилось, что «все граждане, живущие в Азербайджане, независимо от национальности и вероисповедания обладают равными правами. Грабители и убийцы будут караться по всей тяжести военного времени, включая смертный приговор». Для наглядности в разных местах города — на Кубинской площади, на Парапете, на площади перед зданием вокзала, на бульваре у Черногородского моста — были установлены виселицы. На каждой из них раскачивался труп, на груди которого висела деревянная дощечка, оповещавшая о преступлении, совершенном повешенным. Возле некоторых повешенных лежали награбленные вещи. Среди повешенных были и солдаты турецкой армии.

* * *

Механик не мог скрыть улыбки, глядя на приближающегося Мурада.

— Судя по твоему довольному лицу, ты приготовил для мне очередную пакость. Ну говори уже, мздоимец.

— Почему это я мздоимец? — обиделся Миша.

— Ты, Микеле, с каждого водителя в день берешь по 50 копеек, и кто ты после этого, не мздоимец?

— А тебе на линии ничего не дают люди? Значит, ты тоже мздоимец.

— Мне дают чаевые, а ты собираешь оброк. Чувствуешь разницу?

— А вы, товарищ водитель, почему на работу опоздали? — переходя на официальный тон, спросил Миша.

— Я плохо себя чувствовал. Могу написать объяснительную.

— Иди к начальнику, болезненный ты наш. Разрешит, я выпущу тебя на линию.

— А ты уже настучал.

— Стучит дятел, а я дежурный механик. Если бы ты сейчас не пришел, я бы о тебе и не вспомнил. Он меня сам предупредил, чтобы я тебя на линию не выпускал.

Мурад прошел мимо стола механика в тамбур, где на стенах были развешаны плакаты с наглядной агитацией о вреде пьянства, о моральном облике строителя коммунизма. Постучал и, услышав «входите», просунул голову в комнату.

— А, явился, — сказал начальник. — Ну заходи, — Мурад вошел, теребя в руках путевку. Начальник сидел в пальто с рыжим ондатровым воротником и в такой же шапке. Отопление уже отключили, а погода была далеко не весенняя. Над головой прогрохотал трамвай. — Ну что, оклемался? Врач Татьяна Ивановна, я встретил ее в столовой, сказала, что отправила тебя домой. По дружбе. А то бы акт составила. И сел бы ты на старую машину. Что это с тобой? Раньше за тобой таких вещей не водилось. На кого ты похож? Весь исцарапанный. Синяк под глазом. Это ведь синяк? Ты похож на молодого алкоголика. Что с тобой происходит?

— Я влюблен, — ответил Мурад.

— Немедленно порви с ней. По всему видать, она тебе не пара. И до добра она тебя не доведет. Найди себе порядочную девушку. Посмотри на себя в зеркало. Почему ты в таком виде?

— Если я рассажу, вы мне не поверите.

— Ну и ладно, не рассказывай. Я тебя не за этим вызывал. Это, так сказать, отеческое внушение. Мне твоя машина нужна. Ты уже выезд взял?

— Взял. А что?

— Время пока не отбивай, погуляй полчасика. Я сейчас с делами закончу, и поедем ко мне домой. Мне сарай твой нужен, — и поскольку Мурад продолжал вопросительно смотреть на него, добавил: — Ухожу я от жены, поможешь мне вещи перевести, — начальник улыбнулся и подмигнул Мураду.

Вещей оказалось два чемодана и несколько картонных коробок. В квартиру Мурад заходить не стал (откуда доносился гневный женский голос), принял их у лифта и погрузил в машину. Вскоре появился начальник, он был несколько взъерошен. Тихо матерясь, сел на переднее сидение и скомандовал:

— Вперед, шеф. В Царицыно, к любимой женщине.

— Простите меня за то, что не в свое дело лезу. Но вы уверены, что правильно поступаете? — спросил Мурад.

— Не уверен, но уже поздно рассуждать. Мосты сожжены. Так что ты не умничай. Поехали, — сказал начальник и запел: — «Он сказал: поехали! Он махнул рукой и по Питерской, Питерской поднялся над землей».

— Можно по кольцу? — предложил Мурад. — Так быстрее будет.

— Не надо по кольцу. Езжай через Текстильщики, мне надо прийти в себя после ругани с женой. Я тебе так скажу. Жизнь слишком короткая штука, дается один раз, и прожить ее надо с любимым человеком, а не наоборот. Чтобы не было мучительно больно, как сказал великий русский драматург Островский.

— Это сказал большевистский писатель Островский.

— Тем более. Уж если партия так считает, можно сказать — ум, честь и совесть нашей эпохи.

Мурад засмеялся, глядя на него, улыбнулся и начальник.

— А еще Ленин, говоря о семье, сказал, что несчастливый брак подобен треснутому колоколу, звучит глухо, а раздели его на две части, они запоют чистым звонким звоном.

— Ленин так сказал? — удивился начальник. — Надо же! Вот видишь, уж если сам Ильич так считал, то мы должны к нему прислушаться.

— Правда, сам на это не решился, — продолжал Мурад, — крутил роман с Инессой Арманд, но продолжал жить с Крупской.

— Ну ты тоже скажешь. Ленин был вождь, ему нельзя было думать о себе. Какой бы он пример подал другим людям.

— Я думаю, что он не ушел от Крупской не из этих соображений. Большевики к институту брака легко относились. Была даже создана так называемая теория стакана воды. Захотел комиссарского тела отведать, подошел и говоришь товарищу: лягемте в койку. А она отвечает: легко, как воды напиться.

— И откуда ты это все знаешь? — спросил начальник.

— Замполит в армии рассказывал.

— Шутишь, неужели замполит такие вещи вам рассказывал?

— Да, но не на политзанятиях, а после, когда выпьет. Он был сильно пьющий, капитаном в отставку ушел. Как у Высоцкого: «И сказал я ему: капитан, никогда ты не будешь майором».

— Кажется, мы приехали. Это метро «Кантемировская»?

— Да, — подтвердил Мурад.

— Сейчас держись правее, а потом повернешь налево на Бехтерева. Позабавил ты меня. Спасибо. Как-то легче стало.

— А вам тяжело?

— Есть немного. Не потому, что сомневаюсь. Я твердо решил. Просто тяжело. Дома двух дочек оставил. А у нее сын от первого брака. Как он меня примет? Не знаю. Она говорит — проблем не будет.

— Дай бог, — сказал Мурад. Он повернул на Бехтерева, проехал два перекрестка. — Дальше тупик, — предупредил он.

— Знаю. Вот на горочке дом слева. Заворачивай, первый подъезд наш, — Мурад остановился в указанном месте. — Ждет уже, — сказал начальник, указывая на женщину, стоящую у подъезда. — Жаль, что ты только выехал, — заметил начальник, — пошли бы выпили. Она стол накрыла.

— Успеется. Я никуда не денусь, — Мурад подал машину к подъезду задним ходом. Начальник вышел из машины. В салонном зеркале было видно, как они обнялись. Мурад помедлил немного, потом вылез из-за руля. — Здравствуйте, — сказал он.

— Привет, Мурадик. Как хорошо, что сегодня твоя смена. А то ведь разговоров не оберешься.

— Помочь вещи занести?

— Естественно, я, что ли, их таскать буду? А у шефа радикулит.

— Просто так спросил, — Мурад поднял вещи в квартиру, попросился умыться. Потом, выйдя из ванной, заметил телефонный аппарат. — Можно позвонить? — спросил он.

— Звони, чего спрашиваешь.

Мурад снял трубку и набрал телефон Анастасии.

— Привет, как поживаете?

— Скучаю по тебе, — неожиданно услышал он.

— Так я сейчас приеду, — взволновался Мурад.

— А ты далеко?

— Далеко. В Царицыно. Я вечером выехал. Мне до пяти утра трубить.

— Тогда работай. Не надо приезжать.

— Но ты же сама сказала, что скучаешь.

— Да, и буду продолжать это делать. Мне нравится по тебе скучать. У меня это впервые.

— Я вообще с ума схожу по тебе.

— Не волнуй меня.

— Может, я все-таки приеду?

— Нет. Но ты позванивай.

— Хорошо. Я поехал, шеф, — крикнул Мурад, положив трубку.

— Сколько там нащелкало? — спросил начальник, выйдя из комнаты. Он уже был в шелковом халате и в шлепанцах с загнутыми носами.

— Пустяки, — сказал Мурад, — ничего не надо.

— Еще чего, — сказал строго начальник, — вот возьми он манат, как говорится, в оба конца. Бери.

Мурад взял десятку и положил в карман.

— Эти тапочки из Баку? — спросил Мурад.

— Верно, как догадался?

— Видел там такие в витрине магазина.

— И давно ты там был? — удивился начальник.

— Вчера. Вы что-нибудь знаете о мартовских событиях 1918 года в Баку?

— Я знаю, что моего деда армяне вместе с сотней других азербайджанцев согнали в мечеть и сожгли там. Это было в Кюрдамире. Бабушка спаслась чудом. Они залезли в подпол и сидели там два дня с детьми. Но это не лучшая тема для сегодняшнего вечера. Почему ты спрашиваешь?

— Моя девушка, она историк, занимается этим периодом. Ладно, я поехал. Счастливо оставаться.

— Ты слышала? — обращаясь к своей Зинаиде, произнес начальник, когда дверь за Мурадом закрылась. — Он сказал, что вчера был в Баку. Что-то у парня с головой не то.

В поисках пассажира Мураду пришлось доехать до метро «Каширское», и здесь ему повезло взять клиента в аэропорт Домодедово. Там он «зарядил» контролера и разыскал пассажиров в Шереметьево. А там, словно по заказу, его ждал клиент на аэровокзал. Таким образом, за три часа он сделал большую часть плана. Работать надо было до четырех утра, поэтому можно было уже не спешить. Стоянка такси на аэровокзале была полна свободными машинами. Мурад не стал здесь становиться в очередь. Выехал на Ленинградский проспект и затормозил у телефонной будки. Анастасия взяла трубку после первого гудка.

— Привет, ты меня ждала?

— Нет, конечно. Просто шла мимо телефонного аппарата. Но это не означает, что я не рада тебя слышать.

— Между прочим, я нахожусь в двух шагах от твоего дома.

— Заходи. Я покормлю тебя ужином. Хотя что я говорю, уже десять вечера, поздно для ужина.

— Вообще-то я не ужинал, не до этого как-то было. Но хочу заметить, что в Берлине ужинают так поздно, что никогда нельзя понять, это поздний ужин или ранний завтрак.

С минуту длилось молчание, потом раздался смешок.

— Я вспомнила, эрудит вы мой. Я вас жду.

Анастасия была рада его появлению, и эту радость нельзя было имитировать.

— Поцелуемся?

— Нет.

— Почему?

— Вы на работе. Я готовлю ужин. Не до этого.

— Ладно. Как бабушка?

— А вы знаете, лучше. Я давно собираюсь вам сказать. С тех пор, как вы стали заниматься ее судьбой, она себя гораздо лучше чувствует. Меньше просыпается по ночам.

— Наверное, чувствует, что я ее спасу. Вам помочь?

— Ни в коем случае. Идите в гостиную. Я сейчас все принесу, — Мурад прошел в комнату, кивнул портрету, сначала сел на диван, но передумал и пересел за стол. Вскоре появилась Анастасия с подносом. — Макароны с тертым сыром и котлеты. Приятного аппетита, — объявила она.

— Балуете вы меня, — сказал Мурад, плотоядно оглядывая котлету. — У меня тут вопрос назрел. Как получилось, что большевики вновь взяли Баку? Вообще-то я даже не знал, что Азербайджан был когда-то независим.

— Он был независим двадцать два месяца. Вы ешьте. Расскажу, сколько успею.

— Времени полно. Я план почти сделал.

— Тогда слушайте. Германия и Турция потерпели поражение в Первой мировой

войне. При подписании акта капитуляции были заключены так называемые Мудросские соглашения. В соответствии с ними Турция должна была немедленно покинуть южный Азербайджан и Закавказье. Турецкой армии давалась одна неделя на то, чтобы оставить Баку, и один месяц на то, чтобы уйти из Азербайджана. По договору Турция не должна была возражать против оккупации Баку Антантой. Как только Германия и Австро-Венгрия подписали акт о капитуляции, Советская Россия денонсировала Брестский договор. Закавказская железная дорога передавалась союзникам, которые получили право занять Баку. 30-го октября турецкие войска оставили город. Премьер-министр Азербайджана отправил телеграмму Вудро Вильсону с просьбой способствовать признанию независимого Азербайджана. Английский экспедиционный корпус Денстервиля, отплывший из Баку 15 сентября, через три дня прибыл в Энзели, где был расформирован. Командиром вновь скомплектованной армии Лондон назначил генерала Томпсона. Азербайджанская делегация отправилась на переговоры с ним, но тот заявил, что не знает о существовании такого государства. Тем не менее, генерал сказал, что англичане не собираются делать что-либо против воли азербайджанского народа. Под контролем его армии будет находиться Баку и нефтепромыслы. Остальная часть страны будет управляться правительством, несмотря на то что оно было создано турецким командованием. Городская Дума возобновит свою работу. Полицией будет руководить англичанин. Бичерахов и его отряды войдут в Баку вместе с британскими войсками, а вооруженные армяне в город допущены не будут. Азербайджан же может принять участие в работе Парижской мирной конференции на основе прав наций на самоопределение. 17 ноября английские войска, состоящие в основном из индийцев, вошли в Баку. Следом в город вступило войско Бичерахова. Генерал, произнося речь в Бакинском порту, сказал следующее: «Великая война окончена победой Антанты. Мы находимся здесь как ее представители. Я пришел на землю, принадлежащую России».

В официальных заявлениях Томсона и Бичерахова речь шла о восстановлении Российской империи. Русский и Армянский национальные советы сразу же приняли постановление о том, что никакого Азербайджана нет, а есть Россия. Оба совета отклонили предложение Томсона о создании коалиционного правительства, заявив, что Закавказье является провинцией России. Тогда Томсон возразил делегатам, сказав о том, что Российской империи уже не существует. Через несколько дней генерал, ознакомившись с реальной ситуацией в Баку, объявил, что Британия с уважением относится к Азербайджанскому правительству и до организации коалиционного правительства оно останется единственной действующей властью в стране. Вскоре было создано коалиционное правительство, куда армяне войти отказались. В январе 1920 года Антанта признала независимость Азербайджана. В марте этого же года Красная армия придвинулась к границам Азербайджана. В правительстве Азербайджана возникли разногласия по поводу возникшей северной угрозы. Азербайджанские большевики пытались использовать этот момент для осуществления государственного переворота. В их лице Москва имела в Баку пятую колонну, которая координировала свои действия с членом реввоенсовета Серго Орджоникидзе. Весной 1920-го года гражданская война в России близилась к завершению. До этого захватить Баку было невозможно. Деникин невольно стоял заслоном между Россией и Азербайджаном. Разрушенное хозяйство Советской России нуждалось в нефти. А она была в Баку. В марте Ленин направил телеграмму в реввоенсовет Кавказского фронта, в которой было сказано: «Взять Баку нам крайне необходимо. Все усилия направьте на это». С Грузией одновременно велись переговоры о признании ее Советской Россией в обмен на отказ от поддержки Азербайджана. Грузия, не признанная Версалем, согласилась на это. Троцкий в телеграмме Сталину писал, что он собирается после захвата Новороссийска и Грозного забрать у Тухачевского три стрелковые и три кавалерийские дивизии, и спрашивал, достаточно ли их для удержания Баку. Тем не менее большевики не решились начать военные действия против страны, признанной Антантой, было решено совершить переворот руками местных большевиков. В феврале 1920 года азербайджанским коммунистам были переправлены деньги, оружие и военное снаряжение. В марте по команде из Москвы армяне подняли вооруженный мятеж в Карабахе с целью оттянуть на себя войска и тем самым ослабить оборону Баку. Расчет удался, на борьбу с дашнаками были переброшены значительные силы. Шесть пехотных полков. В городе осталось только две тысячи солдат, охранявших правительственное учреждение. Дашнаки в Карабахе были разгромлены, но войска вернуться в Баку уже не успели. Незадолго до этого РСФСР заключила с Турцией, где к власти пришли военные во главе с Мустафой Кемаль Пашой, договор, в котором обязалась помогать Турции оружием и военными советниками. Положение усугубилось тем, что в Азербайджане случился правительственный кризис и кабинет министров в полном составе подал в отставку. Россия продолжала концентрировать войска на границе. Противопоставить им было некого, поскольку в Карабахе все еще шли боевые действия. 21 апреля командиры 11-й армии

и Волго-Каспийской флотилии получили приказ 27 апреля перейти границу Азербайджана и в течение пяти дней взять Баку. Ататюрк потребовал от Азербайджана не препятствовать прохождению Красной армии, которая идет на помощь Турции против Англии. Ататюрк телеграфировал в Москву о том, что если советские войска берутся изгнать англичан с территории Кавказа, то турецкое правительство в ответ обязуется заставить Азербайджанскую республику войти в круг советских государств. А также начать военные операции против независимых Армении и Грузии. 26 апреля за день до вторжения Армения, спохватившись, предложила Азербайджану заключить перемирие, чтобы противостоять большевистской экспансии, но было поздно. 27 апреля азербайджанские большевики, опираясь на русские войска, продвинувшиеся до Баладжар, предъявили азербайджанскому парламенту ультиматум о сдаче власти. Такой же ультиматум предъявил Чингиз Ильдрым, командующий Каспийской флотилией, подошедшей к Баку со стороны моря. В парламенте к тому времени шли жаркие споры между сторонниками противодействия России и теми, кто желал компромисса. Последние попытались образовать коалиционное правительство вместе с большевиками, но те отказались войти в правительство. На последнем заседании парламента после жарких дебатов социалисты, большевики и близкие к ним фракции большинством голосов приняли решение о мирной передаче власти большевикам. Напрасно лидер партии «Мусават» Расул-задэ говорил, что нельзя верить русским, что направляющаяся через Азербайджан Красная армия уже никогда не выйдет из страны. Турция когда-то спасла Азербайджан, но сейчас при новом правительстве их интересы расходятся. Так все и вышло. Вместо того чтобы следовать в Турцию, бронепоезд «III интернационал» и части 11-й красной армии вошли в Баку. Азербайджанские коммунисты дали Ленину телеграмму об установлении советской власти в Азербайджане. Таким образом, большевики взяли власть в Азербайджане легко, в результате бескровной операции. Вот, пожалуй, и все. И кстати, Армения через несколько дней также лишилась своей независимости и вошла в Союз Советских Социалистических Республик. Никакой «Великой Армении» не было создано.

— Почему большевикам все доставалось так легко? — сказал Мурад. — И революцию делали не совсем большевики, но власть досталась именно им.

— В истории много таких примеров. Как правило, революцию делают одни, а плодами ее пользуются другие. К тому же большевики, в отличие от белогвардейцев, не скупились на посулы. Землю крестьянам — пожалуйста, заводы рабочим — пожалуйста. Национальное самоопределение вплоть до отделения — да ради бога. Ни одно из обещаний не было выполнено. А Белая гвардия даже ради борьбы с большевиками высокомерно отказывалась от союзов с новыми республиками. Деникин презрительно отнесся к правительству Азербайджанской республики. Только Российская империя, никому никакой независимости. Будь он дальновиднее, заключи он военный союз с Азербайджаном, неизвестно, как повернулось бы колесо истории. А Ленин заключал союзы с кем угодно, хоть с немцами, хоть махновцами, хоть с чертом. Цель оправдывает средства. Еще чаю?

Анастасия вышла на кухню. Мурад встретился взглядом с портретом на стене, подмигнул ему, как старому знакомому, и словно провалился в сон.

* * *

Дул *хазри*. Девичью фигуру Мурад увидел на том же месте и крикнул, перекрывая шум ветра:

— Здравствуйте, сударыня! Чудесный сегодня день. Он принесет удачу.

— Ах, это вы! — барышня обернулась. — Здравствуйте.

— Как, — удивился Мурад, — вы что же, меня помните?

Настала очередь удивляться Елизавете Петровне.

— Теперь уж не уверена. Вы поздоровались из вежливости? Но у меня такое чувство, что я вас знаю. Только не помню откуда. Память девичья.

— Который день раскланиваемся здесь на бульваре. Ведь вы живете в гостинице «Дагестан», каждый день приходите сюда и смотрите на море, а потом идете в порт справиться о корабле, на котором должен прибыть ваш жених.

— Кажется, вы знаете обо мне больше, чем я о вас, — нахмурилась барышня, — я вам этого не рассказывала. Вы что, следите за мной?

— Не сердитесь, пожалуйста. Я вам друг. Можно задать вам вопрос? Как вы думаете, лучше человеку тешить себя ложной надеждой или узнать правду о будущем?

— Я не понимаю, о чем вы?

— Я скажу иначе. Что бы вы предпочли: узнать правду о будущем или тешить себя обманом надежды, пребывая в неведении? Что лучше — горькая правда или сладкая ложь?

— Пожалуйста, оставьте меня. Мне неприятен этот разговор, — сказала барышня и повернулась спиной.

— Меня послала сюда Анастасия, я хочу помочь вам.

— Какая еще Анастасия?

— Ваша внучка.

— Вы сумасшедший. Какая внучка. У меня даже дочери нет. Я не замужем.

— Я из будущего, — сообщил Мурад.

— С меня довольно, — девушка стала уходить, и Мурад сказал ей вслед:

— Ваш жених служит в отряде Лазаря Бичерахова, — девушка остановилась. — Он ехал к вам, когда его арестовали. Он находится в Ленкорани. А вам лучше уехать из Баку сегодня же. Потому что в городе будут беспорядки.

— Откуда вы знаете о его аресте?

— Мне сказал об этом один офицер с парохода «Эвелина». Они прибыли из Ленкорани, их сейчас большевики удерживают в порту.

— Он назвал вам его имя? Как его зовут?

— Имени он не знает, просто сказал, что арестовали русского офицера, поручика, он плыл из Персии.

— Это ничего не доказывает.

Мурад развел руками.

— Ну почему, когда человек говорит правду, ему не верят?

— Еще и внучку какую-то придумали. Прощайте. Надеюсь, что мы с вами больше не увидимся.

Мурад долго провожал ее взглядом, решая, как ему сейчас поступить. Маршрут ее был известен. Идти за ней на пристань, где предстояла перестрелка между большевиками и всадниками татарского дивизиона, тоже не имело смысла. «Пойду сниму комнату в ее доме», — решил Мурад.

— Ваши документы.

Обернувшись, он увидел патруль. Трое армян, обвешанные винтовками, недружелюбно разглядывали его. «Как же он забыл про них».

— Документы дома забыл, ара, — имитируя армянский акцент, сказал Мурад и добавил по-армянски: — Миат папирос тур, эли.

Взгляды патрульных потеплели. Один из них полез за папиросами. Другой спросил:

— Ха эс?

Мурад ответил заученной шуткой и вновь вызвал взрыв смеха. Оделили папироской, похлопали по плечу и пошли дальше. Мурад двинулся по Великокняжескому проспекту в сторону Парапета. Проходя мимо знакомого ресторана, увидел в дверях знакомого официанта. Тот приветливо поздоровался.

— Прошу вас, господин, — сказал он, приглашая войти. Мурад вздохнул и последовал вовнутрь.

Первую рюмку коньяка он закусил жгучим перцем. Так никто не делает, но он решил попробовать. В таксопарке он так закусывал водку, чтобы перебить подкатывающую тошноту. Выпив, отдышался.

В это перемещение надо будет все закончить. Он не может без конца сигать на диване туда-обратно. Сколько можно испытывать судьбу. Мурад увидел пресловутых большевиков, входящих в ресторан. Свободных мест не оказалось. Из подсобки вынесли стол, поставили у стены, и компания расселась за ним. Мурад увидел Елизавету Петровну, она шла по Великокняжескому проспекту в сторону Приморского бульвара, и решил пойти за ней. Подозвал официанта, чтобы расплатиться. Поначалу он собирался где-то переждать, но все же решил пойти за девушкой. Неосознанные поступки — они самые правильные. Что наши соображения перед рукой провидения. Иначе говоря, человек предполагает, а тот, кто наверху — располагает. Хотя Мурад не верил, что наверху кто-то есть. Как бы он позволил эту резню?

С моря дул сильный ветер. Елизавета Петровна шла, придерживая рукой шляпку. Сильным порывом ветра шляпку сорвало с головы и понесло на Мурада. Он поймал ее, как бейсболист.

— Огромное вам спасибо, — поблагодарила девушка, но, увидев Мурада, нахмурилась. — Это опять вы. Вы что, меня преследуете? Зачем вы за мной ходите?

— Я хочу вам помочь. Разве по мне не видно?

— А я не нуждаюсь в вашей помощи.

— Нуждаетесь, только вы об этом не знаете. Прошу прощения, но я не могу вас оставить одну. Вам грозит опасность. Разрешите мне сопровождать вас. Посмотрите кругом. Небритые нерусские большевики, солдаты, матросы. А вы одна.

— Нет, вы не будете меня сопровождать.

— Тогда я буду ходить за вами. Этого вы не можете мне запретить.

— Как угодно, только не приближайтесь ко мне.

— Я хочу сказать вам кое-что, чтобы вы мне поверили. Вы сейчас пойдете на пристань. В конторе вам скажут, что парохода не будет из Ленкорани. А в это время на площади начнется стрельба. Идите, я подожду вас где-нибудь здесь.

Елизавета Петровна бросила на него взгляд, говорящий о том, что она не верит ни единому его слову, и ушла. Когда она оказалась на пристани и вошла в контору, Мурад пошел к магазину сигар, а к площади тем временем подъехали два «Форда» с отрядами красногвардейцев. Несколько всадников мусульманского дивизиона, направляясь от «Эвелины», шли, пересекая площадь. Мурад покачал головой и вошел в магазин. Дверь звякнула колокольчиком. Продавец выглянул из внутренней комнаты и произнес:

— Добро пожаловать, чего изволите, товары на любой вкус.

— Дайте мне Шекспира.

— «Ромео и Джульетту»? Сразу видно, утонченный человек, со вкусом, — продавец достал пачку, в которой было пять сигар, и посмотрел на площадь. — Боюсь, что-то там сейчас будет, — сокрушенно сказал он.

— Сейчас солдаты начнут стрелять по тем военным, что выйдут из конторы, — невозмутимо произнес Мурад. В следующую минуту красногвардейцы открыли огонь по всадникам. Изумленный продавец обернулся к Мураду с открытым ртом. — Ничего особенного, — сказал Мурад, — обыкновенный анализ ситуации.

— Анализ ситуации, — с уважением повторил продавец. — А что будет дальше?

— Будут стрелять до наступления темноты. Вам лучше закрыть лавку и не высовываться. Вечером в Варфоломеевскую ночь армяне начнут вырезать азербайджанцев. Вы, надеюсь, в этом не участвуете?

— Да что вы говорите, мне сосед Тофик ближе родственника, и неважно, кто армянин, татарин или русский.

— Отрадно слышать, — Мурад увидел, как из конторы вышли дежурный и Елизавета Петровна, прикрывая головы руками, они побежали в сторону от пристани. Отбежав на изрядное расстояние, она замедлила шаг, и Мураду удалось догнать ее.

— Ах, это вы, — гневно воскликнула девушка. — Я вас ненавижу.

— Помилуйте, за что?

— Это вы все напророчили.

— Можно сказать, напророчил, а можно, что — предвидел.

— Все равно, от вас одни неприятности.

— Пожалуйста, поверьте мне. Не ходите сегодня домой. Будет беда.

— Что я должна делать? Я сняла комнату, уже заплатила вперед. Мне больше некуда пойти в этом городе.

— Мы можем пойти ко мне в гостиницу.

— Ну вот, я знала, что все этим кончится. Прощайте, — крикнула она, уходя.

— Что вы себе вообразили, сударыня? — сказал ей вслед Мурад. — Я не буду к вам приставать. Вы мне в бабушки годитесь.

— Вы свинья, сударь!

Площадь Парапет уже была полна народу. Мурад услышал отрывок разговора:

— Ара, конечно, это давно надо было делать. Если не мы их, то они нас. Это наш город, мы имеем на него больше прав, чем они. Кто они вообще такие? Какие азербайджанцы, нет такой нации. Это татары или иранские турки. Кстати, турки их сильно поддерживают. Будут, да, поддерживать. Они же сами себя поддерживают. А Ленин на нашей стороне. Я сам видел манифест о «Великой Армении» с подписью Ленина. Клянусь мамой! Шаумян так сказал. Ара, был я на том молебне.

На площади были и русские, в основном солдаты и матросы. Напротив армянской церкви подвыпившие моряки, став в круг, били чечетку. Мурад вырвался из людского водоворота, припустил за девушкой. Елизавета Петровна шла, не оглядываясь. И он, шагая по противоположной улице, без происшествий довел ее до дому. Когда она вошла в ворота, Мурад выждал с полчаса, перешел улицу и постучал в ворота. Дверь открылась, перед ним стоял мужчина лет шестидесяти.

— Вы сдаете жилье? — спросил Мурад. — Я бы снял.

— Надо же, то не было никого, а то — двое подряд. Я недавно сдал комнату девушке из Москвы. Есть еще комната, но маленькая очень.

— А вы покажите, может, подойдет?

— Ладно, пошли.

Хозяин впустил Мурада в крошечный двор, где едва умещались колодец, тандыр и стол с двумя стульями. Одна из дверей, выходящих на веранду, открылась, и Мурад увидел Елизавету Петровну. Она держала в руках глиняный кувшин, очевидно, для воды. Увидев Мурада, сердито спросила:

— Опять вы, что вы здесь делаете?

— А знаете, вы похожи на горянку с этим кувшином, — заметил Мурад.

— Не заговаривайте мне зубы, зачем вы меня преследуете?

Девушка взглянула на хозяина дома, и тот, прочитав вопрос в ее глазах, ответил:

— Джанаб желает снять комнату, если она ему подойдет. Вы знакомы с этим господином?

— К счастью, нет. Но он преследует меня весь день. Хозяин, я категорически против того, чтобы вы сдавали ему комнату. Я все расскажу своему жениху, когда он приедет. Он вызовет вас на дуэль.

— Вот из-за таких, как вы, русская литература потеряла Пушкина, — упрекнул ее Мурад. — Да не приедет он, поймите вы, наконец.

— Я не хочу больше с вами разговаривать. Уходите, — и, обращаясь к хозяину дома, добавила: — Если вы сдадите ему комнату, то я немедленно съеду.

Она вернулась в свою комнату. Проводив ее взглядом, хозяин развел руками.

— Извините, уважаемый. Но я не смогу сдать вам комнату.

Мурад вышел на улицу. Погромы начнутся завтра вечером, 19 марта. Ему надо было продержаться эту ночь и весь следующий день. Идти было больше некуда, и Мурад пошел в гостиницу. Ночь провел, лежа на полу, на ковре, перенеся туда свою постель с кожаного дивана. Практически не спал, погружался в забытье и вновь выплывал в явь. Утро встретил в гостиничном номере, это означало, что ему удалось перейти в следующий день. Оставалось дождаться вечера.

«Сократ сказал, что истинный философ всю свою жизнь готовится к смерти, нет, не так. Свою жизнь философ должен рассматривать как подготовку к смерти». Этот пассаж всплыл в памяти Мурада, когда он спускался вниз по улице. Со свойственной ему дотошностью он стал анализировать, почему ему вспомнилось это изречение, пока не сообразил, что оно может быть применимо к сегодняшнему дню. Этот день — как подготовка к смерти. Улица привела его на Великокняжеский проспект к дверям ресторана. «Что ты будешь делать, куда бы я ни пошел, дорога выводит меня к этому заведению».

— Салам алейкум, уважаемый, к сожалению, мы закрыты сегодня.

— Слушай, будь другом, вынеси мне бутылку водки. Заплачу, сколько скажешь.

Официант принес бутылку коньяка, затем, спохватившись, сказал:

— Простите, вы же водку просили.

— Ничего, это еще лучше.

Мурад сунул бутылку в карман и вышел на Парапет, где было множество народа.

— Братишка, — остановил он проходящего мимо, увешанного оружием матроса. — Тебя как зовут?

— Ну, допустим, Иван.

— А меня Марат. Ваня, помоги земляку. Продай наган. Вон у тебя оружия сколько. А Ленин велел делиться.

— А вдруг ты контра, как же я тебе оружие продам.

— Да ты посмотри на меня, какая же я тебе контра! А выпить хочешь?

— Поднеси, не откажусь.

Мурад вытянул из кармана бутылку коньяка. Матрос приложился к бутылке. Мурад наблюдал, как двигается его кадык. Матрос пил, закрыв глаза, а когда открыл — это был уже другой человек. Перефразируя Гоголя: он закрыл глаза и открыл глаза, но был уже друг и смотрел как друг.

— Братишка, выбирай любое орудие. Хошь наган, хошь трехлинейку товарища Мосина.

— Дай наган, коли не жалко.

— А бери. На! Полная обойма.

— Хороший ты парень, Ванятка, я рад, что познакомился с тобой.

— Ишь, как ты меня назвал, — вдруг растрогался матрос, — меня так только мать покойница кликала.

Мурад пожал крепкую длань матроса и пошел дальше, опустив голову, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Отовсюду доносились звуки выстрелов. По улице в обоих направлениях двигались люди. У закрытой двери дома, где жила Елизавета Петровна, стояли несколько вооруженных армян и били в дверь прикладами винтовок. Дверь под ударами кренилась и вот-вот должна быть слететь с петель. Мурад выстрелил поверх голов, желая отвлечь мародеров, и бросился на землю, перекатился под ответным огнем. Услышал грохот упавшей двери, тут же раздались два ружейных выстрела. Стрелял хозяин со двора. Армяне ворвались в дом, забыв о Мураде. Он поднялся. В этот момент рядом разорвался артиллерийский снаряд, и его накрыло взрывной волной.

Пришел в себя, как ему показалось, сразу же. На нем не было ни единой царапины, но лицо все залито кровью. Он быстро понял, что кровь идет из носа и ушей. Стал подниматься на ноги. На него бежал армянин с перекошенным от страха лицом, а за ним

гнался офицер-азербайджанец с саблей в руке. Мурад выстрелил, почти не целясь. Армянин упал. Мурад взглянул на офицера и вздрогнул от неожиданности. Их сходство было невероятным, он словно смотрелся в зеркало.

— Откуда вы взялись, вы азербайджанец? — спросил офицер.

— Почти.

— Вам надо пробираться в крепость, там будете в безопасности. Мусульмане там строят баррикады, — он замер, словно что-то вспоминая. — Что-то я должен был сделать...

— Кольцо, — подсказал Мурад.

— Откуда вы знаете про кольцо? — удивился офицер.

— Долго объяснять, но я в курсе. Оно принадлежит Елизавете Петровне, девушке, которую вы спасли от смерти.

— Вот оно, я отобрал его. Верните его сами, а то мне недосуг возвращаться.

— Может быть, вместе вернем? У меня с ней как-то отношения не сложились.

— Мне надо в полк. Дайте слово, что вы вернете кольцо.

— Честное благородное. Собственно говоря, я здесь именно за этим.

— Как вас зовут?

— Мурад.

— А меня — Селим. Возьмите кольцо. Прощайте.

— Так звали, между прочим, моего деда, — сказал ему вслед Мурад и пошел в дом.

Мертвый хозяин лежал посреди двора. Тело одной его жены распростерлось рядом с ним, второй — на крыльце. Неподалеку валялись двое убитых армян в полувоенной одежде. В доме, стараясь не смотреть на убитых, он прошел в комнату и обнаружил на полу между кроватью и тумбочкой Елизавету Петровну.

— Не бойтесь, это я, — сказал Мурад.

Девушка не сразу узнала его, а узнав, с криком бросилась ему на грудь.

— Боже, какое счастье, что вы здесь, — причитала она, — если бы вы только видели, что они здесь творили. Это не люди, даже не звери. Я пыталась защитить женщин, но меня ударили. Сорвали обручальное кольцо. Они хотели надругаться надо мной. Если бы не этот офицер. Он убил двоих, а третий убежал. Он погнался за ним, потому что я просила вернуть мое обручальное кольцо. Спасибо, что вы пришли. Я была к вам несправедлива. Простите меня.

— Вот ваше кольцо, возьмите. Офицер отобрал его у мародера и ушел по своим военным делам.

— Как мне благодарить вас?

— Лучшей благодарностью будет, если вы меня послушаетесь. Вам нужно сейчас добраться до вокзала. Я вас провожу. И сесть на первый же поезд, идущий в Россию.

— Я же вам говорила, что жду своего жениха здесь. Как я уеду?

— Вы опять за свое, — зло сказал Мурад.

— У меня почти нет денег. Я издержалась. Дороговизна ужасная.

— Вот вам тридцать рублей на билет. Больше у меня нет, но надеюсь, что этого хватит, пойдемте.

— Делайте что хотите, я подчиняюсь, — покорно сказала девушка.

Они вышли на улицу.

— Нам надо на вокзал, только вряд ли мы туда доберемся сами. Пойдемте искать русских солдат. У церкви дежурит один знакомый матрос. Держите меня под руку. И смело смотрите всем в лицо. Вы русская. Вас не тронут. А я буду изображать пьяного.

— Для вас это не составит труда.

— И это ваша благодарность?

— Простите.

— Если спросят, скажете, что я ваш муж.

— Нет.

— Тогда брат.

— Зачем мы прячемся? Надо идти в полицию.

— Полицию новая власть упразднила. Теперь у них ВЧК.

— Тогда пойдемте к этой новой власти, в эту самую ВЧКу. Это зверство не должно остаться безнаказанным.

— Так новая власть все это и учинила.

— Я в это не верю.

— Можете не верить, просто я знаю больше вашего.

— Почему это вы знаете больше моего? Откуда у вас такие познания?

— Мне об этом рассказывала ваша внучка.

— И вы опять за свое? С ума меня свести хотите?

На счастье, революционный патруль все еще находился у армянской церкви. Русские солдаты и матросы с угрюмыми лицами наблюдали происходящее вокруг.

— Ваня, братишка! — крикнул Мурад. Матрос оглянулся на зов и, завидев Мурада, осклабился в щербатой улыбке.

— Это, товарищи, мой земляк из Рязани, — пояснил матрос сослуживцам.

— Из Коломны, — поправил Мурад.

— Ты чего такой взъерошенный?

— Эта барышня — моя родственница, — торопливо заговорил Мурад. — У нее беда случилась. Семью хозяина квартиры убили. Ее чуть не убили. Один из ваших военных спас. Помоги нам, Иван. Ее надо до вокзала проводить.

— Ладно, землячок, дамочку твою мы на вокзал доставим в лучшем виде, — пообещал Иван.

Мурад отвел девушку в сторону и сказал:

— Елизавета Петровна, я вас очень прошу, поезжайте в Москву. Сегодня только первый день погромов. Что касается вашего жениха, то все в руках божьих. Если судьбе будет угодно, то он сам найдет вас.

— Я была несправедлива к вам, а вы спасли меня.

— Не я, вас спас тот офицер.

— Да, конечно, но и вы тоже. Я совсем не умею разбираться в людях. Простите. А может быть, и вы со мной в Москву?

— Я бы с удовольствием, но у меня другой путь. Это называется телекинез.

— Вы опять заговорили загадками. Но я больше не сержусь на вас. Прощайте.

— Прощайте, — сказал Мурад и ушел, не оглядываясь.

— Ну что, барышня, на вокзал потопали? — спросил матрос.

— Нет, я не пойду на вокзал, я передумала. Если вам нетрудно, проводите меня до гостиницы какой-нибудь, где безопасно. Найдется такая в этом городе?

— Здесь рядом «Астория». Это самое безопасное место. Там военно-революционный комитет заседает. Да вы не бойтесь. Эти инородцы русских не трогают. Они друг друга режут.

— Вообще-то это мы с вами здесь инородцы.

— И то верно. Ладно, пошли в «Асторию», это ближе будет, чем вокзал.

До своей гостиницы Мурад добрался без происшествий. В номере долго стоял у окна. Отсюда было видно, как азербайджанцы роют окопы. Он боролся с желанием присоединиться к ним. Но боялся своим поступком что-нибудь разладить в загадочном механизме времени. Мурад лег на кожаный диван и закрыл глаза.

* * *

Когда он открыл глаза, то увидел Анастасию.

— Тебя так долго не было, я чуть с ума не сошла.

Пока Мурад подбирал слова для подходящей остроты, из соседней комнаты раздался старческий голос.

— Настюша, внученька, ты дома?

Глаза девушки округлились от изумления. Она бросилась в соседнюю комнату. Мурад последовал за ней и увидел застывшую в столбняке Анастасию и сидящую перед ней на кровати бабушку. От света настольной лампы на ее безымянном пальце тускло отсвечивало обручальное кольцо.

— А это кто? — бодро спросила Елизавета Петровна. — Кавалер твой?

Анастасия оглянулась, на ее лице светилась счастливая улыбка.

— Интересно, во сколько завтра загс открывается? — спросил Мурад.

— В одиннадцать, — ответила девушка.

— Я не успею купить новый костюм, — озабоченно произнес Мурад.

— Ничего, и этот сойдет, — сказала Анастасия. — Бабушка, я выхожу замуж, ты рада?

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

НЕ ВЫЗЫВАЯ ПОДОЗРЕНИЙ

Документальная повесть

(Журнальный вариант)

1

В начале лета 1869 года, не скажем, что весь мир, но северное полушарие нашей матушки Земли, замерло в ожидании самого выдающегося события не только столетия, но почти тысячелетия — открытия судоходства по Суэцкому каналу. Он, как вы наверняка помните из уроков географии, соединил Средиземное море с Индийским океаном.

Наш герой прибыл в город-порт Александрию на пароходе французской морской компании и сошёл на берег. До окончательного ввода канала в строй было почти полгода. Разумеется, ждать столько времени Михаил не мог, и не затем он прибыл из далёкой России на африканский континент, чтобы встретить и отпраздновать столь выдающееся событие. Путь его лежал на другой конец азиатского материка...

Однако же небывалое, эпохальное событие не могло не затронуть его и он записал в дневнике: «Александрия весною 1869 года ещё жила полною жизнью большого приморского города и первоклассной станции для путешественников и товаров, направлявшихся из Азии и Африки в Европу или обратно... Но в воздухе уже носилось предчувствие скорого упадка и ослабления бойкой торгово-транзитной деятельности».

Хотя все пристани и склады были сплошь завалены тюками, ящиками, бочками, мешками. А в самой гавани стоял целый флот кораблей, и в них грузились или выгружались груды всяких товаров. И тем не менее, купцы и содержатели гостиниц готовились к грядущему кризису.

Но сотруднику российского Главного штаба, 37-летнему подполковнику Михаилу Венюкову, десять лет назад бывшему ближайшим помощником генерал-губернатора Муравьёва-Амурского и по его заданию исследовавшему бассейны реки Амур, Уссури, озеро Ханка и побережье Японского моря, надлежало быть готовым ко всему. Совсем недавно вернувшись из длительной командировки в Польшу, в начале апреля он, по распоряжению военного министра Д.А. Милютина, перебрался из Петербурга в Марсель. Там сел на пароход и прибыл в Александрию. А теперь намеревался отправиться далее. Ему нужно было пересесть на поезд и ехать в городок Суэц.

Скверная железная дорога была построена четыре года назад британцами и пролегала через пески и глухомань, где обитали в основном арабские пастухи-феллахи. В Александрии, вопреки тому что стояла она на морском берегу, царила несусветная жара и духота, а какая погода властвовала там, в пустыне?.. Но бывалому путешественнику, первым из русских прошедшему хребет Сихотэ-Алинь, исследовавшему побережье Иссык-Куля, Алтай и Кавказ, особых трудностей в этом не виделось. Тем паче, что поезда, очевидно щадя своих пассажиров, ходили только по ночам и назывались «курьерскими». Михаил с иронией отметил это в дневнике. И слава богу, что расстояние в сто пятьдесят с небольшим километров предполагалось покрыть за ночь. Оставалось лишь надеяться, что в дороге ничего курьёзного не случится.

Одно скверно — вагоны прыгали и качались из стороны в сторону, грозя соскочить с рельсов. А дорогу строили европейцы, и бывалый подполковник замечал, что «такого не бывает даже в Испании или у нас на частных железных дорогах», хотя не только машинист, но и обер-кондуктор были европейцами. И давно сжились с неласковым климатом и местными нравами. А бедные терпеливые пассажиры ещё не знали, что «качка» в этих железных коробках не единственный нежданный сюрприз — впереди много других...

Станций на этом злосчастном пути не было и в помине. Но одна остановка случилась. Где-то за полночь далеко впереди замаячил огонь смоляного факела. Кто-то им намеренно сигналил. Кондуктор остановил «состав» — сзади был товарный вагон. Он оказался как раз кстати. Пастух-феллах с полутора десятком баранов кое-как забрался и втащил в него своих кормильцев. Он намеревался продать их в Каире.

А там, в древней столице Египта, тоже готовились к эпохальному событию. Был выстроен и открыт оперный театр, и прославленному композитору Джузеппе Верди заказана самим правителем (хедивом) Измаил-пашой опера «Аида». Маэстро вначале отказывался, но благодаря усилиям известного египтолога Ф. Мариэтта и автора либретто А. Гисланцони пошёл на уступку. Зрелище обещало стать грандиозным. Но до премьеры ещё оставалось более двух лет, и наш герой вряд ли знал об этом...

Курьерскому поезду после вынужденной остановки и погрузки баранов пришлось навёрстывать упущенное время. Михаил писал: «Поезд двинулся далее с такой быстротой, что у всех защемило сердце». К утру прибыли в Суэц. Жара стояла нестерпимая.

Михаил, выйдя из гостиницы, тут же поспешил обратно. Его попутчик французский коммерсант Шеврье, с которым он успел подружиться, окликнул его:

— Куда вы, Мишель?

— Хочу надеть фланелевую рубашку, это гарантия от солнечных ударов и тропической лихорадки. Я схватил её в прошлом году в Панаме и провалялся три недели между жизнью и смертью, — подполковник покривил душой: в Панаме он ещё не был и лихорадкой, к счастью, не болел, но для легенды это было необходимо придумать.

— Да что вы! Фланель — спасение от этих невзгод?

— Разумеется. Вы спросите своих соотечественников-гренёров. Как бывалые люди, они наверняка уже успели надеть фланелевые рубашки...

Обеспокоенный француз (он тоже был скупщиком шелковичных червей, они и назывались «гренёрами») мигом бросился в город купить необходимое. Случайное знакомство с ним помогло Михаилу. Будучи единственным русским среди пёстрой толпы европейцев — французов, итальянцев, швейцарцев и немцев, едущих на далёкий Восток за длинным барышом, — он подозревал, что те примут его за шпиона и потому сошёлся с торгашом. Беззаботных туристов, скуки ради колесивших по белу свету и бездумно тративших правдами и неправдами заработанные деньги, тогда попросту не водилось.

Он «по секрету» сообщил ему, что направляется в Японию, чтобы наладить там продажу угля. Заранее зная, что этот «секрет» тут же станет известен всем. Год назад в стране восходящего солнца произошла революция, господство феодалов-сёгунов было низвергнуто, к власти пришёл император. Все европейские дельцы и авантюристы тут же ринулись туда. В то благодатное время ещё не требовалось паспортов и въездных виз...

2

Наконец пришло время грузиться на французский пароход «Camboge» (Камбоджа) и отправляться в Индийский океан. Среди разношерстной, не слишком достойной публики оказалась чета миссионеров. Немецкий протестантский пастор направлялся в Индию проповедовать Евангелие. Ещё троица французских священников-кюре отплывала на острова. А в соседней с протестантской четой каюте поместилась юная, весьма привлекательная монашка-француженка, католичка. Она ехала в Сайгон наставлять в должной нравственности вьетнамских девочек.

Путь от Суэца до Адена — выхода в океан — продолжался пять суток. При выходе в Индийский океан один из пассажиров поднялся на палубу, желая насладиться порывами свежего морского ветра. Высунув непокрытую голову из-под натянутого тента, он тут же получил солнечный удар и умер. Врача на судне не оказалось. Это произвело на всех гнетущее впечатление. Пожалуй, лишь два человека не потеряли присутствия духа — наш Михаил (ему не позволяла этого служба и звание) и неугомонный француз. Кроме него, в каюте находись двое итальянцев. Коммерсант сумел подружиться с капитаном парохода.

— Мишель, — день спустя предложил он Михаилу, — мы можем навестить капитана. Весьма любезный господин и готов нас принять.

Они направились в капитанскую каюту. Её хозяин оказался приветливым, словоохотливым «морским волком». Предложил гостям по доброму стаканчику вина.

— Господин капитан, — серьёзно и заинтересовано полюбопытствовал Михаил, — а как себя ведут ваши прямые конкуренты?

— Другие пароходные компании?

— Я имею в виду англичан. Говорят, они оккупировали все моря и океаны...

По всей вероятности, он наступил на «больную мозоль». Бывалый моряк не кривя

душой стал рассказывать о проделках и хитростях британских судоводителей, ради своих корыстных интересов готовых идти на всё. Хотя былая безудержная торговля «живым товаром» — африканцами — будто бы ушла в прошлое — оказалось, что это не совсем так.

— Английское правительство, — лукаво улыбаясь, повествовал капитан, — учредило обязательную премию своим судоводителям и экипажам судов за поимку арабских негроторговцев. Она выплачивается в зависимости от числа освобождённых невольников и тоннажа корабля. Рабов пересаживают на британское судно, арабский корабль тут же опускают на дно, а негров везут в Индию...

— Зачем? — недоумевал Шеврье, а русский офицер, зная повадки англичан, кое-что понял, но промолчал, не желая выдавать себя.

— Там несчастных невольников передают на кофейные, сахарные и хлопковые плантации.

Михаил уточнил:

— А почему их не возвращают домой, в Африку?

— Британцы говорят: это дело пустое, арабские работорговцы вновь их поймают и увезут. А в Индии их обеспечат работой и питанием, будут зорко охранять. Как-никак — это британская колония...

Шеврье озадаченно покачал головой:

— Что ни говори, англичане хваткий и увёртливый народ. Нам, французам, до них далеко... — он взглянул на соседа. — И вам, русским, есть чему у них поучиться...

Михаил не стал ни возражать, ни соглашаться. К чему? Зная тех и других ещё по рассказам покойного отца — мелкопоместного дворянина Ивана Венюкова, воевавшего с французами в войну 1812 года, бравшего Париж, дважды получившего ранение и вышедшего в отставку в чине майора. Его сын, получив домашнее, «начальное» образование, решил продолжить семейную традицию и был принят во второй класс Петербургского кадетского корпуса.

Окончив его, он был оставлен там репетитором физики, параллельно вольнослушателем, посещая лекции в Петербургском университете, затем поступил в Академию Генерального штаба. А именно в эти годы вспыхивает Крымская война, хотя она была не только в Крыму. Англичане и французы пытались захватить Камчатку, но получили достойный отпор от наших моряков и солдат под командой вице-адмирала Завойко. Граф Муравьёв рассказал об этом Михаилу, когда тот, окончив учёбу в Академии, год спустя, то пешком, то верхом, то в телеге, добрался в Иркутск, к месту службы.

Но, как и каждый, горячо любящий свою родину россиянин, Михаил зачитывался «Севастопольскими рассказами» Л. Толстого. И на всю жизнь запомнил эти строки: «Сотни свежих, окровавленных тел людей, за два часа тому назад полных разнообразных, высоких и мелких надежд и желаний, с окоченелыми членами лежали на росистой цветущей долине, отделяющей бастион от траншеи, и на ровном полу часовни Мёртвых в Севастополе... Сотни людей — с проклятиями и молитвами на пересохших устах — ползали, ворочались и стонали»...

А все эти сотни и тысячи русских людей погибли там по вине англичан и французов, сорок лет назад завершивших междоусобную войну 1812 года, потом объединивших усилия и коварно напавших на Россию. Можно ли об этом забывать? И чему тут завидовать?..

3

Но стоило пароходу оказаться вблизи Мальдивских островов, поднялся ветер. Вскоре он так окреп и разгулялся, что волны захлёстывали палубу. Шторма, слава богу, не случилось, но ветер, не утихая, всё бушевал и неистовствовал. А ближайшей ночью четырёх пассажиров смыло за борт. И Михаил той же ночью едва уцелел от налёта разгулявшей стихии. Океанская горько-солёная волна окатила его с ног до головы, залила нос, рот и уши, его спасла лишь дверь каюты, за которую он успел ухватиться. И помогли соседи. Только при подходе к знаменитому экзотическому острову Цейлон (теперь это Шри-Ланка), возникшему на горизонте, как огромное, туманное облако, океан заметно угомонился.

Причалив к берегу в большом порту Point-de-Galle (куда деваться от французов!), пассажиры охотно сошли на берег. Во-первых, они смертельно устали от жуткой качки и кошмарных переживаний, а потом — манящие, волшебные слухи о фантастической природе острова, его щедрые дары неудержимо влекли публику. Всюду высились пальмовые леса, заботливо оберегая небольшие рисовые поля. За ними виднелся причудливый буддийский храмик, а дальше совсем по-хозяйски размещалось бунгало (ферма) рачительного шотландца. Правда, не обошлось без непременного ботанического сада, где пышно цвели мимозы. Но Венюкова, конечно же, интересовала тамошняя армейская служба.

Мимоходом отделавшись от бойкого француза — тот отправился в столицу острова за покупками, — Михаил пошёл искать казармы. И вскоре нашёл. Ему хотелось увидеть, как содержатся простые солдаты. Оказалось, что вполне достойно. Все помещения были чисты и просторны. Обилие света, свежего воздуха его искренне порадовало. В отечественных казармах такого не было. Затем он не преминул осмотреть ещё и береговые укрепления, но голод давал о себе знать, и вездесущий подполковник отправился обедать в известный «Oriental-Hotel» (гостиница «Восток»). Но здешняя кухня, против ожидания, оказалась весьма посредственной, ничем не восхитившей и не поразившей его.

Насытив желудок, Михаил, наняв экипаж, поехал в столицу острова — город Коломбо. И не напрасно. Известный всему миру уголок «земного рая» не мог не восхитить его: роскошная, изо всех щелей стремящаяся к небу растительность невольно заставляла думать о неиссякаемой природной силе, желании жить и плодиться. А местные жители, называемые «сенегальцами», были удивительно стройны и красивы. По слухам — так выглядят дети от смешанных браков с португальцами. Ими нельзя было не восторгаться.

А вернувшись на пароход, чтобы отправиться далее, он заметил, что там стало свободнее. Какая-то часть спутников освободила каюты: кто-то (пастор со своей строгой супругой) остался на острове, кто-то (молодая вдова) перебралась в Индию — благо, она была под боком, а кто-то устремился даже в далёкую Австралию. Плавание через Бенгальский залив и Малаккский пролив прошло вполне мирно и спокойно. Дамы занялись шитьём, вязанием и чтением книг. Мужчины играли в карты, писали письма и вели дневники...

Но по мере приближения к Сингапуру, позабыв обо всём, большинство высыпало на палубу: живописный вид множества самых причудливых, доселе невиданных островов поражал и будил любопытство.

— Вот, это да! — восхищался Шеврье. — Представляю, что мы увидим в самом Сингапуре! Мне так и не удалось там побывать — всё время плыл мимо...

Михаил многое знал о самом острове и необычном городе, ставшим легендой не только среди моряков и пиратов, но и между простых обывателей.

— С моря мы его не увидим, — охладил он пыл француза, — пароход наверняка бросит якорь в узком проливе, возле пристани...

— А как же нам быть?

— Взять на пристани дрожки с зонтом и ехать туда. И не забудьте прихватить побольше денег... Но будьте всё время начеку!..

— В Сингапуре много воров и бандитов? — насторожился коммерсант.

— Не только... — Венюков улыбнулся. — Здесь уйма фальшивомонетчиков. Они подделывают всё: фунты стерлингов, пиастры, доллары, рубли, талеры, гульдены... И привозят их из Шанхая и Гонконга. Не меняйте свои деньги на здешние.

Он оказался прав: пароход на сутки сделал стоянку в тесном проливе. Здесь пассажиров ждали и были готовы оказать им кое-какие услуги. Слава о злачных местах, готовых радушно принять, сытно накормить, ублажить гостей «золотыми» кольцами с «бриллиантами» и «сапфирами», а заодно сбыть им несметное количество поддельных банкнот, — делала своё дело. Но вразумлять их, сдерживать аппетиты и жажду похвальбы — затея зряшная.

Наняв дрожки с непременным зонтом — иначе поездка могла обернуться трагедией (оба помнили несчастного, погибшего от солнечного удара), — бравый подполковник и коммерсант отправились в легендарный Сингапур, когда-то бывший хвалёным прибежищем всех пиратов и работорговцев. Но эти славные времена ныне ушли в прошлое — теперь город гордился своим ботаническим садом, множеством китайских лавок с самым невероятным товаром, шикарной гостиницей в новейшем европейском стиле. Правда, нищих и бездомных на улицах тоже хватало...

Наши герои, зайдя в одну из лавочек, накупили там целую корзину розовых манго — «райского», как называл его в дневнике Венюков, плода, «который по вкусу превосходит все другие произведения растительного царства»... Но время было отправляться далее.

4

На пароходе вновь сменилась часть пассажиров. Разумеется, русских среди них не было, большинство оказались англичанами и французами. Но среди новичков появился богатый китаец, к удивлению и зависти всех, снявший самую дорогую и просторную каюту первого класса. Высокий, тучный, щегольски одетый во всё белое, щедро надушенный парижскими духами, с огромным бриллиантом на золотом перстне, говорящий по-французски...

— Надо же! — поразился Шеврье. — Кто бы это мог быть?

— Наверняка торговец опиумом из Сайгона, — предположил Михаил, — они оптом скупают это зелье и развозят всюду. Он мог бы откупить весь пароход — что ему эта каюта!

Коммерсант тут же отправился к капитану и спустя полчаса, найдя на палубе подполковника, поделился с ним:

— Вы правы... Капитан рассказал мне, что этот китаец скупает опиум в Кохинхине, на тамошних плантациях, и потом везёт его во все концы...

Михаил напомнил:

— А Кохинхина, между прочим, французская колония. И ваша администрация смотрит сквозь пальцы на эти проделки, зато постоянно укоряет англичан за то, что они травят китайцев опиумом...

Шеврье попытался оправдаться:

— Я спрашивал об этом капитана, но он сказал, что охранять порядок и содержать на данной территории артиллерию и солдат буквально не на что. Потому губернатор разрешил, где возможно, разводить мак, но не продавать его дома, а только на вывоз... — вздохнул и прибавил: — Это даёт два миллиона в казну...

— Ну, вот вам и ответ! — засмеялся Венюков. Француз пожал плечами.

Океан, точнее, Южно-Китайское море вело себя вполне спокойно, ни штормов, ни шквалов в начале июня не наблюдалось. Пароход приближался к южной оконечности Индо-Китайского полуострова. Известная Кохинхина, захваченная французами в 1859 году, находилась именно там. Земля и климат в ней были на редкость щедры и благодатны. Местные жители, называемые аннамитами, три раза в год собирали богатый урожай риса. Но в 1867 году они подняли восстание, которое было жестоко подавлено, конечно же, колонизаторами. А местные жители, те самые аннамиты, что значит — «умиротворённые южане», — будто бы угомонились, хотя они носили это имя уже не одну сотню лет и французы тут совершенно ни при чём.

Большую остановку предполагалось сделать в Сайгоне. Здесь находился дом губернатора, префектура, монастырь, солдатские и полицейские казармы. Всё это, по мнению Михаила, являло собой «редуты» (т.е. всесторонние укрепления) европейской цивилизации.

Когда пароход вошёл в просторную, очень удобную бухту, на берегу уже толпился народ. Большую часть, естественно, представляли европейцы, хотя среди них теснились и китайцы, одетые в «цивильные» костюмы. Они с несказанным почётом встретили своего земляка опиумоторговца. Впрочем, никто, кроме русского пассажира, этому не удивился. И юная монашка, вместе с кучкой соплеменников, тоже покинула свою келью-каюту — её с нетерпением ждали в монастыре...

Сам город произвёл на Венюкова скорее тягостное, чем восторженное впечатление. Он представлял собою заштатные, кое-как застроенные жилые кварталы, в которых располагались десятки французских авантюристов, содержавших пару-тройку жалких кафе, лавки с гнилым товаром, цирюльню для офицеров и матросов и непременный кабак.

Несколько тысяч аннамитов прозябали в тростниковых хижинах, крытых соломой. А вот китайцы жили отдельно, вёрст за семь от центра, где стоял самый огромный дом их богатого земляка. Он находился под неусыпной охраной, ибо часть дома занимала полицейская префектура. Солдаты же, вместо казарм, населяли какие-то сараи, а матросы, дабы жить поближе к родной стихии — располагались в негодных, вышедших из строя парусных судах, стоявших на приколе. Зато таможенники и жандармы неустанно курсировали на паровых катерах, преследуя и тщательно опрашивая всех встречных и поперечных, чтобы не допустить никакой крамолы.

Михаила, помимо прочего, интересовали культурологические усилия французской администрации. Что она сделала и делает для нравственного сближения европейцев и здешних аборигенов? Оказалось, что почти ничего. Завоеватели лишь сердились, что трудно «цивилизовать» аннамитов, ибо они «заражены конфуцианством и предпочитают китайскую грамотность европейской». Но больше всего колониальное начальство негодовало на то, что аборигены всячески увиливали от налогов, чему способствовала их давняя, неискоренимая традиция. Дело в том, что аннамиты на протяжении всей своей жизни меняли собственные имена: при рождении человека зовут так, при появлении зубов этак, по достижении половой зрелости ещё как-то, а стоит ему жениться — его именуют совсем иначе и т.д.

У французских чиновников мутилось в головах — как брать с человека налог, если он записан в реестре под одним именем, а полгода или год спустя его называют по-другому? И этих чёртовых туземцев невозможно убедить или заставить вести себя цивилизованно, подобно их европейским хозяевам. Больше сотни лет всеми правдами и неправдами они пытались сделать из них некое подобие самих себя, пока аннамиты, которых потом называли вьетнамцами, не изгнали своих «благодетелей»...

5

Но стоило пароходу покинуть Сайгон, как резко сменилась погода. Хлынули проливные дожди. Причём каждый ливень вначале сопровождался резким порывом ветра, но с первыми струями дождя он тут же исчезал, и водяные потоки падали совсем отвесно, словно жидкий занавес. И, помимо него, вокруг царила полная тишина, лишь неумолчный стук пароходной машины давал о себе знать. Но за месяц Михаил к нему привык и не замечал.

Кроме вездесущего коммерсанта-француза, он сблизился с неким врачом, голландцем Герстом, оказавшимся на судне в Сайгоне. Отнюдь не профессия нового приятеля привлекла Венюкова, а место его службы. Тот работал в городе Нагасаки, в японской больнице. И очень любил эту страну, возможно потому, что его услуги там недурно оплачивались. Очередное знакомство для нашего героя наверняка не будет лишним...

Судно неуклонно двигалось на северо-восток, слева иногда виднелись пышные берега Индокитая. А над морем часто стелился густой туман. Но однажды из него навстречу «Камбодже» показался пароход «Тигр» той же французской компании. Они обменялись сигналами, и через несколько минут вахтенный матрос сообщил Венюкову — на «Тигре» направляется в Европу из Китая русский посланник. Михаил лично знал его, но сделал вид, что лишь слышал о таковом.

Крупных городов и селений по ходу судна не встречалось. Но как-то поздним вечером в окне каюты замелькали яркие огни. Наш герой подумал, что это город Бинтуань — последняя остановка на пути в Китай. Накинув халат, он вышел на палубу. Однако это оказались сотни ярких рыбацких фонарей. На узких, юрких джонках их хозяева без устали сновали по бухте и в устье реки, умело ловя острогой рыбу, устремившуюся на манящие огни...

А сам город, располагавшийся поодаль, освещался весьма скудно. И осматривать в нём какие-либо достопримечательности не имело смысла — их попросту не было. Загрузившись углем, ранним утром пароход отправился далее. Теперь путь его лежал на восток. И сутки спустя на рассвете в густом тумане показался остров Хайнань. Огромный, с внушительной горной вершиной посредине, самый большой по площади помимо всех других.

С него начинался сам Китай, и здесь уже хозяйничали британцы. После поражения в Первой опиумной войне маньчжурская династия Цин позволила им всё разграбить. И победители этим блестяще воспользовались. В порту стояли британские суда, и повсюду звучала английская речь. Береговые батареи, разрушенные оккупантами двенадцать лет назад, уже во время Второй опиумной войны, так и стояли в руинах — восстанавливать их было запрещено.

Как ни странно, но в те, ныне забытые времена, о которых идёт речь, пассажирские пароходы ходили по расписанию. Оказалось, что «Камбоджа» опережала его на целых двенадцать часов. И многие пассажиры, конечно, этому обрадовались — появилась возможность отдохнуть от качки, побродить по незнакомым окрестностям, любуясь щедрой субтропической природой с вечнозелёными пальмами и сикоморами. Ведь рядом был экватор!..

Но прозвучал сигнал к отходу. Оказалось, что на борту, в отдельной каюте, размещался один из важных начальников французской эскадры и ему нужно было срочно добраться до Гонконга. Там его ждало американское судно, на котором он должен был следовать куда-то дальше. Большинство казалось недовольным, но Венюков этому порадовался: неужто замаячила вероятность увидеть ещё что-то интересное и нужное? Раздался прощальный гудок парохода, убрали трап, за кормой натужно завертелось огромное маховое колесо, по-хозяйски окунулись в воду, наперебой заплескали его широкие лопасти, судно медленно отчалило от причальной стенки...

6

До Гонконга пароход добирался почти сутки. Когда «Камбоджа» начала швартоваться в просторной гавани — та оказалась сплошь забита китайскими лодками-сампанами. Когда пассажиры высыпали на палубу, матросы и бывалые путешественники предупредили новичков, чтоб были внимательней и осторожней. Врач Герст предостерегал Венюкова:

— Здесь масса воров и разбойников. Нигде не ходите по одиночке, если у вас с собой нет оружия.

— Они нападают даже на городских улицах, — подтвердил Шеврье.

— Да. Прямо средь бела дня, — голландец усмехнулся, — бросают в глаза щепоть табаку и обирают несчастного до нитки. Могут и придушить...

Венюков кивком указал на пристань:

— Но я вижу там полицейских. Их, по-моему, здесь достаточно... — внизу, и вправ-

ду, хватало полицейских агентов. Они окриками и жестами вынуждали лодочников держаться подальше от берега. Михаил спросил врача: — А если кто-то хочет нанять лодку? Как ему быть?

— Нужно обратиться к агенту, он и договорится с хозяином сампана.

И в самом деле — пассажиры с вещами окликали агентов, и те знаками и криками подзывали к себе лодочников. Названный владелец разом налегал на вёсла, и лодка тут же утыкалась носом в берег. Подскакивали грузчики, складывали вещи в сампан. Клиент в присутствии полицейского платил и отправлялся куда следует.

Но Михаил, в отличие от своих новых друзей, не собирался сходить на берег. Он уже договорился с капитаном, что тот сведёт его с начальником эскадры. Его не оставляла мысль побывать в материковом Китае. Как-никак они оказались недалеко от устья прославленной «Жемчужной» реки и города Кантона. А ещё пару десятков лет назад там кипели жаркие морские и речные битвы между англо-французами и китайцами, вошедшие в мировую историю. Венюкову хотелось видеть их следы...

Вблизи «Камбоджи» уже стоял американский пароход. Дежурный матрос проводил «торговца углем» в каюту, где находился начальник французской эскадры. Они заочно были известны друг другу, и знакомиться ближе, что-либо просить и объяснять — нужда отпала. Михаил только пожелал увидеть знаменитую реку — третью по величине в Китае — и город, не менее славный...

— Хорошо, — согласился высокий морской чин, — но я не могу уделить вам внимание... — он чуть усмехнулся. — Ждут дела...

А Венюков был этому несказанно рад, изо всех сил стараясь не подавать виду. Тщательно скрывая все свои намерения, он в этом явно преуспел, но терять бдительности всё-таки не стоило. Американское судно, тем временем, благополучно вышло из гонконгской бухты на юг и направилось к устью желанной реки. На пути его встретила целая россыпь или архипелаг самых разнообразных и разновеликих островов...

Они разительно отличались от виданных ранее близ легендарного Сингапура. То поразительно высокие, то, наоборот, очень низкие, эти участки суши вольно разбросались по морю и наблюдались в широкой дельте самой реки. Она же виделась необъятной.

— Её называют Bocca-Tigris (Пасть тигра), — с улыбкой сообщил гостю высокий морской чиновник.

— Вот как? Но она не кажется ни алчной, ни хищной, — возразил Венюков. — Может, на самом дне её таится целое скопище острых скальных пород? — предположил он. Чиновник продолжал улыбаться:

— Вовсе нет, — он указал на ближайший правый берег, — вон там — видите — остатки укреплений. За ними когда-то стояли пушки — целые батареи разнокалиберных орудий, — и в самом деле, на высоком берегу были видны развалины крепостных стен и бастионов. — Двадцать с лишним лет назад мы с англичанами их обстреляли и всё сокрушили, — он показал налево, туда, где едва виднелся противоположный берег. — Там тоже стояли батареи. Их больше нет. Англичане настрого запретили китайцам всё возводить заново...

Михаил догадливо усмехнулся:

— Так вот откуда это название — Тигровая пасть. Ею она когда-то была, а что теперь? Похоже — одно воспоминание...

— Вы правы, — согласился собеседник, — зато теперь китайцы открыты всему миру, — он скупо улыбнулся. А Михаил подумал, что такая открытость вряд ли пойдёт на пользу этому трудолюбивому и мирному народу.

Пароход вошёл в гавань, не спеша повернул на запад и причалил к пристани, от которой начинался сам город Кантон. А чуть поодаль, через неширокую протоку, располагался небольшой остров, где стояли дома в европейском стиле. Целый квартал...

— Это одна из наших концессий, — пояснил морской чиновник и добавил: — Вы можете сойти на берег и осмотреть город, я вам дам провожатого, а у меня дела.

7

Провожатый-француз, почти ровесник Михаила, служащий концессии, судя по всему, хорошо знал город. Видимо, он прожил в нём не один год. Первое, что пришло ему на ум — взять паланкин и носильщиков.

— Зачем? — удивился Венюков. Француз пояснил:

— Иначе нельзя. Дорога ухабистая и длинная, а времени не так много... — он давал понять, что особо тут не разгуляешься.

Хочешь не хочешь, но гостю пришлось согласиться. Шестеро худощавых, крепких и мускулистых китайцев, одетых в подобия кафтанов и штанов, на ногах — изношенные сандалии, а на головах у них красовались тростниковые шляпы, похожие на зонтики, стояли справа и слева от высокого деревянного короба с четырьмя бамбуковыми

ручками. По обе стороны «паланкина» свисали лёгкие шторки, за ними — окна.

— Прошу! — любезно пригласил провожатый и чуть улыбнулся. — Этот паланкин называется «миньцзяо» — значит, он предназначен для обычных людей... — француз понимал, какой шок и волнение переживал его клиент.

Тому было не привыкать — в своих странствиях по белу свету Венюков насмотрелся всякого, но вместо лошадей ехать на людях приходилось впервые. Он отважно полез внутрь — в экзотическое средство передвижения. Внутри было две скамьи — одна против другой. Опустился на одну из них, а его провожатый сел напротив. Носильщики — трое спереди и трое сзади — накинули на плечи ремни и, словно по волшебству, подняли седоков на воздух. Они оба даже этого не заметили.

Подавив волнение, Михаил, отодвинув шторку, выглянул наружу: тесный, шумный восточный город, не таясь, открывал перед ним все свои красоты и несуразности, непривычные глазу. Но ему нужно было увидеть кое-какие важные детали и, в то же время, не возбудить никаких подозрений у соседа.

— Я где-то читал, что англичане двадцать лет назад разбомбили все крепостные стены города? — с праздным интересом полюбопытствовал он.

— Точнее — двадцать восемь лет, — подтвердил француз. — Хотите взглянуть?

— Если это возможно.

— Почему нет, — проводник выглянул в окно и что-то крикнул носильщику, идущему впереди.

Тот кивнул, давая знать, что понял приказ, и чуть свернул в сторону. Все шестеро зашагали крупной рысью, почти нога в ногу, но так уверенно и ровно, что седоки не испытывали даже малейшего неудобства. Примерно через час они приблизились к обрывистому, крутому берегу, над которым уныло возвышались каменные руины бывшей цитадели. Венюков мысленно прикинул величину пройденного пути — где-то километров семь. Всё это вполне укладывалось в английское описание города, бывшее у него.

Француз что-то скомандовал проводникам, паланкин тихо и незаметно опустился наземь. Седоки вышли из него. На обоих были шляпы-зонтики, как у носильщиков, — жгучее солнце никому не давало поблажки. Михаил в общих чертах, конечно же, знал все перипетии той опиумной войны, особо умелые действия англичан, ловко использовавших все просчёты противника...

Хотя крепостные стены, охранявшие город с моря, были длиной в пятнадцать километров и высотой метров восемь-девять, но пушки, когда-то стоявшие в их бастионах, и пушками-то назвать было нельзя. Это были средневековые «бомбарды», они производили больше шума и грохота, чем сеяли смерть. А опытный противник использовал здесь лёгкие передвижные орудия с нарезными стволами, стрелявшие много дальше и точнее.

И китайские солдаты, под командой маньчжурских офицеров, с мечами, пиками (вместо штыков) и фитильными ружьями, встретив сомкнутый строй сипаев (воинов-индусов, завербованных британцами), попросту терялись и не смели им противостоять, не говоря уже об ответных атаках чужих солдат. А те, сплошь вооружённые новейшими винтовками со стальными штыками, расправлялись с ними, как повар с утками...

Осаждённым даже не помогли тысячи сельских ополченцев «пинитуаней» (дружин усмирения англичан). Они на скорую руку вооружились тяжёлыми мечами, копьями, щитами и десятком фитильных ружей. А помимо ружей, пинитуани ещё пользовались луками. К стрелам крепили зажжённые фитили с зарядом пороха, он воспламенялся, и стрела летела втрое дальше. Однажды им даже удалось ранить двух солдат-сипаев...

Только противник, как правило, активно теснил их мощными ружейными залпами, орудийной пальбой и короткими атаками, в ходе которых британцы потеряли одного офицера. Он умер от солнечного удара.

— После заключения мира, — негромко сообщил проводник, — император выплатил англичанам шесть миллионов юаней...

— Это много или мало? — уточнил Венюков.

— Почти шестнадцать тонн серебра! Судите сами...

— Я где-то читал, что в одной из этих стычек английский офицер погиб от солнечного удара. Не слишком ли большая мзда за одного британца?

Француз пожал плечами:

— Британцы тоже понесли потери. Война есть война...

— И скольких людей они потеряли?

— Где-то около ста пятидесяти.

— А сколько было трупов у китайцев?

— По-моему, больше тысячи. Строгих подсчётов не вёл никто.

Михаил невольно взглянул на носильщиков. Все шестеро, будучи вышколенными

профессионалами, стояли молча и не шевелились. Казалось, они могли так стоять сутками — всё зависело только от желания нанимателей. Провожатый перехватил его взгляд и будто бы что-то понял.

— Безусловно, это ужасно, но что поделаешь? Их император не хотел идти на уступки, а британцы стояли на своём... Но китайцы довольно быстро пришли в себя... Хотите взглянуть на их обычную жизнь?

Венюков, не раздумывая, кивнул. Проводник что-то сказал носильщикам, те тут же накинули на плечи ремни, «впряглись», подумал Михаил, и они оба дружно полезли в деревянный короб...

8

Где-то час спустя «миньцзяо» вышли к бескрайнему устью «Жемчужной» реки. И то, что предстало глазам Михаила, потрясло его. Учась в кадетском корпусе, он много читал о знаменитой Венеции с её бесчисленными каналами и, живя в Петербурге, любил, когда выпадало свободное время, побродить вдоль Екатерининского или Крюкова канала, но то, что ему довелось увидеть теперь, — не шло с ними ни в какое сравнение!..

Трудно было подобрать слова к этому невероятному, небывалому зрелищу. Что это — город на воде? Вряд ли. Здесь нет свай, на которых стояли бы дома. Впрочем, нет и самих домов. Вся необъятная речная гавань была сплошь заполнена тысячами лодок-сампанов. Они стояли тесно, одна к одной, образуя целые кварталы. А между ними пролегли неширокие промежутки — подобия улиц. И не между средствами передвижения, а среди настоящих, капитальных жилищ. Населяют их целые семьи, вероятно, даже не одно поколение, многие тысячи отчаянных, терпеливых людей.

— Они имеют в собственности не только эту лодку, но и место, на котором она стоит, — пояснил Венюкову провожатый.

— То есть воду под сампаном? — удивился тот.

— Ну да... Для них это — родная колыбель, здесь они растут, набираются сил, женятся, сами заводят детей, стареют и умирают...

Где-то неподалёку загорланил петух. И вслед ему раздались десятки таких же заливистых, знакомых рулад. Совсем как в селе Никитино под Рязанью. У Михаила голова плыла кругом. Он, конечно, читал о китайских «плавучих» городах, но видеть это воочию — стоило многого...

— Кроме кур, они ещё держат у себя целые стаи уток, — прибавил француз, желая подогреть любопытство собеседника.

Солнце уже перевалило за полдень, и в водяном царстве стояла тишина. Но в крытых лодках-сампанах наверняка шла своя жизнь, постороннему глазу не видимая. Венюков посмотрел на шестерых носильщиков — они стояли, почти не шевелясь, часто поглядывая друг на друга, а по лицам было заметно, их что-то интересовало.

— Я никого не вижу, — удивился он, — неужели все жители спят?

— Почему спят? — француз пожал плечами. — Отправились ловить рыбу или искать жемчуг... Не забывайте — река-то Жемчужная...

И вправду, как её забыть? Сам город Кантон и его дивное плавучее подобие стояли на реке, имеющей такое заманчивое имя. Кто им не прельстится?..

— А как же их сампаны? Они стоят на месте... Неужели все пошли пешком?

— У них есть ещё небольшие лодки-джонки для плаванья по реке и морю, — проводник достал из кармана часы. — Но нам, пожалуй, пора. Скоро мой шеф вернётся...

Ничего не поделаешь — пришлось подчиниться. Седоки поместились в паланкин, и носильщики умело и проворно доставили их куда следует. По дороге Михаил думал, что экскурсия оказалась не столь продолжительной, но познавательной и захватывающей. Она подспудно наводила на разные мысли...

Что заставляет людей, родившихся и живших за тысячи вёрст от друг друга, сходиться в жесточайших битвах, яростно истребляя себе подобных? Он вспомнил рассказы отца о битвах с французами и невольно глянул на своего соседа: вполне приличный, средних лет чиновник. Такой же, как и он сам. Доброжелательный, спокойный, отзывчивый... Помнит ли он о той войне, которая шла на полях России между его соотечественниками и теми, кого они называли «русскими варварами»? Кстати, и британцы, принесшие столько бед тем, чьим жилищам они оба только что удивлялись, тоже были врагами французов в той войне, а сейчас они вместе обирают аборигенов. И пока между ними царит мир и согласие. А пятнадцать лет назад так же дружно они воевали в Крыму и на Камчатке...

9

В Гонконге, куда вернулся Михаил после вояжа в Кантон, «Камбоджа» мирно стояла у причала. Врач и коммерсант приветливо встретили его.

— Ну, каковы ваши впечатления от многострадального Кантона и знаменитой, бо-

гатой реки?

Венюков, намерено опуская подробности о разрушенной крепости, поведал о небывалом городе, раскинувшемся на воде. И людях, обречённых вести там свою жалкую, неприкаянную жизнь в утлых лодках-сампанах... Как ни странно, его волнующий рассказ не произвёл на собеседников никакого впечатления.

— Мы узнали потрясающие подробности об ограблении здешнего банка! — горя нетерпением, выложил Шеврье. — Это достойно авантюрного романа...

— Банка в Гонконге? — переспросил Венюков. — Прямо средь бела дня? А кто — европейцы или китайцы?..

— Конечно, местные разбойники, — подхватил врач, — и не днём, а ночью...

Банк находился в европейской части Гонконга и бдительно, круглосуточно охранялся. Как смогли китайцы организовать на него налёт, если после захода солнца в эту часть города не допускался ни один из них без фонаря и пропуска от полиции?..

— Они сделали подкоп! — сообщил Шеврье. — Причём из того района, где жили сами... Уму непостижимо!..

— А там почти скальный грунт, — авторитетно добавил Герст, — представляете, каких усилий и трудов это стоило?..

— А сколько китайцев здесь живёт? — спросил Веников.

— Больше ста тысяч, — ответил голландец. — А британцев — две с половиной...

— И сколько денег они заграбастали? — вновь полюбопытствовал Михаил.

— Говорят, что огромные суммы в серебре...

И всё это случилось в минувшее воскресенье, когда не только английский банк, и другие конторы бывают надёжно заперты и совершенно пусты. Венюков подумал, что соучастниками в этом грандиозном воровстве могли стать так называемые «компрадоры», то есть местные китайцы, работающие кассирами и уборщиками. Иначе откуда грабителям знать, когда и как работает банк? Но говорить об этом вслух ему не хотелось.

— Мой проводник в Кантоне рассказал, — спустя минуту поделился он, — что после Первой опиумной войны англичане заставили императора выплатить им восемь миллионов юаней, значит, почти шестнадцать тонн серебра!..

— А Вторую опиумную войну англичане начали отсюда, — напомнил голландец. — В Гонконге она вспыхнула, а потом охватила весь Китай...

— Китайцы захотели вернуть своё серебро?.. — усмехнулся француз.

Врач пожал плечами, а Михаил попытался восстановить кое-какие детали:

— Здесь в порту пришвартовался английский пароход «Arrow», какой на нём был груз — неизвестно, но высоким китайским чиновникам донесли, что там много опиума, — он взглянул на Шеврье, — из вашей, кстати, Кохинхины... И ещё ходили слухи, что пароход частенько перевозит всякую контрабанду и вовсю потакает пиратам. Капитана и его помощников арестовали, упрятали в тюрьму...

— И что? — недоумевал голландец. — Разве это повод к началу большой войны?

— Повод был в том, что англичане требовали освободить заключённых, а китайцы — вплоть до самого императора — этому воспротивились. Тогда всё и началось. К англичанам вначале присоединились американцы, а затем французы. И целых четыре года шла война...

Вспоминать перипетии той позорной, хищнической войны никому не хотелось. Врач и коммерсант кое-что знали о ней, но весьма немного и наверняка думали, что новые факты откроют перед ними ещё более мерзкие подробности в действиях их соотечественников. А Михаил, видя это, не хотел обострять отношения. У него оставалось ещё несколько часов, чтобы потратить их с пользой для дела. Ему хотелось осмотреть так называемые Абердинские доки, где проходили срочный ремонт военные суда английской эскадры, бороздившие китайские и японские моря. Он смог узнать, что там могли поместиться больше двух десятков кораблей и даже броненосцы. А вот доступ туда иностранцам строго запрещён.

Но, на удачу, в порту, недалеко от стоянки его парохода, на трёх старых кораблях, стоявших на якоре, размещался британский военный госпиталь. Как его не осмотреть? Венюков прихватил с собой голландца Герста, врачу это тоже было интересно. И вместе с кучкой любопытных они поднялись на ближайшее судно. Благо, вход был разрешён всем... Увиденное поразило его. Опрятность, чистота, даже свежесть и прохлада воздуха в больничных каютах были просто непостижимы. И это в широтах, где всегда царит изнуряющая жара и зной! Он внимательно пригляделся: за окнами висели лёгкие бамбуковые шторы — они не пропускали солнца, зато ветер свободно проникал внутрь.

— Говорят, что они привозят лёд из Аляски... — пояснил Герст, обменявшийся кое-какой информацией с военным врачом. Михаил не поверил ушам — возможно ли перевозить за тысячи километров глыбы замёрзшей воды, которые за время доставки

становятся пусть не золотыми, то наверняка серебряными? Но прохлада была очевидной. Герст с заметным сомнением добавил:

— Но будто бы лёд ещё производят и здесь... Искусственно...

Венюков не стал допытываться. В самом деле: если британцы совсем недавно, пользуясь исключительным правом опиумной торговли, построили себе гостиницы и дворцы в Гонконге, Кантоне, Фучжоу, а некий мистер Джардинь воздвиг роскошный замок с великолепным парком на некогда голых скалах — то что для них какой-то корабль, везущий лёд?..

10

Пароход заметно обезлюдел. После нескольких, очень коротких стоянок на восточном побережье Китая в каютах осталось по одному пассажиру. Все другие сошли в Гонконге, Макао, Маниле и северокитайских портах. А «Камбоджа» взяла курс на восток, к проливу Формоза (теперь называемому Тайваньским). Он всегда пользовался дурной славой, как Ла-Манш, ведь за ним открывалось коварное Восточно-Китайское море, в котором частенько гуляли штормы и рождались свирепые, губительные тайфуны...

Но тревога капитана и команды оказалась тщетной — в проливе и далее их встретил полный штиль. А потом опустился густой туман, и пришлось изменить курс, чтобы не врезаться в скалы по ходу судна, повернуть на запад и потерять десять часов. Но туман, слава богу, наконец рассеялся. И несколько часов спустя ранним утром пассажиры увидели справа огромный остров Формозу (теперь Тайвань). Делать стоянки у него не предполагалось — следовало наверстать потерянное время, и никто не собирался здесь сходить на берег. Зато на горизонте появились живописные берега японских островов...

— Quel beau pays! (Какая красивая местность!) — поминутно звучало на палубе.

И в самом деле: то, что расстилалось перед глазами — так и просилось на полотно. А когда по обоим бортам парохода появились лодки японских рыбаков, доброжелательно машущих руками зевакам, толпившимся на палубе, — то радости последних не было границ. «Какой приветливый народ!» — думал и Михаил.

Восточно-Китайское море незаметно перешло в Японское, и через три дня «Камбоджа» приблизилась к городу Иокогама. Это был конечный порт назначения — дальше плыть уже некуда. В просторной, живописной бухте было тесно от иностранных судов, а на вершине ближайшего холма высилось английское посольство...

Венюков вместе с Шеврье и Герстом сошли на японский берег. Француз сделался заметно собранным и сосредоточенным: его волновали цены на шёлк и возможность закупки гренов (шелковичных червей). А голландец должен был следовать далее — город Нагасаки находился довольно далеко от места прибытия, на острове Кюсю. Там его ждала доходная служба в клинике и верная «мусме» (девушка-японка).

Михаил на пару с коммерсантом поселились в номерах «Hotel des Colonies» (гостиница «Колониальная»). Полуторамесячное скитание по зыбким гладям морей, слава богу, закончилось, можно было отдохнуть от надоедливой качки, однако расслабляться не стоило. Он был единственным русским среди окружающих. Британцы, французы, немцы, голландцы, американцы — их хватало везде и всюду, а появление какого-то русского субъекта могло означать только одно: наверняка это тайный агент, russian spy.

11

Минул год, как в Японии наступила «эпоха Мэйдзи». Кто-то называл её революцией, другие — государственным переворотом, третьи — реставрацией монархии. Загадочная, веками закрытая страна открыла границы иностранцам. Миссионеры, дельцы, авантюристы, искатели лёгкой наживы ринулись в Японию.

Заниматься какими-то подозрительными розысками — значило привлечь к себе опасное внимание. Михаил решил искать покупателей русского, сахалинского угля. И начальник французской военной эскадры однажды обратился к нему с вопросом — как заключить контракт для снабжения его судов русским углем? К кому следует обратиться? Придав себе чрезвычайно серьёзный и даже таинственный вид, Венюков ответил, что этот вопрос он передаст русскому Министерству торговли, и оно всё решит. Но прежде ему нужно объехать все японские и китайские порты, потом отправиться через Владивосток в Петербург, там явиться в Министерство торговли, обстоятельно всё доложить и, получив разрешение, вернуться обратно. И тогда сахалинский уголь появится везде. Как ни странно — мистификация удалась. Путь ему был открыт всюду. Михаил получил «карт-бланш» на поездки в любой уголок Японии.

Изучив японскую географию и картографию, Венюков занялся экономикой и торговлей. Тут ему вновь пригодился разбитной француз Шеврье. Его связи в японском коммерческом мире открыли Михаилу необычный ход всех сделок, совершаемых

европейскими коммерсантами. Англия, Франция и Америка держали под контролем продажу шёлка, яичек шелковичных червей, чая, фарфора, лакированных изделий и прочего. Они определяли цены и даже объемы ввоза европейских товаров, чтобы японский рынок не переполнялся чужими изделиями. И делали всё возможное, чтобы заставить японцев продавать свои продукты по низким ценам. Единственным товаром, который англосаксы не могли взять под свой полный контроль, был чай. Его плантации находились в местах, куда не допускались иностранцы. Причём из года в год их клятвенно уверяли, что урожай опасно падает.

У Михаила заканчивался казённый бюджет, в наличии осталось всего-то сто пятьдесят долларов. А ближайшие соотечественники — русские послы — находятся только в Китае. Придётся ехать в Шанхай, где пребывало русское консульство. Венюков купил билет на американский пароход «New York», стоил он пятьдесят долларов, и покинул Иокогаму...

12

На берегу показались длинные ряды огромных домов или дворцов, построенные опиумно-чайной аристократией Шанхая. Пристать к берегу не удалось — слишком мелкая вода не позволяла. Пароход окружили лодочники. Пассажиры образовали на палубе небольшую очередь, и Михаил привычно спустился в джонку. Он знал, что гостиница стоит на берегу и кивком указал на неё. Лодочник проворно навалился на вёсла.

Через пять минут лодка уткнулась носом в берег. А владелец пресловутого «Astor-house» уже стоял на берегу, любезно поджидая клиентов. Венюков, взяв поклажу, ступил на берег, и лодочник вылез за ним, ожидая платы. Он показал ему два пальца, что значило — ты получишь два шиллинга. Это была привычная такса. Но мелких денег у Михаила не оказалось, и он сказал об этом хозяину отеля. Тот должен был заплатить лодочнику и потом взять деньги у постояльца. Хозяин молча полез в карман, а Михаил направился в гостиницу...

Вошёл и услышал за спиной шум, гневные вопли и звуки ударов. Открыл дверь и увидел: хозяин таскает за косу китайца-лодочника, уже немолодого, тщедушного человека. Нещадно лупит его, однако тот вырывается и бежит. Владелец отеля взапуски несётся за ним... Не дожидаясь конца потасовки, Венюков спросил у служителя свободный номер и занял его. Через полчаса хозяин вернулся, запыхавшись, и на вопрос постояльца спокойно ответил:

— Этот наглец просил два шиллинга, а я дал ему два пенса.

— Но я ему их обещал и хотел вернуть деньги вам.

— Нельзя баловать этих негодяев...

Наблюдая за британцами ещё в Японии, Михаил уразумел: эти люди считают себя кругом правыми, и переубедить их невозможно, и никого наказания за рукоприкладство им не последует.

На утро следовало идти в русское консульство. Оно находилось в доме, хозяином которого был американец Герд, но флаг над ним висел русский. Венюкову сказали, что консула нет. Он решил обратиться к вице-консулу — тот был на месте. Но положение оказалось весьма щекотливым: вексель на имя Михаила ещё не пришёл, пришлось просить вице-консула Диксвелла открыть ему кредит на триста долларов, который тот покроет после получения векселя. Чиновник, скрепя сердце, согласился.

Получив деньги, Венюков вышел на улицу. Жара и влажность неотступно давали о себе знать. Он постарался трезво осмыслить своё положение. Будет ли на месте консул и когда? Ему не ответили. Значит, нужно отправляться в посольство, в Пекин.

На знакомство с Шанхаем Михаил потратил два дня. Потом купил билет на пароход до Тяньцзиня и вернулся в отель расплатиться. Там ему вручили счёт, где, помимо всего прочего, значились какие-то два шиллинга.

— А это за что? — недоумённо спросил он у служителя.

— Плата лодочнику, который вас сюда доставил...

13

Через пару дней пути вдали показался довольно большой порт и город. И тут пароход прочно сел на мель. До конечного пункта — города Тяньцзиня — оставалось версты полторы. Пассажиры, и Венюков в их числе, прихватив пожитки, покинули судно. По колено, потом по щиколотку в воде, все вышли на сухое место, а там уже стояли китайские одноколки и поджидали седоков. Михаил взял свободную, положил в неё поклажу и сел сам. Китаец-возчик не знал английского языка, но, глядя на пассажира, каким-то чудом понял, куда его нужно везти. И тут же направился в европейский квартал.

Слава богу, что тот находился недалеко от пристани, и седок, увидев дома привыч-

ной архитектуры, стал высматривать родимый трёхцветный флаг. А вот с этим случилась неувязка: проехав трижды из конца в конец, флага ни на одном из зданий он, увы, не обнаружил. Но, на удачу, встретился какой-то англичанин и показал, где находится Российское императорское консульство.

Это оказался приземистый, неказистый дом, похожий на усадьбу. Флаг на нём всё-таки был, но, сшитый из каких-то дерюг, он походил на старое шерстяное одеяло с почти неразличимыми полосами. Спустившись с одноколки и кивнув возчику, чтобы тот его ждал, Венюков подошёл к закрытым воротам и постучал. Из них вышел сторож-китаец. Кое-как переговорив с ним, Михаил отдал ему свою визитную карточку, сторож ушёл и вернулся с помощником консула. Пришлось вновь объяснять цель визита. Наконец, расплатившись с возницей и взяв багаж, он пошёл следом за помощником. Они миновали небольшой садик, в котором мирно расхаживали куры, подошли к передней консульского дома. Михаил глянул в отворённую дверь и увидел самого хозяина.

И тут же понял причину столь холодного приёма. Это был Скачков, с которым у него был старый, десятилетней давности конфликт. Венюков тогда управлял 2-м отделением Генерального штаба в Омске, а Скачков был нашим консулом в Дачене, китайском пограничном городе в Синцзяне. Он прислал срочное письмо на имя генерал-губернатора, в котором сообщал, что взбунтовалась большая киргизская орда и к ней примкнули кокандцы. Они взяли укрепление Верное (Алма-Ату), а все казачьи станицы в Заиилйском крае разрушены...

Но после проверки сообщение оказалось ложным. И, по распоряжению губернатора, Венюкову пришлось писать автору ответ: «Консулу в Чугучаке (так по-русски звался Дачен), коллежскому асессору Скачкову. Пользуюсь случаем, чтобы сообщить вам, что подобные базарные слухи нередко распространяются в Средней Азии людьми злонамеренными, которые на это имеют свои расчёты. Поэтому доверять им следует с осторожностью».

И теперь, глядя на него, Скачков бросил с иронической ухмылкой:

— А-а-а... Вот и вы! Нам о вас писали из Петербурга, и я всё дивился, как это Военное министерство посылает в Китай агентов, которые не знают китайского языка...

Михаил в долгу не остался:

— Я думаю — потому, что в армии нет таких офицеров... — он сделал паузу и прибавил: — А те, кто знает этот язык и состоит в Китае на службе, никогда ничего нужного военному министерству не доставляют... — консул отмолчался. — В данную минуту, — продолжил незваный гость, — беспокоить вас никакими вопросами не буду. Ибо я уже знаю, что в Тяньцзине есть образцовые китайские войска, арсенал и пороховой завод, которые я постараюсь осмотреть на обратном пути из Пекина, — он протянул ему конверт. — Вот вам мой паспорт, соблаговолите поставить на нём визу и содействуйте моему отъезду в Пекин.

— Хорошо, — холодно ответил Скачков, взяв конверт, — паспорт вам доставят в гостиницу, куда вас проводит этот человек, — он показал на слугу-китайца.

На этом и закончился его визит к официальному лицу, которое не пустило его дальше передней.

14

Поселившись в гостинице, Венюков после получения паспорта хотел ехать в Пекин, там написать жалобу на консула и отправить её в Главный штаб. Однако на следующий же день сам Скачков явился к нему, привёз паспорт и подорожную, выданную губернатором Тяньцзиня. Теперь Михаил мог отправляться в Пекин. А консул просидел у него часа полтора, болтая о том, о сём, но также сообщил, что завтра к его услугам будет лодка с гребцами, которые доставят его по реке в городок Тунчжоу, а там рукой подать до Пекина.

Они вполне любезно расстались, и Михаилу пришлось дожидаться утра. Утром явились за ним шестеро гребцов во главе с забайкальским казаком, которого присылали в здешнее консульство с почтой. Теперь он должен был возвратиться в Пекин. Кроме русского, он умел говорить по-монгольски, однако гребцы-китайцы каким-то образом его понимали.

Мало того, стоило лодке с навесом, под которым уместился Венюков, отчалить от берега, как десятки китайских джонок шумно преградили ей дорогу. Впереди был плавучий мост, и вход в него был перекрыт. Казак встал, прошёл к носу лодки и замахал руками. К удивлению Венюкова, четверо полицейских, стоявших на мосту, подали знак — один из плотов подвинулся в сторону, открывая проход. Туда и направилась лодка Михаила с казаком и шестью гребцами. Но джонки китайцев тоже устремились со всех сторон. Тогда полицейские пустили в ход бамбуковые дубины, нещадно колошматя бедных туземцев. Услышав их вопли, Венюков выглянул из-под навеса и

заметил своего казака в форме и при сабле, гордо стоявшего на носу лодки. Скорее всего, его бравый, победный вид оказал нужное действие. Полицейские не могли не уважить военного человека при исполнении. Проход открылся.

А вся водная дорога до городка Тунчжоу дала возможность Венюкову спокойно наблюдать жизнь и быт коренных жителей Срединного царства. По обеим берегам реки далеко расстилались крестьянские угодья, где созревал очередной урожай риса. Была уже середина августа, наступала пора спускать воду с полей. То тут, то там чернели согбенные тела хозяев, старательно оценивающих плоды своих неустанных трудов. Михаил не мог не восхищаться этими людьми и отметил в дневнике: «Её сыны остаются верными своим исконным обычаям и чувствуют себя членами одной семьи. Это служит залогом, что китайцы, сильные числом, не так легко поддаются обезличивающему влиянию западной цивилизации, как японцы или мы. Эта устойчивость Крайнего Востока меня радует».

Они плыли по реке Хайхэ, берега которой были невысоки, но обрывисты и состояли из илистого ила, называемого лёссом. Довольно часто им попадали на глаза огромные деревянные колёса, оснащённые длинными желобами. Они на четверть уходили в воду...

— Что это? — спросил Михаил у казака. Тот пренебрежительно усмехнулся:

— Это хитрые китайцы трудов себе убавили, — он махнул рукой, — воду они из реки черпают, свой рис без хлопот поят... Вот он и растёт, как на дрожжах...

А Венюков подумал, что не только его земляки, а многие иностранцы думают, что жители Поднебесной ловкий, увёртливый народ. И плодородная земля, чудом доставшаяся им, не требует никаких усилий — всё растёт на ней как бы без лишних забот. Хотя рабочий скот — быки и лошади — здесь редкость, а землю возделывают люди — киркой и лопатой...

И бросив взгляд на копошащихся в поле земледельцев, задался вопросом: «Если бы их хозяева взглянули на наши великорусские пашни? Какими бы варварами и лентяями обозвали бы они наших крестьян! И когда обе стороны, теперь далеко отстоящие одна от другой, сблизятся, узнают друг друга, скольким хорошим вещам разумные сыны человечества научатся у отсталых теперь китайцев! И сколько времени для это нужно?..»

Но вот усилиями шестерых китайских гребцов и бравого русского казака, вполне прижившегося здесь, лодка уткнулась носом в берег. Далее следовало добираться сухим путём. И расторопный казак мигом раздобыл повозку, в неё они оба и поместились вместе с багажом.

До Пекина было вёрст с десяток, и небо на западе, где находилась столица Поднебесной, уже заметно темнело. А спустя полчаса стали видны тоже тёмные, высокие стены города. На фоне ярко-оранжевого, опускающегося за горизонт солнца они выглядели почти чёрными. Но, на удивление, оказались совершенно целы...

15

Возчик-китаец, нанятый лихим казаком, привёз Венюкова прямо во двор русского посольства. Время было около шести часов вечера. Решив тут же представиться самому поверенному в делах, Михаил обратился к его первому помощнику и получил категорический отказ: господин Бюцов принимает только в утренние часы и являться к нему нужно непременно в мундире.

Услышав фамилию посла, Венюков вспомнил её обладателя. Он знал его ещё безусым юнцом, недавно выпущенным из иркутского лицея. Это было чуть больше десяти лет назад. Значит, теперь ему ещё нет тридцати. Однако все манеры и повадки важного чиновного лица он блюдёт другим на зависть. И готов перещеголять в этом всех.

Но любезный секретарь важной «персоны» предложил нежданному гостю довольно приличную квартиру в одном из флигелей посольского двора. Михаил смог умыться, переодеться и совершить небольшую прогулку вокруг дома, а потом вышел со двора... Лучше бы он этого не делал — соседняя узкая улочка кишела нечистотами. Мусор и грязь были повсюду. И в этих отбросах копался какой-то жалкий бедняк-китаец, палкой подцепляя остатки растительных и животных продуктов, и две собаки сидели поодаль.

За спиной Венюкова заскрипели и открылись ворота — четверо носильщиков вынесли небольшой паланкин с зашторенными окнами. В нём, как он догадался, сидел его давний знакомец Бюцов. И оказался прав: войдя во двор и встретив там секретаря, услышал от него, что господин посол отправился во французское посольство «отмечать день рождения Наполеона».

А секретарь по фамилии Гладкий пригласил его на обед в столовую посольства. Там Михаил, естественно, стал центром всеобщего внимания. И несмотря на то, что за столом не сидело начальство и отсутствовали дамы, разговор был очень сдержанным и

натянутым. Слава богу, что обед вскоре закончился.

Войдя к себе в «апартаменты», он улёгся на кровать и стал вспоминать прошлое: двадцатипятилетним поручиком, окончив Академию Генерального штаба, он отправился на Дальний Восток. Пять тысяч вёрст до Иркутска, где располагался штаб генерал-губернатора Муравьёва, ещё не удостоенного титула «Амурского», он добирался вначале в санях, потом в телеге, а далее — верхом и пешком по скверным, разбитым дорогам. Вся «одиссея» отняла полтора месяца. Транссиба тогда ещё не было и в помине...

И в начале мая 1857 года прибыл на место. Муравьёв принял его на службу в должность старшего адъютанта штаба войск Восточной Сибири. А спустя некоторое время Михаилу предложили участвовать в очередном сплаве по реке Амур. «Лучшего предложения в работе нельзя было бы сделать, — записал он в дневнике, — мечта моя быть на Амуре — сбылась!» И здесь же, в Иркутске, он впервые увидел будущего консула Бюцова. Его отец работал при штабе Муравьёва... Но тут его незаметно сморил сон.

Утром следующего дня, приведя себя в порядок и облачившись в мундир, Венюков отправился на официальный приём к давнему знакомцу. Но тот принял его в домашних туфлях, помятом пиджаке и с сигарой в зубах. Его рано облысевшее, зато надменное лицо украшали усы и небольшая бородка. С трудом скрывая гнев и неприязнь, Михаил представился и кратко рассказал о цели своего визита: в начале сентября в Пекин должна прибыть официальная почта из России. В ней должны быть бумаги на его имя и заодно денежный вексель.

Посол равнодушно кивнул, выпустив облачко сигарного дыма, и ответил, что господин подполковник может пользоваться его гостеприимством сколь угодно. Он готов ему содействовать. На том они и расстались. Кое-как смиряя досаду и законную злость на «чиновную сволочь» — так в душе он именовал подобных представителей этой чванливой касты — Михаил вернулся в своё казённое жилище. Хочешь не хочешь, но приходилось сносить и это, ничего другого пока не предвиделось...

И не желая впустую убивать время, он решил осмотреть город. Сняв мундир, переоделся в гражданскую одежду, сожалея об одном: из денег, взятых взаймы в Шанхае, у него не осталось и половины. Нанять одноколку, чтобы проехаться в центр, об этом даже не стоило мечтать. Пришлось пройтись по посольскому кварталу, заодно высмотрев трактир или «бистро», где можно недорого перекусить. Обеды в посольской столовой, хотя и бесплатные, стояли ему поперёк горла.

На улицах, довольно чистых и прямых, народу встречалось немного, и, конечно, это были лишь европейцы. Китайцы попадались очень редко, они словно чувствовали себя пришлыми или чужаками, которым здесь не место. Венюков помнил, что англичане и французы во время Второй опиумной войны не бомбили Пекин, как тот же Тяньцзинь. Но в период восстания тайпинов в 1851-1864 годах маньчжурские войска вместе с англичанами, американцами и французами истребили массу народа, превратив в пустыню и часть Пекина.

Теперь в столице Поднебесной было всё спокойно. Молодой император Тунчжи (Айсингёро Цзайчунь) проживал во дворце, когда-то безбожно ограбленном оккупантами и находившемся внутри Запретного города, куда не допускались посторонние. Айсингёро — по-маньчжурски «Золотой род», из него и происходили все нынешние властители Китая. Он был восьмым. А его мать, знаменитая, коварная, мстительная и самовластная Цыси (по-маньчжурски — Ниласы), держала в страхе весь двор. Слугам-китайцам даже запрещалось говорить на родном языке — в Запретном городе звучала только маньчжурская речь. Видимо, только здесь их господа чувствовали себя полновластными правителями.

16

Пройдясь по посольскому кварталу, Михаил неожиданно наткнулся на небольшой трактирчик, открытый поваром-французом. Здесь его ждала очередная удача — все блюда оказались европейскими, и цена за весь обед не превышала двух долларов. Поглощая омлет со спаржей, он всё-таки прикидывал в уме — на сколько дней ему хватит всех оставшихся денег? И почему до сих пор не прибыла почта из Кяхты, куда её направляет русское правительство?

Чуть «заморив червячка», Венюков заметил, что за соседними столами сидят англичанин и два немца, говорившие по-французски (тогда это был язык международного общения). Они изредка посматривали на него, явно не принимая за русского, поскольку весь разговор вертелся вокруг его родного, неласкового посольства. Оказывается, рядом с «вотчиной Бюцова» стоит посольство американское, и у недавнего посла Брауна были две дочери, которых пытались соблазнить русские сотрудники. Был громкий скандал, и Браун, забрав дочерей, уехал в свою «заокеанскую страну».

Потом разговор переключился на русского посла, который хотел завязать роман с

дочерью английского посла Олкока. Но лорд, с британской спесью и высокомерием, даже не пожелал Бюцова принять. Вначале эти подробности удивили Михаила — откуда они могли всё знать? Скандал, да ещё громкий — это понятно, его едва ли утаишь, а неудачная попытка русского посла? Может, дело вовсе не в дочери лорда?..

Видимо, русских здесь просто не любят. И с этой нелестной мыслью он покинул трактир и направился в свою обитель. Во дворе его встретил Гладкий, секретарь посольства, и сообщил: ту довольно сносную квартиру ему заменяют на другую — поменьше и похуже. Изо всех сил скрывая злость и раздражение, Венюков пошёл осмотреть своё новое пристанище.

Пара комнат, хотя в одной был камин, были тесны и не запирались. Но что прикажешь делать? Поднимать скандал и сделать своё пребывание в этом гнезде интриг и крючкотворства ещё более мерзким и нестерпимым? А как же его дальнейшая роль? С помощью секретаря перенеся в жалкий приют весь свой скарб, он утешил себя тем, что пребывание в нём скоро закончится.

И тут ему пришла в голову догадка: его присутствие здесь сильно тревожит посла. Ведь Михаил был фигурой немаловажной, но по другому ведомству, и как знать — зачем он явился сюда? Вдруг в военном министерстве всерьёз озаботились — как и чем занимаются чиновники русского посольства в Поднебесной? А те, опять же с подачи своих людей, могли знать, что Венюков когда-то исследовал пограничные области Китая. И у него случались конфликты с маньчжурскими властями...

Тогда, летом и осенью 1858 года, он на двух лодках вместе с унтер-офицером, двенадцатью казаками и переводчиком с гольдского (нанайского) языка отправился исследовать реку Уссури. А маньчжурские соглядатаи тайно следовали за ним. Уйгунский договор, определивший границу между Россией и Китаем, не был ещё заключён, и маньчжурские власти считали эти земли своими. Но в Поднебесной кипело восстание тайпинов. Её правителям не хватало сил, чтобы справляться со всеми проблемами. И появление на их якобы исконных землях команды русских военных, крайне тревожило тамошние власти...

А с местными тунгусскими племенами — гольдами, орочами, удэгейцами — они управлялись без особых хлопот. Попросту грабили и нагоняли страх на бедных туземцев. Венюкову часто приходилось слышать от них печальные, жуткие истории: маньчжуры раз или два в год навещают их и, нещадно колотя палками, забирают шкурки всех соболей, а потом бьют ещё и ещё, подозревая, что большую часть хозяева всё-таки припрятали. И гольды идут на поклон: сами выносят соболей сборщикам.

В одном селении пожилой гольд, увидев русских, задрожал от страха, приняв их за маньчжурских чиновников, но когда его успокоили и даже хорошо уплатили за взятые полмешка проса, он рассказал о своих бедах: два его брата и старуха-мать удавились с отчаяния — маньчжурские сборщики дани забрали у них всё, оставив без малейшего припаса...

Видя сочувственное, доброе отношение со стороны русских, местные жители ответили им дружелюбием и приязнью. Хотя маньчжурские шпионы неотступно следовали за экспедицией. А стоило русским лодкам уйти вверх по Уссури — они тут же устремлялись в туземные поселения и начинался безжалостный правёж...

17

Почта из пограничной Кяхты всё не приходила, и, чтобы скоротать время, Михаил изучал Пекин. К его немалому удивлению, сотрудники русского посольства плохо знали столицу Поднебесной, вопреки тому что многие прожили в ней несколько лет. И в посольской библиотеке не нашлось ни одной карты Китая, не говоря уже о планах столицы. А город был весьма велик и любопытен. Пешком его не обойдешь — приходилось брать извозчика. Хотя с деньгами было туговато, но Венюков нашёл выход.

Сблизившись с поваром-французом, у которого он регулярно столовался, предложил ему обменять на доллары десятка три наполеондоров и сотню русских целковых. Взамен получил две сотни долларов. Негусто, но всё-таки. Появилась возможность посетить Пекинский университет, где учились и сдавали экзамены будущие чиновники-мандарины. Потом побывал в русской монашеской миссии и осмотрел метеорологическую обсерваторию, которой заведовал немец Фриче.

А по возвращении в свою тесную обитель заметил, что в его бумагах кто-то старательно копался. Наверняка сотрудник или сотрудники пытались найти какие-то документы либо его дневник с нелестными для них пометками. Но он никакого «компромата» не оставлял в не запирающейся конуре...

Наконец, прибыла почта из Кяхты. В ней были инструкции и бумаги на имя Венюкова, но отсутствовал денежный вексель. По какой-то неведомой причине высокое начальство оставляло его без средств к существованию. Однако настаивало на дальнейшей «плодотворной» работе. Пребывание в этом гнезде интриг и козней становилось

нестерпимым. Позавтракав во французском трактире, распрощавшись с секретарём Гладким, Михаил без казака-провожатого, а с одним китайским возницей выехал в Тунчжоу.

Китайцу в посольстве повелели — найти лодку с гребцами, чтобы те доставили Венюкова в Тяньцзинь. А там он перейдёт под начало консула Скачкова. И не сопровождаемый никакими соглядатаями, прихватив свой небогатый скарб, с английской картой в руках, «торговец углем» привычно уселся в одноколку и отправился на встречу со знакомой рекой Хайхэ. Там он перебрался в лодку с шестерыми гребцами, поплыв вниз по течению, между обрывистых берегов, на которых уже не виднелись согбенные тела трудяг-китайцев. Весь рис был убран и огромные колёса, качавшие воду, стояли в унылом бездействии вплоть до следующего урожайного сезона.

Михаил, подав знак гребцам, иногда делал остановку, вылезал на сушу и производил буссольную съёмку, чтобы уточнить или подправить английскую карту. А гребцы, оставив вёсла, пользуясь случаем, мирно отдыхали или наспех перекусывали, с изумлением глядя на действия странного пассажира.

Через сутки с половиной показался город Тяньцзинь и огромная бухта, на берегу которой он раскинулся. Заплатив гребцам и ступив на берег, Венюков пошёл в ту же гостиницу у пароходной пристани, где жил почти месяц назад. Заселился в подобный же номер, перекусил в буфете и лёг отдыхать. На душе у него было смутно: ему надлежало осмотреть пороховой завод и выяснить, как идут здесь торговые дела? Можно ли подключить к ним русских купцов?

На следующее утро он отправился в консульство к старому знакомцу Скачкову. Тот, увидя нежданного посетителя, не только не обрадовался, но на все его пожелания дать ему отчёт о ходе русской торговли — отговорился большой занятостью.

— Но тогда я хотел бы осмотреть здешний пороховой завод, — не сдавался Михаил.

— И чего вы хотите от меня?

— Вашего содействия.

И здесь Скачков якобы ничем не мог помочь. Такого категорического отпора Венюков не ожидал, и другой в его положении наверняка бы растерялся.

Михаил вдруг вспомнил: в Тяньцзине же есть американское консульство, и в гостинице, проходя мимо биллиардного зала, краем уха он уловил стук биллиардных шаров и английскую речь. Не теряя даром времени, сдержанно распрощавшись со Скачковым, он срочно вернулся в отель. Но вместо искомых американцев при входе неожиданно столкнулся с осанистым, солидным мужчиной и каким-то неведомым чутьём уловил: «Это свой!»

— Простите! Вы русский?

— Конечно! — здоровяк осклабился. — А что, не похож?

— Наоборот! — Венюков искренне обрадовался. — Я никак не ожидал встретить здесь земляка. Какими судьбами вы в Поднебесной?

Они вышли на улицу. Случайный встречный оказался богатым купцом Старцевым, о котором Венюков кое-что слышал. Торгуя китайским чаем через Тяньцзинь, Калган и Кяхту, он зарабатывал миллионы. Но пообщаться с ним пришлось накоротке — купчина куда-то спешил. В самое ближайшее время условились свидеться. Венюков даже приободрился — кто, кроме этого хваткого богатея, может снабдить его самой нужной информацией? Куда до него Скачкову!..

18

— По-моему, намеренно или случайно, их учат не совсем правильно, — Михаил с сомнением смотрел на американского инструктора. — Они нехотя исполняют все команды и часто невпопад... Может, я чего-то не понимаю? Почему они называются образцовыми?

Стоявший рядом инструктор снисходительно перевёл взгляд на шеренгу китайских рядовых. Одетые в подобия широких шаровар и мешковатые, перепоясанные ремнями куртки, они, с трудом соблюдая строй, оживлённо болтали меж собой, совсем не обращая на них внимания. Американские ружья кто-то держал у ноги, кто-то — на плече, и все, как один, производили впечатление, скорее, крестьян-ополченцев, чем солдат регулярной армии.

— Ничего страшного! Какое нам дело — уважают они или нет своих офицеров? — янки сплюнул. — Мы их учим ружейным приёмам, маршировке и строевым командам. И чем скорее они разбегутся от наших выстрелов, тем лучше! Нам хлопот станет меньше, разве не так?

Его откровенный ответ покоробил Михаила. Этот очередной знакомец, с ним он сошёлся в биллиардном зале гостиницы, сам пригласил его присутствовать на учениях образцовых китайских войск. И «торговец углем» наблюдал эти учения не однажды. Кстати, завод по изготовлению пороха и артиллерийский арсенал, где делали лафеты

и отливались орудия, ему тоже удалось посетить. Он располагался в бывшем буддийском монастыре. Ничего нового и необычного там не было.

Однако условленная встреча с купцом Старцевым превзошла все ожидания. Сидя в его просторном, дорогом номере, Венюков, старательно играя роль начинающего русского коммерсанта, внимательно выслушивал советы и прогнозы тёртого предпринимателя. Собеседник с неудовольствием заметил:

— Сухопутную торговлю с Китаем надо прекращать! Не те настали времена.

— Неужели? А почему?

— Я на досуге посчитал, — Старцев сокрушённо вздохнул, — провоз тонны товаров из Шанхая в Москву через Таньцзинь, потом по суше через Калган и Кяхту обходится в восемь раз дороже, чем в Одессу через Суэцкий канал, будь он трижды неладен!.. — (Венюков тут же вспомнил своё путешествие перед началом его открытия). — И торговать здесь стало невыгодно, особенно нашими сукнами, — купчина махнул рукой. — Надо отсюда совсем убираться! Не ждать добрых перемен...

— А не рано ли?

Старцев подумал и объяснил:

— Проклятые англичане своими товарами здесь всё завалили и сукнами тоже... — Михаилу хотелось утешить собеседника, но тот хитро взглянул на него и добавил: — Часть нашего сукна я продавал в Монголии, в Калгане. А теперь придётся покупать здесь сукно английское и везти его туда.

— В Монголию?

— Ну да. Не пропадать же от голода! Хотя барыш будет невелик, а делать нечего. Нечего ждать погоды у моря, даже у Восточно-Китайского...

Венюкову подумалось, что этот хитроумный, хваткий человек едва ли падёт духом и не найдёт применения своему уму и деловым хваткам. Жаль только, что Россия не имеет таких людей в достаточном количестве.

Проведя в Тяньцзине больше недели, он выполнил все наказанные ему инструкции. Консул Скачков, видимо, всё же испытывал некоторую тревогу, по причине своего нежелания помочь сотруднику военного ведомства. И накануне отъезда Венюкова пришёл к нему в номер. Но Михаил принял его сухо и неохотно. Спустя полчаса они расстались, рассорившись вконец...

19

В Шанхай он плыл на американском пароходе другой кампании, и его палубные надстройки были пониже, что позволяло отлично видеть морские пейзажи. То тут, то там встречалось множество английских военных судов, и пассажиры поговаривали, что вскоре должна появиться целая летучая армада, которая ежегодно «показывает британский флаг». Она станет перемещаться повсюду, внушая окружающим изумление и трепет.

В огромную бухту, на берегу которой раскинулся Шанхай, пароход вошёл очень медленно и, слава богу, не наскочил на мель. Помня своё пребывание в «Astor-house» и омерзительную сцену с лодочником, которого отколотил хозяин отеля, Венюков поселился в скромной французской гостинице. Её владелец оказался человеком довольно услужливым, всегда готовым помочь постояльцу. Михаил попросил его — пригласить ему грамотного переводчика-китайца. Тот сказал: «Ca va»: хорошо. И всё...

Утром к нему в номер явился молодой китайский щёголь в светло-голубой шёлковой кофте, с холёными руками и длиннейшими ногтями, являвшими, кроме очевидной благовоспитанности, и классическую китайскую учёность. Общаясь на французском, они оговорили условия: он будет приходить ежедневно на полтора часа перед обедом и получать за каждый день работы полтора «лана» (три рубля медью). А суть его работы состояла в том, что он должен переводить с китайского языка на французский все наименования из атласа «Небесной империи», изданного генерал-губернатором четырёх южных провинций: Хубей, Хунань, Гуандун и Гуанси. И еще названия из дорожной карты. Французский он знал превосходно, поскольку служил во французском консульстве.

Больше недели он посещал Михаила аккуратно, но потом стал запаздывать, однако же плату требовал неукоснительно, как за оговорённое время. И в своё извинение ссылался на неотложную службу в посольстве. Венюков вначале терпел, поскольку они успели перевести маршруты по Маньчжурии, Монголии и Джунгарии, а затем напомнил щёголю: если тому дорого время, то ему — деньги. Однако китайский франт не полез за словом в карман и тут же ответил: он и так рискует многим, посещая его. О его занятиях с иностранцем, да ещё русским, стало известно консулу, и тот через секретаря сделал ему строгое замечание...

Так это или нет, проверить было невозможно, полагаться на чистосердечие наёмного переводчика — тем более. Но Михаил нашёл выход — предложил ему заниматься

работой дома и приносить все переводы поздним вечером. Тот поначалу согласился, а вскоре заявил, что не может ручаться за точность переведённых названий. Якобы они всего лишь приблизительный, очень условный вариант. Крепко подумав, он отказал ему совсем.

Утрата переводчика была нежелательной, но его пребывание в Шанхае на этом не завершилось. Вновь обратившись к хозяину гостиницы, Венюков просил его подыскать ему кого-то из сотрудников шанхайского арсенала, где не только выделывались пушки и ружья, но и строились военные суда. И тот познакомил его с одним из техников этого закрытого заведения. За десять долларов техник-американец проводил незваного гостя по всем уголкам своего предприятия, и под конец дня Михаил едва волочил ноги. Зато был вполне удовлетворён увиденным и, вернувшись в гостиницу, написал подробный отчёт объёмом в целую тетрадь.

Оставалось ещё осмотреть казармы, точнее — барачный лагерь местных китайских войск европейского образца. И опять пришлось прибегнуть к услуге хозяина-француза. У того весьма кстати оказался добрым знакомым военный инструктор, ходивший в гостиницу обедать. Михаил сел с ним за один стол, и они тут же познакомились. Угостив сотрапезника шампанским и заплатив за его обед, он обеспечил себе осмотр лагеря китайских войск. Инструктор-француз охотно сопроводил его и со всеми подробностями показал и рассказал, как вооружены и обмундированы солдаты. И сам лагерь, и его обитатели ничем не отличались от «образцовых» военнослужащих Тяньцзиня, которых он имел возможность наблюдать. Но Венюков удовлетворился тем, что выполнил всё задуманное.

Вот только нехватка денег не давала ему покоя. Он вернул свой долг в триста долларов, взятых взаймы в прошлый приезд, а на что жить дальше? Пришлось заложить в английском банке процентные бумаги из собственных средств. Условия были тяжелы: бумаги были русскими, хотя обеспечивались серебряными деньгами, но делать было нечего — пришлось на них пойти.

А в конце октября в Шанхай прибыл сын английской королевы Виктории герцог Альфред Эдинбургский. Его фрегат «Галатея» не смог пройти в сам Шанхай, и герцогу пришлось пересаживаться на речной пароход, который украсили английским и американским флагами. Но, кроме них, на мачтах и реях развесили флаги других государств, помимо русского. А на шанхайской набережной возле здания русского консульства тоже была устроена своеобразная демонстрация: вдоль пристани расставили флаги разных наций попарно — английский и американский, французский и германский, итальянский и испанский, голландский и бельгийский, португальский и греческий и в конце — русский и сиамский...

Михаил заметил вице-консулу:

— В Петербурге наверняка обидятся, если узнают, что русский флаг здесь в таком загоне. А если принять во внимание, что один из членов комитета по приёму принца был наш вице-консул, допустивший такое унижение, то могут и рассердиться всерьёз... Не правда ли?

Вице-консул отмолчался. А вечером того же дня в гостиницу явился секретарь и оставил приглашение на имя Венюкова: он должен прийти на бал, который даётся городом в честь приезда высокого британского гостя. Ответ:

— Являться на официальный бал во фраке мне не приходится... А надевать мундир я не хочу, ввиду неуважения, оказанного и принцем, и городом русскому флагу.

Чаша консульского терпения была переполнена. Наступил разрыв всех отношений, отнюдь не дипломатических. А потом поползли слухи, что в скромной французской гостинице проживает русский шпион. Венюкову пришлось сменить место пребывания, он вновь поселился в ненавистном отеле «Astor-house». Постояльцев там было достаточно, и среди общей суеты, толкотни и шума он на время затерялся.

20

За месяц проживания в отеле ему приходилось платить по сто двадцать долларов. И ещё доллар в день за дрова и уголь для камина, который почти не грел. За мытьё рубашек нужно было отдать полдоллара за каждую, принять ванну стоило полтора доллара, выпить два стакана чая с четырьмя английскими сухарями — плати один доллар и будь здоров.

А на дворе стоял декабрь и в щели номера, выходившего окнами на северо-восток, немилосердно дул ветер. Хотя Шанхай находится в субтропическом поясе, наивно думать, что там вечное лето. Михаил редко снимал шубу и, поместив стол у самого камина, тщетно пытался согреться. Хотя в печи трещал уголь, в номере стояла температура около 3-4 градусов. И немудрено, что вскоре он заболел.

Вексель из Лондона, вопреки всем договорённостям, прибыл почти полгода спустя. Но два русских купца, бывшие проездом, помогли чем могли. Не предаваясь отчаянью,

Михаил боролся со всеми напастями. Немилосердно разыгрался ревматизм, одолели насморк и кашель. Из его небогатых средств пришлось издержать кучу денег на доктора и аптеку. Так прошёл декабрь...

Но понемногу придя в себя, «торговец углем» решил перебраться в Японию. Он знал, что зима там гораздо мягче и теплее. И не ошибся. А по приезде в Нагасаки, сняв номер в гостинице «Hotel de Belle-vue» (Красивый вид), убедился, что вид из неё и вправду красив. Тенистый сад из пышных, вечнозелёных деревьев заботливо, надёжно защищал его жильё от всех ветров, поскольку оконные и дверные рамы, как это принято в Японии, состояли из одиночных стёкол.

Вся его хворь прошла. Свежий морской воздух, прогулки по живописным окрестностям города вмиг поставили Михаила на ноги. Составив подробный отчёт по Китаю, согласно всем инструкциям, чтобы достойно представить его в «Военно-статистическом сборнике», он вернулся к изучению Японии. Её полное описание тоже предстояло осуществить.

Удалось выкроить время, чтобы повидаться с давним знакомцем доктором Герстом. Оказалось, что бойкий голландец занимался не одной врачебной практикой, а совмещал её с чтением лекций по математике и химии, причём весьма успешно. Его японская «мусме» (жена или содержанка, трудно сказать) вела хозяйство. Михаил не отваживался спросить — где и как они нашли друг друга — помня, что для здешних мест это отнюдь не редкость. На улицах ему часто встречались дети со смешанными чертами лиц.

А недалеко от города стояла деревня Инасы, возле неё когда-то успешно пришвартовалась русская морская эскадра под командой адмирала Попова. И теперь жители деревни вполне сносно говорили по-русски. Венюков побывал там и увидел детей и подростков, азартно игравших в лапту и до боли напомнивших ему русских пацанов.

Вслед за испанцами и португальцами проникнув на остров Кюсю и в город Нагасаки, голландцы осели здесь всерьёз и надолго. Нашли себе подружек и жён. Потом пришли англичане и американцы. Эти тоже особой нужды не испытывали ни в чём. К тому же в городе издавна был особый квартал, где находились «иосивара», т.е. дома терпимости. Девушки и женщины, служившие там, уже не делились по рангам: они не были «классическими» гейшами, развлекавшими гостей музыкой, танцами и умением составить «икебану».

В эпоху Мэйдзи всё стало значительно проще — уменьшилось число «сиро-гейся» (белые гейши), вся роль которых состояла в увеселении клиентов, а «короби-гейся» (опрокидывающие тело) только этим и занимались — зато теперь они целиком заполнили подобные дома, расположенные во многих городах. И стали музами известных поэтов, художников и композиторов.

В 1888 году писатель и путешественник Пьер Лоти написал роман «Мадам Хризантема». Из самого названия понятно, что речь пойдёт о восточной женщине, похожей на экзотический цветок. А десять лет спустя американец Джон Лонг, вдохновившись романом француза, написал рассказ «Мадам Баттерфляй» (бабочка). Зачем он сменил прекрасное растение на порхающее насекомое — непонятно, но привлёк внимание музыкантов. Опера «Мадам Баттерфляй», заполонившая сцены всех европейских театров, была написана Джакомо Пуччини на либретто Л. Иллика и Д. Джакоза. Премьера состоялась в «Ла Скала» в середине февраля 1904 года и с треском провалилась. Пришлось переделать либретто, и полгода спустя романтическая и трогательная история о романе пятнадцатилетней японской «сиро-гейся» Чио-Чио-сан (бабочки) с заезжим американским морским офицером, обманувшим и бросившим не только её, но и своего маленького сына, возымела потрясающий успех. Ведь в финале прелестная героиня делает себе «сэппуку». Эта опера до сих пор не покидает подмостки всех мировых театров. И актриса, исполняющая главную роль, неизменно утопает в море цветов, стойко выдерживая шквал оглушительных аплодисментов и оваций...

21

Мягкость зимы в Нагасаки внушала оптимизм. Бамбуковые деревья под окнами гостиницы совсем не теряли листвы. Снег шёл нечасто и лежал только в горах, окружавших город. Но стены «Hotel de Belle-vue» были настолько тонки, что не держали тепла. Михаилу приходилось часто топить, но, слава богу, что это стоило не так дорого, как в Шанхае. И здоровье у него поправилось окончательно. Прошёл кашель, а ревматизм давал о себе знать крайне редко.

А главное — он совсем воспрял духом и ждал извещения о своём текущем содержании. Его будущие действия состояли вот в чём: получив деньги, он отправится на север Японии, в Иокогаму, потом на остров Хакодате, оттуда на Сахалин или во Владивосток, далее в Маньчжурию и в Монголию, затем в Восточную Сибирь, к берегам Иртыша.

И, таким образом, он осмотрит японские и китайские земли, прилегающие к России. Их изучение и составляло цель всей его командировки. Оставалось лишь дождаться поступления нужных средств в серебряной монете, о чём Венюков своевременно отправил докладную записку министру финансов. И мог рассчитывать на успех — ведь его поездка была «высочайше» одобрена. Хотя он записал в дневнике: «В России всё зависит не столько от царя, сколько от чиновников».

Тут он оказался прав — почта из Шанхая доставила неприятную новость: кредит на ближайшее полугодие не может быть открыт, нужно ждать до конца марта или начала апреля 1870 года. «Это был последний удар, — писал он в дневнике. — Я был осуждён влачить печальное существование человека, заброшенного на чужбину и вечно ожидающего денег, связанного в каждом малейшем движении или обязанного делать займы у людей, едва знающих меня по имени».

Проведя без сна ночь, ранним утром Михаил написал докладную записку начальнику Главного штаба графу Гейдену. Он просил отозвать его раньше срока, но истинную причину не указал, сославшись на то, что материалы о Японии и Южном Китае скоро будут закончены, а посетить Северный Китай он сможет по возвращении. Запечатал и отнёс её на американскую почту, русской в городе не было.

И там он случайно узнал, что вблизи японских островов появился русский клипер «Всадник». Его командир Михайлов был Венюкову известен. Он тут же, не откладывая, написал ему письмо в Иокогаму, надеясь, что тот придёт на тамошнюю почту и получит его. И вправду, через десять дней пришёл ответ, капитан-лейтенант Михайлов извещал: на военные корабли без предписания высшего морского начальства посторонние пассажиры не допускаются, но при личной встрече в Иокогаме он всё объяснит и поможет чем может...

Это был вежливый отказ. И Михаил впал в уныние. Но делать было нечего — приходилось на жалкие оставшиеся средства отправляться в Иокогаму. Оказавшись через полторы недели в знакомом городе, приплыв туда, конечно же, на пароходе, он поселился в гостинице «Hotel des Colonies». А денег на текущие расходы у него оставались крохи. И, найдя командира «Всадника», он напрямую попросил дать ему взаймы.

— Сколько угодно! — ответил Михайлов. — Наша казна, слава богу, ещё полна...

Венюков, трезво всё прикинув, взял у него тысячу сто долларов. И его терзаниям пришёл конец. На следующий же день он отправился в Токио. В японской столице, благодаря знакомым французам, основательно пополнил сведения о военных силах и финансовых средствах возрождённой монархии, составе правительственных сфер и главных деятелях переворота 1868 года.

Проведя в Токио две недели, возвратясь в Иокогаму, он решил побывать в городке Йокосука, на берегу залива Сагами. По слухам, там был военный арсенал и адмиралтейство. Чтобы не вызывать никаких подозрений, Михаил через гренёра Шеврье познакомился с неким Деспанем, французом, когда-то жившим в России и служившим на железной дороге Петербург — Москва.

Вместе с новым знакомым, который проживал в Йокосука и работал техником в арсенале, Михаил осмотрел всё, что было нужно и можно, попутно узнав потрясающую новость: накануне там был японский император и появился перед европейцами вне дворца и не в парадной одежде. И, как на грех, поблизости оказался итальянский фотограф Беато, исподтишка сняв микадо, прекрасно зная, что это категорически запрещено. Об этом узнала полиция и разгорелся скандал. Случилась «профанация» императорского величия, 17-летний микадо был возмущён. И приказал: во что бы то ни стало его портрет, снятый воровским способом, должен быть уничтожен.

Но пронырливому итальянскому «воришке» это было на руку. Отвечая перед японскими чиновниками, он им честно признался, что продажа фотографий микадо в Европе принесёт ему немалый барыш, а если он отдаст им негатив, то лишится всего. Ему уплатили всю назначенную сумму, и Беато вручил им требуемое, предварительно скопировав негатив. Простодушные чинуши тут же успокоились. А в Европе появилось великое множество портретов Муцухито и ни одного в Японии.

22

Жизнь Венюкова в Иокогаме весной и летом 1870 года была довольно спокойной и однообразной, но он не скучал. Даже успел переписать, уже набело, большую часть своего «Обозрения Японского архипелага». А карта Японии, выполненная им, по сию пору считается одной из самых верных.

Несмотря на все трудности, политические и финансовые, правительство Ивакуры-Санджо (императора) старалось обновить страну, дать ей новую жизнь. Переустройство армии, создание морского флота, строительство арсеналов, организация военных училищ — всё это велось неотступно и планомерно. А в гостинице «Hotel des Colonies» появился новый хозяин-корсиканец, жадный до денег и мигом превратив-

ший отель в заурядный кабак. Михаил, видя это, переселился в «International Hotel», стоявший на самом берегу. И обрадовался нежданно случившейся перемене. Из окна его номера открывался прекрасный вид на набережную, и громкие крики лодочников:

— Ай-хи-и-хай-ху! — доносились до его слуха, но они отнюдь не раздражали, а вызывали любопытство и сочувствие.

Он подходил к окну и наблюдал, как лодочники, стоя лицом к носу лодки, размеренно и в такт усилиям гребцов, которые не машут вёслами, а «виляют» ими, как рыба хвостом, громко отдают команды, а лодка, как по волшебству, неудержимо и быстро скользит по водной глади. А в самой середине её лежат разнообразные товары, перевозимые на морские суда.

Весь этот оживлённый и насыщенный морской рейд, благодаря близости Иокогамы к столице, никогда не пустовал. Здесь всегда находилось до десятка военных кораблей всех наций. Вон британский броненосец «Ocean», неподвижный, как скала, а рядом британская канонерская лодка, пришедшая из Порт-Смута вокруг Африки. Чуть дальше — французский фрегат «Dupleix», уже весьма потрёпанный. Недалеко от него недвижимо застыл пакетбот «America», почти без мачт, но вдвое длиннее и выше большинства военных судов. Его необъятные трюмы похожи на сараи, в которых бесследно исчезают сотни ящиков с чаем и кучи пассажирской клади. На обратном пути из Америки он привозит целые горы картофеля, яблок, всякой мебели и машин.

А почта из Шанхая, Пекина и России доставляла газеты, журналы, письма, но никаких официальных бумаг. И вот однажды Михаил получил письмо от давнего сослуживца, которого он просил сходить в Главный штаб и узнать, в каком положении его дело и какова дальнейшая судьба. Сослуживец писал, что говорил с полковником Фельдманом и тот подтвердил, что просьба Венюкова будет исполнена и в скором времени его отзовут с Востока.

Михаил стал готовиться к отъезду, вот только как и куда? Если ехать через Сибирь, то, в скором приходе зимы, придётся купить шубу. Невольно вспомнил, как двенадцать лет назад в предгорьях Сихотэ-Алиня он с отрядом казаков оказался вблизи одинокой китайской фанзы. По маньчжурским законам, китайцам категорически запрещалось переходить Великую китайскую стену. Видимо, он был одним из тех, кого называли хунхузами, т.е. преступниками. Не испугавшись русских, он пригласил Венюкова обедать. Тот согласился. Но выйдя от гостеприимного китайца и пройдя несколько километров по глухой тайге, Михаил почувствовал сильный шум в ушах и резь в желудке. Спас его рвотный порошок и несколько ковшей холодной родниковой воды. После обильной рвоты наступило облегчение. Но ещё два дня он шёл, опираясь на сильные руки казаков. Теперь такой подмоги могло не быть.

А коли ему будет предоставлен свободный выбор, то домой лучше всего возвращаться через Северную Америку. Оно теплее и быстрее. Из Иокогамы пароходом в Лос-Анджелес, а оттуда — на поезде. Уже была открыта Тихоокеанская железная дорога.

1-го августа шанхайская почта привезла ему долгожданный конверт с депешей от графа Гейдена: «Предоставляется подполковнику Венюкову М.И. возвратиться в Россию ранее срока. Содержание ему прекращено с 15 июля, а что осталось не отпущенным, будет выплачено по прибытии в Петербург». Только и всего. Но и этому Михаил был рад несказанно.

Вечером 3-го августа 1870 года Венюков сел на пароход французской компании «Messageries Francaises», занял каюту второго класса, похожую на полутёмную конурку с двумя койками, заняв одну из них. Соседа, к счастью, не было. И тут же мертвецки уснул, как человек, перенёсший экзекуцию...

Утром вышел на палубу. Немногие пассажиры, тихо переговариваясь, оглядывали окрестные пейзажи. Михаил, видя, как удаляются, уходя за горизонт, горные пики, говорил сам себе: «Прощай, Япония!» Пришли на память строки из «Паруса» Лермонтова:

Под ним струя светлей лазури,
Над луч солнца золотой,
А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой!

Борис МИЛОВЗОРОВ

Я – ГЕРОЙ

Он висел в углу под потолком и недоумённо смотрел сквозь свои полупрозрачные руки на люминесцентный светильник. Яркий свет слепил, заставлял отвернуться, взгляд скользнул вниз вдоль белых стен, наткнулся на кровать, на которой лежал человек с туго забинтованной головой, с маской на лице и трубкой во рту. «Кто это? — лениво шевельнулся внутри него вопрос и тут же, как продолжение: — А я кто?»

В памяти всплыла вспышка, пламя, клубы секущего песка и ядовитые укусы осколков по телу и в голову. «Мина! — озарило его, — меня ранило в Сирии, я Андрей Калегов, майор спецназа и мой позывной Колдун!» Это воспоминание отпечаталось в нём и зависло, мысли почти остановились. До Андрея медленно доходило, что лицо человека внизу ему хорошо известно — это его собственное лицо. «Неужели всё так плохо?» — равнодушно шевельнулось внутри него.

Скрипнула дверь, в палату вошёл человек в белом халате, следом мужчина и женщина. Их лица невыносимо знакомы, но невозможно никак вспомнить, сознание вязкое, мысли тонут в нём, как в бездонном болоте.

Люди внизу разговаривали негромко, но Андрей отчётливо слышал каждое слово.

— Доктор, что с ним? — спросил мужчина.

— Если честно, плохо, — врач нагнулся над тихо пикающим прибором. — Осколки мины в ногах не фатальны, а вот осколок из головы извлечь невозможно.

— Но почему? — всхлипнула женщина.

— Близко к мозгу.

Андрей узнал голос женщины и её лицо. Это его жена Юлия. Но почему он так холодно и отстранённо думает о ней? Он не успел обдумать ответ на свой вопрос, потому что вспомнил второго посетителя, это Саша, его давний друг.

Калегов устал, хотелось уснуть, забыться, но разговор шёл о нём, надо было дослушать.

— Он придёт в себя, доктор? — спросил Саша.

— Не хочу вам врать, вряд ли.

— То есть Андрей умирает?

Доктор промолчал, лишь неопределённо пожал плечами.

— Сколько ему осталось? — едва слышно спросила Юлия.

— Этого никто не знает, может, день, а может, месяц. Сегодня десятый день, как ваш муж у нас в реанимации, его организм жив, но у него прогрессирует отёк мозга, развивается пневмония. Мы боремся...

— Неужели ничего нельзя сделать? — едва сдерживая рыдания, перебила его женщина.

— Пока только ждать.

— Чего ждать?! — крикнула жена.

— Например, чуда, — доктор положил руку на её плечо. — Крепитесь, Юлия, я ведь не просто так допустил вас в реанимацию.

Женщина всхлипнула и, закрыв лицо ладонями, выбежала из палаты. Доктор взглянул на мужчину.

— Вы кем больному приходитесь?

— Близкий друг.

— Понятно. Прощайтесь.

Мужчина склонился над раненым и осторожно пожал его безвольную ладонь. Андрей из своего угла под потолком вдруг ясно ощутил это прикосновение, он поднял свою полупрозрачную руку, пошевелил пальцами. Мужчина замер, ему почудилось ответное движение. Он наклонился ещё ниже, приблизил губы к уху друга.

— Андрей, — отчётливо услышал Калегов, — я не хочу прощаться, сегодня все твои друзья будут молиться о твоём здравии.

— Молиться? — удивился доктор. — И много у него друзей?

— Много. Мы все договорились, что с сегодняшнего дня неделю будем заходить в храм и молиться за него. Даже на Афоне нашу молитву поддержат.

— Надо же? — покачал головой врач. — Что ж, и я в часовню зайду, свечку поставлю.

— Спасибо. Слышишь, Андрей? Это я, Саша Гуреев, вернись, ты же всегда был героем.

Калегова неудержимо потянуло вниз, окружающий свет померк, и пришёл покой. Среди пустой темноты возникали крохотные светлые точки, они парили то мелкими звёздочками, то размытыми белыми пятнами. Андрей удивлённо всматривался в них, пока одно из них не поманило его.

Андрей прикрыл входную дверь и крадучись двинулся по скрипучим половицам. В спальне предательски заголосила маленькая сестричка, из кухни вышла мама.

— Опять синяк?!

— Я Мыша защищал.

— Это мелкого такого?

— Олег мне друг! — упрямо мотнул головой сын.

— Ладно, герой, иди обедать. Стой, а руки мыть!

Калегов вновь провалился в темноту и потянулся к другому ближайшему светлому пятнышку.

Повзрослевшие Андрей и Олег на предпоследней парте с интересом смотрели на подтянутого тренера в ярком спортивном костюме. Классная только что объявила, что это Кокорин Николай Алексеевич, новый тренер по боксу городской детско-юношеской спортивной школы. Дети затихли, изучая человека, он тоже с интересом во взгляде и доброй улыбкой рассматривал класс.

— Дети, бокс — спорт в основном мужской, поэтому, извините, девочки, я обращаюсь к мальчикам, — тренер сделал шаг вперёд. — Ну, что, хулиганы и двоечники, кто желает махать кулаками по правилам? Хорошисты и отличники тоже приветствуются.

Андрей и Олег переглянулись и первыми подняли руки. Следом поднялось ещё несколько рук. Тренер кивнул.

— Отлично. После уроков жду вас в школьном спортзале, познакомимся поближе.

Тренер построил всех добровольцев в шеренгу.

— Ребята. Вижу вашу решимость, но сразу предупреждаю: бокс — спорт жёсткий, от вас понадобятся не только сила и ловкость, но и упорство.

Кокорин неторопливо двинулся вдоль шеренги, записывая данные мальчишек в блокнот. Перед Олегом Тарасовым, другом Андрея, тренер молча остановился, в его взгляде читалось сомнение.

— Николай Алексеевич, — не выдержал Андрей, — Олежка, знаете, какой сильный и выносливый!

— Друг? — Кокорин улыбнулся.

— Друг.

— Это хорошо. Фамилия, имя, адрес?

Вечером после работы Кокорин вошёл в заднюю дверь старенького автобуса и устало сел на железное крашеное сидение. Некоторое время он под завывание двигателя смотрел в замороженное окно, потом его взгляд скользнул на сидение напротив. Оно было густо исцарапано различными надписями. Обычное дело, но тут в глаза бросились крупные, чуть корявые буквы: «Мыша» и «Колдун». Тренер протянул руку, провёл пальцем и, улыбнувшись, покачал головой.

Утром тренер зашёл в раздевалку, Андрей и Олег стояли у своих шкафчиков, он направился к ним, мальчишки замерли.

— Вы зачем, герои, автографы свои на автобусных креслах нацарапали?

Ребята переглянулись.

— Это не мы! — заявили они хором.

Андрей не успел улыбнуться своим детским воспоминаниям, как вдруг вновь выпал в темноту под веками. Что-то обеспокоило его нежным и знакомым прикосновением к руке. Он было дёрнулся навстречу, но споткнулся о тихий женский голос.

— Андрюша, почему ты никого не послушал? И я, и друзья, все говорили, не ходи больше на войну!.. Ой, доктор, у него пальцы дрогнули!

— Увы, Юлия, это рефлексия, так часто бывает.

Женщина всхлипнула и запричитала.

— Андрюша, как я тебя просила, составь завещание! А ты что сказал? Герои не умирают! Расскажи теперь это самому себе.

Горестная волна заколыхала темноту под веками, подтолкнула Андрея куда-то прочь от блистающих пятнышек света, но он сопротивлялся, он же их ещё не все рассмотрел!

Андрей, прижимая к носу быстро краснеющую тряпицу, спрыгнул с ринга и, не обращая внимания на оклик Мыша, направился в раздевалку. Тарасов рванулся следом, но Кокорин ухватил его за руку.

— Олег, у тебя бой скоро, я сам. Кстати, а почему ты друга Колдуном кличешь?

Мальчик помолчал, раздумывая, говорить или не говорить.

— Он с первого класса вечно перед важным делом колдует, шепчет что-то, руками машет.

— Понятно.

Калегов сидел на скамейке, рассматривая окровавленный клочок в руках. Вошёл тренер, он глянул в его сторону и насупленно отвернулся. Кокорин сел напротив.

— Андрей, поговорим? — мальчик кивнул. — Это твой восьмой проигрыш подряд.

— Я знаю. Но это несправедливо, подумаешь, нос слегка задели!

Калегов зло и метко закинул бурую тряпку в урну в углу. Тренер удивлённо приподнял бровь, на губах мальчишки мелькнула довольная улыбка.

— Андрей, давай посмотрим правде в глаза, — Кокорин сделал паузу, но ученик молчал, и он продолжил. — Ты способный, данные у тебя хорошие, но для бокса нос слабый. Все твои проигрыши из-за кровотечения. Даже противники уже знают, специально метят.

— Ну и пусть!

— Андрей, может, борьбой займёшься?

— Нет! Я буду побеждать!

Кокорин встал, похлопал ученика по плечу.

— Ладно, герой, посмотрим!

Калегов подошёл к остановке автобуса, на которой плотной группой зябко топтались недовольные граждане. «Похоже, опять автобус сломался», — подумал он. Несколько вопросов, и его опасения подтвердились, люди автобус уже час ждут. Мальчишка закинул за спину спортивную сумку и выбежал на искрящуюся снегом дорогу. «Ничего, — шептал он себе в такт бегу, — всего пять километров, не впервой».

Когда он ввалился в раздевалку, от него валил пар, ребята из команды заулыбались: «Что, Колдун, опять бегом?» Сил отшучиваться не было, надо было срочно переодеваться. Олежек был уже здесь.

— Мыша, а ты как добрался?

— Отец на обед заезжал, подвёз.

Через четыре года после успешного участия в нескольких всесоюзных юниорских турнирах Калегов получил КМС: кандидат в мастера спорта по боксу.

Андрей с Олегом стали захаживать на городскую дискотеку. Часто там было неспокойно из-за выпивох и буянов, пристающих к девчонкам и устраивающих пьяные драки. Однако с некоторых пор местные хулиганы стали натыкаться на кулаки двух боксёров, без лишних слов призывающих к разумному поведению и справедливости. Очень скоро Колдуна и Мыша запомнили и зауважали, а девочки стали бегать к ним жаловаться на залётных приставал и грубиянов.

Бокс боксом, но некоторые стычки показали друзьям, что одних боксёрских навыков для победы в них не всегда достаточно. Мыша где-то раздобыл видеофильм первого чемпионата Европы по кикбоксингу 1984 года. Невозможно сосчитать, сколько раз они просматривали эту запись, а ещё завороженно смотрели фильмы с Брюсом Ли, Чаком Норрисом, с другими мастерами единоборств. В свободное от основных тренировок время друзья стали отрабатывать увиденные приёмы, иногда до хрипоты споря, как надо правильно бить ногами и какую стойку держать. Очень скоро новые навыки пригодились. Особо обидчивые смутьяны дискотек систематически обещали с ними «разобраться» после танцев на улице. Друзья никогда не трусили и, привычно встав «спина к спине», неизменно выходили из этих разборок победителями.

За постоянными тренировками, соревнованиями, неприятностями в учёбе молодость летела по жизни стремительно, весело и вольготно. Незаметно закончились школьные годы, учителя облегчённо вручили Калегову аттестат. Быстро пролетело лето, и вот замаячила впереди срочная служба.

Осенью 1990 года Андрей и его закадычный друг вошли в военкомат. Дежурный поманил их к себе, Калегов протянул паспорт и повестку.

— На медкомиссию в правый коридор, — строго сказал прапорщик, потом сурово посмотрел на мелкого Тарасова. — А вы куда?

— Мне к военкому надо! — выпалил Мыша и тоже протянул паспорт.

— И что стоим? — спросил прапорщик у Калегова, записывая данные паспорта Олега.

— А нам к военкому вместе надо.

— Хорошо, идите, вон приёмная.

Военком оказался полноватым седым майором с густыми усами. Он устало уставился на двух подтянутых ребят.

— Слушаю.

— Товарищ майор, — бойко начал Тарасов, — у меня друг в армию идёт, я вместе с ним служить хочу!

— Да? — удивился военком. — Дай-ка паспорт.

Майор полистал паспорт, покачал головой.

— Извини, парень, твоя очередь весной придёт.

— А добровольно разве нельзя?

— Ну, вы даёте! Сколько здесь сижу, ты первый, кто в армию раньше срока просится.

— Товарищ майор, — поддержал друга Калегов, — помогите. Мы с Олегом всегда вместе: и в школе, и в спорте.

Военком заинтересованно приподнял бровь, пристально рассматривая парней.

— Спортсмены?

— Боксёры, — торопливо ответил Олег. — У меня первый взрослый, а у Андрея КМС.

— Ладно, Тарасов, напишу в область запрос по твою душу, ступай к секретарше, пусть данные твои перепишет, и свои спортивные достижения не забудь.

— Спасибо! — расплылся в улыбке Тарасов.

— Не радуйся раньше времени, я ничего не обещаю, начальство решать будет.

Мыша выскочил за дверь.

— Погоди, — остановил военком Андрея, собравшегося следом. — Как фамилия?

— Калегов.

— Кокорин твой тренер?

— Так точно!

— Он мне звонил. В ВДВ пойдёшь?

— Конечно! Я и сам хотел.

Майор кивнул, улыбаясь в густые усы.

— После медкомиссии ко мне зайдёшь.

Автобус с новобранцами минул распахнутые ворота с крупными звёздами и смешной двухэтажный домик КПП, за автобусным окном мелькнул долговязый ефрейтор с красной повязкой на рукаве и синим беретом на голове. Дорога мимо стройных пахучих сосен привела на огромный плац, плотно окружённый зданиями. Чуть позже Калегов узнает, что четырёхэтажное здание в торце плаца — штаб, напротив — трёхэтажный учебный корпус, между ними три казармы по четыре этажа каждая, а напротив казарм — спортзал и столовая.

Пожилой прапорщик с морщинистым обветренным лицом дал команду трём сержантам, и те принялись расставлять новобранцев в одну длинную шеренгу. После некоторой сумятицы им это удалось. Прапорщик кивнул им и громко скомандовал: «Личные вещи к осмотру!» Новобранцы переглянулись и неохотно опустили свои ноши к ногам. Сержанты вновь включились в работу и наглядно показали, как это делается: опрокинули несколько рюкзаков и сумок, высыпая содержимое на асфальт. Новобранцы всё поняли и принялись торопливо выкладывать вещи перед собой. Где-то на правом фланге одиноко послышался звон лопнувшей бутылки. Донеслись сердитые голоса сержанта, прапорщика и испуганное мычание новобранца.

— Петров!

— Я!

— Зарегистрируй-ка этого перца вне очереди и отправь сразу на кухню. Пусть картошку один на всю роту чистит. Стекло убрать.

— Есть!

Перед внутренним взором Калегова мелькнула просторная казарма, четыре идеально прямых рядов железных кроватей с заправленными в натяг одеялами с чёрными полосками, рядом табуреты и тумбочки с белыми номерами. Он держит в руках бечёв-

ку и вместе с дежурным по роте сержантом выверяет полоски на одеялах, где надо, чуть подтягивает, одёргивает, чтобы соблюсти военную геометрию.

Снова — словно вспышка фотоаппарата и новая картина. Они на спортивной площадке, все запыхались после бега. Перед ними стоит их взводный, старший лейтенант Сергей Иванович Окрошкин, большой, круглолицый, с густыми чёрными усами. Он только что пробежал с ними утренние три километра, но голос его был спокоен и гулок, как всегда.

— Вы десантники! Вы должны выполнять боевую задачу, используя все навыки, в том числе и рукопашные. Я вам покажу азы, а в войсках вы их закрепите. Калегов!

— Я!

— Два шага вперёд.

На утоптанной до бетонной крепости поляне новобранец и взводный встали друг против друга. На руках обоих потёртые боксёрские перчатки. Калегов встал в привычную боксёрскую стойку, взводный полубоком, чуть пригнувшись. Его покатые плечи скрывали мощь.

— Нападай! — скомандовал он.

Калегов отчетливо вспомнил, как взыграла его кровь, как ринулся он на противника. «Ничего, что он выше и шире, но зато я умелый и быстрый», — мелькнуло в голове. Он выдал каскад молниеносных ударов, некоторые из них явно прошли в корпус и голову, но даже не покачнули противника, напротив, тот вдруг попёр вперёд, игнорируя удары. Андрей не успел понять, как оказался спеленатым в железном захвате, даже дыхание перехватило. Окрошкин оттолкнул его.

— Ещё раз!

Андрей разозлился, поменял стойку и провёл несколько ударов ногами и руками. Взводный с трудом, но отбил их, одновременно удивлённо хмыкнув, и опять рванулся вперёд. Неуловимо быстро он перехватил нападающую руку Калегова и, подставив ногу, обрушил противника на землю. Андрей чувствительно приложился спиной и тут же увидел летящий в лицо могучий кулак. Он зажмурился, но удара не последовало, лишь лёгкий порыв воздуха тронул кончик его носа.

Офицер рывком поставил Калегова на ноги и спокойно обратился к взводу:

— Забудьте про уличные драки и благородные поединки на ринге. Десантник должен работать миной, гранатой, пулей, броском ножа. Если и это не помогло, значит, далее идут приклад, ножевой бой, сапёрная лопатка. И сами понимаете, если вы всё это растеряли, только тогда наступает пора махать руками и ногами. И здесь ваша задача — как можно быстрее вырубить, придушить, сломать врага.

Калегов моргнул, и картинка переменилась. Он стоял рядом со взводным и вместе с ним смотрел вслед уходящему с песней взводу. Офицер взглянул на солдата.

— А ты молодец, заставил меня попыхтеть. И ногами хлёстко работал, — старлей добродушно улыбнулся, — но неправильно. Ничего, я тебя научу, из тебя толк будет. Иди, догоняй взвод.

Андрей срывается с места, но вдруг спотыкается, начинает медленно падать и застывает висящим над бледными кустиками желтоватой травки. Стало тяжело дышать, всё вокруг поплыло, он пытался остаться здесь, но краски тускнели, и он неотвратимо проваливался в темноту. Она привычно окружила его, но лишь на мгновение, в глаза сквозь веки впился яркий свет, и жутко запершило в горле.

Калегов открыл глаза. На его кровати сидел человек в белом халате и бережно тащил из него трубку искусственного дыхания. Вытащил. Андрей захотел полной грудью втянуть в себя воздух, но получилось немощно и скудно. К нему склонилось расплывчатое лицо врача.

— Дыши, герой, дыши! Сам дыши. Вот так, молодец!

— Сергей Борисович, как он? — встревожено, но так знакомо для Андрея спросил чей-то голос.

Калегов кашлянул, взгляд чуть прояснился, и он разглядел своего друга.

— Это надо же, три недели! Поневоле в чудо поверишь, — врач обернулся к Гурееву. — Саша, зрачки, кажется, реагируют, садитесь, поговорите с ним, — доктор встал, уступая место. — Конечно, лучше бы жена...

— Она сказала, что не может, — торопливо ответил Гуреев и склонился над Калеговым. — Андрей, привет, это я, Саша Гуреев. Если ты меня слышишь, моргни.

Калегов медленно опустил веки.

— Обалдеть! — всплеснул руками доктор и приказал медсестре, стоящей в проёме палаты: — Наташа, срочно бригаду сюда! А вы, Александр, идите, сейчас здесь будет тесно.

— Я смогу ещё прийти?

— Сюда нет. Вот переведём в обычную палату, тогда милости прошу.

Гуреев кивнул и вышел. Калегов устало закрыл глаза и вновь спрятался в уютную темноту с блистающими звёздочками своего прошлого.

Младший сержант Калегов вышел из поезда и растерянно огляделся. Он достал из кармана предписание: в/ч 92616, город Брест. В Брест он прибыл, а насчет части, видимо, придётся идти в комендатуру.

— Эй, десантура, привет! — его окликнул высокий сержант в камуфляжном комбинезоне, такой же кепке и с парашютами на петлицах. — Ты в 38-ю?

— Не знаю, — пожал плечами Андрей и протянул своё предписание.

— О! — обрадовался жизнерадостный собеседник. — Точно, к нам! Милости прошу в 38-ю отдельную гвардейскую десантно-штурмовую бригаду! Тебе, брат, сказочно повезло, я за билетами для начштаба заехал, смотрю, а ты тут жалом водишь! — сержант протянул руку и представился: — Сергей.

— Андрей! — Калегов благодарно пожал протянутую ладонь. — Спасибо.

— Не за что! Хватай вещички, Андрюха. Кстати, — спросил он уже на ходу, — а как ты из ВДВ к нам умудрился попасть? У нас, штурмовиков, своя учебка имеется.

— Меня взводный направил, сказал, что ваш капитан Васильев запрос прислал.

Сержант от удивления остановился.

— Геннадий Арсеньевич? Это ж наш главный рукопашник в бригаде! Если к нему, то в спецроту. Ты что, мастер?

— По боксу — кандидат в мастера, а по рукопашке начинающий, — улыбнулся Калегов.

В просторном спортзале капитан Васильев в кимоно построил молодое пополнение. В разномастной спортивной форме солдаты выглядели цветасто. Капитан приказал оголить торс, потом прошёлся мимо, все были подтянуты, с хорошей мускулатурой. Он удовлетворённо кивнул.

— Просто красавцы, а не спортсмены, — кто-то хихикнул, Васильев криво улыбнулся. — Посмотрим, как после тренировок хихикать будете, — ответом послужила полная тишина, все замерли. — Вот так-то лучше. Итак, поясняю. Кроме штатных занятий и боевой подготовки, в моей роте проводится углублённое изучение армейского рукопашного боя, сокращённо АРБ. Предупреждаю, будет тяжело и больно. Все вы люди здесь не случайные, с опытом силовых состязаний, но силком я никого не держу. Кто не желает, говорите сейчас, переведу в обычную роту. Без последствий. Ну? — капитан выжидательно всматривался в лица ребят, все молчали. — Вот и хорошо, — продолжил он. — Кстати, у нас послезавтра бригадные соревнования по АРБ намечены, может быть, есть желающие?

— А кто участвует? — внезапно и громко спросил Димка, сосед Калегова по койке.

— Солдаты-срочники, как вы, — капитан хитро прищурился, — а также сверхсрочники, прапорщики и офицеры, те, кто прошли огонь и воду. Так что могут сделать бо-бо. Итак, кто хочет получить тумаков?

— Я! — вдруг неожиданно для себя выкрикнул Андрей.

— Шаг вперёд, представиться!

— Младший сержант Калегов!

— Как я понимаю, ученик старшего лейтенанта Окрошкина?

— Так точно!

— Сергей Иванович тебя хвалит. А ты сам уверен, что готов выйти на ковер?

— Так точно, уверен! Товарищ капитан, разрешите вопрос?

— Давай, — с интересом на лице кивнул Васильев.

— А если получится так, что я тумаков наваляю, например, офицеру, это будет нарушением субординации?

Капитан широко улыбнулся.

— Вот ты о чём? Не волнуйся, наряд тебе не объявят. На ковре погоны не носят, все по позывным записаны. Вот тебя, герой, как записать?

— Колдун.

Гуреев с надеждой всматривался в невозмутимое лицо врача. Тот щёлкал мышкой и явно делал вид, что читает на мониторе что-то очень интересное.

— Ну что ты меня взглядом пронзаешь? Состояние стабильное, дышит сам, тебя вот вроде как узнал.

— И опять сознание потерял!

— Если мозг жив, сознание вернётся, — Извозов резко отодвинул компьютерную мышку в сторону, — а вот как он жить дальше будет?

— В каком смысле?

— В смысле полного паралича, — доктор пристально посмотрел на собеседника.

— Как же так? Неужели навсегда?

— Не знаю. Теоретически ремиссия возможна, но на практике... Понимаешь, Саша, мозг — штука загадочная, а твой друг — весь загадка, — Извозов достал из кармана зажигалку и принялся вертеть её пальцами. — Он выжил, хотя не должен был, пришёл в сознание, хотя никто не надеялся. Я ж вас попрощаться тогда пустил.

— Я помню, спасибо.

— При чём тут я, главный разрешил. Кстати, как там его жена?

— Плачет.

— А кто такая Лена? Она мне часто звонит.

Гуреев замялся.

— Подруга.

— Ну, дела. Она мне сказала, что в любом случае Андрея не бросит.

— Мне тоже. Так когда же вы нашего чемпиона в обычную палату отправите?

— Скоро. Вот выведем из искусственной комы и переведём. А почему чемпион?

— Потому, что в молодости кучу чемпионских титулов насобирал.

— Расскажи.

— Он ещё в школе КМСа по боксу получил. Срочную служил в десантно-штурмовой бригаде в Бресте. Там один мастер по армейскому рукопашному бою его и приметил, так Андрюху натренировал, что тот пробился на первый всеармейский чемпионат по рукопашному бою и стал чемпионом.

Доктор удивлённо покачал головой.

— Из бокса в чемпионы по рукопашному бою? Как такое возможно?

— С Андреем многое невозможное становится возможным. Вы в курсе его первого ранения?

— Конечно, я изучал анамнез, тяжёлое ранение в голову.

— Но там вряд ли написано, что пуля не вошла в голову, а срикошетировала от неё. Я тогда разговаривал с лечащим врачом, тот сказал, что у Андрея кость черепа толще нормы на 1-2 миллиметра.

— Ничего себе!

— Жаль, что от осколков мины это не спасло.

— Саша, я начинаю подозревать, что дело не в кости. Ты понимаешь, не мог он после второго ранения в голову выжить.

— А он выжил.

Мужчины помолчали.

— После армии Андрей домой вернулся, — неспешно начал вспоминать Гуреев, — потом ко мне в Москву приехал. Я его познакомил с видным тренером по боксу, а тот и кикбоксёров тренировал, вот и взялся с ним работать. Через три месяца Калегов попал в сборную Москвы, потом в сборную России и за два года собрал целый веер титулов: чемпион России, чемпион Европы, чемпион Азии, вице-чемпион мира.

— Похоже на сказку.

— Но это быль, только давняя, середины 90-х. Андрей даже в нескольких фильмах умудрился сняться, с Мамоновым, с Олейниковым. В эпизодах, конечно. И с Ван Даммом пообщался.

— Ничего себе! И что про него сказал?

— Что он балерун и алкоголик.

— Но как же из такого гламура Андрей умудрился стать офицером ФСБ?

Гуреев улыбнулся и встал.

— Простите, доктор, об этом я не буду рассказывать. Могу лишь сказать, что случай помог.

— Как всегда? — Извозов тоже встал, глянул на часы. — Пойду я чемпиона навещу.

— Привет ему от меня передайте.

— Я все приветы передаю, — мужчины пожали друг другу руки, — думаешь, слышит?

— Уверен в этом, Сергей Борисович.

— Тогда ищите сиделку.

Сержант Калегов, наглаженный и душистый, прогуливался по улице Советской в центре Бреста. Здесь вокруг фонтана постоянно тусовалась молодёжь, а уж в выходные было не протолкнуться. Каждое увольнение Андрей приезжал сюда и воочию наблюдал, как меняется его большая страна. В его бригаде служба шла своим чередом и, казалось, ничего не менялось, разве что офицерам стали задерживать зарплату, и они ходили злые и вредные. Зато город изменялся на глазах: нормой стали многокилометровые автомобильные пробки в сторону границы, как грибы после дождя росли

ларьки и магазинчики с разнообразными цветастыми товарами. Молодёжь у фонтана и бара собиралась особенная. Яркие заграничные наряды, показная сексуальность девчонок, яркие банки пива в руках и пресыщенные ленивые взгляды в его сторону. «Центровые» чужих не любили, но солдат терпели, куда ж им с десантниками тягаться, поэтому просто не замечали.

Калегов проходил мимо фонтана, когда в него вдруг плюхнулся подвыпивший джинсовый мальчик. Он смешно барахтался, пытаясь зацепиться за парапет, но пальцы соскальзывали. Толпа вокруг смеялась и подбадривала, выкрикивая: «Держись крепче, Валера!» «Вот уроды!» — подумал Андрей и, раздвинув пару зрителей в стороны, ухватил тонкую кисть Валеры. Одним движением он поставил его на ноги и помог перелезть через парапет. Недалеко замигал синий свет, это жёлтый милицейский уазик неспешно и тихо катил по тротуару с очередным досмотром территории. Толпа мгновенно поредела. Калегов подхватил Валеру под локоть и повел к опустевшей курилке. С парня текло, ноги заплетались, но он довольно улыбался. Андрей усадил его на край скамьи. Милицейский УАЗик благополучно проехал мимо.

— Валера, — обратился он к парню, — тебе домой надо, простудишься.

— А я не Валера, — заявил парень и бессмысленными глазами посмотрел на армейскую форму. — Ты мент?

Андрей ответить не успел, подбежала милая девчушка в короткой юбке.

— Женька, ты зачем в фонтан опять полез?!

— Чтоб повеселело! — парень пьяно хихикнул.

— Так он не Валера?

Девушка, наконец, обратила внимание на Андрея.

— У нас все, кто в фонтан лезут, Валеры.

— И что, много желающих? — удивился Калегов.

— Хватает, — девушка озадаченно посмотрела на Женю, мычащего какой-то мотивчик, перевела взгляд на Калегова. — Молодой человек, помогите мне его домой отвести, тут рядом.

— Меня Андреем зовут, — сказал Калегов и улыбнулся обаятельной улыбкой.

Взгляд девушки потеплел.

— А меня Олеся.

Они вышли из подъезда дома на полутёмную улочку, сюда явственно доносились шумы с улицы Советской, но словно из другого мира.

— Ты обратно? — спросил Калегов.

— Не, домой. Завтра отцу надо помочь собраться в дорогу.

— Я провожу?

— Пошли.

По пути Олеся доверчиво поведала новому знакомому, что отец возит в Польшу советские дрели и пылесосы, там продаёт и покупает всякое барахло и технику. Здесь сдаёт, потом собирает новую партию для продажи. Для Андрея это было удивительным открытием, оказывается, отец девушки за одну поездку зарабатывал больше, чем за пару месяцев работы на заводе. Впервые в его голове мелькнуло беспокойство от ожидаемой неопределённости на гражданке. Олеся весело щебетала и прижималась к нему, им было хорошо вместе.

Зима. Андрей целуется с Олесей на скрипучем крыльце.

— Мне пора, надо до подъёма успеть.

— Ох, Андрюшка, получишь ты гауптвахту за свои самоволки!

— Ничего, отсижу.

Они опять целуются. Калегов смотрит на часы.

— Автобус скоро.

Он подбегает по заснеженной улице к автобусной остановке. Неожиданно его хлопают по плечу тяжёлой ладонью. Он отскакивает и оборачивается. Два бородатых кавказца с вызовом смотрят на него, говорят с характерным акцентом.

— Не бойся солдатик, нам только рубли нужны.

— И часы у тебя красивые.

— Не подаю.

— Что? Мы с Кавказа!

— А я с Урала.

Два молниеносных удара, и два тела падают навзничь. Подъезжает автобус, Андрей прыгает на подножку, сзади начинают шевелиться поверженные агрессоры, один ругается на своём наречии.

Калегов открыл глаза и привычно посмотрел в потолок. Он его уже хорошо изучил,

все выбоины, трещинки. Над ним склонились добрые глаза сиделки Татьяны.

— Андрей, доброе утро! — с хрипотцой ласково сказала она.

Он попытался улыбнуться, но получилось, как всегда, плохо, и в ответ он опять только промычал что-то несуразное. Услышав себя, жгуче разозлился: нет, он должен обязательно ей ответить! Андрей вцепился правой рукой в край кровати и, сводя от усилий мышцы, проговорил более-менее различимо: «Доброе». И вдруг легко улыбнулся, криво, но понятно.

Сиделка всплеснула руками.

— Вот молодец! Спасибо тебе! Сейчас позавтракаем, а потом массаж. Хорошо?

Калегов кивнул. У него получилось! Он вдруг ясно понял, что в болезни, как в спорте: хочешь достижений — применяй сверхусилия. Вот и правая рука вроде бы приподниматься стала. Он потянул её что есть силы вверх.

Хлопнула дверь палаты.

— Татьяна, как наш чемпион?

— Сергей Борисович, он мне только что «доброе» сказал!

— Тебе не показалось?

— Нет, я ясно слышала! И руку поднимал. Вон опять пытается.

Скрипнула кровать, Калегов почувствовал на своей перенапряжённой руке прикосновение тёплых ладоней, они мягко опустили его руку, твёрдо пробежались по ней пальцами, расслабляя мышцы.

— Ну, Андрей, ты просто герой, а теперь надо срочно немного передохнуть, — доктор оглянулся на сиделку. — Татьяна, я пришлю сестру, она даст снотворное, пусть поспит.

— А процедуры?

— Я скажу, чтобы перенесли на после обеда.

Калегов и капитан Васильев, оба в кимоно, сидели на длинной скамейке в пустом спортивном зале.

— Боюсь, скучать буду.

— Так оставайся на сверхсрочную. Службу знаешь, женишься, корни пустишь.

— Корни, это вряд ли.

— Почему? Ты же говорил, у тебя невеста в Бресте?

— Была, — горько усмехнулся Андрей. — Поплакала мне в плечо и уехала с папой в Германию. Он в автосервис устроился, будет немецкие битые машины ремонтировать и нам, лохам, впаривать.

— Хм, — капитан озадаченно потёр подбородок. — Может, оно и к лучшему?

— Может, — вздохнул Калегов, он всё ещё переживал внезапное расставание.

— Ну, так оставайся служить, ты же прирождённый десантник.

— Кому служить, Геннадий Арсеньевич? Союза нет, мы с вами теперь за границей.

— Россия всё равно есть. Я тебя в Псков переведу в спецроту. Прапорщика получишь, заочно учиться сможешь.

— Я, учиться?

— А ты что, дурнее других? Диплом получишь, офицера присвоят.

Калегов задумался, Васильев его не торопил.

— Геннадий Арсеньевич, я слышал, нашу бригаду в армию Белоруссии передавать будут, а вдруг с переводом в Псков не получится? Не, я домой поеду.

— Ладно, решил, так решил. Ты, главное, спорт не бросай, он тебя всегда выручит и поддержит.

Они встали, обменялись крепким рукопожатием.

— Геннадий Арсеньевич, может, свидимся ещё?

— Не исключено, — улыбнулся тот.

Калегов приехал в родной город утром вместе с первым снегом. Едва вышел из междугороднего автобуса, сразу замело, да так зло и пронзительно, будто природа как раз его и дожидалась, дабы распрощаться с осенью. Андрей в сержантской парадке поёжился и заторопился к остановке. Карпинск изменился: на каждом углу ларёк, везде мусор, пустые бутылки, на улицах, несмотря на холод, непривычно много людей, бесцельно бредущих или глазеющих по сторонам, одетых небрежно и ветхо, с тоскою в глазах. В Бресте так уныло не было.

Мать его встретила с удивлением и радостью.

— Мам, я же телеграмму послал.

— А меня дома не было, сынок, — безвинно улыбнулась она. Они обнялись.

— А Оксанка где?

— Без понятия, — мать поникла, устало присела на табурет, — она совсем от рук отбилась, грубит.

— Как же так, я отметить по-семейному хотел, гостинцев привёз.

— Ничего, на комоде телефоны подружек, я к соседке сбегаю, обзвоню. Ты хозяйничай пока.

Мать ушла, Калегов оглядел крохотную кухню и грустно покачал головой. Отвык он от этого мирка, раньше не замечал его убогости, а теперь... а теперь вся страна рухнула, стало ещё хуже.

Звонок в дверь. Калегов открыл, на пороге юркий паренёк с наглыми глазами. Андрей вопросительно посмотрел на незваного гостя.

— Андрюх, привет.

— Привет, только от кого?

— От Усти. Слыхал?

Калегов кивнул, кто ж не слыхал? Не успел приехать, приятели разъяснили новые порядки и кто в городе «мазу» держит. Устюжанин личность известная.

— Выходи на крылечко, там старшой тебе всё объяснит.

— Хорошо, оденусь только.

На скрипучем крылечке их старого двухэтажного барака курили два плечистых парня, а худосочный посыльный уже сидел за рулём большого «Мерседеса» и посматривал в их сторону. Молодые люди обменялись рукопожатиями. Поговорили, Андрей слушал, что-то отвечал. Потом кивнул, они неспешно двинулись к машине.

Калегов смотрел через густо тонированное стекло на свой город и ощущал себя в другом мире, тем более, в этой большой машине уличные звуки гасли, усиливая эффект потусторонности. Он настроился на дальнюю дорогу, подумав, что его повезут куда-нибудь загород, в поместье за высоким забором, но они приехали в центр города. Машина несколько раз повернула и остановилась у двух зданий из жёлтого кирпича, раньше их называли райкомовскими.

Просторный коридор квартиры был уставлен коробками с импортными наклейками, пахло сигаретами и алкоголем. Они прошли мимо небольшой комнаты с нарисованными весёлыми львятами на стене, здесь стояли четыре неряшливые кровати, на одной храпел здоровяк в одежде, одна нога была в кроссовке, со второй свисал мятый грязно-белый носок. В большой комнате с когда-то шикарной румынской стенкой в кресле у окна восседал крепкий мужчина средних лет в спортивном костюме, он кивнул на стул перед собой, не торопясь прикурил. Калегов сел, два его сопровождающих уселись на диван, тот недовольно скрипнул.

— Андрей, ты ведь в десанте служил? — спросил Устюжанин.

— В десантно-штурмовой бригаде, Игорь Иванович, — вежливо ответил Калегов, как проинструктировали его ещё в машине.

Авторитет довольно улыбнулся.

— Чем заниматься планируешь?

— Работу буду искать, может, в Екатеринбург поеду.

— Понятно, — усмехнулся Устя, — будешь в Ёбурге на заводе батрачить?

Калегов неопределённо пожал плечами, Устя понимающе кивнул.

— Колдун, завод не для тебя, ты же боец, а не терпила. Предлагаю тебе у нас поработать.

— Это кем же? — насторожился Андрей.

— Не бойся, — усмехнулся Устя и пустил густое кольцо дыма, — криминал без тебя обойдётся. У меня есть место в охране рынка, обычная работа. Зарплата приличная, тренироваться сможешь.

Калегов задумался. Первый позыв был отказаться, он понимал, где он и с кем разговаривает, но работа обычным охранником пока вполне бы его устроила.

— Андрей, сейчас времена такие, что народ сам за порядком следить должен, на ментов и чинуш никакой надежды. Вот мы и следим. Так как?

— Я согласен.

Калегов раскрыл сумку и принялся складывать туда вещи, в комнату зашла мать, тревожно прижала к груди руки.

— Сынок, может, ты зря уволился?

— Зря?! — Калегов со злостью закинул в сумку кроссовки и потёртые боевые перчатки. — А ты что, предлагаешь, остаться и деньги со стариков собирать?! Они последнее на рынок несут, а я, как держиморда, таксу с них брать буду?! Нет уж, спасибо.

Он раздражённо застегнул молнию сумки, прощально обвёл взглядом свою маленькую, но такую родную комнату.

— Андрюша, куда ж ты теперь?

— В Екатеринбург поеду, меня обещали охранником в торговый центр устроить.

— А как же мы с Оксаночкой?

— Я приезжать буду.

Сиделка вывезла Калегова на улицу. Он сидел в кресле и довольно щурился на солнце, воздух легко и обильно вливался в лёгкие, наполняя сердце надеждой. Аккуратные дорожки реабилитационного центра под елями и соснами, две утки, вразвалочку идущие по дорожке, игнорируя больных, отдыхающих на скамейке, белка, неутомимо скачущая у КПП то на толстый ствол, то обратно на землю, и добрый говор сиделки Татьяны за ухом, неразличимый по смыслу, но так приятно ласкающий слух. Всё это неслышно шептало ему: живи, борись, ещё не всё потеряно. Андрей пошевелил правой рукой, коляска остановилась.

— Что, хороший мой? — спросила сиделка. Андрей было что-то невнятно замычал, но оборвал себя, напрягся и почти отчётливо громко произнёс:

— Хорошо.

Из дверей КПП вышел Гуреев, издалека засиял улыбкой и быстрым шагом направился к нему.

— Привет, Андрюха! — он наклонился и бережно обнял друга, тот крепко сжал ему предплечье и сказал:

— Привет!

— Ого! — обрадовался Гурьев. — Вот это прогресс! Татьяна, спасибо вам, давайте я его покатаю? А вы передохните.

— Хорошо, — сиделка глянула на часы. — Через сорок минут жду в фойе, у нас процедуры.

— Не вопрос, — Гурьев наклонился к Калегову. — Ну что, на наше место?

Андрей кивнул и попытался улыбнуться.

Встречать Новый год Андрей приехал в Карпинск. Привёз домой целый ворох подарков, всяких вкусностей, вина и шампанского. Он радостно обнялся с сестрой и мамой, та от избытка чувств долго не выпускала его из объятий. Потом они вместе накрыли стол и сели праздновать. Было хорошо и уютно.

Калегов подливал шампанского в бокалы матери и сестры, его бокал стоял практически нетронутый. Раиса Ивановна с удовольствием сделала глоток и любяще посмотрела на сына.

— Очень вкусное шампанское, да, Оксаночка?

— Ничего, — кивнула сестра, лениво ковыряясь вилкой в тарелке.

— Оксан, ты чего такая грустная?

— Её подруга приглашала, из-за тебя осталась, — ответила за неё мать. — Может, отпустим?

— Конечно, отпустим. Пусть идёт, я не обижусь. Ты только веди себя хорошо, ладно? Не забудь, о чём мы с тобой сегодня говорили.

Девушка тут же расцвела радостью, вскочила, обняла брата, поцеловала.

— Не забуду. До встречи в новом году! Андрюш, можно я бутылку вина возьму?

— Можно.

— Что это у вас за разговоры? — прищурилась мама, когда Оксана убежала.

— Воспитательные.

Раиса Ивановна вполне удовлетворилась этим ответом и вылила себе в бокал остатки шампанского.

— Сынок, а ты, я смотрю, так и не пьёшь?

— Мам, я же спорт не бросаю, форму держу.

— Молодец. Эх, пропадаем мы здесь, сынок, может, хоть ты человеком станешь.

Калегов включил телевизор, пощёлкал каналами.

— Андрюша, открой ещё шампанского?

— Мам, может, попозже, ты как себя чувствуешь?

— Отлично, мне пару глотков для настроения.

Калегов сходил на кухню, хлопнул дверцей холодильника, вернувшись, занялся пробкой. Раиса Ивановна нежно наблюдала за сыном. Он добавил в её бокал шампанского и вогнал пробку обратно в бутылку.

— Мам, открою под куранты.

— Ладно-ладно, не волнуйся, — женщина, довольно прищурившись, пригубила вино. — Кстати, сынок, чуть не забыла. К тебе тут твои товарищи спортсмены заходили.

— Какие спортсмены? — насторожился Калегов.

— Товарищи по секции. Хотели письмо тебе написать, так я им твой адрес в Екатеринбурге дала. Не написали?

— Пишут, наверное, — нахмурился сын.

Морозным утром Андрей решил сходить в магазин. После двух новогодних дней

город отсыпался, и в магазине он был единственный покупатель. Продавщица откровенно дремала за прилавком. Настроение у Калегова было дурное, слова матери о «товарищах спортсменах» не выходили из головы. Он понял, что прежние работодатели его просто так отпускать не хотят. Плохое предчувствие нарастало.

Хмурый и задумчивый он вышел из дверей магазина. А вот и неприятности: у ступенек крыльца его поджидали трое бандитов. Один очень здоровый, второй худощавый с набитыми косточками на кулаках, третий жилистый, высокий, он и начал разговор.

— Привет, Колдун, с прибытием в родной город. Поговорим?

— Так уже говорим.

— Пошли, спортсмен, в скверик, — пробасил здоровяк, — чтоб народ не пугать.

Укромный скверик, запорошенный снегом. Калегов поставил пакет с покупками на заснеженную лавку, повернулся к бандитам. Разговор опять начал жилистый.

— Ты Устю обидел. Он тебе работу дал, а ты с ним даже не попрощался.

— Согласен, неудобно получилось. Вы мои искренние извинения Игорю Ивановичу не передадите?

— Во даёт! — не сдержался здоровяк.

— А ты борзый, — негромко буркнул худощавый, грозно хмурясь на Андрея.

— От нас просто так не уходят, — покачал головой жилистый. — Так что, Колдун, ты или возвращайся, или мы тебя накажем. Надо будет, и в сибирской столичке найдём.

— Вон оно как! — разозлился Калегов. — Обиделись? А сестру мою на наркоту зачем подсадили?

— Она сама захотела, — ухмыльнулся жилистый. — Ты у неё спроси.

— Спрашивал. Вы её специально подставили.

Здоровяк вытащил нож, жилистый хотел что-то сказать, но Андрей не стал дожидаться, неожиданным выпадом ноги выбил нож, врубил кулаком верзиле в подбородок, тот осел, как подрубленный. Второй бандит тоже выхватил финку, но Андрей выдал ему прямой удар ногой под колено. Что-то хрустнуло, тот тоненько заверещал и, выронив нож, упал. Жилистый отскочил и рванулся в сторону, метрах в двадцати обернулся.

— Передай, не вернусь я к вам, — крикнул ему Калегов.

— Тебе конец, Колдун!

Калегов дёрнулся в его сторону, тот задал стрекоча. Андрей подхватил пакет со скамейки и поспешил домой, было ясно, что новогодние каникулы досрочно прерываются.

Кокорин, школьный тренер Калегова, открыл дверь и удивлённо уставился на своего бывшего воспитанника.

— Вы извините, Николай Алексеевич, я...

— С Новым годом, между прочим, — прервал его Кокорин. — Хотя вряд ли ты меня поздравить пришёл, заходи.

Они сидели на кухне, пили чай. Калегов рассказал тренеру всё как есть, теперь они молчали, обдумывая ситуацию.

— На автобус тебе нельзя.

— Угу.

— Я тебе, Андрей, машину найду. Есть у меня надёжный папа.

— Спасибо!

— Бензин ему оплатишь туда-обратно.

— Само собой.

— Погоди мельтешить. Ты в Екатеринбурге не оставайся, найдут.

— Я знаю. Мне дружбаны по работе рассказывали про моего земляка в Москве...

Кокорин поморщился.

— Андрей, что значит дружбаны? Друзья. Говори правильно, за умного сойдёшь, — они невесело посмеялись. Кокорин включил конфорку под чайником. — Так что там за земляк?

— Он вроде дело своё в Москве открыл, не жадный. Сам спортом занимается и знакомых в столичном спорте имеет. Его спрашивали насчет меня, сказал, пусть едет.

— Вот видишь, это судьба, — тренер встал. — Всё, иду звонить насчёт машины.

Калегов тоже вскочил.

— Спасибо вам, Николай Алексеевич!

Кокорин подошёл, обнял, похлопал по плечу.

— В такие времена как же я своим мальчикам не помогу?

Гуреев встретил Калегова у вагона.

— Саша.

— Андрей, — они обменялись рукопожатием. — С прибытием, земляк. Двинулись?

За фонарями необъятного Казанского вокзала висела густая зимняя ночь, пронизываемая сполохами и шумами большого города. Калегов с любопытством разглядывал своего нового знакомого: явно постарше, но по-спортивному подтянутый, походка упругая, шаг широкий, встретил радушно, без всяких столичных закидонов.

Они тихо вошли в просторный холл квартиры, из кухни выглянула миловидная женщина.

— Это Света, — шепотом представил жену Гуреев, — моя вторая половина.

— Андрей, — едва слышно прошелестел Калегов и почему-то смутился.

Женщина улыбнулась.

— Очень приятно. Саша, хозяйничай, а я спать, мне завтра на работу, — она приветливо махнула ладошкой.

Есть не хотелось, они, не сговариваясь, сошлись на чае. Андрей после дороги разомлел, глаза сами собой закрывались. Гуреев это видел и ни о чём не расспрашивал. После чаепития он привёл Калегова в небольшую комнатку с разложенным и застеленным диваном.

— Вот, располагайся.

— Саш, спасибо. Я завтра в гостиницу съеду, у меня деньги есть.

— Никаких гостиниц! Поживёшь пока здесь.

— Но...

— Никаких «но»! Земляк ты мне или не земляк? Спи, завтра поговорим.

Утром завтрак затянулся. Калегов сначала кратко рассказал о себе, но Гуреев не унимался, всё расспрашивал и расспрашивал, и про тренировки, и про соревнования юниоров, и про службу в армии, и про жизнь в Карпинске. Слушая, как живёт теперь его родной город, Александр горестно покачивал головой.

Андрей замолчал, а Гуреев ещё долго сидел в молчаливой задумчивости.

— Как я понял, — прервал он молчание, — ты тренировки не прекращал?

— Нет, конечно. Я в хорошей форме. Кстати, у тебя тут поблизости спортзала нет?

— Спортзалы везде есть, только тебя прежде на работу надо устроить. Я сначала к себе хотел пристроить...

— А что делать надо?

— Недвижимостью торговать. Сможешь?

Калегов так энергично замотал головой, что Гуреев рассмеялся.

— Не дрожи, земляк, я знаю, где ты будешь ко двору. Пойду я несколько звонков сделаю, а ты пока посуду помой. Справишься?

— Легко.

Гуреев набрал номер, повезло: ответили сразу.

— Ашот Иванович, с Новым годом!

— Саша, ты же уже поздравлял. Говори, что стряслось?

— Ашот Иванович, от вас ничего не скроешь. Земляка хочу показать.

— Показать, — сыронизировал собеседник, — скажи честно, пристроить в институт хочешь?

— Клянусь, классный боксёр, кандидат в мастера, в десанте служил.

— Хм, интересно. Ладно, приводи к пяти своего КМСа, посмотрим, каков. Пусть кроссовки и трусы боксёрские не забудет.

— Ой, я не знаю насчет трусов, — растерялся Гуреев.

— Саш, какая разница! Пусть в штанах с лампасами приходит. До встречи.

Гуреев положил трубку и устало утёр рукавом пот со лба, что-то проворчал про себя, улыбнулся. Когда пришёл на кухню, та блестела чистотой. Калегов вопросительно смотрел на земляка.

— Андрей, у тебя кроссовки есть?

— Есть.

— А боксёрские трусы?

— Нет. Я в кимоно тренируюсь.

— Отлично. К пяти поедем в Горный институт, там классный тренер по боксу. Смотрины тебе назначил.

— В институте?

— Не сомневайся, Гаракян Ашот Иванович — светило в спорте, заслуженный тренер России, профессор, кандидат педагогических наук.

— По боксу?

— По физкультуре. Сам увидишь. А до этого мы ещё на Мясницкую заедем.

— А там что?
— Охранная фирма «Темикс», будешь в группе быстрого реагирования работать.
— Опять в охране?
— Не хандри, там классные ребята, все из ФСБ, они беспредела не допускают. Так как, едем?
— Едем.

Гуреев вышел из КПП реабилитационного центра и наткнулся на доктора Извозова. Тот стоял возле урны и с наслаждением потягивал сигарету.
— Сергей Борисович, вы здесь? Здравия желаю! Мне вас Бог послал.
— Здравствуй, Саша, — они пожали друг другу руки. — Ты Бога всуе не поминай, я всего лишь на плановую консультацию приезжал. Про чемпиона своего спросить хочешь?
— Да.
— Удивительный он товарищ, феномен, так сказать. Сегодня его долго обсуждали.
Доктор замолчал.
— И что?
— Организм у Калегова крепкий, живучий, а вот паралич, похоже, навсегда. Увы.
— Вы меня не удивили, — после долгой паузы грустно отозвался Гуреев.
Доктор затушил сигарету, поморщился.
— Надо бросать эту гадость. Саша, пошли, навестим вместе твоего друга.

Калегов с интересом осматривался: большой светлый зал, стены из светло-жёлтого кирпича, белые колонны и лестница, сине-белый ринг и красные боксёрские груши на длинных цепях. Вроде бы обычный спортзал, но какой-то воздушный. Люди здесь выглядели обыкновенно и шум стоял привычный: дробные удары спортсменов по грушам, скользящий скрип кроссовок и напряжённое дыхание пары десятков человек.

Андрей ожидал увидеть большого плечистого кавказца и был поражён, когда Саша представил его невысокому с намечающимся животиком седоватому человеку с изящно подстриженными усами и бородкой. Тот пронзительно и улыбчиво посмотрел снизу вверх на Калегова, протянул руку. Она была крепкая и сухая. Калегов не любил потные руки, а к таким рукам сразу проникался доверием. Гаракян после рукопожатия руку Андрея не отпустил, мягко повертел ею перед глазами, потом постучал по его предплечью и улыбнулся, видимо, осмотром остался доволен.

— Скажи, Андруша, трусы боксорские у тебэ ест? — с неподражаемым акцентом и с очень серьёзным видом спросил Гаракян.
— Нет, — слегка смутившись, ответил Калегов, — только кимоно.
— Комоно, так комоно, — улыбнулся тренер и уже без всякого акцента вполне серьезно добавил: — Куртку не надевай. Саша, покажи своему земляку раздевалку.

В чистой раздевалке, пахнущей не потом, а недавним ремонтом, Калегов открыл пустующий шкафчик и принялся переодеваться.
— Как тебе тренер?
— Немножко смешной.
— Шутить Ашот Иванович любит.
— Добрый, наверное?
— Ага, очень! Будет тренировать, заплачешь.
— И не подумаю, — Калегов вытянул руки с надетыми перчатками. — Зашнуруешь?

Когда гости удалились в раздевалку, Гаракян поднялся по ступенькам на помост ринга и, держась за канат, осмотрел зал, ища нужного спортсмена. Нашёл.
— Слава! — крикнул он зычно и поманил к себе жестом. К тренеру лёгкой трусцой подбежал высокий рукастый парень с короткой военной стрижкой. — Гостя заметил?
— Саша опять земляка привёл? — улыбнулся боксёр и выразительно стукнул перчатками друг о друга. — Просветить надо?
— Да, только нежно, без травм.
— Ашот Иванович, сделаем в лучшем виде.

Слава был выше Андрея и шире в плечах. Гаракян хлопнул в ладоши, боксёры начали мужской танец. Слава, надеясь на свои длинные руки, принялся атаковать с дальней дистанции и придавливать противника к углу ринга. Он ожидал, что Андрей попятится, но тот, успешно отбивая удары блоками, шагнул навстречу, провёл обманный финт в челюсть, вынудив соперника на мгновение приподнять руки, и резко ударил чуть ниже солнечного сплетения. Слава отскочил и с изумлением в глазах принялся глотать воздух.

— Стоп! — жёстко скомандовал Гаракян и ловко проскользнул через канаты на ринг. Он подошёл к своему боксёру, заглянул ему в глаза, тот уже отдышался, похлопал его по плечу. — Не ожидал? — Слава помотал головой. — И я не ожидал. Ты иди, спасибо, — Гаракян повернулся к Калегову и, забрав назад руки, медленно обошёл его вокруг, остановился напротив: — Молодец! — Калегов вдруг покраснел и смутился. Это ещё больше понравилось тренеру, он заулыбался. — Быстрый. Саша сказал, ты рукопашник?

— В армии занимался.

— А что чемпионом был, почему молчишь? Скромный или гордый?

Калегов вдруг открыто улыбнулся.

— Ашот Иванович, я и то, и другое.

Гаракян не ответил, покачал головой и двинулся к канатам, поманив рукой за собой. Возле свободной груши остановился, кивнул на неё.

— Ударь ногами, — Калегов хлёстко и быстро провёл серию ударов ногами. Гаракян довольно покивал и спросил. — Про кикбоксинг слыхал?

— Конечно!

— В Москве он на подъёме, пойдешь?

— Пойду.

— Только учти, там бьют не по-детски.

— Так я битый, не боюсь.

— Ну-ну, герой, там видно будет. Учти, я поблажек не делаю, режим тебе распишу, нарушений не потерплю. Устоишь от соблазнов?

— Устою.

— Договорились. Паспорт с собой? — Калегов кивнул. — А аттестат?

— Тоже, только он...

— Ничего, — махнул рукой тренер, — главное, что есть. Иди переодевайся.

Андрей, сияя улыбкой, поспешил в раздевалку. Гаракян повернулся к Александру, всё это время стоявшему в сторонке.

— Хороший парень, перспективный. Он у тебя живёт?

— Угу.

— Подержишь пока?

— Не вопрос.

— Я твоего земляка на подготовительные курсы оформлю, сессия начнётся, в общежитие устрою, потом на летние сборы заберу. А если спорт у него хорошо пойдёт, общежитие ему через ректора ещё раньше сделаю.

— Спасибо, вам, Ашот Иванович!

— Как знать, не исключаю, что и я тебе спасибо скажу.

Через месяц Андрей получил место в общежитии Горного института. А через три радостно сообщил Гурееву, что его взяли в сборную Москвы по кикбоксингу и, возможно, включат в сборную России.

Гуреев встретил Андрея и Виталия на Войковской.

— Ну что, боксёры, готовы на смотрины? — бросил он им после рукопожатий. — Тогда за мной!

Квартира находилась на последнем этаже обычной хрущёвки и, видимо, не впечатлила, потому что они вышли из пошарпанной двери с кислыми физиономиями. Следом за ними появилась полная женщина и с усмешкой взглянула на них.

— Ребятки, по такой цене я бронь держу только до вечера, у меня на завтра уже два просмотра назначены.

— Я обязательно позвоню, — заверил хозяйку Гуреев.

Женщина кивнула и осторожно пошла вниз по лестнице. Виталий повернулся к Калегову.

— Андрей, как считаешь, уживёмся мы в обшарпанной однушке?

— Легко. Сейчас ведь живём вместе в общаге.

— Нет, ребята, так не пойдёт, — вмешался Гуреев. — Пошли вторую квартиру посмотрим.

— Так она в два раза дороже, — поморщился Виталий.

— Зато двушка.

Они позвонили в дверь, красиво обитую бордовым дерматином. Её открыли две улыбчивые девушки. Они озорно осмотрели мужскую компанию.

— Вы на смотрины?

— Ага, — широко улыбнулся Виталий. — Заодно и квартиру посмотрим, — все дружно и весело засмеялись. — Я Виталий, это Андрей, это Саша, а вас как зовут?

— Юля. Аня. Проходите.

Воспоминание подёрнулось грустной рябью и уплыло в темноту под веками. Калегов вспомнил, кто он, где он, но просыпаться категорически не хотел. Надо постараться вспомнить что-то радостное, хорошее.

В уютном ресторане с большими окнами на старый московский переулок за щедро сервированным столом восседал Гуреев и внимательно изучал меню. Андрей, Виталий, Юля и Аня вошли в зал, нашли взглядами Александра и, переглянувшись, тихо засмеялись. Юлия что-то всем шепнула, друзья кивнули и тихо двинулись к Гурееву. Они выстроились возле столика и, по жесту Юлии, дружно проскандировали: «Здравствуй, Саша!» Тот выронил меню, охнул, вскочил и бросился со всеми обниматься.

— Как я столик организовал? — гордо спросил он, когда они расселись по местам.

— Шикарно! — Виталий плотоядно потёр ладони. — Люблю я вкусно поесть. Саш, а твоя Света надолго задержится?

— Нет, на один тост, — Гуреев принялся разливать вино по бокалам.

— И за что выпьем? — спросила Юля, приподняв бокал.

— За то, Юлечка, что год назад я привёл этих двух оболтусов в некую квартиру на смотрины, и теперь мы ждём две свадьбы, — он поставил бутылку и поднял свой бокал. — За ваше счастье, друзья!

— Без меня?! — на свободный стул присела Света. — Саша, налей мне, я тоже хочу за счастье выпить.

Все радостно загомонили, раздался звон бокалов.

Гуреев впустил Калегова в квартиру, они по-дружески обнялись.

— Андрей, я тебя год не видел!

— И я!

Они весело рассмеялись и прошли на кухню. Стол был накрыт к обильному завтраку. Андрей восхищённо покачал головой.

— Саша, Светочке низкий поклон за её знаменитые блинчики! — они уселись за стол, гость по-свойски налил себе кофе и приступил к трапезе, а вот Гуреев вдруг помрачнел и раздражённо постукивал по столу пальцами. — Саш, ты чего?

— А ты чего? Почему Горный бросил и из команды ушёл?

Калегов опустил блинчик на тарелку.

— Ну вот, аппетит испортил, — он пристально глянул на друга. — Надоело за титулами гоняться.

— А как же пояс чемпиона мира? Подумаешь, засудили тебя в Киеве! Ты что, обиделся?

— Так ведь действительно засудили. Азербайджанец слабее меня, бил реже, а ему победу по очкам присудили.

— Да хоть бы и так, что ж теперь, спорт бросать?

Калегов покачал головой, откусил половину блинчика, зажмурился от удовольствия и хлебнул кофе. Гуреев терпеливо выжидал.

— Саш, поверишь, не обиделся я.

— И всё бросаешь?

— Угу.

— А как же Гаракян?

— Мы с ним вчера полвечера разговаривали.

— И он тебя не послал?

— Я ему всё объяснил.

— Тогда и мне, своему другу, объясни, пожалуйста.

— Перебивать не будешь?

— Не буду, давай излагай.

Андрей задумался, потер подбородок и начал рассказ с риторического вопроса:

— Саша, ну какой из меня геолог.

Да, он получил несколько престижных титулов, стал мастером спорта международного класса по кикбоксингу, деньги на турнирах неплохие заработал, даже квартиру купил. А дальше что, тренером работать? На это талант нужен. И жена ворчит, что неделями не видит мужа, что денег в семье то густо, то пусто. Кстати, это Юля задала вопрос по учебе: «Ты что, и впрямь руду в Сибири искать собираешься?» Предупредила, что она не декабристка и из Москвы не уедет. Вот тогда Андрей ей и брякнул: «А в Германию?» Он ей просто так сказал, а она вцепилась, пришлось рассказать, что его в Германию пригласили в профессиональный клуб Виталия Кличко. Жильё обещали и зарплату хорошую, опять же турнирные деньги в долларах, а не в рублях.

— Короче, Юлька меня убедила, билеты на руках, визы открыты, завтра уезжаем.

Калегов замолчал и взялся за новый блинчик. Гуреев покачал головой, задумчиво

потёр подбородок.

— Андрей, работать в Европе — это не туристом по ней разъезжать.

— А я работы не боюсь.

— Значит, собираешься Европу покорить?

— А почему бы и нет? Посадил же я негра на задницу, а какой здоровый был?

— На чемпионате Европы в Амстердаме?

— Угу, — жуя, подтвердил Калегов.

— Ох, Андрей, сомневаюсь я. В Европах и своих, и чужих героев хватает, затопчут.

— Да ладно тебе, там наших ребят полно, поддержат.

— Дай Бог! Может, гульнем на дорожку сегодня? Светка рада будет.

— Прости, друг, не выйдет, прямо от тебя иду собирать чемоданы.

— Теперь понятно: блинчики впрок закидываешь?

— Вкусные, там таких не будет

— Там много другого вкусного. Подсядешь на их пиво и шницели и станешь, как тот негр из Амстердама.

Прошёл год. Гурьев лениво повернулся в кровати, Света сонно толкнула его в бок, мол, не ворочайся. Как же не хочется вставать. Внезапно затренькал телефон, будь он неладен. Александр схватил трубку с базы и, нажав приём, выскользнул из спальни.

— Слушаю, — недовольно отозвался он и зевнул.

— Привет, Саша! Вот решил тебя до зарядки достать.

— Андрюха, ты?! Откуда?

— Из Москвы. Вчера вечером приехали.

— Надолго?

— Навсегда.

— О как! Значит, Европу побоку?

— Да ну их, заднеприводных. Все словно с ума посходили.

— Неужто из-за этого вернулся?

— Да нет, из-за тупизма ситуации. У Виталика контора не зря клубом называется, в ней и команда, и школа, и сетка боёв, а ещё куча менеджеров, юристов. Я думал, в боях буду участвовать, а меня два раза выпустили, а потом приказали бой слить какому-то голландцу. Я послал.

— Давили?

— Нет, это же не кино. Просто из боёв выкинули, перевели на спарринги, помощником тренера поработал. Короче, скучно и противно. Вот досидел до конца контракта и слинял. Даже Юлька Европы наелась.

— И что будешь делать?

— На родину с семьёй съезжу, маму навещу, потом в «Темикс» вернусь.

— Не забыли тебя?

— Помнят, — засмеялся Калегов, — я ещё из Германии звонил, ждут.

— Это хорошо, когда работа есть. В институте тебе надо восстановиться. Хочешь, с тобой схожу, я там много кого знаю.

— Нет, Саша, в Горный не вернусь, буду искать ВУЗ попроще. Саш, ты как насчет сегодня попраздновать? Я тебе всё в подробностях распишу.

— На «Чистых прудах»?

— Ага, я столик забронирую.

Калегов лежал на массажном столе и ощущал себя на седьмом небе: он чувствовал правую ногу! Он вновь пошевелил ею, и по нервам опять пронеслась пронзительная боль, но он был счастлив. Андрей зажмурился и что есть сил потянул её на себя, казалось, он делает жим килограммов в сто двадцать и одновременно держит пальцы в розетке. Он застонал и отключился. Когда открыл глаза, увидел над собой Извозова и криво, как смог, улыбнулся ему. Тот положил ладонь на подрагивающую после перенапряжения ногу, чуть прижал.

— Шевелить больно?

— Да, но хорошо, — почти внятно ответил Калегов.

— Ты пока полежи спокойно, Наташа тебе сейчас снотворное даст, надо поспать.

Андрей кивнул и прикрыл глаза. Массажист разблокировал колёса, из-за спины доктора вышла медсестра и точными движениями выкатила каталку из комнаты. Доктор повернулся к массажисту.

— Молодец, Толя, что вызвал.

— Так мне ж сказали, обширный паралич, а он вдруг ногой дрыгает и морщится.

— Этот парень не устаёт удивлять. Месяц назад у него все осколки из ног вышли. Сами. Читал об этом, но видел впервые. И вот опять, — доктор вытащил из кармана пачку сигарет, взглянул на неё и опустил обратно. — Пойду я воздухом подышу.

Васильев подошёл и молча сел за стол. Некоторое время он и Калегов вглядывались друг в друга.

— Геннадий Арсеньевич, как же я рад вас видеть!

Васильев улыбнулся и протянул руку. Крепкое рукопожатие.

— Я тоже, Андрей, — подошла официантка. Калегов вопросительно посмотрел на своего бывшего командира. — Мне только кофе.

— Два кофе и порцию блинчиков.

— А как же калории?

— Отработаю.

— Эх, молодость, — вздохнул Васильев, потом нахмурился. — Так что, надумал, Колдун? Помнишь ещё свой позывной?

— Помню. Согласен, конечно.

— Ты говорил, у тебя диплом о высшем образовании имеется?

Калегов кивнул.

— Год назад получил.

— Диплом настоящий?

— Обижаете, Геннадий Арсеньевич, всё по-честному. Четыре года заочно учился в «Университете печати».

— Это хорошо. Завтра ко мне в контору придёшь, пропуск закажу. Напишешь рапорт. Как только он все инстанции пройдёт, получишь прапорщика, через годик отправим тебе на оперативные курсы, окончишь и офицерские погоны наденешь. Но учти, заграница для тебя закрывается.

— Невелика потеря, насмотрелся. Геннадий Арсеньевич, так чем же я буду заниматься, может, хоть сейчас расскажите?

— Расскажу. Я в антитеррористическом центре ФСБ работаю, мне помощник нужен, инструктор по специальной и физической подготовке. Будешь со мной по командировкам мотаться, учить бойцов рукопашному бою, зачеты по нормативам принимать. Ну, что застыл, аки памятник?

— Дыханье перехватило. Это что ж, и в «Вымпеле» тоже?

— Везде, где нужно. Наши спецы, как музыканты, должны ежедневно тренироваться, чтобы форму и навыки не терять. Вот мы и будем им помогать.

Сиделка Марина поднесла смартфон к Калегову, послышался взволнованный голос Гуреева:

— Андрей, у тебя всё в порядке?

— Да.

— Я получил СМС, вот перезваниваю и волнуюсь.

— Я... сказать... повернулся.

— Что, не понял?

— Сам, Саша! — Калегов устало откинул голову на подушку и кивнул сиделке. Она заговорила:

— Александр, Андрей хотел сказать, что он сегодня сам повернулся на бок!

Рано утром Васильев и Калегов вышли из поезда на неприметной станции, на площади их дожидался военный УАЗик с бравым усатым капитаном возле открытой дверцы.

— Подполковник Васильев, — представился Геннадий Арсеньевич.

— Капитан Тихонов, — лихо козырнул офицер. — Прошу.

Они загрузились в машину. Васильев скоро задремал, а Калегов с интересом смотрел через окна на российскую глубинку. Пока ехали по узкому, но добротному шоссе, Андрей не раз ловил на себе взгляды капитана, но демонстративно не замечал их. Затем машина свернула с шоссе и поехала по укатанной, но извилистой и ямистой грунтовке, и им стало не до переглядов. Скоро въехали в лес, затем неожиданно вырулили на бетонку, на которой чуть ли не через каждый километр висел знак «Въезд запрещён». Резво постукивая по стыкам плит, машина подъехала к КПП. В салон заглянул лейтенант, молча кивнул капитану и махнул рукой. Ворота открылись, машина несколько раз резко вильнула, проезжая короткий лабиринт бетонных блоков между двумя рядами колючей проволоки. Через минуту дорога привела их в небольшой военный городок, явно мало изменившийся с советских времён. Машина пронеслась мимо типичного дома офицеров, столовой, пары магазинов, за ними мелькнули жилые дома. УАЗик резко свернул и подкатил к пятиэтажке, над крыльцом которой висела выцветшая надпись «Гостиница». Капитан вышел из машины, высокий, гибкий, потянулся. Виновато посмотрел на Васильева.

— Извините, товарищ подполковник, засиделся. Какие будут распоряжения?

— Через час здесь, выезд на полигон.

— Есть!

Капитан козырнул и укатил. Васильев взглянул на Калегова.

— А мы с тобой заселяемся, принимаем душ и стремительно завтракаем. Задача ясна?

— Так точно! — вытянулся Андрей, правая рука была занята дорожной сумкой.

Геннадий Арсеньевич улыбнулся, похлопал помощника по плечу.

— Боязно?

— Интересно.

— Не забудь кроссовки с собой взять, вдруг понадобятся.

Позавтракали в уютном гостиничном буфете. Калегов промокнул салфеткой губы и вопросительно посмотрел на шефа, Васильев звякнул пустой чашкой о блюдце.

— Андрей, это твой первый инспекторский выезд, потом их много будет, привыкнешь. Имей в виду, ребята здесь в основном из десанта, с гонором, заводные, будут подначивать, игнорируй.

Калегов улыбнулся.

— Геннадий Арсеньевич, вы серьёзно?

— Конечно. Они знают, что ты новичок, проверить захотят.

— Так вот к чему кроссовки? Геннадий Арсеньевич, я проверок не боюсь.

— Вот и хорошо, — вдруг согласился Васильев и посмотрел на часы. — Нам пора.

У начала полосы препятствий на лавочках сидела гурьба гогочущих могучих парней. Нет, они не все выглядели богатырями, но в глазах Андрея от них просто веяло силой и удальством. «Ребята», как называл их Васильев, были разного возраста, от молодых лейтенантов и прапорщиков до капитанов и даже пары майоров.

Васильев, а за ним Калегов с небольшим рюкзаком защитного цвета в руке вышли из машины.

— Ой, — донеслось до Андрея, — прапор оценки нам принёс.

Посмеяться не успели, Васильев зычно и строго приказал построиться. Прошёлся перед строем.

— Значит, так, сегодня короткая полоса препятствий и спарринг без оружия на десерт. Вопросы есть?

— Так точно! — отозвался огромный плечистый старший лейтенант в залихватски надвинутом десантном берете. — Помощника своего нового представьте, пожалуйста.

— Иван! — вмешался подтянутый невысокий майор, но Васильев остановил его жестом.

— Ничего, Сан Саныч, просьба справедливая. Отвечаю на поставленный вопрос: мой новый помощник Калегов Андрей Александрович, в прошлом чемпион Москвы, России и Европы по кикбоксингу, служил срочную в моей роте в 38 ДШБ, завоевал первое место в первом чемпионате по рукопашке в 1991 году. Прошу любить и жаловать.

Притихшие было спецназовцы после последних слов загомонили, кто-то выкрикнул:

— Пусть чемпион покажет, на что способен!

Васильев терпеливо выжидал, потом посмотрел на бойкого старшего лейтенанта.

— Иван, ты спрашивал, тебе показ и принимать.

— Есть принимать! — заулыбался десантник.

— Стиль свободный, но чтоб без травм. Я вас, чертей, знаю.

Зрители стали полукругом, в центре разминал руки и ноги Иван. Когда к нему подошёл Калегов, переобувшийся в сторонке в кроссовки, оказалось, что он тоньше и ниже на голову. Сан Саныч протянул поединщикам пару специальных перчаток с открытыми пальцами. Они натянули и встали в стойки. «Бой!» — коротко скомандовал Васильев.

Десантник не стал особо церемониться, пошёл сразу вперёд. Он провёл серию нехитрых ударов руками и завершил атаку боковым выпадом правой ногой. Не прокатило, Андрей легко уходил, ставил блоки и ответил своей серией ударов. Было видно, что оба бьют вполсилы. Зрители завелись, они привыкли к жёстким спаррингам. Кто-то крикнул: «Хватит танцев, Иван, наддай!» Призыв подстегнул десантника, он распалился, бить стал резко и мощно. Зрители начали скандировать: «Убей, убей!» Громила перед Калеговым больше не игрался, и попасть под его молот было бы не просто фиаско, а опасно для здоровья, надо было перехватывать инициативу. Андрей пригнулся, сблизился и пробил серию стремительных ударов по корпусу, Иван на мгновение затормозился, но тут же опять ринулся вперёд. Зрители взорвались рёвом восторга.

Андрей понял, пробить этого бугая с бронёй мышц на животе невозможно, ещё ма-

лое время, и он задавит напором и мощью тренированного тела. Краем глаза Андрей заметил, что Васильев наблюдает за ними с совершенным спокойствием, прекрасно понимая рисунок боя и его стадии. Значит, все запреты сняты.

Калегов перестал активно атаковать, старательно маневрировал и уклонялся от ударов противника, вызывавших бурю зрительских восторгов. Старший лейтенант окончательно завёлся и пошёл на него неотвратимо, как танк. Именно этого Андрей и добивался. Выждав момент, он отбил блоком очередной выпад ноги, но теперь не отскочил в сторону, как прежде, а шагнул вперёд, прямо под руки десантника. Обманное движение — и молниеносный удар в подбородок. Иван замер, его глаза округлились, и он бухнулся на задницу. Повисла тишина, десантник, сидя, помотал головой и вдруг улыбнулся и громко сказал: «Вот это наддал!» Андрей протянул ему руку, тот ухватился, встал и добавил: «Точно, чемпион». Десятки мужских глоток взорвались восторгом.

Калегов дёрнулся и открыл глаза. Он понял, что проснулся, но в душе до сих пор разливалось ощущение боя и послушного тела. В палате было темно. Сиделка на соседней кровати рядом тихо посапывала носом. Рано. Он опустил веки и тут вдруг понял, что его левая нога дёрнулась и он это почувствовал! Он пошевелил ею. Точно! Он ощутил, как пальцы едва заметно потёрлись об одеяло. Ещё! Однако боль так прострелила в позвоночник, что он негромко застонал.

Включился ночник, сиделка приподнялась, стала тревожно всматриваться в него. Калегов сделал вид, что спит. И не заметил, как вновь уснул.

За окном мелькнул очередной полустанок, дорога с вереницей машин перед шлагбаумом. Васильев потянулся.

— Скоро Москва, — он внимательно посмотрел на своего мрачного помощника. — Ты что смурной такой?

— Товарищ подполковник, вы же знаете.

— Опять?! Ты что, не понимаешь, что у каждого свои обязанности. Ты делаешь важное дело, ребята тебя уважают. Знаешь, как они тебя за глаза называют?

— Знаю, чемпионом. Геннадий Арсеньевич, но это уже звучит смешно, а скоро будет звучать как насмешка.

— Калегов, что за бред?

— Мне перед ребятами стыдно, — продолжил Андрей, не обратив внимания на реплику Васильева, — я же пороха не нюхал. Подумаешь, рукопашная, когда она им пригодится? Они ж с боевой работы не вылезают, а тут я, с проверочками. Если я и чемпион, то не для них. Геннадий Арсеньевич, отпустите меня на боевую.

— Хм, а как же оперативные курсы, офицерское звание?

— Через год пройду, после боевой работы. Захотите, опять к вам вернусь.

— Ага, как же, буду я тебя дожидаться!

— Геннадий Арсеньевич, — тихо и упрямо сказал Калегов, — я не хочу, чтобы меня чемпионом называли, хочу, чтобы вспомнили мой позывной «Колдун».

— Вот же репей! — покачал головой Васильев. — Не могу я тебя отпустить, мил друг. Ты будешь за террористами гоняться, а нашу работу кто будет делать, Пушкин?

— Ну, Геннадий Арсеньевич!

— Ладно, замену себе подбери, отпущу.

— Я найду! — просиял Калегов.

— Но чтоб мне понравился и все проверки инстанций прошёл.

— Найду!

За окном показались пригороды Москвы. Васильев зевнул.

— Завтра у нас с тобой выходной, отчёты потом напишем. Супруге привет.

— Спасибо, передам.

Палатка в горах, жутко холодно, Калегова трясёт, невозможно согреться, костёр жечь нельзя. В палатку быстро втискивается подполковник, запахивает за собой полог. Его включили в группу перед самым выходом, не объясняя, зачем и почему, но в спецназе задавать вопросы было не принято.

Подполковник уселся рядом, заметил, как мёрзнет новичок.

— Операция первая?

— Угу.

— Носки шерстяные есть?

— Не взял.

— На, держи, — подполковник вытащил из рюкзака носки из толстой шерстяной нитки.

Калегов отпрянул.

— А как же вы?

— У меня ещё есть, я запасливый. Советую: всегда клади в рюкзак лишнюю пару шерстяных носков, а лучше две.

— Спасибо, — смутился Андрей, принимая в руки колкий дар.

Он быстро разулся и натянул на озябшие ноги носки, приятное тепло потянуло от ступней вверх. Подполковник достал спиртовку, поставил кружку с водой.

— Сейчас я тебя окончательно согрею.

Через пять минут Калегов пил дымящийся густой сладкий чай и щурился от наслаждения.

Андрей только что вернулся из охранения, теперь можно будет поспать. Подполковник ему приветливо улыбнулся.

— Ты ложись, а я умываться.

Офицер вышел, Калегов только теперь ощутил, как устал организм от холода, от вынужденной бессонницы. Непослушные пуговицы куртки сопротивлялись озябшим пальцам, Андрей уже был готов сдаться и завалиться спать, как есть, но тут вдруг рядом раздался оглушительный взрыв. Калегов мгновенно схватил автомат и, выпрыгнув из палатки, перекатился в сторону от места своего приземления, замер, напряжённо вглядываясь в заснеженные заросли. Их полянку и лес вокруг вновь накрыла тишина, даже студёный ветер стих. Рация хрюкнула и хрипло выдала: «Отбой тревоги».

Андрей растерялся, не зная, что ему делать, и тут увидел, как по тропинке из леса на плащ-накидке выносят окровавленного подполковника. Андрей метнулся в палатку за аптечкой.

Бойцы плотно перевязали раненому ноги и живот, но сквозь повязки медленно наливались красные пятна.

— Врача надо, — горько посетовал Калегов. У него не укладывалось в голове: всего полчаса назад подполковник улыбался ему, а теперь бледный и недвижимый лежит перед ними.

— Я вызвал вертушку, — безлико и ровно заговорил старший группы, пряча отчаянное внутреннее волнение. — Подполковника надо спускать к этой точке, — он ткнул карандашом в карту. — Колдун, Акула, несёте раненого, мы с Медведем остаёмся, задание никто не отменял. Сдадите подполковника и обратно.

— Понятно, командир, — кивнул Акула.

Он и Калегов потянулись к плащ-накидке, как вдруг офицер открыл глаза, чуть приподнялся, рывком схватил Андрея за ворот и заговорил неожиданно громко и отчётливо:

— Держитесь друг друга ребята, помогайте...

Пальцы его ослабли, он поник, глаза мёртво устремились в небо. Акула потрогал пульс на шее, медленно выпрямился и стянул с головы шапку.

— Как такое могло случиться? — тихо спросил Андрей.

— Мина, считай, на нашей тропинке рванула, — отозвался Акула и надел шапку.

Калегов недоумённо посмотрел на него.

— Как так, мы же там все ходили?!

— С прошлого года, наверное, стоит, — хмуро пояснил Медведь. — Зимой подмёрзла, а теперь оттаяла, весна.

— Несите, — перебил разговоры старший, — а я врача отзову.

Потом был короткий бой с десятком бандитов, идущих по тропинке. Выстрелы, крики, следом тишина и робкие трели умолкнувших прежде птиц. Но это в памяти сохранилось смутным мазком.

Лёжа без движения, Калегов перебирал свои воспоминания, как книги на полке. Вот эту помнит с детства, а эту прочитал и забыл, а у этой даже названия нет и листы белые. Почему так? Некоторые воспоминания были столь яркими, что буквально окутывали его прошлыми эмоциями, будоражили, лишали сна, а другие блёкло поблёскивали из прошлого, в том числе, спорт и победы на ринге, чемпионские титулы. На фоне боевого мужского братства и реального противостояния с врагами они казалось малозначительным, но они были в его жизни, и Андрей был рад их помнить. Он ни разу не пожалел о прожитом. «Герои не плачут», — шептал он забытую фразу мамы из своего детства.

Калегов теперь часто вспоминал доброго подполковника. Его, казалось бы, глупая и бессмысленна гибель, по прошествии многих лет, всё более выглядела подвигом, жертвой ради священного величия сказанных им последних слов. Видимо, иногда сокровенный смысл человеческой жизни сводится к вот такой яркой короткой вспышке. Жизнь угасла, а искра от вспышки зажгла сердца ратных братьев, и значит, ты полностью не умер. И ещё он думал, что раз он ещё жив, то должен совершить невозможное и вернуться.

После первой боевой операции последовали сотни других в самых разных уголках России, но чаще на Кавказе. В Дагестане Калегов получил особую специализацию: «щитовик». Несколько боевиков засели в жилом доме, пришла команда: ликвидировать с минимальным ущербом для села. Из машины принесли броневой щит почти в рост человека с ярко-красным кругом в центре и окошком с толстенным стеклом на уровне глаз. Весил он 36 килограммов и подвешивался на плечи «щитовика» с помощью сбруи.

Андрей застегнул ремни, приподнял щит, нормально, вполне по силам. Он вышел на позицию, высунув сбоку от щита пистолет-пулемёт, за ним, затылок в затылок, построились пять бойцов. Так они и двинулись, боевики открыли огонь из автоматов. Пули, цокая, ударялись в щит и отскакивали, не в силах остановить продвижение спецназовцев. Приказ был выполнен без потерь.

Нести щит доверяли самым сильным и хладнокровным. Калегов гордился, что именно ему поручили это опасное дело.

Через год Калегова отправили на оперативные курсы ФСБ. Спецдисциплины он изучал, как все слушатели, а по практической тактико-специальной подготовке неожиданно для себя оказался в роли преподавателя. Сначала его попросили рассказать о реальных операциях, он и рассказал. Потом ещё раз и ещё. Его заваливали вопросами и курсанты, и преподаватели, и он, как мог, отвечал, стремясь дать коллегам то, что ещё пока не написано в учебниках. Незаметно его рассказы переросли в регулярные лекции. Он договорился с руководством и несколько раз приносил для просмотра служебные фильмы, сделанные во время боевых операций. В них иногда получали ранения и гибли не только враги, но и спецназовцы. Специально кровь и трупы не снимали, но и не ретушировали, как в репортажах на ТВ, поэтому аудитория при просмотре таких видеозаписей так затихала, что, казалось, переставала дышать.

После окончания курсов Калегову присвоили звание лейтенанта. 30 июля 2006 года, он помнил эту дату.

В 2008 году его опять отозвали с боевой работы, назначили инспектором боевого отдела по рукопашной и тактико-специальной подготовке центра специального назначения ФСБ РФ. Он поначалу наотрез отказался, но начальство позволило ему систематически выезжать «в поле»: самому планировать и проводить спецоперации. Три года он был на этой должности, потом вновь вернулся к чисто боевой работе.

Первое ранение в 2016-м Калегов предчувствовал. Они потом с Сашей Гуреевым много говорили об этом. Группу Калегова направили в небольшое село под Хасавьюртом. Предчувствие возникло мгновенным озарением при посадке в спецмашину, Андрей даже оступился, а через секунду уже сидел в кресле и не помнил его. Оно на время растворилось, не оставив после себя ни страха, ни желания что-то изменить.

На постановке задач по перехвату отряда боевиков направление Калегова назвали маловероятным, так как маршрут банды предполагался по другому ущелью. Однако Андрей, прибыв на место, с привычной тщательностью отработал боевой алгоритм. Два бойца отправились вверх по тропе в качестве дозорных, а с остальными тремя он распределился вокруг выхода горной тропы из леса. Ни о каком предчувствии Калегов тогда не думал, но когда первый дозорный доложил по рации о двух десятках бандитов, идущих по тропе, вспомнил. Он дал команду пропустить бандитов внутрь импровизированного мешка, а дозорным скрытно подтягиваться следом. Одного из бойцов с позывным «Тугарин» послал к разрушенному дому, стоящему в семистах метрах от места засады: «Будешь наблюдать и огнём поддерживать».

Задача была проста: неожиданным общим огнём положить максимум бандитов. Так всё и вышло, большая часть террористов полегла сразу, но пятеро уцелели и засели в канаве у тропы. Сначала они панически палили во все стороны, потом пытались рвануть обратно, но дозорный с тыла уложил одного, и остальные опять залегли, стреляя во все стороны.

— Четверо их осталось, — хрипло сообщал по рации Тугарин, прижимая к глазам бинокль. — Один оружие и боеприпасы собирает, двое трупы друг на друга укладывают, четвёртый на стрёме. Эх, Колдун, мне бы СВДешку сюда!

— Лучше миномёт, — проворчал в ответ Андрей. — Оставайся там, наблюдай, жди команду.

Бандиты, между тем, прикрылись мёртвыми телами своих товарищей и вновь принялись палить во все стороны. Спецназовцы изредка постреливали со всех сторон, давая поднять, что всё под контролем и уйти не удастся. Калегов приказал отставить стрельбу и громко предложил бандитам сдаться. Те истерически что-то закричали и принялись опять выпускать из АКМов рожок за рожком.

— Что у них там, склад что ли? — проворчал Калегов. — И как этих придурков

живьём брать?

Словно услышав его, кто-то из бандитов с жутким акцентом заорал:

— Сюда, шайтан, ходи, пуля и граната много!

Прошёл час, близились сумерки. Калегов хмуро размышлял: ещё полчаса и стемнеет. Он снял и отложил в сторону каску, поправил гранаты на поясе и дал по рации команду: «Я Колдун, иду один, вы прикрываете. Бандитов кончать. На счёт три!»

Андрей рывком поднялся и короткими перебежками рванулся в сторону террористов. За счёт неожиданности выиграл несколько секунд. Бандиты открыли бешеный огонь в его сторону, в ответ пошли короткие очереди спецназовцев, заставляя их прятаться. Калегову нужен был последний рывок, и затем он сможет достать их гранатами. «Пора!» — скомандовал он сам себе и бросился по прямой, потом сразу влево, тут же вправо и опять влево. Как заяц. Около ног вздыбились фонтанчики от пуль, Андрей залёг в еле заметную ложбинку. Сердце бешено билось, но он был жив и не ранен. Одну за другой он бросил три гранаты, их взрывы почти слились. И всё стихло.

— Командир, тихо вроде, — хрипнула рация, — мы идём?

— Нет, ждать! Я сам проверю!

Внутри него шевельнулось мистическое: «Я пока не ранен, значит...»

Он не додумал, просто осторожно поднялся и, пригнувшись, шагнул вперёд. И в этот момент из-за бруствера мёртвых тел вскочил окровавленный бандит. Он был серьезно ранен, голова и лицо в крови, наверное, он плохо видел и был в шоке, потому что дико заорал и пустил длинную очередь. Шальная пуля ударила Калегова в голову, но он не опрокинулся, устоял и выстрелил в ответ, бандит упал, возможно, и не от его пули, но дело было сделано.

Подбежали ребята, принялись перевязывать. Калегов приказал Гермесу убедиться, что живых бандитов не осталось. Тот кивнул и исчез, скоро прозвучали два выстрела. Потом лицо боевого товарища вновь склонилось над командиром.

— Что там? — пересиливая наплывающую слабость, спросил Андрей.

— Один вроде дёрнулся.

— Хорошо. Женя, — обратился к Тугарину Калегов, — ты за старшего, вызывай следаков, мне санитарку, трупам перевозку.

— Вызвали уже.

— Ещё раз проверь местность, пока ещё светло. В радиусе, — Калегов поморщился от боли, — двухсот метров.

— Что искать, Колдун?

— Рюкзак или сумку. Там много долларов и какие-то важные бумаги. Они должны были быть при этой группе.

Калегов потерял сознание и лишь много позднее узнал, что рюкзак с деньгами и списками платёжных ведомостей нашли в кустах у леса. Если бы не искали, могли и не заметить.

За эту операцию капитану Калегову вручили первый Орден Мужества. Чуть позже ему присвоили воинское звание майор.

Через три месяца Андрей вернулся на службу, но на боевую работу его не пустили, назначили на подполковничью кабинетную должность. Друзья Андрею хором говорили: остепенись, повоевал своё, а он: «Хочу воевать!» В конце концов, он поссорился с начальством, но добился перевода в боевую группу, хотя и с понижением, на капитанскую должность.

Через некоторое время группу Калегова направили в Сирию, под Хому. Там они отвоевали почти три месяца. Если сверху не поступали задания, основанные на агентурных или разведывательных данных, они занимались «свободной охотой» по тылам игиловцев. В любом случае, все операции, маршруты движения, способы и сроки проведения они разрабатывали самостоятельно. И вполне успешно. Каждые три дня — новая операция, и днём, и ночью. Налетали, ликвидировали и исчезали. Весело было.

Но однажды им навязали местного переводчика-проводника, и он их предал.

За три месяца слух о неуловимых «русских шайтанах» разросся до масштаба фобии: рядовые игиловцы стали бояться дежурить на удалённых опорных пунктах. Вот руководители местных банд и приняли решение заманить спецназовцев в засаду. Ради этого не пожалели пожертвовать своим многолетним информатором.

Калегов навсегда запомнил этот день: вечер 4 декабря 2017-го. Его группа скрытно заняла позицию за невысоким песчаным барханом. Акула вверху вёл наблюдение за блокпостом боевиков, Аргун и Гермес заученными движениями монтировали 82-мм миномёт «Галл», рядом лежали уже готовые к применению пять выстрелов. Он и Тугарин сверялись с картой. Справа от них неожиданно донёсся тихий речитатив молитвы на арабском, все оглянулись на Фарука. Он глядел на них стеклянными глазами и дер-

жал в руке включённый смартфон. Это было открытое предательство, на операции все посторонние средства связи строго запрещены. «Фарук, не смей!» — заорал Тугарин. Проводник вздрогнул и вжал голову в плечи. Пуля из глушака Акулы с тихим звоном прошила смартфон и воткнулась в грудь Фарука, тот вздрогнул и уронил голову в песок. И сразу же донёсся стремительно приближающийся мерзкий свист. Взрыв.

— Колдун ранен! — крикнул сверху Акула и скатился вниз. — Женька, у тебя тоже кровь!

— Пустяки, всё Колдуну досталось! — Тугарин вскочил. — Гермес, ставь под мины подарок. Аргун и Акула, тащите командира к машине. Уходим, быстро!

С тех пор Калегов борется с последствиями ранения. Шесть лет, наполненных воспоминаниями, беспомощностью, отчаяньем и надеждой, ибо он не валялся на койке, оплакивая сам себя. Каждый раз, закрывая глаза, он словно ощупывал своё тело, ища с ним контакт и понимание, звал непослушные нервные клетки к послушанию. Надо было иметь героическое терпение, чтобы день за днём, месяц за месяцем вести изнуряющую внутреннюю работу и не утонуть в сомнениях в собственной адекватности и в комплексах самообмана. Непонятно, эти ли усилия сыграли свою роль или природные силы, но организм откликнулся. Через два года после второго ранения он начал произносить слова, через три — строить из слов короткие предложения. Теперь Калегов мог говорить долго и внятно, и его улыбка всё менее походила на гримасу. Почти каждый день его подвешивали на ходунки, и он через силу и боль двигал ногами, вспоминая, что значит ходить.

В сентябре 2022 года по путёвке, выхлопотанной друзьями, Андрей отдыхал месяц в военном санатории в Саках. По его просьбе сиделка Марина выкатывала его на коляске на пирс, и он долго всматривался в морской горизонт. Однажды Марина спросила, что он там высматривает, и он ответил, что мысленно плывёт к горизонту.

Генерал Романов приехал навестить Калегова в санаторий незадолго до возвращения того в Москву. Они пожали друг другу руки.

— Здравствуй, Андрей. Я генерал-майор Романов...

— Здравия желаю, товарищ....

— Можно просто Юрий Иванович, — Калегов кивнул, генерал улыбнулся и продолжил: — Мне давно доложили, что ты приехал на лечение, вот выбрал, наконец, время, заехал познакомиться и поговорить. Мы с тобой, так сказать, коллеги.

— Понятно, — кивнул Калегов.

Сиделка налила им кофе и мудро удалилась. Генерал проводил её глазами.

— Как себя чувствуешь?

— Я живу, — очень серьёзно сказал Калегов и многозначительно замолчал.

— Андрей, ты в «Вымпеле» легенда.

Андрей продолжал молчать. Он просто не знал, что на это ответить, а Романов с внутренним изумлением разглядывал этого невероятного парня, подбирая слова для начала разговора.

— Награды есть?

— Есть, — Андрей оживился. — Два Ордена Мужества, знак «За храбрость», медали... — он запнулся, припоминая: — «За верность долгу», две «За отвагу», «За возвращение Крыма» и «Участнику военной операции в Сирии».

— Солидно. «Мужиков» за что получил?

— Первый за Дагестан, второй за Сирию. Только я его ещё не получил. Ребята сказали, повесят на грудь, когда вернусь.

— Я слышал, тебя и на Героя представляли?

— Было дело, — Калегов улыбнулся и махнул рукой. — Ещё один повод вернуться.

— Что скажешь про армию сирийцев?

— Без хорошего пастуха — стадо баранов.

— А про СВО что скажешь?

— Тяжело будет. Украинцы те же русские, упёртые.

— Одолеем?

— Конечно! У них родовую память отняли, а у нас она есть.

— Хорошо сказал, — вздохнул Романов и глянул на часы.

— Когда меня второй раз ранили, — тихо сказал Калегов, — один осколок в часы прилетел. Жалко, дорогие были часы.

Генерал посмотрел на него и улыбнулся.

— Я бы тебе эти часы подарил, но они дарёные.

— Я не к тому, — испугался Калегов, — просто вспомнилось.

Романов встал.

— Андрей, я тебе другой подарок сделаю, предложу тебе работу.

— Мне?!

— Не сейчас, конечно. Ты, главное, не сдавайся. Вот тебе мои телефоны, — генерал положил на столик визитку, — звони в любое время. Как только врачи позволят, я тебя сюда в Крым возьму. Будешь участвовать в планировании новых операций и анализировать завершённые. Нам настоящий эксперт нужен, а не теоретик. Стучать по клавиатуре научишься?

— Теперь — да.

Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями.

Александр нежно смотрел на своего друга, того только что привезли с процедур. Калегов устало, но довольно улыбался, его правая рука под лёгким покрывалом мелко подрагивала. Сиделка сердито взглянула на Гуреева.

— Саша, ваш друг себя в могилу загонит!

— Это почему же?

— Еле с ходунков стащили, ходит и ходит! Пот градом течёт, дышит, как загнанный конь, а всё идёт и идёт!

— Андрей, ты почему Татьяну не слушаешься?

— Я больше не буду.

— Так я и поверила. Уф, пора перекурить.

Сиделка вышла, Александр похлопал Калегова по руке.

— Андрей, ты силы свои рассчитывай.

— А я и рассчитываю. Я по спорту знаю, успех приходит через пот и терпение. Не могу я здесь задерживаться, я обязан встать и вернуться, меня ребята ждут. У нас боевое братство, ребята надёжные.

Гуреев удивлённо покачал головой.

— Ты это и врачам говоришь?

— Говорю.

— А они что?

— Они улыбаются.

— И не отговаривают?

— Уже нет. Мне вот только похудеть надо, а то набрал лишние 15 кило.

— Андрей, а ты уверен, что получится?

— Уверен, — Калегов подался вперёд. — Саш, я раньше мычал, теперь говорю, лежал бревном, а теперь ходить учусь. И научусь. Левая рука вот только пока не поддаётся, — Андрей усмехнулся, — живёт своей жизнью, кулаки иногда мне показывает.

Вошла сиделка.

— Саша, я в курилке доктора Извозова встретила, хотите поговорить?

— Конечно.

Гуреев с чувством пожал руку доктору.

— Сергей Борисович, не передать, как рад вас видеть.

— Взаимно. Как там наш подопечный?

— В бой рвётся. Вы знаете, я после второго ранения верил, что Андрей выживет, но что он на ноги сможет подняться, никогда не верил. А сегодня его повидал, поговорил и вдруг поверил.

Извозов задумчиво пустил струйку дыма.

— Никто не верил. Твой друг на наших глазах совершает невозможное, чудо, растянутое во времени на шесть лет. Потому мы и не видим, — доктор сморщился, затушил и выбросил сигарету. — А я вот бросить эту гадость никак не могу.

— Сергей Борисович, бросайте прямо сейчас.

— Хм, а что? «Тварь ли я дрожащая или право имею»... Саша, будешь свидетелем?

Гуреев кивнул, они пожали друг другу руки. Извозов вытащил из кармана почти полную пачку сигарет, взвесил её на руке и положил на скамейку. Сверху водрузил зажигалку. Посмотрел на Гуреева и улыбнулся.

— Пойдём, Александр, героя твоего навестим.

— Он мой друг.

— Я знаю.

Евгений МИРМОВИЧ

Триптих рассказов из цикла «Маленький человек»

СЛОЖНЫЙ ДИАГНОЗ

— Эй, Генка! Позови мне сюда деда! — кричит автослесарь Похалюк, высовывая голову из пропахшей моторным маслом бетонной ямы, над которой повисла на чурбаках старенькая «Нива». — Мне тормоза прокачать надо. Пусть дед сядет в салон, понажимает на педаль.

— Дед в третьем боксе пол моет. Там ребята масло отработанное разлили, — отзывается Генка, продолжая аккуратно наносить шпаклёвку на мятое крыло серебристого «Форда».

— Ну так сходи, позови. Не вылезать же мне из ямы? — не унимается Похалюк.

Действительно, выбраться из-под автомобиля с его полутора центнерами веса непросто.

— Ща, погодь... — Генка Петров, высовывая набок язык, делает ещё несколько движений шпателем и, внимательно осматривая свою работу, довольный результатом отправляется звать деда.

Вообще-то дед — это я. Это они меня зовут. Правда, я вовсе не дед, потому что внуков у меня нет, да и лет мне всего пятьдесят четыре. Привязалась ко мне эта кличка с незапамятных времён. Видимо, внешность у меня такая. Бывают такие лица, что с юности кажутся стариковскими. Наверное, у меня как раз такое. Да и статью я не вышел. Росточка небольшого, сухой, жилистый и немного сутулый. Может быть, из-за сутулости меня дедом и прозвали, я уж и не помню.

— Слышь, дед, садись в кабину, давай тормоза прокачаем, — раздаётся из ямы голос Похалюка, — Только не как в прошлый раз. Педаль тормоза посередине. На неё жми.

Да теперь-то я запомнил. А в прошлый раз по рассеянности на педаль сцепления всё давил. Похалюк под машиной добрых полчаса мучался. Не прокачать тормоза, и всё тут. Потом, как увидел, что я не на ту педаль жму, сердился, ругал меня идиотом и грозился Аркадию Михайловичу на меня пожаловаться. Вообще-то Похалюк незлопамятный. Поругается и забудет. Да и директору нашему Аркадию Михайловичу до таких пустяков дела нет.

Аркадий Михайлович меня никогда не ругает, потому что я в этой мастерской дольше всех работаю. Должность моя, правда, никак не называется, потому что профессии у меня нет. В детстве я болел много и не выучился толком. Поэтому с тех пор, как покойный мой дядя сюда меня устроил, я работаю здесь при всех директорах и хозяевах, что были за тридцать лет. А делаю я всё, что просят... Убираюсь, полы мою, если что поднести надо или разгрузить, это тоже ко мне. Зимой снег чищу, лёд долблю, а летом подметаю двор и асфальт поливаю в жару.

Аркадий Михайлович, пожалуй, единственный, если не считать администратора Катерины, кто знает, что меня зовут Толик, потому что он мне на карту зарплату переводит. Маленькая у меня очень зарплата, но всегда вовремя приходит. Хороший человек Аркадий Михайлович.

Катерина тоже очень хорошая. Одна троих пацанов растит без мужа. А ещё она за меня всегда заступается, когда ребята с автомойки надо мной подшучивают. Однажды они меня даже водой с ног до головы окатили.

— Зачем же вы так? — говорю. — У меня и спецовки-то запасной нет. Теперь до вечера в мокром буду ходить. Благо, что лето на дворе. Вот вы сорванцы.

А Катерина пошла в подвал и воду им перекрыла. Пока они разбирались, что к чему, у них очередь скопилась. Клиенты ругаются. А Катерина им выговаривает: «Не

будете деда обижать, олухи!» Катерина добрая.

Однажды прихожу на работу, а Катерина сидит, плачет.

— Что ты, — спрашиваю, — Катя?

— Сына на второй год в пятом классе оставили. Совсем учиться не хочет.

— Разве же это беда, Катенька? Я вот вообще школу не закончил, и ничего. Живу помаленьку.

— А что же хорошего, Толик? Ты ж на себя-то посмотри... Горе ты наше!

— Я, Катерина, свой кусок хлеба честно зарабатываю. Людям помогаю. Не пропиваю ни копейки. И вообще, если хочешь знать, есть у меня одно большое дело. Только рассказывать о нём рановато ещё.

— Дело? — Катерина вопросительно смотрит на меня и грустно улыбается, вытирая платком размазанную на левом глазу тушь. — Какое ж у тебя может быть дело? Ты бы хоть семью себе под старость завёл. Всю жизнь бобылём, ни кола ни двора.

— Бывает, Катя, по-всякому у людей. Важно, чтобы человек добро преумножал, а не жил, как паразит, без толку и пользы.

— Чудной ты, дед, ей-богу, — Катерина достаёт из тумбочки своего стола сосиску в тесте. — На вот, Толик, поешь. А то, небось, ещё и не завтракал. Вон худющий какой!

Катерина знает, что я очень люблю сосиски в тесте, и иногда приносит мне их. Почему-то ей нравится смотреть, как я их ем. Вроде и нет в этом ничего особенного, а она смотрит всегда с умилением. А я смотрю на неё с благодарностью. Хорошая она женщина.

У нас вообще коллектив неплохой. Только шутки у людей бывают иногда грубые. Вот моторист Гришка любит на публике обнять меня грязными руками, демонстративно вытирая их о мою спину. Ему кажется это смешным.

— Гриша, ну это же дурацкая шутка! Не надо так, Гриша, — говорю я ему всегда и пытаюсь вырваться из крепких объятий моториста.

А он лишь улыбается. Ну что же с ним поделать? Пусть ему будет хорошо. Я тоже начинаю улыбаться вместе с ним. А Катерина однажды влепила мокрой тряпкой по затылку Гришке, когда тот в очередной раз проделал свою шутку.

— Ты чё, Катька! — таращит недоумевающие глаза Гришка.

— Пыль протёрла с твоего дурного затылка, — злобно бросает Катерина и уходит.

— Выпившая, что ли? — интересуется у окружающих Григорий, но все только удивлённо пожимают плечами. А мне отчего-то становится неловко. Я вообще очень не люблю, когда люди ссорятся.

Ещё у нас есть электрик Дергачёв. Он любит задавать мне один и тот же вопрос: «Какой у тебя размер ноги, дед?» И, услышав неизменный ответ: «Тридцать девятый!» — советует покупать обувь в «Детском мире» в целях экономии. Дергачёв особенно любит повторять эту шутку в присутствии клиентов. Ему кажется очень остроумным дать мне такой ценный совет. Но я привык и не обижаюсь.

Что поделаешь? Люди добрых слов чураются. Всё лихость свою показывают. А сами в душе меня любят. Вот и Похалюк тоже любит меня по-своему. Всё учить пытается. В день зарплаты он обычно выпивает в обед полбанки с электриком Дергачёвым и настраивается на философский лад.

— Зачем ты живёшь, дед? Вот что ты за человек? На кой тебе жизнь?

— Как это зачем? Меня мать с отцом родили. А раз я родился, значит, нужен на белом свете.

— Да кому ты на фиг нужен! — хохочет Похалюк. — Вот, например, пацаны с автомойки... Они молодые, симпатичные, они бабам нужны. Дергачёв — рыбак заядлый, у него дело в жизни есть. Как только минута свободная появится, он — на рыбалку. И летом, и зимой. А Генка кузовщик? На гитаре, слышал, как лабает? Вот это талант! Аркадий Михайлович бизнес ведёт. Он вообще голова! Катька — мать многодетная. Она детей растит, хоть и без мужика. Я вот, к примеру, механик. С большой буквы «М», потому что высшего разряда. А ты вот на кой хрен существуешь?

— Я всем людям помогаю, меня люди любят. И вообще, у меня тоже одно дело важное есть. Только говорить о нём пока рано.

— Да какое у тебя может быть дело? Ты же не слесарь, не мастер. Профессии нет. Семью не создал. Денег не скопил. Увлечений не имеешь. Да ещё туповат, чёрт тебя подери.

— Я людям помощник. Значит, и я тоже на белом свете пригожусь.

— Болван ты никчёмный, дед, — вздыхая, произносит Похалюк и уходит переодеваться.

Я не сержусь на Похалюка. Вон какой он тучный! Гипертония у него, говорят, а он ещё и водкой балуется. Я всегда сочувствовал тем, кто выпивает. Несчастные они люди. Плохо им живётся. Они думают, что им от чего-то другого плохо. От того, что денег мало, что жильё тесное или жена плохая. А я думаю, что им как раз от водки и

плохо. Поэтому и жизнь кажется никудышной. Если бы не выпивали, так и денег побольше было бы, и во всём остальном получше, а главное, мир они видят совсем другим. Мутный он для них и серый. Как будто пакет полиэтиленовый на лицо натянут.

Мир-то, он другой совсем. Яркий и красочный, даже когда дождь идёт. В нём времена года есть, а не только четыре квартала. Добрых людей полно, а не одни спины в очереди в кассу. А главное, небо есть. Они же небо совсем не видят, потому что смотрят всегда под ноги. А я небо очень люблю. Если бы я жил в пустыне, где ничего, кроме неба, нет, всё равно счастлив был бы. Ведь небо всегда разное. И ещё небо — это мой главный друг.

У меня много друзей. Вот, например, клён на трамвайной остановке у метро «Чёрная речка». Когда я с ним познакомился, он был совсем небольшой. А я был такой же, как сейчас. А теперь клён огромный, он вырос и часто укрывает меня летом от дождя. Однажды он заболел, и на его листьях появились чёрные точки. Я очень переживал и даже стал узнавать, как лечат деревья. На следующий год клён поправился. Но я по-прежнему слежу за его листьями. Каждый день я здороваюсь с клёном, когда жду трамвай. Однажды я запрыгнул в уходящий трамвай и забыл поздороваться со своим другом. Мне сразу стало как-то не по себе. Наверное, клён смотрит вслед трамваю и думает, что я его разлюбил.

На следующей остановке я вышел и вернулся, чтобы сказать клёну «прости». И на душе сразу стало хорошо. Только домой я уже пошёл пешком, потому что заплатить второй раз за трамвай я не могу. Но это же не беда, ведь это ради друга.

Некоторые люди говорят, что я чокнутый. Особенно часто так говорили, когда я носил с собой на работу красный воздушный шарик. Он улетел с какого-то праздника и запутался в ветках дерева. Мне показалось, что ему там плохо, и я спас его. Привязав шарик к своей сумке, я носил его с собой везде. Шарик тоже был моим другом. К сожалению, шарики не живут долго. Когда он умер, я похоронил его в сквере на Петроградской стороне.

Может, я и вправду ненормальный. Наверно, это так и есть, потому что в детстве я тяжело болел и раньше у меня иногда отказывала память. В таких случаях я не знал, куда мне идти и где мой дом. Меня находили, голодного и мокрого, где-нибудь на скамейке в парке и приводили домой. Потом память ко мне возвращалась, и я узнавал свою комнату и соседей. Мой дядя говорил, что рано или поздно это плохо кончится. Врачи говорили, что это неизлечимо. Какой-то сложный диагноз, я не помню. Да я и сам понимаю, что смерть моя наступит именно так. Человек в беспамятстве почти обречён на улицах огромного города. Просить помощи я в таком состоянии не могу, потому что не знаю, что она мне нужна. Я всё вижу, всё понимаю, но не знаю, кто я и что должен делать. К счастью, теперь со мной такое случается крайне редко и продолжается недолго.

Сегодня день зарплаты. Похалюк с Дергачёвым собираются выпить. Катерина убежала покупать детям учебники к первому сентября. Аркадий Михайлович с утра уехал в банк и больше не возвращался. В городе стоит ужасная жара. А я, как всегда в день зарплаты, поеду не домой, а в центр города. Но это мой секрет. Может быть, я тоже сделаю в жизни одно важное дело. Только говорить об этом ещё рано. И вообще, хвастаться хорошими поступками нехорошо. Так мой дядя покойный всегда говорил.

Город задыхается от жары, многократно усиленной асфальтом и пыльными стенами зданий. С самого утра духота. Я уже добрался на трамвае до Литейного проспекта, и теперь мне надо пересесть на маршрутку. Ещё немного, и мой родной город замрёт в непроходимых пробках. На мосту грохочет трамвай. Из подворотни запахло дымом горящей помойки. Я жду маршрутку. Мечтаю о чуде. Например, о стакане холодной газировки за три копейки, как в детстве. Впрочем, пепси-кола тоже сгодилась бы.

А вот прямо напротив меня в плотном горячем воздухе неспешно пролетает огромный шмель. Откуда же он тут взялся? Первое, что приходит в голову, — вылетел из салона «Билайн», что через дорогу. Интересно, кто же мне так замусорил голову? Но, и вправду, откуда? Никогда не видел здесь шмелей...

Шмель завис над мостовой, как будто размышляя: стоит ли ему продолжать этот бессмысленный полёт в пространстве, где нет ни единой травинки, ни одного цветка? Я люблю рассматривать насекомых. Шмель необычайно красив. Его чёрно-жёлтая спина кажется самой яркой и контрастной точкой в окружении блёклых и пыльных стен. Но что-то ещё отличает его от однообразной городской палитры. Кажется, понимаю. Шмель абсолютно чист, он сияет чистотой и свежестью, как новенький автомобиль. Жужжа и подрагивая своим грузным телом, он медленно колышется из стороны в сторону, пытаясь уловить какие-то неведомые нам запахи.

Боже, что это? Сильный щелчок от удара лобового стекла пролетавшего мимо автомобиля подбросил его вверх. Он закружился в воздухе и рухнул на тёмный асфальт! Некоторое время он сосредоточенно ползёт по асфальту, как будто оценивая

свои силы, но затем с усилием поднимается в воздух сантиметров на тридцать, и тут — новый удар. Его отбрасывает на край дороги в придорожную пыль. Теперь тело лежит неподвижно, лапы не шевелятся, но полоски на его спине по-прежнему ярки и красивы. Через минуту струя поливальной машины перемешивает чёрно-желтый комочек с песком и грязью в однородную массу, исчезнувшую под решёткой канализационного люка. Город, как дышащая жаром преисподняя, поглощает инородное тело...

Из подворотни всё ещё тянет тлеющей помойкой. В подъехавшую маршрутку втискиваются люди. Наверное, в эту маршрутку я не влезу, не умею толкаться. Поеду на следующей. Я люблю мой Питер. Но иногда мне кажется, что это любовь лягушки, зачарованно глядящей в глаза огромного удава. Мне кажется, что когда-нибудь он поглотит и меня. Может быть, мне приходят такие мысли потому, что я нездоров. А может, так оно и есть.

Теперь мне страшно от этой мысли. Но больше всего я боюсь, что забуду, куда мне надо ехать. Тогда конец. Надо во что бы то ни стало добраться до цели. Может быть, и в последний раз. Вот ещё одна маршрутка подошла. Пожалуй, не влезу и в эту. Пойду пешком. Мне надо дойти до Казанской улицы, это не очень далеко.

Если идти пешком, то можно пройти мимо цирка и полюбоваться им. В детстве дядя водил меня в цирк, и мне это очень нравилось. А с тех пор, как дядя умер, я там не был. Только снаружи иногда смотрю и вспоминаю.

В цирке могут быть на арене одновременно хищники и люди. Никто никого не убивает. Люди не стреляют в зверей, а звери не бросаются на людей. В жизни так не бывает.

Значит, цирк — это очень хорошее место.

А ещё около цирка есть скамейка в сквере, где можно посидеть и отдохнуть. Вот я уже и почти дошёл до неё. Надо немного посидеть. Что-то я сильно разволновался из-за гибели шмеля. Очень не люблю, когда живое вдруг становится мёртвым. Теперь у меня в висках сильно стучит и рябь какая-то в глазах.

На скамейке хорошо. Над ней растут каштаны, и от широких листьев образуется прохладная тень. Дышать здесь легче. Только вот теперь в ушах у меня будто бы вода. Почти ничего не слышу. Люди мимо идут и разговаривают, а я не слышу. Только вижу, как они рты открывают. И листва не шумит, лишь покачивается беззвучно. Наверное, мне лучше прилечь на скамейку.

Две птицы кружатся высоко в небе. Крыльями не машут, а просто парят и кружатся. Наверное, чайки. Как им там хорошо. Так просторно и легко. Никто их там не обидит в небе. Никто не сделает больно. Как бы я хотел тоже так кружиться. Может, я когда-нибудь смогу? Не сейчас. Потом. Теперь-то мне даже не пошевелиться. Тело как будто связано мокрыми простынями, и в груди сильно колет. Наверное, я не дойду сегодня до Казанской улицы. А что делать? Пойти обратно? А если мне не встать?

Вот какие-то два парня склонились надо мной. Курят мне в лицо прямо. Как неприятно. Один присел рядом и смотрит по сторонам. А другой вытащил из моего кармана кошелёк и паспорт. Повертел в руках. Паспорт положил обратно, а кошелёк забрал. О чём-то поговорили между собой и ушли.

А теперь девушка подошла. Смотрит на меня внимательно и трогает моё запястье. Я это чувствую. Рука у неё холодная и пальчики тонкие. Достала телефон. Звонит куда-то. Ещё несколько прохожих остановились рядом. Поговорили о чем-то и пошли дальше. А меня что-то сильно ударило. Будто кулаком в грудь, и потемнело всё на мгновение. Что это? Никто ведь ко мне не прикасался.

Зато сразу легко стало. Нет больше мокрых тряпок, сковывающих тело. Нет шума в ушах. И ряби в глазах нет. Легко так и свободно. Я всё вижу. Вон он, я... Лежу на скамейке, и девушка рядом стоит. Жёлтая машина подъехала с синим маячком. Как он неприятно сверкает, этот маячок. Два доктора из машины вышли. Что-то делают со мной. А почему я всё это сверху вижу? Как странно...

Я кружусь вместе с чайками над сквером. Могу, как и они, улететь, куда захочу. Как здорово! Теперь можно и на Казанскую улицу слетать и обратно в мастерскую вернуться, не садясь в маршрутку. А из жёлтой машины водитель вышел. Вынимает носилки. Вот они уже втроём меня со скамейки стащили на носилки и в машину кладут. Странно. Может быть, там, внизу, на носилках, не я? А девушка заплакала. Вытирает платочком глаза. Не люблю, когда люди плачут. Не хочу смотреть.

Куда мне теперь? На Казанскую или в автомастерские? Или, может быть, сначала домой? А как красив город с высоты птичьего полёта! Никогда такого не видел. Раз уж я могу двигаться свободно в любую сторону, почему бы немного не полетать? А что бы мне и вправду не покружиться вместе с чайками над Невой? Посмотреть на закат. Всю жизнь мечтал подлететь близко к золотому ангелу на шпиле Петропавловского собора. А потом вернусь в автомастерские. Как же они там без меня? Я их не оставлю. Иногда мне кажется, что это не я, а они, все они очень больны, и я должен им помочь.

Не могу сказать точно, сколько прошло времени, пока я летал, но в автомастерскую я всё-таки вернулся. Там было всё, как прежде, только стало очень грязно без меня. Некому теперь у них убираться, а мусорить они мастера. Теперь я смотрю на них сверху, и мне их немного жалко.

Рабочий день подошёл к концу. Похалюк с Дергачёвым и парнем с автомойки разливают по пластиковым стаканчикам пол-литра, спрятавшись на всякий случай за стойкой оформления заказов. Тучное тело Похалюка не помещается в этом ограниченном пространстве, и его шарообразная спина, перетянутая подтяжками крест-накрест в виде буквы икс, и коротко стриженный колючий затылок торчат из-за стойки администратора. Генка побежал в соседний магазин за колбасой, и собравшиеся уже тихонько матерятся по поводу его медлительности.

— Здравствуйте... — у стойки оформления заказов автомастерской, как из воздуха, появляется невысокая, хрупкая девушка. Никто не слышал, как она вошла, и казалось, что незнакомка возникла по волшебству. За её плечами виднеется огромный чёрный футляр с виолончелью. — Здравствуйте, — тихо повторяет девушка. Её мягкие серые глаза с некоторой тревогой смотрят сквозь огромные линзы очков. Она переминается с ноги на ногу, и старенькие туфельки её не находят себе места на холодном бетонном полу мастерской.

— Мы закрыты, девушка! — с раздражением произносит Дергачёв, выглядывая из-за стойки приёма заказов.

— Все консультации по ремонту завтра, — не поднимая головы, бурчит Похалюк. Парень из автомойки выпивает содержимое пластикового стаканчика и смачно крякает.

— Мне бы дядю Толю найти, — тихо шепчет девушка.

— Вы ошиблись. Тут нет никакого дяди Толи, — наигранно вежливо отвечает парень с автомойки, засовывая в рот пальцами квашеную капусту.

— Он же у вас работает, — робко возражает девушка, — странно.

— Мадам, в нашей организации нет и не было сотрудников с именем Анатолий, — развязно вмешивается Похалюк, которому после выпитого вдруг нестерпимо захотелось общаться, — вы, видимо, перепутали адрес. Это Большой проспект Василевского острова, а есть ещё Большой проспект Петроградской стороны... Вы знаете об этом? Слово «большой» встречается в нашем городе достаточно часто. Как вы вообще относитесь к понятию «большой»? — свинячие глазки слесаря при этом лукаво заблестели. Дергачёв разражается неприличным хохотом.

— Дядя Толя говорил мне, что работает здесь, — чуть не плача, повторяет девушка, нервно вцепившись тонкими пальчиками в круглую чёрную пуговицу на своём плаще.

— Кем?

— Он... — девушка затрудняется вспомнить. — Я не знаю, наверное, разнорабочий.

— У нас нет разнорабочих, — сухо подытоживает Дергачёв, которому уже хочется закончить диалог и накатить по второй. — Наливайте мужики, что застыли, всё тут ясно, девушка ошиблась.

В этот момент в дверях появляется Аркадий Михайлович.

— Вам кого, девушка?

— Михалыч, мы тут не пьянствуем. Мы чисто символически. На ход ноги бахнули и разбегаемся, — тут же вмешивается Похалюк с оправдательной речью.

Аркадий Михайлович брезгливо берёт двумя пальцами за горлышко начатую бутылку водки и отставляет её на пол рядом с мусорным контейнером.

— Колбасу свою доедайте и марш отсюда! — тихо и скороговоркой бросает он в сторону работников и поворачивается лицом к девушке: — Так вы кого-то ищете?

— Дядю Толю, — уже совсем шмыгая носом, отвечает девушка и вытирает глаза рукавом, — он всегда приезжал двадцатого, а в этом месяце не приехал и не позвонил даже. И телефон выключен.

— Постойте-постойте, дядя Толя? Анатолий Петрович? Кузнецов? — девушка утвердительно кивает головой. Шмыгает носом и перестаёт плакать. Трое выпивох, почуяв неладное, застывают в удивлённом ожидании. — А вы кем ему приходитесь? — стараясь говорить как можно мягче, спрашивает Аркадий Михайлович.

— Я? Никем. Я сирота из интерната. Когда я была маленькая, дядя Толя проходил мимо нашей детской площадки и увидел, как я на качелях качаюсь. Я тогда сама раскачиваться ещё не умела, а он подошёл и меня научил. Так и познакомились. Он мне всю жизнь помогает. Приезжает каждый месяц и привозит одежду, вещи, продукты. А когда я из интерната вышла, дядя Толя помог мне в музыкальное училище поступить и за учёбу платил. А теперь я в консерватории учусь на бюджетном отделении, и платить не надо, поэтому дядя Толя мне помогал на виолончель накопить. Где он? Может быть, опять заболел? — мужики удивлённо переглядываются. Аркадий Михайлович глубоко

вздыхает и трёт ладонью лоб. — У него, знаете, как бывает? — продолжает девушка. — Память иногда отказывает. Он пока в себя не придёт, ходит по улице долго и может замёрзнуть, а потом болеет. Сейчас-то он не замёрзнет, а вот зимой простужался. Я уж ему и носков тёплых, и шарфов навязала. Нянечка в интернате меня вязать научила. У дяди Толи все свитера мною связаны. Вы, наверное, их видели. Так где же он, мой дядя Толечка?

Дергачёв нервно барабанит пальцами по столу... Хмель его улетучился, и отчего-то продолжать пьянку не хочется. Похалюк удивлённо хлопает глазами. Парень с автомойки, склонив голову, уставился в пол, как нашкодивший школьник.

Аркадий Михайлович бережно берёт девушку под руку и ведёт к своей машине. Через полчаса они уже в крематории на Шафировском проспекте. Тёплый вечерний ветерок ласкает овальное фото, возле которого склонились и слегка колышутся ромашки.

— Вот, — тихо произносит Аркадий Михайлович, — я сделал всё что мог. Чёрный мрамор, надпись — всё как положено. Фото вот другого не нашёл только, — они помолчали. — А знаешь, я ведь ему всю жизнь недоплачивал, — выдавливает с трудом Аркадий Михайлович и садится на скамейку рядом с мраморной плиткой.

— Я знаю, — спокойно отвечает девушка и присаживается рядом, сняв со спины виолончель.

Полевые ромашки трутся о глянцевый чёрный мрамор, словно ласкаясь о тёплый камень, с которого, улыбаясь, смотрю на них я — дядя Толя.

МЕЧТА

Отца своего Андрей не помнил. Зато точно знал, что назван Андреем в честь деда. Мама всегда говорила, что дедушка — единственный настоящий мужчина на этой земле. Правда, дедушку Андрей помнил смутно. В памяти всплывали лишь шершавые золотые звёздочки на его погонах и колючая небритая щека этого великана, который поднимал Андрея на руки и с тревогой в глазах долго рассматривал малыша.

Ещё запомнился белый пластиковый шлем военного пилота, который дед часто держал в руках, приезжая в гости прямо со службы. А потом этот шлем положили на большую охапку цветов, и какие-то солдаты все разом выстрелили в воздух так громко, что Андрей сильно испугался. Наверное, он бы заплакал от испуга, если бы не находился в это время на руках у мамы, которая так крепко прижала его к своей груди, что страх тут же прошёл.

Мама всегда говорила, что Андрею нечего в этой жизни бояться. Надо только понимать, что люди бывают разные. Есть умные, а есть такие, кто тоже не дурак, но всё поймёт потом. Андрей запомнил это и не боялся ничего. Даже когда в специальной школе для «детей с особенностями», как там принято было говорить, его дразнили тупым и били большим деревянным транспортиром, с помощью которого на доске чертят мелом фигуры.

Единственная вещь, которая вызывала у Андрея страх, была неведомая ему аббревиатура ПНИ. Мама всегда говорила, что, когда она умрёт, Андрея отдадут в ПНИ (психоневрологический интернат), и тут же начинала плакать. Андрей успокаивал маму. Он ласково гладил её волосы и говорил, что не пойдёт в этот ПНИ, а мама смотрела на него заплаканными глазами и улыбалась.

Андрей очень любил, когда мама улыбается. Чаще всего это происходило, когда они вместе ложились перед сном в кровать и мечтали вслух. Андрей мечтал о большом шоколадном прянике, который никогда не черствеет и не портится. Чтобы можно было каждый день отрезать от него по кусочку на завтрак. А мама мечтала о какой-то деревне, под названием Михайловка, где прошло её детство. Она говорила, что там невероятно красивые луга и пахнет свежескошенной травой. Там такие цветы, каких Андрей никогда не видел, а по вечерам там поют в рощах соловьи, и люди там все добрые и простые, не то что здесь, в городе.

Мама говорила, что там её родина, но вернуться туда нельзя, потому что родительский дом сгорел и жить негде. А чтобы построить новый домик, у мамы недостаточно денег. Правда, есть надежда, что если Андрей подрастёт и сможет оставаться один дома, то мама сможет найти другую работу и скопить деньги на строительство маленького домика на берегу реки в Михайловке.

Мама говорила, что если эта мечта сбудется, то она будет счастлива, потому что там, в Михайловке, все помогают друг другу, и даже если она умрёт, то Андрея там не бросят и не отдадут в ПНИ. Мама всегда улыбалась, когда вспоминала про Михайловку, и Андрею очень нравились эти мечты.

Он очень хотел оставаться дома один, чтобы мама могла больше работать, и совсем не боялся этого. Только вот мама боялась. Ей очень не понравилось, когда Андрей в её отсутствие решил однажды наполнить ванну. Вообще наполнять ванну Андрей умел. Для этого нужно было лишь заткнуть слив пробкой и включить тёплую воду. Но в отсутствие мамы Андрею понравился маленький водопадик, который получился, когда вода стала потихоньку выливаться через край, и он долго наблюдал за тем, как вода течёт на пол.

Ещё маме не нравилось, что Андрей ест всё то, что лежит в холодильнике. Вернее, мама всегда радовалась, глядя на то, как Андрей кушает, но она очень расстраивалась, когда Андрей сам доставал из холодильника еду. Она даже плакала однажды, когда Андрей съел пачку фарша, купленного для приготовления котлет. Мама говорила, что фарш был сырой и кушать его было нельзя, но Андрей не очень понимал, почему мама так расстроилась. Ведь утром они вместе ели сырые бананы, и ничего страшного не произошло.

Однажды у Андрея был день рождения. Мама говорила, что в этот день сообщит Андрею какую-то очень приятную новость. Он целый день томился в ожидании. Вечером мама вернулась домой с огромным тортом. Андрей всё хотел поскорее узнать новость, но мама улыбалась, и Андрей готов был ждать сколько угодно, лишь бы подольше видеть мамину улыбку. Наконец мама установила на торт восемнадцать свечей и торжественно объявила Андрею, что как раз в день его рождения она нашла новую хорошую работу, и теперь они очень быстро скопят деньги на домик в Михайловке.

Андрей от радости захлопал в ладоши и запел свою любимую песню про волшебника в голубом вертолёте, который подарит пятьсот эскимо. А мама говорила, что прежде чем идти на новую работу, ей нужно покрасить волосы, чтобы не было так видно седину. Ведь теперь ей надо очень хорошо выглядеть, и Андрей не должен пугаться изменению её внешности. Когда мама прокрасилась, Андрей был в восторге. Не то чтобы ему нравился новый мамин облик — скорее, он был счастлив потому, что мамино лицо светилось радостью.

Теперь каждое утро, уходя на работу, мама оставляла Андрею задание. Из целой пачки рекламных журналов Андрей должен был выбрать страницы, где есть красивые дома, и аккуратно вырезать их ножницами. Андрей старательно вырезал домики и к маминому приходу складывал их в пачку, поглаживая рукой. Он гордился своей работой и видел, как мама рада тому, что он выполнил ответственное поручение. Жизнь явно благоволила им, и мама с каждым днём становилась всё увереннее.

Андрей, увлечённый своим делом, достиг невероятной аккуратности в вырезании разных картинок, и мама уже не просила вырезать именно домики. Она просто была рада тому, что Андрей ей показывал. Мама особенно любила слушать его рассуждения о вырезанных картинках. Андрею же представлялось необыкновенно важным рассказать в конце дня о том, почему и как он вырезал из журнала эти картинки. Ему нравилось счастливое лицо мамы, слушающей его высказывания.

Так было до того дня, когда мама пришла домой в слезах. Она с порога рассказала Андрею, что с её карты украли все деньги, которых уже почти хватало на дом в Михайловке. Сказав это, мама упала на кровать, и её страшные рыдания напугали Андрея. Не понимая, что с ним происходит, Андрей начал метаться из угла в угол, нервно размахивая руками над головой. Он чувствовал, что этот мир рухнул, и нет никаких возможностей вернуть его обратно. Отчаяние захватывало Андрея всё больше и больше. В какой-то момент он вдруг почувствовал тёплые руки матери, крепко прижавшие его к себе. В сознании промелькнул ароматный пряник, воображаемый домик в Михайловке и родной запах мамы, который поставил финальную точку в этом неприятном мелькании резких чувств и ощущений. Больше всего на свете Андрей хотел, чтобы подобное больше не повторилось никогда.

— Мама, а больше у нас не будут воровать деньги с карты, которые мы копим на наш домик? — спросил Андрей на следующее утро за завтраком.

— Нет, сынок. Больше не будут. Я буду хранить все деньги дома, и ты будешь охранять нашу мечту. Правда, мой хороший?

— Конечно, мама, я буду очень хорошо охранять. Только, пожалуйста, не надо больше плакать.

— Я не стану. Мы начнём всё заново, и ты мне поможешь, правда?

— Я буду вырезать все картинки, которые ты мне дашь, и постараюсь очень аккуратно. Это ведь поможет нашей мечте?

— Конечно, поможет, милый. Ты даже не представляешь, как я теперь буду спокойна на работе, зная, что ты так увлечён вырезанием картинок. Ты — моё счастье. Я безумно люблю тебя, и пусть все говорят, что ты ничего не понимаешь. Я-то знаю, что ты понимаешь всё. Понимаешь больше, чем понимают другие. Просто ты видишь мир

иначе, и нет в этом твоей вины. Ты можешь нести людям добро. А это могут не все.

Андрею нравилось, когда мама так говорила. Он старался делать всё, что просит мама, чтобы больше не расстраивать её.

Однажды, вырезав все картинки из журнала, Андрей немного заскучал. Ему понадобился новый материал для его работы, и он открыл шкаф в поиске новых журналов. Обнаружив в шкафу мамину сумочку, он нашёл в ней целую толстую пачку одинаковых оранжевых бумажек, перетянутых тонкой резинкой. На этих бумажках с одной стороны был изображён красивый мост, а с другой — памятник какому-то человеку. Андрей некоторое время думал, что интереснее вырезать, мост или памятник? Мост показался интереснее, и Андрей с воодушевлением принялся за работу.

К маминому приходу всё было закончено, но какое-то необъяснимое чувство тревоги не оставляло Андрея. Ему припомнилось, что он видел, как мама забирала похожие бумажки в банке и бережно прятала их в сумочку. Когда мама вернулась с работы и увидела, что произошло, она не плакала. Просто присела на стул и долго молчала, а потом пошла на кухню и что-то сделала с газовой плитой, отчего в квартире стало очень неприятно пахнуть. Сначала Андрей испугался этого запаха, но мама обняла его и, уложив вместе с собой на кровать, стала шептать непонятные слова. Эти слова часто повторились, но Андрей так и не смог понять их смысл. Он спросил у мамы, но она лишь закрыла глаза и продолжала шептать.

Вскоре Андрей почувствовал, что засыпает, но сон его оказался тяжёлым и неприятным. Постепенно нарастающий шум в ушах не давал Андрею заснуть. Тем временем мама перестала шептать и замолчала. Андрей хотел спросить её, что будет дальше, но язык его не слушался. Почти провалившись в сон, Андрей услышал, как кто-то сильно барабанит в дверь квартиры. Он хотел разбудить маму, но почему-то не мог пошевелиться. Через некоторое время раздался очень сильный треск, звон разбитых стёкол и громкие голоса. Андрей увидел перед собой дядю Славу из соседней квартиры и ещё каких-то людей в странной грубой одежде и серебристых касках. Дядя Слава тут же подхватил маму на руки и вынес её на улицу. А остальные люди в касках открыли все окна и вынесли на улицу Андрея. Там Андрею сразу стало лучше, к тому же его окружили соседи, которые наперебой что-то говорили, стараясь отвлечь Андрея от ярко-жёлтой машины с красным крестом, куда только что унесли маму.

Когда всё само собой утихло, дядя Слава забрал Андрея к себе домой. Он познакомил Андрея с большим лохматым белым псом Ричардом и чёрной кошкой Дианой, которые жили вместе с дядей Славой и были его семьёй. Андрей очень волновался и спрашивал, когда вернётся мама, но дядя Слава объяснил, что маме сейчас очень нужно отдохнуть и до её возвращения Андрей поживёт в гостях у Ричарда и Дианы.

Андрею нравилось, что дядя Слава жарит очень вкусную картошку и много рассказывает о животных. Он говорит, что все животные его братья и всегда понимают его. А вот люди, наоборот, очень часто дядю Славу не понимают. Андрею казалось это занятным, потому что он сам не понимал, что говорят животные. Правда, и людей понимал не всегда.

Ещё дядя Слава говорил, что мама — ангел. Это очень нравилось Андрею, потому что он знал, что ангел — это кто-то очень хороший. А кто мог быть лучше мамы?

Через несколько недель вернулась мама. Она была так рада встрече с Андреем, что долго не могла выпустить его из своих объятий. А потом потянула его гулять в парк, где рассказала ему, что за последнее время очень много разговаривала с дядей Славой и безумно удивлена, что совсем не знала его раньше. Оказывается, дядя Слава — ветеринар. Это такой доктор, который подбирает на улице больных животных и лечит их, так объяснила мама.

Ещё она рассказала, что дядя Слава очень хороший человек и давно мечтает уехать из города в деревню, чтобы построить там ферму и разводить лошадок. Просто раньше у него не было для этого хороших друзей и помощников, а теперь он предложил маме и Андрею ехать с ним, и она согласилась. Дядя Слава обязательно научит Андрея ухаживать за лошадками, и у него будет серьёзная взрослая работа.

Андрей слушал маму и облизывал сладкое эскимо на деревянной палочке. Все мечты обязательно рано или поздно сбываются, думал Андрей, и душа его ликовала.

Неожиданно страшная мысль промелькнула в голове Андрея. Он выронил из рук недоеденное мороженое и испуганно посмотрел на маму. Глаза Андрея были полны тревоги, он чуть не плакал.

— Мама, а как же Ричард и Диана? Мы же не оставим их здесь?

Мама рассмеялась и обняла Андрея.

— Конечно, не оставим, милый. У них тоже все мечты сбываются. Дядя Слава уже с ними договорился.

КРАСНАЯ СКРИПКА

Республика Крым. Судак. Улица Ленина. Чёрный обелиск с непонятной витиеватой надписью на татарском языке. На ступеньках у подножья этого камня — маленький сухой старик в расшитой разноцветными нитями татарской тюбетейке. Глаза его закрыты — он играет на скрипке. Я бросаю мелочь в раскрытый у ног старика скрипичный футляр.

Это дедушка Энвер. Мы с ним знакомы уже третий день. Меня привлекла его странная скрипка. Зачем-то Энвер выкрасил её в ярко-красный цвет. Загорелые, изрезанные глубокими морщинами руки Энвера выводят незатейливую мелодию. Звуки скрипки то пронзительно стонут нестерпимой болью, то тихо грустят, переливаясь горным эхом, то словно зовут и ищут кого-то, давно потерянного на каменистых Крымских дорогах.

Мелодия вращается по замкнутому кругу. Медленно и плавно, как стальное колесо столыпинского вагона в мае тысяча девятьсот сорок четвёртого. Вот он, маленький Энвер, стоит возле железнодорожного состава, прижимая к груди скрипку. Он смотрит широко раскрытыми чёрными глазами на мать, которая, стоя на коленях, долбит в земле небольшую ямку. Нет. У этой мелодии есть начало, и оно не здесь.

Начало этой музыки — в ноябре тысяча девятьсот сорок первого, когда в село, где жил маленький Энвер, вошли немцы. Местные жители толпами высыпали на улицы, чтобы посмотреть на немецкие колонны. Женщины боязливо жались к стенам своих жилищ, смотрели исподлобья, боялись нечаянно встретиться взглядом с одним из этих серых, как будто металлических существ. Старики с тревогой выглядывали из окон домов. Лишь вездесущие мальчишки, сидя на заборах, с любопытством рассматривали здоровенных немецких лошадей, тянувших за собой орудия на чёрных резиновых колёсах.

Они шли и шли мимо дома Энвера нескончаемой вереницей, наполняя улицу запахом пороха и гари. Их грубая, непонятная речь казалась Энверу каким-то страшным проклятием, произносимым во весь голос, над его родным селом.

На мгновение колонна остановилась, и Энвер увидел напротив себя очень молодого солдата лет восемнадцати, сидевшего на лафете орудия. Новобранец заметил взгляд Энвера, и его поза тут же приобрела наигранную важность, а щёки покрылись румянцем.

Немцы расклеили по всей улице объявления на русском и татарском языке, но Энвер, закончивший перед войной лишь первый класс, никак не мог понять этих мудрёных слов.

— Мама, а что значит автономия и социальная справедливость? — спрашивал Энвер.

— Это значит, что они обещают нам счастливую жизнь, — отвечала мать с грустью и тревогой в глазах.

— А ты им не веришь, да? Потому что наш папа ушёл с ними воевать? А если они узнают, что наш папа воюет в Красной армии, они не убьют нас?

— Не знаю, милый, что будет, то будет. Старайся поменьше об этом говорить.

Мать в тот же день убрала подальше висевшую на стене фотографию мужа в военной форме, а Энвер вспомнил, что после ухода отца на фронт он остался старшим мужчиной в семье и должен заботиться о младшем брате Нари и крохотной сестрёнке Фати.

В первый же день немцы начали делать жизнь Энвера счастливой.

Они забрали всё заготовленное на зиму продовольствие, зарезали козу с козлятами и всю птицу. Оставался лишь мешок муки да корова, половину надоя от которой нужно было отдавать в местную управу.

На второй день во двор Энвера заехала легковая машина. Энвер и Нари с удивлением смотрели на этот диковинный аппарат. Из автомобиля вышел долговязый и очень худой офицер в начищенных до блеска чёрных сапогах и новенькой серой форме с орлом на груди. Его светлые волосы были зализаны назад, а круглые очки в тонкой оправе то и дело сверкали ослепительными бликами.

Офицера звали Готфрид. Он бесцеремонно поселился в доме Энвера, занимая все комнаты, кроме самой маленькой полуподвальной, куда и перебрались мама с Энвером, братом Нари и грудной сестрёнкой Фати.

С наступлением зимы полевые работы прекратились, школа закрылась, и, когда матери не нужна была помощь Энвера по хозяйству, он старался убежать к дяде Айдару, маминому старшему брату.

Дядя Айдар потерял ногу ещё в Первую мировую войну и немцев откровенно недолюбливал. Зато руки у дяди были золотые. Со всего села несли к нему в починку

патефоны и примуса, обувь и инструмент. Когда ещё до войны в колхозе ломался единственный трактор, никто не смел вмешиваться в процесс ремонта. Посылали за Айдаром и терпеливо ждали, пока тот на своих костылях прибудет к месту поломки.

Ещё дядя Айдар был известным весельчаком. По выходным он играл на своей скрипке в сельской чайхане. На его импровизированные концерты непременно собиралась вся округа. Энвер был беззаветно влюблён в дядину скрипку, и Айдар потихоньку учил племянника премудростям игры на этом инструменте.

При немцах дядя Айдар начал играть в чайхане каждый вечер. Поговаривали о связях дяди с партизанами, но Айдар всячески отрицал подобные слухи. Он изо всех сил старался угодить собиравшимся послушать его игру немецким офицерам. Вскоре по вечерам на его концерты в чайхане стало собираться чуть ли не всё расквартированное поблизости немецкое командование. Бывший колхозный сторож Борзунов, не призванный в Красную армию в силу преклонного возраста, окрестил дядю немецкой подстилкой, что, впрочем, не мешало Айдару каждый вечер зарабатывать в чайхане свой кусок хлеба.

Всю зиму Энвер брал у дяди уроки игры на скрипке и неплохо преуспел в этом обучении.

Однажды весной, в день своего рождения, дядя Айдар пришёл на концерт в чайхану с огромным фанерным чемоданом. На вопросы о его содержимом Айдар заявил, что в день своего рождения будет угощать после концерта собравшуюся публику брагой. В тот вечер в чайхане яблоку было негде упасть. Все немецкие фуражки не помещались на старой вешалке. Их бросали на подоконниках и столах.

В середине концерта дядя неожиданно объявил антракт и вышел на улицу закурить папиросу. Прикурив, Айдар спокойно повесил скрипку на плечо и, взяв поудобнее костыли, поковылял по улице прочь.

Когда дядя удалился от гудевшей чайханы на внушительное расстояние, раздался оглушительный взрыв такой силы, что куски красной черепицы с её крыши находили потом далеко за пределами села.

Началась невероятная паника. Туда-сюда сновали немецкие грузовики, солдаты палили из автоматов по кустам в полумраке, кто-то пытался тушить начавшийся пожар. Столпотворение продолжалось до полуночи.

Тем временем дядя Айдар, проходя мимо дома Энвера, торжественно вручил ему свою скрипку.

— Держи, брат! Береги её. Это тебе в честь моего дня рождения.

— Что там случилось, Айдар? — испуганно спросила мать.

— Праздник, — усмехнулся дядя Айдар и, переложив папиросу из одного угла рта в другой, зашагал прочь. На следующий день нацисты объявили, что если жители не выдадут властям устроивших взрыв партизан, то каждый день будет расстреляно по десять жителей села. Для начала они схватили первых попавшихся на улице женщин и стариков.

Их заперли в колхозной конюшне в ожидании исполнения приказа.

Улицы мигом опустели. Из разных концов селения то и дело доносились причитания и стоны. Ночь прошла в состоянии гнетущего страха. Наутро на улице послышались голоса. Прошёл слух, что партизаны пойманы и можно выходить из домов. К обеду Энвер с матерью решились пойти на рынок, чтобы сменять крынку молока на муку.

На площади у рынка появилось странное сооружение, похожее на турник из физкультурного зала школы. Только сделано это творение было из неотёсанных досок.

Подойдя ближе, Энвер увидел, что с перекладины свисает верёвка, на которой болтается человеческое тело. По отсутствию правой ноги Энвер узнал дядю. Голова его опустилась на грудь, и лица было не видно. Запястья связаны за спиной колючей проволокой.

Мать в оцепенении застыла посреди площади, разведя руки в стороны. Она хотела подойти к брату ближе, но боялась. Хотела куда-то бежать, но не знала — куда. Что-то делать, но не знала — что. На лице её застыл ужас. По щекам градом катились слёзы.

Энвер постарался как можно быстрее увести маму домой. Там она весь день лежала без движения на кровати, отказываясь что-либо делать. Под вечер её привела в чувства своим криком маленькая голодная Фати.

Наутро в комнату заявился Готфрид. С помощью одетого в нацистскую форму уроженца соседнего села Басыра, перешедшего на службу в гитлеровскую полицию, он объяснил, что выселяет хозяев из дома в хлев, потому что теперь проживание офицера в одном доме с местными жителями запрещено.

Мама перенесла самые необходимые вещи в хлев, и семья Энвера заняла там место, освободившееся после потери козы с козлятами. Зато корова теперь была совсем рядом и радостно тянула морду, удивлённо рассматривая всех своими большими добрыми глазами.

По вечерам Энвер играл на скрипке то, что успел выучить с дядей. Он усвоил главный дядин постулат, который тот повторял многократно. Душа руководит рукой — рука руководит инструментом — инструмент питает душу.

Эти слова были для Энвера куда понятнее социального равенства и автономии.

Мама, слушая игру Энвера, качала головой:

— Весь в Айдара, Господи, что ты сделаешь в юности, мой сынок? Вот вы бедовые все у меня!

Ничего страшного сделать Энверу в ближайшее время не пришлось. Жизнь их семейства при оккупантах становилась всё суровее. Виселица на площади наполнялась каждый день всё новыми и новыми людьми. В небе стали появляться самолёты с красными звёздами. Это приводило в бешенство расквартированных в посёлке офицеров...

Готфрид со своим адъютантом ежедневно уплетали тушёнку. Пустые жестяные банки выкидывались ими через окно во двор дома. Когда банок во дворе скопилось достаточно много, маленький Нари нашёл им применение.

Он пробил их днища гвоздём и связал несколько банок одной верёвкой, устроив, таким образом, воображаемый поезд. Нари таскал его за собой по двору. Банки гремели, и Нари чувствовал себя настоящим железнодорожником. Таким же, как другой его дядя Карим, который был машинистом до войны, но при оккупантах пустил свой состав под откос, пожертвовав при этом собой.

Игры Нари с банками раздражали Готфрида. Целыми днями он сидел во дворе и писал какие-то бумаги. Сидя на невысокой скамейке и растопырив в разные стороны свои длинные ноги в начищенных сапогах, немец был похож на большого паука, с маленькой головой в сверкающих на солнце очках.

Когда в очередной раз Нари подобрал возле сапог Готфрида пустую банку, тот нервно вскочил на ноги и выхватил из кобуры маузер. Ничего не подозревавший Нари мирно ковырял банку гвоздём. Прогремел выстрел. От испуга мальчик упал на землю. Банки раскатились в разные стороны. Готфрид ещё два раза пальнул в воздух, завершив урок фразой:

— Kennen Sie Ihren Platz, Schwein[1].

Маленький Нари поднялся с земли, вытер нос и ушёл, унося свой паровозик с таким взглядом, от которого Готфриду стало ясно, что в Крыму никогда не будет для немцев спокойной жизни.

Готфрид снял очки, провёл ладонью по лицу и посмотрел на запад. Какое-то ругательство слетело с его уст. Он вынул из кобуры протирку и начал драить свой маузер.

Почти три года виселица на площади у рынка ежедневно наполнялась повешенными. Три года карательные отряды жгли сёла и угоняли жителей полуострова в рабство. Изымали у местного населения всё продовольствие и скот, обрекая на голод стариков и детей.

Каждый день мимо дома Энвера под конвоем Басыра проводили арестованных. То за укрывательство еврейских детей, то за утайку килограмма муки, то за исполнение вслух советской песни. Арестованных вели в комендатуру. Обратно не возвращался никто. Все знали, что эта дорога всегда только в один конец.

Однажды мимо дома Энвера гнали стариков Ахметовых с соседней улицы. Их дочь, татарка, вышла замуж за еврея, и внучка была наполовину еврейкой. Кто-то из соседей за стакан муки сообщил об этом властям. Полицаи пришли арестовать трёхлетнюю внучку. Старуха Ахметова схватила внучку на руки и упала на колени перед карателями. В слезах она умоляла оставить ей ребёнка. Те цинично предложили ей пройти в комендатуру самой. Все понимали, что это значит, но женщина не смогла отдать фашистам ребёнка и пошла. За ней пошёл и старик Ахметов.

Их так и гнали по улице троих. Босых и полураздетых. Впереди растрёпанная старуха с плачущим ребёнком на руках, за ней седой старик, почерневший от горя, а следом Басыр с подаренной немцами губной гармошкой.

Назад Басыр возвращался один. Он был навеселе и задорно подмигнул Энверу, сидящему на заборе.

— Не захотели сдать жидовку? Вот и сгинули из-за неё. А я-то что? — сказал Басыр, будто оправдываясь. — Тоже мне, малахольные.

Со временем в голове Энвера всё чаще возникали мысли о партизанах. Говорили, что четырнадцатилетний Салават из соседнего дома ушёл к партизанам и теперь воюет где-то в горах.

За последнюю зиму, несмотря на постоянный голод, Энвер вырос на целый вершок. Он ненавидел оккупантов, и ему страсть как хотелось уйти к партизанам.

[1] Знай свое место, свинья *(нем.)*.

Но как оставить мать, сестру и брата? Отец велел беречь их, ведь Энвер теперь был старшим мужчиной в семье.

Всё чаще он доставал подаренный отцом перед войной охотничий нож. Энвер вынимал его из кожаных ножен, любуясь сверкающей сталью лезвия и костяной рукоятью с бронзовыми вставками.

Конец всему пришёл неожиданно. В мае тысяча девятьсот сорок четвёртого оккупанты начали поспешно собираться. День ото дня их отступление приобретало всё более хаотичный характер, и к середине дня пятнадцатого мая в селе воцарилась полная тишина.

Семья Энвера перебралась обратно в свой дом. Первыми были сожжены в печи все оставшиеся от нацистов листовки. Вернулся на место и портрет отца. У Энвера родилась в тот вечер новая, прекрасная мелодия. Он был несказанно рад, что какая-то рука свыше даёт ему эти звуки и помогает его пальцам их исполнять.

Под утро по улицам села зашагали красноармейцы. Они были худы, оборваны, но веселы и приветливы. Родная русская речь воодушевляла. Им несли молоко, хлеб, а у кого не было ничего, протягивали просто воду. Бойцы с радостью пили воду и целовали выбежавших к ним женщин. Поднимали на руки детей. Обнимали старух.

Всё это очень быстро кончилось.

Под вечер все улицы были оцеплены бойцами в фуражках с синим околышем. Эти люди уже не были разговорчивы. Их лица были сытые, холёные и не располагали к общению. Появление этих людей вообще было странным и не вписывалось в ту картину борьбы за свободу, которую представлял себе Энвер.

Ночью в окно дома Энвера раздался стук. Испуганная мать в одном белье открыла дверь и тут же была прижата к стене автоматом ППШ.

— Кто живёт в доме? Сколько вас? Есть лица мужского пола?

В испуге мать назвала имена Энвера и Нари. В эту минуту в комнату ворвались ещё четверо солдат, но, убедившись, что это дети, они быстро покинули дом.

Остались лишь двое. Маленький сухой почти старик и крупный молодой рыжеволосый парень. Они объявили, что всем предписано в десять минут собраться и покинуть дома.

Рыжеволосый солдат бесцеремонно начал рыться в вещах и тут же запихал себе в карман мамины серьги, обнаруженные им в комоде. Увидев это, мама вскрикнула и хотела что-то возразить, но холодный и наглый взгляд солдата и чёрное дуло автомата, направленного в лицо матери, заставили её замолчать. Пожилой солдат с негодованием обратился к здоровяку, но тот лишь оскалился кривой улыбкой и продолжал грабить.

Мать успела взять документы, фотографию отца и небольшой свёрток муки. Быстро запеленала Фати, накинула шаль и выскочила на улицу. Энвер, конечно же, взял скрипку, сунул за пазуху подаренный отцом нож в кожаном футляре, схватил за руку брата и последовал за мамой.

Улица уже была полна людей. Соседка Авдеева, бывшая женой председателя колхоза татарина Султана, ушедшего добровольцем на фронт, на чём свет стоит материла конвой.

— Что же вы, аспиды, делаете? Кто это придумал выселять людей без разбора? Совесть у вас где? Сволочи. Я член партии с девятнадцатого года, в гражданскую воевала. Я самому Сталину писать на вас буду, гниды тыловые.

— Мама, а кто такие гниды тыловые? — спросил Нари.

— Это плохие люди. Не повторяй больше никогда эти слова, сынок.

— Они предатели? Немцам помогают? Их Готфрид прислал? — не унимался Нари.

— Я не знаю точно. Нам нужно молчать. Не говори, пожалуйста, ничего. Пойдём, куда они скажут.

Всех сгоняли на рыночную площадь, где всё ещё красовалась построенная фашистами виселица.

— Почему они не разрешают нам брать с собой вещи? — раздавались вопросы в толпе.

— Нас расстреляют, — обронил кто-то.

— Не может быть, — загудели в толпе, — окопы рыть повезут, рабочая сила нужна.

— Какая тут сила, старухи да дети, — возражали другие.

— Не могут советские люди своих расстрелять, это же не фашисты, — успокаивали третьи.

— Я на вас всех самому Сталину напишу! Под суд пойдёте! — продолжала орать Авдеева.

Тем временем на площадь подогнали грузовики. Откинули борта, скомандовали садиться.

— Да что вы, в самом деле? Озверели? — заорал седой старик, опиравшийся на деревянную палку. — Мне девяносто два года. Зачем мне ехать? Дайте мне спокойно

помереть в своём доме.

— А ну пошёл в машину, дед, — приказал офицер и приблизился к старику.

— Я не поеду! — истошно заорал старик и замахнулся палкой на офицера.

Раздался треск автоматной очереди. Двое солдат тут же отволокли тело убитого в сторону, к забору.

На площади воцарилась тишина. Люди молча и поспешно лезли в грузовики. Одна за другой машины покидали площадь. Последним подняли борт у полуторки, в которой был Энвер. Водитель завёл двигатель.

В этот момент Нари, усевшийся было возле матери, вскочил на ноги.

— Паровозик! Я забыл дома свой паровозик! — Нари с ловкостью мартышки перескочил через дощатый борт машины и кинулся к дому.

На руках у матери была Фати, и она не успела остановить сына. В её глазах застыл ужас.

— Нет, Нари, нет! — заорала она так, что сидевшие рядом люди невольно пригнули головы.

Мать бросила Фати на колени Энверу и вскочила, подбирая подол юбки, чтобы вылезти из кузова.

Стоявший ближе всех конвойный лязгнул затвором автомата и прицелился. Нари со всех ног бежал к дому. Конвойные, стоявшие по краям площади, уже начинали расходиться, но один из них ещё не успел покинуть своего места. Это оказался тот самый здоровяк, прихвативший серьги. Ударом приклада он сбил с ног бежавшего мальчишку. Нари скатился в придорожную канаву и затих. Двое других тут же вытащили тело мальчика и забросили его обратно в грузовик.

Мать схватила Нари и прижала к себе. Он тяжело дышал широко открытым ртом. Глаза его рассеянно смотрели в серое небо. Удар пришёлся в висок. Над ухом мальчика расползалось огромное фиолетовое пятно. Мать трясла Нари, пытаясь услышать его голос, но брат ничего не отвечал.

Спустя несколько часов машины приехали на железнодорожную станцию. Грузовики подогнали вплотную к вагонам теплушкам для перевозки скота и быстро перегнали туда людей. В толпе начали осторожно переговариваться.

— Не расстреляют. Иначе, зачем так далеко везти?

Вагон, в который погрузили Энвера, был изрешечён пулевыми отверстиями, как сито. Сквозь эти дыры внутрь пробивались лучи восходящего солнца. Измождённые и голодные люди вповалку набились в вагон. Людей было столько, что лечь можно было, лишь сильно поджав под себя ноги. Стояла невероятная духота. Мать оторвала подол юбки и перевязала голову Нари. Мерный стук колёс погрузил всех в тяжёлое и душное марево сна.

Энвер очнулся, когда оранжевое от заката небо показалось в узеньком, закрытом решёткой оконце под потолком вагона. Густой тягучий смрад наполнил собой воздух. Энвер почувствовал, что к этой удушающей тяжести добавился какой-то новый, незнакомый, резкий и пугающий запах. С каждым часом этот запах усиливался. Людей мучала жажда. Воды не было.

На второй день в полу вагона выломали узкую дыру, ставшую для всех отхожим местом. Пробираться к ней нужно было ползком, по телам людей, которые иногда поджимали ноги, позволяя проползти, а иногда лежали неподвижно, не чувствуя чужих прикосновений.

Вскоре тяжёлый запах стал нестерпим. Энвер заметил, что вокруг старушки, лежащей неподвижно неподалёку, образовалось узенькое свободное пространство. Все старались не прикасаться к ней и отворачивали лица. Её накрыли с головой какими-то тряпками, но страшный смрад по-прежнему усиливался.

Наутро третьего дня пути вагон встал. В наступившей тишине Энвер вдруг услышал жужжание невероятного количества мух. Они облепляли тела людей, потерявших силы отмахиваться. На улице послышались голоса конвойных. Обессилевшие люди начали стучать в стены вагона. Просили пить.

Через некоторое время дверь приоткрылась. В неё просунули бидон мутной воды и выгрузили из вагона умерших. Таких оказалось четверо. Дышать стало чуть легче, но теперь к путникам пришла новая беда — голод.

Многие были на грани истощения и до выселения, ещё при немцах. Утром, открывая глаза, Энвер тут же чувствовал, как начинает ныть в животе. Затем это ощущение нарастало, и появлялась непрекращающаяся боль, будто какой-то зверь рвал его изнутри когтями. Многие люди начинали сходить из-за этой боли с ума. Постоянно старались хоть что-нибудь съесть, наполнить желудок. Подолгу жевали ремни и куски кожаной одежды. Когда давали бидон тёплой воды, становилось легче. Энвер ощущал, как жидкость заполняет всё внутри, и это ненадолго приносило успокоение.

На четвёртый день состав сделал короткую остановку на маленьком полустанке

в голой степи. Двери вагонов открыли, и людям разрешили выйти. Полустанок был оцеплен плотным кольцом конвоя. Из нескольких полевых кухонь раздавали по черпаку еле тёплой жидкой баланды, но и она быстро закончилась. Хватило лишь тем, кто смог первым выбраться из вагонов.

Через полчаса всех загрузили в поезд, и путь в неизвестность продолжился. Никто не мог точно ответить, куда и зачем везут этих несчастных женщин, стариков и детей. Раз или два в сутки состав останавливали в безлюдном месте. Конвой пересчитывал пассажиров. Умерших от голода или болезней выносили из вагонов и оставляли у полотна дороги. Живым разливали по черпаку баланды и снова распределяли по вагонам.

За несколько дней Энвер, слушая разговоры конвойных, выучил имена многих из них. Рыжеволосого вора звали Голубь, а его маленького пожилого напарника — Каменьков. Энвер возненавидел Голубя. Засыпая, он представлял себе, как товарищ Сталин расстреливает из пулемёта врагов народа. Враги, в виде буржуев и фашистов, выстраивались в огромную очередь. Первый в ней стоит Голубь, нагло смотрящий на товарища Сталина. После воображаемой казни Голубя сон сразу одолевал Энвера, глаза слипались, и под мерный стук колёс он проваливался в тёмную пустоту.

На пятый день пути мать сняла повязку с головы Нари. Пятно на его виске стало чёрным и превратилось в большую безобразную вмятину. Все эти дни он ничего не ел и лишь просил пить. Казалось, что Нари ничего не слышит, потому что он не отвечал на вопросы и не поворачивался на голос. На ближайшей остановке мама попросила Каменькова найти врача.

— Эх, дочка, откуда же тут, в степи, врач? Здесь и фельдшера-то за сто километров нет. Вот потерпи, доберёмся до Уральска, так там, может быть, сыщется. Я уж поспрашиваю, — Каменьков достал из-за пазухи краюху хлеба и, отломив половину, протянул её матери. — На вот, поешь сама-то да пацанов своих покорми. А то одни глаза остались, исхудали совсем. Вот оно, видишь, как.

Каменьков провёл ладонью по затылку, и его глаза с тоской устремились куда-то вдаль, поверх запылённых вагонов.

В Уральске поезд не остановился. Состав проходил без остановок все крупные города и часами стоял на пустынных разъездах.

На следующей станции Каменьков привёл к Нари полного солдата с красным небритым лицом.

— Вот, дочка, это Степан. Он в госпитале медбратом был. Пусть хоть посмотрит сынишку. Другого всё одно тут не сыщем.

Степан долго разглядывал висок Нари под разными углами. Осторожно касался пальцем его головы и тревожно вздыхал.

— Не знаю я. В госпиталь надо. Плохо тут дело, — заявил Степан.

— Эх ты, Господи. Вот оно, видишь, как, — тяжело вздохнул Каменьков.

— Обещал махорку за осмотр, так давай сыпь, — немного стесняясь, пробурчал Степан.

Каменьков вынул из кармана кисет и отсыпал Степану махорки. На следующее утро Энвер проснулся от странного режущего ухо звука. Поначалу ему показалось, что поезд сошёл с пути. Это был протяжный и пронзительный не то вой, не то скрежет. Открыв глаза, он увидел, что все вокруг взволнованно смотрят на них с матерью. Фати лежала на полу, а мама держала на руках Нари. Она раскачивалась из стороны в сторону, издавая этот страшный и неведомый доселе Энверу звук. Только сейчас Энвер понял, что мама рыдает.

Какая-то старуха начала нараспев читать молитву. Говорили, что в соседнем вагоне едет старик, бывший мулла. Надо бы на ближайшей остановке его позвать.

Под вечер поезд остановился. Звали муллу. Но оказалось, что он настолько слаб, что уже не может выйти из вагона. Вместо него пришёл дежурный офицер НКВД и, полистав какой-то журнал, вычеркнул из него карандашом одну строчку. Так он делал каждый раз, когда в вагоне кто-то умирал.

До этого умерших просто оставляли вдоль железной дороги. Хоронить не было ни времени, ни возможности. Нари стал первым.

Каменьков раздобыл где-то лопату и выдолбил в затвердевшем песке небольшую яму. Глядя на то, как Каменьков копает, дежурный офицер вопросительно поднял брови.

— А что это ты, боец Каменьков, с врагами народа всё якшаешься, как я погляжу? Подкармливаешь. Похороны им устроил. Мало тебе было одного штрафбата? Не угомонишься никак? — офицер, прищурив глаз, вертел в руке карандаш.

— Господь с вами, товарищ капитан. Какие же это враги? Бабы да ребятня.

— Политическая близорукость, Каменьков! — капитан обернулся в сторону полевой кухни, откуда потянуло дымком, и отправился налить себе чаю.

Когда всё было кончено, Каменьков вытер со лба пот и трижды прочитал над маленьким земляным холмиком «Отче наш».

— Вот оно, видишь, как. Не плачь, дочка, терпи. Господь терпел и нам велел, — Каменьков скрутил папиросу и закурил.

В этот момент капитан с кружкой чая возвращался обратно.

— Ты что? Совсем сдурел, боец? Что над ним молиться? Это же татарин был. Нехристь.

— Татарин не татарин, а Бог — он для всех один, — пробормотал себе под нос Каменьков.

— Ой, допрыгаешься ты, старый, точно допрыгаешься! Донесут комиссару о твоих проделках, и пойдёшь по новой в штрафники.

В этот вечер состав стоял необычно долго. Когда стемнело, конвойные развели возле вагонов костры, согреваясь от ночного холода.

— Шли бы вы к костру погреться, — прошептала мама Каменькову, — и так вам из-за нас достанется от начальства.

Энвер почувствовал, что мама немного успокоилась. Ему казалось, что именно присутствие этого старого солдата окружило их обоих каким-то успокаивающим теплом.

— Да что там, — махнул рукой Каменьков, — мне уж ничего не страшно. И на передовой был, и в штрафбате. Как искупивший кровью, возвращён в строй. Потом снова тяжёлое ранение, госпиталь. Теперь вот сюда отправили.

— За что вас в штрафбат? — тихо, еле слышно спросила мать.

— Под Сталинградом немцев в плен полно поздавалось. Их особо и не конвоировали. Куда им деться? Мороз за тридцать. Идут по дороге, куда им велено. Обмороженные все, безоружные, полуголые. С дороги свернёшь — верная смерть. Они и топали сами в сторону бараков, куда приказали. Смотрю, офицер наш из интендантской службы, тыловик, вытащил одного пленного, поставил в поле и стреляет в него из трофейного маузера, тренируется. Раз выстрелил, другой, всё не попасть никак. Не выдержал я этой картины. Как же так? Человек ведь всё-таки, хоть и враг. Он же сдался в плен, и мы ему жизнь за это гарантировали. А эта крыса тыловая живую мишень решил сделать. Стрелять тренируется. Ну, я и съездил по морде тому офицеру. Получается, как за врага заступился. Так в деле и записали. Вот оно, видишь, как.

В тот вечер поезд так и не тронулся. Конвойные где-то достали для согрева спирт. Всю ночь у костров слышался пьяный смех. Энвер пытался заснуть, представляя товарища Сталина, расстреливающего врагов, но теперь это не помогало. Ему хотелось самому встать к пулемёту. Он видел пред собой огромное тело Голубя, и ненависть переполняла душу Энвера до дрожи.

Ночью Энвер проснулся. Дверь вагона была приоткрыта. Сквозь эту щель он увидел догорающий костёр и висящий над ним солдатский котелок. Еле уловимый запах пригорелой каши заставил Энвера подняться и подползти к двери. В вагоне все спали. Мальчишка просунул голову в щель. У тлеющего костра никого не было.

Энвер скользнул в дверь и мигом очутился возле котелка. В этот момент угли на ветру вспыхнули чуть ярче, и Энвер увидел лежащего на земле Голубя. Тот был мертвецкий пьян. Возле него валялась жестяная кружка и незакрытая фляга. Мерцающие угли освещали багровым светом его жирную лоснящуюся шею. Решение сверкнуло в голове Энвера подобно разряду молнии.

Он вытащил из-за пазухи отцовский нож, который всё это время тщательно прятал, и приблизился к своему врагу. Тут же вспомнилось, как отец учил Энвера резать к празднику барана. Одним ударом. Точно и без колебаний. Энвер сжал в ладони рукоятку ножа и занёс руку.

— Не делай этого, сынок, — тихо прошептал кто-то сзади, — Энвер в ужасе застыл с поднятой в воздухе рукой. — Не надо так делать. Проживи жизнь с чистой совестью. Пусть она и не будет лёгкой, но так лучше, поверь.

За спиной Энвера показалась тень. По мягкому голосу мальчик узнал Каменькова. Тот стоял в нескольких шагах позади и не спешил приближаться.

Энвер почувствовал, что вся сила, которая мгновение назад была сосредоточена в его руке для нанесения удара, разом исчезла. Теперь он не смог бы, наверное, перерезать ножом и волоса. Ноги его вдруг стали ватными, а в висках, как бешеная белка в колесе, стучал пульс.

Каменьков подошёл ближе и обнял мальчика. Энвер прижался щекой к его гимнастёрке, пахнущей пылью и махоркой. Холодная металлическая пуговица, как маленький ледяной компресс, остужала горячий лоб Энвера. Угли совсем догорели, и наступила темнота. Грубая, тяжёлая ладонь солдата медленно гладила стриженый затылок Энвера.

— Вот оно, видишь, как, — шептал Каменьков, — ничего, ничего.

Каждое утро солнце светило тонкими косыми лучами сквозь пулевые отверстия в стенах вагона. Мучительное ощущение голода было первым, что Энвер чувствовал, просыпаясь. Мама почти ничего не ела, отдавая Энверу выданные ей сухари и часть баланды. Но это не сильно помогало. Энвер чувствовал, что ноги уже плохо держат его и постоянно кружится голова. На каждой остановке из вагона выгружали по одному, а то и два завёрнутых с головой тела. Иногда были силы и время захоронить их возле насыпи. Чаще просто оставляли на земле. В вагоне становилось просторнее.

На четырнадцатый день дороги перестала плакать Фати. Энвер боялся заговорить с матерью об этом. Он сидел молча возле матери и лишь изредка с тревогой поглядывал на её бледное измождённое лицо, с провалившимися внутрь глазами и стеклянным безразличным взглядом, устремлённым куда-то сквозь грязную дощатую стену вагона. Она прижимала к груди завёрнутое в тряпицы тело Фати и молчала.

На следующем полустанке стояли долго. Каменьков куда-то пропал, и Энвер с мамой сами выдолбили в каменистой почве небольшую ямку для Фати. Обессиленные, они долбили землю по очереди. Когда мама опустилась на колени и начала копать, Энвер вдруг увидел, какая она маленькая. Казавшаяся ему всегда большой мама как будто уменьшилась, вся вжалась в себя, и Энверу казалось, что он возвышается над ней на огромную высоту своего роста. Он смотрел, широко раскрыв глаза, на маленькую маму у своих ног и не мог понять, как такое может быть. Вокруг медленно проплывали люди. Фигуры их растягивались, как отражения в кривых зеркалах, нелепо изгибаясь и раскачиваясь. Потом в глазах стало темно.

Энвер не помнил, кто погрузил их с матерью обратно в вагон. Он очнулся от резкого звука. Состав со скрежетом тормозил. Его ещё некоторое время болтало из стороны в сторону, и наконец всё замерло. Послышались голоса конвоя и лай собак. Дверь открылась. Несколько пассажиров, с трудом переставляя ноги, выбрались наружу. Большинство оставались лежать в вагоне, лишь приподнявшись, чтобы посмотреть на улицу. В дверном проёме показалось лицо Каменькова.

— Э, брат, так нельзя, — он на руках вытащил Энвера и мать на воздух и усадил спинами к стволу дерева.

Через минуту он уже кормил обоих баландой из своей миски. Потом осторожно, нагнувшись и прикрывая Энвера своей спиной от лишних глаз, Каменьков достал из вещмешка краюху хлеба и, разломив её, протянул мальчику и матери.

— Только медленно есть надо, понятно? Очень медленно. На этой станции паровоз будут менять. Нескоро ещё отправимся.

Он достал нож и вытер его об измятый рукав пыльной гимнастёрки. Глаза его прищурились доброй улыбкой, и лучики морщинок побежали от глаз к вискам. Каменьков торжественно извлёк малюсенький бумажный свёрток и, бережно развернув его на ладони, аккуратно разрезал на три части кусочек сливочного масла.

— Вот, теперь по кусочку маслица, — произнёс он как-то особенно ласково и благоговейно, протягивая вперёд ладонь. Каменьков сидел по-турецки, и Энверу была хорошо видна истёртая подошва его сапога, подбитая крупными ржавыми гвоздями. Из-под сбившейся набок пилотки торчали короткие седые волосы: — А меня намедни к комиссару таскали... Почто, говорят, ты, Иван Фёдорович, так с врагами народа обходителен? Нешто ты, пролетарий, супротив советской власти с ними сдружился? А я им и говорю, разве ж можно супротив советской власти? Я же только за. Разве ж советской власти угодно баб да ребятишек голодом морить? Советская власть — она от народа. А значит, к каждому голодному да несчастному — с милостью. Вот и я так. В полной мере по-советски и поступаю. А иначе мне душа не велит. А они мне говорят, безграмотный ты, Иван Фёдорович, мужик. Не возьму я в толк, какая такая грамота нужна, чтобы неповинных стариков да детишек со свету сживать. Вот оно, видишь, как.

Ещё дней десять болтались в телячьем вагоне Энвер с мамой, пока не прибыли в Узбекистан. Всё это время Иван Фёдорович втихую совал Энверу сухари и одобрительно трепал его по макушке.

— Ничего, брат, скоро уж война кончится. Тогда заживём мы с тобой.

Мама по-прежнему ела плохо, отдавая Энверу половину своей баланды и сухари. Она всё время молчала, и глаза её теперь постоянно были устремлены в одну точку. Взгляд стал холодным и бессмысленным. Кожа на скулах обвисла. На кистях рук отчётливо проступала каждая косточка.

За пару дней до прибытия пропал куда-то и Каменьков. Говорили, что он то ли арестован, то ли находится на допросе у комиссара.

По прибытии всех переселенцев разместили в старых конюшнях. По три-четыре человека в каждое лошадиное стойло, служившее новосёлам отдельной комнатой. Выдали для благоустройства по мешку прошлогодней соломы и определили на работы по уборке хлопка.

В первый же день работ в поле с мамой приключилась беда. При виде бескрайней, раскинувшейся до горизонта плантации хлопчатника она с диким хохотом начала вырывать из земли стебли и подбрасывать их в воздух. Её смогли успокоить, лишь окатив с головы до ног водой. После этого маму отвели под руки обратно в конюшню, где она и пролежала молча до следующего утра.

Всё это время Энвер сидел рядом и иногда пытался заговорить с мамой. Она не отвечала ему. Её удивлённо поднятые брови натолкнули Энвера на страшную догадку: она не узнавала сына. Энвер протягивал ей кружку с водой, и она пила, но взгляд её оставался по-прежнему безучастным. Только под утро мама вдруг подняла голову.

— Энвер, — позвала она тихо, — дай мне руку.

Она взяла ладонь сына и закрыла глаза. Энвер сидел рядом на соломе. Через несколько минут из горла матери раздался негромкий хрип.

— Что мама? Что? Я не разобрал. Мама?

По неподвижно застывшему лицу Энвер понял, это конец.

Наутро все жители конюшни ушли на работы в поле. Выход на хлопковые плантации гарантировал двести грамм хлеба и баланду. Но даже голод не смог заставить Энвера покинуть тело матери. Весь день он, как в тумане, просидел возле неё.

Под вечер вернувшиеся с работ женщины выкопали на задворках конюшни неглубокую яму. Энвер заметил, что поодаль уже есть несколько песчаных холмиков от свежих захоронений, с деревянными табличками на татарском языке.

Солнце быстро стремилось к линии горизонта. Огромный багровый шар заливал своим светом степь, окрашивая в красный цвет землю и фигуры стоящих вокруг людей. Всё в один миг стало багрово-красным: и камни, и растения, и лица. Энвер стоял рядом с матерью, сжимая в руках гриф своей маленькой скрипки, с которой не расставался все последние годы. Его охватило чувство отчаянья. Как теперь можно на этом свете играть на скрипке? Как можно вообще на чём-либо играть? Как могут звучать на земле любые звуки, когда мамы больше нет? Когда никого больше нет? Должно наступить полное безмолвие. Навсегда.

Энвер подошёл ближе и положил скрипку в руки матери. Никто не возражал. В лучах заходящего солнца покрытая лаком скрипка светилась рубиново-красным огнём. Становилось всё темнее, и, казалось, только свет красной скрипки озаряет безмолвные лица людей. Она освещала их до тех пор, пока чёрные комья земли, падавшие вниз с каждым взмахом лопаты, не закрыли этот льющийся во все стороны свет.

Задворки конюшни погружались во мрак. Люди, вздыхая, начали потихоньку расходиться. Энвер продолжал стоять у небольшого земляного холмика. Солнце село, и в полумраке сразу же стало холоднее. Со всех сторон Энвера окутала пронизывающая до костей ночная прохлада, и только за спиной почему-то было тепло. Энвер затылком почувствовал присутствие за собой человека.

— Вот оно, видишь, как! — услышал Энвер за спиной.

Большие мятые рукава пропахшей дымом гимнастёрки обняли мальчика. Всё погрузилось в непроглядную чёрную ночь. Такую же угольно-чёрную, как обелиск на улице Ленина в посёлке Судак, возле которого играл дедушка Энвер.

* * *

Я бросил ещё несколько монет в его скрипичный футляр. Старик перестал играть, открыл глаза и кивком головы кому-то внимательно прислушался. Вдалеке прозвенел школьный звонок. Энвер пересыпал монеты из скрипичного футляра в карман и бережно упаковал скрипку. Через минуту стая ребятишек со всех сторон облепила дедушку Энвера. Они все что-то наперебой щебетали ему, дёргали за бороду и залезали на плечи. Бойкая черноглазая девчушка первой вскарабкалась Энверу на колени.

— Дедушка, а ты сегодня много заработал? А на шоколадное мороженое хватит? А на динозавриков хватит?

— Конечно, Фати! Я же тут играл с самого утра.

— Дедушка, а ты знаешь, как нужно в магазине выбирать, чтобы именно динозаврик попался? Ты не знаешь. Я тебя научу. Надо взять пакетик и пощупать: если там длинная шейка, значит, там динозаврик, а если короткая, значит, кто-то другой. А я только динозавриков собираю.

— Хорошо, Фати, сейчас пойдём искать динозавриков, слезай, а то деду тяжело.

Энвер поднялся и, осаждаемый со всех сторон щебечущей ребятнёй, направился в сторону супермаркета. Проделав несколько шагов, он остановился и обернулся ко мне.

— Смотри, все мои внуки, все девять! Все родные — все Каменьковы!

— Как? — удивился я. — почему Каменьковы?

— Так и я же с сорок четвёртого года стал Каменьков. Вот оно, видишь, как...

Дмитрий ВОРОНИН

ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК ОДИН

Ах, этот волшебный Тбилиси, этот великолепный Тбилисо! Ах, эти потрясающие сациви и сулугуни, чахохбили и хачапури, хинкали и чанахи! Ах, эта «Хванчкара», эти «Цинандали», это «Киндзмараули» и это «Мукузани»! Ах, этот Вахтанг со своей песенкой «Чито Гврито»:

Чито — гврито, чито маргарито, да...

Дмитрий Петрович с женой Наденькой просто обалдели от красот чудесного города. Гуляли по запутанным улочкам Авлабари, заглядывали в сказочные дворики Старого Тбилиси, наполненные ароматами местной кухни и громкими голосами старожилов, удивлялись необычным строениям Мтацминды и смеялись радостно друг другу всякий раз, когда встречали на пути что-то неожиданное. А неожиданностей попадалось предостаточно. Старуха-торговка, завернутая с ног до головы в чёрные шали и предлагающая купить любую из них: «Э, дарагой, падары сваей жэнщине платок. Сматри, заморзла савсэм! Из лучшэй авцы сдэлан, самую лахматую стрыглы. На сэвэре грэть, как пэчка, станэт. Ты с сэвэра?» Подвыпивший велосипедист, горланящий на весь квартал «Тбилисо» и не дающий обогнать себя целой веренице машин. Постовой, увещевающий лохматого пса, пытающегося ухватить его за штанину: «Слушай, дарагой, атстан, а? Савсэм задрал, а? Гдэ твой совэст?» Комбинации, бюстгальтеры девятого размера и цветные семейные трусы, гордо реющие на верёвке, перетянутой через дорогу между домами.

— Просто замечательно! — цокал языком Дмитрий Петрович и поднимал вверх фотоаппарат.

— Просто сказочно! — жмурилась от удовольствия Наденька, выщёлкивая на камеру телефона гордых грузинских кошек.

— Просто невероятно!

— Просто чудо чудесное! Вот только куколки для моей коллекции не хватает, и тогда уж, точно, полная нирвана, — кивнула в сторону очередной сувенирной лавки Наденька.

— Стоп! — пресёк её попытку супруг. — Мы же договорились, покупаем только редкие вещи и только на блошином рынке.

— Ну так пошли уже на этот чёртов рынок, — капризно надула губы Наденька, — сколько можно меня мариновать, измучилась совсем. Третий день в Грузии, а я всё ещё без куклы! Время пролетит, не заметишь.

— Надюша, потерпи до завтра. Ты же знаешь, пойдём — пропадём. Сегодня город досмотрим, хинкали съедим, саперави выпьем, в театр сходим, а завтра с утра пораньше и окунёмся в волшебный мир блох. Ты — кукол искать, я — картины высматривать. У нас четыре дня ещё впереди, хватит.

Дмитрий Петрович собирал картины, а Наденька куколок. По возможности старались пополнять свои коллекции уникальными экземплярами, но всё больше случались бесполезные покупки, которые потом расходились по друзьям и знакомым. Денег на такие приобретения хватало раз-два в год, и радость от удач держалась долго-долго.

Наутро блошиный рынок Тбилиси встретил новых покупателей тепло и весело, как давних знакомых, моментально погрузив их в круговорот своей жизни. Аромат кофе и пряных булочек наполнял всё пространство барахолки от Сухого до Саарбрюкенского моста, перекинутого через Куру. Почти вся торговля шла прямо с земли. Всюду лежали покрывала и простыни, картон и байковые одеяла, газеты и даже ковры, на которых,

порой в полнейшем беспорядке, валялась разная всячина от поношенной обуви до виниловых пластинок. Тут можно было найти и истрепанные временем книги, и советскую бижутерию, и детские игрушки, и русские самовары, и напольные часы с патефонами, и саквояжи с фотоаппаратами. И только на облупленных столиках, раскладушках и самодельных прилавках товар выглядел упорядоченно: кинжалы и ножи отдельно, значки и медали отдельно, марки и открытки отдельно. Глаза покупателей вытанцовывали половецкие пляски, пытаясь отыскать в этом хаосе необходимую вещь.

Вытанцовывали глаза и у Дмитрия Петровича. Выплясывали до тех пор, пока не наткнулись на прислонённую к чемодану картину какого-то местного художника. Работа была любительская, очень небрежная и, скорее всего, недописанная, но, тем не менее, она привлекла к себе внимание. По всей видимости, художник изобразил на холсте сельский пейзаж. Хотя Дмитрий Петрович мог и ошибиться. На переднем плане особо выделялись тёмно-зелёные пятна то ли многочисленных кустов, то ли деревьев, но полной уверенности в этом не было. Прорисовка была нечёткой, совершенно размытой. Деревья могли оказаться и чем-то другим. В середине картины просматривалось подобие водоёма, но и тут могло не сложиться. При определенном положении водоём превращался в пашню или огород. На заднем плане угадывались сельские домики, за которыми синели горы, а может быть, и само небо.

— Что скажэш? Правда, красыва? Тэбэ нравитса? — неожиданно прозвучало рядом.

Дмитрий Петрович обернулся на голос. Возле него стоял типичный невысокий усатый грузин с классической кепкой-аэродромом на голове и с любовью смотрел на произведение искусства.

— Замэчатэлный жывапыс! Пазапрошлый вэк, канец дэвятнадцатого, старина ещё при царэ. Втарой Пырасмани! Выжу по тваим глазам, что панравилса. Пакупай. Тэбэ, как знатаку, бонус.

— А что за художник этот ваш второй Пирасмани? — весело сощурился Дмитрий Петрович.

— Вай, ты нэ знаеш? — удивленно приподнял густые брови грузин. — Эта жэ Вано Вэпхвадзэ! Точна нэ знаэш?

— Нет.

— Вах, ви слыхалы, он нэ знаэт Вано Вэпхвадзэ! — повернулся продавец к соседям, и те укоризненно закивали. — Можэт, ты и Ван Гога нэ знаеш, и Кустадыева с русскими красавыцами?

— Ван Гога знаю и Кустодиева тоже.

— Вот выдиш, Ван Гога знаэш, Кустадыева тожэ, а Вано Вэпхвадзэ нэт. Это нэ справэдлыва, слюшай! Давай, купи картыну, дома на стэну павэсиш, будэш знат, кто такой Вано, будэш гастям паказыват, мнэ спасыбо гаварит.

— Сколько стоит?

— Какой маладэц, всё панымает. Тэбэ, как цэнытэлю, за пятсот лари отдам, савсэм бэсплатна! — махнул вверх ладонью грузин.

— Пятьсот? — изумлённо уставился на него Дмитрий Петрович.

— Што? Многа? — развёл руками продавец. — Я тэбэ даром её отдаю, а ты глаза на мэня вилуплаэш! Врэмя маё тратыш. Иды атсюда, можэт, гдэ дэшэвлэ вэликого Вэпхвадзэ купиш, — возмутился хозяин картины и обиженно отвернулся от покупателя.

Дмитрий Петрович удивлённо пожал плечами и продолжил обследовать рынок. Часа два супружеская пара внимательно изучала развал, с наслаждением втягивая в себя запахи ушедшего времени. От каждой вещи исходил свой неповторимый аромат — дух истории.

Наденьке удалось пополнить свою коллекцию прелестной французской фарфоровой куколкой первой половины двадцатого века, а Дмитрий Петрович удачно сторговал у старой торговки, плохо говорившей по-русски, любопытный натюрморт с изображением абрикосов, рассыпанных по столу вокруг бокала с красным вином. Написан он был лет пятьдесят назад на фанерной крышке от посылочного ящика. Довольные собой и покупками супруги возвращались в гостиницу.

— Э, слюшай, зачэм мима идёш, на картину савсэм нэ смотрыш? — раздался позади знакомый голос. — Нэ хочэш Вэпхвадзэ забират, так и скажи. А то я тэбя тут цэлий дэн жду, дамой нэ иду. Никаму этот шэдевр нэ прадаю, голодный савсэм. Двадцат чэлавэк хатэли картину купит, всэм атказал, тэбэ бэрёг, а ты мима праходиш. Будэш пакупат?

— За пятьсот лари?

— Канэчна! Патрогай, — протянул грузин картину Дмитрию Петровичу, — натуральный масло, гдэ ещё такой найдёш? Это тэбэ нэ в магазынэ для сывэниров. Там всё

нэ настаящее — эрзац.

— Нет, дорого.

— Пачэму дорого? Пэтсот лари — дорого? Савсэм жадный, да? Совэсти нэт! Мнэ за нэё семсот лари давали, нэ прадал, тэбэ бэрёг. А ты — дорого! Аграбыт мэня хочэшь, па мыру пустыт! Знал бы, што такой крукул, вчэра бы другому прадал за тысачу лари.

— Так за семьсот хотели купить или за тысячу? — улыбнулся Дмитрий Петрович.

— Вчэра за тысачу, сэгодна за сэмсот. Твой какая разныца? — возмутился продавец. — Иды давай дамой и нэ мароч мнэ уже голаву. Но павэр, завтра сам прыбэжыш, спат вся ноч нэ уснэш. Мэтатьса по падушкам будэш, про Вэпхвадзэ думат.

Утром, сидя за чашкой кофе, Дмитрий Петрович с Наденькой наметали дневной план и рассмеялись послеобеденному посещению Сухого моста.

— За картиной второго Пиросмани?

— Обязательно!

Прогуляв всю первую половину дня в ботаническом саду, до краёв наполненным магией, и откушав в одном из подвальчиков старого Тбилиси эрбохачо, харчо, чашушули и кучмачи, супруги, взявшись за руки, неторопливо направились к рынку.

— Вай, сматры, Нино, идот! — донёсся издалека до счастливой парочки зычный голос грузина. — Я тэбэ гаварыл, куда дэнэтса! Картина у нас валшэбная, нэ днём, нэ ночью нэ атпускаэт.

Дмитрий Петрович широко заулыбался продавцу, как старому доброму знакомому.

— Вот, гуляем по городу. Заодно решили и по рядам пройтись, вдруг вчера чего не заметили, мимо проскочили.

— А што здэс сматрэт? Сматры — нэ сматры, болшэ такой красату нэгдэ нэ увыдэш. Так толка Алэксэй Вэпхвадзэ мог нарысават!

— Как Алексей? — удивился Дмитрий Петрович. — Вчера же Иван был.

— Развэ? Ты точна помныш? — подозрительно покосился на него грузин.

— Точно. Вы сами его Вано называли.

— Нэ можэт быт! Што я Вано от Алоши нэ атлычу? А тэбэ какой разныца, што Иван, што Алоша? Аны в адной сэмье жили. Это атэц и сын, нэ панымаэш, да?

— Не скажите. Возможно, этот ваш Вепхвадзе Вано и второй Пиросмани, но тогда какой Алексей? Третий, что ли? А если третий, то и цена должна быть, как за третьего.

— Умный, да? — сняв кепку, задумчиво потёр затылок продавец. — Ладна, угаварыл, бэри Алошу за трыста лари.

— Надо подумать.

— Иды думай. Толка долга нэ хады, купыт могут.

И этот день оказался удачным. За двадцать лари Дмитрию Петровичу достался простенький городской пейзаж, по всей видимости, долго пылившийся где-то на чердаке или антресолях. Краска в некоторых местах осыпалась, и на изображении виднелись какие-то потёки, но в целом картинка выглядела вполне сносно. Наденька же нашла однорукую куклу-марионетку фотографа грузина и была этому необыкновенно рада. Возвращаясь обратно, она повела бровями в сторону знакомого продавца.

— Нас, верно, высматривает.

И действительно, владелец трёх Пиросмани тревожно рыскал глазами по пёстрой толпе, снующей вдоль торговых рядов. Заметив Дмитрия Петровича, пожилой грузин радостно замахал ему своей огромной кепкой.

— Давай-давай, иды скарэй суда! Ужэ устали тэбя ждат с Нино. Всэ глаза прасматрэли. Нэт и нэт савсэм. Думали, ушол — нэ прыдёш. Забыл, про тэбя тут Джаванни Вэпхвадзэ очэн скучаэт.

— Какой ещё Джованни? — от неожиданности подался назад Дмитрий Петрович.

— Как какой? — нахмурился грузин и показал на давешную картину. — Вот этот. Чачу пыл или вина многа.

— Не пил я ничего.

— Нэ пыл, а Джаванни нэ узнал. Можэт, тэмпэратура?

— Может, у вас температура?

— У мэна зачэм?

— Да просто бред какой-то. — потёр висок Дмитрий Петрович. — Этот ваш Джованни с утра был Алёшей, а вчера так и вовсе Иваном.

— Правда? — в свою очередь удивился грузин. — Вчера Иваном бил? Точна?

— Ну да, Иваном.

— И што тут нэ ясна? Иван, Джаванни — одна имя.

— Ага, то русское, то итальянское, то грузинское.

— Слушай, што прэстал, как в банэ лыст? Нэ знаэш нэчэго, так малчы, да? Джаванни — эта внук Вано, сын Алошы, он в Италии радылса, в самом Мыланэ, там, гдэ Ла-Скала. Там Паваротти пэл. Ты опэру лубыш?

— Люблю.

— А гаварыш, што нэ знаэш, пачэму Джаванни. Вот мама и папа, каторый Алоша, его так назвалы. В чэст дэда. Толка на италянском. У тэбя внуки эст?

— Нет.

— Вот кагда будут, ты их тожэ в чэст дэда назавы. Так всэ дэлают. Памят.

— Ну ладно. А картина тогда чья?

— Всэх! — обозлился грузин. — Ты савсэм нэ панымаэш? Или издэваэшса.

— Почему издеваюсь? Не понимаю, — искренно посмотрел на продавца Дмитрий Петрович.

— Вся сэмья Вэпхвадзэ — художныки. Аны всэ вмэстэ картыны рысуют. Всу жызн, из пакалэныя в пакалэныя.

— Сколько лет?

— Многа. Можэт, сто, можэт, болшэ. Дэд начынаэт, сын патом далшэ прадалжаэт, внуки заканчывают. Вэздэ так.

— И поэтому дорого?

— Канэчна! А как ты хатэл? Здэс какой труд? Сто лэт картыну пышут, нэ раз-два ляп. Одын зэмлю рысуэт, другой — лэс и полэ, трэтый — нэбо и воду. Патом адын шэдэвр палучаэтса. Сам выдыш.

— Ну уж, конечно, шедевр, — скептически ухмыльнулся Дмитрий Петрович.

— А ты выдыш, какой здэс мазок, выдыш, какой тэн? — обиделся грузин.

— Нет, не вижу, — сделал шаг в сторону от картины Дмитрий Петрович.

— Правэлно, нэ выдыш! У абыкнавэннаго художныка всо проста, а у классыка нэчэго нэ панятна, патаму и дорага. Павэсыш такую картыну на гвозд, и ходыш вакруг нэё всу жызн, и думаеш, што там на нэй нарысована. И мэчтаеш всэгда. Сэгодна адна мэчта у тэбя, патаму што солнце так пасвэтило на краски, завтра у тэбя втарая мэчта, патаму што солнца луч на картыну лёг с другой стараны, а послэзавтра трэтий мэчта, патаму што солнца луч вапшэ нэкуда нэ лёг, тэмно на улыцэ, вэтэр адын и дожд идот. Сагласэн?

— Ну, наверное, и так бывает. Только мне авангард не нужен, я пейзажи люблю.

— Э, какой авангард, слюшай. Мнэ самаму авангард нэ нужэн. Маяковский толька замэчатэлный, но он — грузын, у нас радылса. Тут ныкакой нэ авангард, тут пэйзаж и ест, как у Лэвэтана. Помныш его картыну «Кладбищэ на Волгэ»? Я в Масквэ в Трэтаковкэ бил, кагда в сэсэре жили, Лэвэтана увидэл — лубов на всу жызн. Вэпхвадзэ тожэ Лэвэтан, толка в Грузии.

— Да ну?

— Нэ вэрыш? А вот пасматры, — стал тыкать пальцем в тёмно-зелёные пятна на холсте грузин, — вот горы, выдыш, Казбэк.

— А почему они зелёные? Горы, если вдали, чаще синие.

— Какой сыные? Сыный нэбо, а тут лэс в гарах. Ты што, лэса нэ видэл?

— Видел. Ну, допустим тут лес, а где тогда Казбек? Там же снег круглый год на вершине.

— Э, какой снэг? Расстаэл снэг, экалогия такой сэгодна, тэпло вэздэ, парник на зэмлэ. Заводы там, фабрыки, машины ездат, воздуха нэ стала савсэм, адын газ. Вот и на Казбэк дашол, всо атравыл. Купишь картыну?

— Не знаю. Надо подумать ещё. Тут даже авторской подписи нет. Как определишь — Вепхвадзе это или нет?

— Ты какой-та тугой дум, вродэ так па-русски. Очен долга думаэш, два дня ужэ. Так и памэрэт можна. И што здэс апрэдэлат, и так выдна, настаящый Вэпхвадзэ. Нэ вэрыш? Тэбя как завут?

— Дмитрий.

— О, Димэтр, харошее имя, умное. А мэна — Арчыл, или Арчи завы. А ты знаэш, аткуда твой имя?

— Вроде греческое.

— Маладэц, знаэш. Димэтр — это бог в Греции, он палями и уражаями рукавадыл. Ты сам аткуда прыехал?

— Из Калининграда.

— О, Лэнинград, красывый город, чут хужэ Тбилисо. Я там бил давно, эшо в савэтскае врэмя. В Эрмитаж хадыл, на Аврору хадыл, в Лэтнэм саду хадыл, в Пэтропавлавку хадыл, по Нэвскаму хадыл. Панравылса мнэ Лэнинград. Но скучна. Грузын мала, пэсэн мала, Куры нэт, Авлабара нэт, вино — дран. Прасты. Картину завэрнут?

— Я ещё не решил, — задумчиво посмотрел на «шедевр» Дмитрий Петрович.

— Пачэму нэ рэшил, а? Иза подпэси, да? Ка мнэ ужэ сорак чэлавэк падхадилы, прадат прасылы, пэтсот лари давалы, на подпыс нэ сматрэлы. Нэ прадал, тэбэ бэрог, как другу. А ты — нэ рэшил. За двэсти лари нэ рэшил. Бэсплатно савсэм! Бэри, пака дошева, — настаивал Арчил.

— Я думаю.

— Вах, ты слышала, Нино, он эщё думаэт. Индук тожэ думал, пака в харчо нэ папал. Можэт, чачи выпьем, чтобы думал быстрэе? Или в нарды сыграэм?

— Нет, сегодня не могу. Сейчас в консерваторию идём оперу Доницетти слушать.

— Навэрно, «Любовный напыток»?

— Точно, — удивился эрудиции грузина Дмитрий Петрович.

— Какой маладэц! Завтра расскажэш, как пэли. Я патом тэбэ «Сулико» спаю. Сравныш, — и, повернушись к жене, Арчил добавил: — Пасматры, Нино, Димэтр на опэру идот, наш чэлавэк, настаящый грузын.

После спектакля супруги в отличном настроении неспешно возвращались в гостиницу. По дороге они бесконечно делились между собой впечатлениями об опере, консерваторской акустике, актёрах и певцах, об оркестре и зрителях. И только в номере вспомнили о продавце-грузине.

— Когда к Арчилу завтра пойдём торговать Вепхвадзе? — подмигнула супругу Наденька.

— Как обычно, после обеда.

— А давай с утра. С утра мы туда ещё не ходили.

— Ну, давай, — согласился Дмитрий Петрович, — позавтракаем и пойдём.

— Нет, давай совсем рано пойдём, когда ещё и торговли нет, а продавцы только-только подтягиваются к рынку и начинают раскладывать свои сокровища.

— Так это часам к восьми надо уже там быть. Встанешь?

— Встану, — уверенно ответила Наденька и хитро прищурилась. — А ты представь, какое лицо будет у нашего замечательного грузина, когда он увидит, что мы его уже ждём!

— Нет, не могу. Хотя... — вдруг рассмеялся Дмитрий Петрович.

— Вот-вот.

Арчил, впряжённый в самодельную коляску, наполненную товаром, полусонно двигался к Сухому мосту. Рядом с ним, высоко подняв подбородок, аристократично вышагивала Нино, раскрыв над головой китайский зонтик и придерживая подмышкой дамскую сумочку. Её взгляд был устремлён поверх голов идущих навстречу людей.

— Гамарджоба, Арчи! Гамарджоба, Нино! — приветствовали пару ранние торговцы.

— Гагимарджос, Гиви! Гагимарджос, Ашот! Гагимарджос, Елена! — кланялся в ответ Арчил.

— Гагимарджос, — небрежно отвечала Нино.

— Арчи, Нино, там вас ужэ ждут, — предупредили по дороге супружескую чету.

— Ждут? Кто ждот, скажи? — окончательно проснулся Арчил.

— Увидишь.

— Димэтр! Надин! — широко улыбаясь, закричал на весь рынок грузин, заметив стоящих на его торговом пятачке знакомых. — Вах, какой нам падарок, Нино! Пакупатэли раншэ прадавца прэшлы. Эта балшой чэст для нас! Такая удача, можэт, адын раз в жизни бываэт. У мэна пэрвые — точна! Давно ждош? — заключил Дмитрия Петровича в свои объятия Арчил.

— Ещё солнце не встало, пришли, — пошутил Дмитрий Петрович, аккуратно высвобождаясь от цепкой хватки.

— Ты слышала, Нино, какой джигит — Димэтр! Ночю, в тэмнатэ к нам с табой са сваей Надин пашол! Нэ напугалса! Настаяшый гэрой! Мцыри! Я тэбэ за эта Бруно Вэпхвадзэ за сто лари падару! Павэсиш дома на стэну, Арчи с Нино добрым словом помныт будэш. Мы ыкат станэм, тэбя с Надин вспомним. Дай пацэлую!

— Слушай, Арчил, — от переизбытка чувств перешёл на «ты» Дмитрий Петрович, — а почему сегодня уже Бруно? Вчера ещё Джованни был. Второй внук, да?

— Ай, маладэц, Димэтр! Умный какой! Пачты чут-чут нэ угадал, — весело рассмеялся грузин. — Бруно — это правнук Вано. У Вэпхвадзэ цэлый дынастия художныкав, как у вас Рурыки. Ат кназа Игара до батки-цара Ивана Грознава. Сэмсот лэт Русью правэли, так и у нас Вэпхвадзэ болшэ сто лэт рысуют. Дай Бог им таланта эшо на пэтсот лэт и далшэ. Я тэбэ тут подпыс напысал на картынэ от всэх Вэпхвадзэ. Тэпэр купиш?

— Какую подпись? — у Дмитрия Петровича отвисла челюсть от изумления.

— Ну, ты вчэра жалэл, што подпысы художнэка нэт. Я падпысал. Тэпэр эст, сматры, — развернул Арчил перед ошарашенным покупателем полотно. — Правда, красыва?

Внизу картины, слева направо, во всю ширь, красным фломастером кривыми русскими буквами было написано: «Вэбхвадзэ Вано — атэц, Вэбхвадзэ Алоша — сын, Вэбхвадзэ Джавани — внук, Вэбхвадзэ Бруно — правнук. Картынэ сто лэт. Пэйзаш. Казбэк в лэсу».

— Мама родная! — ахнул Дмитрий Петрович.

Наденька, отвернувшись в сторону, кусала носовой платок, глаза её наполнились слезами, а плечи вздрагивали.

— Нравытса тэпэр? — улыбался Арчил, вопросительно глядя на покупателя. — Бэрош?

— Очень нравится! С подписью просто шедевр! За такое и переплатить не жалко. Гениально! Беру! — отсчитал сто пятьдесят лари Дмитрий Петрович.

— Вай, маладэц, Димэтр! Тэбэ — удача, мнэ — удача. Ты замэчатэлный пакупатэл! Лучшый у мэна.

— А ты, Арчил, замечательный продавец! Лучший у меня.

— И у меня, — подтвердила Наденька, вызвав первую улыбку на лице Нино.

Грузин протянул деньги супруге:

— Нино, царыца мая, схады к Софико, вазми у нэё чачу, хачапури, винаград. Скажи, Арчи друга встрэтил, из Лэнинграда прэлэтэл са сваэй Надин. Празныk у нас. Шашлыки у Дато купы, у нэго из настаяшэй авцы.

— Моя Надя чачу не пьёт, крепкая она.

— Пачэму — крэпкая? Нэчэго нэ крэпкая, чут крэпчэ вина, савсэм как лэманад.

— Да и времени у нас нет.

— Пачэму нэт? — нахмурился грузин. — Зачэм абижаэш? Всэго час пасэдим, пагаварым, я тэбэ «Сулико» спаю. В нарды играэш?

— Нет.

— Научу.

Через два часа, выпив из пластикового стаканчика очередную порцию чачи, Арчил выпрямился, зажмурил глаза и в третий раз затянул:

Сада хар чемо Сулико?

Второй куплет подхватили соседи Арчила, тоже поднявшись со своих мест во весь рост, а третий куплет запевал уже весь рынок. Закончилось невероятное исполнение дуэтом Арчила и Нино.

— Это тэбэ на пращаниэ от всэй Грузии, — склонил голову Арчи.

— Боже, какие голоса, какие голоса! — плакала в восторге Наденька.

— Ты должен к нам приехать, Арчи, слышишь, должен, — требовал у грузина ответа совершенно обалдевший Дмитрий Петрович. — Обязательно с Нино! Мы вместе решим, где повесить твою картину. Дай слово, что приедешь.

— Прыеду, дарагой, абэзатэлна прыеду. Давно хачу в Лэнинград. И Нино пускай пасмотрыт на втарой Тбилисо.

— В Калининград, — обнимая за плечи Арчила, поправил Дмитрий Петрович.

— Э, какой в этам разныца, Калынинград — Лэнинград. Главнаэ, што у нас с табой, Димэтр, Грузия и Расия навсэгда!

— У нас с тобой, Арчи, точно Россия и Грузия навеки!

Любовь ЛИХОМАНОВА

ИДЕНТИФИКАЦИЯ БАБКИ ГРУНИ

Былинка

Дело было в девяностых годах. У бабки Груни случилась «загвоздка». Загремел в больницу её благоверный — муж Федор. Да не в простую районную лечебницу, а аж в самою областную.

Неделю назад возвратился Фёдор Иванович из леса с корзиной молодых опёнков, с трудом поставил её на лавку, со стонами ушёл в летнюю горенку и уже не поднимался с кровати. Занедужил, занемог так, что «фелшарица» Галка вызывала скорую из райцентра. За два часа, что добиралась до их деревни медицинская помощь, Агриппина Тимофеевна раз пять принималась причитать, «как она одна-ти жить станёт, коли деда не будёт», и эти же пять раз окорачивала себя и называла «дурой набитой» за эдакие мысли. Дед тихонько стонал и всё просил пить, Галка не разрешала, потому как подозревала у больного заворот кишок. Когда карета скорой увезла старика в район, баба Груня сначала поплакала, в который раз ещё попричитала, потом зажгла лампадку в красном углу и остаток вечера молилась пресвятой Богородице о выздоровлении супруга.

В больнице районного масштаба не оказалось нужного специалиста, чтобы прооперировать пациента, и уже другая скорая, с мигалкой и сиреной, доставила деда Федора в область. Операция прошла благополучно, о чём бабе Груне сообщили из сельсовета, куда в свою очередь позвонили из больницы. Надо было ехать к больному, чтобы привезти самые необходимые для поправки вещи: рыльное-мыльное, постельное бельё, одёжу, тапочки и прочие «прибамбасы», так как времена стояли нелёгкие и полное самообеспечение больных было обыденным делом. Единственный сын стариков Колька давно жил «за тридевять земель» в большом сибирском городе с женой и двумя детьми, поэтому выходило, что ехать проведать больного и свезти «котомку», кроме бабки Груни, было некому.

Собрав нехитрый дедов скарб, Агриппина Тимофеевна присела на стулик у открытого в тихий деревенский вечер окошка и призадумалась. В районной-то городок, хоть и нечасто, но она езживала, и всё там ей знакомо, а вот в областном центре, почитай, лет двадцать не бывала. Поди, всё переменилось... Она достала из-под клеёнки на столе клочок бумаги, на котором Сонька, секретарша председателева, записала адрес и как добраться до места. «Троллейбус номер четыре до конечной остановки, — прочитала по слогам вслух. — Чё ето за машина такая? Не слыхивала, не видывала... Надо будет у Гришки-студента завтрева вызнать, он в этой Вологде в техникуме учится второй год». На том и успокоилась.

Поднявшись на следующее утро с первыми петухами, Агриппина Тимофеевна испекла деду рыбник с палтусиными головами, сварила вкрутую десяток яиц, достала из голбца поллитровую банку сметаны, ещё раз оглядела содержимое сумок и стала собираться в дорогу. Надела яркий с большими нарисованными красными маками платок и такую же яркую красную кофту, в седые волосы аккуратно воткнула гребёнку с нарисованными по краям золотинками. Погляделась в замутневшее от времени зеркало, невзначай вздохнула и вышла из избы. Подоткнув входные двери избы старой, специально приспособленной для обозначения отсутствия хозяев дубовой палкой, резво пошагала по пыльной деревенской дороге.

Когда бабка Груня вошла во двор, Гришка только ещё поднялся ото сна, прогулявши вчера полночи с приятелями и подружками. Потягиваясь, он продвигался к умывальнику, прибитому к старому тополю на середине двора, поросшего зелёной травой и мелким клевером. Настроение у парня было великолепное — как-никак, а впереди два месяца каникул — и он радостно поприветствовал раннюю гостью: «Здорово ночевала, баба Груня!»

Агриппина поклонилась и произнесла: «Здоровеё видали! А я ить к тебе, касатик! Обскажи-ко мне, любезный, что ето за машина такая в городу-то объявилась — тро-о-олебус?» Гришка удивленно хмыкнул, но легко и весело объяснил: «Это такой автобус, токо с рогами». — «С рогами?! Ты чё, издёваешься, чо ли, над старухой? Мыслимое ли дело — рога у машины? Сказывай, баю, по-черёдному! Недосуг мне с тобой шутки шутить, к деду в больницу надо за дёнь попасть!» Только тут Гришка углядел и бабкин «прикид», и поклажу. «Да точно тебе говорю, с рогами! Она по проводам этими рогами елозит, ток берёт и едет на нём!» — охотно снова объяснил Гришка. «Ну, товда ладно, погляжу, буди, — бабка Груня протянула листочек с адресом. — Топерича ты растолкуй-ка мне, как да чего тут написано».

Гришка заглянул в бумажку и рассказал, где останавливается на улице Мира в Вологде троллейбус номер четыре, как на эту остановку добраться с автовокзала, что ехать надо до конечной, а там больницу как на ладони видно будет. Баба Груня молча выслушала, кивнула головой и пошла было к калитке. Гришка зачерпнул ковшик ледяной воды из ведра, стоявшего рядом с умывальником, и плеснул себе на загривок и голые плечи. «Холодянка» обожгла. Гришка взвизгнул от необычного ощущения и враз повеселел ещё больше.

Когда вернувшаяся от калитки баба Груня опять спросила: «Милок, а про билет-от я забыла. Где его покупать-то? Кандухторши-та есть тамока, в этой рогатой машине?» — Гришке прилетела в бесшабашную голову шальная мысль. Но он, деловито произнося каждое слово, снова проконсультировал: «Кондукторов, баба Груня, теперь нет, билеты называются абонементными талонами, и продают их на автовокзале и конечной остановке книжечками по десять штук». Агриппина Тимофеевна, поставив на зелёный лужок двора свою поклажу, всплеснула руками: «Вот-ить незадача!! На что десять-то штук, мине токо два талона-ти и надо: туды да обратно... Ковды ишо вдругорядь поиду?» Внутри Гришки уже вовсю резвился «чертёнок», но он держался до последнего: «Дак ты у кого-нибудь попроси продать один талончик. Но талоны те надо компостировать». Баба Груня покачала седой головой в цветастом платке: «Батюшки, опеть неуправа! Компос-от тутока при чём? В яму каку чёли кидать надобно?» Гришка спрятал в кулак улыбку и как можно серьёзнее ответил: «Там, внутри троллейбуса, на стене висит железный жёлтый ящичек, называется — компостер. На нём увидишь щелочку, туда надо положить талончик и нажать на рычажок, который сбоку. Аппарат проделает дырки в талоне — значит прокомпостирует. Если когда пойдёт контролёр, он сверит дырочки на талоне и в аппарате».

От полученной незнакомой информации баба Груня аж взмокла. Утирая носовым платочком выступившие на лбу капельки пота, она охала и ахала, испуганно глядя на студента. И тут Гришка хитро улыбнулся: «Но самое главное-то я тебе ещё не сказал, — произнёс он торжественно. И, напустив на себя важный вид, изрёк: — Баба Груня, ты не городская, поэтому талон твой может не пробиться. Ихние-то пассажиры все занесены в базу данных. Поэтому ты должна идентифицироваться». Агриппина Тимофеевна вскинула удивлённые глаза и проговорила: «Чё, милок, нада соделать-то? Индифироваться, это как?» Гришка отвернулся к огороду и ответил, едва сдерживая смех: «А это очень просто. Встаешь перед компостером, там в нём сбоку есть отверстие, и называешь в него свою фамилию, имя и отчество, год рождения и место проживания. Компостер всё записывает, и потом нажимаешь ручку, и всё спокойно «дырявится». — «Ну, ладно, вроде поняла я всё, побёгла, а то ишо на автобус опоздаю», — и Агриппина Тимофеевна, подхватив сумки, ходко поковыляла к автобусной остановке на райцентр.

К обеду баба Груня была на автовокзале в Вологде. Спросила про нужную остановку. Добралась до неё. Остановилась передохнуть. Оглядевшись по сторонам, она заприметила невысокого моложавого старичка, державшего в руках небольшую пачечку бумажных прямоугольничков. Взглянув на своё отражение в огромных окнах гостиницы, Агриппина Тимофеевна кокетливо поправила сбившийся головной платок и обратилась к старичку со словами: «Мил человек, не продашь ли ты талончик на рогатый автобус четвёртый нумер до больницы доехать, мужа спроведать?» Дедок пожал плечами и протянул ей талончик: «Бери, не жалко! — от протянутой мелочи отказался, махнул рукой: — Иди скорей, вон твой рогатый подошёл!»

Кряхтя и охая, бабка Агриппина взобралась по высоким металлическим ступенькам. Народу в троллейбусе в рабочие часы было немного. Опасливо поглядывая

по сторонам в поисках аппарата для «продырявления», она прошла в заднюю часть салона. Жёлтая коробочка с никелированным рычажком мирно висела, высоко и накрепко привинченная к стене у двери. Под рычажком виднелась круглая дырочка, в которой скрывался какой-то винтик. Бабка Груня оглянулась, поднялась на цыпочки, положила талончик в прорезь и, приблизивши лицо к дырке, зашептала, как научил Гришка: «Агриппина Тимофеевна Кузнецова, родилась в двадцать восьмом году, проживаю в деревне Липовик». Затем осторожно попробовала нажать на широкий рычажок с выбитой на нём стрелкой. Рычажок не поддавался. Вспотев от волнения, бабка Агриппина ещё раз окинула взглядом окружавшее её пространство и решила повторить те же слова, только громче. Набрала в лёгкие воздуха и, склонившись к дырке почти вплотную, прокричала: «Приезжая — Агриппина Тимофеевна Кузнецова, родилась в двадцать восьмом году, живу в деревне Липовик, — затем немного подумав, добавила: — Еду к деду в областную больницу», — и опять осторожно нажала на рычаг. С талоном опять ничего не произошло. Зато салон взорвался таким хохотом, что бабка Груня поначалу струхнула...

Пассажирка растерянно-непонимающе смотрела перед собой. С соседнего сидения поднялась улыбающаяся дама средних лет, энергично нажала на рычаг и протянула ей продырявленный талон: «Всё просто, бабушка! А зачем вы разговаривали-то с компостером?» Агриппина Тимофеевна, пожав плечами, развела руками: «Дык Гришка велел личность-то докладать, я ить нездешная... Вот, паразит-от, омманул баушку!!» По троллейбусу опять прокатилась волна смеха.

Виновница веселья покраснела до самых седых волос и, усевшись в дальний угол заднего сидения, уткнулась невидящим взглядом в пыльное окно. За окном бесконечным потоком проплывали дома, деревья, люди, машины... В другой раз она бы с интересом всё рассматривала, но сейчас, пока троллейбус ехал до конечной остановки, баба Груня прокручивала в голове план наказания студента: «Ну погоди... Ужотка я тя бадогом-то приласкаю!! Будешь знать, как подскрынивать над старухой!» Она со своими мстительными думами и остановку «Больница» проехала бы, если бы та не была конечной.

Деда она нашла на удивление быстро, отдала котомки, порасспрашивала о здоровье, успокоилась, что дело идёт на поправку, доложила нехитрые деревенские новости и засобиралась домой. Про своё «опростоволосение» баба Груня промолчала, не решилась снова оказаться осмеянной. В киоске у остановки она купила книжечку талонов (авось пригодятся!), зайдя в троллейбус, невольно усмехнулась недавнему происшествию, оторвала талончик, положила его в щель и со всей силы лупанула по рычагу компостера.

В Липовик вернулась уже затемно. Проходя мимо Гришкиного дома сердито стрельнула глазами на светящиеся окна, но разборки отложила на завтра, памятуя, что «утро вечера мудренее». Но новое утро принесло новые заботы, и Агриппина Тимофеевна про план мести подзабыла. До обеда. А когда к ней заявилась почаёвничать и поболтать давняя подружка бабка Манефа, она не удержалась и всё ей рассказала. Сначала Манефа Петровна согласно кивала головой, осуждая беспутного Гришку. Но когда Агриппина во всех подробностях описала, как она «докладалась» в дырочку компостера, вдруг неожиданно для себя прыснула смехом. Баба Груня было строго глянула на подругу, но, натолкнувшись на обезоруживающую добрую улыбку, вдруг расплылась в ответной улыбке. Спустя минуту, товарки уже захлёбывались хохотом. «Нет, ты подумай, какая я дурында-то! С дыркой разговаривала... Всурьёз ведь поверила Гриньке-то..!» — утирая слезящиеся от хохота глаза, сокрушалась Агриппина.

Гришку она встретила через день у колодца. «Как съездила в область, баба Груня? Накаталась на рогатом-то?» — беззлобно улыбаясь, спросил он закручивающую колодезную цепь Агриппину Тимофеевну. «А как жа? И всё, как ты баял, в точности исполнила... Паразит ты эдакой!» — и с этими словами баба Груня выплеснула на ничего не подозревавшего Гриньку поднятое ведро студёной воды. Взвизгнув от неожиданности, мокрый парень отпрыгнул в сторону. «Так ты чё, баб Груня, поверила мне, что ли? С компостером разговаривала?» — осенила его догадка. И представив всё во всех «красках», Гришка согнулся пополам от переполнявшего его смеха. Следом зашлась в истеричном хохоте и сама бабка Груня. Насмеявшись вволю, закрепили они своё перемирие чаепитием из ведёрного самовара с душистым земляничным вареньем. Потому как деревенские — люди незлобивые и отходчивые.

Александр БАЛТИН

ВАСИЛЁК И ВОДЯНОЙ

Путешествия в стране чудес

Сказка для детей и взрослых

Путешествие 1-е

Не каждый мальчишка может похвастаться знакомством с домашним Водяным. Василёк — может. Он, собственно, не Василёк, а Василий, но больно не нравилось это имя и ему, и его маме. Но отец настоял — он вообще всегда настаивал на своём. Строго, как врач, говорил он некогда маме, а она (спустя сколько-то лет) рассказала об этом Василию, который уже был Васильком:

— Василий — значит царственный. Время сейчас жёсткое, недоброе, так пусть это имя поможет ему быть успешным.

И они — Василий и его мама — договорились, что для отца он будет Василием, а для себя самого и мамы — Васильком.

Но всё это теперь не столь интересно Васильку. Интересен ему — Водяной. Его знакомый домашний — весёлый и лукавый — Водяной, живущий в кранах, в размёте душевых струй, в наполняющей ванну воде, живущий в тысяче различных капель и чудесных струек и, разумеется, невидимый для других.

Дело было так — однажды, вернувшись из школы, где особенно ни с кем не дружилось, пообедав и сделав уроки, Василёк — в полном одиночестве — сидел и мечтал: вот бы такого друга, которого ни у кого не было! Такого, чтобы другие его и видеть не могли, и с которым весело б было, и секреты бы ему доверить любые...

Одиночество — сколь бы полным оно ни было — всегда имеет своего гномика — собственно, вокруг него оно и существует; гномик, конечно, незрим, но слышит и видит человека, пребывающего в его силовом поле, и иногда помогает ему. Но только если человек такой, что ему стоит помогать.

И вот именно такой гномик подсказал Васильку пойти на кухню, поставить чайник, хотя мальчишке и не особенно хотелось чаю. Но гномик обладает чудесной властью — и человек подчиняется ей, даже не зная, зачем ему это нужно.

Итак, Василёк пошёл на кухню, и уже было взял красный, бокастый чайник за чёрную, гнутую ручку, когда заметил у крана — у гнутой шеи его, именуемой забавно — гусёк, — некое шевеленье. Мальчик не поверил сперва — он точно знал, что в квартире один, а никаких маленьких животных, какие бы могли убежать и устроиться у крана, у него не было; но пригляделся — и увидел человечка, сидевшего возле крана с красной крышечкой. Человечек был прозрачно синим, и невозможно было сказать — одет ли он или маленькое тельце издаёт нежное, синеватое сиянье; он сидел — как уже было сказано — возле крана и болтал ножками — не то обутыми в некое подобие туфелек-ласт, не то тоже светившимися синевато.

— Удивлён? — спросил человечек, глянув на Василька, причём глаза его вспыхнули лукавыми искорками.

— Ага, — ответил Василёк, забыв про чайник, который он, кстати сказать, даже и не поднял со столешницы.

— Ещё б, — сказал человечек довольно. — Не каждый может увидеть настоящего домашнего Водяного.

— А ты Водяной? — с замиранием сердца спросил Василёк, ещё до конца не веря, что это реальность.

— А то! — бодренько отозвался человечек.

Василёк протянул — робко и неуверенно — палец: уж очень хотелось коснуться человечка, но тот, подняв ручку, помахал ею в воздухе.

— Погоди, — молвил он. — Сейчас я спущусь, сделаюсь побольше, и тогда мы сможем познакомиться, как следует.

— А мне что делать? — не очень к месту спросил Василёк.

— Ничего, — ответил Водяной. — Отойди чуть от раковины.

Василёк отошёл, не сводя глаз с человечка, а тот — ловко, как по зимней снежной горке, съехал по белому боку раковину, причём лёгкий след — чем-то напомнивший след улитки — секунду померцал и пропал, и возле самого стока, куда вечно забивается мелкая чепуха, человечек завернулся прозрачным винтом, вытягиваясь вверх и слегка брызгаясь.

Василёк отскочил, хотя совсем не боялся воды, и вот рядом с ним возник Водяной — чуть меньше мальчишки ростом. Он был в синем костюмчике с нежными зеленоватыми разводами, крепенький, как боровичок, с забавной, впрочем, такого же цвета, как и у людей, рожицей и очень лукавыми, синими, конечно, глазками.

— Вот, — сказал Водяной, протягивая ручку, которую хотелось назвать лапкой. — Ты, я знаю, Василёк, а я, как уже было сказано — Водяной, — они обменялись рукопожатием. Причём у водяного ладошка, как и ожидалась, оказалось влажной, что было вовсе не противно, а приятно, и чуть щекотно. — Ты вот об улитке подумал, когда след за мной на раковине увидел, да? — спросил Водяной.

— Да, — ответил Василёк удивлённо. — А откуда ты знаешь? Ты умеешь читать мысли?

— Мысли я умею читать иногда — когда они касаются воды и разных существ, связанных с нею. Но вообще мысли обитателей квартир читать совсем несложно — они простенькие очень и совсем одинаковые. Но дело не в этом. Я просто знаю, что когда я маленький и съезжаю по раковине, то остаётся коротко светящийся след.

— А я никак не мог понять, — сказал Василёк — ты одет или это такое вокруг тебя свеченье?

— Я могу и так, и так, — ответил Водяной. — Когда я маленький, я свечусь, а когда увеличиваюсь, на мне появляется эта водяная одежда.

— Почему водяная?

— Потому, что я Водяной. Но если ты будешь бесконечно прерывать меня мы никогда не дойдём до улитки.

— А мы должны дойти до неё?

— Конечно. Ибо все улитки, которых ты встречал до этого — вовсе не улитки, а так — мелочь, чепуха пузатая, — Василёк стал вспоминать разных улиток, которых ему доводилось видать — на даче, ползущих по листьям, в прудах, в аквариумах знакомых... — И не вспоминай, — прервал его Водяной, и Василёк вспомнил, что тот легко читает мысли, связанные с водными существами. — Всё это — не улитки. Вернее — не настоящие улитки.

— А какие настоящие? — полюбопытствовал мальчик.

— Настоящая улитка, — и Водяной поднял назидательно палец, — та, что имеет домик, в какой могут зайти её друзья.

— Ух ты, — восхитился Василёк. Он никогда не слышал, что улитки бывают настоящими и ненастоящими.

— И тебя — поскольку ты в меня веришь, — и лукавые искорки полетели, вернее, поплыли по воздуху, поскольку водяной посмотрел на мальчишку, — я возьму в гости к одной из настоящих улиток.

— Правда? — обрадовался мальчишка.

— Конечно, правда. А иначе зачем я здесь?

— И как же поедем к этой настоящей улитке?

— На водном транспорте, конечно, — важно произнёс Водяной. — К настоящей улитке иначе никак не добраться.

— А где мы возьмём такой!

— Ох, какой любопытный мальчишка! Впрочем, конечно, другой бы меня не увидел, — тут Водяной коснулся чайника. — Транспортом будет он — ведь мы познакомились с тобой благодаря ему.

И тут из носа чайника вырвался пар, хотя он стоял всего лишь на столешнице, а не на плите. Пар разлетелся тысячей загадочных брызг, окутал чайник, и он стал меняться на глазах — бока его разошлись в стороны, нос вытянулся вперёд, недра раскрылись, и внутри, оказалось, есть уютные — синенькие, конечно, — сиденьица. Кухня тоже слегка увеличилась, и чайник — размером с маленькую лодку — пробасил:

— Ну, поплыли?

— Вот здорово! — восхитился Василёк. — У нас будет говорящая лодка.

— Я не лодка! — обиженно пробасил чайник. — Я чайник, временно ставший лодкой.

— Прыгай! — скомандовал Водяной. И они прыгнули одновременно.

— Какие мягкие сиденья, — Василёк ещё несколько раз — осторожно и аккуратно — подпрыгнул на синеньких подушках.

— А то, — сказал Водяной, махнув ручкой.

И тотчас кран — такой обычный, скучный кран — вытянулся, как хобот слона, раскрылся, как ворота, и зазвучала тихая музыка синевато-серой, похожей на речную воды. Вода качнулась — чайник, временно ставший лодкой, легко взлетел и сразу же приводнился, мерно покачиваясь, постоял минуту-другую и поплыл — сам собою, легко и свободно.

— А далеко ли плыть до настоящей улитки? — спросил Василёк нового знакомого.

— Это зависит от самой улитки. Они бывают двух видов — совсем настоящие и настоящие понарошку. Те, какие понарошку, только делают вид, что они настоящие, они совсем неинтересны, но настоящие... о, это чудесные улитки...

— Так к какой же мы плывём? — слегка запутался Василёк

— К самой что ни на есть настоящей! — гордо молвил Водяной. — Разве повёз бы я тебя к другой?

Берега вокруг текли и переливались многокрасочно. Длинные лианы тянули свои зеленоватые руки к геометрическим плодам, росшим на деревьях, чьи странные формы не могли не повеселить. Василёк глядел, как один подвижный треугольник, оторвавшись от ветки, покачнувшейся слегка, увернулся от лапки лианы и, проскользнув в толстое тело круга, растворился в пространстве.

— Ну и ну!

Водяной коротко усмехнулся.

— Тебя больше не интересует, далеко ли до настоящей улитки?

— Интересует, конечно, — откликнулся Василёк. — Но тут вообще столько всего интересного!

— Так вот — настоящие улитки живут везде, — авторитетно сказал Водяной.

— То есть? — переспросил Василёк, наблюдая за манипуляциями ромба — он стремился нанизаться на красную светящуюся пирамиду, что никак — ну совсем никак — не удавалось.

— То есть мы можем приплыть в любой момент. Или отодвинуть этот момент.

— А разве момент можно отодвинуть?

— Вообще это зависит от самого момента. Бывают, конечно, особо упрямые. Но наш — покладистый. И мы его легко отодвинем. Итак, если тебе надоело плыть — то мы уже приплыли.

— А мне не надоело, — сказал Василёк.

— Тогда поплаваем ещё немножко.

— А нельзя ли заманить какую-нибудь из фигурок к нам в лодку?

— Попрошу не забывать, — басовито напомнил чайник, — что я чайник, временно ставший лодкой.

— Конечно-конечно, извини, — быстро сказал Василёк.

— Можно, — ответил Водяной. — Вон тот квадрат, по-моему, вполне подходит на роль гостя прогулки.

— А бывают такие гости?

— Бывают. Гости бывают всякие, — и Водяной обратился к шустрому квадрату, перепрыгнувшему только что катившееся куда-то кольцо.

— Уважаемый квадрат, не угодно ли?..

— Угодно, — прервал его нагловатый квадрат, сделал длинный прыжок и оказался между Водяным и Васильком. — Всем привет, — крикнул он, одной из сторон своих снимая шляпу, которую раньше не было видно. — Я квадрат, что понятно, а вы?

Друзья представились.

— А плывём мы, — сказал Василёк, — на чайнике, временно ставшим лодкой.

Чайник басовито погудел.

— А куда плывёте? — спросил квадрат.

— Мы плывём к настоящей улитке, — с гордостью сказал Василёк, помня, что немногие знают настоящих улиток.

— О-о-о! — протянул квадрат и подбросил вверх свою шляпу. Та взмахнула крылышками и полетела за неуёмным кольцом. — Тогда стоит спеть!

И он затянул:

Мы плывём, мы плывём, в гости мы плывём к улитке,
Никакой, никакой вовсе нету здесь ошибки —
Нету совершенно никакой.
Ждёт ли нас? Нет не ждёт, никого вообще улитка,
Ничего, раз добра, нету никакой ошибки,
Никакой, никакой
Вовсе нету здесь ошибки.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Тру-ля, тру-ля, тру-ля-ля...

При этих тру-ля-ля квадрат поймал из воздуха шляпу, так никого и не догнавшую, дважды подкинул её и окончательно отпустил на волю.

— Не хотите ли с нами к улитке, уважаемый квадрат? — спросил Водяной несколько церемонно.

— Нет, благодарю, — ответил тот. — Я был у неё вчера. И к тому же мне надо решить проблему с треугольником. Он сильно зазнаётся — будто забыл, что у него только три стороны, а у меня — четыре. К тому же надо догнать кольцо.

— Тогда мы приплыли, — сказал Водяной.

— Прощайте, — весело крикнул квадрат. — Приятно было познакомиться.

Он выпрыгнул за борт и, весело, брызгаясь, покатился по реке.

— Как же мы приплыли? — спросил Василёк.

— А вот так, — ответил Водяной.

И — Василёк увидел: в тени дерева, чьи корни уходили прямо в воду, а крона упиралась в небо, цветасто составленное из разных геометрических фигур, находился домик, напоминавший раковину, и над овальным входом была надпись — «Дом настоящей улитки».

Они сошли на берег, и трава прошелестела им приветствие.

— Траве необходимо ответить, — сказал Водяной. — Жаль, что мы не захватили для неё гостинец.

Чайник, издав довольно сложный гудок, быстренько свернулся и принял свой изначальный вид.

— А это, — после того, как они поприветствовали траву, сказал Водяной, — гостинец для улитки, — и он подхватил — ловко и кругло — первоначальный чайник.

— Как? — растерялся Василёк. — А на чём же мы поплывём назад?

— Не беспокойся, — басовито ответил чайник, — чайники вроде меня — то есть настоящие чайники — умеют отбрасывать тень. Тень эта подождёт вас и послужит вам лодкой.

И действительно — на траве обозначилась приятная серая тень, несколько продолговатая и уютная.

— Я подожду, — подтвердила она.

Водяной позвонил. Улитка — напоминавшая уютную бабушку в чепчике, из которого мило поднимались мягкие рожки, и в сереньком платьице — плавно отворила дверь.

— А, это вы, — пропела она. — Заходите, заходите. Я почему-то так и подумала, что это вы.

— Мы привезли вам чайник, досточтимая настоящая улитка, — молвил Водяной, протягивая ей чайник.

— Чудесно, чудесно, — голос у улитки был округлый и влажный. — Тем более, что вы уже плыли на нём, и значит, опыт его обогатился. А чайники с обогащённым опытом всегда интереснее просто чайников. Ну, прошу.

И они проследовали в единственную — тоже округлую, но совершенно не влажную — комнату настоящей улитки. Стол был, естественно, зелен, и стульев вокруг него — точно три. Под балахоном из чего-то зеленого, слегка качавшегося располагалась постель, а мебель — низенькая, коричневая — комоды, шкафы и проч. — стояла, как ей и полагается, вдоль стен.

Чайник поставили на тумбочку, и он закипел сам, бодро выбросив струйку пара. Тут же весёлым рядком вылетели из комода чашки, ложки, сахарница и разместились на столе аккуратно, как полагается. А варенье улитка достала сама.

— Варенье требует особого отношенья, — пояснила она. — Никуда не годится, если оно обидится. Обиженное варенье становится горьким и вообще может уйти из дома.

— Как же оно уйдёт? У него же нет ножек... — усомнился Василёк.

— Это совершенно неважно, — пояснила Улитка. — У обиженного варенья вполне могут вырасти лапки, и оно пойдёт искать себе другого хозяина.

Улитка предложила садиться. Взлетевший чайник наполнил чашки, причём из носика его лился самый настоящий, карминно-крепкий чай, а вовсе не кипяток; и они расселись, раскладывая по розеточкам — те проступили на столешнице сами, без напоминанья — варенье.

— Думаю, — сказал Водяной. — Нашему другу будет интересно узнать, из чего оно.

— О, это особое, улитковое варенье, — с гордостью произнесла улитка. — Его рецепт перешёл ко мне от бабушки, а той... уже сложно сказать от кого. И главная его особенность заключается в том, что никто не знает, из чего оно.

— Как же так? — растерялся Василёк.

— Очень просто. Вы ставите пустую банку в комод и очень просите варенье — тут главное не просто попросить, а очень попросить — чтобы оно поселилось в нём. В зависимости от силы просьбы, оно появляется или на другой день, или через месяц...

— Или вообще никогда, — закончил Водяной. — Я слышал про это улитковое варенье. Но главное — у него такой вкус, какой тебе хочется.

— Правда? — обрадовался Василёк, скорее зачерпывая ложечкой массу. — О, — довольно зажмурился он, — клубника.

— А у меня, — деликатно пробуя, сказал Водяной, — вода.

— Как вода? — не понял Василёк.

— Ну, я же не питаюсь ничем, кроме воды, — пояснил Водяной. — Только в качестве варенья — у меня особенно густая вода.

— А что у вас? — вежливо поинтересовался Василёк у улитки.

Улитка зажмурилась, точно прислушиваясь к ощущеньям.

— Никак не привыкну к его свойствам, — призналась она. — Иногда оно напоминает по вкусу цветы кувшинки, иногда становится совсем безвкусным. Сейчас... пожалуй, оно походит на вкус треугольника.

— А разве треугольники едят? — удивился Василёк.

— Да, но только треугольники. Ни в коем случае нельзя есть ромбы, квадраты и прочие фигуры, а треугольники весьма легки и приятны на вкус.

— А с нами плыл один квадрат — весёлый такой, у него была шляпа, и он пел песенку, — сообщил Василёк.

— Я знаю этот квадрат, — сказала улитка. — Он, бывает, заходит ко мне в гости. Иногда рассказывает забавные истории. Правда, в последнее время зациклился на кольце, которое он должен почему-то догнать. Втемяшилось ему в голову...

— Разве у него есть голова?

— Не знаю, — честно призналась улитка. — Но думает же он чем-то, когда распевает песенки.

— Дорогая улитка, — сказал Водяной, прихлёбывая чай, — многие существа способны думать желудком, ногами или другими частями тела. Так что я не стал бы утверждать, что у квадрата есть голова.

— С другой стороны, — задумчиво произнёс Василёк, — я никогда не встречал квадратов с ногами или желудком.

— Бывают невидимые желудки, — авторитетно пояснила улитка. — У треугольника он, например, может помещаться в самом его центре. Но ноги ему действительно ни к чему — он и без них шустро двигается.

— А вот мне интересно, уважаемая улитка, — произнёс Василёк, — как же вы раньше пили чай, если у вас не было чайника.

— О, это совсем несложно, — пояснила улитка. — Во-первых, у меня было несколько чайников — поочерёдно, не сразу. Но все они обиделись — чайники вообще обидчивый народец — и ушли. У обиженных чайников, как и у обиженного варенья, тотчас отрастают ножки. Они думали, что лишат меня возможности пить чай. Но — не тут-то были! Мои друзья — водяные лилии и кувшинки, которые столь добры, что позволяют мне иногда полакомиться своими частями, — охотно производили чай для меня. Они умеют выращивать его — прямо горячий, карминно-красный — в недрах своих цветков и щедро делятся с друзьями.

— Хотел бы я попробовать такой чай, — мечтательно протянул Василёк.

— Увы, — отозвалась улитка. — Этот чай — только для настоящих улиток.

— Вот видишь, — обратился Водяной к Васильку, — как мы угадали с нашим подарком.

— Да, — молвила улитка, — нет ничего важнее, чем угадать с подарком. Но, друзья мои, — спросила она, — мне любопытно, куда вы плыли вообще? Был ли у вас маршрут?

— Нет, никакого, — честно признался Василёк.

— Ну как же, — заметил Водяной. — Маршрут, конечно, был, просто ты его не заметил. Маршрут — уплыть от одиночества, гномик которого может дать замечательные подсказки.

— А, этот гномик известен мне, — воскликнула улитка. — Он иногда заходит, рассказывает всякие истории.

— Значит, вы видели его? — спросил Василёк.

— Нет, увы, его невозможно видеть. Да и слышать, что он говорит, можно только в себе.

— Я слышу, — сказал Василёк. — Такое нежное что-то. Иногда, правда, очень скучное, сероватое...

— Главное — слышишь, это уже хорошо, — чай закончился, и улитка спросила: — Но куда же вы планировали отправиться, навестив меня?

Василёк пожал плечами.

— Куда? — переспросил Водяной. — О, это просто. Чудесная наша водная тропка сама приведёт куда-нибудь. Если, конечно, Василёк захочет плыть.

— Я? Я? Здорово! Только и мечтаю об этом.

— Тогда, — сказал Водяной, — отправимся, не будем тянуть. Спасибо за чай, дорогая улитка, и всего хорошего.

Улитка, двигаясь привычно-плавно, проводила их до дверей и объяснила, что улитки — особенно настоящие — вообще не любят покидать своего домика.

Потом улитка стояла и смотрела, как Василёк и Водяной подошли к терпеливо ждавшей их тени чайника, и она стала расти, плавно стекая в воду, покачиваться, превращаясь в удобную лодку; и когда они устроились на подушках, Василёк помахал улитке рукой, а она в ответ прощально качнула рожками.

— Какая она милая, — сказал Василёк.

— Настоящие улитки все милые, — объяснил Водяной. — Они никогда не ворчат и всегда всех угощают чаем. Если у них, конечно, есть чайники.

Серая вода переливалась синими, некрупными волнами, иногда вспыхивала майской зеленью, а то отливала золотом августа, и Василёк поинтересовался, куда они на этот раз.

— Пожалуй, — задумчиво сказал Водяной, чуть увеличившись в размерах, — я познакомлю тебя с весёлыми креветками.

— А почему ты стал больше?

— Разве? — отозвался Водяной, принимая прошлое обличье. — Я и не заметил. С Водяными, когда они задумаются, такое случается — то они чуть вырастут, то уменьшатся.

— Только не уменьшайся, — попросил Василёк. — Если ты уменьшишься, а потом исчезнешь, то как же я попаду домой.

— О, за это не беспокойся, — твёрдо пообещал Водяной. — Бросить тебя я не могу. Потому что ты веришь в меня. А бросить того, кто в него верит, — ни один Водяной никогда не решится. Таково наше правило.

— А есть ещё и другие?

— Есть, — ответил Водяной. — Но они — неинтересные. Вон, глянь, — тут же показал он на облачко брызг, двигавшееся довольно быстро. — Это же наш знакомый — квадрат.

И точно — быстро-быстро — как маленький пароходик — им навстречу мчался квадрат. Когда поравнялись, он развернулся, и они поплыли рядом.

— Вам удалось догнать кольцо, уважаемый квадрат? — поинтересовался Василёк.

— Нет, — ответил квадрат, отфыркиваясь. — Всё время убегает куда-то.

— А зачем оно вам вообще?

— А я хочу спросить, — не замедляя хода, сказал квадрат, — как мне стать кольцом. Думаю, оно не хочет отвечать, вот и убегает постоянно.

— А зачем?

— Зачем убегает? Ну я же сказал: чтобы не отвечать.

— Нет, зачем вам становиться кольцом?

— А мне надоело быть квадратом. Представляешь, какая тоска — всё время квадрат да квадрат. Даже песенки не помогают. Думаю, поискать его за домиком улитки — это вредное, как повидло, кольцо.

— Разве повидло бывает вредным?

— Повидло-то? Конечно. Вот варенье — никогда.

— Ладно, поплыву, — и квадрат развернулся на ходу. — Пока.

Вода вспенилась, он пропал на миг, но тут же вынырнул, и быстро-быстро, как маленький пароходик, помчался... вернее, поплыл...

— Итак, креветки, — сказал Водяной, зачерпнувши воды и плеснув ею себе в лицо. Капельки прошли сквозь кожу, и на секунду лицо Водяного сделалось румяным от счастья. — Как ты понимаешь, креветки очень не любят, когда их едят. Особенно если это весёлые, жизнелюбивые креветки. Поэтому, в отличие от настоящих улиток, которые живут везде, креветки прячутся. Опять же весёлым креветкам тягостно одиночество, даже если они распевают внутри него, шевеля усиками. Именно поэтому живут они в основном парами — пара тут, пара там. Иногда можно просмотреть глаза, выискивая их — по всем признакам, тут должны быть креветки — а их почему-то нет. Но мы найдём. Не переживай.

— Найдёте, конечно, — промолвила лодка, которая раньше была тенью чайника. — Тем более, что одна пара живёт вон там.

— Где? — спросил Водяной. — Ты не могла бы сказать точнее?

— Там — это означает там. А не здесь, и не тут.

— Ну, хотя бы рукой покажи.

— Я показала бы, — несколько обиженно сказала лодка. — Но у меня нет руки. А там — это значит приплыли, — и она остановилась посередине водной тропы, покачиваясь недовольно.

— Ну вот, встали, — разочарованно протянул Василёк.

— Встали потому, что надо, — сказала лодка. — Прислушайтесь.

Друзья прислушались. И услышали:

Мы весёлые креветки,
Наши усики, как ветки,
Ими шевелим всегда,
Чтоб не смыла нас вода.
Мы креветки, мы креветки,
Нам не нравятся объедки —
Только чистая вода
Наша милая среда.
Мы весёлые креветки,
Хоть отчасти привередки —
В грязной не живём воде.
И не верим ерунде.

— Распевают, — сказал Водяной. — Значит, они тут.

— Ещё бы, — отозвалась лодка. — Если есть песня, значит, будут и креветки. Не бывает же песня без креветки.

— Уважаемые креветки, — обратился Водяной прямо к воде. — Не могли бы вы показаться? Я бы хотел вас познакомить со своим другом. Он очень милый и воспитанный мальчик.

— Не-а, — послышалось из-под воды. — Лучше прыгайте сюда, к нам.

— Как же мы прыгнем к вам? — удивился Водяной. — Василёк же не сможет дышать под водою.

— Вот ерунда. Почему это? Надо просто представить, что вода — это воздух. Ну, давайте, прыгайте.

И друзья прыгнули. Василёк усиленно представлял, что вода — это воздух. И — получилось. Дышалось легко и славно, как на природе, за городом.

Спустились к креветкам быстро. Те, как на креслах, сидели в углублениях больших коряг.

— Тут есть ещё несколько углублений, — сказала одна из креветок: покрупнее. — Вы можете присесть.

Друзья присели.

— Вот и славно, — сказала одна из креветок. — Мы бы вас чем-нибудь угостили, но у нас тут и у самих ничего нет.

— Чем же вы питаетесь? — полюбопытствовал Василёк.

— Той же водой, — ответила креветка.

Нагнувшись к Водяному, Василёк спросил того — тихо, чтоб не услышали креветки:

— Нужно бы узнать, как их зовут.

Водяной согласно кивнул.

— Уважаемые креветки, — сказал он. — Вот мой друг интересуется, как вас зовут. Согласитесь, очень неудобно всё время называть вас — креветки. Не говоря уже, что это было бы невежливо.

— А нас так и зовут — креветки, — ответила одна.

— И так вы обращаетесь друг к другу?

— Ну да, — молвила та же. — Нас тут только две, так что не перепутаете.

— А что вы делаете целыми днями?

— Сидим в креслицах, — весело отвечала вторая креветка. — И горланим наши песенки.

— И много их у вас?

— Порядочно. Но главное, что это порядочные песенки. Например — вот эта, — и они заголосили:

Преста-вреста-преста-та,
Под водою красота,
Ни тебе ужасных
Хищных птиц опасных.
Ни жуков грозящих,
Ни забот манящих.
В общем — преста-вреста-та,
Под водою красота.

— Упс! — закончила уже одна из них.

— А что — Упс нельзя петь вдвоём? — спросил Василёк.

— Нет, конечно, — ответила креветка, но не та, что пропела Упс. — Вдвоём Упс петь нельзя. Он может оскорбиться за раздвоенность, превратиться в кого-нибудь и уплыть.

— Или уйти, — предположил Водяной.

— Нет, — сказала креветка. — Под водою ходить нельзя, только плавать.

— Так или иначе, — подытожила другая креветка. — Но Упс вдвоём не поётся. В этом его особенность.

— А ведь, — лукаво улыбнулся Водяной, — вы были неправы, говоря, что нечем нас угостить. Вы угостили нас песенкой.

— Ну, если вам понравилось — чудесно, — произнесли креветки хором. И одна — верно, она была любопытней — спросила:

— И как вам песенка на вкус?

— Славный вкус, — ответил Василёк. — Напоминает варёную креветку.

Он тут же спохватился, хлопнул себя по лбу — оказалось, в воде это сделать вовсе несложно, — и извинился, говоря, что не это имел в виду.

— А мы не обиделись, — сказала одна из креветок. — Мы очень умные креветки и знаем, что обида разъедает душу. Душа становится губчатая, по фактуре напоминающая изношенное лёгкое — а зачем нужна такая? К тому же часто мы поём сюжетные песенки, а те, кто поют сюжетные песенки, — никогда не обижаются.

— Это какие, например? — поинтересовался Водяной.

— Ну, хотя бы эту, — ответили креветки хором, точно готовясь, и запели:

Дикотаса-бур-бур...
Дермалиновый тужур
В гости к букре поспешает,
Нежно ушками моргает.
Букря маленькая ждёт
И готовит вкусный йод.
Йод приправит повиликой,
Сушкой, золотой клубникой —
Будет вкусно им вдвоём.
Мы же песенку поём.
Дикотаса-бур-бур...
Жил подводный дикий щур —
Щурился на всё на свете
И его боялись дети.
Ох, недобрый этот щур.
Дикотаса-бур-бур...
Съест такого щура щука —
Будет всем другим наука —
Не гляди на свет вокруг
С прищуром недобрым, друг...

— Хорошая песенка, — сказал Василёк. — Но у меня есть замечание.

— А мы всегда готовы выслушать замечанья, — Заметила одна из креветок. — Порой они помогают.

— Вот вы поёте — будет всем другим наука, а потом — идёт слово «друг». К кому же вы обращаетесь: ко всем или к вашему другу.

— О, это совершенно неважно, — ответила одна из креветок. — Главное, обратиться хоть к кому. К тому же друг может рассказать другим друзьям, и те разнесут нашу песенку по всему свету. И все будут знать, что с прищуром не стоит глядеть вообще. Конечно, если этот прищур недобрый.

— А если добрый? — спросил Василёк.

— Тогда сколько угодно.

Лиловая тень проскользнула рядом.

— Знаете, — сказал Василёк, — мне кажется, мимо нас проплыл добрый прищур.

— Конечно, — ответила креветка. — Он часто тут плавает.

— Но вот что мне интересно, — Василёк поглядел вокруг. — Мы уже довольно давно у вас гостим, а ни одна рыба не проплыла мимо. Как так может быть?

— Очень просто, — отвечала креветка. — Это наш, креветочный, уголок, и рыбы тут не плавают. Бывает, впрочем, иногда. Вот хотя бы сом. Он старый, большой и мудрый и никогда не попадает в неприятные ситуации. Вот, кстати, и он...

И точно — из лёгкой дымки воды появилась большая — усатая и лобастая — голова.

— Здравствуйте, — молвила рыба. — Кажется, вы говорили обо мне?

— Да, если вы сом, — ответил Водяной.

— Конечно, — ответил сом с достоинством. — Неужели вы — Водяной — не отличите сома от не-сома?

— Я отличу, конечно, — сказал Водяной. — А вот мой друг, Василёк, может и спутать, — и он кивнул на Василька.

— Правда? — поинтересовался сом, поворачивая большую голову в его сторону. — Тогда запомни, дружочек: сом отличается от не-сома, как я от не-я.

— А чем отличается я от не-я? — спросил Василёк, любуясь плавными очертаньями большой рыбы.

— Я делает только хорошее, — объяснил сом. — А не-я вечно подбивает его сделать гадость какую-нибудь — соврать там или испортить что-нибудь...

— А-а-а, — протянул Василёк, думая, что тут, под водой, всё так же, как дома, на суше...

— А мы, — сказал он неожиданно для себя, — были в гостях у улитки. У настоящей улитки, — добавил он, спохватившись.

— Это дело, — сказал сом. — Я порой тоже навещаю её.

— Интересно-интересно, — сказал Василёк. — И как же это происходит?

— Очень просто, — ответил сом. — Я подплываю к берегу, высовываю голову, и улитка наливает мне чаю. Мы пьём чай и беседуем.

— А знаете, — сказал Водяной, — мы тоже пили чай и беседовали.

— Естественно, — молвил сом. — А как же ещё может быть?

— А мне вот интересно, — спросил Василёк, — как же вы можете дышать вне воды?

— Очень просто. Ты же ведь дышишь под водой.

И правда, подумалось Васильку.

Тень пала на них — серая и серебристая одновременно.

— О, — протянул Водяной. — Это наша лодка напоминает, что пора бы и честь знать, как говорится...

Креветки полюбопытствовали, кем была их лодка до того, как стала лодкой.

— Тенью чайника, — сообщил им Василёк.

— Тогда неудивительно, что она отбрасывает тень, — резюмировала одна из креветок.

Стали прощаться. Сом заявил, что был бы рад видеть их вновь, и даже ради этого лишний раз готов навестить улитку — хотя вообще-то боится быть надоедливым. Креветки тоже приглашали, обещая к следующему их визиту сочинить много новых песенок. Друзья благодарили, Водяной даже выглядел растроганным.

Они, напрощавшись, оттолкнулись от кресел и точно взмыли вверх. Лодка — предупредительно — слегка наклонилась, но осторожно, так чтобы не зачерпнуть воды, и приняла их на борт, вернее — на подушки.

Что удивительно — друзья были абсолютно сухими.

— А ничего удивительного нет, — констатировал Водяной. — Когда выходишь от друзей — от настоящих друзей — с тобой ничего плохого не может случиться. А быть мокрым — плохо.

— Ты же Водяной, — удивился Василёк. — Разве для тебя быть мокрым плохо?

— Плохо это для тебя, — пояснил Водяной. — А раз мы друзья, что плохо для тебя — то плохо и для меня.

Лодка тихо плыла вперёд. Внезапно она сказала:

— Извините меня, но...

— Что такое? — забеспокоился Василёк.

— К сожаленью, мне пора возвращаться в состояние тени.

— А как же...

— Не беспокойся, дружок, — произнёс Водяной. — Конечно-конечно, милая тень, мне понятно ваше желание. Трудно долго быть не самим собой. О нас не беспокойтесь — мы отправимся к старому джинну, и он доставит нас домой. Не думаю, чтобы он отказал в этом.

Лодка подплыла к берегу, чуть накренила нос, и друзья вышли, легко и спокойно, не замочив ног. Серые языки воды нежно наплывали на берег, и в них резвились крошечные пузырьки.

— Вот кто нам нужен, — сказал Водяной.

— Не понял, — произнёс Василёк.

— Пузырьки, — пояснил Водяной.

Он помахал ладошкой, и несколько маленьких, перламутровых шариков выскочило из воды. Все они легли на ладошку Водяного, и он, ласково дунув на них, спрятал в карман.

Лодка стала таять на глазах, уменьшаться... и вот серая тень легла на синюю воду, тень, имеющая очертания чайника, и из неё послышалось:

— Прощайте, друзья, прощайте, рада была познакомиться с вами и оказать вам эту

пустяшную услугу.

— Прощай, лодка, — сказал Василёк.

— Прощай, милая лодка, — сказал Водяной уплывающей тени и, обращаясь к Васильку, пояснил: — Нужно было добавить к слову «лодка» что-нибудь ласковое. Запомни, дружок, всем и всегда надо говорить нечто ласковое.

— Даже тем, кто недружелюбен к тебе?

— Им особенно. Они изменятся тогда, ибо их недружелюбие растворится в твоей ласке.

— А теперь идём, — сказал он. — Джинн заждался.

— Разве он ждёт нас? Он даже не знает, что мы к нему идём.

— О, мой дружок, джинны всегда знают всё. Этот особенно.

— Почему?

— Потому, что он очень стар, и у него нет больше сил любить себя. Только других.

Они прошли по золотистому песку, который перемигивался с ними, вступили в милое царство изумрудной травы, поприветствовали её и, как и полагается, подошли к тёмной, старой, мхом покрытой лампе, лежавшей на земле.

— Тут? — спросил Василёк.

— Ага, — ответил Водяной. — Разве ты не знаешь, что джинны живут только в лампах.

— А вот и нет, — послышалось из воздуха. — Я теперь могу жить везде, ибо я очень стар и не имею никаких желаний.

— Это ты? — спросил Водяной.

— Конечно, — отвечал воздух. Небольшая часть его сгустилась, и джинн — в синенькой курточке, маленький — ростом не больше куста — в забавных, надувающихся панталончиках и, естественно, с белоснежной, серебряной бородой — возник перед ними.

— Здравствуйте, — поздоровался Василёк очень вежливо, ибо никогда ещё не видел джиннов и не знал, как держаться с ними. — А у меня к вам вопрос.

— Только один? — улыбнулся джинн, и с лысой головы его посыпались звёздочки — хотя был день... ну, по крайней мере, светло. — Обычно у всех ко мне масса вопросов. Впрочем, я давно не общаюсь со всеми. Итак, что же ты хочешь спросить?

— А вот вы сказали, что не имеете никаких желаний. Разве это хорошо?

— Конечно, мальчик. Желания питаются тобой, а не ты ими. Они такие мутные, сонные, и им всего вечно мало. А когда ты их отгонишь от себя, ты поймёшь, как ярко солнце и прозрачен воздух, и тогда у тебя останется одно только желание — помогать другим.

— Правда? — недоумевал Василёк.

— Неужели ты думаешь, что такой старый джинн, как я, будет тебя обманывать?

— Нет, просто...

— О, ты ведь всего только маленький мальчик, к тому же впервые путешествующий всерьёз... Ты ещё не можешь знать, что помогать другим — это единственная радость на свете. Но — я надеюсь — ты узнаешь это со временем, узнаешь обязательно, ибо если тебе это не удастся...

— Ой, джинн, — прервал его Водяной, так, будто они были старыми приятелями, — не путай моего маленького друга.

— Почему же только твоего? — удивился джинн. — Нашего.

— Ладно, если Василёк не против — нашего.

Джинн потеребил чуток свою прекрасную серебряную бороду и сказал:

— Итак, вас надо отправить домой?

— Да, — молвил Водяной.

— Чудесно, — сказал джинн, ибо всё было чудесно — и солнышко, золотым кружком сиявшее высоко-высоко, и река, серо-синевато текущая так, будто была лишена теченья, и изумрудное царство травы, о котором стоило бы написать особо, и...

— А, мы забыли, — воскликнул Водяной. — Мы ж принесли тебе шарики.

— Да ладно, — сказал джинн. — Разве можно забыть нечто важное?

Водяной сунул руку в карман, вытащил оттуда несколько перламутровых шариков, и они заиграли, заискрились на солнце... Он протянул их джинну, и тогда... Каждый шарик был превращён в замечательную зверушку — пушистую ли, нежную, зубастую — но не страшно зубастую, а забавно, — с тонкими крылышками или вьющимся хвостом. Зверушки эти — умевшие и летать, и бегать, и плавать — радостные — как будто нигде, никогда нет и не было бед — разбегались, или разлетались, или расплывались — кто как хотел, благодаря джинна кто помахиваньем крыльев, кто причудливым зигзагом хвоста, кто словом, мерно тающим в воздухе.

— Теперь пора, — сказал джинн, когда все зверушки исчезли. — Вы готовы?

— Конечно, — ответил Водяной, беря за руку Василька.

Джинн возгласил:

Три-четыре,
Может, встретимся ещё мы в этом мире.

И тотчас закружилось всё, завертелось. У Василька появилось чувство, что он летит и плывёт одновременно — чувство сладкое, как варенье настоящей улитки, и забавное, как пенье креветок, чувство, которое хотелось бы продлить, но оно закончилось — закончилось сразу и резко, и появился двор — столь знакомый двор — старый, любимый.

Водяной стоял рядом и держал Василька за руку.

— Значит, всё было на самом деле? — спросил мальчик.

— Конечно, — ответил водяной. — Ничего никогда не бывает понарошку.

Огорчился Василёк или обрадовался?

Кусок шланга, валявшийся около куста сирени, обратился в не страшную змею и, плюнув — но не презрительно вовсе — водою, — отполз, чтобы не мешать приятелям.

— О, а я и не знал, что он — змея. Он давно... лежит, — Василёк хотел сказать, «валяется», — тут.

— Конечно, он змея. Но не страшная — никого никогда не ужалит и понимает толк в сказках.

— А бывают такие змеи?

— Бывают. Хотя и редко.

Прощаться надо было, но не хотелось совсем, не хотелось.

— Не переживай, Василёк, — сказал Водяной. — Мы ещё встретимся.

— Точно? — спросил чуть расстроенный мальчишка, понимая, что о бывшем с ним никому нельзя рассказать — ни маме, ни папе.

— Обещаю! — улыбнулся Водяной.

Он стал уменьшаться, потом вдруг вырос, стал струистым, окутался аурой, сверкнувшей синевою, и — превратился в маленькую, перламутровую капельку. Василёк подставил ладонь, и капелька упала на неё, блеснула и испарилась.

А Василёк пошёл домой.

Путешествие 2-е

Василёк сидел у окна и учил таблицу умножения. Цифры глядели на него строго, и он подумал, что если предложить им поиграть, они — чего доброго — могут оскорбиться. Поэтому он прилежно запоминал их — вернее, то, что с ними может произойти, если их умножать.

Свет, струившийся в окно, был золотистым и приятно-нежным.

— Не скучно? — раздалось сзади.

Василёк обернулся и увидел Водяного. Тот был маленьким, сидел на диванном валике и весело болтал ножками.

— Привет, — радостно воскликнул Василёк, вскакивая со стула.

— Привет, — весело отозвался Водяной. — Подожди, не кидайся ко мне, сейчас я увеличусь, и мы поздороваемся нормально.

Он поджал ножки, изогнулся причудливо, и, спрыгнув с валика, стал нормальным — ну, то есть почти с Василька. Они пожали друг другу руки.

— А разве ты можешь появляться не из воды? — поинтересовался Василёк.

— Я могу появляться откуда угодно, — ответил Водяной. — К тому же, — добавил он, — вода дружит с воздухом, как мы с тобою, — Водяной подошёл к столу и глянул в учебник. — А, таблица умноженья, — протянул он.

— Она такая строгая, — пожаловался Василёк. — Частично запоминается, а частично нет.

— Конечно, строгая, — сообщил Водяной. — Ведь ей же нельзя изменяться. А быть всё время одинаковой — скучища. Вот наша таблица умножения, для Водяных — та веселее гораздо.

— А есть и такая? — недоумённо спросил Василёк.

— Ага, — отозвался Водяной, сунул руку в карман и вытащил маленькую тетрадку. Тетрадка тотчас раскрылась, и цифры запели мелодично:

Мы цифры милых Водяных,
Понятны мы для них одних.
Мы помогаем им в воде,
На суше и вообще везде.
Мы любим наших Водяных.

И нам не надобно других.
Другой — уже не Водяной,
Не понимает нас другой.

— А можно мне посмотреть? — спросил Василёк.

— Конечно, — ответил Водяной. — Только ты едва ли уследишь за ними.

И действительно — цифры в этой таблице перемигивались, менялись местами, надували крохотные воздушные шары и плескались в маленьком бассейне.

— Надо ж, — восхитился Василёк, стараясь поймать взглядом шуструю пятёрку.

— Но-но, — сказала пятёрка, — я же не бабочка, чтоб меня ловить.

Она бодро плюхнулась в бассейн, подняв фонтанчик крохотных брызг.

— Какой интересный бассейн! — воскликнул Василёк. — И как это всё умещается в твоей тетрадке?

— Но это же специальная тетрадка Водяного, — сказал Водяной. — Она и рассчитана именно на умещенье многого.

— А чего конкретно?

— О, чего захочешь!

Тройка, покачивая дужками, выскочила из крохотной, бликующей воды и сбросила маленькую медузу на круглую голову девятки. Та фыркнула в ответ и отправила медузу дальше — по эстафете.

— Точно — по эстафете, — сказал Водяной. — Медузы любят эстафеты.

Шестёрка и восьмёрка плыли наперегонки.

— Ну, — предложил Водяной. — Не хочешь ли нырнуть в тетрадку Водяного?

— А можно? — недоумённо спросил Василёк.

— А почему нет? Что нам может помешать? — он положил тетрадку на пол, и она, сверкнув синим, плоско приникла к шашечкам паркета. Картинки в ней замерцали как-то особенно ярко, и Водяной, взяв Василька за руку, спросил: — Готов?

— Ага, — храбро отозвался тот.

— Тогда на счёт «три-четыре» прыгаем, — Василёк сосредоточился. — Три-четыре, — произнёс Водяной. И они прыгнули.

Лёгкая — будто весенняя — синева поплыла, покачиваясь, вокруг, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Плавные медузы торжественно текли мимо, и цифры кидались в них крохотными шариками — перламутровыми и сиреневыми.

— А где они берут их? — спросил Василёк.

Он вспомнил, как дышал под водой, когда они посещали креветок, и сейчас, легко представив, что вода — это воздух, просто воспользовался предыдущим опытом.

— Они делают их из пузырьков, — ответил Водяной, отпустив руку приятеля, поскольку понял, что тот уже достаточно ориентируется в здешнем пространстве.

— А ты так умеешь? — поинтересовался Василёк.

— И ты тоже.

— Я? — удивился мальчик.

— Конечно. Просто пока не знаешь об этом.

— А когда узнаю?

— Уже узнал. Ну, лови пузырёк.

Как раз один, некрупный, проплывал мимо, и Василёк ловко схватил его.

— А теперь?

— Дунь на него, и всё.

Василёк дунул. Отливая сиреневым, пузырёк тотчас затвердел, и мальчик почувствовал, как в ладони лежит очень приятный, тёплый шарик — причём уже перламутровый.

— Спасибо, — издал тонкую благодарность тот.

— Не за что, — ответил Василёк. И всё-таки поинтересовался: — А за что вы меня благодарите?

— Ну как... — ответил шарик, — мне же скучно всё время быть пузырьком. Хочется разнообразия. А сам я шариком стать не могу. Теперь кинь меня... хотя бы в ту медузу.

— А в тройку можно? — полюбопытствовал Василёк.

— Да хоть в девятку, — ответил шарик. — Главное, кинуть.

И Василёк кинул. Шарик, вычертив светящийся зигзаг, ловко залетел в полудужье тройки, она слегка обхватила его, и дальше уже они поплыли вместе.

— Вот так, — сказал Водяной. — Я же говорил, что ничего сложного в превращении пузырька в шарик нет.

Вода расступилась, разошлась, мерцая краями, и они плавно опустились на небольшую зелёную поляну. Тетрадка Водяного сложилась и спланировала к нему в карман.

Василёк потопал ногами, убеждаясь, что под ними самая натуральная, покрытая

травою почва.

— Почва, — тихо сказал он. Но уже не удивлённо.

— Что ты говоришь, — переспросил Водяной, — почта?

— Да нет, — пояснил Василёк. — Я говорю — почва.

— Конечно, она всегда появляется, когда кончается вода.

— Но в данном случае вода вроде и не кончилась, — сказал Василёк, показывая на небольшой пруд.

— Да, мы воду прошли насквозь, но кончилась она в том смысле, в каком я убрал тетрадку в карман. А это, — Водяной кивнул головой в сторону пруда, — начало новой воды, — они подошли поближе к пруду. Он переливался жёлтыми и зелёными огнями.

— Так-так, — сказал Водяной. — Огни жёлтые и зелёные — значит, домик Тюни неподалёку.

— Чей домик?

— Тюни, — объяснил Водяной. И добавил: — Пожалуй, стоит навестить её.

— А она не обидится? — неожиданно спросил Василёк, следуя рядом с Водяным. Они огибали пруд.

— Тюня-то? А на что ей обижаться?

— И вправду...

Лёгкие зигзаги обозначились в траве. Один двигался за другим, другой за третьим, и все вместе они образовывали весьма занятную колонну движущихся зигзагов.

— Надо ж, — сказал Василёк. — Я всегда считал, что зигзаг — это нечто, рисуемое ручкой или карандашом.

— Это особый вид зигзагов, — пояснил Водяной. — Движущиеся зигзаги. Они ползут только в известном им направлении. И никогда не взлетают, в отличие от овалов.

Чуть подальше из травы поднялись два крупных овала. Медленно и плавно поплыли они по воздуху, уменьшаясь в размерах, пока вовсе не исчезли. Зигзаги остановились и подняли остренькие мордочки.

— Бедные, — пожалел Василёк. — Им тоже хочется летать.

— Нет-нет, — успокоил его Водяной. — Они вполне довольны своей — зигзаговой — участью.

— Да? — усомнился Василёк. — А можно их спросить об этом?

— Можно. Только они не ответят.

— Почему?

— Просто они не любят разговаривать. Их дело ползать. Но ты поверь мне, я знаю, они вполне довольны своей жизнью.

— А где же Тюня? — спросил Василёк, вспомнив цель их пути.

— Вот её домик, — сказал Водяной, указывая на длинную трубу, растущую прямо из земли. Вернее, из травы, ибо трава была здесь повсюду. Труба отливала стальной белизной, но белизной тёплой, ласковой, хотелось погладить глянцевитый бок. — А именно это и нужно сделать, — молвил Водяной, демонстрируя умение читать мысли, которые и вовсе не касаются водных существ. — Иначе мы не попадём к Тюне, — Василёк погладил бок трубы, и она довольно замурчала в ответ, как кошка. — Вот видишь, — сказал Водяной. — Оказывается, Тюня ждёт нас.

В боку трубы образовалась вполне уютная дверь, а за нею показалась лесенка — небольшая, ведущая вниз. Приятели спустились.

Тюня — сама похожая на небольшую трубу и вся покрытая нежной, коричневой шёрсткой — сидела в трубообразном кресле.

— Здравствуй, Тюня, — сказал Водяной.

— Привет, Водяной, — ответила Тюня. — Кто это с тобой?

— Это мой друг — Василёк, ответствовал Водяной, а Василёк сказал Тюне:

— Здравствуйте.

Он ещё не встречал ни одной Тюни, поэтому не знал, как к ней следует обращаться — на ты или на вы.

— Присаживайтесь, — предложила Тюня.

Было в комнатке ещё несколько кресел, тоже довольно вытянутых, и приятели присели. Вообще комнатка была несколько вытянута вверх, какой и должна была быть, поскольку помещалась в недрах трубы, и вся мебель — то есть стол, два шкафа и кресла имели несколько трубообразный характер.

— Может быть, ты покажешь свою мордочку? — спросил Водяной.

Василёк поинтересовался тихо:

— Почему ты не сказал — лицо?

Из коричневой шёрстки проступила мордочка — милая и забавная, напоминавшая хомячковую.

— У Тюнь не бывает лица, — сказала Тюня. — У них мордочки.

— А много вас вообще — Тюнь? — спросил Василёк.

— Пока мне известна одна — я сама. Но раз я есть — то должны быть и другие.

— Но если вы их никогда не видели, откуда же вы знаете, что у них не бывает лиц?

— Я сужу по себе, — здраво ответила Тюня. — То, что у меня есть, обозначается как мордочка. Значит, если есть и другие Тюни — у них тоже будут не лица, а мордочки.

Тюня зажмурилась и чихнула.

— Будьте здоровы.

— А я всегда здорова, — сказала Тюня. И чихнула ещё раз.

— Почему же тогда вы чихаете?

— А я не чихаю, я издаю привычный Тюнин звук.

— Очень похоже на чиханье, — сказал Василёк.

— Возможно, — заметила Тюня, — в мире, из которого ты пришёл, это и называется чиханьем, а тут, у меня — это Тюнин звук. Ты же уже понял, что миры отличаются разным содержательным наполненьем.

— Чем ты занималась в последнее время, дорогая Тюня? — спросил Водяной.

— Тем же, чем и всегда, — ответила Тюня. — Сосредоточенно размышляла о мумриках.

— А кто это? — осторожно, чтобы не попасть впросак, спросил Василёк.

— Я и сама не знаю, — ответила Тюня. — Именно поэтому размышления о них требуют особой сосредоточенности.

— Но зачем размышлять о них? — не понял Василёк.

— Ну, во-первых, должна же я что-то делать. А во-вторых, именно потому, что я не знаю, кто такие мумрики, размышления мои носят абстрактный характер, то есть могут привести к интересным результатам.

Из шкафа раздался звук — глуховатый, поскрипывающий.

— По-моему, — предположил Василёк, — кто-то хочет выбраться на волю.

— И не в первый раз уже, — сказала Тюня. — Шкаф периодически издаёт этот звук, но никто не выходит.

— А нельзя ли открыть и посмотреть?

— Нельзя, — сказала Тюня и вздохнула.

— Почему?

— Но ты же видишь — Тюня трубообразная и пушистая, но у неё нет ни рук, ни ног, — объяснил Водяной.

— Так давай мы с тобой, — предложил Василёк Водяному, — откроем шкаф.

— Это мысль. А, Тюня? Ты не хочешь, чтобы мы открыли шкаф?

— Попробуйте. Может быть, там таится нечто интересное.

Василёк и Водяной подошли к шкафу. Это был довольно большой, тёмный предмет, и показалось, что сделан он из могучих древесных корней. Василёк взялся за левую ручку, а Водяной за правую.

— Ну, на счёт три-четыре, — сказал Водяной. И они распахнули створки.

Пушистая горка съехала вниз и уютно устроилась на полу.

— Ах, я так и знала, — воскликнула Тюня. — Вот он — мымрик. Ну, наконец-то я вижу тебя.

Мымрик был желтоватого окраса, не крупнее маленькой собачки, и мордочка, подобная Тюниной, проступила у него на спине.

— Здравствуй, Тюня, — сказал он. — Вот мы и встретились. Я рад.

— А уж как я-то рада! — воскликнула Тюня.

— Видишь, Василёк, — сказал Водяной, — к чему приводят порой упорные размышления. Тот, о ком размышляешь, может появиться в реальности.

— Если это — Тюнина реальность, — сказал Василёк, закрывая свою створку шкафа. А Водяной закрыл свою.

Мымрик приподнялся немного, встряхнулся и, быстро-быстро перебирая мохнатыми лапками, двинулся к Тюне.

— Уважаемая Тюня, — спросил Василёк, — а как же вы, если у вас нет рук и ног, двигаетесь?

— Тюням не положено двигаться, — ответила Тюня. — Им положено сидеть и размышлять.

Мымрик взобрался на Тюнино кресло, и она слегка подвинулась, освобождая ему местечко.

— Вот так. Вместе нам будет хорошо, — подытожила Тюня.

Мымрик засопел и, показалось, задремал.

— Но... — снова весьма осторожно полюбопытствовал Василёк, — чем же вы питаетесь?

— Я питаюсь воздухом, — ответила Тюня. — Воздухом, который просачивается сквозь мою трубу-домик. Поэтому, друзья мои, хоть я вам очень признательна за

мымрика, я не могу угостить вас.

— И не надо, — сказал Василёк. — Один наш знакомый джинн говорит, что самое важное — помогать другим, а вовсе не угощаться. Так что с нас довольно появления мымрика.

— Ах, какой умный джинн, — восхитилась Тюня. — Впрочем, так и должно быть. Джинны не бывают глупыми.

Водяной и Василёк одновременно поднялись с кресел.

— Дорогая Тюня, нам пора, — сказал Водяной.

— Да, теперь, когда у вас есть мымрик, вы будете совершенно счастливы.

— Спасибо, — сказала Тюня. — Это вы верно заметили. И если бы мымрик не заснул, думаю, он тоже сказал бы вам — до свиданья. Но, так как он спит, я скажу два раза — за себя и за него, — и она сказала.

Друзья ответили и пошли к лесенке. Поднявшись по ней, Василёк погладил изнаночную сторону трубы, и они выбрались на зелёную поляну.

— Вот так и строится жизнь, — философически заметил Водяной. — Мы помогли Тюне, а кто-нибудь потом поможет нам.

На краешке пруда сидели две лягушки. Они распевали песенку, широко открывая рты:

Мы лягушки, мы лягушки,
Мы весёлые подружки.
Любим делать мы прыг-скок,
Прыг — на Юг, скок — на Восток.
Ну а если встретим клевер,
Это, значит, будет Север.
А до Запада скакать
Неохота нам опять.
Прыг-скок, прыг-скок.
Вот он Запад, вот Восток...

Одна из лягушек подскочила и бодренько шлёпнулась в воду. Над водой раздалось недовольно:

— Вечно эти лягушки... Никогда не могут сидеть спокойно.

— Кто это? — удивился Василёк.

— Как кто? — ответил Водяной. — Пруд, конечно.

— Да? Никогда не доводилось купаться в разговаривающем пруду.

— А я не для купанья, — сказал пруд.

— А для чего тогда?

— Я для покоя. А эти лягушки-подружки вечно прыгают в меня. Какой уж тут покой!

Лягушка, прыгнувшая в воду, высунула мордочку и поинтересовалась у друзей:

— Не знаете ли, который час?

— Увы, — развёл руками Водяной. — Это нам неизвестно.

— А почему вас интересует время? — спросил Василёк.

— Потому, что нам надо петь по часам, — лягушка выбралась из воды и уместилась рядом с подружкой. — Если мы переборщим с нашим пеньем — пруд вообще возмутится.

— Да уж, — сказал пруд. — Я бы предпочёл вовсе обойтись без вашего пенья, но раз уж вы тут живёте, ничего не поделаешь, — и он мелодично покачал небольшими волнами.

— Послушайте, — сказал Василёк, обращаясь к лягушкам. — Если вас так интересует время, не стоит ли завести часы?

— Мы бы завели, — ответила одна из лягушек, — но у нас их нет.

— А если тщательно поискать? — предложил Василёк. — Часы должны быть где-нибудь в округе.

— Мы искали, — сказала вторая лягушка. — Искали внутри пруда и по берегам его. Даже допрыгивали до домика-трубы Тюни, но часов нигде не оказалось.

— Да, часы тут найти непросто, — посочувствовал лягушкам Водяной.

— Однако, — сказал Василёк, — если у вас нет часов, как же вы можете петь по ним?

— А мы чувствуем, — отвечали лягушки хором, — когда можно, когда нельзя.

— Тогда, — логично предположил Водяной, — может быть, вам вовсе не нужны часы?

— Может, — сказала одна из лягушек. — Но с часами всё же надёжнее.

— Не поискать ли нам, — наклоняясь к Водяному, предложил Василёк, — вдруг получится?

— Пожалуй, — согласился тот.

Для начала они обошли пруд. Часов нигде не было. Попадались мелкие камешки, ракушки, отливавшие перламутром, всякая всячина, но никаких часов — ни ручных, ни настенных — им не встретилось вовсе. Пруд мерцал золотисто. Лягушки молча глядели в него.

— Тогда поищем в лесу, — предложил Водяной. — В лесу чего только нет.

— Но где же лес? — спросил Василёк.

— А мы поступим по методу Тюни — представим лес, он и возникнет. Давай зажмуривайся и представляй — тщательно и точно. На счёт три, — Водяной скомандовал, Василёк зажмурился, представляя лес, могучую сумму деревьев, тропки между них, замшелые валуны, красивые поляны... — Всё, — услышал он голос Водяного, — можно открывать глаза.

Лес действительно сиял, переливался зелёными и золотистыми оттенками, и приятели двинулись к нему — что ещё им оставалось делать? Они вошли под живую лиственную арку, и она заиграла лучами листьев, приветствуя их. Тропинки вежливо открывались, точно указывая, куда идти.

— Но, — сказал Василёк, — часы же не растут на деревьях.

— А почему бы им не расти? — ответил Водяной. — Это же не простой лес, — они вышли на маленькую поляну, где солнечные зайчики играли в чехарду. —Привет, ребятки, — сказал Водяной. — Не встречались ли вам часы?

Зайчики остановились, и старший поглядел на Водяного.

— Идите туда, — он махнул лучиком, — в гущу. Там они встречаются иногда.

— Спасибо, — сказал Василёк, и они пошли.

Валуны оказались на прежнем месте — то есть там, где их и представлял Василёк. Мох был красив, бархатист, и в нём барахтались разные забавные жучки и козявки.

— Ой, — раздался писк, и Василёк вздрогнул.

— Кто это?

— Это я — козявка, — сказала козявка. — А вы, как мы думаем, за часами, да?

— Ага, — ответил ей Василёк.

— Вообще-то меня зовут малявка. Но многие находят такое имя обидным, поэтому я обычно представляюсь козявкой. Идите по тропке, что начинается за нашими валунами. Думается, часы уже выросли. Вы их увидите.

На пятом — если считать от валунов — дереве, на нижней ветке росли весьма приличные — если иметь в виду их объёмы — часы.

— Итак, — резюмировал Водяной, — мы у цели. Но вот вопрос — как их снять?

— Нет ничего проще, — сказали часы, разрешая недоумение друзей. — Мы уже спелые часы. Отойдите немножко, и сейчас мы сорвёмся вниз.

— А вы не разобьётесь? — испугался Василёк.

— Часы никогда не бьются, — ответили часы. — Иногда они только спешат.

Приятели отошли, давая часам возможность спокойно спуститься вниз. Совсем спокойно не получилось — был небольшой шум, но всё в целом прошло хорошо. В прямоугольном деревянном чехле, с милым хвостиком сзади часы стояли на тропинке и приветствовали друзей ходом своих стрелок.

— Чудесно, — сказал Водяной. — Теперь — если вы не против — мы отнесём вас лягушкам.

— А зачем нас нести? — удивились часы. — Мы можем идти сами.

Они чуть приподнялись, и Василёк увидел их ножки — маленькие и аккуратные.

Пошли. Часы бежали впереди, весело покручивая закорючкой хвостика. Как только вышли из леса — он пропал.

— Ничего удивительного, — заметил Водяной. — Это же воображаемый лес.

Лягушки молча смотрелись в пруд.

— А вот и мы, — сказал Василёк. — Мы вам принесли, вернее, привели часы.

Часы сели на край бережка, прямо перед лягушками, и те обрадованно уставились на циферблат.

— Вот спасибо, — сказали лягушки хором, — теперь мы точно будем знать, когда стоит петь, а когда — помолчать, — и запели:

Мы с часами, мы с часами,
Веселее будет нам,
Будем петь мы по часам —
Так удобней, знаем сами.
Чтоб не беспокоить пруд,
Будем петь мы по часам.
Опа-ри-ру-ри-ру-рам,
Петь — такой весёлый труд.

— Чудесно, — сказал Водяной.

И Васильку как-то сразу ясно стало, что пора возвращаться домой.

— Но... как же мы вернёмся? Без джинна.

— О, на этот раз он нам не понадобиться. Ведь у меня есть тетрадка.

Водяной вытащил из кармана свою тетрадку и, как раньше на полу, разложил её прямо на траве.

— Прощайте, прощайте, — прокричали лягушки.

— До свиданья, — вежливо сказали часы.

— Рад был познакомиться, — вежливо промолвил пруд.

Крохотный бассейн возник на тетрадном листе — крохотный, но абсолютно настоящий — было видно и слышно, как в нём живёт и плещется вода. Водяной взял Василька за руку, поинтересовался, готов ли тот, и, получив удовлетворительный ответ, бросил:

— Ныряем, — и они нырнули.

Медузы вновь проплывали мимо них, плавные и торжественные, и цифры резвились вокруг, подтверждая собственные правила.

Путь был недолог — друзья, сухие и лёгкие, вынырнули в комнате Василька, а тетрадка лежала на полу. Водяной нагнулся, поднял её и спрятал в карман.

— Вот так, — сказал он улыбаясь.

— Что ж, — произнёс Василёк с надеждой, — до будущих встреч?

— Непременно, — пообещал Водяной и, как в прошлый раз, когда они прощались, обратился в перламутровую капельку, которая испарилась с ладони Василька.

Путешествие 3-е

— А этот мотоцикл, — сказал Василёк, — всегда привязан, я никогда не видел, чтобы кто-нибудь на нём ездил. Хоть куда.

На этот раз он сам предложил прогулку — обычную прогулку, без чудес, по близлежащим улицам.

— Без чудес нельзя, — сказал Водяной. И пояснил: — Скучно.

Василёк согласился. Но вышли они из дома самым обычным образом — через дверь, спустившись предварительно на лифте. И вот, когда проходили двор, мальчик показал на мотоцикл. Вид у того был достаточно грустный.

— Опля, — сказал Водяной, и с пальцев его брызнула сумма капель. Широкий глаз мотоцикла открылся, и цепочка, приковавшая его к парапету, спала. — Теперь ты можешь путешествовать сам, — сказал ему Водяной.

— Занятно, — ответил мотоцикл. — Но я боюсь, — он моргнул круглым глазом, — что другие машины... и мотоциклы будут недовольны, если увидят меня одного, без седока.

— А ты придумай себе седока, — посоветовал Водяной. — Если твой пропал.

— А мой не пропал, — ответил мотоцикл. — Уехал куда-то. Без меня.

— Всё же скучно, наверно, всё время быть прикованным к одному месту, — предположил мальчик. — И глаз у тебя был заплаканный.

— Скорее, запылённый, — сказал мотоцикл. — Ну, спасибо, в общем. Немножко, пожалуй, прокачусь.

— Не волнуйся, — напутствовал его Водяной, — я сделаю так, что тебя никто не увидит.

Тот отъехал на несколько метров, но тотчас вернулся.

— А как мне привязаться опять, — спросил, — когда накатаюсь?

— Ты фыркни вот так, — объяснил Водяной. Он сложил губы дудочкой и фыркнул определённым образом.

— А вдруг не получится? — предположил мотоцикл.

— Непременно получится, — сказал Водяной. — Я запрограммировал это, брызгаясь волшебными каплями.

— Тогда хорошо, — ответил мотоцикл. — Привет, — и он укатил в соседний двор.

— Вернётся? — спросил Василёк.

— Конечно, — ответил Водяной. — Мотоциклы — они верные.

И пошли дальше. Мир вокруг был обычным миром — конкретным, тяжёлым, с изобилием деталей.

— А они тебе все знакомы? — спросил Василёк.

— Детали-то? Конечно. Всюду, всегда одинаковые.

— Тогда тебе, наверно, неинтересен этот двор, эта улица...

— Почему же? Просто их надо немного подсветить.

— А как?

— Очень просто.

Они подошли к большому, седоватому тополю, и Водяной предложил Василька взять его за руку, что тот и сделал. Тотчас же они — даже, как показалось мальчику без движенья, — очутились внутри ствола и потекли, помчались вверх, неуёмно, мощно. Соки дерева мелькали вокруг, цвели сладкой массой, и становилось весело, легко и свободно. Василёк и Водяной выпорхнули, будто птички, на верхушку кроны и, оба маленькие, обнаружили себя в серединке листа.

— Вот это я называю подсветить мир, — сказал Водяной. — Согласись, без подсветки он достаточно беден.

Ворона опустилась на ветку, и листок слегка вздрогнул, а друзья вздрогнули с ним.

— Привет, ворона, — сказал Водяной.

— Кар-р, — ответила ворона.

— Неужели она нас не поймёт? — удивился Василёк.

— Почему не пойму? Пойму, — ответила ворона. — Только не знаю, понравится ли вам мой грай.

— Мне нравился всегда, — сказал Василёк. — Мне чудилось, что это маленькие такие шарики падают, и хотелось их поймать.

— Надо ж, — отвечала польщённая ворона, — ты первый мальчик, кто оценил мой грай так интересно, — и ворона издала цепочку карров, протянувшихся в воздухе.

— А эти уже похожи на проволочные штучки.

— Да, пожалуй, — согласился Водяной.

— Всё же спасибо, — сказала ворона. — Интереснее граять для кого-то, чем просто так, — она взмахнула крыльями и улетела.

Ветка слегка покачнулась, покачнулся и листок, и друзья вместе с ним.

— А как мы назад? Так же? — спросил Василёк.

— Зачем так же? Давай разнообразить пути.

Он взял мальчика за руку, и они спрыгнули вниз и, точно два шарика грая, полетели к земле, полетели, а когда коснулись асфальта, стали обычными.

— Интересно, — а никто не видит, что происходит с нами?

— Никто. Зачем же, чтобы кто-нибудь видел это?

Мимо проехал мотоцикл. То, что он едет один, не удивляло ни людей, идущих по своим делам, ни водителей машин. Мотоцикл был очень аккуратным и не нарушал никаких правил. Заметив друзей, он посигналил им — опять же так, что слышали это только они.

— Вот видишь, — сказал Водяной, — никто же не замечает необычный мотоцикл. Так и наши превращенья незаметны для других.

— А куда он сейчас? — спросил мальчик.

— Возвращается на место, — отозвался Водяной. — Накатался.

Они свернули во двор, обогнули песочницу, возле которой сидела собака, и, поздоровавшись с нею, остановились на минутку.

— Ты не потерялась? — обеспокоился Василёк, зная, что собака поймёт его.

— Нет-нет, — ответила та. — Сейчас выйдет хозяин.

— Не будем задерживаться, — сказал Водяной, и они вышли через двор на улицу. — Много машин, — недовольно заметил Водяной. — Перелетим?

Уже не спрашивая, что делать, Василёк ухватился за лапку Водяного, и они в один момент оказались на другой стороне улицы.

Момент был всего лишь один — но мальчик успел заметить, как из его одинокой сердцевинки видны крыши едущих машин, быстрые такие, как занятные оригинальные насекомые...

— Они в каком-то смысле и есть насекомые, — заметил Водяной. — Ибо всё похожее отчасти оно и есть.

Но, вероятно, только отчасти, подумал мальчик, потому что со стороны машины были вполне обычны и совсем не напоминали никаких насекомых.

— Зато я — вылитое насекомое, — писк донёсся из травы, и мальчик нагнулся, пытаясь разглядеть, кто это.

— А это я — козявка. То есть вообще-то малявка, но многим не нравится это названье. Я помогла вам пройти к часам, растущим на дереве.

— А-а-а, — протянул мальчик, — я помню вас. Или тебя? — тут же поправился он.

— Это всё равно. Таким козявкам-малявкам, как я, совершенно всё равно, как к ним обращаются. Лишь бы не раздавили.

— А зачем ты выползла в этот мир? — спросил Водяной.

— Так уж получилось, — вздохнула козявка. — Вынесло как-то. Я сама не хотела.

— А можно тебя взять? — спросил Василёк.

— Её не только нужно взять, — сказал Водяной, — но и переправить обратно, в её мир.

— А ты сумеешь? — спросил мальчик.

— Конечно, — ответил Водяной.

Нагнувшись, он бережно взял козявку, причём она заиграла синевато-красными оттенками, и также бережно убрал в карман.

— Спасибо, — раздался оттуда писк.

— А тетрадки твоей там нет сегодня?

— Нет, сегодня она ни к чему. Мы же гуляем по городу.

— И куда мы направимся теперь?

— О, куда хочешь. Можно даже домой.

— Ко мне? — уточнил мальчик.

— Ну да. Ибо мой дом всюду, где вода. И ты неоднократно бывал в его частях?

— Не знаю, — ответил Василёк несколько растерянно. — Надо подумать.

— Давай присядем и подумаем, — предложил Водяной.

— Давай, — согласился Василёк и направился к скамейке.

— Что ты, — удержал его Водяной, — зачем же садиться на скамейку, если есть волшебный камень.

— Есть? — недоумённо спросил Василёк. — Где же он?

— А вот, — щёлкнул пальцами Водяной, и неподалёку от скамейки действительно возник причудливый, с двумя сиденьями камень. — Садись, — сказал Водяной и подал пример. Сидеть оказалось вполне удобно.

— А другие его не видят?

— Нет, конечно, — ответил Водяной.

— Ой! — воскликнул Василёк.

— Что такое? — обеспокоился и Водяной.

— А ты не задавил козявку?

— Ах, это, — рассмеялся Водяной. — Нет, не беспокойся. Такие малявки, которые по сути козявки, обладают одним замечательным качеством — незадавимостью. С ними ничего никогда не происходит. Такова их особенность. К тому же козявка по каналам моего кармана уже вернулась к себе домой.

— Как это?

— Очень просто. В моих карманах расположены каналы связи с разными мирами.

— Ох ты, — восхитился Василёк. — Тогда зачем же возвращаться домой. Давай отправимся куда-то!

— Давай. Куда бы ты хотел?

— А если... — мечтательно протянул Василёк, — отправиться в страну динозавров?

— А что, это мысль. Только мы отправимся в страну добрых динозавров.

— А как?

— Увидишь. Ну, встали, — и они встали. Камень, слегка померцав, растаял в воздухе, чего, естественно, никто не заметил. — Теперь, — сказал Водяной, — ты станешь маленьким и окажешься у меня на ладони, — он бормотнул что-то, и Василёк обнаружил себя на уютной и мягкой ладони Водяного. — И, — сказал тот, — я прячу тебя в карман и присоединяюсь к тебе.

Василёк зажмурился, но подумав, что Водяной не говорил ему об этом, открыл глаза. В приятной темноте нечто засвистело, зашуршало, и он понёсся куда-то, чувствуя, что рядом несётся и Водяной. Полёт был быстрым, и закончился приятным приземленьем на поляне.

Сложно было описать, как Водяной вынырнул из собственного кармана, но Василька он извлёк оттуда совершенно легко и тут же превратил его в нормального мальчишку.

— Во, смотри, — сказал Водяной.

Огромные деревья росли тут, и силуэты далёких гор мерцали синевато, окружённые золотистой дымкой. Травы были высокими, они переходили в папоротники, а те — в хвощи и плауны, густые, но не цеплявшие никого, нет-нет.

Гномик, держась за стебель, глядел в небо.

— Красиво как, — молвил он, — птеродактили летают.

— Он похож на гномика одиночества, — сказал Василёк Водяному.

— Ничего удивительного, — ответил тот. — Все гномики похожи. Как, впрочем, и козявки.

— Уважаемый гномик, — обратился к маленькому Василёк. — А где вы видите птеродактилей?

— Да вот же они, — отозвался гномик.

И действительно — большие зигзаги обозначились в небе. Они перемещались легко, хотя порою напоминали чаек, высматривающих добычу. Снижаясь над поляной, они становились отчётливей, видно было, какие у них большие, мягкие, кожистые крылья и добрые улыбки.

— Откуда же у них добрые улыбки? — недоумевая, спросил Василёк. — Я думал, они хищники.

— А у нас нет хищников, — ответил крупный птеродактиль, спланировав на поляну.

Два других, приветственно помахав крыльями, полетели дальше.

Гномик, поздоровавшись с могучим ящером, юркнул в норку.

— Привет, Водяной, — сказал птеродактиль. — Ты привёл к нам друга?

— Привет, птеродактиль, — ответил Водяной. — Ага. Это Василёк.

Тот тоже поздоровался и спросил:

— Так почему же у вас нет хищников?

— Когда-то давно они были, — объяснил птеродактиль. — Но постепенно устыдились того, что причиняют боль другим. А как ты знаешь — никого никогда нельзя обижать. Мы все добрели — не сразу, конечно, много потребовалось лет, но вот, наконец, развили в себе доброту настолько, что смогли питаться солнечным светом. У нас никто никого не ест.

— Вот бы людям так! — восхищённо воскликнул Василёк.

— Подожди, — ответил птеродактиль. — Вы тоже к этому придёте. Только не сразу.

— Ну, мне пора, — резюмировал он, плавно снялся с поляны — помахал крыльями: и разминочно, и прощально — и улетел, превращаясь в точку. А потом и вовсе исчез.

Точка померцала на ладони у Водяного — точно крошечный глазок, в котором был виден полёт птеродактиля — и пропала.

— Отправимся дальше? — предложил Водяной. Василёк кивнул.

Они прошли под роскошными папоротниками, чьи лапчатые листья качались над ними изумрудно, и вступили в огромный лес, переливавшийся красивыми оттенками. Трава тут была мягкая, и можно было не опасаться — ибо слова птеродактиля не могли быть ложными — что кто-то выскочит из зелёных густот.

— А вот игуанадоны, — сказал Водяной. — Раньше они паслись, поедая зелень, но теперь и в этом необходимость отпала.

Игуанадоны — большие, как двухэтажные дома — улыбались. В каждой улыбке могло поместиться по небольшой комнатке. И Водяной, и Василёк помахали им и получили в ответ такие ж приветные помахиванья лап.

Широкие листы неизвестных растений расступились, и друзья увидели гладкое мерцанье озёр. Диплодоки — как и положено — с длиннейшими шеями и хвостами, входили в них, сладко жмурились, вздымали волны.

— О, какая чудная вода! — воскликнул Водяной. — А ну-ка... — и с разбега он бросился в озеро. Один из диплодоков поддел его на шею, весело подбросил в воздух, поймал хвостом, после чего Водяной нырнул глубоко, а вынырнув, крикнул: — Василёк, давай ко мне!

И Василёк прыгнул. Они плавали возле диплодоков, качались, как на лианах, на шеях и хвостах и веселились от души. А выбравшись на берег, оказались абсолютно сухими.

— Так и должно быть, — сказал Водяной. — Диплодоки же наши друзья.

— А почему мы не поговорили с ними? — поинтересовался Василёк.

— Диплодоки не любят разговаривать, — ответил Водяной. — Но от этого они не менее дружественны.

Снова вошли в лес, и послышался рык, низкий довольно.

— Подожди, — спросил Василёк, — птеродактиль же сказал, что никого хищного не осталось?

— Правильно, не осталось, — громко объявил крупный тираннозавр, выбираясь из лесной тени. — Но голоса-то у всех разные. У меня, например, громкий, — он стоял, возвышаясь над друзьями, и маленькие его лапки забавно покачивались в воздухе. — Я бы пожал ваши лапки, — сказал тираннозавр, но боюсь не дотянуться. — А если хотите покататься, я устрою вас на своём хвосте — и в путь, — друзья согласились. Тираннозавр опустил массивный хвост на землю, они взобрались и устроились достаточно удобно. — Ну, в путь, — рыкнул нестрашно совсем тираннозавр и побежал.

Он бежал мощно и быстро, лес мелькал вокруг — многолиственный и многоствольный, богатый, разнообразный. Тираннозавр перешёл на прыжки.

— Не трясёт? — спросил он друзей.

— Не-а, — отозвался Василёк. — Но забавно подбрасывает. Как на аттракционе.

Они выбрались в мелколесье, миновали озёра с диплодоками, и птеродактили, летевшие не так уж высоко, помахали друзьям крыльями.

На одной из полян тираннозавр встал.

— Спасибо за прогулку, — сказали друзья, спускаясь.

— Не за что, — ответил тираннозавр. — А теперь мне пора по своим, тираннозавровым, делам, — и мощные прыжки понесли его в неизвестность.

— Для нас неизвестность, — сказал Водяной. — А ему хорошо известно, куда он

отправился.

— И даже ты не знаешь куда?

— Даже я, — ответил Водяной.

— Но почему?

— Потому что, — улыбнулся Водяной, — нам пора возвращаться.

— Что ж, — сказал Василёк. — Пора, значит, пора.

На этот раз — уменьшенный и отправленный в карман Водяного — он каким-то образом видел, как Водяной и сам нырнул в свой карман, и они понеслись, понеслись... пока не вынырнули у скамейки.

— Хотел бы я иметь такой карман, — сказал Василёк — но не завистливо, а восхищённо.

— А зачем? — сказал Водяной. — Он же есть у меня? Зачем тебе иметь то, что есть у друзей? Они поделятся... — и Василёк согласился.

— Что это? — спросил он, увидав смутно-розовое, очень красивое, нежно-слоистое.

— Где? — полюбопытствовал Водяной.

— Да вон же, — указал Василёк.

— Там ничего нет, — уверенно ответил Водяной. Василёк выглядел разочарованным. — Но, — лукаво прищурившись, молвил Водяной, — если ты видел розоватое свеченье, тебе стоило бы познакомиться с сакурой.

— А откуда она возьмётся?

— Мы позовём её.

Он сделал быстрое круговое движенье, и в пространстве возникла мерцающая золотистая полоса.

— Чтобы никто лишний не увидел сакуру, — пояснил Водяной.

Она появилась в центре мерцания — розовая, ветвистая, превосходная.

— Какая чудесная! — восхитился Василёк.

— Не волнуйтесь, дорогая сакура, — сказал Водяной, — мы чуть полюбуемся вами и вернём на место.

Сакура встряхнулась, как собака, выбравшаяся на берег.

— Я не против, — сказала она. — Сакуры на то и существуют, чтобы любоваться ими.

И они полюбовались.

Лепестки были очень нежны, отливали перламутром и напоминали маленьких улиток.

— А они не превратятся в них? — спросил Василёк, зная, что Водяной прочитает его мысли.

— Нет-нет, — ответила за Водяного сакура. — Листья сакуры никогда ни во что не превращаются.

— Пожалуй, мы налюбовались уже, — произнёс Василёк.

— Что ж, — молвила сакура, — тогда мне пора. — Водяной, прошу вас.

Водяной сделал точные движенья руками, и сакура исчезла, а потом растаяла и защитная лента.

— А не слетать ли нам в Японию? — предложил Водяной. — К драконам?

Разумеется, мальчик согласился — да не просто согласился, а с восторгом.

Был проделан тот же путь — через волшебный карман Водяного — и вот:

— Ух ты, как здорово, — восхитился Василёк, выпрыгивая из кармана Водяного. — Значит, мы в Японии?

— Ну да, — ответил Водяной. — Между прочим, тут любят и ценят воду. Правда, меньше, чем в Китае.

— Тогда, может быть, отправимся в Китай?

— Успеем, — резонно заметил Водяной.

Они шли по длинной улице и любовались домами — непохожими на привычные Васильку. У многих дверей висели забавные цветные фонарики, а стены домов казались бумажными...

— Не стены, — поправил Водяной, — перегородки внутри них.

А внутри каждого домика был уютнейший садик.

Хозяин одного из домиков поклонился, улыбаясь вежливо, и друзья поклонились в ответ.

— Я хочу показать вам сад камней, — сказал хозяин. Друзья проследовали за ним. Камни лежали в определённом порядке — и молчали, как и полагается камням. — Они говорят молча, — пояснил хозяин. — И молча воспроизводят устройство вселенной.

Несколько минут Василёк рассматривал это интереснейшее — строгое и простое — устройство. А потом они, поджав ноги и сидя на циновках, пили вкуснейший чай.

Хозяин проводил их, и они двинулись дальше — по длинной-длинной улице...

— А куда мы? — спросил Василёк.

— К дракону, — ответил Водяной. — Он перевезёт нас в Китай.

Дракон обитал за стенами небольшого дворца. Крылья его вздрогнули, приветствуя друзей. Водяной поклонился с достоинством, то же сделал и Василёк. Дракон изрыгнул немного пламени, но тотчас сказал:

— Извините.

— Ничего-ничего, — сказал Водяной, — мы не боимся огня.

— Даже как-то внутри него путешествовали, — добавил Василёк.

— Тогда всё в порядке, — молвил дракон. Голос у него был сильный, почти как у тираннозавра. — Ничего удивительного, — пояснил дракон. — Тираннозавр — мой дальний родственник. Ну, взбирайтесь мне на спину, и — полетим.

Удобно расположившись на чешуйчатой, покрытой сложным узором спине, друзья наблюдали мчавшиеся внизу большие пространства воды.

— Они не особо-то и мчатся, — пояснил Водяной, — просто нам так кажется...

Замелькали города, среди зелени возникали пагоды, и большие стрекозы мелькали около их ярусов, огромная стена тянулась и тянулась, и шевелились леса бамбука...

Гора возникла — серая, многоступенчатая. Снега синели на её вершине, мерцая красиво...

Китайский дракон упражнялся в искусстве пускания огня. Огонь завивался кольцами, сворачивался в круги и рулоны, в нём возникали экзотические письмена, которые сменяли специальные огненные картины.

— Как красиво, — восхитился Василёк.

— Ещё бы, — отозвался японский дракон, опускаясь на гостевой выступ. — Никто не умеет пускать огонь лучше китайских драконов.

Китайский его собрат прекратил упражнения и приветствовал гостей.

— Давненько не виделись, Водяной, — сказал он.

— Ага, — отозвался Водяной. — Это мой... — начал было он...

— А я знаю, — ответил дракон. — Ты забыл, что драконы всегда всё знают.

— Ну, я, пожалуй, полетаю, — сказал японский. — Пока, друзья.

Он взлетел, делаясь меньше и меньше. Василёк провожал взглядом его полёт.

— Вот и ладно, — сказал китайский. И спросил: — Ну, как проводите время?

— По-разному, — изрёк Водяной. — Вот ходили гулять по улице, на которой живёт Василёк, да скучно стало. Решили добавить немножко волшебства.

— Да, с волшебством интересней, конечно, — согласился дракон.

— И вот были у динозавров...

— А, наши родственники, — протянул дракон.

— А потом навестили вас.

— Тоже неплохо, — заметил дракон.

— Дракон, — спросил Василёк. — А вам не скучно одному?

— Нет, что ты, — отозвался дракон. — Мне никогда не бывает скучно. И потом — одиночество... столь относительное понятие!

— Да? — удивился Василёк. — А я думал — либо оно есть, либо его нет.

— С одиночеством никогда нельзя утверждать ничего на сто процентов, — авторитетно заметил дракон. — Бывает, оно есть, когда его нет, и наоборот.

— Это так, — согласился Водяной, глядя вниз с горы.

— Нет, с неё можно только слетать — мерно, кругами, — сказал дракон. — Никому бы не посоветовал пытаться съехать с неё, как с зимней горки.

— А мы и не собирались, — объяснил Водяной. — Для путешествий у нас есть мой карман. И ещё много разных средств...

— Да, я знаю, — сказал дракон, выпуская лёгкое колечко огня.

Василёк поймал его, уверенный, что не обожжётся. И точно — колечко мягко светилось и совсем не жгло. А потом растаяло.

— Его нельзя взять на память, — пояснил дракон. — Но можно запомнить, какое оно.

— Я запомню, — пообещал мальчик.

— Итак, — сказал Водяной. — Вперёд, мой друг. Вернее — в карман.

На сей раз Василька уменьшил дракон, и он втянулся в карман, видя при этом, как то же происходит и с Водяным.

Был полёт, всё мелькало.

— Где это мы? — спросил Василёк.

— Где-то, — отозвался Водяной. — Сейчас узнаем, — колесо прокатилось мимо. — Уважаемое колесо, — обратился к нему Водяной, — не подскажете...

— Вы внутри компьютера, — не останавливаясь, отвечало колесо. — Вернее — внутри интернета, — добавило оно, отъехав на приличное расстояние.

— Надо ж, — восхитился Василёк.

— Вот что означают эти миганья и мерцанья вокруг, — пояснил Водяной, — это сайты и порталы. Ну — куда?

Они свернули на кольцеобразный путь — и двумя шариками выкатились в бильярдную игру. Весело щёлкая по другим шарикам, они катались некоторое время, после чего из темноты лузы провалились в гору сверкающей информации. Эта гора богато лучилась и переливалась, и Василёк подумал, что тут можно узнать всё что угодно.

— Естественно, — отозвалась гора. — Только не спрашивай о своём будущем.

— Почему? — полюбопытствовал Василёк.

— Потому, что оно во многом зависит от тебя.

Пройдя сквозь гору — она не возражала, нет-нет, — они очутились на площадке, с которой взлетали самолёты. Уцепившись за хвост одного из них, спланировали на сайт дачных участков, откуда угодили на болтливый форум.

— Форумам и положено болтать, — недовольно заметил он, когда друзья остались недовольны шумом. — Самое подходящее занятье для форума.

Дальше были мигающие разноцветно сайты, мимо которых они будто бы проплывали, иногда узнавая старых знакомых — то настоящая улитка качнёт рожками, то раздастся пенье весёлых креветок.

— А вот смотри, — сказал Водяной, — китайский дракон полетел.

— Точно китайский? — поинтересовался Василёк. — Может быть, японский?

— Нет-нет, японский давно уже дома. Это китайскому надоела его гора, и он решил посмотреть, не изменилось ли что в округе...

Нечто зашевелилось громоздко, и они попали на исторический портал. Ровными рядами армии выстраивались друг против друга; Василёк чётко видел мечи и щиты, но не знал, греки это или римляне.

— Этим людям, а точнее, их правителям, стоило бы поучиться у динозавров, — заметил Водяной. — Те давно уже умеют питаться солнечным светом, а эти всё ещё дерутся.

Армии сошлись с дикими криками, и друзья перескочили на другую клетку пространства — там переливались золотом пески и люди громоздили пирамиды.

— Царь-Фараон — суровый царь, — молвил Водяной.

— А можно его увидеть? — полюбопытствовал Василёк.

— Пожалуй, — ответил Водяной.

Они шли по дворцу, где на стенах были причудливые, цветные картинки, и в зале, куда они вышли, на высоченном троне сидел неподвижно Царь-фараон — в богатых украшениях.

Дальше их качнуло несколько вбок, снова замелькало всё, понеслось, и Василёк увидел, как он уменьшается, падает в карман Водяного, а Водяной, сворачиваясь, следует за ним... И они вынырнули оба возле дома Василька.

— Вот так, — сказал Водяной. — Хорошо полетали. Ну, до будущих встреч?

— А когда они будут?

— Это зависит от обстоятельств.

— А обстоятельства?

— А обстоятельства, конечно, от тебя.

— Какой-то замкнутый круг, — сказал Василёк несколько печально.

— О, не переживай, — утешил его Водяной. — Из каждого замкнутого круга есть выход. Ты убедишься в этом не раз...

Собственно, последние слова произнёс уже не Водяной, а капелька, испарившаяся, как обычно, с ладони мальчишки. И он пошёл домой, вспоминая детали их путешествия и улыбаясь...

Путешествие 4-е

Василёк сидел за столом и игрался с пружинкой, думая про обстоятельства. Пружинка сжималась, забавно вырывалась из рук, подскакивала, и он снова ловил её, снова сжимал, и всё повторялось.

— Интересно, — стал рассуждать мальчик вслух, — обстоятельства — какие они? Круглые? Пушистые? Хорошо, если бы они были пушистыми, тогда...

Пружинка снова вырвалась из пальцев, крутанулась в воздухе, превратилась в синий фонтанчик брызг, и перед Васильком возник Водяной.

— Привет, — сказал он, протягивая лапку.

— О, здорово, что ты появился, — воскликнул мальчик, пожимая её. — Значит, всё же обстоятельства бывают пушистыми!

— Конечно, — ответил Водяной, плюхаясь на диванный валик. — Обстоятельства бывают всякими. Большинство считает их скучными и больно деловыми, а они бывают

весёлыми, игривыми...

— А нельзя ли познакомиться хоть с одним игривым обстоятельством? — попросил мальчик.

— Пожалуйста, — ответил Водяной. — Как раз одно такое завалялось у меня в кармане.

— Мне кажется, — сказал Василёк, — игривое обстоятельство не может заваляться.

— Может, ещё как может.

Водяной сунул руку в карман и вытащил оттуда нечто, сверкнувшее тускло. Потом это нечто расправилось, блеснуло сталью, но тут же — подумав, что сталь это больно строго — сверкнуло золотисто и, скатившись с лапки Водяного, помчалось по полу, как маленькая собачка. Оно весело насвистывало при этом:

Мол-де, плохие обстоятельства!
Не верьте, это надувательство!
Все мы хорошие, игривы,
Вы будьте только терпеливы,
Добры к другим и веселы,
Не верьте в тёмные углы,
А верьте радостному свету —
И верой жизнь украсьте эту!

Обстоятельство кувыркалось, прыгало через себя, перебирало тонкими лапками, будто стремясь зацепиться за что-то, и, наконец, вывалилось в окошко.

— Не разобьётся? — испуганно подскочил Василёк.

— Нет-нет, не бойся, — ответил Водяной. — Обстоятельства никогда не разбиваются.

— Ну, хорошо, — заметил мальчик. — Теперь я знаю, какими они бывают.

— А знаешь ли, что мы предпримем с тобой? — лукаво прищурившись, спросил Водяной.

— Не-а, — протянул мальчик.

— Мы совершим воздушное путешествие. Как тебе предложенье?

— Замечательное, по-моему, — отозвался мальчик. — А для воздушного путешествия нужно что-нибудь особенное?

— Ничего особенного. Нужны — ты и я. А раз мы на месте — путешествие состоится.

Он схватил Василька за руку, они подбежали к окну и... полетели... Да-да, полетели. Вы думаете, это невозможно? Отнюдь. Сильное желание позволяет людям летать — не как птицам, понятно, ибо у людей нет крыльев, — летать своеобычно, но достаточно легко.

Сначала мальчик держался за лапку Водяного, и тот будто влёк его вперед и вперёд, потом он сказал:

— Теперь ты уже освоился, просто делай движенья, как будто плывёшь. А после, когда освоишься совсем, и движений делать не надо будет — воздух сам понесёт.

И точно — сначала Василёк грёб — как будто брассом, не забывая посматривать вниз, где разворачивалась панорама крыш, и переулки казались ущельями, а потом воздух понёс его сам, держа своими дружественными потоками.

Вороны пролетали мимо. Одна замедлила лёт и поздоровалась. Друзья ответили ей на приветствие.

— А что же, вы не помните меня? Я та ворона, чей грай мальчик сравнил с шариками.

— Конечно-конечно, я помню, — отозвался Василёк, — тем более, что мне не каждый день приходится разговаривать с воронами.

— А мне — с мальчиками, — сказал ворона и подарила ему несколько шариков грая.

Они были цветными и попали в карман Водяному.

— Не беспокойся, дружок, — заметил тот, — я отдам тебе их, когда прилетим.

— Ну, я дальше — по делам, — сообщила ворона и обогнала их.

— А что это там — прозрачное и плотное? — спросил Василёк.

— Это норка Вилты, — объяснил Водяной.

— А разве есть существа, строящие норки в воздухе?

— Существа бывают всякие, — отозвался Водяной. — Вилты только в воздухе и строят норки, — норка парила, просвечивая разными цветами, будто предлагая заглянуть в неё. — Заглянем?

— Если можно.

Они заглянули.

— Заходите, — молвила Вилта. — Вернее, залетайте.

Они залетели.

— А тут уютно, — заметил мальчик.

— Конечно, — ответила Вилта, появляясь из воздуха. — Вилты любят уют.

Она сама была прозрачная, кругленькая, под стать своей норке.

— Ну, дорогая Вилта, — спросил Водяной, — как поживаешь?

— Чудесно, — ответила Вилта. — Всегда в полёте. И сама, и домик.

— А вы как?

— Тоже неплохо, — отозвался Василёк. — Сегодня вот решили попутешествовать по воздуху.

— Чудесное решенье, — одобрила Вилта. — Я бы рекомендовала вам осмотреть воздушную гору.

— А мы к ней и тронемся сейчас, — сказал водяной.

И распрощавшись с Вилтой, они тронулись.

— Милая такая Вилта, — сказал Василёк.

— Ага. Вилты всегда милые.

— А их много?

— Встречаются порой.

— А знаешь, — продолжил мальчик, — все, кого мы встречали с тобою — милые и приятные существа.

— Так и должно быть, — резонно заметил Водяной. — Только такими и стоит жить — милыми и приятными.

— Но ведь не все такие, — грустно произнёс Василёк.

— Это временное явленье, — объяснил Водяной. — Когда-нибудь все станут такими, — птицы пролетали мимо. — Ночной порой интересней летать, — говорил Водяной, — тогда летают не только птицы, но и звёздочки.

Нечто плавно, сгущенно реяло в воздухе — нечто, не связанное с землёй, прозрачное, но и плотное, слегка подрагивающее, как желе.

— Я люблю желе, — сказал мальчик.

— А это вот и есть — воздушная гора, — объяснил Водяной. — Она не из желе, но чем-то похожа.

Подлетев поближе, они нырнули в гору, как в приятную мягкую массу. Сперва обволакивало чем-то плотным, но лёгким, а потом передвигаться стало совсем приятно. Они летели по стройным, длинным, петляющим иногда коридорам, и тени городов возникали там и тут.

— По-моему, я был в этом городе, — сказал мальчик. — На море, летом. С мамой и папой.

— Наверняка был, — заметил Водяной. — Впрочем, даже если это и не тот город — совершенно неважно. Вон, смотри, появился другой, — и точно — не то внизу, не то сбоку, не то сразу везде возник новый город — весь в пушистых садах, среди которых вздымались красивые зданья. — Но их можно только видеть, — сообщил Водяной. — Жить в них нельзя. Не для этого они устроены.

— Построены? — переспросил мальчик.

— Устроены, — пояснил Водяной.

Ещё один город казался старинным, песчаным, строения в нём были ромбовидными и треугольными. Нигде, естественно, не было людей, но Водяной объяснил почему, и мальчик и не ждал их.

Потом они стали скользить меж огромными стеллажами, уходящими в воздух — а где они начинались, было неясно — и Василёк понял, что они летят по гигантской библиотеке.

— Здесь, наверное, все книги...

— Даже больше, чем все, — заметил Водяной. — Здесь есть даже будущие книги — те, что ещё не написаны, и книги, которые вообще никогда написаны не будут, — иногда книги вздымались с мест, пролетали немного, отворялись, как двери. И страницы их мерцали разноцветными огнями. — Зависит от содержанья, — пояснил Водяной. — Если оно хорошее, цвет золотистый или синий, если не очень — красный, как воспаленье, а бывает и чёрный, увы, бывает...

Но они вылетели уже из коридоров библиотеки, и теперь — хоть было совершенно светло, даже прозрачно-светло — летели меж звёздами. Тут были крупные звёзды, и звёзды, похожие на медузы, были полосатые, как осы, и тонко скрученные из чего-то, напоминавшего медную проволоку, были звёзды-корабли, и звёзды-дома...

— Ты ж говорил, что их можно видеть только ночью?

— Да, забыл я, забыл, — неожиданно признался Водяной. — Представляешь? Забыл, что внутри воздушной горы время течёт несколько не так...

Тут обозначилось и время — мохнатый, световой поток — из которого донёсся вопрос:

— Вы не устали, друзья?

— Слегка, пожалуй, — ответил Василёк.

— Тогда отдохните.

И к ним подплыла звезда-фрегат. Друзья погрузились, на борту обнаружились мягкие скамеечки, сидеть на которых, болтая ножками в воздухе, было очень уютно. Фрегат плыл серьёзно, плавно, торжественно.

— У него, наверное, сегодня день рожденья, — предположил Василёк. — Уж больно плавно он двигается.

— Вполне может быть, — отвечал Водяной, болтая ножками так же, как и его приятель. — У фрегатов никогда этого не узнаешь.

Фрегат покачивался, и паруса его надувались без всякого ветра.

— Я уже отдохнул, — сообщил Василёк. — Можно плыть дальше и без фрегата.

— Тогда — вперёд, — провозгласил Водяной, и они поплыли.

Выход из воздушной горы был там же, где и вход.

Пара норок Вилт попались им навстречу. Вилты хлопали прозрачными глазками, но не приглашали зайти. То есть залететь.

— А зачем? — сказал Водяной. — Мы же видели, как живёт одна. А Вилты живут все одинаково.

Василёк обернулся, желая ещё раз поглядеть на воздушную гору. Гора была на месте — прозрачная и плотная, она чуть поворачивалась, зажигаясь разными огнями — так торжественно, будто день рожденья праздновала каждый день. Мальчик засмеялся своей фантазии, а Водяной сказал:

— Что ты! Это было бы невыносимо скучно — представь один бесконечный день рожденья, и ничего более.

Василёк, согласился, подумав.

Снова стали встречаться птицы. Знакомая ворона очень деловито пролетела куда-то, не заметив их.

— И ладно, — сказал Водяной. — Мы же здоровались уже. А шарики грая, что она подарила, у меня — в целости и сохранности.

Город становился виднее, увеличивался в объёмах.

— А мне не надо зажмуриваться, чтобы спланировать в окно? — спросил мальчик.

— Не надо, — ответил Водяной. — Ты уже достаточно хорошо держишься в воздухе.

— Странно, однако, входить в свой дом не через дверь.

— Не входить, а влетать, — поправил Водяной. — Через дверь влететь нельзя.

— Можно, — засмеялся Василёк. — Если очень торопишься.

— А-а-а, — протянул Водяной. — Но только в этом случае.

Они влетели — плавно и небыстро. Водяной плюхнулся на диванный валик, и сказал:

— Уф.

— Хорошо полетали, — отозвался Василёк, усаживаясь на стул.

— Не устал?

— Нет, совсем не устал.

— Но всё равно надо отдохнуть. И впечатленья усвоить. Чтобы недаром они были.

— Ой, — спохватился Василёк. — А шарики грая?

— Не переживай, — откликнулся Водяной. — Они у меня, — он сунул руку в карман и вытащил несколько блестящих шариков. На открытой его ладони они меняли цвета и переливались. — Знаешь что? — вдруг сказал Водяной. — Если они тебе не очень нужны, я уйду сегодня через них.

— Да? Что ж, мне интересно будет посмотреть... и я всё равно не знал бы, что с ними делать.

— Тогда — до следующего раза, дружок, — сказал Водяной. Он подбросил шарики, и они, исполнив в воздухе своеобразный пируэт, спланировали на подставленную ладонь Василька. — Опа, — произнёс Водяной, превратился в маленький фейерверк капелек и всеми ими втянулся в шарики.

На ладони мальчика они обратились в одну — перламутровую — каплю, которая испарилась небыстро. Василёк вздохнул.

Путешествие 5-е

Приглашение от настоящей улитки пришло по обычному крану. Василёк открыл его, чтобы помыть руки, и вместе с водой точно вытекал уютный голос Улитки:

— Милые Василёк и Водяной, была бы рада видеть вас у себя в гостях. Варенье, как всегда, готово быть таким, как вам захочется.

— Я бы с радостью, — ответил Василёк. — Но не знаю, как вызвать Водяного. Он появляется, когда сочтёт нужным.

— Ну-ну, — раздался знакомый голос из коридора. — Не говори так: я появляюсь, когда необходимо.

— Водяной, — радостно вскричал Василёк. — Откуда ты?

— На этот раз, — отвечал Водяной, потирая ручки, — я материализовался из лейки для полива цветов, что стоит на подоконнике.

Василёк закрыл кран и посмотрел на приятеля.

— Значит, мы отправимся к улитке? — поинтересовался он.

— О, непременно, — отвечал Водяной. — Тем более, думаю, что к ней заглянет и сом.

В комнате уже Василёк спохватился:

— А как же мы поплывём к улитке? На чайнике?

— Нет-нет. Есть много разных способов попасть к улитке. Для начала полетим. Открой окно пошире и бери меня за руку.

Василёк так и сделал. Тотчас их тела стали полупрозрачными, лёгкими, и они плавно вылетели в окошко. Через некоторое время Водяной отпустил ладошку Василька, и мальчик, вспомнив, как он летал в прошлый раз, поплыл по воздуху легко и свободно.

Вороны пролетали мимо. Их знакомая приветствовала их — на этот раз не речью, но граем. Шарики грая разлетелись в воздухе, переливаясь розово и фиолетово, но ни один не залетел в карман Водяного, и Василёк, чуть уклонившись в сторону, не смог поймать ни одного из них. Ему показалось, что из них вылупятся воронята, но нет — шарики, померцав немного, поплыли дальше весёлым хороводом.

— Ты успел хотя бы кивнуть вороне? — спросил Водяной.

— Успел, — ответил мальчик. — Надеюсь, она заметила.

Внизу распростёрся пруд — достаточно большой и зелёный.

— Нам сюда, — сказал Водяной. — Хватай меня за руку.

Василёк схватил, и они резко, подняв фонтан брызг (не замеченный, разумеется, никем) спланировали в пруд. Зелёно-серые его недра расступились, два золотистых карася испуганно шарахнулись вбок, и трава, густая и плотная, текла рядом, мерцая струисто. Коряги были видны, Василёк, вспомнив, как нужно дышать под водой, делал это спокойно, пока они не вынырнули на противоположном берегу пруда — который вообще-то оказался бережком реки.

— Уф, — отфыркнулся мальчик, выскакивая прямо у домика улитка.

Водяной выбрался не спеша, проводя руками по бокам, точно проверяя что-то. Оба приятеля были, естественно, сухими.

Большая голова сома уютно лежала на берегу, а улитка в кресле из крупной раковины сидела перед ним.

— Креветки что-то в депрессии, — рассказывал сом. — Никак не могут сочинить новую песенку. А старые им надоели.

— Чем бы им помочь? — спросила Улитка.

— Тут уж ничем не поможешь, — рассудительно произнёс сом. — Нужно просто ждать.

Василёк кашлянул. И сом, и улитка повернули головы.

— О, здравствуйте, друзья! — воскликнули они одновременно.

— К сожалению, — сказал сом, — я не могу пожать вам руки. Но если хочешь, Василёк, можешь пожать мой усик. Только смотри, чтобы он не выскользнул из ладошки, — Василёк согласился с радостью. Усик — хотя и был скользкий — но приятный на ощупь и вовсе не собирался выскальзывать, пока Василёк сам не отпустил его. — Ну вот, — подытожил сом. — Теперь мы поздоровались по-настоящему.

Водяной стоял рядом и улыбался.

— Присаживайтесь, друзья, — сказала улитка.

Василёк хотел было спросить куда, но тут же заметил маленький столик — как раз между улиткой и головой сома — столик, накрытый, примерно как в прошлый раз в домике улитки; возле столика было два кресла — как раз по размерам Водяного и Василька. Они сели.

— А из чего эти кресла? — поинтересовался Василёк.

— Из ракушек, конечно, — отвечала улитка. — Они могут увеличиваться и уменьшаться. Если их об этом попросить.

— Мне уютно, — сказал Василёк. — Я просить ни о чём не буду.

— И я вполне доволен, — добавил Водяной.

— Но вот что, дорогая улитка, — продолжал Василёк, — мне действительно странно — так это как я не заметил сразу ваш столик.

— О, ничего удивительного, — промолвила Улитка. — Это же настоящий мерцающий столик.

— То есть он может?..

— Ну да, он появляется и исчезает. Причём, если он в хорошем настроеньи, он по-

является сразу сервированным, а если в дурном — его нужно накрывать.

— То есть, — догадался Василёк, глядя на банку варенья и гадая, какого оно вкуса, — сейчас он в хорошем настроеньи.

— В отменном, — сказала улитка. — Он вообще любит гостей.

— Надеюсь, — произнёс Водяной, отхлёбывая чай. — Наш чайник не подвёл вас, милейшая улитка?

— Нет-нет, — быстро отвечала та. — Очень воспитанный чайник. Мы с ним довольны друг другом.

Василёк накладывал варенье в розеточку. Оно мерцало заманчивым абрикосовым цветом.

— М-м-м, — издал сом неопределённый звук.

— Что такое? — не понял Василёк.

— Я бы попробовал твоё варенье, — сказал сом. — Но у меня нет рук. А плавниками держать ложку весьма неудобно.

— О, конечно, — обрадовался Василёк, ибо мог сделать нечто приятное сому.

Он угостил того охотно, и сом, зажмурившись, произнёс:

— Очень вкусно.

— Абрикосовое? — поинтересовался Василёк.

— Не знаю, — ответил сом. — Я бы сказал — комбинированное.

Василёк отведал варенья.

— Ну и ну, — восхитился он. — Чего тут только нет! И смородина, и черешня, и абрикос.

— Вот-вот, — поддержал сом, — очень насыщенный интересный вкус.

— В ненасыщенном вкусе нет ничего интересного, — молвила улитка. — Я убеждалась в этом много раз. А как ваше варенье, Водяной?

— У меня, как всегда, — ответил Водяной, но совсем даже не грустно, — вода. Но особая вода, сгущённая. Так что, думаю, вкус моего варенья ничем не хуже, чем у других.

Тут сом нырнул, выбросив в воздух фонтанчик пузырьков. Пузырьки весело рассмеялись, соскользнули в варенье, и оно проглотило их.

— Сом иногда устаёт на воздухе, — пояснила улитка.

— А что это были за пузырьки?

— Обычные пузырьки. Те, какие даже варенью по нраву.

Появилась голова сома.

— Не хотите ли ещё варенья, сом? — поинтересовался Василёк.

— Нет, спасибо, — вежливо ответствовал сом. — Мне важно только попробовать, а есть необязательно.

— Что под водой? — спросил мальчик.

— Всё то же, — ответил сом, не то удовлетворённо, не то печально.

— Мы слышали, когда подходили к домику улитки, что креветки...

— Да-да, — вздохнул сом. — Действительно — у креветок депрессия.

— Раньше бы я удивился, — сказал мальчик, — услышав такое, но теперь уже нет — не удивлюсь.

— Да-да, — пояснил сом, — у креветок бывает особая креветочная депрессия. И тут даже улыбка улитки не поможет.

— А какая у вас улыбка, уважаемая улитка? — спросил Василёк.

Улитка охотно видоизменилась — она вся, в один момент, точно сосредоточившись, превратилась в большую улыбку. Улыбка, нежно мерцая, повисела в воздухе и снова стала улиткой, уютно сидящей в кресле.

— Вот такая, — сказал улитка.

— Чудесно! — отозвался мальчик.

— Но даже она не поможет креветкам, — сказал сом. — Им поможет только одно — если они сочинят песенку.

— А почему же они не могут её сочинить? — спросил мальчик.

— На этот вопрос я не могу ответить, — сказал сом. — Знаю только, что с ними не раз такое бывало. Ничего страшного в этом нет.

— Я тоже помню, — сказал Водяной, — креветочную депрессию. В прошлый раз она длилась не очень долго.

— Надеюсь, пройдёт, — добавила улитка.

— Непременно, — сказал сом, зевая. Тут же спохватившись, сказал: — Ох, извините. Вообще-то мне уже хочется спать. Иногда мне кажется, что я не сом, а просто сон.

— А так бывает? — поинтересовался Василёк.

— Бывает, — ответил сом. — Чуть-чуть сом, а немножко сон. Сон мерцает сомом, то есть мною, а сом, то есть я, перетекает в сон. Вот так.

— Не замкнутый ли это круг? — спросил мальчик.

— О нет, — ответил сом. — Под водой не бывает замкнутых кругов. Там всё разомкнуто и плавно. Так что, друзья, до будущих встреч — мне пора. Не хочешь ли, Василёк, на прощанье пожать мой усик?

Василёк захотел, и они попрощались усопожатием. После чего сом нырнул, и было видно, как он вильнул мощным хвостом, прежде чем исчезнуть в глубине.

— Чудесный сом, — сказала улитка.

— И чудесно пообщались, — добавил Водяной.

— Только креветок жаль, — заметил мальчик.

— Нет-нет, — пояснила улитка, — депрессия им бывает даже на пользу. После неё они точно сочинят песенку.

— Ну, тогда ладно, — сказал Василёк.

— Однако, дорогая улитка, — заметил Водяной, — наверно, нам надо прощаться.

— Рада, рада была, — воскликнула улитка, — очень рада была повидать вас, друзья. Надеюсь, варенье не подкачало.

— Нет-нет, — воскликнул мальчик. — Я теперь точно знаю — улитковое варенье не может подкачать.

Струйка пузырьков вырвалась из банки. Они переливались весело, и в каждом вспыхивали, как мини-фонарики, крохотные ягодки или фрукты.

— А это его прощальный салют, — пояснила улитка.

Друзья встали, и столик, померцав, исчез.

— Мы тоже исчезнем, а? — спросили креслица хором.

— Пожалуйста, пожалуйста, — отозвались все. И креслица исчезли.

Улитка прощально покачала усиками. Василёк помахал в ответ и улыбнулся. Взявшись за руки с Водяным, они прыгнули в воду — так, будто это была вполне удобная дверь. Тени замелькали — зелёные, серые, оливковые.

— Кто это? — спросил Василёк.

— Это тени квадратов и треугольников, — отозвался Водяной.

— Мы что-то их не видели сегодня.

— А их не всегда можно увидеть, — объяснил Водяной. — Они любят прятаться порою.

Трава потянулась, и показалось, что сом из неё качает большой головою — но не укоризненно, ибо друзей не в чем было укорять.

Их плаванье усилились, повлекло их вверх и вверх, и они вырвались на воздух и, по-прежнему держась за руки, взмыли над прудом. Естественно, сухие.

— Встретим ли ворону? — поинтересовался мальчик.

— Кто её знает? — отозвался Водяной. — Она, может быть, разучилась превращать грай в дружественные шарики. Где-нибудь сидит и старается восстановить это уменье.

Они летели быстро, воздух качался вокруг, свежий и струистый, крыши домов становились ниже и ниже. Наконец, они влетели в окно и оказались в комнате Василька.

— Чудесно, — сказал мальчик.

— Рад, что тебе понравилось, — отозвался Водяной, похлопывая себя по карманам.

— А как ты исчезнешь на этот раз?

— Пожалуй, так же, как и появился, — сказал Водяной. — Через лейку, — он подошёл к подоконнику, опустил палец в лейку и стал таять в воздухе. Потом достал палец и сказал: — Пока, Василёк.

— Когда увидимся? — спросил Василёк.

Водяной улыбнулся загадочно, погрузил палец в лейку и — растаял.

Жалко, он не стал уходить через маленькую капельку, подумал мальчик, глядя в окно.

Путешествие 6-е

— А не смогли бы мы играть зимой? — спросил Василёк Водяного, когда он появился в следующий раз.

— Едва ли, — ответил Водяной, сидя на диванном валике и болтая ножками. Он был маленький пока. — Зимой Водяные обычно спят, — пояснил он.

— А-а-а, — разочарованно протянул мальчик.

— А что, — оживился Водяной, — ты любишь зиму больше лета?

— Да нет, конечно, — отозвался мальчик. — Просто представилось, как мы с тобой катаемся с горок.

— Ух ты, — воскликнул Водяной, скатываясь с диванного валика. — Вперёд, на Водяном! — крикнул он, увеличиваясь и становясь размером с мальчишку.

— Разве на тебе можно кататься? — спросил Василёк.

— А то, — подбоченясь, ответил Водяной. — Кстати, я хотел предложить тебе —

занимательная прогулка на Водяном. Ты не против?

— Не знаю, — сказал мальчик, поёживаясь. — Как-то неудобно. Всё вместе и вместе, а тут — верхом на тебе. Ты же не санки.

— Я, разумеется, не санки, — отозвался Водяной. — Я гораздо лучше. Ну, давай.

Он опустился на четвереньки и, будто маленькое креслице, подхватил слегка растерявшегося мальчишку. Потом вылетел в окно.

Сидеть на Водяном было удобно — он был мягкий, слегка подрагивающий в полёте, а летел он — быстро.

— У тебя как — голова не кружится? — поинтересовался он.

— Не-а, — отозвался мальчик, — уже привычно оглядывая воздух. — Ты знаешь, — добавил он, — на тебе, оказывается, сидеть очень приятно.

— Ещё б, — отозвался Водяной и запел:

Булочки с повидло
Лопать не обидно.
Но обидно, если нас
Слопают они сейчас.

— Ты что? — удивился мальчик. — Какие булочки? Откуда они возьмутся в воздухе? И почему они должны нас слопать?

— О, это такие особые лопающие булочки, — пояснил Водяной. — Встретил я как-то парочку. Так чуть и впрямь меня не слопали. Но тебе нечего бояться, коли ты со мной. Нам не страшны никакие булочки! — мальчик, в первый раз услышавший, что булочек можно бояться, хмыкнул недоверчиво. — А вон, кстати, одна летит, — воскликнул Водяной.

— Так они ещё и летают, — восхитился мальчишка.

— Ну да, — сказал Водяной, ловко сбрасывая Василька и ловя его за руку.

Булочка — довольно крупная, важная — летела прямо на них, разевая пасть. Да-да — у этой странной булочки была пасть — и она разевала её так, что виднелось повидло. А были у неё зубы или нет — оставалось непонятным.

Друзья ловко увернулись от булочки, причём Василёк на лету ухитрился поймать немного повидло и тотчас съесть его. Булочка обернулась, недовольная.

— Вот ещё, — сказала она. — И сама ничем не поживилась, и повидло растеряла.

Тем не менее, она полетела вперёд, и воздух точно расступался перед нею.

— Такие булочки, — пояснил Водяной, — не умеют поворачивать. Они очень прямолинейны.

— Лопающая, летающая, прямолинейная булочка, — задумался Василёк. — Это нечто.

— Чего только не встретишь, а? — лукаво подмигнул Водяной. И Василёк согласился.

Они парили, держась за руки. Воздух плавными кругами тёк вокруг.

— А воздух не может сгуститься в воду? — вдруг спросил Василёк.

— Этот? Нет. Зачем же ему сгущаться?

— Да, я ещё спросить хотел: а эти лопающие булочки — они что, всё лопают?

— Вообще, насколько я знаю, — ответил Водяной, — они всеядны. Но в последнее время, говорят, появились разновидности — те, что питаются только чем-то одним...

— А чем одним?

— Ну, мечтами, к примеру...

— Разве мечтами будешь сыт?

— Как знать, как знать, — отвечал Водяной философически. — У каждой булочки — свой рацион.

— А мне иногда хочется питаться одними булочками, — заметил мальчик.

— Тебе станет скучно от такого питанья, — заметил Водяной.

— Ну, тебе ж не скучно питаться только водой!

— Я другое дело. Я так устроен.

— Жаль, нельзя быть устроенным так, чтобы питаться только булочками, — заметил Василёк.

Они пролетали какую-то длинную мачту.

— Может быть, посидим? — предложил Водяной. Мальчик согласился.

Они уселись на перекладине, болтая ногами. Вдруг воздух сгустился вокруг их движений, и из него возникло маленькое существо — розоватое и пушистое.

— Ты кто? — спросил мальчик.

— Мог бы и сам догадаться, — ответило существо. — Я — болтанье.

— Нашими ногами? — уточнил Василёк.

— Ну, конечно, — подтвердило существо.

— То есть, если ты улетишь — мы не сможем дальше...

— Сможете, сможете, — сказало существо весело. — Болтаний много. Просто мне захотелось отделиться и полетать самостоятельно, — и оно улетело.

А друзья продолжали болтать ногами, как ни в чём не бывало.

— Интересно, способна ли булочка слопать болтанье? — поинтересовался мальчик.

— Вполне возможно, вполне возможно, — отвечал Водяной. — Но я, конечно, не знаю, придётся ли оно ей по вкусу.

Ещё немножко посидев, друзья, взявшись за руки, полетели дальше.

— Покувыркаемся в воздухе? — предложил Водяной. Мальчик согласился охотно.

Они кувыркались, созидая занятные, по цвету похожие на алюминий, кольца. Мальчик немножко повисел вниз головой, потом перевернулся, перескочил через Водяного, который рассыпался суммой весёлых брызг. И снова собрался — улыбающийся, лукавый.

— Вот это веселье! — воскликнул Василёк.

Нечто маленькое и золотое порхало рядом, и мальчик схватил его, но тут же выпустил.

— Жжётся, — объяснил он.

— Ещё бы, — сказал Водяной. — Это одна из брызг.

— Из тех, на какие разлетелся ты?

— Ну да.

— Но ведь ты Водяной? Как же она может жечься?

— А никак, — сказал Водяной. Он поймал брызгу и добавил: — Но жжётся, — он подул на неё, и она стала белой. — Теперь не будет, — произнёс он, протягивая её мальчику. Василёк подержал её два-три мгновенья и отпустил. У брызги появился крошечный хвостик, которым она и помахала в воздухе, улетая. — Значит, всё в порядке, — подытожил Водяной. — Мы не стали добычей булочки, и брызга не обожгла тебе руку. Про болтанье я не говорю — от него не приходится ждать чего-нибудь плохого.

— То есть? — начал было Василёк.

— То есть полёт можно считать успешным, — ответил его друг.

— А мне вдруг вспомнилось, — сказал Василёк, — как улитка превращалась в улыбку. У неё это здорово получалось — улыбка была ничуть не менее мила, чем улитка.

— Все настоящие улитки таковы, — молви Водяной. — Именно поэтому они и зовутся настоящими.

Крыши домов тянулись внизу, и машины струились в ущельях меж ними пёстрыми потоками. Водяной дунул — и шустрые шарики полетели вниз, превращаясь в плоские блики. Блики разноцветно поиграли на крышах машин и растаяли.

— Они красивые, — сказал мальчик.

— Но никогда не бывают долговечными, — пояснил Водяной. — Поиграют несколько минут — и восвояси.

— А где у них свояси? — полюбопытствовал Василёк.

— Свояси бывают разные, — объяснил Водяной. — У этих они где-то в серединке моего дыханья.

И он дунул снова, произведя забавные колечки. Мальчик схватил одно рукой, оно посверкало, сделалось прозрачным и исчезло.

— У колечек тоже бывают свояси? — спросил Василёк.

— Конечно. Свояси бывают у всех.

Другие колечки затеяли чехарду, потом догонялки.

— Не потеряются? — обеспокоился мальчик.

— Нет-нет, не бойся. Ничто не теряется в мире. Хоть он и велик.

Колечки были уже далеко, но ни крылышек, ни хвостов у них не возникло — они так и исчезали милыми сверкающими колечками.

Дом Василька был близко. Окно, открытое широко, ожидало друзей, как верная дверь.

Не обращаясь ни к кому, Водяной сказал:

— Просто не знаю, как закончить эту главку.

Но мальчик понял его. Он сказал:

— А давай просто исчезнем?

— Просто исчезнем? — переспросил Водяной. — А это мысль.

И они растаяли в воздухе. После чего Василёк появился в своей комнате и сел за книгу.

Путешествие 7-е

— А почему бы, — спросил Водяной, — нам не отправиться вот в эту книжку?

Он прохаживался вдоль книжного шкафа Василька — в синеньком костюмчике, обычный такой человечек, и никто бы, если бы взглянул со стороны, и не предположил, что это Водяной.

Он снял с полки «Алису в стране чудес».

— Ты ведь любишь её? — спросил Василька.

— Ага, — ответил тот. И поинтересовался: — А как же мы туда отправимся?

— Очень просто, — ответил Водяной. — Просто нырнём. Как в бассейн.

— Ух ты! — восхитился мальчишка. — Здорово.

— Бери меня за руку, — предложил Водяной, раскрывши книжку, и положив её на диван.

И Василёк взял. Они уменьшились — как всегда легко, безболезненно, не страшно — и прыгнули в книжку.

Страницы плюхнули водой — и зашелестели счастьем.

Трудно сказать — парили друзья или плыли, но через сколько-то минут — коротких, как все минуты — выскочили они на поляне. Поляна отливала розовым золотом и играла лёгкими зелёными огнями, а дворец Герцогини поднимался из-за деревьев.

— Или Королевы? — спросил Василёк.

— Или Королевы, — ответил Водяной. — Какая, в сущности, разница?

— Никакой, — послышалось откуда-то сбоку и сверху — одновременно.

— Так не бывает — одновременно сбоку и сверху, — сказал мальчик.

— Почему? — удивился Водяной. — Я думал, ты уже привык к тому, что в нашей сказке всё бывает.

— Никакой, — вновь, правда, на этот раз не к месту, прозвучало — с растяжкой и басовито.

На огромном грибе сидела гусеница и курила кальян.

— Знаешь, — сказал Водяной, — я сейчас позабыл эту сказку. Моё детство кончилось давно. Поэтому давай сочинять детали по ходу дела.

— Ага, — согласилась гусеница, куря кальян.

Колечки дыма завивались причудливо, соединялись, играли между собой.

— А я бы поиграл с вами, — сказал Василёк.

Внутри одного из колечек зажглись малиновые глаза.

— Так в чём же дело? — сказало оно. — Прыгай сюда.

И Василёк, сделавшись кольцеобразным, прыгнул. Ощущение было очень приятное — точно погрузился во что-то ласковое и мягкое. Он заскользил с колечками, плавно перетекая то в одно, то в другое, меняя цвета — как меняли они.

— Мне больше всего понравилось быть зелёным, — сказал он Водяному потом, когда стал обычным мальчиком.

Они шли по тропке, петлявшей забавно — забавность заключалась в том, что вокруг тропки всё время хрюкотали зелюки.

— Вот как оказывается они хрюкочут, — сказал мальчик.

— Ну да, — ответил Водяной, — это фирменное хрюкотанье зелюков. Но не забывай ещё про шаньков.

Хливкие шаньки тотчас высунулись из травы. Были они пушистые и синенькие.

— Что зелёный! — пискнул один из шаньков. — То ли дело синенький. Вот мы все синенькие — и счастливы этим.

— А я вообще золотистая, — раздался новый писк.

— Ой, Водяной, и она здесь. Это ж козявка-малявка.

— А почему бы мне не быть здесь? — отозвалась козявка. — Я тоже хотела в сказку. Тем более, что с шаньками мы всегда найдём общий язык.

Шаньки подтвердили. Все они спрятались в травы и возились там, посверкивая, как светляки.

— Наверно, — предположил Василёк, — светляки произошли из осколочков солнца. Солнце же большое, что ему потерять немножко осколочков.

— Наверняка, — сказал Водяной.

— А куда мы идём? — спросил мальчик.

— Это совершенно неважно, — послышалось неожиданно, и в воздухе возникло мерцанье. Из мерцанья образовалась улыбка Чеширского кота.

— Вот и он, — воскликнул мальчик.

— Как же без него, — утвердил Водяной.

Голова кота парила в воздухе.

— Ага, вы у нас! — резюмировала она. — Значит, вы тоже слегка... наши...

— А бывают не наши? Тут, в смысле, бывают? — спросил мальчик.

— Нет, — ответила голова. — Только наши — и никаких других. Тут вечно творится... впрочем, вы сами знаете.

Голова исчезла, и открылся сад, где за длинным столом сидели Шляпник, Соня...

— А кто ещё? — остановился в раздумье Водяной. — Я забыл...

— Хотя бы Мартовский Заяц, — сказал Василёк.

Заяц тотчас возник — разумеется, он был во фраке. Сев за стол, он поставил цилиндр рядом с чашкой, которая сразу же наполнилась чаем.

— Я опоздаю к Королеве, — воскликнул Заяц. — О, ужас, я опоздаю к Герцогине. Я всюду опоздаю.

Он обхватил голову руками и закачал ушками.

— Это потому, — зевая, ответила Соня, — что ты вечно торопишься. Сидел бы спокойно, пил чай, нет же — бежишь, бежишь, будто так и нужно.

— Так и нужно, — сказал Заяц.

А Шляпник ничего не сказал, ибо был занял чаем, хлебом и джемом.

— Ничего не нужно, — зевнула Соня и, забыв про чай, задремала.

— Кроме доброго отношенья друг к другу, — сказал Водяной.

— Думаете? — Шляпник поднял на них глаза. — А мне вот интересно, почему чай люди пьют, а джем едят? Нельзя ли наоборот?

— Никак нельзя, — сказал Василёк. — Впрочем, попробуйте, может, у вас и получится.

— Я пробовал, — сказал Шляпник. — Только перемазался джемом и облился чаем. И ничего более.

Друзья оставили компанию и обогнули домик.

— Милый домик, — сказал Василёк.

— И ребятки милые, — добавил Водяной.

— Жаль только, что им вечно приходится пить чай, — заметил мальчик. И спросил, заметив нечто необычное: — А это что такое?

— По-моему, это лабиринт, — сказал Водяной.

— Разве в этой сказке был лабиринт?

— Сказка сама лабиринт, — пояснил Водяной. — Всякая. Поэтому входим.

И они вошли. Малиновые шарики вспыхнули и рассыпались карточным бархатом.

— Как это — карточный бархат? — спросил Василёк.

— Это бархат, из которого могли бы быть сделаны карты. Могли — но никто их не сделал, и они остались бумажными.

Лоскутки карточного бархата витали вокруг. Два или три опустились Васильку на плечи и растаяли, как капельки воды.

— Вот и славно, — сказал Водяной, но не уточнил, что имеет в виду.

Они шли и шли. Они прошли замок Герцогини и замок Королевы. И там и там творились странные дела — котлы закипали без огня, Валет качал дитя, превращавшееся в карася и порося одновременно, и всюду хрюкотали зелюки. На площадке играли в крокет, и ежи ловко разбегались, причём у каждого было по шесть ножек.

— А это что за дерево? — спросил Василёк, увидев огромное, зыбкое, мерцающее, частями исчезающее дерево.

— Это дерево фантазий, — объяснил Водяной. — К сожаленью, оно почти исчезает, когда ты вырастаешь.

— Я не хочу вырастать, — сказал мальчик.

— Все дети не хотят, — развёл руками Водяной. — Но тут уж ничего не попишешь.

Медленно, начиная с улыбки, возникла голова Чеширского кота.

— Пописать надо сказки, — сказал он. — А вовсе не ничего. Ничего пописа́ть было бы очень скучно.

— Отрубите ему голову! — послышалось властное.

Голова улыбнулась и стала таять в воздухе.

Лабиринт длился и ветвился дальше.

Кот в сапогах проехал в карете. Он сыто облизывался — явно только что съел мышку, которая когда-то была великаном.

— Так-то, — сказал Василёк, неизвестно что имея в виду.

Лабиринт мерцал, части его золотились, он изгибался, края его раскрывались, и в одном из них мелькнул минотавр — о каком Василёк недавно читал книжку.

— Ой, — дёрнулся мальчик. — Страшно.

— Нет ничего страшного, — улыбнулся Водяной. — Страшно только быть недобрым.

— Думаешь?

— Уверен.

Лабиринт изогнулся очередным витком, и они выпали — но не больно, даже не

ударившись, возле книжного шкафа Василька.

Раскрытая книжка лежала на диване.

— Странно, что мы не встретили Алису, — сказал мальчик.

— Ну, ты её будешь встречать каждый раз, когда откроешь сию сказку, — молвил Водяной.

— Да, я и позабыл.

— А теперь мне пора, — сообщил Водяной.

Они попрощались. Водяной — по методу Чеширского кота — стал таять в воздухе. Улыбка его задержалась на некоторое время, но потом тоже пропала. А мальчик поставил книжку на полку и стал припоминать детали прогулки.

Путешествие 8-е

— Главное — контуры и силуэты, — говорил Водяной, удобно расположившись на диване.

На этот раз он выплыл из крана в ванной, приветствовал Василька, тут же увеличился, немного брызгаясь, и они перешли в комнату.

— Как это главное? — спросил Василёк. — Я как раз всегда считал, что главное — это то, что внутри этих самых контуров и силуэтов.

— Нет-нет, — сказал Водяной уверенно. — Подумай сам, если бы не контуры и силуэты, то что бы могло наполнить их?

— А есть ли контуры у мечты? — полюбопытствовал Василёк.

— Пожалуй, — отозвался Водяной. — Хотя достаточно зыбкие, точно размытые дождём.

— А ты, как Водяной, наверное, любишь дожди?

— Дожди, пруды, ванные — вообще любую воду. Водяной не может без воды, — констатировал Водяной, подняв указательный палец.

— А ты говорил, что вода и воздух дружат, — напомнил Василёк. — Значит, ты и воздух любишь?

— Конечно. Дождик же капает из воздуха. Впрочем, и суша дружит с водою и воздухом — так что я и её люблю, — он помахал ручками, и спросил: — Ну, куда мы отправимся на этот раз?

— А из чего можно выбирать?

— О, из всякого. Впрочем, это всякое — всегда ограничено. В этом его суть, и от этого несколько грустно. Но мы с тобой грустить не будем, правда? — Василёк кивнул. — Тогда отправимся в воздушную прогулку по крышам.

— Здорово, — восхитился Василёк. — А как мы это сделаем?

— Очень просто, — сообщил Водяной. — Просто лучше, чем сложно, я так полагаю. Сначала мы нырнём в трубы и по ним, по воде — ты ведь не забыл правило, помогающее дышать в ней? — поднимемся вверх, выше и выше, и выскочим уже на крыше.

— Рифма получилась, — сказал Василёк. — Выше — крыши?

— А ты любишь рифмы? — поинтересовался Водяной.

— Никогда не задумывался, — честно признался Василёк.

— Ну, пошли.

И они отправились в ванную.

— Стой, — испугался Василёк, — а вдруг прогулка сорвётся? Ты можешь уменьшаться и увеличиваться, а я-то как?

— Ну, я же с тобой, — успокоил Водяной. — Значит, всё получится. Бери меня за руку.

Василёк взял, и тотчас всё завертелось, закружилось; Василёк почувствовал, что он уменьшается, что было забавно, а вовсе не страшно, ибо его друг Водяной был рядом и уменьшался с такой же скоростью. Они синхронно вращались некоторое время, а потом с лёгкостью необыкновенной ввинтились в кран. Снова, как в прошлые разы, Василёк представил, что вода — это воздух, и задышал — совершенно свободно. Вода была повсюду, она несла их, качала, иногда замедляя движенье, потом накатывала новой волной, и они неслись, неслись. Было здорово.

Наконец, новый гребень выбросил их на крышу — сухих и невредимый, маленьких, держащихся за руки.

— Уф, — выдохнул Водяной. — Ну, как тебе понравилось?

— Очень понравилось, — отозвался Василёк.

Они стояли посреди крыши, как будто посреди каменной поляны, и солнце играло весело-весело, и зайчики перемигивались с ними.

— Знаешь что? — сказал Водяной. — Я думаю, здесь не стоит увеличиваться. Это излишне.

— Так мы останемся маленькими? — уточнил Василёк.

— Ну да. По-моему, это оптимальный вариант.

Один из зайчиков, только что перепрыгнувший через другой, разогнулся и заметил:

— Маленьким быть вообще приятней, — а спохватившись, добавил: — Здрасьте.

— Здравствуйте, — ответил Василёк. — Не позволите ли поиграть с вами?

— Надо же, — удивился зайчик, — первый раз у меня спрашивают позволенья на это. Обычно нас просто используют в своих целях.

— Поиграй, поиграй, — сказал Водяной. — А я немножко полюбуюсь солнышком.

— Сегодня оно очень яркое, — отозвался зайчик. — Смотрите, как бы не натрудить глаза.

— Ничего, — ответил Водяной. — У меня водяные глаза, и им ничего не будет от яркого солнышка.

И какое-то время Василёк играл с зайчиками — он прыгал с ними, резвился, догонял их, хватал в шутку — они были солнечно-пушистыми, очень приятными на ощупь — смеялся, бегал с ними наперегонки. Несколько зайчиков перепорхнули через край крыши и полетели куда-то, ловко растворившись в воздухе.

— Теперь, — сказал, наконец, старший, — нам пора прощаться. Спасибо за игру.

— И вам спасибо, — отозвался Василёк. — Мне ещё никогда не было так весело.

Старший построил всех зайчиков по росту, если понятие рост применимо к таким кругленьким и маленьким существам, скомандовал, и они взлетели, как небольшой косяк птиц. Через минуту их уже не было видно.

Водяной смотрел на солнце.

— Не слепит? — поинтересовался Василёк, подходя к нему.

— Нет, — ответил Водяной. — Водяные вообще могут долго смотреть на солнце, — он перевёл взгляд на приятеля. — Ну, — подытожил, — думаю, хватит теперь. Можно пойти погулять.

И они пошли. Обогнули одну трубу и приблизились ко второй.

— Эта труба напоминает мне жилище Тюни, — сказал Василёк.

— Да, пожалуй, только её домик побольше.

Они подошли к трубе совсем близко, и из неё раздалось сопенье.

— Неужели и тут кто-то живёт? — удивился Василёк.

— А как же? — сказал Водяной. — Всюду кто-то живёт. Вероятней всего Хохрик. Или Мыхрик, — предположил он, подумав.

Сопенье усилилось, из трубы повалил серебряный пар, сменившийся брызгами, потом вытянулась мордочка и показалось всё тело — длинное, гладкое, крапчатое.

— Точно, — сказал Водяной. — Это Мыхрик.

— А вы кого ждали? — спросил Мыхрик, сворачиваясь кольцом, наподобие собачки, и лапками протирая глаза.

— Возможно, Хохрика, — ответил Водяной.

— Хохрики живут в норах, — сообщил Мыхрик. — причём рытьё нор у них доведено до совершенства — они способны прорыть их даже в воздухе.

— Невероятно, — вздохнул Василёк. — А как они это делают?

Если бы у Мыхрика были плечи, он бы ими пожал, а так ему пришлось помахать хвостом.

— Честно говоря, я и сам не знаю, — отозвался он. — Они становятся невидимыми и вращательными движеньями прорывают в воздухе туннели. Потом загибают их, увенчивают чашечками, и в них уже живут. Наверно, хорошо. Не знаю — никогда не встречал ни одного Хохрика.

— А вы, Мыхрик, живёте в трубе?

— Почему, не только. Но в основном — да.

Водяной почесал ладошку. Капелька, брызнувшая из неё, попала Мыхрику на нос, и тот облизнулся.

— Это была серебряная капелька, — сказал он. — Я больше люблю золотые. Они очень сладкие.

— Пожалуйста, — сказал Водяной. — Мне не жалко.

Он почесал другую ладошку, и капелька получилась золотой. Такой он и поднёс её Мыхрику — на ладошке, и тот слизал и поблагодарил.

— Вот, — прибавил он, — можно считать, и пообедали.

— Вам достаточно всего двух капелек?

— Вполне. Мы, Мыхрики, существа непривередливые. Особенно в дни, когда светит такое яркое солнце.

— Вы, Мыхрик, тоже любите смотреть на солнце? — спросил Водяной.

— О, конечно. Кто же не любит этого?

— Мой друг Водяной, — сообщил Василёк, — сегодня долго смотрел на солнце. Пока я играл с его зайчиками.

— Да, они часто тут прыгают. Но потом всегда улетают.

— А не слепит ли вас солнце? — спросил Василёк. — Я имею в виду, если долго смотреть...

— Нет-нет, — отозвался Мыхрик. — Для этого у меня есть специальные мыхриковы очки, — он свистнул, и очки, забавно передвигаясь, вылезли из трубы и подкатились к друзьям, как маленькие сдвоенные колёса. — Поздоровайтесь, — сказал Мыхрик.

Очки поздоровались вежливо, ибо это были не только мыхриковы очки, но и ещё очень вежливые очки.

— А я вообще не встречал невежливых очков, — заметил Василёк. — Но обычно они молчат.

— Мы тоже не особенно говорливы, — заметили очки.

— Вы? Разве вас двое?

— Нет, мы одни, — пояснили очки. — Но состоим из двух стёкол.

— Теперь, если вы не против, мы с очками поглядим на солнце.

— Мы не против, — отозвались друзья.

— Тем более, — сказал Водяной, — что и сами мы собирались прогуляться.

Очки закатились к Мыхрику на нос, и он стал глядеть на солнце. Очки при этом блестели, очень довольные. А друзья пошли дальше — гулять по крыше.

— Смотри, — сказал Водяной. — Теперь ты сам можешь убедиться, что самое главное — это контуры и силуэты. Контуры домов и силуэты труб.

— Всё же, по-моему, ты не прав, — ответил Василёк, — если бы были одни контуры домов, где бы мы жили? А ты сам?

— О, я б всегда нашёл себе убежище. Вернее, пристанище.

— А можно убежать из убежища в пристанище?

— Можно, я думаю. Но не пробовал пока. А вот, смотри, какой красивый силуэт трубы!

Кажется, силуэту понравилось, что говорят о нём. Он кокетливо повернулся, отделился от трубы и подплыл по воздуху к приятелям.

— А вы похожи на гобой, уважаемый силуэт, — сказал Василёк.

— Что ж, возможно, я когда-нибудь и стану гобоем, — ответил силуэт. — Но даже и теперь, когда я всего лишь силуэт, очень приятно, что я кому-то понравился.

Не спускаясь на крышу, он отвесил приятелям два очень изящных поклона и отправился путешествовать по воздуху.

— А он не вернётся к трубе? — поинтересовался Василёк.

— Нет, зачем ему это, — ответил Водяной. — А труба не будет переживать, она вырастит себе новый.

— Разве можно вырастить силуэт?

— А как же. Необходимо — если твой решил стать гобоем и отправился путешествовать по воздуху. И контур тоже можно вырастить. Если растить его хорошо, с нежностью, он будет весьма пушист.

По дороге — точнее, по крыше — им попадались то и дело мелкие камешки... Василёк поинтересовался, откуда они здесь берутся.

— Они падают с неба, — ответил Водяной. И добавил: — Когда никто не видит.

— А может быть, они и оживают, когда никого нет?

— Конечно, — ответил Водяной. — Но не только когда никого нет. Смотри.

Он дунул, но как-то по-особенному, с брызгами — и камешки тотчас поднялись с мест и закружились хороводом.

— Как хорошо, что нас ничего не привязывает к месту, — верещали они, — как хорошо, что мы можем виться, как птички.

Они были разноцветные, и крыша озарилась малиново-золотистым сияньем, в котором проскальзывали зелёные крапинки. Потом они организовались в подобие косяка и, как до этого солнечные зайчики, улетели.

— Интересно, им известно направленье, в котором они полетят?

— Пожалуй, — отозвался Водяной. — А может, и нет. Главное, что они улетели.

— Вот скажи, — спросил мальчик, — мы путешествовали с тобой по воде, по крыше, а можно ли путешествовать по огню?

— Да, — откликнулся его друг. — Я же говорил тебе, что вода дружит с воздухом, значит, и с огнём тоже. А я дружу со всеми. На то я и Водяной.

— И тебе не страшен огонь?

— Конечно, нет. Огни вообще-то бывают разные. Тот, что я выращу сейчас — не страшен никому.

И Водяной щёлкнул пальцами, из которых тотчас выбросились снопы искр. Они увеличивались, переливались, в них замелькали дуги и полукружья, и огонь — полноценный огонь размером с куст — возник на крыше — рыжий, как лисий хвост.

— Досточтимый огонь, — обратился к нему Водяной. — Позвольте нам с другом слегка попутешествовать по вашим зигзагам.

— Пожалуйста, — ответил огонь. — Заходите.

И, взявшись за руки, они зашли — так легко, как входят в дверь. Но двери у огня не было — была сумма разной длины коридоров, которые играли красным, жёлтым, оранжевым цветами и выращивали на своих стенах невиданные цветы.

Василёк сорвал один из них, чтобы рассмотреть повнимательней. В середке у него был крохотный камушек, из коего и рос огнистый цветок.

— Увы, — сказал Водяной, — ты не сможешь взять его с собой. Такие цветы живут только внутри огня.

Они походили ещё немного и, насладившись сполна разнообразными видами, какие дарил огонь, вышли из него наружу. То есть на крышу.

— Спасибо, — сказал Водяной. — Нам очень понравилось.

— Не за что, — ответил огонь и погас — скорее быстро, чем медленно.

— Теперь, — предложил Водяной, — мы пролетим подземным коридором.

— Разве таким коридором можно лететь? Я думаю, скорее ползать.

— Ползать тоже можно, но летать удобней. Ну, раз-два.

Мальчик снова взял друга за руку и зажмурил глаза, как попросил Водяной. А когда открыл их, вокруг были серые и черноватые стены — странные каналы переходили один в другой, и корни свешивались, как причудливые украшенья.

— А тут совсем не страшно, — сказал Василёк.

— Конечно. Страшного вообще не бывает. Всё осмысленно, надо только уметь видеть.

Шланг — тот самый, из финала их первого путешествия — возник на пути — он поднялся лоснистой, никогда никого не жалящей змеёй, выпустил немного воды в знак приветствия и спросил:

— Не хотите ли полететь на мне на крышу?

— О, это было б чудесно, — сказал мальчик.

Змея-шланг подобралась к ним поближе, и они сели верхом, как на лошадь.

— Только надо зажмуриться, — предупредил шланг.

Василёк зажмурился и дальше вслушивался в ощущенье полёта — манящее, весёлое. Уже на крыше, распрощавшись со шлангом, отправившимся восвояси, он сказал Водяному:

— Я налетался на всю жизнь.

— Что ты, — откликнулся друг, — налетаться на всю жизнь невозможно. Но теперь тебе предстоит окончательный, водный полёт.

— Какой же?

— Домой.

Васильку стало немножко грустно, но Водяной утешил его, сказав, что все путешествия и предпринимаются для того, чтобы вернуться домой.

Они снова взялись за руки, но зажмуриваться было не нужно.

Они мчались в сердцевине доброжелательного водного потока, и мальчик узнавал и настоящую улитку, ласково качавшую рожками, и весёлых креветок, и лобастого мудрого сома, и джинна, улыбнувшегося ему добродушно, и многих-многих других, с кем довелось встретиться.

Вырвавшись из крана, они съехали, как по снежной горке, по боку раковины, и Водяной — умело, как всегда — увеличил и мальчика, и себя.

— Ну, вот и всё, — сказал он. — Пора прощаться.

— Совсем? — спросил Василёк, стараясь не показать, что ему всё же грустно.

— Что ты, просто на время, — воскликнул Водяной. — На время, ибо запомни — ничто хорошее никогда не кончается в жизни. Просто нужно уметь видеть это хорошее. Видеть — и сохранять его в себе.

И он снова, закрутившись ловким винтом, взмыл вверх, вспыхнул перламутровою игрою огней и стал маленькой капелькой, растаявшей на ладони Василька.

А мальчик сел к окну и, глядя на двор, стал думать о том, что ничто хорошее никогда не кончается.

Иван ОБРАЗЦОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА
в историческом контексте

О связи творчества Вячеслава Шишкова с направлениями современной прозы

Анализировать русскую литературную традицию с точки зрения собственного художественного опыта, с одной стороны, довольно трудно, с другой — вполне закономерно. Но часто именно такой тип анализа позволяет не только уточнить, но и выявить глубинные связи внутри традиции, тем самым показав потенциальные пути развития. Будучи автором и непосредственно понимая те личные авторские мысли и вопросы, которые заложены в моих произведениях, сейчас хотелось бы из соображений литературоведческих и даже литературоцентричных проследить художественную связь некоторых авторских способов письма от конца XIX века до наших дней через ту художественную традицию, к которой, на мой взгляд, относится и творчество Вячеслава Шишкова, и мои прозаические произведения в форме «малый роман». Проследить общие контуры такой связи необходимо, прежде всего, по причине фиксации реалий в современных направлениях русской художественной прозы, которая, пройдя ряд этапов естественного развития, выражает сегодня актуальную картину мира. Хотелось бы обратить внимание на связь реализма, соцреализма и того, что в сегодняшнем литературном мире можно обозначить как «социальная диагностика».

Диагностика, имея в своей основе аналитический способ выявления симптомов, в случае обращения к социальным вопросам с помощью художественной литературы становится своеобразной формой пророчества. Именно такой способ взаимодействия с массивами языка, его диалектными особенностями и потенциальной будущностью литературно-духовного канона характерен в целом для творчества Вячеслава Шишкова и в частности — романа «Угрюм-река». Данный взгляд на главное творческое достижение писателя важен не в качестве комплиментарного комментария, а скорее по причинам филологического характера, так как позволяет проследить ранее практически не исследованную сторону бытования духовного канона в традиционном для русской культуры прозаическом способе выражения.

Говоря о социальной диагностике, важно понимать, что она возможна в литературе только через язык, который накладывает ряд мировоззренческих рамок. Для традиционной русской литературы и вообще русской культуры это, прежде всего, парадигматические рамки христианского мировоззрения православного толка. В данном контексте Шишков-писатель имеет особенный стиль письма — таким утверждением необходимо открывать не столько исследовательский материал о творчестве писателя, сколько вообще его произведения. Дело в том, что само внимание к творчеству Вячеслава Шишкова требует понимания того, что в нём привлекает и, ещё важнее, что именно является тем фундаментом, на котором и строится художественная речь автора. Герои Шишкова оказываются глубоки в своих духовных проявлениях, но не в том смысле, что они философы, а в том, что их наполняют глубоко христианские стремления и терзают общечеловеческие вековые соблазны, и этот аспект всё больше находит выражение в современных оценках творчества писателя[1].

[1] Богумил Т.А., 150 лет со дня рождения инженера, писателя В.Я. Шишкова (1873-1945) // Алтайский край, 2023г.: календарь знаменат. и памят. дат. — Барнаул: АЗБУКА, 2022, с. 137-138.

Широко известны попытки сопоставления творчества Вячеслава Шишкова с художественными поисками Ф. Достоевского, Г. Гребенщикова, М. Шолохова, В. Распутина, В. Шукшина. Но сегодня необходимо более глубоко посмотреть на связь проблематики творчества Шишкова с тем, что в парадигме русского православия представляют из себя такие понятия, как «корысть», «похоть», «жестокосердие», «слабость» и в целом — «страсть». И здесь прекрасной иллюстрацией могут послужить не только роман «Угрюм-река», но и такие произведения, как повесть «Страшный кам», рассказ «Краля». Это тем более оправдано, учитывая принадлежность Вячеслава Шишкова к христианскому вероисповеданию, чьи основные догматы, несомненно, были хорошо известны автору и являлись непосредственным контекстом его личной жизни, впрочем, как и жизни героев его произведений. В этом смысле отмеченный специалистами «духовный реализм» Шишкова кажется намного более оправдан, чем искусственно сформированное представление о якобы антирелигиозности писателя[1]. Поиск духовной истины, истина как сущностный мотив человеческой жизни и смысла — эти установки являются необходимыми концептами при оценке творчества Вячеслава Шишкова, его философского и нравственного содержания[2].

Достоинство Шишкова-рассказчика в том, что он избегает идеологических споров, выводя своих героев по-человечески живыми и погружёнными в повседневные, даже бытовые проблемы. А учитывая, что события произведений разворачиваются внутри человеческого сообщества как цельного и состоявшегося социального организма, то, по существу, мы наблюдаем тип художественной диагностики общества или социальной диагностики.

Шишков-писатель — это взгляд на повседневное зло через призму православно-христианских идеалов. Довольно редко такой взгляд находит выражение в современной русской литературе, но тем он и ценнее. Если говорить о романе «Угрюм-река», то в нём рассматриваются такие страсти, как: корысть, похоть, гнев, но в то же время и такие позитивные чувства, как любовь и самопожертвование. Мировоззренческая картина мира в описании данных явлений человеческой души происходит не из обобщающего христианства, а именно из духовных традиций русской национальной культуры. Это важное уточнение, которое позволяет провести линию традиции, когда можно выстроить такой обобщающий ряд романов в хронологическую линейку, где «Угрюм-река» соотносится с романами «Братья Карамазовы» Достоевского, «Чураевы» Гребенщикова, «Тихий Дон» Шолохова и «Любавины» Шукшина. В новейшее время такую связь можно обнаружить в произведениях Юрия Мамлеева «Шатуны», «Другой» и Владимира Маканина «Голоса», «Отдушина», «Кавказский пленник», принявших крайнюю форму выражения в «малых романах» автора данной статьи «Краеугольный кирпич», «Нисхождение», «Кенотаф», «Тварь». В определённом смысле роман современного прозаика Романа Сенчина «Елтышевы» также включается в этот хронологический и мировоззренческий ряд художественных произведений.

Здесь никак нельзя принять общее обозначение «соцреализм» для данного направления художественной прозы постсоветского периода, так как это обозначение имеет под собой узкую идеологическую базу одного типа политических взглядов. Ведь общество, социум в своём развитии показывают, как многие политические, религиозные, культурные трактовки реальности «переплавляются» в социальном теле общественного организма, и именно это социальное тело и является той основой, на которой выстраиваются взаимозависимости исторического и духовного пути народов и наций[3]. По этой причине намного точнее было бы обозначить то направление художественной прозы, в котором работали Достоевский, Шишков, Гребенщиков, Шолохов, Распутин, Шукшин, как «реализм» и «соцреализм» в смысле направлений, предваряющих ту современную прозу, что относится к направлению «социальная диагностика».

Основной объект рассмотрения в художественной прозе «социальной диагностики» от классического до современного периодов является средний класс, а в развитии — срединный человек в смысле обобщающего среза общества. Надо отметить, что в XX веке в том, что называют «литературным процессом», произошли серьёзные однополюсные сдвиги в сторону однобокой оценки случившихся событий. Современными исследователями давно отмечено, что в исключительно субъективном

---

[1] Громова Е.В., Чеховский интертекст в «шутейных рассказах» В.Я. Шишкова // Вестник Удмуртского университета, 2011. Вып. 4., с. 111.

[2] Редькин В.А., Вячеслав Шишков: новый взгляд: очерк творчества В.Я. Шишкова. Тверь, 1999. С. 37.

[3] Казин А.Л., Завершение советского проекта: между традицией и модерном // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX — начала XXI века: в 3 т. — СПб.: ИД «Петрополис», 2018. — Т. III. Часть I. 1965-1991. — 468 с. — (Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры»), с. 8-14.

ключе рассматривались многие художественные произведения, когда основной негласной парадигматической установкой при оценке значения творчества того или иного писателя являлось наличие некоего «диссидентского» дискурса как в личной биографии, так и в творческих изысканиях оцениваемых авторов[1]. Искусственно созданный образ «оппозиционера», «жертвы советской цензуры» и тому подобного часто становился синонимом таланта автора и высокой художественной ценности его произведений. Сегодня можно увидеть, что данная однополярная оценка литературного процесса никак не позволяет объективно охватить те достижения творческой мысли, которые представлены в наследии писателей советского периода[2]. Более того, «христианский» дискурс в «диссидентских» образцах художественной прозы соотносится, как правило, с христианством протестантского типа, которое, как известно, характерно для социального класса, традиционно обозначаемого в политологии и социологии как «буржуазия». Традиционные для России пути общественного развития основаны скорее на христианстве православного толка, в широком смысле соотносящегося с «народным», «трудовым» классом. Здесь вопрос не столько узко политических и экономических убеждений, сколько исторической традиции, которая имеет как глубокие фундаментальные основания, так и мощные инерционные силы движения в будущее.

Указанных выше авторов советского периода необходимо отнести к соцреализму не в смысле «социалистический», а в смысле — «социальный». Социальный реализм, безусловно, нёс в себе большой потенциал развития, который представлен сегодня в форме «социально-диагностического» метода оценки реальности в произведениях некоторых современных авторов. Помимо семантической связи творчества писателей «реалистического» и «соцреалистического» периодов с литературной современностью, существуют и связи в смысле поиска формы художественного прозаического высказывания. Причин для поиска новых форм можно назвать несколько, но основная видится в исчерпании на данном этапе диалектного ресурса языка и прихода современного русского языка к максимально выраженной норме в речевых практиках носителей современной России.

Под максимально выраженной нормой в данном случае понимается не повышение культуры речи, а приход к унифицированному состоянию, чему способствуют как средства массовой информации, так и активное общение носителей языка в интернет--пространстве. Диалектные особенности всё меньше проявляются в повседневных практиках речевого и письменного общения, что влечёт неизбежную фиксацию такой общеязыковой «нормы» в литературных произведениях. Исчерпывая диалектные ресурсы языка, литература ищет новые способы компоновки произведений, композиционные решения в смысле формы художественного высказывания, которые позволяют адекватно отобразить не просто языковые реалии, но реалии мышления, способы формирования образов в человеческом сознании. Если говорить о форме «малого романа», то здесь становятся важны эпиграфы, документальные вставки, социальная проблематика через призму исторических экскурсов и построение художественного текста на основе диалогов, взятое из драматургического направления литературы и духовно-притчевых практик.

Уже упомянутые выше малые романы «Тварь»[3], «Кенотаф»[4], «Нисхождение»[5] — это социальная диагностика в историческом контексте, своеобразная интерпретация романа «Угрюм-река» в виде трилогии провинциально-городского типа, и одновременно развёрнутая от прошлого до современности версия повести «Страшный кам». Образ человека как духовного существа, личности не обязательно должен быть привлекательным, более того, во всём многообразии духовных побед и поражений видится максимально точная фиксация человека живого, ищущего. По этой причине, персонажи, представляющие священнослужителей, часто оказываются только триггерами, побуждающими к внутреннему развитию главных героев, а значит,

---

[1] Круглов Р.Г., «Социалистический» реализм Вячеслава Шишкова // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века — начала XXI века. 1917-2017: в 3 т. / сост., вступ. ст. А.Л. Казина. — СПб.: Алетейя, 2016. — Т. 1. 1917-1934. — 544 с. — (Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры»), с. 312.

[2] Дырдин А.А., Духовный мир Михаила Шолохова: открытость бытию // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX — начала XXI века. 1917-2017: в 3 т. — СПб.: ИД «Петрополис», 2017. — Т. 2. 1935-1964. — 572 с. — (Серия «Ценностные основания русской художественной культуры»). С. 221-222.

[3] Образцов И. Ю., Тварь (малый роман) // Невский проспект, №11, 2023, с. 314-340.

[4] Образцов И. Ю., Кенотаф (малый роман) // Невский проспект, №8, 2023, с. 201-230.

[5] Образцов И. Ю., Нисхождение (малый роман) // альманах Unzensiert (Германия), №42, 2023, с.101-155.

могут выполнять в произведении негативную роль антипода, антогониста.

Вообще тема религиозности и духовности не обязательно выражена синонимично, но духовное родство героев произведений перечисленных выше авторов несомненно. Другими словами, не узкорелигиозный, а скорее человеческо-духовный аспект является той основой, на которой и выстраивается развитие сюжета, изменение внутреннего мира персонажей. Для «социальной диагностики» как направления в современной прозе этот аспект принципиален, и именно он отличает произведения данного типа от массы прозаических опытов, где социальное понимается исключительно в утилитарно--психическом смысле.

Вообще, поверхностное скольжение по теме «социалки» характерно для книжной продукции, которая довольно широко сегодня представлена в медиапространстве, благодаря рекламным усилиям коммерческих издательств. Здесь и проблемы физиологических дефектов, и психические отклонения, и проблемы взросления, детективно-приключенческие сочинения с элементами унифицированной мистики — данная книжная продукция являет собой яркий пример коммерческой конъюнктуры и вряд ли может быть рассмотрена всерьёз в рамках русской литературной традиции. Усилия по рецензированию и продвижению таких «авторских проектов» соотносятся с задачами издательского бизнеса, но при внимательном изучении в указанной книжной продукции легко обнаруживается отсутствие каких-либо глубинных связей с духовными традициями, отличающими не только русскую прозу, но и вообще любой объект подлинного искусства.

Итак, духовный поиск, стремление к открытию истины, погружение в вековечные проблемы выбора, охваченность страстями и способность к личностному подвигу — вот основные темы, отличающие современное направление художественной прозы «социальной диагностики». В широком смысле, такой тип прозаического высказывания можно представить как попытку преодолеть дюркгеймовское понимание общества как бога и выход к диалогу с Богом подлинным. А так как выход происходит на родном для писателя русском языке, то и христианство православного толка становится неизбежной базой для диалога, по причине очевидного формирования языковых основ в контексте исторического для России православия. Здесь речь не о религиозности как таковой, а о том лингво-историческом факте, что указывает нам на корневую часть русского языка, а именно на рождение языка из сочетания разговорного древнерусского и письменного церковнославянского.

Хронометраж краткого доклада не позволяет детально развернуть и описать все указанные выше связи и зависимости, тем не менее, хочется обратить внимание на базовые вопросы и проблемы понимания, которых тезисно удалось сейчас коснуться, и пригласить к их обсуждению специалистов в таких областях, как филология, лингвистика, искусствоведение, культурология, и других гуманитарных наук.

Литература:

1. Богумил Т.А., 150 лет со дня рождения инженера, писателя В.Я. Шишкова (1873-1945) // Алтайский края, 2023г.: календарь знаменат. и памят. дат. — Барнаул: АЗБУКА, 2022, с. 137-139.

2. Громова Е.В. Чеховский интертекст в «шутейных рассказах» В.Я. Шишкова // Вестник Удмуртского университета, 2011. Вып. 4. с. 110-113.

3. Дырдин А.А., Духовный мир Михаила Шолохова: открытость бытию // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX — начала XXI века. 1917-2017: в 3 т. — СПб.: ИД «Петрополис», 2017. — Т. 2. 1935-1964. — 572 с. — (Серия «Ценностные основания русской художественной культуры»). С. 219-247.

4. Закаблукова Т.Н. Семейная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова. // Автореф. дис... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 24 с.

5. Закаблукова Т.Н., Образ Сибири в семейной хронике романов Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» и В.Я. Шишкова «Угрюм-река» // Мир науки, культуры, образования, №1 (8), 2008, с. 57-59.

6. Казин А.Л., Завершение советского проекта: между традицией и модерном // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX — начала XXI века: в 3 т. — СПб.: ИД «Петрополис», 2018. — Т. III. Часть I. 1965-1991. — 468 с. — (Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры»), с. 8-14.

7. Корольков А.А., Философия культуры Валентина Распутина // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX — начала XXI века: в 3 т. — СПб.: ИД «Петрополис», 2018. — Т. III. Часть I. 1965-1991. — 468 с. — (Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры»), с. 242-249.

8. Круглов Р.Г., Идеи подвижничества в литературе социалистического реализма: А. Фадеев, Н. Островский // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX — начала XXI века. 1917-2017: в 3 т. — СПб.: ИД «Петрополис», 2017. — Т. 2. 1935-1964. — 572 с. — (Серия «Ценностные основания русской художественной культуры»). С. 307-319.

9. Круглов Р. Г., «Социалистический» реализм Вячеслава Шишкова // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века — начала XXI века. 1917-2017: в 3 т. / сост., вступ. ст. А.Л. Казина. — СПб.: Алетейя, 2016. — Т. 1. 1917-1934. — 544 с. — (Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры»), с. 312-322.

10. Образцов И.Ю., Краеугольный кирпич (малый роман) // Невский проспект, №6, 2022, с. 281-300.

11. Образцов И.Ю., Кенотаф (малый роман) // Невский проспект, №8, 2023, с. 201-230.

12. Образцов И.Ю., Нисхождение (малый роман) // альманах Unzensiert (Германия), №42, 2023, с.101-155.

13. Образцов И.Ю., Тварь (малый роман) // Невский проспект, №11, 2023, С. 314-340.

14. Редькин В.А. Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В.Я. Шишкова. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1999. 152 с.

15. Русакова И.Б., Метафорический стиль в прозе В.Я. Шишкова 1920-х годов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2008, с. 118-131.

16. Сокурова О.Б., Труд души. Размышления о духовно-художественном мире Валентина Распутина // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX — начала XXI века: в 3 т. — СПб.: ИД «Петрополис», 2018. — Т. III. Часть I. 1965-1991. — 468 с. — (Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры»), с. 220-241.

17. Спиридонова Г.С., Проблемы типологии сюжетов в литературе Сибири XIX века: дис канд. филол. наук: 10.01.01.: защищена 22 декабря 2000 г. / Г.С. Спиридонова. — Красноярск, 2000.

18. Шишков В.Я., Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1982. 640 с.

19. Шишков В.Я., Собрание сочинений, в 8 т. // изд. Правда, М., 1983.

Алексей НИКОЛАЕВ

ДУХ

Философия духа[1]

(1-я редакция)

Фактологическое предуведомление №4

СПИРИРИТИЧЕСКИЙ ЧЁРТ

Логический анализ классического полтергейста на хуторе Щапова

Предуведомление к предуведомлению

В 1886 году необыкновенный русский исследователь спиритизма Александр Аксаков опубликовал в журнале «Ребус», издаваемом им самим в Санкт-Петербурге, статью под названием «Самопроизвольные медиумические явления на хуторе В.А. Щапова в Уральской области в 1870-1871 гг». Автором статьи был сам В.А. Щапов, а инициатором статьи был Аксаков, который, прослышав о спиритической чертовщине на хуторе Щапова, обратился к главному свидетелю (Василию Щапову) с просьбой описать факт. Получив и опубликовав описание факта, Аксаков охарактеризовал этот документ в личном письме Щапову так: «Ваше обстоятельное описание, помещенное в «Ребусе», я считаю драгоценнейшим вкладом в историю нашего русского спиритизма... Ваш случай представляет исторический интерес; в грядущие времена он будет оценен по достоинству и цитирован многократно».

Прошло почти полтора века с момента той публикации, увы, упомянутые Аксаковым грядущие времена надлежащей научно-философской оценки подобных явлений природы покамест не наступили, но в один прекрасный день обязательно наступят, и, приближая этот день, есть смысл обнародовать заново свидетельство Щапова в оптимизированном в теоретических целях виде и с прибавкой логического анализа.

Щаповская чертовщина — это классический полтергейст, относящийся к числу наиболее интересных для философии духа спиритических феноменов, в соответствии с буквальным смыслом термина полтергейст: шумный дух, в переводе.

Чтоб не путаться кое в чем, надо иметь в виду, что термин полтергейст повелось употреблять в двух смыслах, а именно: во-первых, полтергейст есть дух (один смысл), во-вторых, полтергейст есть производимые им же, этим духом, явления (другой смысл).

Щаповский полтергейст столь высоко оценен Аксаковым как несомненный и образцово-показательный факт. Если вы, читающий (-ая) эти строки, плохо представляете себе, что такое полтергейст, достаточно будет просто внимательно прочесть отчет Щапова, чтобы составить близкое к реальности представление об этом чуде спиритизма как чуде природы.

Достаточно получить достоверные сведения об одном-единственном факте полтергейста, чтобы, не сталкиваясь с полтергейстом лично, составить верное представление

[1] Книга «Дух» публикуется в «Невском проспекте» в следующей структуризации:
N8 НП: «Предисловие о том, что есть философия» + §1 «Дуализм духа и материи» +
Фактологическое предуведомление №1 «Спиритическая материализация» +
Фактологическое предуведомление №2 «Духовное тело» + §2 «Человеческий дух»
N9 НП: §3 «Тео-теоремы». Основы теологии в теологических теоремах 1-15.
NN10-11 НП: Фактологическое предуведомление №3 «Спиридониада»
N12 НП: Фактологическое предуведомление №4 «Спиритический черт»

о полтергейсте и знать наверняка, что явления природы, называемые полтергейстом, действительно происходят в окружающем вас мире. И пусть вас не смущает то обстоятельство, что на один факт подлинного полтергейста может приходиться тысяча, да хоть миллион, выдумок и россказней о полтергейсте из серии ОБС: «одна бабка сказала». Не преминем повторить к слову: на то нам и разум с логикой в нем, чтобы отличать факты от измышлений и правду от вранья.

Статья Щапова, опубликованная Аксаковым, отличается многоценной логической достоверностью, настолько убедительной, что даже делается необязательным наличие других свидетелей, подтверждающих, что автор статьи ничего не выдумал и описал реально случившийся факт.

Аксаков не преминул провести свое расследование и представил миру, кроме Щапова, и других свидетелей щаповской чертовщины, но и единственно свидетельством Щапова вполне удостоверяется факт щаповского полтергейста, ввиду высокой логической самодостоверности этого свидетельства просто как бесхитростного повествования, какое невозможно состряпать как хитроумную выдумку, так чтобы нигде в тексте не торчали уши обманного измышления.

Дело, однако ж (впрочем, только на пользу делу), не обошлось и без лжесвидетелей, оставивших для истории хрестоматийный образчик псевдонаучного разоблачения, на что правдивый свидетель (Щапов) сетует в таких выражениях в зачине своей статьи: «Все это надо испытать на себе, видеть и слышать, не спать ночей, мучиться физически и нравственно до крайнего истощения сил, чтобы прийти наконец к неоспоримому убежденью, что действительно есть в природе то, о чем не снилось мудрецам... А поэтому и досадно бывает, что какой-нибудь фельетонист или, хуже того еще, ученый муж, ничего не видя и не слыша, пускается в какое-то саркастическое и ничего не уясняющее словопрение или упорное отрицание явлений только потому, что он сам не видел, а вероятнее всего, просто не желает ни видеть, ни слышать...»

Попавшие благодаря Аксакову в «историю русского спиритизма» разоблачители щаповской чертовщины собственнолично и видели, и слышали чудеса на хуторе Щапова, входя в состав экспертной комиссии, отправленной на место событий генерал-губернатором, но, как попросту объяснил мотивацию такого рода лжеразоблачения и лженауки отставной урядник Федор Соловьев, входивший в число правдивых свидетелей, они «просто не могли объяснить естественным путем происходившие явления, что было для них обязательно, и решили назвать их подделкой». Имеется в виду, что губернаторская комиссии имела обязательной задачей разоблачить чертовщину как бред суеверия или как мошенничество. Тщетно.

Среди очевидцев каких-либо событий иногда попадаются люди с особенной способностью описывать увиденное с достоверной живостью и зеркальной достоверностью, так что делаемое ими словесное описание факта служит логическим зеркалом этого факта, которое очень хорошо, а вместе с тем и правдиво отражает факт, как он был в реальности, даже если он сильно превышает обыденное вероятие, то есть выбивается из обыденной реальности и потому представляется чем-то совершенно невероятным и небывалым, во что верится с трудом.

В полтергейст столь же трудно поверить, как и в Кэти Кинг, если вы не видели собственными глазами ни то, ни другое, и даже тот, кто видит такое собственными глазами, не может, что называется, поверить глазам своим и должен включать логику на всю силу своего разумения, дабы убедиться, что это не галлюцинация, не фокус, не обман.

Свидетельство Щапова составлено совершенно бесхитростно, и при этом текст обладает фотографическими качествами, работающими как отражательные свойства документа, превращая этот документ в зеркало реальности и заменяя фотоаппарат, который, например, применительно к Кэти Кинг ничем не заменить как неопровержимый и обезоруживающий аргумент в пользу невероятного факта спиритической материализации, и если б фотоснимки Кэти Кинг были подделками, то ничем больше тут было бы не доказать факт для всех, кто лично не присутствовал на материализационных сеансах конгениальной Флоренс Кук в доме Куков, в доме Крукса и в доме Лёксмора (см. фактологическое предуведомление №1 «Спиритическая материализация»).

Зато спиритическую чертовщину, обозначаемую крылатым термином полтергейст, можно почти с фотографической достоверностью описать словами без фотоаппарата, образцовым примером чему может служить цитируемый ниже текст статьи Щапова, включенной Аксаковым в свой обширный труд под названием: «Предвестники спиритизма за последние 250 лет. Выдающиеся случаи самопроизвольных медиумических явлений».

Предваряя цитирование статьи Щапова, добавим, что, по биографической справке, затребованной Аксаковым у главного очевидца, этот очевидец по имени Василий

Щапов на момент событий был молодым человеком 28-ми лет, происходившим из дворян Уральского казачьего войска. Он сын есаула и выпускник Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, отслуживший восемь лет в офицерском чине хорунжего и вышедший в отставку. Выйдя в отставку, наш герой (цитата) «поселился с семьей своей на водяной своей мельнице, женившись перед тем на дочери есаула же Елене Ефимовне Мартыновой».

Мельница Щапова располагалась на хуторе Измайловском. Это ныне село Измайловка на западе Оренбургской области в Мустаевском сельсовете (см. Яндекс-карты). «Усадьба моя, дом и мельница, — писал Щапов Аксакову, — находятся в Мустаевской (тогда еще Студеновской) станице верстах в 30-ти от Илецкого городка на реке Кинделе, впадающей верст 40 ниже в Урал. В доме в это время обитали: жена с ребенком, тёща-старуха и я; еще в кухне кухарка. Остальные: моя мать и прислуга помещались в отдельном дворовом флигеле».

Щаповский хутор имел мистическую предысторию, о чем гласит цитата из подшитой Аксаковым к делу Щапова статьи очевидца Еремина в «Уральских войсковых ведомостях» от 7.02.1871: «Слышал я также от г. Щапова, — пишет, помимо прочего, Еремин, — что казак Студеновского форпоста (фамилии не припомню), которому в настоящее время уже 90 лет, узнавши о чудесах в доме Щапова, рассказывал, что когда еще на этом месте не было дома Щапова, тут была чья-то землянка; он был в то время пастухом, и ему случилось ночевать в этой землянке. Ни одну ночь, говорит он, не мог я уснуть спокойно: всегда слышался какой-то шум и шипение, и казалось, что даже самая землянка обрушивается».

Это свидетельство старого казака не может расцениваться на одном уровне достоверности со свидетельством Щапова и упомянуто в связи с тем обстоятельством, что полтергейсту может заметно благоприятствовать сочетание двух факторов: фактор медиума + фактор места. По полной программе полтергейст происходит не на любом месте и не через любого человека, а через медиума в некоем особенном месте, при том что слабосильно полтергейст может преследовать медиума где угодно, а в особенном месте — и кого угодно, как того казака.

Молодая жена Василия Щапова Елена родилась в год «рочестерских стуков» (1848), ставших исторической точкой отсчета классического спиритизма. О том, что супруга Щапова родилась медиумом, знать не знали ни она сама, ни муж ее, пока не начался «еленизм», как определил щаповскую чертовщину ученый есаул, инженер-технолог Акутин, исполнявший должность чиновника особых поручений при генерал-губернаторе и ставший должностным лжесвидетелем, видимо, во исполнение особого поручения. Этот очевидец сперва имел в виду под «еленизмом» медиумизм Елены Щаповой как спиритическую причину полтергейста и даже загорелся мечтой прославиться в Европе журнальными статьями о «еленизме», а в итоге резко изменил угол зрения и заявил публично в уральской газете, что чудеса «еленизма» суть подделка, подкрепив это клеветническое, по сути, заявление наукообразной чепухой, какую, при желании и по поручению, высосет из пальца любой образованный субъект и есаул.

Оклеветанная дочь другого есаула Елена, вышедшая замуж за хорунжего Щапова, сына еще одного есаула, ничем не заслужила дурную славу, уродившись медиумом и оказавшись невинной жертвой чумового полтергейста с изрядной чертовщинкой, способной перепугать до смерти и довести до хорошего нервного срыва кого угодно и не только женского пола, но Елена Щапова счастливо и достойно выпуталась из спиритической переделки. Она воспитывалась, как писал ее муж Аксакову, «в войсковом девичьем училище. Далеко не из болезненных. Не была подвержена ни припадкам, ни какой-либо меланхолии. Родила четырех детей и до разрешения пятым умерла в 1879 году».

Отчет Щапова, представляющий собой последовательное хронологическое описание множественных явлений полтергейста как происходящих на глазах очевидцев событий, оптимизирован здесь (в фактологическом предуведомлении №4) путем разбивки статьи на событийно-сценические действия и событийно-сценические явления, снабженные заголовками и содержащие свидетельское описание типовых явлений, отличающих классический полтергейст и выражающих духовную природу полтергейста.

Статья Щапова структурирована в составе книги «Дух» так:

Действие I. ЗАВЯЗКА

Явление 1. «Завелись в доме черти». — «Что за дичь!» **Явление 2.** Стуки «без источника звука» из «абсолютной пустоты». **Явление 3.** Самопроизвольное летание вещей. **Явление 4.** Барабаненье трелями: «демоническая музыка». **Явление 5.** Прозрачный малиновый шар. **Явление 6.** Звук преследования и трансовая сонливость медиума. **Явление 7.** Успокоение псевдонаучным объяснением. **Явление 8.** Угрожающее самометание ножей.

Действие II. КОНТАКТ

Явление 9. Звукоподражание стуком в такт песни. **Явление 10.** Спиритическо-телепатический отклик стуками. **Явление 11.** Богопочитательный отклик тишиной. **Явление 12.** Спиритический диалог посредством стуков. **Явление 13.** Самозванный чёрт-мистификатор. **Явление 14.** Примесь колдовства в щаповской чертовщине.

Действие III. КОМИССИЯ

Явление 15. Явление комиссии. **Явление 16.** Неуловимость момента старта самолетающих предметов. **Явление 17.** Спиритическое эхо. **Явление 18.** Диалог со спиритическим эхом. **Явление 19.** Безошибочная информированность «чёрта» о текущих событиях. **Явление 20.** Ошибочность пророчества «чёрта» о будущих событиях. **Явление 21.** Незнание медиумом того, что знает «чёрт». **Явление 22.** Констатация факта «еленизма» комиссией. **Явление 23.** Экспертный диспут о «еленизме». **Явление 24.** Публичное «разоблачение» «еленизма» комиссией.

Действие IV. РАЗВЯЗКА

Явление 25. Прыгающий диван. **Явление 26.** Первое самовозгорание от спиритической искры. **Явление 27.** Огненная кульминация полтергейста. **Явление 28.** Самовозгорание платья на медиуме. **Явление 29.** Хэппи-энд полтергейста вслед за кульминацией.

Действие V. РУКА, АППОРТ И РАЗДВОЕНИЕ

Явление 30. Спиритическая рука. **Явление 31.** Аппорт из закрытых сундуков и шкафов. **Явление 32.** Спиритический стук изнутри стекла. **Явление 33.** Раздвоение медиума: экстериоризация духовного тела. **Явление 34.** Монетный аппорт из наволочки.

В отчет Щапова, оптимизированный в указанной структуре, вмонтированы после каждого из пяти действий схолии, содержащие логический анализ щаповской чертовщины с задачей констатировать фактологию духа как фактический материал, обладающий существенной теоретической значимостью для философии духа.

Структуризация схолий такова:

Схолии к действию I

Схолия 1. ГОВОРЯЩЕЕ ТУК-ТУК. Данность 1-я: факт спиритических стуков. **Данность 2-я**: факт отсутствия физической причины стуков. **Данность 3-я**: факт не галлюцинаторного происхождения стуков. **Данность 4-я:** факт нефизической природы источника стуков. **Соображение 1-е**: источник говорящего тук-тук — дух.

Схолия 2. СПИРИТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ. Данность 5-я: факт отклика стуком на условный сигнал. **Данность 6-я**: факт копирования стуком человеческих действий. **Соображение 2-е**: спиритический эффект зеркала. **Данность 7-я**: факт звукового парадокса в распространении звука. **Соображение 3-е**: ремарка о духовном слухе и духовном зрении. **Данность 8-я**: факт звукового парадокса в характере звука. **Соображение 4-е**: сходство звуковых парадоксов с перевернутым отражением. **Соображение 5-е**: нефизическая причинность физических аномалий.

Схолия 3. СПИРИТИЧЕСКИЕ ШАРЫ. Данность 9-я: факт спиритических шаровидных объектов. **Соображение 6-е**: ничто не материализуется из ничего.

Схолия 4. О ЧЕМ ГОВОРИТ ЛЕТЯЩИЙ НОЖ. Данность 10-я: факт видимой травмоопасности полтергейста. **Данность 11-я**: факт умеренной зловредности полтергейста. **Соображение 7-е**: моральная регулировка спиритических явлений. **Соображение 8-е**: полтергейст — либо субъект, либо не субъект. **Соображение 9-е**: базовые варианты №№1-2 ответа на вопрос, что есть полтергейст.

Схолии к действию II

Схолия 5. НЕВИДИМАЯ РУКА. Данность 12-я: факт звукоподражания как бы пальцами руки. **Соображение 10-е**: спиритической рукой водит руководящая сила.

Схолия 6. НЕНАСТОЯЩАЯ ТЕЛЕПАТИЯ. Данность 13-я: факт спиритической телепатии. **Соображение 11-е**: тождество духовной и мыслительной природы полтергейста. **Соображение 12-е**: компьютероподобная телепатическая манипуляция в душе.

Схолия 7. ЧЕРТОВСКАЯ БОГОБОЯЗНЕННОСТЬ. Данность 14-я: факт наличия понятий о боге и чёрте в свойствах полтергейста. **Соображение 13-е**: театральность чертовской богобоязненности.

Схолия 8. МАСКА ЧЁРТА. Данность 15-я: факт диалога с полтергейстом. **Соображение 14-е**: карамазовский чёрт против щаповского чёрта. **Соображение 15-е**: а зачем, собственно, этот маскарад.

Схолия 9. ЗАГАДКА КОЛДОВСТВА.

Схолии к действию III

Схолия 10. САМОЛЕТАНИЕ. Данность 16-я: факт исчезновения взлетающих предметов из поля зрения. **Соображение 16-е:** одно из двух — либо скоростной эффект, либо аппорт.

Схолия 11. «ДУХОВНЫЙ ИНТЕРНЕТ». Данность 17-я: факт интернетоподобной информированности полтергейст. **Соображение 17-е**: духовное информационное пространство. **Данность 18-я**: факт ясновидения.

Схолия 12. ЛЖЕЭКСПЕРТИЗА.

Схолии к действию IV

Схолия 13. СИЛА ДУХА. Данность 19-я: факт двигательной силы полтергейста. **Соображение 18-е**: общее определение силы духа. **Соображение 19-е**: волевая разновидность силы духа: сила воли. **Данность 20-я**: факт непосредственного действия силы духа на двигаемый предмет. **Соображение 20-е**: мысленный эксперимент с приложением силы духа. **Соображение 21-е**: отдаленная ассоциация с магнитным полем. **Данность 21-я**: факт вещно-контактного взаимодействия духа и тела. **Соображение 22-е**: материализация духа есть обретение

духом физической формы. **Соображение 23-е**: дуализм биологической и спиритической материализации духа. **Соображение 24-е**: формообразование живого тела — работа силы духа в организме. **Соображение 25-е**: силовая проводимость духа есть управляемость духа. **Данность 22-я**: факт внушаемых формообразований в теле по типу стигматов. **Соображение 26-е**: гипнотическая материализация образа силой мысли. **Соображение 27-е**: вместилище физического тела — дух. **Соображение 28-е**: физическое тело — внешняя форма духа. **Соображение 29-е**: дуализм духовного тела человека и духовного тела организма.

Схолия 14. ПЕЧКА ДУХА. Данность 23-я: факт спиритического самовозгорания. **Соображение 30-е**: дуализм буквальной и условной дематериализации. **Соображение 31-е**: тезис о превращении духовной энергии в физическую.

Схолия 15. ЗАНАВЕС. **Соображение 32-е**: запрограммированность полтергейста

Схолии к действию V

Схолия 16. РУКА ДУХА. Данность 24-я: факт спиритической руки. **Данность 25-я**: факт возникновения спиритической руки из духа медиума. **Данность 26-я**: факт вещественных доказательств спиритической руки. **Данность 27-я**: факт двоякой руки: рука медиума либо не медиума. **Соображение 33-е**: недоказуемость бессмертия души слепком с руки духа. **Соображение 34-е**: слепок с руки духа — доказательство духовного тела. **Соображение 35-е**: физическое тело — физическая форма духовного тела. **Соображение 36-е**: геометрия физического и духовного тела — едина. **Данность 28-я**: факт неживых форм спиритической материализации. **Соображение 37-е**: бесформенный нематериальный субстрат.

Схолия 17. ПРИЗРАК. Данность 29-я: факт раздвоения тела как физического и духовного. **Соображение 38-е**: определение спиритического призрака. **Данность 30-я**: факт видимости призрака как объемного изображения. **Соображение 39-е**: изобразительная сущность видимого призрака. **Соображение 40-е**: особый легкий транс при раздвоении. **Данность 31-я**: факт призрачной руки как части духовного тела.

Схолия 18. АППОРТ. Соображение 41-е: аппортный тандем дематериализации и материализации. **Соображение 42-е**: наглядная логическая иллюстрация аппорта.

+ Теоретическое заключение (ТЗ)

Ракурс I. Смысл спиритического спектакля. **Ракурс II.** Бессмыслица спиритического спектакля. **Ракурс III.** Двоякая демонизация спиритизма антиспиритизмом. **Ракурс IV.** Тождество человеческой сомнамбулы и духа души. **Ракурс V.** Потусторонняя реальность в структуре всей реальности. **Ракурс VI.** Свойства спиритических духов. **Свойство №1:** опосредованность проявления. **Свойство №2:** видимость разумности. **Свойство №3:** спиритическая телепатия. **Свойство №4:** спиритическая информированность. **Свойство №5:** человекозависимость. **Свойство №6:** спиритическая завиральность. **Свойство №7**: моральная нейтральность. **Свойство №8:** управляющая способность. **Ракурс VII.** Программная сущность субъекта Икс. **Ракурс VIII.** Двоичность душевного входа из потусторонней позиции. **Ракурс IX.** Факт духа как могильщик материализма и атеизма. **Ракурс X.** Настоящий дьявол. **Ракурс XI.** Изыди.

Действие I. ЗАВЯЗКА

Явление 1. «Завелись в доме черти». – «Что за дичь!»

16-го ноября 1870 года, перед вечером, я вернулся из Илецкого городка верстах в 30-ти от нашего хутора при мельнице, где года за полтора перед тем мы поселились всей нашей семьей, состоявшей тогда из двух старух — матери и тещи, лет по 60-ти каждой, жены моей, бывшей тогда лет 20-ти с небольшим, и дочери, еще грудного ребенка. С первых же слов после приветствия жена сообщила мне, что они без меня вот уже две ночи почти совсем не спали от каких-то неестественных стуков на чердаке, в стены, в окна, и заключила, «что у нас завелись в доме черти».

Усталый с дороги и проголодавшись, я вначале сердито оборвал ее рассказ, не веря, разумеется, никакой сверхъестественности, но потом, утоливши голод и отдохнувши, шутливо обратился к жене за разъяснением подробностей. Прося, в свою очередь, выслушать себя терпеливо и предупреждая, что это отнюдь не выдумка с ее стороны и что об этом я могу справиться у всех домашних и соседей, совершенно серьезно она начала рассказывать следующее.

Позавчера, т.е. 14-го ноября, вечером дочурка наша что-то расплакалась, и жена попросила нашу кухарку Марью поиграть на гармонике, как это и раньше делывалось, отчего ребенок обыкновенно успокаивался. Марья, веселая, бойкая баба, лет под 30-ть, тотчас заиграла на гармонике и сама начала отплясывать, отчего ребенок действительно развеселился, замолчал, и его уложили спать.

Остальной вечер они сидели вдвоем с мельничихой, женщиной тоже молодой, как вдруг мельничиха пугливо отскочила от окна, выходящего к лесу за речкой, ей «почудилось, будто кто-то прошел мимо окна». Вслед за этим обе они уже ясно заметили промелькнувшую тень под окном и, встревожившись, собрались было идти осматривать — как услыхали, что на чердаке, прямо над их головами, раздается пляска, совершенное подобие и подражание пляске Марьи, так как она выделывает особенно трудное па, так называемое «в три ноги», отличающееся особенными темпом. Они и подумали

вначале, что это потешается и продолжает дурачиться Марья, но та оказалась спящею в кухне, помещающейся рядом с комнатой. А звуки пляски, между тем, продолжали раздаваться так явственно, что когда они разбудили кухарку Марью и предложили ей вслушаться, то она заявила, что это пляшут именно «в три ноги», как будто она сама. И вот бесстрашная, разухабистая баба тотчас отправляется со свечой на чердак, лазит там, но старания ее разыскать виновника суматохи остаются безуспешны.

А между тем, оставшиеся в комнате жена моя и мельничиха слышат уже в это время стук в оконное стекло, как бы вызывающий. Позвали из людской рабочего татарина, потом и мельника, приказывают осмотреть кругом дома, и когда те идут осматривать, то стуки раздаются уже в стены и по временам с такою силою, что содрогается весь дом. Мельник, молодой, расторопный, отставной солдат, излазил весь чердак, перерыл на мезонине все старье, обходил несколько раз дом, стрелял из ружья; но стуки в окно, иногда в стены, попеременно с пляской на чердаке, не прекращались почти до утра, так что все они не спали в эту ночь.

На другой день 15-го при наступлении ночи, часов с 10-ти, опять началось то же самое: пляска на чердаке и стуки в окно и в стены раздавались еще сильнее и оглушительнее. Позваны были, по словам жены, татары, казаки, соседи по хутору, которые наистарательнейшим образом, оцепивши весь дом, осматривали, следили, стреляли, и никто ничего не видел, а лишь слышали и пугались неимоверно сильных стуков в стены дома, производимых как будто бревном.

«Что за дичь!» — опять резко отвечаю я на рассказ жены. Наверное, пустяки какие-нибудь, или самое большее — кто-нибудь пугал их, а они по-своему, по-бабьему, невесть что повыдумали.

Ссылку ее на кухарку и на мать-старуху я обошел и прямо обратился к мельнику. Тот как-то неопределенно, как показалось мне, отвечал, что действительно было что-то как будто неладное, но тут же прибавил, что сегодня утром он распорядился вычистить из-за карнизов дома гнезда голубей, изобильно там накопившиеся, и думает, не голуби ли были тому причиной. Я так был доволен этим объяснением, что, ухватившись за него, принялся читать нотацию своей жене, представив ей разумность рассуждения мельника, человека хотя и темного, неграмотного, но, как мужчина, рассуждающего логично; а она вот, бывшая институтка, выдумала какие-то темные небывалые силы, и, словом, наговорил ей кучу колкостей, на которые она сдержанно отвечала, что не дай Бог, разумеется, повторения этих явлений, но она бы посмотрела на меня, какие тут найдутся голуби, когда весь дом ходуном ходит.

Мать-старуха, жившая в отдельном флигеле, через сад от дома, и прочие домашние, хотя и подтверждали об ужасе этих ночей, относя, конечно, все это к «нечистой силе», но я уже не обращал больше никакого внимания, удовлетворяясь отзывом мельника о голубях, и тотчас же после чаю, часов в восемь, залег в постель и углубился в чтение, как сейчас помню: «Путешествие по Африке», кажется, Ливингстона, забыв совсем обо всем мне рассказанном.

Явление 2. Стуки «без источника звука» из «абсолютной пустоты»

Спальня жены с ребенком была рядом с моею, через затворенную стеклянную дверь переборки, отделявшей наши комнаты, я слышал, что там улеглись и спят, потому что все стихло, и времени прошло часов уже около двух. Читаю я, нужно сказать, с увлечением, так что зачастую не слышу, когда меня окликают; но в это время, несмотря на весь интерес увлекательного чтения, среди полнейшей тишины в доме, внимание мое от чтения было отвлечено каким-то неопределенным скрёбом, послышавшимся хотя и негромко, как будто на чердаке. Собака, думаю себе, забралась туда от холода и возится; но вслед затем явственно оттуда же с чердака до слуха моего донесся трехмерный темп действительно как бы пляски по земляной насыпи потолка — легкий, отчетливый... и сейчас же опять все замолкло.

Эко, думаю себе, что значит сила-то воображения! Несмотря что уж давно и забыл о рассказе, а нервы-то, значит, все-таки уж восприняли впечатление и работают.

Опять за книгу, все тихо по-прежнему, и я снова в пустынях Африки с великим путешественником. На этот раз не прочел я и полстраницы, как опять звуки той же пляски и уже гораздо явственнее и отвлекают мое внимание, и я уже с точностью могу отличить и место, откуда они исходят, именно: как раз над изголовьем моей кровати и над женином спальней. Стараюсь всеми силами собрать в себя как можно больше спокойствия, чтобы не обмануться, и тем не менее с большею явственностью различаю трехтемпные звуки, именно такие, какие бывают, когда пляшут «в три ноги» — быстрые, задорные и, повторяю, легкие, как будто пляшущее по земляной насыпи потолка существо маленькое, юркое и чрезвычайно ловкое. Перестанут как будто на мгновенье и опять, опять...

Я лежу совершенно спокойно, чутко прислушиваясь, и перебираю в голове, отчего бы могли быть эти звуки, — как, одновременно с остановкой пляски, послышался стук в окно жениной комнаты. Стук был точно такой, как обыкновенно осторожно стучат в окно для вызова, давая о себе знать; и при этом я даже мог различить, что стучали в раму окна, а не в стекло, чем-то мягким, так как звук был глухой — не резкий. Повторяю, что, находясь при полном самообладании, я быстро соображаю и различаю все это.

Через две-три секунды опять постучали — и уже на этот раз в стекло и ногтем, так как звук получился резче — звучнее. Я тихонько привстаю на кровати и заглядываю в спальню жены через дверное стекло. Хотя оно и завешено оттуда шторкой, но один угол свободен, и так как там горит лампадка, то я отлично вижу и наружное окно, и жену, лежащую на кровати, видимо, спокойно спящую. В это время опять раздался стук в то же окно и уже громко, как бы нетерпеливее, отчего, вижу, жена проснулась и, окликнув меня, спрашивает, слышу ли я; отвечаю, что слышу, и, в свою очередь, спрашиваю, не она ли это стучит? Но в это время, как бы в ответ мне, стук раздается уже в окно, которое находится рядом с моею кроватью, я быстро припадаю к нему и гляжу на двор, где в это время так светло от месяца, что видно все, как днем. А между тем, за окном незаметно ни малейшего присутствия кого бы то ни было.

Затем я прячусь за косяки окна и слежу, притаив дыхание, не удастся ли мне при этой хитрости увидать кого-нибудь... как в то же самое время с наружной стороны над самым моим ухом раздаются таких два оглушительных удара, что буквально весь дом задрожал, как от землетрясения, и я, невольно отскочив, спрыгнул с кровати. «Вот, — говорит жена из своей комнаты, — началось!» — и творит молитву.

Признаться, я оторопел, и не то чтоб сознавал в этом какую-либо опасность, а скорее озлобился на ту нахальную дерзость негодяев, решающихся третью уже ночь беспокоить нас, зная даже на этот раз о моем присутствии в доме, так как я вернулся, как сказано, еще довольно рано. Наскоро надев валенки и шубу и захватив ружье, я без шапки выбежал из дому, не обращая внимания на просьбы жены, встретившей меня в передней, не рисковать собою, чтобы не попасть под обух злоумышленников (значит, и она еще все думала, что это чьи-нибудь проделки). Следом за мной вышла кухарка звать рабочего, и я быстро обежал весь дом, постоял минуту за углом, прислушиваясь к царившей тишине ясной, как день, ночи; кликнул дворовых собак, натравил их в пространство, но они глядели на меня рассеянно, и ни одна не тявкнула — ясно, что вблизи никого не было.

Зашел опять к той стене, где окна, откуда слышались удары, но на снегу под окнами не было ни малейшего признака следов, изобличавших присутствие человека.

Между тем, тут же раздались опять сильные удары в стену как бы здоровеннейшим кулаком, и слышались они теперь уже изнутри дома. Я же в это время, находясь против окна, вижу всех своих стоящих посреди комнаты, далеко от стены, а в нее против меня раздаются удары. Работник татарин стоит рядом со мною и тоже подтверждает, что слышит удары в том же месте, где и я, но кто стучит — не знает и ворчит при этом, что уже третью ночь его беспокоят, не давая спать.

Домашние, при входе моем в комнату, куда я поневоле должен был вернуться, не найдя никого и ничего, спрашивают меня: не мы ли это сейчас стучали в стену, так как звук исходил от нас — снаружи, а теперь мне уж пришлось оспаривать их и отвечать, что напротив: звук был от них — из комнаты.

Между тем, с чердака послышались опять звуки то пляски, то какой-то неприятной скребни как бы когтями и возни. Полезли мы туда со свечами, с фонарями, и там я лично, не торопясь, все пересмотрел, исследовал и, тем не менее, ничего такого, что бы дало хоть малейший намек на источник звуков — не нашел окончательно, и во время розысков никто из нас не слыхал никакого звука, но как только вошли в комнату — те же стуки, пляска, возня и проч. раздались снова.

Так вся эта ночь и прошла без сна. Понятно, весь следующей день был посвящен на очистку чердака и прилегающего к нему мезонина от разной рухляди. Ободрали отставшие частью от стен обои, повытаскали старую мебель, и я лично не оставил ни одного уголка не обследованным.

Наступил вечер, и мы, измученные и бессонною ночью, и тревожным днем, улеглись в чаянии покоя. Не тут-то было! Опять началась история и настолько странная, что уж у меня не оставалось никакого сомнения, что все происходящее отнюдь не дело рук человеческих, потому что, несмотря на то что оцепляли, например, весь дом кругом народом, причем прокрасться кому бы то ни было, даже кошке, окончательно не было возможности, а между тем, стуки в окно, в стены, иногда редкие и необычайно сильные, а больше частые, не прерывающиеся, очень похожие на барабанную дробь или напоминающие пехотную зорю — раздавались то и дело.

И помимо этого, творились такие непостижимые вещи, что волей-неволей, в под-

ражание другим, приходилось только открещиваться, так как другого средства не находилось. Например, вдруг из сеней раздается оглушительное падение чего-то громоздкого, тяжелого, но вместе с тем — мягкого по звуку — как бы от падения десятипудового куля с мукою, якобы свалившегося с лестницы с того же злополучного чердака. Выскакиваем в то же мгновение, и хоть бы признак какой — ну как есть ничего.

Войдя опять в комнату, только что запрешь за собою дверь на крюк, как она кем-то с такою силою рванется на крюку, что благодаря только, кажется, особенной прочности его она и удержалась-то на месте.

И вот мы стоим у двери и караулим этот момент, и как только начинает торкаться — опрометью кидаемся за дверь и, к поразительному удивлению, не находим даже ничего похожего на виновника этой манифестации. Ну, хоть бы мышь, крыса, кошка промелькнула под ногами в это время, все бы, кажется, было легче, а то как есть абсолютная пустота.

Затем, на следующий (уже 5-й) вечер явления были гораздо тише, ограничиваясь пощелкиванием, потрескиванием где-то чего-то, хотя характер их был тот же, потому что сколько бы ни было шуму или гаму людского, например, или от ветра, от дождя — эти звуки, при всей их незначительности, сейчас же отличишь от прочих, так они как-то характеристичны и, главное, осмысленны. На 6-й вечер звуки были еще тише и реже и так наконец прекратились.

Явление 3. Самопроизвольное летание вещей

20 декабря приехал ко мне на хутор один наш казачий чиновник Федулеев, и мы, толкуя с ним об этих явлениях, вздумали сделать опыт: заставить нашу Марью вечером опять поплясать, так как, по-видимому, явления в ноябре начались именно с этого. Каково же было наше удивление, когда вскоре после окончания ею нескольких туров казачка, часов с десяти вечера, начались опять стуки в стену, в окна; на этот раз стуки по большей части ограничивались выбиванием правильных семи тактов, с небольшими остановками, и оканчивались сильными двумя или тремя как бы заключительными ударами. Звуков пляски не было, и часам к 12-ти все прекратилось.

На следующий день 21 декабря, около 11-ти часов ночи, к повторившимся (уже без предварительной пляски Марьи) стукам присоединилось еще какое-то дикое и глухое уканье, раздавшееся, по общему заключению, в печной трубе.

А потом началось самопроизвольное летание разных вещей, например валенков, ботинок и т.д., лежавших до того на полу, а потом стремительно взлетавших к потолку или с силою ударявшихся в дверь или в стену; причем замечалось, что иногда летящая вещь издает как бы шипенье.

Но страннее всего было то, что вещь при падении своем на пол, покрытый даже войлоком, производит звук совершенно ей несвойственный; так, например, из-под кровати вылетает что-нибудь из черного белья и, падая на войлок — производит звук как бы от падения твердого тяжелого тела; а все твердые тела — падают без всякого звука. Затем явления начали опять ослабевать и прекратились.

Явление 4. Барабаненье трелями: «демоническая музыка»

Наступает канун нового 1871 года, и ко мне для встречи его и моих именин приезжают человек 5-6 моих знакомых, которым я раньше рассказывал о происходившем в ноябре, и тут сообщил о результате опыта 20 декабря при посредстве пляски Марьи, которую, разумеется, тут же (прозвав предварительно Иродиадой), с позволения хозяйки, и попросили повторить опыт, исполненный ею не без удовольствия. Замаскировавшись в казачий чекмень, под звуки гармоники Марья начала лихо отхватывать казачка, выделывая разные замысловатые выкрутасы. «В три ноги, в три ноги», — раздаются возгласы гостей, и наша Иродиада ловким перебором ног, к общему удовольствию, блистательно исполнила это трудное па.

Но вот пробило уж и 12 часов, кончили ужин и собрались было укладываться спать, отчаявшись услышать что-нибудь, как наконец раздается сначала тихое и мерное, потом учащенное и более резкое, отчетливое барабаненье по стеклу окна в жениной комнате, затем в стену и т.д., как и в первые разы.

Тут уж мы всем обществом наблюдали странное явление: стоящие снаружи дома — слышат звук исходящим изнутри, а оставшиеся в комнате тот же звук — снаружи.

Потом звуки перешли на стеклянную дверь в самой комнате (отделяющей спальню жены от большой комнаты), и необычайное разнообразие этих звуков, рассыпавшихся то мелкими, резкими трелями, то глухо и медленно, с необыкновенно быстрым переходом от нижней части двери кверху и обратно, постоянно усиливаясь, напоминали какую-то демоническую музыку, неприятно действующую на нервы, отчего невольно

вытягивались лица присутствующих, и мороз пробегал по коже.

Порою раздавались какие-то неопределенные глухие уканья, заставлявшие всех разом взглядывать друг на друга и переспрашивать: не ты ли это? Нет, это ты — отвечают вам, и при этом невольно хохочем над своими недоразумениями.

Явление 5. Прозрачный малиновый шар

В последующие затем дни явления опять возобновлялись сами собой уже без пляски Марьи, так как мы были далеко уже не рады им, а старуха мать да и жена моя прямо открещивались и отмаливались, как от наваждения злого духа, что, между прочим, надо сказать, нимало не помогало, т.е. ни молитвы, ни кресты не останавливали явления, становившиеся все как бы настойчивее и грознее.

8 января, когда у меня ночевали двое знакомых и когда особенно барабаненья по стеклянной двери были отчетливы — жена увидела шар, вылетевший против неё, в углу, из-за изголовья другой кровати, на которой лежала её мать. Цвета он, по её словам, был темно-малинового и не светящийся, т.е. не издающий от себя света, но только прозрачный и очень походил на надутый гуттаперчевый шар, какие обыкновенно бывают в продаже; величиною в первое время появления был он с чайную чашку, а потом начал повертываться на одном месте, увеличился в объеме до величины чайного блюдечка и с этим вместе стал снова опускаться вниз подле стены и уже из-под кровати (только в меньшем размере) — устремился на нее, вследствие чего она не выдержала и с слабым криком упала в обморок.

В это время её мать тоже подтвердила, что она видела что-то красное, промелькнувшее мимо нее, и что вместе с тем она увидала уже, что моя жена, опустившись с кровати, лишилась чувств. Все это произошло, разумеется, моментально, так что мы и не успели заметить.

После этого мы уж положительно стали относиться к явлениям враждебно и со страхом, тем более что на другой день 9-го января эти проклятые стуки в окно женины спальни раздались уже днем, часов около трех, когда она вздумала прилечь отдохнуть после обеда, и начали с этого времени преследовать ее всюду.

Явление 6. Звук преследования и трансовая сонливость медиума

Когда она сидела на диване в этот день за чаем часов в 5 вечера — забарабанило рядом с ней по ручке дивана, и когда я пересел на ее место, то звук перешел опять рядом с ней на клеенку дивана и по временам слышался в складках ее шерстяного платья; переходил за нею в шкаф, куда она ставила посуду, преследовал в кладовой и проч.

Тут уж мы, надо правду сказать, даже оробели, потому что такая бесспорная реальность явлений среди белого дня, да исключительная группировка их около жены — ложились как-то тяжело на душу нам обоим, а она так даже всплакнула.

Боялись каких-нибудь дурных последствий для её здоровья, в особенности умственного расстройства, так как она говорила, что хотя и не испытывает особенного страха, но тем не менее перед началом явлений чувствует каждый раз какую-то безотчетную слабость в организме и как бы позыв ко сну, что действительно и было резко заметно: она в это время была как бы в забытьи, а когда находилась в постели, то спала неестественно крепко.

Явление 7. Успокоение псевдонаучным объяснением

Избегая еще больших бед — решили переехать в город, где и остановились в своем доме, намереваясь пробыть с месяц. Но в первый же день нашего приезда встретились с одним знакомым врачом Шустовым, который, выслушав мой рассказ, отнес эти явления прямо к области электричества и магнетизма. Эти хотя и не особенно ясные объяснения, но показавшиеся нам, людям малосведущим, довольно убедительными, подействовали на нас успокоительно, это для нас было находкой, лишь бы избавиться от гнетущей нас чертовщины. А чтобы не оставлять сомнения — решили вместе с доктором наутро же вернуться хоть на один день к себе на хутор и произвести наблюдения.

По приезде на хутор мы заставили нашу Марью предварительно задать пляс, чтобы показать доктору, на которого мы смотрели теперь, как на оракула, с чего именно начались явления. И вот часов с 10-ти вечера явления начались, но они на этот раз были крайне слабы сравнительно с прежними. Но тем не менее были и стуки в окно женины комнаты, когда она у всех на виду спала на своей кровати, в стороне от окна, и какое-то царапанье за ковром, повешенным на стену у ее кровати; и доктор, как казалось нам тогда, довольно ясно и убедительно развил перед нами свою теорию элек-

трического происхождения этих звуков, и мы просто торжествовали и были особенно довольны тем, что могли похерить ненавистное нам понятие о чертовщине и сознать свой первоначальный невежественный взгляд на это событие. Даже мать-старуха, умеющая читать лишь свои каноны, с удовольствием приняла объяснение доктора, и все мы вздохнули свободнее.

А чтобы не оставаться под тяжелым впечатлением прошлого и, так сказать, развлечься — доктор все-таки посоветовал нам поехать на время в городок, что мы и исполнили с удовольствием, проживши там 11 дней совершенно спокойно.

По справкам, от оставшихся на хуторе, там в это время никто не слыхал ни одного стука.

Явление 8. Угрожающее самометание ножей

Но каково было наше изумление и даже ужас, когда 21 января, возвратившись домой, по наступлении ночи, как только жена моя улеглась в постель — стуки и бросанье вещей в комнатах дома снова возобновились и вдобавок еще начали летать небезопасные вещи: так, например, столовый ножик, лежавший до этого на печке, с силою ударился в дверь, и мы стали тщательнее прятать всякие подобные и тяжеловесные вещи, но и это не помогало.

Иногда среди ночи внезапно все ножи и вилки, бывшие с вечера положенными в шкаф с плотно затворенными дверцами, — с силою разлетались по комнате, и некоторые оказывались вонзившимися в стену у нашей кровати.

Признаюсь, я уж не на шутку начал опасаться этих как бы угрожающих манифестаций и был благодарен тому, что многие из наших знакомых навещали нас в это время и ради любопытства оставались ночевать.

Конечно, уж Марьина пляска была забыта, так как и без этого не проходило вечера и ночи, чтоб не произошло какого-нибудь казуса, каждый раз с новыми поразительными странностями.

Схолии к действию I

Схолия 1. ГОВОРЯЩЕЕ ТУК-ТУК

Расклад фактов и соображений к явлениям 1-2

Данность 1-я: факт спиритических стуков

Обстоятельное описание Василием Щаповым того, как «завелись в доме черти», то есть как начался полтергейст и как Щапов сам лично убедился в факте чертовщины, сперва не поверив ни словам жены («что за дичь!»), ни своим ушам, сочтя первые пляровые звуки в своих ушах слуховой галлюцинацией от нервного впечатления, — это живая и фотографически точная картинка, зеркально отражающая факт случившихся спиритических явлений, занявших на старте пять дней, точнее, ночей с вечерами, утихнув на 6-й вечер, 21 ноября 1870, с дальнейшей паузой размером в месяц до возобновления 20 декабря.

Пятидневный старт щаповского полтергейста представлен типичными спиритическими стуками, каковые, возможно, и вам, читающий (-ая) эти строки, приходилось когда-нибудь слышать, запомнив их или не запомнив. Если вдруг, к примеру, раздастся негромкий самопроизвольный стук в вашем старом домашнем шкафу, вы, скорее всего, не сочтете нужным задуматься о причине стука, мало ли, какие звуки может издавать старое дерево естественным образом, в силу сугубо физических свойств дерева.

Однако вы волей-неволей задумаетесь над причиной самопроизвольного стука в домашнем шкафу в трех базовых случаях: во-первых, если стук будет очень громким; во-вторых, если стук станет повторяться и привлекать внимание своей регулярностью, независимо от громкости и характеристических свойств; в-третьих, если самопроизвольный звук в вашем шкафу покажется вам не самопроизвольным, а производимым чем-то невидимым, вот как у Щапова что-то невидимое скреблось и производило ритмичные стуки на чердаке, стучало в окна вызывающей дробью, дубасило в стены и двери, так что весь дом сотрясался, причем часто и регулярно несколько ночей подряд.

Данность 2-я: факт отсутствия физической причины стуков

Оказавшись на месте Щапова и его домочадцев перед фактом множественных, громких и разнообразных стуков в доме, лишенных видимой причины («источника звука», по выражению Щапова), вы исподволь задумаетесь над их загадкой, и будь вы хоть вскормленный с молоком матери материалист советской школы, простая логика, помимо вашей воли и каких-либо убеждений, втолкнет в ваш ум фактически обосно-

ванную мысль о нефизической (нематериальной) производящей причине необычных стуков, ввиду отсутствия их физического производителя: раздается стук в дверь — «опрометью кидаемся за дверь, и ну хоть бы мышь, крыса, кошка промелькнула под ногами, а то как есть абсолютная пустота».

Метафорой «абсолютной пустоты» Щапов логично обозначил отсутствие в окружающем пространстве физической причины, производящей удар в дверь, требующийся для характерного звука, издаваемого дверью от удара и представляющегося невозможным без удара, производимого физически при посредстве какого-либо физического тела, живого или неживого.

Ввиду наличия целой толпы очевидцев, единогласно свидетельствующих о факте стуков без видимого физического производителя стуков («источника звука»), это описанное Щаповым событие не подлежит сомнению как факт.

Данность 3-я: факт не галлюцинаторного происхождения стуков

Ввиду отсутствия видимой физической производящей причины звуков, логика предлагает разуму в объяснении явления для начала и для порядка учесть и сразу отбросить возможность коллективной галлюцинации, причем не только слуховой, ибо свидетели видели глазами и ощущали руками физическое сотрясение стен, дверей, стекол и прочих поверхностей и предметов, издававших звуки, характерные при физическом воздействии, как-то: при ударе, при постукивании, при скрёбе и т.д.

Коллективная зрительно-осязательно-слуховая галлюцинация — это нечто из ряда фантастических гипотез, а если и нет, то пусть этим объясняют психиатры что угодно, кроме спиритических стуков, о галлюцинаторном происхождении коих может всерьез говорить только профан с нулевой осведомленностью о фактологии спиритизма.

Ввиду исключенной галлюцинации и отсутствия видимой физической причины спиритических стуков, логика говорит разуму: ищи, стало быть, их невидимую производящую причину, либо физическую (материальную), либо нефизическую (нематериальную).

«Опрометью кидаемся за дверь» — это самый первый и простой способ обнаружить невидимую изнутри дома физическую причину стука в дверь, становящуюся видимой, когда, стоит вам открыть дверь, у вас перед глазами предстает производитель стука, а если тот спрятался, то отыскивается в результате осмотра окружающего пространства.

Данность 4-я: факт нефизической природы источника стуков

В случае спиритических стуков бесполезны поиски их видимой физической причины, и если б у них вообще имелась физическая производящая причина, то она была б недоступна физическому зрению и скрывалась бы от глаз на уровне невидимой организации физического мира, обнаруживаясь в качестве так называемой физической силы, заметной без приборов по видимым, или слышимым, или осязаемым результатам ее действия, как, например, сила магнитного поля. В эпоху Щапова образованная общественность была наслышана об электромагнетизме, и наш герой обрадовался, когда знакомый доктор помог ему составить в уме объяснение спиритической чертовщины электромагнетизмом (см. явление 7 «Успокоение псевдонаучным объяснением»). Но это объяснение рухнуло, когда стуки обнаружили свою мыслительную подоплеку как средство спиритического диалога.

Может быть, и можно, сильно изловчась, сформулировать какую-нибудь не фантастическую и не чепуховую гипотезу о незримой физической причинности спиритических стуков, связанной с действием каких-то неизвестных силовых полей в неживой природе физического мира, но такая гипотеза становится логически излишней, вместе с тем теряя всякий смысл, стоит только принять во внимание разумные признаки невидимой производящей причины спиритических стуков, которая выстукивает не только пляску «в три ноги», но и разумные ответы на вопросы условленным числом стуков, обозначающим «да» или «нет», как в Рочестере, а на хуторе Щапова реализовался другой символьный вариант ответов на вопросы: «да» — стук, «нет» — тишина (см. явление 12 «Спиритический диалог посредством стуков»).

Соображение 1-е: источник говорящего тук-тук – дух

В спиритическом диалоге спиритические стуки заменяют голос как звуковой физический способ передачи мысли, исходящей из таинственного источника мышления, который выступает в роли невидимого собеседника разными способами, в том числе посредством стуков, как в доме Щапова и в доме родоначальниц классического спиритизма сестер Фокс, а в доме Аксакова — посредством планшетки с алфавитом (см. «Спиридониаду»).

Когда очевидно (как в «Спиридониаде»), что медиум, а точнее, дух медиума, служит приёмником и проводником стороннего (потустороннего) мышления, тогда оче-

видно и то, что источник потусторонних разумных сообщений имеет духовную (нефизическую: нематериальную) природу, а это значит, что духовна (нематериальна) по своей природе и производящая причина спиритических стуков и вообще всех спиритических явлений.

Поэтому спириты совершенно логично называют духом то, что производит все спиритические явления. Вопрос не в том, дух это или не дух, вопрос в том, какой именно это дух, откуда он берется и как соотносится с нашим человеческим духом и душой.

Схолия 2. СПИРИТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ

К явлению 3

Данность 5-я: факт отклика стуком на условный сигнал

После месячной паузы полтергейст возобновился по вызову, как если бы это был разумный или запрограммированный отклик на условный сигнал.

В данном случае, спиритический вызов духа совершился путем повторения действий, сработавших месяц назад как стартовый сигнал для полтергейста и выражавшихся в задорной пляске кухарки Марьи.

Данность 6-я: факт копирования стуком человеческих действий

Спиритическое копирование Марьиной пляски дробью стуков на чердаке есть спиритический отклик, происходящий по принципу зеркального отражения и заслуживающий соответственного термина: отражательный эффект, или: зеркальный эффект, или: эффект зеркала. Смысл этого термина намного шире, чем копирование человеческих действий спиритическими звуками.

Соображение 2-е: спиритический эффект зеркала

Спиритический эффект зеркала выражается в спиритическом копировании элементов мировой реальности, воссоздаваемых спиритическим способом как какая-либо копия или отражение, материализованное или нематериализованное.

Эффект зеркала наблюдается сплошь и рядом в спиритизме в самых невероятных, то есть сильно превышающих обыденное житейское вероятие, вариациях, в том числе как экстериоризация духа человека в виде зримой копии человека по классическому образцу раздвоения Эмилии Саже (см. главу «b» «История Эмилии Саже» в составе фактологического предуведомления №2 «Духовное тело»).

Физиономическое сходство Кэти Кинг со своим медиумом Флоренс Кук — это тоже эффект зеркала как частичное отражение облика медиума в облике спиритического существа.

Спиридон, орудуя алфавитной указкой, списывал стихи из сознания аксаковского медиума и читал мысли Аксакова, а также считывал информацию из человеческих книг, — так тоже реализуется эффект зеркала как умозрительно-отражательный перенос считываемой информации, а проще сказать — копирование информации из хранилищ информации оператором информацией, называвшим себя Спиридоном.

А сам Спиридон, по варианту №2 (имитационному) ответа на вопрос, что есть Спиридон, похож, как говорилось в своем месте, на литературный персонаж, списанный (скопированный) с образованного русского человека 19-го века как отражательная имитация мыслящего субъекта, проделанная спиритическим способом по принципу зеркала.

Скопированная стуками Марьина пляска относится к числу простейших эффектов во всем многообразии спиритической реализации эффекта зеркала.

Спиритический стук есть зеркальная копия физического стука, слышимая человеческим ухом, точь-в-точь или почти точь-в-точь как физический стук, но производимая без физического воздействия путем некоего нефизического воздействия на предмет, издающий под воздействием звук, слышимый очевидцами. Причем слышимый, возможно, не только физическим органом слуха, но, может статься, еще и духовным слухом, который, судя по фактологии спиритизма, должен иметься в свойствах духовного тела человека вместе с духовным зрением.

Данность 7-я: факт звукового парадокса в распространении звука

Нефизическое воздействие, производящее спиритический стук, зеркально сходный с физическим стуком, сопровождается парадоксальными эффектами, не характерными для физического стука, вроде такого эффекта, неоднократно упоминаемого Щаповым: «стоящие снаружи дома слышат звук исходящим изнутри, а оставшиеся в комнате тот же звук — снаружи».

Соображение 3-е: ремарка о духовном слухе и духовном зрении

Не худо бы услышать от физиков, каким образом тут распространяется и искажается звуковая волна, и если окажется, что указанный эффект не объяснить физикой звука, то это дает основания для осторожной гипотезы, что тут задействован не только физический слух двух ушей, но и другого рода слух, работу которого не надо спешить считать галлюцинациями, хотя о духовной природе нефизического слуха можно судить как раз по слуховым галлюцинациям.

Ибо что, собственно, такое слуховая галлюцинация? Это когда кто-то, и необязательно сумасшедший, явственно слышит звук, которого нет. Вопрос: каким образом создается галлюцинаторная иллюзия звука? Ответ: мысленным. Читай: духовным. Звук, которого нет, можно слышать мысленно, как можно мысленно (умозрительно) видеть то, чего нет, силою так называемого воображения.

А кроме обыденной способности мысленно видеть воображаемую реальность, у человека в особых случаях жизни вроде ВТО (внетелесного опыта) обнаруживается де-факто еще и способность мысленно видеть духовным зрением ту же самую окружающую физическую реальность, которую мы обычно видим теми глазами, что у носа, и которую духовная природа человека позволяет в особых случаях видеть духовным зрением, да еще и слышать духовным слухом.

Данность 8-я: факт звукового парадокса в характере звука

Когда вслед за возобновлением стуков началось самопроизвольное летание вещей, Щапов свидетельствует еще и о таком загадочном звуковом эффекте: швыряемое полтергейстом тряпье, приземляясь, «производит звук как бы от падения твердого тяжелого тела; а все твердые тела — падают без всякого звука». Что бы это значило?

Соображение 4-е: сходство звуковых парадоксов с перевернутым отражением

Указанные звуковые парадоксы отдаленно напоминают срабатывание эффекта зеркала с точностью до наоборот по типу ***перевернутого отражения***. Простейшим примером того, что только что названо перевернутым отражением, является отражение левой стороны предмета в стеклянном зеркале как правой стороны, а правой — как левой.

А вот еще звуковой эффект: «замечалось, что иногда летящая вещь издает как бы шипенье». Это столь же не характерный для летящего валенка или ботинка звук, как не характерен грохот для упавшей на пол тряпки и как не свойственно твердым телам беззвучно приземляться на твердую поверхность.

Соображение 5-е: нефизическая причинность физических аномалий

Если это физические эффекты, то пусть физики скажут, как объясняются законами физики указанные странности, и если никак, стало быть, природа указанных звуковых эффектов выходит за границы физики, как и поведение «валенков и ботинок, лежавших до того на полу, а потом стремительно взлетавших к потолку».

Не только физик, но и всякий человек совершенно точно знает, что надо приложить движущую силу к валенку, чтоб тот взлетел к потолку, а без силового воздействия ничто не полетит и не сдвинется с места. И если в поле зрения не наблюдается никого и ничего в качестве видимой причины полета валенка, то логика говорит разуму: значит, есть тому невидимая причина, физическая или нефизическая.

Эта причина называется полтергейст: шумный дух. Логически очевидно, что это есть нечто нефизическое, но способное прикладывать движущую силу к физическим предметам, как способен это делать человек.

Схолия 3. СПИРИТИЧЕСКИЕ ШАРЫ

К явлению 5

Данность 9-я: факт спиритических шаровидных объектов

Явление темно-малинового шара при двух свидетелях — это, как говорит логика разуму, одно из трех: либо мошеннический обман, проделанный всей семьей Щаповых, либо групповая зрительная галлюцинация у жены и тещи Щапова, либо необыкновенная (спиритическая) материализация шаровидного объекта.

Обман исключен уже в начале логического анализа и весь анализируемый документ признан правдивым и точным описанием фактов.

Вероятность коллективной галлюцинации с очевидностью равна нулю в отношении стуков, летания вещей и большинства описанных Щаповым фактов, но не должна исключаться вовсе в отношении отдельных явлений и эффектов в составе всей щаповской чертовщины, так же как и вообще в жизни каждому из нас иногда может что-то померещиться, при том что большей частью окружающая реальность видится и слы-

шится нами без галлюцинаций.

В отношении этого темно-малинового шара вероятность групповой галлюцинации можно смело приравнять к нулю, принимая в расчет то, что это только первый по счету шар, появившийся в завязке как предвестник «темно-красных и синевато-розовых светящихся шаров», появившихся в развязке щаповской чертовщины на глазах нескольких свидетелей (см. явление 27 «Огненная кульминация полтергейста»).

Соображение 6-е: ничто не материализуется из ничего

Материализация — это явление высшего порядка в спиритизме, доступное самым сильным и одаренным медиумам и увенчивающее собой всю фактологию спиритизма как самое дивное из дивных чудес спиритизма. Светящиеся шары и огоньки различной величины, часто наблюдавшиеся на темных сеансах в эпоху расцвета спиритизма, — это простейшая форма спиритического чуда материализации, сложнейшей и чудеснейшей формой чего является материализация спиритических существ, таких как знаменитая во время оно Кэти Кинг, не менее славная Иоланда и сфотографированный Аксаковым бородач (см. фактологическое предуведомление №1 «Спиритическая материализация»).

Ничего не возникает из ничего, гласит фундаментальная логическая аксиома, проливающая логический свет на абсолютные и духовные начала мироздания в логических рамках фундаментальной теологии (см. §3 «Ничто» + §4 «Сущее» книги «Бог») и означающая, в том числе, что шар размером с чашку, возникший на глазах медиума и матери медиума как будто из ничего, — возник не из ничего. Спрашивается: из чего же, если не из ничего? Одно из двух: либо из невидимой материи, либо из невидимого духа. Логически допустимо и третье суммарное: из того и другого разом: из материи и духа.

И как ни крути, тут не уйти от вопроса: откуда берется материя для спиритической материализации? Не зря первые спириты ломали голову над этой загадкой и искали разгадку при помощи весовых экспериментов, то есть путем взвешивания медиума до, во время и после материализационного сеанса. Скрупулезный и сведущий собиратель достоверных фактов Александр Аксаков признает достоверными те весовые эксперименты, документальные отчеты о которых он цитирует, где экспериментаторами при множестве почтенных свидетелей констатируется факт потери веса медиумом, исчисляемой десятками килограммов, во время сеанса материализации спиритических фигур, с быстрым восстановлением веса после сеанса.

Первый историк спиритизма Конан Дойл, больше известный как непревзойденный (за счет логики) мастер детективного жанра, цитирует в своей «Истории спиритизма» расследование Аксакова по факту частичной дематериализации конгениальной мадам де Эсперанс во время материализации Иоланды, с логически вытекающим выводом, что по крайней мере частично физическое тело Иоланды материализовалось из материи физического тела медиума.

Если вы, слыша это, воскликнете, как Щапов в зачине полтергейста: «Что за дичь!» — учтите для начала, что тем самым вы уличаете Аксакова и Дойла (а заодно и таких людей с мировыми именами, как Крукс, Уоллес, Рише, Ломброзо, Роша, Фламмарион, Лодж) в распространении лживой дичи и неспособности отличить фактологические документы от дичи, правду от вранья, факты от вымыслов и фундаментально значимые факты от пустяковины.

Схолия 4. О ЧЕМ ГОВОРИТ ЛЕТЯЩИЙ НОЖ

К явлению 8

Данность 10-я: факт видимой травмоопасности полтергейста

Действие I «Завязка» завершается последовавшим после успокоительной паузы нагнетанием чертовщины в виде «угрожающих манифестаций», как назвал Щапов самометание ножей. Полтергейст славится целенаправленным стращанием своих жертв, создавая видимость опасности. Это именно видимость: иллюзия.

Данность 11-я: факт умеренной зловредности полтергейста

Как правило, полтергейст результируется хэппи-эндом. Иначе источники пестрели бы рассказами о «криминальном полтергейсте», по типу газетной криминальной хроники, с акцентом на смертоубийственных, увечных и иных трагических последствиях полтергейста, но обыкновенно в источниках акцентируется де-факто мистический, стращательный, хулиганистый и комический, но не трагический, характер полтергейста.

Самолетающие ножи, камни и другие опасные вещи метят мимо жертв полтергейста, сильно повреждая их имущество, но не организмы, образцовый пример чему ре-

ализован в кульминации щаповского полтергейста, когда на медиуме факелом вспыхнуло платье, но, испепеляя одеяние, огонь, как это ни невероятно, не причинил никакого вреда телу медиума (см. явление 28 «Самовозгорание платья на медиуме»).

Однако: пострадал очевидец самовозгорания, бросившийся спасать горящую женщину и сильно обжегший руки, что говорит не о невинности, а о зловредности полтергейста.

Жертвы полтергейста, преследуемые полтергейстом, как семейство Щапова, и случайные свидетели полтергейста, как этот пожарный спасатель, обыкновенно терпят какой-либо ущерб, теоретически правильная оценка которого есть логическая операция, производимая в логических рамках морального мышления как взвешивание ущерба на весах добра и зла.

Проделывая такую операцию, не худо исходить из определения фундаментальной этики, гласящего: не всякий нанесенный и понесенный ущерб есть зло или беда, хотя всякое зло, равно как и беда, есть нанесенный и понесенный ущерб (см. опр. 23.1 «Что есть зло» в книге «Бог» + программный урок 14 «Ущерб жизни» части 2-й «Этики старших классов» учебника «Школьная этика: нравственный закон»).

Если полтергейст зол, то в меру.

Мы вряд ли погрешим против истины, сказав, что мера зла, происходящего от полтергейста, соблюдается с непреложностью закона природы и закономерным образом установлена для полтергейста как для явления природы с таким расчетом, что зло, могущее твориться от полтергейста, ***либо иллюзорно***, подпадая под определение мнимого зла, ***либо ничтожно*** в сопоставлении с тем реальным, не мнимым отнюдь, злом, что проистекает из свободной воли человека и являет уму, что есть воистину зло, а не в мнении.

В строку меткой поговорки, гласящей, что все познается в сравнении, чертовщина полтергейста комична (ибо ничтожна) на фоне самых настоящих и не смешных ни капли злодейств человека, переполняющих историю человечества поныне через край сверх всякой терпимой и извинительной меры.

Соображение 7-е: моральная регулировка спиритических явлений

Знатоки фактологии полтергейста едва ли бросятся оспаривать теоретический вывод, гласящий:

Полтергейст имеет моральные границы, в которых полтергейст развивается как драма, не переходящая в трагедию, нося умеренно зловредный характер, а моральное ограничение полтергейста имеет силу закона, действующего как закон природы, которому подчиняется природа полтергейста и который есть нравственный закон как моральный регулятор того, что вершится как добро и зло и как счастье и несчастье.

Это определение применимо ко всем спиритическим явлениям.

Из соображения 7-го логически вытекает соображение 8-е:

Соображение 8-е: полтергейст – либо субъект, либо не субъект

Вопрос: каким образом полтергейст может удерживаться в моральных границах, установленных нравственным законом для полтергейста как блокада зла, которое угрожает жертвам полтергейста, но блокируется во исполнение нравственного закона, так что трагический исход полтергейста невозможен?

Ответ: полтергейст может соблюдать нравственный закон либо свободным, либо несвободным образом.

В первом случае полтергейст есть самосознательный субъект, обладающий разумом и свободой воли и реализующий принцип свободы воли в сознании, так же как мы, люди, но не вне сознания.

Во втором случае полтергейст не есть субъект и удерживается в границах нравственного закона и вообще управляется неким запрограммированным образом, а не по принципу свободы воли, который заложен в природной конструкции самосознательного субъекта и действует в сознании как волевое (читай: свободное и сознательное) самоуправление субъекта.

Соображение 9-е: базовые варианты №№1-2 ответа на вопрос, что есть полтергейст

Субъект либо не субъект — это типовые базовые варианты №1 и №2 применительно ко всем спиритическим духам, где полтергейст — частный случай.

По обоим базовым вариантам №1 (субъект) и №2 (не субъект) полтергейст теоретически возможен как бесплотное существо, либо разумное (по варианту №1), либо неразумное (по варианту №2), читай: либо самосознательное (мыслящий субъект), либо бессознательное (сомнамбула).

По варианту №2 (не субъект), полтергейст теоретически возможен не только как существо (бессознательное), которое производит спиритические действия через дух

медиума и проявляется в своих действиях, например, в спиритических стуках.

По варианту №2 (не субъект), полтергейст, кроме того, теоретически возможен как действие скрытой причины, которая, действуя на дух медиума, порождает из духа медиума полтергейст как свое производное и разыгрывает в форме этого производного (полтергейста) спиритический спектакль.

Памятуя о Спиридоне (по принципу логического сопоставления), можно умозаключить, что если полтергейст не есть существо, а есть созданная в восприятиях очевидцев полтергейста иллюзия хулиганящего невидимого существа, и если Спиридон не есть субъект, а есть созданная у Аксакова иллюзия говорящего с ним субъекта, то щаповский полтергейст и аксаковский Спиридон — это различные производные одной и той же причины, метафорически названной Солярисом в теоретическом заключении к «Спиридониаде».

Если отбросить метафоры, чтоб не затуманивать иносказаниями и аллегориями вопрос, что есть полтергейст, то в поисках ответа надо, во-первых, констатировать, что полтергейст есть либо существо, либо не существо, а следом, во-вторых, определить, что может представлять собой (вариант №1) существо, ведущее себя как полтергейст.

В-третьих, требуется определить, чем может быть полтергейст, если (вариант №2) он не есть существо, производящее явления полтергейста как свои действия и выражающее себя в своих действиях как явлениях, наблюдаемых очевидцами полтергейста.

Если полтергейст не есть существо, производящее действия, то он сам есть действие, и стало быть, в-четвертых, надо определить, действием чего или чьим может являться полтергейст.

Условно обозначив производящую причину полтергейста метафорой Соляриса (по варианту №2), мы рискуем уподобиться Спиридону, уходившему иносказательно-каламбурными криулями от вопроса Аксакова: «Кто же вы?» Ибо фантастический Солярис из фильма — это совсем не то, что подразумевается здесь под метафорой Соляриса и ждет развернутых пояснений сверх выражений типа: локализованный в околоземном пространстве мировой дух. Это тоже всего лишь обозначение, к тому же выходящее далеко за рамки спиритизма, относясь к духовной подоплеке всей планетарной жизни, в чьем составе спиритические явления — капля в море. Правда, через эту каплю можно куда получше увидеть умом это море, нежели оно видится с точки зрения материалистической биологии.

Действие II. КОНТАКТ

Явление 9. Звукоподражание стуком в такт песни

Если доселе докторская теория электричества не вязалась как-то с странным характером явлений, то уж после 24 января, когда случайно обнаружилась новая способность этой силы, — теория эта оказалась окончательно непригодной.

Вечером этого числа, в бытность у меня в гостях одного знакомого Л.С. Алексеева, когда они с женой моей сидели в одной комнате, а я в другой в это время ходил с своей дочкой на руках, напевая ей какие-то куплеты, — слышу, что Алексеев и жена моя просят меня продолжать только что прерванный мотив цыганки; я пропел, и меня просят переменить на другой — я начинаю «Фигурантку» и, подойдя к ним, узнаю, что под мое пение раздаются стуки в стену около них и совершенно точно воспроизводят тактами мотив песни.

Запеваю опять что-то и, действительно, слышу, что в стену прямо против меня — без участия кого бы то ни было, как внутри дома, так и снаружи (о чем справиться мы сочли, разумеется, первым долгом) — точь-в-точь как бы ногтями пальцев, отчетливо выбивается каждый такт песни.

Приятель мой при этом намеренно затягивает протяжную песню и нарочно прерывает ее, но тем не менее ритм звуков в точности следовал за каждым тактом, хотя в то же время видимо сбивался при намеренных перерывах со стороны Алексеева.

Явление 10. Спиритическо-телепатический отклик стуками

Пробовали вести мотив тихо, доходя до шепота, а потом до простого шевеления губами и даже продолжали, ради опыта, перебирать разные мотивы только в уме, без всяких звуков — и тогда аккомпанемент получался совершенно верный.

Словом, ясно и неоспоримо было видно, что сила эта одарена и слухом, и смыслом, и даже больше того — способностью угадывания!

Мы настолько были поражены разумностью этой силы, чего доселе в ней не примечали, что решили продолжать наблюдения в тот вечер и, чтобы иметь звуки отчетли-

вее и громче, попросили жену мою переместиться с своей кровати на другую, которая находилась возле стеклянной двери, куда тотчас же, следом за ней, перенеслись и целые потоки стуков по стеклу. Тут, кроме воспроизведения аккомпанементов всевозможных маршей, полек и мазурок (а гимн «Боже царя храни» вышел даже эффектен), обнаружена была способность силы и просто отзываться на стук по стеклу столько раз, сколько кто стукнет или задумает.

Примечание Аксакова: *это как раз то самое открытие, которое было сделано и в 1848 году относительно рочестерских стуков и которое привело к осмысленным сообщениям с ними чрез посредство азбуки. В данном случае дело чуть-чуть не дошло до нее, казалось, было совсем близко, но Щапов не догадался пустить ее в ход.*

Явление 11. Богопочитательный отклик тишиной

Но вот, во время нашего пения, старухе моей матери пришло в голову попробовать спеть молитву, и мы чинно начали «Отче наш». Ни одного звука не последовало на наше пение, только под конец сделан как бы аккорд. Думая, что мотив этой молитвы несколько протяжен, я запел «Пасху», напев которой, как известно, довольно живой, но и тут ни звука... А как только, вслед же за этим, приятель мой Л.С. Алексеев затянул весьма протяжную и крайне не ритмичную «во лузях» — такты начали выбиваться даже с трелями. Что было думать над такой оказией?!

Входит в это время в комнату татарин Усман Вамяров, и мы, не предупреждая его ни о чем, просим запеть свою молитву по-татарски — опять молчание. Просим вести мотив почаще; но сколько он ни принимался петь скороговоркою свое «Алла-бисмилля» — ни одного звука не было в ответ. Но как только, в то же самое время, я начал в подражание татарину на его же склад речитативом «о, духи, духи с подземелья» (из «Волшебного стрелка»), так и посыпались ясные отчетливые стуки в стекло на каждый такт.

Явление 12. Спиритический диалог посредством стуков

Начинаю просто спрашивать:
«Кто ты — человек?» Молчание. «Дух?» Стук.
«Какой дух, — спрашиваю, — добрый?» Ответа нет.
«Злой?» Два громких, как бы утвердительных стука.

Явление 13. Самозванный чёрт-мистификатор

«Как тебя называют?» — и начинаю при этом нарочно перебирать все известные названия, под которыми слывут добрые духи, чтобы, так сказать, сбить и вызвать ошибочный ответный звук. Нет, ни на одно название не дается ответа.

Но как только дошел наконец до настоящего, общеупотребительного названия нечистой силы, замедлив нарочно несколько произнесением этого слова, так звуки по стеклу учащенно начали выстукивать, как бы торопя выговорить то, что у меня было уже на языке; и одновременно с произнесением слова «чёрт» — раздался такой оглушительный удар, как бы во всю плоскость двери, что мы все невольно разом отскочили от ней.

Примечание Аксакова: *замечательное совпадение. Очень многим явлениям этого рода присущ, как теперь хорошо известно, характер мистификации. В данном случае имелось целью напугать, чего же было лучше, как не назваться чёртом? То же повторялось неоднократно и в других случаях, как, напр., в страдфордских преследованиях в Америке в 1851 г., где преследователь называл себя и дьяволом, и астаротом, и вельзевулом, и т.д. Но когда к этому самому дьяволу относились с сожалением, с участием, с молитвой за него — то характер явлений изменялся и преследования прекращались. Здесь мистификация продолжается и тут же себя уличает, ибо плох тот чёрт, который самого себя выдает, да еще признает себя «напущенным». Мистификация нашла себе здесь готовую почву — она явилась прямым отражением собственных понятий и толкований свидетелей всего происходившего, общее настроение которых было уже направлено к тому, чтобы видеть во всем этом одну «чертовщину». Поддержание этого убеждения как нельзя более подходило к задаче напугивания и преследования.*

Явление 14. Примесь колдовства в щаповской чертовщине

Продолжая опыт, я спрашивал, по способу этих ответных стуков, даже о том: почему и как он, дух, чудит тут в доме, и на разнообразные, намеренно делаемые уклонения в вопросах получился тем не менее вполне определенный ответ теми же стуками,

что «на́пущен», и указал при этом — после множества перебранных имен из знакомых — на одного соседа казака мельника же, с которыми у меня в то время была тяжба по подпруде моей мельницы.

И странно, что в начале явлений, еще в декабре, казак этот, Р.Ф., спрашивал меня однажды: правда ли, что у меня в доме непокойно, и прибавил с заметным злорадством и уверенностью, что «еще не то будет — за волосы будут таскать». Я, конечно, не обратил на это тогда ни малейшего внимания, но когда впоследствии явления усилились, приняв, как сказано, действительно как бы угрожающий характер, то иногда, просыпаясь ночью, я видел жену горько плачущую на кровати рядом с собою, и на вопрос о причине она отвечала, что «не дают спать, щиплют до боли за волосы».

Считаю нелишним упомянуть, что во все время опыта с вопросами и ответами мы самым тщательным образом контролировали возможность обмана и не выпускали из виду главную виновницу, около которой группировалось все это, т.е. мою жену, спавшую во все это время самым спокойным образом.

Схолии к действию II

Схолия 5. НЕВИДИМАЯ РУКА

К явлению 9

Данность 12-я: факт звукоподражания как бы пальцами руки

«Точь-в-точь как бы ногтями пальцев, отчетливо выбивается каждый такт песни», — это свидетельство Щапова живо ассоциируется с тем, как человек барабанит пальцами по столу в такт песни. Если делать это подушками пальцев, то будет один звук, а если ногтями — другой.

Ритмичный барабанный стук, похожий на барабаненье пальцами человеческой руки, относится к числу классических спиритических звуков, равно как и скрёб, похожий на скрёб ногтями человеческих пальцев по твердой поверхности.

Аксаков и другие знатоки спиритизма констатируют, что эти спиритические звуки, если не всегда, то часто производит спиритическая рука, невидимая или видимая. В щаповской чертовщине она невидима, за одним исключением, когда Щапов и жена его Елена видели воочию материализованную спиритическую руку (см. явление 30 «Спиритическая рука»).

Классическая спиритическая рука, теоретически мыслимая в нефизической причине спиритических стуков и самодвижения предметов, остается, как правило, невидимой в полтергейсте, то есть не материализованной либо материализованной совершенно прозрачным образом, неуловимым для глаза.

Соображение 10-е: спиритической рукой водит руководящая сила

Давно доказана экспериментально способность спиритической руки двигать физические предметы. Знаменитый в свое время исследователь спиритизма Альбер Роша несколько мудрёно, но в принципе логично назвал это (повторимся для пользы дела) так: экстериоризация двигательной способности медиума, читай: действующая вовне физического тела медиума способность медиума (точнее, духа медиума) двигать без физического прикосновения физические предметы — столы, стулья, диваны, музыкальные инструменты, указку на планшетке с алфавитом и проч.

Дух медиума служит манипулируемым транслятором полтергейста в результате действия некой нефизической силы, производящей физические и нефизические явления полтергейста, управляя духом медиума за порогом сознания и порождая из духа медиума спиритическую руку, которой водит и барабанит она же, руководящая (управляющая) духом медиума нефизическая сила.

Схолия 6. НЕНАСТОЯЩАЯ ТЕЛЕПАТИЯ

К явлению 10

Данность 13-я: факт спиритической телепатии

Щаповская чертовщина, по мере развития, привела своих свидетелей к умозаключению о разумности полтергейста, когда стали зеркально копироваться стуками не только Марьина пляска и песнопения экспериментаторов, но и их мысли, имея в виду упомянутое Щаповым выстукивание мыслимых, а не напеваемых голосом, мотивов и угадывание стуками загаданного в уме числа.

Соображение 11-е: тождество духовной и мыслительной природы полтергейста

Строго говоря, разумность живого сущего означает его сознательность. Если полтергейст разумен, то полтергейст есть самосознательный субъект, сознающий себя и

сущий в сознании, которое есть он сам.

Телепатия, демонстрируемая полтергейстом, еще не говорит о сознательности, а стало быть, и о разумности полтергейста, но говорит о том, что полтергейст имеет мыслительную (читай: духовную) природу, в соответствии с первичным в диалектике духа тождеством духа и мышления.

Спиридон тоже читал мысли Аксакова и аксаковских медиумов, но это не доказывает разумность и субъектность Спиридона, зато указывает на сходство духовной природы Спиридона и духовной природы полтергейста как природы мышления, коль скоро и Спиридон, и полтергейст выказывают способность к телепатии в сочетании со способностью вступать в мыслительный контакт и вести диалог с человеком.

Соображение 12-е: компьютероподобная телепатическая манипуляция в душе

Поскольку полтергейст, как и Спиридон, проявляется через дух медиума как через транслятор стороннего (потустороннего) мышления, постольку телепатия полтергейста (и Спиридона) — ненастоящая, ибо: она осуществляется в душе медиума, а не вне души и не от души к душе, и похожа на перекачку информации внутри компьютера (а не от компьютера к компьютеру) как воспроизведение полтергейстом (и Спиридоном) через дух медиума информации, находящейся там же, в духе медиума, и доступной для двух операторов: для медиума, с одной стороны, и для полтергейста (или Спиридона), с другой стороны.

Полтергейст (и Спиридон) «читает в головах» (цитата из «Спиридониады») нужную информацию, воспроизводимую от лица полтергейста (и Спиридона) в составе потустороннего мышления, которое транслируется духом медиума в самом себе (как в трансляторе) с телепатическим эффектом, состоящим тут в том, что информация, находящаяся в памяти и в составе мышления медиума, избирательно переносится в состав потустороннего мышления, транслируемого через дух медиума посредством спиритических стуков, как в доме Щапова, и в языковой форме посредством движения указки по дощечке с алфавитом, как в доме Аксакова.

Схолия 7. ЧЕРТОВСКАЯ БОГОБОЯЗНЕННОСТЬ

К явлению 11

Данность 14-я: факт наличия понятий о боге и чёрте в свойствах полтергейста

«Что было думать над такой оказией?» — задается вопросом Щапов по поводу эффекта богобоязненного полтергейста, а эффект в том, что полтергейст, копируя стуками нерелигиозные песнопения экспериментаторов, отвечал тишиной на пение молитв, тем самым давая понять, что он имеет понятие о боге и почитает бога, а богопочитание несовместно с использованием молитв не по назначению.

Понятие о боге в свойствах полтергейста можно теоретически объяснить спиритической телепатией как скачанную в человеческой душе информацию.

Там же щаповский полтергейст мог почерпнуть и понятие о чёрте.

Соображение 13-е: театральность чертовской богобоязненности

Поскольку щаповский полтергейст назвался чёртом, да еще и с театральным эффектом, подчеркнутым оглушительным стуком, постольку очевидна и театральность богобоязненности щаповского чёрта.

Богобоязненный чёрт с хутора Щапова — никакой, конечно, не богобоязненный, а скорее богохульный как пародия на религиозность, ибо вряд ли он (памятуя о проделках полтергейста в стиле чертовщины) выражает собой высокие религиозные чувства религиозного субъекта, больше напоминая пафосную позу актера, играющего роль религиозного субъекта с целью добиться предусмотренного сценарием сценического эффекта, а не с целью удостоверить и выразить собственную религиозность актера.

Эффект богобоязненного полтергейста теоретически любопытен своей театральностью, как будто сцена богобоязненной тишины вместо ожидаемого слушателями отклика ритмичным барабаненьем на «Отче наш» специально разыграна неким разумным автором спектакля, кроющимся за кулисами. Но этот разумный автор сильно похож на невоспитанного ребенка, имея в виду шаловливый, хулиганский и бессмысленный характер классического полтергейста.

Схолия 8. МАСКА ЧЁРТА

К явлениям 12-13

Данность 15-я: факт диалога с полтергейстом

В отчете Щапова отведено не очень много места диалогу с полтергейстом, но цитируемые здесь фрагменты вполне удостоверяют факт спиритического диалога и не-

плохо отражают, как именно может осуществляться разговор с полтергейстом, где обе стороны (полтергейст и свидетели полтергейста) понимают друг друга.

Щаповский случай изумителен, кроме прочего, тем, что в диалоге полтергейст на вопрос по поводу его самоличности недвусмысленно сообщает, что он есть чёрт, перед этим сообщив, что он есть дух.

Для сравнения: исторически первый в классическом спиритизме полтергейст, то есть рочестерский полтергейст, явившийся сестрам Фокс, назвался в спиритической беседе духом убитого человека, что в 19-м веке звучит более реалистично, чем чёрт, при том что и то, и другое самоназвание полтергейста вряд ли есть правда, а скорее есть двойной пример типичного спиритического вранья.

Соображение 14-е: карамазовский чёрт против щаповского чёрта

Для сравнения в другом роде: через несколько лет после явления малоизвестного, считай, безвестного спиритического чёрта на хуторе Щапова явился всемирно известный литературно-философский чёрт Ивана Карамазова. Достоевский вряд ли слышал о щаповском чёрте, но слышал от психиатров о галлюцинаторном чёрте и как раз такого чёрта вставил в сюжет морально-философского романа.

Как вы думаете, какой чёрт более достоверен и реалистичен из этих двух: иллюзорный карамазовский чёрт, явившийся только в романе и только в воображении героя романа, или щаповский чёрт, явившийся не в воображении, а в реальности? Ответ: карамазовский.

Ибо: назваться может кто угодно чем угодно, если он вообще может назваться; и логически вполне очевидно, что щаповский чёрт есть мистификаторская маска, напяленная спиритическим духом, который мог бы с таким же успехом напялить маску бога и назваться не чёртом, а богом; а вот галлюцинаторный чёрт не маска, а реалистически воспринимаемый зримый образ чёрта, созданный воображением на основе представления о чёрте.

Само собой разумеется, что карамазовская и любая галлюцинация чёрта есть иллюзия, но она реалистичней театрального спиритического чёрта как зримый образ того, что люди называют чёртом, согласно религиозно-мифологическому и идейно-философическому представлению о чёрте как о злом духе и как о персонифицированной причине зла.

Поскольку производящая причина зла тоже есть зло, постольку и сам чёрт, в точном смысле термина, есть зло как то, что порождает зло своим злотворным действием, а это значит, что не соответствует понятию чёрта и логически противоположен чёрту добрый чёрт, или морально нейтральный (ни злой, ни добрый) чёрт, или шкодливый, хулиганистый и театральный чёрт типа полтергейста, который, как отмечено выше (см. схолию 4), хулиганит и шкодит в заданных моральных границах и не чинит зло сверх меры, установленной полтергейсту нравственным законом, так что гораздо больше похож на чёрта как олицетворение и воплощение злого духа любой злодей среди людей и галлюцинаторный карамазовский чёрт, нежели театральный щаповский чёрт.

Соображение 15-е: а зачем, собственно, этот маскарад

Аксаков совершенно верно считает щаповского чёрта спиритической мистификацией, принципиально такой же, как и в ряде сходных случаев спиритической чертовщины, когда хулиганистый полтергейст, вступая в диалог со своими жертвами, называется «и дьяволом, и астаротом, и вельзевулом, и т.д.».

Щаповский чёрт есть частный случай спиритического эффекта зеркала (см. схолию 2) в сочетании с эффектом спиритической телепатии (см. схолию 7) как отражение мыслей, понятий и представлений жертв полтергейста, по поводу чего проницательный Аксаков в точку сказал в примечании: «Мистификация нашла себе здесь готовую почву — она явилась прямым отражением собственных понятий и толкований свидетелей всего происходившего, общее настроение которых было уже направлено к тому, чтобы видеть во всем этом одну чертовщину».

Спиритический чёрт-мистификатор — это комедийная маска и маскарадная роль, исполняемая неким актером, прозванным полтергейстом и представляющим загадку живой природы из области спиритизма.

Театральность полтергейста — это разновидность спиритической театральности, вообще присущей спиритизму, чья сцена действия пестрит разнообразными мистификаторскими масками, скрывающими то ли разных актеров, то ли одного актера, выступающего под разными масками в роли загадочных духов, которые способны вести разумный диалог с людьми (см. «Спиридониаду» как образцовый пример тому), но в диалоге не говорят ничего внятного и как будто специально умалчивают о том, кто или что они вообще есть (см. «Спиридониаду» как образцовый пример и этому).

Исходя из аксиомы, что в живой природе мира разумный создатель мира (бог)

устроил все разумно и со смыслом, — спрашивается: зачем нужен в мире спиритический маскарад? В чем смысл этого представления? В чем состоит его функция в общей мировой организации?

Какая-то естественная функция, как и у всего в природе, должна быть и у спиритического спектакля, пускай даже он напрочь лишен смысла, разыгрываясь как некий естественный театр абсурда, и пускай он заслуживает церковной анафемы как бесовщина, в церковно-доктринальном смысле этого термина, и пускай он не благ нисколько, а лишь зловреден, наподобие паразитических и недужных явлений в живой природе, изобилующих и в духовной сфере человеческого бытия, например, в виде массовой лжекультуры.

Применительно к щаповскому полтергейсту спрашивается: какой смысл может быть в том, что он, щаповский полтергейст, рядится чёртом и осуществляется как чертовщина?

На вид маскарадная чертовщина полтергейста похожа на ребячество и ребяческое дурачество, лишенное смысла, кроме смысла, заключенного в ребячестве и дурачестве.

Спирит старой школы 19-го века рассудил бы или мог бы рассудить так, что если дух ребячится, значит, это есть дух ребенка, а точнее — развоплощенная детская душа, досрочно покинувшая тело из-за ранней смерти и почему-то замедлившая с переходом в потусторонний мир навроде привидения. Это звучит почти как мифологическая эзотерика, которая не ближняя родня философии духа, но логика требует исчислить, осмыслить и, по возможности, объяснить ярко выраженные свойства и особенности полтергейста, в число которых входит ребяческий характер полтергейста и, возможно, дает подсказку для отыскания правильного ответа на вопрос, что есть полтергейст.

Схолия 9. ЗАГАДКА КОЛДОВСТВА

К явлению 14

То, что в диалоге щаповский полтергейст указал на колдовство в числе своих причин и конкретно на колдуна, могло бы расцениваться как спиритическое вранье, кабы Щапов не подтвердил, хотя не в прямых выражениях, наличие колдуна в лице казака мельника, с которым у Щапова «была тяжба» и который при встрече сообщил Щапову почти прямым текстом, что происходящий у Щапова полтергейст есть его, казака мельника, колдовская месть и что «еще не то будет — за волосы будут таскать», и ведь таскали де-факто жену, сообщает Щапов и вряд ли обманывает или что-то путает.

Спиритизм и колдовство — это совсем разные вещи, и здесь не место для логического анализа любопытного обстоятельства, похожего на классическое колдовство и не похожего ни на спиритическое вранье (со стороны полтергейста), ни на лжесвидетельство Щапова.

Вообще говоря, по поводу колдовства информационные источники переполнены несусветной чепухой еще больше и даже многократно больше, чем по поводу спиритизма, но достаточно предъявить один-единственный достоверный факт колдовства, чтобы могла считаться доказанной реальность того, что издревле зовется колдовством и что, как и спиритизм, ждет надлежащего научно-философского изучения с применением сита, отделяющего зерна от плевел, исходя из логически правильного определения колдовства, могущего служить логической меркой феномена и формулируемого примерно так:

Колдовство есть акт злой воли, действующей на расстоянии силою мысли с результатом в виде зла, причиненного жертве колдовства как наколдованный вред.

В отчете Щапова нет достаточных оснований для умозаключения, что Щапов оказался жертвой колдовства и что казак мельник — это настоящий колдун, то есть тот, кто обладает способностью произвести настоящее колдовство.

Лапидарное сообщение Щапова о колдовской причинности полтергейста лишено необходимых подробностей и не подкреплено показаниями других свидетелей, так что факт колдовства недоказуем в данном случае. Зато факт щаповского полтергейста налицо и должен рассматриваться безотносительно к каким бы то ни было спровоцировавшим полтергейст факторам, включая или исключая фактор колдовства, будь оно хоть самое настоящее.

Действие III. КОМИССИЯ

Явление 15. Явление комиссии

Понятно, что после этого никакая теория электричества сюда не подходила, и я решился писать обо всем этом автору этой теории — доктору Шустову, тем более что

к этому времени подоспела и более побудительная причина для описания, именно запрос от Оренбургского отделения Императорского географического общества, которое через управляющего Илецкими станицами майора Покотилова просило сообщить о явлениях вообще, а главное, о метеорологических, как там было названо явление светящегося шара, о котором я упоминал как о причине обморока моей жены. И вот, изложив все, как было, я послал по одному экземпляру в общество и доктору Шустову в Уральск с просьбою, разумеется, объяснить, что все это значило? С своей же стороны, как ни стыдно было в этом признаться, совершенно откровенно окрестил все это чертовщиной, так как, несмотря на всю нелепость этого эпитета, иных никаких объяснений не подыскивалось.

Вскоре, к величайшему моему удовольствию, из Уральска к нам приехало три лица и именно таких, каких и было желательно в данном случае, по их образованности, развитости и прочим достоинствам. 1-й — инженер-технолог, состоявший тогда чиновником особых поручений при губернаторе, есаул Акутин; 2-й — бывший в то время, кажется, редактором «Уральских войсковых ведомостей» местный литератор и поэт Савичев, и 3-й — доктор Шустов.

Приехали они, как сказали вначале, просто в качестве интересующихся моих знакомых, для исследования явлений. Оказалось же потом, что это была официальная комиссия, наряженная по распоряжению самого губернатора генерала Веревкина. Я был, повторяю, несказанно рад их приезду и отдался весь к их услугам, попросивши и жену свою отбросить на этот раз всякие излишние церемонии и щепетильности; так, например, чтобы спальня её была доступна для нас всех во всякое время и всякие лишние уборы, драпировки и, по возможности, прислуга были бы удалены, на что она изъявила полное свое согласие и готовность к облегчению успеха исследований, тем более что люди эти были ей вполне известны и ею уважаемы; первые двое — как её бывшие учителя того заведения, где она училась, а последний — как доктор.

С первого же разу они приступили к строжайшему и подробному осмотру дома, в котором жилых комнат, где мы помещались в эту зиму, было только три, считая и переднюю; остальная половина дома за капитальной стеной была необитаема, как летнее помещение, служившее в эту зиму кладовой.

Так как до этого времени ничего не происходило и в доме все было тихо, то я, конечно, не мог ручаться за непременное повторение явлений и чуть ли снова не прибегнул к прежнему способу для вызова — именно к Марьиной пляске (хорошо не помню).

Но только в первый же вечер их пребывания явления обнаружились — как в стуках в стены, в стекла окон, так и в летании предметов и проч.

На другой день ими постановлены были привезенные с собою физические приборы, для чего даже взломали часть пола в спальной жены и поставили там железный прут (как он в физике называется — не знаю), один конец которого углубили в самую почву под полом, а другой верхний с загнутым и заостренным концом — приходился против той стеклянной двери, в которую обыкновенно раздавались удары и на стекле которой устроен был конденсатор из листов свинцовой бумаги.

Привезена была ими и Лейденская банка, компасы, магнит и всякая научная диковинка, но ни один из приборов во все время не оказался пригодным ни для одного опыта и посредством их не удалось уловить ни малейшего намека на сродство явлений с электричеством и магнетизмом; равно как и химические реакции, производимые самим Акутиным, не показали никакого особенно напряженного состояния атмосферного электричества в помещениях дома или насыщения окружающего воздуха сгущенным озоном.

Словом, все усердные старания их по этому предмету не привели ни к чему; а явления, между тем, своеобразно продолжались каждый вечер аккуратно. Для записывания их в последовательном и строгом порядке был заведен журнал, и все мы поочередно во все почти ночи дежурили в спальной жены, откуда они преимущественно и начинались.

Явление 16. Неуловимость момента старта самолетающих предметов

Первое и главное желание было подвести явления под какую-либо систему или правило, но как нарочно (а пожалуй, и действительно нарочно!) выходило всегда наоборот.

Так, например, с самого еще, кажется, начала, сидя все вместе за чаем, наблюдали самопроизвольное летание со стола разных вещей — ложечек, крышки с чайника и проч., и все эти вещи слетали непосредственно в направлении от моей жены в стороны, что навело на мысль о присутствии в ней отталкивающей силы, как бы отрицательного тока; но тут же вслед за этим обнаруживалось и противоположное: идет, например, она в посудный шкаф и только что отворяет дверцы, как на неё сыплются

вещи оттуда и летят далеко прочь.

Но всякий раз это случалось так, что нам, собравшимся вокруг стола или шкафа вчетвером или впятером, никак не удавалось уловить того именно момента, когда вещь поднимается с своего места, а приходилось видеть ее уже только на лету и падающею.

И вот заставляем жену мою дотрагиваться по очереди до вещей в шкафу, и все они у нас на виду остаются в спокойном состоянии, а потом вдруг откуда-нибудь из-за угла, куда никто из нас не смотрел в данный момент — срывается с своего места какой-нибудь предмет: подсвечник, ковш и т.п. и летит из шкафа к ней навстречу и, перелетев через наши головы — падает далеко в сторону. Тут уже приходилось признавать в ней притягательную силу, и так во всем и всюду встречались противоречия, сбивавшие наблюдателей с толку.

Явление 17. Спиритическое эхо

Не помню уж, сколько именно дней мы сообща наблюдали и записывали разнородные явления, выражавшиеся то в различных звуках, то в передвижении предметов, и по-прежнему не приходили ни к какому результату, когда однажды обнаружилось случайно нечто уже более загадочное.

Акутин, сидя раз ночью очередным, так сказать, дозорщиком в спальне около глубоко спящего медиума — тревожным шепотом зовет нас из другой комнаты и сообщает, что он, слыша временами какой-то неопределенный шорох, как бы по подушке и одеялу спящей, — вздумал просто поцарапать ногтем по той же подушке и простыне и, к удивлению, услышал точно такой же звук в том месте, где он сам его перед тем произвел, и приглашает нас прислушаться, так как просто не доверяет уже себе.

Действительно, как только он провел ногтем по шелковому или шерстяному, кажется, одеялу спящей, — так тот же самый звук почти одновременно и на том же самом месте отчетливо повторился сам собою.

Проведет ногтем же по наволочке два раза — и точно такой же двукратный звук отзовется в ответ.

Начнет варьировать звуки — например, сделает два более сильных и третий слабее — в ответ повторится то же самое до точности поразительной.

Сколько бы ни отсчитали звуков по одеялу, подушке, спинке кровати или стула — даже далеко от неподвижно спящей и иногда едва-едва слышным образом — звуки повторялись и воспроизводились безошибочно-точно, столько же раз, с одинаковой силой и по тому же самому месту, где были сделаны.

Примечание Аксакова: *очень известное медиумическое явление, так называемое звукоподражание, сотни раз наблюдавшееся и мною самим.*

Явление 18. Диалог со спиритическим эхом

Тогда Акутин просто начинает спрашивать, например: кто из нас четверых или пятерых произвел звук, — и перебирает имена присутствующих, и каждый раз ответ таким же шорохом раздается именно при имени того, кто произвел звук.

А за спящею мы, между тем, наблюдаем все, и она лежит совершенно неподвижно, даже с отворотившейся несколько головой к стене, и уж нас ни в каком случае видеть не может, даже если бы и полуоткрывала несколько глаза, что при достаточном освещении, на виду всех, тоже было бы неминуемо замечено.

Это Акутина ужасно взволновало, и он долго ходил молча, задумавшись и отдуваясь.

Явление 19. Безошибочная информированность «чёрта» о текущих событиях

Затем Акутин опять подсел и начал спрашивать о разных событиях из области политики, литературы и проч., например, о ходе бывшей тогда франко-германской войны, — и ответы звуками получались до того верные и точные, как о времени событий, так о месте и лицах, что только постоянно и внимательно-толково читавший газеты мог давать такие ответы, но никак уже не жена моя, не бравшая почти в руки газет, которых, кстати, в доме в ту пору у нас и не получалось.

И сколько бы ни пытались и ни настаивали, чтоб получить звук на умышленно неверный вопрос — ни разу не получалось ни малейшего шороха, а соблюдалось полнейшее молчание, которое означало отрицательность.

При этом Акутин задавал вопросы и на иностранных языках — французском и немецком, и результат был один: верность и безошибочность, что утверждал уже сам спрашивающий, так как большая часть из нас окружающих не знали этих языков.

Явление 20. Ошибочность пророчества «чёрта» о будущих событиях

Это так заняло Акутина, что он пустился уже в отвлеченность, спрашивая, например, о деятелях прусско-французской войны — пожелал узнать ее результаты. Кто одержит победу? Отвечено — французы и президентом будет Гамбетта.

Это доброе предсказание оставалось у меня всегда в памяти, и когда предсказанная французам победа не оправдалась, а между тем, из политических статей в журналах я знал, что одержанная немцами победа — есть, на самом деле, их проигрыш, по экономическому и нравственному расстройству страны, то я так и предполагал, что тогдашнее утверждение звуками о победе французов — выражено было именно иносказательно; и потом до самой смерти Гамбетты, причинившей мне истинное горе, — ждал все осуществления его президентства, к которому он всегда был так близок, по своему положению, и утешался только тем, что роль его политической карьеры была не меньше, если еще не больше и не важнее президента.

Явление 21. Незнание медиумом того, что знает «чёрт»

Тут уж я вплотную, что называется, пристал к Акутину: что же это такое?! Если это опять-таки как-нибудь незаметно для нас жена моя проделывает шорохи (мы все-таки еще думали тогда про себя: не одурачены ли мы как-нибудь ею) — то как же она, например, буквально не читая газет (это я положительно утверждаю), может знать о событиях войны, о деятелях её и прочих эпизодах, о которых она, наверное, и во сне не видала?

Или — почему ей известно, например, что один из известных писателей-социалистов — Лассаль — еще жив (в то время)? Тогда как я, например, кое-что еще зная о Лассале, думал, что он уже давно не существует, так как при получении утвердительного ответа, что он еще жив, я воскликнул тут же, что это уж вздор, но Акутин же и поправил тогда мою ошибку.

А потом: каким образом получились точные ответы на вопросы, задаваемые по-французски и немецки, когда она, учась еще в детстве, знала по-французски только чуть ли не одну азбуку, а немецкому языку и совсем не училась?

Понятно, что Акутин волновался при этом больше, чем мы, прося оставить его пока в покое — и не ложился во всю остальную часть ночи, прошагав до утра в глубокой задумчивости. А утром, за чаем, наведя нарочно разговор на политику, обратился к жене с некоторыми самыми обыкновенными вопросами о текущих военных событиях, но оказалось, что она не только о подробностях, сообщенных вчера шорохообразными ответами, не знала, но чуть ли даже знала о существовании самой войны между немцами и французами; так же точно и о Лассале и о другом прочем не имела никакого понятия, так как, выйдя рано замуж, она исключительно была занята детьми и хозяйством.

Тогда Акутин должен был признать, что это уж проявления не электричества и магнетизма, хотя, быть может, и имеющие сродство, и что, следовательно, она во время сна находится в таком исключительном как бы прозорливом состоянии, что, воспринимая впечатления извне, дает на них ответы, так сказать, нутром (как он выразился на местном народном жаргоне), т.е. психически.

Явление 22. Констатация факта «еленизма» комиссией

Это было тем более ново как для него, так и для нас остальных, что в то время еще нигде не упоминалось о психических проявлениях. И если была одна известная мне заметка, помещенная, помнится, в конце книги Араго «Гром и молния», о явлениях, совершавшихся в присутствии «братьев Девенпортов», то ведь там так уже и говорилось об этом как о вопиющем шарлатанстве, как о проделках этих авантюристов.

И на предложение мое Акутину сделать и нам такое же испытание, вроде тех же связываний медиума и помещения около него инструментов, которые будто (как сказано было в той статье) играли сами собой, — он отверг это с полным негодованием как вещь, уже заклейменную названием шарлатанства, и чуть ли не зашвырнув эту книгу Араго, которую мы выписали перед тем, так как мучились разгадкою явлений, приписывая их электричеству и магнетизму.

А от себя Акутин объявил, помнится, приблизительно следующее, что, так как эти проявления не подходят ни под одну из общеизвестных и принятых в науке рубрик, а между тем, факты налицо и для него они уже теперь неопровержимы, то он до времени пока отрешается от какого-либо предвзятого, известного ему, научного взгляда и ограничился пока тем, что окрестил эту силу словом «еленизм», — производя его попросту от имени жены моей Елены, — намереваясь писать об этом в одну из немецких

газет и даже (о, люди!) мечтая с доктором о солидном за эту статью гонораре.

Для вящей убедительности, Акутин просил перенести место наблюдения в Илецкий городок, где мы и остановились опять в своем доме. Там повторялось почти то же самое, хотя в меньшей и слабейшей степени. Так, звуки, например, отдавались только в полу и именно около того места, где находилась жена, как будто стуки прятались за нее, а в каменных стенах дома их совсем слышно не было.

Явление 23. Экспертный диспут о «еленизме»

Не помню уж, в первый ли день приезда нашего или на другой, являются новые посетители исследователи — два доктора, случайно приехавших в город по делам службы. Один — старший врач Уральской области Щепин, старичок, остававшийся, впрочем, в стороне от наблюдений, другой — немец, тоже служащий — Дубинский.

Когда я и Акутин объяснили им, в чем дело, то этот немец, довольно надменным тоном, сразу стал на крайнюю точку бесповоротного скептицизма и, прислушиваясь к слабым стукам, уверял, например, что эти кажущиеся нам в полу звуки около барыни — просто нами воображаемые, а что, вернее, они воспроизводятся ею от прищелкивания языком. Заставляли ее, бедную, высовывать язык, и звуки, действительно, как бы примолкали на мгновение, но тотчас же, хотя и в слабейшей степени, снова возобновлялись, незаметно переходя то на ножку или спинку её стула, то слышались в складках ее платья.

Все окружающие хорошо слышали, как быстро, равномерно сыпались, что называется, учащенно эти звуки. Когда же просили этого скептика попристальнее прислушаться к ним, то он глубокомысленно объявлял, что это просто биение пульса и «ничего больше».

Ясно была видна всем крайняя несостоятельность натяжки этого упорного скептика, и они с Акутиным (доктора члена комиссии уже не было) долго и громко спорили по-немецки, и когда Акутин (видимо, в крайнем возбуждении и негодовании) объявил ему, что хотя он и не подыскал еще надлежащих объяснений этих явлений, но факты признает и намерен опубликовать их, — тогда его оппонент с неменьшим жаром заявил, что этим Акутин себя только скомпрометирует и как представитель науки, и как официальное лицо комиссии и что никакие его старания и научные исследования в данном случае ни к чему ни поведут, так как ему, в бытность его за границею (он доктор медицины Дерптского университета), будто бы известны были некоторые попытки к исследованию этого рода явлений, но все они оканчивались будто бы полнейшим фиаско для исследователей; а потому он просто советует бросить всякие эксперименты по поводу этих явлений; опубликование оных приведет к одной неприятности как для Акутина, так и для других; и, посоветовав, между прочим, барыне просто полечиться от нервного расстройства — сурово удалился.

Явление 24. Публичное «разоблачение» «еленизма» комиссией

Такой неожиданный и резкий отпор со стороны скептика-немца произвел на Акутина, видимо, подавляющее впечатление, и хотя он после того долго и много бранился и негодовал на немецкую близорукость, но тем не менее, видимо, что называется, опешил.

Затем потребовал немедленного возвращения вновь на хутор, и там-то на этот раз прибегнул не совсем даже к благовидному поступку: подкупу деньгами служащего в комнатах мальчика, от которого якобы узнал, что барыня сама проделывает все эти штуки, а потом будто бы и сам уже непосредственно заметил со стороны её попытки к мистификации в бросании вещей, о чем — будучи со мной в хороших, можно даже сказать, в приятельских отношениях (мы одного с ним учебного заведения) — сообщил мне, сказавши, что доктор немец прав и что о всех бывших здесь демонстрациях он, как председатель комиссии и чиновник особых поручений, в докладе своем губернатору постарается дать какой-либо иной оборот, так что до следствия не довёдет. Он теперь видит действительно свою ошибку, как жертва мистификации со стороны моей жены, одержимой, по его словам, вероятно, особой манией дурачества, от которой и советует действительно ее полечить хоть у того же немца доктора.

Сколько ни странно и ни дико было слышать и видеть такой крутой и нелогичный поворот в мыслях и действиях Акутина (после его электричества, магнетизма и еленизма) — но, по правде сказать, мне тогда было не до рассуждений, потому что все это так тяжело ложилось мне на душу, что я, действительно, даже рад был услышать от такого компетентного лица, которому я верил безусловно во всем и уважал искренно, глубоко, — что у моей жены это не что иное, как болезнь! Стало быть, существовала надежда и вылечить ее от этого. Я тут же снова снарядил семью в городок, чтобы не

упустить из вида этого доктора, а при проводах от себя Акутина провозгласил даже тост «за торжество науки над невежеством».

Немец доктор, по исследовании организации жены, начал лечить ее чем-то (за что и взял с меня недели за две визитов рублей 50 чистоганом). И она, действительно, как будто поправилась, повеселела, явлений никаких, к нашему вящему удовольствию, не повторялось, и мы бы совсем были довольны, если б в промежуток этого времени не случилось маленького огорчения: во-первых, от появления в «Уральских войсковых ведомостях» заметки за подписью трех лиц бывшей у нас комиссии, что «все происходившие чудеса на хуторе Щапова есть дело рук человеческих», чем прямо уже набрасывалась на нас некая тень.

Во-вторых, вскоре же получено мною письмо от самого губернатора области Г.М. Веревкина, который собственноручно почтил меня предупреждением, что, так как по докладу чиновника особых поручений, все бывшие у нас явления объясняются весьма естественным путем, то он желает, чтоб впредь все эти «фокусы» не повторялись; в противном случае, писал он, вероятно, мне небезызвестно, что для распространителей суеверий существуют нешуточные законы (как известно — ссылка). Письмо это хранится у меня и теперь, и я отвечал на него тогда же, признаюсь, довольно резко, так как, понятно, мне досадно было на такую несправедливость.

Мой ответ, надо полагать, сильно не понравился генералу, ибо когда, через пять лет после этого, в 1876 году, за меня просил атаман отдела полковник Темников и предлагал назначить меня станичным атаманом, то Веревкин на это, со свойственным ему нетерпеливым выкриком и с заметным волнением, отозвался: «Нет-с... нельзя-с... он спирит-с...» У него была привычка прибавлять «с», в особенности когда волновался.

Цитата из разоблачительной статьи Акутина и Савичева

(«Уральские войсковые ведомости» от 14.03.1871)

...«Комнатка чудес» — так назовем мы помещение, по преимуществу облюбленное «неведомой силой», — отделялось от комнаты наблюдателей большой стеклянной дверью с черными непрозрачными стеклами, и выстукиванья производились в эту дверь, а также в стены и в окно комнаты. Одно звено в двери белое, прозрачное, и через него можно было наблюдать всю комнату, в которой ночью горел огонь.

...Постукивания слышались нам то в рамы, то в звенья двери, они были не лишены известной музыкальной правильности и ощущались с такой ясностью, что приложенная к стеклу ладонь как бы чувствовала пальцы, выбивавшие такт по стеклу с противоположной стороны, т.е. из комнатки; между тем, в прозрачное звено ясно было видно, что около вибрирующего стекла нет никакого стукающего предмета; иногда звук слышался в самом прозрачном стекле. Постукивания, как сказано, производились и в окно комнатки, совершенно открытое наблюдателям, причем также не замечалось ничего вещественного, могущего производить звук.

Явления эти были загадочны до тех пор, пока нам самим не удалось воспроизводить почти все слышанные звуки, пользуясь аккустическими эффектами, которым весьма благоприятствовало обилие стекла, заключенного в подвижные рамы (мы говорим о стеклянных дверях).

Опыт делался при следующих условиях: в то время как наблюдатели находились у своего поста, один из нас переходил в «чудесную» комнатку и производил выстукивания в разные части стеклянной двери, пола, кушетки, подоконники и т.п.; наблюдателям очень редко удавалось определить тот пункт, из которого звук исходит; тихие постукивания близ наблюдателей казались им выходящими издалека, более же энергичные слышались у самого уха, в ближайшем звене, которое ясно вибрировало под приложенной наблюдателем ладонью, хотя выстукивания производились очень далеко от стекла, в филенку двери, около пола. Гласные звуки, произведенные в одном углу, слышались в совершенно другом, стук в подоконник казался исходящим из самого окна и т.д.

Все это убедило нас, что если ловко пользоваться прикрытиями вроде кушетки, люльки, кровати и пр., то можно устроить весьма эффектную звуковую мистификацию.

...Ни одно из этих явлений не стоит выше того прозаического объяснения, что «все сие дело рук человеческих». Мы имеем на это слишком много доказательств и положительно ручаемся, что, при учреждении надлежащего контроля и при умении избирать пункты и предметы наблюдения, никаких чудес наблюдатель не увидит и не услышит.

Почти уверены, что более не будет происходить на мельнице г-на Щапова никаких загадочных явлений, а если бы они и возобновились, то, при надлежащем внимании, г-ну Щапову нетрудно было бы изловить проказника или проказников и показать все-

му заинтригованному миру, что они не отличаются никакими сверхъестественными атрибутами, а похожи на обыкновенных смертных, не снабженных ни хвостами, ни рогами, ни когтями.

..Дальнейшее повторение этих явлений едва ли возможно и потому еще, что в предупреждение их администрацией приняты надлежащие меры».

Схолии к действию III

Схолия 10. САМОЛЕТАНИЕ

К явлению 16

Данность 16-я: факт исчезновения взлетающих предметов из поля зрения

Как вы думаете, что означает то, что очевидцам самолетания предметов в доме Щапова «никак не удавалось уловить того именно момента, когда вещь поднимается с своего места, а приходилось видеть ее уже только на лету и падающею»?

Это может означать, что спиритическое самолетание предметов имеет ту же природу, что и аппорт, применительно к тому участку траектории, на котором очевидцы, следящие за спиритическим полетом, не видят летящий предмет, а это, как сообщает Щапов, всегда было начало полета («когда вещь поднимается со своего места»), а иной раз и почти вся траектория, кроме момента падения.

Соображение 16-е: одно из двух – либо скоростной эффект, либо аппорт

Логика понуждает своего оператора, который есть разум и обладатель разума, *во-первых*, принять к сведению, что тут возможно одно из двух, а именно: либо очевидцы, по какому-то совпадению или наваждению, как-то так уж во всех случаях и все вместе не успевали увидеть начало спиритического полета, всегда глядя всеми глазами в другую сторону от стартовой точки полета, а если б кто из них повернул голову в моменте старта в направлении точки старта, то увидел бы начало полета, — либо (альтернативная версия) предметы и впрямь были невидимыми в начале спиритического полета, и даже тот, кто в моменте старта упирался взглядом в точку старта, не мог наблюдать начало полета, а не мог потому, что на стартовом участке траектории самопроизвольно летавшие в доме Щапова предметы были недоступны в принципе физическому зрению, то есть делались невидимыми, становясь видимыми в какой-то момент полета, в этом моменте и попадаясь на глаза свидетелям.

Во-вторых, логика говорит разуму и его обладателю, что если летящий перед глазами физический объект такой величины, как валенок или кружка, недоступен для наблюдения глазами, значит, этот объект летит со скоростью, превышающей скорость реакции глазной оптики, — либо (альтернативная версия) в той части пространства, где вы не видите летящего валенка, никакого валенка и нет.

В-третьих, руководясь логикой, вы должны заключить, что в том случае, если вся траектория спиритического полета валенка (или другого предмета) находится у вас в поле зрения как пространство комнаты и если дело обстоит так, что валенок, только что стоявший на полу, как вы сами лично видели, в следующий момент оказывается летящим у вас на глазах через комнату и падающим в другом конце ее, а начало полета валенка оказалось неуловимым для глаза, хотя стартовый участок траектории у вас перед глазами как часть комнаты, охватываемой целиком одним взглядом, так что вы, казалось бы, должны были заметить взлет валенка, но почему-то не заметили, и не только вы, но вместе с вами и все очевидцы не уловили взглядом взлет валенка, оказавшегося на взлете невидимым для всех, сделавшись через миг видимым, — значит (говорит логика вашему разуму и лично вам как его обладателю) на ваших глазах произошла природная аномалия, состоящая в моментальном превращении видимого физического объекта в невидимый и через миг в моментальном обратном превращении, каковыми метаморфозами характеризуется спиритический полет этого объекта как аномальное явление природы, раскладываемое на составные аномальные явления природы.

В-четвертых, следуя логике, уберегающей вас от алогичных, то есть ложных, умозаключений, вам надобно исключить вероятность повторяющейся коллективной галлюцинации, тем самым признав достоверным зарегистрированный факт и исключив из версий галлюцинаторный мираж, померещившийся несколько раз кряду сразу нескольким коллективно спятившим свидетелям, в другое время не выглядящим сумасшедшими.

В-пятых, логика непременно заставит вас, кроме всего прочего, подумать, а может ли валенок взлетать по траектории длиной в несколько метров с такой бешеной скоростью, чтобы стать невидимым, при этом не рассыпавшись в пыль и не загоревшись

от трения о воздух; и будь это возможно или невозможно по законам физики (что не худо бы проверить постановочным экспериментом), вы имеете логическое право объяснить аномалию незримо летящего по комнате валенка высокой скоростью валенка только в качестве одной из рабочих гипотез, принимаемых умом сперва как сколько-нибудь вяжущиеся с логикой, после чего предстоит работа по их подтверждению либо опровержению.

В-шестых, следуя логике и не уворачиваясь, как Спиридон, от требования логики серьезно и внятно отвечать на вопросы, возникающие в разуме по поводу аномальных и любых явлений природы, вы неминуемо упретесь в завершающее звено в прорисованной пошагово логической цепочке суждений, придя, наконец, к умозаключению, что в том случае, если валенок не может в принципе летать по комнате с космической скоростью, делающей его невидимым, тогда невидимым валенок и любой другой физический предмет на стартовом участке траектории спиритического полета может быть только потому, что этого предмета просто-напросто нет в комнате в начале спиритического полета.

Вы усмехаетесь? О да, это звучит совершенно невероятно и фантастично, но: это есть совершенно логичное умозаключение, так что лучше уберите усмешку — это усмешка над вашим собственным разумом, который ни к чему другому не может прийти в принципе, следуя логике шаг за шагом, как показано выше, и при этом стряхивая шоры элементарных представлений об обыденной реальности, куда не укладывается спиритическое самолетание предметов.

В-седьмых, логика потребует от разума и его обладателя сформулировать с наибольшей простотой и ясностью финальное умозаключение в цепочке, невзирая на его невероятие и руководясь логикой и только логикой, а она, направляя мысль в разуме, диктует разуму в нем самом такую формулировку: если причина того, что физический предмет становится невидимым на старте спиритического полета, а затем делается видимым, не связана с высокой скоростью предмета — значит: происходит дематериализация предмета в моменте старта с последующей материализацией в полете.

В-восьмых, логика сводит все возможные тут гипотезы к двум рабочим основным: гипотеза огромной стартовой скорости, сбрасываемой через миг + гипотеза дематериализации с последующей материализацией.

Найдите логическую ошибку в логической цепочке суждений 1-8, если вывод представляется вам алогичным.

Завершим схолию ремаркой (отложив пояснения к ней): спиритическая материализация и дематериализация — это неотъемлемые свойства одного из самых интригующих спиритических явлений, называемого аппортом (см. явление 31 «Аппорт из закрытых сундуков и шкафов» + явление 34 «Монетный аппорт из наволочки»).

Схолия 11. «ДУХОВНЫЙ ИНТЕРНЕТ»

К явлениям 19-21

Данность 17-я: факт интернетоподобной информированности полтергейста

Способность полтергейста понимать разные языки и безошибочно отвечать стуками на вопросы о том, что происходит прямо сейчас, например, на фронтах франко-прусской войны, тогда как медиум о том знать не знал и умел говорить только по-русски, — означает или может означать, что полтергейст, проявляясь, использует для своего проявления не только душевные способности своего спиритического проводника (медиума) и имеет доступ не только к той информации, что он считывает в душе медиума.

Как и Спиридон, поражавший Аксакова эрудицией, полтергейст обнаружил перед губернаторским ученым посланником (Акутиным) информированность, поразившую эксперта и похожую на информированность компьютера, подключенного к интернету.

Что касается ошибочного прогноза щаповского полтергейста об исходе франко-прусской войны, это наводит на мысль, что информированность полтергейста ограничена во времени текущим моментом, относясь к настоящему и прошлому, но не к будущему. То же отмечалось касательно Спиридона, который не обнаружил вообще никакого знания о будущем человечества (за одним малозначащим исключением: см. схолию 4 к диалогу XXI «Спиридониады») и блистал эрудицией на информационной основе человеческих книг, написанных до 1883 года.

Соображение 17-е: духовное информационное пространство

Интернетоподобная информированность о человеческом прошлом и настоящем в сочетании с неинформированностью о будущем — это, похоже, свойственно всем

спиритическим духам, а если они суть маски, то речь идет о свойствах скрывающегося под масками их общего производителя, условно названного Солярисом в ТЗ к схолиям «Спиридониады» (а в ТЗ к этим схолиям — субъектом Икс).

Интернетоподобная информированность спиритических духов, проявляющихся через душу медиума, есть факт, укрепляющий те, имеющиеся и без него, логические основания, на каких можно считать или предполагать, что души всех людей связаны в мировом духе за порогом сознания таким образом, что каждая душа может служить точкой входа для считывания информации из всех источников информации, какими пользуются люди, но в душе каждого из нас оный вход в тотальное духовное информационное пространство заблокирован в обыденном порядке вещей, с исключениями, предусмотренными в природной конструкции человеческой души для особых случаев, таких как ясновидение и телепатия.

Ясновидение и телепатия крайне редкостны для людей и весьма заурядны для спиритических духов, так что щаповский чёрт запросто и с уверенностью репортера, находящегося на месте событий, отстукивает верные ответы на вопросы ученого следователя (Акутина) о событийных деталях текущей войны в Европе.

Духовное информационное пространство, откуда, как можно предположить в качестве гипотезы, считывают информацию спиритические духи и гениальные ясновидящие, причем первые, кажется, без ошибок (кроме пророчеств), а вторые не без ошибок, — это так похоже на интернет, что вполне естественно будет мыслить это по аналогии с интернетом, если уж вообще что-то говорить об этом с попыткой осмысления и осмыслительного описания.

Данность 18-я: факт ясновидения

Щаповский полтергейст убедительно продемонстрировал спиритическое ясновидение, состоящее в данном случае в информативном знании о том, что происходит в текущий момент далеко от места полтергейста и о чем ничего не знает медиум как самосознательный субъект, а не как сомнамбула, выступающая проводником полтергейста, а вместе с тем и проводником информации, получаемой из внедушевного источника особым мысленным способом, зовущимся ясновидением.

Вы можете думать, что ясновидение на хуторе Щапова демонстрирует не потусторонний дух, называемый полтергейстом и сам назвавшийся чёртом, а дух медиума, выступивший трансовым проводником информации по принципу ясновидения, но факт ясновидения налицо, какому духу его ни приписывай, хоть духу медиума, хоть полтергейсту.

Один-единственный достоверный факт ясновидения — а факт ясновидения, зарегистрированный губернаторской комиссией на хуторе Щапова, вполне достоверен — дает достаточные основания считать ясновидение реальным феноменом и выдвигать гипотезы насчет того, как оно вообще возможно.

Логика говорит разуму, что ясновидение в принципе невозможно, если в душе нет входа-выхода в некое внедушевное информационное пространство, в отношении коего напрашивается логическая аналогия с рукотворной глобальной информационной сетью, развернутой на физических носителях, а нерукотворный аналог интернета вряд ли нуждается в таковых.

Схолия 12. ЛЖЕЭКСПЕРТИЗА

К явлениям 22-24

Из отчета Щапова плохо понятно, почему эксперт Акутин, возглавлявший губернаторскую комиссию и сперва констатировавший факт «еленизма», бишь полтергейста, резко переменился и сделался «разоблачителем». Перемена произошла в момент между двумя визитами комиссии на хутор и, похоже, обусловлена губернаторским поручением разоблачить суеверие. В документах, опубликованных Аксаковым, нет, однако, прямых свидетельств о существовании такого поручения, засим нельзя утверждать, но очень даже можно предполагать, что такое поручение было дано. И если оно было дано или приняло категорическую форму в момент между визитами комиссии, тогда не представляет никакой психологической загадки превращение экспертного заключения комиссии из исходника, признающего факт полтергейста, в итоговое «разоблачение суеверия».

Процитированный в финале действия III фрагмент «разоблачительной» статьи — пример отнюдь не тупо, а умно и весьма правдоподобно сделанного лжесвидетельства, так что, не зная всех обстоятельств дела, вам невольно захочется верить и в логичность «разоблачительной» аргументации, и в искренность экспертов.

Сравните с образцово тупым умозаключением доктора немца, что спиритические стуки «воспроизводятся ею (медиумом) от прищелкивания языком».

Правдоподобная и хитроумная ложь хуже лжи скудоумной и смехотворной, ибо: вторая очевидна и бессильна, а первая берет имя и силу истины святой и господствует под именем истины там, где истина еще не открыла свое лицо.

Действие IV. РАЗВЯЗКА

Явление 25. Прыгающий диван

И понятно, все это были для нас пустяки сравнительно с тем, что уже мы перенесли, если бы этим только и кончилось; но представьте наш ужас, что как только в первых числах марта мы перебрались в хутор, так с первого же шага в доме опять пошла разгуливать эта сила. И на этот раз явления совершались даже без присутствия жены.

Так, однажды, перед вечером, на моих глазах запрыгал на всех четырех ножках большой тяжелый диван, да еще вдобавок в то время, когда на нем лежала моя старуха-мать, перепугавшаяся, разумеется, ужаснейшим образом.

Этот случай имеет для меня особое значение потому, что до этого я все как будто не так хорошо мог проверить себя во многом из виденного и слышанного, так как во все время был посторонний народ и я мог быть под чужим влиянием, хотя, повторяю, сомнений и тогда не было, но тут ведь весь диван был на виду, так как дело было днем, под ним никого и ничего не было; мать-старуха лежала на нем совершенно спокойно; в комнате, кроме меня и мальчика у двери в передней, тоже никого не было, а между тем, пяти-шестипудовый диван с лежащей на нем старухой — раза три-четыре подпрыгнул, как сказано, сразу на всех ножках — ясно, что уж тут никак не галлюцинация.

Явление 26. Первое самовозгорание от спиритической искры

Затем в тот же или на следующий день вечером, когда мы сидели в большой нашей комнате — вдруг у всех нас на виду из-под умывального шкафчика, стоявшего в передней, с треском вылетала синеватого фосфорического цвета искра по направлению к спальной жены (где ее в это время не было), и одновременно с стремительным вылетом этой искры мы увидели, что в спальне что-то моментально вспыхнуло. Опрометью ринувшись туда, я увидел, что горит ситцевое недошитое платье, лежащее на столике в переднем углу. Затушить его предупредила меня моя теща, находившаяся одна в этой комнате и успевшая вылить на вспыхнувшее пламя кувшин воды.

Я, остановившись в узеньких дверях и не пропуская никого вперед себя в эту комнату, принялся первым долгом за исследование: не было ли причиной воспламенения платья что-либо иное, помимо виденной нами искры, как-то: упавшая свечка, спичка или т.п. Но положительно ничего такого вблизи этого места не было, а между тем, в то же время в комнате чувствовался довольно сильный и смрадный запах серы, исходившей именно от залитого платья, горелые места которого, несмотря на то что были мокры от вылитой воды, на ощупь были еще горячие, и от них шел пар, как будто вода была вылита на горячее железо, а не на ситец.

Явление 27. Огненная кульминация полтергейста

Как ни тяжело и опасно было оставлять в такое время своих семейных — двух старух и жену с ребенком, но я по одному безотлагательному делу должен был на один день поехать в город, а чтобы семейным не было страшно оставаться одним (так как мы все уже не на шутку стали бояться этих явлений) — я попросил одного юношу, соседа нашего А.И. Портнова, остаться с ними.

Вернувшись через день, застаю всю семью в сборах с уложенными уже на воз вещами; мне объявляют, что оставаться долее никак нельзя, потому что начались самовозгорания в доме разных вещей и дошло до того, что вчерашним вечером на самой хозяйке дома (т.е. моей жене) воспламенилось само собою платье, и Портнов, бросившийся тушить его на ней — обжег себе все руки, которые у него и оказались, действительно, забинтованными и сплошь почти покрытыми пузырями.

Вот что рассказал мне об этом Портнов. Вечером, в день моего отъезда, явления, кроме стуков и проч., осложнились еще появлением светящихся метеоров, которые появлялись перед окном, выходящим в наружный коридор; числом их было несколько штук и разной величины, начиная от большого яблока и до грецкого ореха; формой круглые и цветом темно-красные и синевато-розовые, не совсем прозрачные, а скорее матовые. Довольно долго, по его словам, продолжалось это удивительное летание светящихся огоньков, сменявших один другого. Подлетит такой шарик к окну, повертится по ту сторону стекла несколько времени, без всякого шума и только что скро-

ется, как на смену ему от противоположной стены коридора — другой, третий: потом два-три вместе, и т.д. продолжалась эта игривая смена огоньков, как будто желавших проникнуть внутрь дома. Жена моя не спала в это время.

На другой день к вечеру, только что они вышли посидеть на крыльцо (время настало уже теплое), как Портнов сейчас же вернулся опять зачем-то в комнату и видит, что горит постель. Зовет на помощь, сбрасывают покрывало, простыни, прогоревшие уже довольно изрядно, и, затушивши все тщательно и осмотревши кругом, не осталось ли где огня, — снова выходят на воздух от дыма в комнате и недоумевают, откуда мог появиться на постели огонь, когда там не было ни зажженной свечки, ни курящих папиросы, как вдруг снова слышат гарь в комнате.

На этот раз оказался горящим волосяной тюфяк, с нижней его стороны, около угла, и огонь настолько уже успел проникнуть вовнутрь толстой волосяной (без всякой примеси) набивки тюфяка, что, по их мнению, этого никак не могло произойти от недосмотра при тушении первого воспламенения, потому что горящие места были потушены окончательно и огня не должно было остаться, тем более что волосяная набивка — материал не горючий, не то что мочала или вата, которых тут и не было.

Примечание Аксакова: *опять-таки общая, хотя, к счастью, редкая черта в этих преследованиях, повторяющаяся только в выдающихся случаях; так, страдфортские явления закончились самовозгоранием предметов, даже в запертых ящиках; липецкие преследования также закончились поджогами, начавшимися, как и здесь, с тюфяков; но последний случай всего дороже, ибо поджог совершился на глазах.*

Явление 28. Самовозгорание платья на медиуме

Но и этим все не кончилось, а завершилось в тот же вечер такой катастрофой, после которой уже и решено было совсем оставить дом, переехать куда-нибудь, несмотря на то что уже снег таял и кругом бежали вешние ручьи.

Этот случай тот же Портнов передал мне так: «Сижу, — говорит, — я и наигрываю на гитаре, а сидевший тут перед тем мельник вышел из комнаты, а вслед за ним вскоре вышла и Елена Ефимовна, и только что затворилась за ней дверь, как я услышал откуда-то, как бы издалека, глухой и протяжно-жалобный вопль. Голос же мне показался знакомый и, оторопев на мгновение от охватившего меня безотчетного ужаса, бросился за дверь и в сенях увидал буквально огненный столб, посреди которого, вся объятая пламенем, стояла Елена Ефимовна, — на ней горело платье снизу и огонь покрывал ее почти всю. Разом соображаю, что огонь несильный, так как платье на ней тоненькое, легкое — кидаюсь тушить руками; но в то же самое время чувствую, что их страшно жжет, как будто они прилипают к горящей смоле; раздается какой-то треск и шум из-под пола, и весь он в это время сильно колеблется и сотрясается. Прибежал со двора на помощь мельник, и мы вдвоем вынесли на руках пострадавшую в обгорелом платье и без чувств».

Жена же рассказала следующее. Только что вышла она за дверь в сени, как под ней вдруг затрясся весь пол, раздался оглушительный шум, и в то же время из-под полу с треском вылетела точно такая же синеватая искра, какую мы прежде видели вылетавшею из-под умывального шкафика, и только что успела вскрикнуть от испуга, как внезапно очутилась вся в огне и потеряла память. При этом весьма замечательно то, что сама она не получила ни малейшего обжога, тогда как бывшее на ней тоненькое жигонетовое платье кругом обгорело выше колен, а на ногах не оказалось ни одного обожженного пятнышка.

Мельник передал мне так: выйдя из комнаты, он направился через сад во флигель и, не доходя до него, услышал позади себя сначала шум, а потом крик и, оглянувшись, увидал, что в сенях горит. Он до того испугался, что ноги у него подкосились, и он едва был в силах добежать на помощь.

Явление 29. Хэппи-энд полтергейста вслед за кульминацией

Что же действительно оставалось делать? Передо мною был с искалеченными от обжогов руками Портнов, обгорелое платье, на тонкой материи которого не было ни малейших следов какого-либо горючего материала, — ясно, что оставалось бежать! Что мы и сделали в тот же день, переехавши в соседний поселок в квартиру казака, где и прожили все время половодья без всяких уже тревог.

Не было никакого повторения и по возвращении нашем в дом, который я, однако, тем же летом распорядился сломать, благо и раньше этого я думал перенестись из своей усадьбы на другое место, но, вероятно, прособирался бы еще год-другой: эта же катастрофа заставила ускорить исполнение моего желания.

Так тем и закончились эти явления и никогда более не возобновлялись; да мы, признаться, избегали даже говорить об этом между собою, как от тяжелого впечатления, оставленного этими явлениями, доводившими нас даже до опасения за наше существование, так и от неприятностей, вынесенных нами от клеветы и пересудов, не исключая даже и наших исследователей, которых, однако ж, я строго не судил и обвинять не могу, так как они действовали в ту пору абсолютной неизвестности о каких бы то ни было даже намеках на медиумические явления, а потому не умели и не могли, разумеется, подыскать что-нибудь похожее на их собственные воззрения; а для публики и начальства они поневоле, для сохранения своего реноме (а может быть, и жалованья) должны были объявить, «что все это дело рук человеческих».

Упомяну при этом кстати, до какой степени люди вполне развитые упорно проникаются предубеждением и заранее предвзятым мнением. Когда мне вскоре тем же летом довелось быть в Уральске у Акутина и когда я попросил его по душе, не церемонясь, сказать мне только о том: считает ли он и меня лично в числе участников устраиваемых мистификаций, с тем чтоб, получивши от него утвердительный ответ, никогда уж к этому разговору не возвращаться, чего он, видимо, очень добивался, избегая препирательства, — тогда он тут же горячо и правдиво ответил, что меня он участником не считает ни в каком случае, а что я сам был такая же жертва обмана, как и все прочие.

На это я прямо сказал ему, что он в таком случае глубоко ошибается, и напомнил ему такие случаи, когда без присутствия жены моей и прочих домашних — бывали явления, в подделке которых участвовать мог только я или кто-нибудь из них же наблюдателей, и когда привел примеры самовозгорания, то он ответил: что если бы даже мы все на его глазах испепелились, то и тогда бы он не поверил ничему сверхъестественному, т.е. понимая под этим такие явления, которые выходили из круга его научных и шаблонных понятий о порядке вещей.

Схолии к действию IV

Схолия 13. СИЛА ДУХА

К явлению 25

Данность 19-я: факт двигательной силы полтергейста

Прыгающий диван свидетельствует о двигательной силе полтергейста, которая перемещает физические предметы в пространстве и заметно превосходит по мощности мускульную силу человека.

Соображение 18-е: общее определение силы духа

Двигательная сила полтергейста есть сила духа как нефизическая сила, в соответствии с общим простым определением силы духа, гласящим:

Сила духа есть нефизическая сила как то, что относится к нефизической природе духа и присуще духу как способность духа к силовому действию.

В число природных парадоксов (не путать с псевдопарадоксами, вроде тех, что наловчились выдумывать физики-теоретики вразрез с элементарным здравомыслием: логикой) входит и тот, что нефизическая сила духа способна производить физические двигательные действия, что каждый из нас знает по себе, управляя своим физическим телом силой воли.

Соображение 19-е: волевая разновидность силы духа: сила воли

Сила человеческой воли есть сила духа как сила мысли, действующая командным образом посредством мыслительных команд (волевых решений), исходящих от нашего мыслящего «я» в режиме волевого самоуправления собой и всем своим человеческим существом, сущим во плоти.

Управляющая сила воли производит физические действия опосредованным, а не непосредственным, образом, например: вы приняли в уме волевое решение переставить мебель в квартире и, исполняя решение, взялись руками за диван и передвинули его: на диван в непосредственном контакте действуют не воля, не мысль, не дух, а ваши физические руки как физическое орудие, управляемое нефизической силой воли, действующей опосредованным и, если угодно, информационно-программным образом через физический или, если хотите, психофизический центр управления организмом по имени мозг.

Это, к удовольствию материалистов, довольствующихся самоидентификацией в мясе мозга, сильно напоминает работу компьютера под управлением искусственного интеллекта, но компьютеру подобен только мозг человека, а не сам человек как мыслящий субъект, который в своем разумном и духовном (нефизическом) естестве по-

добен своему разумному создателю (богу), а не куску железа или мяса с управляющей программой в нем.

Принцип волевого самоуправления человека, больше известный как принцип свободы воли, правильно понимаемой в двуединстве: свобода выбора + свобода действия (см. §14 «Свобода воли» книги «Бог»), — это принцип действия силы духа, а точнее, один из принципов действия силы духа.

Данность 20-я: факт непосредственного действия силы духа на двигаемый предмет

Надо полагать, что сила духа может действовать не только опосредованным (по типу силы воли), но и непосредственным образом, то есть в непосредственном контакте духа с предметом приложения силы духа, например, в контакте с диваном, подбрасываемым полтергейстом вместе с тещей Щапова на нем.

Соображение 20-е: мысленный эксперимент с приложением силы духа

Для лучшего понимания, о чем речь, проделайте мысленный эксперимент: мысленно перенеситесь в «комнатку чудес» в доме Щапова и представьте, как не полтергейст и не дух медиума как проводник полтергейста, а ваш собственный дух без помощи физических рук и без всякого физического посредства и физического контакта подбрасывает в воздух диван с тещей Щапова на нем. Представили?

Для чистоты эксперимента, вообразите себя подопытным субъектом Дюрвиля (см. главу «с» «Эксперимент Дюрвиля» в составе фактологического предуведомления №2 «Духовное тело»): гипнотизер погружает вас в глубокий гипнотический транс и приказывает вам, точнее, вашей сомнамбуле (духу), выйти из физического тела вон, приблизиться к дивану и подбросить диван над полом; выполняйте.

Сомнамбулы Дюрвиля, однако, справлялись с командой двигать предметы не так хорошо, как это происходило на спиритических сеансах в эпоху расцвета спиритизма, когда гениальные медиумы, такие как Хьюм, поднимали над полом и собственное тело, и тяжелые предметы интерьера. Дюрвиль попытался экспериментально воспроизвести двигательные спиритические явления посредством гипнотического управления сомнамбулами, но сомнамбулы Дюрвиля оказались слабосильными и могли, как сообщает Дюрвиль, лишь чуть-чуть сдвинуть с места стол.

Спрашивается, откуда берется и каким образом прикладывается сила духа к предметам, перемещаемым на спиритическом сеансе или там, где происходит полтергейст.

Если вы представили, как ваша сомнамбула, на манер сомнамбул Дюрвиля, вышла из тела и, на манер щаповского полтергейста, подбросила диван с тещей Шапова, — этого мало: не худо бы еще представить, как вашей сомнамбулой управляет не гипнотизер, а некая потусторонняя сила духа, которая есть сила не вашего духа, но действует через ваш дух, подбрасывая диван.

Тут совершенно ни при чем сила вашего духа как сила воли, работающая посредством волевых команд, движущих через мозг вашими физическими руками, двигающими диван по команде в физическом контакте с диваном.

Но: теоретически возможно, что сила, подбрасывающая диван через дух медиума как через силовой проводник, действует принципиально таким же командным образом, как и сила воли, а именно по принципу внешнего управления сомнамбулой, наглядно демонстрируемого в гипнотизме как управление сомнамбулой силой воли гипнотизера как внешнего управляющего.

Применительно к спиритическим явлениям внешний управляющий духом медиума теоретически двоится по базовым вариантам №№1-2: субъект либо не субъект.

Соображение 21-е: отдаленная ассоциация с магнитным полем

Сила духа, зовущегося полтергейстом, действует на диван с тещей Щапова на нем с таким же результатом, как если бы это была физическая сила физических рук Геракла или каких-либо механизмов, приложенная путем их физического контакта с движимым диваном.

Не угодно ли вам будет помыслить ассоциацию, логически равноправную с ассоциацией Геракла и ассоциацией подъемного механизма, пускай более отдаленную, а именно: нефизическая двигательная сила, присущая невидимому нечто, называемому духом, напоминает силу магнитного поля и не столько потому, что так называемое (с подачи физиков) магнитное поле тоже невидимо (ведь глаз видит в физическом мире гораздо меньше, чем нам кажется под впечатлением грандиозности уже того, что может видеть только глаз), сколько потому, что магнитное поле, аналогично духу, не является вещественным физическим телом, состоящим из атомов и молекул.

И так же, как и дух, невидимое нечто, называемое физиками полем, сливается в нашем восприятии с пустотой мирового пространства до неразличимости, обнаруживая себя своим силовым действием на физические тела, по виду, да и по сути, столь

же чудесным и загадочным даже в банальном самоверчении стрелки компаса, сколь чудесно и загадочно подбрасывание неведомой силой дивана с тещей Щапова на нем.

Недаром ученая комиссия первым делом предположила магнитную аномалию в причине щаповского полтергейста и приступила к замерам приборами, которые ничего не показали, зато предполагаемая магнитная аномалия показала свою видимую разумность, вступив в прелестнейший чисто эстетически (по красоте игры) диалог с комиссией посредством обескураживающих стуков, совсем как разумное существо, поразумней лжеэкспертов.

Как вы понимаете, магнитное поле вряд ли способно разговаривать стуками, но это не значит, что оно материально, как уверяют самих себя и всех физики, не утруждая себя доказательством такого постулата, мол-де, само собой разумеется, что если стрелка компаса бегает, значит, действующее на стрелку магнитное поле есть нечто материальное.

Вот так же для материалистов само собой разумеется, что вы, читающий (-ая) эти строки, — кусок мяса мозга, мыслящий наподобие вашего персонального компьютера, а не наподобие бога, как возражает материализму философия духа и призвана это доказать с такой же логической очевидностью, как дважды два — четыре.

Данность 21-я: факт вещно-контактного взаимодействия духа и тела

Несомненно и аксиоматично, что если диван с тещей Щапова на нем подпрыгивает, значит, к дивану приложена сила и приложена непосредственным образом, а не опосредованным или не только опосредованным (по типу силы воли).

А поскольку это есть сила духа, постольку непосредственно контактирует с диваном дух, будь это потусторонний дух, не совпадающий с духом медиума, или будь это экстериоризированный (вышедший из тела медиума: развоплощенный: флюидический, говоря в терминах спиритов) дух медиума как силовой проводник полтергейста.

Заметим, далее, в развитие мысли, вложенной в эту схолию, что шар, вынырнувший из-под дивана с тещей Щапова на нем (см. явление 5 «Прозрачный малиновый шар») есть материализация духа вне физического тела медиума, случившаяся, по совпадению, под тем же самым диваном, который вместе с той же тещей на нем подбрасывался в другой раз силой того же самого духа, обнаружившего себя путем материализации в шаровой форме, а потом еще и в форме спиритической руки (см. явление 30 «Спиритическая рука»).

Если бы Щапов, созерцая прыгающий диван, увидел под диваном материализованную руку или шар, наверняка он подумал бы, что эта рука и подбрасывает диван либо этот шар служит физическим передатчиком силы, подкидывающей диван. Но похоже, что для производства спиритических движений сила духа может обойтись без физических посредников.

Бесплотный (не находящийся в физическом теле) дух, подбрасывающий диван с тещей Щапова, есть нечто, занимающее собой некоторое место в пространстве (как место силы, сказал бы эзотерик) и, находясь в определенном месте, там же обнаруживающее себя силовым действием, выражающимся в толчках, подбрасывающих диван, или в стуках в твердую поверхность, или в скрёбе по жесткой поверхности и проч.

Природный механизм спиритических стуков, скрёбов, толчков подразумевает непосредственное, равнозначное прямому контакту, взаимодействие физических объектов с бесплотным духом как нефизическим объектом, находящимся в вещно-контактном (как вещь с вещью) соприкосновении с предметами, испытывающими толчки, удары и иное воздействие, имеющее нефизическую природу, но происходящее с физическим результатом в виде прыгающего дивана, летающих ножей и валенок, передающих мысль стуков и т.д.

Для сравнения (к данности факта вещно-контактного взаимодействия духа с телом): в число хрестоматийных спиритических явлений входит прикосновение невидимой спиритической руки, ощущаемое точно так же, как прикосновение физической руки живого человека; и поскольку рука невидима, то она может пониматься как рука духа или как часть духовного тела, принадлежащего медиуму или неизвестно кому, а поскольку невидимая рука осязается физически, постольку спириты оперируют тут (как и применительно к раздвоению, по типу видимых прозрачных двойников Эмилии Саже и Дэниела Хьюма: классика феномена) понятием частичной материализации, характеризующейся различной степенью прозрачности, вплоть до полной прозрачности.

Казалось бы, физически ощущаемое (и, разумеется, не галлюцинаторное) прикосновение подразумевает физический контакт взаимодействующих физических объектов, в данном случае, контакт физического тела человека, с одной стороны, и частично материализованной, но в такой слабой степени, что совершенно прозрачной на вид руки духа, однако вот что не худо бы в этой связи взять в толк: материализованный

(не суть, в какой степени) дух — это, строго говоря, не дух, а физическая форма духа, приданная духу.

Соображение 22-е: материализация духа есть обретение духом физической формы

Философия духа долженствует всеми возможными логическими, фактологическими и экспериментальными способами доказывать и разъяснять дуализм духа и материи. В азах философии духа должно быть с исчерпывающей логической ясностью сформулировано (см. §1 «Дуализм духа и материи. Простая логика идентификации духа») и со всех философских кафедр, коснеющих ныне в безбожной западной софистике, должно возвещаться с внятными пояснениями без софистических туманов, что живая плоть нашего организма есть материальная противоположность духа как вещественно-физическая форма духа, состоящая из атомно-молекулярной материи (вещества), тогда как дух не состоит из материи и есть нематериальная противоположность материи просто-напросто как то, что (почувствуйте простую логику диалектики) не состоит из материи и, следовательно, подлежит определению как нечто нематериальное: как не материя.

Дух — не материя, имея в виду все возможные, мыслимые и немыслимые, разновидности материи, будь то очевидные де-факто вещественные атомно-молекулярные формы материи с антиматерией в придачу и будь то гипотетическая темная материя, гипотетическая полевая материя, гипотетическая виртуальная материя, гипотетическая эфирная материя, гипотетическая тонкая материя и какая там еще мыслима материя.

Спиритическая материализация духа, хоть полная, по типу Кэти Кинг, хоть частичная, по типу прозрачного силуэта двойника Эмилии Саже или Дэниела Хьюма и всех классических ПП, бишь прижизненных призраков (см. фактологические предуведомления №№1-2 «Спиритическая материализация» и «Духовное тело»), есть обретение духом материальной формы, уловимой глазной оптикой и двояко возможной как живая плоть спиритических существ типа Кэти Кинг и как видимые силуэты спиритических призраков.

Соображение 23-е: дуализм биологической и спиритической материализации духа

Спиритический способ полнокровного (а не призрачного) воплощения духа в лице спиритических существ образца Кэти Кинг принципиально не таков, как биологический, осуществляющийся по генетическому алгоритму развития плода, но принципиально одинаков дуализм духа и тела в конструкции человеческого существа, с одной стороны, и в конструкции спиритического существа, не отличимого внешне от человека, с другой стороны: в обеих конструкциях физическое тело есть состоящая из материи форма воплощенного духа, не состоящего из материи и скрепляющего самим собой свою же материальную форму, которая, лишаясь духовных скреп, распадается на мелкие составные элементы, когда дух покидает тело в смертный час, в одном случае (биологическом), и когда кончается материализационный сеанс по исчерпании затрачиваемой на сеанс медиумом духовной энергии (силы), в другом случае (спиритическом).

В спиритическом случае физическая форма духа исчезает на глазах очевидцев, словно сказочный мираж, а в биологическом — распадается годами, но при этой разнице логически совершенно очевидно, что (столь же, по сути, чудесное, как и спиритическая дематериализация духа) превращение живой плоти живого организма в неживую материю с дальнейшим распадом в тленный прах стартует в момент отлетания духа от тела, зовущийся смертью.

Соображение 24-е: формообразование живого тела – работа силы духа в организме

Сила, связывающая материю в живом организме и не дающая плотской форме духа рассыпаться в тленный прах, до тех пор пока дух пребывает в теле, есть сила духа, имеющая нефизическую природу, как и спиритическая сила, подбрасывающая диван с тещей Щапова.

Разница: применительно к дивно прыгающему дивану силовое действие выражается в двигательных толчках и производится бесплотным духом, не имеющим физического тела или вышедшим из тела (экстериоризированным: развоплощенным, как говорят спириты), а применительно к дивному синтезу организма из материи силовое действие производится воплощенным духом, заключенным в своем физическом теле как в своей материальной форме, и выражается в живом соединении в живое целое всех составных частей организма на молекулярном и анатомическом уровне конструкции организма, вся жизнедеятельность которого есть проявление воплощенного в организме духа и проявленное действие силы духа как движущей силы всех

жизненных процессов, неостановимо протекающих в организме до остановки в час отлетания духа от тела.

Взаимосвязанная жизненная работа всех органов живого тела есть работа силы духа, которая есть жизнь как жизнедеятельность организма.

Живая сущность организма, превращающая неживую материю в живую плоть организма, подлежит определению в философии духа как дух организма в логических рамках фундаментального дуализма духа и материи и в логическом соответствии с фундаментальной диалектикой формы и содержания, где содержание есть нефизическая живая сущность организма (дух), а форма — физическое тело организма (материя).

Превращая неживую материю в живую плоть, дух организма (который не надо путать с душой) производит на материю живого тела силовое действие, придающее множеству молекул тела заданный порядок расположения и движения в пространственном объеме тела.

Упорядоченное расположение и движение материи в пространстве под действием силы духа логически сравнимо для наглядности с тем, как застраиваются в заданном порядке железные опилки под действием силы магнитного поля в школьном опыте.

Пояснение к наглядному сравнению: магнитное поле, как и дух, не является вещественным физическим телом, состоящим из атомов и молекул, но движет атомами и молекулами и состоящими из них физическими телами путем прямого силового воздействия на них; сходным образом сила духа движет материей тела, пока дух пребывает в теле; а когда дух отлетает от тела, прекращается действие силы, связывающей материю организма как живую плоть, и стартует тленный распад.

Отдаленная весьма, но не натянутая отнюдь аналогия с силой магнитного поля помогает смелее мыслить прямое силовое действие духа на материю как факт, состоящий, в частности, в перемещении физических предметов спиритической силой в непосредственном контакте невидимого духа с перемещаемым предметом вроде самолетающего валенка.

Соображение 25-е: силовая проводимость духа есть управляемость духа

Сравнительная аналогия другого рода: гипнотическая сомнамбула, исполняя волю гипнотизера, движима силой воли гипнотизера по команде гипнотизера, принимаемой к исполнению за порогом сознания, а это все равно что сказать, что дух загипнотизированного субъекта служит силовым проводником воли гипнотизера, подобно тому как (повторим лишний раз для пользы дела) дух медиума служит силовым проводником в природном механизме спиритических явлений вообще и щаповской чертовщины в частности.

Принцип волевого самоуправления человека, он же принцип свободы воли как свободы выбора и действия, есть командный принцип управления живым существом, примененный к сознанию души и работающий в сознании души и обладателя души (человека) посредством самоличных волевых решений человека, принимаемых нашим мылящим «я», находящимся, что называется, в себе и в памяти, читай: в сознании, как в самом себе, а не вне сознания, все равно что вне себя и под управлением не своим собственным.

За порогом сознания тот же командный принцип работает в режиме стороннего (внешнего) управления человеческой сомнамбулой путем замены управляющего субъекта откуда-либо со стороны (извне), что хорошо заметно в фактологии гипноза, где мыслящее «я» загипнотизированного субъекта заменяется мыслящим «я» гипнотизера за пультом командного управления человеческим существом, лишенным своего хозяина (человека), являющегося самим собой (человеком) и господином себе, находясь не вне себя, то есть не вне сознания, а в себе, то есть в сознании, где человек владеет собой и управляет собой волевым образом как самосознательный субъект и мыслящее «я», которое под гипнотическим воздействием, грубо говоря, отключается вместе с сознанием, а точнее сказать, впадает в трансовое состояние формализованного небытия (см. опр. 3.4 «Небытие» в книге «Бог»).

На сеансе гипноза налицо тот, кто управляет гипнотической сомнамбулой: гипнотизер.

На спиритическом сеансе и на месте полтергейста тот, кто или то, что управляет духом медиума, представляет теоретическую загадку, усугубленную мистификаторским спектаклем, разыгрываемым в спиритических диалогах и в спиритических явлениях некими спиритическими духами, кои за обыкновение сами называют себя духами умерших, а иной раз заявляются этаким чёртом, как щаповский полтергейст.

Данность 22-я: факт внушаемых формообразований в теле по типу стигматов

В чудесах гипноза, то есть в гипнотических явлениях, явствует де-факто, что сила духа не только движет телом по команде или без, но и производит ***формообразова-***

ние в теле, волевую причину которого в области гипноза повелось называть внушением и которое в области спиритизма происходит как ***формообразование тела***, то есть как спиритическая материализация, частичная или полная.

Иллюстративная цитата из считающегося классическим научного труда Уотерфилда «Гипноз»:

«Гипнотизер говорит: «Сейчас я дотронусь до тебя раскаленным железом», — а потом дотрагивается просто своим рукавом, объект испытает боль, почувствует ожог, и на этом месте вздуется настоящий волдырь... Гипнотизер Бурю в 19-м веке во Франции начертал на руке пациента свое имя тупым карандашом и сказал ему, когда тот находился в глубоком трансе, что завтра утром его рука будет кровоточить вдоль прочерченной линии. Так это и произошло: утром по всей линии выступили красные капельки крови. Сообщалось и о многих других подобных случаях в 19-м веке, пока наконец ученые не почувствовали необходимость дать этому явлению название и назвали его довольно метко — «автография кожи». Произвольное создание пузырей на собственной коже было проверено в современных лабораториях; это общепризнанный феномен гипнотизма. Одним из самых необыкновенных результатов взаимодействия духа и тела является феномен стигматов — кажущееся чудесным появление кровоточащих ран, соответствующих ранам распятого Христа».

Гипнотическое формообразование в теле вполне логично определяется в этой цитате как «результат взаимодействия духа и тела», а точнее говоря, это есть результат действия силы духа на тело как формообразующей силы, действующей в теле на тело или на части тела и меняющей форму тела, создавая в теле аномальное, в данном случае, формообразование в виде внушенных волдырей, кровавых автографов и стигматов.

Выразительно, а главное, достоверно иллюстрируемый приведенной цитатой гипнотический принцип внушения есть один из принципов действия силы духа, производящей по принципу внушения аномальное формообразование в теле в виде стигматов, ожоговых волдырей, кровавых автографов.

Соображение 26-е: гипнотическая материализация образа силой мысли

Работа гипнотического принципа внушения есть вариация работы принципа зеркала как отражательная материализация представления, внушенного гипнотизером или созданного самовнушением и материализованного путем формообразования в теле, то есть путем образования в теле стигматов, или волдырей, или кровавых автографов и т.п.

Аномальное формообразование в теле, объясняемое в специальной научной литературе принципом внушения, производится силой духа как силой мысли и силой так называемого воображения, в котором возникает образ стигматов, ожоговых волдырей, кровавых автографов, воображаемых с такой силой и настолько реалистично, что образ (который есть нечто мысленное и нематериальное) зеркально материализуется в теле в форме стигматов, ожоговых волдырей и автографических образований на коже.

Спрашивается, как такое вообще возможно? Да принципиально так же, как возможна спиритическая материализация и как вообще возможно живое тело.

Ибо: живое тело есть материальная форма духа, принимаемая, а лучше сказать, приобретаемая духом в результате материализации в нем самом абсолютного проекта (образа) тела, запрограммированного (генетически закодированного) в абсолюте и реализующегося в мире как биологическая (а по другому алгоритму — спиритическая) сборка тела из материи.

Соображение 27-е: вместилище физического тела – дух

По поводу организменного дуализма духа и тела принято говорить, что дух пребывает в теле: содержится в теле. Это есть естественная обыденная видимость, ибо: дух незрим, а тело зримо, и дело автоматически и непроизвольно представляется уму так, что то, что зримо (тело), содержит в себе то, что незримо (дух).

Но если подумать, то логически точнее будет выразиться наоборот: тело содержится (существует) в духе как то, что сконструировано и сформировано в духе из материи и скрепляется в духе силой духа как материальная и зримая форма нематериальной и незримой сущности, зовущейся духом.

Соображение 28-е: физическое тело – внешняя форма духа

В дуализме тела и духа как формы и содержания дух есть нечто внутреннее и сущностное (сущность: содержание), а тело есть нечто внешнее как приобретенная духом форма: принятый вид; причем речь идет о внешней форме, подобной тому, что зовется внешним видом и принципиально отличной от того, что называется внутренней фор-

мой.

Физическое тело живого существа (плоть) есть внешняя форма духа, приданная духу как оболочечное, с позволения сказать, обличие, подобное облачению, одеянию и пространственной постройке, служа физической оболочкой, физическим вместилищем и физическим жилищем духа в физическом мире. Это с одной диалектической стороны: извне.

С другой диалектической стороны (изнутри), дух сам есть вместилище (внутреннее) своего телесного (внешнего) вместилища, то есть своего физического тела, сформированного в духе и содержащегося в духе, не будучи духом по своей собственной природе, а будучи природной противоположностью духа, зовущейся материей.

Соображение 29-е: дуализм духовного тела человека и духовного тела организма

Как нефизическое вместилище физического тела дух есть нематериальный пространственный объект, занимающий то же место в пространстве, что и физическое тело, и являющийся пространственной нематериальной копией физического тела, в связи с чем вполне логично возник термин: духовное тело. Синонимичный термин, более распространенный, но менее точный: астральное тело.

Если погрузить человека в гипнотический транс и, как делал Дюрвиль, извлечь из физического тела человека духовное тело человека (которое есть дух души и сомнамбула), то в физическом теле человека останется дух организма, который тоже можно назвать духовным телом, но духовным телом не человека и не души человека, а организма, существующего в своем собственном, организменном, духе как в нематериальном пространственном вместилище и носителе духовной энергии (силы), связывающей материю организма и обеспечивающей жизнедеятельность организма.

Затронутая диалектика духовного тела логически легкодоступна, но, конечно, не для материалистов с атеистами, тупо отрицающих дух, и не для эзотериков, которые произвольно множат духовное тело человека в своем воображении и называют астральным телом одно, эфирным телом — другое, тонким телом — третье, ментальным телом — четвертое, умудряясь измыслить еще и пятое, и шестое, и седьмое духовное тело.

Во избежание путаницы и для пресечения эзотерического фантазерства следует исходить из базовой диалектики тела и духа, которая применительно к организму любого живого существа логически эквивалентна дуализму физического и духовного тела организма.

В конструкции человеческого существа базовый дуализм тела и духа усложнен дуализмом человеческого духа как духа организма и духа души, где дух души, а не дух организма, есть то, что однажды повелось называть астральным телом человека, а точнее будет называть это духовным телом человека, ибо природа его духовна и оно есть сам дух человека, он же дух души, собственной персоной как бессознательный субъект: сомнамбула.

Эзотерики не различают дух организма и дух души и, абстрагируя дух от плоти в человеческом существе, вычленяют только дух души как дух человека и произвольно разделяют дух человека на несколько духовных тел числом до четырех и больше, что есть просто фантазерство, которое высвечивается, пресекается и запрещается логикой диалектики.

По логике диалектики, невидимое духовное тело, припрятанное в человеческом существе под видимой плотской (организменной) формой человеческого существа, двоично по принадлежности к организму, с одной стороны, и к душе, с другой стороны.

Только духовное тело души (дух души, но не дух организма) является человеческой сомнамбулой, сущей за порогом сознания как бессознательная личность человека и способной временно отделяться от физического тела (экстериоризироваться); и термин астрального тела возник по факту прижизненной отделимости человеческой сомнамбулы от физического тела в качестве ПП (прижизненного призрака).

Поскольку человек не есть ни тело организма, ни дух организма, ни какое-то, как думают материалисты, виртуальное (психо-физическое) производное организма, живущее своей информационно-программной жизнью в биокомпьютере (в мозгу), постольку человек, строго говоря, существует не в организме своем, а в душе своей и в своем собственном духовном теле, которое есть дух души, составляющий живое единство с духом организма, но не составляющий тождества с оным и потому способный прижизненно отделяться от организма (экстериоризироваться).

А вот организменный дух неотделим от организма в рамках жизненного цикла организма, по той простой логике, что дух организма есть то, что делает организм живым и пребывает в организме как сама жизнь: как живая сущность организма.

Заменим к слову, что астральный шнур, о коем так уверенно говорят знатоки экстериоризации (в том числе Дюрвиль), связывает экстериоризированное духовное тело человека, строго говоря, не с физическим телом, а тоже с духовным телом, неотделимым от человеческого организма при жизни организма как дух организма, который не есть тот дух, что широко известен как человеческая сомнамбула и является принадлежностью не организма, а души как дух души, духовное естество души и духовное тело души, оно же духовное тело человека как духовного существа, существующего в душе своей, все равно что в самом себе.

Для сравнения: будет логической ошибкой сказать, что человек существует во плоти, все равно что в самом себе.

Во плоти-то во плоти, но не как то, что есть плоть.

Ибо: естество человека (в котором человек есть то, что он есть по своей нефизической человеческой природе) составляет не материя, составляющая плоть человека как то, что есть плоть по своей плотской (материальной: физической) природе.

И стало быть, духовное тело человека дано в единственном числе как нечто неделимое и противоположное организменному духу, который тоже можно назвать духовным телом, но во избежание путаницы этот термин применяется в книге «Дух» по принадлежности к душе человека и обладателю души, но не по принадлежности к организму (если не сделано специальных оговорок, как в логической конструкции соображения 29-го).

Дух организма, служа духовным вместилищем физического тела, одновременно служит и вместилищем души в конструкции человеческого существа.

Это значит, что духовное тело души содержится в духовном теле организма и составляет с оным живое единство, которое чувствует каждый из нас, людей, ощущая себя слитым воедино со своим физическим телом, как будто оно есть сам человек, но это иллюзия.

Эта иллюзия обусловлена, во-первых, тем, что живое физическое тело есть живая форма воплощенного духа, которая должна ощущаться живым обладателем и насельником ее как свое живое естество, а точнее, форменное естество (плотское), но не сущностное естество (бесплотное), в котором воплощенный дух не есть плоть, а есть он сам, дух, как нематериальная живая сущность организма.

Во-вторых, воплощенный дух (организменный) служит живым вместилищем не только человеческого организма, но и бесплотной человеческой души, составляя за порогом сознания живое целое с духом души, которое таково, что душа (и обладатель души: человек) ощущает физическое тело (плоть) как свое собственное тело и не ощущает разницы между своим невидимым духовным телом и своим видимым физическим телом, не говоря уж о дуализме духовного тела по принадлежности к плоти и по принадлежности к душе.

Схолия 14. ПЕЧКА ДУХА

К явлениям 26-28

Данность 23-я: факт спиритического самовозгорания

Огненная кульминация щаповской чертовщины, состоявшая в череде самовозгораний домашних предметов и подытоженная самовозгоранием платья на медиуме, есть результат действия спиритической силы, как и двигательные явления, с той разницей, что в одном случае силовое действие заключается в перемещении предметов, а в другом — в воспламенении предметов.

Поджигательский полтергейст приводит дух медиума, образно говоря, в состояние «спиритической печки», стреляющей искрами в виде «светящихся метеоров», которые в качестве физически видимых объектов являются продуктами спиритической материализации и, судя по свидетельствам очевидцев, служат или могут служить физическими переносчиками зажигательного заряда, подобно обыкновенным искрам из костра.

Соображение 30-е: дуализм буквальной и условной дематериализации

Феномен спиритического сгорания предметов сродни феномену спиритической дематериализации предметов как распад физических предметов на невидимые глазом мелкие части, будь то продукты горения и будь то другие продукты распада.

О природном механизме спиритической материализации и дематериализации можно пока только гадать (строить гипотезы), но логика позволяет, по крайней мере, умозаключить, что спиритическая материализация — это синтез физического объекта из материи, откуда-то взявшейся незаметно для наблюдателей, а спиритическая де-

материализация — это распад физического объекта на невидимые продукты распада, куда бы те ни девались с глаз наблюдателей, растворяясь в окружающей физической среде (вариант №1) или дематериализуясь в буквальном смысле этого слова (вариант №2).

История спиритизма сохранила достоверные свидетельства о том, что спиритическая материализация, как и дематериализация, может протекать с разной скоростью: Аксаков засвидетельствовал, что Кэти Кинг моментально появлялась и исчезала перед ним на сеансе в доме Куков, а Конан Дойл приводит в своей «Истории спиритизма» описание медленной материализации Иоланды в течение четверти часа, а также упоминает медленную материализацию цветочного аппорта в исполнении мадам де Эсперанс, позирующей на знаменитом снимке рядом с огромным цветком, произросшим на глазах свидетелей чудесным спиритическим способом, а увядшим обыкновенным образом.

Спиритическое сгорание предметов позволительно рассматривать как сравнительно медленную дематериализацию, отличную по скорости, а вместе с тем и по виду, от моментальной дематериализации с одинаковым результатом в виде исчезновения предмета в поле зрения, но при этом термин дематериализация применяется в условном смысле, обозначая распад видимого предмета на невидимые элементы, тогда как в точном и буквальном смысле слова дематериализация есть исчезновение материи в вакууме.

И касательно обратной метаморфозы, называемой спиритической материализацией, следует иметь в виду двоякий смысл термина: условный и буквальный.

Соображение 31-е: тезис о превращении духовной энергии в физическую

Памятуя о том, что физики описывают физическое горение как превращение физической энергии из одной формы энергии в другую, напрашивается аналогичный тезис, гласящий, что спиритическое горение есть аномальное (относящееся к области спиритизма) превращение духовной энергии, питающей силу духа и скрытой в духе медиума, в физическую энергию, вызывающую возгорание и переносимую материализованными «святящимися метеорами» или переносимую как-либо иначе без посредства спиритических искр.

Позволительно сказать, что и биологическая жизнедеятельность организма обеспечена превращением духовной энергии в физическую.

Схолия 15. ЗАНАВЕС

К явлению 29

Соображение 32-е: запрограммированность полтергейста

Щаповский полтергейст начался спиритическими стуками, развивался по нарастающей в череде классических спиритических явлений и увенчался огненной кульминацией, после чего наступил хэппи-энд, состоявший в счастливом прекращении полтергейста без трагических последствий, хотя с материальным уроном в виде потерянного дома.

Чертовщина закончилась, как страшный сон, спиритический чёрт сгинул, все живы, здоровы и счастливы — занавес: это классический хэппи-энд, учитывая театрально-мистификаторский и мистически-жуткий характер щаповского полтергейста.

Ввиду театральности щаповского полтергейста и его завершенности как спиритического спектакля с завязкой, развязкой и развертыванием действия в направлении кульминации и хэппи-энда, создается впечатление запрограммированности полтергейста как действия, вершащегося по сценарию в ограниченном сценарием (программой) интервале времени от сих до сих: около четырех месяцев от первых плясовых стуков до огненной кульминации: время, достаточное, чтобы почувствовать весь драматизм классической спиритической чертовщины в роли жертвы, но это не тот случай, когда драма перерастает в трагедию.

Такое ощущение, что трагедия заведомо исключена программой полтергейста, в которую заложено упомянутое в схолии 4 моральное ограничение полтергейста как закономерного явления природы, происходящего по своему особому закону, но в моральных рамках, заданных нравственным законом так, что полтергейст зловреден в меру и не может вершиться катастрофически как трагедия, в отличие от множества других природных явлений.

Действие V. РУКА, АППОРТ И РАЗДВОЕНИЕ

Явление 30. Спиритическая рука

Забыл еще в своем месте упомянуть о том, что было два случая видеть так называемую теперь материализацию (тогда же просто мы называли дьявольским наваждением).

Так, в первый раз жена видела явственно в окне просунувшуюся между ставнем руку величиною, по её словам, как у десятилетнего ребенка, совершенно черного цвета, но с красными светящимися ногтями, которыми та и барабанила в стекло, или, как жена говорит, с просвечивающими ногтями, т.е. когда вы поднесете вашу руку к зажженной свече, то цвет ваших ногтей именно будет таков.

Потом в том же окне видела два каких-то темного цвета живых существа вроде пиявок, которые и напугали ее до обморока.

А другой раз я уже сам, будучи один в доме и добиваясь несколько часов подсмотреть, кто и как (не жена ли сама, притворяясь спящею) барабанит по полу в её спальне, — несколько раз незаметно подкрадывался к дверям спальни, где стуки по полу шли непрерывно, но каждый раз лишь только я чуть-чуть заглядывал в спальню — звуки приостанавливались и тотчас же возобновлялись снова, когда я отходил или отводил только глаза от внутренности спальни, как будто дразнили меня.

Но вот, полагаю, в двадцатый, а то и больший раз я как-то вдруг ворвался в комнату, лишь только там начались стуки, и... оледенел от ужаса: маленькая, почти детская розовенькая ручка, быстро отскочив от пола, юркнула под покрывало спящей жены и зарылась в складках около её плеча, так что мне ясно было видно, как неестественно быстро шевелились самые складки покрывала, начиная от нижнего его конца до плеча жены, куда ручка спряталась.

И пугаться-то, кажется, особенно было нечего, но меня, как я говорю, оледенил ужас, потому что спрятавшаяся ручка была вовсе не рука моей жены (хотя и у той руки были небольшой величины). Это уж я заметил ясно, и кроме того, самое положение спящей жены было такое (на левом боку, отворотившись к стене), что при её неподвижности на моих глазах невозможно было спустить руку на пол и потом так неестественно быстро поднять ее в одной вертикальной линии с плечом...

Что тут надобно было думать — галлюцинация? Но нет, тысячу раз — нет! Я этому совершенно не подвержен. Обман со стороны жены, её болезненное к тому предрасположение? Но форма, цвет, величина самой ручки, какую я видел?

Примечание Аксакова: *очень редко удающееся и тем более драгоценное наблюдение, подтверждающее давно известный в медиумизме факт материализации вообще и появления рук в особенности, действие коих столь часто наблюдается на темных сеансах. Здесь важно то, что ни г-жа, ни г-н Щапов не имели даже никакого понятая о том, что разумеется в спиритизме под словом материализация, а тем не менее оба при свете увидали таинственную руку и их описания совпадают, а Щапов даже накрыл ее в момент действия. Что касается до «живых существ вроде пиявок», то описание это слишком неопределенно, чтоб можно было сделать какое-нибудь заключение; но все-таки можно подыскать в спиритизме нечто аналогичное и этому — в отделе неопределенных, бесформенных, вернее, нечеловеческих материализаций, правда, весьма скудном, но все же существующем.*

Явление 31. Аппорт из закрытых сундуков и шкафов

Покойница была женщина вполне солидная, серьезная, любящая мать и жена, строго религиозная и никаким болезненным припадкам до самой смерти (от родов в апреле 1879 года) не подвергалась. А между тем, все почти явления, как-то: летание вещей и стуки, — как бы прятались за нее, отчего многим казалось, что это делает именно она сама, в особенности в тех случаях, когда наблюдали с недоверием или сомнением, хотя в то же самое время можно было привести сто шансов против одного за невозможность исполнить ей то, что совершалось, так как зачастую многие вещи, как-то: ножницы, серебряные ложки и проч. — вылетали непонятным образом из затворенных наглухо помещений — шкафа, сундука и тому подобных, до которых она в данный момент и не дотрагивалась; например, клубок шерсти, более одной четверти в диаметре (18 см), вылетел из висевшего на стене саквояжа, оставшегося закрытым и с запертыми на крышках задвижками.

Однажды наша комиссия в полном составе трех лиц и нас посторонних стольких же села обедать и жена в это время возвращалась из кладовой с полными руками банок с маринадами, то, как только она начала еще — с трудом от занятых ношею рук

— отворять наружные из сеней двери, против которых находился обеденный стол — в этот же самый момент к нам на приборы и на стол посыпались разные мелкие вещи: свинцовые пули, старые ржавые гайки и прочий хлам в количестве нескольких горстей — находившийся до этого (как я едва припомнил) в закрытом и заваленном разным громоздким старьем ящике в той же кладовой, до которого, однако, по удостоверению прислуги, барыня и не дотрагивалась.

Да и бросить ей такое количество вещей прямо на стол через одну комнату — занятыми руками — было невозможно.

Странно было еще и то, что, несмотря на силу, с какой упали эти тяжеловесные вещи на тарелки, — ни одна из тарелок не была разбита.

А все же казалось, что бросила она, хотя все, видя ее входящую в дверь, не могли заметить ни малейшего со стороны её жеста или усилия. И так, повторяю, было во всем и всегда: т.е. желание этой силы как бы скомпрометировать самого медиума.

Бывает ли это и с другими медиумами и как это надо понимать?

Примечание Аксакова: *именно в большинстве случаев так и бывает, почему так часто и ложится тень подозрения на медиума. Как надо понимать это? Так как медиумическая сила для своего проявления черпает элементы из медиума, то она в большинстве случаев и действует близ него, и только при благоприятных условиях может удаляться от медиума на значительное расстояние. Только что описанная рука наглядно поясняет это: очевидно, что стуки, метание вещей и многое другое было её проделками.*

Явление 32. Спиритический стук изнутри стекла

Еще одно последнее сказанье... Явление, достойное вниманья. Однажды, когда среди дня стучащая сила была в полном разгаре и барабанила по всему дому, — мне зачем-то часто приходилось выходить и входить в комнаты, где в это время никого не было, и каждый раз при проходе моем мимо стеклянной двери — в нее учащенной мелкой дробью систематически выбивалась как бы встреча при входе и проводы при моем выходе.

Наконец, когда это повторилось раза три-четыре подряд, — я остановился и приложил руку к стеклу с целью убедиться: отражаются ли удары в руку. И действительно — найдя на стекле то место, где под ладонью моей ясно ощущались удары, — я перенес руку на другую сторону дверного стекла, и оказалось, что и тут тоже.

Тогда я приложил уже обе ладони к стеклу двери с обеих её сторон и, к вящему удивлению, ясно ощутил удары и в той, и в другой ладонях своих рук. Следовательно, удары раздавались внутри самой массы стекла, на пространстве какой-нибудь 1/8 дюйма толщины стекла! Тут же многим из домашних я предложил испытать это, и все они одинаково чувствовали то же самое.

Примечание Аксакова: *очень хороший опыт. Над стуками было проделано тысячи разных наблюдений и опытов, но такого именно не припомню, хотя многократно удостоверено, что стуки эти могут раздаваться не только по поверхности, но и в самой массе вещества — внутри дерева или даже камня. Мне случалось получать стуки в самую подошву сапога из-под полу; а под самой ладонью, при ясно ощутимой вибрации филенки двери или шкафа — много раз.*

Явление 33. Раздвоение медиума: экстериоризация духовного тела

(Дополнение 1-е к статье)

К тому времени, когда, по желанию комиссии, мы вместе с ней переехали в Илецкий городок, в наш дом, относится и следующий случай; это было в тот вечер, когда к нам пожаловали два доктора из Уральска. Жене пришлось идти в кладовую по коридору, в конце которого было окно, а на нем кружка. От двери кладовой, к которой подошла жена, до окна было расстояние по крайней мере с сажень, т.е. еще руки на три.

Против двери кладовой в комнате с растворенными в тот же коридор дверями сидели постояльцы, бывшие в доме, и их гости. Они сидели по обеим стенам комнаты, справа и слева от двери, одни против других, так что одним было видно окно в конце коридора и стоявшая на нем кружка, другим же, напротив, была видна только дверь в кладовую и подошедшая к ней в это время жена моя.

В тот момент, как она взялась за ручку двери — кружка стремительно полетела вдоль коридора в залу, где и разбилась, кажется.

Начинается говор и спор между сидевшими в комнате против кладовой. Одни, которым было видно только окно с кружкою, говорили, что видели руку, протянувшуюся к окну и взявшую кружку; и рука эта по всем приметам должна быть рукою моей

жены, хотя им ее самое, в этот момент стоявшую у двери кладовой, — не было видно.

Другие же, поле зрения которых было перекрестное с первыми, утверждали, что им хотя и не видно было с их мест окно с кружкою, но они ясно видели самое Елену Ефимовну, взявшуюся одной рукой за ручку двери, а в другой державшую какую-то посудину — тарелку или вазу для варенья к чаю; и при этом она-де не протягивала руки к окну, до которого все равно бы она и не могла достать рукою с своего места, да и сделать этого занятою ношей рукою — ей было нельзя.

Выходило большое противоречие и даже занятная пикировка между собеседниками. Так дело и осталось неразъясненным. Но когда я, на другой день, рассказывал об этом майору Покотилову и со свойственным мне пафосом спрашивал его — кто же, по его мнению, мог взять и бросить кружку и чья это была рука? — он, будучи человеком уже пожилым и, видимо, смотревшим на всю эту историю далеко не дружелюбно и, по своему расположению ко мне, считавшим ее совсем для меня невыгодною во всех отношениях, — нетерпеливо и с комичным окриком ответил: «Да чего это ты спрашиваешь?! Да разве у чёрта рук мало, что ли?!»

Так это у него вышло искренно, смешно и вместе с тем, пожалуй, логично, в данном случае, что я, действительно, расхохотавшись от души, перестал волноваться и расспрашивать по поводу этой руки.

Примечание Аксакова: *драгоценный случай, который подтверждается многими другими наблюдениями, и если и необъясним по себе, то служит, по крайней мере, к объяснению многочисленных недоразумений, подозрений и так называемых изобличений в явлениях этого рода. В медиумизме немало было наблюдений, приведших к тому заключению, что основным фактом материализации является так называемое раздвоение медиума, простирающееся, по-видимому — как ни чудно это — даже и на платье его (см. приведенные мною примеры в «Анимизме»). Настоящий случай представляется очень хорошим, наглядным доказательством этого факта: в одно и то же время видят и медиума, и обе руки его, и его же руку на таком расстоянии, где она быть не может.*

Явление 34. Монетный аппорт из наволочки

(Дополнение 2-е к статье)

Вот и еще происшествие, пожалуй, курьезнее всех остальных, коим, кстати, и закончились занятия комиссии.

Когда мы из Илека переехали опять на хутор, Акутин, раззадоренный доктором Дубинским, начал наблюдать и смотреть за женой моей, что называется, «в оба». Но, как нарочно, только что приехавши, мы взошли в дом, как из спальни её, где она расположилась с ребенком, начали вылетать медные деньги и стукаться в разных местах — то гривна, то пятак и т.п.

Бежит Акутин стремительно к ней, шарит, роет везде и всюду и, не найдя нигде ни одной монеты, ни в самой комнате, ни на постелях, ни в платье жены, — только что выйдет оттуда, как опять и еще в большем количестве — десятками летят медяки, то разом целою горстью, то по одиночке одна монета за другой.

Опять поиски и перешаривание всего; и так раз до четырех или больше, причем подозреваемая отдает себя в полное распоряжение для обыска, без особых церемоний, как об этом уговаривались раньше, перетряхивает на себе все и снимает свои ризы до чего лишь можно... и сомнения как будто не остается, о чем свидетельствует и сам соглядатай.

Глядишь — а деньги опять вылетают, и все как будто их больше и больше.

Наконец — торжество, эврика! В пуховой подушке, что пришла с нами из Илека, Акутин ощупал одну монету и, изловивши ее, крепко зажал в руке.

Затем начинает искать отверстие в наволоке подушки, через которое она была положена, но и тут, как назло, подушка оказывается совсем новою и нижняя тиковая наволочка её без малейшего какого бы то ни было отверстия, как по шитву (оказавшемуся совершенно одинарным и прочным), так и в самой материи. А между тем, монетка, трехкопеечная видимо, там внутри, в самом пуху подушки.

Что же делать? Распороть, конечно, чтобы извлечь оттуда докучливое поличное! Но Акутин, видимо, в нерешительности. Во-первых, как же так и для чего, собственно, портить подушку? Во-вторых, ведь вслед за деланием на ней отверстия, хотя и небольшого — полетит пух, который по новизне своей, как не свалявшийся, — разлетится всюду.

Но делать нечего — решаемся пороть по шитву наволочку. Делаем небольшой надрез (по шитву), но в это время у него как-то выскальзывает из рук монетка и опять пропадает бесследно в недрах подушки. Снова начинается ощупывание, встряхивание

и мятье подушки, в продолжение которого иногда и попадает в руки что-то, но опять выскальзывает, оттого, вероятно, что Акутин горячится, да и поиски идут труднее, так как прорезанное отверстие надо держать, иначе пух, того и гляди, пыхнет оттуда и запорошит всех, набиваясь в рот и нос.

Через несколько минут попадается предательская монета, но, видимо, не та — эта меньшего размера, семишник, по-видимому. Значит, там не одна, а может быть, несколько!

И снова возня с поротьем большего отверстия, чтобы прошла вся рука в подушку, так как иначе монетки беспрестанно выскальзывают и теряются. Возня продолжалась более часу, после чего извлекли только две монетки, с кучею пуха, разумеется, который и насел на нас.

Вопрос, очевидно, был в том: как эти монетки туда попали? И если весь запас их в несколько десятков, уже выброшенных, был там же, то как они извлекались? Тем не менее Акутин страшно рассердился на это, после чего и уехал, с известными решением.

Примечание Аксакова: *по всему следовало заключить, что монеты попали в подушку под влиянием той же силы, которая доставала разные вещи из запертых сундуков и ящиков и разметывала их. Если б г. Щапов имел некоторую опытность в этих делах, то он устроил бы темный сеанс и попросил эту неведомую силу извлечь монеты из подушки, и это было бы сделано тотчас же, без распарывания и зашивания. Но угодил ли бы он этим г. Акутину?*

Схолии к действию V

Схолия 16. РУКА ДУХА

К явлению 30

Данность 24-я: факт спиритической руки

«Маленькая, почти детская розовенькая ручка, быстро отскочив от пола, юркнула под покрывало спящей жены и зарылась в складках около её плеча», — вот так сказочно звучит сообщение о факте, научно-философское значение которого перевесит все, что можно услышать сегодня от школьных учителей и вузовских преподавателей о том, как устроен человек и другие живые существа и откуда взялась жизнь во вселенной.

Оттуда же, откуда взялась эта «детская ручка»: из духа.

История спиритизма сохранила множество достоверных свидетельств о явлениях такого же рода, и нет повода для сомнений в том, что «детская ручка» попала в перечень явлений щаповского полтергейста как факт, а не галлюцинация. Щаповский полтергейст случился во времена расцвета спиритизма, когда в число самых распространенных спиритических явлений, фиксировавшихся на спиритических сеансах там и сям, входило то, что здесь называется спиритической рукой и что давным-давно отнесено сведущими людьми к разряду несомненных фактов и документально-точно описанных природных явлений, а не к туманной области сомнительных рассказов о всяких аномалиях и странностях в природе.

В лаконичном описании Щапова мы имеем дело с классикой феномена спиритической руки, наблюдаемой воочию как материальный объект, выглядящий, в точности как живая человеческая рука, точнее, кисть руки, размером как у ребенка, не соединенная ни с каким видимым телом и перемещающаяся по воздуху в комнатном пространстве как бы сама по себе.

Когда очевидцев спрашивали, как выглядит спиритическая рука со стороны «обрубка», следовал стандартный ответ о размытости очертаний «обрубка» в воздухе; и обычно нельзя понять, является ли спиритическая рука видимым продолжением невидимого тела или она есть отдельный живой объект, изолированный пустым пространством от тела, живой частью или иным производным которого она могла бы теоретически и практически быть.

Данность 25-я: факт возникновения спиритической руки из духа медиума

Процитируем еще раз свидетельство участника бесценных для философии духа экспериментов с Эвсапией Палладино (см. обстоятельные отчеты Аксакова и Роша): «Из правого бока Евсапии медленно отделилась большая мужская левая рука, которая пожала своими тремя пальцами мою руку и медленно же скрылась за занавесью. Присутствующие закричали: «Рука, большая рука!» Это была совершенно живая рука, цвета бледной кожи, нормальной температуры и плотности».

Важная деталь: очевидец говорит о «большой мужской руке», давая понять, что,

хотя рука вышла из тела медиума, это рука не медиума, то есть она не является живой частью духовного тела медиума, материализованной вне физического тела медиума (экстериоризированной), а является формообразованием, порожденным из духа медиума в виде некой посторонней «большой мужской руки», не похожей на маленькую женскую руку Эвсапии.

Вот и Щапов говорит: «спрятавшаяся ручка была вовсе не рука моей жены».

Если спиритическая рука не есть экстериоризированная живая часть духовного тела медиума, то чья это рука и кто или что действует этой рукой и выстукивает мысли в диалоге, тем самым проявляясь либо как мыслящий субъект, либо как спиритическая имитация субъекта?

Если за спиритической рукой кроется мыслящий субъект, то кто он такой есть, где и как существует и чем отличается от нас, людей?

А если это есть имитация субъекта, то как она проделывается и откуда идет?

Вопрос, чья это рука, сильно занимал пытливых спиритов 19-го века, и в поисках ответа они проделывали потрясающие эксперименты.

Данность 26-я: факт вещественных доказательств спиритической руки

В фактологическом предуведомлении №1 упоминалось, что спириты-экспериментаторы наловчились получать слепки со спиритических рук и ног. Напомним, как это делалось, по словам Аксакова: «Приготовляются два сосуда, один с холодной водой, другой с горячей, на поверхности которой имеется слой растопленного парафина. Появляющаяся *(во время спиритического сеанса — прим. авт.)* рука должна сперва окунуться на секунду в растопленный парафин и затем немедленно в холодную воду, и так несколько раз; на руке образуется парафиновая перчатка, и когда материализованная рука ее покидает, то в ведре с холодной водой остается ее точная форма, которая потом заливается гипсом».

История спиритизма сохранила и эти слепки, и фотографии их, и документы, подтверждающие подлинность этих невероятных вещдоков.

Данность 27-я: факт двоякой руки: рука медиума либо не медиума

Гипсовый слепок зеркально отражал кожный рисунок кисти живой руки в мельчайших деталях, позволяя определить, принадлежит ли рука медиуму. Если спириты видели на слепке копию ладони медиума, они делали логичный вывод, что во время эксперимента духовное тело медиума отделилось от физического тела (экстериоризировалось) и слепок был сделан со спиритической руки как живой части духовного тела медиума.

Если же слепок не соответствовал руке медиума, спириты признавали его слепком с руки духа, а дух сей считали принадлежащим умершему человеку. Но такую принадлежность надобно еще доказать.

Соображение 33-е: недоказуемость бессмертия души слепком с руки духа

То, что спиритическая рука идентична живой человеческой руке, не доказывает принадлежность спиритической руки умершему человеку. Даже если экспериментаторы имеют слепок с руки человека, сделанный при его жизни, и получат идентичный слепок со спиритической руки после смерти этого человека, — это еще не значит, что этот умерший продолжает существование в качестве духа и явился на спиритический сеанс засвидетельствовать свое загробное существование посредством слепка с руки.

Таких удостоверений конкретной умершей личности, кажется, нет в анналах спиритизма, иначе спириты громче прочего трубили бы о них как о первостатейном доказательстве бессмертия души, но и такая фактология, окажись она в арсенале спиритизма, не докажет бессмертие души.

Не зря Спиридон говорил Аксакову в споре, что можно воспроизвести человеческую личность спиритическим способом. Возможность этого нельзя отрицать, не доказав невозможность этого. Спиридон мог бы добавить, что спиритическим способом можно воспроизвести и личные особенности человеческого тела, по типу того как они копируются биологическим способом во внешнем облике близнецов и случайных физических двойников.

Соображение 34-е: слепок с руки духа – доказательство духовного тела

Слепок со спиритической руки — это вещественное доказательство спиритической руки как факта и особенное фактическое свидетельство о существовании духовного тела и о том, что оно имеет или может принимать точно такую же, вплоть до мельчайших деталей вроде рисунка ладони, пространственную форму, какую имеет по внешнему контуру физическое тело человека, по крайней мере что касается геометрии рук и ног, судя по слепкам, сделанным спиритами со спиритических рук и ног.

Соображение 35-е: физическое тело – физическая форма духовного тела

Дуализм физического и духовного тела человека означает, что наше физическое тело сконструировано из материи в духовном теле как физическая форма духовного тела, которая имеет геометрию духовного тела, по меньшей мере, по внешнему контуру, а гипотетически можно ожидать, что и вся анатомическая геометрия физического тела совпадает с геометрией духовного тела.

Соображение 36-е: геометрия физического и духовного тела – едина

Речь идет об одной и той же геометрии тела, запрограммированной в абсолютном проекте тела и видимой воочию как пространственная форма физического тела, при том что эту же пространственную форму незримым образом имеет или может принимать духовное тело, по крайней мере, по внешнему контуру, а возможно, и во всей анатомии организма.

Данность 28-я: факт неживых форм спиритической материализации

Поскольку спиритическое существо предстает зрителям всегда в одетом, но не нагом, виде (см. фото Кэти Кинг), постольку следует принять к сведенью для теоретического осмысления и то, что продукты спиритического формообразования из духа медиума разнятся как живые объекты в форме руки, головы, тела целиком и как неживые объекты в форме, например, спиритической белой ткани в облачении спиритических существ.

Соображение 37-е: бесформенный нематериальный субстрат

Из разнообразия спиритического формообразования явствует, что дух медиума может отделяться от физического тела медиума (экстериоризироваться) как ***бесформенный нематериальный субстрат***, из которого или на несущей основе которого материализуются различные живые и неживые формы вне физического тела медиума, словно фигурки из пластилина, отделяемого кусками и по завершении спиритического спектакля прилепляемого обратно к исходной массе, если применить простейшую наглядную аналогию.

Сомнамбулы Дюрвиля описывали самих себя как облако духа, выходящее из физического тела и потом принимающее очертания тела.

А свидетельства участников материализационных сеансов об облаках белого вещества, исторгаемого физическим телом медиума и названного Шарлем Рише эктоплазмой, означают, что эктоплазменное облако есть начальная стадия материализации в экстериоризированном облаке духа как в бесформенном субстрате, из которого и на основе которого происходит спиритическое формообразование как сборка физических тел из материи, выделяемой телом медиума в виде эктоплазмы и, возможно, берущейся еще откуда-то.

Схолия 17. ПРИЗРАК

К явлению 33

Данность 29-я: факт раздвоения тела как физического и духовного

«Да разве у чёрта рук мало, что ли?!» — в точку сказал очевидец события, относящегося к классике феномена раздвоения (по типу Эмилии Саже).

В данном случае действует, швыряя кружку, экстериоризированная спиритическая рука медиума, а не рука чёрта-мистификатора, увиденная Щаповым в другой раз как «детская рука», но поскольку медиум Елена Щапова служит проводником полтергейста, назвавшегося чёртом, постольку процитированный каламбур меток не хуже лучших каламбуров Спиридона.

Известный человечеству с незапамятных пор феномен раздвоения, происходящий не только на спиритических сеансах и потому не относимый комментаторами к классике спиритизма, по сути дела, тоже является классическим спиритическим явлением, заключаясь в отделении духовного тела человека от физического тела в качестве видимого или невидимого ПП (прижизненного призрака).

Соображение 38-е: определение спиритического призрака

Прижизненный призрак есть спиритический призрак как призрак, возникающий спиритическим способом, то есть как экстериоризированный дух.

Определение спиритического призрака:

Спиритический призрак есть дух души, отделенный от физического тела человека и способный материализоваться в качестве видимого объемного изображения, точно копирующего внешний облик человека.

Спиритический призрак есть духовное тело как дух, имеющий форму физического тела того человека, о чьем призраке персонально идет речь и чей призрак опознается свидетелями как видимая копия физического облика человека.

Призрак (имеется в виду, разумеется, только реальный призрак, но не иллюзорный) появляется в поле наблюдения не нагишом, а в одеянии и не в спиритическом одеянии (как у Кэти Кинг), а в обыденном наряде, носимом человеком в жизни (важная деталь).

Данность 30-я: факт видимости призрака как объемного изображения

Классический видимый призрак человека предстает взору очевидцев как копия внешнего облика человека, которая сильно напоминает и, знать, не зря напоминает то, как копирует внешний облик видеокамера или голограмма.

Типичный видимый призрак выглядит как объемное изображение, более или менее отчетливое и насыщенное.

Типичные свойства видимого призрака: прозрачность, воздушная пустотность, газообразность, газообразная проницаемость, голографичность.

Вполне естественно, что очевидцы, видящие ПП (прижизненный призрак), особенно если тот прозрачен и прорисован частично, склонны считать ПП галлюцинацией и подозревать самих себя в умопомешательстве, но считать ПП галлюцинацией — это все равно считать галлюцинацией картинку на мониторе и вообще все, что вы видите глазами.

Соображение 39-е: изобразительная сущность видимого призрака

Прозрачность, пустотность, газообразность, проницаемость призрака суть свойства призрака как нематериального нечто, то есть как духа.

А вот видимый образ призрака есть материализация призрака, принципиально отличная от плотской материализации (по типу Кэти Кинг) и принципиально подобная голограмме как объемное изображение, созданное на пространственном экране, в роли которого выступает сам призрак как духовное тело, занимающее собой свой пространственный объем и принявшее в этом объеме форму видимого образа.

Видимый призрак не есть сам призрак (дух), а есть приданная призраку изобразительная форма, скопированная с физического оригинала.

Видимый призрак материален, а потому доступен физическому зрению по тем же оптическим законам, по каким глаз видит голограмму и любое пространственное изображение.

Ничто логически не мешает считать видимый призрак оптическим изображением, но созданным, как вы понимаете, не аппаратурой, производящей видеоизображения или голограммы, при том что природный механизм создания призрака, возможно, принципиально сходен с программированием видеоряда.

Спиритический призрак невидим как духовное тело (дух) и видим как изображение, созданное в духовном теле (в духе) как материальная форма.

Наше физическое тело — это тоже материальная форма, приданная духу и созданная в духе, но не как призрак (изображение), а как плотская машина (организм).

Спиритический призрак есть изобразительная копия физического облика человека, какую можно сделать и современной видеотехникой на объемном экране один в один, так же как технически возможно сделать и робота, неотличимого от человека по внешнему виду при некоторых заданных условиях, но: это есть неживая копия живого оригинала, а спиритический призрак — живая копия живого оригинала, коль скоро она создана в живом мире.

Соображение 40-е: особый легкий транс при раздвоении

К классике раздвоения относится прозрачный призрак Хьюма, описанный Круксом: «Все присутствующие увидали темную полупрозрачную фигуру, похожую на человеческую, стоявшую возле окна и своею рукою шевелившую занавески». В это время Хьюм сидел за столом во плоти вместе со всеми присутствующими и даже, по виду, не был в трансе, хотя, скорее всего, незаметно для окружающих пребывал, употребляя расхожий термин, в измененном состояния сознания, близкородственном трансу.

Медиумический транс разнится по глубине, по качеству и по виду. В документальной истории Эмилии Саже упоминается заторможенное состояние Эмилии в момент раздвоения: Эмилия не упала в трансовый обморок и продолжала копошиться в саду, когда призрак Эмилии явился в учебном классе, но для очевидцев, созерцавших одновременно призрак Эмилии в классе и саму Эмилию за окном, был заметен заторможенный, а иными словами, сомнамбулический и трансовый характер движений Эмилии в саду. Сама же она, что характерно для трансовых состояний, не сознавала ни

своих раздвоений, ни своей заторможенности, заметной со стороны.

Щапов не забыл отметить в отчете заторможенность жены, когда та не спала во время проделок полтергейста, например, в момент самолетания предметов.

Если медиум во время раздвоения не падает в трансовую отключку, а продолжает делать, что делал: Дэниел Хьюм бодрячком сидит за столом, Эмилия Саже копошится в саду, Елена Щапова роется в кладовке, — это, очень может быть, тоже есть транс, но совсем не такой, в каком лежала, как будто замертво, без чувств Флоренс Кук при материализации Кэти Кинг и в каком каталептически каменели подопытные Дюрвиля, когда их сомнамбулы выходили из тел под гипнозом.

Видимо, достаточно трансоподобной заторможенности и не обязателен глубокий транс для того, чтобы дух медиума мог служить бесформенным субстратом для спиритического формообразования, в частности — для образования призрака медиума, как в случаях призрака Хьюма, призрака Эмилии Саже и призрачной руки Елены Щаповой, когда физические руки Елены были заняты и не могли дотянуться до чашки, но очевидцы видели, как рука Елены схватила чашку с дальнего окошка и швырнула в комнату.

Данность 31-я: факт призрачной руки как части духовного тела

Призрачная рука, метнувшая чашку, — это рука не чёрта-мистификатора, которую застукал Щапов на месте преступления, состоявшего в хулиганистых стуках, — на сей раз засветилась в поле зрения очевидцев спиритическая рука, являющаяся живой частью духовного тела медиума и отделившаяся от физического тела медиума как рука призрака медиума: призрачная рука, которая, разумеется, ничуть не иллюзорна, а вполне реальна, обладая достаточной силой и хваткостью, чтобы швырнуть чашку.

Но в точку скаламбурил очевидец: «Да разве у чёрта рук мало!» Ибо: это не сама Елена Щапова, а чёрт-мистификатор метнул чашку призрачной рукой медиума, произведя спиритическое раздвоение медиума незаметно для медиума, так что Елена Щапова узнала от других, что брошенная только что чашка была брошена собственной рукой Елены, как это точно видели люди, смотревшие туда, где стояла чашка, в то время как другие свидетели, глядя из другого угла комнаты и не видя оттуда местоположения чашки, видели Елену с занятыми руками на таком расстоянии от чашки, с какого нельзя было дотянуться до чашки и швырнуть ее физической рукой.

Схолия 18. АППОРТ

К явлениям 31 и 34

Данность 32-я: факт аппорта

«Ножницы, серебряные ложки и проч. — вылетали непонятным образом из затворенных наглухо помещений — шкафа, сундука и тому подобных» — указанное вылетание предметов из закрытых помещений, шкафов, сундуков есть либо полноценный аппорт, либо частичный аппорт на участке траектории, либо подобие аппорта как перенос физических предметов из одного места, находящего вне поля наблюдения (например, из закрытого чулана в доме Щапова), на видное место, куда предметы попадают, свободно преодолевая физические преграды, такие как стены, закрытые двери, запертые крышки сундуков.

Аппортом называется аномальный (спиритический) перенос предметов, обнаруживаемый по факту спиритической материализации их в закрытом помещении, куда переносимые предметы попадают сквозь стены и двери откуда-либо или неведомо откуда.

Соображение 41-е: аппортный тандем дематериализации и материализации

Если предположить, что находящийся вне поля наблюдения сундук, из которого прилетели в поле наблюдения серебряные ложки, был открыт спиритической рукой, то в логических рамках такой гипотезы прилет ложек нельзя назвать аппортом, поскольку этот термин, если мыслить строго логически, требует материализации предмета на месте прилета.

Прилет ложек из закрытого сундука и из любого физически замкнутого пространства, хоть из закрытого шкафа, хоть из закрытой комнаты, есть аппорт в том случае, если ложки прошли сквозь стенки сундука без открывания крышки сундука или через другие физические преграды вроде комнатных стен и дверей.

Аппорт ложек из запертого сундука заключается в дематериализации ложек в стартовой точке полета, то есть внутри сундука, с дальнейшей материализацией ложек в полете или на месте приземления.

В отчете Щапова нет достаточной ясности насчет того, можно ли тут брать в расчет

гипотезу открывания спиритической рукой закрытых шкафов, сундуков и помещений при швырянии предметов, запертых там. Если такая гипотеза тут неуместна, то это суть аппорты.

Похоже на то, что щаповская чертовщина изобилует аппортами, в том числе что касается явления под номером 34 и под названием «Монетный аппорт из наволочки».

Ища место, откуда вылетали монеты, сыпавшиеся, как будто из воздуха, присланный губернатором следопыт, все обшарив, нашел монету и затем еще одну в подушке и решил, что оттуда их незаметно извлекала и фокуснически бросала Елена Щапова, но эта версия была ошибочной и больше того — клеветнической, поскольку наволочка оказалась зашитой наглухо, а Елена Щапова не обманывала комиссию ни в чем.

Попадание монет в зашитую наволочку и вылетание их оттуда же — это есть классический аппорт, состоящий, во-первых, в дематериализации перемещаемых предметов (монет) в стартовой точке траектории, а во-вторых, в материализации их во время спиритического полета или на месте приземления, будь это место внутри наволочки (при попадании монет туда), и будь это место в комнате, где они сыпались, как из воздуха.

Для констатации факта аппорта не суть, условная это или буквальная дематериализация и материализация, то есть не суть, распадается ли монета на невидимые элементы или буквально исчезает в вакууме с последующим возникновением из вакуума или из исходных элементов, — суть аппорта заключается в моментальном перемещении предмета в точку наблюдения из любой точки пространства сквозь физические преграды без повреждения преград, все равно что через пустоту, будь то стены, двери, крышки или зашитая наволочка.

В «Спиридониаде» упоминался профессор Цёльнер, выдумавший для объяснения аппорта некое недоступное человеческим восприятиям «четвертое измерение пространства», в котором якобы скрыт от наших восприятий аппорт. Цёльнер придумал «четвертое измерение» задолго до того, как физики-теоретики придумали «кротовые норы в пространстве», перемещение через которые на любых расстояниях — это, собственно говоря, было бы аппортом, если б эти «норы» были фактом, а не выдумкой из разряда экстравагантной физико-математической софистики.

Ни в «четвертом измерении» Цёльнера, ни в «кротовых норах» физиков-теоретиков нет логической необходимости для ответа на вопрос, как возможен аппорт, ибо логически очевидно, что аппорт вообще возможен в природе потому, что в природе возможна, обнаруживая себя де-факто, спиритическая материализация и дематериализация, понимай эти термины хоть условно, хоть буквально.

Вопрос не в том, возможен ли в реальности мгновенный распад монеты и мгновенный синтез ее в другом месте через мгновение, это вообще не вопрос, ибо это факт, называемый аппортом и задокументированный множеством свидетелей аппорта.

Соображение 42-е: наглядная логическая иллюстрация аппорта

Аппорт монеты есть перемещение из точки в точку пространства не монеты, а частиц материи, из которых состоит монета и которые расставлены по своим местам в геометрической структуре монеты в данный момент времени в данной точке мирового пространства.

Логика позволяет помыслить суть аппорта при помощи простой аналогии: представьте себе вместо монеты архитектурное сооружение, сложенное из камней по проекту архитектора в данной точке городского пространства. Рассыпьте здание на камни, перенесите камни на другое место и заново сложите здание из перенесенных камней — это наглядная логическая иллюстрация аппорта монеты, где камнями символизируются невидимые невооруженным глазом частицы материи, на которые рассыпана монета в одной точке пространства с последующим синтезом монеты в другой точке.

Теоретическое заключение

В ТЗ к фактологическому предуведомлению №4 «Спиритический чёрт» требуется, насколько это возможно, прояснить базовые варианты ответа и логическую платформу для ответа на вопрос, что есть полтергейст и что кроется за полтергейстом как его производящая причина, действие которой вершится как мистический спиритический спектакль, называемый в народе полтергейстом и разыгрываемый как будто бы неким актером, называемым в народе тоже полтергейстом: шумным духом.

Синонимические древние народные названия полтергейста — нечистая сила и чертовщина.

Речь идет о спиритической и никакой другой чертовщине и о спиритической нечистой силе, которая ни в чем и нисколько не сказочная, не мифическая, не метафори-

ческая, но самоназвание «чёрт» явно заимствовано щаповским полтергейстом из народной и религиозной мифологии, используясь в качестве мистификаторской маски, и вся в целом чертовщина в исполнении самозванного спиритического чёрта-мистификатора носит театральный характер и дает основания считать это спиритическим спектаклем.

Ракурс I

СМЫСЛ СПИРИТИЧЕСКОГО СПЕКТАКЛЯ

Определение спиритического спектакля:

На спиритическом сеансе и в других форматах спиритического действа, как, например, в формате полтергейста, спиритические явления носят театральный характер и происходят перед очевидцами по заданной программе, как спектакль перед публикой по сценарию, где роли исполняют спиритические духи как действующие лица спиритического спектакля и как сценические персонажи и маски.

Определение спиритических духов:

Спиритические духи – это условное название и самоназвание действующих персонажей спиритического спектакля, от лица которых через медиумов поступают спиритические сообщения и производятся спиритические явления с таким эффектом, как будто это делают невидимые разумные существа.

Спиритический чёрт, хулиганивший на хуторе Щапова, сам назвался чёртом в спиритическом диалоге и тем самым демонстративно подчеркнул типичный театральный и театрально-мистификаторский характер полтергейста.

Определение спиритического спектакля приложимо к большинству спиритических явлений, ибо они, как правило, проделываются от имени каких-нибудь духов, выступающих актерами (точнее сказать: действующими лицами) на сцене спиритического сеанса, разыгрывая представление перед публикой и нередко балансируя на грани отъявленного маскарада и просто клоунады, особенно когда спиритические духи напяливают маски почивших знаменитостей.

К примеру, на заре спиритизма в Америке был завсегдатаем спиритической сцены «дух Бенджамина Франклина», уж конечно, вряд ли подлинный, скорее — такой же самозванный и маскарадный, как щаповский чёрт-мистификатор.

Но: никакая фальшь спиритического спектакля не умаляет смысл спиритического спектакля, связанный с чудесами спиритизма и вложенный в них.

Под чудесами спиритизма, хоть в кавычках, хоть без, имеются в виду спиритические явления как аномальные явления природы, зарегистрированные де-факто и требующие, насколько это возможно, научно-философского объяснения.

Последнее заставляет себя ждать и в немалой мере потому, что фактология спиритизма игнорируется господствующей материалистическо-атеистической наукой, как прежде ею же с таким же царственным высокомерием игнорировалась фактология гипнотизма, но гипнотизеры преуспели больше медиумов в признании своих очевидных-невероятных способностей.

Чудеса спиритизма (читай: аномальные явления природы из области спиритизма), такие как полтергейст, аппорт, спиритическая материализация живых и неживых форм, придают спиритическому спектаклю интригу природных чудес, на смысловом фоне которой не имеет значения маскарадно-клоунадная фальшь и чепуха спиритического спектакля, имея в виду, разумеется, реальный и доподлинный спиритизм, отмежеванный от обманного спиритизма, мошеннического, фокуснического и любого другого, включая искренние самообманы.

При всей своей неимоверной и не зря раздражавшей Аксакова ерунде, спиритический спектакль за счет своей чудесной интриги несопоставимо глубже по смыслу, чем любое шоу, разыгрываемое на обыкновенных театральных подмостках и съемочных площадках.

Интрига спиритического спектакля — это загадка спиритических аномалий, происходящих по неведомым законам природы и с очевидностью свидетельствующих о духовной основе мироздания и вообще о духе как о противоположности материи, соотносящейся с материей как первичное с вторичным и как сущностное с поверхностным.

Чудесная интрига спиритического спектакля — духовная интрига: интрига духа.

В духовной интриге заключен смысл спиритического спектакля как очевидного-невероятного свидетельства о духе и доказательства духа де-факто.

Например: вот фотография спиритического существа, называвшего себя Кэти Кинг, фотография, разумеется, подлинна, что документально подтверждено, подлог исключен, стало быть — вот вещественное доказательство факта спиритической материализации, происходящей на основе того, что зовется духом и что служит нефизическим носителем физического тела и невидимым вместилищем, в котором происходит спиритическая, а также, надо полагать, и биологическая, сборка тела из того, что зовется материей как физический материал.

Интригующий смысл спиритического спектакля есть его научно-философский смысл, ибо спиритическая фактология духа служит фактическим материалом для философии духа, то есть для философской науки о духе, ищущей ответ на фундаментальный вопрос: что есть дух?

Ракурс II

БЕССМЫСЛИЦА СПИРИТИЧЕСКОГО СПЕКТАКЛЯ

Сверхинтересная, с философской точки зрения, и связанная с природой духа суть спиритического спектакля сочетается с обескураживающей бессмыслицей его.

Бессмыслица спиритического спектакля заключается, во-первых, в чепуховых, бредовых и завиральных сообщениях, зачастую транслируемых медиумами.

Во-вторых, смотрятся довольно-таки бессмысленно, вызывая шокирующее недоумение и не восхищая своей невысокой и престранной разумностью, шалопайские и злокозненные действия спиритических духов вроде хулиганских безобразий полтергейста в диапазоне от шаловливых стуков до поджигательских проделок, как на хуторе Щапова.

В-третьих, бессмысленна театральная и нарочитая мистификация как цель спиритического спектакля, как будто его автору или авторам доставляет праздное удовольствие мистифицировать и мистификаторски дурачить людей, не брезгуя при этом выходками в скудоумном жанре фильма ужасов, сделанного в режиме реалити-шоу.

Даже в лучших диалогах нетипичной и преоригинальной «Спиридониады» нет большого смысла, судя строго по тексту и говоря по большому счету: по счету истины, вкладываемой разумом в слова и искомой разумом в словах, которые, что называется, пустой звук за вычетом истины. Попробуйте извлечь истину из каламбуров потустороннего остряка, назвавшегося Спиридоном. На нескольких школьных уроках человек узнает больше, чем от такого мудреца.

Типичная (среднестатистическая) трансляция медиумами спиритических сообщений, как заглянешь в анналы спиритизма, сплошь и рядом вызывает ассоциации с глупыми снами, заурядным фантазерством, детским лепетом, патологическим враньем, лицедейским выпендрежем, сумасшедшим домом, театром абсурда, причем бездарным.

А еще при знакомстве с фактологией спиритизма возникает ощущение паразитарной фантасмагории: ощущение, что в ряде случаев спиритические духи овладевают духом медиума наподобие паразитов в живой природе, а то и прямо-таки бесов, в церковном смысле термина.

Но феномен бесов должен быть отделен от фактологии спиритизма как явная патология душевного здоровья, тогда как классика спиритизма не патологична, а аномальна.

Елена Щапова — это не душевнобольная, одержимая бесами, а психически здоровый человек с природными данными медиума, которые суть дар медиумизма: медиумический талант, делающий человека природным проводником спиритических явлений с той или иной спецификой, в данном случае, со спецификой полтергейста.

Но: щаповский полтергейст развивался по алгоритму преследования как напасть, постигающая медиума как жертву, где преследователь действует, как вредитель-паразит, прицепившийся к своей жертве.

Полтергейст совсем не похож на душевную патологию вроде одержимости бесами, однако носит болезненный характер как душевная напасть и как то, что прямо в душе и через душу человека вредит человеку и нехорошим образом преследует человека, подобно тому как внедряются в организм болезнетворные вирусы и паразитируют в организме в отрицательном качестве вредителей и мучителей, вызывающих болезни.

Всякий паразитизм, включая социальный, реализуется путем внедрения паразита в жизненное пространство других живых существ, внешнее и внутреннее.

Полтергейст ведет себя, как паразит, внедряясь в душу медиума помимо воли медиума, в отличие от добровольного спиритического сеанса, и исподволь используя дух медиума как проводник спиритического спектакля, творящегося по сценарию полтергейста как зловредная напасть и хулиганистое преследование жертвы спиритическим

чёртом-мистификатором.

Бессмыслица спиритического спектакля, называемого полтергейстом, заключается не в нулевом смысле его и не в отсутствии в нем положительного смысла (который найдется почти во всем, если хорошо поискать), а в наличии отрицательного смысла в нем, такого как ощутимый вред и мучения, причиняемые полтергейстом в ребяческой, хулиганской, издевательской, дурацкой манере как не очень-то разумные, нелепые действия, не вяжущиеся с разумом как достаточно развитой, а не недоразвитой, способностью к мышлению и характерные для тупоумия и тупого зубоскальства, в противоположность высокому интеллекту.

Что неразумно, слабоумно и нелепо, то бессмысленно.

Спириты 19-го века, возводившие спиритизм в религию, усматривали большой смысл в любой чепухе спиритического спектакля, но где не отделяют чётко суть от чепухи, там суть теряется под ворохом чепухи и погружается в Лету, откуда ее приходится извлекать прямо сейчас в логических рамках фактологических предуведомлений к философии духа.

Щаповская чертовщина, конечно же, конечно, имеет смысл, да такой, что Аксаков имел все основания предрекать, что отчет Щапова в будущем (заставляющем себя долго ждать) разберут на цитаты, однако супруги Щаповы как жертвы чертовщины имели все основания не видеть никакого положительного смысла в своих мытарствах от преследований спиритическим чёртом-мистификатором, развивавшихся по нарастающей вплоть до восхождения медиума на спиритический костер. А ради чего, собственно? Лжеэксперты публично оклеветали Щаповых, усугубив горечь жертв полтергейста, вместо того чтобы морально поддержать, как это позже сделал Аксаков, узнав о щаповской чертовщине и предприняв меры, чтоб драгоценный фактологический материал не канул в Лету безвозвратно.

Отделяя смысл спиритического спектакля от бессмыслицы, философия духа должна определить, в чем смысл и в чем бессмыслица спиритического спектакля как явления природы, происходящего по законам природы как закономерное действо, обусловленное такими-то причинами в своем смысловом содержании, с одной стороны, и такими-то причинами в своей бессмыслице, с другой стороны.

Для сравнения: человеческая жизнь сплошь и рядом выглядит пустым и бессмысленным спектаклем, оправдывающим избитый до пошлейшего цинизма афоризм: жизнь — игра, и люди в ней актеры. Но: по своей абсолютной сути, заданной в абсолютной идее творения, человеческая жизнь не может в принципе быть бессмыслицей и игральной вещью, стоящей размена на игровой куш и театральную потеху; тогда она была бы злой насмешкой бога над человеком вразрез с нравственным законом, который не может не исполняться богом, а это значит, что бог, попросту говоря, не может быть обманщиком и не может ни обманным, ни откровенным циничным манером программировать человеческую судьбу как фатально бессмысленный спектакль жизни.

Примерно такова логика философской аксиомы смысла жизни, гласящей, что жизнь человека априори имеет смысл, подлежащий отысканию человеком, и если она складывается как бессмысленный спектакль — тому виной сам человек, в силу свободы воли.

Можно возразить: создатель человека разделяет с человеком ответственность за все, в чем повинен человек, в том числе за бессмыслицу жизни в побочных эффектах действия принципа свободы воли и в следствиях каких угодно причин, заложенных в конструкции человека, ибо конструктор не может не нести ответственности за свою конструкцию.

Да, но: ответственность бога за конструкцию человека не есть ответственность бога за деяния человека как поступки, в моральном смысле слова, а конструкцией человека предусмотрено поглощение бессмыслицы бытия смыслом бытия (и наоборот) с результатом, зависящим от самого человека, зависи от свободной воли и морального облика человека.

Всякая бессмыслица есть противоположность истины как абсолютного смысла, приданного всему логикой в абсолютном разуме, который есть бог.

Никакая бессмыслица, равно как никакая ложь и никакая ошибка мышления, не может производиться абсолютным разумом, читай: бог не может быть автором бессмыслицы, лжи и ошибок, так же как бог не может быть автором зла (см. §23 «Зло» книги «Бог»).

Уже единственно бессмыслица спиритического спектакля, не считая прочего, является достаточным логическим основанием для теоретического умозаключения, гласящего:

Производящая причина спиритических явлений, составляющих спиритический спектакль, — это не бог.

Но кто же или что же тогда, спрашивается, скрывается за кулисами спиритического спектакля и под маской спиритических духов?

Ракурс III

ДВОЯКАЯ ДЕМОНИЗАЦИЯ СПИРИТИЗМА АНТИСПИРИТИЗМОМ

Упомянем, что называется, для порядка два варианта ответа со стороны классического антиспиритизма на вопрос о производящей причине спиритического спектакля.

Классическим антиспиритизмом только что назван исторически сложившийся в 19 веке двоякий антиспиритизм: это, во-первых, церковный антиспиритизм, а во-вторых, наукообразный атеистический антиспиритизм.

С церковной точки зрения, спиритизм — бесовщина, а спиритические духи — бесы, а это все равно что сказать, что спиритизм идет от дьявола и автором спиритического спектакля является персонифицируемая под именем дьявола причина мирового зла.

Но никакие спиритические явления не назовешь злом на фоне чудовищного (синоним: дьявольского) зла, творимого людьми, засим не очень-то логично приписывать авторство спиритического спектакля антиподу бога по имени дьявол, независимо от ответа на вопрос, а есть ли этот антипод в реальности или это есть мифический персонаж и не более того.

С точки зрения наукообразного антиспиритизма, возглавленного оппонентом Аксакова Гартманом, производящая причина спиритического спектакля скрывается там, что Гартман, а вслед за ним и все ученое и философствующее сообщество называет бессознательным и сферой бессознательного.

В нашем контексте любопытно первым делом заметить, что термин бессознательного, коим уже оперируют все кому не лень по сложившимся шаблонам, наполнен искусственно созданным (то есть вымышленным) демоническим, а говоря синонимом — дьявольским смыслом, напустить коего особенно постарались фрейдисты в человеческую душу за порог сознания, как будто душа — создание не бога, а мифологического антипода бога с рогами и копытами, которого даже непроходимые материалисты норовят на всем серьезе углядеть в живой природе мира как этакого абсолютного зверя, чьи уши и рога торчат из темной сферы бессознательного, уподобляемой черной дыре и демонизируемой на все лады теоретиками бессознательного, прославившими бессознательное паче бога и вместо бога.

С обеих точек зрения, церковной и наукообразной, производящая причина спиритических явлений демонизируется, хотя принципиально по-разному: в одном случае — религиозно-мистическим образом, а в другом случае — путем наукообразного изображения человеческой души как темной бездны, порождающей всякие непонятные, иррациональные, жуткие психические штуки из своих бессознательных недр, демонизируемых, как правило, с примитивнейшим биологическим акцентом на так называемых инстинктах и на их животной сути, особенно что касается полового инстинкта, из чего фрейдисты и иже с ними сделали целое божество, главенствующее в капищах западного неоязычества.

В общем, это пустое дело — демонизация спиритизма, оправданная разве что в качестве церковной острастки паствы, чтоб та не баловалась спиритизмом как богопротивным праздным заигрыванием с нечистой силой и заглядыванием в бездну, вредным для душевного здоровья.

Ракурс IV

ТОЖДЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СОМНАМБУЛЫ И ДУХА ДУШИ

Поскольку проводником спиритических явлений служит человек (медиум), постольку их производящая причина действует не где-то вне человека, а в человеке, точнее, в душе человека, но скрывается за порогом сознания, так что в качестве самосознательного субъекта человек, можно сказать, вообще никак не участвует в спиритическом спектакле, зато в этом спектакле весьма демонстративно задействована человеческая сомнамбула как то, в чем выражается бессознательное естество души и что служит бессознательным проводником спиритических явлений, равно как и гипнотических.

Медиум — это человек с природной способностью служить проводником спиритических явлений, но, надо полагать, каждый человек в какой-то степени подвержен медиумизму, поэтому массовое увлечение спиритизмом в 19 веке не сводилось к «ловле глюков», а сопровождалось реальными спиритическими явлениями, выраженными в разной степени в разных спиритических кружках.

Классический спиритизм, как правило, требует медиумического транса, так же как классические и самые впечатляющие гипнотические явления требуют гипнотического транса.

Медиумический транс, равно как и гипнотический, есть сомнамбулизм, разнящийся качественно по своим видовым формам (разновидностям) и по глубине (по степени).

Трансовый сомнамбулизм есть бессознательное состояние души, представляющее собой диалектическое третье между обычным сном и сознательным бодрствованием.

В состоянии медиумического или гипнотического транса душа человека (а вместе с душой своей и сам человек) превращается в чистую сомнамбулу, обнаруживающую себя своим сомнамбулическим поведением, доступным для наблюдения со стороны.

Ввиду своей бессознательности, человеческая сомнамбула есть бессознательный субъект, который есть дух души как то, что есть душа в своем духовном естестве за порогом сознания.

Определение человеческой сомнамбулы как духа души вытекает из факта нематериальности души, доказуемого разными способами, чистыми логическими и фактологическими, в том числе на основе фактологии спиритизма, а сказать, что естество души нематериально, — это все равно что сказать, что естество души духовно.

Но: по стороны порога сознания душа двоична, а лучше сказать, двуипостасна как, с одной стороны, самосознательный субъект, который есть само сознание, и как, с другой стороны, бессознательный субъект, который есть сомнамбула.

Двуипостасность души по стороны порога сознания означает, что нематериальное естество души двоично в ипостасях души как, с одной стороны, сознательное (читай: мыслящее: разумное) естество души, в котором душа есть сознание, а с другой стороны — бессознательное (читай: неразумное: немыслящее) естество души, в котором душа не есть сознание, а есть сомнамбула, по-другому традиционно называемая духом.

Сознание — это больше, чем дух, причем настолько больше, что сознание не есть дух, а есть противоположность духа, существующая в духе, причем в своем собственном духе, но не тождественная своему же духу как то, что мыслит (имеет разум) и мысленно созерцает (сознает) себя, являясь самим собой (составляя тождество с собой) в своем самосозерцательном (самосознательном) мышлении как в сознании.

По принадлежности к душе наше человеческое сознание есть сознание души и сама душа как то, что душа есть в своем сознательном естестве, читай: в естестве сознания, читай: в ипостаси сознания, читай: в качестве сознания, то есть как само сознание: то, что сознает само себя, а вместе с тем и что-либо еще, кроме себя.

А вне сознания и за порогом сознания душа существует в качестве духа, или, если угодно, чистого духа, а говоря философским синонимом — в ипостаси духа.

За вычетом сознания, то есть вне сознания и за порогом сознания, душа не тождественна самой себе и есть бессознательный субъект: сомнамбула и/или сновидец: дух.

По ипостасной диалектике души, душа тождественна самой себе разом в двух ипостасях, что можно записать простым диалектическим уравнением: дух + сознание = душа.

Эквивалентная запись: дух души + сознание души = душа.

Или: бессознательный субъект + самосознательный субъект = душа.

Или: сомнамбула + мыслящее «я» = душа, где мыслящее «я» есть личностная форма души, самотождественная в сознании как самосознательная личность, которая в человеческом существе есть человеческая личность и сам человек, коль скоро наша душа называет сама себя именем человека и местоимением «я».

Вместе с вычетом сознания в двуипостасном естестве души вычитается сама душа (а с ней и обладатель души: человек) и остается дух души, обнаруживающий себя двояко: как сновидец во сне и как сомнамбула в трансе.

Во сне и в трансе разнится не душа и не человек, а дух души и человеческая сомнамбула: как сновидческая и трансовая сомнамбула.

Человеческая сомнамбула явствует (становится заметной) в трансовом состоянии души, а в сознательном состоянии души сомнамбула скрыта (незаметна), составляя двуипостасное единство с мыслящим «я» души и находясь под волевым (читай: сознательным) управлением своего мыслящего «я», как и все человеческое существо, включая его физическое естество (плоть) и нефизическое естество (дух + сознание).

В трансе человеческая сомнамбула управляется какой-то своей, попросту говоря, программщиной, заложенной в бессознательном естестве души, но не своим самосознательным хозяином в лице мыслящего «я» души, называющего себя человеком и наделенного разумом как способностью к мышлению (и волевому самоуправлению), реализуемой в сознании и нереализуемой вне сознания.

Как хорошо видно под гипнозом, человеческая сомнамбула может управляться в

трансе также со стороны путем замены собственного «я» души сторонним управляющим субъектом, действующим за порогом сознания из той самой сферы бессознательного, демонизированной модными софистами вроде фрейдистов.

В гипнотическом трансе сомнамбулой загипнотизированного человека управляет гипнотизер, а точнее, мыслящее «я» гипнотизера, повелевающее чужой душой посредством команд, отдаваемых по виду извне (голосом), а по волевой сути дела, гипнотизер диктует свою волю прямо в чужой обезволенной гипнозом душе изнутри ее через некий душевный вход, имеющийся в бессознательном естестве души.

Это разительно напоминает то, как на компьютере совершается вход в систему любым знающим пароль входа пользователем ПК, а не только владельцем ПК. Сия компьютерная аналогия напрашивается вряд ли случайно, но остережемся понимать ее тупо-буквально, как это свойственно материалистам, мыслящим себя как подобие компьютера, а свой разум как подобие искусственного интеллекта; осталось еще помыслить дух как подобие электричества, но тогда аналогия принимает нематериалистический обратный вид: не человек подобен компьютеру, а наоборот: компьютер подобен человеку.

Для сравнения: в классическом историческом язычестве бог мыслится как подобие человека во множественном числе как толпа антропоморфных богов, копирующая человеческое племя, но логически правилен взгляд наоборот: не бог подобен человеку, а человек подобен богу, но не в плотском виде, разумеется, а в духовном и разумном естестве, причем не как трансовая сомнамбула, а как мыслящий субъект, пребывающий в сознании, а не в трансе.

При гипнотическом трансе находится на виду и очевиден де-факто внешний управляющий сомнамбулой в лице гипнотизера, который сам пребывает в сознании, осуществляя внешнее управление сомнамбулой.

При медиумическом трансе внешний управляющий сомнамбулой прячется за кулисами спиритического спектакля как невидимый автор-производитель спиритических явлений, составляющих спиритический спектакль, для зрителей которого остается непонятным, кто вообще такой этот закулисный внешний управляющий и является ли он самосознательным субъектом, пребывающим в сознании, осуществляя за порогом сознания внешнее управление сомнамбулой медиума принципиально так же, как это делает за порогом сознания гипнотизер, при этом сам пребывающий в сознании.

Загадочная производящая причина спиритического спектакля, управляющая сомнамбулой медиума (духом медиума), выступает — не поймешь — то ли в качестве, то ли в маске спиритических духов, кои в спиритических диалогах могут весьма правдоподобно (см. фактологическое предуведомление №3 «Спиридониада») представляться разумными насельниками духовного мира, зовущегося иначе потусторонним миром.

В ТЗ к «Спиридониаде» определены два основных варианта ответа на вопрос, кто или что есть спиритический дух, назвавшийся Спиридоном: либо (вариант №1) это есть бесплотный мыслящий субъект, подобный человеку, но без физического тела, либо (вариант №2) это есть некая имитация субъекта, каким-то образом запрограммированная в живой природе мира и в духовной природе человеческого общества.

Подразумевается, что оба варианта применимы ко всем спиритическим духам, включая полтергейст (шумный дух).

По варианту №2 (имитационному), под маской всех спиритических духов, по сути, не существующих (фантомных: иллюзорных), скрывается спиритический субъект, к которому в ТЗ к «Спиридониаде» применена метафора Соляриса, а ниже по тексту будем применять универсальный термин: спиритический субъект Икс.

Ракурс V

ПОТУСТОРОННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ВСЕЙ РЕАЛЬНОСТИ

Спиритические духи или играющий от их лица спиритический субъект Икс находятся в ***потусторонней позиции*** по отношению к нам, людям, и к нашей душе как внедушевный сторонний фактор, действующий на душу и через душу человека со стороны, то есть извне души, но принципиально не так, как на душу человека и на него самого действует извне и со стороны другой человек и что-либо в так называемом окружающем мире, живом или неживом.

Для сторонних факторов спиритического типа в народном языке издревле есть особое обозначение: нечто потустороннее.

Нет причин отбрасывать общеупотребительный термин потустороннего, невзирая на его крайне недостаточную ясность, что призвана исправить философия духа посредством примерно такого логического ряда предельно простых тезисных определе-

ний (следите за мыслью):

1) Есть довольно много фактических, в том числе спиритических, свидетельств об иной реальности, которая традиционно называется потусторонней реальностью и принципиально не такова, как воспринимаемая нами обыденным образом окружающая реальность.

2) Смыслом старинного термина подразумевается, что потусторонняя (иная) реальность отделена от сей (окружающей) реальности и находится по ту сторону (откуда и термин) некой границы, разделяющей всю реальность на противоположные реальности, по простому диалектическому уравнению:

Потусторонняя реальность + посюсторонняя реальность = вся реальность.

3) Для нас, людей, посюстороннюю реальность составляет в первую очередь то, что находится у нас на виду в физическом мире и доступно восприятию нашими органами чувств и подручными инструментами вроде физических приборов, а беря шире, посюсторонняя реальность — это всё то, что существует в физической форме и во плоти, в том числе воплощенный в теле дух и наша душа, поскольку она существует в этом мире и связана с организмом в живое целое, ощущая и сознавая себя находящейся по сю сторону границы между реальностями: что называется, здесь и сейчас: в этом теле и в этом мире, наблюдаемом вокруг.

4) Потусторонняя реальность логично мыслится за пределами физического мира, где может пребывать (существовать: иметь бытие) только нефизическое (нематериальное) сущее, лишенное физической формы и никак не связанное с физическим миром в своем естестве, в противоположность тому, как физически (плотски) связаны с физическим миром мы, люди, как будто вмонтированные в физический мир своим физическим телом, из коего не выпрыгнешь, пока не закончен жизненный цикл, не считая аномальных состояний вроде спиритического раздвоения и прочего ВТО (внетелесного опыта).

5) Что пребывает в потусторонней реальности, то находится в потусторонней позиции по отношению к наблюдателю, пребывающему в посюсторонней реальности.

6) В потусторонней позиции находится и к потусторонней реальности относится, во-первых, бог-творец, сущий в самом себе как в абсолюте, то есть вне мира, им сотворенного, и за пределами мировой реальности, составляя собой абсолютную реальность как противоположность всей мировой реальности, и посюсторонней, и потусторонней, и материальной (физической), и нематериальной (нефизической), и хоть какой в границах мира как творения, отграниченного от творца (бога) как одна реальность (сотворенная) от другой реальности (несотворенной).

7) Во-вторых, к потусторонней реальности относится так называемый духовный мир, если только он вообще есть в реальности, а не только в человеческом воображении, где он с логической необходимостью представляется населенным бесплотными существами, вообразимыми по аналогии с душой и духовным телом души, а за вычетом своих гипотетических насельников вычитается то, что составляет духовный мир, и вычитается он сам.

8) Если духовный мир (потусторонний) существует, то он со всем своим нематериальным содержимым отделен в структуре реальности, с одной стороны, от абсолюта, который есть бог, а с другой стороны, от физического мира и всего того, что существует в физической форме и во плоти.

9) Простая логика диалектики, диктующая попунктно этот ряд тезисных определений, приводит мысль к базовой троичной структуре реальности:

Бог + потусторонний мир + посюсторонний мир = вся реальность.

Но: потусторонний мир (духовный) гипотетичен для посюстороннего наблюдателя, ибо логически неочевидно (в отличие от бога) и физически невидимо (в отличие от посюстороннего мира) то, что находится в потустороннем мире, составляя его собой.

10) Троичная структура реальности задана, во-первых, дуализмом бога-творца и мира-творения как абсолютной (несотворенной) и мировой (сотворенной) реальностей, а во-вторых, дуализмом мировой реальности как духовного и физического мира.

11) Дуализм духовного и физического мира есть дуализм потустороннего и посюстороннего мира, но: посюсторонний мир, разумеется, больше физического мира, ибо охватывает живой мир с его живым духовным естеством.

Применительно к спиритическим духам надо заметить отдельно:

Во-первых: если спиритические духи реальны как субъекты (по варианту №1, субъектному), а не фантомны как имитация субъектов (по варианту №2, имитационному), то они существуют в духовном мире как потусторонние насельники его.

Во-вторых: доказательство существования спиритических духов по варианту №1 (субъектному) равнозначно доказательству существования духовного мира, независимо от того, доказуемо ли оно другими способами.

В-третьих: доказательство существования спиритических духов по варианту №1 (субъектному) равнозначно также доказательству потустороннего существования души, ибо классический спиритический дух, выходящий на контакт (Спиридон, например), есть, по варианту №1, бесплотный мыслящий субъект, принципиально идентичный человеку, а точнее, человеческой душе, за вычетом физического тела.

Ракурс VI
СВОЙСТВА СПИРИТИЧЕСКИХ ДУХОВ

Свойство №1: опосредованность проявления

Хорошо известно и с очевидностью явствует де-факто, что спиритические духи проявляются опосредованным образом через душу медиума как через духовный проводник, через который осуществляются спиритические явления от лица спиритических духов.

Зато неизвестно и неочевидно, могут ли те же самые спиритические духи, что проявляются опосредованно через душу медиума, проявляться непосредственным образом и проделывать без проводника классические спиритические явления, такие как: спиритические стуки, спиритическое общение на разных народных языках, перемещение предметов без прикосновения, аппорт, материализация спиритической руки и целиком спиритического существа типа Кэти Кинг, Иоланды и бородача, сфотографированного Аксаковым.

Проявление спиритических духов состоит в том, что они как-либо заявляют о себе через медиума и дают недвусмысленно понять, будто бы это они, спиритические духи, собственным произволением, хотя не непосредственно, а опосредованно через медиума, производят спиритические явления и выступают в роли так называемых «контролей» (внешних управляющих), овладевая духом медиума за порогом сознания и управляя духом медиума как сомнамбулой, подобно тому как гипнотизер управляет гипнотической сомнамбулой.

Свойство №1 спиритических духов, определяемое как опосредованность проявления, может служить достаточным логическим основанием для предположения, сделанного в свое время антиспиритами наукообразного крыла в категорической форме утверждения, что спиритические духи не существуют вне души медиума и существуют только в душе медиума как бессознательно порождаемые душой в самой себе мысленные образы, принципиально сходные с персонажами сновидений или с галлюцинациями.

Такая гипотеза вполне логична, но требует подтверждений, как и всякая гипотеза.

Антиспириты наукообразного крыла просто зачислили спиритических духов в разряд продуктов шизофренического бреда. Это еще куда ни шло, памятуя, что так же поступили с богом предводители ученого сообщества. Но вместе с тем, антиспириты наукообразного крыла должны были последовательно умозаключать и умозаключали, будто бы все спиритические явления производит сама душа медиума без всякого при этом стороннего (потустороннего) управления сомнамбулой медиума за порогом сознания. Но:

Внешнее управление медиумической сомнамбулой – это принципиально такой же факт, как и внешнее управление гипнотической сомнамбулой, с той разницей, что внешний управляющий в гипнотизме очевиден (гипнотизер), а в спиритизме неочевиден и маскируется.

В классическом спиритическом спектакле, происходящем на спиритическом сеансе, роль гипнотизера, управляющего со стороны сомнамбулой медиума, исполняют будто бы спиритические духи, как заявляется от их лица через медиума либо ими самими (вариант №1: субъектный), либо (вариант №2: имитационный) спиритическим субъектом Икс как автором спиритического спектакля, создающим спиритических персонажей как имитируемых субъектов, играющих роль потусторонних разумных существ, подобно тому как литераторы создают литературных персонажей, зеркально копируя (имитируя) в их лице живых людей.

Свойство №2: видимость разумности

Спиритические духи правдоподобно исполняют в спиритическом спектакле роль разумных существ, передающих через медиума разумные сообщения на человеческом языке.

Уже единственно тем фактом или эффектом, что спиритические духи понимают человеческий язык, правдоподобно создается видимость их разумности безотносительно к содержанию их сообщений, пускай там полный бред, ибо: человеческий язык есть логический инструмент мышления и передачи мысли от ума к уму (см. §19 «Язык»

книги «Бог»).

Невысокий интеллектуальный уровень и бессмыслица спиритического спектакля говорят не об отсутствии разума в производящей причине спектакля, а об особенностях мышления, составляющего духовное естество этой причины, осуществляясь от лица спиритических духов (вот одна особенность) в виде мистификаторского спектакля (вот другая особенность), который, с одной стороны, лишен смысла (см. ракурс II ТЗ), а с другой стороны, имеет смысл и еще какой, побольше всякого человеческого театра (см. ракурс I ТЗ).

Спиритические духи, по обоим вариантам (субъектному и имитационному) ответа на вопрос, что они суть, разыгрывают спектакль как мыслительное действие, либо производимое ими самими (по варианту №1, субъектному), либо (по варианту №2, имитационному) оно производится субъектом Икс, находящимся вне души медиума в потусторонней позиции, но действующим в душе и через душу медиума под маской спиритических духов.

Если не доказана субъектность спиритических духов как самостоятельных живых сущностей или существ, то не факт и их разумность, а видимость их разумности есть эффект, подобный эффекту разумности говорящего робота.

То же касается субъекта Икс, прячущегося (по варианту №2) под маской спиритических духов: субъект Икс вовсе не обязательно разумен, выглядя разумным.

Ибо: разумно не всякое сущее, действующее так, как если бы оно было разумно.

Наглядный пример в неживой природе — компьютер: искусственный интеллект.

Наглядный пример в живой природе — бобёр, строящий плотину, словно мастер-инженер, и любое животное, ведущее себя с разумной целесообразностью, то есть по видимости разумно, как будто оно есть обладатель разума: мыслящий субъект.

Но мыслящий субъект, повторим который раз, самотождествен в сознании и наличествует де-факто тогда, когда наличествует де-факто и доказуемо тождество субъекта и сознания (см. теорему тождества субъекта и сознания: тео-теорему 9 в §3 «Тео-теоремы»).

Свойство №3: спиритическая телепатия

Телепатический эффект чтения спиритическими духами мыслей медиума — это, как уже сказано (см. схолию 6), ненастоящая телепатия и вообще не телепатия, а спиритическое явление, похожее на телепатию и по признаку сходства называемое здесь спиритической телепатией, причисляясь к свойствам спиритических духов как телепатический эффект.

Но: эффект чтения мыслей есть здесь факт чтения мыслей, состоящий, например, в том, что спиритический дух, назвавшийся Спиридоном, считывает в душе одного из двух аксаковских медиумов (см. диалог XVIII «Спиридониады») стихотворение, сочиненное этим медиумом накануне и считываемое теперь в душе его не им самим, а потусторонним спиритическим субъектом, объявившимся под именем Спиридона и имеющим доступ к памяти медиума через некий душевный вход за порогом сознания.

Для сравнения: такого доступа не получает гипнотизер, осуществляя внешнее управление сомнамбулой тоже через некий душевный вход за порогом сознания.

Такое впечатление, что для спиритических духов (или прячущегося под их маской субъекта Икс) человеческая душа подобна открытой книге или открытой папке с файлами, хранящимися в памяти компьютера, как будто спиритический субъект (к примеру, Спиридон), считывающий информацию в человеческой душе, находится внутри души или в таком положении, с какого мысленно видно то, что происходит и содержится в душе.

Это недоступное для гипнотизера положение спиритического субъекта по отношению к человеческой душе есть потусторонняя позиция (см. ракурс V ТЗ).

Свойство №4: спиритическая информированность

Спиритические духи (или прячущийся под их маской субъект Икс) демонстрируют нечеловеческую информированность, но похоже на то, что спиритическая информированность обеспечена потусторонним доступом не к каким-то нечеловеческим, а к человеческим источникам информации и соответственно ограничена во времени и в тематике.

Эта ограниченность хорошо заметна на примере Спиридона, чья блестящая эрудиция не затрагивает будущего и затрагивает культурные ценности, накопленные историческим человечеством и относящиеся к человеческой земной цивилизации, а не к внеземной какой-нибудь (см. ТЗ к «Спиридониаде», суждение 7 «Ограниченность Спиридона»).

Впечатляющая информированность назвавшегося Спиридоном спиритического

духа похожа на блестящую образованность человека и не выходит за пределы человеческих познаний 19 века, но выходит за пределы феномена спиритической телепатии, не сводясь к информации, считываемой Спиридоном в головах аксаковских медиумов и самого Аксакова, как это доказал Аксаков в приложении к диалогу III «Спиридониады».

Василий Щапов неплохо запротоколировал эпизоды, показывающие, как безошибочно и точно спиритический дух, назвавшийся чёртом, оперирует информацией о происходящем на фронтах франко-прусской войны, что тоже не является спиритической телепатией: «чёрт» почерпнул точные сведения не в памяти медиума, а из каких-то других источников информации; а вот исторический прогноз «чёрта» ошибочен.

Свойство №4 (спиритическая информированность) и свойство №3 (спиритическая телепатия), выказываемые спиритическими духами (или прячущимся под их маской субъектом Икс), имеют сходную природу как потусторонний доступ к человеческой информации, как-либо хранимой и циркулирующей в человеческом обществе и в человеческих умах, с той разницей, что в одном случае (свойство №3) информация считывается в душе медиума, а в другом случае (свойство №4) — в каких-то других хранилищах информации.

Свойство №5: человекозависимость

Свойства №№3-4, показывающие привязку спиритических духов к человеческим источникам информации, и свойство №1, состоящее в опосредованности проявления спиритических духов через человеческую душу, говорят о человекозависимости спиритических духов как о более общем их свойстве, которое выражается в целом ряде различных свойств, если не во всех.

Человекозависимость спиритических духов выражается, кроме прочего, в том, что спиритические духи копируют людей, представляясь духами умерших людей. Им не свойственно представляться инопланетянами и какими-либо неведомыми нам, людям, существами. Им свойственно являться в человеческом образе, нематериализованном (чаще) или материализованном (гораздо реже), и во всем копировать человека.

По варианту №1 (субъектному), человекозависимость спиритических духов объясняется их человеческой природой, проявляемой спиритическим способом через человеческий проводник: через душу медиума.

По варианту №2 (имитационному), человекозависимость спиритических духов означает, что их производящая причина, обозначаемая как субъект Икс, предусмотрена создателем человека в духовном естестве человечества, но находится вне души каждого отдельного человека в потусторонней позиции и производит спиритические явления через душу человека путем внешнего (потустороннего) управления духом души (сомнамбулой) через некий душевный вход за порогом сознания.

Свойство №5 спиритических духов, определяемое как человекозависимость, довольно убедительно свидетельствует о том, что природа спиритических духов есть человеческая природа, а это все равно что сказать, что спиритические духи существуют в рамках духовной организации мира людей.

Свойство №6: спиритическая завиральность

Достоин как минимум упоминания в списке свойств и ждет отдельного логического анализа феномен спиритического вранья, нераздельный с феноменом спиритического вздора и состоящий в том, что в содержании спиритических сообщений, поступающих через медиумов от лица спиритических духов, вперемешку с удивительно точной информацией попадается ложная информация с частотой, характерной для закономерности.

Даже в неординарном случае высокоинтеллектуальной «Спиридониады» в первом же спиритическом диалоге, когда объявился Спиридон, проскочило классическое спиритическое вранье в виде ложного сообщения о пожаре, будто бы случившемся поблизости от дома Аксакова. «Наверное вранье», — тут же отреагировал Аксаков ничтоже сумняшеся, настолько он привык к спиритическому вранью. И вскоре убедился: никакого пожара не было: вранье.

В последующих диалогах Аксаков не преминул спросить Спиридона, зачем тот начал с откровенного и нелепого вранья, легко проверяемого и потому выглядящего совершенно бессмысленно и столь же ребячески, как шалопайство полтергейста, меж тем как в дальнейшем и в целом Спиридон не выглядит типичным спиритическим врунишкой и шалопаем. Последовал образцово уклончивый ответ, нисколько не объяснивший мотивацию ложного сообщения, не характерного конкретно для Спиридона, но характерного вообще для спиритического спектакля и его разнообразной бессмыс-

лицы.

Бессмыслица спиритического вранья живо напоминает бессмыслицу человеческого вранья как распространенного порока, гипертрофированного у аморальных личностей и патологических лгунов, завирающихся болезненным образом и без смысла, с изощренностью персонажей Достоевского и с невинностью барона Мюнхгаузена, который никогда не врал.

Не вдаваясь в тонкий психологизм моральной и морально нейтральной поляризации человеческого мышления в логических рамках дуализма правды и неправды, где правда не всегда требует быть высказанной и даже помысленной, а неправда разнится в диапазоне от невинной фантазии ребенка до злейшей политической лжи, порождающей зло планетарного масштаба, заметим лишь, что завиральность спиритических духов, выражающаяся во всяческих ложных сообщениях, во-первых, сродни обыденному человеческому вздору, безотчетно слетающему с языка полусознательным образом, а во-вторых, она не аморальна, не цинична, не носит злодейского характера и не может расцениваться ни как злодейство, ни как мелкое пакостничество, а потому может расцениваться как непорочное свойство, а точнее выражаясь: морально нейтральное (см. свойство №7).

Свойство №7: моральная нейтральность

Можно считать правилом, что спиритические явления носят морально нейтральный характер и не творятся своей производящей причиной ни как добро, ни как зло, а спиритические духи не выступают ни в качестве благодетелей, ни в качестве злодеев, а если где-то можно усмотреть исключения из этого правила, например, в виде зловредности и паразитарности полтергейста, то эти исключения носят умеренный характер, о чем подробней сказано в схолии 4.

Свойство №8: управляющая способность

Все свойства спиритических духов или прячущегося под их маской субъекта Икс обусловлены мистически-загадочной силой, производящей мистически-загадочные так называемые спиритические явления, которые суть аномальные явления природы, выглядящие сверхъестественными чудесами.

Производящая спиритические явления сила должна по своему отношению к спиритизму и по своей духовной природе соответственно называться ***спиритической силой духа*** в общей классификации так называемых сил природы.

Спиритическая сила духа действует в мировой природе аномальным с виду образом, в соответствии со своими законами природы, или, другими словами, по своей природной программе, или по своему алгоритму, обособленному в составе программы творения, по которой закономерно организован и творится мир, живой и неживой.

Мистический и страшный характер действия спиритической силы духа оправдывает народное прозвище ее в таких случаях, как полтергейст: нечистая сила.

Запрограммированный (закономерный) и автоматический характер действия спиритической силы духа не исключает наличие в мировой природе управляющего субъекта, существующего некоторым автономным образом и, по крайней мере, имеющего, образно говоря, доступ к кнопке «старт», то есть способного проделать запуск спиритической программы, а таковой управленческий минимум демонстрирует медиум, когда он по своей воле устраивает спиритический сеанс и сам себя вводит в транс и сознательно настраивается к впадению в трансовое состояние духовного проводника спиритических явлений.

На спиритическом сеансе объявляются спиритические духи, в чьем числе есть такие, которые называют себя контролирующими духами («контролями») и приписывают себе управляющую способность, будто бы это они управляют духом медиума и спиритическим спектаклем, воздействуя на дух медиума из потусторонней позиции, как если бы они были разумными существами и сами обладали силой духа как силой воли и силой разума.

Сила разума заключена в мышлении и движет управляемыми вещами и процессами посредством мысли как сила мысли, присущая мысли, например, по принципу свободы воли как принципу командного мышления, осуществляемого разумом и обладателем разума посредством волевых команд в порядке волевого управления духом и телом.

Принцип волевого управления никого из нас, людей, не удивляет в своем обыденном действии, таком как осуществление телодвижений движением мысли, и фантастически дивен в своих выходящих из ряда вон аномалиях, какие вам убедительно продемонстрирует любой эстрадный гипнотизер или профессиональный йог, которые творят чудеса управления духом и телом как необыкновенные явления природы.

Принцип волевого управления работает в сознании и не работает вне сознания, поэтому логически вполне очевидно, что управление спиритическим спектаклем осуществляется в душе медиума за порогом сознания не медиумом, а либо неким находящимся в потусторонней позиции управляющим субъектом, либо неким безличным (программным) образом из той же позиции.

Знаменитейший в истории спиритизма «контроль», то есть контролирующий дух, выступающий в роли потустороннего управляющего субъекта, — это Кэти Кинг.

По варианту №1 (субъектному), Кэти Кинг — это бесплотное разумное существо, которое воздействует из потусторонней позиции на медиума Флоренс Кук так, что дух Флоренс экстериоризируется (выходит вовне) из физического тела Флоренс и воплощается в другом теле, возникающем из эктоплазматического облака, меж тем как тело Флоренс находится рядом (Крукс сделал знаменитое фото такой сцены), а сама Флоренс как самосознательный субъект пребывает в трансовой отключке и вообще отсутствует на сцене сеанса и в реальности, где вместо Флоренс откуда-то является другой субъект, называющий себя Кэти Кинг.

Вы можете считать явление Кэти чем угодно по каким угодно вариантам, но для начала надо взять в рассмотрение два теоретических варианта, а перво-наперво — взять в ум сам факт материализации Кэти, удостоверенный Круксом, Аксаковым, Гаррисоном и многими другими добропорядочными и умными свидетелями, а главное — фотоснимками Кэти, кои вы, читающий (-ая) эти строки, можете посмотреть на домашнем компьютере по запросу в сети, и даже не сомневайтесь: фотоснимки подлинны, что давно доказано, так что было бы неприлично и заикаться о возможных тут подделках, если б на дворе были другие обстоятельства, но на дворе довлеет материалистическая инквизиция, которая, слава богу, не может сжечь ни Кэти Кинг, ни Крукса, ни сделанные Круксом и другими фотоснимки Кэти Кинг, однако с успехом может покрыть их вуалью забвения на века. Но: истина в Лете не тонет. В один прекрасный день Кэти снова станет знаменитой пуще всякой попсы.

Стало быть, по варианту №1 (субъектному), Кэти Кинг действует на Флоренс Кук, во-первых, как гипнотизер (типа Дюрвиля), погружая Флоренс в глубокий транс и заставляя выйти дух Флоренс (сомнамбулу) из физического тела Флоренс.

Во-вторых, Кэти сливается воедино с развоплощенным духом Флоренс и прямо в нем (в духе Флоренс, отделенном от тела Флоренс) заменяет собой Флоренс в качестве самосознательной личности: как другая личность: личность не Флоренс, а личность Кэти.

В-третьих, Кэти воплощается спиритическим способом в физическом теле, отличном от тела Флоренс и возникающем из откуда-то берущейся материи под действием спиритической силы духа, производящей спиритическую материализацию и действующей не самопроизвольно, а под контролем Кэти и по воле Кэти, если Кэти есть субъект (теоретический вариант №1), а не имитация субъекта (теоретический вариант №2).

По варианту №2 (имитационному), Кэти — отдаленный аналог компьютерной Алисы, но не как неживое, а как живое и более совершенное подобие говорящей программы, хотя не чистое бесплотное, а реализованное во плоти, в отличие от Спиридона, который в одном месте сказал Аксакову, что он может доказать себя только путем материализации, но, мол-де, не хочет никак доказывать себя, как будто это ниже его достоинства.

А скорее, в этом человечески-пижонистом нежелании Спиридона выражается типичное для спиритических духов лукавство, которое у человека — порок, а у живого робота — морально нейтральное запрограммированное свойство, подразумеваемое в нашем обобщающем списке свойствами №№6-7: спиритическая завиральность и моральная нейтральность.

Материализация Кэти не меняет программной и безличной сути варианта №2, по которому Кэти Кинг — это, по своей нематериальной (духовной) природе, роботически-виртуальный персонаж, под чьей маской прячется и от чьего имени действует спиритический субъект Икс, как мы условно обозначили, по варианту №2, неизвестную производящую причину спиритических явлений как то, что (уточним условный термин) осуществляет управление спиритическими явлениями и управление их производством.

NB: спиритическую материализацию Кэти Кинг непосредственно производит не Кэти и не субъект Икс от имени Кэти, а загадочная спиритическая сила духа, действие которой вершится как материализация Кэти, но эта сила приводится в действие не самопроизвольно, а неким сигнальным фактором, и действует по своей природной программе, возможно, под некоторым управлением и контролем либо самой Кэти (по варианту №1, субъектному), либо условного субъекта Икс, прячущегося под маской Кэти (по варианту №2, имитационному).

Управляющая способность Кэти как субъекта (вариант №1) аналогична нашей человеческой способности управлять самим собой и всем тем, что подвластно нашей воле.

Управляющая способность может быть присуща спиритическим духам только в качестве мыслящих субъектов, чья способность к мышлению есть способность к волевому управлению, функционирующая как разум в сознании, но не вне сознания и не так, как функционирует искусственный интеллект программным образом.

Ракурс VII
ПРОГРАММНАЯ СУЩНОСТЬ СУБЪЕКТА ИКС

Ввиду программной сущности спиритического субъекта Икс, возникает, кроме прочих, вопрос о его сходстве и различии с программщиной инстинктивного типа, управляющей живым телом как биороботом, если взять в толк, что инстинктивное управление каждым отдельным организмом осуществляется не только автономным внутренним образом в нем самом, но и сторонним внешним образом из потусторонней позиции как инстинктивное управление множеством организмов разом и одновременно.

Образцово-показательный тому пример, недаром восхищающий натуралистов и не зря ассоциирующийся с человеческим обществом, — потустороннее управление муравейником, где каждый муравей как будто знает, куда и зачем он бежит, получше человека в толпе людской.

Логически доказуемо и интуитивно понятно, что муравейником вряд ли управляет непосредственно сам бог собственной персоной, хотя все во вселенной априори подвластно богу как творение бога.

В качестве творца бог подобен программисту, а точнее — наоборот: программист подобен богу в качестве автора отлично работающей и во благо, но не во зло, заточенной компьютерной программы, а та работает подобно законам природы, по которым вершится мировой процесс творения, словно по заданной программе, откуда (по логической аналогии) напрашивается философский термин: программа творения.

Компьютерная аналогия неприменима к сознанию как таковому и к мыслящему субъекту, ибо не субъект подобен компьютеру, а наоборот, компьютер подобен субъекту как инструмент мышления субъекта, способный заменять субъекта программным образом в ряде случаев. Вот к случаям этого ряда и применима компьютерная аналогия, а ряд длинный и уходит в абсолют, поскольку как творец бог — программист творения.

Компьютерная аналогия вносит логическую ясность в давний, возникший задолго до изобретения компьютера философский вопрос об автоматическом (запрограммированном) характере творения, производящем на наблюдателя такое впечатление, как будто мировой процесс творения, имеющий вид наблюдаемой вселенной, пребывающей в состоянии перманентного видоизменения (читай: перманентно творящейся: создаваемой: строящейся: конструируемой: организуемой), — вершится сам собой, так что легко подумать, не подумав, как спроста думают материалисты и атеисты, что для сотворения мира творец не нужен, но: самосотворение сотворенного сущего запрещено логикой как абсурд и невозможно в реальности как нереальный абсурд (см. опр. 4.3 «Сотворенное сущее» в книге «Бог»).

Если есть творение, то есть и творец, и это не само творение.

Если есть программа, то есть и программист, и это не сама программа.

Это, собственно, аксиоматические истины, но их можно логически и фактологически доказать, при необходимости, применительно к чему угодно в реальности, в том числе применительно к богу как творцу и программисту.

Запрограммированный характер творения свидетельствует о творце как о программисте, а вместе с тем говорит о том, что бог-творец вовсе не должен управлять каждым муравейником в сотворенном им мире непосредственным образом, по типу ручного управления машиной.

По той же логике применительно к фактологии спиритизма следует заключить, что спиритическим спектаклем управляет не бог, а некая программа, предусмотренная программистом (богом) в духовной природе человечества и приводимая в действие на спиритическом сеансе, или на месте полтергейста, или на месте явления ПП (прижизненного призрака) и где бы то ни было по двум теоретически возможным вариантам: либо по произволению какого-то мыслящего субъекта (кроме бога), либо в результате срабатывания какого-то безличного сигнального фактора.

Если, кроме медиума, никакой другой субъект не требуется для приведения природной программы спиритического спектакля в действие, то спиритические духи соз-

даются этой программой в душе медиума за порогом сознания как фантомные персонажи, а сама эта программа и есть спиритический субъект Икс, прячущийся под маской спиритических духов и управляющий спиритическим спектаклем через дух медиума из потусторонней позиции безличным образом, не имея собственного лица, то есть не являясь мыслящим субъектом.

Итак, гипотетический спиритический субъект Икс неразумен, безличен и вообще не субъект, а одно название: теоретический термин: обозначение некоего программного нечто, закулисно управляющего спиритическим спектаклем от лица и под маской спиритических духов, создаваемых в душе медиума за порогом сознания как виртуальные сценические персонажи, подобные литературным и киноэкранным героям, лишенным подлинной реальности и существующим в воображаемой человеком иллюзорной реальности, сколь угодно правдоподобной в любых смысловых измерениях своего правдоподобия.

Для сравнения: нет ничего правдоподобней, чем самое обыкновенное сновидение, пока не проснешься и пока пребываешь в сновидческой реальности в качестве сновидца.

И заметьте: степень правдоподобия сновидения не зависит для сновидца от логичности и алогичности сновидения, будь оно хоть бред мышления, хоть шедевр мышления.

Ракурс VIII

ДВОИЧНОСТЬ ДУШЕВНОГО ВХОДА ИЗ ПОТУСТОРОННЕЙ ПОЗИЦИИ

Сфера бессознательного, откуда выныривают спиритические духи в душе медиума, реальна как сфера мышления, скрытая в душе за порогом сознания и включающая в себя, во-первых, само мышление, бессознательно осуществляющееся в душе как несознаваемая душой работа человеческого разума, а во-вторых, плоды мышления, создаваемые разумом за порогом сознания и появляющиеся в сознании души, словно выходя на свет из бессознательной тьмы, когда они, плоды мышления, осознаются душой и мыслятся сознательно.

Точнее говоря, мыслимое душой сознательно (сознаваемое) мыслится одновременно по обе стороны порога сознания: бессознательно, с одной стороны, и сознательно, с другой.

Поляризация мышления души как одновременно сознательного и бессознательного действительна во время пребывания души в сознании и вообще возможна в силу двуипостасности души как духа и сознания (см. §9 «Ипостаси души» книги «Бог») и в силу того, что порог сознания троичен (см. §11 «Порог сознания» книги «Бог»).

Поскольку душа человека есть отдельный мыслящий субъект со своим «я» и своим духовным телом, постольку мышление души замкнуто в ней по обе стороны порога сознания просто как то, что происходит и наличествует в самой душе и внутри души, а не вне души.

Но, судя по всему, в конструкции души предусмотрен конструктором некий внутренний вход, связывающий душу с внедушевной духовной реальностью, которая находится в потусторонней позиции по отношению к душе и диалектически поляризована (двоична) как абсолютная и мировая потусторонняя реальность (см. ракурс V ТЗ), соответственно первичному в диалектике духа дуализму абсолютного и мирового духа (см. §3 «Тео-теоремы»).

Можно априори ожидать и апостериори доказать, что в разумном естестве души имеется канал связи с абсолютом, откуда в душу нисходят, например, подлинные творческие идеи как заархивированная абсолютная истина, особенно эффектно открывающая человеку свой светозарный лик в качестве фундаментальных открытий, двигающих вперед цивилизацию и осеняющих ум человека как познанная истина (открытая) и как умосозерцаемое отражение в творении (в мире) абсолютной идеи творения как претворенной истины, то есть как осуществленной идеи: реализованного проекта, плана, замысла.

Не преминем заметить к слову, что естественная, то есть заложенная в разумной природе души, связь нашей мыслящей души с абсолютом (с богом) доказуема, кроме прочих способов, моральным образом, ибо то, что называется голосом совести и что мысленно слышит или может услышать, при желании, каждый человек умом своим в душе своей, свидетельствует о душевном доступе нашего мыслящего «я» к абсолютной истине, безошибочно и моментально доводимой до сознания голосом совести, все равно что голосом бога, в специфическом качестве моральной истины, в свете которой и зная которую человек вообще способен решать моральные проблемы бытия и основную жизненную проблему каждого отдельного человека и всего человечества — проблему добра и зла.

Фактология большого творчества и морального познания в сочетании с фактологией спиритизма дают веские фактологические основания для умозаключения, что внутренний душевный вход из потусторонней позиции двоичен как вход, во-первых, из потусторонней абсолютной реальности, а во-вторых, из потусторонней мировой реальности, из которой являются спиритические духи, чем бы они ни были, и которая издревле называется духовным миром, но называться чем-либо — еще не значит быть этим чем-либо.

Ракурс IX

ФАКТ ДУХА КАК МОГИЛЬЩИК МАТЕРИАЛИЗМА И АТЕИЗМА

Религиозно-философский вопрос о духовном мире составляет логическое единство с религиозно-философским вопросом о бессмертии души, имеющим первостатейную значимость для обладателя души, сущего во плоти в скоротечном жизненном цикле, предустановленном во времени от сих до сих: от рождения до смерти.

Если духовного мира нет, то потустороннюю мировую реальность остается мыслить как бесформенный мировой дух и как пустотный дух, но взятый вне тождества с мировым пространством как непространственный пустотный дух, который не может содержать в себе реальных пространственных объектов вроде духовных тел живых существ и вызывает ассоциацию с виртуальными «облаками» — компьютерными хранилищами закодированной информации и информационных структур, в том числе программных.

Если духовного мира нет, то у души, отлетающей от мертвого тела, есть только два варианта, какие можно без фантазёрства признать теоретически (гипотетически) возможными: либо исчезновение путем слияния со своим живым источником, чем бы тот ни был, либо перевоплощение (реинкарнация).

Если духовный мир существует, то к этим двум добавляется третий вариант, состоящий в теоретической возможности бесплотного существования души в ином мире: духовном: населенном бесплотными существами.

Заметим мимоходом, что доказательство бессмертия души принципиально возможно, во-первых, как фактологическое доказательство, базирующееся на фактах, подвергаемых логическому анализу, а во-вторых, как чистое логическое доказательство, в том числе, например, как моральное доказательство, проделываемое в логических рамках теодицеи (см. логическую конструкциию определения 23.3 «Блокада зла» в разделе 4 «Теодициея» книги «Бог»)

Но: чистое логическое доказательство бессмертия души, сколь угодно безукоризненное, страдает, с позволения сказать, ***реалистической недостаточностью*** как доказательство того, во что трудно поверить без личной проверки в реальности.

Для сравнения: вы, читающий (-ая) эти строки, либо не верите, либо верите с трудом в Кэти Кинг, даже если вы совершенно согласны с логическим анализом в фактологических предуведомлениях №№1-4 и вполне доверяете свидетельствам Аксакова и Крукса, — ведь сами-то вы лично не были вместе с Аксаковым и Круксом на сеансах материализации Кэти Кинг, а спиритическая материализация относится к ряду вещей и событий, в какие трудно или вообще нельзя поверить, не присутствуя лично на месте событий.

Если угодно, вы можете считать праздным умствованием философские попытки доказать бессмертие души и удовольствоваться аргументом в манере скептической каламбуристики, мол-де, узнаем, когда умрем, бессмертна ли душа — зачем ломать голову при жизни? В жизни и без того есть много того, над чем задуматься.

Но: если бессмертие души сводится к единственному варианту реинкарнации, то, перевоплотившись, вы окажетесь в ситуации точно такого же неведения, что и сейчас, при всех прочих равных условиях.

А вот вариант посмертного существования души в духовном мире — принципиально иной, недаром предпочтенный древними отцами церкви и возведенный в символ веры и в догмат в доктринальных скрижалях христианства.

По смыслу термина, духовный мир не пуст, а населен бесплотными духовными существами, но это надо доказать, а доказать это непросто — проще фантазировать на тему того, что приснилось, привиделось, осенило, снизошло.

С некоторых пор, уже довольно давних, называемых историками эпохой Просвещения, мистическое фантазирование и мифотворчество в любом формате, в том числе в естественно-историческом и цивилизационно-фундаментальном формате великих религий, работает на атеизм и материализм, по той простой причине, что обладатель разума, как и сам разум, есть природный логик (см. §18 «Логика» книги «Бог») и может верить в собственные и загруженные в ум извне фантазии, мифы и легенды только вопреки логике, в силу каких-либо жизненных обстоятельств, понижающих или об-

нуляющих своей смысловой силой смысловую силу логики в мыслящей душе, подавляя логическую природу разума или функционально оптимизируя ее, по принципу благих иллюзий, как в случае религиозной мифологии, а стоит только устранить обстоятельства, ограничивающие логичность мышления, — и возникает, по множеству вариантов, соответственных вариантности ограничителей, эффект прозрения в душе, как будто обладатель души и разума (человек) вдруг увидел очевидное, буквально как если бы это был прозревший слепец, которому глаза заменяло воображение, или очнувшийся сновидец, принимавший за реальность сказку сновидения, созданную тоже в воображении.

Современный типичный и обыденный атеизм есть отрицание бога как плода человеческой фантазии и сказочного персонажа церковной мифологии.

По сути дела, атеист отрицает не бога, а известное лично ему, атеисту, сказочно-фантазийное представление о боге, но поскольку истинное представление о боге отсутствует и встречает блокировку в нерелигиозном сознании, то там же отрицается и сам бог вместе со всем тем, что атеист услышал где-либо о боге и воспринял не более чем в качестве сказки, не беря в толк поговорки, гласящей: сказка — ложь, да в ней намек: намек на правду, которую требуется постичь в ложной форме сказки и отделить от самой сказки как потаенный смысл от иносказательной формы выражения.

Бог логически отрицается в умах в смысловом образе сказки, в которую не верят, и логически утверждается в умах в смысловом образе истины, в которую верят как в то, что знают на бессознательном уровне мышления и пытаются с тем или иным успехом осмыслить, понять, интерпретировать на сознательном уровне мышления в порядке богоискания и богопознания (см. опр. 20.2 «Вера» в книге «Бог»).

Отрицание бога проделывается умом как логическая ошибка, причем грубейшая, допускаемая обладателем разума (человеком) как большое заблуждение, а если он большой интеллектуал — то как непозволительно вольное (читай: запретное и порочное) пользование разумом с вытекающим впадением обладателя разума в логическую слепоту порочного типа, представляющую собой моральный недуг: порок.

По счастью, порочно не всякое умственное ослепление, случающееся с каждым из нас во множестве событийных вариаций бытия с последствиями в виде соразмерных бед и зол и просто неприятностей жизни, если отделить и вынести за скобки такое же большое множество случаев благотворной работы принципа благих иллюзий (см. программный урок 57 «Благие иллюзии» учебника «Школьная этика: НЗ», часть II: ЭСК, глава 4 НЗ «Счастье», статья 19 «Переживания»).

Если угодно, считайте атеизм любого типа ангельски непорочным, как непорочны заблуждения маленького ребенка, привитые дрянным воспитанием, но по-любому атеизм — большое заблуждение, находящееся в антагонизме с логикой.

И следовательно: после отрицания бога долженствует с неотвратимостью закономерности, в силу логической природы разума, назревать и происходить отрицание отрицания, требуемое от обладателя разума логикой как исправление логической ошибки.

И совершенно естественно: не фантазия отнюдь, включая боговдохновенную фантазию (гениальную), но только истина, а точнее, философская истина, логически правильно и точно сформулированная философской мыслью в виде истинной философской системы с системным основанием в виде фундаментальной теологии как философской науки о боге, способна остановить триумфальное планетарное шествие атеизма с материализмом и положить конец их пошлому царствию в умах, а заодно обеспечить интеллектуальную эволюцию великих религий в направлении их эволюционной вершины, которая вовсе не позади, а впереди, если только они удержатся от деградации по американскому образцу.

За вычетом бога картина реальности заведомо кривозеркальна и априори ложна на корню, и чем грандиозней выглядит атеистическо-материалистическое панно реальности, и чем искусней оно рисуется учителями человечества и властителями дум, тем больше размеры и пустота этого мыльного пузыря и тем громче он лопнет в срок.

А протыкающий инструмент загодя припасен на всякий мыльный пузырь и вариантен — вот он, к примеру: факт Кэти Кинг, удостоверенный Круксом и подкрепленный фотоснимками.

Из фактологических предуведомлений №№1-4 явствует, что спиритический спектакль не доказывает ни духовного мира, ни бессмертия души, но довольно того, что он доказывает дух.

В духовной фактологии спиритизма дух настолько очевиден, достоверен, реалистичен и доступен реалистическому восприятию очевидцами, что при должном осмыслении и признании одного-единственного факта Кэти Кинг или факта щаповского полтергейста рассыпается во прах неприступная для интеллектуальных осад и подкопов цитадель материалистической псевдонауки и безбожной псевдофилософии, воз-

никшая в Европе прямо-таки как неоязыческое капище атеистическо-материалистических идолов и фетишей, святимых пуще бога тупо-догматически с фанатизмом паче всяких религиозных эксцессов прошлого.

Стоит только официально признать факт Кэти Кинг или факт классического полтергейста посредством и на основе научной экспертизы первоисточников, проделанной под эгидой Академии наук, а результаты экспертизы довести до всеобщего сведения через систему образования и образовательного просвещения, — и посыплется циклопическая система материализма и атеизма, как карточный домик из битых тузов.

Ракурс X. НАСТОЯЩИЙ ДЬЯВОЛ

Если оценить чисто эстетически спиритический спектакль, поставленный на хуторе Щапова, и красоту игры спиритического актера, назвавшегося чёртом, то, невзирая на абсурдизм спектакля, впрочем, тоже впечатляющий, надо сказать, что спиритический чёрт — это потрясающая мистификаторская пародия, которая скорее спрограммирована спиритическим субъектом Икс (по варианту №2, имитационному), нежели разыграна каким-то бесплотным приколистом (по варианту №1, субъектному).

Вообще говоря, дьявол, он же сатана, он же Люцифер, он же змей-искуситель, он же враг рода человеческого, он же князь мира сего, он же чёрт, он же просто лукавый и так далее — это самый сказочный в ряду сказочных персонажей, но это не значит, что за этим отрицательным супергероем народной и религиозной мифологии не припрятано никакой реальности, в строку поговорки: сказка — ложь, да в ней намек.

Масштаб идеи дьявола таков, что можно априори ожидать, что если есть сказочный дьявол, то есть и настоящий.

Для сравнения: масштаб идеи бога таков, что можно априори ожидать, что если есть сказочный бог, то есть и настоящий.

Слово дьявол, как и всякое слово, — языковой символ: символьный знак: обозначение.

Основной смысл слова дьявол и всех синонимов его совпадает со смыслом слова зло, а за вычетом злого смысла в слове дьявол остается один фантастический (далекий от реальности) смысл, варьирующийся по смысловым окраскам, что хорошо заметно в литературных образах дьявола, разнящихся как вымыслы, несущие смысловую нагрузку по сюжету.

Литературный дьявол, например, Мефистофель, Воланд и даже галлюцинаторный и вполне реалистичный как галлюцинация чёрт Ивана Карамазова, не может в принципе приниматься на веру читателем, находящимся в своем уме, ибо логика не дает уму верить в откровенную фантазию, сказку, выдумку, сколь угодно глубокомысленную.

А вот спиритический чёрт с хутора Щапова недостоверен несколько иначе, а именно как то, что не назовешь злом и источником зла (см. схолию 8).

Морально нейтральный или добрый чёрт — это не чёрт, а пародия на чёрта и маскарадная мистификация.

Суть мифологически-символического дуализма бога и дьявола, отмежеванная от огромного, скатавшегося за века, кома сопутствующей чепухи, начисто моральна как парафраз дуализма добра и зла, где бог есть абсолютное благо как абсолютный источник мирового добра и абсолютный исполнитель нравственного закона как закона добра, по которому творится мировое добро, а дьявол мыслится, по злому смыслу слова, как моральный антипод бога и как некая злая сущность, находящаяся (NB) в мире, а не в абсолюте, и в мире противостоящая богу как творцу мира и как внемирной всеблагой сущности.

Вместе с моральным смыслом возьмем в толк психологизм дуализма бога и дьявола, ибо то, что зовется дьяволом, есть, по смыслу слова, причина зла, которая творит зло руками человека и действует прямо в душе человека, вводя человека в грешные соблазны и делая его дьявольским орудием в душе его и в ней же, в душе человека, противоборствуя богу.

Крылатая присказка гласит: в душе человека борются бог и дьявол. Это, конечно, сильное преувеличение по типу борьбы слона с муравьем, но недаром эта присказка у всех на языке, ибо ее иносказательно-символьный смысл начисто морален и морально логичен, заключаясь в том, что в действительности борется в душе человека, разумеется, не бог с дьяволом, а борется человек с самим собой как, с одной стороны (божеской), обладатель доброй воли, мотивированный к добру, и как, с другой стороны (дьявольской), обладатель злой воли, мотивированный к злу.

Как обладатель доброй воли человек есть моральная личность и исполнитель нравственного закона, диктуемого человеку совестью, все равно что самим богом как абсолютным источником мирового добра.

Злая воля человека, откуда бы она ни бралась в душе, находится в антагонизме с совестью и не может в принципе черпать свою аморальную мотивацию в совести и в абсолюте (читай: в боге), зато, как каждому из нас, людей, известно по себе, злая воля может мотивироваться и действовать, например, под диктовку низменных плотских инстинктов и душевных пороков, наживаемых человеком под ту же диктовку как аморальные свойства души, движущие душой не из потусторонней позиции и не как внедушевные, а как душевные силовые факторы, в отличие от спиритических духов.

Спиритический чёрт на хуторе Щапова действовал на душу и через душу медиума из потусторонней позиции как внедушевная сила, помыкающая сомнамбулой медиума за порогом сознания как безвольным инструментом, работая в обход принципа свободы воли, так что медиум, даже находясь в сознании, не волен противиться полтергейсту.

А вот то, что зовется дьяволом, овладевает и управляет не сомнамбулой, а самосознательным субъектом.

Не зря литераторы на все лады эксплуатируют шаблонный сюжет продажи души дьяволу по условиям сделки, заключаемой человеком в полном сознании в порядке морального выбора между добром и злом, совершаемого по принципу свободы воли.

В кратчайшей формулировке дьявол традиционно определяется как злой дух, но этот злой дух подлежит логической идентификации не вне души человека и не в потусторонней позиции по отношению к душе, а прямо в душе как душевный и посюсторонний, а не внедушевный и не потусторонний, источник зла.

Как душевный источник зла, находящийся в душе, то, что зовется дьяволом, строго говоря, не есть злой дух, а есть (уточним) злое качество человеческого духа как моральное нездоровье духовного естества души, пораженного моральными недугами, то есть пороками.

Человеческие пороки образуют систему, где системное ядро составляют наиболее злотворные пороки, работающие как мощные мотиваторы злой воли и, укоренившись в душе, помыкающие обладателем души как грешная (безнравственная) запрограммированность поведения человека.

В учебнике «Школьная этика: НЗ» классификация злых пороков (см. программный урок 35 ЭСК «Злые пороки») сведена к базовой девятерице из трех триад: (жестокость + трусость + ложь) + (лень + алчность + гедонизм) + (гордыня + гнев + самоуничижение).

Взгляните пристально и не без самокритики на перечисленные злые пороки как на душевный корень мирового зла, творимого людьми на всех ступенях социальной лестницы и больше всего на вершине политической власти, — это все равно что взглянуть в глаза дьяволу, причем настоящему, а не сказочному.

Если вы хотите помыслить дьявола в точном моральном смысле термина, помыслите весь душевный потенциал человеческой греховности и порочности как то, откуда прямым волевым образом проистекает все то зло, которое люди все вместе сотворили за всю свою переполненную злодействами историю и вообще могут сотворить в принципе, дай им всю волю на то, особенно на политической крыше мира, — вот это и есть дьявол, самый что ни на есть настоящий, совершенно реальный, нисколько не фантастический, поистине страшный и недаром в числе своих имен имеющий такое имя: зверь.

Но: демонизация души в манере фрейдистов и иже с ними — это лжефилософия и просто клевета на человека, состоящая в изображении человека как дьявольской твари и в зашторивании этим изображением истинной природы человека как подобия божьего и истинного человеческого лица как моральной личности, которая никакой твари не чета.

Ракурс XI. ИЗЫДИ

Фундаментальная психология должна исходить из той аксиомы, что человеческая душа есть создание бога и ангельски чиста и божественно прекрасна в своей природной моральной конструкции.

Но это такая нежная и хрупкая конструкция, что она сильно подвержена нравственной порче под атаками зловредных воздействий и может прийти в полную негодность уже в детстве, если душа ребенка не находится под правильным защитным зонтиком, описываемым фундаментальной этикой как система блокады зла, двуединая как внутренняя (душевная) и внешняя (социальная), а в составе второй главнейший элемент — система нравственного воспитания подрастающего поколения.

Если в любом отдельно взятом государстве наладить систему нравственного воспитания так, как надо, а не черт-те как и не никак, то за одно поколение эта страна улучшится до неузнаваемости даже в правящих верхах, порочных больше остального народа искони и ответственных за львиную долю мирового зла, да это прямо-таки

легион дьявола и коллективная персонификация дьявола, говоря без преувеличения, как заглянешь в анналы, куда больно смотреть и где ответчики за историческое зло увековечены поименно.

Хотите верьте, хотите нет в указанное в начале предыдущего абзаца «если — то», но остерегитесь высказывать суждение на сей счет, если вы не знаете, что такое фундаментальная этика вообще как таковая и как программная основа требуемой системы нравственного воспитания, а это совсем не то, на парсек не то, что вам с ученейшим видом расскажут в секторе этики Института философии РАН.

Царство дьявола реально как царство порока: Содом, говоря библейским термином.

В наш свободомыслящий век царство порока расцветает по логической формуле:

Царство свободы + икс = царство порока, где икс — это то, за счет чего царство свободы превращается в царство порока.

Неизвестное в этой формуле раскладывается на ряд неизвестных: x + y + z, etc.

Множественные неизвестные варьируются по значимости.

В «Предисловии о том, что есть философия» (см. ракурс VII «Содом») неопределенное слагаемое в левой части уравнения (икс) определено перво-наперво как атеизм на том достаточном основании, что атеизм разрушил многовековую религиозную систему нравственного воспитания и, образно говоря, открыл настежь (до этого прикрытую с щелочкой) крышку дьявольского ящика Пандоры с семенами человеческих пороков.

Западный Содом, возникший в результате безбожного высвобождения порока, мог бы толерантно расцениваться всего лишь как историческое недоразумение типа прыща на теле, если б он не был воинственным и не стремился принять планетарные размеры дьявольски подлыми способами, довольно мягко выражаясь по-русски для военного времени.

По божественно-исторической традиции, на пути воинственных содомитов к мировому господству встала Россия и приняла в сознании своих патриотов вполне логичный, по историческому раскладу, образ святой Руси против образа сатаны с троном на берегах Потомака и в клубном закулисье, кишащем ницшеанскими бестиями и просто извращенцами, выражаясь не очень политкорректно, однако ж тоже мягко, ввиду дьявольской сущности трансатлантического рейха, который с дьявольской изворотливостью пролез в историю под идеологической ширмой марионеточной демократии как дьявольская модернизация и наследник дьявольского Третьего рейха, рассыпанного русским солдатом.

Крестная жертва русского солдата с лицом всех народов многонациональной России, принесенная под красным флагом и приносимая ныне в Новороссии, дьявольски отторгнутой от своего отечества, будет напрасной, если не захлопнуть дьявольский ящик Пандоры в своем отечестве.

Напрасно будет всё, если не пресечь Содом на корню как духовную эпидемию порока и не оградить народ от духовной заразы посредством «духовно-нравственной вакцинации», выражаясь иносказательно, что бывает понятней, когда речь идет о фундаментальнейших вещах.

Против духовных вирусов, источаемых западным Содомом, бесполезны все средства, кроме чистых моральных, вмонтированных в механизм государственной машины как воспитательно-образовательная система защиты духовно-нравственного здоровья народа, работающая в первую очередь по принципу иммунитета.

Духовные вирусы Содома — это самое дьявольское оружие массового поражения, наносящее тяжелые духовно-нравственные увечья народной душе и способное за считанные поколения превратить любой народ в морального урода, в морального инвалида и просто в стадо человекообразного скота.

Против всепроникающих духовных вирусов западного Содома, массово поражающих уже младенцев, бесполезны ракеты, бесполезна армия, бесполезна полиция, бесполезна патриотическая пропаганда, бесполезно высокое искусство, бесполезен «железный занавес», бесполезен идейный инструментарий советского типа, работающий на короткой дистанции (не веками), бесполезны все системно-структурные элементы и рули государственной машины, за одним-единственным и волшебным в потенциале исключением, а именно:

Система образования (школа) — вот тот единственный и потенциально волшебный инструмент, имеющийся в распоряжении государства, посредством которого государство может создать железную, максимально функциональную, с 99-процентным КПД, и долгоиграющую, работающую в текущем моменте на века вперед, систему защиты духовно-нравственного здоровья народа.

Но: против духовных вирусов Содома целебно-полезна только моральная и бесполезна всякая другая реформа системы образования, кроме моральной.

Защита народной души от Содома и от любых духовных эпидемий невозможна в

принципе никакими другими способами, кроме чистой моральной реформы системы образования, не имеющей ничего общего ни с какими другими реформами и более важной, чем все они вместе взятые.

Это должны уже, наконец-то, наконец, понять реформаторы, государственники и все умы, радеющие о благе и будущем своего отчества.

Вместе с пониманием необходимости моральной реформы придет и понимание того, какая под нее нужна теоретическая база, призванная сработать, простите за сказочную аллегорию, как золотой ключик к потайной двери в будущее, а говоря без аллегорий — как ***программный ключ к реформе***.

Вообще говоря и держа в уме моральные уроки истории, образ светлого будущего, чаемого человечеством тысячелетиями, истинен, а не ложен как логическая конструкция с моральным смыслом, раз уж он мыслится как благо, а точнее, как целевое благо, составляющее смысл истории, причем моральный смысл как смысл слова добро.

История лишена смысла за вычетом в ней морального (читай: благого) смысла, вынесенного в светлое будущее как моральная (читай: благая) цель истории.

Всякая моральная цель задана нравственным законом, равно как и моральный смысл слова добро, а заодно и слова зло.

Светлое будущее совершенно логично, хотя крайне общо, мыслится людьми как царство добра и как противоположность исторических вариаций дьявольского царства зла, в том числе как противоположность возможного рукотворного апокалипсиса в двухвариантном финале истории, логически соответственном дуализму добра и зла.

Вход в светлое будущее формульно запрограммирован в нравственном законе как алгоритм решения проблемы добра и зла, которая всегда была главнейшей проблемой человечества и политически доведена ныне до последней черты, ввиду взвинченной по максимуму вероятности рукотворного апокалипсиса, иначе называемого 3-й мировой войной и атомной войной.

Проблема добра и зла есть моральная проблема и решаема только по нравственному закону, положим, не без инструментальной поддержки НТР, но цель истории не есть потребительский рай на базе НТР, а есть царство добра на базе нравственного закона как закона добра и высшего закона творения, по которому в мире творится добро и которому подчинены все законы природы в своей общей божественной работе во благо, но не во зло (см. §22 «Добро» в разделе 4 «Теодицея» книги «Бог»).

Моральная реформа системы образования востребована нравственным законам как безальтернативный элемент мировой блокады зла в текущем историческом моменте и как условие реализации моральной (читай: благой) цели истории.

Теоретическую базу моральной реформы образования призвана составить фундаментальная этика как философская наука о нравственном законе.

Не критиканства праздного ради, а во имя истины святой будь сказано: фундаментальная этика не имеет за парсек ничего общего с той дьявольски изощренной и паразитирующей за казенный счет софистикой, что с ученой миной развешивают лапшой длинней спагетти на ушах профанов дипломированные псевдоспециалисты по этике и технологи массового сознания, обученные и обучающие по оракульским методичкам Запада, воспринимаемым туземной профессурой без смысла и понятия как бред пифии, тупо и раболепно возводимый в символ веры и в догму, так же как прежде псевдонаучным исповеданием был у нас приснопамятный диамат, изначально взятый из той же кузни, клепающей псевдофилософские изделия с дьявольской сноровкой (см. «Предисловие о том, что есть философия»).

Завершающее звено логической цепи соображений в логической конструкции ракурса XI, завершающего ТЗ в тандеме с ракурсом X, укладывается в умозаключение, гласящее:

Программный ключ к моральной реформе системы образования есть учебная программа (плюс методика преподавания) самого фундаментального и самого главного учебного предмета, которого еще нет ни в одной стране, но который уже возможен в принципе и подлежит преподаванию в школе прямо сейчас как наука о нравственном законе и как сам нравственный закон.

Фундаментальная сверхзначимость и принципиально простой алгоритм непростой реализации моральной реформы системы образования предельно кратко разъяснены в статье «Моральный вопрос»:

https://drive.google.com/file/d/1-_N5EVX5FNJPfFh2MKoPmm3SPc61-ida/view

Имеющий уши да услышит.

Продолжение следует